

**XXXII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ И ИСТОРИОГРАФИИ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

РОССИЯ И ВОСТОК. К 300-ЛЕТИЮ СПбГУ

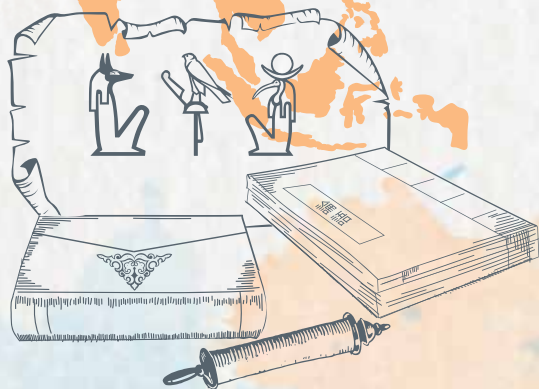
МАТЕРИАЛЫ КОНГРЕССА

PROCEEDINGS

**XXXII INTERNATIONAL CONGRESS ON SOURCE STUDIES
AND HISTORIOGRAPHY OF ASIA AND AFRICA**

RUSSIA AND THE EAST.

**COMMEMORATING 300TH ANNIVERSARY
OF SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXXII Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

**РОССИЯ И ВОСТОК.
К 300-ЛЕТИЮ СПбГУ**

26–28 апреля 2023 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2023

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXXII International Congress
on Source Studies and Historiography
of Asia and Africa

**RUSSIA AND THE EAST.
COMMEMORATING 300th ANNIVERSARY
OF SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

April, 26 to April, 28, 2023

Proceedings

St Petersburg
2023

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

Т67

Т67 XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева Кая, П. И. Рысакова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2023. — 804 с.

XXXII International Congress on Source Studies and Historiography of Asia and Africa: Russia and the East. Commemorating 300th anniversary of Saint-Petersburg State University. April, 26 to April, 28, 2023: Proceedings / Ed. by N. Dyakov, A. Pobedonostseva Kaya, P. Rysakova. — St Petersburg: RСАН Publishing House, 2023. — 804 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)

УДК 930(5+6)

СЕКЦИЯ I • SECTION I
КНИГА В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА
THE BOOK IN ORIENTAL HISTORY AND CULTURE

Аникеева Т. А. (ИБ РАН, Москва)

Коллекция С. Бауатдинова в составе рукописного фонда Каракалпакского Института гуманитарных наук ОАН РУз в Нукусе (Узбекистан)

В 2022 г. в ходе работы в рукописном фонде КИГН КК ОАН РУз было продолжено научное описание собрания рукописей, литографий и старопечатных книг, состоящего преимущественно из новых поступлений и объединяющего различные коллекции, связанные с именами их собирателей. Среди них — коллекция Сали Бауатдинова, поступившая на хранение в рукописный фонд Института несколько лет назад и включающая в себя примерно 150 единиц; описанию, атрибуции и каталогизации эти рукописи прежде не подвергались.

Среди этих рукописей — произведения по фикху, Кораны, поэтические произведения, трактаты по грамматике арабского языка, истории, дастаны и др. — на арабском и тюркском языках (чагатайском, татарском, каракалпакском). В хронологическом отношении коллекция охватывает XIX — первую половину XX вв. Многие рукописи имеют довольно сильные повреждения (потеки от воды, некоторые страницы прожжены насквозь или слиплись, поедены жучком), иногда — следы реставрации. У ряда рукописей и литографий время и место создания можно установить только по косвенным палеографическим данным (бумага, почерк, чернила, переплет, владельческие надписи и печати и т. д.).

По всей вероятности, часть этой коллекции представляет собой осколок библиотеки Каракум-ишанов — некогда одного самых крупных книжных собраний региона.

Белкина Е. М. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Еврейские рукописи и их владельцы в России в конце XIX в.: обсуждения и издания

Доклад освещает несколько архивных документов из фонда № 183 в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Данный фонд является личным архивом барона Давида Горадиевича Гинцбурга, видного еврейского общественного деятеля, мецената, востоковеда и коллекционера, жившего и работавшего в Петербурге в конце XIX — начале XX вв. Сегодня собрание рукописей, принадлежавшее семье Гинцбургов, составляет основу всей еврейской коллекции в Фонде рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) в Москве и представляет огромный интерес для исследователей; архив же, не содержащий средневековых манускриптов, остается в его тени.

Цель доклада — ввести в научный оборот несколько писем, хранящихся в архиве Гинцбурга и адресованных ему в разные годы. Подробно (с расшифровкой, переводом и комментированием) будут представлены два письма, датированные 1904 г.: из типографии «Вдовы и братьев Ромм» в Вильно и от Авраама Яхуды из Гейдельберга.

Период расцвета типографии семьи Ромм пришелся на конец XIX в., когда во главе дела встали вдова Реувена Ромма Двора и их дети («братья Ромм»). В 1904 г. Гинцбургу приходит от них запрос на использование одной из рукописей в его коллекции для издания *Микроат Гдолот*, т.е. Еврейской Библии, всех 24 книг, с комментариями *паштаним кадмоним*, т.е. комментариями тех талмудистов прошлого, кто толковал библейский текст в системе *пшат* (от ивр. «простой», «прямой»). Это письмо — свидетельство тесной связи интеллектуальных кругов еврейской диаспоры в Российской империи. Находясь в Вильно, в так называемой черте оседлости, типография тем не менее располагала сведениями и о самой коллекции барона Гинцбурга, и о наличии в ней нужных для издания памятников. Так, коллекционирование еврейских древностей не было лишь личной прихотью богатой семьи, о которой знали лишь немногие; напротив, информация о составе коллекции получила распространение в образованных еврейских кругах, имевших доступ к ее материалам.

Второе письмо — один эпизод из переписки двух коллекционеров. Авраам Яхуда был первым еврейским профессором в Мадриде, посвятившим свою научную жизнь иудаике и арабской литературе. Родом из Иерусалима, он, вероятнее всего, ещё на родине начал собирать книги и рукописи, и впоследствии стал поставщиком большого объема еврейских редкостей в различные публичные библиотеки. Гинцбург, как мы можем догадываться, состоял с ним в длительной переписке именно по вопросам пополнения своей коллекции. Сохранилось большое количество их писем, причем, стиль общения А. Яхуды с бароном вполне можно назвать «приятельским». В представленном на докладе письме речь идёт о рукописях «доступных к покупке», о которых А. Яхуда осведомлен более Гинцбурга.

Объемный личный архив Давида Гинцбурга полон всевозможных свидетельств о самых разных и удивительных связях и взаимодействиях. Большая его часть повествует о личности барона-мецената, тогда как ряд писем раскрывает перед исследователем барона-коллекционера, страстно желавшего собрать уникальную коллекцию и придирчиво отбиравшего «редчайшие из наиредчайших» еврейских рукописей. А. Яхуда также оставил после себя богатую коллекцию, которая сегодня хранится в Иерусалиме и включает в себя, в основном, арабографичные нееврейские рукописи; барон Гинцбург же — возможно, благодаря и этой связи в том числе — собрал одну из самых больших и известных в начале XX в. еврейских коллекций в Российской империи.

Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург)

Искусство книги в собрании Д. И. Долгорукова

Князь Дмитрий Иванович Долгоруков (Долгорукий; 1797–1867), в 1845–1854 гг. полномочный министр при персидском дворе, составил за время службы замечательное собрание, которое в 1859 г. было куплено в соответствии с «высочайшей волей» Александра II за 10 000 рублей для Императорской Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека)¹.

Из 99 рукописных книг 90 персидских, большинство которых содержат исторические сочинения. В лучших традициях персидского книжного искусства выполнены две самые старые рукописи собрания — персидский перевод с арабского языка «Тарих-и Табари» (шифр: ПНС 49) и «Тарих-и Джувайни» (ПНС 233). Обе созданы в 833 / 1430 г. в знаменитой гератской мастерской-библиотеке внука Тимура мирзы Байсункура, о чем свидетельствуют его экслибрисы-*шамса*.

Из 27 персидских литературных сочинений 6 имеют точные даты, относящиеся ко второй половине XV в. Прозаический «Сборник рассказов и лучи анекдотов» («Джавами‘ ал-хикайат ва лавами‘ ар-ривайат») ал-‘Ауфи датирован 900 / 1494 г. (ПНС 232). Ранние поэтические рукописи — «Диван» Хафиза, переписанный в 869 / 1464 г. каллиграфом Султан-‘Али и украшенный роскошным двойным фронтисписом, в переплете XVI в. (ПНС 141), «Диван» Хусрава Дихлави 872 / 1468 г. с миндалевидной розеткой, развернутым фронтисписом и сохранившейся верхней крышкой, на внутренней стороне которой средник выполнен в форме круга (ПНС 250), «Куллиййат» Катиби в копии 874 / 1470 г. с двумя фронтиспи-

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1859 г. СПб., 1860. С. 8–9. О собрании см.: Костыгова Костыгова Г. И. Коллекция рукописей Д. И. Долгорукого в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде // Письменные памятники Востока: Ист.-филол. исслед.: Ежегодник: 1975. М., 1982. С. 59–66.

сами и небольшими заставками-*‘унванами* (ПНС 142), приписываемые ‘Аттару сочинения, начатые в Герате в 884 / 1479 и законченные в Каире в 896 / 1491 г. (ПНС 256). Самая гармонично оформленная рукопись собрания, все элементы которой выполнены в одно время, — «Пятерица» Низами 896 / 1491 г. — декорирована развернутым фронтисписом, 24 ширазскими миниатюрами и заключена в переплет черной кожи с золотым тиснением (ПНС 83). Известный каллиграф Мир-‘Али *ал-катиб ас-султани* (ум. 1544) переписал поэму ‘Ариффи «Гуй ва чавган» в Герате, где он жил до того как в 1529 г. был увезен в Бухару. Позднее, в 1570–1580е гг. страницы текста были инкорпорированы в цветные орнаментированные поля, добавлены три изящные миниатюры и тисненный золотом переплет (ПНС 106).

Миниатюры имеются в восьми поэтических рукописях, в основном относящихся к XVI в. Например, «Искандар-нама» Низами 979 / 1572 г. с десятью иллюстрациями (ПНС 84) и ширазский список «Шахнама» 1580-х гг. с 30 миниатюрами и двумя развернутыми фронтисписами, заключенный в поздний лакированный переплет (ПНС 382). «Хафт ауранг» Джами в копии 1006 / 1597–1598 г. включает восемь иллюстраций (ПНС 86). Четыре миниатюры украшают «Тимурнама» ‘Абдаллаха Хатифи, 1007 / 1598–1599 г. (ПНС 257). Поэма Джами «Ййусуф и Зулейха» с семью ширазскими миниатюрами 1560-х гг. заключена в лакированный переплет XIX в. (ПНС 389). К тому же кругу принадлежит и Куллийат Джами с четырьмя иллюстрациями (ПНС 109).

Иллюстрациями украшен и 12-й том исторического сочинения «Ахсан ат-таварих» Хасана Румлу, переписанный в 1012 / 1603 г. в Герате (ПНС 92). Семь из восьми его миниатюр — того же времени, а последняя выполнена в XIX в. в кадjarском стиле одновременно с лакированными крышками переплета. В кадjarских традициях в 1268 / 1851–1852 г. оформлен список «Джами‘ ат-таварих», иллюстрированный сотней «портретов» (ПНС 47).

У Долгорукова были также три тюркские поэтические рукописи — иллюстрированные «Диваны» узбекского поэта Алишера Навои, оформленные на территории Сафавидского Ирана. Первые два — в 1520–1530-е гг. — украшены каждый пятью миниатюрами табризского стиля (ТНС 56, 58). Третий «Диван» Навои (ТНС 59) принадлежит руке известнейшего каллиграфа Мира ‘Имада Казвини (1553–1612); разноцветные поля с золотым крапом и стандартный *‘унван* вполне соответствуют традициям казвинского периода последних десятилетий XVI в.

Из пяти арабских манускриптов наиболее ценный — иллюстрированный астрономический трактат ‘Абд ар-Рахмана ас-Суфи «Созвездия неподвижных звезд» («Сувар ал-кавакиб ас-сабита»), переписанный в 1015 / 1606 г. в иранском городе Наин (АНС 191). Контурный рисунок черными и реже красными чернилами, контрастного цвета точки звезд — эти изобразительные приемы, восходящие к копиям сыновей автора — в полной мере характерны и для данного списка, между тем манера изображения человеческих фигур, одежды, головных уборов указывает на работу иранского мастера исфаханской школы первой половины XVII в.

Во многих рукописях имеются печати бывших владельцев, среди них 'Али-Кули-мирза, Бахман-мирза, Манучихр-мирза, Ардашир-миза. Исфahanский список 1655 г. «Тарих-и Табари» в 1852 г. подарен мирзой Аджa-ханом дочери Долгорукова (ПНС 48). Ее овальные печати с легендой «Евгения» и «Эжени» арабскими буквами имеются на 29 книгах. Зачастую они соседствуют с оттисками квадратных печатей с персидской легендой «Вазир-и мухтар-и даулат-и алия-йи Русийа канийаз Дулгаруки» («Полномочный министр высокого государства Российского князь Долгорукий»).

В собрании Долгорукова представлено искусство иранской книги с 1430 г. вплоть до середины XIX в. Многие миниатюры из 13 иллюстрированных рукописей изучались и публиковались разными исследователями начиная с Л. Т. Гюзальяна и М. М. Дьяконова. Значительно меньше внимания привлекали каллиграфия, орнаментальный декор и переплеты. Между тем, только сочетание всех элементов оформления книги, даже относящихся к разному времени, позволяет говорить о ее принадлежности к высокому искусству. И таких примеров в собрании Долгорукого немало.

Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

К истории формирования фонда китайских книг Центральной научной библиотеки ДВО РАН

История становления высшего образования на Дальнем Востоке России неразрывно связана с открытием 21 октября 1899 г. во Владивостоке Восточного института. Учреждение этого одного из первых за Уралом высшего учебного заведения Российской империи определялось необходимостью подготовить для воплощения дальневосточной политики России большого количества востоковедов-практиков.

В институте было сформировано четыре отделения, на которых изучались китайский, японский, корейский, монгольский и маньчжурский языки. Для всесторонней подготовки студентов требовалась соответствующая научная и образовательная литература. С этой целью при институте сразу начала формироваться библиотека. Поначалу это была небольшая коллекция книг, которая постепенно, благодаря стараниям преподавателей, студентов, заинтересованных государственных лиц, предпринимателей Владивостока превратилась в одно из богатейших книжных и рукописных собраний литературы на языках Дальнего Востока, включавшее ряд редчайших, уникальных экземпляров.

В комплектовании библиотеки принимали участие все преподаватели и некоторые студенты Восточного института, командированные в изучаемые страны Дальнего Востока. Ведущие преподаватели П. П. Шмидт, Е. Г. Спальвин, Н. В. Кюнер в разное время состояли в должности библиотекарей, вложив много труда в формирование фонда и его описание.

Большой вклад в формирование китайского отдела библиотеки внес будущий директор Восточного института профессор А. В. Рудаков (1871–1949). В ходе своих неоднократных научных командировок в Китай он исследовал книгохранилища и архивы резиденций маньчжурских императоров в Мукдене, Хуньчуне и Цицикаре. Часть книг из этих хранилищ, пострадавших от боевых действий в ходе восстания Ихэтуаней, русско-японской войны была вывезена им в Россию и пополнила библиотеку Восточного института.

В 1907 г. библиотека перешла в новое помещение, началась кропотливая работа по описанию собранной коллекции книг. К 1910 г. был составлен «Шифровый каталог китайских книг библиотеки Восточного института» и издан литографским способом «в крайне ограниченном количестве экземпляров». Несмотря на то, что в нем были указаны лишь названия на китайском языке и количество имевшихся в наличии экземпляров, каталог предоставил возможность создать общее представление о собрании китайских ксилографов, занимавших весомое положение среди прочих книг библиотеки. По сути, до настоящего времени — это единственный наиболее полный каталожный список китайского фонда библиотеки Восточного института по состоянию на 1910 г.

После реорганизации в 1920 г. Восточного института редкие рукописи вошли в состав библиотеки Государственного Дальневосточного университета. Общее количество книг библиотеки к 1920 г. насчитывало 169 тыс. экземпляров, 100 тыс. составляли книги на восточных языках, в том числе на китайском.

В мае 1932 г. рукописи были переданы в только что образованный Дальневосточный филиал Академии наук СССР.

Согласно подсчетам сотрудников сегодня на полках ЦНБ ДВО РАН хранится около 3000 экземпляров китайских книг. Это все, что осталось от богатейшей коллекции библиотеки Восточного института. Центральная научная библиотека ДВО РАН является счастливой обладательницей уникальных письменных источников, редких книг, оставшихся в наследство от собрания книг Восточного института. Они посвящены истории, географии, культуре Кореи, Китая, Японии и требуют бережного отношения и сохранения для будущих поколений преподавателей, студентов, исследователей.

Жабрева С. А. (БАН, Санкт-Петербург)

Личная картотека Николая Сергеевича Горелова (1973–2008): диалог Востока и Запада в старопечатной книге из фондов БАН

Николай Сергеевич Горелов (26.06.1973 — 4.1.2008) родился в Ленинграде, в 1996 г. окончил исторический факультет СПбГУ по специальности «История средних веков». В своей кандидатской диссертации (1998 г.) ученый раскрыл крайне актуальную и по

сей день, как в западной, так и в отечественной историографии, проблему отображения в средневековых источниках сведений о сопредельных государствах¹. В докторском диссертационном исследовании Н. С. Горелова (2006 г.) также была рассмотрена актуальная проблема — Восток в европейских средневековых источниках².

Н. С. Горелов проработал в ОЛСАА БАН двенадцать лет (1995–2007 гг.), занимался комплектованием литературы для фонда по востоковедению на русском и западноевропейских языках, был неизменным участником всех конференций и сборников отдела по темам «Россия и Восток», «Книга на Востоке», привлекая, в том числе, и материалы по Китаю³. Среди его докладов в этот период можно отметить «Ранние латинские биографии пророка Мухаммада (VIII–IX вв.)»⁴, «Записки о Японии Марко Поло и его современников глазами русских читателей»⁵, «Стрелы и власть: избрание правителя глазами средневековых европейских источников»⁶.

С мая 1995 г. Н. С. Горелов состоял в штате Восточного института, руководил дипломными работами на Историческом факультете СПбГУ⁷, участвовал в конференциях на Восточном факультете, о чем свидетельствует публикация тезисов доклада «Метафора дворца (императорский дворец глазами Марко Поло и европейская культура)»⁸, прошел годичную стажировку в Университете штата Висконсин в Мэдисоне (США)⁹.

¹ Горелов Н. С. Византия и Восток в «Хронике Фредегара»: дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. : спец. 07.00.03 <Всеобщ. история> / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 1998. 404 с.

² Горелов Н. С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов : дис. на соиск. учен. степ. д. и. н. : спец. 07.00.03 <Всеобщ. история> / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб, 2006. 430 с.

³ Пумпян Г. З. Из истории Отдела литературы стран Азии и Африки БАН // Петербургская библиотечная школа. 2013. № 3 (43). С. 51.

⁴ VIII Международная конференция «Россия и арабский мир». Аравия с древнейших времен до наших дней. Санкт-Петербург, 22–23 июня 2000 г.

⁵ Международная научная конференция «Россия и Япония», 2–4 декабря 2004 г. К 150-летию установления дипломатических отношений между Россией и Японией. При содействии Генерального консульства Японии в Санкт-Петербурге.

⁶ Горелов Н. С. Стрелы и власть: избрание правителя глазами средневековых европейских источников // Международная научная конференция Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы, актуальные проблемы и перспективы: тез. док. 4–6 апреля 2006 г. К 150-летию Восточного факультета СПбГУ / отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб: Издательство СПбГУ, 2006. С. 295–296.

⁷ Великая Россия : российская биографическая энциклопедия / под ред. проф. А. И. Мелуа. Т. 13 : Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 1. СПб.: Гуманистика, 2014. С. 184.

⁸ Горелов Н. С. Метафора дворца (императорский дворец глазами Марко Поло и европейская культура) // Материалы Научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики : 27–28 октября 1999 г. / С. -Петербург. гос. ун-т, Восточный факультет. СПб.: множит. участок Вост. ф-та СПбГУ, 1999. С. 13–17.

⁹ Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии : межд. конф. : мат-лы к биобиблиографич. слов. участников / СПГУТД, РЭМ; сост. и библи. ред. А. Э. Жабрева, редкол. Н. М. Калашникова (пред.), С. М. Ванькович. СПб.: СПГУТД, 2017. С. 28.

Обращение к печатному наследию Н. С. Горелова наглядно демонстрирует широкий кругозор ученого: в круг научных интересов медиевиста входила не только Западная Европа, но и страны Ближнего и Дальнего Востока.

Летом 2022 г. в читальном зале ОЛСАА БАН обнаружена небольшая рабочая картотека Н. С. Горелова. В картотеке собраны издания по одной тематике — Восток в европейской книге XVI–XVIII вв., в основном из собрания НИОРК БАН. Каждая карточка была пронумерована автором данной публикации — всего 164 единицы. Из них 22 карточки без библиографического описания, но с шифрами хранения, и 15 карточек без шифра, но с описаниями. Учтенные в картотеке книги изданы в XVI–XIX вв., но большая часть книг издана в XVII в. (62 ед.). Наибольшее число книг издано в Париже (35 ед.), Амстердаме (29 ед.) и Лондоне (12 ед.). В перечне описаний представлены немецкие центры книгоиздательства (Лейпциг, Кёльн, Берлин и т. д.), а также такие города, как Упсала, Лиссабон и Шанхай и др. Существуют описания с отметкой «Без места». Среди языков изданий преобладают латинский, французский и немецкий.

Наибольшее количество книг посвящено Китаю, Египту и Синайскому полуострову. Стоит отметить также обширный перечень книг, посвященных египетской иероглифике и изданных задолго до научного открытия Ж.-Ф. Шампольона. Помимо сведений о иероглифике перечисленные в картотеке ученые книги содержат путевые заметки, труды по истории, праву, библиографии и картографии стран Востока. Некоторые карточки содержат сведения о конкретных книжных экземплярах, например, о принадлежности к той или иной книжной коллекции.

Данная картотека как единый массив не отражена ни в публикациях Н. С. Горелова, ни в двух его диссертациях. Предположительно она была подготовительным материалом к докторскому диссертационному исследованию учёного, но сегодня сама по себе является ценной подборкой литературы с шифрами из определенного книжного собрания, которая может быть полезна для исследователей и студентов.

Зайцев И. В. (ИБ РАН, ГМБ, Москва)

Рукопись арабского сочинения шейха Ахмада ал-Маккари в собрании Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника

Собрания исламских рукописей в Астрахани и их история в общих чертах описаны¹. Однако, слава Богу, в музейных закромах попадаются еще раритеты. Таким уникамом является недавно обнаруженная в фондах Астраханского госу-

¹ Ислам в истории Нижнего Поволжья. Издание к выставке / Текст, переводы И. В. Зайцева. Астрахань: Астраханский музей-заповедник, 2022.

дарственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника арабская рукопись под названием «فتح المتعال في مدح النعال المشرفة» («Высочайшая победа в восхвалении благородных башмаков [Пророка]»); шифр НВ 6581).

Автор этого текста — шейх Шихаб ад-Дин Абу л-‘Аббас Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Йахйа ал-Маккари ал-Магриби ал-Тлимсани (ум. в 1041/1631 г.). Сочинение, посвященное описанию благородных башмаков Пророка, было написано им в 1030/1620 г. Мне известно о трех изданиях этого сочинения: Хайдерабад 1334/1916; Рабат 1983¹ и Каир 1417 / 1997 г. В Турции есть два списка этого сочинения — в Кайсери (Библиотека Решид-эфенди, шифр Râşid Efendi 534) и Стамбуле (Стамбульская национальная библиотека, коллекция Фейзуллах-эфенди, шифр 34 Fe 1264). В нашей стране, насколько я знаю, списков нет.

Астраханская рукопись оказывается едва ли не самой ранней: она выполнена 3 рамазана 1033/ 18 июня 1624 г. самим автором в Медине (طيبه المنوره). Список сделан в магрибинской манере. Даже рисунки башмаков ближе всего по стилю к североафриканским образцам: в списке «Дала’ил ал-хайрат» Мухаммада ал-Газули из библиотеки Честер Битти, датированном 1048 / 1638–39 гг., на развороте листов 2об.-3 изображен почти такой же башмак².

Астраханская рукопись весьма интересна не только тем, что дает нам представление о путях распространения магрибинской письменной продукции по всему исламскому миру и его отдаленным уголкам.

В рукопись оказалось вложенным письмо на тюрки, адресованное «эмиру эмиров и султану везиров» ас-Саййиду ал-Джалилу Дикшах-бику (?), с упоминанием некоего Каспулата-эфенди, который назван «подателем этой бумаги». Я полагаю, что речь в письме идет о крупном русском военном и государственном деятеле второй половины XVII века Каспулате Муцаловиче Черкасском (Каспулат-мурза) (ум. 1681).

Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Коллекция рукописей по военному делу из собрания ИВР РАН

В многотысячном собрании рукописных источников Института восточных рукописей РАН в раздел «Военное дело» входят всего пять единиц хранения:

¹ Özdemir M. Makkarî, Ahmed b. Muhammed // TDV İslâm Ansiklopedisi. 27 Cild. Ankara, 2003. S. 445–446.

² Wright E. Islam : faith. Art. Culture : manuscripts of the Chester Beatty Library. London: Scala, 2009. P.166, fig.122.

- трактат Китāб ал-махзун джāми‘ ал-фунун («Книга-сборник, заключающая в себе (военные искусства)»); 878/1474 г.; С 686);
- трактат по военному искусству ат-Тадбирāt ас-султāнййа фй-с-санā’и‘ ал-харбиййа («Государственное управление в искусстве военном»; С 726) Муҳаммада б. Менгли ан-Нāсирй (р. 700–5/1300–6) (датировка не установлена);
- хадисы о стрельбе из лука ал-Қаул ат-тāмм фй фадл ар-рамай би-с-сихāм Муҳаммада б. ‘Абд ар-Раҳмāна ас-Сихāви аш-Шāфи‘й (ум. 902/1497 г.) (887/1482 г.; А 339);

а также два сочинения в сборной рукописи и конволюте:

- ас-Симāх фй ахбār ар-римāх ас-Суйūtй (ум. 911/1505 г.) (дата переписки неизв.; D 539, л. 506–526 в составе рукописи);
- ал-Фалāх фй ‘илм ас-силāх (1225/1810 г. — датировка указана по первому сочинению; А 575).

Сочинение ал-Фалāх фй ‘илм ас-силāх входит в состав конволюта, состоящего из трех отдельных списков, отличающихся форматом и почерками. Два из них были атрибутированы И. Ю. Крачковским: помимо вышеупомянутого сочинения по военному делу, это — Рисāла фй ҳаққ (в каталоге ошибочно — фй ахл) ас-сунна ва-л-джамā‘а (л. 176–336 (дата переписки неизв.; название по Крачковскому — о различии между ортодоксальным исламом, кадаритами и джабаритами). Еще один список, (Такаввул фй раудāt ал-‘уламā’ ва-фадйла зикр ал-хафй ва-ибāхат ар-ракс «Разговор о садах ученых и преимуществе скрытого зикра и дозволения танца»; л. 96–156) не был внесен в «Краткий каталог арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР». Каждый список предвьяет заглавие, написанное одним и тем же почерком, сопровождается приписками на полях. Красными чернилам во всех текстах выделены некоторые главы, проставлены огласовки, подчеркнуты отдельные слова и выражения. После первого произведения написан комментарий (карандашом и чернилами, другим почерком) на лл. 76–8а.

Волею судеб среди произведений военной тематики оказались два манускрипта, заказанные мамлюкским офицером силāхдāром Джарбāшем, чье время службы, судя по данным, указанным в медальонах титульных листов рукописей, выпало на краткое правление султана ал-Малика аз³-Зūа\хира Сайф ад-Ди\на Бильбая (аз-Захира Йалбая) (1467–1468) и султана ал-Малика ал-Ашрафа Сайф ад-Ди\на Каитбея (Кūа\`ит-ба’я) (1468–1496). Обе рукописи выполнены с большой тщательностью и богато украшены, что подчеркивает вкус и особое отношение заказчика к этим книгам.

Несмотря на то, что в коллекцию ИВР РАН вошло всего пять рукописей по военному делу, представляется уникальным то обстоятельство, что с разницей в 85 лет в Азиатский музей были переданы два трактата из коллекции силāхдāра Джарбāша: в 1834 г. С 686 передал дипломат А. П. Бутенев (1787–1866), посланник в Османской империи (1830–1842, 1856–1858 гг.), а в 1919 г. С 726 поступила из Института восточных языков МИД России (коллекция А. Я. Италинского). Как минимум еще одна рукопись дополняет библиотеку этого неизвестного

мамлюкского «великого эмира меча», как его называют переписчики. Она была заказана Джарбāшем в 878/1474 г. («Книга, содержащая разделы о сподвижниках Пророка, и книга о военных походах и джихаде, и книга о науке верховой езды, и книга, в которой пятьдесят разделов, и книга о верховой езде ради джихада, и книга о войне», Fatih 3509) и хранится в библиотеке мечети Фаʿтих³ в Стамбуле.

Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Водяные знаки на бумаге дагестанских арабографических рукописей конца XVI–XVII вв. как источник по истории международной транзитной торговли Запада и Востока

Исследование дагестанских арабографических рукописей конца XVI–XVII вв. подтверждает, что в период их создания характерно распространение в Дагестане качественной бумаги европейского производства, в частности, итальянской, французской и голландской, а также местной кустарной. Подобный вывод исходит из результатов исследования водяных знаков на бумаге дагестанских рукописей этого времени.

Сохранились таможенные выписи конца XVII в. с перечнями европейских товаров, среди которых упоминается бумага. Однако водяные знаки на бумаге дагестанских рукописей свидетельствует об использовании в этом регионе французской бумаги еще в конце XVI в.

Дербент в XVII–XVIII вв. играл роль своего рода «перевалочного пункта» в торговле с Ираном и Индией, и ввозимая сюда из Астрахани бумага экспортировалась дальше за пределы Дагестана. В частности, голландская бумага была широко представлена среди товаров индийских купцов, вывозимых через Астрахань в Персию. Безусловно, что определенная часть партий писчего материала приобреталась местным населением, о чём свидетельствуют дагестанские рукописи XVII в. на голландской бумаге.

Наиболее распространенными сюжетами водяных знаков на бумаге дагестанских рукописей являются: «Гроздь винограда», «Кувшин», «Кисть руки» («Перчатка»), «Голова шута», «Герб семи провинций», «Герб Амстердама», «Почтовый рожок», «Якорь». Исследование водяных знаков играет важную роль в процессе установления времени создания дагестанских письменных памятников, а также изучения истории экономических и культурных связей Дагестана и других регионов.

Маламагомедов Д. М. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Старопечатная книга на аварском языке из коллекции ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН

В статье исследуются старопечатные книги на аварском языке, хранящиеся в ФВР¹ ИИАЭ ДФИЦ РАН, которые издавались с помощью арабской и латинской графики, и вышедшие как в дагестанских, так и в других типографиях России и мира, начиная с 1900 по 1930-й г.

Необходимо отметить, что подобная работа частично была проведена еще в 1998 г. сотрудником отдела востоковедения А. А. Исаевым². Позже она была продолжена и другими сотрудниками отдела Г. М.-Р. Оразаевым³, М. Н. Османовой⁴, П. М. Алибековой⁵ и др.

В ходе исследовательской работы по созданию каталога А. А. Исаев изучил большое количество государственных и частных книжных коллекций. В результате он микрофильмировал, скопировал и составил библиографические описания 459 книг и изданий различного характера, выпущенных до 1917 г. В свое исследование он включил не только книги, изданные в дагестанских типографиях, но и вышедшие в типографиях Турции, Крыма, Казани; они написаны на языках народов Дагестана с помощью арабской графики (*'аджам*), частично кириллицы и латиницы⁶. В работе встречаются некоторые погрешности и неточности в идентификации названий сочинений, *нисб* и местных топонимов и антропонимов, возможно, из-за недостаточного знания исследователем арабского языка. С учетом вышеизложенного в 2020 г. было решено продолжить работу по идентификации старопечатных книг на аварском языке с целью составления полного аннотированного библиографического справочника книг на аварском языке, изданных на *'аджаме* и латинице вплоть до 30-х гг. XX столетия.

Работа, в основном, проводилась в ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Известно, что помимо ФВР, старопечатные книги на языках народов Дагестана хранятся в книгохранили-

¹ Фонд восточных рукописей.

² Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана. (дореволюционный период). Махачкала: ДФ АН СССР, 1989.

³ Исаев А. А., Оразаев Г. М.-Р. Старопечатные книги и рукописи из коллекции М.-С. Гаджиева // Рукописная и печатная книга в Дагестане. (Сборник статей и материалов). Махачкала: ДФ АН СССР, 1991. С. 162–173.; Исаев А. А., Магдиев С. Я., Маламагомедов Д. М. и др. Каталог рукописей и фрагментарных записей на языках народов Дагестана, хранящихся в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008.

⁴ Османова М. Н. Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН — Ф. 15. Оп. 1, Фонд М.-С. Саидова). Махачкала, 2008. — 205 с.

⁵ Алибекова П. М. Дагестанские старопечатные книги на аварском языке в отделе национальной литературы в РНБ (Санкт-Петербург) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 2. С. 230–248.

⁶ Исаев А. А. Указ. соч. С. 16.

щах дагестанских музеев, частных и мечетских коллекциях, а также в запасниках российских библиотек. К примеру, в отделе «Фото и документы» Национального музея Республики Дагестан им. А. Тахо-годи в г. Махачкала; в библиотеке факультета востоковедения СПбГУ; в библиотеке Института востоковедения в г. Санкт-Петербург; в Отделе национальных литератур Российской национальной библиотеки в г. Санкт-Петербург; в Российской государственной библиотеке в г. Москва и т. д.

Важно отметить, что в 2020 г. арабографические книги, хранящиеся в фондах Отдела национальных литератур (ОНЛ) Российской национальной библиотеки (РНБ) в г. С.-Петербург на аварском языке, были аннотированы с.н.с. Отдела литературы ИЯЛИ им. Г. Цадаса ДФИЦ РАН П. М. Алибековой¹.

Самым большим, на мой взгляд, книгохранилищем в России является Отдел национальных литератур Российской Национальной библиотеки в г. Санкт-Петербург. Здесь в большом количестве хранятся старопечатные книги практически всех народностей Российской Федерации, в том числе и на языках народов Северного Кавказа. Что касается последних, то большая часть из них издано в типографии «Матба ал-Исламия» Мухаммадмирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре, а также в типографиях А. Михайлова в Порт-Петровске, Ибнухаджара Нахибашева в Хасавюрте и т. д. Эти книги сейчас хранятся в запасниках фондов ОНЛ, они тщательно отреставрированы и переплетены в современные обложки.

Всего в ОНЛ зафиксировано 159 экземпляров книг на языках народов Северного Кавказа. Из них на аварском языке — 44 (из которых 9 книг в двух экземплярах); на даргинском — 2; на лакском — 29; на кумыкском — 67; на чеченском — 17. Общее количество арабографических книг на аварском языке в ОНЛ составляет 65 экземпляров. Часть из них объединены в сборники, часть представлены отдельными изданиями. Большинство сочинений имеет название, предисловие, послесловие, краткую аннотацию и обзор на арабском языке².

Как уже отмечалось выше, данное исследование, в основном, проводилось в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН: в ф. 15, 30 (Оп. 1, 2) и фонде М.-С. Саидова. Сначала была проведена предварительная работа по выявлению старопечатных книг по каталогу Исаева А. А. В ходе работы нами было зафиксировано около 150 экземпляров книг на аварском языке, которые были изданы с помощью арабской и латинской графики за период с 1900-х по 1930-е гг. Из них на арабской графике (на *'аджаме*) было зафиксировано 99 экземпляров, а остальные — на латинице. Однако в ходе работы выяснилось, что из общего количества зафиксированных по каталогу А. А. Исаева книг в наличии имеются лишь 38 экземпляров книг на *'аджаме* и 46 на латинице. Большая часть аджамских книг — это копии, снятые с оригинала А. А. Исаевым. В работу мы также включили и произведения Зийауддина Умар-Хаджжи из Миатли на аварском языке, хотя они были изданы еще в 1884 г. в одной из османских типографий.

¹ Итоги проведенного исследования частично опубликованы в статье: Алибекова П. М. Указ. соч.

² Алибекова П. М. Указ. соч. С. 234.

В основном издателями старопечатных книг выступают сами владельцы типографий — А. Михайлов, М.-М. Мавраев, М. Х. Асадов, И. Нахибашев. Тематически книги можно разделить на несколько разделов. Больше всего встречается богословская литература: Коран, экзегеза, *хадисы*, *таджвид*, *мавлиды*, жизнеописание пророка Мухаммада (*сира*); также встречаются проповеди и труды по мусульманскому праву (*фикх*), астрономии, учебная литература, словари, стихи.

Что касается книг на латинице, то в основном они изданы в конце 20-х — нач. 30-х гг. XX столетия. По тематике это методические пособия, учебные программы и учебники для изучения аварского языка для начальных, неполных и средних школ. Чаще встречается переводная научно-популярная и художественная литература. По количественному соотношению больше всего встречаются переводы русскоязычной научной и художественной литературы. Это прежде всего небольшие произведения и выдержки из сочинений классиков российской и раннесоветской литературы, различные хрестоматии, повести, рассказы, стихи, пособия по введению сельскохозяйственных работ, Уголовный кодекс и др. В основном эта литература рекомендована в качестве дополнительного чтения изучающим аварский язык. В нескольких экземплярах встречается и аварская азбука для взрослых.

Несмотря на то, что определенное количество книг ранее были аннотированы, все же большая часть наиболее интересных старопечатных книг на аварском языке остается вне поля зрения исследователя. Еще предстоит работа по выявлению и введению в научный оборот этого слоя духовной культуры, что станет существенным подспорьем для исследователей истории старопечатной книги на аварском языке.

*Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Ястребова О. М. (РНБ; СПбГУ, Санкт-Петербург;
ИКВИА НИУ ВШЭ, Москва)*

Проблемы электронной публикации арабографических рукописей: проект изучения рукописного собрания проф. СПбУ Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ¹

Одной из ключевых проблем современной гуманитарной науки является проблема поиска и отбора информации, в том числе получение доступа к коллекциям

¹ Данный проект поддержан грантом Российского научного фонда № 23–28–01748, «Онлайн-база данных рукописей как исследовательский инструмент: Интернет-публикация и изучение собрания арабских рукописей проф. Санкт-Петербургского Университета Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861) из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ».

документов и материалов на бумажных (не цифровых) носителях, в частности, в рукописной форме. Особенно важно это для изучения арабграфического культурного наследия, включающего в себя несколько миллионов рукописей, большая часть которых физически недоступна для исследователей. Новые цифровые технологии уже позволили начать их массовую публикацию онлайн, однако, чтобы можно было эффективно пользоваться все увеличивающимся объемом оцифрованных рукописей, необходимо создание инструмента для поиска нужной информации.

Обычно проблема извлечения информации из большого массива данных решается путем создания баз данных и поисковых систем, которые, однако, способны работать только с электронными текстовыми документами. В связи с этим «бумажные» документы должны быть предварительно переведены в цифровой формат. Однако если печатную книгу можно достаточно легко перевести в текстовую форму с помощью программ распознавания текста (OCR), то для рукописей это фактически нереально, что делает стандартный полнотекстовый поиск невозможным.

Разработчики проекта публикации выдающейся коллекции арабских рукописей проф. СПбУ Шейха ат-Тантави видят решение проблемы в создании специализированной базы данных и согласованной с ней поисковой системы. Для извлечения содержащейся в рукописях информации их электронная публикация должна сопровождаться детальным библиографическим и кодикологическим описанием, содержащим максимально полную текстовую информацию, которая может быть найдена специализированной поисковой системой.

Разумеется, сама проблема публикации рукописей не нова. Многие научные институты на Западе, обладающие арабграфическими рукописными коллекциями, уже осуществили или продолжают работать над онлайн публикацией своих рукописей. В Арабском мире также идет активная работа по каталогизации и электронной публикации арабского рукописного наследия, в частности, в рамках международного проекта Новой Александрийской библиотеки; не отстают и крупные библиотеки и фонды стран Персидского залива и Турции.

Таким образом, в целом ряде зарубежных университетов и библиотек в настоящее время реализуются проекты по размещению в открытом доступе в интернете каталогов рукописных коллекций и полных или частичных цифровых копий самих рукописей (как правило, отдельных наиболее интересных рукописей). При этом описания, предлагаемые в онлайн-каталогах, могут быть как подробными, так и, чаще, весьма краткими. Последнее продиктовано тем, что составление подробного, в том числе кодикологического описания рукописного источника требует соответствующих знаний, опыта и больших затрат времени. Кроме того, скорости опубликования и объему материалов часто отдается приоритет перед качеством самой публикации. Особенно это характерно для ближневосточных научных центров, которые стремятся максимально быстро оцифровать свои коллекции, размещая на сайтах рукописи с минимальными описаниями (автор, название, дата сочинения и/или переписки, рукописная коллекция и инвентарный номер, реже — жанр и тематика сочинения).

В последние годы серьезная работа по оцифровке арабографических рукописей идет и в России, в первую очередь, в таких центрах, как Дагестан и Казань. Каталогизация московских собраний находится еще на начальном этапе. Так, созданный недавно амбициозный и несомненно перспективный ресурс Manuscripta Islamica Rossica пока содержит лишь несколько десятков отдельных арабографических рукописей, главным образом из коллекций МГИМО и ИИАЭ ДНЦ РАН¹.

В качестве примера успешно завершено европейского проекта, можно привести проект по описанию 55 рукописей, хранящихся в Лейпцигском университете, осуществленный в 2006–2007 гг. научным коллективом из 13 специалистов. В опубликованном онлайн-каталоге приводятся подробные регистрационные сведения, детальное описание содержания манускрипта — включенные в него сочинения, варианты их заглавий, начальные и конечные строки текста (инципит и эксплицит), заголовки разделов сочинений; физическое и кодикологическое описание; описание или расшифровка приписок и печатей; подробная библиография. Еще один яркий пример — начатый в 2010 г. трехлетний проект создания онлайн-каталога коллекции из 1250 исламских рукописей Мичиганского университета, поддержанный фондом Меллона². Но пожалуй, наиболее детальным является онлайн-каталог арабских медицинских рукописей из собрания Wellcome Library в Лондоне (ок. 1000 единиц), разработанный в 2010-е гг. хранителем коллекции (и сотрудником ИВ РАН) д-ром Николаем Сериковым³. Список ссылок на онлайн-каталоги собраний мусульманских рукописей можно найти на сайте Ассоциации исламских рукописей (главный офис расположен в Штутгарте)⁴.

Кроме того, в ряде европейских стран осуществляются проекты создания объединенных каталогов арабографических рукописей, хранящихся в различных собраниях. Так, проект Qalamos предоставляет доступ к метаданным и цифровым копиям восточных рукописей, хранящихся в Германских коллекциях⁵. Что особенно важно, проект уделяет большое внимание созданию авторитетных записей авторов, переписчиков, владельцев рукописных книг. Аналогичный проект в Великобритании носит название Fihrist, он включает как оцифрованные материалы, так и те, для которых дано лишь описание без цифровых копий⁶.

В этой связи проблема унификации описания и системы публикации арабографического рукописного наследия в ближайшее время останется одной из ключевых «технических» задач в области ближневосточных штудий как в Европе, так и в мусульманских странах, так что активное участие в этом процессе российских специалистов крайне желательно. В рамках текущего проекта планируется созда-

¹ <http://manuscriptaislamica.ru/ru> (дата обращения 10.03.2023).

² <https://babel.hathitrust.org/cgi/mb?a=listis;c=1961411403> (дата обращения 10.03.2023).

³ <http://wamcp.bibalex.org/> (дата обращения 10.03.2023).

⁴ <https://www.islamicmanuscript.org/extresources/manuscriptcatalogues.aspx> (дата обращения 10.03.2023).

⁵ <https://www.qalamos.net/content/index.xed?lang=en> (дата обращения 10.03.2023).

⁶ <https://www.fihrist.org.uk/> (дата обращения 10.03.2023).

ние максимально детального с научной точки зрения и технически совместимого с международными библиотечными стандартами каталога коллекции арабских рукописей Шейха ат-Тантави. Подобный каталог сможет послужить наглядным примером и, возможно, отправной точкой для начала международной дискуссии по вопросам стандартизации описания арабографического рукописного наследия в целом.

Притула А. Д. (ГЭ, Санкт-Петербург, ИКВиА НИУ ВШЭ, Москва)

Поэмы о Мар Куриакосе, написанные ‘Авдишо’ Газартским

По крайней мере, три сохранившиеся поэмы, приписываемые ‘Авдишо’ Газартскому, поэту и патриарху Халдейской церкви (ум. в 1570 г.), посвящены мученику Кириаку (сир. Мар Куриакос): две — в форме *‘онита* и одна - *тургама*. Данные стихотворения никогда не публиковались в критических изданиях и не были предметом специальных исследований. В данном докладе эти произведения анализируются на основе существующих рукописей, в том числе в иерусалимских собраниях. Рассматриваются причины популярности и широкого распространения таких стихотворений в Османский период, а также их связь с прозаическими житиями мученика поздней античности.

Редькин О. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности интерпретации консонантного текста на примере рукописей Корана

В классическом востоковедении текст является центральным объектом исследования, что определяет актуальность изучения как содержания письменных документов, исторического контекста их формирования и влияния на судьбы общества, так и используемых лексических средств, характеристик носителя текста, особенностей графики и ее эволюции.

Сказанное в полной мере справедливо применительно к ареалу Аравии в I тыс. н. э. Несмотря на сложившееся представление о том, что доисламская культура имела бесписьменный характер, весьма вероятно, что в этот период грамотность была распространена не только на севере и юге Аравийского

полуострова, но и во внутренних районах, о чем можно судить по дошедшим до нас эпиграфическим надписям, а также по ряду других косвенных свидетельств.

Эволюция письменных систем на территории Аравийского полуострова в I тыс. н. э. представляет собой яркий пример перехода от чисто консонантной системы письма к системе с развитой вокализацией, что хорошо видно на примере изменения характера записи текста Корана. Так, на начальном этапе развития система арабской письменности имела исключительно консонантный характер, о чем свидетельствуют дошедшие до нас рукописные фрагменты записи Корана. В данных записях имела место также нерегулярная расстановка показателей долготы (матрес лекционис) или их полное отсутствие. В качестве реликта этого можно рассматривать т. н. «вертикальную *фатху*», используемую в ряде слов с архаичной графикой. Последовавшая за кодификацией Корана детализация записи и введение в оборот диакритических знаков и знаков вокализации позволили обеспечить высокую степень точности как при передаче, так и при воспроизведении сакрального текста. Так, уже в течение всего нескольких десятилетий после канонизации текста Корана Абу ал-Асвад ад-Ду'али разработал систему знаков для передачи гласных и *танвинов* в виде разноцветных точек, которая в VIII веке приобрела вид близкий к современному благодаря Халилю ибн Ахмаду ал-Фарахиди, предложившему также знаки *хамзы* и *ташидида*.

При этом как минимум на протяжении последующих двух столетий можно отметить параллельное существование рукописей с различной степенью полноты отражения диакритик (точек, используемых для дифференциации передачи согласных) и знаков для гласных (огласовок).

При отсутствии диакритик и огласовок читателям приходилось иметь дело с графемами, которые могли соответствовать сразу нескольким фонемам, что не только затрудняло или делало невозможной идентификацию семантики отдельных слов и их морфологических моделей, но и таким образом открывало возможность для значительной вариативности чтения.

Так, слово *يَعْرِفُونَ* «они (м. р.) знают», встречающееся в тексте Корана 14 раз, без огласовок и диакритик может быть также интерпретировано как *تَعْرِفُونَ* «вы (м.р.) знаете»; *يُعَرِّفُونَ* «они (м. р.) знакомят, доводят до сведения»; *تُعَرِّفُونَ* «вы (м. р.) знакомите, доводите до сведения». Данный графический символ может также интерпретироваться как слово, производное от других корней. Если учесть, что практически каждое слово в линейном отрезке консонантного текста без диакритик может быть прочитано несколькими способами, то число возможных вариантов чтения всего фрагмента возрастает в прогрессии.

В этом случае читателем используется весь доступный набор актуальных маркеров, позволяющих осуществить декодировку письменного текста. Помимо использования экстралингвистического контекста, непосредственная интерпретация графических символов, линейная и вертикальная, учет вариантов возможности сочетаемости фонем в составе арабского корня, что сокращает число возможных вариантов сочетаний графем в слове. Кроме того, при чтении

используется контекст, в котором встречается само графическое слово, что может указывать на его грамматический статус и, следовательно, используемые гласные. Что касается сохранившихся до настоящего времени, в том числе и зафиксированных письменно различных вариантов коранического чтения — *кира'атов*, то в основе их лежат, в том числе и различия, обусловленные вариативностью записи, а также интерпретации неогласованного рукописного текста сакрального текста на начальном этапе.

Таким образом, консонантные записи Корана в первые десятилетия хиджры, скорее, являлись вспомогательным материалом, нежели основным источником для тех, кто уже был достаточно знаком с текстом или помнил его наизусть. В дальнейшем использование всего набора диакритик и огласовок, а также других вспомогательных знаков, таких как указатели пауз, индикаторы ассимиляции согласных и др., дало возможность максимально унифицировать правила записи и, следовательно, рецитации текста Корана, что хорошо видно на примере Каирского издания, осуществленного в 1924 году.

Тураев Л. А. (ТГУВ, Узбекистан)

Историческое произведение «Раби' ал-абрар» как важный научный источник

В настоящее время в мировой науке одной из важных задач является изучение рукописных источников, имеющих отношение к истории, литературе, географии, религии, природе и медицине, с позиций исторического источниковедения. В этой области проведено множество исследований, однако до сих пор существуют рукописи, оставшиеся вне поля зрения ученых. Произведение великого центральноазиатского ученого Джар-Аллаха Махмуда Замахшари «Раби' ал-абрар» («Весна праведников») находится в ряду таких поверхностно изученных текстов.

Во введении к произведению, занимающему важное место в научном наследии Махмуда Замахшари, автор так объяснил причину и цель его создания: «При написании книги моей целью было собрать воспоминания читателей тафсира «ал-Кашшаф 'ан хака'ик ат-танзил» и дать отдохновение их умам, уставшим в связи с множеством рассуждений в продолжении чтения произведения и стремлением раскрыть сложные аспекты и тайны тафсира... Тот, кто близок к нему, не будет знать нужды, кто с ним дружен, не будет нуждаться в друге»¹.

Известно, что в историческом источниковедении важное значение имеет оригинальность или компилятивный характер исторического произведения, а также

¹ ИВ АН РУз. Рукопись №. 2384, л. 1 б.

его полнота или фрагментарность, подробность и способ отражения событий¹. В этом отношении важное значение приобретает определение стиля и жанра «Раби‘ ал-абрар». Сам Махмуд Замахшари не представил определения стиля своего произведения. Однако мы можем считать, что оно написано в стиле *‘илм ал-мухадарат* — науки о тонкостях изъяснения, являющейся одной из двенадцати отраслей арабской *‘илм ал-адаб*, т. е. науки о правилах приличия.

В настоящее время в зарубежных библиотеках, фондах и музеях хранится более 50 рукописных копий «Раби‘ ал-абрар», сделанных в разных местах и в разное время. Окончательный вывод об их точном количестве пока не сделан, поскольку в результате новых научных изысканий продолжают обнаруживаться его неизученные списки.

В «Раби‘ ал-абрар» есть несколько глав, содержащих историческо-географические сведения. Одна из глосновых — девятая, названная «О странах, землях, зданиях, архитектуре и разрушениях, любви к родине». В этой главе собрана информация о любопытных особенностях, климате, знаменитых и благоустроенных местах различных регионов, краев и городов, о роли некоторых городов в исламском мире.

Ранее исследователи подвергали анализу приведенные в произведении цитаты, связанные с историко-географическим обликом известных регионов Бухары, Самарканда, Хорезма, Среднего и Ближнего Востока, а также с социальными, нравственными, просветительскими вопросами, касающимися различных личностей. Исследованы сведения о таких городах, как Мекка, Медина, Хиджаз, Тибет, Китай, Руха, Сильхун, Багдад, Басра, Куфа, Фирузабад, Балх, Ахваз, Хорасан, Шам, Нишапур, Вавилон, Исфахан, Керман, Сана, а также о климате, природе, благоустроенных местах и качествах, нравах населения этих регионов².

Замахшари, например, приводит такое высказывание о положении Багдада в сравнении с остальным миром:

وكان أبو إسحاق الزجاج يقول بغداد حاضرة الدنيا وما عداها بادية³

Абу Исхак аль-Заджадж часто говорил: «Багдад — главный город (столица) мира, а остальные места — это пустынные местности».

О городе Сана он приводит следующую цитату:

وصف رجل صنعاء فقال بلغ من طيب ترابها أن الرجل يسجد فلا يشتهي أن يرفع رأسه⁴

Один восхваляя город Сана, дает ему следующее определение: «Земля там настолько хороша, что молящемуся на ней человеку не хочется поднимать голову от земли».

¹ Мадраимов А., Фузаилова Г. Манбашунослик. Ташкент: Фан, 2007. С. 17.

² Turaev L. A. Depiction of the cities Khorezm and Samarkand in the work of “Rabi’ al-Abrrar” // Current research journal of history. 2020. Vol. 1, no. 1. P. 10–14.

³ ИВ АН РУз. Рукопись № 2384, л. 28 а.

⁴ Там же, л. 29 б.

Махмуд Замахшари также представляет сведения о Нишапуре, в который он сам совершил путешествие:

وقال عمرو بن الليث في نيسابور حجرها الفيروزج، وترابها النفال، وحشيشها الربياس¹

'Амр ибн ал-Лайс² говорил следующее о Нишапуре: «Здесь есть камни бирюзового цвета, плодородная почва и травы ревения».

Туранская А. А. (ИКСА РАН, Москва)

Рукописные фрагменты из ойратского монастыря Аблай-хит в собрании Российской Национальной Библиотеки

История поступления первых тибетских и монгольских листов в библиотеку Императорской академии наук (ныне РАН) из ойратских монастырей Дархан-цорджи-хит (Семь Палат) и Аблай-хит давно привлекает внимание ученых и исследована довольно подробно, особенно в последние годы. Менее известны науке несколько аблай-хитских листов, хранящихся в другом крупном собрании восточных рукописей Санкт-Петербурга, а именно в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее РНБ). Некоторые сведения о них опубликованы в монографии О. В. Васильевой по истории первых поступлений восточных книг в собрание библиотеки, называвшейся изначально Императорской публичной библиотекой (далее ИПБ)³.

В настоящий момент не вполне ясно, сколько было источников поступления аблай-хитских листов в собрание РНБ: один или более. В Приложении № 7 к Отчету, составленному директором ИПБ А. Н. Лениным (1763–1843) о деятельности библиотеки за 1817 г., зафиксирована следующая информация:

«Почетный библиотекарь Маркшейдер 9 класса Григорий Иванович Спасский подарил Библиотеке следующие любопытные рукописи и разные другие вещи.

1) Лист с Тангутским письмом, найденный в 1777 году в Сибири в развалинах Аблайкитского храма; рукопись, писанную на бумаге, делаемой из коры дерева, называемого дег.

2) Лист с монгольскими письменами, найденный там же.

¹ ИВ АН РУз. Рукопись № 2384, л. 30 б.

² 'Амр ибн ал-Лайс (ум. в 289 г.х.) — эмир саффаридской династии, правитель провинций Хорасан, Исфахан, Систан, Керман и Синд.

³ Васильева О. В. Письменные памятники Востока в Российской национальной библиотеке: история формирования фонда, 1795–1850. СПб.: Изд-во РНБ, 2020. С. 64, 239.

3) Бурхан, или божок Далайламский, сделанный из глины и позолоченный. Таким Бурханам поклоняются Калмыки и Монголы, не имеющие состояния или случая купить металлических идолов.

4) Три бумажные листочка, с изображенными на них божками Калмыков и Монголов.

5–8) разные вещи, добытые из могил в Сибири»¹.

Личность дарителя хорошо известна. Г. И. Спасский (1783–1864) был горным инженером, историком Сибири, издателем журнала «Сибирский вестник» (с 1818 г.), почетным библиотекарем ИПБ. В своем очерке «Древности Сибири», опубликованном в указанном журнале, он следующим образом описывает факт дарения (сохранена пунктуация оригинала): «В бытность в тамошнем краю, получил однако же я, печатный лист на Тангутском языке совершенно целый, найденный в Аблайкиде уже в 1777 году. Оный вместе с другим печатным Монгольскими буквами листом и разными вырытыми из курганов серебряными и медными, также и другими некоторыми вещами, подарил я Императорской Публичной Библиотеке»².

Из сопоставления двух этих свидетельств невозможно сделать четкий вывод, сколько именно листов из Аблай-хита Г. И. Спасский подарил ИПБ. Понятно, что среди них был один тибетский ксилограф и один монгольский лист (по мнению дарителя, печатный). Первый из них легко идентифицируется: согласно каталогу Б. А. Дорна, он имеет номер 852, на его лицевой стороне (справа от текста) имеется надпись черной тушью: «Найдено въ аблакетскихъ Палатахъ августа 1777 года».

Всего в коллекции РНБ были идентифицированы 4 листа на тибетском языке, точно происходящие из хошутского монастыря Аблай-хит — лист ксилографа (Дорн № 852) и три фрагмента богато декорированного тибетского Ганджура (Дорн № 857, Тиб. НС 87). Что касается монгольских рукописей, то в настоящее время в собрании библиотеки хранятся два листа, определенно принадлежавший одному из двух списков монгольского Ганджура, обнаруженных в Аблай-хите. Среди пяти номеров монгольской части каталога Б. А. Дорна информация о них содержится в двух аннотациях: 1) № 844: «Feuille, trouvée dans un tombeau, appartenant à une Pradjnâpâramitâ...»; 2) № 847: «Deux feuilles arrachées à quelque livre, l'une du Gandjour»³.

Доклад посвящен истории происхождения и описанию аблай-хитских листов в коллекции РНБ.

¹ Оленин А. Н. Отчет в управлении Императорскою Публичною Библиотекою за 1817 год, представленный Господину Министру Духовных дел и Народного просвещения, Тайному Советнику Князю Александру Николаевичу Голицыну, Директором Библиотеки Тайным Советником Олениным. СПб.: Типография Императорского Театра, 1818. С. XIV.

² Спасский Г. И. О древних развалинах Сибири // Сибирский вестник. 1818. № 3. С. 77–78.

³ Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie impériale des sciences, 1852. С. 619–620.

Фирсова В. С. (БАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Текстовые страницы свитков Гэндзи-моногатари-эмаки

«Гэндзи-моногатари эмаки» (源氏物語絵巻, «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»), созданные в XII веке, являются наиболее ранними сохранившимися до нашего времени иллюстрированными свитками к знаменитому роману Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), написанному в нач. XI века.

Произведение сохранилось не полностью, и большая часть оригинальных свитков утрачена. Часть свитков, которая дошла до нашего времени, содержит 65 листов с текстами — так наз. котобагаки (詞書, досл. текст), представляющими собой выдержки из 13 глав романа, и 19 листов с иллюстрациями к 12 главам¹. Также сохранились небольшие фрагменты текстовых листов к другим главам романа, которые, однако, представлены в очень плохом качестве. В целом листов с текстами сохранилось гораздо больше, чем листов с иллюстрациями, и можно предположить, что и в оригинале главная роль отводилась именно тексту: длинный текст довершается иллюстрацией, на которой изображена лишь одна сцена из предшествующего ей текстового фрагмента.

В настоящее время свитки не представлены в своей изначальной форме, так как, чтобы обеспечить лучшую сохранность, они были разделены по месту склейки, и в результате получились отдельные листы с иллюстрациями и отдельные листы с текстом. Также полученные листы были наклеены на более плотную подложку².

Листы с текстом представляют собой прекрасный образец японской декорированной бумаги, расцвет которой пришелся на эпоху Хэйан (794–1185). Еще с VIII в. в Японии тексты сутр печатали на декорированной или окрашенной бумаге, а в более поздние века такую бумагу начали использовать для писем и записи текстов художественных произведений. Бумагу, используемую для записи текстов, называют рё:си (料紙 бумага для письма), а окрашенную бумагу называют сомэгами (染紙 досл. окрашенная бумага). Среди других памятников литературы, выполненных на декорированной бумаге, можно назвать «Антологию тридцати шести бессмертных поэтов» («三十六人家集» Сандзю:рокунин касю:), а также «Антологию старых и новых песен» («古今和歌集» Кокинвакасю:), создание которых также приходится на XII век³.

Достоверно неизвестно, кто является создателем свитков, имена каллиграфов и художников до нас не дошли. Долгое время авторство приписывалось придворному художнику конца эпохи Хэйан Фудзивара Такаёси, в связи с чем свитки часто атрибутировали как «Такаёси Гэндзи». Тем не менее, в последнее

¹ Минамото Фумиэ Дарэ га Гэндзи моногатари эмаки о кайта но ка (Кто нарисовал «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»). Токио: Сосися, 2004. С. 15

² Там же, с. 12

³ Фирсова В. С. Японская книжная декоративная бумага (VIII–XIII вв.) // Наука и библиотека. Вып. 5. С. 104–109.

время большинство исследователей сходятся во мнении, что они были созданы не одним человеком, а группой людей, уровень художественного мастерства которых значительно различался. Также распространена точка зрения, что, по крайней мере часть свитков была создана придворными дамами, состоящими на службе при императорском дворе¹. Хорошо известно, что дамы эпохи Хэйан не только являлись авторами многих повестей, но и принимали активное участие непосредственно в процессе создания рукописей. Об этом свидетельствует один из эпизодов «Дневника» Мурасаки Сикибу:

«Государыня была занята переплетением книг. С рассветом мы являлись в ее покои, подбирали нужную по цвету бумагу и отправляли вместе с самой рукописью с приложением просьбы к переписчику. С утра и до ночи мы приводили в порядок уже перебеленные рукописи»².

В «Записках у изголовья» придворной дамы Сэй Сёнагон (ок. 966 — ок. 1017) также приводится описание процесса переписывания рукописи³.

Несмотря на то, что происхождение свитков «Гэндзи-моногатари» досконально неизвестно, ряд исследователей выдвигают гипотезу, что возможно, иллюстрацию разных глав Гэндзи поручили нескольким дамам, распределив между ними разные главы. При этом существовали заранее оговоренные правила единства в оформлении, которые им нужно было соблюдать, как, например, зеленый фон, форма лиц изображаемых мужчин и женщин, расстояние перспективы и т. д.

Интересное предположение делает исследователь Фумиэ Минамото, которое косвенно подтверждает создание свитка женщинами. Согласно его версии, декорированная бумага получила большую популярность в эпоху Хэйан благодаря тому, что женщины, которые любили лакированную мебель и утварь, хотели и на бумаге воспроизвести технику росписи по лаку. Именно в эпоху Хэйан появилось много разнообразной мебели, шкатулок, утвари, которые изготавливались по заказу дам в соответствии с их вкусами. Техника нанесения золотого и серебряного распыления, вкрапление небольших кусочков фольги, эффект размытия часто применялись в лаковой живописи, и уже позже были перенесены в искусство оформления декорированной бумаги⁴.

Текстовые листы свитка имеют различное художественное оформление, которое довольно часто не получается напрямую соотнести с содержанием написанного на них текста. Скорее, они в целом передают эстетику и настроение романа. Однако в свитках к главам «Сопоставление картин» и «Сверчок-колокольчик» оформление бумаги под текстом соответствует содержанию, дополняя и украшая его.

¹ Минамото Фумиэ Дарэ га Гэндзи моногатари эмаки о кайта но ка (Кто нарисовал «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»). Токио: Сосися, 2004. С. 179–201

² Мурасаки Сикибу Дневник / Пер. с яп., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1996.

³ Сэй Сёнагон Записки у изголовья/пер. со старояп. В. Марковой. М.: АСТ, 2004.

⁴ Минамото Фумиэ Дарэ га Гэндзи моногатари эмаки о кайта но ка (Кто нарисовал «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»). Токио: Сосися, 2004. С. 198

История создания иллюстрированных свитков «Повести о Гэндзи» продолжает хранить в себе много тайн, а художественно-оформительский замысел создателей вряд ли когда-нибудь будет полностью раскрыт. Возможно, что это произведение является еще одним свидетельством особой роли женщин в развитии литературы и искусства Японии.

Ширинова Р. Б. (Институт Рукописей, НАНА, Азербайджан)

Комментарии азербайджанских ученых к работе «ал-Канун фи-т-тибб»

Абу ‘Али ал-Хусайн б. ‘Абд Аллах б. ал-Хасан б. ‘Али Ибн Сина ал-Балхи (ал-Бухари) (980–1037) является автором множества трудов, самый знаменитый из которых — «ал-Канун фи-т-тибб» («Канон медицины») был неоднократно переведен на латинский язык и использовался в средневековой Европе в качестве учебного пособия. Также широко известны его «Китаб ан-наджат» («Книга Спасения» — краткое изложение метафизики), «Рисала фи-‘илм ал-ахлак» («Трактат по этике»), «Ишарат ва-л-танбихат», («Указания и наставления»), сочинение по логике, физике и метафизике), «Китаб аш-шифа’» («Книга исцеления», энциклопедический труд в одиннадцати томах) и др.¹

В Институте рукописей имени Мухаммеда Физули НАНА хранится богатейшее собрание редких рукописей на арабском, персидском и турецком языках, охватывающее различные области науки: медицину, астрономию, математику, поэтику, философию, историю, литературу, теологию и др. Из 12 000 манускриптов к медицине относятся 453. Из них 60 написаны на турецком, 73 — на арабском и 320 — на персидском языке.

Переписанный насхом в Багдаде 537/1143 г., через 104 г. после смерти автора, двухтомный «ал-Канун фи-т-тибб» Ибн Сины (шифр М-148) как один из старейших списков этого сочинения был включен в Международный реестр ЮНЕСКО «Память мира». Эта рукопись, наряду с двумя другими списками «Канона», происходит из собрания Гусейна Гаибова. Все три упомянуты в «Каталоге рукописных коллекций» сотрудницы Института рукописей, доктора филологических наук покойной Тахиры Нуралиевой:

«Гусейн Эфенди Гаиров родился в селе Салахлы, Газахской губернии в 1830 г. Он был известным азербайджанским литературоведом, педагогом и общественным деятелем XIX века. Гусейн Эфенди был внуком Муллы Вели Видади по дочери и овладел наукой и литературой благодаря своему деду М. В. Видади и стихам

¹ Каххала, ‘Умар Рида. Му‘джам ал-му’аллифин. Дж. 1–4. Байрут, 1414 (1993). Дж. 1, с. 619.

М. П. Вагифа. Он в совершенстве владел русским языком, преподавал в Горийской семинарии. Его четырехтомный сборник “Сборник популярных в Азербайджане шуараи ашар” хранится в Институте рукописей НАНА. Здесь собраны образцы стихов 109 поэтов. В коллекции Гаибова, хранящейся в Институте рукописей, сохранилось много рукописей и печатных книг. Одной из таких рукописей является “ал-Канун фит-т-тибб” Ибн Сины, которая хранится в нашей сокровищнице под шифрами М-148, М-136, D-332. Рукопись под шифром М-148 была написана в 1012–1024 годах». Также в каталоге отмечено: «Работа была переведена на латынь Герардом Кремонским 150 лет спустя. Она была переведена на различные европейские языки в конце XIX — начале XX веков и преподавалась в университетах. В 1961 году сотрудниками Узбекского института востоковедения переведена на русский и узбекский языки в 5 томах, 6 книгах». Рукопись под шифром М-136 была переписана в 835/1431 г., а D-332 — в Ифахане в 1268/1852 г.¹

Десятки списков этого произведения хранятся во многих библиотеках, музеях и рукописных сокровищницах по всему миру. Один из них был передан в библиотеку Института рукописей им. К. С. Кекелидзе в Грузии. Дата переписи в рукописи не указана². В колофоне рукописи XVII в., хранящейся в библиотеке Узбекистана имени Бируни, отмечается, что этот список был сделан Исма‘илом б. Хасаном ал-Хусайни с автографа³.

В Институте рукописей хранится также три старопечатных экземпляра «ал-Канун фи-т-тибб» на арабском языке (шифры XVI-470, VI-289 и V-272)⁴ и один на персидском (шифр VII-258)⁵.

Покойный доктор исторических наук Фарид Алекберлы в своей книге «Тысяча и одна тайна восточной медицины» пишет: «Великий Абу Али Ибн Сина (980–1037) также много раз посещал Азербайджан и копил оттуда медицинские знания. О своем посещении азербайджанского поселка Сабурхаст он рассказывает в своем труде “Канун фи-т-тибб”. Ибн Сина долгое время прожил в городе Хамадан на границе с Азербайджаном, где написал большую часть произведения “Каноны медицины”»⁶.

К произведению «ал-Канун фи-т-тибб» Ибн Сины многими учеными были написаны примечания и комментарии, оно было переведено на разные языки. Среди авторов комментариев – ученые X–XI вв. ‘Иса ар-Ракки ат-Тифлиси и Бахманйар б. ал-Марзубан. Мы продолжаем работу по исследованию как самого сочинения Ибн Сины, так и комментариев к нему.

¹ Nurəliyeva T. Əlyazma kolleksiyaları kataloqu. Bakı: Nurlan, 2006. S. 86–88.

² Гварамия Р. В., Канчавели Н. Г., Мамулия Л. И., Самкурашвили Л. В. Каталог арабских рукописей Института Рукописей им. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1978, С. 21.

³ Собрание восточных рукописей Академии Наук Узбекской ССР / Под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова. Т. 1–20. Ташкент, 1952–1967. Т. 1, с. 140.

⁴ Əski çap kitablarının kataloqu. Ərəbdilli kitablar. III c. Bakı, 2010. S. 203–204.

⁵ Əski çap kitablarının kataloqu. II cild: Farsfili kitablar. Bakı, 2007. S. 353.

⁶ Алекперли Ф. Тысяча и один секрет восточной медицины. Баку: Нурлан, 2005. С. 32.

Yılmaz F. (Marmara University, Turkey)

An Important Collection in the St. Petersburg National Library: The Crimean Khanate Court Registers

The Crimean Khanate Court Registers (*Kırım Hanlığı Kadı Sicilleri*) constitute one of the most important collections owned by the National Library of Russia in St. Petersburg. This collection was formed without any alien influence within the structure and bureaucracy of Crimean Khanate between 1608 and 1786, that is why it is the most important and comprehensive source for the legal, political, social and economic history of the Black Sea region in general, and the Crimean Khanate in particular. After the collapse of the Soviet Union this source became accessible through articles, dissertations and books; new studies began to be conducted mostly in Turkey and also in the West on the Crimean Khanate, which was almost ignored both in Russian and Western literature.

Court registers, as the name implies, are the records belonging to the *qadi* courts. *Qadis* were not only responsible for legal judgment but also served as a notaries and mayors at the same time. Especially because of their notarial functions all kinds of information about the state and society were recorded in large notebooks (*defters*), that is, they were registered like the contemporary muslim Ottoman Empire. The *Qadi* was in charge of a certain administrative region called *kaza*. In other words, there was a *Qadi* at each *kaza* site. There were 20–25 *kaza* in the Crimean Khanate as an administrative region. All *qadis* were responsible to the chief *Qadi*, called *Kadıasker* who was located in Bahçesaray, the capital of the khanate. *Kadıasker* also had a court in Bahçesaray. These courts were completely independent institutions and formed the basic framework of Islamic law. But an important point to be noted is that the *qadis* did not have jurisdiction. They would only report events, issues or problems in detail over to *kadıasker* at the Khanate administration. The trial and judgment were given by the Khanate court.

If we accept that the Crimean Khanate had an institutional lifespan of about 350 years, at least 5000 *defters* should have remained up to the present. However only 122 of them have survived to this day. The vast majority of them were burned down during the temporary occupation of Crimea by the Russian army in 1736.

At the moment this very important collection is located in the Manuscripts department of the St. Petersburg National library. This study focuses on the story of the Crimean *Qadi* registrers, the importance of the data and information contained in them for the regional and world history.

СЕКЦИЯ II • SECTION II

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРАБСКИХ СТРАН. ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО (1883–1951) SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ARAB COUNTRIES. READINGS IN MEMORIAM OF ACADEMICIAN I. YU. KRACHKOVSKY (1883–1951)

Боков Т. А. (Посольство России в Сирии, Дамаск)

Сирийские христиане в зеркале анекдота

И при смехе иногда болит сердце,
и концом радости бывает печаль.
(Пр. 14:13).

Основы осмысления смешного были заложены ещё Платоном и Аристотелем. В последние столетия утвердилось представление о смехе как о специфическом психологическом механизме. Так, Иммануил Кант считал его «аффектом от превращения напряжённого ожидания в ничто», а Зигмунд Фрейд расценивал юмор как один из лучших способов психологической защиты (сублимация). В XX в., в том числе благодаря А. Бергсону и М. М. Бахтину, предметом изучения стали многочисленные социальные функции как смешного в целом, так и его конкретных форм. В частности, начиная со второй половины прошлого столетия, существенное развитие, в том числе в СССР и России, получили исследования анекдота как источника информации о различных аспектах общественной жизни¹.

В Сирии жанр анекдота весьма развит. Широкое хождение имеют многочисленные бытовые и политические шутки, а также шутки, основанные на традиционных местных стереотипах, таких как глупость жителей Хомса и т. д. Ещё одним

¹ См. обзор таких исследований в: Латышев Ю. В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии (теоретико-методологический анализ). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к. филос. н. Кемерово, 2003. С. 6.

небольшим, но весьма любопытным пластом являются анекдоты на религиозную тематику, распространённые в среде сирийских христиан¹.

За время работы в Сирии (2018 г. — по н. в.) в Интернете² и в интервью с членами христианской общины страны я собрал небольшую (около тридцати) подборку таких анекдотов³. Часть из них вполне привычна нам по своей тематике (построена на сопряжении сакрального и «низкого» (священники и секс), высмеивании скупости иудеев и пр.). Однако предметом большинства являются взаимоотношения с последователями других религий, в первую очередь — ислама⁴.

Некоторые из таких анекдотов обыгрывают заметные бытовые различия между христианами и мусульманами:

Христианин спрашивает у соседа-мусульманина:

— *Что это у тебя в руках?*

— *Вот, несу мочу на анализ⁵.*

— *Да когда же вы, мусульмане, покончите с этими глупостями! Мочу вы позволяете, а водку — запрещаете!*

Похоронили христианина на мусульманском кладбище. Вскоре приходят родственники на могилу и видят: он бежит им навстречу со всех ног.

— *Что случилось?*

— *Не могу я здесь больше, надоело уже эти мусульмане. Всё время говорят мне: ты среди нас единственный одетый⁶, сбегай за сигаретами, за тем, за этим!*

Другая важная тема — переход (всегда мнимый, неполный или не удовлетворяющий отступника) из христианства в ислам или наоборот.

Христианин говорит шейху:

— *Хочу принять ислам. Что мне надо сделать?*

— *Сначала произнеси шахаду.*

Тот произнёс и спрашивает:

— *А ещё что?*

— *Обрезание. Это простая операция, больно не будет.*

¹ По разным оценкам составляют от 5% до 10% населения Сирии.

² Форум «Спайдер 24». URL: <https://theblackpearl.ahlamontada.net/t109-topic> (дата обращения: 08.01.2023). Собранные на этом сайте анекдоты легко атрибутируются как сирийские благодаря многочисленным диалектизмам и местным реалиям.

³ Установить место появления большинства собранных анекдотов затруднительно, однако сам по себе факт бытования в изучаемой среде делает их значимым источником.

⁴ Зафиксировано также по одному анекдоту о сосуществовании сирийских христиан с алавитами и маронитами (составляют большинство христиан Ливана) и три — о посрамлении атеистов.

⁵ Шутка строится на игре слов: существительное «тахлиль» имеет несколько значений, в том числе «анализ» и «дозволение чего-либо» (однокоренное термину «халяль»).

⁶ По мусульманскому обычаю, человека погребают обнажённым, завернутым в саван.

Тот согласился. Его обрезали и он завопил:

— Нет, это очень больно, не хочу больше быть мусульманином!

Шейх отвечает:

— Теперь если ты откажешься от ислама, то станешь муртадом и тебе отрежут голову!

— Да что же вы за люди? Тому, кто хочет стать мусульманином, вы отрезаете голову, а тому, кто хочет перестать им быть — голову!

Двое мусульман заблудились в пустыне, оголодали, вдруг видят — монастырь. Вошли. Один назвался Джурджусом, а другой, Мухаммад — своим подлинным именем. Настоятель их выслушал и говорит монахам: «Дайте Мухаммаду что-нибудь поесть». Затем обращается к Джурджусу: «Ну а у христиан сегодня пост».

Что же могут рассказать подобные анекдоты о жизни христианского сообщества Сирии?

Видный исследователь юмора, чл.-корр. РАН А. В. Дмитриев, рассуждая о социологии этнических анекдотов, пишет: «Шутки, появляющиеся в противоборствующих группах, отражают проблемы и тревоги, вызванные конфликтующими нормами и ценностями»¹. Как представляется, с учётом того, что в сирийском обществе разломы по конфессиональной линии не менее заметны и важны, чем этнические, это замечание будет правильно распространить и на шутки религиозные.

Исходя из этого можно с достаточной уверенностью сказать, что в значительной части анекдотов, бытующих среди сирийских христиан (в первую очередь — о мусульманах и различиях между исламом и христианством), нашло выражение их беспокойство, вызванное существованием в чуждой по своей сути среде.

Другая немаловажная часть анекдотов (об атеистах и неудачных переходах из одной веры в другую) свидетельствует о том, что сохранение собственной идентичности в иноверческом окружении является одним из приоритетов христиан Сирии.

Кроме того, анализ собранного материала позволяет сделать два осторожных предположения, нуждающихся в дополнительных подтверждениях.

1. С учётом того, что мною зафиксирован пусть всего один, но весьма злой анекдот о маронитах, и при этом — ни одной шутки о представителях традиционных для Сирии конфессий, можно выдвинуть гипотезу о том, что местными христианами марониты воспринимаются как чужаки.

2. Установленное бытование некоторых из зафиксированных шуток в Египте (имеются в сети Интернет) даёт возможность говорить о некоторых пересечениях между культурными пространствами христиан Египта и Сирии.

¹ Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. М., 1996. С. 67.

Болдина Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург; Sorbonne Paris IV, Paris)

Социальная интеграция и конструирование идентичности морисков и сефардов и их потомков в странах Магриба

Тема морисков¹ и сефардов, их изгнания из Испании в XV–XVII вв. и ассимиляция в странах Магриба стала объектом многочисленных исследований (Гишар², М. дэ Эпальса³, М. Гарсиа-Ареналь⁴, А. Лапейр⁵, А. Темими⁶, Р. Г. Ланда⁷ и др.). Область наших научных интересов — культура и этнография потомков прибывших из Испании в Магриб мусульман и иудеев, конструирование их этнокультурной идентичности и развитие последней в условиях глобализации и межкультурных обменов, особая «андалусская» идентичность потомков морисков и сефардов, имеющая черты двух цивилизаций — испанской и арабо-мусульманской⁸.

Типы исследований, посвященных морискам и сефардам, можно разделить на несколько групп, где мориски и сефарды изучаются в рамках обзора общей истории Испании и внешнеэкономической политики Османской империи. Также они изучаются как особая этническая группа при анализе истории стран Магриба, исследуется история их иммиграции и ассимиляции в принимающем обществе, детали переселения, нелегкий, полный трудностей путь по морю из Испании, османское присутствие в Средиземноморье и влияние Османской империи на мировой внешнеполитический контекст.

Сегодня потомки морисков и сефардов успешно развивают этнокультурную память, берегут наследие предков, передают из поколения в поколение семейные традиции и ценности, рассказывают истории минувших дней. Проведенные нами полевые исследования, включенные наблюдения, участие в традиционных

¹ Оставшись в Испании после триумфа Реконксты и падения Гранады в 1492, они преследовались королем Филиппом II. В середине XVI века Гранада стала центром мощного восстания морисков, направленного против требований инквизиции (запрет на использование арабского языка; запрет на проведение религиозных церемоний, мусульманских молитв, одежды и много другого, включая последовавшую альтернативу: принять христианство или покинуть страну). Жестокое подавление этого восстания испанскими властями спровоцировало значительный отток мусульман из Гранады, главным образом в Марокко и крупные города Туниса.

² Guichard P. Al-Andalus. Estructura Antropológica de una Sociedad Islámica en Occidente. (2 ed.). Universidad de Granada. Colección Archivum, Granada, 1998.

³ De Epalza M., Petit R. Études sur les moriscos andalous en Tunisie. Tunis: Centre d'études hispano-andalouses, 1972.

⁴ Garcia Arenal M. Los Moriscos. Madrid, 1975.

⁵ Lapeyre H. Géographie de l'Espagne morisque. Paris: Ecole Pratique des Hautes Etudes, 1959.

⁶ Symposium international d'études morisques sur: Le Ve centenaire de la Chute de Grenade (1492–1992). Etudes réunies et présentées par Abdeljelil Temimi, Zaghuan.

⁷ Ланда Р. Г. Средиземноморье глазами востоковеда, 1979.

⁸ Lévi-Provençal E. L'Espagne musulmane au Xème siècle: Institutions et vie sociale. Paris, 1932.

празднествах, посещение национальных фестивалей и конференций, приуроченных к празднованию 400-летия изгнания морисков из Испании и их появления в Тунисе, и многочисленные интервью с представителями диаспоры позволяют с уверенностью сказать, что за несколько столетий они сумели сохранить традиции предков через семейную память, музыку, язык, осознание своего особого места в социальной структуре стран Магриба. Однако этнокультурная идентичность обеих диаспор, как сефардов, так и морисков, претерпевает структурные изменения под влиянием процессов глобализации: речь идет как об изменении особенностей самого культурного пространства, так и о возрастании роли этнокультурного фактора в международных отношениях и общественных процессах, что заметным образом влияет на динамику интеграционных процессов и на само понятие идентичности.

*Валеев Р. М. (КФУ, Казань),
Валеева Р. З. (КИУ, Казань),
Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва)*

Академик-востоковед Х. Д. Френ и его научное наследие в истории российского востоковедения¹

В 2022 г. исполнилось 240 лет со дня рождения арабиста и 215 лет — прибытия в Россию и начала научной деятельности Х. Д. Френа. Академический образ и наследие выдающегося российского востоковеда немецкого происхождения, воспитанника крупных германских университетов, профессора, академика-востоковеда Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (23.05.(03.06) 1782, г. Росток, герцогство Мекленбург-Шверинское — 16.(28) 08.1851, С.-Петербург) и его судьба в известных научных центрах ориенталистики в Российской империи (Казань и Санкт-Петербург) остаются значимыми в истории науки о Востоке и в целом современной истории отечественных и европейских академических и университетских гуманитарных востоковедческих дисциплин, особенно в области арабо-мусульманских штудий.

Доклад посвящен обзору и оценке педагогической и научной деятельности Х. Д. Френа (1782–1851) в Императорском Казанском университете (1807–1817) и Азиатском Музее (1818–1851) и его востоковедному наследию в истории российского востоковедения, а также освещению и систематизации сохранившихся материалов о его академической биографии в архивных центрах Казани

¹ Исследование выполнено при поддержке РФН (проекты № 23–18–00406, № 23–28–10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

и Санкт-Петербурга. Основное внимание уделено оценке его научного и просветительского вклада в формирование российского академического и университетского востоковедения, в том числе арабистики и арабо-мусульманской нумизматики в первой половине XIX в. и некоторым перспективам изучения его неопубликованного наследия.

Герасимов И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Фундж и соседи: отношения между суданскими племенами и султанатом в Сеннаре (XVI–XIX вв.)

Султанат фундж является первым государственным образованием на территории Судана, образовавшимся в начале XVI в. в долине Нила с центром в городе Сеннар. Ислам, который полностью доминировал среди представителей политической элиты во главе с народностью фундж, стал официальной доктриной султаната.

В племенных группах Судана сохранились устные предания, из которых можно узнать о характере отношений между ними и фундж. Тексты этих исторических сообщений постепенно фиксируются, и в настоящее время их можно найти в научных статьях и монографиях суданских авторов.

В этой связи интерес представляют сообщения о помощи фундж и их союзников представителям племенной верхушки беджа, когда в красноморском районе на протяжении XVII–XVIII вв. шла борьба за власть и влияние.

В преданиях племени шиллук сообщается о вооруженных столкновениях между шиллук, которые мигрировали с юга на север, и фундж. Результатом стало продвижение шиллук вдоль берегов Белого Нила на север и отвоевание довольно большого пространства для проживания на нильских берегах.

Сообщения о взаимодействии между фундж и населением Джибал Нуба в регионе Кордофан свидетельствуют о том, что они не всегда носили мирный характер. Фундж совершали рейды для пополнения числа рабов из местных мужчин и создания из них охранных воинских единиц, которые базировались преимущественно рядом со столицей.

По мере укрепления государственной власти в султанате возникли специальные институты, такие как регулярная армия, налоговое ведомство, позволявшие властям лучше контролировать перемещения племен и поступления от них налоговых сборов.

Фундж конкурировали со своим главным соперником в регионе — султанатом в Дарфуре. Правители форов неоднократно предпринимали военные походы против Сеннара, пытаясь ослабить своих восточных соперников и расширить собственное влияние.

Такие мини-государства, как мусаббаат в Кордофани или Тагале, располагавшиеся в том же регионе, пытались сохранить независимый политический курс, маневрируя между Сеннаром и Дарфуром, но в разное время оказывались в орбите почти полного контроля то одного, то другого из них.

В целом на протяжении двух с лишним столетий султанат в Сеннаре считался наиболее мощным политическим центром Восточного Судана. Именно тогда формировались условия для интеграции племен в рамках относительно стабильного государства, располагавшегося по большей части в нильской долине. Это государство также смогло, используя политические, военные и экономические методы, установить относительный контроль над племенами-соседями, которые не могли серьезным образом противостоять центральной власти фундж и вынуждены были признать ее главенство.

Конец султанату в Сеннаре был положен египетской военной экспедицией в 1821 г.

Гулынская Е. В. (РГГУ, Москва)

Бедуинский фактор в процессе укрепления хашимитского правления в Трансиордании (1920-е гг.)

Создание эмирата Трансиордания явилось актом совместной деятельности британских мандатных властей и Абдаллы ибн аль-Хусейна — сына правителя аравийского Хиджаза. Еще до его прибытия в г. Маан 24 ноября 1920 г., где он обнаружил свое намерение отвоевать Дамаск у французов и призвал присоединиться к его кампании, Великобритания столкнулась с рядом сложностей в управлении территориями к востоку от р. Иордан. Администрация, созданная страной-мандатарием не была эффективна, что обернулось недоимкой налогов, разгулом преступности и неподконтрольностью бедуинских племен. Появление Абдаллы и его антифранцузская деятельность стали еще одним поводом для беспокойства британцев, так как ухудшали их отношения с европейским союзником. В сложившихся условиях было принято решение, доказавшее свою конструктивность в исторической ретроспективе: предложить эмиру Абдалле встать во главе администрации Трансиордания, чтобы при британской военной и финансовой поддержке он добился внутренней стабильности, необходимой для построения государственных институтов.

Первоочередной задачей эмира в 1920-е годы была консолидация власти, и особенностью этого процесса являлась необходимость обеспечить лояльность

большой группы населения данной территории — бедуинов. Несмотря на то, что в ходе Первой мировой войны ряд трансйорданских племен принял участие в «великой арабской революции»¹, благодаря чему Абдалла имел престиж и уважение существенной части местного населения, бедуины не считали нужным отдавать себя под контроль централизованного государства, сохраняя сложившийся веками уклад жизни и взаимоотношения. Жандармерии не удавалось навести порядок в стране, отсутствие которого было в значительной степени связано с деятельностью кочевников. Британские архивные документы, на которые опирался в своем исследовании автор доклада, следующим образом характеризуют ситуацию в Трансиордании рассматриваемого периода: «оседлое население продолжает страдать от опустошительных набегов бедуинских племен. В ряде случаев владельцы не только оказываются лишены доступа к своим земельным угодьям, но и вынуждены покорно наблюдать, как земля используется и плоды собираются разорителями»².

Следует отметить, что в первое время деятельность и окружение эмира Абдаллы вызывали неприятие не только французов, сделавших его объектом острой критики, но и самих британцев. Однако следует вспомнить в этой связи, что сразу после переговоров в Иерусалиме между эмиром и британским министром по делам колоний Уинстон Черчилль писал Верховному комиссару в Палестине Герберту Сэмюэлю: «Эмир Абдалла обещал работать с нами... и сформировать местную администрацию... Ему необходимо предоставить свободу действий, поскольку перед ним стоит невероятно сложная задача. В разгар его антифранцузской кампании он должен предпринять эффективные шаги для ликвидации результатов собственной предшествующей политики... Буду благодарен, если вы проконсультируетесь со мной прежде, чем вступать с ним в полемику, даже если будет повод для недовольства»³. Автор доклада, рассмотрев меры, предпринятые Абдаллой ибн аль-Хусейном для стабилизации внутривосточной обстановки в Трансиордании и укрепления собственной власти, приходит к выводу, что первостепенную роль сыграла его способность выстраивать отношения с бедуинскими племенами на основе не столько подчинения, сколько договора, и что с учетом цивилизационно-исторических особенностей региона, едва ли было возможно задействовать иные методы или найти лучшую фигуру лидера.

¹ Термин, используемый в арабской историографии и характеризующий антитурецкое восстание ряда арабийских племен под предводительством шерифа Мекки Хусейна ибн Али и его сыновей Фейсала, Абдаллы и Али с целью создания независимого арабского государства на территории Аравийского полуострова и прилегающих областей.

² Sir W. Deeds to Sir H. Samuel, 2 July 1921 [CO 733/4] // Records of Jordan (1919–1965): archive edition. London: Antony Rowe Ltd., 1996. V. I. P. 528.

³ Secretary of State for the Colonies to Sir H. Samuel, 2 April 1921 (damaged original) [CO 733/13] // Records of Jordan (1919–1965). P. 497–498.

Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Историческая мифология и колониальное картографирование в Дарфуре

В современном Дарфуре (пять штатов, составляющих один из регионов Республики Судан) все без исключения группы населения, считающие себя коренными суданцами, претендуют на определенную территорию в четко обозначенных границах (*дар*, *хакура*). Дарфурские кочевники, как арабы, так и неарабские группы, претендуют также на определенные маршруты и стоянки. В суданской политической терминологии все сколько-нибудь значительные группы населения с собственной генеалогической традицией и традиционной администрацией именуются «племенами». Данный термин является крайне неудачным и маскирует существенные различия между различными группами населения.

В течение пяти лет работы (2018–2022) в Дарфуре автору сообщения неоднократно демонстрировали карты подобных территорий и маршрутов. Общая черта таких документов — полное отсутствие карт местного происхождения. Те карты, которыми пользуются дарфурцы, отстаивающие свои права на земли и пастбища, снабжены надписями на арабском языке. Тексты на других языках (фур, загава, масалит) встречаются только в Интернете или в изданиях, опубликованных за пределами Судана. Неарабские карты могут представлять интерес для историков и этнографов, но, насколько можно судить, не используются как документы для обоснования коллективных прав на земли и пути.

Территории и маршруты, указанные и подписанные на картах, воспринимаются как освященные традицией. Между тем даже первый взгляд на подобные карты вызывает сомнения относительно их древности. Один из подобных примеров — карта территории, принадлежащей фулани, или фаллата, в Южном Дарфуре (район Саадун). Абсолютно невероятно, чтобы можно было кочевать в пределах границ, напоминающих сахарские границы Алжира или Чада. В действительности территория в районе Саадун, которую фулани описывают как свою «с XVII в.», была определена в 1928 г. Интересно, что и самим фулани это известно.

Определением внутридарфурских границ в 1920-х гг. занимались британские администраторы, исходившие прежде всего из соображений удобства управления и военного контроля. Колониальные власти также установили и даже отметили на местности важнейшие пути кочевков. Нет свидетельств того, что мнение какой-либо группы при этом было решающим. Иногда, судя по британским описаниям, учитывалось, кто именно населяет тот или иной район, но военные соображения позволяли игнорировать подобные частности или даже «наказывать» мятежную группу, например, лишив ее пастбищ.

В постколониальный период колониальные карты переводились на арабский язык и использовались в ходе межобщинных конфликтов. Попытки заново определить границы между территориями вызывают сопротивление тех общин, которые

считают себя ущемленными в правах. Представления доколониального периода сохранились, но, по-видимому, лишь в самой общей форме, например, о том, что истинная граница Дарфура проходит у Омдурмана, практически по Нилу.

Доклониальные юридические документы, связанные с правами на земли и пастбища, сохранились. Собираением таких документов, в частности, занимался родившийся в Кении и работавший в Бергене (Норвегия) ирландский историк Шон О'Фахи. Суданцы, учившиеся у него и работавшие в Бергене, использовали дарфурские документы времен независимого султаната в своих исследованиях. В то же время автору не встречались случаи, когда такие документы становились бы аргументами в межобщинных спорах.

Таким образом, современные дарфурские представления о межобщинных границах считаются традиционными, но фактически опираются на колониальное картографирование, выполненное не ранее 1920-х гг. В мемуарах и отчетах британских администраторов отмечается, что именно они закрепили статус некоторых групп сложного происхождения как особых племен (например, кабабиш), переселяли мятежников, в основном кочевников, проводили границы между кочевниками и земледельцами. Последствия такого волюнтаризма ощущаются в Дарфуре и в наши дни.

Дьяков Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабская Испания в творчестве академика И. Ю. Крачковского (1883–1951): к 140-летию со дня рождения ученого

Выдающийся российский востоковед, крупнейший арабист XX столетия, академик Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) на протяжении практически всей своей научной деятельности был страстно и преданно увлечен историей и культурой мусульманской Испании¹.

Познакомившись в 1906 г. в Восточной библиотеке Санкт-Петербургского университета со сборником трудов, посвященных Франсиско Кодере (1836–1917) и, по сути, открыв тогда для себя феномен испанской арабистики, И. Ю. Крачковский с энтузиазмом погрузился в изучение испанского языка и истории

¹ См.: Дьяков Н. Н. *Academico Ignacio Kratchkovsky y la revista "Al-Andalus"*. (На исп.яз. Резюме на рус.яз.) // Восток, востоковеды, востоковедение. СПб.: Изд. СПбГУ, 2004. С. 10–21; "Ghusn al-Andalus al-ratib" — "A fresh Branch of Al-Andalus" in the works of I. Krachkovski. Commemorating the 130th Anniversary of Krachkovski and the 700th Anniversary of Ibn al-Khatib // The 27th Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants. Helsinki. June 2–6, 2014. Programme & Abstracts. Ed. UEAI. P. 26.

Ал-Андалуса, в чем его поддержали ближайшие учителя — проф. В. Р. Розен и проф. Д. К. Петров.

В 1908 г., вернувшись из Сирии, И. Ю. Крачковский совместно с Д. К. Петровым приступает к переводу трактата «Ожерелье голубки» кордовского ученого-энциклопедиста Ибн Хазма (ум. 1062), одновременно продолжая заниматься испанским языком и постигая глубины «Генеральной хроники» Альфонсо X Мудрого (XIII в.)

После 1917 г. И. Ю. Крачковский продолжает свои андалусийские штудии, готовя к изданию знаменитый философский роман-трактат Ибн Туфейля (ум. 1185) «Живой сын Бодрствующего». В этот же период начинается и многолетняя переписка ученого с арабистами Гранады, Мадрида, Сарагосы и др., с которыми он обсуждал разные аспекты изучения наследия мусульманской Испании.

Новые возможности для развития таких связей появились у И. Ю. Крачковского с началом издания в 1933 г. журнала испанских арабистов, в самом названии которого, по его выражению, «звучало все то же манящее слово “al-Andalus”...»¹.

Уже в первом номере «Ал-Андалуса» появилась рецензия испанского арабиста Мигеля Асина Паласиоса (1871–1944) на издание И. Ю. Крачковским «Послания об ангелах» сирийского философа-поэта Абу-ль-Аля ал-Маарри (X–XI вв.). Работа И. Ю. Крачковского, по словам М. Асина Паласиоса, отличалась «скрупулезным исследованием текста» с обширными указателями по именам, грамматической и суфийской терминологии...»². В первых выпусках «Ал-Андалуса» были опубликованы и статьи самого И. Ю. Крачковского, посвященные рукописям из лекции профессора шейха Мухаммеда А. ат-Тантави (1810–1861) в Восточном отделе библиотеки Ленинградского университета³.

Дальнейшим планам сотрудничества с испанскими коллегами не суждено, однако, было осуществиться: в Испании вспыхнула гражданская война, и, по словам И. Ю. Крачковского, «ставшие привычными зеленые книжки «al-Andalus» перестали приходить в Ленинград: издание прервалось...».

Между тем именно в это напряженное предвоенное время И. Ю. Крачковский завершает и издает «Арабскую культуру в Испании» (М.; Л., 1937) — работу, по праву занявшую центральное место в отечественном андалусоведении.

Ценные размышления и замечания о развитии историко-географической традиции и творчестве видных ученых и путешественников арабского Запада — Магриба и Ал-Андалуса, — от культурного подъема региона в IX–XII вв. до завершения христианской Реконкисты на пороге XV в., И. Ю. Крачковский привел в своем монументальном труде «Арабская географическая литература», над которым

¹ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Изд. 2-е. М.-Л., 1946. С. 113.

² См.: Крачковский И. Ю. Абу-ль-Аля аль-Маарри. Рисалат аль-Малаяика. Издание текста, перевод и комментарии // *Труды Института востоковедения АН СССР*. III. Ленинград, 1932; Asin Palacios M. “Kratchkovsky I. La Risalat al-mala’ika de Abu-l-’Ala al-Ma’arri. Reseña // *Al-Andalus*. I (1933). Madrid-Granada. P. 231.

³ Kratchkovsky I. Une Anthologie magribine inconnue à Leningrad // *Al-Andalus*. II (1934). Madrid-Granada; Idem. Un Manuscrito de las “Lata’if al-Dahira” // *Al-Andalus*. III (1935). Madrid-Granada.

ученый работал в 1938–1945 гг. В книге впервые в отечественной науке приводится основанная на классических источниках характеристика наследия крупнейших средневековых арабских ученых и путешественников (ал-Узри, ал-Бакри, ал-Идриси, ал-Гарнати, Ибн ал-Араби, Ибн Джубайр и др.)¹.

Весной 1942 г. в блокадном Ленинграде И. Ю. Крачковский наткнулся в университетской библиотеке на биографию автора антологии «Благоухание свежей ветви Ал-Андалуса» («Нафх ат-тиб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб...») аль-Маккари и «живо представил себе, с какой радостью редакторы «Al-Andalus» увидели бы статью об этом на страницах своего журнала...».

Уроженец алжирского г. Тлемсен, Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад ал-Маккари ат-Тилимсани (ум. ок. 1632 г.) в названном труде, написанном благодаря инициативе его друзей из Египта и Сирии всего через несколько лет после массового исхода-изгнания из Испании последних групп мусульман-морисков и иудеев-марранов (1609–1611), по сути, стал первым арабским летописцем истории и культуры страны Ал-Андалус в эпоху разветывания османской и европейской экспансии в странах арабского Востока и Запада.

Со временем сочинение «Нафх ат-тиб...» приобрело популярность как своего рода универсальное пособие по тысячелетней истории мусульманской Испании, биографиям известных деятелей ее культуры, литературы, гуманитарных и естественных наук.

Нельзя отрицать, писал И. Ю. Крачковский, что в этой работе «пред нами проходит вся арабская Испания с VIII до XV в. во всех аспектах истории, литературы, науки, искусства, социологии. Это — громадная, часто живая и яркая картина людей, городов, памятников, событий, путешествий, сражений, сцен разного рода, равной которой в арабской литературе нет...»².

Обращение И. Ю. Крачковского к этому уникальному памятнику и творчеству его автора вызвало немалый интерес со стороны ведущих испанских ученых, высоко оценивших вклад российского коллеги в академическое андалусоведение.

Летом 1943 г., находясь в Подмоскowie и работая над своим очерком «Аль-Андалус и Ленинград», вошедшим позже в его знаменитую книгу «Над арабскими рукописями», И. Ю. Крачковский, с грустью вспоминал своих испанских друзей: рукописи страны Ал-Андалус и их исследователях.

Впрочем, зачем горевать? — вопрошал ученый. — «...Наступит день, и опять испанские и русские арабисты начнут совместную работу на том поле, где для общечеловеческой мировой науки нет никаких межей»³.

В числе первых журнал испанских арабистов «Ал-Андалус» откликнулся на известие о кончине в январе 1951 г. И. Ю. Крачковского — своего преданного друга, читателя и автора. В опубликованном в 16-м выпуске журнала некрологе

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. М.: «Восточная литература» РАН, 2004. С. 272–310. См. также: И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л., 1957.

² И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. С. 729.

³ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. С. 114–115.

говорилось: «Ушел один из величайших столпов европейского востоковедения. Это был колосс арабистики и исламоведения и в то же время человек, исключительно преданный дружбе и истинному научному духу...»¹.

Жерлицына Н. А. (ИАФР РАН, Москва)

Письма мисс Талли из Триполи (1783–1795) как ценнейший источник по истории Триполитании

Книга писем родственницы английского консула в Триполи Ричарда Талли впервые была опубликована в Лондоне в 1816 г.². Р. Талли исполнял обязанности вице-консула в Триполи с 1768 г., а в 1782 г. его назначили консулом. Нет точных сведений о том, какое именно родство связывало консула с автором писем: мисс Талли, прибывшая в Триполи из Лондона в 1782 г., по одним сведениям была сестрой консула, по другим — его невесткой. Но пользуясь давними дружественными связями Р. Талли с правящей семьей паши Али Карамалы (1754–1795) мисс Талли быстро и прочно вошла в ближний придворный круг, став подругой и доверенным лицом жены паши — Лаллы Халлумы.

В XVIII в. литературный жанр писем был чрезвычайно модным, в том числе и среди авторов-женщин, он сочетал в себе жанры путешествий и светских комментариев. Мисс Талли написала более 100 посланий, нарисовав невероятно яркую картину жизни на Варварийском побережье. В отличие от многих литературных рассказов об африканской жизни XVIII в., письма Талли изначально не предназначались для публикации и никогда не привлекали того широкого критического и общечитательского внимания, которого они заслуживали. Семья Талли поддерживала близкие отношения с правителями страны на протяжении многих лет, что позволило этой книге по своей сути стать «единственным точным отчетом, который когда-либо был обнародован, о личных манерах и поведении этого африканского деспота».

Письма мисс Талли, которые она писала на протяжении десяти лет, свидетельствуют о ее широком кругозоре и представляют собой в высшей степени информативное повествование о регентстве Триполи, политической ситуации там в конце XVIII в., ситуации в соседних странах Магриба, отношениях между ними. Такие важные темы как набеги кочевников, пиратство, работоторговля и периоды голода и чумы получили освещение в этих письмах. Мисс Талли излагает историю ожесточенного соперничества между молодыми братьями Караманлы, а также уникальные сведения об отношениях внутри гарема правителя.

¹ Fallecimiento del Profesor Ignaz Kratchkovski // *Al-Andalus*. 16 (1951). P. 254.

² Miss Tully. Letters written during a ten years' residence at the Court of Tripoli, 1783–1795. London, 1816.

Письма проникнуты симпатией к Триполи и его жителям, автор с интересом относится к культурным особенностям станы. Несмотря на то, что она жила среди аристократов Триполи, Талли была так же внимательна к низшим классам, как и к правящей династии. Мисс Талли называет Триполи «самым цивилизованным» из варварийских провинций в отношении безопасности и обращения с европейцами. Среди тем, затрагиваемых в письмах, работорговле уделено большое внимание. Местоположение Триполи означало, что это был центр работорговли. Караваны из областей Африки к югу от Сахары прибывали после нескольких месяцев пути, и несчастные чернокожие рабы доставлялись на рынок, где богатые торговцы покупали их за бесценок.

Рассказ мисс Талли об эпидемии чумы в Триполи 1785 г. интересен тем, что она описала использование европейским населением Триполи карантина — этот метод разрабатывался в Европе на протяжении столетий, начиная с великой чумы середины XIV в. Во время первой вспышки 1785 г. четверть из 14 000 жителей Триполи умерли всего за два месяца. Ярко и эмоционально Талли описывает страдания горожан и особенности отношения мавров к этому бедствию — они в значительной степени полагались на ритуалы.

Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Трактат Джалал ад-Дина ас-Суйути о соблюдении условий вакфа¹

Джалал ад-Дин ас-Суйути (ум. в 1505 г.) — один из самых известных и плодотворных авторов средневекового Египта. Он создавал многотомные труды и небольшие сочинения по самым разным областям знания (всего около шестисот произведений), «для него это было своеобразным спортом и предметом гордости: по каждой дисциплине он сознательно стремился составить такие своды, которые были бы постоянно в ходу и увековечили его имя у последующих поколений»². Ас-Суйути родился в Каире, в семье авторитетного шафи‘итского законоведа. Еще не достигнув восьмилетнего возраста, ас-Суйути знал наизусть Коран и посещал занятия прославленного историка и авторитетного знатока мусульманского права Ибн Хаджара ал-‘Аскалани (ум. в 1449 г.), изучал *фикх*, грамматику, хадисы. Первый трактат он написал в семнадцать лет, а в двадцать лет завершил труд своего скончавшегося

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (23–00–027 «Армия и военные традиции в политике, обществе и культуре арабских стран») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

² Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература РАН, 2004. С. 482.

учителя, Джалал ад-Дина ал-Махалли (ум. в 1459 г.) — большой комментарий к Корану, назвав его «Тафсир двух Джалалей» (*Tafsīr al-Jalālayn*)¹. Ученый много путешествовал, побывал в Сирии, Йемене, Индии, странах Магриба². К числу крупнейших и самых известных его работ относятся «Прекрасная беседа...» (*Husn al-muḥāḍarah fī akhbār Miṣr wa-al-Qāhirah*), посвященная Египту, и «История халифов» (*Tārīkh al-khulafāʾ*), во второй части которой последовательно изложены обстоятельства пребывания ‘Аббасидских халифов в Каире³.

Трактат Джалал ад-Дина ас-Суйути «...О сокровищнице Махмуда» (*Badhl al-Majhūd fī Khizānat Maḥmūd*) был написан в связи с вопросом о сохранности библиотеки эмира Джамал ад-Дина Махмуда (ум. в 1397 г.), высокопоставленного чиновника при дворе мамлюкского султана аз-Захира Баркука (1382–1389; 1390–1399)⁴. Джамал ад-Дин Махмуд занимал должность *главного уstadара* (*al-ustādār al-kabīr*): в его ведении находилось управление резиденцией и личной собственностью султана, дворцовыми службами и слугами, а также контроль за обеспечением султанских мамлюков. По обвинению в махинациях со вверенными ему денежными средствами Джамал ад-Дина Махмуда арестовали, его имущество было конфисковано, сам он умер в тюрьме⁵. О богатствах, накопленных Джамал ад-Дином, косвенно свидетельствует сумма изъятых у него во время дознания денег: по некоторым оценкам она достигала миллиона двухсот тысяч динаров золотом и полутора миллионов дирхамов серебром⁶.

Для медресе, основанного им в Каире, Джамал ад-Дин Махмуд передал в *вакф* великолепное собрание книг (около 4000 томов), вызывавшее восхищение самых именитых *улемов* того времени. Стремясь обеспечить сохранность этой коллекции, Джамал ад-Дин Махмуд указал в учредительном документе — *вакфийе*, что книги нельзя выносить за пределы специально предназначенного для них помещения⁷.

¹ Фролов Д. В. Вступительная статья, перевод и комментарии // Ас-Суйути Джалал ад-Дин. Совершенство в коранических науках. Вып. 1. Учение о толковании Корана. М.: ИД «Муравей», 2000. С. 9–11.

² Saleh M. J. Al-Suyūṭī and His Works: Their Place in Islamic Scholarship from Mamluk Times to the Present // *Mamlūk Studies Review*. 2001. Vol. 5. P. 74–75.

³ Микульский Д. В. Джалал ад-Дин ‘Абд ар-Рахман Б. Аби Бакр ас-Суйути и его сочинение *Тарих ал-хулафа* (‘История халифов’) // *Вестник Московской международной академии*. 2017. № 1–2. С. 56–57; al-Suyūṭī, Jalāl al-Dīn ‘Abd al-Raḥmān ibn Abī Bakr. *Husn al-Muḥāḍarah fī Akhbār Miṣr wa-al-Qāhirah*. Cairo: ‘Isā al-Bābī al-Ḥalabī, 1967. 2 vols.; al-Suyūṭī, Jalāl al-Dīn ‘Abd al-Raḥmān ibn Abī Bakr. *Tārīkh al-Khulafāʾ*. Beirut: *Dār Ibn Ḥazm*, 2003.

⁴ Al-Suyūṭī, Jalāl al-Dīn ‘Abd al-Raḥmān ibn Abī Bakr. *Badhl al-Majhūd fī Khizānat Maḥmūd / Fu’ād Sayyid. Naṣṣān Qadīmān fī ‘Ārat al-Kutub // Majallat Ma’had al-Makḥḥūṭāt al-‘Arabīyah*. 1958. Vol. 4, 1. P. 134–136.

⁵ Al-Maqrīzī, Taqī al-Dīn. *Durar al-‘Uqūd al-Farīda fī Tarājim al-A’yān al-Muḥīda*. Beirut: *Dār al-Gharb al-Islāmī*, 2002. Vol. 1. P. 92–100.

⁶ Ibn Taghī Birdī Jamāl al-Dīn. *Al-Manhal al-ṣāfī wa-l-wustawfā ba’da-l-wāfī*. Cairo: *al-Hay’ah al-Miṣrīyah al-‘Āmmah li-l-Kitāb*, 1984–2009. Vol. 11. P. 214.

⁷ Behrens-Abouseif, D. *The book in Mamluk Egypt and Syria (1250–1517): scribes, libraries and market*. Leiden, Boston: Brill, 2018. P. 25.

Такое условие не было исключительным и встречается в других вакуфных документах мамлюкской эпохи, касающихся основания и содержания библиотек¹.

Между тем, уже в первые годы после постройки *медресе* более ста книг было утеряно. Собрание Джамал ад-Дина Махмуда продолжало пользоваться большим спросом на протяжении нескольких десятилетий, и проблема сохранности книг, с одной стороны, и возможности их использования за пределами *медресе* — с другой, по-видимому, оставалась актуальной во второй половине XV в., что и побудило Джамал ад-Дина ас-Суйути рассмотреть юридическую сторону вопроса в упомянутом выше трактате.

Сочинение ас-Суйути «...О сокровищнице Махмуда» представляет интерес не только как источник по истории мусульманского права, но и как свидетельство широкого распространения и активной деятельности системы *медресе*, *ханак*, иных религиозно-образовательных центров, которые способствовали росту социальной прослойки *улемов* и суфийских *шейхов*, и в конечном итоге, оказывали пролонгированное влияние на египетское общество в целом.

Крол А. А. (МГУ, Москва),

Толмачева Е. Г. (РПУ св. Иоанна Богослова, Москва)

Опыт реконструкции жизни обитателей «Северной Крепости» археологического памятника Дерахейб на основании письменных и археологических источников IX–XII вв.

С 2017 г. на памятнике Дерахейб, расположенном в верховьях Вади-аль-Аллаки на территории Республики Судан работает Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова. До настоящего времени проведено пять сезонов полевых исследований. Были начаты работы раскопки на объектах Городище, Южный некрополь, Северная крепость.

Археологический памятник Дерахейб может быть идентифицирован с городом аль-Аллаки, часто упоминаемом в средневековых арабских источниках, в частности в сочинениях Ибн Русте (составлено ок. 903–913), аль-Йакуби (ум. 897), Ибн Хаукаля (ум. после 988), аль-Бакри (1014–1094), Йакута (ок. 1179–1229), Ибн Саида аль-Магриби (1214–1275).

Расцвет аль-Аллаки относится к IX–XII вв. Город был центром золотодобычи в регионе. Через аль-Аллаки проходил один из торговых путей, соединявших красноморский порт Айзаб и верхнеегипетский город Асуан. Через город проходили и паломники, отправлявшиеся в хадж.

¹ ‘Uthmān, Muḥammad ‘Abd al-Sattār. *Wathīqat Waqf Jamāl al-Dīn Yūsuf al-Ustādār. Dirāsah ta’rikhīyah atharīyah wa-wathā’iqīyah*. Cairo: *Dār al-Ma’ārif*, 1983. P. 164.

Одним из интереснейших объектов на памятнике является Северная крепость — фортификационное сооружение квадратной в плане формы $26,50 \times 26,50$ м. Крепость была исследована в ходе двух сезонов (2020 и 2022 гг.). В ходе раскопок было обнаружены предметы, связанные с бытом обитателей Крепости: керамика; текстиль, растительные остатки, кости животных. Показательно, что и текстильные находки, и керамика, происходящие из крепости, отличаются наличием достаточно большого количества импорта и статусными, роскошными вещами: иракская люстровая поливная керамика, фрагменты китайских селадонов, шелковые изделия.

Анализ обнаруженных при раскопках предметов, позволил сформулировать гипотезу о том, что Северная крепость являлась, скорее, замком местного правителя, чем крепостью, в котором располагался воинский гарнизон.

Сопоставление полученных археологических, антропологических, археоботанических и археозоологических данных со свидетельствами арабских источников позволяет предпринять попытку реконструировать жизнь обитателей Северной Крепости IX–XII вв.

Лукьянов Г. В. (ИБ РАН, Москва)

Материалы устной истории как источник для изучения истории Ливии XX века и методологическая основа национальной школы исторической науки

Устная история как концептуально-методологическое направление и метод исторической науки, сложившийся и прошедший процесс институционализации в структуре научного знания по истории во второй половине XX века во многих странах Европы, а также США и России, встретил не менее горячую поддержку среди историков стран Азии и Африки. Далеко не последнюю роль в росте популярности этого направления и его последующем институциональном укоренении во многих национальных историографиях сыграло то, что материалы устной истории воспринимались зачастую как один из немногих уникальных источников информации, способных предоставить взгляды, оценки и суждения, по сути являвшихся альтернативой укоренившимся в колониальной и постколониальной историографии европейских (или шире — западных) стран. Тем не менее, существует не так много государств, где устная история получила настолько масштабную поддержку со стороны государства, что сыграла столь заметную роль в складывании национальных нарративов исторической памяти и превратилась в один из столпов национальной школы исторической науки, как в Ливии.

В 1970-х гг. на фоне масштабной форсированной модернизации экономики и фундаментальной трансформации социально-политического уклада жизни обще-

ства, вызванного увеличением доходов государства от добычи и экспорта нефти и революционной сменой политического режима в результате сентябрьских событий 1969 года, на территории Ливии произошло одновременно интенсивное по своему характеру и экстенсивное по масштабу развитие системы образования и науки.

В рамках провозглашенной Муаммаром Каддафи 15 апреля 1973 года во время выступления в Зуаре «народной культурной революции» был предпринят ряд мер организационного характера по созданию новых учебных заведений высшего образования и науки. Особое внимание было уделено подготовке учителей и преподавателей. При этом при реформировании, а в отдельных вопросах и при создании «с нуля» системы образования и науки государством активнейшим образом изучался иностранный опыт, а также привлекались кадры из ведущих научных и образовательных учреждений Европы и Америки, перенимался передовой опыт организации научных изысканий, управления образованием и создания цикла «наука-образование». Область гуманитарных и социальных наук не стала в этом отношении исключением, что позволило создать ряд кафедр по политологии, социологии и истории с привлечением иностранной профессуры, наладить процессы образовательного обмена и сравнительно быстро организовать процесс подготовки собственных специалистов¹.

После провозглашения создания Ливийской Джамахирии в марте 1977 г. возросло внимание к системе образования и науки со стороны отделенных от государства революционных органов власти, в том числе революционного руководства во главе с М. Каддафи и революционных комитетов. Но при усилении политического контроля произошло и значительное увеличение финансовой и организационной поддержки², позволившей интенсифицировать работу в сфере исторической политики и политики памяти с использованием современных методологических подходов и технологических средств.

В 1977 г. решением Всеобщего народного конгресса в Триполи был создан Центр исследований ливийского джихада против итальянского колониализма, вскоре превратившийся в ключевой координационный ливийский научный центр в области исторических исследований. Под эгидой Центра осуществлялось сотрудничество других исследовательских организаций (например, Исследовательский центр при Университете Гар-Юнис, Центр изучения Зеленой книги) с университетами (Университет аль-Фатех в Триполи, Университет Гар-Юнис в Бенгази), а также архивами (Ливийский исторический архив), библиотеками и музеями³. Миссия Центра заключалась в сборе, накоплении, сохранении и осмыслении исторической памяти о периоде итальянского колониализма, послужившем одной из ключевых вех на пути формирования ливийской национальной идентичности и объединенной ею общности.

¹ Monastiri T. Teaching the Revolution: Libyan Education since 1969 // Qadhafi's Libya, 1969–1994 / Ed. by D. Vandewalle. St. Martin's Press, 1995. P. 67–89.

² Anderson L. Research Facilities in the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriyah // *Middle East Studies Association Bulletin*. 1980. 14 (1). P. 27–31.

³ Vandewalle D. Research Facilities and Document Collections in the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriyah // *Middle East Studies Association Bulletin*. 1994. 28 (1). P. 9–13.

Сотрудниками Центра была создана не имеющая себе равных в плане объема и разнообразия фондов архивная коллекция. Она включает копии документов итальянских колониальных ведомств и министерств (микрофильмы, а также оригиналы и бумажные копии географических карт), а также собрание исторических материалов и свидетельств о территории и населении современной Ливии на разных языках (османский, арабский, итальянский, французский, английский, и т.д.). Но особую ценность представляет собой коллекция аудиозаписей воспоминаний местных жителей о периоде итальянского присутствия, собранных сотрудниками Центра в сотрудничестве со студентами педагогического факультета Университета аль-Фатех и других партнерских университетов.

Материалы устной истории в коллекции Центра джихада послужили источником для многочисленных исследовательских работ, опубликованных ливийскими и зарубежными авторами как в научных периодических изданиях Ливии, так и за рубежом¹. Особого внимания заслуживают издававшиеся Центром, а также вошедшими в последующие годы в его состав организациями арабоязычные периодические издания — «Журнал исторических исследований» (*Маджаллат аль-бунут ат-та'рихийя*) и «Журнал Омара аль-Мухтара» (*Маджаллат Умар аль-Мухтар*).

В 2009 г. Центр был переименован в Ливийский центр архивов и исторических исследований. После 2011 г., несмотря на динамику развития политического процесса в Ливии, центр продолжает свою работу по сохранению исторического наследия Ливии, а хранящиеся в его архивах материалы и опубликованные работы по материалам устной истории продолжают представлять неизменный интерес для исследователей как в самой Ливии, так и за её пределами, но уже не только и не столько по проблемам колониального периода, сколько по более широкому кругу вопросов политики памяти в постколониальную эпоху.

Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Невозможные существа» в средневековой мусульманской книжной культуре

Среди высказываний пророка Мухаммада, содержание которых было посвящено не просто ритуальной практике и распорядку жизни, но образу мышления и верованиям, особняком стоит целый ряд запретов, которые донесли до нас передатчики хадисов. Такие запреты, как «Нет *'анка'*, нет *гуля*, нет *сафара*», оформленные грамматически при помощи абсолютного отрицания — наиболее сильной формы отрицания в арабском языке, — были направлены против древних суеверий, кото-

¹ Ahmida A. A. *Genocide in Libya: Shar, a hidden Colonial History*. Routledge, 2021. 214 p.

рые так или иначе регулировали образ мышления обитателей Аравии. Некоторые из «невозможных» явлений носили более неконкретный характер — например, отрицалось существование эпидемий или верных друзей, которые были бы преданы товарищу больше, чем себе самому. Однако основная их масса — это вполне однозначные явления окружающего мира живых существ и духов.

Несмотря на запрет со стороны самого пророка, большинство подобных существ не только сохранились в сознании арабов после принятия ислама, но и закрепились в нём, «вписавшись» в исламскую картину мира, пополнив её мифологию.

Не всех таких персонажей ждала одинаковая судьба. Если, например, образ птицы ‘анка’ оброс многочисленными подробностями, сказочными сюжетами, дидактическими нарративами религиозной направленности, а гуль остался настолько популярен, что сейчас вошёл в мир западных фэнтези, то, например, упомянутый червь сафар практически сошёл со сцены. Мало-помалу доисламские поверья бедуинских племён претерпевали существенные изменения, то развиваясь в рамках новой культурной среды, то, напротив, упрощаясь, а затем исчезая.

На основе анализа различных трактатов религиозной, космологической, биологической направленности, предлагаемый доклад будет посвящён тому, каким образом трансформировался (если трансформировался) в средневековой мусульманской книжной культуре образ каждого из подобных существ. Будут выдвинуты предположения о том, под влиянием каких культурных тенденций, внутренних и внешних, не сработал постулируемый хадисами запрет на их бытие.

Моисеева А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Йемен в объективе русского переводчика (1961–1967 гг.): фотоархив В. В. и С. Н. Посувалюков

В Йемене многие советские арабисты проходили свою первую рабочую практику в качестве переводчиков. Их работа в 1960-е годы в Северном Йемене была весьма результативна в свете дальнейшего вклада в науку. Например, в те годы переводчиком там работал Олег Герасимович Пересыпкин. Его книга «В горах южной Аравии» 1963 года издания, в последствии пополняемая материалом и неоднократно переиздававшаяся, помимо личных впечатлений и исторических фактов, содержит и этнографический материал, не утративший актуальность и поныне. Пётр Афанасьевич Грязневич в 1965–1967 годах работал переводчиком в группе советских врачей в Таизе. Результатом тех лет стала еще одна знаменитая книга — «В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи», 1978 года издания. Это не говоря уже о том, что Йемен стал любовью Петра Афанасьевича

на всю жизнь и именно благодаря его энтузиазму в 1983 году была организована советско-йеменская экспедиция (СОЙКЭ), работающая уже на протяжении 40 лет.

Не все отечественные архивы тех лет известны, обработаны и включены в научный оборот. Особую ценность представляют фотоархивы, демонстрирующие Северный Йемен 1960-х годов, когда новые веяния еще не проникли в некогда закрытую страну. Наибольшую известность в фотоистории Йемена получили фотографы, работавшие в National Geographic, а также немецкий фотограф Рихард Герлах. Качество их снимков обусловлено профессионализмом и техникой. Фотоснимки отечественных корреспондентов лишь частично были опубликованы в советских газетах и журналах, и к сожалению, найти оригиналы пленок крайне затруднительно.

В 2020 году Светлана Николаевна Посувалюк, вдова известного дипломата и арабиста Виктора Викторовича Посувалюка, разместила в социальных сетях часть оцифрованных снимков, сделанных ими во время пребывания в Северном Йемене с 1961 по 1967 года, и ранее нигде не публиковавшихся.

В 1961 году, еще будучи студентом арабского отделения Института восточных языков при МГУ, Москва, Виктор Посувалюк прилетел в тогда еще Йеменское Мутаваккилийское Королевство в качестве переводчика коллектива советских специалистов, принимавших участие в строительстве нового порта Ходейды. Через три года он вернулся в Северный Йемен уже в качестве переводчика советской дипломатической миссии в Таизе. Вместе с ним в Йемен приехала и его жена — Светлана Николаевна Посувалюк. Именно для нее Виктор Викторович купил пленочную фотокамеру Кодак и цветные пленки. В те времена была возможность отправлять пленки из Таиза и Саны на проявку в Великобританию. В результате цветной фотоархив Посувалюков содержит около 300 цветных слайдов, не утративших своего качества и поныне.

Возможности свободно путешествовать по Северному Йемену в 1960-е годы у советских специалистов было не так много. Тем не менее историческую, этнографическую и искусствоведческую информацию о жизни в крупных городах и некоторых провинций эти снимки содержат. Не все из них спустя несколько десятилетий удалось атрибутировать. Однако сравнительный анализ и комментарии йеменцев помогли частично решить проблему атрибуции.

Также архив Посувалюков содержит старые открытки тех лет, черно-белые снимки, небольшой объем личных писем с первыми впечатлениями о стране и быте советских специалистов в Северном Йемене, а также архив фотографий и документов советского специалиста Вадима Викторовича Абрамова, работавшего в Ходейде в 1960-е годы. Частично эти сведения были опубликованы Светланой Николаевной в книге «Багровое небо Багдада» 2012 года издания, содержащей архивные записи В. В. Посувалюка.

Условно архив можно разделить на следующие темы: архитектура, костюм, природа, транспорт, сельское хозяйство и быт. Большая часть снимков подтверждают и дополняют сведения, накопленные за годы научных исследований Северного Йемена. Место фотофиксации некоторых снимков до сих пор остается загадкой.

Петрунов Г. О. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Организация работы британской разведки в колониальных странах на примере Судана

Покорение в 1898 г. Махдистского государства и последующее создание Англо-Египетского Кондоминиума поставило перед британскими властями ряд проблем по обеспечению безопасности новых колониальных территорий. В Судане по-прежнему были сильны позиции сторонников ал-Махди. Кроме того, регион географически находился на стыке политических интересов региональных и мировых держав. Это обуславливало необходимость создания эффективной системы безопасности и разведки, которая позволяла бы купировать возможные угрозы.

Значительная часть вертикали управления и органов безопасности в Судане, оставшаяся неизменной в течение долгого времени, связана с именем первого генерал-губернатора — Реджинальда Уингейта. Во время кампании генерала Китченера по завоеванию Судана он эффективно руководил военной разведкой: лично допрашивал военнопленных, создавал пропагандистские материалы и смог организовать системную агентурную работу. Разведывательная деятельность в раннем Кондоминиуме была возложена на Суданское агентство — орган, в первую очередь отвечающий за связь и координацию между Хартумом и Каиром, штаб-квартира которого находилась именно в египетской столице. Непосредственно разведкой руководил заместитель директора агентства, вплоть до выделения разведки в самостоятельное подразделение в 1920 г.¹ Ее деятельность в первую очередь подразумевала сбор внутренней политической информации о настроениях и делах племенной знати, а также разведку в отношении Дарфура. Последний представлял опасность для колониальных властей вплоть до ликвидации в 1916 г., так как подталкивал племена на территории Кордофана к восстанию против «неверных» англичан. Так как в Кордофане проживали крупные кочевые племенные группы, такие как кабабеш, им уделялось существенное внимание разведки, так что даже в 30-х гг. XX в. они воспринимали присланных из Хартума функционеров и учителей как шпионов².

Начиная с 1892 г. в Египте под руководством Уингейта начался выпуск ежемесячных отчетов разведки о положении дел в Судане. Впоследствии эта работа была возложена на разведывательный отдел. С течением времени изменялся формат отчетов и их официальное название, однако суть работы не претерпевала изменений. Ежемесячные отчеты составлялись на основе региональных донесений, затем суммировались в аппарате разведывательного отдела. Отчет представлял собой краткую информацию о военно-политической обстановке на 1–2 страницы с приложениями, которые могли быть перепиской, отчетами об отдельных

¹ Daly Martin W. *Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan, 1898–1934*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1986. 542 p. P. 55, 276.

² Наджила Хасан. *Зикрияти фи-л-бадийа* [Мои воспоминания в пустыне]. *Дар ал-мактаба* [Дом книги], 1964. 248 с. С. 19.

инцидентах и т. д.¹ К основным источникам информации можно отнести донесения агентов и служащих, опросы местного населения и в особенности торговцев².

В то же время, номинальный масштаб работы колониальных разведывательных структур в 1920-х гг., их запоздалые данные, например о Лиге Белого Знамени, позволяют усомниться в эффективности их работы. Многочисленные исследователи также подчеркивали предрассудки, царящие в среде колониальных чиновников, что мешало проведению качественного и объективного анализа³. Так, на фоне волнений в Судане в 20-х гг. XX в., колониальная разведка целеустремленно искала за ними следы главных врагов британского колониализма — коммунистов и египетской партии «Вафд», игнорируя рост национального самосознания в самом Судане. При этом, служба, которая занималась бы сбором разведывательной информации по иностранным государствам с территории Судана, отсутствовала до середины 30-х гг.⁴

В 1900–1914 гг. фактическим руководителем колониальных органов безопасности являлся близкий друг Р. Уингейта — Рудольф фон Слатин, австриец по происхождению, находящийся на британской службе. Он являлся одним из ключевых архитекторов политики безопасности в Судане в период нахождения Уингейта на своем посту.⁵ Занимая должность генерального инспектора в Судане, Слатин был ответственным за преследование потомков ал-Махди и махдистской аристократии, ведение разведки и контроля за местными властями, оставляя разведывательному отделу рутинную работу. Его преемником стал формальный глава разведки, Чарльз Уиллис, занимавший свой пост до 1926 г.

Тем не менее вертикаль власти, созданная в соответствии со стандартами британской бюрократической системы, не могла удовлетворять требованиям разведывательной деятельности в колонии. Даже Ч. Уиллис признавал впоследствии, что эффективность разведки во многом зависела от нескольких руководящих людей и их личных связей⁶. Одним из инструментов, позволявших частично преодолевать эти сложности, была Суданская политическая служба — специальный аппарат чиновников колониальной администрации, на создании которого настоял Уингейт. Аристократы и выпускники ведущих британских университетов, они выступали в роли региональных комиссаров и чиновников по особым поручениям. Сотрудники политической службы были прикомандированы к ключевым отделам колониальной администрации, включая разведку. Ярким примером офицера этой службы является Гарольд Мак-Майкл. Он выступал в качестве связного между британскими властями и правителем

¹ Johnson Douglas H. Sources of Intelligence: A Bibliography of the Monthly Sudan Intelligence Reports // *Northeast African Studies*. Vol. 11. No. 1 (2004–2010). P. 55–123. P. 56–57.

² Garretson Peter P. Intelligence Sources in the Sudan on Ethiopia, 1898–1935 // *Journal of Ethiopian Studies*. Vol. 40. No. 1/2 (June–December 2007). P. 251–260. P. 253.

³ Thomas Martin. Empires of intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. University of California Press Berkeley and Los Angeles, California, 2008. 428 p. P. 136.

⁴ Ibid. P. 140.

⁵ Daly Martin W. Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan, 1898–1934. P. 63.

⁶ Ibid. P. 276–277.

Дарфура, Али Динаром, также ему принадлежит масштабный труд — систематизация данных о племенах Судана, созданный в интересах колониальной администрации.

В 1925 г. система колониальной разведки в целом и деятельность Уиллиса в частности была подвергнута разгромной критике со стороны нового лица в администрации — Дж. Эварта¹. Он справедливо отметил недостатки работы разведки, такие как ограниченное число агентов, нехватку специально обученного персонала и низкую скорость анализа и передачи информации. Тем не менее, на фоне внутреннего кризиса в колониальной администрации, качественные изменения не были предприняты.

В 1935 г. на фоне возникновения итальянской угрозы для британских колоний была фактически создана колониальная внешняя разведка, которой занимались Королевские военно-воздушные силы, до этого зарекомендовавшие себя в Ираке и в качестве разведки, и как мобильное средство подавления беспорядков². Однако их появление не изменило стагнации в области организации разведывательной работы в Судане.

Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва)

Завоевание арабской Сицилии норманнами в интерпретации Анонима из Ватикана

Английский исследователь истории мусульман в различных регионах, в том числе на Сицилии и в Северной Африке, Альберт Меткалф в своей монографии «Мусульмане средневековой Италии» отмечал очень плохую осведомленность арабоязычных источников о норманнском вторжении на упомянутые территории. В данном вопросе он отдает пальму первенства итало-норманнским авторам, хотя и намекает на их предвзятость в описании отношений завоевателей и мусульман³.

Сочинение Анонима из Ватикана, также известное под названием «История Сицилии» (*Historia Sicula*), или «Хроника Роберта Гвискара и его брата Рожера, графа Милета» (*Cronica Roberti Biscardi et fratrum, ac Rogerii comitis Mileti*), является одним из немногих источников освещающих приход норманнов к власти на юге Италии в XI в. и их последующее завоевание арабо-мусульманской Сицилии.

Время его создания относится к середине XII в. Возможно, по этой причине данная хроника у современных исследователей уступает по популярности произведению другого автора: Гауфреда Малатерры «Деяния Рожера, графа Калабрии, и его брата, герцога Роберта Гвискара» конца XI в. К тому же сюжетная линия обоих произведений во многом совпадает. Вследствие такого отношения сочине-

¹ Daly Martin W. *Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan, 1898–1934*. P. 336–337.

² Thomas Martin. *Empires of intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914*. P. 140–142.

³ Metcalfe A. *The Muslims of Medieval Italy*. Edinburgh University Press, 2009. P. 93–94.

ние Анонима получило недостаточное внимание в историографии и на данный момент является крайне недооцененным источником. Актуальное издание источника датируется 1723 г. Джованни Батисто Карузо, которое позднее с небольшими изменениями было переиздано Людовико Муратори.¹

«История Сицилии» сохранилась в восьми рукописях, шесть из которых относятся к XVI–XVII вв., а две старейшие из них относятся к позднему средневековью, из которых одна написана на латыни, а другая на старофранцузском языке. Последний вариант открывает массу возможностей для сравнений с другим источником о завоеваниях норманнов в Южной Италии и Сицилии конца XI в. — Амато из Монтекассино, единственная копия которого XIV в. дошла до нас также на старофранцузском языке.

Обе рукописи начинаются с повествования о родоначальнике рода Отвилей Танкреде и заканчиваются описанием правления «могущественнейшего короля Сицилии, Триполи и Африки» Рожера II. Более поздние версии расширяют содержание «Истории Сицилии» до 1282 г. Уже в данном виде хроника получила своё современное название: «История Сицилии до Петра Арагонского Анонима из Ватикана» (*Anonymi Vaticani Historia Sicula ad Petrum Aragonensem*).

В отличие от других итало-норманнских авторов, «История Сицилии» содержит более подробное описание ряда эпизодов, повествующих о борьбе с арабами на острове: экспедиция византийского военачальника Георгия Маниака на Сицилию, в которой приняли активное участие норманнские рыцари; битва при Серами; осада Палермо и др.

С первых строк «Истории» автор даёт понять, что борьба с мусульманами станет делом всей жизни для норманнов из семьи Отвилей, так как их родной отец Танкред путём воспитания сделал из них «защитников святой Апостолической церкви и неукротимых истребителей сарацинской скверны». В «Деяниях» Гауфреда Малатерры лишь один из братьев — граф Рожер Отвиль, движимый исключительно «жаждой господства», так же стремиться вернуть «неверную» и «восставшую»² Сицилию от поклонения идолам к почитанию Бога³.

Ему вторит создатель поэмы о «Деяниях Роберта Гвискара» Вильгельм Апулийский, который войну с арабами на Сицилии представляет не просто как очередную завоевательную акцию норманнских правителей, но как крестовый поход: «В ту пору Рожер не был по доблести большим, но ни одни из его братьев не был настолько известен после того, как он начал знаменитую войну. Ибо против сицилийцев — врагов божественного имени всегда сражался, святую веру, которой мы все живы, хотел возвеличить и преимущественно этим трудом всю молодость

¹ *Bibliotheca historica regni Siciliae, sive Historicorum qui de rebus Siculis a Saracenorum invasione usque ad Aragonensium Principatum, illustriora monumenta reliquerunt, amplissima collectio. Opera, et studio brevisque annotationibus Joannis Baptistae Carusii, Palnormi, 1723; Rerum Italicarum Scriptores: Anonymi Historia Sicula a Normannis ad Petrum Aragonensem. 8 vols. Milan. Vol. 8. Cols. 744–80.*

² *Malaterra G. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani. T. 5. Bologna, 1928. I, 40. P. 25.*

³ *Malaterra, 1928. II, 1. P. 29.*

свою усердно занимался, пока достойным результатом его не стало подчинение племени сицилийского»¹. В сочинении Амато, герцог Роберт Гвискар обращается к норманнам с речью о необходимости освобождения христиан (*li Christien et li Chatolici*) Сицилии от власти мусульман (*Sarrazin*) и призывает отомстить последним за оскорбление Бога².

Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург)

Арабское языкознание в творческом наследии И. Ю. Крачковского

В творческом наследии И. Ю. Крачковского насчитывается около сорока работ, затрагивающих в той или иной мере вопросы арабского языкознания, хотя лингвистические исследования не были для него приоритетными. Среди них есть как отдельные публикации по сугубо лингвистическим проблемам или связанные с изданием памятников арабской письменности, так и высказанные «попутно» небольшие замечания по ряду вопросов арабского языкознания, не утратившие актуальности до сих пор. В его языковедческих трудах можно выделить четыре основных направления: 1) историческая диалектология; 2) современные живые диалекты; 3) арабский литературный язык (АЛЯ); 4) преподавание и организационно-методическая работа.

Первые публикации И. Ю. Крачковского в области лингвистики относятся к арабской исторической диалектологии, занимающейся ретроспективным изучением диалектов, и начались с рецензий на труды западноевропейских учёных начала XX в. по христианско-арабской литературе, одному из основных источников изучения среднеарабского языка³. Первым в России обратившись к вопросам исторической диалектологии, И. Ю. Крачковский обрисовал круг памятников, необходимых для исследования. Его работы включали ценный фактологический материал и важные методологические замечания, затрагивая такие вопросы, как этимологический анализ заимствований, выявление диалектизмов в области грамматики, принципы издания памятников христианско-арабской литературы

¹ *Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi / ed. R. Wilms // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio / ed. Rudolfo Köpke. Hannover, 1851. T. IX. III, 196–198. P. 269.*

² *Amatus di Montecassino. Storia dei normanni di Amato di Montecassino / a cura di V. de Bartholomeis. Roma: Tipografia del Senato, 1935. V, 12. P. 235.*

³ «Среднеарабский язык» (*Middle Arabic, Moyen Arabic, Mittelarabisch, العربية الوسيطة*) — разговорный язык арабов-горожан эпохи средневековья. Источниками его изучения являются средневековые тексты, в которых присутствуют одновременно элементы арабского литературного языка (АЛЯ) и диалекта (АДЯ).

с сохранением всех особенностей языка, характерные ошибки, которые должен учитывать диалектолог. К этим работам примыкает и статья по христианской терминологии.

Во время стажировки на Востоке в 1908–1910 гг. И. Ю. Крачковский изучал живые арабские диалекты и впоследствии уделял серьёзное внимание проблемам современной диалектологии, включая и острую для арабов проблему двуязычия особого рода — «диглоссию». Так, обстоятельный анализ противоположных точек зрения на эту проблему содержится в его рецензии на работы ливанского писателя и педагога Маруна Гусна, сторонника замены АЛЯ диалектным¹, и в характеристике взглядов на языковую ситуацию в арабском мире египетского писателя Махмуда Теймура, который поддерживал преимущественное значение литературного языка, отмечая пользу «взаимной помощи» для обеих форм². Вопросы диалектологии рассматриваются также в предисловиях и введениях к работам других ученых и их обзорах, а также в статьях памяти арабистов-диалектологов. Как правило, они содержали ценные лингвистические факты и важные замечания, в них подчёркивалось принципиально новое в той или иной работе. И. Ю. Крачковский также указал на необходимость изучения языка среднеазиатских арабов.

Публикации И. Ю. Крачковского по арабскому литературному языку классического и современного периодов посвящены во многом вопросам лексикографии и лексики. Так, в предисловии к словарю Х. К. Баранова характеризуются история и современное состояние арабской лексикографии в Европе, арабских странах и России и актуальные для неё проблемы: границы включения в словарь разговорных и классических пластов, неологизмы и заимствования, географические и оптимальные хронологические рамки для словаря живого современного языка, методику его подготовки³. Особое внимание уделяется заимствованиям в АЛЯ, их адаптации, подчёркивается, что литературный язык является живым развивающимся языком.

И. Ю. Крачковский также рассматривал частные вопросы арабской лексикологии и текстологии, связанные с правильным толкованием и прочтением слов. Его статьи, посвященные толкованию слова النجم в Коране, верном прочтении коранического термина (برى) или (برىء) и о толковании слов مهل *mahl* и الثغر *thugar* отличались не только точной и убедительной аргументацией, но и демонстрировали прекрасное знакомство с состоянием мировой науки и начитанность в классических текстах, тщательность и точность в работе и позволили скорректировать

¹ Крачковский И. Ю. Рец. // *Зап. Коллегии востоковедов при Азиат. Музее АН СССР*. 1928. Т.3, вып.1. С. 186–191; Рец. на кн.: Гусн Марун. Жизнь языков и их исчезновение, народный язык. Бейрут, 1925. 569 с. (На араб. яз.); Рец. на кн.: Гусн Марун. Есть ли книга, подобная этой? Бейрут, 1925. 80 с. (На араб. яз.)

² Крачковский И. Ю. Современные настроения арабской литературы в Египте // *Избр. соч.* в 6 т. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 107–114.

³ Крачковский И. Ю. Предисловие // Баранов Х. К. Арабско-русский словарь современного литературного языка. М.-Л., 1946. С. III–XXIII.

толкования (переводы) соответствующих фрагментов текста с этими словами. Им также отмечались лингвистические особенности арабских сочинений на Северном Кавказе, была предложена научная транскрипция арабских текстов в кириллице, есть работы по сабеистике.

Штудии кабинетного ученого И. Ю. Крачковский сочетал с активной преподавательской и организационно-методической деятельностью, относящейся и к вопросам арабского языкознания, что отражено в рецензиях и предисловиях к учебникам и грамматическим исследованиям, рекомендациях, высказанных в печати и на конференциях или сохранившихся в архиве. В разное время им читались лекционные курсы по арабскому литературному языку, живым арабским диалектам и исторической диалектологии. Среди лингвистов, учеников И. Ю. Крачковского, можно назвать такие крупные фигуры, как Н. В. Юшманов, С. Я. Виленчик, И. Н. Винников.

Широта семитологического кругозора, интуиция тонкого филолога, умение постоять за приоритет отечественной науки и отдать должное зарубежным коллегам, огромный опыт преподавательской и научно-организационной работы в полной мере проявились и в трудах И. Ю. Крачковского языковедческого плана.

Рыженкова Т. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Египет в описании Абд аль-Кадира аль-Джазири (1505–1570)

XVI век в истории Египта знаменуется многими переломными событиями, в корне изменившими его политическую и социально-экономическую жизнь. После турецкого завоевания 1516–1517 гг. ранее могущественная держава мамлюков утратила самостоятельность и превратилась в одну из восточных провинций Османской империи, а Каир в значительной степени уступил Стамбулу свой статус центра исламского мира.

Источниковая база данного периода истории Египта, к сожалению, не так богата арабоязычными трудами самих египтян, как предшествующая ей мамлюкская. Подробное описание первой четверти XVI в. в полной мере дано в *«Китаб тарих Миср аль-машхур би-бада'и аз-зухур фи вака'и ад-духур»* («Книга истории Египта, известной редкими цветами событий эпохи») Ибн Ийаса (1448–1524) — очевидца событий османского завоевания и сына мамлюка. Однако его летопись доведена лишь до ноября 1522 года, охватив, таким образом, лишь первые шесть лет турецкого владычества. Немало ценных сведений дает сочинение Ибн Зунбуля ар-Раммаля *«Ахират аль-мамалик ва-ваки'ат ас-султан Салим аль-'усманийй ма'а*

Кансух аль-Гури» («Конец эпохи мамлюков и битва османского султана Селима с Кансухом аль-Гури»), представляющая собой скорее героическое повествование, популярный в народе эпос. В целом, однако, данный труд описывает примерно ту же эпоху, что и Ибн Ийас, добавив к ней лишь краткий обзор главных событий последующих лет.¹

Частично нехватку местных трудов по истории Египта в XVI веке компенсируют другие источники, не посвященные непосредственно интересующим нас событиям. Среди них, в частности, можно выделить сочинения мекканского автора индийского происхождения Кутб ад-Дина ан-Нахравали (1511–1582), давшего описание османского завоевания и правления в Йемене, сирийского историка Шамс ад-Дина ибн Тулуна (1473–1546), очевидца событий в Сирии, египетского суфия Абд аль-Ваххаба аш-Ша‘рани, в богословских трудах которого содержится немало информации о социальной и религиозной жизни Египта.

Изучая историю Египта в XVI веке, невозможно пройти мимо еще одного произведения местного автора Абд аль-Кадир аль-Джазири (1505–1570) «Ад-Дурар аль-фара’ид аль-муназзам фи ахбар аль-хадж ва-тарик Макка аль-му’аззама» («Собрание редкого жемчуга в историях о хадже и пути в величественную Мекку»). Это двухтомное произведение, посвященное хаджу, наполнено многочисленными рассказами и заметками, записанными автором во время различных путешествий. В нем Аль-Джазири, опираясь на многочисленные труды своих предшественников и на собственную практику, объясняет принципы и правила ежегодного мусульманского паломничества в Мекку, дает подробное описание его ритуалов, а также иллюстрирует социальные и экономические условия жизни в современную ему эпоху.

Абд аль-Кадир аль-Джазири родился и умер в Каире. Когда османы захватили египетскую столицу, ему было 12 лет. Его отец был врачом в больнице комплекса Аль-Мансурийя, позже служил секретарем в столичной канцелярии.² Когда его назначили ответственным по делам хаджа и махмаля, сын часто сопровождал его в поездках в Хиджаз. В 1538 году Аль-Джазири заменил отца на данном посту.

Его биография в настоящий момент малоизучена. В частности, восьмитомный биографический словарь Хайр ад-Дина аз-Зирикли (1893–1976) дает о нем лишь скудные сведения, включающие даты рождения и смерти, полное имя, список трудов. Автор справочника сообщает, что нисба «Аль-Джазири» происходит от острова Филы (Джазират аль-Фил) в Верхнем Египте. Отмечает также его принадлежность к ханбалитскому мазхабу.³ Примечательно, что дата рождения

¹ Т. А. Рыженкова. Османо-мамлюкская война 1516–1517 гг. в описании египетского историка Ибн Зунбуля // *Вестник СПбГУ*. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. СПб: Издательство СПбГУ, 2021. №4.

² Collet Hadrien. Royal Pilgrims from *Takrūr* According to ‘Abd Al-Qādir al-Jazīrī (12th–16th Century) // *Islamic Africa*. Vol. 10. № 1–2. Leiden: Brill, 2019. P. 181–203. P. 184.

³ Khair al-Din Al-Zirikli. *Al-‘A‘lam. Qamus tarajim li‘ashhar al-rijal wa-al-nisa’ min al-‘Arab wa-al-musta‘ribin wa-al-mustashriqin*. Beirut: *Dar al-‘Ilm li-l-malayin*, 2002. Pt. 4. 336 p. P. 44.

(1475 год) у Аз-Зирикли дана неверно и противоречит той, на которую указал сам Аль-Джазири в своем сочинении.¹ Основные сведения биографии автора содержатся в его собственных трудах.

Во введении к «Ад-Дурар» аль-Джазири кратко объясняет свою цель — составить исчерпывающую историю паломничества в Мекку. Затем он излагает структуру своей книги, которая разделена на семь глав (баб) и множество подчастей (фасл). Автор много лет занимался доработкой своего труда, добавляя в него новый материал. Третья глава составлена в форме летописи, в которой описаны события с момента зарождения ислама до 972 года Хиджры / 1565 года н.э. В ней Аль-Джазири, в целом, дает информацию о различных аспектах хаджа, однако параллельно сообщает о наиболее важных событиях в исламском мире и, в первую очередь, в Египте.

Аль-Джазири не скрывает при этом своего восхищения политикой Османов и хвалит реформы, проводимые в Египте сначала Селимом I Явюзом (Грозным) (1512–1520), а затем его сыном Сулейманом I Кануни (Законодателем) (1620–1666). Он сообщает многочисленные подробности экономической и общественной ситуации в Египте, в частности, рассказывает об интенсивности разливов Нила, эпидемиях и их влиянии на обеспечение страны продовольствием, о миграциях крестьянского населения, мерах османских наместников по сдерживанию голода и т. д. В целом, «Собрание редкого жемчуга» Аль-Джазири дает исследователю ценные и подробные сведения о социально-экономической, в меньшей степени — политической жизни Египта в период османского владычества с 1517 по 1565 годы, охватывая значительный период истории этой страны.

Семенова В. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

«Исламский» и «Коптский Каир»: взаимовлияния в архитектуре и орнаментике

Доклад посвящен анализу влияния исламского искусства на церкви старого Каира. Материал был собран в ходе экспедиции в Египет в октябре-ноябре 2021 г. Было посещено более 50 храмов и монастырей коптской традиции различных регионов современного Египта. Этот список включает в том числе 13 церквей Каира (Сергия и Вакха, Варвары, аль-Муаллака, Абба Шенути, Меркурия (Абу-Сефейин), аль-Дамширия, Архангела Михаила аль-Кибли, Богородицы Касриат аль-Рихан, Вавилонская церковь Богородицы аль-Дараг, Кира и Иоанна, Феодора, Богородицы ар-Рум, Богородицы в Харет Зуэйла, а также Коптский музей и монастырь Симеона

¹ 'Abd al-Qadir Al-Jaziri. *Durar al-Fara'id al-Munazzama fi 'Akhbar al-Hajj wa Tariq Makka al-Mu'azzama*. Pt. 1. Beirut: *Dar al-Kutub al-'Ilmiyya*, 2002. 740 p. P. 487.

Дубильщика в Моккатаме). Учитывая богатую историю Каира, в исследование также были включены 8 мечетей «Исламского Каира» (мечеть Амра ибн аль-Аса, мечеть Ибн Тулуна, мечеть аль-Азхар, мечеть аль-Хакима, Комплекс султана Калауна и примыкающие к нему медресе ан-Насира Мухаммада и мечеть-медресе султана Баркука; мечеть и медресе султана Хасана; мечеть ар-Рифаи и мечеть Мухаммеда Али в Каирской цитадели).

Наш краткий обзор будет состоять из анализа отдельных примечательных памятников архитектуры Исламского Каира в контексте переплетения влияний различных регионов и культур. Сначала обратимся к истории развития этого города и поясним термин «Исламский Каир».

Что касается обозначений исторических районов города, обычно выделяют «Коптский», «Старый» и «Исламский Каир». Это довольно условные обозначения и в ряде случаев они пересекаются или, напротив, отдельные памятники оказываются за их пределами. Под «Коптским Каиром» обычно понимается историческая часть города в пределах крепости, основанной еще римлянами и получившей название Вавилон. Здесь сосредоточен ряд наиболее старинных христианских храмов (хотя далеко не все).

Пришедшие в эти земли арабские завоеватели основали свой город — Фустат, к северу от крепости (впоследствии арабские историки также называли его Миср). Сегодня он вместе с крепостью Вавилон часто обозначается как «Старый Каир». Сам Каир был основан при Фатимидах в X веке к северу—северо-востоку от Фустата и впоследствии включил его в свои границы. Эта часть в пределах средневековой крепости также известна как «Фатимидский Каир».

Понятие «Исламский Каир» достаточно условно, так как зачастую не включает в себя мечети, расположенные на удалении от цитадели (в частности, одну из старейших мечетей города — Амра ибн аль-Аса).

На формирование «архитектурного лица» Каира оказали влияние архитектурные традиции античности (которая здесь вобрала в себя наследие древнеегипетской цивилизации), а также искусства христиан-коптов. В частности, в орнаментальном оформлении деревянных *минбаров* и дверей памятников исламского Каира, с применением техники инкрустации слоновой костью и другими материалами, видится влияние коптского искусства: в христианских храмах Каира аналогичным образом оформлены алтарные преграды. При этом, вероятно, традиция, пришедшая в местное исламское искусство из христианского, впоследствии «вернулась» к коптам, уже обогащенной новыми орнаментальными сюжетами исламского происхождения. Возможно даже, что одни и те же мастера, обладавшие необходимыми навыками, выполняли заказы, как для церквей, так и для мечетей.

Мечеть Ибн Тулуна основана в 876–879 гг. в Фустате (Старом Каире) и является самой ранней мечетью Каира, сохранившей свои изначальные формы. Здесь использованы споллии — колонны, вероятно, от христианской церкви. Декорирующие центральный *михраб* колонны, вероятно, также являются споллиями от юстиниановской церкви. Предметом анализа в докладе станет богатая

орнаментальная резьба по стукко, которая подчеркивает линейный характер архитектуры.

Мечеть Амра ибн аль-Аса — ближайшая к крепости Вавилон и старейшая из сохранившихся в Каире (она много раз была разрушена и затем восстановлена (642, 673, 827, 1179, 1875 гг.), и от изначального здания, по сути, осталась лишь планировка в общих чертах). Мечеть была основана как культовый центр Фустата в середине VII в. В памятнике использованы споллии — колонны из античных и христианских храмов. В современном виде ее стены (фасады, ворота) украшены зубцами, *мукарнами*, нишами, в том числе в виде геометризованных «раковин» (со спрямленными углами), оконными решетками с орнаментальной резьбой. Один из *михрабов* оформлен стукковой резьбой.

Мечеть аль-Азхар — памятник эпохи Фатимидов — основана в 970–972 гг. Здесь также использованы античные споллии — колонны (в основном, усиленные коринфскими капителями различной высоты, со свинцовыми прослойками). Некоторые из колонн имеют «корзиночные» капители, наподобие тех, что были известны в коптских храмах (возможно, отсюда они и были в прямом смысле позаимствованы). Лепнина внешних стен — результат влиянием искусства Аббасидов, коптов или же Византии.

Все названные мечети обладают богатой орнаментальной резьбой и лепниной, чье разнообразие форм и техник требует детального рассмотрения и сопоставления со старыми церквями Каира. Взаимовлияния очевидны, однако вопрос их «направленности» и исторического «пути» остается открытым.

Слепухина О. П. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Будущее в прошедшем: ностальгия и конструирование южноаравийских идентичностей в социальных медиа

Южная Аравия, как и многие другие регионы арабского мира, в последние 30 лет стала свидетелем активных трансформаций местных идентичностей. Появление новых идентичностей, равно как и актуализация и переосмысление тех, что уже существовали ранее — сложный и многогранный процесс. В докладе будет рассмотрен один из его аспектов — роль ностальгического дискурса в среде южноаравийских пользователей социальных медиа.

Ностальгия по ушедшим временам сочетается и с гордостью за свое культурно-историческое наследие, и со стремлением к новому, лучшему будущему. Она встраивается в современный контекст и находит выражение в интернет-пространстве в разных формах.

Так, меняется восприятие истории. Например, грусть по ушедшим британским или социалистическим временам становится значительной частью «южного» дискурса, в котором жители Южного Йемена отстаивают свою этнокультурную и политическую индивидуальность через противопоставление себя жителям Северного Йемена. К примеру, британские времена сравниваются с «северной оккупацией», при этом не в пользу последней.

Однако нередко медиа-ностальгия направлена не на какой-то определенной период южноаравийской истории, а скорее, касается прошлого в целом. Через ностальгическую призму пользователи смотрят и на материальную культуру, в частности, традиционную одежду, предметы быта и архитектуру, и на духовную.

Ярким примером ностальгического преломления традиционных форм духовной культуры стала поэзия. Хотя часто поэзия, даже облеченная в цифровой формат, продолжает выполнять свои традиционные для южноаравийского общества функции, в интернет-пространстве она обретает и новое, ностальгическое измерение — например, через публикацию и дальнейшее взаимодействие со старыми видео с поэтических фестивалей и состязаний. При этом, как правило, в подписи или комментариях к таким видео подчеркивается происхождение поэтов («йафи'итский поэт») или самих стихов («хадрабийская поэзия»). Через ассоциацию со своим культурным прошлым пользователи конструируют свою идентичность и сегодня.

Соколов О. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Этнические группы христиан в воспоминаниях средневековых арабских путешественников: терминологический аспект¹

Хотя «*Tuḥfat al-nuẓẓār fī ǧarā'ib al-amṣār wa 'ajā'ib al-asfār*» Ибн Баттуты посвящено множество работ, отношение к представителям авраамических религий в тексте «Путешествия», и в частности образ христиан в нем, ранее не становились темой отдельного исследования. Воспоминания Ибн Баттуты представляют интерес для изучения в первую очередь потому, что этот путешественник в ходе своих странствий встречался с христианами в разных частях мира, от Китая до Испании, и анализ позволит оценить отношение автора сочинения не к определенной этнической или региональной группе, исповедующей христианство, а к представителям религии в целом.

Для обозначения христиан Ибн Баттута использует лексемы *naṣārā* (христиане) и *naṣrānī* (христианский). В тексте памятника присутствует также набор

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского Научного Фонда (проект № 22–28–01046).

сложившихся в арабской традиции терминов, обозначающих отдельные сообщества христиан, причем встречаются как обобщающие этнонимы, такие как *ifranj* (франки) и *rūm* (византийцы, римляне, румийцы), так и гипонимы, указывающие на определенный город или регион христианского мира, такие как, например, *januwīyūn* (генуэзцы). Исследование показало, что контексты, где речь идет об отдельных этнических и региональных сообществах христиан, в подавляющем большинстве случаев имеют негативную окраску. Данное обстоятельство связано, скорее всего, с тем, что эти группы христиан являлись противниками мусульман в ходе завершившихся незадолго до путешествия Ибн Баттуты Крестовых походов (1096–1291), а также продолжавшейся в Испании Реконкисты (722–1492).

Изучение эмоциональной окраски контекстов употребления данных терминов представляется логическим продолжением исследований рассматриваемого памятника.

Трепналова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Арабские папирусы из Афродито

Афродито, ныне называемый Ком Эшкоу (كوم أشقوا), находится в Верхнем Египте к югу от Асьюта. Папирусы римского и византийского периодов позволяют восстановить историю города до 538 г. Из арабских папирусов времен завоевания Египта (639–646 гг.) известно, что Афродито получил статус административного центра, а, предположительно, в середине XI в. был лишен этой привилегии.

К началу XX в. Афродито представлял собой небольшой сельскохозяйственный поселок, обитатели которого не знали ничего о его истории. В 1901 г. местные жители обнаружили рядом с мусульманским кладбищем большое количество папирусов. Правительство Египта предприняло попытку изъять найденные папирусы, однако часть из них уже была распродана торговцам древностями в Каире, а оставшиеся сожжены.

Папирусы из Афродито в основном представляют собой письма и административные документы на греческом, арабском и коптском языках времен Курры ибн Шарика, наместника омейядского халифа в Египте в период с 709 г. по 714 г.

До обнаружения папирусов Афродито неверно отождествляли с Атфихом недалеко от Фаюмского оазиса или с Эдфу на юге Египта. Соотношение топонимов на греческом, арабском и коптском помогло определить, что Афродито это именно Ком Эшкоу, а не другие упомянутые города.

Что касается Курры ибн Шарика, арабские исторические хроники содержат крайне мало информации о нем и его деятельности в качестве наместника. Папирусы из Афродито предоставляют больше деталей о времени наместничества

Курры ибн Шарика. Они также ставят под сомнение объективность сведений о нем в источниках времен Аббасидов, где Курра ибн Шарик упоминается как некомпетентный наместник.

Большая часть папирусов из Афродито принадлежит Британскому музею в Лондоне, часть хранится в Гейдельберге, Страсбурге и Каире. Фрагмент папируса из Афродито стал частью собрания Института восточных рукописей РАН. Том IV *Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen (Die Kome-Aphrodito Papyri der Sammlung Lichačev)* содержит текст этого папируса, однако перевод, комментарии и фотография отсутствуют, в связи с чем в дальнейшем планируется его переиздание.

Туманян Т. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Армянский квартал Иерусалима в современных зарубежных научных исследованиях

История армянской общины Иерусалима исчисляется многими столетиями. Средневековые источники свидетельствуют, что жизнь этой христианской общины насчитывает не менее шестнадцати веков и связана она с появлением в IV в. на Святой Земле армянских монахов и паломников. Вероятно, тогда же там начинают возводиться и первые армянские церкви. Однако по-настоящему заметное увеличение и укрепление общины в Палестине приходится на период Крестовых походов. Главным центром духовной жизни армян Палестины, а также Сирии и Египта, становится Армянский Патриархат и его монашеский орден *Братство Святых Иакобов* в Иерусалиме. Со временем там появляются и светские поселения армян.

Значительный прирост армянского населения в конце XIX — начале XX в. стал следствием геноцида армян в Османской империи. В результате насильственных действий турецких властей тысячи армян были вынуждены покинуть родные места и найти убежище в пределах иерусалимских владений Армянского Патриархата, за которыми прочно закрепилось наименование «Армянский квартал».

Особенность современной жизни армян Восточного Иерусалима заключается в том, что несмотря на существенное сокращение своей численности, они, как и прежде, продолжают жить на землях Армянского Патриархата, образуя национальную и, как многие полагают, достаточно закрытую общину. *Армянский квартал* Иерусалима, благодаря его христианским святыням, является не только духовным центром, но и ценным объектом культурного наследия армян с его музеями, библиотеками и учебными заведениями. Самобытность армянской части Восточного Иерусалима во многом отличает его от других

кварталов *Старого города* и вызывает неподдельный интерес современных исследователей.

О жизни армянской общины Иерусалима написано немало научных работ. Подавляющее большинство этих изысканий было проведено западными и израильскими учеными во второй половине XX — начале XXI вв. В них рассмотрены самые разные аспекты деятельности армян на Святой Земле. Более того, содержание этих исследований давно вышло за традиционные рамки исторических нарративов о жизнедеятельности общины.

Некоторые авторы, исходя из особенностей предмета изысканий и его методологических оснований, предлагают свой научно обоснованный взгляд, свою типологию этих работ. В частности, выделяются такие направления или традиции изучения *Армянского квартала* Иерусалима, как израильская «социологическая школа» (Azaryu V., Tsimhoni D.), западная «демографическая школа» (Hillery G., Hagopian A., Sanjian A., Gilbar G.), а также так называемая армянская «иерусалимская школа» (Antreassian, A., Hintlian K., Der Matossian B. и др.).

Нельзя сказать, что данная типология безупречна и всеохватывающа, вместе с тем она имеет право на существование и, несомненно, нуждается в научной рефлексии.

Федотов П. В. (ГМИР, Санкт-Петербург)

Русские учительницы на Ближнем Востоке (1887–1917): опыт самореализации

Просветительское предприятие Императорского православного палестинского общества стало крупнейшим заграничным гуманитарным проектом Российской империи.

Сеть учебных заведений, созданная на территории Османской империи, функционировала более тридцати лет — вплоть до начала Первой мировой войны. За это время в учебных заведениях ИППО успели поработать более 120 русских педагогов: около восьмидесяти женщин и сорока мужчин. Эти люди принадлежали к относительно немногочисленному образованному слою российского общества, созданному в результате Великих реформ Александра II. Русские учительницы, представительницы разных сословий, в основном были выпускницами гимназий из различных российских городов. Большое количество интересных и содержательных документов, сохранившихся в архиве ИППО,¹ позволяют исследовать как деятельность отдельных учебных заведений Палестинского общества, так и целые

¹ Материалы находятся в Архиве внешней политики Российской империи.

социальные группы — в данном случае, образованных российских женщин конца XIX — начала XX вв.

Игнатий Юлианович Крачковский, побывавший в ливанском Триполи в 1909 г., скептически отзывался о деятельности русских учительниц из местных школ ИППО. *«Вся эта публика очень симпатична, — писал он сестре 12 февраля 1909 г., — но совершенно беспочвенна по отношению к Сирии. Страной они не интересуются, мечтают только выслужить свой срок и, собрав деньжонок, вернуться в Россию. Понятно, что тоскуют они по России жестоко и к здешней жизни приспособиться никак не могут. С другой стороны, сказывается и полная неподготовленность: одна из начальниц¹, например, молоденькая светская барышня, года два тому назад кончившая гимназию. Ну как ей справляться с тремя школами, где под ее началом состоит до 15 учительниц, иногда старше её?»².*

И. Ю. Крачковский достоверно обрисовал типаж русской учительницы, работавшей на Ближнем Востоке: неопытной, не укоренённой женщины, работающей без энтузиазма. Однако такая оценка справедлива лишь отчасти. Атмосфера в школах Дамаска и Назарета заметно отличалась от Триполи, значительной самостоятельностью обладала М. А. Черкасова, возглавлявшая Бейрутские школы³. В Бейт-Джалльской семинарии, центре женского образования ИППО на Ближнем Востоке, практически всегда имелись опытные и мотивированные учительницы.

Первые десять лет работы (1890–1900 гг.) в Бейт-Джалльской семинарии существовал дружный коллектив: начальница семинарии Е. М. Тараканова, выпускница высших женских курсов, имела полную поддержку своих трудолюбивых и верных помощниц — В. М. Соколовой и А. Ф. Клементовской. Определённое уважение завоевали Е. Н. Каковина и А. А. Студенкова, поступившие на службу в семинарию в середине 1890-х гг. и проработавшие на Ближнем Востоке больше пяти лет. К 1900 году от этого коллектива почти ничего не осталось. А. Ф. Клементовская после перевода в Иерусалимскую школу ИППО в 1898 году оказалась в токсичном окружении⁴: у неё случился нервный срыв, и её поместили в психиатрическую лечебницу. Е. Н. Каковина в 1899 году была переведена в Назаретскую школу ИППО. В. М. Соколова в 1900 году вернулась в Россию, а А. А. Студенкова вышла замуж за учителя Назаретской семинарии (позднее — помощника инспектора) В. А. Соловьёва и также оставила службу⁵. В 1900–1903 гг. в Бейт-Джалльской

¹ Измайлова Мария Марковна (? — после 1947) — дочь титулярного советника, выпускница Новгородской гимназии (Ф. РИППО. Оп. 873/13. Д. 461. Л. 61–161об. Личное дело М. М. Измайловой).

² Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 91.

³ Федотов П. В. Бейрутские школы ИППО (1887–1914 гг.): религиозно-политический проект М. А. Черкасовой (по материалам АВПРИ) // *Российский журнал истории Церкви*. 2022. Т. 3. № 2. С. 50–65.

⁴ По оценке Е. М. Таракановой.

⁵ 6 (19) августа 1906 в ливанском Триполи у пары родился сын — в будущем известный писатель Леонид Васильевич Соловьёв.

семинарии состав русских учительниц обновлялся почти каждый год, случилось несколько скандалов. В 1902 году, согласно письмам Е. М. Таракановой, учительница В. С. Петрова, выпускница Высших педагогических курсов, ранее служившая вместе со своей сестрой в Назарете, исповедовала ксенофобские взгляды, добившись разделения педагогического состава на «русскую» и «арабскую» партии. Увольнение Е. М. Таракановой в конце 1903 года привело к беспорядкам в семинарии. Последовательные действия Е. И. Голубевой, выпускницы Высших женских курсов, пять лет проработавшей в Иерусалимской школе ИППО, позволили урегулировать ситуацию. Полную поддержку Е. И. Голубевой оказывала Е. М. Алексеева, жена помощника управляющего подворьями ИППО в Иерусалиме. Е. М. Алексеева, проявлявшая большой интерес к педагогике, возглавила Иерусалимскую школу ИППО, а Е. И. Голубева была назначена начальницей Бейт-Джалльской семинарии, проработав на этом посту до 1913 года. Отношения между русскими учительницами, работавшими в Иерусалиме и Бейт-Джале, и управляющими подворьями ИППО в Иерусалиме Н. Г. Михайловым и П. И. Ряжским были напряженными. Серьёзные скандалы (в основном, по причинам личного характера) возникали между начальницами бейрутских и триполийских школ и инспекторами учебных заведений ИППО.

Русские учительницы получали относительно хорошее содержание (от 50 рублей в месяц)¹, а также «подъёмные» (150 р.) и «путевые» (125 р.). В случае невыполнения учительницами «условий» [контракта] неоднократно возникали конфликтные ситуации с руководством ИППО, требовавшим вернуть деньги (К. П. Левитская, А. И. Дробинина). Иногда дело доходило до судебных разбирательств (М. М. Измайлова, З. П. Центелович). Судьба некоторых учительниц сложилась драматично: в Палестине по разным причинам скончались Е. О. Грюнинг, А. Квитковская, А. В. Тверитинова, в психиатрическую лечебницу попали О. И. Беленькова и уже упоминавшаяся А. Ф. Клементовская. Несколько учительниц вышли замуж за сотрудников учебных заведений ИППО, создав дружные семьи (М. М. Дмитриева, М. И. Левитская, Е. В. Рибнер, М. С. Сторожева, А. А. Студенкова, О. А. Худобашева), в то же время отношения с мужчинами других сотрудниц приводили к скандалам (О. Л. Анненкова, Е. С. Иванова, М. С. Савельева, А. С. Сторожева).

Подводя итоги деятельности русских учительниц на Ближнем Востоке, стоит отметить, что серьёзных успехов добились не более 10 процентов сотрудниц. Примерно четверть учительниц, проработавших в учебных заведениях ИППО более пяти лет, можно назвать «ответственными труженицами». Две трети русских учительниц по разным причинам (как объективным, так и субъективным) не внесли значимого вклада в деятельность русских школ на Ближнем Востоке.

¹ Начинаящая учительница получала годовое жалованье (1200 франков), «столовые» (300 франков) и «квартирные» (150–300 франков).

Филиппов А. А. (БГУКИ, Беларусь)

Политика султаната Оман по позиционированию историко-культурного наследия страны

Султанат Оман является относительно молодым государством, ведь до середины XX века за контроль над нынешней территорией султаната шла борьба между двумя основными государственными образованиями на этой территории — султанатом Маскат и имаматом Оман. Во второй половине 1950-х гг. имамат Оман попал под контроль султаната Маскат, а в августе 1970 г. Его Величество Султан Кабус бен Саид провозгласил объединение страны — возник нынешний Султанат Оман.

В области позиционирования и репрезентации своего историко-культурного наследия перед молодым государством стояла непростая задача: необходимо было утвердить единство страны (которая на протяжении большей части своей истории не существовала как единое политическое целое), а также однозначно выделить ее на фоне окружающих аравийских стран и в рамках исламского мира в целом. Решение этой сложной проблемы оманцы нашли не в реинтерпретации спорных и противоречивых моментов исторического прошлого, и не в попытках «удревнить» современное оманское государство, основателем которого является Султан Кабус бен Саид (1970–2020), а продолжателем — его преемник Султан Хейсам бен Тарик (с 2020 г.), а в акценте на культурные и цивилизационные достижения Омана как уникального региона Аравии и западного бассейна Индийского океана.

Цель этой работы — определить, какой образ Омана и оманского народа пытается сформировать руководство страны через репрезентацию оманского историко-культурного наследия.

Для этого были рассмотрены исторические, политические и культурные нарративы, транслируемые через историко-культурные памятники Омана, включенные в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, а также через экспозиции трех важнейших музеев страны — Национального музея Омана (г. Маскат), Музея Земли ладана (г. Салала) и Музея Форты Низвы (г. Низва).

Работа подготовлена по итогам полевой работы автора в Султанате Оман в период с 01 по 10 декабря 2021 г.

Можно выделить следующие особенности политики Султаната Оман по позиционированию историко-культурного наследия страны:

1. Реальная политическая история почти вычеркнута при репрезентации объектов историко-культурного наследия, конфликтные и неоднозначные моменты не упоминаются вообще. В этом контексте оманская история предстает во многом как история, не имеющая политического развития и какой-то отчетливой периодизации.

2. Акцентируются лишь два периода — глубокая древность и период современного государства, основателем которого является Султан Омана Кабус бен Саид, связанные друг с другом неразрывными цивилизационно-культурными отношениями. Глорификация глубокой древности и ее непосредственное соединение

с этапом построения современного государства и формирования современной идентичности — характерная черта многих национализмов (хотя идеология арабского национализма и не получила широкого распространения в Омане).

3. С учетом того, что Оман не был классической колонией западных государств, тема отношений с Европой и США реализуется через демонстрацию отношений равного с равным. Это выгодно отличает Оман от многих государств Азии и Африки, демонизирующих отношения с Западом как минимум в исторической перспективе.

4. В качестве основных маркеров оманской цивилизации выступает связующая роль Омана как места пересечения и контактов различных культур, религий, идей, научных достижений, торговых путей. Этот тезис усиливается через акцентирование мастерства оманских мореходов, использования ими важных и часто недоступных средневековым европейцам достижений научных достижений исламского мира, а также на ряде научно-культурных успехов оманцев, выраженных, прежде всего, в создании развитой ирригационной системы «афладж» и уникальных фортификационных сооружений.

5. Через репрезентацию историко-культурного наследия подчеркивается историко-культурная целостность и непрерывность развития Омана, наличие особой оманской идентичности с древних времен. У этой идентичности более высокий статус по сравнению с арабской или исламской идентичностью, которые в свою очередь интегрированы в оманскую идентичность. Подчеркивается особая цивилизационная роль Омана на протяжении мировой истории и его глубокая интегрированность в глобальные процессы.

Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Хороший, плохой, злой. Арабская историография правления последних трех президентов Египта

В Египте события «арабской весны» дважды привели к смене руководящего лица страны — сначала в феврале 2011 г. объявил об отставке Хосни Мубарак, правивший почти 30 лет, затем в июле 2013 г. в результате военного переворота был отстранен от власти член Ассоциации «Братья-мусульмане» Мухаммад Мурси. Непродолжительный период междувластия, последовавший за этим, окончился избранием в июне 2014 г. генерала Абд ал-Фаттаха ас-Сиси президентом, который на настоящее время правит Египтом девятый год.

За это время появилось некоторое количество литературы — научной, научно-популярной и публицистической, посвященной событиям 2011–2014 гг. Настоящий доклад построен на анализе избранных арабских монографий, авторы которых представляют свои оценки правления четвертого, пятого и шестого египетских

президентов. Основную часть анализируемых материалов составляют публикации египетских авторов, так как именно они чаще всего являются авторами исследований на подобную тему; однако есть среди отобранных монографий и работы авторов из других арабских стран.

Предварительный анализ материалов вполне предсказуемо показал, что наиболее негативно в арабской историографии оценивается период правления представителя «Братьев-мусульман» Мухаммада Мурси; впрочем, в арабской историографии такая оценка все же не является единственной.

Что касается правления Хосни Мубарака и Абд ал-Фаттаха ас-Сиси, то в арабской историографии их правления стоит выделить три тенденции. Во-первых, чем сильнее автор критикует Мурси, тем, как правило, более лоялен он в оценке правления четвертого и шестого президентов (однако и из этого правила есть исключения). Во-вторых, многие авторы оценивают правление Мубарака как предкризисное, возлагая значительную долю ответственности за события начала 2011 г. на него лично (персонифицированное зло). В-третьих, о правлении ас-Сиси авторы в целом пока высказываются осторожно и нередко проводят параллели между ним и Мубараком.

Отметим, что количество именно академических работ на эту тему пока относительно невелико; чаще всего авторы пишут о событиях 2011–2014 гг. в публицистическом или научно-популярном жанре. Это можно попытаться объяснить следующим образом: профессиональным историкам довольно сложно восстановить события тех дней без опоры на надежные источники; особенно это касается непродолжительного периода правления «Братьев-мусульман», выступающих в арабской историографии сейчас фактически в роли меньшевиков в советской партийно-исторической литературе.

Вместе с тем, наш анализ арабской историографии также показывает, что в арабском мире нет единых оценок правителей Египта конца XX — начала XXI вв. и что не последнюю роль в расхождении этих оценок играет страна происхождения того или иного автора. Так, например, исследователи из стран, поддерживавших «Братьев-мусульман» в Египте, чаще дают их правлению положительные оценки, и, соответственно, обратный эффект можно заметить в работах, чьи авторы связаны со странами, у которых сложные отношения с «ихванами».

Шевелёв Д. Л. (БГУ, Беларусь)

Архив как инструмент историописания: палестинский Архив «Хазааин» («Кабинет»)

Автор сообщения выдвигает гипотезу о том, что в современном палестинском историописании были распространены два исторических нарратива.

Первый — «нарратив борьбы» — доминировал в историографии до начала 1990-х гг., т. е. до начала мирного процесса на Ближнем Востоке, и был связан с идеализацией и популяризацией палестинской борьбы («палестинской революции»). Второй — нарратив «народного историописания» — лег в основу «новой палестинской историографии» с 2000-х гг. (О «новой палестинской историографии» автор ранее уже писал¹.)

На примере палестинского Архива «Кабинет» автор сообщения доказывает, что создание архивохранилища и собирание там документов стало элементом «народного историописания». Автор уделяет внимание цели создания документохранилища и материалам, имеющимся в нем.

Архив «Хазааин» («Кабинет») стал собираться с 2016 г. Находится архив в иерусалимском квартале Шейх Джаррах. Большая часть имеющихся в нем материалов оцифрована и выложена в свободный доступ на сайт: на январь 2023 г. сайт архива содержал 7532 ед. хр.² Все документы приносят сами палестинцы: фотографии, постеры, записи музыки, печатные документы, письма. В архиве есть определенное количество османских документов, документов мандатного периода; имеются также современные материалы (собираение современных документов началось с мая 2021 года).

У «Кабинета» три основных цели: политическая, «собираТЕЛЬская» и образовательная. С политической точки зрения, собирание архива является средством «народного сопротивления»: материалы, собранные в архиве, обосновывают право палестинского народа на Иерусалим и всю Палестину и ведут борьбу с «оккупацией». О политических целях проекта смело заявляют сотрудники архива: «Если мы не будем знать историю, — утверждают они, — мы не станем свободными». Самими организаторами архив именуется «неколониальным» (колониальные архивы — это архивы Израиля). В этом смысле «Кабинет» — архив палестинский, т.е. «народный», и соответственно — служит нуждам народа.

Сотрудники архива интервьюируют владельца документов, который решил ими поделиться. По выражению работников «Кабинета», архив «связывает людей с историей». Летом 2022 г. в «Кабинете» было пять служащих; остальные сотрудники включались в работу со всего мира в качестве волонтеров. Архивисты «Кабинета» в одном из интервью жаловались, что до последнего момента у них не было никаких материалов из Газы — первым подобным экспонатом стала салфетка из ресторана в Газе (эта территория и ее социум являются важным элементом «новой палестинской историографии»).

¹ Шевелев Д. Л. «Новейшая палестинская историография»: Израиль и ближневосточное урегулирование в современном палестинском историческом нарративе // Контуры трансформаций в политике, дипломатии и обществе Государства Израиль: Сб. ст. по материалам I Международной израилеведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина», Москва, 19–20 октября 2021 г. Ин-т востоковедения РАН. С. 261–275.

² См. сайт проекта «Хазааин»: <https://khazaen.org/en>. Об архиве см. также: 'Khazaen' Palestinian archive // Stories from Palestine: [Podcast]. 12 Jun 2022 (URL: <https://storiesfrompalestine.info>); сообщение ТГ-канала «Левантская тетрадь» 17.06.2022 г. (URL: <https://t.me/lettersfromthelevant/458>).

Описываемый архив также выполняет просветительские функции. Один из его проектов — детская программа «Иерусалим — моя библиотека», где сотрудники и волонтеры учат палестинских детей читать. Так организаторы добиваются двух целей: с одной стороны, прививают любовь к чтению, с другой, — воспитывают молодое поколение в необходимом идейно-политическом ключе.

Архивный проект «Кабинет», как полагает автор сообщения, обслуживает нынешний палестинский исторический нарратив. Архив видит в качестве основной цели сохранение / конструирование памяти. «Кабинет» изначально задумывался как «народный архив», архив «устной истории», который показывает жизнь народа — тех слоев палестинского общества, которые игнорировались историческим нарративом палестинской борьбы. Архив признается также составной частью «народного сопротивления» колониализму (Израилю). Так собирание архива стало элементом палестинского историописания.

Abalyan A. (SPbU, Saint-Petersburg)

Israeli — Palestinian conflict as an Identity Conflict

Since the mid-20th century, the conflict between two peoples over one territory has determined the political picture of the Middle East and had a significant impact on international relations as a whole, reflecting, along with the realities of the Cold War with its proxy confrontation of superpowers and an unprecedented arms race, multifaceted intra-regional contradictions. The academic literature devoted to the Middle Eastern conflict study encompasses a whole range of causes and determinants that influence the ongoing confrontation, including territorial, ethnic, confessional, ideological, economic issues, coupled with the influence of colonialism and imperialism (neo-imperialism), rival nationalist movements, etc. At various historical stages, certain factors gained predominant importance in the process of conflict development, further complicating the implementation of peaceful settlement mechanisms. In particular, the religious factor, which initially did not play a prominent role in Arab-Israeli relations, acting only as one of the tools of political mobilization, at the present stage considerably contributes to the escalation of tension.

As part of the analysis of relations between Israel, Palestine and neighboring Arab states, it seems legitimate to highlight two separate conflicts — a broader Arab-Israeli conflict, characterized by both numerous armed clashes of 1948, 1956, 1967, 1973, 1982, 2006, and the peace treaties of 1979 (Camp David Treaty between Israel and Egypt), 1994 (between Israel and Jordan) and of 2020 (Abraham Accords) and a narrower Israeli-Palestinian conflict. The latter manifested itself in the Arab uprising of 1936–1939 during the British mandate period, the aforementioned wars, the Palestinian Intifadas

of 1987 and 2001, and ongoing clashes, along with initiatives for a peaceful settlement (e.g. the Oslo Agreements of 1993–1995).

Lately, while there is a clear de-escalation tendency within the global Arab-Israeli conflict, resulting from a number of geopolitical transformations and the emergence of new axes of confrontation in the regional arena, the Israeli — Palestinian conflict shows no sign of settlement prospects. In our opinion, this is due to the fact that the Israeli — Palestinian dispute is a conflict of identity before anything else.

In such conflicts, the threat to the collective identity, which in its turn unites a system of values, traditions, institutions, and the status of the conflicting parties, is its main component, inextricably linked with the struggle for territory and resources. Both peoples are competing for the same territory, claiming ownership and use of resources as the basis of an independent state that provides a political expression of their national identity. The integrity of national identity simultaneously serves as the ultimate goal, being a source of ‘distinctiveness’, unity, and sense of group belonging, and the key to its survival and development. Additionally, this is what leads the groups to secure the territory, allowing them to maintain social, cultural and religious differences. On top of that, not only the actions of the opposite side, but also its very existence and identity appear to be a threat to other group’s identity. The ‘other’ identity and the narrative associated with it destroy their claim to the land and resources (at least the exclusivity of that claim). ‘Alien’ presence in the same space, especially accompanied by the demands for power division and the recognition of another language, culture and religion, is perceived as a threat to the integrity and cohesion of the group and its way of life.

Therefore, recognizing someone else’s identity inevitably undermines the foundations of one’s own, turning conflict into a «zero-sum game,» thereby depriving conflicting parties of the possibility of compromise. It is this during the development of the Israeli-Palestinian conflict that determines the parties’ consistent denial of each other’s collective identity as nations, historical ties with the land of Palestine, and national rights.

This denial was fully revealed in the mutually exclusive narratives of Israel and Palestine on the establishment of the Israeli state in 1948. For the Israelis, the creation of their state was the execution of the legitimate rights of the Jewish people to return to the land of their ancestors and was not considered as an injustice towards the Arab population of Palestine, since were not a single nation at the time and never had any sovereignty in this territory. For the Palestinians, who perceived the Jews as a religious group rather than a nation in need of their own state, and Zionism as a form of colonialism, this signified the usurpation of the territory by European settlers who forcibly displaced the indigenous population, destroyed their society, property and way of life. This paradigm of mutual rejection dominated the next stages of the confrontation as well, especially manifesting itself in the Jerusalem status dispute, which is an integral element of the identity of both peoples.

The struggle for «exclusive» identity, starting in the mid-20th century, continued to determine the nature of the relationship between the two peoples, on the one hand, forming the main priorities of Israel’s domestic national policy, and on the other, acting as an invariable incentive to continue the Israeli — Palestinian confrontation.

Abu Jaber S. (Kaye Academic College of Education, Israel)

Introducing a rare Sufi exegesis of *Sūrat al-Faṭḥ* from 16th century Egypt

Born into a Sufi family, in which his father and other relatives, as well as additional community members, were particularly rooted in scholarly and cultural inquiry, Muḥammad Abū al-Surūr al-Bakrī al-Ṣiddīqī (1562–1598 AD) was a prominent scholar of his time. Despite his relative youth, he became influential in his writings, which included Quranic exegeses and works on Hadith, Arabic grammar, jurisprudence, and Sufism. He was also a practicing physician and was the first person to be named Mufti of the Sultanate in Egypt. He was active in the political arena, having been close to the Ottoman sultans, providing them his support and counsel. He strived for their empowerment and victory and often influenced their political convictions and actions. Al- Ṣiddīqī enjoyed the patronage of his contemporary Ottoman Caliphate sultans. In general, these sultans always promoted studies in the Islamic sciences and were keen to support scholars and gain their trust.

This paper addresses al- Ṣiddīqī's legacy as a Quranic commentator, focusing on his exegesis (*tafsīr*) of *Sūrat al-Faṭḥ* (48), written in 1589. It appears in a manuscript found at the Süleymaniye Library in Istanbul, consisting of one volume of 144 pages. To the best of my knowledge, no other manuscript containing the text of this exegesis is to be found in any other library or institute for Arabic manuscripts. According to al-Ṣabbāğ (1995), al- Ṣiddīqī had written a complete commentary of the Quran, but efforts to recover it have only unearthed the current commentary, as well as that of *Sūrat al-Kahf* (18), *Sūrat al-An 'ām* (6), and *Āyat al-Kursī* (2:255). The only critical edition published to date is that of *Sūrat al-Kahf* (Abu Jaber Saleem, 2021). The other two are currently being prepared for publication as well.

The paucity of scholarly studies on the works of al- Ṣiddīqī renders the current study particularly significant, as it provides introduction to al- Ṣiddīqī's exegesis, a synopsis of the biographical and cultural background of its author and his family, and a critical evaluation of his scholarly contribution. It will introduce the manuscript on which this study is based and elaborate on the structure and rationale of the exegesis, on its very attribution to al- Ṣiddīqī, and subsequently evaluate its overall significance to the understanding of Sufi approaches to Quranic interpretation in 16th century Ottoman Egypt. An analysis of al- Ṣiddīqī's approach to interpreting the Quran leads to the definitive conclusion that it indeed reflects Sufi principles. For instance, when citing other Sufi commentators, including his own ancestors, he uses the epithets *mawlāna* ('our elder, our patron'), *al-ustādh* ('the master'), unique to Sufi parlance. Crucially, his interpretation is written in a realistic, uncomplicated, fetching style, as was customary among Sufi scholars of his time, whose leaning was one of clarity, based on their perception of themselves as being closest to Muḥammad and his family, and by extension to the *sunna*, as reflected in the traditional narrative of the Prophet's biography and teachings.

Matveyev A. S. (SPbU, Saint-Petersburg)

International Long-distance Trade in Europe and Beyond in the Ninth Century: Ibn Khurdadhbeh's account on the Trade Routes of the Jewish merchants *al-Radhaniyya* and the East European traders *al-Rus*

The famous accounts from '*Kitab al-masalik wa-l-mamalik*' ('The book of routes and kingdoms') by the Arab Geographer Ibn Khurdadhbeh (ca. 820 — after 892) on the trade routes of the Jewish merchants *al-Radhaniyya* (conveniently named in the scholarly literature as the 'Radhanites') and the East European traders *al-Rus* (sometimes incorrectly rendered as the 'Russians') have long attracted scholarly attention. Nevertheless, the questions raised by Ibn Khurdadhbeh's account are by no means solved, starting from the name of *al-Radhaniyya*, with proposed etymology ranged from 'those from the Rhona' (Lat. *Rhodanus*) to the 'knowers of the way' (from the Persian *rah* «way, path» and *dān* «one who knows»). This account became a keystone (in fact, the only stone, since no other source mentions the Radhanites) for a wide picture of the Jewish Medieval trade empire across Europe and Asia, though some scholars (notably Cl. Cahen) doubted the very existence of *al-Radhaniyya* 'corporation'. The *Rus* account raises no fewer questions, being *inter alia* used to 'prove' that *al-Rus* were the Slavs — by misinterpreting Ibn Khurdadhbeh's sentence: "*wa hum djins min al-saqaliba*" ('they [*al-Rus*] are a kind of the Slavs').

Ibn Khurdadhbeh's account importance is primarily due to a snapshot of the 9th century Middle Eastern long-distance trade it provides, depicting main internal trade roads inside the Caliphate as well as external commercial routes connecting the Middle East with both the North (Western and Eastern Europe) and the (Far) East (India, South-West Asia, China):

(1a) **The routes of the Jewish merchants *al-Rādhāniyya*** who speak Arabic, Persian, Roman [=Greek], Frankish, Andalusian, and Slavic languages. They journey from al-Maghrib [West] to al-Mashriq [East], from al-Mashriq to al-Maghrib by land and by sea, and transport from al-Maghrib (male) slaves/eunuchs [*al-khadam*], female slaves [*al-djawāri*], *ghulams* [youth slaves], brocade, skins of castor, other furs, /and sable¹/, and swords. They embark from the land of Franks [*Firanja*] on the Western [*al-gharbi*] sea and disembark in Farama [Pelusium in Egypt]. They transport their goods on pack animals to al-Qulzum [near Suez], while (the distance) between them twenty-five *farsakhs*. Then they embark on the Eastern sea from al-Qulzum to al-Jar and al-Jeddah. Afterwards they go to Sind, Hind, and China, and transport from China musk, aloes, camphor, cinnamon, and other (products), which are being brought from those areas, until they return to al-Qulzum. Then they transport (their goods) to Farama.

Afterwards they embark on the Western sea. Sometimes they turn to Constantinople and sell (their goods) to the Romans [*al-Rum*]; sometimes they go to the king of the land of Franks [*Firanja*] and sell (their goods) there.

¹ Omitted in Ms. B.

If they want, they transport their goods from the land of Franks by the Western sea and disembark at Antioch and go by land three travel-days [*marhala*] to al-Jabia. Afterwards they embark on the Euphrates to Baghdad. Then they sail the Tigris to al-Ubulla, and from al-Ubulla to Oman, Sind, Hind, and China; all these lands are interconnected to each other.

(2) **As for the route of *al-Rus* merchants** — who are a kind/variety [*djins*] of the Slavs, — they transport the skins of castor, skins of black fox, and swords from the far extremity of (the land of) Slavs [*Saqaliba*] to the Sea of Rum, and the ruler [*sāhib*] of Rum takes the tithe from them. If they go through *Tanīs*, the River of the Slavs, they came by/through *Khamlīdj*, the city of the Khazars, and their ruler [*sāhib*] takes the tithe from them. Then they go by the Sea of Jurjan, and disembark on any shore they wish, while the diameter of this Sea is 500 *farsakhs*. Sometimes they transport their goods from Jurjan on the camel backs to Baghdad, while the Slav slave-servants [*al-khadam*] interpret for them; and they call themselves Christians and pay *djizya*.

(1b) **As for their journey by land**, any of them who departs from al-Andalus or *Firanja* crosses to al-Sus al-Aksa (Western Morocco) and goes to Tangier, then to Kairouan, then to Egypt, then to Ramla, then to Damascus, then to al-Kufa, then to Baghdad, then to al-Basra, then to Ahvaz, then to Fars, then to Kerman, then to Sind, then to Hind, then to China.

Sometimes, also, they take the route behind *Rumiya* to the country of the Slavs, then to *Khamlidj*, the city of the Khazars. Then by the Sea of Jurjan, then to Balkh and *Mawarrannahr* (Transoxania), then to Wurt [=Yurt] of Toghuzghuz, then to China.

However familiar the picture of this trade may seem now, all that we know is in a way a result of the previous scholars' elaboration on Ibn Khurdadbeh's account. His sketch is surprisingly comprehensive; it lists all major trade routes of the time, helping us to glue together all assorted and disparate information received from various sources. The next comparably comprehensive cross-section of the Middle Eastern trade we have only for the late 12–13th CC., when a Muslim corporation of the *Kārimī* merchants based in Egypt established its trading network (the real one, mentioned in numerous sources; in fact, it was a model for backwards moulding of the *Radhaniyya* corporation), which can be traced in much detail, thus a fuller picture of the contemporaneous trade can be produced.

Besides clarifying some aspects of the trade routes and nomenclature of commodities, the current paper concentrates on the West and East European terminuses of this trade. An analysis of the evidence of other Arabic as well as European and archaeological sources helps to corroborate and contextualize Ibn Khordadbeh's information, as well as identify the provenance of the above accounts. Another important question concerns the exact date of them, since the book of Ibn Khordadbeh seems to have two recensions — ca. 231/846 and 272/885. Hence, the above information may belong to the second quarter (and even earlier) or to the last quarter of the IX C., which makes a big difference. The paper argues that the *Radhaniyya* account, originated in the South France — Barcelona region and likely acquired by the author in Maghreb, belongs to the first recension, thus presenting a picture of the European trade in the first half of the IX C. The *Rus* account was, most likely, received by Ibn Khordadbeh in Baghdad and belongs to the second recension of the book.

СЕКЦИЯ III • SECTION III
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF TURKEY

Болдырев А. В. (ИБ РАН, Москва)

**Проблемы советско-турецких отношений периода
Второй мировой войны в современной турецкой
историографии**

В докладе ставится задача показать, как турецкие историки мотивируют политику Турецкой Республики в годы Второй мировой войны, объясняют ее логику, причины и цели, и насколько убедительны их доводы. Автор решил сфокусироваться на рассмотрении того, как турецкими исследователями интерпретируются советско-турецкие отношения. Это связано с тем, что именно советско-турецкие отношения были одним из определяющих элементов системы международной безопасности. В фокусе внимания стоят советско-турецкие отношения в начале Второй мировой войны, «активный» нейтралитет Турции, проблема черноморских проливов, взаимоотношения СССР и Турции до и после Сталинградской битвы, проблема пантюркизма, значение советского фактора во внешней политике Турции.

Исследуя внешнюю политику Турции в период Второй мировой войны, турецкие историки обращают внимание на стремление Турецкой Республики избежать войны и создать систему коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Позиция СССР выглядит провокационной, поскольку, как утверждают турецкие историки, именно Советский Союз стал виновником того, что аналогичная система не была распространена на черноморский регион. Анкарское соглашение 1939 г. интерпретируется как результат неудачных московских переговоров, однако само соглашение рассматривается как соответствующее интересам Турции. Подоб-

ные зигзаги связаны со стремлением части турецких исследователей дополнить существующие концепции¹.

Что касается турецкого нейтралитета, то среди турецких историков нет сомнения в правомерности мер, использованных Анкарой. Уже на первом этапе Второй мировой войны нейтралитет предполагался при любом развитии событий, что показал выход страны из Анкарского соглашения. Что касается Советского Союза, то турецкие исследователи считают, что в годы войны он активно готовился к решению «турецкого вопроса»². Рассматривая советско-турецкие отношения в 1941-начале 1943 гг., турецкие исследователи, находят политику Турции соответствующей концепции нейтралитета. Обострение советско-турецких отношений связывают с германскими происками и все более усиливающимся негативным отношением к Турецкой Республике со стороны СССР. Следует отметить, что такая политика была подготовлена всем ходом советско-турецких отношений, в результате чего турецкий нейтралитет приобрел «плавающий» характер. Турецкие историки считают, что политика дружественных отношений с Германией была составной частью «активного турецкого нейтралитета» в годы войны. Под «активностью» подразумевается стремление Анкары усилить свой экономический потенциал, а в случае поражения СССР распространить свое влияние на тюркское население Советского Союза (проблема пантюркизма)³. Несмотря на то, что большинство турецких историков, считает, что политика «активного суверенитета» помогла Турции в трудное время, немало исследователей полагает, что общий итог войны был негативным, поскольку обрёл страну на «политическое одиночество»⁴.

Проблема черноморских проливов в период войны обострила советско-турецкие отношения, поэтому формирование антигитлеровской коалиции пугало Анкару, хотя и не заставило ее отказаться от политики балансирования⁵. В целом в рассматриваемое время Анкара придерживалась политики нейтралитета, однако интенсивные контакты руководителей турецкого государства с германскими представителями свидетельствуют о том, что не исключалась возможность территориальных приобретений, если бы к этому представилась возможность.

После Сталинградской битвы в турецкой историографии выделяется два направления: позиция Советского Союза к вступлению Турции в войну и его попытки решить проблему контроля над черноморскими проливами. Турецкие

¹ Coş K, Bilgin P. Stalin's Demands: Constructions of the «Soviet Other» in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis. 2010. No 6. P. 43–60.

² Ulgu M. The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010.

³ Дарабади П. Кавказ и Каспий в «большой геостратегической игре» накануне и в период Второй мировой войны (геоисторический очерк) // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 1. С. 146–168.

⁴ Джумхур Кайгуруз. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017.

⁵ Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton: Princeton University Press, 1980.

исследователи утверждают, что в вопросе о привлечении Турции в войну Советский Союз играл провокационную роль, стремясь решить ряд геополитических проблем за счет турецкого суверенитета. Турецкие авторы подчёркивают, что в конце войны никто не влиял на внешнюю политику Турции так значительно, как Советский Союз¹. Роль Советского Союза в послевоенной истории советско-турецких отношений оценивается негативно.

Таким образом, в современной турецкой историографии преобладает базовая концепция безопасности Турции в годы Второй мировой войны. Среди большинства турецких исследователей превалирует отрицательное отношение к советской политике в годы войны. Данная точка зрения не является абсолютной, поскольку среди исследователей находятся те, которые пытаются дополнить устоявшиеся концепции, по сути, ставят вопрос о пересмотре ряда положений. В последнее время в турецкой историографии обозначился отход от западной модели восприятия Второй мировой войны. Это также может поднять изучение проблемы на новый уровень.

Гейгер Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сусурлукский скандал в турецкой историографии

3 ноября 1996 года недалеко от деревни Сусурлук, расположенной в провинции Балыкесир, черный «Мерседес» на полном ходу врезался в грузовик. В машине находились депутат парламента от «Партии истинного пути» (Doğru Yol Partisi) Седат Бучак, мафиози и лидер ультранационалистической военизированной организации «Серые волки» Абдулла Чатлы, его возлюбленная, модель Гонджа Ус и заместитель начальника полиции Стамбула Хусейн Коджадаг. Выжить удалось только Бучаку. При этом появление на трассе грузовика было внезапным и необъяснимым.

Полицейский, парламентарий и криминальный авторитет были настолько необычным сочетанием пассажиров, что сразу же привлекли внимание прессы. Бывший премьер-министр Бюлент Эджевит справедливо заявил в парламенте, что «авария показала темные связи внутри государства».

На момент смерти Абдулла Чатлы был осужденным беглецом, разыскиваемым за незаконный оборот наркотиков и убийство. При себе он имел несколько официальных документов на имя Мехмета Озбая. Примечательно, что на удостоверении личности криминального лидера стояла подпись тогдашнего министра внутренних дел Мехмета Агара. Данные факты вскрыли давнишние тайные контакты между

¹ Baba G. Beginning The Search for a «Great Protector»: Turkey's Un Membership for the US Alliance // *Yönetim Bilimleri Dergisi* (9: 2). Journal of Administrative Sciences. 2011. P. 73–94.

правительством, разведкой и мафиозными группировками, что вызвало бурную реакцию в обществе.

В докладе представлены результаты исследования различных подходов и оценок этого политического скандала второй половины 1990-х годов. Работа построена на анализе текстов исторических работ, научной публицистики, материалов прессы, правительственных докладов, а также выступлений государственных и политических деятелей, связанных с расследованием катастрофы.

Особое внимание в докладе уделено роли «Партии националистического движения» (ПНД) в данном процессе, ведь ее тогдашний руководитель Алпарслан Тюркеш был также основателем группировки «Серые волки». Так, представители ПНД и связанные с ней журналисты, хоть и пытались держаться удаленно от политического скандала, героизировали личность Абдуллы Чатлы, стремясь доказать, что криминальный лидер работал на благо Отечества.

Таким образом, доклады Национальной разведывательной организации (МИТ) и специальной комиссии Великого национального собрания Турции (ВНСТ), а также журналистские расследования, воспоминания причастных лиц и историческая аналитика указывают на наличие тесных связей между государственными органами и преступными группировками. Властные структуры прибегали к использованию «Серых волков» для осуществления незаконной деятельности и борьбы с антиправительственными движениями. Тем не менее никаких знаковых арестов не было произведено, а связи между пассажирами автомобиля до сих пор остаются окутанными тайной.

В целом Сусурлукский скандал продемонстрировал высокий уровень коррупции и организованной преступности, охвативших страну в конце XX века. Однако корни того, что стояло за политическими разоблачениями в Турции, уходят в период после Второй мировой войны, когда под эгидой НАТО и ЦРУ по всей Западной Европе была запущена операция «Гладио». Она подразумевала создание тайных военизированных формирований для противостояния потенциальной коммунистической угрозе. Сусурлукский скандал, с одной стороны, подтвердил масштабную реализацию этой операции (турецкая часть — «Контргерилья») в республике, а с другой — оставил множество вопросов, нуждающихся в дальнейшем исследовании.

Индюхова А. В. (ЮФУ, ЦМГИ, Ростов-на-Дону)

Мемуары как источник для изучения «мягкой силы» Турецкой Республики в Хатайском вопросе

Окончательно границы Турецкой Республики оформились в 1939 г. с включением в состав государства ила Хатай. Это стало возможным благодаря последо-

вательной политике Турции по возвращению данной территории. «Мягкая сила» была ключевым элементом в реализации турецкой стратегии. Одним из активных деятелей данного процесса является Тайфур Сёкмен, первый и единственный президент Государства Хатай, просуществовавшего меньше года. Книга Т. Сёкмента «Усилия по освобождению Хатая»¹ является важным источником для изучения особенностей «мягкой силы» Турецкой Республики, т.к. дает возможность увидеть картину происходящего от первого лица, находящегося в центре событий. Поэтому интерес представляет изучение «мягкой силы» Турции в Хатайском вопросе через анализ мемуаров Т. Сёкмента.

В соответствии с Анкарским соглашением² в 1921 г. была определена южная граница Турции. Александреттский санджак (в будущем Хатай), где проживало значительное число турок, был оставлен Сирии, которая находилась под колониальным мандатом Франции. Турецкое правительство было намерено включить эти территории в состав Турции. С этой целью была осуществлена успешная стратегия с применением «мягкой силы». В своей деятельности Турция прибегла к трем ключевым ресурсам: ценностной привлекательности, легитимности внешней политики и культуре.

Для обеспечения ценностной привлекательности транслировалась идея о том, что новое прогрессивное турецкое государство защищает своих граждан, равных вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности. Такая же защита обещалась и жителям Санджака. Чтобы увеличить поддержку Турции не только среди тюркского сегмента, распространялась идея о том, что алавиты — *Eti Türk*, чем подчеркивалась их связь с Турцией. Это сыграло роль на предварительной регистрации к выборам в Собрание Санджака в 1937 г. Регистрация осуществлялась по этническому признаку. Турецкой группе удалось получить абсолютное большинство в Собрании и провозгласить независимость во многом благодаря записи алавитов в качестве турок.

Для обеспечения легитимности внешней политики Турция стала позиционировать себя в качестве защитницы угнетаемых сирийцами турок. Обосновывалось моральное право Турецкой Республики вмешиваться в вопрос будущего Санджака. 1 ноября 1936 года на открытии Великого национального собрания Турции Мустафа Кемаль Ататюрк заявил, что районы Искендеруна и Антакьи (Хатай) — это исконно турецкая земля, и Турецкая Республика обязана серьезно отнестись к их судьбе³.

Турция также брала на себя роль правового государства, стремившегося гарантировать проведение честных местных выборов в Санджаке в 1937 г. Однако методы, используемые для этого, трудно характеризовать как «мягкие». Турцией

¹ Sökmen T. Hatay'ın kurtuluşu için harcanan çabalar. İstanbul, 1999. 168 s.

² Franco-Turkish Agreement. October 20, 1921. URL: http://www.hri.org/docs/FT1921/Franco-Turkish_Pact_1921.pdf (дата обращения: 14.01.2023).

³ Cumhuriyet Gazetesi. 2 Kasım 1936. URL: <https://www.gastearsivi.com/gazete/cumhuriyet/1936-11-02/3> (дата обращения: 14.01.2023).

была достигнута договоренность с французскими властями, что турецкая армия в составе 2500 солдат войдет на территорию Хатая с целью проведения выборов под совместным контролем двух стран и обеспечения безопасности в регионе. Оппозиционные Турции силы рассматривали эти действия как вмешательство в выборный процесс и попытку фальсификации результатов.

Еще одним направлением деятельности Турецкой Республики была подготовка лояльных кадров: предоставлялась возможность получения бесплатного турецкого образования выходцам из Александреттского санджака. В своей книге Т. Сёкмен описывает практику вывоза детей из Санджака в Турцию для обучения за государственный счет. Всего за несколько лет образование получили 175 детей. Сёкмен утверждает, что 90% из них построили в родных городах успешные карьеры в сферах политики, образования, правового регулирования и бизнеса¹.

В качестве инструментов продвижения идеи единства с Турцией были задействованы частные лица и общественные организации. Тайфур Сёкмен стал одним из ключевых акторов, участвующих в деятельности по присоединению территории Хатая. Будущий президент был избран турецким правительством в качестве рупора турецкого нарратива. Созданное им Общество суверенитета Хатая, стало центром по агитации, разведывательной деятельности и координации действий.

Следует отметить, что деятельность Общества и самого Т. Сёкмена напрямую руководилась из Анкары. Вопрос Хатая был на личном контроле у Ататюрка, который отдавал приказы как самому Сёкмену, так и опорным центрам Общества. Также все ключевые должности Общества суверенитета и его филиалов были заняты представителями турецкого правительства. К примеру, главой был назначен Шюкрю Кая, бывший министр иностранных дел и действующий министр внутренних дел Турецкой Республики, а генеральным секретарем — Шюкрю Сёкменсюер, глава управления безопасности Турецкой Республики.

Таким образом, анализируя текст Тайфура Сёкмена, можно констатировать, что Турецкая Республика с целью включения в свой состав территории Хатая разработала грамотную стратегию с применением «мягкой силы». Анкаре удалось склонить общественное мнение в свою пользу, добиться сначала независимости Хатая, а позже включить его в состав своих территорий. Мемуары Сёкмена позволили выделить ключевые элементы нарратива Турецкой Республики и изучить изнутри, каким образом координировалась работа опорных центров турецкого влияния. Удалось выявить, что деятельность Общества суверенитета Хатая и самого Т. Сёкмена была под прямым управлением турецких властей. В то же время, участники движения за присоединение были искренне преданы своей цели и сами были объектами воздействия «мягкой силы» Турции. Так Турецкая Республика осуществляла «мягкое» управление в «Хатайском вопросе».

¹ Sökmen T. Hatay'ın kurtuluşu için harcanan çabalar. İstanbul, 1999. S. 132.

Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«Сколько в русской армии солдат...» по данным османской рукописи XVIII века

В докладе рассматриваются сведения о численности и составе русской армии и флота, а также о военных расходах по состоянию на 1736 г., имевшиеся в распоряжении османского чиновника и историографа второй половины XVIII в. Кесби. Данные сведения содержатся в рукописи из коллекции Библиотеки Стамбульского университета (Библиотека редких книг, шифр İÜNEKTY 5943, лл. 203а–206а). Личность Кесби из-за скудности биографических сведений до настоящего времени остается предметом дискуссии в турецкой исторической науке. Вместе с тем известно, что, находясь на государственной службе, он выполнял особые поручения по финансовой части и, несомненно, имел доступ к султанским архивам. Копии наиболее важных, с его точки зрения документов, были собраны Кесби в подборку, сохранившуюся в уже упомянутой рукописи. Впоследствии он частично переработал их при составлении своего компилятивного историографического сочинения «Ибретнюма-йы девлет» («Наставление государству»), оконченого в 1798–1799 г. В материалах рукописи İÜNEKTY 5943 представлена в первую очередь история политических, экономических и военных отношений Османской империи с европейскими и азиатскими государствами. По объему и содержанию документы существенно различаются между собой. Немалая их часть касается русско-турецких отношений, в частности военных кампаний 1735–1739 и 1768–1774 гг. Среди наиболее интересных документов находится «Копия секретного допроса шведского посла о том, какова численность войск Российского государства и где они проходят подготовку, о крупных судах и легких кораблях на реке Дон, а также о тратах и расходах». Документ одновременно датирован 1149 г.х. и 1736 г. от Р. Х. Он включает шесть нарративных разделов, повествующих об организационной структуре русских войск, командовании, типах и составе вооружения кораблей русского флота; оцениваются успехи и общий уровень боеготовности вооруженных сил. В приложениях дана численность войск по регионам и суммы расходов на их экипировку, снабжение, лечение и пр.

Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург)

Из истории обнаружения, перевода и публикации «Книги путешествий» Эвлии Челеби Йозефом фон Хаммером-Пургшталем

Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) является выдающимся специалистом в области изучения истории и литературы стран Ближнего и Среднего Востока, а также автором многочисленных переводов на европейские языки блистательных образцов восточной литературы. Он стал

первым исследователем, обратившим внимание научного сообщества на сочинение знаменитого турецкого путешественника Эвлии Челеби (Эвлии Эфенди).

В 1804 г. по счастливому стечению обстоятельств Хаммер-Пургшталь обнаружил в Константинополе четвертую часть «Сейяхатнаме» («Книги путешествий») или «Тарих-и сейях Эвлия Эфенди» («Историю путешественника Эвлии Эфенди»), которую он приобрёл за 100 пиастров. Содержание этой рукописи побудило Хаммера-Пургшталь найти и приобрести остальные части этого труда. Несмотря на все продолжительные научные изыскания, исследование привело лишь к установлению факта существования полной рукописи, которая была чрезвычайно редкой и, соответственно, дорогостоящей. Лишь спустя десять лет другу Хаммера-Пургшталь, Иоганну Аргиропуло, удалось найти всё сочинение в очень красивой и хорошо сохранившейся копии и приобрести его для библиотеки графа Ржевуского. В том же 1814 г. Хаммер-Пургшталь опубликовал историю обнаружения и содержание этого труда. Сегодня это произведение сохранилось в ранних рукописях, по крайней мере, в Стамбуле, Вене (вероятно, с этим экземпляром работал Хаммер-Пургшталь), Лондоне, Мюнхене, Базеле и Манчестере¹.

Эвлия Челеби (1611–1682) был сыном Дервиша Мохаммеда Зилли, ювелира при дворе султана Ахмеда I. Он получил очень хорошее образование, владел арабским, персидским, греческим и латинским языками. Согласно оставленным им сведениям, он провёл в путешествиях 41 год, завершив свои странствия в 1670 г. в возрасте 61 года. Остаток своей жизни он посвятил отдыху и описанию своих путешествий, которые были совершены по многочисленным странам Азии, Африки и Европы. Эвлия Челеби побывал в Османской империи, Сирии, Палестине, Египте, Армении, Австрии, Венгрии и многих других странах².

Сочинение «Сейяхатнаме», из десяти частей которого Хаммер-Пургшталь сумел приобрести и изучить четыре, было написано в Каире. То обстоятельство, что отрывки казались незавершёнными, можно рассматривать как доказательство того, что работа над сочинением продолжалась ещё незадолго до смерти Эвлии Эфенди.

Четыре части рукописи, скреплённые в два больших фолианта по 450 и 472 страницы, Ржевуский предоставил в распоряжение Хаммера-Пургшталь, который отметил, что этот труд не снискал какого-либо внимания со стороны новой (современной ему) турецкой литературы. Сочинение Эвлии Челеби Хаммер-Пургшталь назвал сокровищницей топографических, этнографических, исторических и филологических заметок, особенно похвалив среди последних образцы иностранных азиатских языков, таких как курдский, монгольский и некоторые татарские диалекты. Эвлия Эфенди привёл статистические сведения о законах и управлении, о состоянии крепостей, учебных заведений, мостов, бань и других общественных учреждений тех областей, которые ему удалось посетить. Помимо

¹ Höflechner W., Wagner A. Joseph von Hammer-Purgstall 1774–1856 Ein altösterreichisches Gelehrtenleben. Bd. I, Graz-Austria: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 2021. S. 229–230.

² [Hammer J. von] Narrative of travels in Europe, Asia, and Africa, in the seventeenth century, by Evliya Efendi. Vol. I, London, 1834. S. III-VI.

этого, приводились биографические заметки об известных живущих личностях, а также об усопших, чьи могилы превратились в места паломничества.

В изложении Хаммера-Пургштала, первая часть работы с подробными историческими зарисовками посвящена топографии Константинополя вплоть до мельчайших подробностей. Во второй части с географическими и этнографическими подробностями и лингвистическими примерами описываются путешествия по Анатолии, Чёрному морю и Кавказу. В третьей части речь идёт о начале паломничества в Мекку через Малую Азию, Ливан и Сирию с содержательными заметками о друзьях и евреях, а также с описанием Палестины. Далее следуют описания путешествий в Армению и Румелию. Четвёртая часть посвящена Восточной Анатолии с Хасанкейфом, Диярбакыром, Мосулом, Багдадом и Месопотамией.

Обнаруженная Хаммером-Пургшталем рукопись не содержала ничего из того, что впоследствии сделало Эвлию Челеби известным в Европе. В частности, в ней не было сведений о Золотом яблоке (знаменитое описание Вены, которое, будь оно известно Хаммеру-Пургшталу, не могло бы быть им не рассмотрено), не было описаний страны, народа и языка Албании, которые так высоко ценятся сегодня. Эти части путевых заметок Эвлии Эфенди стали известны лишь позже.

Хаммер-Пургшталь полагал, что если Эвлия Челеби и упоминал о своих путешествиях по Европе, то не оставил подробного описания этих странствий, поскольку, вероятно, смерть помешала ему это сделать. О существовании остальных томов работы Хаммер-Пургшталь, по-видимому, так и не узнал. Он очень быстро начал переводить на английский язык полученное сочинение, и уже в 1814 г. в ответном письме Бёттигера на известие о своей находке получил предложение о помощи в поиске издателя в Англии. Однако в течение долгого времени эта цель не была достигнута. С 1821 г. Хаммер-Пургшталь пытался найти издателя при помощи своего английского корреспондента Генри Джорджа Кина, что также было безуспешно до 1828 г., и перевод был предложен Фонду восточных переводов, который в 1832 г. купил выполненную Хаммером-Пургшталем работу. Наконец, в 1834 г. в Лондоне был опубликован первый том переведённого с турецкого языка бароном Йозефом фон Хаммером-Пургшталем «Рассказа о путешествиях Эвлии Эфенди по Европе, Азии и Африке в семнадцатом веке», включающий в себя написанную Хаммером-Пургшталем подробную биографию Эвлии Челеби¹. Вторая часть первого тома была издана в 1846 г. Второй том с переводом остальной части рукописи вышел в 1850 г.

Невозможно переоценить значение выполненных Хаммером-Пургшталем переводов оригинальных материалов и источников, поскольку многие из последних известны современным учёным благодаря его находкам. Так, Хаммер-Пургшталь обнаружил и стал первым исследователем, переводчиком и публикатором «Книги путешествий» Эвлии Челеби — содержательного и разностороннего труда, ценного источника по истории, географии, лингвистике и архитектуре огромного числа азиатских и европейских стран.

¹ Höflechner W., Wagner A. Joseph von Hammer-Purgstall 1774–1856 Ein altösterreichisches Gelehrtenleben. Bd.1, Graz-Austria: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 2021. S. 231–233.

Люльчак А. С. (ИВИ РАН, Москва)

Дуализм германо-турецких отношений в середине 1930-х гг. в зеркале кемалистской прессы и сатиры (по материалам газет «Cumhuriyet» и «Akşam» и журнала «Akbaba»)

После поражения в Первой мировой войне (1914–1918) Германия воспринимала Турцию как своего «товарища по несчастью». Образы Мустафы Кемаля Ататюрка (1923–1938) и борьбы турецкого народа за независимость после унижительного Севрского договора 1920 г. вдохновляли последователей национал-социализма в Германии, которые стремились к пересмотру Версальских договоренностей.

На протяжении всего существования Третьего рейха (1933–1945) образ Турции, как образец для подражания, прочно закрепился в сознании немцев. В то же время в турецких политических кругах отношения с Германией воспринимались как неоднозначные. С одной стороны, Турецкая Республика при Ататюрке стремилась сохранить хорошие отношения с политическими конкурентами Германии: Великобританией и Францией. С другой стороны, экономические отношения с Берлином активно развивались. Тем самым, имел место дуализм в германо-турецких отношениях в начале 1930-х гг.

Многогранность отношений рельефно отобразилась в турецкой прессе. Основная цель данного исследования — определить, каким образом Германия изображалась в турецкой прессе середины 1930-х гг., какие символы использовались и какой смысл вкладывался в изображения.

Исследование строилось на изучении карикатур и рекламных изображений из юмористического журнала «Коршун» («Akbaba») а также новостных заметок из газет «Республика» («Cumhuriyet») и «Вечер» («Akşam») за 1935 г. Журнал «Коршун», который считается продолжением юмористического журнала «Дедушка Луна» («Aydede»), издавался с 1922 по 1977 гг. Газета «Республика» была основана в 1924 г. известным турецким журналистом Юнусом Нади Абальюглу (1879–1945). Газета «Вечер» считается одной из старейших среди ныне существующих газет, первые выпуски которой вышли в 1918 г. Ее основателями являлись турецкие журналисты Садык Неджметтин Садак (1890–1953), Фатих Рыфкы Атай (1894–1971) и Али Наджи Караджан (1896–1955).

Вопросами изучения германо-турецких отношений в раннереспубликанский период занимались такие исследователи, как Штефан Ириг (Stefan Ihrig) и Юджель Гючлю (Yücel Güçlü), однако данные авторы не акцентировали свое внимание на изучении того, как культивировался образ Германии в Турции. Безусловно, фундаментальная работа Ш. Ирига позволяет проследить за тем, как Германия использовала образ Турции в своей внутренней политике, однако работы, посвященной тому, как образ Германии культивировался на страницах турецкой прессы, нет. Данное исследование призвано рассмотреть и проанализировать с точки зрения имагологии характерные образы и символы, использовавшиеся при создании образа Германии на страницах газет и юмористических журналов.

Анализ статей, изображений и карикатур с использованием методов современной имагологии позволил выявить несколько тенденций, посвященных изображению Германии на страницах турецкой прессы. С одной стороны, турецкие журналисты и карикатуристы высказывали тревогу относительно реваншизма Германии. С другой стороны, все эти опасения не являлись препятствием для развития экономических отношений с Германией. В Турции получили распространение продукции компаний «Байер» и «Телефункен», чьи рекламы были помещены на страницах газет и журналов. Экономическое взаимодействие между Берлином и Анкарой вступало в противоречие с критиковавшими немецкую политику карикатурами. Однако это несоответствие и являлось яркой характеристикой отношений между Германией и Турцией в середине 1930-х гг. С политической точки зрения Турецкая Республика придерживалась нейтральных отношений с Германией и принципа «Мир внутри страны, мир во всем мире» («Yurtta sulh, cihanda sulh»). С экономической точки зрения, Анкара была заинтересована в Берлине как в экономическом партнере, товарооборот между странами рос из года в год. Таким образом, статьи, карикатуры и рекламные публикации на страницах турецкой печати лишь отражали общую конъюнктуру, характерную для германо-турецких отношений середины 1930-х гг.

Разаков Ф. А. (ИБ АН РУз, Узбекистан)

Новейшая турецкая историография взаимоотношений Османской империи и Кокандского ханства

Кокандское ханство (1709–1876) — государство в Центральной Азии имевшее не простую историю. Вышеупомянутое государство имело важное значение для империалистических держав, в первую очередь для царской России. Порта, исходя из своего положения, предпринимала различные дипломатические и политические меры для сохранения суверенитета и независимости Коканда. Статья посвящена историографическому анализу работ турецких исследователей, раскрывших вопросы политико-дипломатических контактов Коканда и Стамбула. Работы турецких учёных имеют важное значение в силу того, что именно в этой стране находится большая часть османских архивов.

Посольские миссии кокандцев в своём труде описал М. А. Эрдогру¹. Автор в своей работе описал миссии кокандских дипломатов на базе данных османских архивов. Турецкий исследователь в своей работе охарактеризовал политическую

¹ Erdoğru M. A. The Khoqandı Envoys in Ottoman Istanbul // CAJ, № 52/1, 2008. P. 1–11.

атмосферу в Кокандском ханстве и её влияние на ход развития отношений Коканда с Османской империей.

Дипломатические отношения Османской империи с Кокандом затронул Х. Улькер¹. Автор описал политические связи Коканда с Портой до окончательной потери суверенитета и независимости вследствие присоединения Средней Азии к Российской империи.

Взаимоотношения Коканда и Османской империи в своей статье коснулся С. С. Юктен². Автор в своей работе показал отсталость Коканда в области оружейных технологий и методов ведения современной войны. Уровень боеспособности армии Коканда был улучшен при помощи Порты.

Своеобразную работу проделал в написании своей статьи про взаимоотношения Коканда и Османской империи в XIX в. А Маджит³. Автор в своей статье, разделил на периоды взаимоотношения Коканда и Османской империи. По утверждению автора первоначально Османская империя не придавала значение отношениям с Кокандом. Взаимоотношения между странами выходили на новый уровень по мере возрастания роли и авторитета Кокандского ханства в регионе. На фоне экспансии в регионе Китая и России для османской политики в Центральной Азии Коканд становился важным субъектом для имперских амбиций турецких султанов. Османская империя стремилась примирить Бухару и Коканд, так как разделённый Туркестан не была в интересах турецких султанов. В своей статье А. Маджит разделил взаимоотношения на политические, военное сотрудничество, отношения в религиозных вопросах, отношения в промышленной сфере, отношения в сфере образовании, поддержка и помощь прибывшим кокандским послам, а также коснулся вопросов дипломатических переписок.

Дипломатические связи Коканда с Портой периода правления кокандского правителя Мухаммед Али-хана (1822–1842) описаны в статье Э. Йоска⁴. Автор рассмотрел дипломатические миссии кокандских посланников, целью которых было получение помощи от османского султана. Послы просили в основном военно-политическую помощь, а также предоставление теологической литературы. Османским султаном просьба кокандских посланников была удовлетворена частично, так как халиф не желал ухудшения отношений с Россией.

Кокандско-османские связи были затронуты в диссертации А. М. Дюндара⁵. Автор описал дипломатическую миссию кокандцев в Стамбул в 1838 г. Данная

¹ Ülker H. Osmanlı Özbekistan Siyasi İlişkileri (1514–1873). Bıřkek: Manas Sosyal Arařtırmalar Dergisi — 8(4): 2019. S. 3977–4006.

² Ükten S. Osmanlı Ateřli Silah Teknolojisinin İřlam Dünyasına İntikali ve Osmanlı Devleti'nin Türkistan Hanlıklarına Yaptığı Askeri Yardımlar (XVI–XIX. Asırlar). // Türk Tarihine Dair Yazılar II. Ankara 2017. S. 297–317.

³ Macit A. 19 Asırda Hokand Hanlığı ile Osmanlı Devleti Arasındaki münasebetler. III Türkiye Lisansüstü Çalıřmaları Kongresi — Bildiriler Kitabı I. S. 123–136.

⁴ Yoska E. Muhammed Ali Han dönemi (1822–1842) Hökand Hanlığı-Osmanlı Devleti ilişkileri. // History Studies. V3/3. 2011. S. 395–408.

⁵ Dündar A. M. Osmanlı İmparatorluğu ve Japonya'nın Orta Asya politikaları. Doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Anabilim Dalı. Ankara 2006. S. 20–21.

миссия, была отправлена в Стамбул для получения специального вердикта от султана для легитимизации власти правителя Коканда над Ферганской долиной и кочевниками Дешт-и Кыпчака.

Суриков К. А. (ИВИ РАН; ИСАА МГУ, Москва)

Оружие победы и поражения: проблемы технического обеспечения османской армии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на материалах османских источников)

В докладе представлены результаты исследования систем стрелкового оружия, применявшегося османской армией в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Их описание было составлено военными деятелями Османской империи: офицерами Генерального штаба и преподавателями Военной академии.

В основе работы лежит компаративный анализ современных исследований и трудов османских государственных, военных и научных деятелей, результатами которого является выявление и корректировка неточностей в современных работах. Анализируются ранее не вводимые в научный оборот источники, к числу которых можно отнести работы военного министра Османской империи, генерального инспектора 1-й, 2-й и 3-й армий Махмуда Шевкет-паши «Казнозарядные винтовки» (Стамбул, 1891) и «Организация и обмундирование османской армии» (Стамбул, 1909), труд майора Генерального штаба османской армии Ахмеда Джевада «Оружейный сборник» (Стамбул, 1889), работу османского майора Али Фуада «Османо-русская война 1293–1294 гг.» (Стамбул, 1908), труд члена Особой организации Хасана Тахсина «Сборник по оружейному искусству» (Стамбул, 1902) и работу османского историка Османа Нури «Абдулхамид II и эпоха его правления» (Стамбул, 1909).

Значительная часть историков и востоковедов при исследовании русско-турецкой войны обращает внимание в первую очередь на политическое измерение данного конфликта. По этой причине ряд других, не менее важных аспектов войны, отходят на второй план, получая, таким образом, незаслуженно мало внимания. Это актуально в том числе и для военно-технического аспекта русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В то же время его более детальное изучение позволяет лучше понять техническое состояние османской армии, современность используемого ей оружия, и, в конечном итоге, пролить свет на обстоятельства поражения Османской империи в этом столкновении с Россией.

Была ли османская армия обеспечена современным оружием накануне войны? Сумела ли администрация довести процедуру перевооружения до конца к началу

конфликта? Имела ли Османская империя возможности производить оружие и боеприпасы к нему на своей территории самостоятельно, либо же она целиком зависела от поставок из других государств? Уступала ли османская армия российской в области технического оснащения? Ответы на данные вопросы способны заполнить лакуны, имеющиеся в современных исследованиях на эту тему, а также дополнить и расширить общую картину технического состояния османской армии и её военной промышленности накануне войны.

Следует отметить, что исследователи обращали внимание на эти вопросы. Некоторые из них поднимаются в работах отечественных исследователей: Н. И. Беляева, А. А. Свечина, В. Г. Фёдорова, В. Е. Маркевича. Не обошли их стороной и зарубежные учёные: Ричард Трэнк, Вирджиния Аксан, Месут Уяр, Эдвард Эрикссон, Джулиан Беннетт.

Однако приведенные в этих исследованиях данные нуждаются в ревизии, дополнении и корректировке. Например, среди отечественных авторов практически никто не обращает внимания на состояние военной промышленности Османской империи и её способности производить оружие для своей армии. Кроме того, некоторые авторы противоречат друг другу при указании моделей винтовок, использовавшихся османской армией. Так, ряд авторов подчёркивает, что в войсках Османской империи использовалась винтовка Пибоди-Мартини. Другая же часть утверждает, что применялся модернизированный её вариант — Мартини-Генри. Важно отметить, что данные из ранее не использованных османских источников могут способствовать разрешению данного противоречия.

Опора на османские материалы позволяет сформировать наиболее детальную картину технического состояния армии Османской империи, а также обратить внимание на то, какие преимущества и недостатки имелись у системы обеспечения войск, которой придерживалась османская администрация. Становится возможным сделать вывод о том, что османское правительство, включая султана, стремилось снабдить армию самым современным на тот момент вооружением, не считаясь с расходами и нагрузкой на государственную финансовую систему, что имело негативные последствия. Кроме того, неоднократно предпринимались попытки наладить собственное производство оружия на территории империи. Тем не менее, Османское государство по-прежнему оставалось зависимым от сырья и готовой продукции, поставляемой из США и Европы, а достичь технической самостоятельности к началу войны ему так и не удалось.

Использование османских источников позволяет составить более полное представление об устройстве османской армии. Оно также может дать ответ на вопрос о связи уровня технического оснащения османских войск с их поражением в войне с Российской империей.

Таким образом, введение в научный оборот новых османских материалов способствует углублению, уточнению и дополнению сведений как отечественных, так и зарубежных историков и востоковедов о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Цибенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

Когда процедура превыше сути: к вопросу о термине «джемаат» в российской туркологии

Феномен религиозных исламских общин современного типа, получивших в Турции в XX в. название «джемаат» (тур. *semaat*), представляет собой перспективную для изучения тему, актуальность которой для туркологии только начинает осознаваться исследователями¹. Однако уже на данном этапе возникает терминологическая путаница, которая может приводить к ошибкам и маскировать суть исследуемых явлений. В настоящее время термин может передаваться и как «джемаат», и как «джамаат» даже в рамках одной и той же работы². В данном случае представляется уместным применить один из основных турецких юридических принципов «Процедура превыше сути» (тур. *Usul esastan mukaddemedir*) и выработать более строгий методологический подход.

Общеисламский термин «джамаат» (община, собрание, от араб. диалектного джамаа³) широко применяют мусульмане по всему миру с опорой на Коран и хадисы для обозначения группы мусульман, собирающейся на молитву под началом одного имама или в одной мечети. Именно в этом смысле он стал частью мусульманского фикха⁴. Однако в исследовательском фокусе с XIX в. оказались джамааты как достаточно крупные исламские объединения религиозно-политического характера. В России они стали особенно заметны с началом процесса реисламизации 80–90-х гг. XX в. и привлекали внимание в первую очередь своим радикализмом⁵. Тем не менее, догматическое, идейное и идеологическое разнообразие джамаатов в одной только России привело к разделению их исследова-

¹ В российской туркологии присутствуют только единичные работы нескольких авторов. См., например: Шлыков П. В., Саатов И. Г., Колдунова Е. В. Исламские джамааты в истории, политике и социальной динамике стран Востока. М.: ИВ РАН, 2021; Саатов И. Г. «Джамаатизация» ислама: изменения в форме самоорганизации турецких мусульманских общин в условиях лаицизма // *Rah Islamica*. 2013. №2(11). С. 160–173 (и другие работы автора, вошедшие в указанную выше монографию); Цибенко В. В. Неосуфизм и джамаат Фетхуллаха Гюлена // *Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана*. 2015. С. 216–219; Цибенко (Иванова) В. В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (нурджулар) // *Сектоведение. Альманах*. 2014. Т. 4. С. 102–111; Шлыков П. В. Джамааты в политической истории современной Турции: опыт системного анализа // *Ломоносовские чтения. Востоковедение и Африканистика. Тезисы докладов научной конференции. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки*. 2019. С. 68–70.

² См., например: Шлыков П. В., Саатов И. Г., Колдунова Е. В. Указ. соч.

³ Бобровников В. О. Джамаат // *Большая российская энциклопедия*. Т. 8. М., 2007. С. 631.

⁴ *Uzunpostalcı M. Semaat // TDV İslam Ansiklopedisi*. İstanbul, 1993. S. 288–289.

⁵ Что такое джамаат? [Интервью с исламоведом И. П. Добаевым] // *Живой Ростов*. 21.02.2005. URL: <http://werawolw.ru/?p=2373> (дата обращения: 10.01.2023).

телями на две основные категории: просалафитские и просуфийские¹. Следует отметить, что релевантность данного деления вне регионального контекста еще недостаточно изучена.

В соответствии с классической исламоведческой традицией принято унифицировать и арабизировать исламскую терминологию, используемую в различных регионах мира. В этом смысле естественным выбором представляется использовать общий термин «джамаат». Остается, однако, и возможность для закрепления в научном обороте второго термина — джемаат — в случае, если удастся доказать его значимую специфику, выделяющую турецкие исламские общины в качестве сущностно самостоятельного феномена, а не локального варианта.

В рамках исследования для подтверждения этой гипотезы была рассмотрена и проанализирована практика использования термина в Турции и его смысловое наполнение в диахроническом аспекте с опорой на тексты турецких религиозных лидеров XX–XXI вв., позиции турецких политиков и исследователей, а также социально-политический контекст. В результате было выявлено, что данный термин в Турции используется в отношении только определенного типа религиозных общин — политически активных объединений, созданных вокруг одного харизматического лидера, ведущих общую социально-экономическую деятельность и имеющих суфийские корни. Такие джемааты выступают органичной частью явления, названного нами ранее «республиканский неосуфизм»² и возникшего в результате модернистской трансформации Турции при переходе от имперской к республиканской форме государственного устройства, в ходе которой суфизм де факто оказался под запретом, а суфийские шейхи, потеряв свои тарикаты, стали аккумулировать протестную энергию мусульман против светских властей, создавая неофициальные оппозиционные структуры нового типа. Таким образом, проведенное исследование позволило зафиксировать концептуальное расхождение между терминами «джамаат» и «джемаат», а также дало возможность для обоснования и разграничения областей их научного применения.

Шалак М. Е. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

К вопросу об османском вассалитете Малой Ногайской Орды: состояние источниковой базы и историография

Малая Ногайская Орда (или Казыев улус), как самостоятельное политическое образование, появилась в сер. XVI в., когда мирза Гази б. Урак (Казый в русских источниках) откочевал со своими людьми на правый (крымский) берег Волги

¹ Бердин А. Т., Юсупов Ю. М., Демичев И. В., Султанова Г. Д. Социокультурная динамика национальных и религиозных идентичностей в Республике Башкортостан. Уфа, 2019. С. 152.

² Цибенко В. В. Указ. соч. 2015.

и обосновался в степях Предкавказья. До сегодняшнего дня в историографии в основном сложилось представление о том, что Казыев улус находился в зависимости от Крымского ханства¹. В тоже время более тщательный анализ источников, в первую очередь шертных грамот крымских ханов, позволяет нам по-новому посмотреть на степень и характер этой вассальной зависимости². Однако существует также предположение, высказанное в к. 40-х гг. XX в. А. А. Новосельским, что Малая Ногайская Орда, со времени своего основания, находилась в номинальном подданстве турецкому султану, который всячески её опекал³. В свою очередь Е. Н. Кушева отмечала, что Гази мирза поддерживал интересы Турции на Северном Кавказе⁴. Об османском подданстве Малых Ногаев, пусть и номинальном, писал и А. П. Григорьев⁵. На чем же основываются утверждения этих исследователей?

Как представляется, главным источником, в котором говорится об османском вассалитете Малой Ногайской Орды, является статейный список русского посла в Турцию И. П. Новосильцева 1570 г.⁶ Этот документ насыщен интереснейшими данными об Османской империи, её могуществе и влиянии на народы Средиземноморья, Причерноморья и Приазовья. В представленном исследовании, на основе анализа статейного списка И. П. Новосильцева, мы попытаемся разобраться в том, находилась ли реально Малая Ногайская Орда в вассальной зависимости от Османской империи, как, к примеру, Крымское ханство, или эта зависимость была чисто номинальной фикцией, служащей надежным прикрытием для активной внешнеполитической деятельности Гази б. Урака.

Впервые статейный список И. П. Новосильцева был опубликован полностью с комментариями в 1954 г.⁷ Посольство И. П. Новосельцева в Стамбул состоялось в январе–сентябре 1570 г. Официальная цель посольства заключалась в поздравлении султана Селима II с восшествием на престол и установлении с ним дипломатических отношений. На самом же деле Иван IV стремился урегулировать отношения с Турцией после астраханского похода 1569 г. и обезопасить свою южную границу.

¹ См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 236.

² Шалак М. Е. Шертные грамоты крымских ханов как источник по определению политического статуса Казыева улуса // TERRA TATARICA: Крым и тюркский мир в эпоху Средневековья и в Новое время (Симферополь, 7–8 декабря 2022 г.). Материалы научной конференции. Симферополь, 2022. С. 99–107.

³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 15, 16.

⁴ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 236.

⁵ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 221.

⁶ Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 187–219.

⁷ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 63–99, 351, 369–386.

Сведения о малых ногаях (казыевцах) в статейном списке встречаются буквально с первого листа, когда Новосильцев сообщает, что азовский диздар (комендант крепости) Сефер прислал 30 конных воинов под Азов «за десять верст» для встречи и сопровождения членов русского посольства, опасаясь нападения со стороны «казыевых татар и тумакон астраханских»¹. В то же время на самой азовской пристани послов встречал комендант Сефер с турецкими чиновниками, горожанами и с «казыеве татарове». Это очень важное свидетельство русского дипломата, поскольку мы можем заключить, что какая-то часть малых ногаев проживала в турецком Азове. При этом Новосильцев уточнял, что самого Казыя в этот момент в Азове не было. Он приезжал в крепость с тысячью своих казаков за день до прибытия туда послов. Целью приезда Гази б. Урака статейный список называет ожидание прихода под Азов русских воинских людей². На основании этих сведений Я. С. Лурье делает вывод, что малые ногаи считали себя подданными турецкого султана, поддерживая союзные отношения как с Турцией, так и с Крымом³.

Вообще участие Гази б. Урака со своими малыми ногаями в турецком походе на Астрахань 1569 г. очень интересовало И. П. Новосильцева. От русского пленника посол узнал, что в астраханском походе османов Гази мирза лично принимал участие с 1 тыс. своих конных воинов. При этом особо отмечалось, что если бы не крымцы и казыевцы, то турок ждала бы неминуемая гибель во время их бесславного отступления по безжизненным степям. Татары и ногаи на своих конях подвозили обессиливших османов, лошади которых не выдерживали такого перехода и гибли⁴.

Уже на обратном пути из Стамбула, прибыв в Кафу, И. П. Новосильцев узнал от доброхотов, что Девлет-Гирей собирался послать на Дон своих «казачьих атоманов и татар и казыевых казаков» с целью нападения на русское посольство. При этом нападение должно было произойти ночью, так как крымский хан якобы боялся взыскания от турецкого султана. Об этом Новосильцев доложил кафинскому санджакбею Касиму, на что последний заявил, что он отпишет в Крым, в Азов и к Казыю, чтоб предотвратить погром. Но самым важным, в нашем конкретном случае, является заявление османского наместника о том, что «Казый служит государю нашему и олафу емлет и на своих казаков»⁵. Таким образом, данная реплика кафинского паши Касима о службе Гази б. Урака и его казаков османскому султану и получения ими за это жалования (алафы) послужила основанием для утверждения о том, что Малая Ногайская Орда напрямую находилась в вассальной зависимости от Османской империи.

¹ Записки русских путешественников XVI–XVII вв. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. С. 371.

⁴ Записки русских путешественников. С. 191.

⁵ Там же. С. 215–216.

Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Историческая политика в кемалистской и эрдогановской Турции: войны памяти вокруг (не)участия во Второй мировой войне

В докладе представлены результаты исследования процессов политизации истории в Турции во второй половине XX — первой четверти XXI в. с фокусом на меняющийся нарратив о внутренней и внешней политике Турции в годы Второй мировой войны. Работа построена на анализе текстов исторических работ и научной публицистики, материалов прессы второй половины XX — нач. XXI в. и выступлений турецких государственных и политических деятелей, озабоченных вопросами исторической памяти.

В интерпретации лидера Турции XXI в. Реджепа Эрдогана практически вся история республиканского периода, особенно первых его десятилетий — нескончаемая череда роковых ошибок и жестокостей, вина за которые целиком лежит на «носителях младотурецкой ментальности», и «попыток консервативно-либеральных партий в прошлом и ПСР в настоящем их решить». Под сомнение поставлены даже такие казалось бы безусловные достижения кемалистов как заключение Лозаннского мирного договора в 1923 г., венчавшего победу над интервентами в Освободительной войне 1919–1922 гг. В этом же ключе негативной ревизии стала подвергаться и прежняя многомерная интерпретация неоднозначной политики кемалистской Турции в годы Второй мировой, а с ней и фигура второго президента страны — Исмета Инёню, возглавившего Турцию после смерти Кемаля Ататюрка в 1938 г.

Кемалистская историография традиционно оценивала внешнеполитический курс того времени как успешный и единственно возможный для турецкой политики и среди профессиональных турецких историков и международников эта точка зрения по-прежнему широко распространена, хотя и нюансируется по мере появления новых документов.

Тема Второй мировой войны и специфики (не)участия в ней Турции, с одной стороны, относительно периферийна для исторической политики эрдогановской Турции, которая сфокусирована на том, чтобы возвеличить османское прошлое и заклеить младотурок. С другой, создание правильного нарратива о Второй мировой войне полностью встраивается в модель многоуровневого использования славных или мифологических страниц прошлого в текущих политических интересах правящего режима. Как и в случае с поздносманским и раннереспубликанским периодом, интерпретация истории Турции 1930-х и 1940-х гг. отражает стремление превратить национальную историю в пространство политической борьбы с внутренними и внешними врагами.

Стремление очертить память об Исмете Инёню, его настойчивая дегероизация послужили не только естественным продолжением критики политических оппонентов в лице кемалистской элиты и ее бастиона — Народно-республиканской

партии — как антинародной и прозападной силы, но и отвечали глубинной цели внутриполитической риторики Эрдогана — утвердиться в роли «второго Ататюрка». С одной стороны, принципиального антипода Кемаль-паши, поскольку Эрдоган в отличие от «угнетателей-кемалистов» всегда выступал защитником «настоящих сынов нации» (*milletin gerçek evlatları*), т.е. религиозно настроенных масс простых турок. С другой — национального лидера, превзошедшего Ататюрка по длительности правления, успехам социально-экономического развития страны и числу реализованных мега-проектов. Не хватало Эрдогану только военных триумфов. Неслучайно путч 15 июля 2016 г. почти официально стал именоваться не только «Победой народа» (*Milletin Zaferi*), но и «Второй Освободительной войной» (*İkinci Kurtuluş Savaşı*), по аналогии с Освободительной войной 1919–1922 гг., победа в которой дала рождение кемалистской «Новой Турции».

В интерпретациях политики Турции в период Второй мировой отчетливо просматриваются проекции идей неоосманизма с их мифологемами о Турции как колыбели мировой цивилизации и уникальном образце либерального многонационального государства, опирающегося на ценности мультикультурализма. Вторая мировая война и аффилированные сюжеты стали частью проекта создания правильной истории. Один из наиболее репрезентативных примеров — войны памяти вокруг темы Холокоста, в которые оказались вовлечены западные и турецкие политики и историки. В годы холодной войны нарратив о спасении евреев турками использовался для цементирования положения Турции как верного союзника Запада, а в 1990-е гг. — для подкрепления стремления Анкары к полноправному членству в Европейском Союзе. С середины 2000-х гг., когда отношения между Турцией и Израилем стали стремительно деградировать (попытка прорыва блокады Газы весной 2010 г. «Флотилией свободы» — один из ярких символов горячей фазы политико-дипломатической конфронтации между странами), а Анкара активно начала выступать в защиту Палестины, в истории о спасении евреев во время Второй мировой акценты сместились на общечеловеческие ценности. В 2010-е гг. нарратив о Второй мировой войне, преступлениях фашистской Германии и главном символе нацистской политики расовой дискриминации и ксенофобии — Холокосте — оказался прочно встроеным в антизападную внешнеполитическую риторику Эрдогана, отрицающего «право Запада выступать воплощением современной цивилизации». В публичных выступлениях турецкого президента стало рефреном повторяться сравнение Холокоста с распространением исламофобии на Западе. При этом память о Холокосте вмонтирована и в более широкий контекст формирования пост-кемалистской идентичности с иным пантеоном ценностных установок, отличительной чертой которых выступает основанная на «чувстве общей истории» терпимость, позволяющая выстраивать позитивные отношения между этноконфессиональными общинами с опорой на османское социокультурное наследие. Такой подход к истории и построение исторической политики на основе бинарной оппозиции добра и зла, справедливого и несправедливого, прозападного и антизападного

давали возможность ПСР представлять свое противостояние оппозиции внутри страны и критикам за пределами Турции, а с ним и весь политический процесс в стране в совершенно иной плоскости — как идеологическое противостояние, как борьбу за историческую справедливость.

Zhukov K. A. (SPbU, Saint-Petersburg)

Vasily Ivanovich Kelsiev (1835–1872) and his works about the Ottoman Turkey

The present paper is devoted to Vasily Kelsiev, a Russian political activist, Slavophil, journalist, translator of the Bible, historian, ethnographer, polyglot who knew around 25 foreign languages. Probably he was a prototype of Shatov — a personage of the *Demons*, the anti-nihilistic roman by Fedor Dostoevsky. As a lecture goer Vasily Kelsiev attended the Oriental Department of St. Petersburg University in 1855–1857. Among his university teachers, one can mention Professor Ilya N. Berezin and Professor Vasily P. Vasiliev. To the latter Kelsiev owed his knowledge of Buddhism. It is interestingly to note, that Kelsiev's second wife, Zinaida Verderevskaya (Ragosin), is mostly famous as Orientalist. She went to the United States in 1874 where she wrote several books devoted to the history of the Ancient East and became a member of American Oriental Society. Vasily Kelsiev's political and philosophical legacy has not been the subject of study by Orientalists so far. To some extent, the present paper aims to fill this gap up. Strictly speaking, this is a kind of continuation of some previous papers delivered by the author at various scholarly meetings a few years ago¹.

Having become a follower and supporter of Alexander Herzen in late fifties, Kelsiev soon found himself in the Ottoman Empire. Firstly, he stayed in Constantinople (from October 1862 to December 1863) where he established and maintained close political contacts with Polish and Circassian emigrants. Then he moved to the small city of Tulcea on the river Danube (stayed there from December 1863 to April 1865) where he founded a revolutionary society in order to make anti-Tsarist propaganda among local Russian Old-Believers. In those days, the Russian revolutionaries in London regarded

¹ Zhukov K. A. Горчаков versus Кельсиев: материалы комиссии П. П. Ланского (1867 г.) // Научная конференция «К. Н. Леонтьев и русский консерватизм» (СПб., Пушкинский Дом / ИРЛИ РАН, 14–15 ноября 2016 г. (Gorchakov *versus* Kelsiev: the materials of Petr P. Lanskoj Commission of the year 1867 // Conference “Konstantin N. Leontiev and Russian Conservatism”. St. Petersburg, The Institute of Russian Literature RAN / Pushkinskij Dom, 14.11–15.11. 2016); Zhukov K. A. О «кельсиевском следе» в творчестве Достоевского // XLII Международные чтения «Достоевский и мировая культура». СПб., Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, 9–12 ноября 2017 г. (On “Kelsiev's presence” in the works of Dostoevsky // The XLII International Conference “Dostoyevsky and the World Culture”. St. Petersburg, F. M. Dostoyevsky Literary Memorial Museum, 09.11–12.11. 2017).

the Old-Believers as well as Polish and Circassian emigrants in Turkey as potential allies of the revolution to come.

While in Turkey Kelsiev experienced a serious mental and ideological crisis. He left Ottoman Turkey in 1865. Then, after having lost his family to cholera, he broke his relations with Alexander Herzen and, on May 20, 1867 (Old style), surrendered to the Russian authorities. Then he spent 100 days in custody where wrote his *Confession*, which impressed the Tsar Alexander II who pardoned the former revolutionary and permitted to publish a censored version of the confession under the title “Perezhitoye i peredumannoye” (*My Experience and Thoughts*) in 1868. However, due to various reasons, Kelsiev could not receive any permanent work in Russia and had to survive by sending his article to various periodicals from time to time. Disillusioned and broke he died, 37 years of age, in a suburb of St. Petersburg (Poliustrovo) on October 4/16, 1872.

Besides the full version of Kelsiev’s *Confession*, the paper deals with his articles published in *Russky vestnik* in 1869–1870, in *Grazhdanin* in 1873, and some other relevant sources.

СЕКЦИЯ IV • SECTION IV
ИРАНИСТИКА И АФГАНИСТИКА
IRANIAN AND AFGHAN STUDIES

Аверьянов Ю. А. (ИВ РАН, Москва)

**Суфийская (авто)биография Шамса Табризи:
что лежит в основе текста
«Макалат-и Шамс-и Табризи»?**

Агиограф XIV в. Афлаки передает слова Мавланы Джалал ад-Дина Руми о глубоких познаниях Шамса в разных областях, включая химию или алхимию (*кимйя*), астрономию или астрологию (*нуджум*, *дават-и қавакиб*), математику (*рийазийат*), богословие (*илахийат*), науку суждений (*хакимийат*), логику (*мантик*). Но, ступив на путь «людей Божьих» (*мардан-и худа*), он отправил все эти свои знания в «долгий ящик» (*джарида-йи ла-сабт*). Сын Руми Султан-Валад также был высокого мнения об умственных способностях Шамса Табризи и его умении выражать свои мысли. Афлаки сообщает, что, после первых шагов в мистицизме под водительством шейха Абу Бакра Табризи, Шамс во время своих долгих странствий проходил послушание «у нескольких *абдалов* и *актабов* («полюсов» суфийского пути)». Но об этих обучавших Шамса «светочах Пути» нет никаких свидетельств ни в тексте «*Макалат*», ни в дальнейшем изложении самого Афлаки, писавшего примерно через сто лет после исчезновения Шамса Табризи. В «*Макалат*» есть лишь пассажи о духовном наставнике (*пир*) Абу Бакре Саллабафе, из которых явствует, что, скорее всего, у него была собственная обитель (*ханака*) в Тебризе и свое собственное понимание (*машраб*) мистического познания. Большинство тебризских суфиев-баба в тот период признавали своим духовным путеводителем Баба Хасана Вали, чья обитель вместе с гробницей расположена в квартале Сурхаб (северо-восток Тебриза). Святилище (*мазар*)

наставника Саллабафа находился в южной части Тебриза, в квартале Чарандаб, к западу от мавзолея имама Хафды Нишапури. Шамс говорит, что у шейха Саллабафа не было в обычае облачать своих учеников в специальное одеяние (*хирка*), что рассматривалось в суфийской среде как посвящение на мистическом Пути. Вероятно, и сам Шамс унаследовал от своего наставника нелюбовь к показным церемониям. Когда его просили привести цепь своей духовной передачи (*силсила*), он отвечал с долей иронии: «Посланник (*расул*), мир ему, во сне пожаловал нам хирку; но не такую хирку, которая через два дня рвется в клочья и превращается в рубище, приходит в негодность, и потом ею подтираются (*истинджа кунанд*). Но “хирку общения” (*хирка-йи сухбат*) — общения такого, которое не вмещается в понимание. Общения, в котором нет ни “вчера”, ни «сегодня”, ни “завтра”. Какое дело страстной любви (*ишк*) до слов “вчера”, “сегодня” и “завтра”?»

Мы не знаем, когда точно Шамс покинул свой родной город и куда именно он направился. Благодаря замечаниям Афлаки, мы можем обнаружить следы его пребывания в Ираке Персидском, в Багдаде, Дамаске, Халебе, Кайсари (Кайсери), Аксаре, Сивасе, Эрзуруме, Эрзинджане. Сипахсалар сообщает, что Шамс скрывал свою личность от посторонних, облачался в одежду купцов и вел себя подобно им. В каждом городе он останавливался в караван-сараях и вешал на двери своей комнаты огромный замок, но внутри ничего ценного не было, кроме циновки (*хасир*). Шамс не хотел селиться в суфийских обителях-*ханаках*, хотя там он мог бы получить бесплатный кров и пропитание. Шамс жил в бедности и часто по нескольку дней ничего не ел.

Афлаки передает, что тебризские суфии называли Шамса «Совершенный (*камил*) из Тебриза», а среди «странников, обладателей сердец» он был известен как «Шамс-и Паранда» («Пернатый Шамс», «Парящий Шамс»). Для читателя-суфия это прозвище сразу должно было отсылать к Байазиду Бистами (ум. ок. 874 г.), родоначальнику экстатического суфизма. Именно Байазид превращается в птицу (*мург*), летающую многие тысячи лет в Божественном присутствии, в агиографическом рассказе, ведущемся от его лица в «*Тазкират ал-авлийа*» Фарид ад-Дина ‘Аттара Нишапури (ум. 1221 г.). Следовательно, это «птичье» прозвище Шамса могло намекать на высоту его духовного полета.

Шамс Табризи провел в странствиях около сорока лет своей жизни (если мы предположим, что он покинул Тебриз в возрасте чуть старше 20 лет, а в Конью прибыл уже будучи 60 лет от роду). Перед прибытием в Конью, как следует из текста «*Макалат*», он некоторое время обитал в Халебе, одном из важнейших городов державы Айюбидов (1171–1260). Во время своих продолжительных странствий Шамс встречался с различными людьми, в том числе с такими, о которых он счел необходимым донести нечто важное в рассказах, вошедших в «*Макалат*». Так, в Дамаске Шамс беседовал с ученым-схоластом из Хорасана Шихабом Харй-ава (Хариви), сторонником рационалистического учения (теории о приоритете разума), утверждавшим, что «разум не допускает ошибок». Шихаб отрицал также конечность мира и Судный день, полагая, что пророки, говоря о Страшном суде,

желали лишь исправить тем самым людские нравы. Похоже, этот философ был одним из главных оппонентов Шамса Табризи, так как в «*Макалат*» он упоминается довольно часто. При этом Шихаб позволял Шамсу почти ежедневно посещать его в своей келье: «Этот Шихаб никому не разрешал навещать его в уединении, он говаривал: “[Архангел] Джабраил мне доставляет неудобства, и само мое существование мне постыло.” Несмотря на всю эту отягощенность, он говорил мне: “Ты приходи, потому что с тобой мое сердце спокойно!”»

Помимо этого Шихаба (о котором нам известно только из текста «*Макалат*»), другой известный носитель того же имени, о котором Шамс услышал в Халебе, — шейх Шихаб ад-Дин Йахйа ас-Сухраварди по прозвищу ал-Мактул (1155–1191). Благодаря философскому труду «*Хикмат ал-ишрак*» («Мудрость озарения») ас-Сухраварди прославился в Сирии и в других странах ислама как «Шейх озарения». Казнь талантливого суфийского мыслителя в Халебе по обвинению в «безбожии и расколе» произвела сильное впечатление на современников. Шамс в «*Макалат*» встает на защиту Шихаба ад-Дина Йахйа: «Того Шихаба назвали явным безбожником (*кафир*) те собаки (*ан саган*). Я им ответил: “[Боже] упаси, как это Шихаб может быть безбожником?”»

Шамс полагал, что ученость ас-Сухраварди «одержала верх» над его разумом. В любом случае Шамс в «*Макалат*» относится к нему с сочувствием и высоко ценит его как мудреца, но не раскрывает сути его взглядов, кроме пассажа об отмене денежного обращения (возможно, речь идет о влиянии на ас-Сухраварди учения иранской секты маздакитов).

Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Персия и персидская поэзия в творчестве современных дагестанских литераторов

Инонациональные эстетические веяния сыграли благодатную роль в истории развития дагестанского художественного слова. Большой популярностью пользовались в Дагестане произведения классиков персидской литературы. Дагестанские книжные рукописные коллекции, как правило, содержали в себе диваны Хафиза, Саади, Низами, Джами, Камалы Ходжанди и других известных поэтов. В учебных заведениях (медресе) средневекового Дагестана широко знакомили с восточной словесностью, с творчеством классиков восточной поэзии и художественной прозы. Примечателен тот факт, что персидский язык в Дагестане изучали по произведениям персидских поэтов. К примеру, дагестанские ученые Дибир-кади из Хунзаха (XVIII в.) и Хасан Алкадари (XIX в.) отмечают в своих работах, что персидский язык они осваивали по «Голестану» и «Бустану» Саади Ширази.

Широко привлекались дагестанцами в учебных целях персидские поэтические тексты: «Шах-наме» Фирдоуси, стихи Анвари, Низами, Омара Хайама, «Голестан» и «Бустан» Саади, диваны Хафиза, Джами, Орфи Ширази и др.

Со сменой веков и эпох интерес к персидской литературе не исчезает. Дагестанцы продолжают читать Хафиза, Саади, Руми, Низами, но уже все больше не в подлинниках, а в переводах на русский язык. Персидских классиков переводят на русский и национальные языки. Заид Гаджиев и Абдулла Сулейманов перевели стихи Низами Гянджеви на аварский язык¹. Интерес представляют переводы из поэм Низами на лезгинский язык Арбена Кардаша, помещенные в его обстоятельной статье «Возвращение Низами»². В ней выстроена цепь логических заключений относительно происхождения знаменитого поэта, которого иранцы считают персидским поэтом, а азербайджанцы — азербайджанским. Низами Гянджеви переведен на родной язык цахурским писателем, поэтом и переводчиком В. М. Гамзаевым³. Им переведены две поэмы из «Пятерицы» Низами — «Сокровищница тайн» и «Лейла и Меджнун», касыды, газели и рубаи⁴. Валех Гамзаев своей задачей видит переложение всего наследия Низами на цахурский язык. Помимо сочинений Низами им переведены стихи Навои, Джами, Амира Хосрова Дехлеви.

Из классиков персидской поэзии к наиболее востребованным дагестанскими читателями относится Омар Хайам. Его рубаи переведены на русский язык (Ф. Джаферов⁵), аварский язык (М. Гамзаев⁶, С. Салихов⁷), лакский язык (К. Д. Мазаев⁸, И. Х. Абдуллаев⁹). На лезгинском языке звучат рубаи Омара Хайама в переводе Н. А. Абдулгамидова¹⁰ и Пакизат Фатуллаевой¹¹. Поэт Абдулла Сулейманов перевел на аварский язык стихи Рудаки, Фирдоуси, Омара Хайама, Низами¹².

¹ *Низами Гянджеви*. КучИдул / Низами Гянджеви. Поэмы / пер. Заид Гаджиев. Махачкала, Даггиз. 1940. На авар. яз.; Сулейманов Г.И. Жавгъаразул ищ / А. Сулейманов. Родник жемчужин. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. С. 48–56. На авар. яз.

² *Кардаш А.* Возвращение Низами. Еще раз о национальной принадлежности великого поэта // Махачкалинские известия. 29 июля 2011. № 29. С. 20; 5 августа 2011. № 30. С. 20; 12 августа 2011. № 31. С. 20; 19 августа 2011. № 32. С. 20, 22.

³ *Валех Гамзат (Фазил Дашилай)* <https://stihi.ru/2018/06/29/3229>

⁴ *Дашилай Фазил.* Два крыла. Сборник стихов и переводов. Батайск, 2019. С. 208.

⁵ *Джаферов Ф.* Великий сирота. Махачкала, 2001. С. 49–50.

⁶ *ХГамзаев М.* ЦӀуне, Аллагъ, Дагъистан / М. Гамзаев Защити, Всевышний, Дагестан: сборник стихов. М.: «Тарих», 2016. С. 232–271. На авар. яз.

⁷ *Салихов С.* Омар Хайям. Переводы на аварский язык (<https://proza.ru/2017/07/14/1952>).

⁸ Мазаев Казбек Давудович (<https://laksyite.ru/rajony/kulinskij-rajon/izvestnye-vykhodtsy-iz-kulinskogo-rajona/mazaev-kazbek-davudovich.html>).

⁹ *Омар Хайям.* Рубаирду / Омар Хайям. Рубаи. / пер. И. Х. Абдуллаев. Махачкала: ГПУ «Республиканская книжно-журнальная типография № 1 им. С. М. Кирова», 2001. 132 с. На лакс. яз.

¹⁰ *Омар Хайям.* СукӀра / пер. Н. А. Абдулгамидов. М.: Азбука-2000, 2010. 367 с. На лезг. яз.

¹¹ *Фатуллаева Пакизат.* Омар Хаям (<https://stihi.ru/2016/12/03/7569>).

¹² *Сулейманов Г.И. Жавгъаразул ищ / А. Сулейманов. Родник жемчужин. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 120 с. На авар. яз.*

Юсупом Хаппалаевым на лакский язык переведены стихи Саади, Хайама, Низами¹. Абачара Гусейнаев — поэт, писатель, ученый-востоковед, перевел с персидского языка на лакский язык Фирдоуси, Руми, Хайама и Саади². М. Гамзаев перевёл на аварский язык стихи Омара Хайама, Джалаладдина Руми³.

Представляют интерес переводы и переложения из персидской литературы в творчестве Муртазали Дугричилова. Поэзия М. Дугричилова значительно подвержена влиянию персидской изящной словесности и философской мысли. Он обращается к поэтическому миру Амира Хосрова Дехлеви, Ахли Хорасани, Вахши Бафки, Хаджи Абдаллаха Ансари, Хакани, Амира Хосейна Харави, Хафиза и Джалаладдина Руми⁴. Этих персидских поэтов объединяет принадлежность к суфийской школе философской мысли.

Поэты в Дагестане пишут по мотивам персидской лирики свои стихи на русском и национальных языках. Мудрость Хайама, утонченность Хафиза, лиризм Саади всегда привлекали дагестанских литераторов. Табасаранский писатель Юсуф Базутаев один из своих сонетов пишет в форме обращения к классику персидской литературы Хафизу Ширази — «Сказал однажды Хафиз: “За милую для сердца...”» («Гъапну сабан Гъяфизди: “Къваз аявлу...”»)⁵. О приверженности к восточной традиции, передаваемой из поколения в поколение, свидетельствует обращение Ачакана Казбекова в своих стихах к персидским поэтам Руми и Хайаму⁶. Лакский поэт и прозаик Магомед-Загид Аминов создал лирическое произведение «Молитва Меджнуна» по мотивам поэмы Низами «Лейла и Меджнун». К такому выводу приходит известный литературовед С. Х. Ахмедов⁷. В пользу данного тезиса по нашему наблюдению говорит и архитектоника цвета, использованная М.-З. Аминовым в поэме. Каждому персонажу поэмы определен свой цвет. Этот прием использован Низами в несколько иной форме в поэме «Семь красавиц» («Хафт пейкар»).

Ярко, самобытно и емко отражен Иран в поэзии Расула Гамзатова. Р. Гамзатов с делегацией советских писателей и поэтов побывал в Иране несколько раз, встречался с иранскими поэтами Мухаммад-Хусейном Шахрияром, Хушангом Ибтихаджем, Абу-л-Фазлом Мухаккаки, Искандером Забихйаном и другими известными иранскими литераторами. В результате этих поездок им написаны

¹ Ахмедов С. Х. История лакской литературы. В 3-х томах. Т. 2. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2010. С. 277.

² Ахмедов С. Х. История лакской литературы. Т. 3. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. С. 76.

³ Хамзаев М. ЦӀуне, Аллагъ, Дагъистан / М. Гамзаев. Защити, Всевышний, Дагестан: Сборник стихов. М.: «Тарих», 2016. С. 232–271, 275–277. На авар. яз.

⁴ Дугричилов М. Последний газават: историческая повесть. Продавец дождя: суфийская лирика. Махачкала, 1998. С. 182–185, 187.

⁵ Базутаев Ю. Мюгьюббатдин ЧӀал / Ю. Базутаев. Язык любви. Махачкала: Даг. книж. изд.-во». 1983. 27 с. На табас. яз.

⁶ Казбеков А. Хайям — Ачакану // Казбеков А. Взгляни на обитель. С. 96.

⁷ Ахмедов С. Х. История лакской литературы. Т. 3. С. 144.

стихи об Иране, они изданы отдельной книгой¹. В цикл «Персидские стихи» Р. Гамзатова входят 11 произведений. В этом цикле немало посвящений классику персидской поэзии Хафизу Ширази². В стихах Гамзатова «В Ширазе», «Хафиз не оставил Шираза», «Когда я в Ширазе посетил дом Хафиза», «Могущество Хафиза» легкими штрихами нарисован образ персидского поэта, порожденный его поэзией и дополненный преданиями о нем. Расул Гамзатов с особым пиететом относился к Омару Хайаму. Известны его стихи, посвященные ему: «Омар Хайам, кому ты дал зарок...» в переводе Юнны Мориц³, «Когда к Омару Хайаму приехал в Мешхед»⁴, «Сабля Надир-шаха и рубаи Омара Хайама»⁵ и стихи-послание «Саади, Хафиз, Хайам»⁶ в переводах Я. Козловского. В этих стихах поэт признается в поклонении непревзойденным мастерством персидских авторов. Посвятил он стихи и персидской красавице: «Персия», «В Ширазе», «Стихи, в которых ты воспета», «По дорогам Ирана», «Персидские женщины», «Гугуш». Главная идея этих стихов Р. Гамзатова — жизнь в мире, свободе, добре, счастье и красоте.

Дагестанские поэты своим обращением к персидской поэзии обогатили национальную литературу новыми мотивами, красками, идеями.

Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ, СПбГУ)

Дарий I о самом себе в древнеперсидской надписи (DNb) и его антитезы

В докладе пойдет речь о наскальной надписи (DNb) на гробнице Дария I (522–486 гг. до н. э.) из Накше Рустама в 12-ти км от Персеполя⁷. Ахеменидский царь Дарий умер от болезни в октябре 486 г. до н. э.⁸ За год до смерти Дарий назначил своим преемником своего второго сына Ксеркса (518–465 до н. э.) и позаботился

¹ Гамзатов Р. Персидские стихи /пер. с авар. Я. Козловский. М.: Правда, 1975. 32 с.

² Гамзатов Р. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М.: Советский писатель, 2003. С. 428–442.

³ Гамзатов Р. Омар Хайам, кому ты дал зарок... /Р. Гамзатов. Последняя цена. М.: Современник, 1979. С. 211–212.

⁴ Гамзатов Р. Из стихов об Иране / Гамзатов Р. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Махачкала, 1991. С. 312.

⁵ Гамзатов Р. Указ. соч. С. 314–315.

⁶ Там же. С. 355–356.

⁷ Древнеперсидский текст цитируется по изданиям: Kent R. G. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, CT, 1950. P. 109, 138–139; Schmitt R. Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Wiesbaden, 2009. S. 105–111; Lecoq P. Les inscriptions de la Perse achéménide. Traduit du vieux perse, de l'élamite, du babylonien et de l'araméen. Paris, 1997. P. 221–224. Перевод на русский язык приводится по реконструкции В. И. Абаева: Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М., 1980. С. 37; История Древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002. С. 402.

⁸ Дандамаев М. А., Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 135.

о сооружении гробницы заранее. Наиболее полный вариант надписи сохранился на древнеперсидском языке: она состоит из 60 строк и помещена на панели слева от двери гробницы. Другие три кратких надписи — эламская из 43 строк на панели справа, арамейская из 25 строк внизу, аккадская из 39 строк на последней панели справа. Выше над дверью гробницы слева от фигуры Дария размещена более известная надпись Дария (DNa) с перечнем завоеванных им стран.

Традиционно считалось, что надпись DNb служила моральным завещанием Дария и должна была создать представление о совершенном монархе. Она начинается с космогонической или религиозной темы, далее следует речь Дария о самом себе и о своих качествах, завершается надпись обращением к подданным.

Однако, как выяснилось позже, надпись DNb на гробнице Дария I совпадает с древнеперсидской надписью XPI его сына Ксеркса, которая была случайно обнаружена 24 февраля 1967 крестьянином во время земляных работ в 1700 метрах от Персеполя. Эта новая надпись была подробно исследована Вальтером Хинцем (XDNb)¹. Поначалу исследователи полагали, что автором двух надписей являлся сын Дария, а впоследствии стали склоняться к другим выводам. Тексты различаются лишь вариантными, диалектными и орфографическими, особенностями в написании ряда грамматических форм (например, у Дария — *adadā* «создал», в форме имперфекта, а у Ксеркса — *adā* «создал», в форме аориста; *xraθu/xratu* «разум», *fratarā/fraθara* «первый», *amiy/ahmiy* «есть», *ratiy/upariy* «против/по поводу», *uvnarā/unarā* «качества», и т. д.).

По мнению Р. Шмитта, надпись DNb не является эпитафией, так как повествование в ней ведется от первого лица единственного числа в настоящем времени. Она также не является текстом личного характера, а представляет собой описание идеального правителя, своеобразное «княжеское зеркало» (*Fürstenspiegel*) или «речь перед вступлением на престол» (*eine Rede zur Thronbesteigung*). Текст надписи затем использовал сын Дария Ксеркс, но в другой редакции². Таким образом, можно было бы прийти к выводу, что мы имеем дело скорее с интронизационной речью-формуляром Ахеменидских царей.

В своей речи Дарий демонстрирует прекрасное владение приемами риторики, получившими широкое распространение в литературах древних Месопотамии и Греции. В частности, он не случайно прибегает к фигуре речи — антитезе (буквально «противоположение»). По утверждению Аристотеля, прием антитезы позволяет слушателю лучше понять суждения говорящего. Используя антитезу, Дарий стремился наилучшим образом донести до подданных свои принципы и убеждения.

Антитезы по своей структуре бывают простыми и сложными. Простые подразумевают противопоставление двух слов, понятий или суждений в рамках одной структуры. В двойной антитезе обычно противопоставляются два слова или поня-

¹ Hinz W., *Altiranische Funde und Forschungen*. Berlin, 1969. S. 45–51.

² Schmitt R. *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden*. Wiesbaden, 2009. S. 105.

тия. Положительно-отрицательная антитеза строится по типу «не А, а В» или «А, а не В», когда положительное положение противопоставляется отрицательному.

В первой антитезе Дария противопоставляются следующие слова: «правдивый» (gāšta-) — «несправедливый, злой, враждебный» (miθah-), «друг» (dauštar-) — «недруг» (naiy dauštar-). «По воле Ахурамазды я такого нрава, что для правдивого я — друг, для несправедливого я — недруг». Эту антитезу можно отнести сразу к двум разновидностям антитез: двойного типа и к положительно-отрицательной антитезе формально по типу «А, а не В», так как в оригинале присутствует отрицание в именной части сказуемого.

Во второй антитезе противопоставляются понятия «слабый» (skauθi-) — «сильный» (tunuvant-) со всей группой связанных слов. «Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого». Данная антитеза построена на противопоставлении двух понятий с повтором связанных слов.

В третьей антитезе противопоставляются простые понятия «лживый человек» (martiya- draujana-) — «не друг» (naiy dauštar-). «Мое желание — справедливость. Лживому человеку я не друг». Такую антитезу можно отнести к положительно-отрицательной антитезе по формально типу «А, а не В».

В четвертой антитезе противопоставляются понятия с участием глаголов: «содействовать» (hataxša-) — «вредить» (vinaθ-), «вознаградить» (paḡibar-) — «наказывать» (parsa-). «Человеку, который содействует мне, я воздаю в меру его содействия. Человека, который вредит, я наказываю в меру причиненного им вреда». Такой вид антитезы, состоящий из двух предложений, представляется расширенным типом антитезы, каждая часть которой включает по три противоположных основных элемента.

Противопоставления, содержащиеся во второй части надписи, хоть и построены в виде сравнения, тоже могут быть условно отнесены к антитезам. Перечисляя свои достоинства, Дарий называет себя хорошим или отличным военачальником и противопоставляет себя обычному военачальнику: «военачальник» (hamaranakara-) — «хороший военачальник» (^hušhamaranakara-). «Как военачальник я — отличный военачальник». Далее он называет себя хорошим всадником: здесь противопоставляются «всадник» (asabāra-) и «хороший всадник» (^huvāsabāra-). «Я обладаю неутомимой силой в руках и ногах, как всадник я — отличный всадник». Аналогичны этому противопоставления «лучник» (θanuvaniya-) — «хороший лучник» (^huθanuvaniya-) и «копьемосец» (ārštika-) — «хороший копьемосец» (^huvārštika-). «Как стрелок из лука я — отличный стрелок из лука, как в пешем, так и в конном строю». «Как копьеметатель я — отличный копьеметатель, как в пешем, так и конном строю».

По сообщению Геродота, сын Дария Ксеркс I тоже прибегает к приему антитезы в одной приписываемой ему фразе (Геродот, VIII.88.3). Антитезы различных типов также широко использовались в зороастрийской литературе на среднеперсидском языке и в классической персидской литературе.

*Андреев А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Красуцкий С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

«Бьет челом последней холоп ваш Мурат хан бек»: челобитные и другие документы, связанные с приездом в Россию гонца от шаха Аббаса II в 1646–1647 гг.¹

Отношения между Российским царством и державой Сефевидов ближе к середине XVII в. наиболее благоприятно развивались в области торговли. Торговые контакты, исходя из документов Российского государственного архива древних актов, происходили как на условно рядовом бытовом уровне, так и на самом высоком — между правителями двух государств. Количество шахских негодантов «киракйараки» (шахских торговых представителей), приезжавших в первой половине XVII в., позволяет говорить об отлаженном и действующем торговом партнерстве между шахом и царем.

Отсутствие принципиальных разногласий относительно сфер влияния между первыми Романовыми и представителями династии Сефевидов в Закавказье и на Северном Кавказе способствовали длительному периоду «любительной дружбы», как можно определить проводимый в отношении Ирана со стороны России курс внешней политики. Само это словосочетание не раз фигурирует в российских дипломатических документах того времени и в официальной переписке Михаила Федоровича и Алексея Михайловича с шахом Аббасом Великим, шахом Сефи I и шахом Аббасом II².

Участившиеся с 1620-х гг. нападения так называемых «разбойных казаков» способствовали нарастанию напряженности в двусторонних отношениях. Последнее в итоге вылилось в приграничный конфликт 1651–1653 гг. Тем не менее общий внешнеполитический курс на протяжении 1620–1640 гг. был ориентирован на сохранение не союзнических, а именно партнерских отношений.

В подтверждение можно рассмотреть документы Посольского приказа, оставшиеся после приезда шахского гонца Мурат-хан-бека³. В марте 1646 г. он был отправлен в Москву из Исфахана. Исходя из просьбы ранее находившихся при дворе шаха послов (по всей видимости, отправленных еще в период царствования Михаила Федоровича), шах поручил своему наместнику Бахрам-султану

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-78-10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

² Персидские дипломатические документы времен шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов / Изд. подг.: А. А. Андреев, Д. Д. Копанева, С. Е. Костиков, Е. П. Писчурникова, М. Е. Резван, Т. А. Слесарев, В. А. Шорохов, О. М. Ястребова. СПб.: Наука, 2021. С. 50, 96, 114.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф.77. Сношения России с Персией. О.1. Столпы. 1646 авг. 21 — 1647 октябр. Приезд персидского гонца Мурад хан бека с присланною от шаха Аббаса II селитрою. Челобитные гонца сего о делах до торга его касающихся и обратный отпуск его в Персию. Д.3.321 лл.

(в документах дела — Баграм солтан) в Дербенте передать гонцу 3000 батманов (в документах упоминаются «батманы тебризские») селитры. Если исходить из того, что «тебризский батман» составляет примерно 2,2969 кг¹, в Россию он вез примерно восемь с половиной тонн селитры.

Приезжавшие из Исфхана представители от шаха, как правило, были трех категорий: послы, купчины и гонцы. Первые представляли собой большие по количеству посольские делегации, приглашенные заранее и зачастую в ответ на российское посольство. Вторые — торговые представители шаха с поручением приобрести различные «заповедные товары» для шахской казны. Последние были своего рода курьерами, доставлявшими срочные послания. В данном случае обращает на себя внимание, что гонец-курьер одновременно выполняет и функции купчины, причем и для шаха, и для его наместника в Дербенте.

Подобное имело место в истории российско-иранских отношений в тот период, когда прибывший от шаха Сефи I гонец Уста-Аллаберды закупал верблюдов у ногайцев для шахского войска. Отличие состоит в том, что Мурат-хан-бек по сути доставил селитру (столь необходимую после недавней неудачной Смоленской кампании) в подарок по просьбе царя Алексея Михайловича или, что вполне вероятно, его предшественника Михаила Федоровича. Неопределенность со статусом, как это видно из большого количества челобитных, составленных им самим либо от его имени, впоследствии создала ряд сложностей при попытке выполнить поручение.

Состав делегации был очень небольшой, что соответствовало статусу гонца. Официально его сопровождали четыре человека, но позднее он указывал, что с ним было пятнадцать человек². Это вполне логично, если учитывать доставленный объем селитры³.

В «столпцах» (документах дела, расположенных условно в хронологическом порядке) содержится 8 челобитных на персидском языке с переводами на русский, сделанными переводчиками Посольского приказа. Помимо челобитных среди арабографичных рукописных документов есть фирман шаха Аббаса II астраханским воеводам, четыре фирмана наместника в Дербенте Бахрам-султана (что обращает на себя внимание, поскольку он адресует отдельные письма и двум воеводам и двум подчиненным им дьякам), а также различные росписи.

Особый интерес представляют челобитные как источник любопытных фактических сведений о перипетиях миссии Мурат-хан-бека, столкнувшегося с множеством проблем при взаимодействии с представителями царской администрации на местах и с местными жителями. Некоторые сложности, как, например, конфликт со скорняком князя Я. К. Черкасского, возникали из-за взаимного недопонимания и желания иранского гонца обойтись меньшими тратами⁴.

¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Наука, 1978. С. 106.

² Там же. Лл.31, 39.

³ Там же. Лл.227.

⁴ РГАДА. Ф.77.О.1.1646–1647. Д.3. Л.184.

Несколько челобитных касаются некоего Мартына, по всей видимости, торгового партнера Мурат-хан-бека. Последний неоднократно просит у Алексея Михайловича отпустить тому «все вины»¹. Судя по челобитной, вина заключалась в том, что Мартын разрешил за плату разместить у себя купленный гонцом табак. Известно, что в 1634 г. был издан указ Михаила Федоровича о запрете купли, хранения и продажи табака под страхом смерти. Виновных ждало суровое наказание с конфискацией имущества в пользу казны. Указ распространялся и на иностранцев, но гонца не наказали, вероятно, из-за того, что табак был приобретен для иранского шаха.

7 мая 1647 г. Мурат-хан бек был отпущен из Москвы назад в Исфахан. Накануне отъезда 6 мая он подает челобитную на персидском языке в Посольский приказ². Спешность, с которой было составлено письмо, говорит об экстренном характере вопроса. В русском переводе челобитной упомянуто, что гонцу была дана роспись о взятии селитры на русском языке³. Поскольку Мурат-хан-бек явно не смог бы с этой росписью отчитаться перед чиновниками шаха о передаче товара, он просил дать ему «отписку фарсовским письмом», где было бы указано, что он привез в казну 195 батманов селитры.

Из общего содержания текстов челобитных можно видеть, как доставщик селитры («селитрянной приказной», как он сам себя в них называл), находясь в России, развернул достаточно бурную деятельность, что привело ко многим конфликтным случаям, отраженным в переписке с российскими властями. О деталях этих конфликтов и документах, с ними связанных, планируется рассказать в докладе.

Ардашникова А. Н. (ИСАА МГУ, Москва),

Коняшкина Т. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Литература как источник для изучения истории гендерных отношений в Исламской республике Иран

Развитие в XX в. междисциплинарных отраслей гуманитарного знания во многом изменило отношение к литературному тексту. При исследовании общественно-политических процессов художественная словесность может выступать не только в привычной роли иллюстративного ресурса, но и в качестве одного из базовых источников. Частным случаем подобного подхода к литературе может служить изучение гендерной проблематики, ярко заявляющей о себе на перелом-

¹ Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. Л.215.

² Там же. Л.263.

³ Там же. Л. 266.

ных этапах истории Ирана XX в., когда предпринимаются попытки коррекции, а то и демонтажа устоявшихся гендерных связей.

Опыт европейских революций XIX в. достаточно красноречиво продемонстрировал, что прокламация индивидуальных свобод, равенства и братства обернулась для женщин ужесточением культа домашнего очага. Аналогичных примеров достаточно и в XX в., особенно в странах, где сильны позиции религии. Переживший два пика гендерной революции Иран — один из красноречивых примеров этого процесса.

Приобретая особую остроту с установлением исламского государства, гендерный вопрос не покидает дискуссионное поле в течение всего периода существования ИРИ: ни общество, ни власть не считают его решенным. Именно в это время сформировались основные принципы официальной гендерной политики, базирующиеся на противоположных основаниях — признании активной роли женщины в жизни молодого исламского государства и утверждении ее зависимого статуса в семье. Начавшаяся в 1990-е гг. полемика по гендерному вопросу вовлекла и значительную часть женской политизированной аудитории. Спектр ее активности разнообразен и достаточно широк: личное участие в протестных акциях, интернет, журналистика и переживающая в последнее время настоящий писательский бум художественная литература. В конце 1990-х годов в Иране появилось более 300 писательниц. Печатная палата ИРИ в 2017 г. увеличивает их число до 28 239, по-видимому, объединяя писательниц, журналисток и блогеров¹.

Приобретшее столь массовый характер присутствие женщин на литературном поприще вызвано рядом причин: это и произошедший после революции демографический взрыв, и беспрецедентный скачок в уровне женской грамотности, значительно расширивший возможности участия женщин в трудовой деятельности. Внушительные тиражи книг, написанных женщинами, подтверждают высокий уровень читательской востребованности и понимание авторами проблем своего адресата. Помимо произведений на персидском языке, публикующихся в Иране, существует и большой пласт диаспорной женской литературы преимущественно в жанре автобиографии, представляющей поистине бесценный материал для антропологических исследований.

К числу признанных мастеров женской литературы можно с полным основанием отнести Симин Данешвар², Голи Таракки³, Зою Пирзад⁴, Шахруш Парсипур⁵ и представительниц диаспоры Маржан Сатрапи⁶ и Азар Нафиси⁷.

¹ <https://www.nasim.news/fa/tiny/news-2308235>; <http://www.nashreiran.ir/> (дата обращения: 04.01.2023).

² Данешвар С. Смерть ради жизни. Пер. с перс. Ш. Бади и Н. Кондыревой. М.: Прогресс, 1975.

³ Таракки Г. До донья (Два мира). Тегеран, 2002.

⁴ Пирзад З. Месл-е хаме-йе асрха (Как и все вечера). Тегеран, 1991. (на перс. яз.).

⁵ Парсипур Ш. Женщины без мужчин. Пер. с фарси Ю. Садыковой. [б. м.], 2020.

⁶ Сатрапи М. Вышивки (графический роман). СПб., 2020.

⁷ Nafisi A. Reading Lolita in Tehran. New York, 2003.

Женская проза воссоздает сложный в своей совокупности и цельности образ современной иранки, не мыслящей своей судьбы вне семьи. Именно эти женщины выступают в роли передатчицы жизненного опыта и гендерного стереотипа, сложившегося еще в иранском традиционном обществе. Этот тип женщин имеет свое статистическое измерение, представляя более 80% не занятого в сфере труда женского населения ИРИ. В подавляющем большинстве эти иранки инертны в выражении своей общественной позиции и практически отсутствуют в публичной сфере.

Воплощая среднестатистический портрет современной иранки, сохраняющей приверженность традиционным ценностям, эти женщины находятся под неуклонным давлением новых моделей поведения, порожденных современным городским укладом и вызовами внешнего мира, которые расширяют перечень индикаторов подлинной женской свободы.

Багиров А. (Институт рукописей НАНА, Азербайджан)

Произведение «Тазкира-йи Насрабади» о поэтах Азербайджана

Произведение Мухаммада Тахира Насрабади «Тазкира-йи Насрабади» — один из важных источников, содержащий наиболее полные сведения о поэтах Азербайджана в период существования Сефевидского государства (1501–1736). Первое редактирование этого произведения было завершено в 1083 г. х. (1672/73). Произведение было посвящено и представлено Шаху Сулейману Сефеву (пр. 1666–1694)¹. Однако до 1090 г. х. (1679/80) это произведение обновлялось некоторыми поправками. Произведение состоит из предисловия (*мукаддима*), пяти глав (*саф*) и заключения (*хатима*)². Во вступительной части перечисляются имена правителей и их потомков, сочинявших стихи. Первая глава посвящена высокопоставленным чиновникам-эмирам, ханам, финансовым чиновникам (*мустауфи*), везирам, служившим в сефевидском Иране и могольской Индии. Во второй главе представлены *сайиды* и представители знатных родов, которые занимались словесным творчеством. В третьей главе рассказывается о богословах (*улама*) и ученых (*фузала*) — знатоках в области различных наук средневековья. В этой главе также представлены каллиграфы и дервиши, которые считались представителями низшего слоя общества. Четвертая глава посвящена исключительно поэтам. Она состоит из трех частей, рассказывающих о поэтах Ирака,

¹ Ахмад Гулчин Ма'ани. Тарих-и тазкираха-йи фарси. Т. I. Тегеран, 1348/1969. С. 397–404.

² Мухаммад Тахир Насрабади. Тазкира-йи Насрабади / Сост., предисл., коммент. Мохсен Наджи Насрабади. Т. II. Тегеран, 1378/1999, с. 1310.

Хорасана, Средней Азии и Индии. Пятую главу своего произведения Мухаммад Тахир посвятил собственным родственникам. Сюда же он включил автобиографию с образцами своих стихов. Заключение «*Хатима*» тоже можно рассматривать как самостоятельную главу. Эта часть книги состоит из двух разделов. В первом, написанном в своеобразном стиле, представлены хронограммы, загадки и головоломки (*му'амма*) известных авторов. Во второй раздел включены аналогичные тексты, принадлежащие неизвестным авторам.

По словам автора, написать это произведение его вдохновили антологии-*тазкира* Давлатшаха Самарканди, Алишера Навои и Сам Мирзы. Эти же произведения использовались им как источники. В числе источников Мухаммад Тахир упоминает также антологии с названиями «*Майхана*» и «*Бутхана*».

Рукописи «*Тазкира-йи Насрабади*» имеются в библиотеках Ирана и других стран. Впервые эта антология была опубликована Вахидом Дастгерди в издательстве «Армаган» в 1936–38 гг., а затем переиздана в 1973 г. В 1999 г. иранский ученый Мохсен Наджи Насрабади осуществил полное издание этого произведения в двух томах.

Мухаммад Тахир Насрабади работал над своей антологией долгие годы. Интересно, что в рукописи, датируемой 1091 г. х. (1680), автором были сделаны поправки, а в обращении к читателям выражалась настоятельная просьба корректировать его ошибки в будущем. Видимо, по этой причине вплоть до 1115 г. х. (1703/04) в произведение вносились некоторые изменения. Однако авторы этих поправок неизвестны.

В антологии Мухаммада Тахира умело созданы краткие, но емкие портреты вошедших в нее поэтов. Автор прекрасно описал их внешний и внутренний мир, а также сообщил конкретные сведения об их произведениях, профессиях, общественном статусе, родственниках, друзьях и наставниках. В антологии содержится много ценных исторических фактов. Хотя Мухаммад Тахир включил в антологию лишь небольшие отрывки из произведений поэтов, он вполне критически оценивает их художественные качества.

Продолжая предшествующие традиции жанра *тазкира*, антология Мухаммада Тахира в свою очередь оказала влияние на последующие произведения этого жанра. Это хорошо видно на примере ряда *тазкира* азербайджанских авторов в Иране, таких как «*Данишмандан-и Азарбайджан*»¹ Мухаммад-Али Тарбийата и «*Суханваран-и Азарбайджан*»² Азиза Давлатабади. Большая часть сведений об азербайджанских поэтах, представленных в этих произведениях, приводится со ссылками на «*Тазкира-йи Насрабади*».

В докладе излагаются подробные сведения об авторе «*Тазкира-йи Насрабади*» и содержании этого произведения. Особое внимание уделено азербайджанским поэтам, художникам и каллиграфам.

¹ Мухаммад-‘Али Тарбийат. Данишмандан-и Азарбайджан / сост. Гуламриза Табатабаи Мадж. Тегеран, 1378/1999. 35+655 с.

² ‘Азиз Давлатабади. Суханваран-и Азарбайджан. Т 1–2. Тебриз, 1377/1998. 1105 с.

Базиленко И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Персидский поход 1722–1723 гг. и А. П. Волынский (1689–1740) как один из его инициаторов

В 1715 г., желая укрепить позиции России на Востоке и приумножить отношения с Ираном, Петр I отправил в Исфахан освобожденного из турецкого плена полковника Артемия Волынского (1689–1740), который был призван подготовить торговый трактат с иранской стороной для предоставления льгот отечественным купцам. Поскольку отношения с Османской империей к этому времени были окончательно испорчены, Петр рассматривал Иран как таковой в качестве страны транзитной торговли с Индией, сулившей огромные прибыли России. Торговле с самим Ираном необходимо было тоже уделять должное внимание. Император хотел учредить в Иране русское торговое общество, поскольку традиционные посредники в иранской торговле — армяне — нарушали свои обязательства не торговать шелком с другими европейскими купцами, кроме русских.

В послании к иранскому шаху российский император высказал мысль о необходимости постоянного представительства православной церкви в Иране. В составе посольства А. П. Волынского находился в качестве священника миссии иеромонах Иларион (Рогалевский, ум. 1742).

Экономическое положение в Иране все более осложнялось вследствие неразумной налоговой политики иранского руководства, пытавшегося восполнить сокращение доходов от торговли шелком (произошедшее по не зависящим от иранцев объективным обстоятельствам) путем роста прежних и введением новых налогов. Иранский шах Султан-Хусайн (1694–1722) оказался несостоятельным правителем, которого А. П. Волынский весьма характерно обрисовал в донесении канцлеру: «...Он не над подданными, но у своих подданных подданный. И чаю редко такова дурачка мочно сыскать и между простых, не токмо ис коронованных»¹.

Кадровая политика нового шаха и положение дел в некогда хорошо отлаженном государственном аппарате Сафавидской империи оставляли желать лучшего. А. П. Волынский свидетельствовал об этом в своих донесениях в Санкт-Петербург: «Истинно не знают дела и как их делать. И к тому же и ленивы, что о деле часа одного не хотят говорить, и не токмо посторонние, но и свои у них так же идут безвестно, как попалося на ум, так и делают безо всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, я чаю, и Александр Великий в бытность свою не смог войною так разорить»².

Состояние иранской казны А. П. Волынский оценил как плачевное: «Вместо богатства великую скудность имеют, что я довольно видел и слышал от известных, что все государство не имеет доходов, разве 6 миллионов, и то с нуждой, может

¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 77. Сношения России с Персией. 1743. Оп. 1. Д. 2. Л. 200 об.

² АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. 1743. Оп. 1. Д. 2. Л. 201 об.

быть. Прежде сего хотя и немалые были (как я слышал, что собиралось миллионов 15 и больше), однако же то ныне упущено от непорядочных управителей»¹.

Посланец Петра особое внимание уделил военным делам. Волынский невысоко отзывался о боеспособности иранской армии и объяснил это тяжелым экономическим положением и финансовыми трудностями Ирана: «Многие войска в поход иттить не хотят для того, что жалования не дают»². «...Понеже ныне казенные палаты стали пусты и войскам платить нечем, того ради, как сказывают, что спасалар (искаж. перс. «сепасалар» — главнокомандующий. — *И. Б.*), который ныне в Тавризе, сколько ни наwerbует войску, то паки все разбегутца оттого, что жалованье не дают»³.

Волынскому удалось исполнить не все указы императора. Он не добился от шаха Султан-Хусайна разрешения построить православную церковь в Иране, но открыл важную восточную страну для русской торговли. В главную заслугу А. П. Волынскому можно вменить то, что он создал российскую консульскую службу в Иране и добился наличия при шахском дворе отечественного представителя (резидента). При консульствах были учреждены должности консульских священников для духовного окормления консулов, сотрудников и торговых людей.

Поскольку Волынский выполнил основное поручение императора по подробному изучению состояния Сафавидского государства, то по возвращении в Россию в 1718 г. он был произведен в генерал-адъютанты, а через год назначен губернатором во вновь учрежденную Астраханскую губернию.

Сведения о плохом положении дел в Иране, доставленные Волынским, вскоре получили подтверждение.

В 1720 г., воспользовавшись кризисом, в котором пребывал Иран, сын афганского бунтовщика Мир Вайса Мир Махмуд (1699–1725) отправился с войском к Исфahanу. Первая попытка захватить столицу закончилась неудачей: афганцев разбили. Но в 1722 г., после того, как шах сместил талантливого военачальника по подозрению в заговоре и распустил войско, Мир Махмуд вернулся и осадил город, из которого с частью воинов сумел вырваться лишь спешно назначенный наследником престола Тахмасп-мирза.

Неспособный справиться с мятежами в стране, шах трижды отправлял послов в Россию за помощью, и в 1721 г. Петр отдал распоряжение астраханскому губернатору А. П. Волынскому подготовить все необходимое к Персидскому походу.

Ход и итоги Персидского похода, закончившегося Стамбульским договором 1724 г. и фактическим разделом Ирана, достаточно хорошо известны; многократно привлекали к себе внимание русских дореволюционных, советских, иранских, западноевропейских и американских исследователей.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. Персидские дела. 1715. Д. 2. Л. 577а.

² Там же. Л. 310б.

³ Там же. Л. 318б.

В целом, Персидский поход можно рассматривать в качестве вполне успешного предприятия Петра I, но современники его таковым не считали, что хорошо заметно в связи с судьбой одного из организаторов и вдохновителей похода — А. П. Волынского. Враги Волынского при дворе объяснили Петру ряд неудач российской армии в 1722 г. некоторыми недостоверными сведениями, доставленными Волынским, и указали на его взяточничество. Император жестоко наказал Волынского своей дубинкой и уже не доверял ему по-прежнему. Еще до завершения похода он был устранен от дальнейшего участия в нем и лишен большей части своих полномочий.

Башарин П. В. (РГГУ, Москва)

Реликты демонического образа слона в средневековой персидской культуре

Общеизвестным фактом является отнесение слона (ср.-перс., н.-перс. *pīl*) к демоническим творениям (авест. *xrafstra-*, ср.-перс. *xrafstar*) в зороастрийской традиции. Наибольшую известность приобрели сведения из *Бундахишна* о том, что слоны, наряду со львами, являются вредными созданиями и относятся к волкам. Согласно *Меног-и храд* и *Пехлевийскому ривайату*, дэвы предложили людям слона, «которому не нужен ни сторож, ни пастух», если те согласятся убить скот (принести им в жертву). Однако правивший тогда Джамшид отверг это предложение, что ставилось ему в заслугу традицией. Причиной такого восприятия слона был, вероятно, необычный облик животного, особенно наличие хобота. Как подчеркивает Ф. де Блуа, негативное отношение к слонам со стороны зороастрийцев не препятствовало как широкому применению боевых слонов (элефантерий), так и престижу слоновой кости как в ахеменидский, так и в сасанидский периоды. Можно вспомнить и белого слона как образ царской власти при Сасанидах, перенятый, по мнению Т. Дарйаи, от парфян. Двойственный взгляд на слона в пехлевийской литературе отмечает А. Тафаззоли. Например, во сне Ардашира из *Карнамаг-и Ардашир* слон служит символом храбрости, могущества и победы (*čērīh ud tuwānīgīh [ud] pērōzīh*). В исламскую эпоху боевых слонов активно используют Газнавиды, импортируя их из северной Индии.

В персидской литературе образ этого животного, как правило, не имеет связей с демонической сферой. Знаменитый образ необузданного слона (*ž/zanda-pīl*), который появляется еще у Рудаки, а потом активно используется в *Шах-нама* Фирдауси и далее, лишен негативной коннотации. У Фирдауси знаменитые герои, особенно Рустам, наделяются эпитетом «слонотелый» (*pīl-tan*). Очевидный гневный и мстительный характер слона, который постоянно подчеркивается в поэзии и бестиариях, никогда не воспринимается как демонический.

Однако следы зороастрийских верований в персидской литературе в реликтовом состоянии можно обнаружить. Выделяется знаменитая сцена победы юного Рустама над разбушевавшимся белым слоном из *Шах-нама*. Убийство слона совершается булавой, которой обычно разят демонов и врагов, их приспешников. Из литературных свидетельств прежде всего привлекает внимание знаменитое сравнение из Гулистана Са'ди, приведенное по-арабски: «Не все, что велико ростом, дорого ценю: овца чиста, а слон нечист» (*aš-šāt nazīfa wa-l-fil jīfa*). В арабоязычных источниках эта пословица не зафиксирована. Абд Аллах Ансари в одном из фрагментов *Мунаджат* сравнивает жизнь с шахматной партией и просит Бога защиты от демона в облике шахматного слона.

В персидской миниатюре распространены изображения слоноголовых демонов, чьи образы, видимо, также восходят к сасанидскому времени. Часто изображение слоноголового демона встречается в сценах, изображающих окружение Соломона (Сулаймана), восседающего на троне. Слоноголовые демоны также часто появляются в рукописях произведений, связанных с жанром мирабилей, например, *'Аджа'иб ал-махлукат* ал-Казвини. Эта традиция явно восходит к доисламской. В описании *нагов* из согдийского магического текста у одного из них слоновья голова (*pydh sr'kw*). Частота появления подобных демонов в индоперсидских миниатюрах, возможно, связана с интерпретацией мусульманскими художниками образа индуистского демона Гаджасуры, который принял форму слона и был побежден Шивой. С другой стороны, образ слоноголового Ганеши оставил след в манихейской живописи (в качестве одного из четырех небесных царей-стражей, санскр. *caturmahārāja*) и не имеет негативной коннотации. Возможно, что слоноголовый демон как хранитель царского трона восходит к этому образу и в начале не был связан с демонической природой. В персидских сочинениях каджарского периода по магии и астрологии существуют иллюстрации, изображающие дива верхом на слоне. При этом сам слон предстает в гипертрофированном виде с огромной головой.

Использованная литература:

Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

De Blois F. Elephant i. In the Near East // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. 8. Fasc. 4. London; Boston, 1998. p. 360.

Daryaei T., Malekzadeh S. The White Elephant: Notions of Kingship and Zoroastrian Demonology // *India and Iran in the longue durée* / ed. A. Patel, T. Daryaei. Irvine, 2017. P. 61–74.

Tafazzoli A. Elephant: A Demonic creature and a Symbol of Sovereignty // *Monumentum* H. S. Nyberg. Vol. 2. Acta Iranica 5. Leiden-Tehran-Liège, 1975. P. 395–98.

Васильева Н. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

К 100-летию со дня рождения С. Н. Соколова (1923–1985)

Сергей Николаевич Соколов, доцент кафедры иранской филологии Восточного факультета ЛГУ второй половины XX в., был крупным ученым мирового значения, выдающимся и тонким знатоком одной из сложнейших областей лингвистики: древнеиранского языкознания (древнеперсидского, авестийского и среднеперсидского языков). Он был прирожденным преподавателем и любимым учителем иранистов и афганистов Восточного факультета, умевшим вовлечь студентов в специальность простыми объяснениями сложных грамматических категорий, а также своих собственных изысканий, развивая аналитическое мышление слушателей.

Важнейшим достижением Сергея Николаевича является изучение авестийского языка. Его монография «Авестийский язык» (1961), перевод этого труда с дополнениями и исправлениями на английский язык (1967) и учебное пособие «Язык Авесты» (1964), включающее хрестоматию с текстами, подобранными по мере нарастания сложностей, остаются до настоящего времени образцовым руководством для изучения авестийского языка, не имеющим себе равного в европейской науке¹. В 1991 г. книга Сергея Николаевича «Авестийский язык» была переведена на персидский язык и издана в Тегеране².

С. Н. Соколов родился 8 июня 1923 г. По окончании школы в Свердловске в 1941 г. он уже 11 июля был призван в армию. В армии Сергей Николаевич служил механиком авиавооружения. В 1945 г. он был награжден медалью «За победу над Германией». Демобилизован был лишь в феврале 1948 г.³ В том же году поступил на кафедру иранской филологии Восточного факультета ЛГУ. Научные интересы Сергея Николаевича ярко проявились уже в студенческие годы. Учился он с огромным интересом, не только постигая программы курсов, но постоянно расширяя свои познания самообразованием. Его начитанность в европейской лингвистике и иранистике была феноменальной. Чтение западноевропейской научной литературы не представляло трудностей. Способности к языкам были поразительные. Например, на первом курсе он выиграл пари, сдав китайский язык наравне с китаистами. Его первой научной работой был «Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза», написанный в студенческие годы под руководством И. И. Зарубина и опубликованный в «Трудах Института языкозна-

¹ Стеблин-Каменский И. М. Памяти Сергея Николаевича Соколова // Народы Азии и Африки, 1986, № 1, с. 216.

² Sokolov S. N. The Avestan Language. Translated into Persian by Roghieh Behzadi, Ph.D. Tehran, Cultural Studies and Research Institute, 1991.

³ Васильева Н. Е. Сергей Николаевич Соколов // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). Т. 1. 19–21 июня 2019 г. Материалы конгресса. СПб., 2019, с. 50–52.

ния АН СССР» (1956, Т. VI). «Очерк» содержит строгое, лаконично изложенное исследование с обоснованными выводами. Это же можно сказать о любой публикации Сергея Николаевича.

По окончании университета с отличием в 1953 г. Сергей Николаевич был рекомендован в аспирантуру. Диссертацию на тему «Историческое развитие каузатива в западноиранских языках» он написал досрочно и долго ждал выхода публикаций необходимых для защиты. Защита состоялась в декабре 1958 г. Труд его представляет глубокое исследование в области исторической грамматики. В предисловии Сергей Николаевич указал, что тема интересовала его как часть общего вопроса о смене грамматических форм и их значений, об отношении изменений грамматического строя к изменениям структуры языка, а также как часть более специального и конкретного вопроса о путях сложения западноиранской глагольной системы. Работа получила высокую оценку таких авторитетных ученых, как М. Н. Боголюбов (научный руководитель), В. С. Соколова, В. А. Лившиц, А. Л. Грюнберг-Цветинович¹. По теме диссертации были опубликованы две статьи — «Описательные обороты и глагольные гетерограммы в среднеперсидских сасанидских надписях» (1956), «Огласовка каузативного суффикса в западноиранских языках» (1958) — и автореферат «Историческое развитие каузатива в западноиранских языках» (1958). В. С. Соколова отметила, что диссертант, возражая против гипотез, высказанных известными учеными П. Хорном, К. Г. Залеманом и В. Б. Хеннингом, выдвинул новую, убедительно аргументированную гипотезу образования каузатива. Диссертация, занимавшая всего 80 страниц, единогласно была признана образцовым исследованием².

Два монографических раздела, написанные С. Н. Соколовым — «Язык Авесты» и «Древнеперсидский язык», помещенные в коллективном фундаментальном труде «Основы иранского языкознания» (1979), входят в золотой фонд отечественного востоковедения.

Преподавательскую деятельность Сергей Николаевич начал с первого года обучения в аспирантуре. В 1956 г. он был зачислен ассистентом на кафедру иранской филологии и вел занятия со студентами всех курсов по грамматике персидского языка, истории классического персидского языка, по литературе древнего Ирана. Также он подготовил и читал курс «История зороастризма». Начиная с 1959 г. неоднократно читал в Душанбе в Таджикском государственном университете курсы по персидскому языку, истории языка и введению в иранскую филологию. Сергей Николаевич всегда пользовался уважением и любовью своих учеников. Он был мудрым, внимательным и заботливым преподавателем. Начиная занятие с простейшего вопроса, постепенно приводил слушателей к участию в научном расследовании. Охотно делился своими знаниями не только со студентами, но и со всеми, кто к нему обращался, оказывал коллегам содействие советами и ука-

¹ Сведения из Объединенного архива СПбГУ.

² Васильева Н. Е. Указ. соч.

занятиями. В последние годы жизни Сергея Николаевича интересовали проблемы ирано-славянских языковых связей, о чем он делился со студентами на лекциях и делал научные сообщения.

Дважды Сергей Николаевич работал переводчиком арабского языка за границей: в Сирии в 1956 г. и в Египте в 1958 г.

Сергей Николаевич был скромным, порядочным, доброжелательным человеком, непритязательным в быту, обладавшим разносторонними интересами; он был сердечным и верным другом, необыкновенным рассказчиком, занимательным и остроумным собеседником.

С. Н. Соколов внес значительный вклад в изучение древнеиранских языков. Он скоропостижно скончался 14 июня 1985 г. К сожалению, его богатейший талант не был реализован в полной мере.

Васькин И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Члены Совета экспертов Исламской Республики Иран: факторы рекрутирования (1983–2025)

Совет экспертов Исламской Республики Иран (СЭ ИРИ) является сравнительно малоизученным политическим институтом страны¹. По Конституции ИРИ 1979 г., функционально он представляет из себя избираемый орган, контролирующий деятельность Верховного руководителя с полномочиями отрешить его от должности. Он состоит из 86 (с 2015 из 99) членов, избираемых каждые 8 лет по одно- и многомандатным округам. На данный момент в него избирается только исламское духовенство.

Целью данного исследования является анализ факторов рекрутирования в СЭ с помощью анализа 446 наблюдений и сведений о 216 членах пяти созывов СЭ. Основным методом является сравнительно-биографический. Источником данных служит работа Мехзада Боружерди и Куроша Рахимхани «Postrevolutionary Iran: A Political Handbook»², где в числе прочего присутствуют краткие биографии более 3000 представителей иранских элит.

Динамика СЭ показывает следующие результаты. Доля аятолл уменьшилась с 65 до 44 % за счет обычного духовенства. В свою очередь доля ветеранов

¹ См. Филин Н. А. Совет экспертов в политической системе Ирана // *Азия и Африка сегодня*. 2008. №6. С. 60–61; Understanding Iran's Assembly of Experts. Policy Brief #1. Centre for Iranian Studies. Durham University. URL: https://wayback.archive-it.org/all/20070630133328/http://www.dur.ac.uk/resources/iranian_studies/Policy%20Brief%201.pdf; Saffari S. The Legitimation of the Clergy's Right to Rule in the Iranian Constitution of 1979 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1993. Vol. 20. No. 1. P. 64–82.

² Boroujerdi M., Rahimkhani K. *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook*. Syracuse University Press, 2018.

Корпуса стражей Исламской революции скорее выросла: в первых двух созывах она составляла 3–5 %, в последующих 7–8 %.

Большую часть членов СЭ составляют выпускники Семинарии Кума, их доля выросла с 60 до 72 %. Второй по важности семинарией является Семинария Наджафа в Ираке, доля ее выпускников упала с 19 до 12 %. Что касается светского образования, доля членов СЭ со степенями бакалавра, магистра и PhD выросла с 2 % (только бакалавры) в первом созыве до 22 %, но затем снизилась до 18 и 15 % в пятом созыве. Среди специальностей обладающих такими степенями основными являются философия, право и теология.

Количество принадлежащих к партийным и религиозным группам неуклонно уменьшалось: с 12 до 2 %. При этом в первом составе высокая доля была за счет членов Исламской республиканской партии (ИРП). Члены Организации борющегося духовенства присутствовали в ней спорадически: по 2 % в первом и третьем созывах. Члены Ассоциации борющегося духовенства присутствуют в СЭ сравнительно стабильно с долей 13–15 %.

К основным регионам происхождения членов СЭ относятся Исфахан, Восточный Азербайджан, Фарс, Хорасан Разави, Кум, Мазендеран, Гилян, Тегеран и Керман. С территории этих останов рекрутировалось 50–60 % членов.

Таким образом, за 40 лет, прошедших с момента первого созыва СЭ, его состав претерпел существенные изменения. Доля аятолл уменьшилась за счет рядового духовенства, доля ветеранов КСИР незначительно выросла. Роль выпускников Семинарии Кума стала больше, при этом доля выпускников семинарии Наджафа понизилась. Значительно увеличилась доля членов СЭ со светским образованием. При этом произошла департизация, в основном из-за роспуска ИРП. Параллельно сохранялось стабильное присутствие членов Ассоциации борющегося духовенства. 50–60 % членов СЭ происходят с территории 9 останов, что свидетельствует о высокой неравномерности представительства. В целом можно сказать, что СЭ ограниченно секуляризовался и департизовался, что свидетельствует о модернизационных процессах, происходящих внутри самого духовенства.

Гезалова Н. (Институт истории НАНА, Азербайджан)

Российские дипломатические миссии в Афшарском государстве

Изучение истории дипломатических посольств и миссий имеет исключительную важность для детального анализа международных отношений в XVIII в. В условиях отсутствия традиции пребывания постоянных дипломатических представительств Афшарского государства при Российском дворе основными

формами установления и поддержания межгосударственных контактов, наряду с дипломатической перепиской, являлись обмены посольствами и учреждение консульств. Деятельность российских дипломатических миссий при дворе Надир-шаха заслуживает особого внимания, учитывая малое количество специальных академических работ по этой теме.

Донесения многих российских дипломатических миссий и консулов, направленных в Сефевидское государство после прикаспийского похода Петра I (1722–1723) свидетельствуют о том что, с 1727 г. фактически все внешнеполитические вопросы и официальные переговоры от имени шаха Тахмаспа II с Российской империей находились в ведении Надир-гулу (впоследствии Надир-шах). Именно с этого времени Надир-гулу стал принимать непосредственное участие в международных переговорах. Он руководил ими и часто определял условия заключаемых договоров, сыграв, например, важную роль в подписании русско-сефевидских договоров 1732 и 1735 годов. При этом в дальнейшем официальные договоры между Афшарским государством и Российской империей не подписывались, хотя страны имели регулярные контакты. Хорошо известны, например, крупные афшарские посольства 1736, 1739–1742 гг., а также длительная подготовка ответного посольства М. М. Голицина в 1747 г.

В докладе рассматриваются сведения о российских дипломатических миссиях под руководством П. П. Шафирова, С. Аврамова, И. П. Калушкина, В. Ф. Братищева, И. Бакунина и М. М. Голицина. Донесения российских резидентов и консулов являются важными документами, дополняющими и корректирующими данные персидских источников. Более того, сведения российских дипломатов дают возможность точнее оценить политическую ситуацию в регионе, чем это позволяют сделать персидские источники в силу их большей тенденциозности и стилистической специфики.

Громова А. В. (ИСАА МГУ, Москва)

СМИ как инструмент языкового регулирования в Иране: материалы о миноритарных языках и диалектах в публикациях информационного агентства IRNA

«Операция по спасению языков коренных народов», «Местные говоры и локальные диалекты под угрозой», «Язык как инструмент сохранения материального и духовного наследия», «Родной язык: сокровище, передаваемое из уст в уста», «Важное значение родного языка» — такого рода заголовки нередко появляются на главном новостном портале Информационного агентства Исламской Республики

Иран (IRNA) в канун Всемирного дня родного языка (21 февраля) с целью привлечь внимание к проблематике сохранения лингвистического многообразия этой полиэтнической страны и ревитализации миноритарных языков и диалектов.

Ситуация языкового сдвига усугубилась в последние десятилетия¹, многие идиомы современного Ирана, несмотря на усилия академического сообщества и проекты по составлению диалектологических атласов², ещё не задокументированы и могут исчезнуть уже в скором будущем. Эта перспектива ближайших 50 лет обусловлена, во-первых, сильным повышением среднего возраста носителей отдельно взятых идиомов и, во-вторых, переходом молодежи — из-за ряда политических, социальных и экономических факторов — на доминирующий язык, то есть прежде всего на персидский. В результате во многих случаях молодежь уже оказывается не в состоянии полностью понимать и полноценно использовать родное наречие, многие языки оказываются в состоянии спящих, с латентными, то есть потенциальными, но не использующими язык носителями. Под угрозой оказываются также микрокультуры с их уникальным фольклором, обычаями и традициями.

Факторы ассимиляции языков, находящихся под угрозой исчезновения, наряду со все большим превалированием престижного персидского языка, могут быть также экстралингвистические. Как показано в работах на материалах провинции Фарс многое зависит и от социально-культурной ситуации в целом³, и о личного выбора носителей⁴. Чтобы понять в отношении каждого уязвимого идиома, насколько резким или постепенным может быть языковой сдвиг, чрезвычайно важен анализ каждого конкретного случая и выявление причин ослабления позиций изучаемого идиома⁵.

В предлагаемом докладе для выявления случаев, в которых получает освещение проблематика сохранения миноритарных языков и диалектов, были исследованы вышедшие за последний год публикации на сайте IRNA. Это информационное агентство можно рассматривать как важнейший канал проведения национальной языковой политики и действенный инструмент языкового регулирования в ИРИ.

¹ Modarresi Y. Sociolinguistics // The Oxford Handbook of Persian Linguistics. A. Sedighi, P. Shabani-Jadidi (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 329–346.

² Taheri-Ardali M., Anonby E., Hayes A. et al. The Online Atlas of the Languages of Iran: Design, Methodology and Initial Results // Language Related Research. 2021. Vol. № 2. P. 231–291. URL: <https://lrr.modares.ac.ir/article-14-33460-en.pdf>

³ Mozaffari Sh., Modarresi Y., Afrashi A., Assi M. Ta'sir-e 'avāmel-e ejtemā'i bar kārbord-e tanavvo'āt-e gune'i-ye zabān-e fārsi dar ostān-e fārs: pažuheš-e ejtemā'i šenāxti (The Impact of Social Factors on the Use of Lectal Variations from a Socio-cognitive Linguistics Perspective) // Zabānšenāsi-ye ejtemā'i (Iranian Journal of Sociolinguistics). 1398 (2019). Vol. 2, № 2 (8). P. 27–40. URL: https://sociolinguistics.journals.pnu.ac.ir/article_6333.html

⁴ Modarresi Y., Mozaffari Sh. Ta'sir-e negareš-e guyešvarān bar kārbord-e tanavvo'āt-e gune'i-ye zabān-e fārsi dar ostān-e fārs: pažuheš-e ejtemā'i šenāxti (The Impact of Speakers' Attitude on the Usage of Lectals in Fars Province: A Cognitive Sociolinguistic Study) // Zabānšenāsi-ye ejtemā'i (Iranian Journal of Sociolinguistics). 1397 (2018). Vol. 1, № 3 (3). Pp. 23–52. URL: https://sociolinguistics.journals.pnu.ac.ir/article_5153.html

⁵ Gholami S. Endangered Iranian Languages: Language Contact and Language Islands // Iranian Studies. 2020. Vol. 53. № 3–4. Pp. 347–351.

В результате анализа статей, отобранных по поисковому запросу «Родной язык» и по тегам «Обучение родному языку», «Всемирный день родного языка», «Языкознание», можно выделить следующие сюжеты и направления:

1) повышение престижа диалектной поэзии: «Лурские стихи — сокровищница народной культуры остана Кохгилуйе и Бойерахмед», «Диалект демаванди — ценное сокровище персидского языка»;

2) заметки о выходе в свет книг, прежде всего, поэтических сборников, на тати, курдском и других идиомах, в том числе: «625 книг опубликовано на азербайджанском (торки-азари)», «Гулистан Саади переведен на курдский», «Аннотация на книгу стихов на эвази (ларестани)»;

3) публикации диалектного фольклорного материала, например, лурские пословицы и поговорки как квинтэссенция богатой народной культуры провинции Кохгилуйе и Бойерахмед;

4) репортажи с концертов этнической музыки, с конкурса дикторов на курском языке;

5) новостные заметки о трудностях в связи с языковой подготовкой дошкольников в многоязычных районах.

Все это позволяет сделать вывод, с одной стороны, о реализации 15-й статьи Основного закона Исламской Республики Иран о свободной публикации книг на местных языках (*zabānhā-ye mahalli*) и о ведущей роли литературы и фольклора в деле поддержания использования миноритарных языков. При описании языковых практик, направленных на расширение сфер функционирования определенного идиома, необходимо отметить принцип инструментального использования языка для «работы на публику» в разных сферах искусства (*language-for-performance*), выделенный при работе с отдельными угрожаемыми языками в других странах¹. С другой стороны, ряд заметок просветительского характера действительно можно рассматривать как зеркало печальной реальности, в которой отдельные диалекты или даже языки с тысячами носителей предаются забвению или оказываются на «безобразной скотобойне».

Каверин С. И. (ЦПИ, Москва)

Источники по молитвам, гимнам и песням кафиров Гиндукуша

Обширную горную область на рубеже Центральной и Южной Азии, в прошлом почти не затронутую крупными религиями (буддизмом, индуизмом, исламом), принято именовать Кафиристан, «земля неверных». За четыре столетия к началу XX в.

¹ Sallabank J. Attitudes to endangered languages: identities and policies. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

эта область сжалась до трех долин в Южном Читрале (Пакистан). Итальянские антропологи А. М. и А. С. Какопардо предложили альтернативный, более корректный термин — Перистан, вдохновляясь широко распространенной там верой в духов женского рода, которые чаще именуются «пéри, парí». Также народам этого региона были присущи почитание горного козла, виноделие и относительная сексуальная свобода. Религия кафиров происходила от симбиоза локальных охотничьих, анимистических культов, отголосков индуизма I тыс. н.э. и древних воззрений общеарийской или ведической древности.

В обществах кафиров основные праздники проходили по определенным дням в рамках местного календаря, который зависел от микроклимата каждой долины, потому их даты не совпадали. Другие праздники проводились по случаю военных побед или обрядов перехода, в частности ритуализированных пиров, через организацию которых «кормилец сообщества» получал высокий престиж и соответствующий ранг, позволявший обрести как влияние на соплеменников, так и благополучное посмертие. По возвращении домой воинов встречали соплеменники, в случае успеха проводили праздники в их честь, возносили хвалу многочисленным богам, среди которых выделяются несколько главных. По несколько кругов танца посвящали каждому отдельному божеству, обращались к нему с благодарностью или просьбой, иногда его идолу могли адресовать проклятия и жалобы. Поминальные ритуалы проводились у деревянного изваяния при гробе покойника, в жизни достигшего высокого престижа.

Устный фольклор кафиров включал поэзию, которую исполняли акапелла или под аккомпанемент барабанов, иногда с добавлением струнных инструментов (арфа или вариант лютни); танцевали под игру флейт и барабанов. Так, в Пригиндукуше поэзия и песня неразличимы по сей день у многих народов. Богам совершали молитвы личные и публичные, специальный жрец пел им хвалебно-описательные гимны.

Помимо синхронных сообщений мусульманских авторов, ранние сведения о кафирах Гиндукуша мы получаем из записок христианских миссионеров и военных из Европы, британских посланников и политических агентов. Эти сведения удавалось собирать разными способами как на территории Афганистана и автономного Кафиристана, так и на севере Британской Индии (нынешнего Пакистана). Наиболее ценный документ колониальной эпохи — книга «Кафиры Гиндукуша» (1896) за авторством шотландского врача Дж. С. Робертсона, который незадолго до решительной исламизации горных районов на востоке нынешнего Афганистана более года в течение 1889–1891 гг. посещал сообщества кафиров-сияпушей, включая крупное селение Камдеш. В приграничную область Читрал в 1895–1896 гг. часть кафиров смогла бежать от исламизации. Текст двух объемных гимнов от иных беженцев записал в Ташкенте русский исследователь М. С. Андреев (1902 г.). Съемку и запись аутентичных обрядов от последних языческих жрецов проводили норвежец Георг Моргенстьерне (1929 г.) и германец Альберт Херрлих (1935 г.) в долине Бумборет в Южном Читрале. Расспросные материалы по обрядам

и тексты песен доисламского периода на территории Афганистана фиксировались экспедициями вплоть до 1970-х гг. Кроме того, доступны случайно зафиксированные, плохо транскрибированные краткие тексты ритуального свойства.

Следует провести всесторонний анализ данного корпуса текстов, а также косвенной информации, которая касается обстоятельств исполнения молитв, гимнов и песен в доисламских обществах на территории нынешней провинции Нуристан в Афганистане. Перспективным будет сопоставление полученных данных с информацией, касающейся ритуалов и фольклора калашей Читрала, культура которых в ряде аспектов преемственна культуре кафиров-сияпушей (северных нуристанцев).

Моисеенко Н. С. (АрТТуда, Санкт-Петербург)

Афганские монеты и награды, изготовленные в СССР

Детальное изучение фондов Ленинградского монетного двора (ЛМД) за 1970–1990-е гг., хранящихся в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга, позволило выявить полный ассортимент продукции, предназначавшейся для Республики Афганистан¹. Всего в заключительный период существования СССР для Афганистана было изготовлено более 120 миллионов монет и 52 тысячи наград. Определенные трудности с установлением ассортимента были связаны с использованием в документации не конкретных названий предметов, а их шифрованных обозначений в виде цифровых или цифробуквенных сочетаний, которые, к тому же, изменялись с течением времени.

В 1979–1981 гг. на ЛМД чеканились монеты из марганцовистой латуни ЛМц58–2 номиналом в 25 и 50 пул, а также из медно-никелевого сплава МН-25 номиналом в 1, 2 и 5 афгани. Монеты изготавливались с датами «1357» и «1359» по принятой в Афганистане и Иране солнечной Хиджре (отстающей от григорианского календаря на 622 года), что позволяет условно датировать их 1978–1979 и 1980–1981 гг. Разновременные монеты одного достоинства немного отличались друг от друга по диаметру и массе: как правило, экземпляры 1980-х гг. чуть шире и тяжелее (кроме, возможно, монет в 5 афгани).

Тиражи монет с датами «1357» и «1359» следующие: 25 пул (изделие 545) — 11 150,0 тыс. и 13 850 тыс., 50 пул (изделие 546) — 11 286,0 тыс. и 13 716 тыс., 1 афгани (изделие 542) — 8000 тыс. и 12 000 тыс., 2 афгани (изделие 543) — 13 600,5 тыс. и 11 400 тыс., 5 афгани (изделие 544) — 10 000 тыс. и 15 000 тыс., соответственно. Следует отметить, что в нумизматических справочниках до сих пор тиражи и эмитент упомянутых монет не обозначены.

¹ ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 17. Д. 552–874.

Кроме того, в 1990 г. на ЛМД было отчеканено 10 500 монет номиналом в 100 афгани (изделие 100А) из сплава МН-25 с качеством поверхности «пруф». Монеты были посвящены проходившему Чемпионату мира по футболу и несли на себе символику двух команд-фаворитов группы А (Италии и США). Как известно, сборная Италии заняла в чемпионате третье место, а сборная США, проиграв все три матча группового этапа, не смогла выйти в плей-офф. В нумизматических справочниках эмитент этих монет не упомянут, а тираж занижен (указан выпуск 10000 экз.).

Помимо монет на Монетном дворе на протяжении целого ряда лет выпускались награды для Афганистана, в общей сложности — шесть видов орденов и три вида медалей. Выпуск начался в декабре 1979 г. с изделия 1.О, изготовленного тиражом в 1000 экземпляров. Предположительно, под этой аббревиатурой был зашифрован орден «Саурской революции».

Почти одновременно с первым орденом в том же году на ЛМД по заказу Совета Министров СССР были изготовлены ордена «Красного знамени» (изделие 2.О) — 1500 штук, орден «Дружба народов» (изделие 3.О) — 1000 штук, а также медаль «За отличную службу по охране государственных границ» (изделие 7.М) — 3000 штук. Однако эти три типа наград в 1980 г. были подвергнуты переделке¹, связанной, вероятно, с приходом к власти Б. Кармалы и фракции Парчам, и, как следствие, с изменением наградной системы.

В дальнейшем, в 1982, 1986 и 1989–1991 гг. на Монетном дворе было выпущено орденов «Красного знамени» (получившем новые обозначения изделие 1.О и изделие 576) — 5000 штук, орденов «Дружба народов» (обозначавшемся как изделие 2.О и изделие 575) — 4000 штук, медалей «За хорошую охрану границ» (обозначавшихся как изделие 9.М и изделие 580; а ранее как изделие 7.М) — 8500 штук, медалей из лагуни Л-90 «За верность» (обозначавшихся как изделие 12.М и изделие 581) — 14 000 штук. Кроме того, было изготовлено 8000 медалей с серебрением (проходивших как изделие 13.М и изделие 579), вероятнее всего «За самоотверженность» (поскольку только у этих афганских медалей была посеребрена половина шестерни слева на аверсе).

В августе-сентябре 1991 г., помимо двух видов наград, выпускавшихся ранее, было изготовлено три новых вида знаков отличия — ордена «Ахмад Шах Баба», «Мирвайс Ника» и «Махмуд Тарзи», тиражом по 2000 экземпляров каждого ордена².

Кроме монет и наград на ЛМД для Афганистана выпускали еще один, весьма специфический вид продукции, — космические вымпелы. В 1987 г., когда в СССР началась подготовка афганских космонавтов, было изготовлено небольшое количество треугольных алюминиевых вымпелов с эмалевым покрытием и с сильно закругленными боковыми сторонами. На лицевой стороне вымпелов располагались гербы Советского Союза и Афганистана, разделенные силуэтом ракеты; по краю шла

¹ ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 17. Д. 605. Л. 40.

² ЦГА СПб. Ф. 1516. Оп. 17. Д. 861. Л. 14, 161.

надпись «Полет международного экипажа на борту орбитального комплекса “Мир” 1988». На оборотной стороне в лучах восходящего Солнца размещалось изображение орбитальной станции. Под гербами дружественных стран находились аббревиатуры — «СССР» и «ДРА». Однако сохранилось всего несколько таких вымпелов.

В декабре 1987 г. Демократическая Республика Афганистан была переименована в Республику Афганистан, и к моменту космического полета афганца А. А. Моманда, проходившего с 29 августа по 7 сентября 1988 г., вымпел был переделан и на нем вместо «ДРА» разместили буквы «РА», оставив остальную композицию прежней. К моменту запуска корабля «Союз ТМ-6» изготовили 22 таких вымпела, после возвращения на «Союзе ТМ-5», в IV квартале 1988 г. — ещё 70 штук. Позже, для проведения различных мероприятий, было дополнительно отчеканено в 1989 г. — 100 штук, и в 1990 г. — ещё 58 штук. Таким образом, суммарный тираж советско-афганских космических вымпелов «СССР — РА» составил 250 экземпляров. Эта информация полностью совпадает с опубликованной в литературе¹.

Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)

Как астраханский купец Степан Лионозов рыбпромышленником в Персии стал (из истории русско-персидских связей в XIX в.)

После подписания с Персией Туркманчайского мирного договора (1828) Россия получила право свободного плавания своих кораблей по всей акватории Каспийского моря². Это дало возможность царской администрации искать новые формы использования каспийских вод, в том числе принадлежащих Персии. Кроме того, включение каспийского региона в сферу российских интересов было обусловлено обострением в Персии соперничества России и Англии. На этом фоне в конце 60-х гг. XIX в. возникают проекты по обустройству рыбного промысла на южном персидском побережье Каспия.

Важные материалы по данной теме были обнаружены нами в Архиве Внешней политики Российской империи. Они раскрывают обстоятельства и причины подписания рыбного контракта между астраханским купцом Степаном Мартыновичем Лионозовым (ум. 1894) и персидской стороной. Исследуемые документы

¹ Лопота В. А. и другие. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва в первом десятилетии XXI века. К 65-летию образования Корпорации и 50-летию начала эры пилотируемых полётов. М., 2011. С. 743.

² В докладе мы сохраняем название страны «Персия», которое использовалось до 1935 г. и упоминается в рассматриваемых российских документах втор. пол. XIX–нач. XX вв.

свидетельствуют о непосредственном участии царской администрации в этом предприятии, выявляют причины, благодаря которым концессию на рыбный промысел смог получить именно С. М. Лионозов, а не кто-либо другой из астраханских купцов, имевших рыбные баркасы на Каспии¹.

Из архивных документов следует, что еще в 50-е гг. XIX в. «многие русские подданные добивались уже много лет права ловить рыбу вдоль Гилянского побережья, однако все они получали отказ»². Очевидно, С. М. Лионозов тоже хотел расширить свой астраханский рыболовецкий промысел на южном побережье Каспия, но без поддержки властей он вряд ли смог бы организовать там свое предприятие. Согласно архивным документам, подбором главы рыбного промысла в Персии занимались чиновники Министерства иностранных дел России и Русской миссии в Тегеране. Изучив характеристики крупных астраханских купцов, имевших отношение к рыбной ловле на Каспии, российские чиновники остановились на кандидатуре Степана Лионозова. Действительно, эта фигура подходила как нельзя лучше. С 1862 г. С. М. Лионозов проживал в Астрахани и уже через десять лет смог войти в круг уважаемых и богатых людей города. В его владении находились четырнадцать рыбацких барж и пароход «Георгий»³. В 1872 г. он приобрел также пивной завод «Цезарь». Лионозов, вероятно, владел персидским языком, что было необходимо для контактов с партнерами в Персии⁴. За кандидатуру С. М. Лионозова ходатайствовал губернатор Астрахани. В своей докладной записке в МИД России, он дал самую лестную характеристику Степану Мартыновичу⁵. Губернатор также просил, чтобы Русская миссия в Тегеране оказала С. М. Лионозову содействие.

Представители Русской миссии в Тегеране, как показали дальнейшие события, действительно оказали всестороннюю помощь в подписании и получении С. М. Лионозовым рыбного контракта. Они организовали предварительные переговоры с правителем Гиляна Яхья-ханом, определили место и время его встречи с С. М. Лионозовым. Однако сам Яхья-хан был только арендатором этих земель, которые принадлежали шаху, поэтому подписание контракта зависело от согласия правившего тогда Насер ад-Дина (1831–1896). Подробное изложение событий, связанных с подписанием контракта, содержится в одном из документов АВПР. Документ датирован 25 мая 1873 г. и адресован директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремухову (1823–1885)⁶.

¹ Архив Внешней политики Российской империи (АВПР). Персидский стол. Ф.144. Оп.488. Ед. хр. 1779, № 1514, 1873 г. Л.10–11. С. М. Лионозов происходил из небогатой семьи сигнахских армян Лионесян, в прошлом проживавших на востоке Грузии. Позднее фамилия представителей этой семьи стала писаться со второй гласной «а» — Лианозовы.

² АВПР. Персидский стол. Ф.144. Оп.488. Ед. хр. 1779, № 1514, 1873 г. Л.12.

³ См.: Лионозов Степан Мартынович // [Электр. ресурс] <http://Caspianmonitoring.ru>.

⁴ Предки Степана Мартыновича Лионесяны долгое время жили в Персии, поэтому персидский язык был в обиходе их семьи.

⁵ АВПР. Персидский стол. Ф.144. Оп.488. Ед. хр. 1779, № 1514, 1873. Л.12 об.

⁶ АВПР. Персидский стол. Ф.144. Оп.488. Ед. хр. 1779, № 1514, 1873. Л.1–2.

Анализируемые нами материалы показывают насколько быстро и эффективно заработало рыбное предприятие С. М. Лионозова. Его контракт, первоначально заключенный только на пять лет, неоднократно продлевался. Организованные им рыбные предприятия на персидском побережье Каспия работали в течение пятидесяти лет с 1873 по 1923 гг. Степан Мартынович, а затем и его наследники не только стремились увеличить свой капитал в Персии, но и защищали политические интересы России в этом регионе. Установление российского административного порядка в северных провинциях Персии предотвращало распространение английского влияния в этих районах и обеспечивало условия для проникновения в них российского капитала. Обустройство Лионозовым русских рыбных ватаг на этих территориях создавало новые рабочие места как для его соотечественников, так и для персов. В функционировании рыбных предприятий С. М. Лионозова было заинтересовано и шахское правительство, которое нередко обращалось к нему за финансовыми займами.

В заключение следует подчеркнуть, что рассматриваемые архивные документы позволяют нам сделать вывод о тесных взаимовыгодных сделках царской администрации с крупными частными предпринимателями, в сферу деятельности которых входило не только соблюдение своих личных выгод в Персии, но и защита геополитических интересов России.

Пелевин М. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Духовные кланы в племенном исламе паштунов: пути возникновения

Распространяясь в традиционных племенных обществах, ислам неизбежно адаптировался к их структуре и идеологии — приобретал сходные признаки сегментарных систем, хорошо заметные прежде всего на институциональном уровне. Главными институтами духовной власти в племенном обществе паштунов до начала процессов модернизации в XX в. были духовные кланы-*стана* (*stāna* — «порог»), входившие в генеалогическую структуру племен и имевшие определенные социальные и экономические привилегии. Кроме религиозных функций эти кланы выполняли ряд социально-правовых обязанностей, в частности связанных с разрешением межгрупповых конфликтов. История паштунских кланов-*стана* еще недостаточно изучена, но фрагментарные данные источников указывают на то, что сложный и многоступенчатый процесс их формирования стал интенсивно развиваться в начале Нового времени после прихода к власти в Делийском султанате паштунской по происхождению династии Лоди (1451–1526).

Материалы произведений персоязычных авторов начала XVII в. — богослова-проповедника Ахунда Дарвезы и могольского секретаря-хрониста Ни⁴ маталлаха

Харави, а также сочинений на пашто хатакских князей Хушхал-хана (ум. 1689) и его внука Афзал-хана (ум. ок. 1740) позволяют сделать вывод о том, что в XVI–XVII вв. в паштунских племенах сложились две основные модели образования духовных кланов. Первичным критерием этих моделей может считаться этническая принадлежность основателей таких кланов.

На начальном этапе доминировали случаи образования кланов-*стана* путем включения в племенную структуру семей духовных авторитетов непаштунского происхождения, натурализация которых в племенной среде происходила вследствие установления родственных отношений через брак. Право на такую интеграцию обычно получали лица, притязавшие на статус *саййидов* — потомков исламского пророка. В генеалогическом и агиографическом разделах книги Ни‘маталлаха Харави «История Ханджахана и афганская сокровищница» (1613) приведено немало полуполюгендарных сведений об образовании в разных племенах кланов «рожденных *саййидами*» (*sayyid-zāda*). Житийные истории этой книги, как и отдельные замечания Дарвезы в его эссе «Жития праведных и грешных» показывают, что натурализация пришельцев, объявлявших себя *саййидами*, во многом зависела от позиции племенных вождей, которые в каждом отдельном случае руководствовались в первую очередь соображениями целесообразности и престижа. Учитывая значение патрилинейного родства как фактора этнической идентичности паштунов, Ни‘маталлах особо подчеркивал, что «рожденные *саййидами*» считаются и зовутся афганцами только по причине их родства с афганскими племенами по материнской линии (*ba vāsiṭa-yi nisbat-i mādarī*). Наибольшее внимание в агиографической антологии «Истории Ханджахана» уделено Йахйя Бахтийару (ум. 1430), предполагаемому потомку *саййида* из Пенджаба. Йахйя стал родоначальником духовного клана бахтийар, аффилированного по матрилинейному принципу с паштунским племенем ширани. Оценка деятельности клана бахтийар собственно на племенных территориях затруднена, поскольку в XVI в. его наиболее известные представители, судя по житиям, жили за пределами этих территорий к востоку от Инда.

У религиозных авторитетов паштунского происхождения задача натурализации в чужой этнической среде заменялась необходимостью доказывать свои права на особый духовный статус и лидерство среди соплеменников. Агиографическая антология Ни‘маталлаха содержит характерный пример мифологизации исторической фигуры такого рода — Шайха Ахмада Сарвани (пер. пол. XV в.), патриарха духовного клана племени сарвани, который приобрел влияние тоже главным образом в индо-афганской диаспоре.

С середины XVI в. духовные кланы начинают вести более энергичную деятельность на племенных территориях к западу от Инда, повторяя в своем формировании уже сложившиеся паттерны. Ярким примером клана первого типа стал род духовного наставника Байзида Ансари (ум. ок. 1672), ормура по происхождению и предполагаемого потомка *ансаров* — сподвижников пророка. Основанная им религиозная община рошанитов («просветленных») сыграла исключительно важную роль в социально-политической истории паштунских племен во второй половине XVI — первой

четверти XVII вв. Творческие усилия Байазиды и его последователей внесли решающий вклад в создание письменной литературы на языке пашто, чем в значительной степени был обусловлен успех религиозно-политической деятельности рошанитской общины среди паштунских племен. Хотя миссионерские цели рошанитов выходили за рамки трайбалистской идеологии, их община подчинялась сегментарной структуре племенного общества и после начального периода «плавающей» аффилиации в итоге была инкорпорирована племенами Тираха, преимущественно бангашами.

Классическим примером духовного клана с паштунскими генеалогическими корнями является клан йасинхел племени хатак, осуществлявший свою деятельность в пределах племенных территорий. Ключевой фигурой в институционализации хатакского йасинхела как клана-*стана* был Шайх Рахмкар (ум. 1653), родословная которого в житийных источниках, написанных на персидском языке, искусственно возводилась к среднеазиатским *саййидам*. Этот клан, известный позднее как «кака-хел» (от популярного прозвания его основателя — «Кака Сахиб»), продолжает существовать и в наши дни, а его представители ежегодно организуют масштабные торжества в дни памяти ('*urs*) Шайха Рахмкара. В записях хатакских князей Хушхал-хана и Афзал-хана сохранились уникальные свидетельства о политической конфронтации между хатакским княжеским родом акорхел и духовным кланом йасинхел, что является ценным документальным материалом по истории противостояния военно-административных и духовных элит паштунских племен. В настоящее время это противостояние сохраняется в разных формах, часто проявляясь в виде конкуренции традиций племенного права и надплеменной исламской идеологии.

Раванди-Фадаи Л. М. (РГГУ, Москва),

Ходунов А. С. (РГГУ, Москва)

Сравнение языковой политики в Иране в эпоху правления династии Пехлеви и после Исламской революции

Исламское завоевание Ирана в VII в. привело к мощному влиянию арабского языка на персидский. К X в. в фарси были заимствованы тысячи арабских слов. Большинство их теперь относится к политической, религиозной, научно-образовательной или общественно-публицистической лексике (например, *китаб* «книга», *сийасат* «политика», *ра'ис джомхур* «президент», *доулат* «государство», *факих* «богослов-правовед», *тарих* «история», *шарк* «восток»). Но существуют и арабские заимствования, активно употребляющиеся в бытовой сфере: *халк* «горло», *менкар* «клюв», *анкабут* «паук», *ал'ан* «сейчас», *аввал* «первый». Но все же, по оценке авторов, около 80% слов в повседневно-бытовой лексике (и даже около 90 %, если

учитывать частотность употребления) составляют исконно персидские лексемы, что свидетельствует о том, что подавляющее большинство арабизмов сосредоточено в литературно-книжном стиле персидского языка. Кроме того, с XI в. Иран заселило значительное количество тюрков, в результате чего в персидский язык проникло большое количество тюркизмов. В основном они, в отличие от арабизмов, сосредоточены в разговорном стиле персидского языка (например: *йаваши* «медленно», *комак* «помощь», *ага* «господин», *армаган* «подарок»). Тем не менее, по оценкам специалистов, тюркские элементы в разговорно-бытовом стиле фарси по количеству уступают арабизмам. Поэтому тюркское влияние в персидском хотя и заметно, но несравнимо слабее арабского. В XIX — начале XX вв. в персидский язык также вошли западные заимствования, главным образом из французского (например, *доктор* «врач», *мерси* «спасибо»), но их количество было очень небольшим.

Борьба с заимствованиями, прежде всего с арабизмами, к которым относились терпимо в течении более тысячелетия, началась в Иране в 1930-х гг. Важнейшую часть официальной идеологии режима Реза-шаха Пехлеви (пр. 1925–1941) составлял персидский национализм. Всячески подчеркивалась глубокая древность истории Ирана и его самобытность. Огромные усилия были приложены для возвеличивания древнеперсидского прошлого. В 1935 г. страна сменила официальное название «Персия» на древнеперсидское по происхождению «Иран». Началось интенсивное изучение древней, в особенности доисламской истории и архитектуры страны. Были открыты археологический и этнографический музеи. Значительные изменения произошли в развитии персидского языка. Арабские названия месяцев были изменены на персидские, многие города и населенные пункты также были переименованы. Была поставлена задача избавления персидского языка от иностранных, прежде всего арабских, заимствований, составлявших до 60% лексики. Этим задачам служила Академия персидского языка и литературы (Фархангестан, 1935–1941), целью которой было заменить арабские, а также тюркские и европейские по происхождению слова на слова, сконструированные из иранских корней. Ею было создано более 3 тыс. новых персидских слов, главным образом для замены арабизмов. Многие из них прочно вошли в язык (например, *важе* «слово», *данешгах* «университет», *данешджу* «студент», *шахрдар* «мэр», *амар* «статистика»). После роспуска академии в 1941 г. (в том же году Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда-Реза) через некоторое время при новом шахе был образован второй Фархангестан (1970–1979), продолживший работу по замене арабской лексики персидскими неологизмами.

После Исламской революции 1979 г. и прихода к власти духовенства во главе с Хомейни значительно изменилось отношение к арабскому языку. С арабизмами не только перестали бороться, но и стали внедрять их в персидский язык (например, *мостазе'фин* «обездоленные»). Все чаще стали употребляться арабские формы множественного числа. Изучение арабского языка Корана было сделано обязательным для школьников, в речи политиков и чиновников часто стали употребляться цитаты из Корана на арабском. Однако в то же время началась борьба

с западными («неисламскими») заимствованиями, которая с 1990 г. при создании третьей Академии персидского языка и литературы приняла организованные формы. При этом предложенные Академией эквиваленты западных заимствований обязательны к употреблению во всех газетах и журналах: таким образом, избавление от западных заимствований осуществляется административно-командными методами. В результате удалось заменить много западной лексики (например, *субсид* «субсидия» — *йаране*, *компьютер* «компьютер» — *райанэ*). Вместе с тем прозападные оппозиционно настроенные иранцы стараются использовать как можно больше западных (прежде всего английских) заимствований в своей речи в знак протеста против исламского режима, а также стараются как можно меньше употреблять арабизмов. Некоторые из них искусственно придумывают «исконно персидские» слова. Если такие тенденции получают широкое распространение, лексический состав персидского языка претерпит существенные изменения.

Рафикова Ш. Е. (НИУ ВШЭ, Москва)

Образ движения «Талибан» в СМИ стран Средней Азии и Ближнего Востока (2016–2022 гг.)

15 августа 2021 г. движение «Талибан» захватило власть в Афганистане, что вызвало серьезные опасения в международном сообществе. Еще в 1999 г. Совет Безопасности ООН ввел пакет санкций против этого движения, а в ряде стран (например, в России, Турции, Канаде) оно признано террористическим. Изучение образа движения «Талибан» в СМИ актуально, поскольку, являясь своего рода рупором государственной политики во многих странах Ближнего и Среднего Востока, масс-медиа хорошо отражают тенденции в подходах правительств этих стран к реагированию на изменения социально-политической ситуации в Афганистане.

Настоящий доклад посвящен медийному образу движения «Талибан» в средствах массовой коммуникации ряда стран Средней Азии (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан) и арабского мира (Саудовская Аравия, Катар). Выбор этих стран обусловлен значимостью отношений с Афганистаном в их внешнеполитических доктринах.

В ходе исследования были проанализированы материалы 2016 — начала 2022 гг. из следующих источников: центральное государственное информационное агентство «Türkmenistan bu gün» и информационно-сервисный интернет-портал «Туркменпортал» (Туркменистан); национальное информационное агентство «Khovar» и Информационное агентство «Asia-Plus» (Таджикистан); национальное информационное агентство «UZA», а также новостной сайт «Kun.uz» (Узбекистан); государственное информационное агентство «Казинформ», новостной сайт

«Tengri News» (Казахстан); новостное агентство «Аль-Арабийя» и национальная газета «Эр-Рияд» (Саудовская Аравия); информационное агентство «Аль-Джазира» и национальная газета «The Peninsula Qatar» (Катар). Несмотря на то, что некоторые из упомянутых агентств претендуют на непредвзятость и независимость от политического курса стран, в которых они зарегистрированы, тесная связь между ними и государственными аппаратами этих стран не вызывает сомнений. Корреляция между курсом правительств и риторикой СМИ позволяет в какой-то степени восполнять информационные пробелы при изучении внешней политики государств.

В рамках доклада будут предложены к обсуждению следующие выводы, которые были сделаны после рассмотрения материалов упомянутых двенадцати СМИ:

1. СМИ Узбекистана и Туркменистана рисуют довольно позитивный или нейтральный образ талибов, что в целом соотносится с осторожной и неагрессивной политикой Ташкента и Ашхабада в отношении Афганистана после смены власти.

2. Выявлена не менее четкая корреляция между негативным отношением лидеров Душанбе и Астаны к движению «Талибан» и риторикой СМИ Таджикистана и Казахстана, в которых «Талибан» показан как террористическое, очень опасное движение, оторванное от каких-либо этических систем и принципов.

3. Особый интерес представляет риторика СМИ Саудовской Аравии и Катара, которые, с одной стороны, строят политику по отношению к Афганистану как конкуренты, претендуя на лидерство, с другой стороны, вынуждены так или иначе ограничивать себя сообразно подходам правительств западных стран. В результате СМИ обеих стран открыто освещают теракты, казни и другие формы агрессивной активности движения «Талибан», обычно вызывающие вполне однозначную оценку представителей международного сообщества. Однако резко негативные суждения в отношении новых властей Кабула в этих СМИ отсутствуют, а действия «Талибан» не рассматриваются сугубо как террористические. Именно неоднозначность предлагаемого контента повышает его ценность для дальнейшей аналитической работы в том числе в русле исследования внешнеполитического курса Эр-Рияда и Дохи в Афганистане.

Смирнова А. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«События Кашмира» — рукопись на персидском языке из собрания ИВР РАН

В собрании Института Восточных рукописей РАН хранится рукопись сочинения, посвященного истории Кашмира. Автором рукописи является Мухаммад 'Азам Дидамари (ум. 1765), ее название — *«Вақи'ат-и Кашимир»* («События Кашмира») или *«Тарих-и 'Азами»* («История 'Азама»).

По словам автора, работа над рукописью сочинения была начата им в 1148 г. х. (1735/36). Произведение охватывает историю Кашмира с древних времен до даты завершения рукописи (ок. 1746–1747) и включает введение (описание Кашмира), три части (история происхождения индуистских царей, история мусульманских царей, история Кашмира при Тимуридах) и заключение. Текст рукописи выполнен почерком *наста'лик*, иллюстраций нет. Листы 16–3а заполнены традиционной риторикой, восхвалениями Всевышнего и стихотворными строками. С середины листа 3а начинается непосредственно текст сочинения.

Сообщив о теме сочинения, автор обращает внимание на то, что до него о Кашмире уже был написан ряд исторических работ. По его словам, эти работы не содержали сведений о жизни населения Кашмира и не рассказывали о многих важных событиях, происходивших в течение нескольких предшествующих веков. Эти комментарии автор приводит в качестве причины, по которой он решил написать свой труд.

Во введении (лл. 4б–9а) автор приводит разнообразные сведения о географическом положении Кашмира, его населении, особенностях климата, и, пользуясь современным языком, инфраструктуре. Достаточно подробно описано устройство города Сринагар. Согласно рукописи, город расположен у подножья гор, когда-то был хорошо обустроен и густо населен, являлся столицей Кашмирских правителей. Через город протекает река, которую автор сравнивает с Тигром, протекающим через Багдад. Ссылаясь на рассказы жителей, автор говорит, что когда-то через эту реку обеспечивали переправу около тридцати мостов и паромов, семь из которых находились в Сринагаре. Река соединяет город с Аравийским морем, протекая через Пенджаб и районы Пешавара. По всей видимости, автор описывает реку Джелам, которая относится к бассейну Инда. По словам Мухаммада 'Азама, город и его окрестности были плотно застроены, основным строительным материалом было дерево Сал (шорейя исполинская). План зданий включал не менее пяти помещений: жилую часть, павильон, веранду, верхние комнаты и выход. Основные улицы города выкладывались битым камнем. Различные мастера-ремесленники трудились в своих жилых домах. Городские сады не огораживались заборами: плодами их деревьев можно было пользоваться, не опасаясь наказания. Автор отмечает, что в Кашмире произрастает много шелковицы (туда), которую используют только для производства шелка. Плоды шелковицы, по его словам, есть не принято.

Во введении также имеются сведения о дорожном сообщении в регионе. Автор пишет, что одна из дорог ведет в Хорасан, существует путь в Гилгит и Бадахшан. По его словам, эта дорога трудна для вьючных животных, поэтому грузы по ней переносят люди на собственных плечах. Кроме того упоминаются пути на полуостров Индостан и в Тибет. Путь в Индостан, по словам автора, в его время стал гораздо легче для путников по сравнению с «временами Кашмирских султанов». Дорога в Тибет легче, чем все другие, однако автор упоминает, что для преодоления этого пути следует запастись фуражом, поскольку на этом пути произрастают ядовитые растения, опасные для вьючных животных. Многие дороги связывают

Кашмир с Кашгаром и Хотаном (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) и городом Лхаса (Тибетский автономный район), а далее идут в Туркестан, Туран и Китай. Автор также упоминает некий путь на Декан, однако с оговоркой, что точных сведений о нем не имеет.

Во введении также приводятся сведения о климате и флоре Кашмира, некоторых принципах земледелия. Еще упомянуты поэты, оставившие стихи о красоте Кашмира. Введение завершается ссылкой автора на труд Хайдара Малика Чадура (ум. 1627) «*Тарих-и-Хайдар Малик*» и сведениями о том, что многое в устройстве и инфраструктуре региона было улучшено после утверждения здесь ислама.

В первой главе представлено структурированное перечисление имен известных автору Раджей и краткие характеристики их деятельности. Эта глава по сравнению с главами 2 и 3 достаточно короткая — занимает примерно 33 листа.

Вторая глава посвящена истории династий Шах-Миридов (XIV–XVI вв.) и Чак (XVI в.). Здесь автор старался следовать логике, начиная повествование с правителей, затем переходя к религиозным деятелям. Среди перечней исторических фигур можно встретить фрагменты разной величины, посвященные отдельным событиям и известным личностям.

Третья глава рассказывает о людях и событиях в период правления Чагатаидов и Тимуридов. Эта глава начинается с перечисления религиозных деятелей, а не правителей. В ней есть также разделы с перечнями поэтов и фрагменты с пространными историческими комментариями.

Рукопись завершается описанием удивительных, по мнению автора, мест Кашмира.

Сочинение «*Ваки‘ат-и Кашир*» в значительной части представляет собой антологию (*тазкира*) суфиев, ученых и поэтов Кашмира с добавлением справочных географических и исторических сведений об этом регионе.

Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва)

Кара-китайская династия Кермана: к проблеме формирования историографического мифа

В годы монгольского нашествия и падения Хорезмийской державы (1219–1221) далеко не все земли Ирана были охвачены военными действиями, однако гибель хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и разгром армии его сына Джалал ад-Дина Манкбурны в 1221 г. позволил некоторым региональным политическим лидерам захватить власть и объявить о своем самостоятельном управлении теми или иными землями. Подобная судьба ожидала и Керман, где, после непродолжительной борьбы, на престоле утвердился *хаджеб* Барак, который стал основателем

региональной династии, известной как Кутлуг-ханиды, правившей в этих землях вплоть до 1306 г.

Монгольские завоеватели по достоинству оценили лояльность этого политического лидера, предоставив Керман под его управление, продолженное затем его потомками. Биография *хаджеба* Барака и захват им власти в Кермане подробно описаны авторами XIII в., в частности Ата-Маликом Джувейни в «*Тарих-и Джасахангушай*». Этот автор одним из первых сообщает о том, что новый правитель Кермана был выходцем из державы Кара-китаев (ок. 1120–1218). Однако в более поздних текстах вокруг этого правителя Кермана и его потомства складывается легенда об их непосредственно кара-китайском происхождении, что само по себе является любопытным историографическим феноменом. Ключевым текстом для формирования этой легенды, с нашей точки зрения, является сочинение «*Симт ал-‘Ула ли-л-Хадра ал-‘Улийа*» Насир ад-Дина Мунши Кермани, написанное в начале XIV в. Именно в нем наиболее полно излагается биография *хаджеба* Барака, в которой заметны определенные маркеры, позволяющие говорить о его кара-китайском происхождении. В рамках данного доклада мы постараемся разобраться, с одной стороны, ключевые элементы описания биографии *хаджеба* Барака, благодаря которым и конструируется историографический миф о кара-китайской династии Кутлуг-ханидов в Кермане. С другой стороны, не менее важно разобраться с причинами формирования подобного мифа и рассмотреть его эволюцию в текстах мусульманских историков XIII–XV вв. Это позволит наилучшим образом понять особенности формирования таких легенд вокруг других региональных династий, а также подчеркнет связи между памятниками мусульманской историографии, описывающими в той или иной степени историю Кермана и правившей там династии Кутлуг-ханидов. Надеемся, что наше сообщение будет интересно как специалистам по истории средневекового Ирана, так и исследователям мусульманской историографии XIII–XV вв.

Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Двусторонние согдийские фрагменты в собрании ИВР РАН

1. В фондах Института восточных рукописей хранится немало согдийских и согдографических свитков манихейского содержания. Манихейские сочинения, ввиду дороговизны бумаги, записывались на оборотной стороне китайских свитков, используемых в качестве писчей бумаги. Двусторонние буддийские согдийские фрагменты, имеющие форму потхи, в докладе не рассматриваются.

Согдийские рукописные фрагменты поступили в Азиатский музей (ныне ИВР РАН) в начале XX в. от российских должностных лиц, находившихся на службе

в городах Восточного Туркестана. Описание приобретенных материалов в Музее не проводилось, поэтому место происхождения и приобретения фрагментов неизвестно. Ни начала списков, ни конца, который бы содержал колофон, не сохранилось, так что точно датировать фрагменты невозможно. Примерный период времени — это VIII–XI вв., когда на данной территории было распространено манихейское вероучение и манихейские монастыри служили центрами сбора, переписывания и перевода манихейских сочинений.

Согдийские манихейские тексты коллекции ИВР РАН в основном написаны на оборотной стороне китайских свитков, но есть три фрагмента, на которых согдийский текст занимает и лицевую сторону свитка (речь идет именно о текстах, а не о владельческих пометках).

2. Первый согдографичный двусторонний список представлен фрагментом SI 4909b¹. Это именно согдографичный фрагмент, потому что на обеих его сторонах содержатся транслитерации согдийскими буквами двух манихейских гимнов: парфянского на стороне *Verso*, изначально чистой, и среднеперсидского на стороне *Recto* между столбцами китайского сочинения. Западноиранские языки, среднеперсидский и парфянский, были литургическими языками манихейских общин, и для того, чтобы эти сочинения могли понять носители восточноиранского согдийского языка, они транслитерировались согдийским алфавитом. Среднеперсидский текст представляет собой гимн, обращенный к основателю религии Мани. Второй, парфянский, очевидно, также обращен к нему, хотя его имя и не названо.

Обе стороны фрагмента выполнены согдийским курсивом, но почерк на сторонах фрагмента различается: первоначальная запись, транслитерация парфянского гимна, выполнена более тщательно и изящно, а транслитерация среднеперсидского довольно небрежно. Возможно, первый, парфянский, текст на оборотной стороне готовился для использования в литургической практике и длительного сохранения, а позже владельцем (?) свитка была заполнена среднеперсидским текстом и лицевая сторона.

3. Второй фрагмент двустороннего списка представляет собой собственно согдийский документ ДХН 5966 (старый шифр Дх 6489)². На стороне *Recto* согдийский текст, состоящий из 5 полных строк, написан практически без помарок и читается однозначно: это — отрывок из некоего манихейского гимна. Он содержит строки, которые надо повторить ($\delta\beta\text{tykw}$ — «снова») во время молитвы, в нем дважды упоминаются «светлые боги» и души, обретшие покой.

Текст на стороне *Verso* состоит из 13 строк, из которых 9 более или менее полных, и изобилует помарками и подчистками. Он никак не связан с гимном, и был записан на оборотной, чистой стороне китайского свитка первоначально. Это прозаический

¹ Чунакова О. М. Рукописи из Восточного Туркестана. Среднеперсидские, парфянские и согдийские фрагменты в собрании Института восточных рукописей. СПб. Издательство РГПУ, 2019. С. 25–31.

² Чунакова О. М. Согдийский фрагмент из Дуньхуанского фонда ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 4 (вып. 51). С. 91–95.

текст, содержащий некий рассказ, при этом повествование ведется от первого лица. В нем называется некий «злодей», которого убил рассказчик, затем куда-то (или к кому-то) отправившийся. Далее говорится о случившейся темной ночи, которая накрыла (героя рассказа?) словно черное облако. В следующих строках читаются слова «зловредный» демон или злой дух, «неисчислимые злые дела», «на дереве/над деревом» и определительное местоимении «весь». К сожалению, стертые и непрочитанные слова не дают возможность получить связный рассказ. Использование манихейскими сочинениями рассказов и притч, основанных на бродячих сюжетах и образах, которым дается манихейское толкование, хорошо известно, однако дать однозначное толкование этому отрывку и объяснить его идею не удастся. Что касается стороны Recto, где согдийские строки написаны между китайскими столбцами, то она, безусловно, была использована после того, как изначально чистая сторона Verso была заполнена прозаическим сочинением. Известно, что манихейские дидактические сочинения использовались во время ритуала, подтверждая или иллюстрируя то или иное высказанное положение. Но то обстоятельство, что прозаический текст был записан раньше, чем гимн, не позволяет утверждать, что он иллюстрирует слова гимна: рассказы подтверждали содержание гимнов, а не наоборот. Заслуживает внимания и тот факт, что фрагмент имеет следы поперечного сложения, то есть складывался в гармошку. В таком виде его было удобно использовать не просто для неспешного чтения на досуге, а именно во время ритуала: следовательно, данный свиток применялся в практических целях.

4. Третий двусторонний согдийский фрагмент — SI 4780¹. Фрагмент содержит 4 строки на стороне Verso и 2 на стороне Recto. Обе надписи, выполненные одним и тем же небрежным курсивным почерком, представляют собой две вполне законченные фразы. На стороне Verso говорится: «В некие времена были два очень ловких вора...», на стороне Recto: «Однажды они вышли и отправились в далекую землю...», — то есть фрагмент явно содержит зачин сказки/притчи (Verso) и ее продолжение (Recto).

Согдийский текст на стороне Recto, вопреки обыкновению, написан на поле, свободном от первоначальной китайской записи: строки перпендикулярны написаны на стороне Verso, тогда как обычно на лицевой стороне текст записывался между китайскими столбцами, параллельно строкам на обороте. Уникален формат фрагмента, размеры которого 9,2 × 6,7 см (ширина и высота соответственно). Судя по формату фрагмента, свиток был разрезан на небольшие листки, на которых переписчик записал текст сказки. Малый формат фрагмента позволяет предположить, что это первый листок из ряда подобных, содержавших текст, который рассказчик пересказывал собравшимся, перебирая стопку листков с текстом. Очевидно, рукопись была изготовлена переписчиком для личного пользования.

¹ Рагоза А. Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения. Факсимиле. Издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий. М., Наука : ГРБЛ, 1980. С. 70–71; см. также: Sims-Williams, Nickolas. The Sogdian Fragments of Leningrad // BSOAS. 44. 1981. P. 236.

5. Таким образом, три двусторонних согдийских фрагмента из коллекции ИВР РАН имеют совершенно разные сочинения по содержанию, жанру и способам использования, что дополняет наши знания о манихейских рукописях.

Штых Ю. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Антизападничество» иранского писателя Дж. Але Ахмада: историко-философские предпосылки

Дж. Але Ахмад — иранский писатель середины XX в. — известен не только как автор, работавший в русле острой литературно-социальной критики, но и в первую очередь как наиболее яркий выразитель концепции *гарбзадеги* (на русский язык это понятие переводят как «антизападничество» либо «вестоксикация»). Книга с таким названием, впервые увидевшая свет в Иране в 1962 г., во многом предвосхитила ориентализм Э. Саида, ставший на Западе темой популярного дискурса лишь несколько десятилетий спустя. Сущность понятия *гарбзадеги*, представляющего собой по сути протест против экономического и культурного доминирования Запада (к нему Але Ахмад относил и СССР), может быть переосмыслена с позиций герменевтического направления, выдвинувшего на первый план понимание Другого. Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы, проследив истоки данной концепции, связать ее с проблемой признания, поставленной французским философом П. Рикером.

Предпосылки появления понятия *гарбзадеги* относятся к началу XX в., когда новая неклассическая философия положила начало критике европейского интеллектуализма. Большой вклад в ее формирование внесли идеи Хайдеггера о кризисе европейской рациональности, повлекшей за собой кризис западного общества в целом. Первым понятие *гарбзадеги* ввел в оборот иранский мыслитель и философ консервативного толка Ахмад Фардид (1910–1994), однако именно Дж. Але Ахмад превратил это понятие из теоретической философской идеи в прагматическую критику проводимой шахом политики модернизации и вестернизации Ирана. Цель антишахского движения заключалась в поиске новой формы политической духовности в противовес полностью материалистическому миру с его плоской рациональностью. Наряду с идеями Хайдеггера свой вклад в формирование концепции *гарбзадеги* внесли также такие философские направления как восточная духовность, духовный ислам (его сторонниками в Европе были А. Корбен и М. Фуко), а также исламский мистицизм.

Проблема признания и «бытия в признанности», поставленная французским философом П. Рикером, подчеркивает новые аспекты концепции *гарбзадеги*. В евроцентрической модели мира, сформировавшейся в эпоху Ренессанса,

благодаря деятельности европейских философов и естествоиспытателей, право на субъектность всецело принадлежит Западу. Категория субъектности, как ее определяет П. Рикер, включает в себя ключевые способности «человека могущего»: способность говорить, действовать, вести повествование и рассказывать о себе, нести ответственность (вменяемость). Концепция *гарбзадеги* Дж. Але Ахмада, указывая на то, что Запад под различными предложениями отказывает Востоку в этих ключевых характеристиках субъекта, призывает таким образом иранский народ к поиску собственной идентичности. Другими словами, *гарбзадеги* — это стремление к установлению между Западом и Востоком равноправных отношений взаимного признания, без этого мир и приязнь между ними невозможны.

Использованная литература:

- Рикер П. Путь признания: три очерка. Москва: РОССПЭН, 2010.
- Al-e Ahmad J. Gharbzadegi. Tehran: Khorram, 1385/2006.
- Goksel O. Defying the System: The Origins of Anti-Westernism in the Non-Western World and the Case of Iran. *Turkish Journal of Middle Eastern Studies*. Vol.6, #2, pp.13–42.
- Nezafat J., Tohidfam M. Comparison of the Views of Jalal Al-e Ahmad and Edward Said about the Dual East-West and Identity // *European Journal of Political Science Studies*. Vol. 2. Iss. 2. 2019. Available on-line at www.oapub.org/soc.
- Mirsepassi A. Mistaken Anti-Modernity: Fardid after Fardid. Working Paper Series of the HCAS “Multiple Secularities — Beyond the West, Beyond Modernities” 6, Leipzig, February 2019.
- Said E. V. Orientalism. Western concepts of the East. St. Petersburg: Russky Mir, 2006.
- Wells R. Jalal Ale Ahmad. Writer and political activist. PhD thesis. University of Edinburgh, 1982. 293 p.

Янушкевич Е. Ю. (ИВР РАН, ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

Рукописные материалы И. П. Корнилова как источник по торговым отношениям России и Персии в правление Николая I

После подписания Туркманчайского мирного договора (1828) царское правительство от военных действий перешло к упрочению своего влияния на юго-восточном побережье Каспийского моря при помощи экономического проникновения в северную Персию и расширения своей торговли в этом регионе.

Важный источник, иллюстрирующий данный процесс и дополняющий картину функционирования русско-персидской торговли в последние годы царствования Николая I (1825–1855), был обнаружен нами в Российском государственном историческом архиве (РГИА) под общим названием «Рукописи научных и публицистических работ Корнилова И. П. и материалы к ним»¹. Автор этой работы Иван Петрович Корнилов (1811–1901) в период составления рукописи занимал должность председателя Межевой канцелярии и, находясь в Астрахани, зафиксировал любопытные и немаловажные детали русско-персидских торговых отношений. Примечательно, что в 1859 г. И. П. Корнилов опубликовал «Заметки об Астраханской губернии»² — научную работу, описывающую географию и топографию региона, но не содержащую никаких экономических характеристик. В рукописях же Иван Петрович стремится сколь можно подробнее изложить состав персидского экспорта, направляющегося в Россию, проследить передвижение определенных групп товаров, сопоставить цены при покупке и сбыте изделий, указать в каких районах или областях Персии производится тот или иной вид продукции, в каком количестве он поставляется на российский рынок.

Исследуемый источник помимо трех подшитых записок и типографского приглашения от персидского консула в Астрахани Хаджи Мирзы Мухаммед-хана по случаю дня рождения его Величества шаха Насреддина (1848–1896), включает в себя четыре рукописные работы общим объемом 43 листа. Разделение дела на четыре части логически следует из отличия штампов на бумаге и заглавий: «Персидские товары: а также Кавказские, Хивинские и Бухарские», «О Персии», «К статье: о Персидской торговле», «Записка о действиях Московского для торговли с Азией дома за пятилетие с 1849 по 1854 и о предложениях касательно дальнейшего существования этого Дома». Первую часть рукописей под заглавием «Персидские товары...» нам удалось датировать 1854 г. Последнее сочинение, вероятно, составлено иным автором, что следует из отличия почерков, и является тем самым «материалом» для научных и публицистических работ.

Наиболее пристальное внимание в «Рукописях...» уделяется торговле шелком, которая «почитается персиянами одной из удобнейших»³. И. П. Корнилов приводит данные о стоимости различных сортов шелка, указывает способы его упаковки и называет торговые порты, из которых шелк поставляется в Россию. В рукописях также нашел отражение эпизод прохождения персидскими товарами российской таможни, которая не пересматривала объявленные персидскими купцами цены на шелк, что уменьшало размер оплачиваемой пошлины. И. П. Корнилов сообщает: «Таможня этого не делает, находя свои выгоды в дешевой оценке и, выставляя предлогом, что надо делать это снисхождение, чтобы не стеснять Персидской торговли»⁴.

¹ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 250. Рукописи научных и публицистических работ Корнилова И. П. и материалы к ним.

² Корнилов И. П. Заметки об Астраханской губернии. СПб., 1859.

³ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 250. Указ. соч. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 4.

Анализируя торговлю сахарным песком и соком, И. П. Корнилов выдвигает проект по строительству сахарного завода в Астрабаде или Балфруше¹. Также автор сообщает любопытный метод конкурентной борьбы, который использовали англичане: «Разумеется, из своих выгод стараясь всеми мерами препятствовать фабрикации Персидского сахара, который повредил бы Ост-Индскому и который продается в Персии дорогою ценою, разглашают, что из персидского тростника нельзя делать сахара; но эта одна из таких нелепостей, которые поддерживаются и разглашаются Англичанами, чтобы страшать и дурачить легковверных иностранцев и тем останавливать всякую чуждую не Английскую предприимчивость»². В этом же разделе встречаются любопытные этнографические наблюдения И. П. Корнилова. Так, он пишет: «Персияне вообще большие лакомки и пища их сладкая, — пьют чай, мешая его для сладости веткой тростника»³.

В рукописях также содержатся эпизоды, раскрывающие причины закрытия Конторы Государственного коммерческого банка в Астрахани, учрежденной в 1821 г. По сообщению И. П. Корнилова, в конце 1820-х гг. маклер армянин Р. Ф. Алабов по сделке с управляющим банком Н. Ф. Остолоповым под предлогом оборотов вывез из амбаров прядильную бумагу, окрасил и послал на ярмарку; «вероятно, это делалось неоднократно»⁴. В ходе проверки в 1831 г. ревизором Марченко был выявлен «недочет под векселя (иногда несостоятельные) и товары, которые потом для афер вывозились»⁵. Деятельность Конторы была приостановлена, Н. Ф. Остолопов смещен с занимаемой должности, Р. Ф. Алабов по сенатскому указу лишен честного имени и отправлен распорядителем на Дубовскую железную дорогу⁶. На этом неприятности Конторы не закончились: при новом управляющем, по сообщению И. П. Корнилова, «пропало 12000 пуд. железа, которое им было принято при сдаче Остолопова»⁷. И. П. Корнилов резюмирует: «Так погибло полезнейшее учреждение, о котором все жалеют»⁸.

Таким образом, «Рукописи научных и публицистических работ И. П. Корнилова материалы к ним» содержат обширные и весьма важные сведения, раскрывающие содержание русско-персидской торговли в середине XIX в. Эти материалы, насколько нам известно, до сих пор остаются вне поля зрения исследователей и требуют самого тщательного рассмотрения.

¹ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 250. Указ. соч. Л. 6.

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 17–17 об.

⁷ Там же. Л. 17 об.

⁸ Там же.

СЕКЦИЯ V • SECTION V
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КУРДОВ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF THE KURDS

Арутюнян А. А. (Национальный архив Армении, Армения)

**Публицистика Араба Шамилова в 1920-х гг.
(Армянские материалы)**

Араб Шамоевич Шамилов известен как один из основателей советской курдской литературы. Между тем, почти забыт или неизвестен тот факт, что он еще в 1920–1930-х годах был самым активным деятелем курдской национальности. В области советской курдской культурной политики.

Это обстоятельство касается в первую очередь языкового строительства (создания литературного языка), создания курдского алфавита и начало изучения истории курдского народа. С другой стороны остается совсем неизвестным деятельность Араба Шамилова как партийного работника, одного из ответственных за политику советской власти по отношению курдов и езидов (как инструктор по работе среди национальных меньшинств ЦК КП(б) Армении).

Если Араб Шамилов общеизвестен как писатель-литератор, и в какой то мере как историк-языковед благодаря опубликованных работ, то как партийный деятель и особенно как публицист он почти не известен. Можно констатировать, что после ареста в 1937 г. эта часть его деятельности было предана полному забвению даже с его стороны.

Между тем, в 1920-х годах Араб Шамилов был самым активным курдским публицистом. По количеству статей, информационных сводок и разного рода

политико-информационных материалов (только на армянском языке в главном официальном органе коммунистической партии Армении в газете «Советская Армения» более 50 за 1924–1929 гг.) ему нет равных среди курдских деятелей, и по этому показателю его можно ставить в ряд плодотворных публицистов самой Советской Армении. Мы не исключаем возможность печати статей в других армянских газетах. А если к этому прибавить еще его статьи и материалы на русском (в основном в официальном органе Закавказской федерации в газете «Заря Востока»), и на курдском (в газете «Риа Таза»), то количество получится по настоящему огромным.

В настоящем докладе представим анализ публицистики Араба Шамилова на основе армянских материалов, имея в виду то обстоятельство, что материалы на армянском языке по языковой недоступности не известны исследователям. Кроме этого, подавляющая часть публицистики Араба Шамилова был напечатан именно на армянском языке, в добавок учитывая тот немаловажный факт, что все это было напечатано в центральном партийном органе.

Условно публицистику Араба Шамилова мы разделили на следующие темы:

- Информационная-политическая,
- Вопросы литературы и культурной политики,
- Отношение езидам и езидизму,
- Отношение к курдам.

Для досконального представления сути и целей публицистики Араба Шамилова в кратце представим и очерк его деятельности как партийного деятеля на основе новоявленных архивных материалов (автобиография, разные анкеты, судебные материалы, решения органов компартии), который даст возможность более ясно понимать не только штрихи его деятельности в 1920–1930-х гг., но и о замалчивании в период после 1950-х гг.

Араб Шамилов по характеру своей должности особое и первоочередное внимание уделил информационно-политической тематике и отношению к курдам. Его советские и партийные органы Советской Армении доверительно считали первоисточником и знатоком данной тематики.

Отношение к езидам и езидизму у Араба Шамилова пережило некоторую эволюцию от признания езидов до конечного отрицания отдельной этнической группировки, от отдельного представления езидов и курдов до окончательной идентификации.

В статьях и материалах впервые дается подробная этнографическая и социальная информация по религии, кастовой системе и быта езидов и курдов. В этом отношении, в виду глубоких знаний, в конечном итоге выясняется принадлежность самого Араба Шамилова к касте езидских шейхов, что в дальнейшем была доказана судебными и партийными органами. С другой стороны однозначно видно неразбериха и субъективизм Шамилова, когда он один и тот же село, лица, явления представляет сначала как езидское, затем курдское, тем самым ориентируя властей на соответствующие решения.

Араб Шамилов в 1920-х годах пользовался безоговорочной поддержкой и покровительством партийных и советских властей Армянской ССР. Этому свидетелем слишком лояльное отношение к его деятельности, каковое в те годы не допускалось в отношении армянских партийно-общественных и культурных деятелей. Даже после суда и исключения из коммунистической партии в 1929 г., его вскоре восстановили в судебном и партийном порядке. Между тем такая «демократия» не позволялось даже в отношении известных армянских деятелей.

Кульминацией и бенефисом Араба Шамилова стала первая всесоюзная курдоведческая конференция в Ереване в 1934 году, как основного докладчика (в отличие от других — у него доклад был несколько десятков раз побольше) и как постоянного критика всех. В этом плане Араб Шамилов и по характеру и по виду деятельности коренным образом отличался от других молодых курдских деятелей Армянской ССР.

Не смотря в том числе и на отрицательные стороны, уверенно можно констатировать, что его деятельность и публицистика в 1920-х гг. сыграл важную роль в деле становления в Армянской ССР курдской советской культуры и государственной политики в отношении курдов и езидов.

Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Гендерный вопрос в искусстве художников в эмиграции (на примере курдских сюжетов в работах Ш. Нешат и З. Доган)

Современное искусство авторов из мусульманских стран, проживающих на родине и в эмиграции, часто связывают с терминами «*искусство хиджаба*» и/или «*экзотика*». Разумеется, тема ношения покрывала, угнетения, лишения женщин прав и гендерное неравенство в обществе популярный мотив в произведениях художников, в особенности в работах авторов-женщин. Тело становится главным символом протеста и объектом художественной игры. Посредством отсылок к телесному деятелю искусства привлекают внимание аудитории к проблемам и от имени женского тела обличают многие противоречия социального и политического порядка как внутри своих стран (борьба консерваторов и реформаторов), так и за их пределами (столкновение привычек в повседневных практиках и этических установок в рамках западного и восточного образов жизни).

В докладе пойдет речь о соотношении социокультурного статуса и художественного образа женщин в творчестве прославленной американки иранского происхождения Ширин Нешат и известной курдской художницы Зехры Доган. В видеоинсталляции «Монолог» (1999), которую можно читать как личную и политическую историю, передаваемую через тело художницы и дающую понимание психологии и опыта жизни

в изгнании, Нешат обращается к автобиографическим мотивам. «Монолог», пожалуй, самый акцентированный ее фильм на образах контраста между Востоком и Западом, тем не менее автор заостряет внимание не столько на политическом противостоянии, а на визуальном разнообразии регионов, своем собственном опыте пребывания в двух пространствах, на индивидуальных ощущениях и телесных практиках.

В «Монолог» Запад представлен территорией Олбани, штат Нью-Йорк, отдельные кадры сняты во Всемирном торговом центре, Восток — Турцией, съемки проходили на юго-востоке страны в курдском городе Мардин, неподалеку от которого границы Сирии и Ирака. В «Монолог» архитектура стала важным аспектом инсталляции, поскольку здания представляют каждую из культур с ее традиционными ценностями. В пространстве музейного зала и/или на киноэкране она транслирует личный опыт пограничной идентичности посредством визуальных, слуховых и кинестетических импульсов. Линия взгляда зрителя колеблется между изображениями перемещения фигуры самой Ширин Нешат по городам на Востоке и Западе. Если в работе ирано-американской художницы, Курдистан представлен как собирательный образ Востока, то для З. Доган курдский вопрос выступает основным в ее творчестве.

В докладе будет проведен компаративный анализ женских образов в фотографиях и фильмах Нешат и серии рисунков З. Доган. В работах обоих авторов происходит растворение автобиографических практик в более широком культурном контексте. Произведения Нешат и Доган решают вопрос: «Что значит сегодня принадлежать какому-то месту?». Они задают этот вопрос, инсценировав «идентичность» как символический процесс, который исторически специфичен, никогда не бывает полным и всегда субъективен. Работы обеих художниц действуют иносказательно и воздействуют на подсознание, обращается к политическим и социальным ограничениям метафорически. Авторы апеллируют к мотивам культурной памяти, личному опыту восприятия, идее самой традиции в прошлом и настоящем. История места и биография героинь соединяются в единое высказывание, точкой для сборки становится женское тело, фигура которого в кадре — проводник идеи множественной самоидентификации в контрастных географических ландшафтах и городских пространствах.

Лебедева И. О. (ИВ РАН, Москва)

Религиозные, философские и общественно-политические взгляды Ахмада Муфтизаде

Фигура Ахмада Муфтизаде привлекает внимание исследователей в первую очередь благодаря его уникальной политической позиции, поскольку на заре революции 1979 г. он был единственным курдским лидером столь высокого ранга, ратовавшим за установление нового общественного порядка на основе исламских принципов

и рассматривавшим поиск договорённостей с революционным руководством в качестве кратчайшего пути к достижению национального самоопределения — стратегия, предсказуемо не встретившая понимания ни со стороны курдских левых, ни со стороны лидеров революции. За политическим крахом и арестом Муфтизаде в 1982 г. последовало практически полное забвение: созданные им организации лишь изредка упоминались в узкоспециальной литературе¹, и в целом в историографии до недавнего времени существовала тенденция сводить события исламской революции в Курдистане к противостоянию светских националистов с центральным правительством².

Росту интереса к личности Муфтизаде и его идеям способствовала публикация в 2016 г. работы Али Эззатяра «Последний муфтий Иранского Курдистана»³, в основу которой положено большое количество источников личного происхождения, ранее не вводившихся в научный оборот. Наиболее интересными из этих материалов являются письма Муфтизаде из заключения к родным и соратникам, дающие возможность реконструировать его общественно-политические взгляды.

Ключевые положения, в тех или иных вариациях проходящие через весь корпус писем, таковы: 1) представление о Коране как о живом тексте, не имеющем фиксированного значения на все времена, интерпретация которого должна осуществляться в соответствии с изменяющимися обстоятельствами; 2) приоритет подлинной духовности над скрупулезным изучением религиозных обязательств; 3) терпимость к инакомыслию, недопустимость принуждения в религиозных вопросах; 4) соотношение религии и политики; необходимость разделения этих сфер; 5) шура как исламская форма демократии; 6) положение женщины в исламе; расширение её прав и свобод.

Анализ взглядов Муфтизаде по этим ключевым положениям позволяет рассматривать его как яркого представителя курдского исламского модернизма, в большей степени мыслителя и философа, чем традиционного религиозного ученого.

Именно оригинальность мышления и философская глубина выгодно отличают Муфтизаде от следующего поколения курдских исламских активистов, таких как мулла Крекар и Али Бапир. Тем не менее в его воззрениях, как будет показано в докладе, оригинальные идеи нередко соседствуют с эклектичным заимствованием у широкого круга «мудрецов». В частности общественно-политические взгляды Муфтизаде⁴, по крайней мере, в том виде, в каком они представлены

¹ См.: Kosravi J., Aghapouri H., Namehmorad L. The Islamist Maktab-Quran in Iran and Its Challenges for Kurdish Nationalism// Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2016. Vol. 3. №1. P. 59–73. и Mofidi S. Religion and Politics in Eastern Kurdistan (With a Focus on Maktab Qur'an During Iranian Revolution, 1979). 2015. DOI: 10.5539/jpl.v8n3p36

² Реальная картина конфликта была значительно сложнее и многообразнее: van Bruinessen M. Nationalismus und religiöser Konflikt: Der kurdische Widerstand im Iran/ Geschichte und Politik religiöser Bewegungen im Iran, Kurt Greussig (ed.), Frankfurt: Syndikat, 1981, pp. 372–409. и Pobedonostseva-Kaya A. O., Bohdan S. Islamische Revolution in Kurdistan: Zwischen Sektierertum und Ökumenismus // Wiener Jahrbuch für Kurdische Studien: Religion in Kurdistan 2019/7. P.63–84.

³ Ezzatyar A. The Last Mufti of Iranian Kurdistan: Ethnic and Religious Implications in the Greater Middle East. New York: Palgrave Macmillan, 2016. 246 pp.

⁴ См. Ezzatyar A. Op. cit. P. 159–205.

в «Тюремных письмах», обнаруживают заметное влияние идей ведущих шиитских мыслителей той эпохи, в первую очередь Али Шариати и Мехди Базаргана. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о влиянии на него «Братьев-мусульман». Эззатъяр отвергает свидетельства своих информаторов о существовании связей между Муфтизаде и «Братством», однако анализ как биографии самого Муфтизаде, так и других эго-источников демонстрирует, что эти связи действительно имели место. Теоретические воззрения Муфтизаде в период его наибольшей активности, видимо, также имели точки соприкосновения с идеями «Братства», однако в дальнейшем его взгляды претерпели существенную трансформацию.

Вероятно, именно с влиянием изменившейся политической ситуации на образ мыслей Муфтизаде связано расхождение в интерпретации его наследия следующим поколением исламских активистов. При прочтении «Тюремных писем», провозглашающих идеал едва ли не христианской терпимости к идейным противникам, кажется парадоксальной популярность их автора среди членов экстремистских группировок 2000-х гг. Однако анализ других эго-источников демонстрирует, что в 1970-е гг. автор этих писем исповедовал куда большую непримиримость и радикализм. Видимо, именно на «раннего Муфтизаде», ещё не испытавшего разочарования итогами исламской революции, ориентировались члены курдских джихадистских групп, в частности «Ансар аль-Ислам». В то время как его поздняя философская мысль, апогеем которой и являются «Письма», позволяет рассматривать Муфтизаде как предтечу постисламистских шиитских мыслителей, таких как Абдолкарим Соруш, а его интеллектуальное наследие расценивать как незаурядное явление в курдской общественно-политической мысли.

Лученков И. Р. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проект создания Ассирийской автономии в контексте ассирийско-курдского конфликта (1840–1920-е гг.)

1830–1840-е гг. были отмечены ростом активности европейцев на территории традиционного расселения несториан в Верхней Месопотамии, главным образом, британских и американских миссионеров различных протестантских деноминаций, а также монахов доминиканского ордена, восстановивших католическую иерархию восточно-сирийского обряда, после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Путешественники того периода отмечали значительное преобладание христианского населения над мусульманским, фиксируя нарастающее напряжение между несторианами и курдами, с той важной оговоркой, что речь шла исключительно о суннитах, но не о езидях: подобные конфликты также синхронно проистекали и в Каджарском Иране.

В начале 1840-х гг. произошло несколько крупных стычек, последствия которых старалась нивелировать османская администрация. Попытка Высокой Порты ограничить власть Бадрхана среди курдских эмиров посредством реформы местного территориального управления привело к масштабному восстанию 1843–1846 гг.

Принципиальным противоречием между западноевропейской и курдской, преимущественно турецко- и арабоязычной историографическими традициями, является интерпретация причин начала основной фазы данного конфликта: последняя делает акцент на негативной роли миссионеров, возлагая на них вину на начавшееся кровопролитие, в результате которого погибло несколько тысяч несториан вместе с католикос-патриархом Мар Шимуном XVII.

До начала Первой Мировой войны между несторианами и курдами-суннитами сохраняется относительно стабильный статус-кво, прерываемый случаями кровопролития в 1850-е и 1880-е гг., инициированных, тем не менее, обеими сторонами, однако не достигавших масштаба описанных выше событий. В этой связи стоит отметить более явную вовлеченность европейских держав в контексте Восточного вопроса, а именно России, Великобритании и Франции, во внутренние дела Османской и Каджарской империй, наращивающих агентурную сеть среди местных христиан, что одновременно с ослаблением курдских аристократических родов и усилением позиций шейхов накшбандийского тариката также способствовало росту антихристианских настроений.

В этом контексте мы поднимаем другой, не менее важный исследовательский вопрос, а именно определение этнического компонента внутри общности восточно-сирийской литургической традиции. Зачастую европейские путешественники констатировали незначительность различий в языке и обычаях ассирийцев-христиан и курдов Верхней Месопотамии. Ряд авторов отмечали существование ряда деревень, населенных курдами-христианами. Этот факт находит подтверждение и в средневековых источниках: трудах аль-Масуди и записках Марко Поло.

Дать точную оценку распространения христианства среди курдских племён в разные исторические периоды невозможно, однако мы с уверенностью можем констатировать наличие курдско-арамейского двуязычия, характерного для несторианского населения обозначенного региона. В контексте становления ассирийского национализма контакты с европейцами и окончательное разделение Церкви Востока на Ассирийскую (несторианскую) и Халдейскую (восточнокатолическую), а также переход в православие паствы епископа Урмии Мар Ионы, приводят к тому, что постепенно в арамеоязычной среде этнический компонент начинает превалировать над конфессиональным, с сохранением, тем не менее, общего христианского начала в качестве идеологического паттерна. На передний план ассирийской общности выдвигаются и светские военные политические лидеры, такие как Ага Петрос и малик племени Тйаре Хошаба Иосиф; также прослеживалась риторика о необходимости создания независимого ассирийского государства.

В годы Первой Мировой войны несторианский патриарх Мар Шимун XIX обсуждал подобный проект с представителями военного командования Антанты,

в частности с генералом от инфантерии В. В. Смирновым. При поддержке британского экспедиционного корпуса формируется легион ассирийских добровольцев. Империалистическое противостояние эскалировало конфликт между курдами и ассирийцами, который окончился для последних трагедией.

На Лозаннской конференции ассирийская делегация подаёт меморандум, излагающий требования о создании автономии, границы которой совпадали с линиями водоёмов: от бассейна реки Большой Заб до озера Урмия, однако бывшие союзники не были заинтересованы в реализации данного проекта. Более того, статус ассирийцев и вовсе не декларировался Лозаннским договором. На протяжении 1920-х гг. Ага Петрос вместе со своими сторонниками пытался добиться от мандатных властей особого статуса в ходе обсуждения принадлежности и разграничения нефтяных запасов Мосульского вилайета и прилегающих к нему территорий: Турция не была готова уступить Хаккяри, на который претендовали ассирийцы, Ираку ни при каких обстоятельствах.

В начале 1930-х гг. Лига Наций пыталась решить ассирийский вопрос путём лоббирования программы переселения в британские доминионы, которая окончилась неудачей. Часть беженцев приняли власти французского мандата над Сирией и Ливаном, расселив их в долине реки Хабур. Ассирийские погромы на севере Ирака 1933 г. вынуждают католикос-патриарха Мар Шимуна XXI и большую часть несторианской элиты бежать на Кипр, а затем в США, поставив точку в вопросе христианской административной автономии в составе независимого арабского Хашимитского королевства.

Данное исследование посвящено проблематике взаимоотношений ассирийских и курдских племён на территории Мардинского, Сииртского, Мосульского и Хаккярского санджаков Османской империи, анализируя этнический и религиозный факторы основных конфликтов и охватывая период от начала эпохи Танзимата, прокламирующей юридическое равенство османских подданных независимо от их вероисповедания и происхождения, до создания британского мандата над Месопотамией. Базой первоисточников в рамках настоящей работы являются записки западноевропейских миссионеров, посещавших данный регион, и отчёты британской военной администрации.

*Победоносцева-Кая А. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Кирпиченок А. И. (Библиотека им. В. В. Маяковского, Санкт-Петербург)*

Барзани и курдистанские евреи

Население исторического региона Курдистан представлено преимущественно курдами, ассирийцами, армянами, туркменами, арабами, турками, карапахами,

евреями, а также различными этно-конфессиональными группами, которые считаются, в зависимости от идеологических или академических подходов, как курдами, так и самостоятельными этносами, пусть и имеющим отношение к курдам. К таким группам можно отнести: а) езидов, говорящих на курманджи, но исповедующих езидизм; б) заза, особенности языка которых, несмотря на генетическое родство и системное единство с другими курдскими диалектами, заставляют некоторых ученых считать его самостоятельным иранским языком; в) луров и бахтияров, которые причисляются к курдской нации курдскими националистами. Но как показывает практика курдского национализма после Второй мировой войны, в своем противостоянии с арабскими, иранским и турецким государством курдские активисты искали союзников и среди тесно связанных во всех отношениях с курдами некурдских этнических групп исторического Курдистана. Курдский национализм, подобно прочим национализмам Ближнего Востока допускает большую степень этнического синкретизма и прагматический подход к взаимодействию с этническими группами, разделяющими ту же территорию. В этом его разительное отличие от восточноевропейских национализмов, отличающихся стремлением к этнической гомогенности, конфронтативным подходам к «иноплеменным» соседям. В данном случае, по всей вероятности, имело место идейное влияние основоположника Мишеля Афляка, одного из ответвлений арабского национализма — баасизма, который обосновал необходимость включения в «великую арабскую нацию» этнических меньшинств. Но в отличие от Афляка, склонявшегося к ассимиляции этих народов, курдские националисты прагматически допускали тесные связи с некурдскими этническими группами исторического Курдистана.

Особенно примечательными примерами этого стали отношения курдского национального движения с армянами, ассирийцами и евреями. Пример взаимодействия с армянами и ассирийцами во второй половине XX в. иллюстрирует гибкость в переоценке межэтнических отношений — поскольку за несколько десятилетий до того, в первой половине XX в. курдские племена оказались замешаны в резню этих этнических групп. Отношение курдов с евреями развивались по иной траектории, но также не были безоблачными, а потому вопрос фактической аффилиации местных курдистанских евреев с задуманной курдской нацией не был чем то очевидным. Само происхождение курдистанских евреев окутано завесой тайны. Одни исследователи считают их даже курдами, принявшими иудаизм, другие — евреями, воспринявшими культуру курдов. Курдистанских евреев можно рассмотреть как удачный пример взаимодействия курдов с одной из автохтонных групп Курдистана. Курдистанские евреи, несмотря на то, что считают себя потомками «одного из потерянных колен Израиля», одновременно с этим, не отделяют себя от курдской нации.

Сближению курдистанских евреев с курдским национальным движением способствовали условия, в которых они оказались, уехав из Курдистана. После миграции в Израиль курдистанские евреи утратили свой социальный статус в обществе, кото-

рое они занимали в Курдистане, и были вынуждены оставить свои традиционные занятия. Несмотря на все сложности, связанные с процессом интеграции в израильское общество, дискриминацию и политику “плавильного котла”, призванную заставить мигрантов отказаться от традиционной культуры, курдистанские евреи прилагали максимум усилий, чтобы улучшить свой статус в социальной иерархии израильского общества и государства, а также поправить материальное положение. Глубокая религиозность, лояльность, а также прежние крепкие связи с курдами на родине делали их полезным инструментом израильской политики.

В своем противостоянии с арабскими странами израильское руководство видело в национальных меньшинствах этих государств своих потенциальных союзников. Прежде всего это касалось Ирака, который занимал после прихода к власти там баасистов самую радикальную позицию в отношении борьбы с Израилем. На севере Ирака также проживало значительное курдское меньшинство. Иными словами в иракском случае возможности и потребности израильской стороны в отношении поиска местных союзников уникальным образом совпали. Партнером Израиля на месте стал лидер курдского повстанческого движения Мустафа Барзани. Устанавливая связи с курдами Барзани, Израиль сделал ставку на курдистанских евреев, которые еще до миграции выступали в качестве посредников между курдскими кланами и властями. В первые годы восстания Барзани существовали неофициальные контакты известных и влиятельных семей курдистанских евреев, которые действовали согласно указаниям израильских госструктур. В 1980-е гг. были организованы общественные комитеты в поддержку Курдистана при участии выходцев из этого региона. Движение Барзани стало важным фактором в реализации национальной безопасности Израиля. В свою очередь, Израиль привлекал внимание курдских повстанцев тем, что был готов сотрудничать с государствами и движениями, которые не рассматривались сверхдержавами как партнеры.

Консолидация курдской нации предполагает включение в ее ментальные границы всех этнических групп, тесно связанных с курдами в социальном, хозяйственном, культурном и историческом отношении и разделяющих с курдами единую территорию исторического Курдистана. Данное исследование ставит цель выявить проявления такой политики в курдско-еврейских контактах, т.е. оно фокусируется на политической и социальной практике соответствующих общин (в отличие от кодифицированных идеологических конструкций), используя в качестве основного материала для анализа соответствующие публикации и иные свидетельства курдистанских евреев, которые дополняются израильскими, западными и арабскими источниками. Сотрудничество с курдами дало курдистанским евреям ощущение своей востребованности со стороны израильского государства. Помимо этого, начиная с 1980-х гг., произошло их восстановление связей с родиной, воспоминание о которой еще было очень четким. Это восстановление, не мифическое, а осязаемое, позволило разным поколениям евреев из Курдистана быть вовлеченными в общекурдистанское движение. Таким образом, курдистанские евреи подчеркнули свою курдскую идентичность и для них Барзани приобретает статус “своего”.

Celebi D. (University of Manchester, Great Britain)

Jîna Amini or Mahsa Amini? Building an Iranian Identity among the Kurdish People in the Islamic Republic of Iran

On September 16, 2022, a 22-year-old young Kurdish woman was killed by Iran's morality police in Tehran for not having an appropriate dress code (compulsory hijab). Since then, there have been ongoing protests both in Iran and in other countries. While the name of the young lady in the ID was Mahsa which is a Persian name, her real name was Jîna which is a Kurdish name. Since her death, it can be observed that the protest groups have clashed in the use of her Persian name (Mahsa), which is claimed to correspond to her Iranian identity, and her real Kurdish name, Jîna.

In this abstract, I will discuss how the Iranian identity has an effect on the Kurdish people in Iran and whether this supra (national)-identity formation is possible. The primary data on which this discussion is based are semi-structured interviews I have conducted with 30 Iranian politicians.

'Iranian' was first used by the Qajar Empire in the 1906 constitution (the first modern constitution), and the word Iranian was also emphasized in the last constitution, the 1979 constitution. But does being an Iranian point to a diverse and inclusive supra (national) identity or does it correspond to the Persian ethnic identity, which is the dominant culture and consists of 40 percent of Iran?

To answer that claim and question, to sum up, according to data obtained from Iranian politicians being an Iranian is a strength of being 'Persian'. Iranian identity is not inclusive and diverse as its claimed on the constitution in the Iran. Besides data also recent protests both in the Iran and outside of the Iran shows that from having a Kurdish flag or using the chant of 'women, life, freedom' is a controversial and not supported by the Persian people as its claimed. Last but not least it is important to remember that in recent protests the approach of the Iran to Kurdish region and Tehran was not same.

СЕКЦИЯ VI • SECTION VI

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КAVKAZA

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
OF CENTRAL ASIA AND CAUCASUS

*Абланова Э. А. (Мангистауский областной государственный архив,
Казахстан)*

**Мангистау (Мангышлак) как важный
коммуникационный пункт на торговом пути
из России в Среднюю Азию**

В Новое время активизировались посольские и торговые караванные связи России со Средней Азией. Часть торговых маршрутов пролегла через плато Устюрт и полуостров Мангистау (Мангышлак), что способствовало повышению их значимости. В конце эпохи данная торговая магистраль соединила Россию и государства Средней Азии. Важную роль играл Мангистау как один из транзитных участков. Здесь сложился удивительный симбиоз сухопутного и морского торгового сообщения. Доставка товаров из Азии производилась караванами до берега Каспийского моря, где товар перегружался на парусные суда для дальнейшей перевозки на волжское побережье.

До начала XVIII века торговля между Европейской Россией и Средней Азией проходила в основном через Астрахань, откуда по морю товар завозили в Мангистау, откуда караваном осуществлялась его доставка в Хорезм и Бухару. При царе Борисе Годунове (1598–1605) в Астрахани находились среднеазиатские купцы, а на Мангистау курсировали русские торговые суда. В феврале 1617 г. царь Михаил Федорович Романов (1613–1645), написавший хивинскому Араб Мухаммад-хану (1603–1621) ответ на грамоту, доставленную послом Кара Жусипом (Ходжой Юсуфом), дал

«ургеншскому народу» разрешение на прибытие на мыс Кабакты в Мангистау торговцев и объявил, что торговые суда русских будут отправлены на пристань Кабаклы¹. Со временем, несмотря на близость к Астрахани, пристань Кабаклы стала менее значимой, так как в связи мелководием суднам стало сложнее пришвартовываться.

С 1630-х годов возрастает значение пристани Караган на Мангистау, где возобновилась морская торговля. Туркмены-салоры, кочевавшие рядом с этой пристанью, перевозили товар на верблюдах, сопровождали караваны, сдавали в наем верблюдов и лошадей². 18 апреля 1641 г., приехавший в Астрахань хивинский гонец Назир Малик с двумя грамотами от хана Исфендияра (1623–1643) к воеводе боярину, князю Одоевскому, просит «прислать по первой весне судов на Караганскую пристань для Хивинских, Бухарских и Балханских в Россию назначенных послов»³.

Русское правительство уделяло много внимания торговле со странами Средней Азии, вопросам обеспечения неразрывности связи между астраханскими и каспийскими портами, в связи с чем судоходство в Каспийском море было объявлено «государственным делом»⁴. В Астрахани было создано специальное учреждение с начальником-боярином, в ответственность которого входило строительство судов для хождения по Каспийскому морю и обеспечение безопасности торговых судов. На судах были установлены пушки. В рапорте астраханского воеводы Ю. А. Сицкого (1639 г.) говорится, что «для защиты судов, отправляемых на торговлю через Каспийское море, выделяются военные люди и вооружение, на одном корабле посланы боярин А. Бахмутов, 50 стрелков, три наводчика»⁵.

В начале XVIII века получает известность мыс Тюб-Караган, где имелась удобная гавань, защищенная от северных штормовых ветров, и куда обычно приставали русские купеческие суда из Астрахани⁶.

С правления Петра I начинается новый период в истории взаимоотношений России с народами Средней Азии. Петр I придавал большое значение установлению господства России на Каспийском море и открытию кратчайших торговых путей в страны Центральной Азии и Индию⁷. В 1717 году гибель экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиве повлияла на торговые отношения русских с кочевниками Мангистау, связанные с возникновением недоверия со стороны российских служителей к народу полуострова. Туркмены стали реже заходить в Астрахань, а русские торговые суда, оснащенные артиллерией, вели торговлю с кочевниками

¹ РГАДА. Фонд 134. Сношения России с Хивой (коллекция). Оп. 1. Книги и дела. Дело 1–23. Л. 4.

² Юдин Л. Начало отношений с туркменским народом. — Ташкент, 1913. С.5.

³ РГАДА. Фонд 134. Сношения России с Хивой (коллекция). Оп. 1. Книги и дела. Дело 1–23. Л. 21.

⁴ Кекилбаев А. История Мангистау // Энциклопедия Мангистау (на казахском языке). Алматы: Атамур, 1997. С.50

⁵ Там же.

⁶ Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сборник архивных документов. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 1963. С. 52.

⁷ Аннапесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1981. С. 20.

только после передачи на судно заложника (*аманат*) для обеспечения безопасного выполнения торговых сделок.

Таким образом, к 1720-х годам торговля туркмен с русскими пришла в упадок. Известны случаи пропажи туркменских купцов, уехавших торговать в Россию. В ходатайстве старшины рода аджи Бегенч-Хаджи астраханскому дворянину К. И. Воронину от 3 марта 1721 г. указан факт пропажи хана Сеид Ахмед султана, его сына Кочкара и других людей, и выражено требование их незамедлительного розыска в Астрахани или Саратове¹. Бегенч-Хаджи также сообщает К. И. Воронину о предпринятом розыске его сына, участвовавшего в экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву, после которой связь с ним была утеряна. По сведениям К. И. Воронина, его сыноро находился в Чарджоу. Бегенч сообщает, что предоставил гонцам лошадей, верблюдов, муку, шкуры бобров для выкупа его сына и поручил следовать до Бухары и Балха. И в завершение послания отмечает, что все эти действия направлены «для милости великого государя и ради тебя»².

Вероломная расправа над участниками экспедиции А. Бековича-Черкасского создала напряженную обстановку не только на Мангистау, но и во всей Средней Азии. В послепетровскую эпоху на двадцать лет наступило затишье в российско-среднеазиатских отношениях.

Судоходство в Каспийском море начиналось в апреле и прекращалось в октябрь — ноябре месяцах. В течение этого времени караван из трех до семи бусов приплывал дважды в Тюп-Караган³. Русские вели скромную меновую торговлю с туркменами местностей Тюп-Караган и Саргас. Туркмены, в свою очередь, обменивали полученные от русских товары на скот казахам-адаевцам, кочевавшим на полуострове. По прибытии кораблей в Тюп-Караган в Хиву отправлялось сообщение об этом через туркмен, населявших полуостров. В ответ из Хивы в Мангистау стекались торговые караваны.

В эти годы пристани Мангистау служили не только транзитными пунктами, но и местами различных торговых операций. Для того, чтобы добраться до Астрахани, среднеазиатским купцам необходимо было договориться о посадке на одно из русских судов. Посредническую деятельность между судами и караванами, торговцами и купцами, прибывавшими с обеих сторон на Мангистау, активно вели родоначальники туркмен, а в совершении торговых сделок заметно отличались представители рода ходжа⁴.

В XVIII веке из Астрахани на Мангистау завозились холст, сукно, шерстяные цветные ткани, краски, деревянная посуда, чугунные котлы, кожа, иглы, зеркало,

¹ Аннапесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. С. 40.

² Там же.

³ Кекилбаев А. История Мангистау // Энциклопедия Мангистау (на казахском языке). Алматы: Атамұра, 1997. С.49

⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л.: Издательство Академии наук, 1932. С. 164, 171, 312; Каррыев А., Мошкова В. Г. Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв. Ашхабад, 1954. С. 226, 307.

ножницы, семена, пшеничная мука, ржаная мука и другие мануфактурные изделия и провизия. Русские суда перевозили через полуостров в Астрахань золото, серебро, овечью шерсть из Бухары, парчовую ткань, алмазы, сапфиры, лалы, драгоценные камни, индийские и персидские изделия.

С середины XVIII века Россия стала проявлять все большую заинтересованность к развитию торгово-экономических отношений со Средней Азией. Данный вопрос приобретает общегосударственную значимость. В то же время торговля со странами, расположенными к востоку от Каспийского моря, становится предметом конкурентной борьбы не только между астраханскими купцами, но и между купечеством России и Ирана¹ [5.57].

В 50-х гг. XVIII века правительствующий Сенат издал несколько указов, касающихся развития торговли со Средней Азией. В 1759 году был издан указ Коллегии иностранных дел о передаче торговли через Астраханский порт с живущими по левую сторону Каспийского моря народами: бухарцами, хивинцами и туркменами в монополию генерал-поручика Р. Л. Воронцова сроком на 30 лет. Воронцов в ответ обязался построить на свои средства нужное количество морских судов, обеспечить перевозку грузов из Астрахани в Среднюю Азию и обратно, «с прилежностью стараться оный торг не только самым действием производить, но и от времени до времени распространять», платить портовые и внутренние пошлины «сполна, бездоимочно»².

С середины XVIII в. в торговых отношениях России с Средней Азией прослеживается тенденция, связанная с повышением качества товаров, предлагаемых кочевникам, расширением их ассортимента. Таким образом, транзитная торговля поднялась на новый уровень. При Екатерине II был поставлен вопрос о сооружении торгового центра — крепости на восточном побережье Каспийского моря. В поисках подходящего места к этому делу подключились центральные ведомства царского правительства — Коллегия Адмиралтейства и иностранных дел, Сенат, а также астраханские губернские власти³. В 1764 г., по указу Екатерины II, была снаряжена экспедиция в восточную часть Каспия под руководством начальника Астраханского порта капитана Токмачева и инженера-майора Ладыженского. Экспедиции было поручено произвести подробную опись всего восточного побережья и выяснить возможность заселения этого берега и создания здесь русских укреплений⁴.

В своем дневнике М. Ладыженский писал: «Как и в прежние времена, астраханские татары с небольшим капиталом добираются до гавани Мангышлак, откуда набирают груз наемных верблюдов и уходят в Хиву. Сопровождают их абдал туркмены Мангышлака. Купцы платят по 12 червонцев за каждого верблюда, если верблюд погибает на дороге, то наниматель должен заплатить его двойную стоимость, поэтому туркмены готовят своих самых старых верблюдов, чтобы

¹ Аннапесов М. Ук. соч., С.57.

² Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. С. 90–92.

³ Там же. С.95–98.

⁴ Штейнберг Е. Л. Первые исследователи Каспия (XVIII–XIX вв.). М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. С. 22.

нанять их на дорогу, чтобы доставить купцов в Хиву. Верблюды, которые умирают в дороге, приносят владельцам больше дохода»¹.

Экспедиция М. Ладыженского и И. В. Толмачева возобновила развитие торговых отношений с мангистаускими туркменами. После 1764 года наблюдается заметное оживление в русско-туркменских взаимоотношениях, торговые суда с хлебом и другими товарами все чаще стали посещать Мангистау. М. Ладыженский передал туркменским старшинам грамоту Екатерины II о необходимости развития торговли. Со своей стороны, туркмены просили присылать к Сарыташской пристани торговые суда в год 2 раза, за что обещали «чинить всякое вспомоществование», в том числе, отправлять на российских судах в Астрахань прибывших из Хивы, Бухары, Индии и Туркмении купцов².

После возвращения экспедиции в Астрахань содержатель шелковых фабрик купец Л. Иванов в прошении в губернаторскую канцелярию ходатайствовал об отпуске своего судна, нагруженного разными товарами, в том числе, более чем 600 мешками ржаной и пшеничной муки, к восточным берегам Каспийского моря³. 9 октября 1764 г. Астраханская губернская канцелярия издала приказ об отправке Л. Иванова на Мангистау в целях торговли⁴.

В 1773 г. на восточный берег Каспийского моря отправилась экспедиция Самуила Готлиба Гмелина, который оставил интересные сведения о торговле на Мангышлаке. По данным С. Гмелина, мангистауские туркмены вели торговлю со всеми соседями: русскими, хивинцами, бухарцами, казахами, каракалпаками. Наряду с продажей излишнего скота и продуктов скотоводства (масло, окрашенные войлочные изделия, ткани из верблюжьей шерсти) на рынки Хивы и Бухары, они сбывали и некоторые российские товары — муку, металлы, железные котлы, треножки, деревянную посуду, сукно, различные ножи, ножницы, зеркала, булавки, иголки. Муку туркмены продавали в основном казахам в обмен на скот и продукты скотоводства для последующей реализации на рынках Хивы и Бухары⁵.

Российский генеральный консул в Иране Скибиневкий сообщает не менее интересные данные о мангистауской торговле к концу XVIII в. По его сведениям, общая стоимость товаров, провозившихся через Караганскую пристань в Астрахань и обратно в Среднюю Азию, достигала 15 млн. рублей, «ибо одной бумаги пряденой и бязей на девятьсот тысяч рублей вывозиться»⁶.

¹ Русское Географическое Общество. Научный архив. 67 Разряд. Оп. В II.1.1. Д. 1–1. Л.6 об. -7.

² Архив внешней политики Российской империи. Туркменский фонд. 1763–1767 гг. Оп. 99/3. Д. 2. Л. 302.

³ Астраханский областной государственный архив. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2518. Л. 30.

⁴ Там же. Д. 2533. Лл. 167–171.

⁵ Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // Труды ТГО., 1958. Вып. 1. С. 213.

⁶ Архив внешней политики Российской империи. «Туркменский фонд». 1763–1767 гг. Оп. 99/3. Д. 8. Л. 18.

Так чем же привлек в XVIII в. Российскую империю полуостров Мангистау, который рассматривался как политическая стратегическая опора?

На наш взгляд, особая значимость данного региона была обусловлена, во первых, благоприятным расположением полуострова на побережье Каспийского моря, во вторых, незамерзающим берегом Караганской пристани; в третьих, наличием караванных путей в Астрахань и Гурьев; в четвертых, возможностью осуществлять морские грузовые перевозки в течение короткого срока (1–3 дня); в пятых, низкой стоимостью перевозки товара (30 серебряных монет на 1 пуд товара); в шестых, наличием караванной дороги, ведущей прямо с Мангистау в Хиву; в седьмых, тем, что Каспийское побережье богато рыбой и тюленем, и, в восьмых, обнаруженным русской экспедицией богатым источникам нефти, соли, угля, минерального сырья, камня-ракушки для строительства.

Полуостров Мангистау, который был коммуникативным центром транзитной торговли в Новое время, не утратил своего значения и сейчас. В настоящее время Мангистау, где в XVII–XVIII вв. морские суда курсировали только два раза в год и проходило лишь несколько караванных путей, стал транспортным узлом, значимой стратегической опорой государства, соединяющим казахские земли с соседними странами по воздуху, железной дороге, шоссе, через международный морской порт Актау с развитым регулярным торговым сообщением. 7 ноября 2022 г. на встрече с населением области президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев отметил: «Мангистауская область в силу своего выгодного географического положения имеет огромный потенциал для того, чтобы стать транспортно-транзитным узлом мирового значения. Город-порт Актау по праву считается морскими воротами Казахстана. На фоне переформатирования глобальных логистических цепочек роль Каспийского моря резко возросла. Мы планируем реализовать ряд мероприятий, направленных на привлечение инвестиций в развитие портовой инфраструктуры, создание контейнерного и транспортно-логистического хабов. С учетом нынешней ситуации на мировых рынках дальнейшее развитие Транскаспийского маршрута приобретает особое значение». Слова президента Казахстана подтверждают актуальность Каспийского моря и полуострова Мангистау в международном взаимодействии и в настоящее время.

Адалар У. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Закавказское Мусульманское Духовное Управление в XIX веке (по опубликованным архивным материалам)

Включение мусульман в административную систему России впервые произошло при Екатерине II (1762–1796). Указом от 22 сентября 1778 г. было отдано

распоряжение об учреждении в Уфе духовного управления, которому подчинялись все мусульманские ученые России.

Во время правления Александра II (1855–1881) мусульмане не остались без внимания в процессе реформ. Включив мусульман в административную систему государства, государство хотело укрепить связи с ними. В частности, установить контроль над мусульманским духовенством, имевшим большое влияние на мусульман региона, и таким образом укрепить центральную власть.

Мусульмане Закавказья делились на два разных учения: шиитское и суннитское. Понимая это и зная о проблемах между двумя учениями, Российская империя создала два разных управления закавказского мусульманского духовенства. После того, как империя взяла под свое господство Закавказье, важнейшим из положений, касающихся мусульман в регионе, было «Положение о магометанском духовном правлении Закавказского края» (Проект 1836 г.)

Статья 9 «Положения» касается строительства мечетей в Закавказье. Этот пункт очень важен для нашей темы. Христианское духовенство получило право давать разрешение на строительство мечетей, которые являются местами поклонения мусульман в регионе.

Позже были приняты и другие постановления о закавказском мусульманском духовенстве. Полностью административное учреждение было создано при Александре II. После долгого процесса подготовки 5 апреля 1872 г. были изданы «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» и «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства шиитского учения».

Тифлис стал центром управления закавказского шиитско-суннитского духовенства. Это административное учреждение было официально открыто в Тифлисе 2 января 1873 г. В полномочия этого учреждения входили мусульмане Бакинской, Елисаветпольской, Тифлиской и Эриванской губерний. Другие регионы не находились в ведении учреждения. В то время как духовенство шиитского учения возглавлял шейх аль-ислам, духовенство суннитского учения возглавлял муфтий. На это учреждение, являющееся полностью официальным государственным органом, из государственного бюджета в год выделялось 37 880 рублей.

В общей сложности оба постановления состояли из 115 пунктов. Если сравнить, видно, что постановления относительно суннитского и шиитского духовенства почти идентичны друг другу.

Важным было то, что закавказское мусульманское духовенство было административно централизовано и институционализировано. Зная влияние мусульманского духовства на мусульман, Российская империя стремилась усилить центральную администрацию в регионе и контролировать духовенство.

Положение 1872 г. о мусульманском духовенстве оставалось неизменным с 1880-х по 1890-е гг. Некоторые изменения были внесены муфтием Закавказья Мустафазаде Хамидом Эфенди в 1873 г., шейхом аль-исламом Закавказья Хузейинзаде Ахмедом в 1879 г. Фактически они вносились государственным советником В. Безобразовым.

Закавказское Мусульманское Духовное Управление было одним из важнейших институтов процесса реформ. Духовенство, имевшее большое влияние на мусульман Закавказья, было институционализировано в рамках административной системы и с момента создания управляло мусульманами Тифлисской, Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерний. С изменением 1897 г. к этому учреждению были присоединены и мусульмане Карской области.

Исследование под названием «Духовные правления мусульман Закавказья в Российской империи (XIX — начало XX в.)», написанное А. А. Ганичем, является одним из наиболее важных исследований по нашей теме. В этом исследовании было опубликовано много документов о закавказских мусульманах. Это работа содержит важные документы Центрального исторического архива Грузии и Государственного исторического архива Азербайджанской Республики об управлении мусульманами Закавказья. Сборник, насчитывающий 492 страницы, состоит из трёх основных частей. Часть первая: «Положения» об управлении закавказским мусульманским духовенством, соответствующие инструкции в форме представителя. Часть вторая: статистические данные о количестве мусульманских «приходов», мечетей и духовных лиц, данные об изъятиях в личном составе духовных правлений. В последней части представлены тексты ритуального характера и анализ списков сочинений, служивших духовенству.

Кроме того, в данной работе использовалось «Полное собрание законов Российской империи», подготовленное во времена Российской империи и являющееся важнейшим сводом законов того времени. Этот сборник состоит из 133 томов, охватывающих законы России 1649–1913 гг. в трёх сериях. Он включает все законы, постановления и договоры, касающиеся Кавказа.

Акрамова Ф. А. (НУУз, Узбекистан)

Историографический обзор изучения подготовки промышленных кадров — женщин в Узбекистане (1956–1965 гг.)

Богатый опыт политического руководства общественным развитием, в частности, подготовкой кадров рабочих и специалистов для промышленности, накоплен партийными и общественными организациями, хозяйственными органами и специальными учебными заведениями Узбекистана в период окончательного завершения социалистического строительства и на этапе развитого социализма в 1956–1965 гг. Достаточно отметить, что по уровню подготовки специалистов в средних специальных и высших учебных заведениях Узбекистан в середине 1950-х годов опережал многие развитые страны Запада, не говоря уже о государ-

ствах Востока. Инженеры и техники, занятые в промышленности, составляют преобладающую часть производственно-технической интеллигенции Узбекистана.

Большое внимание Компартии Узбекистана к вопросам подготовки кадров рабочих промышленности предопределялось тем, что рабочий класс считался основной производительной силой общества и без его формирования, развития в республике невозможны были бы ни становление социалистической индустрии, ни социалистическое переустройство кишлака, ни вообще достижение какого-либо социального прогресса¹.

Согласно советской трактовке истории, осуществление этого курса позволило Узбекистану, как и другим республикам Средней Азии и Казахстану, в исторически короткий срок, менее чем за четыре десятилетия, «преодолеть вековую отсталость и стать развитой социалистической республикой». Так, генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов утверждал, что «партия всегда уделяла огромное внимание росту национальных отрядов рабочего класса — ведущей силы нашего общества. И результаты — налицо. Ныне рабочие составляют самую крупную социальную группу во всех союзных республиках»².

Вопросы подготовки промышленных кадров рабочих и специалистов в стране, в том числе в Узбекистане, роста их материального благосостояния, культурно-технического уровня и творческой активности на различных этапах развития советского общества получили освещение в советской исторической литературе. Об этом свидетельствует историографический обзор литературы о рабочем классе, о промышленном развитии, приведенный в коллективных трудах, монографиях и статьях М. А. Ахуновой, Б. В. Лунина и др.³.

Анализируя данные работы, можно сделать вывод, что партийная организация Узбекистана проводила большую работу по укреплению колхозов и совхозов сельскохозяйственными кадрами. Достаточно сказать, что после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС более чем втрое возрос удельный вес специалистов с высшим и средним специальным образованием в общей численности работающих в сельском хозяйстве УзССР. Только за 1977–1980 гг. их контингент увеличился с 62,9 тыс. до 78,4 тыс., в том числе количество агрономов, зоотехников и ветеринарных работников — с 26,4 тыс. до 31,5 тыс. человек. В 1970-х годах на

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. ч.1, изд. 7. М.: Госполитиздат, 1953. С.559–560.

² Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года. М.: Политиздат, 1982. С.14.

³ Ахунова М. А., Лунин Б. В. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. — Т.: Фан, 1970; Желтова Г. И., Исламджанова М. Г. Рабочий класс Узбекистана в освещении советской историографии // *Общественные науки в Узбекистане*, 1972. №6; Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. — М.: Политиздат, 1975; Ежов В. А. Рабочий класс СССР в современной советской историографии // *Рабочий класс в мировом революционном процессе*. М.: Наука, 1975; Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества // *Вопросы методологии и историографии*. М.: Мысль, 1977.

селе Узбекистана трудилось 57 тыс. специалистов с высшим и средним сельскохозяйственным образованием; 94,7 % председателей колхозов и 92,2 % директоров совхозов республики имели высшее и среднее специальное образование. Однако был низок удельный вес дипломированных специалистов в составе руководителей среднего звена колхозного и совхозного производства. Так, среди бригадиров в растениеводстве республики их было только 27 %, а в животноводстве — 58 %.

В 1960-е годы в промышленности было сконцентрировано 44,4 % женщин: более 3 тыс. женщин занимали командные посты в промышленности, работали инженерами и оборудованием. Более двух с половиной тысяч женщин работали на руководящих должностях в сельском хозяйстве. Женщины вносили большой вклад в создание материальных объектов Узбекистана.

В Узбекистане выросли и закалились промышленные кадры из числа женщин. В годы Великой Отечественной войны на предприятиях было принято решение о привлечении 60 тысяч женщин, многие из которых освоили новые производственные профессии. Тем не менее, несмотря на меры, предпринимавшиеся партийными и советскими органами по закреплению женщин на производстве, удельный вес женщин, особенно узбечек, на промышленных предприятиях сокращался. Крайне низок был в промышленности процент женщин-узбечек. Например, в 1944 г. на промышленных предприятиях Ташкента они составляли всего 6,3 % от общего количества работниц¹.

Ответственная роль в обеспечении промышленными кадрами руководителей и специалистов принадлежала высшим и средним промышленным и сельскохозяйственным учебным заведениям. Одной из крупных кузниц кадров сельскохозяйственного производства являлся Ташкентский ордена Дружбы народов сельскохозяйственный институт. Ежегодно 1500 его выпускников, в том числе 100 промышленных кадров различного профиля, пополняли армию специалистов сельского хозяйства.

Алибеков Х. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Арабо-мусульманская культура и образование на Кавказе XI–XII вв. на основе новых источников: «Шарх аш-шихаб» Абу ал-Касима ал-Баби и «Тухфат ал-асхаб» Абу Бакра ад-Дарбанди

Данный доклад посвящен двум ценным и интересным сочинениям, авторами которых являются видные представители мусульманского богословия Баб ал-Аббаба на рубеже XI–XII вв. Авторство первого из них принадлежит мухаддису и главе общины шафиитов Баб ал-Аббаба Абу ал-Касиму ал-Варраку. Сочинение имеет

¹ «Правда», 1944 г., 17 декабря.

название «Шарх аш-шихаб». Автором второго сочинения является ученик Абу ал-Касима ал-Варрака известный суфий и богослов Абу Бакр ад-Дарбанди. Личность этого ученого стала нам известной благодаря его работе «Райхан ал-хакаик», исследованию которой посвящена монография А. Аликберова «Эпоха классического ислама на Кавказе». Сочинение называется «Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-шихаб».

Мною были выявлены 13 списков «Шарх аш-шихаб», хранящихся в библиотеках и архивах в различных частях мира. Четыре из них удалось исследовать лично. Это одна рукопись, переписанная в XIII в., две рукописи, датированные XIV в., и одна рукопись XIX в. Общий результат исследования будет представлен в данном докладе.

Сочинение ал-Варрака является комментарием на труд египетского кадия и проповедника Абу Абдулла ал-Куда'и (ум. в 1062 г.) «Шихаб ал-ахбар», в котором автор собрал 1200 хадисов, различных мудрых изречений и поговорок, приписываемых пророку Мухаммаду. Прежде всего «Шарх аш-Шихаб» представляет интерес как ценный источник по истории мусульманской культуры и образования на Кавказе. Абу ал-Касим ал-Варрак привел в сочинении множество высказываний своих шейхов и знакомых, из чего можно составить общую картину окружения автора. Спустя какое-то время ближайший ученик ал-Варрака Абу Бакр ад-Дарбанди решил сократить текст «Шарх аш-шихаба» и изложить его суть в своей редакции. В результате получилось отдельное сочинение под названием «Подарок друзьям в виде комментария к “Аш-Шихаб”» («Тухфат ал-асхаб фи шарх аш-Шихаб»).

Предисловие начинается со слов Абу Бакра Мухаммада бин Мусы ал-Фараджа ад-Дарбанди о том, что когда он увидел, как «ученый факих и энергичный имам» разъяснил значения хадисов из книги «Аш-Шихаб» без многословия и удлинения, то он решил привести его разъяснения в еще более кратком виде. О каком именно факихе идет речь, ад-Дарбанди не сообщает, однако очевидно, что речь идет о его учителе Абу ал-Касиме ал-Варраке. Далее ад-Дарбанди переходит к основному тексту, в котором он весьма кратко, в несколько предложений, резюмирует комментарии своего учителя.

Интересны упоминания ад-Дарбанди других своих сочинений. Прежде всего он многократно ссылается на свой труд «Шарх ал-албаб» (شرح الألباب), который, по его словам, является книгой «Шарх ал-Кабир». Это два названия одного сочинения. Исходя из косвенных данных, книга представляет собой расширенное толкование хадисов, возможно, самого «Шихаб ал-ахбара».

Ещё одно сочинение автора — «Ас-Сирадж» (السراج), сопровождаемое комментарием «Ал-Минхадж фи шарх ас-Сирадж» (المنهاج في شرح السراج). Из слов ад-Дарбанди следует, что эти произведения также являются комментариями к хадисам. При этом есть основания полагать, что ад-Дарбанди писал «Ал-Минхадж» почти одновременно с «Тухфат ал-асхаб». На свою знаменитую книгу «Райхан ал-хакаик» ад-Дарбанди ссылается лишь однажды, что дает нам возможность датировать составление «Тухфат ал-асхаб» примерно вторым или третьим десятилетием XII в.

Безусловно, «Шарх аш-Шихаб» и «Тухфат ал-асхаб» являются важными источниками, проливающими свет на крайне малоисследованные аспекты арабо-мусульманской культуры Баб ал-Абваба.

Алимджанов Б. А. (ИВ АН РУз, Узбекистан)

История Торгового дома «Братья Вадьяевы»

Одним из крупнейших еврейских фирм Туркестана был Торговый Дом «Братья Вадьяевы» (Роуjol, 1993). «Мы — туркестанские Ротшильды», — любил повторять Сион Вадьяев своим детям (Пужоль, 2004, с. 144). Торговый дом был учрежден в 1902 г. на правах полного товарищества. Фирма торговала мануфактурой с 1874 г. в Коканде, Маргелане, Андижане, Ассаке и Алтыарыке. Ежегодный оборот составлял 7 млн руб. В 1902 г. торговый дом имел в Ташкенте дом, стоивший 40 тыс. руб. и землю (20 тыс. руб.); в Коканде: 5 домов (80 тыс. руб.), землю (25 тыс. руб.) и хлопкоочистительный завод (30 тыс. руб.); в Андижане дом (45 тыс. руб.) и землю (5 тыс. руб.); в Ассаке завод (15 тыс. руб.); в Маргелане дом (12 тыс. руб.). Кредит в Госбанке 150 тыс. руб. и такой же в Русско-Китайском Банке (1902 г.) (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 14–14 об.).

В 1906 г. торговый дом расширил свою деятельность. Фирма торговала хлопком, пшеницей, холстом, проволокой, коконами, сахаром и чаем. По балансу фирмы (на 16 апреля 1906 г.): основной капитал составлял 7 млн руб., членских взносов — 2 млн 508 888 руб. 27 коп. Прибыли на 1905/06 г. получено 742 397 руб. 54 коп. В 1902 г. в Волжско-Камском банке торговому дому был открыт кредит в 50 тыс. руб., в 1907 г. — увеличен до 300 тыс. руб. По сведениям 1908 г., «Братья Вадьяевы» имели в Ташкенте участок земли и дом, стоившие 120 тыс. руб., 10 домов в Коканде и хлопкоочистительный завод (650 тыс. руб.), в Ферганской области 9 таких же заводов и два участка земли с домом в Андижане (290 тыс. руб.). Общая стоимость имущества составляла 1060 тыс. руб. Основной капитал торгового дома к 1908 г. достигал 3 млн руб., ежегодный оборот — 35 млн руб. (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 14–14 об.). Неудачный хлопковый сезон 1907/08 г. и крупные потери с американским хлопком сильно отразились на делах фирмы. Коммерческие банки сократили кредит торговому дому до 200 тыс. руб. Невзирая на сложный 1907–1908 г., фирма быстро восстановилась. В 1915 г. «Братья Вадьяевы» отправили из Туркестана в Москву в течение года около 6000 вагонов хлопка, что по нормировочной цене в Москве 32 руб. за пуд составил 96 млн руб. (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 32). В 1915 г. товарищество работало с Русским для внешней торговли банком и Госбанком. Кокандское отделение Госбанка финансировало «Братьев Вадьяевых» под дубликаты до 45 млн руб. из 80 % от стоимости хлопка и брало 6,5 % годовых (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 32). В 1915 г. основной капитал Вадьяевского товарищества достиг 3 млн руб. 81 % капитала принадлежал Торговому Дому «Братья Вадьяевы» (капитал 5 млн руб.) и 19 % Сиону Хаимовичу Вадьяеву (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 32 об.). Товарищество владело значительным количеством акций «Салолин», которое, в свою очередь, владело паями Андреевского товарищества (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 32 об.). Андреевское товарищество в свою очередь выполняло заказы Вадья-

евского торгового дома. Андреевское товарищество обязывалось по контракту в течение 5 лет (1913–1918 гг.) чистить и прессовать хлопок Вадьяевского товарищества на принадлежавшем Андреевскому товариществу хлопкоочистительном заводе на ст. Федченко (РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 760. Л. 2 об.–4).

Фирма Вадьяевых активно сотрудничала с коммерческими банками, которые вели свою деятельность в Средней Азии. В особенности Русско-Азиатский банк финансировал деятельность торгового дома, и регулировал финансовые отношения «Братьев Вадьяевых» с «Салолином». Под гарантию Русско-Азиатского банка в 1913 г. Волжское акционерное общество маслособойных и химических заводов «Салолин» выпустило на рынок 35 тыс. штук акций на номинальную сумму 3,5 млн руб. «Братья Вадьяевы» в письме Русско-Азиатскому банку просили разрешить им стать участником в выпуске акций Волжского акционерного о-ва «Салолин» на сумму 500.000 руб. (РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 760. Л. 5). Фирма Вадьяевых также активно сотрудничала с Волжско-Камским банком. Например, в 1908 г. было открыто Кокандское отделение Волжско-Камского банка. Первыми клиентами этого филиала были Торговый Дом «Братья Вадьяевы», Торговый Дом «Ю. Давыдов», бр. Крафт и Л. Кноп. В общей сумме им было выделено более 500 тыс. руб. (РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 394. Л. 42). Во время Первой мировой войны (в 1916 г.) в Кокандском отделении Волжско-Камского банка Торговому Дому «Братья Вадьяевы» был открыт кредит в 10 млн руб. (РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 300. Л. 13–13 об.). За все время своего существования филиалы Волжско-Камского банка в основном обслуживали еврейские фирмы. Вадьяевы, несмотря на все препоны и запреты, умели вести дела по всей империи. К 1916 году «Братья Вадьяевы» считались уже не только туркестанской фирмой, но общеимперской. В 1918 году все имущество Вадьяевых было конфисковано в пользу советской власти.

Алиазарова Д. В. (НУУз, Узбекистан)

Актуальные проблемы историографии истории военной печати Туркестана (по материалам периодики на иврите и староузбекской графике)

Материалы периодической печати на иврите и староузбекской графике занимают особое место в изучении военной печати Туркестана. Весь объем научно-исследовательской литературы, затрагивающей те или иные аспекты данного вопроса, в соответствии с проблемным принципом подразделен на следующие группы: 1) публикации периода завоевания Туркестанского края Российской империей; 2) исследования советского периода; 3) исследования, проведенные за годы независимости Узбекистана; 4) зарубежные научные работы.

Изучение архивных источников, опубликованных и неопубликованных произведений привело к пониманию того, что первые полиграфические предприятия на территории Туркестана возникли во второй половине XIX в.¹ После завоевания Туркестана Россией, в Ташкент из центра была привезена небольшая типография, начавшая работать уже в 1868 году². В 1869 году в Ташкент завезли другую типографию, предназначенную для выпуска официальной газеты «Туркестанские ведомости» — первого периодического издания в Средней Азии. Типография получила также арабский шрифт, на котором печатались приложения к «Туркестанским ведомостям» на узбекском и казахском языках. «Туркестанские ведомости» увидели свет 28 апреля 1870 г. Эта газета была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства. Государственные (официальные) газеты и журналы должны были стать печатными политическими органами государства, деятельность которых была направлена на внедрение государственной идеологии путем распространения официальной информации. Следует подчеркнуть, что газеты «Туркестанские ведомости» и «Туркистон вилоятининг газети»³, издававшиеся в Туркестане в 1870–1917 гг.⁴, в отличие от других газет, выходили сравнительно продолжительное время.

Наряду с официальными, в 1890-е годы в Туркестане стали выходить частные газеты на русском и еврейско-таджикском языке. Для примера можем привести следующие газеты: «На рубеже», «Кокандские известия»⁵, «Фергана»⁶, «Новая Фергана»⁷, «Кокандский листок»⁸, «Голос Ферганы»⁹, «Ферганские отклики», «Ферганская жизнь», «Туркестанский край»¹⁰, «Туркестанский голос»¹¹, «Туркестанское слово», «Русский Туркестан», «Ташкентский курьер», «Туркестанский курьер»¹², «Утро Ферганы» и «Андижанский листок»¹³, а также первая в истории

¹ Чабров Г. Н. Из истории полиграфии и издательства литературы на местных языках в революционном Туркестане (1868–1917 гг.). САГУ, 1954. С. 77–96; Книгопечатание в Средней Азии конца XIX начала XX вв. М., 1964. С. 592–593.

² Юлдашев З. Развитие книгоиздательского дела в Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 1969. С. 10.

³ «Туркистон вилоятининг газети» — первая газета на узбекском языке, начала издаваться с 30 января 1883 г. в количестве 500 экземпляров под редакторством Н. Остроумова.

⁴ Шодмонова С. Архивные документы — важный источник изучения истории периодической печати Туркестана. По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан // Вестник архивиста. М., 2009. № 3. С. 23–37.

⁵ НА Уз. Ф. И-1. Оп. 8. Д. 506. Лл. 1–5.

⁶ Фергана. 1906. № 1.

⁷ Новая Фергана. 1906. № 1.; НА УзИ-19. Оп. 1. Д. 28719. Лл. 4–5, 17–18, 30.

⁸ НА Уз. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 28853. Л. 51.

⁹ НА Уз. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 28853. Л. 58; Д. 153. Л. 4; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 968. Лл. 13–15.

¹⁰ НА Уз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1764. Лл. 2–4; Лл. 12–14.

¹¹ НА Уз. Ф. И-19. Оп. 4. Д. 29528. Лл. 135, 148, 152; НА Уз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1764. Лл. 12–14.

¹² Абдуазимова Н. Ўзбекистон журналистикаси тарихи. Тошкент: Академия, 2002. Б. 175.

¹³ НА Уз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 29528. Лл. 135, 148; Д. 29440. Л. 138.

газета на языке бухарских евреев «Рахамим»¹. Частные газеты отличались от официальной печати разносторонностью содержания, подачей отзывов различными слоями общества. Их издатели сталкивались не только с проблемой материального обеспечения, но и с давлением цензуры.

В начале XX века по инициативе и усилиями джадидских просветителей были созданы такие газеты, как «Тараккий» (1906)², «Хуршид» (1906), «Шухрат» (1907)³, «Осиё» (1908). Это стало важным событием в истории узбекской культуры: зародилась национальная печать на староузбекской графике. Все государственные и общественные деятели, представители сферы образования, науки и культуры внесли достойный вклад в становление и развитие национальной печати своими публицистическими статьями и произведениями искусства. М. Бехбуди, И. Ибрат, О. Махмудов, Х. Макаев, Н. Туракулов⁴ были в числе таких государственных, общественных деятелей и первых военных журналистов. В 1914–1915 гг. в Туркестане выходили газеты «Садои Туркистон» и «Садои Фергана». С этого времени начался период гонений на джадидов. На протяжении длительного времени они не могли возобновить издание газеты. Попытки создания и возобновления издательства делались неоднократно⁵. Так, И. Ибрат и О. Махмудов, являясь основателями первых национальных газет в Ферганской долине, несколько раз обращались в органы правительства и получали отказные письма в публикации газет на национальном языке.

Отдельный спектр проблем военной печати получил частичное разрешение в исследованиях И. Лурье. В коллективной монографии под его редакцией, подготовленной израильскими, российскими, американскими и немецкими исследователями и посвященной различным аспектам жизни евреев в Российской империи, приводятся факты об издании в 1910 г. в Фергане первой газеты бухарских евреев «Рахамим» на иврите, в которой публиковались статьи и стихи, направленным против колониального гнета. Историография на иврите занимает значительное место в исследованиях военной печати. Среди них следует особо отметить газету «Рахамим» — первую в истории газету на языке бухарских евреев, издателем которой был Рахамим Давидбаев, богатый бухарский еврей, который привез из Люблина все необходимое для выпуска газеты оборудование. В основ-

¹ «Рахамим» (*иврит*. רַחֲמִים). 22 мая 1912. № 15.

² Алимова Д. А. Джадидизм с Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. С. 9.

³ Шодмонова С. Архивные документы... С. -37.

⁴ Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент: Ўзбекистон, 2000. С. 9; Танларган асарлар / Ибрат Исхокхон Тура; отв. редактор: Бегали Косимов. Тошкент: Маънавият, 2005. Б. 5; Каримов Н. Фаргона жадидларининг сарвари // Водийнома. № 1. Андижан, 2016; Расулов А. Н., Исоқбоев А. А. Татарское просветительство и система национального образования в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.) // Историческая этнология. Москва, 2020. Том 5, № 1. С. 146; Каримов Н. Назир Туракулов — биринчи ўзбек дипломати. Маориф ва матбуот жабхаларида // Водийнома. № 4. Андижан, 2017. Б. 20–40.

⁵ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 29440. Лл. 50, 138, 159.

ном в газете печатались мировые новости, переведенные из русских газет, однако были материалы и на еврейские темы как общего, так и местного значения. Газета выходила раз в неделю до 1916 г.¹ Привлекает внимание, что, будучи частной газетой, газета печаталась в официальной типографии «Ферганские областные ведомости» и, в отличие от других частных газет, издавалась долго, при том, что путь ее издания был нелегким.

О военной печати Туркестана отечественными и зарубежными учеными было написано много монографий и статей, посвященных различным проблемам ее истории. Выходило много официальных и частных газет, однако первая военная газета в Узбекистане издавалась с 1918 по 1921 г. под названием «Красноармеец», а с 1921 по 1938 г. под названием «Красная Звезда». С февраля 1938 г. газета была переименована во «Фрунзевец» и до 24 июня 1992 г. выходила как печатный орган Туркестанского военного округа. Хотя эти газеты раскрывают и дополняют военную тематику истории Узбекистана. Но, материалы периодических изданий на иврите и на староузбекской графике являются основным источником для решения актуальных задач историографии истории военной печати Туркестана.

Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)

О визуальных источниках по истории Казахской АССР: некоторые вопросы изучения²

Зримые образы, воплощенные в разных документальных и художественных форматах (рисунок, фото, карикатура, плакат, живопись, кино, декоративно-прикладное искусство и др.) в рамках междисциплинарного подхода служат дополнительным средством для понимания особенностей социальных иерархий и коммуникаций, примет времени, уточнения хронотопов и персональных «вкладов» в те или иные процессы. Важными компонентами осмысления динамики социально-культурного пространства Казахской АССР (КАССР, 1920–1936 гг.) становятся фотографии и документальное кино, где отображение и отражение реальности соединены. Однако их востребованность в историографии КАССР пока явно недостаточна. Лишь С. Шилдебай целенаправленно вводит в оборот новые фотографии советской номенклатуры, расширяющие познавательное поле просопографии 1920–1930-х гг.

¹ История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / Под ред. И. Лурье. Т. II. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2012. С. 231.

² Доклад выполнен в рамках ИРН АР14871932 «Аудиовизуальные сюжеты социальной истории и культурной памяти казахстанского общества (конец XIX — нач. XXI вв.)»

Кино как средство культурного воздействия было особенно востребовано в раннесоветский период. «При колоссальном разноязычии и значительной неграмотности населения, — подтверждал «Советский экран», — кино, живо иллюстрирующее бытовые условия, практическую жизнь и пр., может явиться тем общим языком, который станет понятен всем этим отсталым народам Востока». Его следовало сделать «доступным, понятным», то есть «соответствовать культурному уровню и пониманию масс», правильно отражая их бытовые условия¹. Но для трансляции советских идей, символов и образцов на носителей разных культур и их полноценной репрезентации во всесоюзном культурном пространстве использовать кинематограф было сложно из-за дефицита средств и соответствующей техники, проблем с переводом на национальные языки и вследствие неразвитости коммуникаций, должной инфраструктуры, связывающей все регионы огромной страны. Трудной задачей стало производство кинопродукции для национальной аудитории с участием самих представителей многочисленных народов СССР. Масштабы развития собственного кинопроизводства были малы, а фильмы не ориентировались на отдельную этническую общность из-за объективного недостатка средств и иных возможностей. Документальное кино скорее имело познавательный и популяризаторский характер.

В Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписей (ЦГА КФДЗ) РК первый кинодокумент относится к 1925 г.: немой фильм из 3 частей «Пятилетие Казахстана» Алма-Атинского производственного отделения Всероссийского акционерного общества «Востоккино». Всего в архиве имеется 25 документальных фильмов 1925–1939 гг., в т. ч. 13 немые, на казахском языке или на двух языках — 16, один звуковой 1938 г. «Цветные металлы» на английском языке Алма-Атинской студии кинохроники (режиссер, оператор — И. Колсанов). 6 фильмов сняты Востоккино, один — Грузияфильм (об участии знаменитого акына Джамбула в юбилее Ш. Руставели в Тбилиси). 3 фильма посвящены самой знаменитой стройке первой пятилетки — Туркестано-Сибирской железнодорожной магистрали (построена в 1927–1930 гг.). Политико-просветительный характер имеют фильмы «Быт и жизнь Казахстана» 1927 г., «Золотые берега» и «Национальный полк» 1930 г., «По Казахстану» 1935 г., «К выборам в Верховный Совет СССР», «Колхозы Казахстана», «Колхоз миллионер “Луч Востока”» 1937 г., «Выборы в Верховный Совет Казахской ССР», «К выборам в Верховный Совет СССР» и «Ликующий май» 1938 г., «Двадцать вторая годовщина Октября» 1939 г. Характерные названия, сходная сценография и стилистика призваны демонстрировать успехи социалистического строительства, сделав зримыми и доступными для всех представления о качественных трансформациях в экономике, социальной сфере, культуре республики.

Говорящие названия имеют и другие фильмы: «Знаешь ли ты животный мир Казахстана?» 1930 г., «По Казахстану» 1935 г., «Хан-Тенгри» 1936 г., «Шелковая

¹ Советский экран. 1927. № 52. С. 1.

девушка» 1936 г. о молодом театре республики, «Народный поэт Казахстана орденоносец Джамбул» 1937 г., «Советское искусство» 1937 г., «Ликующий май» 1938 г., «Побежденная пустыня» 1938 г., «75-летие творческой деятельности Джамбула» 1938 г., «Цветные металлы» 1938 г., «Цветущий Казахстан» 1939 г., киноочерк в 5 частях «Советский Казахстан» 1938–1939 г. Все они так или иначе содержат ценнейшую визуальную информацию о развитии КАСССР в 1920–1930-е гг. Несмотря на идеологическую заданность, кинодокументы дают возможность представить наиболее важные стороны жизни людей в развитии, охарактеризовать режиссерские замыслы, динамику мастерства создателей фильмов и социально-культурное значение советской реальности в ее фактологии и кинематографической мифологии, которая присутствует как многогранная константа в любом культурном тексте.

Документальные фильмы при их агитационно-пропагандистском и культурно-просветительном назначении содержат ценный комплекс информации о разных сторонах жизни и деятельности регионов, встречах с политическими лидерами, торжественных мероприятиях в честь государственных праздников, чествовании передовиков производства, открытии и запуске новых производственных и социальных объектов и пр. В 1920-е гг. уже сложился общий стандарт содержательного наполнения и стилистики подобных визуализаций. Хроники представляют собой способ репрезентации власти и дают представление об инструментарию социально-культурных и политических технологий. Материалы о советской модернизации в КАСССР важно изучать в комплексе с документальными публикациями и исследованиями. В РК анализ визуального контекста советской модернизации лишь начинается.

Анарбаева Г. (ЖАГУ, Кыргызстан)

Расселение южно-киргизских племен в XVIII–XIX вв. в исторических источниках

В первой половине XVIII в. от Бухарского ханства отделяется Ферганское владение, на территории которого образуется самостоятельное Кокандское ханство. В середине XIX в. в Кокандское ханство входили: вся территория современной Ферганской долины, большая часть Семиречья, горные районы Киргизии, Ташкентская область и юг Казахстана. В этот период Кокандское ханство было самым большим по площади и самым многонациональным по составу населения. Экономическими и политическими центрами были города: Коканд, Ташкент, Андижан, Наманган, Маргелан, Ходжент, Ош, Чимкент и др. Столицей ханства был город Коканд. Верховным правителем государства являлся *хан*. Он правил страной с помощью визиря (*вазир*). Во главе войска (*сарбазов*) стоял *амири-лашкар* —

главнокомандующий. Отдельные отряды возглавляли *мингбоши* (тысяцкие). За использованием расходов из ханской казны следил *мехтар*. Судебную власть осуществлял *кази-калян*, муфтии и *раисы* следили за выполнением мусульманами норм шариата и правил морали. За тяжкие преступления против государства сам хан определял вину подсудимого. При кази-каляне была учреждена канцелярия (*диван*), состоявшая из *аллома* (знатока шариата) и 12 муфтиев. Они выносили приговоры по уголовным делам. За правопорядок на местах отвечали *мир-шабы*. За правильностью мер и весов и соблюдения религиозных обязанностей наблюдал *мухтасиб*. В ханстве существовали такие наказания, как содержание в *зиндане* (подземная тюрьма), пожизненное заключение в *канахона* (подземная тюрьма с более строгими условиями содержания). За некоторые провинности применялись физические наказания, штрафы, а за особо серьезные преступления — смертная казнь.

Согласно методологическому принципу историзма и системности историческое развитие кыргызского народа не могло развиваться иначе, как в составе доколониальных среднеазиатских сообществ, то есть в местной административно-политической, социально-экономической и духовной системе. Вдобавок примерно половину основного населения Кокандского ханства составляли ферганские кыргызы и кыпчаки, а в период 1820–60-е годов все кыргызы, хотя и номинально, входили в состав ханства. Это обстоятельство бесспорно доказывает, что Кокандское ханство было государственностью населения всей Ферганской долины, в том числе и кыргызской государственностью

Этнический состав Кокандского ханства и его этническая история изучены далеко недостаточно. В советское время исследование проблем этногенеза всегда происходило с «марксистских позиций, что имело важное научно-теоретическое значение в борьбе с буржуазными теориями в национальном вопросе».

По мнению ученого С. Н. Абашина, основная трудность изучения этнического состава среднеазиатского населения заключается не с только в недостатке информации, сколько в методологической предвзятости взгляда на историю его формирования, заранее подразумевающего, во-первых, непременно обязательное наличие этносов, как основных форм подразделения общества; во-вторых, довольно ограниченный набор самих этих этносов, число которых уже predetermined в идеологии и устройстве национальных государств современной Средней Азии.

Большинство современных ученых в своих трудах, относящихся к истории Кокандского ханства, пишут, что население Кокандского ханства в основном составляли узбеки, кыргызы, таджики и казахи. В отчете «покорителя и строителя Туркестанского края» генерал-адъютанта К. П. Кауфмана от 1895 г. приводится совсем другой список «коренных народов» Туркестана: статистическая информация о народонаселении Генерал-губернаторства определяет его численность «приблизительно в 3.150.000 душ... Оно состоит из: таджиков, узбеков, каракалпаков, кипчаков туркмен, сартов, киргиз, кураминцев, татар, чалаказаков, таранчей, дунган, монгол-китайцев, калмыков и затем в малом числе рассеянных

в крае: индийцев, персиян, евреев, арабов, афганцев и цыган». Число киргизских племен до завоевания Россией было неизвестно. Написав, что не может дать точных сведений о численности кара-кыргызов, В. В. Радлов сослался на то, что у российского правительства нет точных статистических данных по этому поводу. Далее ученый пишет, что «по словам знакомых мне аристократов Кокон составляет 80 000 дымов, включая все кыргызские племена, подчиненные Китаю. Так что это означает, что население составляет более полумиллиона человек», — написал он.

«Киргизское» население края исчислялось приблизительно около 1 500 000 душ обоого пола. В состав его входили «степные киргиз-кайсаки (большой, средней и малой орды) или «казак», как сами они себя называют» и «горные каракиргизы, приведенные в наше подданство в относительно позднейшее время». По своей численности киргизское население края составляет около половины местного народонаселения. Кипчаков «более 70 000 душ», составляя и они составляют «около 9% всего ферганского народонаселения. Поддерживаемые каракиргизами, кочующими в Ферганской долине, кипчаки играли очень видную роль во всех движениях и смутах, театром которых было Кокандское ханство до подчинения его русской власти».

Асланлы Г. (НАНА, Азербайджан)

Об истории спорта в древнем и средневековом Азербайджане

Спорт как система соревнований по разным комплексам упражнений и проведения тренировок прошел большой эволюционный путь. Испытания по различным физическим действиям и трудовым навыкам, виды поединков, куда входили борьба, поднятие тяжестей, стрельба из лука и т. п., можно считать первыми видами спорта.

В Азербайджане борьба была издревле распространенным традиционным видом спорта. В легендах и сказках, в древних литературных источниках много говорится о состязаниях борцов. В дастане «Китаби Деде Горгуд» наряду с борьбой описаны и другие виды единоборств. Отмечается также, что в Азербайджане состязания по борьбе, этому древнейшему виду спорта, проводились в особых местах, называвшихся *зорхана*.

Древние тюркоязычные народы большую часть жизни проводили верхом на лошадях, поэтому большинство спортивных состязаний проходило на лошадях. Среди тюркоязычных народов были широко распространены такие спортивные состязания, как скачки, борьба верхом на лошадях и др. Командная игра *човган* (вид конного поло) сформировалась в середине I тыс. и была популярна в Азербайджане,

Центральной Азии, Иране, Турции, Ираке и других соседних странах. Давняя популярность соревнований по *човгану* в Азербайджане подтверждается изображением их на азербайджанских миниатюрах и в письменных источниках древности.

В Средние века в Азербайджане широкое распространение получил интеллектуальный вид спорта — шахматы. В шахских дворцах шахматы были любимым занятием. В ряду шахматистов Азербайджана было немало и женщин. Известная азербайджанская поэтесса Мехсети Гянджеви (XII в.) хорошо играла в шахматы. Сведения о том, что она была искусной шахматисткой, имеются в произведениях ее современников. Кстати, запись шахматных партий Мехсети Гянджеви дошла до наших времен.

В нашем исследовании на основании многочисленных источников и примеров мы постараемся показать, что развитие спорта в Азербайджане имеет древнюю историю, причем виды спорта были весьма разнообразны — от *човгана*, скачек, метания копья, различных видов борьбы до шахмат.

Болашенкова Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Древняя история в школьных учебниках постсоветского Таджикистана

Интерес к древности и средневековью, поиск золотого века в прошлом, романтизация определённых исторических периодов и деятелей — тенденции, в той или иной степени характерные для всех государств Центральной Азии после 1991 г. Яркий тому пример — Республика Таджикистан. Наиболее заметным явлением в случае Таджикистана представляется внимание к эпохе Саманидов (IX–X вв.). Однако существует еще один, не менее интересный сюжет: изображение древнего, доисламского периода, в школьном образовании.

Для настоящего исследования был использован учебник «Таърихи қадими халқи тоҷик» («Древняя история таджикского народа») для 5-го класса, изданный в 2000 г. и приобретенный нами в Таджикистане в 2014 г. (автор — Ю. Яъкубов, редактор — М. Ансор)¹. Подзаголовок издания — «Замони ориёӣҳо» («Время ариев»), а темы его охватывают период от палеолита до Кушанской державы включительно. С данной программы начинается изучение отечественной истории в общеобразовательных школах Таджикистана (с.3). На обложке изображены золотые предметы из Амударьинского клада (их относят к Ахеменидскому времени) и скульптурная группа всадников из Халчаяна (археологический памятник кушанского времени, ныне на территории Узбекистана).

¹ Яъкубов Ю. Таърихи қадими халқи тоҷик (замони ориёӣҳо). Китоби дарсӣ барои синфи 5. Алмато, 2000.

В изложении материала обращают на себя внимание две основные тенденции. Первая — максимальная древность и продолжительность представленной истории народа. Повествование начинается с происхождения первобытного человека, в частности, упоминается неандертальский мальчик из Тешикташа (с. 9); далее немало страниц посвящается археологическим культурам каменного века, первым орудиям труда и др. (с. 10–31). Вторая характерная черта — переплетение исторических и легендарных событий, а также привлечение Авесты в качестве одного из основных источников (в некоторых случаях ее сведения оцениваются критически, в других — приводятся без комментариев). Довольно часто рассказы Авесты иллюстрируются цитатами из «Шахнаме». Так, в параграфе об освоении древним человеком огня упоминается царь Хушанг, с которым по легенде связано это событие, а затем следуют соответствующие строки Фирдоуси (с. 15).

Около половины глав посвящено каменному, меднокаменному и бронзовому веку. В научное повествование плавно вплетены имена легендарных царей из династий Пишдадидов и Кеянидов, а также сюжеты, знакомые читателю по Авесте и «Шахнаме».

В первой главе, непосредственно после параграфа о ледниковых периодах («Яхбандихо ва инсонхо»), излагается предание об оледенении из Авесты («Афсонаи яхбанди дар “Авасто”»), в котором легендарный царь Джамшид по воле Ахура Мазды строит вару (крепость), чтобы спасти людей и все виды живых существ от грядущей долгой и страшной зимы (с. 17). После, когда земли Джамшида становятся тесны для людей и животных, он при помощи Ахура Мазды и магических предметов трижды расширяет свои владения — сюжет, который часто возводят к миграциям индоевропейцев на юг и восток (с. 19).

Главы IV и V («Пайдо шудани аввалин давлатхо дар Ориёно» и «Пайдо шудани давлати бузург дар Ориёно Шарқӣ дар асрҳои XVII–XV П. М.»), посвященные ранней государственности на территории Арианы, содержат особенно подробные пересказы священных текстов зороастризма в сопровождении многочисленных цитат из Фирдоуси. На этих страницах есть предания и о сотворении мира Ахура Маздой и его противостоянии с Ахриманом (с. 57), и о царствовании Джамшида (с. 58), и о борьбе Фаридуна с Заххаком (с. 59), и о разделении земель между сыновьями Фаридуна (с. 60). Далее рассказывается о царях из династии Кеянидов: Кей-Кобаде (с. 68), Кей-Кавусе (с. 69) и Кей-Хосрове (с. 70); о враге последнего — Афрасиабе (с. 72); о правлении Гоштаспа (Виштаспы), во времена которого появляется Заратуштра, пророк новой веры (с. 73). Рассказывается и о сыне Гоштаспа, богатыре Эсфандияре, сражавшемся с вражеским царем Арджаспом (с. 75). Упоминаются также мудрец Джамасп (с. 76) и другие персонажи.

Наконец, особенное внимание уделяется зороастризму (с. 78–96). Рассказывается о происхождении и жизни пророка Заратуштры (с. 78); об Авесте, её кодификации и истории открытия её европейцами (с. 80). Особенно подробно рассмотрены отдельные книги, входящие в состав Авесты (с. 84). Раскрываются и некоторые зороастрийские представления о мире, о добре и грехе (с. 91). Отдельно говорится о культовых сооружениях (с. 93) и праздниках (с. 94) зороастрийцев.

С некоторой осторожностью можно предположить, что подчеркнутое внимание к зороастризму и, говоря шире, маздеизму связано с общей тенденцией постсоветского Таджикистана к развитию национальной идентичности в противовес исламской. Примечательно, что в учебнике истории для 6-го класса¹ главы, посвященные возникновению и распространению ислама («Зухуроти ислом», «Густариши ислом») сконцентрированы преимущественно на политической истории Арабского халифата, завоеванию им Средней Азии, среднеазиатскому сопротивлению и местной культуре, но не на самих догматах веры Мухаммада. Собственно истории ислама (с. 111–114) и его столпам (с. 118–119) отведено значительно меньше страниц, чем истории и основам доисламских верований в предшествующем учебнике.

Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)

Бухарские первичные источники о военных действиях Российской империи на территории Бухарского эмирата в 60-х гг. XIX в.

Бухарский эмират являлся самым развитым государственным образованием на территории Средней Азии. О довольно высокой культуре эмирата свидетельствует большое количество рукописных произведений просвещенных людей Бухары, дошедших до наших дней. В них содержатся ценные сведения о социально-политической и экономической истории Бухарского ханства II половины XIX в, а также описание противостояния русским войскам при наступлении России. К таким работам относятся «История Мухаммада Шарифа садра Зийа», «Изложение примеров в обстоятельствах жизни автора» Хамида Ибн Бака ходжа, «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре» Мирзы Шемса Бухари, трактаты Ахмада Дониша², «История мангытских государей» Абдалазима Сами³ и др.

Большое значение для изучения истории взаимоотношений Бухарского эмирата и Российской империи имеют работы Ахмада Дониша, который являлся современником событий присоединения Туркестана к России. Самыми известными произведениями Ахмада Дониша, как историка, являются его трактаты: «Политический трактат», являвшийся составной частью «Наводир ул-вакоъе» («Редкостные

¹ Яъкубшоҳ Ю. Таърихи халқи тоҷик (ибтидои асрҳои миёна). Китоби дарсӣ барои синфи 6. Душанбе, 2011.

² Ахмад Дониш. История Мангытской династии. Душанбе, 1967; Его же. Путешествие из Бухары в Петербург. Избранное. Душанбе, 1960.

³ Мирза Абдалазим Сами. Тарих-и Салатин-и Мангитийа (История мангытских государей). Издание текста, перевод, предисловие, примечания Л. М. Епифановой. М., 1962.

события») и «Исторический трактат» или «Рисола», другое название «История Мангытской династии».

Значительную часть «Рисола» составляет история войны эмира Музаффара с Россией. При написании трактата Ахмад Дониш использовал сочинения других авторов — Мухаммада Якуба, Абдулкарима Бухари и Мирзы Шемса Бухари. Большое место во второй части «Рисола» занимает описание сражений и всего хода военных действий, связанных с завоеванием Средней Азии Российской империей. У других местных историков, кроме Абдалазима Сами, об этом говорится обычно мало, а объяснения всего происходящего, как правило, очень короткие, иногда даже наивные. Например, в «Истории Туркестана» Муллы Алим-Махмуда-Ходжи говорится, что в нападении царских войск на Среднюю Азию был виноват кокандский хан, войска которого неоднократно разоряли принадлежавшие России земли.

Ахмад Дониш излагает ход событий в их хронологической последовательности, начиная с первых пограничных столкновений, включая завоевание Ташкента, Ирджарскую битву, сражение у Джизака (последние два сражения описаны достаточно подробно), сдачу Самарканда с предшествующей ей битвой на Чулпан-Атинских высотах и др. В то же время Ахмад Дониш дает развернутую картину общего положения дел в эмирате накануне и после войны. Он подробно разбирает причины, которые, по его мнению, привели к военному поражению. Повествование Ахмада Дониша в основном согласуется с мемуарами очевидцев и участников события со стороны русских¹, кроме некоторых частных моментов.

Среди сочинений по истории Бухарского эмирата II половины XIX в., в частности, касающихся завоевания его императорской Россией, полнотой фактического материала и оригинальностью освещения вопроса выделяется труд на таджикском языке бухарского историографа второй половины XIX в. Мирзы Абдалазима Сами «История мангитских государей» или «История мангитских эмиров». Ташкентский историк Л. М. Елифанова перевела этот труд на русский язык и в 1959 году защитила по нему диссертацию «Неофициальная версия истории Бухары Мирзы Абдалазима Сами «Тарих-и — салатин-и-мангитийа-и дар ас-салатина-и Бухара-и-шариф».

Труд Сами — это не только свидетельство современника, но и непосредственного участника многих описываемых им событий. Сами много лет служил при бухарских эмирах Музаффаре (1860–1885 гг.) и Абдалахаде (1885–1910 гг.) в должности *муниши* (личного секретаря), а во время войны с Россией находился в бухарском войске в качестве информатора — «вака-и-нигар» (букв. «записывающий события»).

¹ Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1903. 510 с.; Зиновьев М. А. Осада Ура-Тюбе и Джизака. Воспоминания об осенней экспедиции 1866г. в Туркестанской области // Русский вестник. 1868. Т.74. №3. С.129–183; Черкасов А. Защита Самарканда в 1868 г. // Военный сборник. 1870. № 9. С. 33–58; Каразин Н. Н. Зара-Булакские высоты // Каразин Н. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 9. СПб., 1905. С. 45–77; Иванов Д. Л. Под Самаркандом. Рассказ новичка. СПб., 1877. 172 с.; Верещагин В. В. Самарканд. 1868 // Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника. М., 1894. С. 1–55.

Отдельные части произведения Сами неравноценны по изложенному в них историческому материалу. Первая часть представляет собой как бы общее введение и является компиляцией фактов из истории Бухары до вступления на бухарский престол эмира Музафара. Вторая часть — это свидетельство современника, очевидца и участника о важнейших событиях в жизни Бухары за время царствования эмира Музафара. Она охватывает период завоевания имперской Россией Ташкента и части Бухарского эмирата, а затем жизнь ханства непосредственно после этих событий. Именно эта часть заслуживает самого пристального внимания, так как является самым полным и обстоятельным описанием важнейшего исторического периода в жизни среднеазиатских народов.

Таким образом, основное значение произведений Сами, как первоисточника заключается в том, что в них отражается внутренняя политическая и экономическая жизнь эмирата в период завоевания Средней Азии имперской Россией и после подписания Бухарой вассальной зависимости. Подробно освещая ход военных действий между бухарскими и русскими войсками, Сами демонстрирует общую техническую и военную отсталость в стране и показывает, как бухарское войско в столкновении с таким противником, как Россия, оказалось совершенно недееспособным.

Работы Ахмада Дониша и Абдулазима Сами представляют собой противоположные взгляды на взаимоотношения России и Бухарского эмирата. Значение подобных источников трудно переоценить, так как они являются ценнейшим фактологическим материалом, дающим представление о завоевании Средней Азии Россией со стороны ее противников.

Васильцов К. С. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Морфология религиозного пространства Бадахшана: исмаилизм, шиизм (*исна'ашарийа*), суфизм

В XIX — начале XX вв. понятие «пространство» практически не играло самостоятельной роли в гуманитарном знании в качестве предметной области научных штудий. Основным, с точки зрения методологии исследовательских программ, оставался принцип историзма, с его акцентом на временные (темпоральные) отношения. В этом смысле классическое востоковедение изучало не-западные общества в рамках иерархических структур — по сути дела географическая удаленность от Европы виделась не как *за пределами Европы*, а как *до Европы*, в культурном, политическом, технологическом и прочих смыслах. Иной взгляд на пространство, проблематизация его как специального объекта исследования связан с именами М. Фуко, А. Лефевра, Э. Саида, Э. Соджа, утверждавшим, что та или иная культурная традиция в значительной степени определяет и формирует

коллективные представления о пространстве, воспроизводит, модифицирует или пересматривает «воображаемые территории», т.е. дискурсивные конструкции пространства, возникающие из сложного переплетения географии, власти и знания, отражающие социальные, религиозные и политические иерархии. В таком смысле пространство не только определяет географические или реальные границы, но одновременно содержит в себе и определенные не-пространственные культурные/религиозные символы и ценности (мифологические предки, герои, сакральные войны или события, мусульманские «святыне», места поклонения и т.д.).

Утверждение и *нативизацию* ислама в Бадахшане можно, вероятно, представить как постепенный процесс смены изначального *со-бытия* типологически различных мифологических и теологических парадигм (доисламские верования и ислам) и последующего их переосмысления в риторических структурах нового конфессионального пространства. Конкретные формы, фактическое содержание, логика и практика религиозных движений в Бадахшане, о которых с той или иной степенью уверенности можно судить на основании письменных исторических источников, устных/фольклорных нарративов (*хикайат*), генеалогий (*насаб-нама*), образцов народной поэзии (*мадх*), являются результатом, по крайней мере отчасти, смешения различных представлений, связывающих принятие исмаилитского *мазхаба* в Бадахшане с членами *ахл ал-байт* (Мухаммад, ‘Али, Фатима, Хасан, Хусайн), шиитскими имамами (Джа‘фар ас-Садик, Мухаммад Бакир, Зайн ал-Абидин) и иранскими суфиями (Джалал ад-дин Руми, Фарид ад-дин ‘Аттар), которые хотя и не имеют реальных исторических оснований, тем не менее, составляют значительный пласт культурной памяти бадахшанцев, во многих отношениях определяя, конструируя и сохраняя религиозную идентичность памирцев, включая бадахшанскую общину исмаилитов в «осевое время» и воображаемую географию ислама.

Вершинина М. В. (ИСАА МГУ, Москва)

**«Нам тоже надо приобщаться к наукам,
чтобы не проиграть в борьбе за существование»:
просветительская миссия азербайджанско-тюркских
интеллектуалов по материалам газеты «Экинчи»
(1875–1877 гг.)**

Одной из ключевых тем, поднимавшихся в дореволюционной периодической печати на азербайджанском тюрки, было просвещение мусульманского сообщества Южного Кавказа. Строительство школ и гимназий, чтение книг, газет и журналов,

приобщение к светским наукам, использование технических достижений других народов виделись единственным способом добиться прогресса мусульман как в отдельных регионах, так и в общемировом масштабе.

Создатель и главный редактор первой частной газеты на азербайджанском тюрки «Экинчи» (азерб. *Əkinçi* — «Пахарь», 1875–1877 гг.) Гасан-бек Зардаби (1842–1907) одним из первых начал разрабатывать риторику подобного рода. Изучение светских наук виделось решением практически всех проблем, обсуждавшихся на страницах «Экинчи». В одном из первых номеров газеты Зардаби писал, что «времена изменились, мы познакомились с обладателями научных знаний. <...> Нам тоже надо приобщаться к наукам, чтобы не проиграть в борьбе за существование, чтобы быть наравне с другими народами, иначе не выдать нам благоденствия. <...> Только упорный труд и изучение наук помогут нам»¹.

Поскольку российская культурная среда была европоцентрична, вовлекавшиеся в нее мусульмане, прежде всего, представители интеллектуальной элиты, знакомясь с наследием европейского Просвещения, неизбежно перенимали концепции и категориальный аппарат европейских гуманитарных наук. Сам термин «борьба за существование» отражает серьезное увлечение Зардаби эволюционной теорией Чарлза Дарвина (1809–1882), усвоенной им в период обучения на физико-математическом факультете Московского университета (1861–1865)².

По мнению Зардаби и его единомышленников, миссию по просвещению мусульманского населения Южного Кавказа, по адаптации его к новым условиям жизни должны были взять на себя представители интеллигенции. Успех их просветительской миссии во многом зависел от способности различных социальных групп объединить свои усилия. Авторы «Экинчи» призывали состоятельных людей выделять средства на строительство школ, приобретение типографского оборудования, подготовку учителей и т.д. Однако широкого отклика эти призывы не вызвали³.

Регулярно подвергая критике систему традиционного религиозного образования, авторы «Экинчи» отнюдь не считали религию источником существующих проблем. По их мнению, все дело было в устаревших обычаях, которые вели не только к невежеству, но и к несвободе⁴. Свобода понималась не только в духовном, но и в материальном плане, а освоение наук и технологий виделось залогом экономической независимости и процветания⁵.

Чтобы объяснить свою позицию понятным для широких масс языком, авторы газеты использовали религиозную аргументацию и обращались к религиозным авторитетам. Так, в одном из номеров была опубликована статья главы Закавказ-

¹ «Əkinçi», 20 sentyabr 1875, № 5

² Мамедов Ш. Ф. Мировоззрение Гасан-бека Меликова Зардаби. М.: Изд-во Московского университета, 1960. С. 7–13.

³ Там же. С. 25–26.

⁴ «Əkinçi», 17 mart 1877, № 6

⁵ «Əkinçi», 16 yanvar 1876, № 1

ского мусульманского духовного правления шиитского учения *шейх-уль-ислама* Ахмеда Гусейнзаде (1812–1887), в которой он объяснял важность изучения наук с точки зрения шариата¹.

Побуждение мусульман к освоению грамоты, получению образования и знаний о мире чаще всего сопровождалось их критикой и сравнением с другими более «успешными» народами. Зардаби регулярно отмечал, что «наш Восток (азерб. *Məşriq zəmini*) отстал от жителей Европы (азерб. *Avropa əhli*)»², и задавался вопросом: «Какова же причина, по которой мы, мусульмане, униженные и жалкие по сравнению с другими народами, игнорируем дела мира?»³. Подобную драматизацию и уничижительное отношение к самим себе можно объяснить в том числе влиянием иранского речевого этикета — *ta ‘arufa* (перс. تعارف).

В целом, анализ материалов газеты «Экинчи» дает некоторое представление о взглядах и просветительской деятельности тюрко-мусульманских интеллектуалов Южного Кавказа второй половины XIX в. Зардаби и его единомышленники мыслили в русле позитивизма и европоцентризма, воспринятого в результате знакомства с трудами русских, европейских и американских ученых. Материалы газеты отражают их интерес к эволюционной теории Ч. Дарвина (1809–1882), историческим исследованиям Г. Т. Бокля (1821–1862) и Дж. У. Дрейпера (1811–1882), тюркологическим работам А. Вамбери (1832–1913) и др. При этом, несмотря на восприятие позитивистской идеи конфликта между религией и наукой, а также идеи преодоления «отсталости» мусульманского общества путем распространения ценностей европейского Просвещения, азербайджанско-тюркские интеллектуалы гордились достижениями мусульманских ученых и использовали религиозную аргументацию. Обвинения были направлены против представителей духовенства, позабывших, с точки зрения авторов, о своей миссии трудиться на благо общества. Эту миссию должны были теперь взять на себя образованные и рационально мыслящие молодые люди, представители нового поколения тюрко-мусульманской интеллигенции.

Викторин В. М. (АГУ, Астрахань)

Ногайцы — оседавшие полукочевники Нижнего Поволжья в сер. XVIII–XIX вв.: источники различного порядка и ход текущих дискуссий

¹ «Экинчи», 1 yanvar 1876, № 12

² «Экинчи», 21 iyul 1877, № 15

³ «Экинчи», 1 yanvar 1876, № 12

Исследования ногайцев развернулись в Астраханском регионе к концу XX в., вызвав некое межтюркское раздражение (ногайцы понизовья прежде числились «татарами»). Потребность того возросла у самих ногайцев: и в Астрахани, и за её пределами. Приходилось сочетать источники наличные по здешним субэтно-группам: «юртовским ногайцам», или, по самообозначению, «нугае — татарам», потомкам выходцев с р. Яик — Урал (20–25 тыс. чел. вокруг г. Астрахани) и «ногайцам — карагашам» кубанского происхождения, из пленных у калмыков (7–9 тыс. чел., Красноярский уезд, район)

К устным, письменным и др. источникам добавим различие «первичных» (ногайцы о себе на письменном яз. "тюркӱ"), «переходных, или полупервичных» (они о себе же, но на русском) и «вторичных» (приезжие, военные и чиновники о ногайцах). Очевиден недостаток строго «первичных». Так, архивы «юртовских "мэхэллэ" — сельских кварталов», упомянутые ранее, обнаружить не удалось. Для понимания этапов миграции карагашей и их первых селений сейчас изучаются фрагменты «Рукописи о Сеитовке», бывшей у сельских аксакалов в неск. списках.

В число «переходных» и «иных письменных» включаем два послания на русском яз. от карагашей Сеитовки вице-канцлеру, графу К.В. Нессельроде от 25 декабря 1835 г. и 26 августа 1837 г.: «Мы, карагасцы <...> (берём. — В. В.) начало породы нашей от (горских) татар, допред кочевавших на реке Кубани, на (в) урочище Карагач...»¹. Хранились они в личном архиве просветителя и мухтасиба А.И. Умерова (1867–1933), умершего в ссылке, а затем у членов его семьи. Обнаружены они и опубликованы госслужащим — архивистом из г. Казани, астраханцем С. Т. Рахимовым.

Несомненна удача госслужащего - международника из г. Астрахани И. В. Торопицына, изучавшего в хранилищах Юга России офиц. реляции и отчёты (вторичные, от гражд. и военных служащих), обнаружившего указание, что ногайцы-«салтанаульцы» (сменили карагашей на кочевьях нынешн. Ставрополя. — В. В.), скрывались от царских войск в феврале–апреле 1743 г. «в урочище "карааган"»². Переписчик точно наметил исходный этноним «кара-аган» (русск. «тёмный лес»), но с досадной опiskeй в конце.

Мв сожалели, что два автора, почти однокашники на истфаке в г. Астрахани, даже не процитировались взаимно³. Обнаружен нами был и юртовский документ переходного типа. Сообщая начальству опросные статданные, старшина Царевской волости Исхак Мухаммедов сообщал в 1877 г.: «Предки наши были Юрт-Ногай, из Азии пришедше..., жизнь вели кочевную <...> (до) приезда царя

¹ Цит. по: Рахимов С. Т. Габдрахман Гөмәри: фәнни-биографик жыентык (Абдурахман Умеров: научно-биографич. сб.). Казан, 2002. Б. 351, 365.

² Торопицын И. В. Россия и ногайцы: поиск путей самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011. С. 341

³ Викторин В. М. Мурзы и эмки в этносоциальной среде ногайцев-едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII–XIX вв.: к эволюции их сообщества при переходе к оседлости // Тюркологический сборник (Turkologica). 2011–2012. М., 2013. С. 61–62 и сн. 2.

Петра»¹. Дискуссия наметилась по статусу мурз — глав оседавших в сёлах юртовцев (карагаши мурз не имели). Выяснилось, что редкие генеалогии (и у возм. чингисидов Жингуржиных — Джангуршиных — Ямгуреевых, и у едигееидов Урусовых и Тин(м)баевых) подкреплены документально². На что деликатно, но твёрдо указал проф. В. В. Трепавлов из г. Москвы³.

Но мурзы Урусовы, мусульмане, не подтвердили у имп. Николая I свой княжеский титул, а Джангуршины — Жингуржинны (вероятные потомки враждебного русским хана Ямгурчя), на дворянство и не претендовали. Все они к 1840 г. поверстались в астраханское казачество, став урядниками и офицерами. Младший Урусов, сотник Исхак, бежал, скрыв имя, в туркменский Красноводск, а Батыр Тимбаев был репрессирован и выслан. Вести речь о документальной полноте в этих семьях невозможно, используя взамен лишь «первичные устные» данные.

Итак, в сложных региональных темах приходится связывать разнородные источники, анализируя их — и стремясь, при спорах и обсуждениях, к поискам разноязычных новых.

Гасимов А. (Институт истории НАНА, Азербайджан)

Из истории водоснабжения города Баку

Вопрос снабжения населения Азербайджана питьевой водой был актуален во все периоды истории. Эта проблема была более ярко выражена в городе Баку и на Апшеронском полуострове. До строительства первого водопровода бакинцы использовали для питья некачественную колодезную и опресненную морскую воду. В то же время питьевую воду доставляли в Баку на кораблях из Астрахани и продавали населению за деньги. Богатые жители города использовали воду, поступавшую из родников по глиняным трубам. Отсутствие воды в городе Баку, антисанитария на улицах часто приводили к распространению инфекционных заболеваний.

На фоне бурного развития капиталистического и промышленного производства в XIX и начале XX-го веков обеспечение питьевой водой быстро растущего населения Баку стало очень сложной задачей. В связи с этим в Бакинской городской думе были обсуждены несколько проектов, связанных с водоснабжением города,

¹ Викторин В. М. Мурзы и эмеки в этносоциальной среде ногайцев-едисанцев (джетисанцев) при г. Астрахани в XVII–XIX вв.: к эволюции их сообщества при переходе к оседлости // Тюркологический сборник (Turkologica). 2011–2012. М., 2013. С. 61–62 и сн. 2.

² Там же. С. 65–67.

³ См.: Трепавлов В. В. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 106–108 и сн. 42.

и было принято решение о строительстве водопровода Шоллар-Баку. Строительство этого водопровода началось в 1903 г. и было завершено в начале 1917 г.

В конце 1920-х годов развитие промышленности и рост населения породили необходимость строительства в Баку нового водопровода с питьевой водой. В 1929 г. было принято решение о строительстве нового водопровода от Хачмаза до Апшерона, которое было завершено в 1958 г. В 1961 г. для улучшения водоснабжения населения Баку было сдано в эксплуатацию Джейранбатанское водохранилище. В результате масштабных мероприятий, реализованных в этом направлении в советское время, особенно в 1970-е и 1980-е годы, были достигнуты большие успехи по обеспечении жителей Баку питьевой водой. В 1970–1971 гг. был создан Комплекс Куринских водоочистных сооружений, который считается одним из крупнейших водоочистных сооружений в Советском Союзе.

С восстановлением независимости в Азербайджане проделана огромная работа по строительству трубопровода Огуз-Габала-Баку в 2007–2010 гг., что обеспечило стабильность водоснабжения в большинстве районов города Баку.

Из всего этого можно сделать вывод, что вопрос снабжения населения города Баку питьевой водой всегда был актуален, а мероприятия, осуществленные в разные периоды, оказали положительное влияние на решение этой проблемы.

Гуцян Л. С. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Езидские коллекции А. А. Лорис-Калантара из собрания ЭО РМ (РЭМ)

А. А. Лорис-Калантар — ученик Н. Я. Марра, археолог, востоковед и этнограф, который, по окончании СПбИУ, в 1912 г. стал одним из фондообразователей Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. Поступив по ходатайству своего учителя на должность внештатного сотрудника музея (корреспондента ЭО), он занимался регистрацией коллекций и принимал участие в ряде собирательских экспедиций в регионе Южного Кавказа. В мае 1912 г. по заданию ЭО А. Лорис-Калантар был направлен в Эриванскую губ. и Карскую обл. для собирания материалов по этнографии езидов, армян, персов и татар. В ходе экспедиции были собраны 8 вещевых (127 предметов) и 3 фотографических (61 фотография) коллекций. Результатом исследовательской поездки стало обширное и одно из наиболее представительных собраний вещевых памятников и фотоматериалов курдов-немусульман (кол. 2859). В состав коллекции, состоящей из 109 экспонатов, вошли предметы мужского, женского и детского костюмов, утварь, ковры и оружие. В музей также были переданы 32 фотографии: снимки представителей различных социовозрастных групп, а также портрет исследователя с предводителем одного из езидских племен — Усуб-беком.

Будучи уже опытным музейным сотрудником, а также основываясь на концепции сбора вещевых материалов, разработанной в ЭО, А. А. Калантар отдавал

предпочтение не отдельным предметам, а комплексам — костюмным, вооружения, атрибутам женской и мужской субкультуры, отражающим традиционную культуру езидов. Именно на основании данных музейных коллекций мы можем рассуждать как о различиях, так и об общих чертах бытовой культуры, в частности в составе, материале и способе декорирования костюмов двух локальных езидских групп — из Эриванской губ. и Карской обл.

Фотографии, сделанные во время полевых исследований, также представляются ценным источником, демонстрирующим религиозно-ритуальный аспект культуры, а также, что не маловажно, способ ношения тех или иных элементов костюма.

За проделанную полевую работу А. Лорис-Калантар был удостоен благодарности от Совета ЭО за подписью заведующего отделом Н. Могилянскогo и секретаря Совета А. А. Миллера. К своему отчету, написанному в 1913 г., А. Лорис-Калантар приложил письма в адрес Совета ЭО, в одном из которых он сообщал о помощи, оказанной ему во время этой сложной поездки. Кроме «родоначальника всех курдов-езидов Кавказа» Усуб-бека, им были отмечены секретарь предводителя Татевос Григорян, управляющий Сурмалинским у. Рашид хан Макинский, а также Хачатур-бек Мелик-Вртанесян и Арташес Пахлавуни. А. Лорис-Калантар подчеркивает: «Без их содействия работы мои значительно затруднились бы, а может быть, и встретили бы очень серьезные препятствия». Обращенная к Совету просьба А. Лорис-Калантара была выполнена, о чем свидетельствуют архивные документы, содержащие благодарственные письма указанным лицам.

Таким образом, в результате экспедиционных исследовательских поездок А. А. Лорис-Калантара был сформирован комплексный (архивный, вещевой и фотографический) материал по этнографии езидов, хранящийся в настоящее время в РЭМ.

Джандосова З. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Индийский цикл» Мирзо Турсунзаде: пропаганда, традиция, конъюнктура, вдохновение?

Классик таджикской советской литературы поэт Мирзо Турсунзаде (Турсунзода, 1911–1977) занимал в Советском Союзе важные номенклатурные посты: был депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КП Таджикистана, председателем правления Союза писателей Таджикистана (с 1939 г.) и т. д. В 1967 г. к его многочисленным общественным обязанностям прибавилась еще одна: он стал председателем созданного еще в 1956 году, на волне изменения советского внешнеполитического курса в период «оттепели», Советского комитета солидарности стран Азии и Африки — формально общественной многофункциональной организации, членами которой были в основном деятели культуры среднеазиатских и закавказских республик СССР. Организация содействовала расширению культур-

ных контактов между странами зарубежного «Востока» и «Востоком» советским: обмену культурными делегациями, проведению фестивалей, выставок и гастролей артистов, организации обучения иностранных студентов в Советском Союзе и т. д. Работа в комитете солидарности, сопряженная с частыми зарубежными поездками, была напрямую связана с известностью Турсун-заде как поэта-интернационалиста.

Поэтому представляется интересным, что Мирзо Турсун-заде интегрировал свою бурную общественную деятельность на ниве солидарности (тадж. якдили) с угнетенными и освобождающимися от колониальной зависимости народами и свое поэтическое творчество конца сороковых — шестидесятых годов, создав многочисленные произведения интернациональной тематики. («Стихи Турсун-Заде проникнуты идеями интернационализма и советского патриотизма. Мысли эти отражены в таких его поэмах, как «Голос Азии» (1956) и «Индийская баллада» (1947–1948)»). «Индийская баллада» («Қиссаи Ҳиндустон») — это, технически, не поэма, а цикл стихов, созданный в результате поездки поэта в Индию в 194 г. (на первую конференцию стран Азии). Впечатления от этой поездки радикально изменили характер его творчества, став для него, по его словам, «новой революцией», заставившей его отказаться от «газелей» (любви лирики). В цикл входят такие стихотворения, как «Индийская баллада», «Ганг», «Гость с Запада», «Висячий сад» и др. Будучи переведенным на русский язык, цикл был опубликован в 1948 г. в «Новом мире», а затем отдельной книгой, получил широкий резонанс и принес Турсун-заде Сталинскую премию и всесоюзную славу. Затем последовала поездка в Пакистан и новый цикл стихотворений «Я с Востока свободного» («Ман аз Шарки озод»), 1950. Цикл «Голос Азии» («Садои Осиё»), 1956, «родился» также в результате поездки в Индию уже в период «оттепели» и расширения контактов СССР с «освобожденным Востоком». В нем поэт воспевал освобождение народов Востока от колониальной зависимости. И, наконец, поэма «От Ганга до Кремля» (1970), посвященная столетию Ленина, также была построена на индийском материале.

С высоты сегодняшнего дня «индийские стихи» Мирзо Турсун-заде представляются любопытными для анализа мировосприятия советского поэта-коммуниста, искренне сочувствовавшего угнетенным жителям колоний и прославлявшего антиколониальное («национально-освободительное») движение, которое, согласно советской доктрине, было составной частью «мирового революционного процесса», т. е. «мировой революции», целью которой было максимальное расширение влияния СССР и, по сути, вовлечение деколонизирующихся народов в новую зависимость. Данное противоречие поэтом не осознавалось и осталось неотрефлексированным: как и у его предшественников Абулькаси́ма Лахути и Пайрава Сулаймони, антиколониальный пафос и критика колониализма у Турсун-заде сочетались с глубокой убежденностью в свободе (или уже достигнутой «освобожденности») народов «Советского Востока» и уверенностью в том, что советский путь модернизации может и должен быть примером для деколонизирующегося «Востока» зарубежного («Я с Востока свободного»).

Очевидна укорененность М. Турсун-заде в персидской поэтической традиции (о чем свидетельствуют не только его газели, из которых не менее шестидесяти стали популярными песнями, но и стихи в других традиционных формах, а также такие пространные тексты, как «Дорогая моя» («Чони ширин»)). Большая часть текстов написана арузом в жанре маснави/дастан. Характерно упоминание Хафиза и Биделя в стихотворении «Тара-Чандри» из цикла «Индийская баллада». Оно полно также отсылок к поэме Биделя «Комдэ и Модан». В то же время заметно, что Мирзо Турсун-заде ощущал себя и наследником традиции поездок поэтов Мавераннахра в Индию, пусть и с особой, отличающейся от целей прежних эпох, миссией. На эту тему он рассуждает даже в такой исповедальной лирике, как «Дорогая моя».

Советская пропаганда, обращаемая к «народам поработенного Востока», в некоторых стихотворениях индийского цикла Турсун-заде не подчиняет себе другие мотивы. Гуманизм, искреннее сочувствие обездоленным людям, беднякам, также не являются чем-то новым для персидской поэзии, ибо подобные мотивы присутствуют еще у Рудаки. Высокое же поэтическое качество стихов, разнообразие сюжетов и эмоций привлекают к ним внимание читателя. С момента своего появления цикл «Индийская баллада» стал известен и в Индии/Пакистане, где поэту много раз приходилось читать свои стихи на традиционных поэтических собраниях- *мушаира*, повторяя для слушателей по их просьбе полубившиеся бейты.

Сохраняющаяся популярность поэзии М. Турсун-заде и его самого как значимой для Таджикистана общественной фигуры, известность которой в свое время выходила за пределы не только Таджикистана, но и СССР, не позволяют пренебречь его политическими стихами как неактуальными образцами соцреалистической литературы, а требуют их нового прочтения и анализа, в том числе с учетом постколониальной теории. Возможно, особенности данного случая связаны с нетипичной, замаскированной природой советского колониализма.

*Дьяков Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Харатишвили Г. С. (независимый исследователь, Тбилиси)*

Историография народов Ближнего и Среднего Востока в трудах профессора Ильи Павловича Петрушевского (1898–1977). К 125-летию со дня рождения ученого

22 июня с. г. исполняется 125 лет со дня рождения замечательного отечественного востоковеда, известного специалиста по истории, культуре и религии народов Передней, Центральной Азии и Закавказья профессора кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Ильи Павловича Петрушевского.

В жизни и научно-педагогической деятельности И. П. Петрушевского как в зеркале отразились главные этапы развития в XX веке отечественного востоковедения.

И. П. Петрушевский родился в Киеве в 1898 г., в 1926 г. окончил Азербайджанский государственный университет. За время своей научной и педагогической деятельности он опубликовал более сотни трудов.¹

В годы Великой отечественной войны И. П. Петрушевский работал в Институте истории АН СССР в Баку и Ташкенте, одновременно ведя занятия в Среднеазиатском (Ташкентском) государственном университете. В 1941 г. Илья Павлович защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук (ученая степень кандидата была присвоена ему в 1935 г.). После окончания Великой Отечественной войны, с 1946 г. И. П. Петрушевский работал на Восточном факультете ЛГУ. В 1950–1954 гг. и с 1961 г. вплоть до своей кончины в 1977 г. он являлся заведующим кафедрой истории стран Ближнего Востока.

В работах И. П. Петрушевского «К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII–XVIII вв.» (1935), «К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества» (1947), «История института союргал» (1949), «Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина» (1951), «К истории сельского поселения и сельской общины в Иране XIII–XIV вв.» (1953), «Состояние сельского хозяйства в Иране в XIII — первой половине XIV в.» (1956) основное внимание было уделено истории развития феодальных институтов и экономической истории Ирана и Азербайджана в XIII–XIV вв., т. е. вопросам, которые прежде практически не разрабатывались в отечественной науке.

И. П. Петрушевскому принадлежат следующие крупные монографии: «Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX в.» (Тбилиси, 1934), «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.» (1949, удостоена первой университетской премии 1950 г.), «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв.» (1960 г., в 1961 г. удостоена первой университетской премии, в 1966 г. издана в Иране на персидском языке) и др.

В 1966 г. в издательстве ЛГУ вышло фундаментальное учебное пособие (курс лекций) И. П. Петрушевского «Ислам в Иране в VII–XV вв.»,² которое по сей день не утратило своего значения как уникальный универсальный учебник по истории ислама в странах Ближнего и Среднего Востока, начиная с рождения этой самой

¹ См.: К 60-летию со дня рождения проф. И. П. Петрушевского. Уч. Зап. ЛГУ, №282, 1959. С.5–6; Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сб. ст. в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского. М., 1968. С.12–21; И. П. Петрушевский (1898–1977). К 95-летию со дня рождения // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки (ИИИСАА), вып. XV. СПбГУ, 1995; Н. Н. Дьяков, Г. С. Харатишвили. Профессор И. П. Петрушевский. К 100-летию со дня рождения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. Ист., языкозн., литерат. Вып.3 (№16). Июль 1998. Список научных трудов профессора И. П. Петрушевского см. тж.: ИИИСАА. Вып.XV, 1995. С.3–21.

² Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. Отв.ред.проф. В. И. Беляев. Л.: Изд. ЛГУ, 1966; 2-е изд. СПб.: Изд. СПбГУ, 2007.

молодой мировой религии и вплоть до эпохи османских завоеваний и начала европейской экспансии в регионе.

Значительное место в трудах И. П. Петрушевского было отведено изучению персидских первоисточников, многие из которых были введены им в научный оборот. К таким трудам относятся, например, его статьи «Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья» (1937), «Новый персидский источник по истории монгольского нашествия» (1946), «Труд Сейфи как источник по истории Восточного Хорасана» (1955) и др.

В 1967 г. И. П. Петрушевский опубликовал статью «History of Iranian Studies // Fifty Years of Soviet Oriental Studies. (Brief Reviews). Moscow, 1967. Для монографии «Cambridge History of Iran» им был написан раздел «The Socio-economic condition of Iran under the Je-khans» (1968), разделы «Азербайджан» в «Очерках истории СССР», главы, посвященные Ирану и Закавказью, в 3-м томе «Всемирной истории» (1957) и ряд статей в Советской Исторической Энциклопедии. Он являлся редактором, автором вступительной статьи, библиографической справки и примечаний к переизданному в 1963 г. труду В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Ему же принадлежала ведущая роль в создании коллективного труда членов кафедры (Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий) «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» (1958), удостоенного в 1959 году университетской премии.

В 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве И. П. Петрушевский выступил с докладом «Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии)» («Emploi du labeur d'esclaves en Iran et dans les pays limitrophes dans le bas Moyen Age»). М. 1960. / XXV Congres International des Orientalistes. Conferences presentes par le delegation de l'URSS). В 1967 г. на XXVII Международном конгрессе востоковедов им был прочитан доклад: «Rashid al-Din in Persian Historiography of the Middle Ages». (XXVII International Congress of Orientalists. M., 1967).

Основные учебные курсы (лекционные и специальные), прочитанные И. П. Петрушевским: «История Ирана V–XVIII вв.», «История Средней Азии», «История Азербайджана», «Персидские источники XI–XV вв.», «Персидские географы X–XV вв.», «Историческая география Ирана», «Историческая география Афганистана», «Ислам в Иране до XV века», «География арабских стран», «История Османской империи в период средневековья», «Персидская средневековая историография и источниковедение Ирана конца X — начала XVII вв.» и др., а также спецкурсы: «Народные движения в Иране XIII–XV вв.», «Государственный строй халифата», «Феодальные отношения в Иране XI–XV вв.», «История стран Закавказья VII–XV вв.» (с чтением избранных текстов); спецсеминары (чтение текстов): Кабус-наме, Фарс-наме, Мирхонд, Сефевидские документы Матенадерана, Тимуридские документы XV в., Х. Казвини, Дастур-ал-Катиб и др.

За свою долгую жизнь в науке Илья Павлович Петрушевский подготовил много высококвалифицированных специалистов по истории Ирана и Ближнего Востока, в том числе немало ученых из Средней Азии и Закавказья. Его ученики, а также ученики его учеников и сегодня успешно трудятся как у нас в стране, так и в университетах и научных центрах «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Все они с благодарностью хранят память о своем учителе — выдающемся советском и российском ученом-востоковеде.

Зельницкая Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург)

Перипетии назначения офицера абхаза в царской армии в начале XX в. по материалам переписки о назначении штабс-ротмистра М. К. Маргания

После присоединения Абхазского Владетельного княжества к Российской Империи в 1810 г, на службе Его Императорского Величества начали появляться представители абхазских дворян. Несмотря на трагические события, происходившие в XIX в. (мухаджирство, неудачна попытка проведения крестьянской реформы, последняя русско-турецкая война и последовавшая за ней обвинение абхазского населения виновным), представители абхазской элиты становились командующими отдельных войск. Эти назначения часто сопровождалось кулуарными «играми», и не обходились без интриг.

Интересные сведения о военной карьере отдельных лиц мы находим в переписке министра иностранных дел Российской Империи и командующими отдельными войсками. В качестве примера будет представлена история назначения штабс-ротмистра М. К. Маргания (Маан). По данным рапортов военных мы знаем, что высшим командованием ценилось не только знание венного дела. Так, при ходатайстве вышеназванного лица в рапорте особо отмечалось: «находясь в дружеских отношениях со всеми влиятельными туземцами и пользуясь большой популярностью и авторитетом среди населения штабс-ротмистр Маргания сумел внушить ему редкое к себе и ко всем русским доверие и глубокое уважение»¹. Биография М. К. Маргания полна белыми пятнами, о нем известно то, что он родился в 29 декабря 1859 г. и с 1870-х гг. служил в Российской Армии. За верную службу был «Награжден Знаком отличия Военного ордена 3 ст. № 39 в 1884 г., персидским орденом Льва и Солнца 3 ст. в 1889 г., персидским орденом Льва и Солнца 2 ст. на зеленой ленте в 1903 г., серебряным Бухарским орденом восходящей звезды 1 ст. в 1893 г; орденами: Св. Владимира 4 ст. 6 мая 1909 г., Св. Владимира 3 ст. 6 мая 1913 г., Св. Владимира

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 1об.

3 ст. с мечами 19 апреля 1916 г. Георгиевским оружием 20 июля 1916 г».¹ Завершил службу в октябре 1916 г

В послужном списке, который был представлен для рассмотрения, первым пунктом обозначалось дворянское происхождение М. К. Маргания, а затем вероисповедание, где указывалось, что он православный. Здесь же особо отмечался тот факт его биографии, что он во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился на службе генерал-лейтенанта Лазарева². Это обстоятельство было очень важно для представителя абхазского дворянства при продвижении по карьерной лестнице в конце XIX — начале XX вв., так как абхазское население в 1878 г. было объявлено виновным и неблагонадежным. Особенно отмечались все те, кто не мог доказать свою непричастность к войне на стороне Османской Империи.

В деле содержится документ, в котором говорится, что М. К. Маргания присутствовал на коронации Николая II в Москве в качестве переводчика. Примечательно, что именно после этого и началось его продвижение по службе.

В одном из писем по поводу его служебной карьеры дается следующее сообщение: «На основании существующих правил (приказа по Воен. Вед 1878 г. № 17) офицеры милиции зачисляются по роду оружия лишь по выполнении ими особо установленных правил, а потому, по мнению Главного Управления казачьих войск, штабс-ротмистр Маргания, которому чин этот пожалован, в виде исключения, с особого Высочайшего соизволения, имеет право на старшинство в сем чине лишь со дня Высочайшего приказа о его переименовании, то есть с 25-го июня сего 1896 года³». Из этого следует, что какое-то время М. К. Маргания был членом местного военного ополчения.

Еще во время его нахождения на службе в милиции за него ходатайствовал Командующий войсками Закаспийской области. Он обратился в Главное управление казачьих войск с ходатайством «о предоставлении сотенному командиру Туркменского конно-иррегулярного дивизиона, штабс-ротмистру Маргания, переименованному в последний чин из штабс-капитана милиции»⁴.

«Военный министр приказал штабс-ротмистром туркменского дивизиона Маргания временно оставить командование сотней и должность Пограничного комиссара, о чем Начальник Главного Штаба сообщил Вр. Испр. Должность командующего войсками Закаспийской области телеграммой за № 3434»⁵.

На это сообщение Начальник Азиатской части генерал-майор М. С. Путятин ответил довольно жестко «Прошу подумать: как нам обратно перечислись Маргания в дивизион? Надо составить всеподданный доклад. Указать что так как большая

¹ <http://www.kavkazoved.info/news/2015/02/09/syny-abhazii-na-frontah-pervoj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения. 26.12. 2022).

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 2.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 30.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 30.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 35.

часть сотни собрана в Гумбети Гаузи это и командовать ею надо Маргани. Сообщите мою резолюцию Туманову. Вакансию Маргани в дивизион не [зам..зять]. (*не разб РЗ*). Если я давал указание на поручение Маргани исправления должности пограничного комиссара, то отнюдь не желал оформить это Высочайшим. Вот куда я готовил его 8 лет, а не в комиссары¹.

После длительной переписки был издан Высочайший указ о «переводе Исполняющего Должность Российского с Персией Комиссара, числящегося по армейской кавалерии, штабс-ротмистра Марганя в Туркестанский конно-иррегулярный дивизион, с отчислением от настоящей должности, объявлено в Высочайшем приказе по В. В. 2-го декабря сего года (1898 РЗ)»².

С 1899 по 1908 г М. К Марганя командовал дивизионом, который от ротмистра дослужился до полковника.

Предварительные выводы, которые можно сделать из рассмотрения переписки по поводу назначения М. К. Марганя сводятся к тому, что для его назначения существенными были его благонадежность, заключающаяся в том, что он не был замечен в про-османских действиях абхазского населения во время последней русско-турецкой войны, а также его вероисповедание. Повлияло ли на его продвижение по службе то обстоятельство, что он выступал в качестве переводчика на коронации Императора, остается неясным.

Некоторые факты все еще остаются неизвестными. Переписка между Министерством Военных дел, Казачьими войсками и Азиатской частью велась под грифом «секретно». Мы также не можем объяснить за какие именно заслуги М. К. Марганя был переведен в регулярную армию.

Казурова Н. В. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Азербайджанский кинематограф 1920–1930-х гг. как источник для изучения политики советской власти в регионе

В докладе будут подробно разобраны вопросы гендерной политики, кинематографического канона и мотив перерождения Азербайджана из традиционной в советскую страну. С укреплением советской власти на территории Азербайджана кинематограф становится одним из важнейших способов внедрения в социум идеологии молодого государства. Рассказывая истории с экранов кинотеатров и обличая в них «вредные» привычки населения, режиссеры стре-

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2279. Л. 30об.

² Там же. Л. 44.

милось модернизировать жизнь крупных городов и самых отдаленных окраин республики. При этом по всему Советскому Союзу постепенно подвергалась переоценке сущность кинематографа как такового. Оставаясь главным из искусств, он принимал на себя функцию не самостоятельного искусства, а транслятора, передатчика. Медиальный характер кино по борьбе с досоветскими пережитками отчетливо проявляется в фильмах Амо Бек-Назарова «Севиль» (1929) и Ага-Рзы Кулиева и Григория Брагинского «Алмас» (1936), снятых по пьесам известного азербайджанского поэта и драматурга Джафара Джаббарлы. Посредством этих кинокартин в увлекательной и развлекательной форме велась настоящая битва против народных верований, религии как социального института и религиозного фанатизма, традиционных норм поведения, также основной темой фильмов были принципиальные вопросы роли и статуса женщины в обществе. Своим поведением и поступками героини фильмов «Севиль» и «Алмас» подавали пример зрителям в зале и буквально призывали к ликвидации неравенства между мужчиной и женщиной, отказу от трактующихся не в пользу женщин законов адата и шариата, одобрению социального раскрепощения женщин, подготовке их к профессиональной самореализации, поощрению личной инициативы советских граждан, искоренению всеобщей неграмотности.

Оба женских персонажа, Севиль и Алмас, сыграла молодая азербайджанка Иззет Оруджева. Кинематографическое воплощение портретных характеристик этих героинь многое говорит о генеральной линии гендерной политики Советской власти и о постепенно сложившемся каноне «большого стиля», который закрепляет правила визуализации женского вопроса на экранах страны. Компаративный анализ внешности и поведенческих моделей Севиль и Алмас дает возможность проследить трансформацию образа жизни азербайджанки в переходный период от дореволюционного к советскому укладу.

В середине 1930-х годов в кинематографе происходит важное изменение женского образа, он получает амбивалентную коннотацию, совмещающую в себе феминистические черты и патриархальные. С одной стороны, женские персонажи нового образца должны отличаться от прежних посредством обновления парадигмы мышления, современной речи, постулирования иных моральных ценностей. Героини, подобные Алмас, обязаны призвать общественность изменить отношение социума к женщине, и что еще важнее, самой женщины к себе: она ценна сама по себе как личность, а не как приложение к мужчине. С другой стороны, по сравнению с фильмами 1920-х годов в кинематографе, как и в других видах искусства, становится актуален мотив материнства и «обновленной патриархальности». Таким образом, несмотря на локальные особенности техник съемки на национальных киностудиях и важную роль погружения режиссеров в местный быт, на рубеже десятилетий сложился единый советский кинематографический канон.

Помимо гендерного вопроса, драматург Дж. Джаббарлы и авторы экранизаций его пьес затрагивают первостепенные проблемы, связанные с грамотностью

на местах, исламом, личной гигиеной, медициной, феодальными пережитками. С первых дней своего появления азербайджанское киноискусство сразу же начало активно бороться против религии. Фильмы азербайджанских авторов обличали пороки мулл, соперничали в своих фильмах людям, которые должны были продолжать подчиняться нормам шариата, тем самым отстраняясь от советской жизни и оставаясь в плену традиционного общества с его устаревшими идеалами. Таким образом, фильмы «Севиль» и «Алмас» репрезентируют столкновение советской пропаганды и традиционного образа жизни в азербайджанском кинематографе конца 1920-х — середины 1930-х годов. Оппозиция старое/новое реализуется через гендерный вопрос и создание на киноэкране образа современной советской женщины. Грамотная и самостоятельная, она должна стать полной противоположностью женщины дореволюционных времен, на которую оказывали влияние законы шариата и адата. Гендерное неравенство, зависимое экономическое положение от мужчины и узость коридора возможностей жизни в обществе, лишённого эмпатии к женской судьбе, осуждаются советским правительством и, как следствие, кинематографом. Героини, подобные Севиль и Алмас, — символы будущего страны, с одной стороны, эмансипированные и свободные девушки Востока, а с другой — наделенные женской привлекательной и материнской силой персонажи. Фундаментальные идеи Советской власти в отношении медицины, грамотности на местах, борьбы с суевериями и религиозными догмами в картинах «Севиль» и «Алмас» проводятся, прежде всего, через проблему гендерной политики и вписываются в канон сталинского соцреализма.

Каримова Н. И. (Джизакский государственный педагогический университет, Узбекистан)

Торговля специями и пряностями в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.)

В Центральной Азии в первой половине XIX века стремительно развивалась торговля специями и пряностями. Караванные пути проходили в Центральную Азию и Китай через торговые города Оренбург, Троицк, Петропавловск, Семипалатинск. Это также способствовало развитию транзитной торговли. Особенностью того времени было то, что торговля постепенно начала переходить в денежную форму. В середине XIX века в крае торговля специями и пряностями осуществлялась повсеместно. Существовали стационарные и разъездные формы торговли.

Во второй половине XIX века торговые отношения Бухарское эмирата были тесно связаны с Россией. Бухара испытывала большие неудобства вследствие

неустойчивости курса местной серебряной монеты «тенги». Курс этой монеты подвергался значительным колебаниям не только в зависимости от российского кредитного рубля того времени, но и вследствие особенностей бухарского рынка¹.

Известно также, что по сведениям внешней торговли Туркестанского края привоз сахара в Центральную Азию осуществлялся через Узундару и Казалинск. В период с 1882 по 1890 гг. эта дорога служила в качестве международного торгового пути специй и пряностей². В основном привозили индиго, женьшень, лаванду, лавровый лист и различные пряные масла, а вывозили ревеня, солодковый корень, горчицу, черный тмин, кунжут и др.

В 1891 году внутренняя торговля Хивинского ханства развивалась, на территориях Нового Ургенча, Хивы, Ходжейлы и Кунграта. Она сосредоточилась в основном в руках хивинцев и русских торговцев. Внешняя торговля осуществлялась через Оренбург, также торговые караваны направлялись через Кунград в Казалинск. С Москвой и Нижним Новгородом торговля велась по реке Амударья и Закаспийской железной дороге. Каждый товарный груз перевозился по Амударье на лодках и стоимость перевозной платы от Петро-Александровска до Чарджуя составляла пятнадцать копеек с одного пуда товара³. Из России в Хивинское ханство из специй в основном ввозились сахар, песок, сахар рафинад, свекольный сахар, а вывозилась марена, лен, шафран, кунжут, тмин и др.

Как писал Н. И. Вавилов, Хивинскому оазису были свойственны реликты и примитивы, заимствованные из Египта. Но при этом с ними происходили изменения, появлялись оригинальные формы. «Историческое влияние связей с различными очагами земледелия, с различными флорами, наложило отпечаток на эти два обособленных очага культурного земледелия». Так, в Египте лен использовали для изготовления тканей, завертывания мумий древних фараонов, а в Хорезме — в качестве масличной культуры. Также в дельте Амударьи выращивалась люцерна, а в дельте Нила александрийский клевер. В начале XX века много сортов специй и пряностей вывозились к железной дороге в Бухару. Также историки утверждают, что, мировым центром семеноводства люцерны в 1920-х гг. были Хорезм и территория современной Каракалпакии⁴.

В 1892 году в интересах потребителей, промышленников и торговцев, был изменен список пряностей и специй (лекарственных веществ), разрешенных и запрещенных для продажи в аптекарских магазинах и лавках, устав

¹ НА Уз. Ф. И-1, оп.12, д.282 а. По отчету таможенного инспектора Асхабадского участка Кузнецова о ходе Торговли с Персией за 1900 г. Канцелярия Генерал-губернатора, отделение 1-е. 22 декабря 1893 г. Л.10.

² НА Уз. «Туркестанские ведомости» от 30-мая 1891 г. № 769. Циркуляр Министерства Внутренних Дел. Департамент медицинский. Л.18.

³ Статистико-экономическое описание Российской империи. Торгово-промышленный адрес-календарь. istmat.info/files/uploads/47621/4_opisanie_vtoroy_otdel_chast_2_1406_2319.pdf. С.259.

⁴ Вавилов Н. И., Краснов. Н. А. Пять континентов. Под тропиками Азии. М.: Мысль, 1987. С. 56–62.

Министерства внутренних дел и департамента Туркестанского края был изменен и дополнен. Пряности и специи, запрещенные для продажи в аптекарских магазинах и лавках, были следующие: все лечебные вина, исключая «пенсинное» и «хинное», вина заводского разлива, клубни пряностей и специй, все изрезанные в порошок; корки все изрезанные в порошок, кроме корицы в порошок; корневища все изрезанные в порошок, кроме куркумы в порошок и изрезанные; корни пряностей и специй, исключая мятные, имбирные и содовые; листья пряностей и специй, все изрезанные в порошок; можжевельник изрезанный в виде донского и казачьего, веточки разные; плоды все истолченные в порошок, исключая пряности. Далее были приведены запрещенные товары, которые не должны были продаваться в аптекарских магазинах и лавках: семена пряностей все истолченные, кроме семян какао, фенумгрека (грецкой сочевицы), мускатного ореха и горчицы в порошок. Также были запрещены в продаже травы все изрезанные в порошок, исключая пряности майорана; разные цветы, изрезанные в порошок, кроме порошков далматского и персидского; разные экстракты, кроме лакрицы и экстракта сосновых листьев; все виды эмульсий, приготовленных из специй и пряностей¹.

Изучение архивных документов и статистических отчетов второй половины XIX вв. и начала XX вв. свидетельствует о том, что Центральная Азия в торговле специями и пряностями вышла на международный уровень.

Кобзева О. П. (НУУз, Узбекистан)

Зарубежная историография Шелкового пути начала XXI в.

В первые десятилетия нового тысячелетия был опубликован ряд обобщающих работ видных зарубежных исследователей по истории Шелкового пути. Это монографии американских и английских ученых А. Джулиано, Ю. Лернер и Дж. Такера².

В книге английской исследовательницы Сьюзен Вайтфилд «Шелк, рабы и ступы материальной культуры Шелкового пути»³ рассматривается Шелковый путь, а предметы познаются во взаимодействии с культурами тех людей, кто соз-

¹ НА Уз. Туркестанские ведомости. № 41 от 13 октября 1892. Л. 201.

² Juliano A. A., Lerner Y. A. *Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northwest China*. New York: Published H. Abrams, 2001. 370 p.; Tucker Y. *The Silk Road. Art and history*. London: P. Wilson Publishers, 2003. 392 p.

³ Whitfield S. «Silk, Slaves, and Stupas Material Culture of the Silk Road» University of California Press, March 2018. 376 с.

давал их, пользовался ими, продавал, обменивался. Одной из фундаментальных публикаций о Великом Шелковом пути является книга американской исследовательницы Валери Хансен¹.

Книга начинается с описания первых предполагаемых контактов между представителями Китая и Запада во II и III вв., а заканчивается повествованием началом XI столетия, то есть временем, к которому относятся последние добытые на раскопках в Дуньхуане и Хотане документах.

Монография британского ученого Питера Франкопана «Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий», констатируется то, как на севере и востоке буддизм весьма энергично распространяли согдийские купцы, которые сыграли важную роль в соединении Китая с долиной Инда. Купцы стали тем клеем, который соединил города, оазисы и целые регионы.²

Следует также отметить труд еще одного английского ученого, К. Баумера, «Эпоха Шелкового пути», посвященный периоду с 200 до н. э. до 900 г. н. э. в функционировании этой трансконтинентальной дороги. Автор отмечает, что история контактов между Востоком и Западом сопровождалась драматическими столкновениями и битвами в ходе соперничества Римской империи и Парфянского царства, экспансии Согдийской державы, зарождении Самарканда как цивилизационного центра Средней Азии, разгрома китайской армии в битве на р. Талас объединенными тюрко-арабскими силами под знаменем ислама³.

В 2019 г. увидела свет монография американско-канадского ученого Ричарда Фольца⁴ (Университет Конкордия, Канада) «История таджиков. Иранцы Востока», в которой можно ознакомиться с историей согдийцев и бактрийцев, с Саманидской империей и временем нового персидского ренессанса.

Профессор Гарвардского университета Ричард Нельсон Фрай опубликовал монографию «Бухара в средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры», которая была издана в переводе на русский язык в 2016 г.⁵ Автор

¹ Хансен В. Великий Шелковый путь. М: Центрполиграф, 2014. 476 с. Валери Хансен довольно долго занимается изучением истории Великого Шелкового пути, а также является преподавателем в Йельском университете, где читает курс по истории ВШП. Два года спустя, увидело свет издание на русском языке «Великий Шелковый путь: портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай — Согдиана — Персия — Левант». Данный труд был высоко оценен научной общественностью и получил премию международной конвенции ученых Азии в области гуманитарных исследований, а также премию Gustav Ranis Йельского университета. Необходимо отметить, что Валери Хансен проделан огромный труд, как в подборе источников, документов, артефактов, так и в их интерпритации, а также составлении карт, схем, таблиц. При работе над данной монографией Хансен обращалась за консультациями к таким маститым ученым-ориенталистам как Франц Грене, Борис Маршак, Жан Жорж Пино, Николас Симс-Вильямс, Этьен де ля Вессьер и многим другим специалистам по истории Средней Азии и Китая, восточным языкам, культуре и искусству.

² Франкопан П. Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий. М., 2018. 686 с.

³ Baumer Ch. History of Central Asia. The Age of the Silk Road. London: Tauris, 2018. Vol. 4. 384 p.

⁴ Foltz R. A History of the Tajiks: Iranians of the East. London: I. B. Tauris, 2019. Vol. XVIII, 238 pp.

⁵ Фрай Р. Н. Бухара в средние века. На стыке персидских традиций и исламской культуры. М., 2016. 223 с

констатирует, что Средняя Азия в древности и средневековье была перекрестком цивилизаций, связывавшим Китай с Западом, где на протяжении веков древние политеистические религии уступали место зороастризму, буддизму и исламу, а купцы основывали торговые империи вокруг легендарного Шелкового пути, создавая историческое наследие, в котором сочетаются культурные элементы Ирана, Китая и Индии.

В книге показана роль средневековой Бухары в восточно-исламском мире и тюркизации Средней Азии. Учитывая пробелы исламской истории, автором реконструируется золотой век города, ставшего в X веке столицей восточноиранского культурного пространства и символом персидского ренессанса.

Стивен Фредерик Старр, основатель и председатель Института Центральной Азии и Кавказа, профессор университета Джонса Хопкинса (США) в своей книге «Утраченное просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана» отмечает, что, в том числе, благодаря Шелковому пути, «мусульманский мир до монгольского нашествия был главным интеллектуальным и инновационным центром Западной Евразии. Здесь корни будущего европейского Ренессанса.» и раскрывает широкую панораму политических, экономических и культурных процессов в Центральной Азии¹.

Конечно, данные публикации разнятся и по характеру методологических подходов и по стилю написания (от сугубо научного до публицистического и научно-популярного), однако, несомненно, являются фундаментальными и уникальными в своем роде.

Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН, Москва)

Языки описания этнокультурного дискурса Российской империи академическими, миссионерскими и советскими востоковедами. Конец XIX — ранний сталинизм 1920-х годов

Под языком описания этнокультурного дискурса понимается механизм его социализации и аккультурации. Познание действительности человеком имеет две особо значимые особенности: первая — закрепление в языке результатов познающей деятельности человека и вторая — осуществление этой деятельности в коммуникации. Важны и основные субъекты действия. От постановки ими

¹ Старр, С. Ф. Утраченное Просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. (Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane.). М., 2017. 574 с.

задач и путей их решения зависит многое. *Картина мира получает квалификацию когнитивной категории в целом ряде наук, изучающих организацию человеческого знания (философии, логике, психологии, теории и практике искусственного интеллекта и др.* Картина мира как совокупность знаний существует в памяти человека на определенном этапе его развития, отражая взаимодействие человека с окружающим миром. Со времен Петра I российская школа востоковедного языкознания признавалась одной из сильнейших мировых научных школ. Но этнокультурному дискурсу в указанный период в российском политическом пространстве необходимо было иметь адекватный язык, учитывая географические и культурно-исторические масштабы страны.

В докладе выделяются ресурсы этнокультурного дискурса памяти: языки и их носители как механизмы социализации и аккультурации *картины мира, ее фреймов, акторов, ресентимента, травм, фронтиров. Это важная когнитивная категория в целом ряде наук, изучающих организацию человеческого знания (философии, логике, психологии, теории и практике искусственного интеллекта и др.)*. Как совокупность знаний она существует в памяти человека, отражает его взаимодействие с окружающим миром, наполняемом разными обстоятельствами. Наиболее активной была языковая сфера, в использовании ее ресурсов остро нуждались политические проекты и их практики, направленные на формирование или изменение картины мира в сознании людей. Рассмотрен раннесоветский опыт их применения.

В исследованиях памяти основными акторами процесса и его историографии вне внимания остается совокупная сложность субъектов действия, тех, кто присматривался к разным аспектам идей и этнокультурных практик, касающихся истории общероссийского федерализма, формирования советского государства. Вместе с тем, актуальные инверсии истории и памяти, которые ведутся, нуждаются в их глубинном осмыслении и уточнении. Масштабная историческая картина перипетий, протекавших в пространстве власти, их сложность становится очевидной в разы. Не анализируется *совокупность воззрений* на федерализм как условие «замирения», как механизм решения этнокультурных проблем. Главное внимание историков концентрируется на борьбе «своих» элит с политиками центра, чаще на их поражениях. Процесс противостояния, их общая история определялись отсутствием серьезных конфликтов между «своими», языковой, часто и религиозной близостью. Каждый из народов жил на своей этнической территории: национальные кордоны были незначительными. На выбор федералистских конструкций влияли интернациональные сентенции, реакция на динамическую смену политической карты Европы и Османской империи. Мы сосредоточим внимание на процессах, формировавших память об этих событиях северокавказских народов.

Этнические языки стали главным средством описания этнокультурного дискурса политических практик раннесталинского этапа.

Коммуницирование со складывающейся политической реальностью помогала языкам приспособляться к ней, преобразовывать ее. В. Шкловский, один из пред-

ставителей формализма, считал главной функцией языка в политической коммуникации и создаваемой им картине мира борьбу за политическую власть. Оказалось, что выяснять, почему разные политические концепции заставляют людей видеть по-разному, — это и есть самое увлекательное в постижении действительности. В «Сентиментальном путешествии» (1923) он отразил *политически важный талант* отношения к успешному коммуницированию новых лидеров в стране, особенно выделив Ленина: тот «катил свою мысль как громадный булыжник; ... он *сминал перед собой сомнения*, точно кабан тростник». Ленинские установки задавали политические императивы практикам — «переформатировать» сознание и поведение человека.

Власти, упорядочивая этнокультурный дискурс в политическом пространстве, необходимо было иметь адекватный язык для формирования реальной картины. Язык, объединявший людей в символическую сеть, являлся одной из базовых технологий практики, придавал и передавал ей глубоко заложенный смысл. Решение виделось в овладении родным языком как ресурсом материализации авангардных идей в сложнейших условиях и обстоятельствах.

Структуры власти стремились воздействовать на общественное сознание, реализуя свои цели именно через лексику языка. Особую идеологическую ценность обретала лингвистическая проблема номинации (то есть названия). Во-первых, изменением названий, приданием им нового смысла прерывалась связь с дореволюционным прошлым многих сфер жизни. Во-вторых, предавалось забвению все, что напоминало о нем. В-третьих, создавалось впечатление обновления всех сторон жизни общества. В-четвертых, перемена наименований должна демонстрировать существенные изменения самого объекта номинации. С переменной названий возникала иллюзия качественных перемен.

Прагматическая сторона дела определялась *учительным и мессианским* отношением.

*Кулмаматов Д. С. (Узбекский государственный университет
мировых языков, Узбекистан)*

Структура и содержание отписок воевод русских городов, написанных российским царям, в связи с приездом хивинских и бухарских послов в XVII веке

Отписка — документ, соответствующий современной докладной записке официального лица к вышестоящему или же другому лицу; рапорт, докладная записка,

служебное письмо¹. Имеющиеся в нашем распоряжении отписки воевод русских городов — Астрахани, Казани, Темникова, Симбирска, Нижнего Новгорода, Ярославля, написанные в их съезжих избах, были адресованы на имя правителей России XVII в. Они хранятся в фондах 134 «Сношения России с Хивой» и 109 «Сношения России с Бухарой» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. В отписках имеются достоверные данные о: а) приезде послов, купцов, выделении им «кормов» и содержания до отъезда в Москву, на дорогу; б) содержании ханских грамот, посланных воеводам; в) ханских и посольских подарках, привезенных для московских царей и царевичей; г) результатах переговоров с послами; д) выполнении царских указов и т. д.

Отписки, как и другие памятники русской деловой письменности, составлялись по определенному шаблону. В них можно выделить две части. Первая часть (А.) — зачин — содержит сведения об 1) адресате — получателе документа и 2) адресанте — отправителе, а также 3) челобитье.

Основная часть (Б.) отписок воевод русских городов начиналась с типичных для них слов: «В нынешнем, государь, ... году в ... день», «В нынешнем во ... м году в день». Она включает в себе 1) распорядительную и 2) резолютивную части. В первой обстоятельно рассказывалось обо всех событиях, связанных с приездом и отъездом хивинских и бухарских послов, гонцов по государским делам, а во второй излагались просьбы и процесс принятия решений. Примером может служить отписка симбирского (синбирского) воеводы Алексея Головина с товарищами, направленная царю Алексею Михайловичу 27 октября 1672 года²:

А. «Г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу» 2) «холопи твои Алешко Головын Ивашко Родионов» 3) «челом бьют»³.

Б. 1) «В н(ы)нешнемъ во РПА [1672 — Д. К.] м году октября въ КЗ [27 — Д. К.] де(нь) пришел в Синбирскъ из Астарахани Волгою рекою юргенского Навшамбет хана посол Палванкулы с хановыми и съ ево посол(ь)скими люд(ь)ми а в приставех с ними астараханецъ Микита Взовскои да для толмачества толмач Левонтеи Тараманов а твоего великого г(о)с(у)д(а)ря жалован(ь)я поденнаго корму и пит(ь)я против астараханской отписки дано в Синбирску ноября со И [8 — Д. К.] г(о) числа на м(е)с(я)ць послу Палванкульно по два алт(ы)на по четыре д(е)н(ь)ги

¹ См.: Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Изд-во МГУ, 1988. Ч. II. Филологический метод анализа документов. С. 47.

² Русские тексты XVII века передаются средствами современной графики. Надстрочные знаки не воспроизводятся. Для облегчения чтения текста, написанного русской скорописью XVII в., сокращенные написания не сохраняются и соответствующие буквы, использованные нами для раскрытия того или иного слова, пишутся в круглых скобках. Буквенные обозначения чисел даются прописными буквами и дублируются цифирью в переводе на современное летосчисление. Личные собственные имена и географические названия также пишутся, в соответствии с нынешними правилами, с прописной буквы.

³ РГАДА. Ф. 134. Оп. I. 1670. Д. I. Л. 13.

да по четыре чарки вина по ведру меду по ведру пива хановым людем дватцати ч(е)л(о)в(е)ком по ш(е)сти д(е)н(е)гъ по три чарки вина посол(ь)ским людем пятнатцати ч(е)л(о)в(е)ком по три д(е)н(ь)ги по чарке вина ч(е)л(о)в(е)ку на ден(ь) да хановым же и посол(ь)ским людем вопче по два ведра пива на ден(ь) да зверю бабру на кормъ вместо баранов по тринацати алтынъ по две д(е)н(ь)ги на ден(ь)»² «и того г(о)с(у)д(а)рь посла с хановыми и с ево посол(ь)скими люд(ь)ми и с приставом и с толмачом дав им подводы из Синбирска отпустили к тебе великому г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу к Москве ноября въ SI [16 — Д. К.] де(нь)»¹.

В зачине приведенной воеводской отписки привлекает к себе внимание своеобразный элемент — *холоп твой (холопы твои)*², употребленный адресантами — воеводами по отношению к адресату — царю.

На этот обычай обращал внимание в свое время французский капитан Жак Маржерет, находившийся в начале XVII в. на русской службе, и с удивлением писал: «Car tous ceux du paus soit Nobles, Innobles: les frères mesmes de l'Empereur, s'appellent Clops hospodaro, qui est à dire esclaves de l'Empereur» (т.е. «Ведь в этой стране все — знатные и незнатные, — даже царские братья, называют себя холопами государевыми»)³. Смысл этого канцелярского обычая, относящегося только к служилым людям, хорошо разъясняется в одной из работ русского историка и источниковеда С. Е. Веселовского — «По вопросу о «холопьях» — почему служилые люди везде в своих челобитях говорили, что они холопы? Толковали так, что это простая формула, которая ровно ничего не значит. А я убедился в том, что это не простая формула, а что она имеет важное значение. Когда какой-нибудь удельный князь или боярин писал «холопы», тут не простая шутка. В связи с занятиями по истории класса служилых землевладельцев я пришел к убеждению и нашел подтверждение, что записи о службе были наследственные и они приближались к полному холопству. Служебная зависимость, в которую попал с первых времен феодализма служилый человек, была аналогична полному холопству. Этим объясняется то, что это «холопья» встречается в самых древних документах»⁴.

Так что формулу *холоп твой (холопы твои)* воеводы употребляли в своих отписках, чтобы показать свою служебную зависимость от царя.

Содержание отписок воевод русских городов предопределяет их лексический состав. Здесь можно выделить несколько тематических подсистем: 1) наименова-

¹ РГАДА. Ф. 134. Оп. I. 1670. Д. I. Л. 13.

² Об этом подробнее см.: Кулмамагов Д. С. Холоп твой — общий ваш холоп // Русская речь. М.: Наука, 2003. № 4. С. 66–72.

³ См.: Worth D. S. The French Captain'a // Russian Linguistics, 1981, vol. 5, № 3, Aug., p. 208. Цит. по Добродомову И. Г. Слово и время // Античная литература и современная наука. М.: Наука, 1985. С. 314.

⁴ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. С. 233.

ния лиц — *абыз, атаман, боярин, воевода, гонец, дьяк, купец, мурза, переводчик, пристав, подьячий, посол, султан, толмач, хан, шах*; 2) наименования документов — *грамота, лист, отписка, письмо, указ, челобитная*; 3) названия животных — *аргамак, бабр, барс, иноходец, лошадь, соболь*; 4) названия тканей — *бязь, дорога, зендень, камка, киндяк* и т. д.

Магомедова З. А. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Эпистолярные документальные источники Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН: история изучения и тематическая характеристика

Среди многочисленных источников по изучению истории того или иного края особое место занимают эпистолярные документальные источники (письма), которые являются объектом социальной деятельности человека. Переписка, будь то личная или деловая, всегда несет значительный пласт уникальной исторической информации, причем информации, которая (если говорить о материале дагестанского происхождения) не подвергалась цензуре. На основании этого, следует рассматривать эпистолярное наследие как неисчерпаемый и уникальный источник по изучению исторических событий, происходивших в тот или иной период, а также жизни и деятельности различных слоев социума.

Для ученого-исследователя даже одно отдельное письмо может стать важнейшим документом, но особенно обогащает источниковую базу исследования обращение к крупным комплексам эпистолярных материалов. К такому комплексу можно отнести и собрание Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН) — одного из крупнейших фондов на Северном Кавказе. Арабоязычная коллекция Фонда насчитывает более 10 тысяч единиц хранения, около 6 тысяч из них — это письма. Коллекция планомерно собиралась с 60-х гг. XX в. усилиями сотрудников Отдела востоковедения, участвовавших в археографических экспедициях под руководством А. Р. Шихсаидова. Участники экспедиций А. А. Исаев, Х. А. Омаров, Г. М.-Р. Оразаев и многие другие внесли огромный вклад в историческую науку, открыв множество ранее неизвестных документов.

Если рукописные и книжные коллекции являются объектом многочисленных исследований, то эпистолярные источники дагестанского происхождения почти не нашли отражения в специальной литературе. Первым, кто положил начало изучению документов северокавказского происхождения в арабском оригинале, а именно писем эпохи Шамиля, был выдающийся российский востоковед А. Казем-

бек. Начиная с 1859 г., «Письма Шамиля и его жен» в русском переводе издавались в таких периодических изданиях как «Кавказ», «Русская старина», «Русский инвалид», «Кавказский сборник». По инициативе И. Ю. Крачковского — одного из создателей школы советской арабистики — начались публикации арабоязычных источников, относящихся к истории народов Кавказа. В 1935 году в статье Г. В. Церетели «Письма Шамиля из Калуги» был опубликован арабский оригинал одного из писем Шамиля, им же было опубликовано письмо Шамиля к барону Николаи. Затем последовали публикации фотокопий восьми оригиналов писем Шамиля с переводом их на русский язык, осуществленные А. Б. Закс, возглавлявшей в 1936–1937 гг. Северокавказскую бытовую экспедицию. Исследования в этом направлении продолжили дагестанские востоковеды Х. А. Омаров и Г. М.-Р. Оразаев. Однако основной массив писем ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН до сих пор не опубликован и не введен в научный оборот.

Эпистолярный комплекс Фонда отличается тематическим разнообразием. В письмах содержится богатый историко-географический материал, масса нормативно-правовых терминов, топонимов, а также сведения, которые отражают экономические, политические и социальные явления дагестанского общества XIX — начала XX в. Внушительный пласт этого комплекса составляют письма периода Кавказской войны, имеющие непосредственное отношение к имаму Шамилю и содержащие официальные указы и распоряжения как самого имама, так и его наибов. Письма имама, адресованные к должностным лицам, кадиям, старшинам селений, наибам содержат в основном предписания военного и административного характера, требования неукоснительного соблюдения норм и установлений шариата.

В отдельную категорию можно выделить письма с различными инструкциями, призывами и обращениями, циркуляры, а также письма с обязательствами и завещаниями. У таких документов обычно нет или адресанта, или адресата, и их можно отнести к актовым источникам.

Значительное число писем социально-экономического, политического и правового характера. Здесь можно встретить богатейший материал для изучения истории повседневности, семейных отношений, образа жизни представителей различных социальных групп, а также нормативно-правовой материал, сведения о торговле и административном управлении, данные о военных эпизодах периода имамата, об урегулировании отношений между обществами и т. д.

Таким образом, эпистолярное наследие XIX — начала XX в. следует рассматривать как уникальный источник исторических сведений, которые представляют собой неопценимую по степени значимости информацию о жизни и взаимоотношениях в социуме различных слоев населения. Именно это наследие позволяет реконструировать историю повседневности, личных взаимоотношений людей, прояснить определенные аспекты психологии и мировосприятия человека в разные исторические периоды. Поэтому введение в научный исторический оборот такого эпистолярного комплекса представляется актуальным как для специалистов-историков, так и для широкой аудитории читателей,

интересующихся правдивым описанием не только исторических событий, но и повседневной жизнью социума.

Тщательное изучение и анализ писем дадут возможность практически полностью реконструировать и интерпретировать происходившие в Дагестане исторические события XIX — начала XX в., а также пролить свет на повседневную жизнь горцев.

Мамадалиев И. А. (Худжандский ГУ, Таджикистан)

Русские источники XIX — начала XX вв. по истории Ходжента/Худжанда

Период господства Российской империи в Центральной Азии, охватывающий вторую половину XIX и именуемый в исторической научной литературе как «*колонимальный период*», характеризуется сложными и противоречивыми процессами во всех сферах жизни среднеазиатского общества. В этой связи важным является изучение истории Ходжентского уезда по записям и исследованиям русских первопроходцев, а также анализ трудов русских исследователей, в которых освещается история Худжанда до русского присутствия, а также изучение деятельности как русской администрации, так и представителей местного населения в низовых звеньях колониальной администрации и определение степени их влияния на ход политических и общественно-экономических процессов в данном регионе.

К первой историографической группе относятся обобщающие труды представителей царской администрации, военного ведомства, например, А. Ф. Костенко, А. Ф. Миддендорфа, В. В. Григорьева, С. Абдулгаффарова, Ю. В. Кологринова, В. Фишера, М. А. Зиновьева, А. Брянова, К. К. Абазы, А. А. Кауфмана, М. А. Терентьева, И. И. Гейера, Н. Фиолетова, А. И. Добромыслова, А. В. Кривошеина, В. П. Наливкина, В. П. Вощина, В. И. Масальского и др.

Следует отметить, что в большинстве из них, помимо вопросов, связанных непосредственно с завоеванием края Российской империей, рассматриваются также такие вопросы, как социально-экономическая и культурная жизнь в данном регионе, порядок управления, структура судебной системы, переселенческая политика царских властей, а также вопросы, связанные с превращением края в колонию.

Надо отметить, что по предлагаемой нами проблеме имеется солидный фонд, который можно квалифицировать по характеру, то есть источники и литература имеющие непосредственную связь или так или иначе отражающий этот период. К числу первых сведений о Худжанде историко-информационного характера

можно отнести воспоминания Филиппа Ефремова (важно отметить, что они очень скудные — *И. М.*), Н. И. Потанина, Н. В. Ханькова, Арминия Вамбери, Г. И. Спасского, П. В. Вельяминов-Зернова, П. И. Небольсина, А. И. Макшеева, Н. А. Маева, А. П. Хорошхина, Э. Реклю, М. С. Андреева, Н. С. Лыкошина, П. И. Пашино, А. А. Кушакевича, Ю. Д. Южакова, П. А. Васильева, Е. Л. Маркова.

Очень важным источником являются и труды художников или фотографов той эпохи, которые также внесли огромный вклад, например, эскизы Г. Крафта, А. Л. Куна, Д. Вележева, В. В. Верещагина, М. И. Бродовского, чьи шедевры вошли в знаменитый сборник под названием «Туркестанский альбом» (1871–1872).

Данные по экономике Худжанда, статистическая информация, материалы, отражающие военные события, а также вопросы административно-хозяйственного устройства уезда содержатся в таких сборниках, как «Справочная книга» (1893–1912), «Справочник» (1900–1910), «Адрес-календарь» (1893–1914), «Адрес-справочник Туркестанского края» (1910), «Русский Туркестан» (1872), «Туркестанский сборник» (1867–1907, 1939), «Туркестанский край» (Сборник материалов, 1868), «Исторический Вестник» (1870–1917), «Российский военный сборник» (1817–1917).

Сведения информационного характера имеются в периодической печати, а именно в таких газетах, как «Туркестанские ведомости» (1870–1917), «Оренбургские губернские ведомости» (1838–1917), «Уфимские губернские ведомости» (1865–1917).

Помимо этого, надо отметить, что почти во всех трудах дореволюционных исследователей, военных, администраторов Туркестанского края так или иначе присутствует пусть незначительная, но важная информация по разным аспектам истории Худжанда.

Маматова М. Б. (Каршинский ГУ, Узбекистан)

Вопросы источниковедения Чайного пути в Центральной Азии

Чай был любимым напитком всех народов Евразии с древнейших времен до наших дней. Его импортировали в Центральную Азию из Китая и Индии, и он был широко распространенным и популярным напитком среди населения этого региона.

Первое упоминание о чае в арабской литературе встречается в рассказах купца Сулеймана, составленных в 851 г. (237 г. хиджры). Среднеазиатский ученый Абу Райхан Беруни (X–XI века) впервые в своей книге «Китаб ас-сайдана фи-т-тиб» приводит сведения о свойствах чая. По его описаниям родиной чая является Китай. Растение это срезают, сушат в четырехугольных сосудах и, когда нужно, приготавливают из него с горячей водой напиток и пьют. Напиток из него заменяет

сложные лекарства, и в нем нет вредности сложных лекарств; у других напитков есть вредные свойства, а чай превосходит все напитки по своей полезности¹.

Центральноазиатские источники не содержат сведений о чайной торговле между Китаем и государствами Центральной Азии до XVIII в. По данным китайских источников, «Мин шу лу» («Записи о событиях в годы правления минских императоров»), в период между 1368–1398 гг. посольства от Тимура прибывали в Китай девять раз. За период 1403–1449 гг. (время правления минских императоров Юнлэ, Хунси, Сюаньдэ и Чжентун) в Китай прибыли тридцать три посольские миссии из Самарканда и четырнадцать из Герата. Кроме того, в китайских источниках сообщается, что за это время Китай также посетили три посольства из Бадахшана, два — из Андхоя, по одному посольству из Ходжента, Андигана (Андижана) и Маргилана².

В это время центральноазиатские послы и торговцы вывозили из Китая чай, китайский шелк, фарфоровые изделия, ревень, мускус и другие товары. Среди различных товаров главной статьёй китайского экспорта был чай, который меняли на породистых лошадей, привозимых из Центральной Азии. Это подтверждается сведениями из китайских источников. В «Мин ши» («История династии Мин») говорится: «В начале (династии) Мин на востоке (страны) были рынки, (где торговали) лошадьми, на западе же — чаем»³.

В научных трудах периода правления Российской империи охарактеризована торговля между тремя ханствами Центральной Азии, в том числе, чайная торговля. В работах этого времени имеются упоминания о торговле чаем между этими ханствами и сопредельными государствами, такими как: Китай, Россия, Иран, Индия. Необходимо отметить, что данные о продаже чая в этих работах носят в большой степени публицистический, научно-популярный характер.

К этой группе также можно отнести записки, очерки путешественников, торговцев и дипломатов, побывавших в Центральной Азии в XVIII-XIX вв., таких как А. Олеария, Е. К. Мейендорфа, А. Бернса, Н. Ханькова, П. И. Демезона, И. В. Виткевича, П. Небольсина, Ч. Ч. Валиханова, А. Вамбери; упоминания о чае в большинстве из этих работ носят косвенный характер⁴.

¹ Беруни Абу Рейхан. Избранные произведения. Т. IV. Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сай-дана фи-т-тиб). Ташкент: Фан, 1973. С. 336–337.

² Бурнев О., Колганов А. Об одном участке великого шелкового пути. // На среднеазиатских трассах великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент: Фан, 1990. С. 107.

³ Бокшанин А. А. Императорский Китай в начале XV века. М., 1976. С. 258.

⁴ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / Пер. П. Барсова. М.: Изд. Импер. об-ва. истории и древностей. российских при Моск. ун-те, 1870. 1174 с.; Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. 182 с.; Burnes A. Travels into Bokhara. Vol. 1. London.: John Murray, 1834. 356 p.; Burnes A. Travels into Bokhara. Vol. 3. London.: John Murray, 1839. 473 p.; Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1843. 279 с.; Записка И. В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве (отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М.: Наука, 1983. 149 с.; Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарией и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856. 375 с.; Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Под. ред. Н. И. Веселовского. СПб.: тип. Главного управления уделов,

Также, в работах ряда авторов, таких как Н. Веселовский, И. Л. Яворский, А. П. Субботин, Е. Л. Марков, К. К. Абаза, И. И. Гейер, Э. С. Вульфсон, М. Гаврилов, А. И. Добросмыслов, делалась попытка краткого историографического обзора, торговых взаимосвязей, лишь отчасти связанных с употреблением чая и торговли им народами Центральной Азии¹.

Таким образом, чай распространился по всему Евразийском континенту благодаря Чайному пути, соединяя континенты и государства. Сегодня участки Чайного пути превратились в железнодорожные и автомобильные магистрали, входящие в общую транспортную сеть, связывающую регионы Азии и Европы.

Махмудова В. А. (НАНА, Азербайджан)

Богиня покровительница очага (о статуэтке, найденной в поселении Пашатепе Джалилабадского района Республики Азербайджан)

В 2022 г. «Муганская неолит-энеолитическая экспедиция» начала раскопочные работы в Джалилабадском районе у села Джафарханлы на поселении Пашатепе — памятнике эпохи неолита. Исследования, проведенные на площади 36 кв. м, были доведены до глубины 2,45 м, ниже которой остается значительная толща культурных отложений. Слой в целом насыщен большим количеством керамического, костяного и каменного материала. Было выявлено и исследовано 8 погребений и одна гончарная печь.

На глубине 1,67 м в юго-восточном углу раскопа было расчищено погребение №6. Покойник был уложен в согнутом положении, лицом к югу, головой к западу. При расчистке погребения была найдена глиняная статуэтка, изображавшая женщину в сидячем положении с массивными бедрами и вытянутыми ногами. Голова отсутствовала. Высота фигурки 4 см.

1904. 532 с.; Вамбери А. Очерки Средней Азии. СПб.: Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1868. 363 с.; Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Изд. А. И. Мамонтова, 1874. 383 с.

¹ Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен и до настоящего. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1877. 364 с.; Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухаре в 1878–1879 гг. Т. 1. СПб.: Тип. дир-ра М. А. Хана, 1882. Т.1. 383 с.; Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб.: Изд. А. К. Кузнецова, 1892. 722 с.; Марков Е. Л. Россия в Средней Азии. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. 517 с.; Абаза К. К. Завоевание Туркестана. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1902. 312 с.; Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент: Типо-литография В. М. Ильина, 1901. 255 с.; Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. Ташкент: Изд. Канопка, 1908. 308 с.; Вульфсон Э. С. Как живут сарты. М.: Изд. книгоиздательницы Панафиной, 1908. 122 с.; Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент: Тип. при канц. ген.-губернат., 1912. 59 с.; Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Типо-литография А. О. Перцева, 1912. 520 с.

Древний скульптор попытался богато украсить свое произведение. Женщина опоясана широким налепным поясом, спущенным на бедра. Пояс представляет собой составную конструкцию из четырех полосок, которые в свою очередь состоят из небольших деталей. В области живота пояс имеет особый связующий элемент. Детали на поясе выделены врезными линиями и черточками. Вытянутые ноги плотно прижаты друг к другу. Ступни не выделены. Нижние части ног обозначены рельефом, возможно изображающим ножные браслеты. Они также покрыты врезной штриховкой. Штрихами, но менее аккуратно, покрыт и торс женщины.

Глиняные фигурки, изображающие женщин, широко представлены в неолитических памятниках, в том числе на Кавказе. Немало их найдено и в памятниках на территории Азербайджана. Несмотря на многие общие черты, каждый памятник представлен своими оригинальными фигурками. Не исключение и наша находка из поселения Пашатепе, аналогии которой нам пока не известны. Вероятно, это изображение богини хранительницы очага.

Мурзакматов А. К. (ОшГУ, Кыргызстан)

«Адаб ус-салихин» («Учтивость праведных») как источник для изучения этикета мусульман Центральной Азии

Сочинение «Адаб ус-салихин» («Адаб уль-Салихын» у Н. С. Лыкошинагш) Мухаммада Садика Кашгари, широко известное как «Кодекс приличий на Востоке» является одним из замечательных памятников духовной культуры прошлого. В нем собрано более тридцати различных нравственных положений, которые должны стать нормой поведения во взаимоотношениях между людьми. В книге предусмотрены случаи жизни, когда человек, не зная приличий, может уронить себя в глазах общества, и на каждый случай дан подробный совет, как следует вести себя. Эта книга предлагает людям в своих поступках исходить из простых общечеловеческих норм нравственности.

«Кодекс приличий на Востоке» был переведен на русский язык Н. С. Лыкошиным и в 1895 году выпущен отдельным изданием в Ташкенте, а в 1900 г. включен в «Сборник материалов по мусульманству». Этот сборник был составлен по распоряжению и указаниям Туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии С. М. Духовского. Вполне понятно стремление генерал-губернатора издать эту книгу для русскоязычного населения, ибо, как звучит мудрое изречение, приведенное в самом «Кодексе приличий на Востоке»: «Дорога к дружбе — учтивость».

Н. С. Лыкошин выбрал для перевода и публикации такое оригинальное сочинение, как «Адаб-уль-салихын» («Кодекс приличий на мусульманском Востоке») случайно.

Об этом свидетельствует его собственные слова: «Случайно встретив в книжной лавке константинопольское литографированное издание «Адаб-уль-салихын», я заинтересовался содержанием сборника, по замыслу напоминающего пресловутый «Хороший тон» Э. Гоппе и английские издания подобного рода, а прочтя книгу, убедился, что перевод труда Мухаммед Садыка может быть полезен всякому, кто интересуется внутренней жизнью наших среднеазиатских туземцев, или просто пожелает узнать, какие манеры и приемы кажутся «приличными» на взгляд мусульманина»¹.

Кроме этого, вполне вероятно, что Н. С. Лыкошин, которого Советская власть в Туркестане позже признала как «знатока Туркестана»² не знал биографию Мухаммада Сади́ка Кашгари. На это указывают его слова: «Если для европейца знание приличий необходимо и учтивость составляет достоинство и украшение всякого порядочного человека, то на востоке, где сохранение чувства собственного достоинства привито самой религией ислама, а знание приличий составляет долг каждого, независимо от общественного положения и происхождения, ощущалась давно потребность собрать воедино и изложить в системе те приемы и правила вежливости на все случаи жизни мусульманина, какие признаются наиболее отвечающими примеру самого Мухаммеда, при жизни, и его первых последователей. Задавшись целью создать такого рода сборник, некто Мухаммед Садык, родом кашгарец, посвятил не мало труда на то, чтобы выбрать из разных книг шариата все, относящееся к умению солидно держать себя и изложить все эти сведения в строгой последовательности»³.

По признанию Н. С. Лыкошина, «труд автора (Мухаммада Сади́ка Кашгари — М. А.) увенчался полным успехом, и книга «Адаб-уль-салихын» (приличия мудрых, или благочестивых) среди туземцев Туркестанского края пользуется заслуженной известностью»⁴.

Считаем целесообразным ознакомить читателей с жизнедеятельностью Мухаммада Сади́ка Кашгари, труд которого был широко известен жителям Туркестанского края, но биография которого была малоизвестна Н. С. Лыкошину. Мухаммад Сади́к Кашгари — один из известных уйгурских мыслителей второй половины XVIII и первой половины XIX века. Он был одаренным ученым-историком, специалистом в области этики, теологии, переводчиком и общественным деятелем, внесшим важный вклад в развитие философской, общественно-политической, этической и эстетической мысли уйгурского народа.

Мухаммад Сади́к Кашгари родился в 1725 г. в старинном городе Кашгаре в семье местного религиозного деятеля Муллы Алам-ахуна. Получил начальное духовное религиозное образование в семье под руководством отца. Затем он учился в наиболее престижном в Кашгаре медресе Хамидия. Будущий ученый изучал здесь историю,

¹ Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихын). Ташкент: Камалак, 1992. С. 6.

² Лыкошин Н. С. Хороший тон на Востоке. М.: АСТ: Астрель, 2005. С. 6.

³ Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихын). Ташкент: Камалак, 1992. С. 5.

⁴ Там же. С. 5.

математику, астрономию, географию, философию, логику, этику, богословие, одновременно изучал персидский и арабский языки, знакомился с арабской, персидской и тюркской классической литературой. Был талантливым поэтом. Например, в работе автора «Тазкира-и азизан» («Жизнеописание святых»), написанной в 1788 г., помимо прозаических исторических материалов имеются и стихотворения. Поэт Мухаммад Кашгари взял себе псевдоним «Садик» («преданный», «верный»).

Закончив обучение, Мухаммад Садик преподавал в медресе Ханлик в Кашгаре, был мударрисом (старшим преподавателем). Умер мыслитель в Кашгаре в 1849 г., прожив сто двадцать четыре года¹.

Творческое наследие Мухаммада Кашгари охватывает широкий круг вопросов по истории ислама, мусульманской этике, философии и педагогики. Кашгари написал более 18 произведений. Из них наиболее значительными являются: «Тазкира-и азизан» («Жизнеописание святых»), «Тазкира-и ходжаган» («Жизнеописание ходжей»), «Зубдат-ал-масаил в ал-акайид» («Квинтэссенция религиозных положений и догматов веры»), «Тазкира-и асхаб-и кахф» («Жизнеописание друзей по пещере»), «Куран тафсир» («Комментарии к Корану»), «Ислам асаслари» («Основы ислама») и произведение, которое значительно обогатило мусульманскую этику, «Адаб ус-салихин», широко известное как «Кодекс приличий на Востоке»². Этот труд, посвященное проблемам культуры поведения, написано Мухаммадом Кашгари на основе догматов ислама и предписаний шариата.

Одним из внешних проявлений культурного облика народа (речь идет о нормах поведения и связанных с ними представлениях) является этикет. Он имеет те же моральные ценности, которые присущи всему комплексу культурного достояния. В силу того что этикет обладает свойством аккумуляции пережитых народом в процессе его культурно-исторического развития взглядов и опыта, в нем наиболее ярко отражены принадлежащие к различным культурным эпохам религиозно-этические представления³. Глубоко осознав эту непреложную истину в свое время, Кашгари считал необходимым для молодежи подробно изучить правила приличия и рекомендовал использовать его в нравственном воспитании и становлении личности.

В предисловии к книге Кашгари отмечал: *«Для того, чтобы иметь возможность достичь высокого положения и заслужить всеобщее уважение и почет, необходимо во всех подробностях изучить общепринятые приличия на каждый случай жизни и строго придерживаться этих правил»*⁴. Со слов самого Кашгари нам известно, что содержание книги подразделяется на семь глав, а каждая глава содержит в себе четыре параграфа. В них подробно анализируются нормы поведения людей в быту и общественных местах: при приветствии, рукопожатии, на улице, при посещении дома кого-либо, в обществе, во взаимоотношениях супругов, при посещении

¹ Уйгур классик адабияти тарихи. Т. II. Урумчи, 2002. (Уйгурск. яз.). С. 920–923.

² Нарынбаев А. И. Избранные произведения. Бишкек: Илим, 2004. С. 314.

³ Богучарский Е. М. Мусульманский этикет. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 8.

⁴ Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихин). Ташкент: Камалак, 1992. С. 8.

общественных бань, больных и семей, где кто-то умер, в гостях и во время путешествий. Но в связи с ограниченностью объема данной статьи, мы рассмотрим лишь несколько элементарных норм поведения человека, отраженных в сборнике. Даже из этих правил ясно видно, что они очень полезны для нравственного воспитания детей и юношей, которые должны с ранних лет знать правила этикета.

В первом параграфе первой главы Кашгари, прежде всего, остановился на таком тонком моменте, как посещение чужого жилища. Детям и юношам надлежит знать, что, если их пошлют в гости, или с весточкой к родственникам, друзьям семьи, или людям, к которым у старших есть какое-либо дело, они должны соблюдать целый ряд правил, которые требуют правила достойного поведения. Итак, согласно «Адаб ус-салихин», при посещении чьего-либо дома необходимо соблюдать следующее: а) желающий войти в чей-либо дом должен еще за дверью предупредить хозяина о своем намерении войти; для этого следует постучать в двери или покашлять; б) когда стук или кашель будет услышан и из дома послышится отклик, следует, произнеся предварительно приветствие ас-салямудейкум (мир вам), спросить разрешения войти в дом; в) если после троекратного вопроса из дома не слышно будет ответа и не последует разрешения войти, то необходимо, не настаивая более, возможно скорее удалиться; г) если хозяин дома, не отворяя двери, спросит пришедшего: кто там? — то следует ответить, назвав свое имя, а не говорить уклончиво: ваш друг, ваш покорный слуга, чтобы не оставить спрашивающего в недоумении, кто к нему пришел¹.

Хочется отметить редкий по сегодняшним меркам такт и удивительную гармонию человекопочитания во всех действиях при посещении чужого жилья согласно «Адаб ус-салихин», исключительное уважение к человеку, которого придется потревожить по той или иной причине. Прививая ребенку с детства подобное отношение к людям, мы воспитываем в нем культуру общения, закладываем алгоритмы-традиции достойного социального поведения.

Самое простое, но обязательное правило этикета — приветствие, необходимость здороваться при встрече со знакомыми людьми, товарищами по работе, учебе, соседями. Приветствие является проявлением дружелюбия и глубокого уважения. Кашгари до мелочей описывает правила этого этикета. Он писал: *«а) Если двое мусульман встречаются, они обязаны приветствовать друг друга, не придавая значения тому, — в дружественных, или враждебных отношениях находятся они между собою, потому что приветствие установлено пророком и составляет «суннат»²; б) Приветствие должно быть высказано непременно словами: «мир вам», или «мир вам, изобилие и милость Божия, а будет невежливо, если приветствующий скажет: «мир тебе», или вообще*

¹ Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихын). С. 8–9.

² Сунна (араб. سنة — «обычай; пример») — мусульманское священное предание, излагающее примеры жизни пророка Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины (уммы) и каждого мусульманина. Сунна является вторым после Корана источником исламского права (фикха) и тесно взаимосвязана с ним, объясняет и дополняет его. Для традиционалистов следование сунне пророка Мухаммада является главным содержанием жизни мусульманина.

произвольно изменит, или сократить общепринятую фразу приветствия; в) Отвечать на приветствие надлежит немедленно, и при том настолько громко, чтобы тот, к кому обращаются, услышал сказанное; в противном случае, обязанность получившего приветствие останется не выполненною; г) Если кто-либо входит в собрание мусульман и высказывает приветствие, то слова свои отнюдь не должен обращать исключительно к кому-либо одному из находящихся в собрании, а приветствовать всех вообще присутствующих»¹. Полагаем, что простота этих правил не должна уводить нас от главного, стремления создать в образе жизни атмосферу взаимопонимания, которое будет основано на принципах уважения к личности, поведенческих стандартах ориентированных на оптимизацию условий коммуникабельности в условиях традиционного образа жизни.

«Адаб ус-салихин» как система алгоритмов-традиций, а точнее алгоритмов предписаний, формирующих поведенческие стандарты в исламском мире, дает человеку четкие векторы действий. Так, согласно «Адаб ус-салихин», при встрече с глухим и немым человеком следует: «...приветствие сопроводить жестом руки; если же знака рукой сделана не будет, а приветствия глухой не услышит, то для него не обязателен и ответ на обращенное к нему приветствие. Если приветствуют немого, то он должен ответить жестом руки; если же немой приветствует кого-либо знаком, то отвечать ему следует и словами и жестом: тогда обязанность будет выполнена»².

Во втором параграфе главы второй речь идет об одежде, которая и предмет личной гигиены, и выражение эстетических предпочтений, и возможность проявить милосердие и помочь нуждающемуся. Последнее деяние является частью мусульманской религиозной культуры. Известно, что, когда у пророка Мухаммада появлялась новая одежда, он отдавал старую со словами: «Тот, кто обретает новую одежду и прочтет соответствующее обращение к Аллаху, и при этом отдаст свою старую одежду нуждающемуся мусульманину, будет пребывать в божественной защите Всевышнего на протяжении всей жизни, также после смерти, пока хотя бы одна из вещей, данная им, будет находится на теле этого человека». Мы специально подчеркиваем этот обычай, введенный пророком Мухаммадом для того, чтобы подчеркнуть воспитательное значение всего, что несет в себе сунна, давая для детей и юношества примеры из его жизни.

Согласно предписаниям «Адаб ус-салихин» относительно одежды, необходимо помнить, что: а) не следует надевать предпочтительно какую-нибудь одну одежду, а что придется из имеющегося. Пророк тоже имел обыкновение надевать различные одежды, и не придерживался какой-либо одной: рубашку ли, пояс стыдливости, покрывало ли, штаны ли, богатое верхнее платье или простое, корону, шубу, плащ, ичиги, калоши — все надевал, как случится; ...г) Одежда должна быть

¹ Кашкари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихин). Ташкент: Камалак, 1992. С. 9–10.

² Там же. С. 10.

белого цвета, это суннат, и большую часть жизни следует носить белые одежды; одевать красные и желтые одежды мужчинам грешно; д) Одежду необходимо содержать всегда в чистоте; в книге Сахир сказано: «чистота неразрывно связана с верою»; е) Людям богатым надлежит надевать хорошую одежду, чтобы этим обнаружить свой достаток, но только в таком случае, если, будучи одет в дорогие одежды, человек в состоянии удержаться от гордости и тщеславия. Учителя тариката¹ советуют надевать хорошие одежды только тем людям, которые сумели заглушить в себе голос тщеславия и победить чувство гордости².

Все это очень важно для воспитания у ребенка, который уже со школы ощущает, что одежда делает его исключительным или незаметным, а порой и изгоем. Пример Пророка, его авторитет в мусульманском мире, позволяют с одной стороны добиться некой демократичности в отношении одежды, с другой стороны объяснить, почему кто-то может себе позволить более дорогое одеяние, согласно социальному статусу. Справедливость здесь диктуют не абстрактные идеи, а реальность социальной жизни. Важно, что пример Пророка позволяет ребенку не заикливаться на том, как изыскано и дорого он одет, а обращать внимание на опрятность и чистоту, которая считается «половиной веры».

Правила поведения «Адаб ус-салихин» на улице поражают уважением к человеку и редким тактом, особой этикой взаимоотношений между, в основном, не знакомыми друг с другом людьми. Согласно «Адаб ус-салихин»: двигаясь по улице, следует смотреть себе под ноги, а не глазеть по сторонам, идти следует осторожно. Ходить следует, соблюдая осторожность, в особенности, на базаре или в местах большого скопления народа не причинить по рассеянности кому-либо вреда или неприятности, например, не ударить кого-либо, не толкнуть или не наступить кому-либо на ногу. *«Если случится встретить двух идущих рядом людей, занятых разговором между собою, то неприлично проходить между ними. ...Встретившись с кем-либо на улице, не следует останавливаться для разговора, а, высказав приветствие, немедленно пройти дальше; если же необходимо будет переговорить с встречным, то следует отойти с собеседником на край улицы. Это, впрочем, не относиться до встречи в таких местах, где никто не ходит; в таких местах, а также сидя в доме, спрашивать другого о здоровье и благополучии — можно, это ведет к сближению»³.*

Мухаммад Кашгари рекомендует, что если прохожий заметит на дороге острый шип какого-нибудь растения или камень, которые могут причинить боль

¹ Тарикат — от арабского «ат-тарика» («путь») — термин, употребляемый, во-первых, для обозначения суфийских братств, во-вторых, для обозначения метода мистического познания Божественной истины и тех нравственных предписаний и психофизических упражнений, с помощью которых суфии достигают скрытой от непосвященных истины и «растворяются» в Божественной сущности («сливаются» с ней).

² Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихин). Ташкент: Камалак, 1992. С. 16–17.

³ Там же. С. 19.

ногам прохожих, то надлежит убрать с дороги такой предмет, если это окажется возможным. Если случится высморкаться или плюнуть на дорогу, то надо засыпать землей мокроту и тогда уже двигаться далее. *«Если по дороге встретится увечный, калека, то ему следует оказать помощь; если, идя на встречу идущему, служанка, или ребенок нес в руках посуду, уронил ее и, разбив, огорчился этим, то следует дать встретившемуся такую же посуду, чтобы этим доставить огорченному удовольствие»*¹. Все замечательно в этом отрывке, но особенно забота об окружающих, стремление помочь всем и особенно людям с ограниченными возможностями. Важно подчеркнуть, что в Объединенных Арабских Эмиратах условия для передвижения людей с ограниченными возможностями созданы повсеместно и продуманы во всех мельчайших деталях. Так, историческая традиция, порой, находит место в современности, обогащая ее гуманистическими смыслами и философией милосердия и человекопочитания.

Четвертая глава «Адаб ус-салихсн» посвящена приличиям, соблюдаемым в общественных собраниях. В третьем параграфе этой главы Мухаммад Кашгари пишет о правильном поведении на общественных собраниях: *«Перед собранием необходимо совершить омовение. Необходимо, предварительно очистив одежду, надуть ее и свое тело; вещества, обладающие дурным запахом, следует удалить, чтобы не причинить неприятности людям, присутствующим в собрании. Надо вычистить зубы и очистить рот от запаха сырого лука, чеснока или тому подобных вещей, чтобы не возбудить неудовольствие присутствующих в собрании»*². Кроме этих правил он дает и следующие рекомендации: надо остерегаться в собрании произносить неприличные слова, проявлять дурные стороны своего характера, делать неприличные движения и, вообще, надо стараться вести себя как подобает приличному человеку. Если кому-либо из находящихся в собрании придет время чихнуть, то следует стараться произвести при этом как можно меньше шума и прикрыть рот руками, или чем-нибудь другим.

Особое внимание Мухаммад Кашгари уделял проблеме взаимоотношений между людьми, в частности, проявлению уважения к старшим, родителям. Это не случайно, так как *«почитание родителей занимает одну из верхних строк в мусульманской системе моральных ценностей и весьма слабо выражено у европейских народов»*³. Этот высоконравственный принцип справедливо отмечен и в трудах европейских авторов. Одним из них является труд Иоганна Гаури, который был удостоен золотой медали в конкурсе, проведенном 1878 году. В нем затрагиваемый вопрос освещается так: *«Неповиновение родителям считается одним из семи смертных грехов. Поэтому, как бы ни были изнежены и избалованы дети, они всегда бывают послушны родителям и по отношению к другим взрослым*

¹ Кашкари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихын). С. 20.

² Там же. С. 25.

³ Байбурин А. К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 23.

обнаруживают большую почтительность. Отца они приветствуют с каким-то благоговением. Ребенок не смеет в присутствии отца ни громко вымолвить слово, ни сесть, пока это не будет разрешено ему»¹. А сам Кашгари по этому поводу отмечал, что каждому человеку, «сообразно его положению, необходимо оказывать уважение и почтение; людей почтенного возраста надо почитать, как отца и стараться им услужить»².

Большое значение в воспитании юного поколения Кашгари придавал языку. Культура речи, считал он, ее содержательность и изящество определяют уровень как познавательный, так и нравственной зрелости личности. Каждое произнесенное слово должно быть содержательным, обдуманым, кратким и ясным. Он писал: *«Не надо и говорить слишком много. Учители тариката советуют высказываться лишь тогда, когда душа будет покорна языку, а язык покорен Богу, т.е. говорить только искренно. Не следует говорить слишком протяжно, или искусственно подбирать выражения, чтобы похвастаться своим красноречием, но сопровождать речь свою жестами рук, или ударять по правой ладони указательным пальцем левой — можно. Каждый должен говорить только о том, что до него касается. Ученые говорят, что говорит о богословских предметах, не зная хорошо этой науки, есть многобожие»³.*

Особый интерес в целях нравственного воспитания молодежи представляют следующие советы Кашгари: *«Если кто-нибудь, в общежитии, носит прозвище, заключающее в себе нечто дурное про того, до кого оно относится, например: косой, немой, хромой и т.п., то дозволяется в его отсутствие произносить это прозвище для того, чтобы могло быть понятно, про кого идет речь; но если те же слова произносятся с целью оскорбить того, к кому они относятся, то это грешно. Находясь в собрании, неприлично говорит с другими по секрету, или употреблять в разговоре такой язык, который не всем понятен»⁴.*

В заключение следует отметить, что несмотря на то, что книга «Адаб ус-салихин» («Адаб-уль-салихын») была написана давно, она до сих пор не потеряла своего воспитательного значения. Она предлагает людям в своих поступках исходить из простых общечеловеческих норм нравственности. «Кодекс приличий на Востоке» оказывает неоценимую услугу, ибо подробно знакомит с народными обычаями и традициями, воспитывает уважение к образу жизни людей, живущих рядом. Общечеловеческие принципы поведения человека, нормы взаимоотношений людей, и особенно правила повседневного этикета, скрупулезно изложенные Кашгари в его труде «Адаб-уль-салихын», можно по праву считать школой этического и эстетического воспитания.

¹ Гаури, Иогани. Ислам и его влияние на жизнь его последователей. Ташкент, 1893. С. 225.

² Кашгари, Мухаммед Садык-и. Кодекс приличий на Востоке: (Адаб-уль-салихын). Ташкент: Камалак, 1992. С. 26–27.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 31–32.

Османо́ва М. Н. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)

Дагестанские многоязычные арабографические издания начала XX века

Общеизвестным является тот факт, что в многонациональном Дагестане арабский язык был не только языком богослужения, но также и науки, литературы, делопроизводства, частной и официальной переписки вплоть до 2-й четверти XX в. До нашего времени сохранились произведения различной тематики, созданные дагестанцами на арабском языке и представляющие большую ценность для науки и культуры.

С XVIII века¹ народы Дагестана также создавали сочинения на местных языках, используя арабографическое письмо — *аджам*.

В начале XX в. происходит процесс становления и развития местного книгопечатания. Из 10 существовавших на тот момент в Дагестанской области типографий в трех издавались книги с использованием арабской графики: в типографии А. М. Михайлова «Каспий» в Порт-Петровске; в типографии М. Мавраева «Ал-Матба‘а ал-Исламийа» в Темир-Хан-Шуре и типографии И. Нахибашева в Хасавюрте.

Одной из главных особенностей книгоиздательского дела в Дагестане стало многоязычие печатной продукции: печатались произведения как на арабском языке, так и на языках народов Дагестана (кумыкский, аварский, даргинский, лакский) и некоторых языках народов Кавказа (азербайджанский, чеченский, кабардинский, балкарский, карачаевский, осетинский).

Большой популярностью пользовались переводные издания с обязательным присутствием основного текста на арабском языке. К ним можно отнести учебники по грамматике арабского языка с комментариями и пояснениями на дагестанских языках, конспекты по основам ислама, сборники стихов, многоязычные словари с элементами разговорников, составленных по тематическому принципу.

Одним из первых печатных изданий на арабском языке, составленным в виде конспекта, объединившего краткие выдержки из сочинений по богословию и грамматике известных средневековых авторов Дагестана и Ближнего Востока (‘Али ал-Гази Гумуки, Ибрахим б. ‘Абд-ал-Ваххаб аз-Занджани, ‘Абд ал-Кадир б. ‘Абд ар-Рахман ал-Джурджани) вместе с пояснениями к ним на аварском и кумыкском, а позже и чеченском языках, стал труд «Мухтасар фи байан ал-иман ва-л-ислам ва-с-сунна», изданный дагестанским первопечатником М. Мавраевым с дозволения цензуры Санкт-Петербурга в Симферополе, в типографии В. И. Якубовича в 1905 году². Это произведение переиздавалось несколько раз (2 издание — Темир-

¹ Попытки приспособить арабский алфавит к нуждам местных языков делались значительно раньше, с XV–XVI вв., однако широкое применение аджамская письменность получает со второй половины XVIII в.

² ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Инв. № 258 (а), 1180; 1058; 508 (а).

Хан-Шура, 1908 г.; 3-е издание — Темир-Хан-Шура, 1909 г.)¹ и пользовалось большим спросом у местного населения, что подтверждается его присутствием во многих частных и мечетских книжных коллекциях Дагестана в наше время, а также упоминанием в рекламных каталогах магазинов «Иттихад» и «Дар ал-Кутуб», продававших мусульманскую печатную продукцию в столице Дагестанской области Темир-Хан-Шуре в начале XX в.

Не менее популярным в Дагестане стало сочинение «Маджму‘ ат-гасриф» по грамматике арабского языка, где в качестве дополнительного материала приведены образцы спряжения глаголов на кумыкском, аварском и чеченском языках. Книга издавалась в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске и Хасавюрте в 1911, 1912 и 1913 годах.

Особое место среди арабографических многоязычных книг занимают словари карманного типа, составленные выдающимся дагестанским просветителем, поэтом и переводчиком Абусуфьяном Акаевым (1872–1931). В период с 1908 по 1928 гг. им впервые на Северном Кавказе, с учетом необычайной полиэтничности края, были подготовлены и изданы четырех-, пяти-, шести- и семиязычные переводные словари². Первым из словарей был издан четырехязычный словарь «Суллам ал-лисан» («Лестница языка») в Темир-Хан-Шуре, в типографии «Ал-Матба‘а ал-Исламийа» в 1908 г. В словаре присутствуют слова, идентифицированные на арабском, кумыкском, аварском и русском языках. Заключительные разделы этого лексикографического труда представляют собой простейший разговорник: употребляемые в обиходе вопросы и ответы на них. Последним был издан семиязычный словарь «Саб‘ат алсина» в г. Буйнакске (бывш. Темир-Хан-Шура) в 1928 г., уже после установления Советской власти. В нем были представлены слова и фразы из арабского, кумыкского, аварского, русского, чеченского, лакского и даргинского языков.

Выпуск многоязычных арабографических изданий, по замыслу их составителей, способствовал устранению препятствий в общении и распространении знаний. Многие дагестанские ученые, помимо арабского языка, владели несколькими местными языками; знание языка соседей приветствовалось как на бытовом уровне, так и в ученых кругах северокавказского региона.

После 1928 г. в Дагестане начались гонения и репрессии в отношении ученых-арабистов, представителей духовной элиты края. Большое количество рукописей и печатных книг на арабском языке и аджаме было уничтожено воинствующими атеистами под лозунгом «борьбы с мракобесием». Соответственно, издание арабографических книг было прекращено.

¹ Исаев А. А. Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1989; Османова М. Н. Каталог печатных книг на арабском языке, выпущенных дагестанскими издателями в России и за рубежом в начале XX века. Махачкала, 2008.

² Оразаев Г. М.-Р. Лексикографические работы А. Акаева // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Сборник статей и материалов. Махачкала, 1992. С. 80–86.

Почкаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Суд Тамерлана в исторических источниках Востока и Запада: историко-правовой анализ

В тимуридской историографии Тамерлан представлен как идеальный государь и справедливый судья. Но большинство сведений о его суде, сводится к упоминанию кратких фактов его расправы с попавшими в плен противниками, мятежниками и нерадивыми чиновниками.

Фактически единственный суд Тамерлана, подробно описанный в источниках — это процесс, состоявшийся летом 1404 г., вскоре по возвращении его в Самарканд из очередного похода. Это процесс интересен и тем, что нашел отражение не только в восточных источниках, но и в западном — дневнике Руя Гонсалеса де Клавихо, посла кастильского короля к Тамерлану, возможно, ставшего свидетелем его правосудия. Целью данного исследования является анализ процесса 1404 г. на основе имеющихся источников и реконструкция некоторых его деталей.

Строго говоря, речь идет не об одном, а о двух процессах, которые объединяет лишь тот факт, что они оба состоялись примерно в одно время, по существу же это были совершенно разные и не связанные друг с другом разбирательства.

Первое дело было связано со строительством знаменитой мечети Биби-ханым — старшей супруги Тамерлана. Согласно тимуридским авторам, вернувшись в Самарканд, Тамерлан пожелал увидеть мечеть и был крайне недоволен «малой и узкой» дверью, которую немедленно приказал заменить на «большую и широкую». Эта незначительная, на первый взгляд, деталь и послужила основанием для возбуждения дела по поводу злоупотреблений при строительстве мечети Биби-ханым.

Несомненно, тот факт, что это дело нашло отражение в целом ряде источников, причем было освещено гораздо более подробно, чем другие примеры правосудия Тамерлана, связан со статусом лиц, которые были привлечены к ответственности. Самым высокопоставленным из них был Ходжа Мухаммад Дауд, которого Клавихо характеризует как «одного из его главных алькальдов, которого они называют дина (везир) и который был главным человеком во всей Самаркандской империи». Согласно Йазди, он был «старшим [т. е. главой — *Р. П.*] писцов» (возможно — улуг-битикчи, т. е. главой одного из диванов).

Вместе с ним был привлечен к ответственности еще один сановник. Клавихо сообщает о нем следующее: «Один приближенный сеньора по имени Буродо Мирасса добивался царской милости, чтобы он простил того алькальда, давая за него четыреста тысяч пезантов серебра, а каждый пезант равен серебряному реалу. Сеньор ответил, что согласен, а как только получил с него деньги, приказать пытать, чтобы дал еще, а когда под конец уже ничего не мог с него взять, приказал подвесить за ноги, пока не умрет». Полагаем, речь идет о Мухаммаде Джильда, которого Йазди характеризует как коллегу Ходжи Мухаммада Давуда,

занимавшего аналогичную должность, а Ибн Арабшах называет «мубашир-и диван» (что, в принципе, близко к «старшему писцов»).

Источники содержат сведения о некоторых процессуальных действиях, позволяющих сформировать некоторые представления об осуществлении суда в Чагатайском улусе на рубеже XIV–XV вв.

Так, оба подозреваемых были связаны и взяты под стражу. Затем были допрошены их подчиненные — «канцелярские и чиновники», которые сами отделались тем, что Тамерлан им «строго поставил на вид». Ходжа Мухаммад Дауд и Мухаммад Джильда, вероятно, отрицавшие свою вину, были подвергнуты пыткам, заставившим их сознаться в своих преступлениях, после чего были повешены, их имущество конфисковано, а члены семей проданы в рабство.

Любопытно, что к ответственности не были привлечены непосредственные исполнители — строители и производители стройматериалов. Полагаем, что причиной этого мог быть особый статус соответствующих ремесленных объединений — «дербест», представлявший собой пожалование ремесленных корпораций сановникам, которые контролировали их деятельность и получали с них в качестве дохода те суммы, которые прежде шли в казну в качестве налогов. Таким образом, Ходжа Мухаммад Дауд и Мухаммад Джильда могли являться держателями дербеста и в качестве таковых отвечали за качество работ, осуществляемых ремесленниками, и за любые их нарушения.

Второе дело нашло отражение лишь у Клавихо: видимо, в глазах тимуридских авторов оно было слишком малозначительным по сравнению с предыдущим. Дипломат сообщает, что Тамерлан «велел судить некоторых лавочников за то, что они продавали в его отсутствие мясо по более высокой цене, чем оно [на самом деле] стоило. Потом учинил расправу с некоторыми башмачниками, сапожниками и прочими ремесленниками за то, что они продавали [слишком] дорого [свой товар]; приказал взять с них [обратно] лишние деньги».

В отличие от дела о строительстве мечети, по данному разбирательству нет сведений, как Тамерлану стало известно о завышении цен. Поэтому мы можем лишь высказать предположение, что дело было возбуждено по ходатайству самаркандского мухтасиба — чиновника, надзирающего за соблюдением канонов шариата, в т. ч. в торговой и ремесленной сфере. В определенных случаях он мог и сам привлекать к ответственности нарушителей, однако вопросы, связанные с уровнем цен, не входили в их число. Соответственно, в связи с данным нарушением он мог апеллировать к правителю. Нет сомнения, что, как и в деле о строительстве мечети, были допрошены пострадавшие от завышенных цен (Клавихо упоминает о распоряжении Тамерлана вернуть «лишние деньги») и, конечно же, сами преступники. Однако это преступление не было столь серьезным, как разобранное в рамках предыдущего процесса, да и лавочники с ремесленниками не являлись столь высокопоставленными лицами. Поэтому они отделались относительно мягким приговором: их лишь заставили вернуть незаконно взятое сверх официальной цены и покинуть место торговли.

В заключение мы можем сделать вывод, что Тимур в данных процессах, во-первых, продемонстрировал свою справедливость в отношении преступников разного положения, во-вторых, несмотря на то, что оба дела так или иначе были связаны с исламом, судил исключительно на основании собственного усмотрения, более позиционируя себя как преемник монгольских ханов, чем как ревностный мусульманин.

Раджабова Д. Н. (СаМГУ, Москва, Узбекистан)

Рассуждения Н. И. Веселовского о роли местных источников в изучении истории Средней Азии XIV в. (на примере сочинения Л. Лянглэ «Жизнь Тимура»)

Сочинение Л. Лянглэ «Жизнь Тимура» вызвало живой интерес и пристальное внимание ученых и даже, отчасти, ревностное отношение, особенно специалистов-востоковедов. Соответственно, как отголосок, в «Записках Восточного отделения императорского русского археологического общества» появилась «историческая критика», так называемое «суждение о частных индивидуальных явлениях на основании общих начал, принципов, возведенных в системы»¹, — рецензия Н. И. Веселовского², который своими рассуждениями в очередной раз показал себя авторитетным знатоком истории Востока.

Некоторые ученые считают, что «рецензии на историографические сочинения сочинять трудно, что слово оценки порой вязнет, теряет объективность...»³. Н. И. Веселовский считает, что труд Лянглэ никаким образом удовлетворить ученых востоковедов не может, хотя «среди нашей интеллигенции в Туркестане существует и все более и более усиливается интерес к местной истории и местной старине»⁴.

Принимая во внимание то, что Н. И. Веселовский в бытность свою профессором кафедры истории Востока Петербургского университета⁵ вел бурную педагогическую деятельность и не понаслышке был осведомлен о способностях учащихся, он сравнивает проделанное Л. Лянглэ исследование с возможностями гимназиста старшего класса, который в свою очередь лучше справился бы с этой работой. Видимо знатока истории периода Амира Тимура и Тимуридов раздражают «патетические разглагольствования» автора сочинения, о чем свидетельствуют и дополнительные

¹ Веселовский Н. И. Пособие к лекциям по истории Востока. СПб., 1901. С. 6.

² Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества (далее ЗВОРАО). Т. VI. СПб., 1892. С. 343–349.

³ Пучков А. А.. Ориентальные ориентации крымской историографии (к новой книге А. А. Непомнящего) / А. А. Пучков // Праці Центру пам'яткознавства: Зб. наук.пр. 2009. Вип. 16. С. 282–283.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Фармаковский Б. Н. И. Веселовский — археолог // ЗВОРАО. Т. XXV. СПб., 1916. С. 361.

сведения, приводимые рецензентом в сносках, где он говорит о некомпетентности Л. Лянглэ в вопросе о портрете Тимура и фотографии изображения его гробницы¹.

Анализируя сочинение «Жизнь Тимура», ученый обвиняет автора в допущении немаловажных грубых ошибок и игнорировании имеющихся надежных источников в описании «Уложений» Тимура.

Скрупулезность и точность анализа фактического материала, высокая научная требовательность и принципиальность всегда позволяли Н. И. Веселовскому создавать наиболее полную и всестороннюю картину прошлого, которую он отражал в своих исследовательских работах. Ученый в силу своих научных интересов не мог обойти вниманием такую противоречивую личность, как Амир Тимур, о чем свидетельствуют его рассуждения по поводу «важных и в то же время в высшей степени заманчивых задач, которые могут иметь большое влияние на развитие наших исторических сведений о Средней Азии»².

Рецензент, анализируя такие источники, как «Зафарнома» Шарафиддина Али Язди, «Уложения Тимура», «Бабурнаме», «Тарихи Саид Рокими», «Абдулланаме» делает вывод, что грамотное изучение этих источников, правильный перевод на иностранные языки послужат «крупными основами для нашего знания...»³. Научно-обоснованное сохранение исторических и культурных памятников было и остается всегда актуальным.

В частности, касаясь качества перевода содержания старинных рукописей, Н. И. Веселовский обращает внимание на необходимость перевода на один из европейских языков «Мукаддима» («Вступление») к «Зафарнаме» Шарафиддина Али Язди, что также в свою очередь удовлетворило бы потребности в еще более глубоком изучении истории этого периода.

Ученый, высоко оценивая «Бабурнаме» («Записки султана Бабура»), обозначает задание для исследователей: сравнить единственную в Туркестане рукопись, которая принадлежала военному губернатору Ферганской области Г. А. Арандаренко, с текстом, изданным русским востоковедом Н. И. Ильминским.

Изучение «Тарихи Саид Рокими» Н. И. Веселовский считает «успехом нашего востоковедения». Обилие библиографического материала, многочисленность рукописей, различие в них описаний событий требуют также сличения текстов и их анализ может внести неоценимый вклад в развитие востоковедения. Н. И. Веселовский правомерно считает, что этот исторический источник «должен служить настольною книгой всякого, занимающегося новой историей Средней Азии»⁴.

Не менее важным произведением, имеющим большое историческое значение, Н. И. Веселовский называет «Абдулланаме». Хотя имеющийся перевод ученый трактует как больше литературный, чем исторический и именно это осложняет доступность и усвояемость содержания источника.

¹ Отдельный оттиск из ЗВОРАО. Т. VI. СПб., 1892. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же. С. 2.

Еще один момент, на который обращает внимание Н. И. Веселовский, это совместная работа с местными собирателями древностей при наличии у них «великого преимущества», какими являются знание местного быта, коренных жителей, местной топографии и, что немаловажно, языковые особенности лингвистического характера. Правильный подход в этом деле позволяет, как считает ученый, избежать промахов и ошибок, которые могли бы допустить академические ученые-востоковеды.

Как видим, сочинение Л. Лянглэ «Жизнь Тимура» послужило лишь поводом для привлечения ещё большего внимания к изучению истории Средней Азии и определению ряда насущных задач российской востоковедческой науки, при том, что, по утверждению Н. И. Веселовского, тот, «кто выступит на этот путь, заслужит особенную благодарность потомства»¹.

Раишев Т. Т. (НУУз, Узбекистан)

Из истории военной медицины: Туркестанские хроники

После завоевания Российской империей Средней (Центральной) Азии в 60-х гг. XIX века возник вопрос о создании и формировании военной медицины в Туркестанском крае, так как санитарная обстановка в среднеазиатском регионе оставляла желать лучшего. Были распространены такие заболевания, как: волосатик — ришта, лихорадка, любострастная болезнь (сифилис)², оспа, горячка³. В то время основными врачами выступали *табибы*, *джаррахи* (хирурги), *риштачи* (хирурги, удалявшие ришту — гвинейского червя), *синикчи* (травматологи), *доя* (повивальные бабки), *зудукчи* (гирудотерапевты), использовавшие лечебные средства животного, растительного происхождения, а также минералы, и владевшие методами народной медицины основанной на доисламской и исламской традициях⁴.

Императорская Военно-медицинская академия (открыта 18 декабря 1798 г., как Медико-хирургическая академия⁵) явилась кузницей кадров для всей Российской империи, в том числе и для Туркестанского военного округа. Собственно ее знаменитые выпускники, волею судеб оказавшиеся в Туркестане: профессор П. Ф. Боровский (1863–1932 гг.), который в 1892–1894 гг. боролся с холерной

¹ Отдельный оттиск из ЗВОРАО. Т. VI. СПб., 1892. С. 3.

² Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 3. СПб.: Типография Йос. Йоаннесова, 1818. С. 92–95.

³ Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 году // Сибирский вестник. 1818. Ч. 4. СПб.: Типография Йос. Йоаннесова, 1819. С. 157.

⁴ Шадманова С. Б. Медицина и население Туркестана: традиции и новации (конец XIX — начало XX вв.) / Историческая этнология. Т. 2. № 1. 2017. С. 121.

⁵ Императорская военно-медицинская (Медико-хирургическая) академия. Исторический очерк Ч. 1. До царствования императора Александра II // Столетие Военного министерства 1862–1902 гг. СПб.: Сенодальная типография, 1902. С. 21–22.

эпидемией в Ташкенте, а в 1894–1898 гг., первым в мире исследовал и описал возбудителя кожного лейшманиоза (пендинская или «сартовская» язва)¹; профессор А. Д. Греков (1873–1957 гг.), внесший огромный вклад в изучение этиологии малярии и различных видов лихорадок, распространенных в Мервском оазисе²; И. П. Шевердин (?–1928 гг.), военный врач-окулист, открывший сельскую больницу-амбулаторию в кишлаке Тилляу Ташкентского уезда в Ахангаранской долине, лечивший местное население от конъюнктивита, слепоты, малярии, тифа, простуды, проводивший оспопрививание и операции, кесарево сечение и др.³

За более 50 лет российской власти в крае были открыты военно-медицинские учреждения (Самаркандский, Ташкентский военные госпитали), предоставлявшие помощь военным и местному населению, больницы, аптеки, также развивалась частная медицина. Благодаря реформам Александра II, одна из которых касалась реконфигурации высшего образования в пользу женщин, в последствии обернулась тем, что в Туркестан смогли приехать первые женщины-врачи из Санкт-Петербурга и Москвы⁴. Первопроходцами здесь были женщины-врачи Н. Н. Гундиус, А. В. Пославская, Е. Н. Мандельштамм, организовавшие в 1883 году в Ташкенте первую амбулаторную «лечебницу для туземных женщин и детей»⁵.

Таким образом, исходя из вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

- с приходом России в регион появляется медицина европейского типа: военные госпитали, амбулатории, аптеки, лазареты, кроме этого русские военные врачи, многие из которых были выпускники Императорской Военно-медицинской академии, внесли большой вклад в борьбу с различными инфекционными и тропическими болезнями;
- анализ широкого пласта историографии позволил нам заключить, что, как в Центральной Азии, в России, так и среди западных исследователей данная тематика является актуальной и нуждается в разработке. Основными направлениями являются: санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе, история народной медицины в Туркестане, вклад российских медиков в развитие военной и гражданской медицины в крае, гендерный вопрос.

¹ Раишев Т. Т. История становления военной медицины в Туркестанском крае: штрихи к портрету П. Ф. Боровского. «Взгляд в прошлое», электронный журнал. Ташкент, 2022. Июль. Т. 5. № 7. С. 68–69.

² Софиев М. С. Алексей Дмитриевич Греков // А. Д. Греков Избранные труды. Ташкент: Медицинское государственное издательство Министерства здравоохранения УзССР, 1960. С. 3–4.

³ Цыряпкина Ю. Н. Деятельность русских военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 71. DOI: 10.21603/2078–8975–2017–1–69–73.

⁴ Hohmann S. La médecine moderne au Turkestan russe : un outil au service de la politique colonial // Cahiers d'Asie centrale № 17/18. Tachkent, Paris: IFÉAC Éditions Complexe, 2009. p. 323.

⁵ Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Эл.-патов. типо-лит. О. А. Порцева, 1912. С. 331.

Резаиуня А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Способность места»: разъяснение Махмуда ибн Вали Балхи о причинах важности Балха

Город Балх стал одним из центров силы Узбекского (Бухарского) ханства с 1526 года. Политическое и культурное значение этого города возросло в эпоху Аштарханидов (XVII в.), когда Балх стал вторым центром силы в ханстве после Бухары. В этот же период Махмуд ибн Амир Вали Китабдар Балхи написал энциклопедический труд под названием «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар». Важная часть этого труда посвящена городу Балху. Хотя описание Балха основано на книге «Фазаил-и Балх», автор добавил к ней важные описания, а также пересмотрел и дополнил предыдущую информацию, изучив другие источники и проведя полевые исследования. Авторские описания и дополнительные сведения о Балхе до сих пор специально не изучались. Эти сведения важны как в целом (как своего рода политическая акция), так и как историческая информация. В докладе предпринята попытка прочесть текст в соответствии с его историческим контекстом и проанализировать доводы, приведенные автором для разъяснения важности Балха, согласно истории Мавераннахра в XVII веке. Наше утверждение заключается в том, что, учитывая усиление политических позиций Балха в XVII веке, была предпринята попытка обрести легитимность, ссылаясь на историю и религию и приводя аргументы в пользу позиции Балха. Рассматривая этот вопрос, Махмуд ибн Амир Вали начинает философскую дискуссию под названием «Способность места», высказав идею, что некоторые города обладают особым талантом. Изучение этого вопроса может помочь лучше понять историю Узбекского (Бухарского) ханства, а также интеллектуальную историю урбанизма в Центральной Азии.

Сафонова Н. В. (ИВ РАН, Москва)

Современные тенденции в искусствоведческой историографии народов Кавказа (на примере Дагестана)

Современное искусство Дагестана, как и всего кавказского региона отличается большим разнообразием и находится под влиянием различных традиций: советского прошлого, мусульманской культуры, национальной/этнической культуры и мирового актуального искусства.

Построение новой «горской» идентичности¹ в постсоветскую эпоху во многом основано на присущем кавказским народам этноцентризме и традиционно высо-

¹ Подробнее о поиске «горской идеологии» см.: Бабич И. Поиски современной «горской идеологии» на Северном Кавказе. Кавказ и глобализация. Т. (1). 2006. Сс. 155–156

ком значении принадлежности к определенному роду, аулу и селу¹. В рамках этой тенденции творчество локальных художников, творивших в советскую эпоху, приобретает особую важность и становится отражением национальной культуры, тогда как исследователи большое внимание уделяют тому, как «народное творчество, история, культура и быт родного края ... стали <для художников> источником вдохновения и проникновения в мир духовных ценностей народа»². Пафос поставленной цели мешает восприятию художественного наследия в современном ему советском контексте.

На сложность изучения преемственности в культурной традиции Кавказа указывала З. У. Махмудова на примере обращения мастеров декоративно-прикладного искусства к имперской символике. В советское время не только исследование, но и хранение и собирание подобных вещей, будь то элементы костюма, ковры или украшения, было практически невозможно по идеологическим причинам³. Схожим образом характеризуется и современное отношение к социалистическим символам и сюжетам в искусстве народов Кавказа.

В связи с этим, особый интерес представляют тенденции актуальной искусствоведческой историографии в изучении творчества кавказских художников, таких как Х. Мусаясул, М. К. Аветисян, А. Н. Волков, А. Акопян, М.-А. Джемал, К. А. Мурзабеков М. К.-М. Юнусилау и др., в особенности, в сравнении с традицией освещения их деятельности советскими исследователями⁴.

Серкина Г. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Влияние культуры кочевников на сложение иконографии Святого Всадника

Место зарождения христианства — Ближневосточный регион — с глубокой древности являлось перекрестком, где встречались и смешивались народы и племена, скрещивались религии, культуры и традиции. Развитие и распространение

¹ Малявина Г. И. Кавказ в культурном пространстве России. — Ставрополь. 2015. С. 33.

² Байрамбеков М. М. Основатели профессионального искусства Дагестана. Искусство — Диалог Культур. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, 2020. С. 62

³ Гусян Л. С., Магомедова А. И., Махмудова З. У. Имперские символы в декоративно-прикладном искусстве Кавказа // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ, Москва имени М. В. Ломоносова. 2016. № 4. С. 227–249.

⁴ Несмотря на сравнительно небольшое количество работ, можно выделить ряд специализированных монографий-каталогов, например: Искусство республик Кавказа и Средней Азии. М., 1992; Искусство советских республик Средней Азии и Закавказья. М., 1982; Башкиров А. С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931; Сычева Н. С. Из истории изучения восточной художественной культуры в СССР. М., 1978.

христианства совпало с активностью кочевых народов, которые волнами двигались на Запад двумя древними «дорогами народов»: севернее Черного моря и южнее Каспия. Их движение на Запад — это не только сражения, но и культурная ассимиляция с обеих сторон; очевидны заимствования элементов культуры кочевников в иконографии христианских святых. И не только элементов культуры: например, Иисус Христос и Богородица на многих армянских иконах сельджукского времени (XI–XIII вв.) изображены монголоидными.

Примером заимствования элементов культуры кочевников являются изображения Святого Всадника. В иконографической традиции икона Святого Всадника прочно и надолго связалась со святым Георгием Победоносцем, особенно на поздней стадии развития его иконографии. Хотя есть и другие святые, которые изображались как всадники — например, святой Меркурий. Однако иконы с другими святыми всадниками намного реже встречаются, чем изображения святого Георгия. Биография святого носит легендарный характер. Возможно, его образ — это синкретический образ всех христиан, подвергшихся жестоким истязаниям со стороны врагов христианства. Однако это положение относится только к его ранней иконографии, поскольку с течением времени иконография Георгия Победоносца претерпела значительную эволюцию. Особенно это касается идейного содержания его икон: от портрета христианского мученика до торжествующего Победителя inferнального зла.

Судя по многочисленным памятникам с изображением святого Георгия, культ которого зародился в IV на восточной периферии Византийской империи, его иконографические образы, в целом, распадаются на две группы: пеший и всадник. Многочисленные иконы, в большинстве своем относящиеся к раннему периоду развития иконографии Святого Георгия, в которых он изображен по-разному: верхом или пеший; в гражданской одежде или в доспехах; не вооруженный или вооруженный; с пикой или с мечом; один или в группе с другими святыми; погрудно или в рост и т. д.

Изображения святого в военных доспехах как вооруженного всадника совпадают со временем военно-политической активности сельджуков в этом регионе. Влияние сельджуков очевидно: это и появление коня на иконе святого, и убранство коня, и костюм святого. Со временем иконография святого Георгия обогащается новым, нехарактерным до этого, элементом. Появляется новый персонаж: дракон. Появление рептилии на иконах святого Георгия — это позднее явление. Этот сюжет передавал часто происходившие в реальности сцены пленения пешего всадником. Существуют изображения пленных, которые лежат перед конем вооруженного всадника. Самое раннее изображение пленения — это «печать Соломона» (IV в.). Сцена пленения была переработана иконописцами: вместо пленного человека стали изображать рептилию. Этим они придали иконе святого глубокий идейный смысл вселенской борьбы Добра со Злом. Эта идея, заложенная в обогащенной новым персонажем иконах Георгия, больше отвечала духу христианской религии.

Одновременное сочетание сюжетных элементов «конь», «всадник» и имперсонал зла «дракон» в одном образе Георгия Победоносца появляется в окраинных,

восточных провинциях Византийской империи. В европейскую часть Византийской империи образ святого-всадника проникает гораздо позднее (XII в.), и не получает широкого хождения. В то время как иконы святого Георгия-всадника на византийской восточной периферии появляются и распространяются там с IX–X вв. Наибольшая популярность Святых воинов-всадников-драконоборцев заметна в зоне контактов византийского Востока с кочевым миром.

Смесова Е. А. (АНГУ, Узбекистан)

Источники о русских духовно-культурных учреждениях Туркестанского края (конец XIX — начало XX вв.)

Одним из важных направлений новой истории Узбекистана является объективное освещение переломного исторического периода, связанного с завоеванием царской Россией Средней Азии и системное изучение вызванного им многоаспектного воздействия на общественный строй и жизненный уклад народов края.

Источники по данному периоду разнообразны по своему характеру и содержанию. Прежде всего, это «Указ Правительствующего Сената об образовании Туркестанской области 1865 г.», «Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», «Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г.» и др. Основу источниковой базы составляют архивные документы Национального государственного архива Республики Узбекистан. В частности, фонды: Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (Ф. И-1), Управления начальника Зерафшанского округа (Ф. 5), Правлений Сырдарьинской (Ф. И-17), Самаркандской (Ф. И-18), Ферганской (Ф. И-19) областей, Управление начальника Скобелевского уезда (Ф. 23), Управление начальника города Ташкента (Ф.36), Управление учебных заведений Туркестанского края (Ф.47), Совет Туркестанского генерал-губернатора (Ф. 717), Сырдарьинское попечительство о детских приютах (Ф. 268), Туркестанский комитет попечительства о слепых (Ф. 611). Концентрируя в себе документы, исходящие из правящих институтов империи и краевой администрации, они позволяют проследить формирование духовно-культурной политики российского правительства и охарактеризовать деятельность краевых и областных структур по практической реализации этой политики в Туркестанском крае.

Из большого количества архивных материалов выделяются данные о переселенческой политике властей, условиях и методах переселения русского населения в Туркестан; журналы заседаний Канцелярии туркестанского генерал-губернатора и областных правлений по проблеме формирования духовно-культурной политики,

образования приходов, монастырей, Духовной консистории, строительства храмов и т.д. Документы свидетельствуют о проведении русской церковью общественно-просветительской и благотворительной деятельности среди русского населения. Осваиваясь на новом месте, русские поселенцы первым делом писали прошения о постройке церкви, о том, чтобы прислали священника, о необходимости заложения храмов.

Документы о благотворительной деятельности религиозных и светских учреждений можно разделить на следующие группы: организационные документы, распорядительные, учетные, учетно-контрольные и отчетные документы. В первую группу входят уставы, положения и правила благотворительных обществ, дающие представление о работе Туркестанского благотворительного общества. Примером распорядительной документации может послужить дело «Об открытии в Ташкенте Туркестанского благотворительного общества», «О принятии в ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны Ташкентского детского приюта имени К. П. фон Кауфмана и о личном составе попечительства»¹.

К учетным документам относятся различные расходные книги и журналы, подписные листы на пожертвования, расходные кассовые книги благотворительных обществ. В группу учетно-контрольных документов входят материалы ревизий благотворительных обществ.²

Составной частью комплекса источников из группы официального делопроизводства являются отчеты о конкретной деятельности высших чинов администрации и отчеты различных государственных учреждений, отчеты и обзоры областных правлений,³ опубликованные сборники документов и отчеты официальных ревизий Туркестанского генерал-губернаторства⁴.

Отчеты сенаторов Российской империи Ф. К. Гирса (1882) и К. К. Палена (1908) дают обширный материал для сравнительного анализа действий колониальной власти за четверть века и в то же время раскрывают подходы высших российских

¹ ЦГА РУз. Ф. 268, Оп. 1. Д. 43.

² Например: дело «О расследовании жалоб на администрацию Ташкентской богадельни (1907); «Отчет главного комитета о действиях Туркестанского благотворительного общества за 1874–1875 гг.»; «Отчет Самаркандского областного попечительства детских приютов за 1909 г. и др. Обзоры Сырдарьинской области за 1885–1913 гг. Ташкент, 1886–1916;

³ Обзоры Сырдарьинской области за 1885–1913 гг. Ташкент, 1886–1916; Обзоры Самаркандской области за 1888–1910 гг. Самарканд–Ташкент, 1888–1912; Обзоры Ферганской области за 1889–1913 гг. Новый Маргелан, 1889–1916; Терентьев М. А. Статические очерки Среднеазиатской России // Записки русского географического общества отдел статистики. Ташкент, IV. СПб., 1874; Церковные школы Российской империи. Статистические сведения. СПб., 1907.

⁴ Гирс Ф. К. Отчет о состоянии Туркестанского края. СПб., 1883; Он же. Отчет о состоянии Туркестанского края. СПб., 1888; Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879–30 августа 1904 гг.), Составитель Н. П. Остроумов. СПб. 1905. 219 с.; Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Выпуски I–XVIII. СПб., 1909–1910. Пален К. К. Материалы к характеристике переселенческого хозяйства в Туркестане. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Ч. 1. Отд. 4. СПб., 1911.

чинов к проблемам управления Туркестаном, и в частности, к вопросам духовно-культурной политики в регионе.

Для характеристики позиций общественного мнения, выражавшего интересы военно-служилой бюрократии, определенный интерес имели публикации «Туркестанских ведомостей» (1870–1917), «Туркестанского курьера» (1908–1917), «Русского Туркестана» (1898–1907), «Туркестанских епархиальных ведомостей» (1906–1917), газет «Церковный голос» (1906), «Церковь и жизнь» (1917), «Ферганские областные ведомости» (1907–1917).

Привлечение значительного массива разных источников в их органической взаимосвязи и сравнительном сопоставлении позволит глубже исследовать изучаемую тему.

Сулайманова С. Б. (Каршинский ГУ, Узбекистан)

История Согдийского оазиса в письменных источниках раннего средневековья

Политико-административное устройство Согдийского оазиса в раннем средневековье представляло из себя конфедерацию, включавшую в себя около десяти больших и малых владений, расположенных, в основном, в верхнем и среднем течении реки Зарафшан и Кашкадарьинском оазисе¹. В VI–VIII вв. в период Тюркского каганата (552–744 гг.) в Согдийскую конфедерацию, центром которой признавался в основном Самарканд, а в какой-то период Кеш (Шахрисабз), входили владения Панча (Пенджикента) — Маймург, Кабудан (Губдин), Фай, Иштихан, Кушания (Каттакургана) и Нахшаб.

Если говорить о китайских источниках, то в летописях «Бэй-ши», «Суй-шу», «Тан-шу» и в трудах путешественников Сюань Цзана (629–645 гг.), Хой Чао есть сведения о связях каганата с Согдом². Политико-административные единицы Согда, описанные в китайских источниках, такие, как *Су-тэ*, *Су-ле* и *Кан*, включают в себя Самарканд (в источниках в основном в форме *Кан*, в редких случаях как *Сиванган*, *Самогян*), а также другие владения как *Ми*, *Мими* — Маймург, *Цао* — Иштихан, *Средний Цао*, *Габудан/Киепутана* — Кабудан, *Хэ*, *Кушуанни-*

¹ Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-сугд муносабатлари. Тошкент, ART-FLEX, 2010. Б. 64–68; Ғойибов Б. Сугд тарихидан лавҳалар. Самарқанд, 2020. Б. 12–19.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. Том II. С. 260–267, 285–288, 310–318, 321–325; Бернштам А. Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, 1952. № 1. С. 189–191; Тугушева Л. Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-Цзана. М.: Наука, 1991; Ekrem E. Hsüan-Tsang Seyahetnamesi'ne göre Türkistan. Basılmamış doktora tezi. Hacettepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2003. S. 112–114, 126–131, 135–136.

киа — Кушания, *Ши*, *Кюеше*, *Киениуанна* — Кеш, *Нашебо*, *Нашеболо*, *Малый Ши* — Нахшаб¹. В летописях «Бэй-ши», «Суй-шу» упоминается о женитьбе правителя *Кана* (Самарканда) на дочери западно-тюркского правителя Даду (Тарду)-кагана, а также пишется о том, что княжество *Кан* является сильным государством, и большая часть следующих владений на Западных окраинах подчиняется ему: *Ми* (Маймург), *Ши* (Кеш), *Цао*, *Хэ* (Кушания), *Малый Ань* (Кармана), *Нашебо* (Нахшаб), *Унагэ*, *Му* (Амуль — Чарджоу)².

Согдийские документы включают в себя сборник более 80 документов³, найденных на горе Муг, относящихся к первой четверти VIII в., а нумизматические материалы составляют монеты, чеканенные в Самарканде, Панче, Кеше, Нахшабе и ряде княжеств оазиса в VI–VIII вв.⁴ Мугские документы под номерами А-9, А-14, В-17, В-18 занимают важное место в изучении вассальных связей каганата с Панчом⁵. В первой четверти VIII в. не только представители Панчского владения, но также Деваштич (709–722 гг.), претендовавший на согдийский трон, согласно документу под номером В-17, придавал большое значение оказанному ему «высокому уважению и почету» со стороны кагана, указав на грамоту, полученную от кагана. Согласно мнению целого ряда исследователей, этими действиями он признавал себя вассалом тюркского кагана. В документах А-14, В-17 и В-18 Тюркский каганат и его правители названы термином «хун», они признавались лидирующей и объединяющей политической силой всех сил региона против арабских завоевателей⁶.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах. ... С. 264, 271–272, 274–275, 280–281, 286–287, 310–313, 315–317; Ходжаев А. Сведения древнекитайских путешественников о Самарканде // Цивилизация и культура Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд, 2009. С. 142–144.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах ... С. 271–281.

³ Согдийские документы с горы Муг. Чтение, Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962; Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963; Исхоков М., Бобоёров Ф., Кубатин А. Суғд тилидаги манбалар / Ўзбекистон тарихи. Хрестоматия, 2/1. Тошкент: Фан, 2014. Б. 57–100.

⁴ Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970; Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III — середина VIII в. н. э.). Ташкент, 2006; Баратова Л. С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII — первой половины VIII вв. // НЦА. Ташкент, 1998. Вып. III. С. 41–43; Baratova L. Alttürkische Münzen Mitteleasiens aus dem 6. –10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. — Berlin, 1999. — Band 31. P. 219–292; Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о монетах а с титулом «хатун» // Марказий Осиё халклари тарихи манбашунослиги ва тарихшунослиги масалалари. V Республика конференция материаллари. 5-илмий тўплам. 2-кисм. Тошкент, 2013. Б. 95–107.

⁵ Grenet F., de la Vaissiere E. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology, 8. Kamakura 2002. P. 155–196.

⁶ Grenet F., de la Vaissiere E. The last days ..., P. 155–196; Исхоков М., Бобоёров Ф., Кубатин А. Суғд тилидаги манбалар ..., Б. 64–71, 81–85.

Если говорить об арабо-персидских источниках, следует отметить, что в сочинении «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и правителей») Абу Джафара ат-Табари и «История Бухары» Абу Бакра Наршахи есть сведения о начальных действиях тюркских каганов в Согде, кагане Карачурине и его сыне Шери Кишвар (Иль Арслане), отправленном в Бухару¹. Другой автор Динавари пишет о том, что Сасанидский Иран и Тюркский каганат, победив государство Хайтал (Эфталитов), поделили его земли между собой, каганат получил Чач, Фергану, Согд и Бухару, а сасанидам отошли Тохаристан и Кабул². В сочинении Табари встречаются сведения о том, что правитель Самарканда Гурек (738 г.) при встрече с арабами назвал себя верным слугой и чакиром (личной гвардией) кагана³.

Весомая часть византийских (написанных на греческом языке) источников содержит рассказы послов, посетивших административно-управленческие центры Тюркского каганата в Семиречье, которые ознакомившись там непосредственно с традициями тюркских народов, а также согдийцев, предоставили сведения о них византийцам. В византийских источниках есть факты о согдийском торговце Маниахе, возглавившем посольство, отправленное в Сасанидский Иран в 560-е годы, и о посольстве того же Маниаха, отправленного от имени каганата в 570-е годы в Византию в целях установления союзнических отношений⁴.

В трудах таких армянских историков и географов, как Себеос (VII в.), Анания Ширакаци (VII в.), Моисей Каланкавацци (VII в.)⁵, Моисей Хоренаци (VIII в.), также содержатся фрагментарные сведения, отражающие историю в основном Тюркского каганата, но частично и Согда. Важное значение имеют сведения армянских источников о том, что войско Сасанидов в 590-е годы перешло реку *Вехрод* (Амударью) и достигло местности под названием *Казбион*, где столкнулось с армией кагана.

Сведения, касающиеся отношений Согда и Тюркского каганата, также нашли свое отражение в источниках на пехлевийском, сирийском и тюркском языках, а сведения, встречающиеся на средневековых тюркских надгробных камнях, вносят определенную ясность во взаимоотношения Западно-Тюркского каганата и Согда. В частности, на надгробных камнях каганов говорится о том, что их предки совершали походы до самого Согда и достигали границ Темир капы (Дарбанд/Байсунские горы)⁶.

¹ Наршахий, Абу Бақр Муҳаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс тилидан А. Расулев таржимаси. Тошкент: Фан, 1966. Б. 91.

² Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. П. 229; Shaban M. A. Khurasan at the Time of Arab Conguest/Iran and Islam. In memory of the Late Vladimir Minorsky. Edinburg, 1971. P. 482483; Равшанов П. Қашқадарё тарихи. Тошкент: Фан, 1995. Б. 201; Зиё А. Ўзбек давлатчилиги тарихи. Тошкент, 2001. Б. 81.

³ История ат-Табари. Избранные отрывки (Пер. с араб. В. И. Беляева. Допол. к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова). Тошкент: Фан, 1987. С. 225.

⁴ Taşgıl A. Gök-Türkler. — Ankara, 1995. S. 64; Haussig H. W. İpek Yolu ve Orta Asya Kültür Tarihi. Çev. M. Kayayerli. İstanbul, 2001. S. 187.

⁵ ТерМкртчян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. М.: Наука, 1979.

⁶ Содиков Қ. Қадимги туркий битиглар / Ўзбекистон тарихи. Хрестоматия, 2/1. Тошкент: Фан, 2014. Б. 118–119.

*Токоева Г. С. (ЖАГУ, Кыргызстан),
Авазов Э. А. (ЖАГУ, Кыргызстан)*

Вклад кыргызского ученого Ташманбета Кененсариева в изучение истории Кокандского ханства

Важным вопросом историографии народов Центральной Азии являются новые подходы к изучению истории в период XVIII — начала XX вв. В докладе рассматривается отражение истории Кокандского ханства в трудах кыргызского ученого Т. Кененсариева. Как известно, кыргызские исторические личности играли важную роль в политической жизни ханства. Это признается всеми исследователями истории Кокандского ханства. Многие личности ферганских кыргызов вносили огромный вклад в совершенствование управления государством, в развитии дипломатии, военно-административного реформирования, хозяйственно-культурного развития ханства. Некоторые из них, например, Нузуп-бий, Алымбек-датка, Алымкул-лашкербаша, Искак Асан-уулу Полотхан даже положили свои головы ради сохранения ханства и независимости населения Ферганской долины. Долгие годы не были известны личности, внесшие свой вклад в Кокандское ханство, которые высказывали односторонние взгляды на историю ханства.

Кокандское ханство, охватывавшее всю территорию современного Кыргызстана, долгие годы оценивалась как реакционное, отсталое, феодальное, восточно-деспотическое государство. Это, в первую очередь, было связано с концепцией советских идеологов о прогрессивной роли вхождения в состав России народов Средней Азии. До недавнего времени во всех академических изданиях, учебниках и программах Кыргызстана присутствовало официальное утверждение, что Кокандское ханство было ханством узбекского народа, не имеющим ничего общего с историей Кыргызстана. В этих работах встречаются специальные разделы по «завоеванию» Кыргызстана Кокандским ханством. В результате многие исследователи придерживались мнения, имевшего место в советской историографии, что Кокандское ханство имело мало общего с историей Кыргызстана и что Кокандское ханство «покоряло и угнетало кыргызов».

Но здесь следует отметить, что видные кыргызские историки А. Хасанов и К. Усенбаев, изучавшие Кокандское ханство в советское время, прямо не говорили о Кокандском ханстве как «узбекском ханстве», указывая, что это было многонациональное государство в Центральной Азии. Например, А. Хасанов еще при советской власти свидетельствовал, что в мае 1898 года произошло восстание за превращение Коканда в независимое государство (Андижанское восстание — А. Э.) и что главной движущей силой этого восстания были ферганские кыргызы.

Таким образом, история Кокандского ханства в советское время практически не изучалась как проявление государственности всех народов Ферганской

долины. В настоящее время в связи обретением независимости и демократизации общества социальные изменения привели к концептуальным изменениям в исторической науке. В этой связи можно отметить работы историков Т. Кененсариева, Д. Сапаралиева, К. Молдокасымова, Т. Омурбекова, Т. Чоротегина, Б. Абытова, Ж. Алымбаева, Т. Омурзакова и др. Многие из них в своих более поздних работах подробно описали, что Кокандское ханство было общим государством кыргызского и узбекского народов. Но, конечно, сегодня еще есть разногласия по этому поводу: в кыргызской историографии и среди кыргызстанских историков нет единого мнения насчет принадлежности Кокандского ханства. Несмотря на это, можно считать, что в постсоветское время начало доминировать мнение о том, что Кокандское ханство было одним из этапов истории кыргызской государственности. В этом плане работы профессора Т. Кенесариева занимают важное место в кыргызской историографии. Профессор был одним из первых ученых, последовательно внедрявших эту научную точку зрения в область науки. Впервые на уровне докторской диссертации было подтверждено, что Кокандское ханство было частью кыргызской государственности. Некоторые монографии автора и учебники по истории Кыргызстана, научные статьи были изданы на кыргызском, русском, узбекском, китайском и персидском языках. Т. Кенесариев рассматривал историю Кокандского ханства как неотъемлемую часть кыргызской истории, а само это государство как одну из форм государственности кыргызов¹. Эту точку зрения он высказывал в ряде исследований, причем отметил, что аналогичные взгляды высказывались и узбекскими учеными. В связи с этим он привел ряд аргументов:

- Южные кыргызские племена, проживавшие в Ферганской долине, с первого дня, были полноправными гражданами Кокандского ханства. Фактически в 60-х годах XVIII в. кокандские ханы «расширили» свои владения за счет земель кыргызов. «Завоевание» кокандскими ханами Кыргызстана с начала XIX в. следует охарактеризовать как расширение ханства.
- Во времена Кокандского ханства элементов этнического притеснения кыргызов не было. В целом, в ханстве не делили население страны по этническому признаку.
- В политических отношениях соперничество между этих этническими группами часто выливалось в борьбу между двумя общинами, характер которой в основном ограничивался спорами о центральной власти или другими политическими, а также личными вопросами.

Т. Кенесариев считал Кокандское ханство «проявлением кыргызской государственности», но в то же время он был далек от восхваления Кокандского ханства, отмечая, что налоговый гнет во время Кокандского ханства было источником недовольства всего населения, в том числе и кыргызов.

¹ Кенесариев Т. Кокандское ханство как форма государственности кыргызов // Диалог цивилизаций. Вып. III. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне шелкового пути. Бишкек, 2003. С. 129–133.

Живя в Кокандском ханстве и участвуя в управлении своим государством, отдельные кыргызские бии попытались образовать самостоятельную кыргызскую государственность. Одним из них был Алымбек-датка. Он действительно стремился к созданию самостоятельного государства кыргызов. По этому поводу знаменитый ученый Узбекистана Х. Бабабеков отмечал, что «восстание Алымбека заслуживает особого внимания и дополнительного поиска материалов. На наш взгляд, если предыдущие восстания кыргызов в основном ставили своей целью решение экономических вопросов или смену правителей ханства, а также первенство в государственной иерархии, то Алымбек стремился к образованию самостоятельного и независимого государства»¹². Намерения Алымбека стали известны и в Петербурге. Русские власти относились к этому вполне благосклонно.

Таким образом, начиная с середины 1990-х годов до конца своей жизни профессор Т. Кененсариев опубликовал ряд исследований по проблемам историографии Кокандского ханства и выдвинул концептуальные взгляды.

Угдыджеков С. А. (Саяно-Шушенский филиал СФУ, Хакасия)

Историография Кыргызского каганата

С начала XIX в. одним из главных направлений в изучении истории кыргызов становится комплекс вопросов о происхождении тьянь-шаньских кыргызов, об их связи с енисейскими кыргызами и историческими событиями домонгольского времени. Наряду с трактовками Ю. Клапрота и К. Риттера, известность получила точка зрения русского китаиста Н. Я. Бичурина, который, в соответствии со своими взглядами об автохтонности большинства южносибирских и центрально-азиатских народов, полагал, что кыргызы издавна, никуда не переселяясь, жили на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане². Различные предположения о времени переселения кыргызов на Тянь-Шань выдвигали Ч. Ч. Валиханов³, В. В. Радлов⁴, Н. А. Аристов⁵ и др.

¹ Бабабеков Х. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв). Ташкент, 1990. С.80.

² Бичурин Н. Я. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб, 1929. С. 28.

³ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 2. С. 54–65.

⁴ Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. С. 20.

⁵ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III и IV. СПб, 1894.

Первая специальная научная работа, обобщающая опубликованные сведения китайских источников о кыргызах, была опубликована в середине XIX в. В. Шоттом¹. Позднее на основе данных древнетюркской письменности и иносязычных источников важные проблемы истории кыргызов получили отражение в трудах Н. Н. Козьмина² и Г. Е. Грумм-Гржимайло³ (главным образом, вопросы этногенетических связей и военной истории).

Важным событием для изучения истории кыргызов стал выход в свет в 1927 г. обобщающей работы В. В. Бартольда «Киргизы»⁴, в которой академик большое внимание уделил проблемам периодизации средневековой истории кыргызов, выделив эпоху «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.), рассмотрел связи кыргызов с соседними народами.

Один из наиболее весомых вкладов в развитие исторического знания о прошлом Южной Сибири и Центральной Азии внесли работы С. В. Киселева⁵.

А. Н. Бернштам посвятил ряд работ рассмотрению «роли родового строя», «хода классового расслоения и возникновения каганата» в обществе кыргызов⁶. Его, ставший классическим, труд «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков»⁷ содержит главу о кыргызах, в которой предпринимается попытка реконструкции «родового строя» и терминологии. Однако постоянно использовавшийся им термин «орхоно-енисейское общество VI–VIII веков»⁸ отражает тенденцию нивелирования особенностей социальной структуры конкретных обществ тюрков и кыргызов.

Работы А. Н. Бернштама и С. В. Киселева, посвященные социальной структуре кыргызов, до настоящего времени не потеряли своего значения, оставаясь единственными в своем роде произведениями по истории социальных институтов у раннесредневековых кыргызов.

В книге «Кыргызы на просторах Азии»⁹ Ю. С. Худяков рассмотрел вопросы изучения истории и социальной структуры кыргызов преимущественно через

¹ Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1990. С. 3.

² См.: Козьмин Н. Н. Хакасы. Иркутск, 1925. С. 11

³ См.: Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926.

⁴ См.: Бартольд В. В. Киргизы // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

⁵ Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее // ИГАИМК. Вып. 65. 1933; Его же. Общество и государство енисейских кыргызов в VI–X веках // Известия АН СССР. Т. 3. Серия историко-филологическая. Вып. 1. 1946; Его же. Древнехакасский «эль» // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 1. Абакан, 1948; Его же. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949, 1951.

⁶ Бернштам А. Н. Родовая структура Тугю VIII в. // ИГАИМК. № 100; Его же. Возникновение классов и государства у тюрков VI–VIII вв. н. э. // Пятьдесят лет книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». 1936; Его же. Разложение родового строя у кочевников Средней Азии // СЭ. 1934. № 6; Его же. Происхождение тюрков // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6.

⁷ Он же. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.; Л., 1946.

⁸ См., например: Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1954.

⁹ Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995.

призму военной организации¹. Результаты изучения военного дела кыргызов нашли отражение в его монографии, вышедшей в 1980 г.²

Д. Г. Савинов, используя терминологию Ю. В. Бромлея, отнес государство кыргызов после 840 г. к общностям «третьего порядка» — государственным или этносоциальным, которые характеризуются единством экономики, внутренней организации (управление, администрация, идеология, распространение государственного языка и письменности) и внешней политики³. Схожее суждение принадлежит С. А. Плетневой, относящей Кыргызский каганат периода великодержавия к обществам третьей стадии кочевания (наряду с Уйгурским каганатом)⁴.

В последние годы появились работы М. Дромпа и Р. Барфильда, ревизирующие выводы о «кыргызском великодержавии», где кыргызы называются «дикими кочевниками с окраин Сибири». На наш взгляд, подобные взгляды не основаны на имеющемся массиве исторических источников. В докладе мы планируем остановиться на критике этих заявлений на основании археологических и палеоклиматических данных.

Lazarenko E. (Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan)

Sociocultural and ethnopolitical preconditions for the penetration and spread of Buddhism in Central Asia

In modern Kyrgyz science, Buddhist studies are extremely new, unlike similar studies in Russian science of the 20th and early 21st centuries, which contain a very deep analysis of both theoretical and practical heritage of Buddhism, both Far Eastern and Tibetan. At the same time these cross-cutting studies belonged, for the most part, either to general works on Buddhism in general, or to separate comparative studies. As a result, on the one hand, there is very extensive material and qualitative analytics on the object of our study, but at the same time its subject — the complexes formed by the relationship between ontology and practice — are usually recognized and studied in the context of other subject areas. Putting doctrinal-practical complexes in their integrity into the subject area is justified in the context of a synthetic study of Mahayana

¹ Он же. Структура военной организации у кыргызов в IX–X вв. // Из истории Сибири. Вып. XXI. Томск, 1976. С. 207–213.

² Он же. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980.

³ Савинов Д. Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 42–43.

⁴ Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 193.

Buddhism; it is intended to serve the integration of multiple data into a coherent picture of the systemic perception of tradition.

In our report we will try to reveal the main historical stages of Buddhism penetration into the territory of Central Asia. At the same time a special emphasis is made on the processes of spread in the sites of Ak-Beshim and Red River, the territory of which is a part of modern states of Central Asia and occupies a special place in the system of Buddhist worldview.

Mamedova R. (University of Pardubice, Czech Republic)

The Source studies and Historiography on the transformation of Turkish-Muslim women in the South Caucasus in the 19th–20th century

The main purpose of this study is to examine the sources and research studies related to the transformation of Turkish-Muslim women in the South Caucasus in the 19th-20th century. With this intention, I will subject the newspaper, magazine materials, and some diaries to review. Therewithal, I will focus on studies in English and Azerbaijani. One of the important works of this kind is Farideh Heyat's «*Azeri Women in Transition: Women in Soviet and post-Soviet Azerbaijan*».

Unlike much of the literature on gender in the Muslim world that does not probe into the impact of ethnicity, this study discusses the role of ethnic relations and competition in determining the pre-Soviet elite styles. It highlights the role of ethnicity, as formed by Soviet policies, in shaping the mores and community expectations of Azeri women. Most crucially, it reveals the multiple ideologies that governed the lives of Azeri women in under the Soviet system and the way this shaped their educational and career patterns, their power relations in the domestic and in the public arena, and their concepts of self and femininity. However, Farideh Heyat is not in favour of a dichotomous model of Azeri in Private, soviet in Public that demarcates behaviour and attitudes in the private sphere, attributing it to ethnic Azeri culture. In contrast, what is displayed in public is considered to be Soviet. Instead, she proposes a more fluid system of thought and action in which values and cultural norms arising from an ethnic Azeri origin also permeated the social domain guided by the officialdom, and vice versa. Examples of this include the way social relations in public life reflected the strong system of kinship the prominence of elders are major markers of Azeri culture.

She would propose, therefore, that in analysing Azeri gender dynamics under the Soviet system, Western feminist concepts such as personal autonomy, or personal power and authority in public life, are of limited utility in defining women's subordination and empowerment. For Azeri society, as this study illustrates, the workings of the social,

economic and political system in the Soviet era led to a privileging of private over in the acquisition of power and meaning. Women`s closer associations with domestic life and greater authority within the family were therefore important empowering factors within the private domain that were also reflected in social life, given the particular positioning of the private in the late Soviet period. However, the contradictory expectations of femininity and ideals of womanhood that emerged from state-sponsored official discourse on the one hand, and community-based discourse on religious and ethnic prescriptions and local forms on the other, led to paradoxes and ambiguities in women`s public, domestic and work responsibilities and their presentation of self.

What is particularly significant here is that for Soviet Azeri women, ethnicity became an overriding marker of their identity politics. Indeed, on a societal level, Azeriness itself was closely associated with attributes of femininity, rendering women primary beares of ethnic identity. The link between gender, ethnicity and nationalism, and women`s role as guardians of traditional order and beares of tehnic-national identity have been discussed for many societies around the world. In the case of Azeri women the overriding importance of ethnicity was partly due to the Soviet nationalities policy which highlighted the significance of ethnic affiliation, despite being coupled with the repression of political expressions of nationalism.

СЕКЦИЯ VII • SECTION VII
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
OF SOUTHEAST ASIA

Бурова Е. С. (ИКСА РАН, Москва)

**Особенности источниковедческого изучения
камбоджийской статистики**

Долгие годы камбоджийские статистические источники представляли серьезные трудности. Изучение социально-экономических процессов в Камбодже упиралось в отсутствие целых подразделений данных. В существовавших же массивах данных были нередки колоссальные расхождения, как в цифрах, публикуемых международными, так и национальными источниками. Нередки были случаи манипуляции статистикой. Например, долгие годы расхождения в данных по численности населения между национальными и международными источниками достигали до 3 млн чел., что было вызвано стремлением камбоджийских властей подчеркнуть непоправимый урон, нанесенный режимом красных кхмеров. Такие существенные расхождения оказывали серьезное влияние и на сопряженные показатели, затрудняли оценку продуктивности рабочей силы, динамику доходов на душу населения и пр.

Руководство страны осознавало назревшую необходимость в качественной национальной статистике, что нашло отражение в первых планах социально-экономического развития. Однако в то время производство официальной статистики

на отраслевом уровне рассматривалось как функция планирования каждого из соответствующих министерств, выпускавших статистические ежегодники и бюллетени. Учитывая ограниченные финансовые ресурсы, первоначальная позиция властей заключалась в том, что существующие административные процессы будут обеспечивать данные, необходимые для составления официальной статистики. Такой подход привел к нечеткому закреплению зон ответственности за ту или иную статистическую сферу, дублированию и, наоборот, выпаданию данных. Следует отметить и ограниченность или полное отсутствие опыта у сотрудников, отвечающих за формирование массивов данных. Таким образом, статистические базы отличались фрагментированными, недостоверными, противоречивыми данными.

С созданием Национального института статистики (НИС) в 1997 г. была предпринята попытка централизации камбоджийской статистической системы. В соответствии с Законом о статистике, НИС является официальным национальным статистическим учреждением королевского правительства, в обязанности которого входит создание, руководство и координация интегрированной национальной статистической системы, охватывающей все назначенные официальные статистические подразделения.

Камбоджийские статистические источники представляют собой сложный по происхождению и составу комплекс документов, в которых зафиксированы систематические сведения и данные. Их можно условно разделить на три группы: статистика, собираемая отдельными ведомствами; статистика НИС; «полевая» статистика. Национальная статистическая система состоит из НИС и 27 отраслевых министерств, правительственных учреждений и Национального банка Камбоджи, которые являются производителями официальной статистики.

В отчетах, сборниках и бюллетенях первых двух групп национальной статистической системы содержатся конкретные показатели и достаточно детальный анализ, широкий массив данных, систематические сведения. Вместе с тем, обращает на себя внимание порой нерегулярная публикация ежегодников. Так, например, Статистический ежегодник НИС не был опубликован в 2018, 2019, 2020 гг., но был выпущен за 2021 г. Однако в части отдельных статистических подразделений данные серьезно устарели и ограничиваются 2015–2016 гг. Порой статистические источники публикуются с серьезным отставанием, что опять же приводит к утрате актуальности выпускаемых данных.

Отдельным направлением камбоджийской статистики являются данные полевых исследований. Они содержат крайне редкие и ценные материалы, охватывающие различные сферы, например, такие как микрокредитование, влияние рынка на бюджет кхмерских семей, а также вовлечение крестьянских хозяйств в диверсификацию сельского хозяйства. Полевые исследования предоставляют возможность взглянуть проблемы камбоджийской общества изнутри, они дают представление подчас о мелких, но крайне важных деталях жизни камбоджийских семей, о которых невозможно узнать ни из каких правительственных программ и отчетов Министерства. Они, как правило, охватывают лишь некоторые районы,

но вместе с тем представляют более точную и конкретную картину происходящих явлений, нежели «среднюю температуру по больнице».

При сопоставлении камбоджийской статистики по ВЭД с данными стран можно констатировать выпадение колоссальных данных из статистического учета. Ярким примером служит торговая статистика между странами. По данным ООН, расхождения в «зеркальной статистике», получаемой при сопоставлении данных торговых партнеров, существуют практически у всех стран. Тем не менее, разрывы между статистикой камбоджийских ведомств и отдельных партнеров в разы превосходят друг друга. Ярким примером являются данные по товарообороту между Камбоджей и Вьетнамом, который по данным камбоджийской статистики составляет лишь \$3,5 млрд, а по данным вьетнамской достигает \$9,5 млрд.

Таким образом, камбоджийские статистические источники отличаются неполнотой и недостоверностью, представляют существенные сложности для исследований, требуют детального и взвешенного анализа, переоценки, зачастую уже при выходе в свет утрачивают свою актуальность.

Вершинина В. В. (МГИМО, Москва)

Проблематика отношений Вьетнама и АСЕАН во вьетнамской историографии

Вьетнам вступил в состав АСЕАН в 1995 г. и сегодня, по мнению большинства российских и зарубежных исследователей, может позиционироваться, как один из наиболее влиятельных членов объединения и в перспективе потенциальный её лидер. Вьетнамский кейс является удачным примером успешной интеграции и адаптации нового члена к составу Ассоциации. Однако этому предшествовало сложное взаимодействие СРВ с пятеркой стран-основательниц АСЕАН, поиск наиболее оптимального пути присоединения к составу организации и изучение опыта других стран, что особенно наглядно прослеживается во вьетнамской историографии, посвященной данной проблематике. Вьетнамская научная литература, анализирующая взаимодействие страны с АСЕАН, условно может быть разделена на несколько исторических этапов. Первый этап охватывает начало 1990-х гг., когда основной фокус исследований был направлен на изучение самого феномена АСЕАН, её ключевых принципов и механизмов функционирования. Авторы приводили аргументы в пользу вступления Вьетнама в состав организации, анализировали возможные риски процесса присоединения, изучали особенности региональной интеграции. Второй этап охватывает начало и середину 2000-х гг. Исследования этого периода преимущественно посвящены подведению первых итогов вступления Вьетнама в АСЕАН, оценке последствий подключения страны

к процессам региональной интеграции и поиску решений по снижению разрыва в уровнях развития между членами объединения. Вьетнамские авторы начинают постепенно обращаться к доминирующим западным теориям интеграции, предлагать своё видение и понимание интеграционных процессов, разрабатывать собственную методологию и понятийный аппарат. Третий этап охватывает временной отрезок с середины 2000-х гг. по настоящее время. Исследования этого периода отличают попытки вьетнамских исследователей дать рациональное объяснение успешной интеграции Вьетнама к АСЕАН и определить будущую роль страны в рамках данной группировки.

Анализ вьетнамской историографии позволяет с одной стороны определить современные подходы Вьетнама к интеграции и процессам регионализации, с другой — понять мотивы, побудившие страну перейти от конфронтации к диалогу с региональной организацией и стать неотъемлемым членом объединения. Особый интерес представляют сегодняшние публикации и научные издания, в которых предпринята попытка обобщить исторический опыт вступления Вьетнама в АСЕАН и наметить дальнейший вектор развития.

*Дмитренко С. Ю. (ИЛИ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург),
Станюкович М. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)*

Экспедиции в Юго-Восточную Азию: Филиппины (1994–2020) и Камбоджа (2014–2022). Полевые материалы, этнографические коллекции, публикации¹

Полевые исследования на Филиппинах (М. В. Станюкович, 11 экспедиций) и в Камбодже (С. Ю. Дмитренко — 5, М. В. Станюкович — 3 экспедиции)²

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ No 20–012–00325 «Реалии традиционной материальной культуры в языках и фольклорных текстах народов Юго-Восточной Азии».

² Stanyukovich Maria V. Abstract of the Final Report on the fieldwork in the Philippines in 1994–1995 funded by the Small grant of the Wenner-Gren Anthropological Foundation // Biannual Newsletter of the Wenner-Gren Anthropological Foundation. New York, 1997; Станюкович М. В. Календарь экспедиции на Филиппины 1994–1995 гг. // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1998. С. 66–72; Станюкович М. В. Обзор последних шести экспедиций на Филиппины (2008–2013) и кратких полевых выездов во время работы в Японии (2010) // Радловский сборник. СПб., 2014. С. 418–428; Станюкович М. В. Комплексные экспедиции к малым народам Филиппин и Камбоджи 2014–2015: этнография, фольклористика, этнолингвистика, этноботаника // Тез. науч. конф. «Теория и практика исследования этнокультурных комплексов». СПб., 2015. С. 17–19; Касаткина А. К. На Филиппины с лингвистами. Экспедиция лета 2014 г. // Материалы полевых исследований. СПб., 2015. С. 260–279; Дмитренко С. Ю. Бахнарические языки Камбоджи: лексика, грамматика, тексты (по материалам лингвистической экспедиции) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 159–170; Станюкович

варьируют от стационарной работы в горах (Филиппины, 1994–1995, 9 месяцев) до кратких выездов на несколько недель (Камбоджа, 2022). С 2012 г. в ряде филиппинских экспедиций принимали участие выпускники Восточного ф-та СПбГУ С. Б. Клименко, А. К. Касаткина, Р. В. Федоров. В полевой работе в Камбодже помимо преподавателей и выпускников СПбГУ (авторы сообщения и Р. В. Федоров) участвует И. В. Самарина (ИЯз РАН — НИУ ВШЭ).

Основной фокус наших исследований — коренные малочисленные народы, культура и языки которых находятся под угрозой исчезновения. На Филиппинах это горные народы о. Лусон (ифугао, яттука, бонтоки) и о. Панай (букидноны), горцы тболи и «морские цыгане» сама-баджао о. Минданао; в Камбодже — бахнарические народы пров. Ратанакири и Мондолькири тампуан, кринг, кавет, катёк, пнонг. Степень изоляции этих анимистических народов различна, однако в той или иной мере они всегда находились во взаимодействии с основными этносами: с буддийским кхмерским и лаосским населением Камбоджи, с католиками филиппинских равнин. Поэтому одновременно участники экспедиций проводили исследования кхмеров и лао, илоканцев, тагалов, висайя.

Собран обширный полевой материал по языкам, фольклору, духовной и материальной культуре, «предметные словари» культуры исследуемых народов — более тысячи филиппинских и десятки камбоджийских этнографических артефактов, ныне хранящихся в фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН. Вышло более 80 индивидуальных и совместных публикаций авторов и их учеников; материалы широко использовались в учебных курсах на Восточном факультете СПбГУ и НИУ ВШЭ, в работах выпускников Восточного факультета СПбГУ¹.

Значительная часть полевых материалов еще нуждается в обработке, осмыслении и публикации. Мы планируем продолжить совместные экспедиции и расширить их географию. По результатам последнего проекта РФФИ участниками экспедиций и специалисткой по материальной культуре и искусству Вьетнама Н. М. Краевской (Вьетнамский гос. университет) подготовлен черновой текст коллективной монографии с рабочим названием «Реалии традиционной материальной культуры народов Юго-Восточной Азии: взгляд сквозь призму языков» (авторы — С. Ю. Дмитренко, Н. М. Краевская, И. В. Самарина, М. В. Станюкович).

М. В., Федоров Р. В. Неотложная полевая этнография Юго-Восточной Азии. Север Камбоджи и юг Филиппин // Кунсткамера. № 1. 2018. С. 109–121.

¹ Клименко С. Б. Категория залога в филиппинских языках (на материале языка йаттука): автореф. дис. к. ф. н. СПб. ИЛИ РАН, 2017; Федоров Р. В. Роль гонгов в традиционной культуре коренных народов Камбоджи и Филиппин // Всероссийский конгресс фольклористов. М., 2020. С. 351–355; Лукина А. А. Шаманские практики народа тампуан: по архивным материалам М. В. Станюкович // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. 4(2). С. 131–145.

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)

Новейшие исследования островной Юго-Восточной Азии и проблема Шривиджайи

Более ста лет назад французский историк Жорж Сёдес опубликовал статью «Королевство Шривиджая»¹, в которой он отождествил термин Śrīvijaya из древнемалайской надписи Кота Капур и санскритской надписи из Чхайи/Лигора с топонимами из китайских (室利佛逝 Шилифоши и 三佛齊 Саньфоци «Три Виджайи») и арабских (Забадж) текстов. С 1918 г. представление о могущественной талассократии и, с лёгкой руки Габриэля Феррана², «империи Шривиджае», существовавшей с VII по XIII в., стало господствующим как в научных кругах, так и в национальной истории Индонезии, Малайзии и отчасти Таиланда, поскольку спор о локализации Шилифоши до археологических находок конца XX в. не мог считаться безусловно разрешённым.

Тщательные археологические, эпиграфические и, в меньшей степени, классические текстуральные исследования привели ряд историков, в частности Роя Йордана и Брайана Коллеса, к сомнению в долговременном существовании Шривиджайи³. Представление о чередующихся друг друга на положении гегемона в Малаккском проливе, находило подтверждение в кратковременности эпиграфической традиции Шривиджайи (ее надписи, по-видимому, едва ли выходят за пределы VII–VIII столетий, да и то остаётся вопрос о связи древнемалайских текстов с санскритской Лигорской стелой, или стелой й Чхайи), в переносе наименования Шривиджая к правителям области Кедах в XI в. и в смене китайских топонимов с Шилифоши на Саньфоци.

Однако новейшие исследования синологов, в частности Л. Келли⁴, С. Хо⁵ и Й. Курца^{6, 7}, подрывают сами основания реконструкции Жоржа Сёдеса. По-видимому, ранние переводы, на которые опирался французский историк, полны подтасовок, а сам Сёдес, его современник Г. Ферран и другие авторы подгоняли китайские тексты под свои исторические концепции. Современные авторы

¹ Cœdès G. Le royaume de Çrīvijaya // *Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient* (далее – BEFEO). T. 18. No. 6. 1918. P. 1–36.

² Ferrand G. L'empire sumatranais de Çrīvijaya // *Journal Asiatique*. 11 sér. T. 20. 1922. P. 1–104, 161–246.

³ Jordaan R. E., Colless B. E. *The Mahārājas of the Isles: The Sailendras and the Problem of Śrīvijaya*. Leiden: Department of Languages and Cultures of Southeast Asia and Oceania, University of Leiden, 2009 (Semaian 25).

⁴ Kelley, Liam C. Rescuing History from Srivijaya: The Fall of Angkor in the *Ming Shilu* (Part 1) // *China and Asia* 4 (2022) 38–91. doi:10.1163/2589465X-04010003.

⁵ Haw, 2019 — Haw, Stephen G. Śrīvijaya, Java, and the Sunda Strait During the Fifth to Tenth Centuries // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. 169. 2019. Issue 2. P. 409–436.

⁶ Kurz J. (Mis)reading Chinese Texts in Southeast Asian History: Moliu, Duoluomo and the Lure of “Srivijayan” Conquests // *Journal of Asian History* 55.1 (2021), pp. 67–88.

⁷ Kurz J. Sanfoqi 三佛齊 as a Designation for “Srivijaya” // *China and Asia* 4 (2022) 3–37.

решительно отказываются признавать за Саньфоци какую бы то ни было связь с Шривиджаей. Таким образом, господствующее в учебниках представление о многовековой империи Шривиджая следует признать устаревшим.

Игнатьев М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Указы о сангхе от 1902 и 1941 гг. как основные исторические документы об устройстве буддийской монашеской общины Сиам (Таиланда) в первой половине XX в.

Значимость указов о сангхе от 1902 и 1941 гг. как исторических источников трудно переоценить: именно они отражают основные тенденции религиозной жизни Таиланда (Сиам — до 1939 г.) и специфику устройства буддийской монашеской общины страны в обозначенный период. Перевод указанных документов на русский язык, выполненный автором статьи, позволяет выявить ряд интересных подробностей их содержания.

Издание при короле Раме V Чулалонгкорне (годы правления 1868–1910) указа о сангхе от 1902 г. стало полномасштабным развитием административного аспекта реформы буддизма, инициированной его предшественником, королем Рамой IV Монгкутом. Именно в указе 1902 г. созданная королем Монгкутом новая школа мысли Дхаммаютика-никая — оплот рационалистического буддизма — впервые была упомянута как обособленная структурная единица в обновленной модели сангхи¹. Несмотря на явную немногочисленность ее последователей, Дхаммаютика-никая была «удостоена чести» называться одной из четырех основных частей монашеской общины, что само по себе прекрасно характеризует ту почетную, возвышенную роль, которую отводили этой школе ее основатель, король Монгкут, и его сын, король Чулалонгкорн.

В самом широком смысле Указ 1902 г. стал отражением централизации сангхи, ее бюрократизации и систематизации, происходивших в рамках общей государственной политики модернизации страны. Отечественный востоковед и буддолог В. И. Корнев следующим образом охарактеризовал издание Указа: «Изменения произошли и в характере отношений между государством и сангхой. В 1902 г. был обнародован первый декрет о создании административной системы сангхи, в основу которой была положена государственная система гражданской администрации»².

Помимо этого, в указе от 1902 г. проявилось разделение сангхи на «центр» и «окраины», которое, невыраженное напрямую, как бы оттеняло формальную

¹ พระราชบัญญัติลักษณะปกครองคณะสงฆ์ ร.ศ. ๑๒๑ [Королевский указ об административном управлении сангхой от 1902 года] // сайт правительственной газеты Ратчакитьянубекса / URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2445/013/214.PDF> (дата обращения 10.01.2023). С. 2.

² Корнев В. И. Буддизм и общество в Таиланде // Народы Азии и Африки // М., 1981. Вып. 5. С. 44.

структуризацию монашеской общины по «основным частям» и «уровням» и свидетельствовало о существовании дихотомии «Бангкок — провинции».

Издание спустя почти 30 лет нового указа о сангхе (в 1941 г.) было напрямую связано с кардинальными переменами в политической жизни страны. 24 июня 1932 г. произошел государственный переворот, в результате которого была упразднена абсолютная монархия; в том же году была составлена первая в истории Таиланда конституция. Смена государственного строя естественным образом ознаменовалась и идеологическими сдвигами: «После упразднения абсолютной монархии новые правящие элиты стремились к легитимизации демократического правительства, пропагандируя знаменитые идеалы — свободу, равенство и братство»¹.

Буддийская сангха достаточно легко нашла себе место в новом общественно-политическом устройстве. По мысли известного антрополога Стэнли Тамбайи, это произошло во многом потому, что «никто не ставил под сомнение значение сангхи и буддийской религии в фундаментальном смысле; новые политические лидеры были традиционалистами в вопросах религии и считали, что монахи не должны участвовать в политике, а чистота религии зависит (как и прежде) от соблюдения монахами правил Винаи-питаки (...)»².

В обозначенных условиях и составлялся Указ 1941 г.: революционное правительство во главе с премьер-министром Пхибуном Сонгкхрамом (1938–1944) стремилось демократизировать церковную организацию и привести ее в соответствие с организационным устройством политической системы. Именно «демократизация» сангхи называлась главной целью издания нового указа о монашеской общине³. По мнению авторитетного ученого Питера Джексона, «новый указ был направлен на снижение того влияния, которое оказывали на сангху монахи Дхаммаютика-никаи. Новый указ о сангхе подорвал авторитет этого промонархического буддийского ордена и наделил административной властью монахов Маха-никаи»⁴.

С точки зрения автора, обеспокоенность состоянием буддийской религии, которую проявило новое правительство, была продиктована в первую очередь его стремлением к собственной легитимизации. Об этом, в частности, свидетельствует прописанная в тексте указа 1941 г.⁵, «особая задача» — пересмотр текстов Трипитаки (т. е. попытки укрепления сангхи, утверждения единого толкования буддийского канона): ратуя за необходимость его проведения, новоявленный

¹ Suksamran S. Buddhism and Politics in Thailand: A Study of Socio-Political Change and Political Activism of the Thai Sangha. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1982. P. 41.

² Tambiah S. World Conqueror and World Renouncer. A study of Buddhism and Polity in Thailand against a Historical Background. Cambridge, 1976. P. 248.

³ Tiyanich K. Forest Recollections: Wandering Monks in Twentieth-Century Thailand. Honolulu: University of Hawaii Press, 1997. P. 189.

⁴ Jackson P. Buddhism, Legitimation and Conflict: The Political Functions of Urban Thai Buddhism. Singapore: ISEAS, 1989. P. 27–28.

⁵ พระราชบัญญัติคณะสงฆ์ พ.ศ. ๒๕๐๕ [Королевский указ о сангхе от 1941 года] // сайт государственной газеты Ратчакиттянубекса / URL: <http://www.ratchakitcha.soc.go.th/DATA/PDF/2484/A/1391.PDF> (дата обращения 10.01.2023). С. 20.

политический лидер (будь то король феодального Сиам или премьер-министр преобразующегося, встающего на демократический путь развития Таиланда) неизменно выступал покровителем и защитником буддизма, способным привести свой народ и религию к гармонии и процветанию.

Иллюк П. А. (ИЗиСП, Москва)

Малаккский Кодекс как источник права Малайзии и Индонезии в период португальских завоеваний XVI в.

В начале XVI в. Малаккский султанат был одним из наиболее влиятельных государств Юго-Восточной Азии, распространившим свою власть на большую часть Малаккского полуострова и Восточную Суматру. Сам город Малакка превратился в один из самых известных и крупных портов XVI столетия¹.

Малаккский султанат (1390–1511 гг.), в XV в. оказывал правовое сильное влияние на территорию современной Малайзии. Закон, использовавшийся в то время, был известен как старо-малайский закон, который содержит идеи малайского народа прошлых поколений².

Мы полагаем, что изучение Малаккского Кодекса как источника права ценно не только для истории государства и права, но и для источниковедения, так как по мнению С. В. Кодана источниковедение в структуре юридического знания можно определить как направление изучения носителей информации о государстве и праве.³ Мы согласны с его убеждением касательно исторического источниковедения, которое «может воспользоваться методологическими разработками историко-юридического источниковедения, которое на более специализированном уровне, на основе общей методологии юридической науки изучает источники познания истории государства и права»⁴.

Когда Малакка была завоевана и находилась под властью португальцев (1511–1641), затем голландцев (1641–1824) и, наконец, британцев (1824–1957), на территории Малакки начала развиваться новая правовая система. Ученые утверждают, что в португальскую и голландскую эпохи применяемые ими запад-

¹ Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М.: Наука, 1980, с 31.

² Mahardhika K. N., Kramadibrata D., Sanksi Pidana dalam Teks Naskah Undang-Undang Hukum Laut, Manuskripta. Vol. 10. No. 2. 2020. С. 194.

³ Кодан С. В., Историко — юридическое источниковедение в структуре современного российского правоведения, Российский юридический журнал: научно-теоретическое, информационное и практическое издание. № 4 (121). 2018. С 31–36, 32.

⁴ Кодан С. В. Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 67–80. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.12.28474 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28474. С 74.

ные законы оказали относительно небольшое влияние на существовавшую ранее плюралистическую правовую систему¹.

В 1511 году, султан Махмуд-шах и его последователи отступили в Джохор, и использование Малаккского кодекса (с небольшими изменениями) продолжалось. Малаккский кодекс был адаптирован и признан в качестве основного кодекса в Кедахе, Риау, Понтиаке, а также применялся в судопроизводстве Брунея². Малаккский кодекс оказал большое влияние законов и на других территориях, например, в Паханге. Заметным результатом влияния на источники права стало принятие «Девяносто девяти законов» Перака, который был введен до британской колонизации Малайи³.

До миграции жителей Малакки в индонезийский султанат Ачех, в Ачехе были следующие источники права: Адат бак Потеумеурухом, Хукум бак Сях Куала, Канун бак Путро Пханг, Канун бак Путро Пханг, Реусам бак Лаксамана.

Адат бак Потеумеурухом — это обычай, применение которого одобрено правителем и применение которого не противоречит религиозным законам; обычаи, относящиеся к данному виду, в большинстве своем относятся к сфере муамалата. Хукум бак Сях Куала: означает область права, относящуюся к знаниям и фетвам ученых в пределах их полномочий, как носителей юридической власти в Султанате Ачех. Канун бак Путро Пханг — это закон, существовавший ранее, как например Малаккский кодекс и актуальный для применения. Реусам бак Лаксамана — это источники права исходящие, от чиновников, которые имеют право принимать какие-либо решения от имени султана⁴.

Благодаря португальским завоеваниям и последующей малаккской эмиграцией Малаккский Кодекс стал основой распространения исламского права на территории Юго-Восточной Азии. Результатом контроля индонезийского Ачеха над малазийским султанатом Джохором во время правления султана Искандара Муды (1615–1636)⁵ и Искандара Цани стало фактическое становление Малаккского Кодекса как источника права султаната Ачех: в Ачехском Кодексе есть почти идентичные кодексу «Морские законы Малакки» положения, относящиеся к сфере морского права⁶.

¹ Shamsul A. B, Islam and Human Rights in a Culturally-Embedded Malaysia (электронный ресурс: http://www.ukm.my/jmalim/images/vol_06_2005/shamsul_amri_2005.pdf). С. 4.

² С. В. Тхор. «Малаккский кодекс» как источник по истории малайского права и особенности пенитенциарной системы Малаккского султаната, Труды Института востоковедения РАН. Вып. 2: Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады / Отв. ред. выпуска Л. В. Горяева, В. Н. Настич. М.: ИВ РАН, 2017. С. 298

³ Hassim M. H., Mustapa A. M., Baharuddin A. H., History of the Implementation of Islamic Law in Malaysia: An Overview of the Islamic Judicial System in Malacca, с. 64, Journal of Muwafaqat. Vol. 2, No. 2, 2019, pp. 59–72

⁴ Basori H., Hukum Islam Nusantara: Diaspora Undang-Undang Malaka di Kesultanan Aceh Abad Ke-17, Jurnal Tashwirul Afkar Vol. 38, No. 02, с. 235

⁵ Боксер Ч. Голландское господство в четырех частях света. XVI–XVIII века / Перевод О. Лапицкой. М.: Центрполиграф, 2018. С. 181.

⁶ Basori H., Hukum Islam Nusantara: Diaspora Undang-Undang Malaka di Kesultanan Aceh Abad Ke-17, Jurnal Tashwirul Afkar. Vol. 38. No. 02. С. 242.

Таким образом мы можем видеть неожиданный эффект от португальской колонизации: благодаря португальским завоеваниям и последующей малаккской эмиграцией вместо источников португальского права на некоторых территориях Юго-Восточной Азии стал Малаккский Кодекс, который стал основой распространения исламского права на территории Юго-Восточной Азии.

Колотов В. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Труд генерал-лейтенанта Хоанг Минь Тхао как важный источник по стратегии и тактике Вьетнамской народной армии

При вдумчивом изучении истории войн Вьетнама за независимость бросается в глаза недостаток работ по стратегии и тактике противников, особенно это касается военной стратегии вьетнамской стороны. В ряде трудов по данной проблематике большая часть материала касается не проблем военного искусства как такового, а партийному руководству, важной роли марксизма-ленинизма, повышению боевого духа и политинформации бойцов.

Одним из немногих примеров профессионального военно-политического подхода к истории развития вьетнамского военного искусства является монография начальника Института военной стратегии, генерал-лейтенанта Хоанг Минь Тхао (1921–2008) «Военное искусство Вьетнама в войне по освобождению и защите Родины»¹. Во время Индокитайских войн он командовал операциями Вьетнамской народной армии в Центральном Вьетнаме. Этот регион играл важную роль для отвлечения внимания противника в период Первой Индокитайской войны (операция Атлант) и центральную роль в логистике Второй Индокитайской войны, поскольку именно там проходила система стратегических коммуникаций под названием Тропа Хо Ши Мина, по которым осуществлялась переброска боеприпасов и резервов для пополнения ресурсов сил сопротивления в Южном Вьетнаме.

Генерал-лейтенант Хоанг Минь Тхао — крупный вьетнамский военный теоретик и практик, который получил блестящее военное образование. В период между Первой и Второй Индокитайскими войнами он был направлен на учебу в военные академии КНР и СССР.

Труд «Военное искусство Вьетнама в войне по освобождению и защите Родины» также единственная известная нам современная вьетнамская книга, в которой признается знакомство вьетнамских военачальников с трактатом «Законы войны» Сунь-цзы, а в некоторых местах даже объясняются причины

¹ Hoàng Minh Thảo. Nghệ thuật quân sự Việt Nam trong chiến tranh giải phóng và bảo vệ Tổ quốc. Hà Nội: Quân Đội Nhân Dân, 2004.

использования альтернативных стратегий для эффективного противодействия стратегии противника.

Генерал-лейтенант Хоанг Минь Тхао один из немногих представителей блестящей плеяды вьетнамских военачальников, выдвинувшихся за более чем три десятка лет ожесточенных войн с 1945 по 1979 годы, в своей монографии показал свое знакомство с наследием древнекитайского полководца Сунь-цзы. В частности, он отметил, что в некоторых случаях вьетнамцы не следовали стратегии добиваться победы как можно быстрее, т. е. не выполняли требование «быстро побеждать» и заменяли его другой стратегией «затяжной войны». Это уже было традиционное вьетнамское know-how, которое исторически успешно применялось в противодействии против многочисленных и умело управлявшихся китайских армий вторжения, ориентированных как раз на blitzkrieg. Такая технология вьетнамских военных аналитиков позволяла неоднократно взламывать и нейтрализовать китайские стратегические разработки вторжения¹.

В данной монографии описываются основные этапы развития военного искусства Вьетнама с древности до стратегической операции Хо Ши Мин в 1975 г.

Монография генерал-лейтенанта Хоанг Минь Тхао «Военное искусство Вьетнама в войне по освобождению и защите Родины» является ценным источником информации по стратегии и тактике вооруженных сил Вьетнама в целом и Вьетнамской народной армии в частности.

Мазырин В. М. (ИКСА РАН, МГУ, Москва)

Изучение экономики Вьетнама в России: периодизация и школы

Изучение экономики Вьетнама в России имеет относительно краткую историю по сравнению с другими направлениями историографии этой страны и, соответственно более ограниченный круг исследователей и профильных научных центров. Хронологически данный процесс можно разделить на два этапа: условно советский (1970–1990-е годы) и российский (с 2000-х годов по настоящее время).

В СССР исследования велись на основе марксистско-ленинской идеологии, что предопределило их индоктринацию, презумпцию приоритета советской системы экономических преобразований для Вьетнама, восхваление трудов вьетнамской научной школы и пренебрежение выводами западных ученых и экспертов. Это обусловило искажение реальной картины, завышенную оценку достигнутых сначала в ДРВ, а с 1976 г. в СРВ хозяйственных результатов, преувеличение роли социалистических форм собственности и принижение частной собственности.

¹ Hoàng Minh Thảo. Nghệ thuật quân sự Việt Nam trong chiến tranh giải phóng và bảo vệ Tổ quốc. Hà Nội: Quân Đội Nhân Dân, 2004. Tr. 19–20.

Что касается экономики Южного Вьетнама (1955–1975), то она необоснованно подавалась как проигрывающая соревнование с Севером, более отсталая и зависимая, не имеющая исторических перспектив.

Проекция таких взглядов и установок на экономическую практику и политику ДРВ-СРВ привела к тому, что экономика страны в условиях ее объединения и мирного соревнования зашла в тупик, а к середине 1980-х годов оказалась в серьезном кризисе с распадом мировой социалистической системы. Вызовов со стороны разветвленного частного сектора, созданного с помощью США на Юге страны, тесно интегрированного в мировую и региональную капиталистическую систему, она не смогла выдержать. Сказалось и прекращение Советским Союзом многосторонней помощи, за счет которой выживали и ДРВ, и СРВ. Примечательно, что с распадом СССР, по сути, прекратили функционировать и прежние основные центры изучения экономики Вьетнама в нашей стране.

В новой России изучение экономики Вьетнама не сразу восстановилось, но получило иной теоретический инструментарий и практические ориентиры. Прежние догматические представления изживались с большим трудом, тем более что вьетнамская экономическая школа продолжала работать в прежних идеологических рамках, исходя из курса КПВ на социалистическую ориентацию и игнорируя все увереннее крепнущий капиталистический уклад и ширящиеся товарно-денежные отношения. Концептуально исследования оказались на распутье еще и по причине массовой подготовки вьетнамских специалистов в западных университетах и активного привлечения ученых и экспертов из развитых стран Запада к обучению местного контингента, оценке экономического положения в стране и выработке тактики и стратегии ее развития. Сегодня можно сказать, что эти усилия подспудно привели к возрождению неокOLONиальной зависимости и ориентации вьетнамской экономики, хотя очевидно, что перевод ее на рыночные рельсы, интеграция в мировое капиталистическое хозяйство в масштабах всего Вьетнама дали мощнейший толчок хозяйственному росту, формированию зажиточной прослойки населения и в целом повышению уровня жизни в стране, появлению «экономического чуда» или «нового азиатского тигра» в лице СРВ.

Указанные противоречия пока не проанализированы вьетнамской экономической школой. С трудом продвигается признание их и в России, в т.ч. на официальном уровне. Экономические исследования этой страны в РФ ведутся очень ограниченно, эпизодически, не финансируются должным образом, не подкреплены в сфере высшего образования и распределения кадров. Большинство подготовленных молодых специалистов после защиты диссертаций уходит в практику, бизнес, не пополняет ряды быстро убывающих, стареющих ученых и педагогов. Вместе с тем в концептуальном плане достигнуты радикальные сдвиги: экономика СРВ теперь изучается на основе теорий, характерных для капиталистической формации, принципов, определивших закономерности ее развития (спроса и предложения, приоритета частной собственности, хозяйственной цикличности и пр.). Тем самым

создана основа для объективной оценки состояния дел, тенденций и перспектив эволюции, места СРВ в мировом хозяйстве.

Формирование школы вьетнамоведения в сфере экономики проходило противоречиво. Первые разрозненные исследователи вышли из стен Московского и Ленинградского университетов в 1960-е годы. На рубеже 1970-х годов сложился первый в СССР мощный «вьетнамский» центр в Институте востоковедения АН СССР. Хотя здесь не работали профессиональные экономисты, но в рамках трудов по новой и новейшей истории удалось осветить процессы экономического развития Вьетнама со средних веков до окончания войны против США. Эстафету от ИВ принял Институт экономики мировой соцсистемы АН, в рамках которого очень продуктивную и квалифицированную работу развернул сектор Восточной Азии, пополнившийся молодыми специалистами–экономистами, в дальнейшем лидерами исследования азиатских соцстран — Китая, Кореи, Вьетнама, Лаоса, Монголии. Усилиями этих ученых выпущен целый ряд монографий, раскрывших особенности и этапы трансформации экономики Вьетнама после войны, до начала рыночных реформ. После этого регулярное и комплексное исследование прервалось практически на целое десятилетие и возобновилось лишь в XXI в. В 1990-е годы изучение экономики Вьетнама продолжали лишь отдельные корифеи — основатели данной отрасли знания Л. А. Аносова (в Президиуме РАН) и М. Е. Тригубенко (в ИМЭПИ, затем Институте экономики РАН как преемнике ИЭМСС), а также О. В. Новакова (в ИСАА МГУ), где она возглавляла изучение вьетнамской экономики с колониальных времен до наших дней в рамках учебного процесса.

Современная школа экономических исследований по Вьетнаму родилась уже в новой России на базе Института Дальнего Востока РАН (сегодня Институт Китая и современной Азии), и автор данного доклада является его основным мотором. Возглавляемый им Центр изучения Вьетнам и АСЕАН с участием коллег из других академических учреждений и вузов выпустил ряд фундаментальных трудов, освещающих процессы как во Вьетнаме в целом, так и в его экономике. Среди них выделяются «Экономика Вьетнама сегодня» (2013) и «Вьетнам — торговый и инвестиционный партнер» (2022).

Соколов А. А. (ИВ РАН, Москва)

Вьетнамский интернат в Москве, 1954–1960

Первым этапом подготовки вьетнамцев в советских вузах стала их учеба в образовательных центрах Коминтерна в 1924–1938 гг. Через эту систему коммунистического образования в Советской России прошло около 70 молодых патриотов из колониального Индокитая. Их учеба в СССР стала важной вехой в подготовке новой формации национальных политических деятелей для их страны.

После установления 30 января 1950 г. дипломатических отношений между СССР и ДРВ начался второй этап сотрудничества в области образования, на учебу в Москву стали направляться представители вьетнамской молодежи. Первая группа из студентов и стажеров-практикантов (21 человек) появилась в Москве осенью 1951 г. в разгар войны Соппротивления против французских колонизаторов, она состояла из 21 человека. Спустя год, 30 октября 1952 г. президент ДРВ Хо Ши Мин направил председателю Совета министров СССР И. В. Сталину письмо, в котором, в частности, писал: «Мы хотели бы направить в СССР на учебу 50–100 учащихся, получивших во Вьетнаме 9-летнее образование, среди них имеются партийные и беспартийные, их возраст — от 17 до 22 лет». И в сентябре 1953 г. в СССР прибыла новая группа — 49 вьетнамских студентов.

А 4 октября 1954 г. на Ярославском вокзале в Москве высадился настоящий десант вьетнамских школьников — 100 мальчиков и девочек среднего школьного возраста вместе с сопровождающими учителями. Это были дети вьетнамских первых коммунистов, революционных солдат, интеллигенции. Они приехали в Советский Союз на учебу по просьбе правительства ДРВ. Их поселили в Школе-интернате Мосгороно на улице Качалова, дом 28, где они жили постоянно. Первые шесть месяцев они усиленно занимались русским языком, а осенью 1958 года стали учиться в обычной советской школе.

За годы, проведенные в Советском Союзе, вьетнамским детям были предоставлены все необходимые условия для жизни и учебы. Интернат стал для них вторым родным домом, последняя группа вьетнамских школьников покинула его стены в 1960 году. Многие выпускники продолжили свое образование в различных учебных заведениях Советского Союза, защитили кандидатские диссертации. Вернувшись на Родину жизни, они успешно использовали полученные знания для строительства социалистического Вьетнама.

Среди выпускников — представители национальной элиты во всех сферах жизни: архитектор Хоанг Дао Кинь, химик Во Хонг Ань, математик Фам Фу, литературовед Фам Винь Кы и многие другие.

Учеба вьетнамских школьников в московском интернате стала важным этапом в истории образовательного сотрудничества между Советским Союзом и Вьетнамом.

Сюннерберг М. А. (ИСАА МГУ, Москва)

«Домашний генерал» или «покорная жена»: этапы, тематика и концепции гендерных исследований о Вьетнаме

Настоящий доклад преследует цель представить вниманию аудитории в насколько это возможно систематизированном виде многочисленные научные труды во Вьетнаме и за его пределами, в которых так или иначе затрагивается женская пробле-

матика — роль и место женщины в традиционном, колониальном и современном обществе, гендерное равноправие, семейное законодательство. В докладе показаны исторические этапы интереса к женской теме, продемонстрированы основные темы подобных работ, ключевые концепции и узловые проблемы изучения.

Вьетнамская историографическая традиция, сформировавшаяся под непосредственным влиянием неоконфуцианства со свойственным ему ригоризмом в межполовых отношениях, оставляла женщин за пределами исторического процесса. Роль и место женщины в официальной парадигме сводились к воспитанию детей и поддержанию домашнего очага, а потому редкие упоминания о них в исторических хрониках и официальных изданиях преимущественно ограничивались семейной сферой. Написанные уже в XX–XXI в. общие работы по истории Вьетнама — как в самой стране, так и за рубежом — были сконцентрированы в первую очередь на политической истории (а не социальной, или, к примеру, истории повседневности), а потому вновь оставляли женщин вне исторической памяти.

Между тем глубинные изменения, произошедшие с вьетнамским обществом в колониальный период (зарождение национализма, влияние «печатного капитализма» и распространение латинизированной письменности взамен иероглифики) поставили перед вьетнамской интеллектуальной элитой ряд жизненно важных вопросов переосмысления собственного социально-культурного опыта — и «женский вопрос» стал одной из главных составляющих общественной мысли Вьетнама первой половины XX в.

Размышления о женщинах и развитие различных женских движений во Вьетнаме были обусловлены более широким контекстом — сменой культурных ценностей и политической борьбой. На страницах бурно развивающейся в 1920–19340-е гг. прессы, в т. ч. специализированной женской прессы, обсуждались многие волнующие общество вопросы — свободы вступления в брак, право жены на развод, уместность многоженства, проблема получения женщинами образования, содержание понятия «женская добродетель». Совокупный объем этих публикаций по-настоящему огромен — к примеру, изданная в 2017 г. книга, в которую были включены публицистические тексты по поводу «женского вопроса» лишь одного литератора Фан Кхоя, насчитывает свыше 600 страниц¹.

Можно утверждать, что именно в те годы в стране зародились первые «женские исследования» (women's studies), пусть на тот момент самими их авторами, равно как и их читателями, и не воспринимавшимися в качестве самостоятельных профильных научных исследований. Можно их охарактеризовать как «творческие интеллектуальные изыскания с претензией на научное обоснование». При этом творчество тех публицистов служит для современного исследователя своеобразным индикатором царивших в то время общественных настроений, понятий и суждений, многие из которых сам же они и формировали.

¹ Phan Khôi. Vấn đề phụ nữ ở nước ta. Lại Nguyên Ân giới thiệu và sưu tập. (Фан Кхой. Женский вопрос в нашей стране. Составитель и вступительная статья — Лай Нгуен Ан). NXB Phụ nữ. 2017.

Следующий этап научного интереса к женской и гендерной проблематике наступил после Августовской революции 1945 г. Некоторые современные авторы трактуют это время как «государственный феминизм», понимая под ним совокупность патронируемым государством социально-политических действий и научных изысканий¹. Приводной ремень этих действий был институционализирован в виде Союза женщин Вьетнама (Hội liên hiệp phụ nữ Việt Nam), сами действия воплощены в развитии семейного законодательства, главной чертой которого стало предоставление больших прав женщинам². Можно сказать, что в плане «продвижения женщин» действия на тот момент обгоняли научные исследования. Последние в 1950–1970-е гг. преимущественно были сконцентрированы на изображении ярких примеров участия женщин в национально-освободительных движениях, о чем свидетельствуют многочисленные публикации о героинях наподобие Сестер Чынг, Ба Чиеу на страницах центрального исторического журнала «Изучение истории». Таким образом репрезентация женщин в историческом нарративе постколониального периода сместила акцент с «женской добродетели» на «женский патриотизм».

Примерно с 1990-х гг., периода активной интеграции Вьетнама в систему международных отношений, произошел постепенный переход от собственно «женских исследований» к более широкому «гендерным исследованиям», а с начала XXI в. — к интерсекциональности. Последний термин, также именуемый как теория пересечений, подразумевает исследование пересечения различных форм или систем угнетения, доминирования или дискриминации. Все это породило огромное множество узкоспециализированных тем, которыми занимаются вьетнамские и западные исследователи. В самом Вьетнаме главным центром подобной активности выступает учрежденный в 1987 г. Институт семейных и гендерных исследований (Viện nghiên cứu gia đình và giới).

Фактически с самого первого этапа интереса к женской проблематике в первой половине XX в. началось формирование представления о социально-правовом статусе вьетнамской женщины в доколониальное время как о маркере национальной идентичности. Посредством обращения к женщине можно было характеризовать суть вьетнамской цивилизации как преимущественно воспроизводившую китайскую, или же самобытную. На концептуальном уровне это наиболее ярко проявилось в полемике вокруг имущественного права вьетнамских женщин. Об этой научной дискуссии, равно как и о некоторых других достойных внимания концепциях рассказывается в самом докладе.

¹ Подробнее об этом — см. Hương Thu Nguyễn and Helle Rydstrom. *Feminism in Vietnam. Women's Studies, Gender Research, and Intersections* // Routledge Handbook of Contemporary Vietnam. P. 404–422.

² Анализ семейного законодательства — см. *Сюннерберг М. А.* Развитие семейного законодательства во Вьетнаме (конец XIX в. — 1976) // Вьетнамские исследования: электронный научный журнал. 2019. № 1. С. 60–73.

Федорин А. Л. (ИКСА РАН, Москва)

**Некоторые итоги недавно завершившейся
30-летней работы по первому в мире переводу
на западноевропейский язык основного
источника по истории древнего и средневекового
Вьетнама — «Полного собрания исторических
записок Дайвьета»**

В начале 90-х гг. прошлого века группа исследователей, объединившихся в рамках Вьетнамоведческого центра ИСАА МГУ под идейным руководством д. и. н. Д. В. Деопика, приступила к реализации грандиозного проекта — первого перевода с ханвьета (вьетнамский вариант вэньяня) на европейский (русский) язык основного памятника вьетнамской исторической мысли «Полного собрания исторических записок Дайвьета» («Дайвьет шы ки тоан тхы»), который по значимости для изучения истории Вьетнама примерно соответствует «Историческим запискам» Сыма Цяня для истории древнего Китая. Подразумевалось, что текст перевода должен сопровождаться самым подробным, насколько это возможно, комментарием, а также переводом сопутствующих документов (извлечений или полных текстов других вьетнамских летописей и семейных хроник, выписок из китайских источников — Сун ши, Мин ши, Мин шилу, Цин шилу и ряда авторских произведений, касающихся ситуации во Вьетнаме и вьетнамо-китайских отношений). Также было запланировано, что каждый том этого восьмитомного издания будет сопровождаться исследовательскими статьями, которые позволят прояснить историю создания и существования этого источника, особенности вьетнамской летописной традиции в целом, а также конкретные вопросы истории страны, по которым в ходе перевода и комментирования источника удастся получить принципиально новую информацию.

В течение трех десятков лет реализации этого проекта, несмотря на регулярную смену не только состава его участников, организаций, под эгидой которых он осуществлялся (ИСАА МГУ, Институт практического востоковедения, Институт Китая и современной Азии РАН), форм финансирования (вьетнамские спонсоры, бюджет ИПВ, гранты РФНФ, гранты РФФИ, бюджет ИКСА), удалось сохранить неизменными все планы и требования к исследованиям и публикациям, которые были выработаны изначально. В декабре 2022 г. вышел четвертый по счету и последний по времени издания том данного многотомника. Эта работа безусловно в будущем станет надежной базой как для конкретных исторических исследований по древности и средневековью, так и для подготовки квалифицированных востоковедов.

СЕКЦИЯ VIII • SECTION VIII
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF INDIA

Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Дасам-грантх: вопросы авторства и компоновки¹

Появление собственных текстов у сикхов в XVII — начале XVIII вв. отражало этапы складывания новой веры. Обретение священной книги Ади-грантх / Гуру-грантх было важнейшим этапом в становлении сикхизма как самостоятельной религиозной системы. Одновременно оно ознаменовало начало отхода от раннего сикхизма — времен Нанака (1469–1539) и первых гуру, настаивавших на ненужности священных текстов, храмов и прочих религиозных атрибутов, которые были хорошо знакомы жителям Пятиречья — индусам и мусульманам.

Провозглашение Гуру-грантх одиннадцатым, «вечным», гуру наряду с созданием воинственной общины-*халсы* и прочими преобразованиями, проведенными Гобиндом Сингхом (1666–1708), позволило консолидировать сикхов в условиях их бесконечного противоборства с Великими Моголами: в правление падишаха Аурангзеба (1658–1707) оно достигло апогея. Но постепенно в сикхском сообществе начал формироваться новый вектор разделения по линии сикхи-*халса* («истинные» общинники) и не-*халса* (они же — сикхи-сахадждхари или санатан-сикхи, признававшие святость ряда индусских текстов и традиций). Конфликт между ними стал явным к концу XIX столетия, когда процесс формирования религиозных границ в сикхизме вышел на качественно иной уровень².

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00293, <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

² Oberoi H. The Construction of Religious Boundaries: Culture, Identity and Diversity in the Sikh Tradition. Delhi, 1994.

Дасам-грантх — «Книга десятого гуру», т.е. Гобинда Сингха, — соединила в себе обе традиции: она воспевала Всевышнего в его воинственном, «железном» обличье — том, который был взят на вооружение *халсой*, и одновременно содержала колоссальный индусский компонент — пестрый и многоликий. Присутствие второго, правда, далеко не всеми духовными авторитетами воспринималось однозначно даже на этапе институционализации книги.

В Дасам-грантх включены религиозные трактаты, мифологические нарративы, биографические истории, предания/сказки, а также перечень видов оружия. Если гимны разных авторов, собранные в Гуру-грантх, сфокусированы главным образом на обретении освобождения посредством медитации и повторения Божественного Имени, то Дасам-грантх представляет собой гораздо менее логичную подборку, поскольку в нее входят и сюжеты из пуран, и разные блоки нерелигиозного характера. Большая часть книги написана на брадже, за исключением текстов «Чанди-чаритра» (составлен на панджаби) и «Зафар-нама» (на персидском языке; в Дасам-грантх записан в графике *гурмукхи*). Предметом дискуссии были и остаются следующие вопросы: история компоновки книги; авторство ее компонентов; уместность включения в нее большого корпуса текстов, связанных с индуизмом.

Диапазон мнений по поводу авторства Дасам-грантх крайне широк: от высказываемых авторитетными, по преимуществу сикхскими, исследователями и религиозными деятелями, склонными приписывать авторство всей книги Гобинду Сингху, до соображений тех, кто полагает, что Дасам-грантх целиком была составлена по его указанию. Этот вопрос важен прежде всего потому, что ответ на него определяет статус книги в глазах сикхов и степень ее «святости»: если Дасам-грантх — целиком творение десятого гуру, то она безоговорочно является священным текстом; в противном случае она целиком или частями попадает в категорию религиозной литературы. Не случайно проблема авторства разделов книги была и остается наиболее дискуссионным вопросом в академической среде.

В силу своей специфики вторая по значимости священная книга сикхов часто рассматривается в сопоставлении с Гуру-грантх. Однако и религиозные деятели, и рационально мыслящие сикхские интеллектуалы призывают отказаться от такого подхода, указывая на уникальность и самодостаточность обоих текстов, а также на их объективную связь друг с другом. Британские источники начала XIX в. подтверждают, что Дасам-грантх занимала особое место в сикхском социуме: она считалась «столь же священной во всех отношениях, как и Ади-грантх Нанака и его непосредственных преемников» и использовалась наряду с Ади-грантх при посвящении в *халсу*¹.

«Уравнивание» значимости двух священных текстов — по крайней мере, до 1870–1880-х годов — говорило об особом отношении сикхов к Гобинду Сингху, фактически завершившему процесс институционализации учения Нанака. Очевидно, что на протяжении всего XVIII и первой половины XIX вв. нормы и традиции

¹ Malkolm J. Sketch of the Sikhs; a Singular Nation Who Inhabit the Provinces of the Penjab, Situated Between the Rivers Jumna and Indus. London, 1812 (1810). P. 173, 182, 185.

сикхов-халса и сахаждхари взаимодополняли друг друга: «к сахаждхари отношение [со стороны сикхов-халса] было не просто терпимым; как и халса, сахаждхари так же контролировали сикхские святыни, формулировали собственную теологию, мифологию, — словом, весь корпус своей традиции. На основе этого возникла богатая религиозная культура, в которую комфортно встраивались аскеты, домохозяева, воины и многие другие»¹. На таком фоне разнообразие священных текстов, имевших хождение в Панджабе, как и внутренняя эклектика многих из них представляются вполне логичными и объяснимыми.

Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Религиозные практики Южной Азии в двух венецианских травелогах второй половины XVI века

Доклад посвящен образам религиозных традиций Индии и Шри-Ланки в двух травелогах венецианских купцов — «Путешествии в Восточную Индию и за пределы Индии» Чезаре Федеричи (1587, путешествовал по Востоку в 1563–1581 гг.) и «Путешествии в Восточные Индии» Гаспаро Бальби (1590, путешествовал в 1579–1588 гг.). Обоим сочинениям присуща тяга к наглядности и занимательности изложения. Наличие ряда заимствований в травелог Бальби из сочинения Федеричи не обесценивает труд Бальби и скорее отражает присущий жанру травелога консерватизм, в рамках которого повторение уже известного рассматривалось как признак достоверности сообщений. Венецианские купцы во второй половине XVI в. оставались серьезными конкурентами португальцев в восточной торговле.

Оба путешественника придерживались стереотипного для европейской описательной традиции деления жителей Востока по религиозному признаку на «мавров» (*Mori*, мусульман) и «язычников» (*Gentili*), к которым относились последователи всех неавраамических религий, включая индуизм и буддизм. Индуистские и буддийские статуи венецианские путешественники называли заимствованным из португальского лексикона термином «пагода» (*pagoda*). В трафарет описания территорий в травелогах обычно входила информация о вероисповедании их населения или правителя. Федеричи, излагая недавнюю историю индуистской державы Виджаянагар, подчеркивал, что главной причиной поражения ее войска в 1565 г. от коалиции мусульманских султанатов при Таликоте была измена служивших Виджаянагару «капитанов-мавров».

Чезаре Федеричи более всего удивляли погребальные обряды индуизма. Купец, часто видевший сцены кремации, отмечал: «Страна Бенгалия (*Bengala*) с некото-

¹ Oberoi H. *Op. cit.* P. 137.

рых пор почти вся подвластна маврам, однако там еще есть огромное количество язычников <...>, особенно — в глубине страны. Все они чрезвычайно почитают воду реки Ганг (Gange) и, когда заболевают, то их относят из дальних стран на берега этой реки и сооружают там домик из соломы. Каждый день омываются они той водой, так что многие от того умирают, а тела умерших кладут на гору из веток и предают огню, давая телу стореть наполовину, после чего прикрепляют большой сосуд к его шее и затем бросают оттуда в реку»¹. Венецианец подчеркивал, что португальцы по этой причине не желали пить воду из Ганга. Обычай самосожжения вдов ужасал путешественника. Вероятно, некоторые фрагменты рассказа Федеричи, отражавшие «непристойные» для европейского читателя детали, были опущены редактировавшим его травелог церковным писателем-моралистом Бартоломео Диониджи да Фано.

Для травелога Бальби характерны стремление к фиксации дат пребывания в том или ином месте, чего куда меньше у Федеричи, и частые ссылки на слухи, включая сомнительные, по мнению самого путешественника. В частности, он рассказывал, что услышал перед прибытием в Диу известия о якобы принятием могольским падишахом Акбаром христианства под влиянием миссии иезуитов во главе с Родольфо Аквавивой: «27 [октября 1580 г.] прибыла другая фуста из Гоа, принеся предоброе известие, что великий король Магора незадолго до того обсудил веру в Христа, Господа Нашего, с несколькими преподобными отцами Св. Павла [иезуитами — *Д. В.*] и принял крещение вместе с женой и двумя сыновьями, которые за ним последовали, и весь прочий народ был крещен и обратился в веру Христову, будучи первоначально маврами; и что король, дабы показать, что он христианин от всего сердца, всегда, когда возносил молитву, держал перед собою Распятие, а, чтобы показать, что он верен Христу также и во внешнем обличье, облачался по манере христиан-португальцев и что в том последовал ему народ его»². Далее венецианец сообщал, что весть о крещении Великого Могола и его подданных оказалась ложным слухом.

Бальби, как и Федеричи, упоминал паломничество к Гангу, подчеркнув, что многие люди топились в реке, чтобы попасть в рай. Брахманы (Bramini) в травелоге Бальби фигурируют преимущественно в нарочито экзотизированном контексте: к примеру, в Коччи, по словам купца, они имели привилегию на связь с любой женщиной, включая королеву. Также он сообщал о почитании коров и использовании их навоза в обрядах.

На Шри-Ланке особое внимание Бальби привлекла гигантская статуя Будды — «пагода, сделанная из меди, которая представляет собой статую с ликом, который обращен к юго-востоку... Это место, которое те язычники окружают величайшим почитанием и где собираются люди из дальних стран, которые подносят упоману-

¹ Federici C. Viaggio di M. Cesare dei Fedrici, nell'India Orientale & oltra l'India: nelquale si contengono cose dilettevoli de i riti, & de i costumi di quei paesi. Venezia: Andrea Muschio, 1587. P. 92–93.

² Balbi G. Viaggio dell'Indie Orientali, di Gasparo Balbi, gioielliero Venetiano. Venezia: Camillo Borgominieri, 1590. P. 59.

той статуе дары в огромном количестве, и здесь есть некоторые люди, что приносят воду за шестьсот миль, чтобы омыть ступни этой статуе»¹. Кроме того, описывая Шри-Ланку, Бальби упоминал «пагоды», построенные китайцами.

В целом, описание Бальби содержит больше деталей, относящихся к религиозной жизни Южной Азии, чем травелог Федеричи, хотя сочинения обоих венецианцев сохранили ряд уникальных для европейских источников об Индии подробностей. Особую ценность рассказам Бальби придает фиксация слухов и новостей в разнородной торгово-мореходной среде — преимущественно среде португальских опорных пунктов в Южной Азии. Травелоги Федеричи и Бальби наглядно отражают восприятие религий, обычаев и храмов Южной Азии венецианскими купцами, «личностями второго плана», не проявлявшими сколько-нибудь серьезного интереса к доктринальной стороне мировоззренческих традиций субконтинента, однако далекими от слепого воспроизведения португальских географических клише и стремившимися фиксировать вероисповедание, религиозные центры и практики населения в качестве маркеров описаний определенных городов, областей и стран.

Демичев К. А. (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород)

Практика движения/передвижения правителя в рамках концепции идеального сикхского государства в Прем Сумараг

Концепция идеального сикхского государства начала формироваться еще в XVII в., однако целостный характер она приобрела только в XVIII в., когда фактически были завершены основные процессы формирования сикхской государственности. Идейный конструкт идеальной формы государства нашел отражение в таком специфическом источнике, как *Прем Сумараг* (в переводе с панджаби — Путь любви/истинный путь любви), который представлял собой разновидность *рахит-нама* (*rahit nāmā*). Вплоть до сегодняшнего дня *рахит-нама* представляют собой своеобразные инструкции поведения и набор руководящих принципов, определяющих поведения сикхов, объединенных в рамках милитаризованного братства *Халсы*.

Самый ранний из известных в настоящее время списков *Прем Сумараг* датируется 1801 г. Однако временем его создания большинство исследователей считают первую половину XVIII в., но не ранее 1708 г. Несмотря на разные датировки

¹ Ibid. P. 79.

все сходятся во мнении, что *Прем Сумараг* был написан после смерти десятого сикхского гуру Гобинда Сингха.

Язык *Прем Сумараг* существенно отличается от языка других *рахит-нама*. Он не столь лаконичен, как другие сборники, отличается большей образностью и плавностью изложения. Текст разделен на десять глав, из которых, в рамках нашей работы, наибольший интерес представляет восьмая, посвященная особенностям идеальной модели политической организации сикхской общины.

Безусловно, что полная реализация функций правителя невозможна без передвижения по собственной стране, а также тем территориям на которые правитель претендует с точки зрения политического и/или военно-политического освоения. Движение/передвижение не является хаотичным, но выступает как политически закономерное и целеобусловленное. С другой стороны, в отличие от реальной практики, в рамках идеальной модели сикхского государства, отдельные институты и виды властной деятельности изображены схематично. Представлен лишь общий образ и не менее общие направления деятельности идеального правителя. Впрочем, это совершенно не означает, что проблеме движения/передвижения правителя совершенно не нашлось места в рамках *Прем Сумараг*.

При первом прочтении описания идеальной модели сикхского государства может показаться, что правитель отличается удивительной статичностью. Он является центром притяжения, центром сосредоточения власти и к нему, как центру принятия решений, тянутся все нити, соединяющие между собой органы, институты и должностных лиц страны сикхов. Описание властных полномочий правителя только подтверждает кажущуюся верность такой модели, однако, имеются нюансы, которые позволяют говорить о том, что модель является вовсе не такой плоской и схематичной, как это кажется на первый взгляд.

Несмотря на то, что *Прем Сумараг* не классифицирует виды движения/передвижения правителя, это вовсе не означает, что он не знает самой возможности такого движения. Другое дело, что для автора/авторов *Прем Сумараг* гораздо важнее описать, как, а не куда движется правитель. Цель, за одним единственным исключением, о котором будет сказано ниже, вообще не имеет никакого значения. Имеет значение лишь поддержание собственного суверенного статуса, что связано с необходимостью особым образом организовать блистающий кортеж и подчеркнуть необычность верховых животных на которых выезжает первое лицо государства.

Показательно, что в качестве достойного способа передвижения указываются только лишь два. Во-первых, на лошади золотистой масти, а при ее отсутствии на скакуне голубой масти (дословно — цвета голубой белки — *К. Д.*). Во-вторых, достойным способом выступает и передвижение на белом слоне. Впрочем, при отсутствии такового, вполне допустимо использовать слона просто выкрашенного в белый цвет.

Единственный случай, когда *Прем Сумараг* описывает цель движения, выступает передвижение правителя в условиях ведения военных действий. В этом случае

особо подчеркивается, что единственным достойным и присущим для правителя способом движения может быть только верховой. Поскольку в условиях войны правитель должен вести себя как командир и военный вождь, передвигаться он может исключительно на коне. Образ командира и конного воина в условиях боевых действий неразрывно связаны, как неразрывно связаны военные и гражданские полномочия правителя. Куда бы не следовал правитель во время войны, даже если маршрут и не связан с военными действиями, он всегда должен передвигаться верхом на коне.

В целом, практика движения/передвижения правителя в рамках концепции идеального сикхского государства не мыслилась в качестве самостоятельной, обладающей особой и самостоятельной ценностью сферой. В силу высокой степени схематичности и условности модель не глубоко разработала данное направление. Однако выделение способов движения правителя, а в некоторых случаях и обстоятельств такого движения, позволяет говорить о комплексном представлении сикхов о функционале и особенностях реализации властных полномочий своего идеального правителя.

Денисенко В. Л. (НГПУ, ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

Древнеиндийские письменные источники по истории саков/индо-скифов и юэчжи/кушан¹

Свидетельства о народах Центральной Азии и их миграции на территорию Северной Индии в эпоху раннего железного века содержатся в различных письменных источниках древности и средневековья. В древнеиндийских эпических и религиозных произведениях имеются многочисленные упоминания о щаках (саках) и тушкарах (юэчжи/кушанах). Тем не менее, существует ряд дискуссионных вопросов относительно именованных народов. Индо-скифские племена в Индии именовались «щака», как вариант индийского экзонима «саки». Однако, термин «щака» в ряде текстов используется как собирательное наименование воинственных племен северо-запада. К таковым, по нашему мнению, относятся упоминания в эпических произведениях «Рамаяне» и «Махабхарате». Юэчжи и кушаны именуется в индийских письменных источниках тукхарами/тушарами. Эдвин Г. Пуллибланк в своем исследовании отметил, что юэчжи, тукхары/тушары и затем кушаны относились к одному народу².

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–78–10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>

² Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans // J. R.A. S., 1966. P. 9–39; Pulleyblank E. G. Why Tocharians, Journal of Indo-European // Studies, 1995. Vol. XXIII. P. 415–30.

В данной работе мы кратко рассмотрим упоминания указанных народов в эпических текстах: «Брахманда-пурана», «Вайю-пурана», «Вишну-пурана», «Матсья-пурана», «Бхагвата-пуране», «Юга-пурана». В лингвистическом трактате «Махабхашья» Патанджали. В религиозных буддийских и джайнских текстах: «Калакачарья-Катханака», «Тилюпаннатги», «Калпанамадитика». Единственной исторической хроникой может считаться только «Раджатарангини» Калханы. Недавние археологические исследования показали, что с новыми находками свидетельства, представленные в данных текстах, в значительной степени подтверждаются.

В древний период в Индии не существовало отдельного «исторического жанра», который был бы четко отделен от других областей знания, в отличие от западной и китайской традиции.¹ Одним из основных видов текстов в первых веках н.э. были пураны. Пураны одновременно легендарны и историчны — это универсалистские космологические истории, составленные адептами теистических религиозных направлений шиваизма и вайшнаизма, датируемые I-ми вв. н. э.² Так, в «Брахманда-пуране», «Вайю-пуране» и «Вишну-пуране», щакки рассматриваются как млеччхи, пришедшие из-за пределов Индии³. Кроме того, в пуранах содержится генеалогия царей: «Брахманда-пурана», «Вайю-пурана» и «Матсья-пурана» упоминают восемнадцать царей-щакков; в то время как в «Вишну-пуране» и «Бхагвата-пуране» только шестнадцать царей-щакков и четырнадцать тушкаров.⁴

«Юга Пурана» (I в. до н. э. — I в. н. э.) состоит из двух глав в рамках более крупного текста «Гарги Самхиты». Произведение состоит из 115 шлок, написано в форме пророчества на смеси санскрита и праkrita. Это самый обширный индийский текст, описывающий вторжение в страну яванов (индо-греков) и щакков во II и I вв. до н. э.

Патанджали (II в. до н. э.) — автор лингвистического трактата «Махабхашья», использовал двандву⁵ «щака-явана». Указанные народы являются наиболее близкими в социальном и политическом отношении народами, поскольку они упоминаются вместе во многих древнеиндийских текстах. В первую очередь это связано с тем, что в первой половине I в. до н. э. щакки и яваны правили одновременно на разных территориях Северной Индии, а в дальнейшем, щакки сместили яван, став их приемниками.

В буддийских и джайнских произведениях также встречаются важные сведения. Анонимная «Калакачарья-Катханака», описанная в «Кальпасутре» (V в. н. э.) повествует о роли святого джайна Калака и щакских правителей, участвовавших

¹ Houben Jan E. M. The Brahmin Intellectual: History, Ritual and 'Time Out of Time' // Journal of Indian Philosophy, 2002. Vol. 30. No. 5. 465 p.

² Thapar R. Early India: From Origins to AD 1300. University of California Press, 2004. 555 p.

³ Smith V. A. The Śakas in Northern India // ZDMG, 1907. Vol. 61. P. 403–421.

⁴ Satpathy B. B. Indian Historiography. Bhubaneswar, Utkal University, 2007. 268 p.; Pargiter F. E. Ancient Indian Historical Tradition. London: Oxford University Press, 1922. 368 p.

⁵ Санск. dvandva — «пара». Термин древнеиндийской грамматической традиции, обозначающий лингвистическое соединение, в котором несколько отдельных существительных объединяются в единое сложное слово.

в свержении царя Гардабхиллы (Гандхарвасена Махендрадитья 74–61 до н. э.)¹.

Из всех джайнских неканонических трудов, которые имеют историческое значение, в первую очередь необходимо упомянуть «Тилояпаннатти» (150–180 гг. н. э.). Первоначально этот текст был составлен на пракрите в 176 г. н. э. Его более поздняя редакция может быть отнесена к джайнскому математику и монаху Ятившабхи (478 или 483 г. н. э.)². В IV главе «Мир людей» описывается династическая история древней Индии с I в. до н. э. — V в. н. э. В ней содержится информация о шаках, оккупировавших Северную Индию, о начале и конце их правления.

«Раджатарангини» Калханы, выдающегося кашмирского историка XII в. состоит из восьми тысяч метрических стихов на санскрите, разделенных на восемь кантонов, охватывает период в 3600 лет с мифических времен до даты ее создания. Калхана руководствовался всеми доступными ему материалами по древней истории: различные письменные источники, материальные памятники культуры, надписи и документы³. Важными упоминаниями являются шлоки о кушанских царях Канишке I, Хувишке I и Васишке I, как правителях Кашмира и основателях городов, названных в свою честь.

К индийской традиции восходят также буддийские сочинения, переведенные в Китае и Тибете, где упоминается царь Канишка. Первым китайским переводом буддийского сочинения, где упоминается Кушанское царство, является «Калпанамадитика» (V–VIII в.). Авторство приписывается Ашвагхоше, а перевод Кумардживе.

Таким образом, письменные источники Древней Индии о центральноазиатских народах носят противоречивый характер и недостаточно отражают ход исторических событий, особенно пураны. Тем не менее, они служат необходимым вспомогательным источником для комплексного изучения культурного взаимодействия народов Центральной Азии и Северной Индии в эпоху раннего железного века.

Заринова Л. Р. (ИВ РАН, Москва)

Историография истории Трипуры: основные направления и проблемы

Одно из первых упоминаний о княжестве Трипура относится к XVI в. Махараджи столетиями успешно воевали с соседями, противостояли моголам, а к началу XIX в. попали в зависимость от англичан, хотя формально сохраняли

¹ Satpathy B. B. *Indian Historiography*. Bhubaneswar, Utkal University, 2007. 268 p.

² Stein B. *Early Indian Historiography: A Conspiracy Hypothesis* // *Indian Economic and Social History*. Review 6, 1969. P. 43.

³ Серебряков И. Д. Памятники кашмирской санскритоязычной литературной общности VII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 152 с.

суверенитет. При разделе британской Индии Трипура пострадала больше, чем остальные штаты Северо-Востока. Её экономика была ориентирована на восточные дистрикты Бенгалии, связь с Ассамом была затруднена из-за отсутствия дороги. В 1947 г. княжество неожиданно оказалось у государственной границы, ситуация осложнялась и резко усилившимся потоком беженцев из Восточного Пакистана, а позже — из Бангладеш. В результате миграций бенгальцев коренное население — племена — превратилось в меньшинство и было вытеснено с наиболее плодородных равнинных земель в восточные районы Трипуры. Политическая история штата характеризуется, прежде всего, длительным правлением коммунистов, с 1977 г. по 2018 г. на выборах в Легислатуру победу одерживала КПИ (м). Сложное социально-экономическое положение привело к формированию вооруженных отрядов борцов за свободу и террористических групп, которые на протяжении нескольких десятилетий оказывали сопротивление властям. Относительно спокойным штат стал только в последние 10–15 лет.

Политическое и социально-экономическое развитие Трипуры в составе независимой Индии оказывает большое влияние на её историографию и осмысление прошлого. Прежде всего, для Трипуры характерно противостояние коренного населения и бенгальского большинства, остро стоит проблема нехватки плодородных земель. Такой антагонизм присутствует и в историографии, в некоторых случаях можно проследить разные подходы к этим вопросам и описанию событий у бенгальцев и исследователей из племен. Длительное правление коммунистов, частые волнения и беспорядки, террористическая угроза также нашли отражение в историографической традиции.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных направлений историографии истории Трипуры. Во-первых, это круг проблем, связанных с «вопросом о земле». Много исследований посвящено проблеме бенгальских беженцев и тому, насколько законными были земельные сделки с представителями племен, какие меры предпринимались центральным правительством и местными органами власти для помощи и поддержки беженцев. Во-вторых, большое внимание уделяется возникновению и развитию различных социально-политических движений и проблеме экстремизма, каким образом и почему борцы за свободу постепенно превратились в бандитов, терроризирующих местное население. В-третьих, в Трипуре официально проживает 19 племен, что способствует интересу к изучению этнографии. Пожалуй, именно это направление доминирует сегодня, в нем представлены сборники фольклора, описания быта и традиций, есть исследования проблем этничности и племенной идентичности. В четвертых, нужно отметить работы по княжескому периоду истории Трипуры: жизнеописания выдающихся правителей, публикации документов. Отдельно стоит сказать о княжеской хронике XVI–XIX вв Раджмала, которая частично дошла до наших дней: активно публикуются переводы и комментарии к ней. В 2021 г. на выборах в Совет автономного дистрикта племенных районов Трипуры большинство голосов получила партия Типра Мотха, которую возглавил Прадьют Викрам Маникья

Деббарма, сын последнего правителя Трипуры. Партия пользуется огромной популярностью среди племенного населения, и в этих условиях исследования по истории княжеского периода приобретают новый оттенок.

Таким образом, историография истории Трипуры сегодня широко представлена, появляются новые исследователи, направления и сюжеты. Среди жителей штата есть потребность в осмыслении и переосмыслении своей истории, это необходимо для преодоления проблем, связанных с многолетней межэтнической напряженностью и экономической отсталостью штата. Это относится не только к племенному населению, изучение прошлого которого сегодня превалирует, но это также важно и для бенгальского большинства, которое уже несколько поколений проживает на территории штата и также нуждается в адекватном восприятии своей истории.

*Котин И. Ю. (МАЭ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург),
Лемешкина К. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)*

«Барахмах» Нанак и дискуссия о реформе сикхского календаря

В сикхских священных текстах — гурбани упоминаются традиционные панджабские месяцы: чет, вайсакх, джетх, харх, саван, бхадон, катик, магхур, пох, магх и пхагун. В составе «Ади Грантх» И. С. Серебряков выделяет две поэмы в жанре «барахмах» («двенадцать месяцев»), приписываемые Нанак, о чем свидетельствует фраза «говорит Нанак» в конце каждой. Однако, как отмечает И. Д. Серебряков, «одно из них, в рага «тукхари», принадлежит самому Нанак, а другое в рага «маджх» приписывается гуру Арджуну». Опираясь на эти тексты сикхские реформаторы предложили реформировать календарь.

В докладе рассматривается история происхождения сикхского календаря Нанакшахи (принят в 1998 г., реформирован в 2003 г.) в контексте споров в сикхской общине в Индии и странах индийской диаспоры о судьбе учения и общины сикхов. Религиозный реформатор гуру Нанак (1469–1539) создал общину своих учеников (шишья, сикхи), которые, следуя за ним, поклонялись Единому Богу в его бестелесной (ниргун) форме. Традиция живых гуру длилась до 1708 г. и включала десять вероучителей сикхизма, каждый последующий из которых считался реинкарнацией Нанак. Наряду с панджабскими сельскохозяйственными и новогодними праздниками северной Индии (Вайшакхи (Байсакхи), Дивали) календарные даты событий сикхской истории, и, прежде всего — даты рождения, смерти, принятия миссии сикхских гуру стали основными сикхскими праздниками. Существование значительной части сикхов в диаспоре еще в большей степени усложняет этот процесс и сохраняет альтернативные версии идентичности сикхов. Стремясь

придать сикхам единообразие и единомыслие, сикхские духовные авторитеты ввели новый сикхский календарь. Споры вокруг нового календаря, названного в честь гуру Нанака, привели к расколу общины сикхов. Официально новый календарь Нанакшахи принят, но часть сикхов ему не следует. Соответственно, в разное время они отмечают дни памяти сикхских гуру — гурпурб. При этом, даже в обновленном календаре некоторые праздники отмечают по старому североиндийскому календарю Викрам самват (Бикрами-самат).

Мухаметханова А. И. (РГГУ, Москва)

Экофеминизм в Индии как способ решения экологических проблем

Понятие «экофеминизм» состоит из широкого спектра вопросов от вегетарианского движения до защиты окружающей среды, оно приобрело всемирную известность с 1970-х годов. Активное участие женщин в защите экологически уязвимых ресурсов вдохновило интеллектуалов на изучение отношений между женщинами и природой. Таким образом, экофеминизм или гендерный энвайронментализм стал отдельной областью исследований в Индии.

Движение «Чипко» в Индии означает на хинди «объятие», и это идеальный способ описать действие, которое предпринимали активисты для спасения деревьев. Жители Гималаев просто обнимали дерево, когда человек с топором подходил, чтобы срубить его.

Экологическая деградация оказала значительное влияние на расширение прав женщин, поскольку их выживание критически зависело от природы. Мужчинам приходилось искать работу в горах, а женщины возделывали землю. Они протестовали против вырубки лесов, потому что им приходилось тратить больше времени, чтобы собирать дрова для костра или листья для животных.

Исходя из анализа литературы, можно сделать заключение, что это экологическое движение было совершенно ненасильственным, что не всегда характерно для социальных движений. Лидеры движения не смогли договориться о формальной структуре. Оно оставалось неформальным собранием местных жителей и добровольцев DGSM. У Чипко действительно были взаимоотношения с организацией самоуправления деревни Дашоли «Dasholi Gram Swarajya Mandal» (DGSM), которая также боролась с коммерческими лесозаготовками. Движение сотрудничало с DGSM, но усилия Чипко не прекратились, когда DGSM прекратила свое существование¹.

¹ Schils N. Indians embrace trees (Chipko) to stop logging activity, 1971–1974. 2011. [Электронный ресурс]//Global Nonviolent Action Database. URL: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/indians-embrace-trees-chipko-stop-logging-activity-1971-1974> (дата обращения: 14.01.23)

В ходе исследования были сделаны следующие выводы:

Движение произвело всемирную революцию в зеленом сознании, прочно связав экологию со справедливостью посредством практической политики. Успех движения Чипко можно увидеть во влиянии, которое оно оказало на другие движения, а также в изменениях политики. С помощью различных акций протеста движение Чипко смогло добиться от правительства запрета на всю лесозаготовительную деятельность с 1980 по 1995 год в Ренийском лесу. Активисты выступали против вырубки лесов для строительства плотины в Техри, штат Уттар-Прадеш, которая произошла в 2001 году. Одним из примеров влияния движения можно проследить в штате Карнатака в 1983 году. Тиковое дерево экспортировалось для судостроения и коммерческого использования. Жители деревни также обнимали деревья для их защиты. Они смогли добиться успеха¹. В 1980 году леса Рени были спасены протестующими женщинами, в штате Уттар-Прадеш был введен 15-летний запрет на любую форму вырубки.

Движение, которое началось с потребности в выживании, стало рупором местных женщин, которые теперь могли выполнять программы для удовлетворения своих потребностей и объединять свою коллективную энергию, чтобы защитить местность от дальнейших бедствий.

Ремизова Е. С. (Россотрудничество, Москва)

Борьба с колониальной историографией в современной Индии

В современной Индии в области социальных наук присутствует колониальный образ исторического мышления, который не только выжил, но и активно влияет на индийские научные круги. Распространены интерпретации истории, полученные в результате применения западных концепций и моделей. Написание истории, анализ исторических фактов и их интерпретация происходят с учетом экономических, социальных, политических и культурных подходов, свойственных колониализму, направленных на оправдание доминирования, эксплуатации, создания социальных порядков в соответствии с западными концепциями. Это способствует подрыву индийских культурных традиций и искажению исторических фактов.

Ряд современных индийских историков считают, что появление колониальной историографии Индии было преднамеренной попыткой англичан не

¹ Klassen C. Indian villagers hug trees (Appiko) to stop deforestation in Karnataka, 1983–1990. 2013. [Электронный ресурс]//Global Nonviolent Action Database. URL: <https://nvdatabase.swarthmore.edu/content/indian-villagers-hug-trees-appiko-stop-deforestation-karnataka-1983-1990> (дата обращения: 14.01.23)

только оправдать своё правление, но и культурно установить европейское превосходство. Построение колониального общества происходило через отрицание, осуждение и унижение истории, культурного наследия, религии, системы ценностей, науки покоренных. Исходя из этих установок работали члены колониальной администрации, купцы, британские интеллектуалы, миссионеры и военные, из которых многие оказались и историками, оставившими свои умозаключения потомкам.

В Индии англичане столкнулись не только с сильной экономикой, но и с глубоко укоренившейся культурой. И, если для подавления экономики применялись мародерство, грабеж и отбор земель, то на интеллектуальном уровне уничтожению подлежала культура Индии: индийцы представлялись как некультурные, не способные к управлению, не имеющие никакой истории, разделенными по многочисленным общественным признакам последователями мракобесных религий, а общество — как стагнирующее, основанное на рабстве, восточном деспотизме и не имеющее понятие нации. Именно такой подход лежит в основе крылатой фразы Джона Стрейчи, исполнявшего обязанности вице-короля Индии, о том, что первое и самое главное, что надо знать об Индии, это то, что нет и никогда не было Индии, или даже любой страны под названием «Индия», обладающей, по европейским представлениям, любым видом единства — физическим, социальным и религиозным, ни одной индийской нации, ни одного народа Индии, о котором мы так много слышим.

Такой подход был свойственен не только англичанам, так Карл Маркс считал, что у индийского общества вообще нет истории, по крайней мере, нет известной истории. То, что мы называем его историей, — это история сменявших друг друга злоумышленников, которые основывали свои империи на пассивной основе сопротивляющегося и неизменного общества. Поэтому вопрос заключается не в том, имели ли англичане право завоевывать Индию, а в том, предпочитаем ли мы Индию, завоеванную турками, персами или русскими Индии, завоеванной британцами. Англии пришлось выполнить двойную миссию в Индии: разрушительную и регенерирующую — уничтожить старое азиатское общество и заложить материальные основы западного общества в Азии.

В 1950–1960 гг. индийские историки начали бороться с колониальным наследием в историографии, во многом благодаря набравшему силу так называемому «левому подходу». В 1970–1980 гг. в стране зародилась националистическая историография, отмеченная отчаянным желанием противостоять колониальному наследию и зачастую страдающая историческими перекосами. Однако из числа ее последователей вышли в том числе те историки и интеллектуалы, которые сегодня оказывают влияние на развитие страны, вырабатывая независимый путь развития. А современные индийские историографы ведут дискуссию о том, закончилось ли в историографии оспаривание колониальной истории, в какой степени колониализм возрождается сегодня под покровом глобализации и не становится ли индийское общество снова жертвой — на этот раз теории нео-колониализма.

Сидорова С. Е. (ИВ РАН, Москва)

Приключения мятежного раджи: побег, погоня, детронизация (политический кризис в Нагпурском княжестве, 1817–1818)

В докладе ставится задача восстановить малоизвестный эпизод Третьей англо-маратхской войны (1817–1818), который наряду с другими факторами повлиял на отношения между Ост-Индской компанией и Нагпурским княжеством, а также другими индийскими политиями на десятилетия вперед.

На рубеже XVIII–XIX вв. британскую колониальную политику в Индии определяла плеяда деятелей, которых иногда называют «романтическими либералами», отстаивавшими филантропический вариант империализма. Все они были единомышленниками в том смысле, что из соображений политической безопасности и целесообразности выступали за сохранение существующих условий и положения местного населения, индийской «особости» и против радикальных европейских нововведений, внедрения христианской религии, навязывания английского образования и т.д. Однако к концу 1810-х годов вектор британской политики начал меняться. Этому в немалой степени поспособствовал кризис власти в Нагпурском княжестве в 1817–1818 гг. Нагпурское княжество, появившись на карте Индостана в первой половине XVIII в., уже к середине столетия стало одним из крупнейших политических образований в составе Маратхской конфедерации, занимая всю Центральную Индию и простираясь до восточного побережья полуострова.

В 1816 г. при негласной поддержке Ост-Индской компании княжеский престол сначала в качестве регента, а вскоре и полноправного правителя занял 20-летний Мудходжи II, более известный под именем Аппа-сахиб. Когда началась война с маратхами Аппа-сахиб выступил против своих благодетелей и в двух битвах при Нагпуре проиграл. Вопреки условиям мирного договора, сохранившего за ним престол в обмен на полную лояльность, раджа продолжил антибританскую деятельность, в результате чего был арестован и отправлен под конвоем из Нагпура в Аллахабад. Последовавшие побег раджи, безуспешная погоня за ним, осада труднопроходимых гор, где спрятался Аппа-сахиб, попытки переговоров, шпионаж названы в предисловии к опубликованным в 1939 г. документам, описывающим эти события, «романтическим эпизодом». Однако инцидент с бегством мятежного правителя во время военного противостояния был серьезным провалом и унижением для британцев, демонстрировавших растерянность и топографическую дезориентацию, а также имел пагубные последствия для общественного спокойствия в регионе. Спасая положение и лицо, британцы прибегли к открытой дискредитации неблагонадежного правителя и объявили о низложении Аппа-сахиба с трона и провозглашении нового раджи, которым стал десятилетний Рагхуджи III. В прокламации о детронизации Аппа-сахиба говорилось, что британцы временно возьмут в свои руки управление Нагпурским княжеством от имени нового раджи.

Вопреки первоначальным планам установленные новые порядки государственного администрирования представляли собой очень жесткую схему отношений с местным, оставшимся формально независимым правителем, отличавшуюся прямым и постоянным вмешательством в его внутренние дела.

«Романтический эпизод» с побегом Аппа-сахиба привел к незапланированным действиям англичан, ознаменовал переход к более строгим формам контроля над местными правителями, и стал, таким образом, провозвестником конца «романтического периода» британского присутствия в Индии. После падения Маратхской державы, новые британские администраторы, осознавая себя представителями главной политической силы на субконтиненте, уже не считали заботу об индийской «особости» залогом безопасности и стабильности положения, активно насаждали «британскость» во всех сферах государственной деятельности, весьма решительно вытесняли местных правителей с политической сцены, аннексируя их земли или сохраняя лишь видимость их независимости. Такой жесткий курс стал одной из причин кровавых событий поддержанного многими недовольными местными правителями Сипайского восстания 1857 г., после которого произошел очередной слом парадигмы в отношениях британцев с индийскими княжествами.

*Смирнова Е. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Краснодембская Н. Г. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)*

Формирование в Ленинграде переводческих традиций с языка маратхи (1960–1970-х гг.)

Первые сведения о языке маратхи русские читатели получили во второй половине XVIII в. из работ Аделунга и Палласа; в середине XIX в. Павел Петров представил первый на русском языке научный очерк языка маратхи и общий обзор маратхской литературы. В 30-е гг. XX в. с развитием новой школы индологии в Ленинграде маратхи стали изучать наряду с другими *живыми* индийскими языками. Традиция была прервана Второй мировой войной, но вновь восстановлена в 50-е гг. XX в. Этот грандиозный труд был предпринят выпускницей и затем сотрудником кафедры индийской филологии восточного факультета ЛГУ Т. Е. Катениной (1926–1987).

Кроме постижения самого языка¹, Катенина значительное внимание уделила изучению маратхской литературы. Свои знания по этой теме она в основном

¹ Работы Т. Е. Катениной как базовые источники изучения языка маратхи (к истории индологической лингвистической школы Петербурга/Ленинграда) /Смирнова Е. В., Краснодембская Н. Г. // XXXI Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб., 2021. С. 278–280

изложила в курсе лекций по маратхской литературе. Произведения маратхских авторов (классиков и современных) она читала со студентами на языковых занятиях, сопровождая комментариями, и вдохновила некоторых из учеников посвятить свою научную деятельность изучению маратхской литературы (Б. И. Кузнецов, В. К. Ламшуков). Темы по маратхской литературе становились и объектом некоторых студенческих работ: «П. К. Атре и его роман «Цангуна» (Б. Кузнецов), «Музыкальные драмы (сангит натака) Кхадилькара» (Н. Краснодембская) и т. п. Творчество крупнейших маратхских поэтов и прозаиков, от Днянешвара и Тукарама до Хари Нараяна Апте и Кешавсута, объектом своего диссертационного исследования (а затем и тематикой книги) выбрал В. К. Ламшуков, в течение многих лет стихосложение и философию великого Днянешвара изучал Б. И. Кузнецов.

Литература на языке маратхи развивается уже более восьми веков. Произведения современных форм, заимствованных у европейцев (роман, рассказ, новелла), существуют в Махараштре более 100 лет. Последние пользуются популярностью и любовью как у самих маратхов, так и у других народов Индии, составляя конкуренцию более известной бенгальской литературе. Учитывая ее популярность, уже в 60–70-е гг., в Ленинграде ученики Т. Е. Катениной уделили серьезное внимание переводам современной маратхской литературы на русский язык (до того некоторые маратхские произведения переводили для русских через хинди и английский). Первым серьезным толчком в этом направлении оказался проект восточного факультета ЛГУ, а именно издание серии «Современная восточная новелла» (1964–1975, издательство «Наука»). Под новеллой разумели короткий рассказ. Первые переводы маратхских рассказов вошли в сборник «Тадж-Махал» (1964)¹, составленный Н. И. Толстой (однокурсница Катениной, преподавала на кафедре язык пенджаби), в нем были собраны новеллы, написанные на пенджаби, маратхи и гуджарати. Переводчиками выступили Н. Толстая, Н. Краснодембская, В. Ламшуков, Н. Корсакова, Б. Кузнецов и Л. Савельева. В 1967 г. вышел отдельный сборник переводов с маратхи под названием «Заморская курица»², где было представлено около 20 известных современных маратхских авторов. Среди них В. С. Кхандекар, В. Д. Мадгулкар, Г. Г. Гадгил, Р. В. Дигхе, Аннабхау Сатхе и др. К переводу подключилась Т. Яковлева, тоже ученица Т. Е. Катениной. Обе книжки были изданы солидными тиражами — по 30 000 экз. — и продавались с исключительной быстротой.

Направленность избранных для перевода произведений (а в их выборе составителю помогали сами маратхи, учившиеся тогда в Ленинграде) была отчасти легендарно-мифологическая (рассказ «Иса», легенда о строителе Тадж-Махала), юмористическая, но преимущественно, конечно же, реалистическая. Это было характерной чертой литературы маратхов той поры, так в частности сказывалось влияние советской литературы на индийцев. Героями большинства новелл высту-

¹ Тадж-Махал: Новеллы соврем. писателей Индии. Москва: Наука, 1964

² Заморская курица: Новеллы писателей Махараштры. Москва: Наука, 1967

пили простые индийцы, люди из народа, преимущественно небогатые, если не совсем бедняки, даже представители самых обездоленных — из каст неприкасаемых, кожевников (чамаров). Открывает сборник новелла «Земля-кормилица», рассказывающая о бесконечной преданности маратхских крестьян к земле (герой ее, глубокий старик, даже на пороге смерти не может продать свой участок, он всей кровью привязан к этому клочку матушки-земли). О различных бедах и проблемах трудового люда, иногда о смертельных рисках их работы, о неизбежной зависимости крестьян от помещиков, городских тружеников — от начальства разных уровней. Новеллы «Наследство», «Бунтарь», «Красное пятно» повествуют о кастовом неравенстве. Иронией, но и горьким сочувствием исполнен рассказ о городской паре молодоженов, почти нищих, едва сводящих концы с концами и не имеющих перспектив на улучшение своей жизни («Жасминовый венчик»). При всей грубости жизни на самом дне общества человеческая душа стремится к свету и любви и сохраняет их («Одна ана»). Тонкие движения детских чувств при невнимательности взрослых подмечены в новелле «Зеркальный шкаф». В рассказе «Звон ситара» речь идет о реальных маратхских поэтах, показан контраст их немудреного бытия с полетом творчества и наслаждениями духа. В ряде произведений проявляется склонность маратхов к шутке, иронии, юмору. К разряду собственно юмористических относятся новеллы «Заморская курица», «Золотые яйца» и «Буйволица Габы телится». В целом создана небольшая, но выразительная панорама актуальной литературы маратхов и реального существования. Переводчики внимательно отнеслись к языку оригинала, стараясь по возможности сохранить художественные особенности и достоинства произведений.

В 1970–1980-е гг. русский читатель познакомился со своеобразным жанром маратхской литературы — романом на мифо-легендарные темы: «Чандрагупта» Х. Н. Апте (1969); «Любовь и ненависть» (иначе «Яйти»), В. С. Кхандекара (1982) (перевод Т. Е. Катениной и Н. Г. Краснодембской).

В 60–70-е гг. прошлого столетия учеными Ленинграда был сделан хороший задел переводческих традиций с языка маратхи и хочется надеяться, что в ближайшем будущем на Восточном факультете они возродятся и будут продолжены.

Соболева Е. С. (МАН РАН, Санкт-Петербург)

Мервин Херат — деятель просвещения в Шри Ланке (XXI век)

Мервин Херат (Н. М. Mervyn P. Herath) в начале XXI века составил и опубликовал в Шри Ланке ряд небольших, но информативных книг по важным аспектам истории и культуры страны.

Уроженец о-ва Цейлон, он получил хорошее образование в St. Johns College — единственной английской школе для мальчиков (осн. в 1915 г.) в Нугегодде, густонаселенном пригороде Коломбо. Колледж Св. Иоанна был первым, привилегированным учебным заведением для образованного английского среднего класса Нугегодды и окрестностей. Его выпускники трудились в разных сферах экономики и политики и внесли немалый вклад в развитие Шри Ланки.

В Лондонском городском университете Мервин Херат получил профессию бухгалтера и работал на высоких исполнительских должностях в Victor Gollancz Ltd., одном из крупнейших издательств Великобритании (осн. в 1927 г.). Затем он был прикомандирован к ЮНЕСКО как консультант Регионального центра развития книги в Азии, стал членом Мобильной группы экспертов по книге при Азиатском культурном центре ЮНЕСКО в Японии. Это позволило ему поехать по Юго-Восточной Азии. В Шри Ланке Мервин Херат работал исполнительным директором Marga Publications.

Во время пребывания за границей у Мервина Херата зародился интерес к истории Цейлона. Вернувшись на родину, он поселился в Раджагирии, районе административной столицы Шри-Ланки Шри-Джаяварденепуры. Он применил свои знания и навыки в сфере книгопечатания — написал пособие по подготовке и подаче рукописей (на английском и сингальском языках). Попробовал себя в художественном жанре («Нилмини и Милинда»¹ на английском, сингальском, тамильском языках), затем — в документальном.

Чтобы удовлетворить потребность ланкийцев в познании своей истории, Мервин Херат собрал сведения о правителях Цейлона за прошедшие 2500 лет, по возможности иллюстрируя очерки редкими репродукциями². За первые восемь лет его книга «Монархи Шри-Ланки» выдержала пять переизданий.

Затем последовала сводка «Государственный флаг и национальный гимн Шри-Ланки: история и значение»³, которая вышла на английском и на сингальском языках.

Столица Шри Ланки город Коломбо значительно разросся за счет пригородов к XXI веку. Мервин Херат составил книгу «Колониальная Коллупития и ее окрестности»⁴. В наши дни в Коллупитии проживают разные этно-конфессиональные общины — буддисты, индуисты, мусульмане, христиане. Помимо сингалов и тамиллов, там много шри-ланкийских мавров и бюргеров. Торговцы-мусульмане контролируют большую часть экономики района. В последние годы усилился приток китайских эмигрантов, увеличилось количество китайских магазинов и предприятий. Коллупития представляет собой процветающий коммерческий

¹ Herath, H. M. Mervyn. Nilmini Saha Milinda. Pannipitiya, Sri Lanka: Stamford Lake (Pvt) Ltd.

² Herath, H. M. Mervyn. Monarchs of Sri Lanka. Nugegoda: Sarasavi, 2001.

³ Herath, H. M. Mervyn. The national flag and the national anthem of Sri Lanka: history & significance. Colombo: H. M. Mervyn Herath, 2002.

⁴ Herath, H. M. Mervyn. Colonial Kollupitiya and its environs. Colombo: Lions Club of Kollupitiya, 2004.

район с модными элитными торговыми центрами. Там расположены некоторые иностранные посольства, резиденция президента, банки, министерства.

В том же году Мервин Херат совместно с Ниранджаном Абейесундере подготовили книгу «Olwyn's Beach Wadiya: всемирно известный ресторан морепродуктов, Коломбо, Шри-Ланка»¹ по заказу его владельца. Олвин Вирасекера сначала занимался фармацевтическим бизнесом, но любовь к кухне юга пересилила, и он обратился к ресторанному бизнесу. Кухня «Beach Wadiya» на пляже Galle Face (в Коломбо) завоевала международную известность.

Другой аспект внимания — биографии выдающихся современников-ланкийцев. Сведения о них автор собирал как из СМИ, так и из бесед с их друзьями и знакомыми. Персонажи в книге «Легенды нации: 25 избранных биографических очерков с иллюстрациями»². представлены в алфавитном порядке. Биографию каждой исторической личности предваряет краткая и ёмкая характеристика: сэр Поннамбалам Аруначалам — Стойкий борец за национальную независимость, Лалит Атхулатмудали — Патриот и защитник демократии, Сиримаво Бандаранаике — Первая в мире женщина — премьер-министр; Соломан Уэст Риджуэй Диас Бандаранаике — Блестящий оратор; Ананда Кумарасвами — Гений всего цейлонского, д-р Колвин Р. Де Силва — Джентльмен в высшей степени, Анагарика Дхармапала — Крестоносец, сэр Разик Фарид — Отец мусульманского образования, преподобный Мигеттуватте Гунананда — Язык буддийского возрождения на Цейлоне, А. Е. Гунасингхе — Первый лейбористский лидер Шри-Ланки, Филип Гунавардена — Отец марксизма, Т. Б. Джая — Великий мусульманский лидер, сэр Дон Барон Джаятиллеке — Великий государственный деятель, Юниус Ричард Джаявардене — Первый исполнительный президент, К. У. В. Каннангара — Отец бесплатного образования, сэр Джон Лайонел Котелавала — Сильный человек, Эдвард Генри Педрис — Великий патриот и национальный герой, Эдвард Уолтер Перера — Лев Котте, д-р Н. М. Перера — Истинный и верный сын Шри-Ланки, сэр Поннамбалам Раманатхан — Бесстрашный лидер, Дадли Шелтон Сенанаяке — Редкая сущность, Ф. Р. Сенанаяке — Настоящий борец за свободу, Дон Стивен Сенанаяке — Отец Нации, преподобный Варияпола Шри Сумангала — Бесспорно доблестный священник, Дон Ричард Виджевардене — Великий патриот.

Истории своей малой родины — поселка Нугевода, быстро превратившегося в мини-город, Мервин Херат и экономист Джагатх С. Саванадаса, также выпускник колледжа Св. Иоанна, посвятили книгу «Нугевода: взгляды в прошлое»³. Этот пригород Коломбо в XX веке был в высшей степени космополитическим обществом. В нем открыто несколько крупных образовательных учреждений.

¹ Olwyn's Beach Wadiya: Internationally Renowned Sea Food Restaurant, Columbo, Sri Lanka / H. M. Mervyn Herath, Niranjan Abeyesundere. Beach Wadia, 2004.

² Herath, H. M. Mervyn. Legends of a nation: 25 select biographical sketches with illustrations. Pannipitiya : Stamford Lake, 2009.

³ Herath, H. M. Mervyn P., Jagath C. Savanadasa. Nugegoda: glimpses of the past. Colombo Nugegoda: Sarasavi, 2009.

Наконец, Мервин Херат написал книгу «Мы: путешествие к корням нашей нации»¹. Краеведческие работы Мервина Херата иллюстрированы черно-белыми репродукциями, в т. ч. из газет, журналов, листовок и др. редких и труднодоступных источников.

Небольшие по объему публикации Мервина Херата составляют категорию книг, отвечающих запросам современных ланкийцев. Они изданы автором, с учетом его опыта международного маркетинга, в Шри Ланке на собственные средства, на хорошей бумаге, при моральной поддержке ланкийской интеллигенции, относительно недороги и доступны широким слоям читателей. Неслучайно в XXI в. они переиздавались практически ежегодно.

¹ Herath, H. M. Mervyn P. We: journey in to the roots of our nation. Pannipitiya, Sri Lanka: Stamford Lake (Pvt) Ltd., 2013.

СЕКЦИЯ IX • SECTION IX
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF CHINA

Адамс О. Ю. (МГУ, Москва)

**«Контроль посредством общественного мнения»
в антикоррупционной работе в КНР**

В последние годы интенсификация превентивных антикоррупционных усилий идет в нескольких равных по важности направлениях. Налаживание обратной связи с гражданами, в частности, прием сообщений о коррупционных нарушениях (в том числе расследование случаев, о которых граждане рассказывают в соцсетях вне установленных каналов информирования о нарушениях), обеспечение безопасности информаторов и т.п.; антикоррупционная пропаганда и просвещение представляют собой неотъемлемую часть работы по созданию «общественного климата нулевой терпимости к коррупции». С 2003 г. на сайте Верховной Народной прокуратуры работает страница по приему обращений граждан. В конце 2005 г. были созданы онлайн-приемная Центральной Комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) и сайт Центра приема заявлений о нарушениях Министерства контроля.

Поддерживая идею распространения «контроля посредством общественного мнения» (舆论监督) в качестве дополнительной меры борьбы со злоупотреблениями представителей власти, в 2005 г. ЦК КПК опубликовал «План по созданию и развитию всеобъемлющей системы наказания и предупреждения коррупции, где просветительскому, законному и контрольному аспектам уделяется равное внимание». В 2010 г. в «Белой книге КНР по борьбе с коррупцией и построению неподкупного правительства» подчеркивалось, что в стране «создана особая система контроля [коррупции], которая включает внутрипартийный контроль, а также контроль со стороны законодательной власти и правительственных орга-

нов, демократический контроль со стороны НПКСК, юридический, народный контроль, а также контроль со стороны общественного мнения»¹. Последний трактуется как обеспечение права телевидения, радио, печатных изданий и других средств массовой информации «вести репортажи и осуществлять право надзора посредством общественного мнения в соответствии с законом», «освещая таким образом нездоровые явления, нарушения закона и партийной дисциплины работниками государственных и партийных органов». В свою очередь «соответствующие правительственные органы пристально следят за проблемами, которые освещают СМИ; вопросами, вызывающими социальную озабоченность, и предлагают своевременные решения». Благодаря быстрому распространению Интернета и взрывному росту числа «нетизенов» «онлайн-контроль» (网络监督) стал неотъемлемой частью контроля посредством общественного мнения. Это сравнительно новый, быстро развивающийся способ контроля, который «в режиме реального времени реагирует на проблемы, пользуется значительным влиянием среди граждан и широко распространен»². Китай придает большое значение позитивной роли Интернета в укреплении общественного надзора, признавая при этом наличие сложных вопросов: например, недостаточно развитую законодательную базу для регулирования этого вида надзора, обеспечения права граждан на защиту чести, достоинства и репутации от необоснованных обвинений (обвинений из мести), а также обеспечения таких же прав членов их семей и т. д. Недостаток «самодисциплины» интернет-пользователей, сравнительно низкий уровень их образования китайские исследователи также относят к слабым сторонам интернет-контроля за деятельностью представителей власти³.

Одним из свежих примеров просветительско-пропагандистской работы, включающей также «предупреждающее воспитание» (*цзиньши цзяоюй*) партийных и государственных работников, является пятисерийный документальный фильм «Нулевая терпимость» (*линжунжэнь*) — совместный проект Отдела пропаганды ЦКПД и Государственного контрольного комитета и Центрального телевидения КНР (ССТV), приуроченный к столетнему юбилею КПК, который широко отмечался в 2021 г. Сюжеты, освещаемые в фильме, объединены в восемь подробных зарисовок-альбомов: «Строительство рабочего стиля никогда не прекращается», «Всегда в пути», «Чтобы ковать железо, нужно самому быть твердым», «Острый меч инспекторских проверок», «Красные уведомления», «Государственный контроль», «Главные правила борьбы с коррупцией всегда рядом», «Нулевая терпимость». По словам представителей Отдела пропаганды ЦКПД, материал представляет собой «подробную летопись неустанного продвижения по пути

¹ «Борьба с коррупцией и построение неподкупного правительства в КНР» http://www.gov.cn/jzwgk/2010-12/29/content_1775173.htm (на кит.яз.). — Доступ 02.01.2023.

² «Борьба с коррупцией и построение неподкупного правительства в КНР» http://www.gov.cn/jzwgk/2010-12/29/content_1775173.htm (на кит.яз.). — Доступ 02.01.2023.

³ Чжан Чуньлинь «Упорядочение интернет-контроля в борьбе с коррупцией» <http://qks.cqu.edu.cn/html/cqdxskcn/2013/3/201303021.htm> (на кит.яз.). — Доступ 02.01.2023.

строгости соблюдения партийной дисциплины в новую эпоху, что подчеркивает политическую важность этого процесса, имеет предупреждающее и просветительское значение»¹. В фильме подробно исследуются 16 «показательных дел» по борьбе с коррупцией в разных сферах: от финансовой до угольной промышленности в автономном районе Внутренняя Монголия.

Аудитория живо откликнулась на выход фильма: огромное количество комментариев, в том числе критического характера, было опубликовано в Вичате. В целом положительно оценивая проделанную работу и ситуацию по ограничению коррупции в стране в целом, граждане отмечали необходимость «не только расследовать отдельно взятые случаи, но также изучать их системные причины». Авторы фильма достаточно осторожно говорят об истоках злоупотреблений, при этом подчеркивая крайне негативные социально-политические последствия разрастания коррупции, «разрушающей жизнь простых людей», для КПК как руководящего авангарда китайского общества.

Бабарико К. Б. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Советские специалисты в Народном университете КНР

Народный университет Китая — это первый университет Китая нового типа. 16 декабря 1949 года на заседании Государственного совета КНР было принято «Постановление о создании Народного университета Китая», в котором указывалось, что «для удовлетворения потребностей государственного строительства Государственный совет Центрального Народного правительства принял решение учредить Народный университет Китая, перенять передовой опыт СССР в строительстве, а также пригласить советских профессоров и последовательно по плану осуществлять подготовку разнообразных кадров строителей нового государства».

В 50-х годах 20 — ого века советские специалисты в Народном университете, как по профессиональному уровню, так и по представленным научным дисциплинам, занимали самые передовые позиции среди специалистов во всех вузах КНР. С 1950 г. по 1957 г. в Народном университете Китая работали 98 специалистов из СССР, самое большое количество советских специалистов среди всех вузов Китая. Работа советских специалистов в Народном университете велась по 5 основным направлениям.

Во-первых, советские специалисты-консультанты и советники на начальном этапе создания университета принимали активное участие в подготовительной

¹ <http://dangjian.people.com.cn/n1/2022/0119/c117092-32334597.html> (на кит. яз.). — Доступ 02.01.2023.

работе и, на основе советских принципов высшего образования, помогали создавать факультеты и кафедры современного типа, помогали разрабатывать образовательные программы и планы учебных дисциплин, внедряли новые методы университетского обучения, такие как: семинары (обсуждения и дискуссии в классе), устные экзамены, балльную систему оценок, курсовые работы и проекты, производственную практику.

Во-вторых, для того чтобы удовлетворить неотложную потребность КНР в квалифицированных кадрах, Народный университет Китая, опираясь на силы советских специалистов, организовал целевую систему по подготовке кадров различного уровня: рабфаки, обучение с отрывом и без отрыва от производства, курсы по повышению политических и управленческих навыков чиновников, подготовительные курсы и многое другое.

В-третьих, советские специалисты сыграли важную роль в подготовке китайских преподавателей. Советские специалисты, во-первых, непосредственно вели занятия у китайских преподавателей. Они также принимали активное участие в подготовке китайских аспирантов. Согласно имеющимся данным, с 1950 г. по 1957 г. советские специалисты обучили 2574 аспиранта, что имело большое значение для выполнения университетом задачи подготовки молодых преподавательских кадров. Одновременно с этим преподаватели других учебных заведений массово посещали лекции и занятия советских специалистов и переносили советскую модель преподавания в свои вузы.

В-четвертых, в период работы в Народном университете Китая советские специалисты внесли большой вклад в подготовку учебных материалов. Согласно статистическим данным, в период с 1950 г. по 1957 г. советскими специалистами при содействии китайских преподавателей было составлено 101 учебное пособие. Учебные пособия, написанные советскими специалистами, научные работы и пособия, рекомендованные ими, их лекции, а также доклады и выступления советских специалистов по различным вопросам организации университетского преподавания, научной и управленческой работы имели огромное значение для развития как Народного университета, так и системы высшего образования КНР.

В-пятых, советские специалисты внесли огромный вклад в стимулирование начальных научных исследований путем знакомства китайских преподавателей с принципами организации научных исследований в СССР, многочисленных выступлений по проблемам организации научного процесса, организации первых научных конференций и семинаров для представления результатов своих исследований.

В целом, советские специалисты, распространяя в Народном университете научные знания, знакомя китайских коллег с опытом советской революции и советского социалистического строительства, передавая опыт образования в советских высших учебных заведениях, сыграли огромную стимулирующую роль в деле строительства Народного университета. Работа и практическая деятельность советских специалистов по подготовке педагогических кадров на начальном этапе создания Народного университета также имела огромное значение.

Под руководством и с помощью советских специалистов Народный университет Китая соединил советскую модель образования с китайскими реалиями и разработал новую систему научных дисциплин. Эти новые дисциплины стали первоначальной моделью научного строительства не только в Народном университете, но и во всех высших учебных заведениях Китая. Впоследствии многие специальности и научные дисциплины Народного университета Китая, созданные под руководством советских специалистов, были признаны сильнейшими в стране и стали эталоном для других вузов.

Благодер Ю. Г. (КубГТУ, Краснодар)

Образ Китая в российской периодической печати начала XX века: либералы против монархистов

В Российской империи в начале XX в. расширяется выпуск печатных периодических изданий, позволяющих людям, имеющим различный уровень материального благосостояния и социальный статус, интересоваться и, что немаловажно, политические взгляды, получать информацию о текущих событиях, происходящих как в своем Отечестве, так и за его пределами. Газетная продукция была доступна широким слоям населения, поэтому превращалась в арену противостояния политических сил. Партия Конституционных демократов поддерживала газеты «Речь», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», Октябристы — «Слово», «Голос Москвы», монархисты — «Русское знамя», «Московские ведомости» (с 1905 г.). Печатные издания «Новое время», «Русский вестник» разделяли политику правительства, а социал-демократические газеты «Новая жизнь» «Искра», «Правда» выступали с ее острой критикой. У российских обывателей различных сословий пользовались популярностью ежедневные недорогие газеты, к примеру, «Русское слово», а также образцы «малой» прессы («Московский листок», «Свет» и прочие), не скрывающие своего равнодушия к политике.

Идеологические позиции представлялись как напрямую в публикациях о злободневных проблемах российского общества, так и опосредованно, в частности, при проведении анализа социально-экономических и политических процессов в иных государствах. Все наиболее популярные газеты, вне зависимости от идеологической ориентации, размещали на своих страницах статьи (очерки, заметки), которые содержали сведения о различных странах, в том числе и Китае. В начале XX века публикации «китайской тематики» все более приобретали черты публицистичности. Это превращало их в важный источник информации о восточной стране, способствовало популяризации знаний о ней. Интерес читателей не был высоким, но он неуклонно рос, особенно в научном сообществе, предпринимательских кругах, в среде творческой интеллигенции.

В начале XX века тематическая переориентация периодики шла очень быстро. Объединяло издания различной идеологической направленности желание искоренить представление о Китае, как экзотической стране¹. Образ Срединной империи «упрощается» и наполняется крайне непривлекательными чертами. Авторы сосредотачивают внимание на характеристике социальных проблем, обильно наполняя тексты своих статей шокирующими публику фактами из жизни беднейших слоев населения. Причем, российские издания консервативного толка это делали для того, чтобы осудить антиправительственные народные выступления, порождающие насилие и разоряющие государство. Социал-демократические газеты использовали подобные сюжеты для стигматизации монархической системы, усугубляющей глубокий кризис и народные бедствия. К слову, либеральная периодика, не отказываясь от резких критических замечаний в адрес цинской власти, делала акцент на позитивных переменах, которые стали результатом реформаторской политики китайского правительства при поддержке европейских государств; они знакомили российского читателя с китайскими техническими достижениями и успехами в торговле.

Трансформация образа Китая происходила под влиянием текущих политических событий: социальные конфликты, экономическое порабощение страны представителями западного мира, протекавшее на фоне расширения социокультурного взаимодействия. Российские либералы критически высказывались о политических решениях собственного правительства в годы русско-японской войны², консерваторы выступали в их защиту. Либеральная пресса разжигала дискуссии о качестве и количестве проводимых в Китае реформ, монархическая — о «желтой опасности». Либералы предлагали более широкий тематический спектр публикаций, чем консерваторы, но, как и оппоненты, не придерживались системы в подборе и изложении фактов.

Российская империя более ориентировалась на «европейский мир», поэтому пути и методы развития экономики и политической системы Китая в российском обществе воспринималась неоднозначно. Об этом свидетельствует полемика, которая разворачивалась на страницах периодических изданий. Авторы сравнивали политические процессы, протекавшие в Китае, с российскими и европейскими, но результаты были не в пользу Китая. Впрочем, многие понимали, что критику радикальных перемен и политических лидеров Китая следует расценивать как неудовлетворительную оценку деятельности собственного чиновничества и правительства, а также военной политики Российской империи в азиатском регионе.

Редакционные коллегии, отбирая материал для публикации, отдавали предпочтение статьям с яркими (занимательными) сюжетами, так как продажа газет

¹ Благодер, Ю. Г. Россия и Китай: практика двусторонней дипломатии (XVII–XVIII вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 2010. Т. 152. № 3–1. С. 222–232.

² Благодер, Ю. Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 60–70. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.5>

была коммерческим проектом. В заявленный период в Российской империи не было периодических изданий, которые транслировали адекватный образ Китая. Представления об этой стране у большинства авторов и читателей, ориентировавшихся на одно-два издания, были поверхностными. Российские издательства имели разные организационные и исследовательские возможности. Только единичные издания, получавшие «свежие» сведения от мировых информагентств, представляли объемную картину жизни Китая. Искажение фактов, было следствием: во-первых, слабого информационного потока и нерегулярности поступления сведений; во-вторых, субъективных оценок авторов, большинство из которых не были очевидцами событий, о которых писали; в-третьих, идеологической направленности периодических изданий, их отношения к политике собственного правительства.

Подводя итог, следует отметить существенную роль российской периодической печати начала XX века в трансформации сложившегося ранее образа Китая. Либеральные и монархические (консервативные) издания посредством публикаций китаеведной тематики внедряли в сознание российской общественности свои идеологические установки.

Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Помогут ли духи, или как конфуцианство и официальная историография относились к сверхъестественному

В одном из своих докладов императору Чэн-ди (прав. 33–7 гг. до н. э.) Гу Юн 谷永 (ум. 11 г. до н. э.) писал: «[Ваш] слуга слышал, чтобы понять природу Неба и Земли, не следует дивиться душами усопших и духами» [XIII, 25–2/1260]. Это увещевание было вызвано тем, что «в поздние годы император Чэн-ди был сильно увлечен душами усопших и духами», что, если следовать за мыслью Гу Юна, могло привести к «несоблюдению образцовых речей Пятиканония». «Пятиканоние» (У цзин 五經) — корпус из пяти текстов, канонизированных при западноханском императоре У-ди в 136 г. до н. э. — стало интеллектуальным ядром «официальной» императорской идеологии, будучи, однако, окружено сразу несколькими «неофициальными», но влиятельными апокрифическими традициями. К этому нельзя не добавить, что и в частной жизни ханские императоры в немалой степени симпатизировали магическим практикам и страшились так называемых сверхъестественных сил.

В настоящей работе акцент будет сделан на феномене, свойственном конфуцианской мысли, а также классическому китайскому историческому и политическому дискурсу: с одной стороны, ученые нередко ссылались на высказывание из *Луньюя* «Конфуций не говорил об удивительном и духах» [*Луньюй*, VII-21/480], критикуя

различных магов и специалистов по оккультным техникам, массово концентрировавшихся при дворе. С другой стороны, конфуцианская экзегетическая, историческая и политическая мысль, вне всякого сомнения, впитала в себя представления об аномалиях и сверхъестественных явлениях, используя это для диалога с властью.

Конфуцианство представляло собой сложное интеллектуальное явление, а значение и функции представителей ученых-жу, очевидно, не было стабильным на протяжении всей истории его существования от Хань до Цин. Отсюда проистекает вопрос: как ученые-жу осмыслили границу между каноническим и апокрифическим/сверхъестественным (или точнее, как знания о сверхъестественном вписывались в представления ученых-жу о каноническом)? Как это влияло на традицию и принципы историописания? А также как представления о канонах с одной стороны и придворная политическая борьба с другой стороны повлияли на историческую теорию и политическую риторику?

*Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск),
Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)*

К атрибуции картины «Кочевники» из музея Гугун в Пекине

В последние годы отечественные археологи и этнографы при реконструкции одежды, обуви, головных уборов, конского снаряжения степных кочевых этносов, помимо добытых в процессе раскопок материалов, все чаще обращаются к изобразительным источникам древнего и средневекового Китая. Весьма показательна в этом плане статья Н. В. Хрипунова «Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг.». В ней шесть раз приводятся ссылки на изображения, выполненные на картине «Кочевники» (番骑图 Фанци ту) — трижды в разделе о женских халатах и еще три раза — при описании теплых и утепляющих вещей¹.

До недавнего времени картина «Кочевники» (26,2 × 143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) практически единодушно приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡鑲) — киданю, жившему в империи Ляо 辽 (916–1125) в первые десятилетия ее существования, то есть, согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960)². На картине «Фанци ту» нет подписи или

¹ Хрипунов Н. В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 375, 376, 384, 385.

² Чжунго жэнью хуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏. 张弘主编] Собрание шедевров китайской фигуративной живописи. Под ред. Чжан Хуна. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. С. 56. (на кит. яз.); Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏. 蒋文光主编]. Собрание известных

печати автора. Одной из причин ее отнесения к творчеству Ху Хуаня послужило, возможно, введение в живописную композицию рисунков верблюдов и лошадей в технике, отвечающей характеристике, данной Го Жосюем¹.

Показано девять фигур, движущихся справа налево, т. е. от начала свитка в его глубину. Впереди процессии верхом едут двое мужчин, отворачивающих лица от встречного ветра. Хвосты их коней распущены и свободно развеваются. За ними пешком идут две женщины в красных одеяниях и головных уборах с красным верхом, их лица почти до самых глаз закрыты белыми матерчатыми повязками. Младшая из женщин ведет нагруженную поклажей верблюдицу, за матерью следует маленький верблюжонок. Мы считаем эту женщину младшей по возрасту и, видимо, по статусу. У нее, в отличие от спутницы, яркий румянец во всю щеку, и красного цвета лишь наплечная накидка, а не вся одежда. На одном уровне с верблюжонком движется спешившийся всадник, ведущий в поводу своего коня. Замыкает процессию мужчина в шапке с красным верхом, едущий на белой лошади, с уздечки которой свисает красная кисть. Хвосты замыкающих коней также распущены.

Около 15 лет тому назад известный историк искусства профессор Сюй Банда (徐邦达, 1911–2012) обратил внимание, что на картине изображены женщины в характерных для монгольского времени головных уборах — бокках и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368) завоевания Китая монголами. Применительно к исследованиям по истории костюма, предпринимаемым археологами, искусствоведами и палеоэтнографами, стоит заметить, что, если основывать датировку полотна на деталях изображенной на персонажах одежды, то получится логическое кольцо: именно те предметы, датировка бытования которых и должна быть уточнена, служат для определения даты создания картины.

Приступая к исследованию картины «Кочевники» («Фаньци ту»), мы рассчитывали, что удастся уточнить ее датировку, не прибегая к использованию особенностей одежды и головных уборов персонажей, чтобы не создавать логического кольца. Поэтому было решено: во-первых, сопоставить «Фаньци ту» с другими схожими по изображаемым реалиям полотнами, приписываемыми Ху Хуаню; во-вторых, расширить круг сопоставлений за счет близких по времени произведений в жанре жэньу иных авторов, содержащих реалии, аналогичные присутствующим на приписываемых Ху Хуаню картинах. Предпочтение отдавалось полотнам, имеющим надежно обоснованную хронологическую привязку, что позволило уточнить даты создания рассматриваемых картин, в том числе и «Фаньци ту».

В результате был выделен признак, никем до этого не привлекавшийся в качестве этно-хронологического маркера — оформление хвостов верховых коней. Как индикатор киданьской принадлежности изображенных персонажей отмечено

китайских картин прошлого. Под ред. Цзян Вэнгуана. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. С. 520. (на кит. яз.)

¹ Го Жо-суй. Записки о живописи: Что видел и слышал. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 43.

перетягивание хвостов их верховых коней посредине лентой. Хвосты верховых коней у персонажей, представляющих чжурчжэней-цзиньцев или южных сунцев, оказались одинаковы: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Свободно распущенные длинные хвосты у верховых коней были характерны для монгольского времени¹.

Проведенное исследование показало, что картина «Кочевники» («Фаньци ту») не может принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX — начале X в. Она создана гораздо позже и должна датироваться серединой — второй половиной XIII века, т.е. от гибели империи Цзинь в 1234 г. и до расцвета творчества выдающегося юаньского художника-анималиста, китайца по национальности, Чжао Мэнфу (赵孟頫, 1254–1322)².

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)

В. М. Алексеев и его наука об иероглифике

Анализ опубликованных трудов и неизданного наследия основоположника отечественной школы китаистики В. М. Алексеева (1881–1951) свидетельствует о его неизменном глубоком интересе ко всем аспектам китайского иероглифического письма. Много небольших статей об иероглифике в научной периодике 20–30-х гг. прошлого века не переиздавались и практически неизвестны ныне научной общественности. В дневниковых записях ученого, частично изданных, много сведений об иероглифике, которые также должны быть учтены. Массив своих материалов об иероглифике В. М. Алексеев разделял на две части: «иероглифические штудии», т. е. всё, что относится к университетскому преподаванию иероглифики; академическое учение об иероглифике. Вероятно, ученый планировал написание обобщающего труда по этой тематике, возьмем на себя смелость воссоздать контуры алексеевского учения об иероглифике.

І. «Иероглифические штудии»

Уже во время стажировки в Китае в 1906–1909 гг. В. М. Алексеев разрабатывал планы преподавания китайского языка. Изучая фонетику пекинского и некоторых других диалектов, ученый разработал свою систему нотации звуков китайской речи, отличную от традиционно принятых транскрипций. Эту нотацию, образцы которой частично сохранились, предполагалось использовать на первых этапах

¹ Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4: Востоковедение. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41

² Чжао Мэнфу. Живопись. Альбомы мастерской Жунбаочжай. Древность. М.: Шанс, 2017. 70 с.

изучения китайского языка («фонетический курс»), преподающийся одновременно с курсом грамматическим, и лишь позднее к ним добавлялся иероглифический курс. Так В. М. Алексеев преподавал в ленинградских востоковедных вузах до 1930-х гг., у метода было много противников, после войны от него пришлось отказаться вовсе.

II. Академическое учение об иероглифике

1. Латинизация китайской письменности.

Изданная в 1932 г. книга В. М. Алексеева «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация», единственная монография ученого, изданная при его жизни, является развернутым научным отчетом о разработке под руководством В. М. Алексеева проекта латинизации китайской письменности в рамках общесоюзной программы перехода тюрских языков народов СССР на латиницу и создания латинской письменности для бесписьменных языков. Вызвала много споров и разногласий, о чем есть свидетельства в бумагах В. М. Алексеева.

2. Интерес к происхождению иероглифического письма в Китае, его древним формам. Изучение других иероглифических систем: древнеегипетской, наси и майя.

3. Иероглифика в Японии: история, современное состояние, реформирование.

4. Теория и практика создания иероглифического словаря. Достоинства и недостатки графической системы В. П. Васильева, другие графические системы. Материалы и документы о работе над китайско-русским словарем. «Макет слога зу» 1948 г. как прообраз идеального иероглифического словаря. Дискуссия с И. М. Ошаниным. Рецензии на китайско-китайские и китайско-английские иероглифические словари.

5. Палиндром в языке с иероглифической письменностью. Составление коллекции китайских палиндромов. Важность палиндрома для понимания структуры аналитического языка, синтаксического анализа, создания экспериментальной грамматики. Палиндром «Видения былого» В. Я. Брюсова из цикла «Опыты» как параллель к традиционным палиндромам китайской поэзии.

6. Культ иероглифа в Китае. Рассматривается как применительно к высокой культуре, так и к «низкой» культуре. Иероглиф как средство обеспечения единства культур.

7. Иероглиф в китайском народном искусстве, на народной картине в особенности. Иероглифические ребусы, загадки и анекдоты как «творчество иероглифа» (определение В. М. Алексеева). Оценки иероглифической грамотности в простонародной среде.

8. Каллиграфия: классическая и удачные примеры современной. Анализ иероглифических почерков своих китайских корреспондентов.

9. Интерес к современным техническим достижениям: иероглиф в телеграфе, иероглифическая пишущая машинка, проблемы типографского набора.

10. Оценка работ предшественников и коллег: Сергей Георгиевский. Анализ иероглифической письменности китайцев; Ю. К. Щуцкий. Следы стадиальности

в китайской иероглифике, М. Ф. Хван. Идеография. Библиография западных и китайских работ по теме, см. также: В. М. Алексеев «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» (СПб, 2010) и в ней же статью Б. Л. Рифтина «О синологических словарях и справочниках, старых и новых».

11. Научно-популярные лекции об иероглифике в разных аудиториях. Работа с обращениями заинтересованных граждан-некитаистов относительно реформ и совершенствования китайского письма.

Разделение на преподавательский и научный циклы весьма условное, ибо все теоретические разработки применялись в процессе обучения языку. Можно выделить чисто лингвистический и культурологический / литературоведческий подходы к изучению иероглифики, которые также переплетаются между собой.

Таким образом, всё, написанное В. М. Алексеевым о китайской письменности, складывается в стройную систему его «науки об иероглифике», постулаты которой не потеряли своего значения и поныне.

Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск)

Ароматические печати и штампы как источники реконструкции буддийских ритуалов в культуре Восточной Азии

Выкладывание на плотно утрамбованном пепле узоров из измельченного в порошок душистого сырья с последующим его возжиганием, то есть создание так называемых ароматических печатей (香印 *сяньинь*, 香篆 *сянчжуань*), было одним из распространенных способов воскурения благовоний в Китае, начиная с эпохи Тан (618–907). С тех пор они стали неотъемлемой частью не только культуры ароматов, но и традиционной китайской культуры в целом, о чем свидетельствуют и письменные, и материальные источники.

Период расцвета таких печатей пришелся в Китае на эпоху Сун (960–1280) — с их помощью измеряли суточное время и определяли длительность «ночных страж», их широко использовали в ритуальных даосских и буддийских практиках, дворцовых и придворных церемониях, они служили предметом восхищения и почитания у многих поколений чиновников, ученого сословия и «людей культуры» 文人 *вэньжэнь*. Пережив в эпоху Сун пик своей популярности, ароматические печати на несколько веков были практически преданы забвению. Лишь к середине XVII в. в каталогах и справочниках по культуре благовоний начинают появляться упоминания об их использовании, разрабатывается типология сосудов и инструментов для их воскурения, описываются рецепты для создания различных ароматических смесей.

Способ возжигания душистого горючего порошка подразумевал несколько этапов: подготовку хорошо утрамбованного пепла в плоской курильнице в форме чаши с широким горлом; выкладывание определенного узора с помощью специальных лопаточек и металлического штампа с прорезями, которые заполнялись мелко истолченным душистым порошком, приготовленным по специальной рецептуре. Штампы (印香模 *иньсянмо*, 篆香模 *чжуаньсянмо*) обычно представляли собой иероглифические знаки либо узоры с особой семантикой. После снятия штампа на пепле оставался тот или иной узор, который осторожно поджигали с одного края.

Появившись в Китае приблизительно в VIII в., ароматические печати первоначально использовались преимущественно в религиозной сфере — с их помощью буддийские монахи проводили эзотерические ритуалы, отсчитывали время чтения сутр, определяли распорядок дня. Они входили в богатый арсенал буддийской атрибутики наряду с круговыми схемами-мандалами, алтарями с изображениями множества божеств, жертвенными дарами, с сакральными предметами типа ваджры, жезла власти 如意 *жу-и*, вазами, подсвечниками, чашами, подставками и пр.

Первое упоминание об ароматической печати встречается в переводах сутр Ваджраяны, которые позже были включены в свод текстов Трипитака. В сутре под сокращенным названием «Ритуал печати бодхисаттвы Гуаньинь» (观自在菩萨大悲智印 *Гуаньцзыцзай пуса дабэй чжшинь*, 746–774 гг.) описан способ поджигания и выкладывания ароматического порошка в форме одного из знаков системы письма *сиддхам*, модифицированной версии санскрита, изобретенной Амогхаваджрой, основателем школы тантрического буддизма в Китае. В сутре представлен сакральный ритуал визуализации бодхисаттвы Гуаньинь в дыме от ароматической печати. В тексте присутствуют схематические изображения крышки курильницы, ароматической дорожки и своеобразного узора в виде облака дыма. Очевидно, в эзотерическом буддизме печать 印 *инь* была важным инструментом — с ее помощью во время ритуала «запечатывали» заклинания «истинного слова», а значения знаков мантры постигали через аромат печати. В связи с этим возможно, что истоки понятия «ароматическая печать» (香印 *сяньинь*) стоит искать в рамках эзотерической традиции китайского буддизма.

Вместе с культурным трансфером в сопредельные страны китайский способ воскурения благовоний с помощью курильниц-печатей в раннем средневековье проник на Корейский полуостров и Японский архипелаг, но к настоящему времени там практически изжил себя. Тем не менее кое-где в буддийских храмах Кореи и Японии до сих пор практикуют обычай выкладывания ароматических порошком фрагментов текстов сутр и мантр с последующим медитативным воскурением.

В настоящее время воскурение благовоний с помощью ароматических печатей и штампов в странах Восточной Азии (особенно в Китае и Южной Корее) набирает все большую популярность. Использование печатей и штампов не ограничивается только бытовой, художественной и коммерческой сферами — к ним снова начинают обращаться при проведении религиозных церемоний. Поскольку обычай подношения благоуханных ароматов различным божествам зародился

в Китае в рамках ранних религиозных эзотерических практик, это задает особую актуальность при его изучении и в настоящее время.

Если в китайской культуре происхождение и эволюцию этого инструментария можно проследить по раннебуддийским эзотерическим практикам примерно с VII–VIII вв., то использование соответствующих предметов в корейской культуре прослеживается не так ясно. Возможно, что печати и штампы стали использоваться на Корейском полуострове вместе с проникновением буддизма приблизительно с V–VI в., но убедительные аргументы в пользу этого предположения пока отсутствуют. Ученые-историки, специалисты из крупнейших музеев, представители частных арт-галерей, высшее духовенство старейших буддийских храмов Южной Кореи склонны считать, что печати и штампы на территории полуострова стали широко использоваться вместе с благовониями только с эпохи Корё (935–1392), а затем эта традиция надолго прервалась. Использование печатей и штампов в корейских буддийских храмах начинает возрождаться только в настоящее время.

Типология печатей и резных штампов, используемых в Китае и Южной Корее в настоящее время, крайне разнообразна: здесь и буддийские символы, и растительный орнамент, и благопожелательные иероглифы, и богатейшая символика письменной и художественной традиции.

Изучение типологии печатей и резных штампов позволяет уточнить функции и специфику применения этого способа воскурения благовоний в традиционной культуре с учетом современных реалий азиатских обществ.

Гирченко Е. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)

Лошади в торговой и административной документации северо-западных округов Ханьской империи¹

В основе данного исследования — записи о торговой, административной, бытовой жизни городов-крепостей северо-запада Ханьской империи на бамбуковых дощечках *ханьцзянях*, найденных при раскопках форпостов приграничных округов, преимущественно Дуньхуана, Цзяньшуйцзиня и Цзюйяня. Всего в районе коридора Хэси обнаружено несколько десятков тысяч таких находок. Некоторая часть дощечек доступна в Институте археологии и материальной культуры провинции Ганьсу, основная часть коллекции раскопок начала XX в. хранится в Институте истории и филологии Академии Синика в Тайбэе.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 22–78–10121)

Среди всего массива источников были отобраны около 200 записей, содержащих упоминания о лошадях, такие как, например, «учетные карточки» с описаниями окраса, роста, возраста и т.д.; тексты, свидетельствующие о специфике ведения купли/торговли в данной сфере, отраслях использования. Результаты позволяют проследить как критерии отбора лошадей для различных нужд в приграничных гарнизонах, так и определить динамику увеличения их поголовья в регионе в период Западной Хань.

Природные условия северо-запада Китая способствовали развитию коневодства. Про земли коридора Хэси писалось: «широкие просторы с теплым климатом... водой и травой в избытке»¹. Как известно, низкорослые и малосильные китайские лошади не могли противостоять могучим и быстрым степным скакунам, поэтому знаменитые лошади Средней Азии были желанным товаром в Ханьском Китае, а кочевники в обмен на лошадей, шерсть и овец приобретали китайские ткани и зерно. Имели место и значительные приобретения в ходе боевых действий. Например, в первые три года правления императора Сюань-ди ханьцы и усунь в борьбе с хунну получили в общей сложности около 700 тыс. голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, мулов и верблюдов. В 89 г. н. э. уже в период Восточной Хань генерал Доу Сянь после победы над северными хунну пригнал в империю более миллиона голов лошадей и других животных². Особенно ценились лошади из кочевых государств Усунь и Давань. Союзные отношения с усунями позволяли У-ди регулярно получать прекрасных скакунов, с Давань (Даюань) отношения были сложнее: император Хань два раза собирал военные походы против них, только после тяжелой победы в 101 г. до н. э. У-ди получил тысячи прекрасных лошадей.

Коневодство было как государственное, так и частное, активно развивавшееся в местах расположения военных гарнизонов. Первоначально по указу императора Вэнь-ди люди, занимающиеся разведением лошадей, освобождались от прохождения воинской службы. Во время создания императором У-ди четырех новых округов на северо-западе указ так же продолжал действовать. Согласно имеющимся *ханьцзяням*, частные лошади не использовались для военных нужд империи регулярно, но учитывались как стратегический резерв, подлежали регистрации и могли быть реквизированы в случае необходимости. Стандартная «карточка» на бамбуковой плашке включала в себя информацию о окрасе, возрасте, росте, поле, назначении и месте происхождения лошади. Кроме того, на *ханьцзянях* встречаются указания на высокий, средний или низкий класс лошади, что выражало ее ценность и соответственно определяло цену. Среди всех рассмотренных табличек лишь на одной из Дунхуана при описании стояла отметка «ся», что говорит о низком классе.

Наиболее востребованные типы окраса из проанализированной документации: *гуй* — темно-гнедая масть, *бо* — пегая лошадь, *лю* — рыжий окрас при наличии

¹ Хань шу. Цюань эршиба ся (История династии Хань. Свиток 28, нижняя тетрадь) // Го сюэ (Синология). URL: http://www.guoxue.com/shibu/24shi/hansu/hsu_039.htm

² Jiang Yukuan. The Horse in Han Dynasty // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2022. Vol. 720. P. 561–566.

черных гривы и хвоста, *пяо* — рыже-чалая масть, *ло* — белая лошадь с черной гривой, *син* — желтоватый окрас, *ди* — белолобая лошадь, *гуа* — желтоватый окрас при наличии черного рта, *чжуй* — серая в яблоках лошадь, *ман* — вороная лошадь с белой мордой; *пи* — светло-рыжий окрас, *хуан* — буланая масть. Что касается возраста, то наиболее большой показатель из зафиксированных — 18 лет, наименьший — 2 года. Чаще всего на торговых табличках фигурируют лошади возрастом около 5–9 лет, реже — *цзюй* (не более двух лет) и *тао* (от 2 до 4 лет). Что касается половой принадлежности, практически во всех случаях это были жеребцы, лишь в четырех покупались кобылицы.

Назначение лошадей включало в себя следующие категории: *чуаньма* — почтовые лошади, *има* — лошади для официальной корреспонденции и разведки, *чжума* — выучные лошади, *цуйма* — для бытовых нужд, личного транспорта и внутренней работы гарнизона, *хоума* — лошади на службе кавалерии для патрулирования и разведывательных миссий.

Некоторые дощечки фиксируют количество покинувших крепости лошадей, что было связано с необходимостью обеспечить безопасность и достаточное функционирование города. Существовал запрет на продажу лошадей «ростом выше 5 *чи* и 9 *цуней* (160–165 см), с ровными зубами, что может тянуть более 10 *даней*»¹. По данным хроник, зерном, необходимым для содержания одной лошади, можно было прокормить семью из шести человек, поэтому правительство в тяжелые времена могло сокращать поголовья частных коневодств. Согласно цзюйяньским табличкам также следует, что содержание лошади требовало как минимум в два раза больше средств, чем содержание солдата. Часто встречаются записи об объемах выданного лошадям корма. Несколько *ханьцзяней* свидетельствовали о штрафах за гибель животного.

Таким образом, изучение деревянных табличек *ханьцзяней* и их соотношение династийными хрониками эпохи Хань позволяют реконструировать особенности торговли и специфику административной работы в сфере коневодства на северо-западе Китая на рубеже эр.

Го Лаймэй (Нанькайский университет, КНР)

Историография династии Тан в издании «История Китая с древнейших времён до начала XXI века»

«История Китая с древнейших времён до начала XXI века: Т.3: Троецарствие, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907)» — первое в истории российского китаеведения разностороннее и комплексное описание истории династии

¹ Мэн Фаньхуэй. Ханьдай сибэй бяньди маои яньтао (Исследование торговли на северо-западной границе в Ханьскую эпоху). Чанчунь: Дунбэй шифань дасюэ, 2009.

Тан Китая, которое при высоком научном уровне анализа может быть понятно и интересно и неспециалисту. В данном исследовании российские специалисты в контексте глобальных процессов рассматривают различные аспекты политической, правовой, военной истории династии Тан, а также уровень научно-технического развития страны, особенности литературы и искусства, что является своеобразным обобщением различных российских изысканий в данной области. Цель данного доклада состоит в историографическом анализе различных аспектов посвящённой династии Тан раздела указанного издания, включая авторский подход, содержательную и оценочную сторону представленных материалов, степень проработанности источников и пр.; анализ проводится в сопоставлении с изданной в Кембридже историей династии Тан. Акцент делается на особенностях анализа истории династии Тан современными российскими китаеведами, даётся оценка научной ценности исследуемого раздела.

Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва)

Образ Чжэн Чэнгуна в историографии КНР и Тайваня

Чжэн Чэнгун 鄭成公 (1624–1662) — знаменитый и почитаемый в КНР и на Тайване исторический деятель, боровшийся против маньчжурских завоевателей, за что последние правители империи Мин (1368–1644) пожаловали его род правом носить династийную фамилию. Благодаря прозвищу *Го-син-е* 國姓爺 (Владыка с императорской фамилией) он известен в западной историографии как Koxinga (Коксинга, Косинга). Чжэн Чэнгун был сыном китайского купца Чжэн Чжи-луна и японки. В 1661 г., проиграв битвы с маньчжурами на материке, Чжэн Чэнгун отступил на Тайвань, изгнав оттуда голландцев. Его потомки правили островом в 1662–1683 гг., а затем признали власть империи Цин. В конце XIX в. Чжэн Чэнгуна официально причислили к лику местных святых предков под храмовым именем *Янь-пин Чжэн ван* 延平鄭王, а с XX в. его образ активно использовался и используется обеими сторонами Тайваньского пролива в целях пропаганды.

В послевоенной китайской историографии всплески внимания к Чжэн Чэнгуну приходятся в основном на периоды кризисов в Тайваньском проливе (сер. 1950-х) и отмечаемых с 1962 г. юбилеев изгнания голландцев (1662) и воссоединения с материком после признания власти Цин (1883).

В КНР профессор Сямэньского университета Ли Сичжу отметил в 2014 г., что после разделения двух берегов Тайваньского пролива в 1949 г. *обе стороны* активно использовали тему Чжэн Чэнгуна и правления Чжэнов на Тайване в целях пропаганды. *Тайваньская сторона* сделала её приоритетной потому, что лозунг «свергнем Цин, восстановим Мин» был созвучен планам Гоминьдана свергнуть КПК и вернуть власть над всем Китаем. *Материковая сторона* (КНР) тоже

всячески героизировала Чжэна как патриота, который прогнал голландцев и вернул остров Китаю и китайцам, проявив глубокую преданность «великому делу объединения Родины».

В 1962 г. (300-летие отвоевания Тайваня), в г. Сямэнь прошёл первый научный форум по изучению Чжэн Чэнгуна, а историки Университета Сямэнь издали в 1965 г. «Сборник статей по исследованиям Чжэн Чэнгуна», включавший статьи про изгнание голландцев, историческую роль Чжэна, социально-экономическую политику клана Чжэн и т.д. После 1962 г. вышел и ряд других «юбилейных» сборников по «истории Чжэн Чэнгуна», превративших её в одну из главных прорывных тем исследований в КНР.

В 1982 г. Университет Сямэнь провёл научный форум в честь 320-летия изгнания голландцев, а в 1983 г. отмечалось 300-летие перехода острова под власть Цин. Эти круглые даты вызвали в 1980-х гг. новую волну публикаций о правлении на острове клана Чжэнов.

В монографии 2009 г. об этнической политике на Тайване ведущий тайваневед Чэнь Цзяньюэ начал обзор истории острова с китайских правлений минского клана Чжэн и империи Цин. И лишь затем представил правления голландцев, испанцев и японцев, хотя европейцы колонизировали остров почти за 40 лет до Чжэн Чэнгуна. Впрочем, отсчет китайского правления с 1620-х гг. даётся уже в работах историков КНР 1950-х гг.

Официальный образ Чжэн Чэнгуна на Тайване был долгое время схожим — борец за изгнание маньчжурских захватчиков на материке и освободитель острова от голландцев. Тайваньские историки тоже утверждали, что китайцы во главе с отцом Чжэн Чэнгуна освоили остров раньше голландцев, что позволяло оценивать победу 1662 г. как «возвращение Тайваня». Но эта версия требует особого изучения и пока остаётся скорее фактом истории пропаганды.

После 300-летия «возвращения Тайваня» в 1963 г. власти острова, используя популярность Чжэн Чэнгуна, повысили ранг жертвоприношений в храмах *Янь-пин Чжэн вана* с местного до национального уровня, что стало пиком его официального почитания.

В 1945–1963 гг. власти Гоминьдана использовали изгнание голландцев как параллель с освобождением острова от японцев, а образ Чжэна — для сравнения с Чан Кай-ши как китайским освободителем острова и борцом за возвращение на материк и объединение Китая. Борьба с маньчжурами под лозунгом «свергнем Цин, восстановим Мин» подавалась как параллель с планами свергнуть КПК и вернуть власть над всем Китаем. Образ Чжэна стал также инструментом культурной пропаганды, нацеленной на «рекитаизцию» жителей острова после их японизации в годы колониального правления.

Восхваление Чжэна как героя «славного освобождения» Тайваня велось и в 1980–1990-х гг., но приход в 2000 г. к власти пронеэзависимой Демократической прогрессивной партии (ДПП) дал старт форсированной «декитаизации», проявившейся в попытках разрушить патриотический образ Чжэн Чэнгуна.

В 2002 г. (340 лет исхода голландцев) в периодике острова появлялись указания на то, что мать Чжэна была японкой, отчего и японцы долго рассматривали его как героя своей истории и даже отразили подвиги Чжэна в японской пьесе «Косинга дает сражение». Акцентируя местное культурное измерение истории, тайваньцы подают победу Чжэна как первую победу морских сил Востока над морскими силами Запада, после чего морские акватории Восточного Китая стали царством фуцзяньских морских торговцев.

Примером деконструкции имиджа Чжэна служит и монография 2006 г. «Конструирование Чжэн Чэнгуна — история героя, мифа и имиджа», автор которой (Цзян Жэньцзе) вопрошает: кем был настоящий Чжэн — борцом с маньчжурами, изгнавшим западных колонизаторов национальным героем, праотцом освоения Тайваня китайцами, морским пиратом, чудотворным духом или «расколовшим Китай» милитаристом и бедствием для аборигенов? Отвечая на этот вопрос Цзян указывает, что реальная история Чжэна обрамлена массой преданий, мифов, храмовых ритуалов, народных обычаев и орудий политической пропаганды, искажающих редкие факты из источников. Поиск исторической правды переходит в поиск истории образов Чжэн Чэнгуна.

В 2010-х гг. ученые острова анализировали образ Чжэна в свете ранней послевоенной политики по «деяпонизации» и «рекитаизации» Тайваня, что отразило попытки рекитаизации со стороны Гоминьдана в 2008–2016 гг. Но после второго прихода в 2016 г. к власти ДПП политический образ Чжэна подаётся больше как культовый образ локального героя, создавшего на острове свою династию, более 20 лет успешно отражавшую попытки силового присоединения к материке.

Традиционный религиозно-культовый образ Янь-пин Чжэн вана, чтимый двумя сторонами Тайваньского пролива, имеет большой потенциал для их консолидации на уровне народной дипломатии. Свидетельством этого служит «Фестиваль Чжэн Чэнгуна», проведенный в июне 2022 г. в г. Сямэнь с участием общественных организаций из Тайваня (Ассоциации культуры г. Тайнань) и посвященный 360-летию освобождения острова.

Гулева М. А. (Карлов университет, Чешская Республика)

Дети, родители и параллельная эволюция: сравнительный анализ журналов «Крокодил», «Маньхуа» и «Дикобраз» (1950-е гг.)

Лозунг «учиться у Советского Союза» служил одним из руководящих принципов развития КНР в первые годы после её образования. Он применялся не только в экономике, но и во многих других сферах жизни, в том числе культуре и искусстве.

Присутствие советских моделей в живописной технике и стилях, педагогике, науке и пр. было заметным — однако процесс восприятия (и отторжения) таких образцов проходил непросто даже в период максимальной дипломатической близости КНР и СССР (до второй половины 1950-х гг.). Интересный пример взаимодействия китайской и советской практик даёт такой сравнительно мало изученный формат, как политическая карикатура. В Китае с 1950 до 1960 года издавался журнал «Маньхуа», который в исследованиях порой сравнивается с «Крокодилом» и даже называется его «ребёнком» (Altehenger 2013). Хотя отличия между «Маньхуа» и «Крокодилом» отмечаются и в статье Альтехенгер, и в более массивном исследовании Джона Креспи (Crespi 2020), упоминающем более «литературный» характер советского журнала, вопрос сходства и различия нуждается в уточнении. Ни одна из опубликованных на сегодня работ, касающихся китайской политической карикатуры, не предлагает оценки того, до какой степени феномен *маньхуа* (и журнал, и содержащиеся в нём карикатуры) действительно опирался на советские образцы визуальной сатиры и до какой степени каждый из журналов был укоренён в уже существовавших местных издательских и изобразительных практиках.

В своём докладе я предлагаю обратиться к сравнительному анализу «Крокодила», «Маньхуа» и ещё одного сатирического журнала из стран социалистического лагеря, чехословацкого «Дикобраз». Анализируя визуальные средства, применявшиеся в этих трёх изданиях, я прослеживаю, как в них развивались изобразительные схемы, насколько вероятны были заимствования из «Крокодила», как применялись текст и рисунок во взаимодействии друг с другом, а также какие сюжеты и темы представлялись допустимыми и желательными в каждом из трёх журналов. В результате исследования можно сделать вывод, что «Крокодил», «Маньхуа» и «Дикобраз» выглядели сходно лишь до определённой степени. Более того, это сходство возникло скорее в силу идеологической близости правящих режимов в трёх странах, чем в результате «имитации» советского образца. Визуальные схемы, при всём их подобии, чаще восходили к общему источнику — европейской карикатуре XIX в., а не повторяли «крокодилские» изобретения. Более того, и «Дикобраз», и «Маньхуа» значительно отличались от «Крокодила» в отдельные периоды: для «Маньхуа» это начало и конец 1950-х гг., т.е. примерно половина всех выпусков. Наконец, принципиально разными были возможности критики и юмора в трёх журналах. В отличие от остальных двух, «Маньхуа» до 1953 и с середины 1957 гг. крайне осторожно публиковал критику внутривластной жизни. «Дикобраз», в свою очередь, допускал заметную долю «легкомысленного» и даже фривольного юмора без явной дидактической составляющей. Таким образом, мой доклад показывает, что уместнее рассматривать «Крокодил», «Маньхуа» и «Дикобраз» в терминах параллельной эволюции визуальной сатиры в отчасти сходных идеологических системах, а не категориях «отцов и детей». Такое понимание культурного взаимодействия между странами социалистического лагеря позволяет преодолеть неточное и обманчивое представление о повальной имитации советских образцов не только в карикатуре, но и в других видах пропаганды и творческой деятельности.

Дмитриев С. В. (ИБ РАН, Москва)

Olera tangutica. Pars III (ultima).

Овощи и съедобные травы в тангутско-китайском глоссарии «Перл в ладони» (1190). Завершение

Тангутская цивилизация, пожалуй, является одним из самых ярких примеров возможностей современной гуманитарной науки — завершив свой земной путь, будучи практически полностью забытой и, казалось, навсегда занесённой песками пустынь и времён, именно благодаря усилиям учёных эта культура была вновь возвращена в число тех, о которых известно многое — река забвения была вынуждена отдать свою добычу. Давно угасший, полностью ушедший из обихода тангутский язык стал, пожалуй, лучше всего изученным из числа мёртвых — в области его изучения мы можем надеяться не только на приблизительную дешифровку и возможность понимать тангутские тексты (что для многих других мёртвых языков составляет предел мечтаний — часто, увы, недостижимый), но и на реконструкцию гораздо более глубоких уровней функционирования языка — фонетики, синтаксиса, грамматики, этимологии. Всё это, конечно, стало возможным не только благодаря учёным — им помогло счастливое стечение обстоятельств, сохранившее тангутские тексты, прежде всего — в «Знаменитом субургане» Мёртвого города Хара-Хото.

К счастью, помимо сутр, гимнов, кодексов законов и иной высокой литературы, время сохранило для нас и немало тангутских памятников, позволяющих реконструировать повседневную жизнь тангутов. В своих выступлениях (в том числе и на премного почитаемом данном Конгрессе) мы не раз обращались к информации, содержащейся в тангутско-китайском глоссарии «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языков», составленном тангутским интеллектуалом (х)Квэ-лде рин-пху и опубликованном около 1190 г. (сохранилось как минимум два издания, книга была весьма популярна — страница из «Перла» была обнаружена на другом конце тангутского государства — в пещерах Могао близ Дуньхуана) и являющемся драгоценным и по-прежнему сильно недооценённым «розеттским камнем» тангутского языка и культуры, важнейшим источником по элитарной и повседневной реальности тангутского государства. Словарь представляет собой сборник терминов, освещающих важнейшие категории тангутской культуры и лексики, снабжённых переводами на китайский язык и фонетической транскрипцией китайскими иероглифами (звучание китайских вариантов аналогично передано тангутскими знаками).

Помимо его крайней ценности как практически единственного двуязычного тангутского словаря (что особенно важно при попытках точного перевода терминов, относящихся к некоторым областям лексики, чьё точное понимание без опоры на синхронное иноязычное толкование часто затруднительно), нельзя не отметить и того, что его составитель очевидно стремился к созданию максимально яркого

и репрезентативного отражения тангутской культуры, в связи с чем набор понятий, собранных в словаре, надо воспринимать не как случайный список, а как продуманный свод наиболее оригинальных и репрезентативных (по крайней мере, с точки зрения составителя, который, впрочем, без сомнения может восприниматься как носитель описываемой культуры) категорий тангутской цивилизации, специально собранных для того, чтобы сделать оную максимально понятной и яркой для иностранного (в данном случае, конечно, прежде всего китайского) читателя. Это намерение автора вполне ясно изложено в двуязычном предисловии к глоссарию.

Отдельного внимания заслуживает и представленный в глоссарии китайский языковой (и иероглифический) материал, освещающий довольно малоизученную культурную и лингвистическую реальность средневековых китайцев региона Хэси (совр. пров. Ганьсу), чей язык заметно отличался от лучше известных нам столичных реалий сунского времени, а культура развивалась в условиях заметно меньшего, чем в Сун, давления элиты (прежде всего, конфуцианской). Таких возможностей изучения низовой, провинциальной письменной культуры китайцев у нас также совсем немного.

К сожалению, «Перл», хорошо известный специалистам и сплошь расписанный по словарям (собственно, во многом с его обнаружения и изучения началась настоящая дешифровка тангутского языка), практически никогда не исследовался как цельный памятник и источник именно по тангутской культуре — хотя именно такого подхода он более чем заслуживает. При этом его подробный анализ, опирающийся на наши постоянно растущие знания о языке, порой позволяет не только получить новые знания о тангутской культуре и жизни, но и уточнить словарные значения многих знаков и словосочетаний, что сейчас является крайне насущной задачей для тангутоведения.

На позапрошлом Конгрессе мы начали рассказ о части памятника, охватывающей листы 14b — 15a (в составе последней, третьей главы «Использование земли» второго раздела памятника «Земля»), в которой перечислены съедобные травы и овощи, которые (х)Квэл-де рин-пху считал наиболее важными и характерными для тангутов. Первая часть (рубрикация наша, в памятнике её нет) включала в себя пряные травы, определённые нами с разной степенью уверенности как кориандр, зелень горчицы, мята, шпинат, полынь и белая марь. Вторая часть (доклад о ней был сделан на LI научной конференции «Общество и государство в Китае» в декабре 2021 г.) включает перечень овощей и корнеплодов: репу, два вида редьки, тыкву-горлянку, баклажан. В том же докладе нами был начат следующий раздел, содержащий перечень съедобных трав, начинающийся с листьев (ботвы) репы и осота. Впереди ещё семь терминов, завершающих список — из самых разных съедобных областей растительного царства. Как можно увидеть уже по перечисленному выше, арсенал тангутских вегетарианцев был довольно своеобразен и вряд ли может показаться вторичным или банальным. Тем интереснее, что ждёт нас в конце раздела.

Нельзя не отметить, что даже такой крохотный, вполне маргинальный штрих тангутской культуры, как любимая растительная пища, вполне убедительно пока-

зывает (и это впечатление подтверждается многими другими уже исследованными нами аспектами тангутской цивилизации, отражёнными в «Перле»), что тангутская культура, в том числе повседневная, была исключительно оригинальна и, как и положено культуре государства, живущего на крупном торговом пути, находясь под очевидным влиянием сильных и заманчивых культур соседей, умела сохранять свою особенность — более того, «Перл» вполне очевидно показывает, что эта самость вполне осознавалась тангутскими интеллектуалами — и поддерживалась даже в мелочах. Таким образом, работая над воссозданием мелочей тангутской повседневности, мы не просто боремся с забвением (что стоит делать всегда) — мы восстанавливаем интересную, богатую, учившуюся у соседей — но при этом весьма особенную, яркую культуру.

Донская А. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Хоу Жэньчжи и модернизация китайской исторической географии в 1950–1960-х гг.

В XX в. китайская историческая география прошла через несколько важных этапов. В начале века, на основе знакомства с достижениями Запада, были разработаны университетские курсы по данной дисциплине; соответствующие знания, ранее интересовавшие лишь немногих эрудитов, стали получать всё более широкое распространение среди историков и географов. В 30-е гг. интерес научного сообщества к исторической географии подстёгивало нарастание внешней угрозы, наука приобрела идеологическую и политическую значимость. Следующий этап связан с переосмыслением предмета и методологии науки в 50–60-е гг., и важнейшую роль в этом сыграли две теоретические статьи Хоу Жэньчжи (1911–2013) с изложением его взглядов на историческую географию.

Хоу Жэньчжи в 1940 г. окончил Яньцзинский университет, в 1949 г. — Ливерпульский университет со степенью PhD и, вернувшись в том же году в Китай, приступил к преподаванию — сначала в Яньцзинском университете, а с 1952 г. — в Пекинском, где возглавил Геолого-географический факультет. На основе опыта составления учебных программ факультативного курса «Эволюционная география Китая» для исторических факультетов, он в 1950 г. опубликовал небольшую статью «Обсуждение курса “Эволюционная география Китая”»¹. Несмотря на небольшой объем (2,5 тыс. иероглифов), эта статья, по замечанию современного исследователя Хоу Юнцзяня, произвела эффект, подобный раскату

¹ Хоу Жэньчжи 侯仁之. Обсуждение курса «Эволюционная география Китая» (《中国沿革地理》课程商榷 «Чжунго яньгэ дили» кэчэн шанцюэ) // Синь цзяньшэ. Цз. 2. № 11. 07.1950. http://www.360doc.com/content/22/0807/23/80048972_1042943920.shtml.

грома¹. В ней Хоу Жэньчжи проанализировал связь и различия между традиционной «эволюционной географией» (沿革地理) и современной «исторической географией» (历史地理). По его мнению, они различаются как по содержанию, так и по методологии. Преподавание данного курса в русле традиционной «эволюционной географии», предполагающее, главным образом, рассказ об эволюции границ и территориально-административного деления, определяет место данной дисциплины в качестве вспомогательной, элемента исторической эрудиции. Знание фактов, разумеется, необходимо, «студенты, специализирующиеся на истории, не смогут понять историю каждой отдельной эпохи без знания географических реалий данной эпохи». Однако само по себе знакомство с этими фактами далеко не достаточно для проникновения в суть процесса развития той или иной территории на каждом этапе, понимания его движущих сил, обуславливающих его причин и факторов. Содержанием дисциплины должны стать изменения географической среды в прошлом, начиная с доисторического периода. Хоу Жэньчжи предложил существенно расширить предметную область науки, включив в неё все наиболее важные динамические элементы природной и антропогенной среды в каждый период (климат, русла рек, береговая линия, ареалы обитания растений и животных, характер освоения территорий, распределение населения, пути сообщения, степень развития городов и т. д.).

Существенное влияние на формирование взглядов Хоу Жэньчжи оказали работы английского географа Г. К. Дарби (1909–1992), полагавшего, что историческая география исследует исторический материал с помощью географических методов. А вскоре после публикации статьи Хоу Жэньчжи, в 1952 г., в журнале «Дили чжиши» (Географические знания) под названием «Цели и задачи марксистской исторической географии» вышел частичный перевод статьи известного советского историка В. К. Яцунского (1893 — 1966) «Историческая география как научная дисциплина»², что способствовало дальнейшему углублению понимания предмета, задач и методологии науки.

В 1953 г., при реформировании вузовских программ, термин «историческая география» окончательно заменил старый термин «эволюционная география». В 1962 г. Хоу Жэньчжи опубликовал статью «Мои [скромные] соображения об исторической географии»³. Он полагал, что историческая география есть составная часть современной географической науки. В изучении естественных, природных изменений среды она относится к естественным наукам, в исследовании экономи-

¹ Хоу Юнцзянь 侯甬坚. 60-летний юбилей статьи господина Хоу Жэньчжи «Мои [скромные] соображения об исторической географии» (侯仁之先生发表《历史地理学刍议》一甲子 侯 Жэньчжи сяньшэн фэбяо «Лиши дили сюэ чуи» и цзяцзы) // Лиши дили яньцзю. 2022. № 3. С. 127.

² Яцунский В. К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. 1950. Вып. 20. С. 13–41.

³ Хоу Жэньчжи 侯仁之. «Мои [скромные] соображения об исторической географии» (历史地理学刍议 侯仁之 著) // Серия «Китайские научные статьи XX в.» (гл. ред. Чэнь Пинъюань). Исследования по исторической географии (ред. Гэ Цзяньсюн, Хуа Линьфу). Ухань: изд. Хубэй цзяюй. 2002. С. 193–207.

ко-географических аспектов (в т.ч. демографических и политических) — к наукам об обществе. Необходимо не просто «реконструировать» ландшафты прошедших эпох, но выявлять закономерности изменений и развития географической среды. По мнению Хоу Жэньчжи, в исторический период основной причиной этих изменений является деятельность человека, причем характер преобразования природы зависит не только от уровня развития производительных сил, но и от специфики производственных отношений.

Статьи Хоу Жэньчжи, посвященные рассмотрению теоретических проблем исторической географии, стимулировали широкие дискуссии о ее предметной области и методологии. Не все его идеи были безоговорочно приняты научным сообществом, в частности, отнесение науки к сфере географии вызвало возражения у ряда исследователей, пришедших в историческую географию из исторической науки. В настоящее время в системе научных дисциплин специальность «Историческая география» отнесена к разделу исторических, а не географических наук. Тем не менее, эти работы вошли в «золотой фонд» китайской исторической географии, заложили основу для ее модернизации.

Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва)

Буддийская надпись 494 г. на стеле из храма Тоуто — история создания, сюжет и особенности стилистики

Не имеющая заглавия инскрипция на каменном носителе, обычно именуемая просто «надписью из храма Тоуто» («Тоуто-сы бэй»; 頭陀寺碑), была выполнена светским буддистом-энтузиастом по имени Ван Цзинь — секретарем приверженца буддизма принца Сяо Цзыляна (蕭子良) и автором утерянной книги «История сангхи» (僧史) в честь реставрации храма, проведенной в 494 г. Уже при жизни автора текст этой пространной надписи превозносился как литературный шедевр, вскоре включенный в несколько антологий: так, данная надпись обнаруживается в цзюане 59 «Вэньсюань» (文選), входившем в «Антологию утонченной литературы» (530 г.). Сам камень, по-видимому, безвозвратно утерян: стела исчезла из храма вскоре после ее создания, и труд Ван Цзиня известен только по публикациям и отрывку эстампажа.

Несмотря на то, что панегирик Ван Цзиня был выбит на камне в честь реновации храма, суть надписи состоит вовсе не в прославлении труда реставраторов. Видимо, стремясь придать стилю изящество и в некотором приступе неопитского энтузиазма, Ван Цзинь написал произведение, состоящее из двух частей — историко-теоретического вступления и поэтической оды. О самом храме и его пере-

стройке сказано не так много и при помощи того же высокопоэтического стиля, которым выполнен весь исполненный метафор текст. В целом же это трудный для восприятия, восторженный и достаточно путанный документ своей эпохи.

Структура текста Ван Цзиня такова: куплеты 1–12 — это философское вступление, в котором говорится о физической манифестации Будды в мире как о необходимом залого освобождения разумных существ. Куплеты 13–22 представляют собой резюме личной истории и биографии Будды и рассказ о его переходе в паранирвану. Куплеты 23–27 переходят к изложению истории буддизма в Индии, доводя ее до подъема махаяны. Куплеты 28–31 посвящены проникновению буддизма в Китай и его распространению в Поднебесной. Куплеты 32–67 излагают историю храма Дхута от его основания и повествуют о новом расцвете святилища вплоть до времен самого Ван Цзиня. В куплетах 68–70 описаны ранние образцы надписей, подобных сочинению Ван Цзиня. Куплеты 71–102 содержат четырехсложные стихи других буддийских авторов более раннего времени.

В формулировках, отборе фактов, в использованных в тексте фразеологических контрастах и схождениях наблюдается стилистический параллелизм, широко распространенный во времена династий Северная и Южная Вэй: подобное построение текста призвано передать близость идей буддизма, даосизма и конфуцианства, — это своего рода попытка переложить буддийскую догму на язык китайских этико-философских и конфессиональных учений.

Преамбула инскрипции из Тоуто-сы гласит:

«Я слышал, что

Даже те, кто процеживает пруд по утрам и вечерам, не могут измерить мелководность и глубину; а тот, кто смотрит на цвет голубого (неба), не может судить о его близости или отдаленности.

Насколько же больше

То, что превышает видения и слышания, как будто выживающее и погибающее

А то, что вне сердца (разума) и его движений, — ни возникло, ни прекратилось!

По этой причине, (Шакьямуни) спрятал свое обиталище в Магадхе, чтобы лучше открыть поток воздержания от речи».

Попытку приспособить христианство к духовным учениям Китая первыми сделали представители Церкви Востока, привычно называемые несторианами, однако и они не оказались оригинальными в своих открытиях. Инскрипция из Тоуто-сы — это не запись исторических деяний, а скорее достаточно типичное буддийское рассуждение-поучение. Тем не менее ее значение сложно переоценить. Ученые, привычно учитывающие глубинные «перерабатывающие» качества китайской культуры в отношении пришлых явлений, будь то сфера культуры духовной или материальной, часто забывают о конкретных деятелях и созданных ими памятниках, которые демонстрируют и метод, и частные усилия тех или иных авторов или мыслителей, осуществлявших эту аккомодацию на практике. Ван Цзиня можно было бы справедливо охарактеризовать как мирянина, в меру способностей пытавшегося проникнуть

в буддийскую догматику в одном из вторичных центров распространения буддизма в Китае конца V в. Однако его опыт демонстрирует нам процесс поиска общего языка, показывая, что подобного рода переводческие усилия не пропадают втуне: его труды были уже в VII в. использованы «несторианским» священником Адамом, автором надписи на Сианьской стеле, открытой миру в начале XVII в. иезуитами, впервые обнаружившими в Китае предтеч-христиан.

Дудин П. Н. (БГУ, Улан-Удэ)

«Сборник законов и распоряжений “Маньчжоу-Го”» Г. К. Гинса и М. Огуси как памятник политической мысли по возрождению «Великой Маньчжурской империи»¹

«Поворот России на Восток», начавшийся с 2014 г. икратно увеличивший темпы в 2022 г. обрисовал для академического сообщества чрезвычайно высокий дефицит в знании политических систем наших ближайших соседей в Восточной Азии: Китая, Японии, Монголии и двух Корей. И несмотря на многочисленные журналистские публикации и научно-популярный, как видео, так и печатный, материал, академических изысканий высокого уровня, как того требует время и обстоятельства, оказалось крайне мало. Еще меньше его в отношении генезиса государственных систем, хотя без знания истории становления и развития как отдельных институтов, как и в целом государственного аппарата понимание большинства процессов, протекающих в странах региона на современном этапе, остается неполным что, соответственно, создает опасные ловушки для нашего государства.

В этой канве памятники политической мысли и государственного устройства стран Восточной Азии, дошедшие до нас с глубокой древности и до середины XX в. представляют неисчерпаемый клад знаний, хотя и обладающий определенной спецификой, одной из черт которой является фрагментированный перевод на русский язык тех или иных фолиантов. Так на протяжении всей истории с момента полноценной кодификации, осуществленной в первые годы прихода к власти династии Тан (627–907 гг.), китайская имперская государственная система не претерпевала существенных изменений до рубежа XIX–XX вв., а перевод этих кодифицированных актов, осуществляемый как современниками (напр., В. М. Рыбаковым

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01087, <https://rscf.ru/project/22-28-01087/> «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия».

из Института восточных рукописей РАН или Н. П. Свистунова из Института востоковедения РАН), так и основоположниками синологии А. Л. Леонтьевым, Н. Я. Бичуриным и др., составил золотой фонд мировой синологии.

Однако на изломе эпох первая волна глобализации показала элитам как империи Цин, так и других держав региона, что мир куда многообразней, практичней, и в то же время доступней, чем казалось до этого. В том числе и в области политической мысли и государственного устройства. Поэтому властители Восточной Азии, открыв свои границы для иностранцев, оказались перед выбором: сохранить старый порядок или трансформировать его, заимствовав лучшее, но сохраняя основы. И выбор этот был сделан в целом правильно.

Процесс заимствования у западных государств касался основ государственного устройства и места в нем каждого из обновляемых органов публичной власти, самого государственного аппарата, где формировалась самостоятельная и профессиональная законодательная или парламентская, исполнительная и судебная власть и т. д.

Успешнее всего осуществить адаптацию западных концепций с сохранением древних устоев на рубеже XIX–XX вв. удалось Японии, которая не остановилась на внутренней модернизации, но и в 1910–1940-х гг. предпринимает попытку создать единый политический порядок посредством конструирования «Великой Восточноазиатской сферы взаимного процветания». Именно это явление во многом и побудило нас к данному докладу.

Увы, но империя Цин приступила к модернизации своего государственного аппарата позднее, осуществляла его фрагментарно и непоследовательно, что и привело сначала к Синьхайской революции, затем — к свержению монархии и формированию республиканских государственных и политических институтов. И именно здесь мы начинаем ощущать острый дефицит в источниках, способных без идеологического налета реконструировать политику и их системы, возникающие на обломках сначала цинской, а затем и Российской империй.

Среди немногочисленных исследователей, публикующих материал на европейских языках, чьи труды представляют значительный интерес в заявленной проблематике, являются представители харбинской правовой школы — Юридического факультета, созданного нашими соотечественниками — эмигрантами первой волны в 1920–1922 гг. Условно их можно разделить на две категории, где к первой можно отнести переводы текущего, отраслевого законодательства Китайской Республики, скомпонованные в трех томах «Вестника китайского права». Ко второй категории мы отнесем уникальное десяти томное издание под названием «Сборник законов и распоряжений “Маньчжу-Ди-Го” на русском языке»¹, переведенное на

¹ Сборник законов и распоряжений “Маньчжу-Ди-Го” на русском языке: пер. с кит. Вып. 1 / пер. и ред. М. Огуси. 1936. 435 с.; Вып. 2 / пер. М. Огуси и К. В. Успенского. 1936. 92 с.; Вып. 3 / пер. М. Огуси и К. В. Успенского. 1936. 62 с.; Вып. 4 / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский. 1937. 100 с.; Вып. 5 / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский; при участии проф. Г. К. Гинса. 1937. 71 с.; Вып. 6 / Гражданский процессуальный кодекс (Указатели сходных статей нового, прежнего, японского и германского процессуальных кодексов). Пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский.

русский язык японским чиновником М. Огуси при непосредственном участии выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, выдающегося мыслителя и исследователя Г. К. Гинса. Неравномерный по содержанию, сборник издавался с 1936 по 1940 г. и содержал как кодифицированное законодательство Маньчжурского государства (например, выпуск 4 включал Уголовный, выпуск 6 — Гражданский процессуальный, а выпуск 8 — Гражданский кодексы), так и отдельное законодательство тех или иных отраслей права.

Для нас наиболее любопытен выпуск 1, содержащий преимущественно нормативные правовые акты конституционного и административного характера и фактически обрисовавший государственную и политическую систему феномена «Маньчжоу-Го».

Кейдун И. Б. (ДВФУ, Владивосток; АмГУ, Благовещенск)

Ритуал и его значимость (к вопросу о функциональном предназначении текстов «И ли» и «Ли цзи»)

Канонический памятник конфуцианской культуры «Ли цзи» («Записи о ритуале») был составлен в ханьскую эпоху. Авторы текста опирались в своей работе в том числе на духовное наследие прошлых эпох, в результате в состав «Ли цзи» вошли фрагменты ряда древних письменных памятников, в том числе непосредственно посвященных *ли*. При внимательном изучении оказывается, что на формирование трактата «Ли цзи», занявшего в конечном итоге высокое положение в конфуцианстве — ставшего одним из его канонов, заметное влияние оказал памятник более раннего периода «И ли» («Благопристойность и ритуал»).

«Ли цзи» состоит из почти пяти десятков глав, очень разных по содержанию, стилю написания, времени составления, авторству. При этом несколько глав, расположенных в тексте одна за другой, что называется «бросаются в глаза» похожими названиями: «Значимость [ритуала] жертвоприношений», «Значимость [ритуала] надевания шапки», «Значимость брачного [ритуала]», «Значимость [ритуала] пира [в училище при] *сяне*», «Значимость [состязаний в] стрельбе из лука» и др. Сопоставив этот перечень со структурой текста «И ли», обнаруживаем, что в нем есть главы, посвященные таким же ритуалам — надевания шапки, брачному, ритуалу пира и др.

При участии проф. Г. К. Гинса. 1937. 93 с.; Вып. 7 / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский; при участии проф. Г. К. Гинса. 1938. 114 с.; Вып. 8. Гражданский кодекс / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский; при участии проф. Г. К. Гинса. 1938. 129 с.; Вып. 9. Закон о торговых товариществах. Закон об иностранных юридических лицах / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский и М. Шапиро; при участии проф. Г. К. Гинса. 1940. 101 с.; Вып. 10 / пер. М. Огуси, ред. Е. С. Павликовский; при участии проф. Г. К. Гинса. 1940. 64 с.

Попробуем сопоставить соответствующие разделы двух памятников, чтобы понять их содержание и особенности. Для примера возьмем две пары корреспондирующих глав из «И ли» и «Ли цзи».

В центре внимания 4-й главы «И ли» («Ритуал пира [в училище при] *сяне*) и 45-й главы «Ли цзи» («Значимость [ритуала] пира [в училище] при *сяне*») находится один и тот же ритуал — пир в училище при *сяне*. Тексты по-разному подходят к описанию ритуала: «И ли» подробнейшим образом излагает порядок осуществления ритуального события, не упуская мельчайших деталей, касающихся участников, их взаимодействия друг с другом в ходе ритуала, манипуляций с ритуальной атрибутикой и пр. «Ли цзи», в свою очередь, лишь кратко упоминая об основных ритуальных действиях, выносит на первый план все то, что призвано подчеркнуть значение конфуцианских ценностей. Чем же важен этот ритуал? Ответ очевиден — социальные отношения, пути их налаживания и совершенствования: уважение к старшим и забота о пожилых формируют преданность родителям и почтение к братьям; принцип сыновней почтительности — важнейший для правильных отношений в семье. Каковы должны быть ориентиры в социальных отношениях? Это почтение, уступчивость, уважение. Настойчиво звучит в тексте мотив чистоты, проявляющейся в ходе ритуала в бесконечных омываниях рук, ополаскивании кубков, постоянном использовании лохани: для совершенства события каждое действие требовало ритуальной чистоты.

Формируемый образец социальных отношений и схема осуществления ритуала проецируются на устройство универсума и основные закономерности его бытия, главными ориентирами при этом являются: небо и земля, силы *инь* и *ян*, три небесных светила, четыре времени года.

«Ли цзи» содержит описания, позволяющие уточнить облик *цзюнь-цзы*: почтителен, уступчив, уважителен, стремится к чистоте, не распушен, не вступает в раздоры — такое поведение, по мнению составителей текста, направлено на то, чтобы избегать главного зла — мятежей.

Упомянуты и важнейшие конфуцианские ценности: должная справедливость *и*, гуманность и человеколюбие *жэнь*, великая добродетель и величественное проявление всех высших моральных качеств *шэн дэ*, великодушие и благосклонность *хоу*, мудрость *шэн*.

Как совершенствовать себя и способствовать умиротворению государства? Необходимо различать благородных и низких; при исполнении ритуала разделять пышность и сдержанность; пребывать в гармонии и наслаждении, не предаваясь праздности; уважать старших, не упуская при этом никого; пребывать в довольстве и веселости, не беспутствуя. Все это достигается в том числе благодаря ритуалу *ли*. *Ли* в системе ценностей стоит на первом месте: сначала ритуал, потом богатство.

1-я глава «И ли» («Ритуал надевания шапки [служилого] *ши*») и 43-я глава «Ли цзи» («Значимость [ритуала] надевания шапки») связаны с ритуалом вступления юноши в совершеннолетие. И снова текст «И ли» подробно представляет ритуал приобщения молодого человека ко взрослой жизни, детальнейшим образом описывая

все подготовительные действия, упоминая многочисленных участников ритуала и их роли в этом событии, представляя порядок жертвоприношений и состав сакральных яств и прочие ритуальные подробности. Глава «Ли цзи», опуская детализацию события, подчеркивает преимущественно значимость ритуала. В чем она заключается? Прежде всего в том, что с помощью *ли* устанавливаются правильные социальные отношения (правитель — подчиненный, старший — младший, отец — сын), способствующие формированию еще большего уважения к *ли* и как следствие — еще большему их утверждению в обществе, и на этой основе — упрочению фундамента государства. И дальнейший ход рассуждений в главе снова и снова, то в одной, то в другой форме повторяет мотив важности социальных отношений, на совершенствование которых направлен ритуал инициации: встречи неофита в его новом статусе с родственниками, близкими, чиновниками — все происходит для того, чтобы, приобретая иную социальную роль, получить на это санкцию общества и установить со всеми его членами подобающие отношения. Именно так складывается добродетельное поведение, подразумевающее уважение родителей и старших братьев, преданность правителю и почтительность к вышестоящим.

Таким образом, можно говорить, на наш взгляд, о том, что при формировании текста «Ли цзи» составители считали для себя принципиальным не просто повторить более ранний авторитетный текст, описывающий древние ритуалы, но наполнить новый трактат современным звучанием, которое бы отвечало актуальным идеологическим запросам государства.

Кириченко А. Д. (Гимназия № 108 им. В. Н. Татищева, Екатеринбург)

Жизнеописание Бао Сы, супруги чжоуского Ю-вана, в контексте цзюаня Не би чжуань биографического свода Ле нью чжуань Лю Сяна

Лю Сян (劉向, 77–6 гг. до н. э.) — литератор, литературовед и библиограф эпохи Западная Хань (209/202 гг. до н. э. — 8 г. н. э.), оказавший огромное влияние на становление биографического жанра китайской литературы. Созданный в период правления Чэн-ди 成帝 (личное имя Лю Ао 劉騫, правил в 33–7 гг. до н. э.). биографический свод *Ле нью чжуань 列女傳* («Поставленные в ряд жизнеописания женщин») является первым сборником, посвящённым известным женщинам Древнего Китая. Работая над текстом *Ле нью чжуань*, Лю Сян по-новому сгруппировал и дополнил имевшиеся в его распоряжении разрозненные материалы, объединив их главным образом мыслью о том, каким должно быть поведение достойных жён, наложниц, матерей и дочерей. Хотя основная часть сочинения отведена изображению добродетельных героинь, в *Ле нью чжуань ханьский*

учёный уделит особое место негативным примерам постольку, поскольку для читателей (главным из которых должен был быть собственно Чэн-ди) они могли послужить красноречивым предостережением.

Цзюань Не би чжуань 孽嬖傳 («Жизнеописания фавориток, несущих бедствия») посвящён биографиям отрицательных героинь, чьё влияние на облечённых властью мужчин, с которыми они состояли в связи, оказалось губительным для последних и стало причиной государственных смут. *Не би чжуань* разделена на пятнадцать частей и содержит портреты шестнадцати приближённых к правителям женщин¹: Мо Си 末喜, Да Цзи 妲己, Бао Сы 褒姒, Сюань-Цзян 宣姜, Вэнь-Цзян 文姜, Ай-Цзян 哀姜, Ли Цзи 驪姬, Му-Цзян 繆姜, Ся Цзи 夏姬, Шэн Цзи 聲姬, Дун Го-Цзян 東郭姜, Нань Цзи 南子, Вэй Бо-Цзи 衛伯姬, Мэн Чжао 孟姚, Ли Хоу 李后 и Чан Цзи 倡姬.

Бао Сы, известная как супруга чжоуского Ю-вана 幽王 (личное имя Цзи Гуншэн 姬宮涅, согласно традиционной хронологии правил в 795–771 гг. до н. э.), первоначально была взята во дворец наложницей и после рождения сына заняла место низложенной старшей жены Ю-вана, сама став государыней хоу 后. Мотив устранения законной жены из-за увлечённости правителя злонамеренной наложницей является центральным для *Не би чжуань*.

История и предыстория Бао Сы скорее всего была позаимствована Лю Сяном напрямую из *Го юй* 國語 («Речей царств») и *Ши цзи* 史記 («Исторических записок»). Сыма Цянь почти дословно воспроизводит² имеющееся в *Го юй*³ свидетельство о принявшей образ чёрной черепахи слюне двух драконов, после столкновения с которой мать Бао Сы родила красавицу-дочь, полюбившуюся впоследствии Ю-вану. В свою очередь, Лю Сян вписывает этот эпизод в *Не би чжуань* без существенных изменений.

В рамках рассматриваемого *цзюаня* биография Бао Сы является единственной, содержащей элемент чудесного. В целом не вызывает сомнений приверженность автора *Не би чжуань* строгой историко-бытописательской манере. Безусловно, необходимо изучить *Ле ньюй чжуань* во всей полноте, дабы сформировать всеобъемлющее понимание взглядов Лю Сяна на возможность и значение чудесных предзнаменований, сопровождающих отношения мужчин с женщинами. Тем не менее, результаты обращения даже ко взятому в отдельности разделу *Ле ньюй чжуань* позволяют утверждать, что, подобно Сыма Цяню, Лю Сян склонен описывать необычайные происшествия, далеко выходящие за рамки того, что человек может наблюдать в повседневности, исключительно при условии, если данные элементы повествования закреплены ранее созданной письменной традицией; в то же время, Лю Сян не склонен произвольно прибегать к фантастическим допущениям

¹ Многие из перечисленных имён существуют в разнописях, мы приводим те варианты написания, которые использовал Лю Сян.

² Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи»): Т. I / пер. с кит., коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; вступ. ст. М. В. Крюкова. М.: Вост. лит., 1972. с. 201–202.

³ *Го юй* (Речи царств) / пер. с кит., вступ. и прим. В. С. Таскина. М.: Глав. ред. Вост. лит., 1987. с. 242.

для того, чтобы объяснять те или иные события или с большей силой повлиять на воображение читателя. В *Не би чжуань* мы не находим не зафиксированных в предшествующей Лю Сяню литературе, свидетельств о каких-либо чудесах. Это приводит нас к заключению, что, переписывая сюжет о растёкшейся по дворцу и принявшей образ чёрной черепахи слюне драконов, автор скорее высказывал уважение к авторитету задействованных им исторических памятников, нежели нуждался в подобном сюжете для подкрепления своей аргументации.

Изъятие предыстории появления Бао Сы на свет не повлияло бы на убедительность и целостность повествования, ибо все типические (по Лю Сяню) черты губительницы государства присутствуют в портрете Бао Сы безотносительно указанного элемента, и об этой женщине нельзя сказать, что в злодействе она превосходит прочих. Сравнивая супругу Ю-вана с другими коварными жёнами и наложницами, мы обнаруживаем, что сверхъестественное происхождение фактически ничего не добавляет к образу Бао Сы. Представляется чрезвычайно важным, что Лю Сян не демонизирует отрицательных героинь «Поставленных в ряд жизнеописаний женщин»: напротив, он придерживается линии на своего рода «обмирщение» суждений об истоках дурных наклонностей, имплицитно утверждая, что причины бедствий лежат на поверхности и могут быть устранены.

Поскольку *Ле нью чжуань* Лю Сяня является текстом тенденциозным, созданным согласно заранее поставленным целям, между историями Бао Сы и других «фавориток, несущих бедствия» прослеживается ожидаемый сюжетный и стилистический параллелизм. Повествование о Бао Сы в наибольшей степени перекликается с биографиями Мо Си и Да Цзи. Тексты, в которых Лю Сян говорит об отношениях государей с тремя перечисленными фигурами, построены при опоре на весьма близкие лексические и стилевые средства и содержат ряд похожих бытовых и психологических деталей, которых мы не находим в использованных автором первоисточниках. Эти оригинальные включения позволили Лю Сяню органично встроить посвящённый Бао Сы фрагмент в общую ткань *цзюаня* и тем самым усилить воздействие на читателя жизнеописаний, формально объединённых только назидательным замыслом составителя.

Клементьева Т. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Роль трактата «Фэн су тун и» в становлении жанра географических сочинений в Китае

«Фэн су тун и» 風俗通義 («Проникновение в смысл поветрий и обычаев») — трактат, написанный государственным деятелем и мыслителем Ин Шао 應劭 (ок. 140 г. – ум. до 204 г.), жившим в конце Восточной Хань 東漢 (25–220 гг.).

Наблюдая при жизни ситуацию углублявшегося кризиса империи, в данном трактате он обратился с критикой многих недостатков современного ему общества с целью их исправления.

В дошедшем до нас виде трактат представлен десятью главами и большим количеством разрозненных фрагментов, относящихся к еще двадцати утраченным главам текста. Если попытаться классифицировать дошедшие целиком главы, то по содержанию они представляют собой либо критические, либо энциклопедические. Критические главы посвящены проблемам соблюдения ритуала и закона в современном автору обществе, порицанию религиозных суеверий и даосских народных верований. Энциклопедические главы охватывают собой более широкую и разнообразную тематику: в них раскрыты такие темы, как физическая география страны, музыкальные инструменты и лады, политическая история и разновидности официальных культов. Наконец, одна из глав трактата носит смешанный характер, сочетая критические и энциклопедические черты.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение географической главы «Шань цзэ» 山澤 («Горы и водоемы»). Она разбита на тематические разделы, посвященные таким терминам, как леса (*лин* 林), холмы (*цю* 丘), болота (*цзэ* 澤), каналы (*цюй* 渠) и т. д. Наиболее подробными и важными разделами, которые вместе с тем открывают главу, являются «Пять [священных] пиков» («У юэ» 五嶽) и «Четыре [великих] реки» («Сы ду» 四瀆). В этих двух разделах Ин Шао уделяет особое внимание необходимости регулярных инспекционных поездок по стране и отправления ритуалов жертвоприношения Небу и Земле. В других разделах, описывающих менее важные географические понятия, Ин Шао обычно называет наиболее известные топонимы в стране, относящиеся к рассматриваемому термину, отмечает их роль в сельском хозяйстве, судоходстве и т. п.

Особый интерес в данной главе привлекает не столько содержание, сколько структура описания материала. Дело в том, что она имеет сходство с развивавшемся позднее, в эпоху Лючао 六朝 («Шесть династий», 220–589 гг.), жанром энциклопедии. Это можно, прежде всего, видеть по стремлению автора охватить большой спектр терминов (всего девятнадцать в главе «Шань цзэ»), дав стандартную характеристику каждому. Такая характеристика обязательно включала определение, данное через глоссу или пояснение, а также несколько коротких цитат из канонических текстов, упоминающих его.

Чтобы определить степень новизны принципов работы Ин Шао в данной главе, следует сопоставить содержание и структуру «Шань цзэ» с более ранними трактатами, имеющими географические разделы.

Одним из безусловных предшественников Ин Шао в этом является Сыма Цянь 司馬遷 (145?–86? гг. до н. э.), который включил в «Ши цзи» 史記 («Записи историографа») «Хэ цюй шу» 河渠書 («Трактат о реках и каналах»). Этот трактат дает исторический обзор прокладывания каналов, налаживания системы ирригации земель, сооружения дамб и т. д., однако не дает анализ значения терминов или топонимов, которые упоминает.

Другим источником для сравнения служит «Дили чжи» 地理志 («Трактат об узорах земли») из «Хань шу» 漢書 («Книга [эпохи Ранняя] Хань») Бань Гу 班固 (32–92 гг.). Здесь заметно отличие с «Шань цзэ», состоящее в том, что в основе его структуры лежит административно-территориальное деление страны, а не тематическое разбиение, чему соответствует и наличие детального описания регионов страны, которого нет у Ин Шао.

Поскольку этими двумя главами, по сути, исчерпываются попытки систематического описания географии до Хань включительно, то можно считать, что до Ин Шао не было работ, которые бы своей целью ставили систематическое описание географической терминологии. Зато созданные позднее энциклопедии, такие как «Тун дянь» 通典 («Всеобщий свод знаний») Ду Ю 杜佑 (735–812 гг.), «Тун чжи» 通志 («Всеобщее обозрение») Чжэн Цяо 鄭樵 (1104–1162 гг.) в описании географии явно наследуют тому, что было впервые предпринято в «Шань цзэ». Отчасти это заметно и на примере более раннего памятника «Шуй цзин чжу» 水經注 («Каталог рек с комментариями») Ли Даюаня 酈道元 (470–527 гг.), где можно встретить частое использование глосс и коротких цитат из классики наравне с историческим описанием.

В настоящем докладе будет приведено более подробное сопоставление географических глав «Ши цзи» и «Хань шу» с главой «Шань цзэ». Будет показано, чем отличались цели создания этих глав и как это отразилось на избираемой авторами структуре, выборе источников и функциях текста. Наконец, в докладе будет проанализирована преемственность между структурой главы Ин Шао и географическими сочинениями энциклопедического жанра, как «Шуй цзин чжу», так и более поздними.

*Кудинова М. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск),
Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск),
Соловьев А. И. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)*

Источниковедческий синтез в изучении элитных погребальных комплексов эпохи Северных династий¹

Эпоха Северных династий (386–581) в настоящее время остается одним из сравнительно малоизученных периодов в истории Восточной Азии, когда на территории северных регионов Китая существовали государства Северная Вэй (386–535), Восточная Вэй (534–550) и Западная Вэй (535–557), Северная Ци

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>.

(550–577) и Северная Чжоу (557–581). Одной из важнейших примет этой эпохи является интенсификация межэтнических взаимодействий как во внутрисоциальных рамках, так и в ходе различного рода контактов (военных, дипломатических, торговых, религиозных) между представителями разных этнополитических образований. Важнейшим содержанием этих контактов были процессы взаимодействия между китайцами (*хань*) и различными группами *сяньби*: *тоба*, *юйвэнь*, *туйюйхунь*. Кроме того, значительную роль играли связи с северными соседями, прежде всего, с *жоужанями* и ранними тюрками. Благодаря развитию Шелкового пути на территорию Китая активно проникают выходцы из Центральной Азии (согдийцы). Наряду с письменными историческими источниками значительным информационным потенциалом для реконструкции этих сложных этнических процессов обладают памятники археологии, в первую очередь, погребения, принадлежавшие представителям различных этнических групп, что может быть установлено благодаря традиции помещения в гробницу каменных плит с выгравированными на них текстами эпитафий, содержащими имена и биографии покойных. Материалами для нашего исследования послужили погребения жоужаньской принцессы Юйцзюлюй Чидилян (Линь Хэ) (550); аристократов-чиновников Северной Чжоу — Юйвэнь Мэна (564), Ли Сяня (569), Тянь Хуна (574; Северной Ци — Лоу Жуя (570) и Сюй Сяньсю (571); а также китайских «согдийцев» Кан Е (571), Ань Цзя (579), Ши-цзюня (580) и Юй Хуна (598)¹.

Погребальные комплексы эпохи Северных династий представляют собой памятники сложной структуры — многослойный «гипертекст» из нескольких связанных между собой нарративов, каждый из которых требует применения особого набора научных методов и методик. Так, конструктивные особенности гробницы, сопроводительный инвентарь и следы проводившихся в гробнице ритуалов могут быть изучены с использованием базовых методов археологии: типологического, стратиграфического, планиграфического, картографического, объединенных в рамках системного подхода. Исследование погребальных рельефов, настенных росписей, мелкой пластики подразумевает применение методов стилистического, иконографического и семантического анализа. Эпиграфические материалы (тексты эпитафий) требуют обращения к палеографическим и текстологическим методикам. В качестве дополнительного, однако совершенно необходимого для комплексного исследования этих памятников элемента должны быть привлечены письменные источники, прежде всего, биографии покойных, включенные в официальные династийные истории (при наличии).

Повышенная трудность изучения данных комплексов обусловлена тем, что различные «тексты» в составе комплекса могли принадлежать к различным этнокультурным традициям. Так, конструкция погребений в целом может быть отнесена к условной «общекитайской» традиции, что отражало социальный статус погребенных как представителей правящего класса. К этой же китайско-конфуцианской

¹ Само погребение относится уже периоду существования империи Суй, однако традиции, представленные в материалах гробницы, несомненно, были заложены в предшествующий период.

традиции относятся и тексты эпитафий (независимо от социальной, этнической и конфессиональной принадлежности тех, кому они посвящены), изобилующие отсылками к конфуцианской классике, историческим сочинениям, придворной поэзии. В то же время состав сопроводительного инвентаря нередко демонстрирует черты влияния степной традиции (в частности, наборные пояса), а также включает многочисленные предметы импорта, поступавшие с запада по Шелковому пути. Следы ритуального сожжения вещей покойного, зафиксированные в ряде погребений, также могут свидетельствовать о влиянии погребального обряда кочевников (*сяньби* или тюрки). Наиболее синкретичными представляются изобразительные компоненты погребений (рельефы, росписи, керамические фигурки), сочетающие стиль и образы автохтонного (китайского), а также центрально-азиатского, иранского, индо-буддийского происхождения. Подобный «мультикультурализм», представленный в рамках одного комплекса, предполагает привлечение чрезвычайно широкого круга сопоставительных материалов в синхронном и диахронном аспектах для более надежной атрибуции происхождения отдельных его элементов.

Наземцева Е. Н. (ИВ РАН, Москва)

Русская диаспора провинции Синьцзян в период Первой мировой войны: гуманитарные и политические проблемы (по документам Архива внешней политики Российской империи)

К началу Первой мировой войны позиции Российской империи в китайской провинции Синьцзян были достаточно сильными. Это касалось как экономических, так и политических вопросов. Интенсивно развивалась русская торговля в провинции, обустроивались и расширялись торговые фактории, в приграничных районах Синьцзяна основывались русские поселения. Например, на севере провинции к началу Первой мировой войны было девять русских поселков¹. Кроме того, в Синьцзяне находились российские подданные казахи, киргизы и представители других центральноазиатских народов, которые приходили сюда на заработки, арендовали пастбища.

С началом Первой мировой войны положение начало меняться. Российское влияние в регионе постепенно сокращалось. После объявления мобилизации часть обосновавшейся здесь русской диаспоры сократилась. Многие были вынуждены отправиться на фронт.

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 640. Л. 339, 357.

С самого начала мобилизации возникли путаница и значительные проблемы: у консулов отсутствовали четкие указания об ее проведении, размеры, запасные и ополченцы не имели заграничных паспортов и обращались в консульства за разъяснениями, которые консулы им дать не могли¹. Регламентирующие документы не всегда вовремя доходили до консульств в Синьцзяне. Так, согласно телеграммы Пекинской Миссии от 2 августа 1914 г., российское военное министерство приняло решение не призывать запасных, находящихся в Китае. Однако военные власти в приграничном г. Бахты не имели по этому вопросу сведений и вызвали запасных из г. Чугучак. В результате, их пришлось вернуть обратно, что весьма положительно оценил консул в Чугучаке В. В. Долбежев, так как «запасные являлись доверенными русских торговых фирм и транспортных контор, ныне оставшихся без надлежащего присмотра»². Подобный случай имел место и в Кульдже с запасными казаками Сибирского казачьего войска, которых требовало их войсковое начальство. По мнению Императорского Посланника в Китае В. Н. Крупенского, это происходило из-за того, что МИД получал предписания центральных органов военного ведомства об отмене мобилизации для запасных и ополченцев в Китае, однако само военное ведомство не сделало никаких распоряжений по отношению к своим сопредельным с Китаем местным органам. В результате в Миссию неоднократно поступали сведения, что военное ведомство под угрозой предания суду требовало запасных из Китая³. Четкое предписание о мобилизации для русских подданных, находящихся за границей, было издано только в феврале 1915 г.⁴

Консулы считали, что их сотрудников не стоило отправлять на фронт, так как это могло сказаться на ведении дел и привести к падению российского влияния в провинции⁵. Это не заставило себя ждать. Вступление Российской империи в Первую мировую войну и отвлечение ее ресурсов на военные нужды позволило китайским властям Синьцзяна принять меры к вытеснению России из провинции и укреплению собственных позиций. Не были исключением и нападения на русских подданных. Так, в мае 1915 г. произошло нападение на русских крестьян в Алтайском округе⁶. В результате шесть крестьян были ранены⁷. Имели место и другие подобные случаи.

Русское общество Синьцзяна стремилось оказать посильную помощь фронту. В декабре 1915 г. русская общественность г. Чугучака собрала 132 посылки с шубами для действующей армии, в г. Кульджа собрали белье⁸. Правда до фронта эти вещи так и не дошли, в 1919 г. они были розданы русским беженцам Граждан-

¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2881. Л. 8.

² Там же. Л. 2–3.

³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2881. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 139. Л. 115.

⁷ Там же. Л. 117.

⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 103.

ской войны, находившимся в Сюмбинском беженском лагере на российско-китайской границе недалеко от Чугучака¹.

Консулы старались поддержать семьи мобилизованных. Так, императорский консул в г. Шарасумэ М. Н. Кузьминский в декабре 1915 г. поднял вопрос о выдаче казенного пайка семьям мобилизованных русских крестьян, проживающих в Алтайском округе провинции. Однако, согласно положению от 25 июня 1912 г. выдача казенного полка полагалась только семьям, проживавшим на территории Российской империи². В результате, несмотря на неоднократные просьбы консула и бедственное положение семей из-за отсутствия направленных на фронт кормильцев, семьям в помощи было отказано³.

Консулы не боялись выступить против мобилизации русских крестьян-поселенцев в Синьцзяне, так как это мешало ведению полевых работ и ставило семьи поселенцев в безвыходное положение из-за потери мужского населения, а также из-за угрозы со стороны враждебно настроенных к ним местных жителей⁴.

При любом удобном случае консулы старались оформить отсрочки от мобилизации служащим консульств, торговых фирм, крестьянам, народным судьям, аксакалам⁵. В Петроград неоднократно отправлялись документы о падении курса рубля и сокращении русской торговли.

Таким образом, вступление Российской империи в Первую мировую войну отрицательно отразилось на положении русской диаспоры и в целом на российских позициях в Синьцзяне. Деятельность же консульств не смогла изменить данной тенденции.

Павлова А. Д. (АПС, ВУ МО РФ, Москва)

Китаеведение в России: анализ направлений научных исследований за 2019–2022 гг.

В период с 2019 г. по настоящее время Ассоциация развития синологии занимается созданием «Научной синологической базы данных». Данная база представляет собой реестр научных статей, рецензий и монографий по всем направлениям китаеведения, написанных на русском языке, охватывает период XX и XXI вв. В базе на начало 2023 года собраны данные о 14 000 статей, рецензий и монографий, охватывающих период с 1906 г. по 2022 г. Собранные в базе материалы были

¹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 176.

² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 2.

³ Там же. Л. 10–12.

⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2881. Л. 57.

⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2898. Л. 51–52.

разделены на 23 области знаний, которые в свою очередь подразделяются на более чем 260 областей исследования. Самыми объемными по количеству обнаруженных работ стали такие области: искусствоведение, культурология, исторические науки, литературоведение, политические науки.

У каждой записи в базе 9 параметров поиска (область знания, область исследования, год, вид публикации, автор, название, ключевые слова, место публикации, издание) и подробное описание (аннотации на трех языках, выходные данные). Данные для Научной базы собираются из открытых источников, проводится мониторинг журналов, баз научных статей, а также авторы присылают свои данные. Все материалы проходят многоступенчатую систему ручной проверки на соответствие данных, соответствие содержания тематикам и т. д. На январь 2023 г. обработано и открыто для использования более 3000 позиций. Обновления проходят каждый квартал.

На основе «Научной синологической базы данных» мы выводим статистику о состоянии научного китаеведения в России. В данной работе мы представляем результаты анализа статей, написанных с 2019 по 2022 гг.

Наибольшее количество статей, попавших в статистические расчеты, приходится на 2020 и 2019 гг. Самые распространенные области знаний — экономические науки и педагогика/науковедение. Повышенный интерес авторов статей к экономике Китая и русско-китайским экономическим отношениям конечно же связан с эпидемиологической ситуацией во всем мире. Отметим пристальный интерес отечественных исследователей к экономическому анализу внешней торговли между Россией и Китаем, а также к путям решения экономического кризиса китайскими властями. В нашей базе представлены работы не только отечественных исследователей, но и статьи, написанные в соавторстве с иностранными учеными. Также в базе присутствуют статьи на русском языке, написанные китайскими авторами. Например, в области педагогических знаний чаще анализируют музыкальную педагогику и развитие художественного образования в Китае. В статьях за 2020 г. мы отметили повышение интереса многих педагогов-практиков по музыке к обобщению собственного опыта в разного рода теоретических исследованиях.

Самый высокий показатель статей на тему исторических наук выявлен в 2019 году. В этой области чаще пишут отечественные исследователи. Статьи посвящены истории востоковедения, синологии и сравнительно-историческому анализу русско-китайских отношений. В связи со стремительным развитием отношений между Россией и Китаем, отечественные авторы обобщают в своих работах предпосылки к установлению сотрудничества с Китайской Народной Республикой.

Мы хотели бы особо отметить раздел туризма, как ранее не фигурировавший почти, но стремительно набравший популярность в исследуемый период. В своих статьях ученые поднимают вопросы внутреннего туризма в Китае. По статистике, основная часть публикаций появилась в 2021 году. В доковидный период интерес исследователей к внутреннему туризму Китая был невелик. На данный же момент в научных работах активно исследуются вопросы грядущего восстановления внутреннего туризма, его масштабов и тенденций развития.

Переход на дистанционное и онлайн-образование в период ковидных ограничений спровоцировал новый поток научных исследований по методике преподавания. Информационные технологии стремительно развиваются год от года и замещают традиционные формы обучения китайскому языку. Использование современных информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения китайскому языку вызывает повышенный интерес. Соответственно, и научных работ за последние годы на эту тему стало существенно больше.

Стоит отметить, что работы во всех областях отвечают запросам текущей геополитической повестки, отвечают на вызовы современности. Анализируя нашу базу данных за несколько лет, мы отмечаем, что количество работ по китаеведению на русском в целом возрастает с каждым годом, что говорит о постоянно растущем интересе к исследованию Китая, хотя рост год от года — неравномерен. Например, по данным за 2019–2022 гг. нами обнаружена в базе 841 статья, а за период 2015–2018 мы выявили 563 статьи. Но при этом наибольшее количество мы зафиксировали в 2020 г. — 480 статей.

Подробный анализ по областям знаний и отраслям исследований за период с 2000 г. по 2022 г. позволил выделить наиболее проработанные и наименее охваченные области, основные тематики, сферу интересов отечественных исследователей. Данная база, результаты статистического анализа не только показывают состояние китаеведения в России, но и позволяют ученым видеть картину по своим областям исследования более цельно, что несомненно будет способствовать развитию новых областей исследований, позволит более эффективно проводить обобщения уже существующих научных достижений, а для студентов и аспирантов — это удобная точка начала проведения обзоров по темам своих работ.

*Перминова В. А. (ИБ РАН, Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва)*

«Дорожные заметки» журналиста И. С. Левитова о колониальном Тайване (на основе публикаций 1903 гг.)

Илья Семёнович Левитов, российский журналист и этнограф, участник поездок в Маньчжурию, Китай, Японию, Индию, Индокитай и Европу, в 1903 г. совершил трехнедельную поездку на Тайвань, по результатам которой опубликовал ряд заметок и статей о колониальном устройстве этого острова.

Доклад посвящен анализу «Дорожных заметок» И. С. Левитова об острове Формозе, копии которых были опубликованы в газете «Новый край» в 1903 г.

Очерки о Тайване охватывают довольно широкий диапазон аспектов колониального устройства острова — автор затрагивает не только экономическую сферу (в том числе, финансовую систему и промышленное развитие колонии), но и вопросы землепользования, проблему переселения японцев на Тайвань, даёт краткие сведения об этническом составе населения, проблеме взаимоотношений «аборигенов» (коренных жителей острова малайского происхождения) с китайцами и японцами. В заметках рассмотрены также и вопросы политического характера, в частности, автор рассуждает о возможностях японо-русского сближения и довольно пессимистично оценивает перспективы отношений между Россией и Японией, довольно точно угадав скорое ухудшение двусторонних отношений в преддверии войны (вопреки тогдашней пропаганде дружбы двух стран в отечественной печати). И. С. Левитов рассматривал проблему переселения японцев на Тайвань как один из ключевых факторов, способных приблизить азиатский регион к состоянию спокойствия и мира в условиях усиления японской экспансии в Азии. Значительное внимание И. С. Левитов уделил опиумной политике японских властей и методам борьбы с опикурением на Тайване. Автор полагал, что эффективный опыт контроля за опикурением может быть применим и на русском Дальнем Востоке.

Дорожные заметки И. С. Левитова основаны на личных впечатлениях автора, вместе с тем конкретные данные об экономике, промышленности и численности населения были получены им от японских властей либо иностранных резидентов, что, очевидно, свидетельствует о вторичном характере сведений, которые легли в основу очерков о Тайване. Вместе с тем, для нас остаются ценными личные наблюдения И. С. Левитова, описание ситуаций, свидетелем которых был он сам, и те выводы, которые он сделал на основе увиденного.

Портяков В. Я. (ИКСА РАН, Москва)

Дэвид Шамбо о внешней политике КНР

Дэвид Шамбо (David Shambaugh), отметивший в январе 2023 г. свое 70-летие, профессор Вашингтонского университета, считается в США лучшим на сегодняшний день американским специалистом по современному Китаю. Международную известность приобрел уже в 1990-е годы, в период работы главным редактором журнала «The China Quarterly», издаваемого в Лондоне. Профессор Шамбо изучал широкий круг проблем внутренней и внешней политики Китайской Народной Республики, включая деятельность ряда высших руководителей страны (Чжао Цзыян, Дэн Сяопин), вопросы армейского и партийного строительства, китайское видение безопасности.

Постепенно, однако, основное внимание профессора Шамбо смещается к проблемам внешней политики КНР. Поначалу превалирует интерес к китайско-

европейским и китайско-американским отношениям, но затем Дэвид Шамбо отходит от традиционной «региональноориентированной» методологии исследования китайской дипломатии и сосредотачивается на выявлении ее общих, интегральных особенностей, сильных и слабых сторон. Особую роль в выработке собственного подхода к анализу проблемы сыграло годичное пребывание Шамбо в Китае в 2009–2010 гг. Принимал его Институт мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая, но ученый сумел побеседовать с десятками ведущих специалистов-международников КНР из самых разных ведомств — от Международного отдела ЦК КПК до министерства обороны, не говоря уже о многочисленных научных и учебных учреждениях. Надо сказать, что в тот период в КНР особенно благоволили к Шамбо по той причине, что в качестве своего хобби он выбрал исследование перипетий перевозки из Пекина на Тайвань в 1937–1946 гг. сокровищ императорской коллекции Музея Гугун.

С использованием материалов, собранных в ходе командировки, Шамбо подготовил свою главную на сегодняшний день работу о внешней политике КНР — «Китай становится глобальным: частичная держава». Свой термин «частичная держава» Шамбо поясняет теми обстоятельствами, что КНР, по его оценке, далеко не столь сильна, как кому-то может показаться, что ее дипломатия не носит достаточно широкого характера, а узко ориентирована на собственные интересы, наконец, что страна не обладает солидной «мягкой силой». Более конкретно рассмотрены глобальные идентичности Китая, его роль и «присутствие» на глобальном уровне в дипломатии, управлении, экономике, культуре, сфере обеспечения безопасности.

Шамбо приходит к выводу о лишь частичной интегрированности КНР в мир и о некомфортности ее самочувствия в мировом либеральном порядке, который она все более настойчиво стремится либо изменить, либо игнорировать¹.

В 2020 г. была опубликована еще одна важная работа под редакцией Д. Шамбо — «Китай и мир». Весомым личным вкладом профессора Шамбо стала предложенная им весьма удобная периодизация внешней политики КНР — в хронологическом порядке по десятилетиям.

1950-е годы Д. Шамбо называет периодом изоляции (на наш взгляд, не вполне справедливо). 1960-е годы характеризуются фразой «от плохого к худшему», 1970-е — «Китай присоединяется к миру», 1980-е — «от оптимизма к пессимизму», 1990-е — «от изоляции к реабилитации». Для двухтысячных годов характерна «дипломатия по всем направлениям», для 2010-х — «возросшая уверенность и более достойное место»². Наверное, эта периодизация, отталкивающаяся от особенностей отношений КНР с Западом, не идеальна, но в целом она достаточно верно передает хронологию изменений в позиционировании Китая на мировой арене.

¹ Shambaugh D. *China goes global: the partial power*. Oxford, 2013, p. 309.

² Shambaugh D. (ed.). *China and the World*. Oxford, 2020, pp. 3-21.

Рудь П. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Материалы, собранные в Пекине приставом 11-й Русской духовной миссии М. В.Ладыженским

Материалы, относящиеся к истории Русской духовной миссии в Пекине, публикуются уже на протяжении долгого времени, тем не менее все еще остаются существенные лакуны, которые необходимо заполнять. К одной из них можно отнести освещение деятельности приставов миссии, которые немало сделали для развития знаний о Китае.

М. В. Ладыженский был назначен приставом 11-й Русской духовной миссии в 1829 г., помимо традиционных для приставов инструкций по организации путешествия миссионеров в Пекин и передаче дел от предыдущей миссии новым членам, он получил задание по составлению планов построек миссии, подготовке описаний зданий, составлению плана Пекина и др.

Доклад посвящен процессу поиска и описанию выявленных на данный момент материалов. В силу многих обстоятельств они оказались разрознены и хранятся в различных научных учреждениях страны. Коллекция этнографических предметов принадлежит китайскому собранию МАЭ РАН, дневник Ладыженского о его пребывании в китайской столице был опубликован в начале XX в., оригинал хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН; планы южного подворья Наньгуань и северного Бэйгуань удалось обнаружить среди материалов Российского государственного военно-исторического архива.

В Пекине приставу Ладыженскому одному из первых удалось собрать подробные сведения о китайской торговле, системе дорог, таможенных пунктах, составить подробные описания православных и католических храмов, которые не сохранились до наших дней. Все эти материалы бесценны, в настоящее время они не только не опубликованы, но многие из них не выявлены до сих пор.

Самойлов Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Вклад российских дипломатов конца XIX — начала XX вв. в изучение Китая¹

Многие дипломаты, служившие в конце XIX — начале XX вв. в российских представительствах в Цинской империи, занимались изучением Китая. Они

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00858: «Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения». <https://rscf.ru/project/22-28-00858>.

не только готовили разнообразные справки для Министерства иностранных дел, но и публиковали серьезные статьи в российских научных и массовых журналах. В этом деле преуспели прежде всего те, кто получил образование на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, прежде всего — Д. Д. Покотилов, крупный ученый-востоковед и российский посланник в Пекине в 1905–1908 гг., опубликовавший немало статей и брошюр о Китае. О развитии событий в различных частях Цинской империи в это время писали А. Т. Бельченко, В. Ф. Гроссе, С. А. Колоколов, В. Ф. Люба и др.

В данном сообщении планируется проанализировать и сравнить две крупные работы о Китае, написанные дипломатами И. Я. Коростовцем и А. В. Тужилиным.

Иван Яковлевич Коростовец многие годы находился на дипломатической работе в Китае, а в 1909–1911 гг. занимал должность российского посланника в империи Цин. Он вошел в историю не только как успешный дипломат, но и как автор многочисленных публикаций о Китае. В этой связи особо следует остановиться на его книге «Китайцы и их цивилизация» выдержавшей два издания (1896 и 1898 гг.). В обращении к читателям, И. Я. Коростовец указал на явную нехватку в России научно-популярных работ о Китае, написанных людьми, хорошо знающими эту страну. Он отмечал, что западные ученые и публицисты давно осознали тот факт, что Китай представляет интерес не только для синологов и иных специалистов, но также важен для всех образованных людей. Тем более, писал автор, для России, имеющей с Китаем протяженную границу и тесные связи, просто необходимо, чтобы читающая публика получала достоверные сведения об этой стране. И. Я. Коростовец очень верно отметил, что «замечательные труды и исследования» русских синологов, к сожалению, оставались доступными лишь избранному кругу специалистов, а массовому читателю приходилось довольствоваться не очень серьезной литературой. Поэтому, приступая к написанию своего труда, он решил заполнить данный пробел. В итоге написанная им книга стала одной из лучших научно-популярных и доходчиво изложенных работ о Китае, появившихся в России на рубеже XX века. В ней И. Я. Коростовец не только осветил основные события истории Китая и привел много сведений о культуре, искусстве, религиозных верованиях и укладе жизни китайцев, но и представил подробное описание экономической и социально-политической жизни этой страны, рассмотрев многие аспекты жизни китайского общества, включая государственное устройство, финансовую систему, торговлю, судопроизводство, состояние земледелия и промышленности, образование и государственные экзамены, а также специфику взаимоотношений Китая с другими странами, включая Россию. Остановился он и на особенностях национального характера китайцев и их отличиях от европейцев. И. Я. Коростовец высказал мнение, что китайской нации в целом присущ консерватизм, который иногда «преступает пределы разумного» и вызывает пренебрежение ко всему некитайскому, а из этого проистекает боязнь реформ

и преобразований. Второй важной чертой китайского национального характера он считал необычайную жизнестойкость, основанную на неприхотливости и выносливости, что, в свою очередь, стало источником колоссального терпения китайцев и обусловило их способность переносить любые тяготы. Автор также отметил миролюбие китайцев. И. Я. Коростовец фактически написал популярную энциклопедию, в которой в доступной форме излагалась важная и актуальная информация. Его труд по праву можно отнести к числу лучших работ о Китае, появившихся на рубеже XX в.

Не менее интересную и важную книгу о Китае написал другой российский дипломат — выпускник факультета восточных языков Александр Васильевич Тужилин. Впервые он находился в Китае в 1907–1909 гг. в качестве студента, прикомандированного к российской дипломатической миссии в Пекине. Затем он был принят на дипломатическую службу и занимал должности секретаря и драгомана Российских консульств в Цицикаре, Цзилине (Гирин) и Нючжунане. В 1910 г. он опубликовал двухтомный труд под названием «Современный Китай».

А. В. Тужилин писал, что своим появлением его книга обязана российскому посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу — «автору единственной серьезной популярной книги о Китае, которая привела к созданию настоящего труда». Первый том его труда был посвящен в основном современному положению и реформам в тогдашнем Китае, а второй — истории, быту, религии и другим сторонам жизни китайского общества. Для написания первого тома автор в течение трехлетнего пребывания в Китае скрупулезно собирал вырезки из газет, содержавшие тексты императорских указов, правительственные сообщения, отчеты различных ведомств и т. д. В итоге этот том, основанный на материалах, собранных лично автором, и на их глубоком анализе, оказался очень насыщенным информацией и содержал много сведений о происходивших в те годы преобразованиях в Цинской империи. А. В. Тужилин описывает новые течения в общественной жизни, появившиеся в тот период в Китае, реформы в области государственного устройства, новые тенденции в сфере образования. Он детально рассматривает и подробно анализирует состояние торговли и промышленности, реформу судебной системы, состояние армии и флота, развитие железных дорог, почтовой службы и телеграфа. Существенно то, что А. В. Тужилину удалось заметить и детально описать начинавшуюся трансформацию китайского общества.

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что многие российские представители, работавшие в Китае в конце XIX — начале XX вв., являлись не только талантливыми дипломатами, способными решать сложнейшие внешнеполитические задачи, и прекрасными специалистами по Китаю, но также стали популяризаторами знаний об этой стране. Их труды не утратили своего значения и в наше время.

Сафин Т. А. (ИВ РАН; РАНХиГС, Москва)

Концепция древнекитайского линиджа: штрихи к портрету

В середине XX в. историки, реконструировавшие общество древнего Китая II–I тыс. до н. э., активно прибегали к заимствованию концепций из области социальной антропологии. Так, была заимствована концепция рэмиджа (сегментированного или статусного линиджа), которая предполагала, что в ходе увеличения десцентной группы может сформироваться исключительно крупный (сотни, тысячи, десятки и даже сотни тысяч человек) коллектив кровных родственников, контролирующей определенную территорию и являющийся политической единицей с собственной армией, в котором политический статус индивида зависит от его генеалогического старшинства. С подачи таких специалистов, как Чжан Гуанчжи (1931–2001) и Чжу Фэнхань (р. 1947) эта концепция стала мейнстримной и поддерживается многими специалистами вплоть до настоящего времени.

Однако, собственно в антропологии история рэмиджа сложилась гораздо менее успешно. Описанное выше понимание термина восходит к ранним работам М. Салинса (1930–2021), который в 1950-е заимствовал термин Р. Фирта (1991–2002), выдвинутый им в 1936 году, и этнографические описания Э. Гиффорда (1887–1959), сделанные в 1920-е гг. в Королевстве Тонга. Но построения Салинса сразу же подверглись резкой критике. Во-первых, Р. Фирт, автор термина «рэмидж», счел собственное определение 1936 года ошибочным, и предложил изменить его. Объединяя слова «раификация» (т.е. ветвление) и «линидж» (десцентная группа, члены которой объединены происхождением от общего предка, и могут проследить конкретные генеалогические отношения между собой) Фирт предполагал, что ключевой особенностью раифицированного линиджа (рэмиджа) является уникальная способность к сегментации, ветвлению. Но поскольку все линиджи так или иначе способны сегментироваться, впоследствии он предложил использовать термин «ремидж» для обозначения амбилинейной десцентной группы, т. е. такой, где набор в группу может вестись как по мужской, так и по женской линии, а у ребенка (хотя бы в теории) есть выбор: вступить в группу отца или матери.

Во-вторых, новое поколение антропологов, изучавших Королевство Тонга и другие регионы Океании, весьма скептически отнеслось к более ранним рассуждениям Э. Гиффорда, который не столько записывал свои собственные наблюдения, сколько пытался восстановить историю аборигенов, используя для этого весьма сомнительные данные и методы. Гиффорд заметил, что в среде местной аристократии статус отца наследует лишь старший сын, а остальные опускаются на ранг ниже. Следовательно, рассуждал Гиффорд, в определенный момент младшие сыновья младших сыновей должны стать простолюдинами, а значит простолюдины и аристократы в королевстве Тонга являлись членами одной дес-

центной группы. Увы, Гиффорд не интересовался жизнью простых островитян настолько, чтобы проверить свои построения: его больше интересовало общение с представителями местных элит. И лишь следующее поколение антропологов обнаружило, что потерявшие высокий статус младшие родственники исключаются из аристократической десцентной группы, а простолюдины, живущие на землях аристократов, отнюдь не считают себя их родственниками. Современные антропологи крайне скептически относятся к построениям Гиффорда о том, что когда-то простолюдины и аристократы, жившие на одной земле, могли считать себя одним родственным коллективом.

Помимо того, что у рэмиджа (в понимании Салинза) отсутствуют надежные этнографические подтверждения, даже теоретически существование подобной группы весьма сомнительно. Дело в том, что ключевой его характеристикой является многоступенчатое понижение статуса младших родственников. Следовательно, родоначальником такого коллектива должен быть человек высокого социального статуса, иначе младшим родственникам просто некуда будет «опускаться». Это значит, что появление рэмиджа возможно лишь в обществе, которому уже присуща социальная стратификация, деление на элиту и простолюдинов. Куда же денутся все эти простолюдины, дабы в итоге мы получили общество, состоящее из одних лишь родственников? Логичнее предположить, что «опустившиеся» потомки аристократов просто растворятся в этой массе простолюдинов. Можно представить обратную картину: не «опускание» по социальной лестнице младших родственников, а наоборот — возвышение старших. Но это уже — не рэмидж, а классическая патриархальная теория появления государства, давно утратившая поддержку специалистов.

Применяя заведомо сомнительную антропологическую модель для реконструкции древнекитайского общества, историки, кажется, не всегда пытались представить в деталях, как это должно работать в реальности. Из построений Чжу Фэнхана вытекает, что уже через одно-два-три поколения после отделения от основной ветви, новый линидж (состоящий из деда, сыновей и внуков) должен представлять собой боевую единицу, а затем, по мере нарастания генеалогической дистанции, должен вернуться в состав исходного линиджа. Чжан Гуанчжи считал, что ветвь линиджа отделяется от основного «ствола» и отселяется на новое место по мере достижения генеалогической дистанции в 5 поколений. Видимо, он предполагал, что подобный процесс должен иметь место каждые пять поколений, но в действительности нарастание генеалогической дистанции выглядит следующим образом: среди членов отделившейся группы генеалогическая дистанция на момент отделения уже будет составлять до 4-х поколений, и с каждым новым поколением будет достигать заветной границы. Соответственно, в процессе развала не будет никакого длительного перерыва: группе придется дробиться постоянно. Эти и другие проблемы не позволяют считать удачной реконструкцию древнекитайского общества, основанную на существовании больших, всесловных родственных групп.

Сёмочкина А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Система коллективного обучения членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в оценках российских и зарубежных китаеведов

Система коллективного обучения членов Политбюро ЦК КПК — это уникальный элемент современной китайской политической культуры, который не только отражает свойственный конфуцианской этике идеал постоянного стремления к повышению уровня знаний, но и является практическим ответом на актуальную проблему обновления и приобретения профессиональных компетенций высшими партийными кадрами. Выступая на церемонии открытия первого заседания образовательных сессий перед членами Политбюро ЦК КПК 26 декабря 2002 года, генеральный секретарь Ху Цзиньтао отметил, что «нам [членам Политбюро ЦК КПК] необходимо усерднее учиться, чтобы соответствовать высоким требованиям развития государства и КПК и ещё лучше выполнять обязанности, возложенные на нас партией и народом»¹. Это выступление китайского лидера официально стало отправной точкой в истории данного института, в рамках которого высшие партийные чины ежегодно принимают участие в образовательных сессиях с целью аккумуляции знаний по актуальным вопросам внутри- и внешнеполитического дискурса Китая и проведения консультаций с ведущими специалистами в соответствующих областях по способам их решений.

Наличие подобных функций и целей дает основание полагать, что система коллективного обучения занимает особое место в политической жизни КНР и потому требует изучения. Многие российские и зарубежные китаеведы уже длительное время предпринимают попытки определить её роль в политической системе Китая, а также степень её влияния на политическую повестку государства. При сохранении и укреплении тенденции к сокращению доступной информации о внутривнутрипартийном дискурсе, что, как отмечает С. Н. Гончаров, стало очевидно в ходе XX съезда КПК², исследования в этом направлении приобретают ещё большую важность, поскольку доклады, представленные в ходе образовательных сессий, должны соответствовать взгляду партии на пути решения актуальных

¹ Ху Цзиньтао: 卅二年前 胡锦涛总书记在中央政治局扩大会议上的讲话 [胡锦涛：加强领导干部学习，提高提高执政兴国本领 胡锦涛：加强领导干部学习，提高提高执政兴国本领 胡锦涛：加强领导干部学习，提高提高执政兴国本领] // Жэньминьван [人民网], 2002. URL: <http://news.sohu.com/36/72/news205267236.shtml> (дата обращения: 09.01.2023).

² Гончаров С. Н. «Выпрыгивание из исторического цикла» и строительство новой идеологии на XX съезде КПК // Проблемы Дальнего Востока, 2022. №6. С. 153–174. URL: <https://pdv.jes.su/s013128120023467-4-1/> (дата обращения 09.01.2023).

проблем и, как следствие, свое будущее. В этой связи, мнение приглашенных докладчиков, которое они также озвучивают в своих научных работах, можно трактовать как в определенной степени близкое к внутривластной риторике по соответствующим вопросам.

Стоит подчеркнуть, что единого взгляда на данный институт, как и его однозначной оценки у авторов, разрабатывающих эту тему, нет. Положительного мнения придерживаются, преимущественно, российские исследователи (Г. И. Марченко, И. Г. Чубаров), которые отмечают, что система коллективного обучения дает возможность отследить изменения политики Китая и её направленность посредством анализа тематики представленных докладов. Кроме того, проведение дискуссий с приглашенными докладчиками, которые проходят по окончании выступлений, способствует росту авторитета экспертного знания и стабильному развитию китайского государства¹.

Зарубежные исследователи (Лэнс Л. П. Гор), а также представители тайваньских научных учреждений (Цай Вэньсюань, Никола Дин), напротив, склонны считать, что зачастую дополнительные обсуждения и «обучение» в рамках образовательных сессий необходимы не столько для поиска решений дискуссионных вопросов, сколько для укрепления единого и «правильного» внутривластного дискурса в отношении определенных проблем — этому способствует механизм подбора тем докладов и выступающих, которым руководит непосредственно генеральный секретарь Коммунистической партии. Практика проведения учебных заседаний без участия приглашенных лекторов и обмена мнениями по заранее объявленным темам, иногда применяющаяся при нынешнем генеральном секретаре Си Цзиньпине, по их мнению, лишь подтверждает номинальный статус докладчиков в образовательном процессе.

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод, что восприятие и оценка системы коллективного обучения во многом зависит от исследовательской традиции, которой следуют авторы работ. В результате внимание уделяется лишь конкретным характеристикам образовательных сессий, а не всему институту как единому целому и его влиянию на политическую жизнь Китая. Таким образом, проблема изучения системы коллективного обучения членов Политбюро ЦК КПК остается актуальной и требует дальнейшего, более детального и комплексного изучения.

¹ Чубаров И. Г. Групповые учебные занятия для высших должностных лиц — самобытный элемент китайской политической системы // Китай в год проведения XX съезда КПК. Сборник статей на основе докладов Ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство». Москва, 16 и 18 марта 2022 года. М.: ИККА РАН, 2022. С. 35–46.

Скрыпник Е. С. (ИВ РАН, Москва)

Знамена, зафиксированные в период правления У Цзэ-тянь (624–705), в главах «Пять первоэлементов» «Старой книги [об эпохе] Тан» и «Новой книги [об эпохе] Тан»

Согласно традиционным китайским представлениям, знамена являлись выражением отношения Неба к политике, проводимой императором, и были тесно связаны с теорией «небесного повеления» (*тянь-мин* 天命)¹. Ошибки в государственном управлении приводили к нарушениям свойств «пяти первоэлементов/фаз» (*у син* 五行) — дерева (*му* 木), огня (*хо* 火), металла (*цзинь* 金), почвы (*ту* 土) и воды (*шуй* 水), — а результатом этого, в свою очередь, было появление тех или иных чудесных событий-знамений. Что касается династийных историй (в том числе обеих «Книг [об эпохе] Тан»²), то основные сведения о знамениях содержатся в главах *У син*. Интерпретации знамений проводились в двух направлениях — профетическом (как предсказание будущих событий) и пенитенциарном (как реакция-наказание за уже совершенные ошибки)³. Знамена обычно классифицированы по типам, внутри каждого типа — расположены в хронологическом порядке, таким образом составляя, по выражению С. В. Зинина, «историю династии в знамениях»⁴. Следует, впрочем, отметить, что в данных главах могли перечисляться не все знамения⁵, а лишь те, которые посчитали необходимым внести в перечень создатели хроник. Таким образом ученые-летописцы опосредованно выражали свое мнение о происходивших событиях и давали им свою оценку⁶.

В соответствии с данными упомянутых глав «Книг [об эпохе] Тан», ошибки, злоупотребления и нарушения в экономической сфере (в частности — земледелии) приводят к тому, что «дерево не [способно] изгибаться-выпрямляться» (*му бу цюй чжи* 木不曲直), пренебрежение законами, ошибки в назначениях и разжалованиями т. п. — к тому, что «огонь не [вздывает] языки пламени вверх» (*хо бу янь*

¹ Wu H. *The Wu Liang Shrine: The Ideology of Early Chinese Pictorial Art*. Stanford: Stanford University Press, 1989. 412 p. P. 85.

² Подразумеваются «Старая книга [о] Тан» 舊唐書 («Цзю Тан шу»; завершена к 945 г.; далее — ЦТШ) и «Новая книга [о] Тан» 新唐書 («Синь Тан шу»; завершена к 1060 г.; далее — СТШ)

³ Wu H. *The Wu Liang Shrine: The Ideology of Early Chinese Pictorial Art*. Stanford: Stanford University Press, 1989. 412 p. P. 85; Зинин С. В. Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н. э. Москва: ИВ РАН, 1997. 225 с. С. 32.

⁴ Зинин С. В. Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н. э. Москва: ИВ РАН, 1997. 225 с. С. 36.

⁵ Mansvelt Beck B. J. *The Treatises of Later Han: Their Author, Sources, Contents, and Place in Chinese Historiography*. Leiden, New York: E. J. Brill, 1990. 296 p. P. 148.

⁶ Зинин С. В. Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н. э. Москва: ИВ РАН, 1997. 225 с. С. 36–37.

шан 火不炎上)¹, ошибки в управлении делами правящего рода являются причиной нарушения свойств почвы, в результате чего «посев [хлебов] и уборка [урожая] не завершаются [успехом]» (*цзя сэ бу чэн* 稼穡不成), в управлении войсками и военных действиях — ведут к тому, что «металл не следует изменениям» (*цзинь бу цун гэ* 金不從革)², нарушения же в сфере государственных жертвоприношений становятся причиной того, что «вода не увлажняет [то, что находится] внизу» (*шуй бу жун ся* 水不潤下).

Кроме того, считалось, что поведение правителя должно характеризоваться следующими качествами: «манеры именовются почтительными» (*мао юэ гун* 貌曰恭), «речь именуется последовательной» (*янь юэ цун* 言曰從), «видение именуется ясным» (*ши юэ мин* 視曰明), «слух именуется чутким» (*тин юэ цун* 聽曰聰), «мышление именуется пронизательным» (*сы юэ жун* 思曰睿). Поэтому помимо нарушений свойств «пяти первоэлементов/фаз», династийные истории также рассматривают последствия неверной реализации указанных характеристик («пять дел» у *ши* 五事). Также рассматриваются нарушения особого свойства правителя — «августейшего предела» или, если можно так выразиться, «предела августейшеести» (*хуан-цзи* 皇極).

Глава *У син ЦТШ* состоит из одного *цзюаня* и содержит 12 874 знака; зафиксированные в период правления У Цзэ-тянь³ 15 знамений записаны в 798 знаках, что составляет 6,58% текста перечисления и описания конкретных знамений. Знамения распределены по рубрикам, однако сами рубрики не имеют заголовков, поэтому не всегда очевидно, к какому конкретно типу напастей относили летописцы то или иное знамение. Соответственно, не всегда возможно определить, какое конкретно свойство было нарушено или дело — выполнено недолжным образом.

Глава *У син СТШ* состоит из трёх *цзюаней* и содержит 25 316 знаков, знамения, относящиеся к периоду правления У Цзэ-тянь, записаны в 1754 знаках, что составляет 7,36 % текста перечисления и описания конкретных знамений. Всего в *СТШ* содержатся сведения о 83 знамениях, зафиксированных в период правления У Цзэ-тянь. Среди них 24 знамения соответствуют нарушениям в «пяти первоэлементах/фазах». Лидерство по числу ошибок с солидным отрывом удерживает сфера государственных жертвоприношений, далее следуют ошибки в управлении делами правящего рода. На третьем месте по количеству оплошностей разместилась военная сфера, четвёртое делят экономика и «августейший предел», для которого не установлена корреляция с какой-то конкретной фазой. Менее всего ошибок императрица допускала в кадровой политике. Данная статистика в целом отражает информацию, содержащуюся в «Основных записях» *СТШ*.

¹ «Новая книга [об эпохе] Тан» к этому добавляет, что проблемы возникают также и тогда, когда вышестоящие не скромны, а нижестоящие — не сдержанны. В этом случае «бурный огонь многократно поднимается» (*шэн хо шу ци* 盛火數起).

² Т. е. из металла невозможно выковать предметы.

³ Подразумевается правление У Цзэ-тянь сначала в качестве регента (684–690 гг.), а позже — в качестве императора (690–705 гг.).

Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)

Оно Кадзуко об образовании для китайских женщин в программе реформ Лян Цичао конца XIX века

В Токио в 1978 году вышла в свет книга японского ученого Оно Кадзуко «Китайские женщины в век революции, 1850–1950». В 1989 году дополненное издание было переведено на английский язык под редакцией Китаевода, историка и переводчика Джошуа А. Фогеля¹. В Предисловии к японскому изданию Оно Кадзуко пишет, что была первой женщиной-студенткой, изучавшей проблемы Восточной Азии в Университете Киото. Интерес к истории китайских женщин возник у молодого ученого в ходе работы в исследовательской группе университета по проблемам китайской революции. Оно Кадзуко представила доклад о деятельности китайской революционерки Цю Цзинь (1875–1907). Первой работой по истории китайских женщин стало исследование на тему «Мысль об освобождении женщин в конце династии Цин», опубликованное в журнале «Шисо» (Shiso) в 1968 году. Затем Оно Кадзуко была приглашена в Женский университет Нара читать лекции на тему «История женского движения в современном Китае» (начиная с восстания тайпинов и заканчивая периодом после 1949 года). В книге «Китайские женщины в век революции, 1850–1950» Оно Кадзуко анализирует программу реформ Лян Цичао, видного китайского реформатора конца XIX в.

В 1896–1897 гг. Лян Цичао писал для журнала «Шиубао» («Shiwubao», издавался с 1896 по 1898 гг.) эссе «Рассуждения о реформе», в котором выдвинул аргументы в пользу образования для китайских женщин. Во-первых, заявил Лян Цичао, женщины, составлявшие половину населения Китая, являлись потребителями, так как не были обучены для работы на производстве. Учеба развивает профессиональное мастерство. Во-вторых, Лян Цичао подверг резкой критике точку зрения о том, что «только бесталанная женщина добродетельна». Знания полезны и в повседневной жизни. Лян Цичао утверждал, что обученные китайки могли бы дать основы знаний детям до 10 лет. Четвертым пунктом программы Лян Цичао был дородовый уход. Он доказывал, что физические упражнения помогут воспитать здоровое потомство и усилить армию. Как сохранить нацию, расу и учения? Как сохранить государство? Только усилив его, т.е. путем обучения мужчин и женщин, особенно женщин, а конфуцианство, т.е. «душа нации», должно помочь сплотить китайский народ. Приобретение знаний женщинами и поддержание их физической формы было нацелено на развитие качеств производительных работников или детородных механизмов. Национализм был главным моральным оправданием образования женщин.

Лян Цичао подготовил «Проект о строительстве женских школ» («Shiwubao» 45 (Oct. 21, 1897)), разработал «Правила вновь созданной китайской женской школы в Шанхае» («Shiwubao» 47 (Nov. II, 1897)), а жены многих реформаторов собрали

¹ Ono Kazuko. Chinese Women in a Century of Revolution, 1850–1950. Stanford : Stanford University Press, 1989. 255 p.

средства на строительство. Имена жен реформаторов и суммы пожертвований печатались на страницах журнала «Шиубао»: «Жена Тань Сытуна Ли Гунжэнь (Ли Жунь) пожертвовала сто таэлей серебра и десять юаней на текущие расходы»¹. В 1898 году в Шанхае началось строительство школы для девочек² под руководством Цзин Юаньшаня. В июне того же года проводились торжественные мероприятия в честь начала занятий, однако провал реформы 1898 года вынудил школу «закрыть свои двери». Первая женская школа закрылась, не выпустив ни одного специалиста.

Оно Кадзуко заключает, что Лян Цичао в конце XIX понимал организацию образования китайских женщин исключительно в терминах «обогащения нации и усиления армии». Образование до детородного возраста считалось необходимым для формирования здоровой китайской расы. Национализм, как правило, был главной заботой реформатора, и проблема женского образования были подчинена проблеме сохранения нации.

Старовойтова Е. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Российские дипломаты-выпускники Факультета восточных языков в Китае на рубеже XIX–XX вв.³

С 1861 г., когда в Пекин прибыл первый постоянно аккредитованный российский посланник Лев Федорович Баллюзек (1822–1879), берет свое начало многолетняя история дипломатического представительства России в Цинской империи. Сотрудники российских дипломатических представительств в Китае

¹ Ono Kazuko. *Chinese Women in a Century of Revolution, 1850–1950*. P. 29.

² Христианские миссионеры активно занимались обучением молодых китайских женщин, начиная с 1844 г. В 1844 г., по-видимому, Мэри Энн Олдерси (Mary Ann Aldersey) из британского протестантского христианского миссионерского Общества содействия женскому образованию на Востоке основала в Нинбо первую школу для девочек в Китае. Общество работало в Назарете в Османской Палестине во второй половине XIX в. Позже, школы, управляемые миссионерами, открывались в «открытых» портах, и в 1902 г. в них обучалось более 4000 женщин. Плата за обучение не взималась, расходы на питание и одежду брали на себя студенты. Учебная программа состояла из лекций по истории христианства, а также по ведению домашнего хозяйству. Однако практика ранних браков не позволяла молодым женщинам находиться в школе до окончания учебы, поэтому, например, Методистская школа для девочек в Шанхае заключала контракты с родителями, согласно которым, школа сохраняла право отказа в браке до достижения девочками 20-летнего возраста, а также требовала, чтобы девочки сохраняли свои связи с миссионерскими группами. Таким образом, школы были нацелены на подготовку миссионеров. Именно в этих обстоятельствах участники движения за реформы 1898 г. выступили за учреждение женских школ.

³ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22–28–00858: «Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения». <https://rscf.ru/project/22–28–00858/>

вели ежедневную кропотливую работу по обеспечению двусторонних отношений между Россией и империей Цин.

Со второй половины XIX в. внешняя политика Российской империи на восточном направлении, в частности, в Китае существенно интенсифицировалась. С приходом в 1892 г. на пост министра финансов Сергея Юльевича Витте (1849–1915), был взят курс на т.н. «мирное экономическое проникновение» России на Дальний Восток. Этот этап в русско-китайских отношениях ознаменовался значительными успехами отечественной дипломатии в Китае, в частности, заключением в 1896 г. секретного союзного договора между Российской империей и империей Цин, а также протокола на постройку Китайско-восточной железной дороги. Именно с этого времени наряду с т.н. «карьерными» дипломатами — выпускниками специализированных учебных заведений, традиционно занимавшихся подготовкой кадров для дипломатической службы (Александровский лицей, Пажеский корпус и др.), либо военными — награничную службу в Китае и других дальневосточных странах стали все чаще привлекаться специалисты, получившие высшее востоковедное образование.

22 октября (3 ноября) 1854 г. указом императора Николая I в Санкт-Петербургском университете был учрежден Факультет восточных языков. Этот исторический шаг способствовал развитию российского академического и практического востоковедения. Многие выпускники факультета находили свое призвание на дипломатическом поприще, способствуя укреплению связей России со странами Востока. Согласно правилам приема персонала в министерство иностранных дел от 1859 г. поступление на дипломатическую службу требовало наличия диплома о высшем гуманитарном образовании, при этом мастерство во владении восточным языком способствовало назначению на граничную службу. С начала XX в. желающие поступить на дипломатическую службу должны были принять участие в специальном конкурсном экзамене, проводимом совещанием, в которое входили все директора департаментов и начальники отделов министерства иностранных дел. Те претенденты, кто успешно окончил разряд китайско-монгольско-маньчжурского языка на Факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, могли избежать данного экзамена, но должны были служить исключительно в качестве драгоманов или секретарей-драгоманов при консульствах и иных дипломатических представительствах Российской империи. Наиболее талантливые выпускники Факультета восточных языков, наряду с научной карьерой довольно часто избирали дипломатическую службу. Типичный карьерный путь таких дипломатических работников состоял из следующих этапов: языковой студент при Миссии в Пекине, драгоман при консульстве, секретарь консульства, вице-консул, консул, генеральный консул. Отечественные дипломатические работники в Китае на рубеже XIX — XX вв., значительная часть которых являлись профессиональными китаеведами, в своей работе руководствовались, прежде всего, национальными интересами, в то же время стремясь поддерживать равноправные и взаимовыгодные отношения с китайской стороной, а также сохранять баланс сил в отношениях с другими государствами.

Примером подобных дипломатов могут послужить, в частности, такие выпускники Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, как Сергей Александрович Колоколов (1868 — 1921), начавший дипломатическую карьеру в Китае в качестве секретаря при российском дипломатическом представительстве в Кульдже, будучи затем назначен секретарем консульства в Кашгаре, а в дальнейшем занимавший посты чиновника министерства иностранных дел VI класса в Мукдене, генерального консула в Кашгаре, генерального консула в Фучжоу, генерального консула в Мукдене. Павел Кириллович Усатый (1876–1927), сменивший С. А. Колоколова на посту чиновника министерства иностранных дел в Мукдене, после чего назначенный драгоманом при генеральном консульстве в Харбине, в дальнейшем занявший пост вице-консула в Хайларе, где сумел построить блестящую дипломатическую карьеру. Петр Генрихович Тидеман (1872–1941), занимавший посты вице-консула и консула в Чифу, а также консула в Нючжуане, после чего получивший назначение в качестве генерального консула в Тяньцзине. Иван Александрович Бобровников (1878–?), служивший в должности секретаря при консульствах в Турфане и Нючжуане и при генеральном консульстве в Кашгаре, а затем получивший пост вице-консула при генеральном консульстве в Мукдене. Всех этих выпускников Факультета восточных языков объединяет опыт несения дипломатической службы в Северо-Восточных регионах Цинской империи в крайне противоречивый период начала XX столетия. Можно с уверенностью утверждать, что успехи Российской империи в регионе были во многом обусловлены деятельностью служащих при российских императорских консульствах дипломатов-профессиональных китаеведов, беззаветно преданных своему Отечеству.

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Старое и новое в представлениях Ло Ми (1131–1189/1203) о десяти эрах

Трактат «Лу ши» 路史 («Грандиозная история»), составленный южносунским интеллектуалом Ло Ми 羅泌 (1131–1189/1203) стал первым дошедшим до наших дней сочинением, подробно рассказывающем о легендарной истории Китая от начала мира до середины эпохи Ся 夏 (трад. 2205–1767 до н. э.), причём значительное внимание в нём уделяется её древнейшему этапу — периоду до воцарения Фу-си 伏羲, в магистральной традиции считавшегося первым из правителей Китая. Концептуальной основой для изложения этой истории в тексте Ло Ми стала теория десяти эр (*ши цзи* 十紀) — насчитывающих многие тысячелетия периодов, на протяжении которых правили древние монархи.

Ло Ми не был изобретателем этой системы — к его времени она существовала уже более тысячи лет. Первые упоминания о ней содержались в ныне утраченном

апокрифическом тексте «Чуньцю Юань мин бао» 春秋元命苞 («Вёсны и осени: Бутон изначального повеления»), составленном, вероятно, в первой половине I в. н. э. В нём сообщалось о том, что история Древнего Китая «от разделения-размежевания Неба и Земли» и до поимки мифического зверя цилиня, якобы случившейся в 481 г. до н. э., насчитывала 2 760 000 лет и подразделялась на десять эр, каждая из которых длилась 276 000 лет. Тем не менее, никаких подробностей об эрах в дошедших до нас фрагментах этого текста не содержится, в связи с чем можно предположить, что в нём теория носила исключительно календарный характер. В историческом ключе она была развита позже, в другом апокрифическом тексте — «Чуньцю Мин ли сюй» 春秋命歷序 («Вёсны и осени: Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением»), составленном, по-видимому, в первой половине II в. и ныне также утраченном. В нескольких сохранившихся цитатах из этого текста названия отдельных эр впервые упоминаются в связи с определённым историческим содержанием, однако дошедшие до нас фрагменты этого памятника чересчур обрывочны и не позволяют восстановить содержавшиеся в нём сведения в их полноте.

Впоследствии концепция десяти эр в том или ином виде фигурировала в целом ряде текстов II–VIII вв., как дошедших до нас целиком, так и сохранившихся в форме цитат. Тем не менее, большинство из них не добавляют принципиально новой информации о десяти эрах; лишь в некоторых из них с отдельными эрами соотносится правление отдельных государей или указывается число правивших на их протяжении родов.

Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о том, насколько традиционным или новаторским было использование концепции десяти эр в трактате Ло Ми.

Концепция десяти эр лежит в основе первых двух разделов «Лу ши» — «Цянь цзи» 前紀 («Анналы ранних [государей]»), где рассказывается о монархах, правивших с начала первой эры по конец девятой, и «Хоу цзи» 後紀 («Анналы поздних [государей]»), посвящённом последним правителям девятой эры (начиная с Фу-си) и первым правителям десятой. Хотя в основном тексте трактата подробнее всего рассказывается о государях, правивших на протяжении первой и последних четырёх эр, важная информация об остальных эрах содержится в рассуждении, помещённом во второй *цзюани* памятника. В нём Ло Ми не просто перечисляет эры, как это делало большинство его предшественников, но также приводит различные версии их названий и, кроме того, впервые в традиции поясняет их смысл. Помимо этого, он указывает число «фамилий», правивших на протяжении каждой из эр, а также упоминает некоторые деяния и особенности правления их представителей. При этом он приводит соответствующие фрагменты различных сочинений, ныне по большей части утраченных, наиболее ценными из которых представляются цитаты из памятника «Чжэнь юань фу» 真源賦 («Ода об истинных истоках»), неизвестные по другим источникам.

Более того, ещё в одном рассуждении, помещённом в третьей *цзюани* памятника, Ло Ми приводит пространную цитату из ещё одного ныне утраченного

текста, фрагменты которого сохранились только в составе «Лу ши», — «Дань ху шу» 丹壺書 («Книга киноварного чайника»). В ней перечисляются династии, якобы правившие на протяжении восьмой и девятой эр, с указанием числа поколений правителей в каждом из родов.

В то же время представления Ло Ми о десяти эрах не являются простой компиляцией сведений из более ранних источников, но обладают определённой спецификой. Так, по его мнению, Десять эр начались не сразу после разделения Неба и Земли, а спустя значительное время, на протяжении которого правило шесть государей — Хунь-дунь 渾敦, Первые Трое августейших государей (*чу сань хуан цзюнь* 初三皇君) и Двое чудесных (*эр лин* 二靈), т. е. два государя, входящие в когорту «Средних Трёх августейших» (*чжун сань хуан* 中三皇) — Тянь-хуан 天皇 и Ди-хуан 地皇. Соответственно, начало периода десяти эр в системе Ло Ми начинается с воцарения последнего из «Средних Трёх августейших» — Тай-хуана 泰皇, также известного как Жэнь-хуан. Самобытностью отличается и приведённый в «Лу ши» перечень правителей седьмой эры, в более ранних источниках не фигурировавший и составленный, насколько можно судить, самим Ло Ми. Кроме того, Ло Ми отказывается от традиционных представлений о продолжительности десяти эр, якобы составлявших два с лишним миллиона лет, считая, что «[вопрос] о длительности или краткости их сроков можно оставить без обсуждения».

Таким образом, представления о десяти эрах, зафиксированные в «Лу ши», с одной стороны, наследуют более ранним источникам, большинство из которых до наших дней не сохранилось, а с другой — представляют собой новый этап в развитии концепции десяти эр.

Хаймурзина М. А. (АмГУ, Благовещенск)

К вопросу о китаизации религиозно-политической жизни чжурчжэней государства Цзинь (1115–1234)¹

Взаимодействие разных народов всегда сопряжено с взаимовлиянием культур. Вопрос абсолютной ассимиляции жизни чжурчжэней спорный, поэтому говоря о китаизации, мы прежде всего имеем в виду верхушку цзиньского общества и тех чжурчжэней, которые переселились на территории южнее Великой китайской стены. А что касается периферии, то там влияние Китая, скорей всего, было минимальным, либо совсем отсутствовало².

¹ Исследование выполнено в рамках реализации научной темы FZMU-2022–0008, рег. номер 1022052600017–6, Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

² Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 240–260.

Одна из сфер жизни государства Цзинь, претерпевших глубокую трансформацию, — это система представлений о власти, управлении и должностях. Еще в годы правлений Тай-цзу, чж. Агуда (1115–1123)¹, и Тай-цзуна, чж. Уцимай (1123–1135) в качестве советников цзиньцы привлекали пленённых и завербованных чиновников из Ляо и Сун², которые стали посредниками в распространении новых знаний о сакральности власти, рангах, конфуцианских канонах и принципах. Активные изменения в политической культуре во многом были сопряжены с борьбой за власть среди членов чжурчжэньского правящего дома³, а также необходимостью управления китайскими территориями в ходе расширения владений Цзинь⁴.

Агуда, основатель чжурчжэньского государства, получил титул *хуан-ди* благодаря своему статусу *ду бозиле*⁵, что следует расценивать как результат сложных этнокультурных взаимодействий и тонкостей внешней дипломатии того времени⁶. Хотя в «Истории Цзинь» (*Цзинь ши* 金史) он фигурирует как *хуан-ди*, однако, по существу, таковым еще не являлся. После смерти Агуды его младший брат Уцимай, обладая титулом *аньбань бозиле*, «надел желтый халат» и стал *хуан-ди*, вопреки исконным чжурчжэньским нормам избрания вождя всех племен *ду бозиле*⁷. Си-цзун, чж. Хэла (1135–1150), вступил на императорский престол также в силу статуса *аньбань бозиле*. В 1142 г. он нарёк своего сына *хуан тай-цзы* (сыном императора) и установил принцип перехода власти сыну старшей жены, что обусловило окончательное исчезновение исконных чжурчжэньских представлений о должностях и правлений⁸.

Такие глубокие изменения в политической культуре сопровождались трансформацией религиозных представлений чжурчжэней. В автохтонную культуру с присущей ей верой в духов и шаманизм интегрировалось конфуцианство, которое привнесло новую систему ритуалов и сформировало важные государственные культы. Расцвет китаизированной системы обрядов в Цзинь приходится на время правления Ши-цзуна (1161–1189).

¹ Здесь и далее указаны годы правления императоров.

² Лю Хуэй. Цзиньдай жусюэ фачжань майло люйси (Анализ развития конфуцианства Цзинь) // Дунбэй шида. 2009. № 5. С. 46–50.

³ Ли Сюлянь. Цзиньюань нюйчжэнь дэ инсюн шидай (Героическая эра чжурчжэней государства Цзинь). Бэйцзин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. С. 167–180.

⁴ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М.: Издательство «Наука», 1975. С. 149–154.

⁵ Об исконной должностной системе чжурчжэней см.: История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. Г. М. Малявкина. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 99, 240; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров. М.: Издательство «Восточная литература» РАН, 1997. С. 161–165; Вайшань Цзюньчжи. Цзиньчао ши яньцзю (Исследование истории династии Цзинь). Хэйлунцзян чаосянь миньцзу чубаньшэ, 1988. С. 162–164.

⁶ Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун. 1127–1142. М.: Наука, 1986.

⁷ Ли Сюлянь. Цзиньюань нюйчжэнь дэ инсюн шидай (Героическая эра чжурчжэней государства Цзинь). Бэйцзин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. С. 153–154.

⁸ Там же. С. 177.

Так, например, государственный культ Неба, зафиксированный в 28 цзюане «Истории Цзинь» (в отличие от обряда, описанного в 35 цзюане), демонстрирует строгую иерархичность и регламентированность ритуала жертвоприношений Небу. Нормы церемониала соответствовали китайским образцам эпохи Тан¹.

Особенной чертой религиозной жизни чжурчжэней государственного периода является появление в их культуре культа Конфуция, что сопряжено со множеством факторов: покровительство чжурчжэньских правителей, влияние конфуцианских советников, развитие образования, распространение конфуцианских храмов. Первое поклонение Конфуцию было осуществлено лично императором Си-цзуном еще в 1141 г. Зафиксированный в 35 цзюане «Истории Цзинь» ритуал жертвоприношений Конфуцию описывает регламенты, связанные с участниками, количеством подношений Конфуцию и его ближайшим ученикам и т.п. Вплоть до гибели государства в Цзинь делали подношения Конфуцию, в обрядах восхваляли конфуцианское наследие — нравственность и правила, которые рассматривались как фундамент процветающего государства².

Таким образом, этнокультурные контакты привнесли новые политические и религиозные реалии в жизнь чжурчжэней. Одни элементы внедрялись целенаправленно, другие — появлялись стихийно. Процесс китаизации проходил с разной степенью интенсивности, превратив государство чжурчжэней в централизованную бюрократическую монархию.

Харитонов А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Востоковедная подготовка как фактор профессионального становления российских дипломатов для работы в Восточной Азии³

В докладе планируется обозначить ключевые учебные заведения, которые способствовали профессиональному становлению востоковеда-дипломата в Российской Империи на рубеже XIX–XX веков. Подобный анализ позволит обнару-

¹ Хаймурзина М. А. Особенности становления государственного культа Неба в культуре чжурчжэней эпохи Цзинь // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. К 60-летию С. В. Филонова. В 2 т. / Колл. авторов / Отв. ред. И. В. Белая. Москва: ИВ РАН, 2022. Т. 1. Древняя религия, конфуцианство, буддизм. С. 296–315.

² Хаймурзина М. А. Культ Конфуция в контексте китаизации культуры чжурчжэней государственного периода // Религиоведение. 2022. № 4. С. 68–79.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/8>

жить те установки, которые способствовали формированию молодого дипломата на службе, а также помогали совершенствовать свои профессиональные знания.

Многие современные исследователи отмечают, что на рубеже XIX–XX веков Российская Империя испытывала нехватку в дипломатических, разведывательных и военных кадрах, которые знали восточные языки и хорошо ориентировались в современной ситуации в Восточной Азии. Отражение этому можно найти в словах директора Восточного института А. М. Позднеева (1851–1920)¹, а также просмотрев материалы судебных документов о китайском шпионаже в пользу японского правительства², хранящиеся в настоящее время в Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва).

Тем не менее увеличение количества постоянных дипломатических представительства, а также формирование специализированных внешнеполитических ведомств способствовало развитию профессионального востоковедного и дипломатического образования. В 1832 году было учреждено Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В это учебное заведение поступали выпускники факультетов восточных языков Санкт-Петербургского и Казанского университетов, а также Лазаревского института восточных языков. В учебном заведении помимо восточных языков обучали также европейским языкам, истории, географии, нумизматике, мусульманскому праву и другим дисциплинам. Это отделение испытывало трудности в недостаточности финансирования и нехватке преподавательского состава.

Учрежденный в 1854 году, факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета напротив аккумулировал практически все лучшие кадры российского востоковедения и стал одним из основных учебных заведений, выпускавших будущих востоковедов-дипломатов. Иллюстрацией могут служить «Списки экзаменуемых чиновников министерства иностранных дел» за 1893 год³. Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва) в фонде российского дипломата Г. А. Плансона, который также являлся выпускником факультета восточных языков и юридического факультета, а также служил в странах Восточной и Юго-Восточной Азии на протяжении пятнадцати лет. Так, среди 38 перечисленных экзаменуемых — 17 чиновников были выпускниками Санкт-Петербургского университета.

Со времен основания факультета неоднократно вставал вопрос о том, каким образом облегчить профессиональную судьбу студентов. Одним из вариантов было включение историко-филологических и юридических дисциплин в число обязательных предметов для востоковедов, в зависимости от той сферы

¹ Бужков А. М. Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Восточного института. Владивосток. 1995. С. 18.

² Федорова Т. В., Степанов А. В. Деятельность российской военной разведки на территории Китая в конце XIX — начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. № 3 (57). Ч.1 Март. С. 108.

³ ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.11.

государственной службы, на которую они планировали поступить¹. Для студентов были приглашены преподаватели, которые читали адаптированные курсы, например, по государственному праву, включавшие все необходимые теоретические сведения для востоковедов, необходимые для профессиональной деятельности.

Известно, что существовали привилегированные учебные заведения, выпускники которых пользовались преимуществом при поступлении в МИД, среди них можно выделить Александровский лицей, а также Императорское училище правоведения. Например, чиновник Азиатского департамента МИД, а также талантливый переводчик китайского языка П. К. Рудановский (1871–1904) был выпускником младшего, то есть гимназического курса училища и факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Ему было доверено участвовать на переговорах с Ли Хунчжаном и быть непосредственно его переводчиком. Несколько выпускников Александровского лицея стали министрами иностранных дел. Дипломат А. Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896) был министром с 1895 по 1896 г. Он принимал участие в разработке русско-китайского договора о союзе и строительстве КВЖД в 1896 г., а также подписал документ, закреплявший позиции России и Японии по корейскому вопросу, известный под названием протокола Лобанова–Ямагата. Другой выпускник Александровского лицея А. П. Извольский (1856–1919) был посланником в Японии (1899–1903) и министром иностранных дел (1906–1910).

Продвижению знаний о востоке способствовало Императорское общество востоковедения, при котором были учреждены Курсы восточных языков. Известно, что в 1906–1908 гг. здесь изучались персидский, китайский, монгольский и японский языки. В 1910 г. это заведение было преобразовано в Практическую восточную академию, в которой было пять отделений, включавших востоковедные дисциплины, юриспруденцию и коммерцию.

Таким образом, востоковедная подготовка ставила перед собой задачу подготовить будущего востоковеда-дипломата, включая в образовательный компонент не только язык, но и теоретические дисциплины.

Хэ Юйдань (Нанькайский университет, КНР)

Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение истории Китая (по оценкам китайских ученых)

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения академика Сергея Леонидовича Тихвинского.

¹ Петербургский ун-т. Факультет восточных языков. Материалы для истории Факультета восточных языков. Т.4: Обзор деятельности факультета 1855–1905: С прил. обзора истории востоковедения в России до 1855 г. / Сост. проф. В. В. Бартольд. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича. 1909. С. 163.

С. Л. Тихвинский (1918–2018) — легендарный российский историк, дипломат и известный китаевед, выдающийся специалист в области новой и новейшей истории Китая, пользующийся заслуженным признанием и высокой репутацией как в России, так и в Китае. Его достижения велики как в сфере академических исследованиях, так и в практике культурных обменов. С. Л. Тихвинский внес большой личный вклад в налаживание отношений между Китаем и Россией. Его жизнь, академические достижения и дипломатическая деятельность широко изучаются в китайских академических кругах. Главные достижения С. Л. Тихвинского, по мнению китайских ученых, заключаются в систематическом изложении изменений, происходивших в Китае в новое и новейшее время, начиная с эпохи поздней династии Цин, и в написании серии монографий, которые имеют обобщающий характер и охватывают период от реформаторского движения до КНР.

В 1962 г. в Китае была переведена книга С. Л. Тихвинского «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй», в 2000 г. — его книга «Путь Китая к объединению и независимости», а в 2004 г. — его воспоминания китаеведа «Возвращение к Воротам небесного спокойствия». В 2018 г. под редакцией Сунь Юйхуа увидела свет книга, представляющая собой собрание трудов академика С. Л. Тихвинского, посвященных трем выдающимся историческим деятелям Китая: Сунь Ятсену, Кан Ювэю и Чжоу Эньлаю. Редакторы и составители этой книги отметили, что С. Л. Тихвинский на протяжении всей своей жизни вносил выдающийся вклад в изучение китайской истории.

Когда в 2018 году С. Л. Тихвинский ушел из жизни, Ли Минбинь, авторитетный китайский ученый и выдающийся переводчик русской литературы, с которым российский китаевед поддерживал научные связи на протяжении полувека, написал мемориальную статью, где подвел итог академическим достижениям С. Л. Тихвинского. Ли Минбинь считает, что главные достижения С. Л. Тихвинского заключаются в следующем: во-первых, он опубликовал более 500 статей и других научных работ. Во-вторых, возглавлял исследовательскую группу по выявлению, редактированию и публикации различных сборников исторических материалов, включая сборники документов о революции 1911 года в Китае, исторические документы о Сунь Ятсене и др. В-третьих, С. Л. Тихвинский написал интереснейшие мемуары, в которых обобщил личный опыт общения с китайским обществом, будучи свидетелем многих исторических событий, таких как образование Китайской Народной Республики.

Китайские ученые отмечают, что недавно под редакцией С. Л. Тихвинского была опубликована десятитомная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», и, хотя это издание является коллективным достижением российских китаеведов, несомненно, оно увидело свет благодаря труду академика Тихвинского, который посвятил все свои поздние годы работе над ним, поэтому данную книгу можно считать квинтэссенцией научного опыта С. Л. Тихвинского в изучении китайской истории.

Чекулаева А. С. (БГУ, Беларусь)

Индустриальный парк «Великий камень» в контексте белорусоведческих исследований Китая

С 2017 г. тематика китайских исследований торгово-экономического взаимодействия Беларуси и Китая начинает концентрироваться вокруг Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (далее — парк)¹. Внимание китайских ученых сосредоточено на таких аспектах, как: роль парка в белорусско-китайских отношениях и инициативе «Пояс и путь», значение парка для бизнеса Китая, предпосылки и условия создания парка, перспективы и препятствия для развития парка.

В китайской исследовательской традиции парку придается особое значение в контексте не только торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия Беларуси и Китая, но и реализации инициативы «Пояса и пути» в целом. Историки и экономисты называют его «образцовым проектом сотрудничества двух стран и связующим звеном в построении сообщества единой судьбы человечества»², «демонстрационным проектом высококачественного развития “Пояса и пути”»³. «Беларусь, Египет и Камбоджа являются важными точками опоры в строительстве китайской инициативы “Пояс и путь”, сотрудничество с правительствами этих стран по созданию парков не только поможет китайским компаниям выйти на международный рынок, но и создаст демонстрационный эффект для всей инициативы в целом»⁴.

Ученые КНР уделяют особое внимание благоприятным условиям и предпосылкам для развития парка: 1) положительная динамика белорусско-китайских отношений «всестороннего стратегического партнерства»; 2) стабильность макроэкономической системы, развитая инфраструктура и выгодное географическое положение Республики Беларусь («будучи расположенной между Россией и Европейским союзом, Беларусь находится на стыке железнодорожного, автомобильного, нефте- и газопроводного, водного и воздушного сообщения»); 3) повышение эффективности государственного управления, улучшение инвестиционной среды и повышение жизнеспособности экономической системы Беларуси в условиях проведения административной реформы и борьбы с коррупцией⁵.

¹ В настоящее исследование включены научные статьи до 2020 года включительно, т. к. после 2020 г. отсутствуют опубликованные исследования, посвященные тематике парка.

² Ван Чао, Е Тяньлэ. Исследование развития Китайско-Белорусского индустриального парка в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Евразийское партнерство. 2019. № 6. С. 57–67.

³ Чжао Хуэйжун. Высококачественное развитие инициативы “Один пояс — один путь” и строительство зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества на примере Китайско-Белорусского индустриального парка // Евразийская экономика. 2019. № 6. С. 46–63.

⁴ Лиу Чжигао, Ван Тао. Строительство зарубежных парков как многоуровневый механизм межгосударственного сотрудничества Китая — на примере Китайско-Белорусского индустриального парка // Географический вестник. 2020. № 6. 1185–1195.

⁵ Ван Чао, Е Тяньлэ. Исследование развития Китайско-Белорусского индустриального парка в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Евразийское партнерство. 2019. № 6. С. 57–67.

Наряду с обозначенными выше преимуществами китайские исследователи отмечают ряд проблемных моментов, которые в определенной степени тормозят развитие парка: смещение центра инвестиций и финансирования в сторону китайских предприятий; различия в торговом законодательстве двух стран; несовершенство белорусской финансовой системы; ориентация парка на «привлечение крупных и сильных» (игнорирование мелких и средних компаний), а также высокотехнологичных предприятий; сложности со входом на рынок Европейского союза (несоответствие китайской и белорусской продукции стандартам ЕС)¹; разность между двумя странами в степени открытости и вовлеченности в мировую экономическую систему (отсутствие у Беларуси членства в ВТО, ограниченное торгово-экономическое взаимодействие со странами Европы и США); ограниченность доступа товаров, произведенных резидентами парка, на рынок ЕАЭС; различия в менталитете и политике социального обеспечения Беларуси и Китая²; зависимость от российских энергоресурсов³.

Некоторые исследователи делают акцент на том, что одной из основных целей строительства парка для Китая является возможность выхода на рынки ЕАЭС и ЕС, однако ввиду определенных различий в правовой системе, технических стандартах, системе таможенного контроля между Беларусью и странами ЕС, данная модель может обернуться для Китая дополнительными затратами и новыми вызовами⁴.

Несмотря на возникающие сложности, китайские ученые в целом положительно оценивают динамику развития парка, делая акцент на том, что, придерживаясь принципов совместных консультаций, совместного строительства и совместной выгоды в рамках инициативы «Пояс и путь», можно постепенно решить проблемы, препятствующие развитию парка⁵. Среди путей развития парка указываются следующие аспекты: многостороннее финансирование и распределение рисков, координация действующего законодательства обеих стран, подготовка высококвалифицированных кадров, активизация сотрудничества и обмена знаниями и информацией⁶.

¹ Ван Чао, Е Тяньлэ. Исследование развития Китайско-Белорусского индустриального парка в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Евразийское партнерство. 2019. № 6. С. 57–67.

² Чжао Хуэйжун. Высококачественное развитие инициативы «Один пояс — один путь» и строительство зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества на примере Китайско-Белорусского индустриального парка // Евразийская экономика. 2019. № 6. С. 46–63.

³ Чжао Хуэйжун. Китайско-Белорусский индустриальный парк: важная практика в инициативе «Пояс и путь» // Китай и мир. 2017. № 9. С. 59–61.

⁴ Чэн Цзида, Чжэн Сюй. Модель строительства Китайско-Белорусского индустриального парка и его будущее развитие // Торгово-экономический форум. 2020. № 13. С. 54–56.

⁵ Ван Чао, Е Тяньлэ. Исследование развития Китайско-Белорусского индустриального парка в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Евразийское партнерство. 2019. № 6. С. 57–67.

⁶ Чжао Хуэйжун. Высококачественное развитие инициативы «Один пояс — один путь» и строительство зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества на примере Китайско-Белорусского индустриального парка // Евразийская экономика. 2019. № 6. С. 46–63.

Шаронова В. Г. (ИРИ РАН, Москва, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Роль Восточного факультета Петербургского университета в подготовке дипломатов-китаистов в конце XIX в. (по воспоминаниям А. Т. Бельченко)¹

Созданный по Указу императора Николая I осенью 1854 года Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета стал не только центром российского востоковедения, но и «кузницей кадров» по подготовке сотрудников дипломатических миссий на Ближнем и Дальнем Востоке.

Главную роль в этом играли преподаватели, среди которых было много известных востоковедов, в том числе, и китаистов: С. М. Георгиевский, В. М. Алексеев, Д. А. Пещуров, А. О. Ивановский, П. С. Попов.

Если посмотреть на список деканов Восточного факультета с 1855–1919 гг., то можно увидеть, что приоритет отдавался «ближневосточникам», т. к. среди восьми деканов только один, Василий Павлович Васильев², был синологом. Однако стоит отметить и тот факт, что «Санкт-Петербургский университет был единственным учебным заведением на территории Российской империи, где в то время преподавали китайский язык. В 1860-е годы кафедра китайского языка была объединена с кафедрой маньчжурского языка. Монгольский язык был присоединен к китайско-маньчжурскому разряду, образовав китайско-маньчжурско-монгольский разряд³».

В числе известных дипломатов, служивших в Китае, можно назвать таких выпускников Восточного факультета, как П. А. Дмитриевский, А. С. Вахович, А. Н. Островерхов, В. Ф. Гроссе, Н. Ф. Колесов, С. А. Колоколов и других известных дипломатов, отдавших службе в Китае многие годы.

Одним из важных источников, рассказывающих об обучении будущих китаистов, являются «Личные дела студентов факультета Восточных языков» хранятся в Центральном Государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга⁴. Для поступления на факультет кандидат подавал Прошение на имя ректора о зачислении его в число студентов с указанием различных данных. Среди документов в деле находятся: метрическое свидетельство, аттестат зрелости, приписное свидетельство воинской повинности, сведения о посещаемости ими тех или

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>

² Васильев Василий Павлович (20.02/04.03.1818, Нижний Новгород — 27.04/10.05.1900, Санкт-Петербург). Русский учёный — синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской АН (1886; член-корреспондент — 1866). Декан Восточного факультета Санкт — Петербургского университета (1878—1893).

³ Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. С. 73.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3.

иных предметов, место жительства в Петербурге, данные о семье, в том числе, послужные списки отца, а также вся «летопись» обучения.

К интересным источникам, рассказывающим о вопросах подготовки дипломатических кадров на базе Восточного факультета, относятся публикации советских и российских ученых П. Е. Скачкова¹, В. Г. Дацышена² и Е. И. Митькиной³, А. И. Кузнецова⁴, В. Г. Шароновой⁵.

Особое место в историографии занимают мемуары выпускников факультета.

Среди них познавательным источником являются «Записки консула» — воспоминания царского дипломата Андрей Терентьевич Бельченко (выпускник 1898), в которых он подробно рассказал о преподавателях, процессе обучения студентов. Основное внимание уделялось изучению языкам: «Студенты Восточного Факультета были похожи на школьников, которые ходили в школу каждый день. Они имели занятия с профессорами постоянно. Это было необходимо для изучения китайского языка и написания иероглифов⁶». В воспоминаниях содержится интересная информация и о повседневной жизни «восточников». После окончания Университета А. Т. Бельченко сохранил добрые отношения со своими преподавателями и переписывался с ними, находясь в Китае на дипломатической службе. Общий стаж его деятельности в качестве российского и иностранного дипломата в этой стране, составил около 50 лет.

В заключении хочется подчеркнуть особую роль Восточного факультета Санкт-Петербургского университета в подготовке будущих дипломатов Российской империи для работы в дипмиссиях на Дальнем Востоке. Это относилось и к вопросам постановки учебного процесса, системе проведения занятий, подбору изучаемых предметов, развитию творческого подхода к изучению китайского языка.

Выпускники Факультета Восточных языков всегда были востребованы для работы в Министерстве иностранных дел, где они составляли большинство среди его сотрудников и считались профессионалами высокого уровня.

¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков; [Предисл. В. С. Мясникова]; АН СССР. Ин-т востоковедения. Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука, 1977. 505 с.

² Дацышен В. Г. Изучение китайского языка в России (XVIII — начало XX вв.): Учебное пособие / В. Г. Дацышен. Новосибирск. Новосиб. гос. ун-т, 2011. 214 с.

³ Митькина Е. И. Изучение китайского языка на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета в начале XX века // Современные Востоковедческие исследования. 2021, № 1. С. 44–54. DOI: 2686–9675–1–2021–44–54.

⁴ Кузнецов А. И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кан-та ист-х наук (на правах рукописи). М., МГИМО МИД РФ, 2005. 34 с.

⁵ Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века [под ред. и с предисл. В. С. Мясникова]. Центр гуманитарных инициатив. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. 510 с.

⁶ Музей Русской Культуры в Сан-Франциско. Ф. 54. (Коллекция А. Т. Бельченко). С. 38.

Грядущий в 2024 г. 170-летний юбилей Восточного факультета позволит подготовить новые публикации, посвященные его выпускникам, флагманам дипломатической службы в Китае.

Colangelo Lara ("G. D'Annunzio" University of Chieti-Pescara, Italy)

The History of the Introduction of Roman Law in China: Sources and Features of the First Reception

The reception of Western law in China is a gradual and long-lasting process which most likely has its roots in the late Ming period, when the earliest, few and isolated yet undoubtedly valuable, references to this subject begin to appear in the works of Jesuit missionaries. However, it is only at the end of the 19th century that this process assumes a wider scope and a more systematic development, being deliberately promoted first by a restricted elite of intellectuals and subsequently by the Chinese government itself. After an initial stage characterized by the Chinese interest towards international law, China starts to look at Western civil law, and especially Roman law which is its foundation, as a model for national legal system reform and as a basis for a new codification. Even though, since then, China has clearly developed its own legal system with Chinese characteristics, it is safe to say that in many respects the Romanist legal tradition constituted an essential source of inspiration in the late Qing period and the process of reception initiated at that time is, to some extent, still ongoing.

Although few, yet significant, studies on this topic have already been carried out (Fei Anling 1994¹, Wang Jian 王健² 2022, etc.), several aspects still need to be further investigated: which are the main Chinese sources to analyze in order to find the earliest references to the Romanist legal tradition? Which are the major phases of the process of introduction of Roman Law in terms of translation and production of written works, teaching and codification? Which are the distinctive features of each phase? The purpose of this paper is to provide some possible answers to these questions. Focusing on the initial stage of the reception of the Romanist legal culture in China (i.e. the so called "first reception"), this paper also intends to shed some light on the image of Roman law emerging from the descriptions provided in late-Qing sources and on how the perception of the function and value of Roman law has evolved until more recent times.

¹ Fei Anling 费安玲. Luoma fa yanjiu zai Zhongguo de taishi yu zhanwang (罗马法研究在中国的态势与展望) // Bijiao fa yanjiu 比较法研究, 1994, №.2, pp.191–196.

² Wang Jian 王健. Luoma fa chuanbo Zhongguo wenxian jikao (罗马法传播中国文献稽考) // Luoma fa yu xiandai minfa (罗马法与现代民法), edited by Xu Guodong 徐国栋. Beijing: Zhongguo fazhi chubanshe, 2002, pp. 59–98.

СЕКЦИЯ X • SECTION X
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF JAPAN

Бертова А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Диспут епископа Николая (Касаткина)
и Сано Цунэхико 21 сентября 1884 года по материалам
источников с японской и русской стороны**

Данное сообщение посвящено рассмотрению религиозного диспута между православным епископом Николаем (Касаткиным) и основателем новой религии Синри-кё, Сано Цунэхико, предположительно произошедшего 21 сентября 1884 г. Это событие практически не освещалось в отечественном востоковедении, однако оно представляет значительный интерес для исследования религиозной ситуации в Японии периода Мэйдзи, а также для истории Русской Духовной Миссии в стране.

Сведения о данном диспуте известны нам по двум основным японским источникам, относящимся к религии Синри-кё. Это манускрипт, написанный в 1889 г. одним из учеников Сано Цунэхико со слов последнего¹, а также книга Сано Цунэхико, изданная в 1890 г.²

¹ Текст этого манускрипта приведен в книге *Иноуэ Нобутака*. Кёха синто-но кэйсэй (Формирование сектантского синто). Токио: Кобундо, 1991.

² Сано Цунэхико. Ниппон синто Сано Цунэхико Рококу сэйкё Никорай кёхо мондо (Диспут между представителем японского синто Сано Цунэхико и русским православным [миссионером] Николаем). Нагато: Эги Тоёдзи, 1890. С. 1–20.

Приведённая в этих источниках информация указывает на то, что Сано одержал в религиозном споре верх над епископом Николаем. По этой причине данные источники являлись, судя по всему, весьма важными для самоопределения Синри-кё и для систематического изложения ее доктрин.

Содержание материалов в целом совпадает, однако вторая книга содержит более подробное изложение доктрин Синри-кё. Повествование начинается с момента прихода Сано в здание Российской Духовной Миссии в Токио, после чего между японцем и епископом Николаем начинается диспут, во время которого они обсуждают вопросы происхождения мира, природу синтоистских божеств, трактовку древних памятников «Кодзики» и «Нихон сёки» и т. д. В процессе епископ Николай теряет самообладание и заявляет, что в Японии нет древних книг, сама она — маленькая страна, которая не может породить достойного учения, а все японцы глупы. Сано же отвечает, что в Японии есть древние книги, в которых говорится об истинном устройстве мира. Он сообщает, что главным божеством является Аматэрасу, а Япония ближе других стран мира находится к солнцу, поэтому обладает особой миссией на земле и никогда не примет христианство. Епископ Николай, потрясенный глубиной мудрости оппонента, умоляет жреца принять христианство, однако Сано не поддается и гордо уходит победителем.

В то же время, в русских источниках того времени упоминаний об этом диспуте до настоящего времени не было обнаружено. Единственным косвенным свидетельством о возможности встречи Сано с Николаем является дневниковая запись святителя, датированная днём предполагаемого диспута — 21 сентября 1884 г. — и озаглавленная «Обращение к бонзам»¹. В этом пассаже епископ Николай призывает бонз расстаться с заблуждениями и увидеть свет истинного Бога. Пассаж открывается обращением «Бонзам, наподобие сегодняшнего письменного возражателя». Если допустить, что этот пассаж был инициирован приходом Сано, то создается впечатление, что тот вряд ли произвёл сильное впечатление на Николая. Использованное епископом Николаем слово «письменный» может также указывать на тот факт, что Сано не встречался с ним лично, а лишь предоставил письменное описание своих религиозных идей².

Анализ вышеприведённых источников показывает, что если диспут и имел место, то представленный в ней с японской стороны епископ Николай является по большей части вымышленным, литературным героем, необходимым Сано Цунэхико для того, чтобы утвердить доктрины своего собственного учения. При этом сам факт выбора русского миссионера в качестве оппонента показывает, каким авторитетом тот обладал в Японии периода Мэйдзи.

¹ Дневники святого Николая Японского / Сост. К. Накамура. Т. 2. СПб.: Гиперион, 2004. С. 259–260.

² Необходимо отметить, что слово «письменный» написано в дневниках о. Николая крайне неразборчиво и может быть истолковано по-другому, например, как «пламенный» (РГИА Ф. 834. Оп. 4. Д. 1143. Л. 26 об.).

Борисова А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Интеграция традиционной японской культуры в современные культурные реалии

Яркая и самобытная культура Японии привлекает внимание людей всего мира. Большое количество людей занимается традиционными японскими искусствами: чайной церемонией, икэбана и др. Не утихает интерес к классической японской литературе и поэзии. В крупнейших музеях представлены коллекции гравюр *ukiё-э* и т.д. Многие являются поклонниками современных японских писателей, музыкальных исполнителей, не говоря уже о японской анимации или комиксах *манга*. В настоящем докладе будут рассмотрены примеры синтеза традиционного и современного в культуре Японии, а также примеры использования классических японских форм искусства в поп-культуре Японии и других стран.

Стоит отметить, что в самой Японии традиционное и современное зачастую сливается в причудливом, но органичном синтезе. Примером являются цветочные композиции икэбана, в которых используются нетипичные материалы: консервные банки, упаковочная пленка или компакт-диски¹. Такие эксперименты более характерны на школах, которые появились недавно, например, школа Согэцу, которая с момента основания прослыла авангардной. Но и такие древние школы как Икэнобо тоже привлекают современных художников и керамистов в поиске новых форм. Элементы современного дизайна появляются и в комнате для чайной церемонии: разработаны компактные и стильные наборы для проведения действия, которые можно легко взять с собой².

Дизайнеры одежды тоже активно экспериментируют, используя японские кимоно как средство выражения глобальных культурных связей. Для Олимпийских игр Токио 2020 г. (из-за пандемии Ковид-19 игры были проведены в 2021 г.) была создана коллекция кимоно, декор которых представлял культурные особенности и знаковые достопримечательности стран-участниц игр. На кимоно, посвященном России были изображены балерина, Эрмитаж, спутник, а также вышито высказывание Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир». Интересны и коллекции свадебных платьев европейского фасона, но украшенных традиционными японскими узорами или даже сшитых из настоящих кимоно. Одним из первых этот тренд задал бренд одежды Watabe wedding, базирующийся в Киото³.

Японская литература тоже находит свое отражение в современной культуре. Уже никого не удивить адаптацией классических произведений, например, «Повести

¹ Gallery of Branch Member's Arrangements|SogetuDC. [El. Resource]. URL:<https://sogetsudc.org/index.php/gallery-of-branch-members-arrangements/> (Accessed: 11.08.2020).

² Cang V. G. Preserving Intangible Heritage in Japan: the Role of the Iemoto System. International Journal of Intangible Heritage. Vol. 03. Seoul, The National Folk Museum of Korea, 2008. P. 73.

³ Richman-Abdou K. Antique Kimonos Elegantly Transformed into Contemporary Wedding Dresses. [El. Resource]. URL: <https://mymodernmet.com/kimono-wedding-dress/> (Дата обращения: 19.11.2022)

о Гэндзи» писательницы Мурасаки Сикибу (970 — ок.1016 г.), созданной в IX в., в виде *манга*. А вот исполнение старинных произведений японской поэзии в виде рок- или поп-хитов может показаться несколько непривычным. Например, рок-группа Wagakki band, которая, кстати, использует не только обычные гитары и барабаны, но и традиционные инструменты *сямисэн*, *кото* и японские барабаны-*тайко*, создала один из своих хитов, используя в качестве припева известное стихотворение «*Ироха ута*», в котором использованы все знаки японской азбуки *хирагана* без повторов.

В последнее время наблюдается рост интереса к различным формам японского изобразительного искусства. Появилось множество картин, стилизованных под традиционную японскую живопись и гравюры.

Художник Ногучи Тэцуя (род. 1980 г.) творит в разных стилях, но чаще всего изображает средневековых воинов-самураев. Однако он помещает их в современную обстановку либо добавляет комические элементы¹. Широко известна его картина «Воин выгуливает одетого в доспехи кота» (2014 г.), на которой изображен самурай в шлеме с кошачьими ушками, ведущий на поводке кота, одетого в специальные кошачьи доспехи.

Интересно, что и западные художники творят, используя классические японские стили. Дэвид Булл (род. 1951 г.), канадец британского происхождения, возглавляет в Токио современную студию по созданию гравюр *укиё-э*. Одной из серий гравюр, созданных этой студией, является цикл, где герои видеоигр — супер Марио, покемоны и др. — изображены в стилистике *укиё-э*². Эта серия стала очень популярной в сети Интернет, и появились продолжения и подражания, где в традиционной стилистике изображены герои знаменитых сериалов, интернет-мемов и т. д.

В 2015 г. вышел календарь «Русские сказки в кимоно» художницы Марии Емельяновой (род. 1982 г.). Герои сказок были представлены в виде самураев, гейш, актеров театра кабуки и т.д. Прилагалось также стилизованное под стихотворение танка краткое содержание сказки, позволяющее безошибочно узнать произведение. В дальнейшем идея получила развитие, и вышли «Сказки мира в кимоно», «Сказки мира на сцене кабуки» и др. Серия продолжается до сих пор.

Таким образом, традиционная культура Японии продолжает оказывать большое влияние на культурную жизнь не только современной Японии, но и других стран. Конечно, нельзя говорить о серьезной трансформации традиционных искусств, ведь некоторые их элементы используются лишь для шуток и создания ажиотажа, но стоит отметить органичность и естественность, с которой эти элементы внедряются в современную поп-культуру и не только. Это свидетельствует о большой жизнеспособности и актуальности культуры традиционной Японии.

¹ Gleason A. Samurai Surrealism: Tetsuya Noguchi at the Nerima Art Museum. [El. Resource]. URL: <https://artscape.jp/artscape/eng/ht/1404.html> (Дата обращения: 17.12.2022).

² David Bull 木版画家 (Дэвид Булл — художник-гравер). [El. Resource]. URL: http://www.asahinet.or.jp/~xs3d-bull/j_main_page.html (Дата обращения: 15.06.2020).

Ваисова Н. А. (НУУз, Узбекистан)

Актуальные вопросы японской и китайской историографии согдийской колонизации Великого Шелкового пути

Японская и китайская историография занимают особое место в изучении вопросов согдийской колонизации на Шелковом пути. Весь объем научно-исследовательской литературы, затрагивающей те или иные аспекты данного вопроса, в соответствии с проблемным принципом подразделен на следующие группы: 1) исследования о согдийских колониях на «согдийском торговом пути», послуживших основой для развития Великого шелкового пути в IV–III вв. до н. э.; 2) труды, посвященные деятельности согдийцев в Уструшане, Чаче, Фергане, Тохаристане; 3) работы о регионах, где происходило расселение согдийцев (Семиречье и Восточный Туркестан; Западный Китай и Монголию; 4) исследования по вопросам расселения согдийцев в Китае; отношениям Первого Тюркского каганата и Согда с Ираном и Византией на Великом шелковом пути; вопросам синтеза оседлых и кочевых традиций; 5) исследования по истории Согда в период арабского завоевания и борьбы против арабского угнетения; 6) работы, в которых рассматриваются вопросы согдийского духовного единства, цивилизационного воздействия согдийцев на Центральную Азию, участие согдийцев в распространении религий- зороастризма, буддизма, христианства, манихейства; 7) исследования о культуре письменности и официальном статусе согдийского языка, о роли согдийской письменности в жизни региона, значении найденных в Узбекистане памятников согдийской письменности, воздействии согдийской письменности на уйгурскую; 8) исследования о роли этнических процессов в тюрко-согдийских отношениях.

Отдельный спектр проблем согдологии, таких как колонизаторская деятельность согдийских купцов, а также этническая и лингвистическая принадлежность согдийцев, получил частичное разрешение в исследованиях японских ученых К. Эноки, Й. Йошида а также итальянских Т. Осава и иранских исследователей Б. Гароба¹.

Китайская историография занимает значительное место в исследованиях Согда. Среди работ китайских ученых выделяются монографии Чжан Синлана, Чэнь Инькэ, Цзи Сяньлина, Чжан Гуанда- монографии в которых рассматривается расселение согдийцев по всей территории Китая; Ма Сяохэ, Жун Синьцзян занимались

¹ Enoki K. Sogdiana and Hsiung-nu // *Central Asiatic Journal*, 1955. №1. P. 43–62; Yoshida Y. Some New Readings of the Sogdian Version of the Kara Balasagun inscription // *Documents et archives de L'Asie Central*. Paris, 1988. P. 117–123; Gharib B. *Sogdian Dictionary. Sogdian — Persian– English*. –Teheran: Farhangian Publications, 1995. 517; Osawa T. Aspect of the Relationship between the Ancient Turks and the Sogdians — Based on a statue with Sogdian Inscription in Xinjang // *Eran ud Aneran. Studies Presents to B. I. Marsak on the Occasion of His 70th Birthday*. Venezia, 2006. P. 471–504.

изучением Мугских документов; Цзян Боцинь исследовал систему управления согдийцев в Китае а также согдийское искусство; У Хун, Лю Ган, Ван Дон Мэй а также Чжан Цзи Пин и Лю Чжи Цзюань изучали роль согдийцев в коммуникациях на Шелковом пути; Би Бо, Лин Мэйцун, Дуань Цин опубликовали книги посвященные согдийской торговле; в монографиях Пэн Ланьцзя и Ян Янлина согдийцы изучались как торговцы, купцы; Шу Минь исследовал культуру согдийцев и ее влияние на культуру Китая¹. К сожалению многие работы написаны китайскими археологами без привлечения данных историков и культурологов. В некоторых работах не проведен комплексный анализ данных, не сделаны выводы о влиянии согдийцев на экономику и культуру Китая.

Таким образом, о согдийцах на Великом Шелковом пути зарубежными учеными было написано множество монографий и статей, посвященных различным проблемам их истории, тем не менее, вопросы периодизации согдийской колонизации Шелкового пути, научного открытия и истории изучения согдийский поселений учеными во второй половине XIX–XX вв., роли согдийцев в построении системы коммуникаций на ВШП в эпоху древности и раннего средневековья связанные с ними направления, в исторической и историографической литературе XX в. изучались большей частью фрагментарно.

¹ Чжан Синлан. Чжунси цзяотун шиляо хуэйбянь. («Сборник материалов по истории взаимодействия Запада и Востока»). Пекин, 1977; Ма Сяохэ. Гунюань башицзи чуняньде сутэ — жогань мугэшан вэньшу дэ яньцзю («Согд в начале VIII в. н. э.: исследование нескольких мугских документов») // Чжоуя сюэкань. Пекин, 1990. 138 с.; Чжан Гуанда. Сиюй шиди цунгао чубянь («Сборник статей об истории и географии Западного края»). Шанхай, 1995; Чэнь Инькэ. Суйтан чжиду юаньюань люэлуньгао («Коротко о истоках строя династий Суй и Тан»). Пекин, 2001. С. 213–216; Жун Синьцзян. Чжунгу чжунго юй вайлай вэньмин («Средневековый Китай и экзогенная культура»). Пекин, 2001; Он же. Чжунгу чжунго юй сутэ вэньмин («Средневековый Китай и культура Согда»). Пекин, 2014; Шу Минь. Воображение пустыни «Дамо чансян». Китай, 2004; Зонн И. С., Тянь Юй-чжао («Новое прочтение Великого шелкового пути») / www.postsovietarea.com; Цзян Боцинь. Жухуа сутэжэнь сабаофу шэньфэнь тичжи юй хуасянши цзиняньсин ишу («Согдийская система управления сабао в Китае и монументальное искусство каменных барельефов») // Сутэжэнь цзай чжунго. Пекин, 2005. С. 201–208; У Хун. Хуахуа юй фугу — фансингодэ пиши («Китаизация и ретро: откровение каменного саркофага в форме жилища») // Наньцзин ишу сюэюань сюэбао. Нанкин, 2005. С. 1–6; Jiping Jhang. Story of the Silk Road. Beijing: China International Press, 2005. 176 p.; Zhijuan Liu. The Story of Silk. Beijing: Foreign Languages Press, 2006. 160 p.; Zhang Yiping Story of the Silk Road. China, 2005. Би Бо. Каогу синьфасянь соцянь Канцзюй юй Сутэ (Кангюй и Согд по новым археологическим находкам). тезисы докладов. Ланьчжоу, 2011; Дуань Цин. Сутэ шандуй даоюйтянь — ВН4–135 чжи юйтянь вэйшудэ цзеду («Прибытие согдийского каравана в Хотан: расшифровка хотанского документа ВН4–135») // Сутэжэнь цзай чжунго. Пекин, 2016. С. 96–115; Лин Мэйцунь. Сиюй каогу юй ишу («Археология и искусство Западного края»). Пекин, 2017; Пэн Ланьцзя, Ян Янлин Древний шелковый путь Китая. Ташкент, 2018. Т. 1–2.

Кубасов Ф. В. (РГПУ, Санкт-Петербург)

Исследование истории японских средневековых лазутчиков-синоби: историография и текущее состояние

Средневековые японские лазутчики и диверсанты *синоби*, в наши дни более известные как «*ниндзя*», в последние лет десять стали объектом пристального внимания японских учёных — прежде всего, историков. Хотя эти персонажи прочно заняли своё место в массовой культуре ещё со времён театра *кабуки*, а публикации, посвящённые исследованию феномена ниндзя и их методов (*ниндзюцу*) начали появляться чуть более века назад¹, в подавляющем большинстве случаев этими исследованиями занимались люди, далёкие от академической науки, в то время как профессиональные учёные, по всей видимости, считали подобную тему для исследований «несерьёзной», и не заслуживающей внимания. В связи с этим исследованиями истории ниндзя долгое время занимались энтузиасты, не владеющие научной методологией.

Таковы исследователи довоенной поры: писатель Ито Гингэцу (伊藤銀月), мастер боевых искусств Фудзита Сэйко (藤田西湖), краеведы Наканиси Ёситака (中西義孝) и Осава Кюсё (大沢休象).

В послевоенный период образ ниндзя вновь оказывается востребован в массовой культуре как альтернатива образу самурая, скомпрометированному милитаристической пропагандой: ниндзя позиционируются как герои из народа, противостоящие «самураям-эксплуататорам»². При этом академические историки по-прежнему обходили историю средневековых лазутчиков стороной. Основными авторитетами в области исследований ниндзя во второй половине XX в. стали краевед Окусэ Хэйситиро (奥瀬平七郎) и мастер боевых искусств Нава Юмио (名和弓雄).

Окусэ Хэйситиро в своих книгах предпринимает первый опыт сквозной истории ниндзя «от времён богов до революции Мэйдзи (1868)». При этом, хотя он и относится довольно критически к приводимым в старинных наставлениях по ниндзюцу легендам, связывающим возникновение этого искусства с божествами синтоистского пантеона и полубогатырями правителями древности³, часть легенд, касающихся уже средневекового периода, он воспринимает всерьёз,

¹ Первая известная сегодня книга такого рода — «Методы даосских отшельников и ниндзюцу» (仙術与忍術, Сэндзюцу-то ниндзюцу) выпущена в 1906 г. автором, скрывшимся под псевдонимом Сигэцу-доси (指月導師).

² В этом, разумеется, сказалось и влияние левых идей в послевоенный период. Достаточно сказать, что один из первых послевоенных романов о похождениях ниндзя — Синоби-но-моно (忍びの者, автор Мураяма Томоёси 村山知義) был впервые опубликован по частям на страницах газеты Акахата (赤旗, яп. «Красное знамя», рупор компартии Японии).

³ Чего, впрочем, не делают авторы последующих научно-популярных книжек, пересказывающие сведения из книг Окусэ уже как установленную истину.

а порой и вовсе явно основывает своё повествование на позднейших литературных источниках¹.

Об источниках надо сказать особо. Разумеется, исследователи использовали и используют редкие и фрагментарные упоминания о деятельности синоби в «воинских повестях» (軍記, *гунки*). Наряду с ними до нас дошло изрядное число наставлений (伝書, *дэнсё*) по военному делу, нередко затрагивающих разведку, а также ряд наставлений непосредственно по методам ниндзюцу. Ещё одним важным видом источников являются «Истории о происхождении» (由緒書, *юйсё-гаки*), написанные потомками средневековых лазутчиков и посвящённые деяниям предков². Упомянувшийся выше Осава Кюсё в своих публикациях утверждал, что собрал изрядную коллекцию, включавшую вышеупомянутые типы текстов, но теперешнее их местонахождение, к сожалению, неясно. Больше повезло коллекциям таких исследователей, как Фудзита Сэйко и букинист Окимори Наосабуро (沖森直三郎), хранящимся ныне в Музее ниндзя в г. Ига.

В конце 2000-х годов к теме синоби обратился известный историк и популяризатор науки Исода Митифуми (磯田道史), который разыскал ряд документов, связанных с синоби, служившими в княжествах Кисивада, Окаяма и Овари, а также исследовал документы из семейных архивов потомков синоби, проживающих в г. Кока преф. Сига³. Документы из семейных архивов с тех пор стали расшифровываться и издаваться комитетом по культуре города Кока⁴.

Вероятно, не без оглядки на деятельность его исследованиями ниндзя с 2012 года занялись учёные из Университета Миэ. Поскольку территория бывшей провинции Ига, известной как «родина ниндзя» как раз входит в нынешнюю префектуру Миэ, эти исследования изначально должны были прежде всего сконцентрироваться именно на местной традиции ниндзюцу, в т. ч. На исследовании упомянутых выше документов, хранящихся в музее г. Ига⁵. Ключевыми фигурами в этом процессе стали историк Ямада Юдзи (山田雄司), литературовед Ёсимару Кацуя (吉丸雄哉), а также Каваками Дзинъити (川上仁一) — мастер боевых искусств и носитель традиции ниндзюцу школы Кока-рю. Особенностью исследований, проводившихся этой группой, стал комплексный подход, изучающий как реальный облик исторических синоби, так и их имидж, сформировавшийся в японской художественной литературе. Это позволяет наконец отделить правду от вымысла, поскольку многие черты вымышленного образа ниндзя долгое время принимались за правду — такие привычные черты образа ниндзя,

¹ Впрочем, об этом приходится лишь догадываться, поскольку этот автор редко ссылается на какие-либо источники.

² Разумеется, объективность изложения не относится к числу достоинств этих текстов.

³ Некоторые результаты своих исследований он опубликовал в своих книгах «Как читать историю с интересом?» (歴史の愉しみ方, 2012) и «Прочтение истории» (歴史の読み解き方, 2013).

⁴ На сегодняшний день издано четыре тома: Документы семьи Ватанабэ, документы Тикамацу Сигэнори из библиотеки Хоса-бунко, документы семьи Уэно в 2-х томах.

⁵ Целый ряд из них с тех пор был опубликован.

как чёрный костюм с капюшоном и маской, а также метание звёздочек, если проследить их истоки, уходят корнями в художественную литературу и театр. Этот междисциплинарный подход усиливался за счёт взаимодействия со специалистами в области естественных и точных наук, экспериментально воссоздавшими целый ряд приспособлений, специфических разновидностей пороха и пилюль от голода, описанных в старинных наставлениях по ниндзюцу.

Османов Е. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Использование китайского населения японской разведкой в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

Готовясь к войне с Россией, японское военное министерство тщательно изучило информацию о последних войнах, в которых участвовала Россия. При этом значительный акцент делался не только на анализе географических особенностей театра военных действий, но и на изучении возможностей использования местного населения в качестве агентов по сбору информации. Для этого, в зависимости от ситуации, генеральным штабом Японии было выработано несколько тактических вариантов, в числе которых добровольное привлечение недовольных действиями России, использование угроз и запугивания, финансовый подкуп.

Поскольку появление японца в России сразу же вызывало ненужный интерес, ставка японских военных властей была сделана на использование китайцев, которых, вследствие хороших отношений России и Китая, находилось в стране огромное число.

Очень часто такие китайцы внедрялись в качестве строительных рабочих для возведения укреплений, собирая точные сведения о размерах этих укреплений, их слабых местах и т.п. В значительной степени успеху данных мероприятий способствовало и крайне пренебрежительное отношение к сохранению секретной информации со стороны российского военного руководства. Так, например, при постройке фортов на Куанчендзской позиции подрядчикам-китайцам были выданы планы фортов. Более того, даже охрана этих фортов была организована из сторожей-китайцев, в числе которых было несколько агентов, завербованных японской стороной.

Таким образом, японский Генеральный штаб еще до начала боевых действий смог сформировать довольно обширную китайскую агентурную сеть в России, через которую собирал все необходимые сведения о будущем театре военных действий.

С началом войны основной интерес японской разведки сконцентрировался на перемещениях и дислокациях войск, их численности и вооружении. В первые месяцы войны Японии хватало кадров, завербованных еще в мирное время. Но

с расширением масштабов военных действий, их количество стало не удовлетворять Генеральный штаб., вследствие чего Япония была вынуждена в спешном порядке заниматься вербовкой новых кадров, главным ядром которых стало местное китайское население.

В значительной степени успешной вербовке китайцев на сторону японцев помогало почти полное из-за войны прекращение местной торговли. Многие оставшиеся без работы китайские торговцы охотно соглашались на предложения японцев заняться деятельностью по сбору информации о российской армии. Если же китаец еще и хорошо владел русским языком, ему выплачивалось вознаграждение в 4–5 раз выше, чем китайцу без знания русского языка. В основном завербованные китайцы использовались для сбора сведений о передвижении российских войск, для чего агенты были заброшены на все крупные станции Сибирской железной дороги, иногда привлекались для осуществления диверсий по подрыву железнодорожных мостов и порчу железнодорожного полотна.

Отдельного внимания заслуживают и способы, с помощью которых собиралась и своевременно доставлялась нужная Токио информация. Так, были нередки случаи, когда донесения вплетались в косы, помещались в подошву обуви, зашивались в складки одежды. Очень часто в скарбе китайских обозов прятались катушки с японским телефонным проводом, а иногда и сами телефонные аппараты, взрывчатка.

Однако, по мере развития военных действий, японской разведке приходилось сталкиваться с серьезными трудностями. Использование японцами для разведывательной работы китайского населения вскоре потеряло свое преимущество, поскольку, после задержания нескольких агентов-китайцев, в российской армии стали уделять более пристальное внимание за китайскими подданными. В итоге, России ничего не оставалось, как попытаться организовать широкую контрразведывательную сеть, которая, стала давать ощутимые результаты лишь на завершающем этапе войны.

Серебрякова С. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«На японской войне» В. В. Вересаева как источник по русско-японской войне (1904–1905 гг.)

Русско-японская война — трагическая страница истории двусторонних отношений. Интерес отечественной историографии к событиям, персоналиям, причинам и следствиям этой войны возрос в последние 30 лет. Причина в том, что отношения с восточным соседом переживают непростой этап своего развития, что подталкивает политических деятелей и исследователей углубиться в историю двусторонних отно-

шений, найти логику их развития и точки соприкосновения. За это время появилось множество научных работ. Издаются и переиздаются документы различных ведомств¹, мемуары², размышления военных³ и политических⁴ деятелей. Эта тенденция демонстрирует интерес научных кругов и общественности к теме войны с Японией.

В статье будут рассмотрены записки врача Викентия Викентьевича Вересаева «На японской войне»⁵, которые он написал в 1906–1907 гг. Несмотря на то, что стиль написания публицистический с элементами художественного, в них содержатся факты, которые при грамотной научной интерпретации способствуют более глубокому пониманию русско-японской войны.

Медицинская помощь во время войны оказывалась врачами, призванными на военную службу, в том числе из запаса, и медицинским персоналом Красного креста, деятельность которого регламентировалась положениями Гаагской конвенции 1899 г.⁶

В. В. Вересаев был назначен врачом в полевой подвижной госпиталь. Такие госпитали были прикреплены к каждой дивизии⁷. Его записки содержат описание общества после начала войны: «Такое впечатление производила и Россия: война была ей ненужна, непонятна, но весь ее огромный организм трепетал от охватившего его могучего подъема»⁸. Однако моральное состояние армии меняется по ходу войны. «Японцам за всю кампанию ни разу не пришлось отступить, но они каждый раз принимали самые заботливые и тщательные меры на случай отступления. Мы только и знали, что отступали, — и каждый раз отступление было для нас неожиданностью, и снова и снова мы отступали «неготовыми дорогами»⁹. Это говорит о духе армии, непродуманности действий и некомпетентности части военного руководства.

Интересно замечание о том, что для улучшения статистики по заболеваниям врачам было «рекомендовано» не ставить определённые диагнозы. «Предупреждаю вас, начальство терпеть не может, когда врачи ставят диагноз «легкомысленно». По своему легкомыслию вы, наверно, большинству больных будете ставить

¹ Например, Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии / авт.-сост. В. В. Глушков, К. Е. Черевко; Ин-т рос. истории. Москва: ИДЭЛ, 2006. 575 с.

² Шикунц Ф. И. Дневник солдата в Русско-японскую войну. М., 2003.

³ Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. Первое издание: В. А. Апушкин. Автор-составитель Е. М. Османов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 470 с.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М.: ПРОЗАИК, 2019. 748 с.

⁵ Вересаев В. В. На японской войне. (Фронтовой дневник). М.: АСТ, 2023. 320 с.

⁶ Convention (II) concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre et son Annexe: Règlement concernant les lois et coutumes de la guerre sur terre // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/fr/ihl-treaties/hague-finact-1899?activeTab=historical> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Вересаев В. В. Укз. соч. С. 12.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же. С. 217.

диагнозы «дизентерия» и «брюшной тиф». Имейте в виду, что «санитарное состояние армии великолепно», что дизентерии у нас совсем нет, а есть «энтероколит», брюшной тиф возможен, как исключение, а вообще все — «инфлуэнца»¹. Однако медсестра говорит, что «дизентерия у нас кругом»². Из этого можно сделать вывод, что изучение только официальных отчётов не даёт полноценной картины событий.

В. В. Вересаев также отмечает плохие санитарные условия как для раненых, так и для врачей: не хватало не только лекарств, но и кипячёной воды³, что в условиях дизентерии было смертельно.

Помимо материальных условий автор говорит о том, что в японской армии врачебно-санитарным делом армии заведовали известные профессора-медики, а в русской в основном чиновники⁴. В. В. Вересаев пишет также о том, что несмотря на нехватку медикаментов и перевязочного материала, им очень не рекомендовалось обращаться за помощью к Красному кресту, у которого эти материалы были, так как это дискредитирует военное ведомство⁵.

Автора также удивляет оплата военных: один русский корпусный командир получал больше, чем Того, Ноги, Куроки и Нодзу, взятые вместе, в то время как японским солдатам платили намного больше, чем русским⁶.

Подобные факты, несомненно, явились одной из причин поражения в войне.

Также В. В. Вересаев упоминает общую неподготовленность армии к войне. «Солдаты поверх шинелей надевали китайские ватные халаты светло-серого цвета: вид солдат был смешон и странен, японцы из своих окопов издевались над ними. Офицеры с завистью рассказывали, какие хорошие полушубки и фуфайки у японцев, как тепло и практично одеты захватываемые пленные»⁷. Однажды к В. В. Вересаеву попал раненый японец в мундире без погон, чтобы было непонятно, к какому полку он был приписан. Одет он был гораздо теплее русских солдат. Несколько слов одежды вызвали смех среди русских солдат⁸. Это свидетельствует о том, что японская армия была подготовлена лучше.

Таким образом, воспоминания В. В. Вересаева являются ценным источником для изучения русско-японской войны, так как дают представления о настроении среди солдат и офицеров, материальном обеспечении и организации медицинской помощи. Они также важны для дальнейших исследований войны, так как автор указывает на несоответствие реальности официальным отчётам, что указывает на то, что необходим критический и более глубокий анализ источников официального происхождения.

¹ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же. С. 168–169.

⁷ Там же. С. 114.

⁸ Там же. С. 181.

Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва)

О некоторых топонимах на картах Японии Дайкокуя Кодая (1751–1828)

Имя Дайкокуя Кодая (1751–1828) хорошо известно не только японистам, но и более широкому кругу исследователей истории, да и просто любителей. Однако если его одиссея, пребывание в России послужили источником для романов, фильмов, спектаклей и даже оперы в России и Японии, то карты, им сделанные, почти не привлекали внимание исследователей.

Изначально они не вызвали особого интереса ни у учёных, ни у официальных правительственных кругов. Первую карту Японии Кодая сделал в Иркутске в 1789 г. по просьбе К. Г. Лаксмана (1737–1796), ещё 6 — в Санкт-Петербурге в 1791 г. по просьбе канцлера А. А. Безбородко (1747–1799) и сенатора, дипломата А. Р. Воронцова (1741–1805). Сегодня известно 8 экземпляров карты Японии. Три хранятся в коллекции барона фон-Аша библиотеки университета Гёттинген (фон-Аш 284, 285, 286); две — в РГВИА; одна — в национальном архиве Эстонии; одна — в музее Эрмитаж, СПб. Восьмая карта была обнаружена в 2022 г. японской исследовательницей Такэгава Юко в Национальном Морском музее (Гринвич, Великобритания), однако первичное исследование позволяет предположить, что она скорее всего тоже была сделана не ранее 1791. Судя по истории хранения карт, они почти сразу попали в категорию «дикивинок» и у учёных, и у официальных кругов.

Прототипом конфигурации островов на картах были скорее всего очертания островов на картах типа Гёки, вероятно, из энциклопедии «Сэцуёсю», тем более, что экземпляр энциклопедии обнаружился среди книг Дайкокуя Кодая. Для текстовых вставок прототипом скорее всего послужила карта Японии Ж.-Б. Тавернье (1679), которую Кодая мог видеть, как в оригинале в библиотеке К. Г. Лаксмана, так и в копии Саввы Зубова.

Если конфигурация островов Японии на всех известных сегодня картах Кодая одинакова, то языки, на которых написаны топонимы — разные. На всех картах, кроме английской, топонимы подписаны по-японски (архив фон-Аш 286; РГВИА 18), на трех картах добавлен перевод на русский язык (архив фон-Аш 284, 285; РГВИА 19). Текстовые вставки сделаны по-русски. Выделяется карта из Эрмитажа топонимы, на которой дублированы латинским шрифтом, а текстовые вставки по-немецки. Карта, обнаруженная в Гринвиче, напоминает контурную, на которую не внесены ни топонимы, ни топографические знаки, ни тем более текстовые вставки.

В докладе мы подробно остановимся на названиях мифических стран Расэцу-коку, Гандо, и малых островов архипелага, Цусима, Ики, Оки, Садо, Осима, Авадзи, Иваи, Мацусима, и др.

Библиография

1. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах [хокуса монряку] / Пер. Константинова В. М. М.: Наука, 1970.
2. Петрова О. П. Коллекция книг Дайкокуя Кодаю ее значение для истории русско-японских культурных связей // История, культура, языки народов Востока. М.: Наука, 1970. С. 55.
3. Симонова-Гудзенко Е. К. Географическая карта Японии и ее «странствия» в XVII-XVIII вв. // История и культура Японии. Сер. «Orientalia et Classica IV (LXXV)». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2022. С. 375–384.
4. Такэгава Юко. Синсюцу-но игирису сирё: кара мира дзю:хассэйки мацу-но сэйю-ни окэру Дайкокуя Ко:даю: нихондзу-но хё:ка. (Карта Японии XVIII в. Дайкокуя Ко:даю:. Копия Уитворта, недавно обнаруженная в Гринвиче, Великобритания) // Нихон кэнкю:. 2022. № 64. С. 159–197.
5. Щепкин В. В. «Коллекция Броссе»: история ранних поступлений японских рукописей и ксилографов в Императорскую Петербургскую академию наук и Азиатский музей (1791–1864). // Письменные памятники Востока. Т. 19, N 3, 2022. С. 88–108.

Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург),

Габитова А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О живописно-каллиграфическом свитке *эмаки* периода позднего Эдо из коллекции цесаревича Н. А. Романова в собрании МАЭ РАН

Одной из «жемчужин» японского собрания МАЭ РАН является живописно-каллиграфический свиток горизонтального формата *эмаки*, восходящий к коллекции цесаревича Н. А. Романова. Этот свиток посвящен традиционной японской чайной церемонии *тя-но ю*; состоит из 14 частей, 7 из которых — живописные и 7 — каллиграфические (текстовые). В результате исследований, выполненных совместно с рядом японских специалистов по живописи и каллиграфии, удалось установить, что свиток датируется серединой XIX в. и является работой выдающегося живописца Кано Сэйсэн-ин Осанобу 狩野晴川院養信 — главы школы Кано середины XIX в., известного также как Камия Сэйсин 神谷晴真. Свиток длиной 9 м 83 см смонтирован в виде длинной двухслойной бумажной ленты (использовалась традиционная японская лубяная бумага *васигами*) таким образом, что содержательная часть находится внутри, а дублировка (защитный слой из

вощенной бумаги) — снаружи. К началу свитка подклеена декоративная обложка («форзац») *микаэси* из японского шелка (парчи) с тканым орнаментом (стилизованное изображение дракона в медальоне, вытканное золотой нитью); изнанка обложки покрыта золотым лаком. Живописные сцены выполнены традиционными японскими водно-клеевыми красками и представляют собой последовательно разворачивающиеся сцены основных этапов чайного действия с детально выписанными интерьерами чайного дома с садом и аксессуарами церемонии; поэтому свиток можно рассматривать как своеобразное наставление по *тя-но ю*. Каллиграфические фрагменты выполнены черной тушью на старом литературном японском языке (*бунго*) периода Эдо в скорописной (курсивной) манере *со:сё* («травяное письмо»), а также с использованием *хэнтайгана* — нестандартного употребления значительного числа иероглифов в качестве фонетиков. По этой причине текст очень трудно читаем даже носителями современного японского языка, и до настоящего момента оставался непереуведенным, что создавало некоторую интригу относительно его содержания. В 2021–2022 гг. благодаря совместному проекту с группой исследователей университета «Нихон», г. Токио, был осуществлен черновой перевод оригинального текста на современный японский, а затем — на английский и русский языки. Как выяснилось, текст, вопреки ожиданиям, представляет собой не пособие по чайному действию, а своеобразный литературный памятник в жанре эссе — *дзуйхицу*, написанное по свежим впечатлениям от конкретного чаепития одним из его непосредственных участников, сохранившим анонимность, но, как можно понять, принадлежавшем к элите военного сословия периода Эдо.

Торопыгина М. В. (ИВ РАН, НИУ ВШЭ, Москва)

Японская печатная книга: «Хякунин иссю хитоёгатари» («Вечерние истории о “Ста стихотворениях ста поэтов”») в изданиях 1833 и 1891–1893 годов

Распространение светского книгопечатанья в Японии относится к XVII веку. В начале века преобладала печать с подвижных литер, но эта технология через несколько десятилетий была вытеснена ксилографией, и в целом книгоиздание периода Эдо осталось в истории книги как эпоха ксилографии.

Во второй половине XIX века японское книгопечатанье кардинально изменилось. «Технологическая революция, которая произошла в книгопечатанье в Японии в период Мэйдзи (1868–1912) сильно изменила отрасль: ксилография были заменены на подвижные литеры, ручные прессы на роторные прессы с механическим

приводом, бумага в японском стиле на бумагу в западном стиле, японский способ переплета на западный способ переплета»¹.

В данном докладе на примере текста «Хякунин иссю хитоёгатари» («Вечерние истории о “Ста стихотворениях ста поэтов”») анализируются основные особенности его эдосского издания и проводится сравнение с изданием периода Мэйдзи.

Автор текста «Хякунин иссю хитоёгатари» — ученый-нативист Одзаки Масаёси (1755–1827). Книга является комментированным изданием поэтического сборника «Хякунин иссю» («Сто стихотворений ста поэтов»), составленного Фудзивара-но Тэйка (1162–1241) в XIII в. Все сто разделов книги имеют одинаковую структуру: короткая справка об авторе; стихотворение; пояснение к стихотворению; литературные легенды, связанные с поэтом. Ко времени написания данного комментария существовала продолжительная традиция комментирования сборника, однако текст Одзаки Масаёси оказался востребованным. Джошуа Мостов, автор книги *Pictures of the heart: the Hyakunin isshu in word and image*, пишет, что именно эта книга, была «самой распространенной версией «Ста поэтов», за пределами карточной игры [ута-карута — М. Т.]»².

Текст «Хякунин иссю хитоёгатари» был издан уже после смерти автора, в 1833 г.³ Книга состоит из девяти томов, название записано разными способами. В колофоне даются имена издателя, автора, художника, гравюров, распространителей книги.

Как многие издания периода Токугава, «Хякунин иссю хитоёгатари» выпущено с иллюстрациями. Иллюстрации выполнены художником Ооиси Матора (1792–1833). Текст на иллюстрациях не является повторением текста книги, возможно, иллюстрации были подобраны, а не выполнены специально для издания.

В книге также имеются предисловие, послесловие, и короткое вступительное стихотворение на китайском языке, сочиненные разными авторами.

В книге можно выделить несколько почерков. Первые страницы разделов книги (где помещается имя поэта и стихотворение) имеют повторяющийся дизайн: имя автора и запись стихотворения даются знаками большего размера, чем остальной текст, сведения о поэте помещены над текстом в верхней части рамки (обычное место для комментария).

Обращает на себя внимание обилие подписанных чтений (фуригана), даны чтения для большинства слов, записанных иероглифами. Эта особенность книги говорит о том, что ее адресатом была не ученая публика, а «широкий» читатель.

¹ Mack, Edward (2010). *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value*. Durham and London: Duke University Press, 2010, p.20.

² Mostow, Joshua S. *Pictures of the heart: the Hyakunin isshu in word and image*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1996, p.38.

³ Это издание можно увидеть на многих сайтах в Интернете. См., например, https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko30/bunko30_d0113/index.html (дата обращения 04.01.2023).

Мэйдзийское издание «Хякунин иссю хитоёгатару» было осуществлено в 1891–1893 гг. (издание трехтомное, выходило по тому в год), в заголовке оно обозначено как издание комментированное («Хякунин иссю хитоёгатару: хё:тю»¹).

Издание сохраняет все основные элементы книги 1833 г.: текст, иллюстрации, предисловие, вступительное стихотворение, послесловие. При этом можно видеть разный подход к представлению элементов книги.

Предисловие и послесловие сохранены в том виде, как они были представлены в старом издании.

Текст разделен на три маки, деление на девять частей не копируется.

Текст на иллюстрациях заменен на печатный.

Стихотворения набраны скорописными знаками, каждый знак представляет собой отдельную литеру.

Дополнительный комментарий к тексту располагается над прежним комментарием, для него делается еще одна рамка.

Предисловие редактора набрано особым шрифтом.

Ксилографическое издание 1833 г. является типичной эдосской книгой, трехтомник 1891–1893 гг. демонстрирует ряд «переходных» элементов, характерных для времени, когда новая технология вступает в противоречие с традиционными представлениями.

*Уфимцева А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Филиппов А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Рецепция из Китая системы девизов годов правления и практика применения концепции в Японии

Накануне становления феодальной государственности в Японии, в период Асука (середина VI–VII в.), происходило активное заимствование достижений китайской цивилизации. Помимо восприятия религиозно-идеологических концепций, системы мер и весов, летосчисления — происходит и рецепция системы девизов годов правления государей (*нэнго*). Согласно первой японской хронике Нихонги (720 г.), при воцарении в Японии императора Котоку (645–654) впервые был объявлен девиз годов правления Тайка (буквально, «Великие перемены»).

Первоначально в Китае система девизов годов царствования применялась либо ко всему периоду правления, либо к части правления того либо иного государя. Предполагалось, что заявляемый новым девизом годов лозунг определяет идейную

¹ Хякунин иссю хитоёгатару: хё:тю. Т. 1–3. / Ком. Такэда Токимаса. Нагоя: Кё:до:сюппанся, 1893. <https://dl.ndl.go.jp/pid/874043>; <https://dl.ndl.go.jp/pid/874044>; <https://dl.ndl.go.jp/pid/874045> (дата обращения 04.01.2023).

направленность политики, в то же время, взывая и к помощи, привлечению сил Неба, богов. Девизы *нэнго* могли меняться в связи с приходом к власти нового императора, счастливыми предзнаменованиями или стихийными бедствиями. Например, таковыми могли стать крупные землетрясения, а порой даже определённые этапы 60-летнего календарного цикла. Несмотря на то, что формально право на смену названия девиза принадлежало императору, на практике группы придворных чиновников также могли это делать.

Сегодняшний формат система девизов *нэнго* обрела в период Мэйдзи (1868–1912 гг.). С этого времени названия девизов менялись только в случаях смерти, отречения императора и восшествия на престол наследника. Императоров принято называть по посмертному имени либо по девизу годов правления, но не по их настоящему прижизненному имени (которое считалось табуированным). Несмотря на то, что система девизов годов правления *нэнго* раньше использовалась в Китае и в других странах Восточной Азии, в настоящее время Япония осталась единственной страной, где применение девизов годов правления сохранилось и по сей день. При рецепции японцами из Китая системы девизов годов правления нашлось место и специфике в понимании и трактовке данной концепции, поскольку для Японии всегда было характерным существенное видоизменение культурных заимствований при их восприятии.

Федянина В. А. (МГПУ, Москва)

Правления государынь в древней Японии (по материалам «Гукансё»)

В докладе анализируется история правлений женщин-государынь в Японии, представленная в историко-философском трактате «Гукансё» («Записи моих скромных мыслей», ок. 1221) тэндайского монаха Дзиэн (1155–1225).

В древней Японии был период, когда наряду с мужчинами женщины становились государынями, *тэнно*. С 592 г. по 770 г. шесть государынь восходили на трон, две из которых занимали трон дважды. (Позднее, в XVII и XVIII вв. было еще две государыни.)

В современной Японии противники наследования трона женщинами доказывают, что должна поддерживаться традиция наследования только по мужской линии. Поступавшие предложения разрешить наследовать трон женщинам пока отложены. В связи с этим изучение прецедентов в японской истории, когда правили женщины, продолжает оставаться актуальным.

Источником настоящего исследования стал трактат Дзиэна «Гукансё». Он является вехой в создании истории непрерывной, как утверждает японская традиция, линии одного императорского дома в Японии с глубокой древности по настоящее время. «Гукансё» в 7 свитках описывает историю Японии от 1-го государя Дзимму до современных Дзиэну государей, в том числе повествует о семи государынях

древности. Это легендарная Дзингу, Суйко, Когёку (также Саймэй), Дзито, Гэммэй, Гэнсё, Кокэн (также Сётоку).

Нумерация правлений государынь в современной официальной историографии (данные сайта Управления императорского двора, *Кунайтё*¹) и в «Гукансё» расходятся (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Государыни Японии по данным Управления императорского двора и в «Гукансё»

Порядковый номер правления на сайте <i>Кунайтё</i>	Порядковый номер правления у Дзиэна	Китайское посмертное имя государыни	Современная датировка правлений
отсутствует	15	Дзингу кого	363–389 ²
33	34	Суйко тэнно	592–628
35	36	Ко:гёку тэнно	642–645
37	38	Саймэй (Сэймэй) тэнно	655–661
41	41	Дзито тэнно	690–697
43	43	Гэммэй тэнно	707–715
44	44	Гэнсё (Гэнсэй) тэнно	715–724
46	46	Кокэн тэнно	749–758
48	48	Сётоку тэнно	764–770
109	«Гукансё» написано ранее	Мэйсё	1629–1643
117	«Гукансё» написано ранее	Го-Сакурамати	1762–1770

Расхождение вызвано тем, что Дзиэн причисляет к государыням легендарную Дзингу, которая не признается *тэнно* в официальной историографии. Порядок правлений в одном доме японских императоров — важный момент, являющийся частью идеологического обоснования власти единой императорской семьи, потомков богини Аматаэрасу.

Богиня Аматаэрасу, подвластная основному «принципу» ухудшения кальпы, тем не менее, может устанавливать свои правила именно для японских островов. Она

¹ Тэнно: кэйдзу [Генеалогия императорского дома] / Кунайтё: [Управление императорского двора] <https://www.kunaicho.go.jp/about/kosei/keizu.html> (дата обращения 08.01.2023).

² Суровень Д. А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингу:) и Хому-да-вакэ (государя О:дзина) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 1–226. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16206 (дата обращения 08.01.2023).

создала род государей, своих потомков, для исполнения своих правил-принципов на территории Японии и покровительствует этому роду. Амаэрасу по договоренности с другими божествами устанавливает форму правления в Японии, наиболее подходящую для данного момента ухудшения калпы. Укажем эти формы правления государей в хронологическом порядке: 1) единолично, 2) при поддержке помощника, а затем регента/канцлера, 3) как отрекшиеся государи (сохраняется регент/канцлер при действующем государе), 4) при помощи военных правителей сёгунов (и регентов/канцлеров)¹.

Правления женщин-государынь приходится на времена правления государей при поддержке помощника (2). Этому способствовало появление новых «принципов»: расхождение скрытых и явных «принципов», необходимость появления буддизма для поддержания Закона государя Законом Будды, нарушение «правильного» наследования от отца к сыну². Государю уже может наследовать и внук, и дочь, и супруга. Государям начинает помогать сначала помощник, а затем регент; Дзиэн так описывает это время:

От Тю:ай до Ко:нин, на протяжении 36 правлений, наследование тем или иным образом отклонялось [от прямой линии], в чем проявлялось действие иных принципов. В то время появились женщины-правительницы; правительницы Ко:гёку и Ко:кэн дважды восходили на трон и провозглашались государынями³.

Мудрый помощник поддерживал и корректировал любого правителя, независимо от его пола и способностей. Когда система назначения помощника (впоследствии регента) полностью сформировалась, необходимость в женских правлениях отпала:

[Божества] соизволили создать такой порядок: не стало более женщин-правительниц, неподходящих для последних правлений, и отца государевой супруги стали назначать секретарем при особе государя *найран*, и привлекать к делам, а женщины не только завершали [дела в] этой стране, но и обеспечивали почтение родителям и благодарность за их милости⁴.

Согласно исторической теории Дзиэна, созданной на основе философии японского буддизма, правления женщин-государынь — закономерный этап в истории Японии. Историческая теория Дзиэна, объясняет причины правления женщин набором принципов-*дори* (правила, законы мироздания, действующие в скрытом и явном мирах), которые свойственны определенному отрезку ухудшающейся калпы.

¹ Федянина В. А. Философско-методологические основания периодизации японской истории в работах монаха Дзиэн (1155–1255) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 117–125.

² Гукансё (Записи моих скромных мыслей) / Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической литературы Японии). Т. 86. Токио: 1967. С. 130.

³ Гукансё, с. 148.

⁴ Гукансё, с. 149.

Шарова А. Б. (РУДН, Москва), Куланов А. Е. (ИВ РАН, Москва)

Исии Ханako: «Зорге как человек». Источниковедческие открытия

В августе 1964 г. корреспонденты газеты «Правда» востоковеды В. В. Овчинников и Е. В. Маевский первыми из советских граждан посетили могилу советского разведчика Рихарда Зорге в Токио на токийском кладбище Тама, а 4 сентября была опубликована первая статья о нем и его подвиге. 5 ноября Зорге было присвоено звание Героя Советского Союза. Тем не менее, по ряду причин и тогда, и сейчас «за кадром» оставался человек, которому мы в значительной степени обязаны сохранением памяти Рихарда Зорге — его японская подруга, позднее официально получившая статус жены, Исии Ханako. Исключительно ее усилиями и по ее личной инициативе после войны удалось найти останки Рихарда Зорге, кремировать их, захоронить, после чего Исии Ханako еще двадцать лет ухаживала за его могилой, надеясь, что Советский Союз признает своего героя. Положив все силы на увековечивание памяти Зорге, Исии Ханako стала автором трех книг мемуаров о нем. Несмотря на то, что и в настоящее время ее имя либо не фигурирует в информационном поле, либо эксплуатируется в неверном ключе, следует четко понимать: без ее подвига ни могилы, ни памяти об этом выдающемся человеке XX века в том виде, в каком мы имеем ее сейчас, сейчас не было бы.

Исии Ханako прожила с Рихардом Зорге шесть лет. Их первая встреча произошла в день его сорокалетия 4 октября 1935 г., а расставание случилось в этот же день, но в 1941 г. Их языковое общение затруднялось тем, что Зорге плохо говорил по-японски, а Ханako совсем не знала немецкого. Тем не менее, все эти годы они неплохо понимали друг друга, создав нечто вроде своего особенного языка, на котором могли обсуждать даже серьезные политические темы. В значительной степени их близости и настоящей дружбе способствовали и общее мировоззрение (Ханako придерживалась левых взглядов), и общие интересы, в т. ч. любовь к классической музыке.

Описывая постфактум историю их знакомства и совместной жизни в первой своей книге, Исии Ханako сумела убедительно раскрыть внутренний мир своего возлюбленного и показать его обычную жизнь в Токио на протяжении самых напряженных 6 лет работы. Необходимо заметить при этом, что вплоть до ареста Зорге ей ничего не было известно о его службе в разведке, и она искренне верила, что ее друг является лишь иностранным журналистом. Несмотря на то, что попытки перевода этой книги на иностранные языки предпринимались неоднократно, приходится констатировать, что вплоть до последнего времени это так и не было сделано. В результате представление образа Зорге как правило получалось однобоким и необъективным.

Позже Исии Ханako были написаны еще две книги, гонорары от которых она использовала на эксгумацию его останков, кремацию, захоронение урны с его

прахом, создание самой могилы и т. д. В 1980-х гг. три книги были объединены в одну под названием «Нингэн Зорге» — «Зорге как человек»¹. Надо признать, это очень точное название. Автор рассказывает о его привычках и манере одеваться, стиле мышления и поведения, его литературных, музыкальных и вкусовых предпочтениях. Другими словами, из этой книги мы узнаем о Рихарде Зорге не столько как о герое истории XX века, но в первую очередь как о Человеке.

В 2021 г. в издательстве «Молодая гвардия» японоведом и лауреатом премии Министерства обороны РФ за биографию Рихарда Зорге Александром Кулановым и переводчиком Анной Делоне была опубликована книга «Другой Зорге. История Исии Ханако»², основанная на мемуарах японской жены разведчика, но опирающаяся и на сторонние источниковедческие исследования. Материал, представленный в книге «Другой Зорге», можно по праву считать уникальным, в первую очередь потому, что в значительной степени он получен из первых уст, от человека, который в последние несколько лет жизни Рихарда Зорге знал его так близко, как никто другой. С другой стороны, несмотря на естественный для воспоминаний субъективизм, все источники проверены авторами по перекрестным свидетельствам и снабжены обширными разъяснениями, создающими в общей сложности картину, неизвестную даже самой Исии Ханако в момент не только написания, но и публикации ее трудов. В частности, использованы материалы японских газет, англоязычной газеты Japan Times, архив бывшего посла Германии в Японии генерала Отта, исследования японского Общества Одзаки-Зорге, интервью (в т. ч. ранее не публиковавшиеся) со свидетелями событий и другие источники. Благодаря этому удалось совершить попытку по созданию более объемного, многогранного образа знаковой исторической личности первой половины XX в.

Особо следует упомянуть о введении авторами в оборот нового источника материалов по истории советской военной разведки в Японии — рассекреченного во время написания книги дела «Особой папки» ЦК КПСС и Главного разведывательного управления Вооруженных Сил (ГРУ ГШ ВС) СССР об увековечивании памяти Рихарда Зорге, хранящегося в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ)³. Из материалов этого дела становится наглядно виден процесс принятия исторического решения по установлению правды о деле Зорге, запоздалого признания заслуг его и его группы, документального оформления их подвига, а также признания и вынесения благодарности (в т. ч. в материальном выражении) Исии Ханако.

¹ Ishii Hanako. Ningen Zoruge. Tokyo, Tokuma bunko. 1986.

² Делоне А. Б., Куланов А. Е. Другой Зорге. История Исии Ханако. М., 2021.

³ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47

СЕКЦИЯ XI • SECTION XI
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF KOREA

Акуленко В. С. (Университет Чунан, Республика Корея)

**Трудовые договоры как источник информации
о первой волне трудовой миграции северокорейских
рабочих на Дальний Восток СССР (1946–1962)**

Начало первой волны миграции северокорейских рабочих на советский Дальний Восток было положено ещё до провозглашения создания КНДР. Основанием к нему стало разрешение советского военного командования привлечь иностранных рабочих после завершения Второй мировой войны в особенно страдающие от недостатка трудовых ресурсов дальневосточные регионы.

Главным образом корейские трудовые мигранты привлекались в рыбную отрасль, однако некоторая их часть работала в сельском хозяйстве и горной промышленности. Наибольшее число северных корейцев отправились на предприятия Сахалина, особенно нуждавшегося в рабочих руках после репатриации граждан Японии из южной его части. Часть рабочих направили в Приморский край.

Первая волна северокорейской трудовой миграции завершилась в 1959–1962 гг., когда было принято и приведено в исполнение решение об их отправке на родину.

Впрочем, вернулись далеко не все, так как за десятилетие пребывания в СССР многие корейцы обзавелись имуществом, семьями, а некоторые из них потеряли связь с близкими родственниками в результате Корейской войны и не горели желанием возвращаться на пепелище отчего дома.

Въезд завербованных корейских рабочих и членов их семей в СССР в интересующий нас период осуществлялся по специальным разрешениям после заключения соответствующего трудового договора, игравшего роль документа, содержащего основные сведения о трудовом мигранте — его имени, дате рождения, месте проживания в Корее, составе семьи и трудовой квалификации. В ряде случаев в договор вклеивалась фотография. Таким образом, трудовой договор становился документом, подтверждающим личность мигранта и легальность его присутствия на территории СССР.

Данная работа анализирует содержание семи трудовых договоров. Четыре из них составлены на русском языке, три — на корейском языке с использованием иероглифики.

Трудовые договоры составлялись в трёх экземплярах на русском и корейском языках, один из которых выдавался на руки рабочему, один отправлялся на место его работы и один хранился у уполномоченного Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР в Северной Корее. Все они состоят из преамбулы, разделов, посвящённых обязанностям рабочего и работодателя, сведений о корейском рабочем и выданных ему в качестве аванса продуктов питания, предметах одежды и обуви. В договоре, заключённом сроком более чем на 1 год, также содержится графа о сопровождающих его членах семьи.

После истечения срока трудового договора заключался новый непосредственно с тем предприятием, где продолжал трудиться северокорейский рабочий. Однако в некоторых случаях его сроки могли продлить и не один раз вплоть до момента возвращения рабочего на родину или принятия им советского гражданства.

В напечатанный типографским способом стандартный договор (сезонный или заключаемый сроком на 2–3 года) вручную вносились сведения о рабочем, сроке действия договора и другая информация. С помощью специальных печатей или иногда вручную заносились сведения о выданном денежном авансе, продуктах питания (рис — 50 кг) и предметах одежды (один ватный костюм) и обуви (одна пара кожаных ботинок). Договор скрепляли подписями и печатями. В договор, составленный на корейском языке, вклеивалась фотография.

Анализ содержания трудовых договоров позволяет углубить наше понимание процесса и условий найма корейских рабочих на дальневосточные предприятия в период с 1946 по 1963 гг. Сравнение этих трудовых договоров с договорами, заключёнными с этими же рабочими уже на советских предприятиях, поможет изучить вопрос изменения их статуса и лучше понять причины, по которым они решили остаться в СССР и принять советское гражданство.

Анофриева Д. С. (ИВР РАН, Москва)

Очерк истории корееведения в ИВР РАН

Развитие политических и экономических отношений России и Кореи послужили причиной зарождения корееведения на территории России. Впервые корейский язык начали преподавать в 1897 году в Санкт-Петербургском Императорском университете на кафедре восточных языков. В Азиатском музее (с 1930 г. — Институт востоковедения АН СССР, с 1956 г. — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, с 2007 г. — Институт восточных рукописей РАН), фонд корейских рукописей начал формироваться еще в 1864 году, но корееведение появилось лишь в 30-х годах XX века. К сожалению, в то время Корея представляла интерес только в связи с колониальной политикой Японии. Так, например, Д. М. Скляров (??.1907 — 15.07.1939) подготовил доклад «Распространении японской экспансии в Манчжурии и Корее» и прочитал его в 1932 году на заседании ученого совета ЛО ИВАН.

И только после прихода А. А. Холодовича (11.05.1906 — 20.03.1977) в Институт в 1936 году началось исследование корейского языка. А. А. Холодович написал такие труды, как «Грамматика корейского языка»¹ и «Строй корейского языка»².

Благодаря О. П. Петровой (6.07.1900 — 11.03.1993) появилось первое описание письменных корейских памятников³, хранящихся в ЛО ИВАН.

После того, как в 1954 году Д. Д. Елисеев, а позже в 1957 году — М. И. Никитина (15.10.1930 — 29.10.1999) и А. Ф. Троцевич стали сотрудниками ЛО ИВАН, в Институте образовалась целая группа корееведов, которая занималась изучением корейских памятников различных жанров. Так, Д. Д. Елисеев занимался изучением и переводом корейских стихотворений (рён-гу), повестей и новелл. Итогом его работы стали переводы различных произведений, а также такие труды, как «Средневековая новелла. Корея.»⁴, «Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра)»⁵ и т. д.

М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич занимались изучением как романов («Удивительное соединение двух браслетов»⁶), так и частичным переводом династийных хроник («Исторические записи трёх государств»). А. Ф. Троцевич и М. И. Никитина изучали мифы и предания, переводили древнюю поэзию хянга и стихотворе-

¹ Грамматика корейского языка. Ч. 1. Морфология. М.: Изд-во Московского ин-та востоковедения, 1937.

² Строй корейского языка. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1938.

³ Петрова О. П. Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.; Л., 1956.

⁴ Средневековая новелла. Корея. Переводы семи новелл. Сб. «Восточная новелла». М.: Изд. Восточной литературы, 1963.

⁵ Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра). М.: Наука, 1968.

⁶ Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное соединение двух браслетов) / Изд. текста, пер. и предисл. М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич. М.: ИВЛ, 1962. 78 с.; факс. 124 с.

ния сичжо. Познакомили российских читателей с народными повестями («Верная Чхунхян»¹, «Хон Гильдон»²) и переводами высокой корейской прозы, написанной на китайском языке. М. И. Никитина и А. Ф. Троцевич написали первый учебник по истории литературы Кореи («Очерк истории корейской литературы до XIV в.»³).

Л. В. Жданова (19.06.1946 — 16.06.1999) под руководством М. И. Никитиной изучала творчество поэта Чхве Чхивона, писавшего танские стихотворения в IX веке. Итогом ее работы стала книга («Поэтическое творчество Чхве Чхивона»⁴), посвященная творчеству этого поэта, и переводы поэтических циклов Чхве Чхивона.

В 2009 годах А. Ф. Троцевич и А. А. Гурьева опубликовали полное описание всех письменных памятников корейской традиционной культуры, хранящихся в Рукописном отделе ИВР РАН⁵.

В 2018 году Ю. В. Болтач был опубликован первый полный перевод фундаментального памятника по истории и культуре Кореи «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса)»⁶, написанный монахом Ирёном.

Сотрудники ИВ РАН активно ведут работу по изучению корейских фондов из коллекций, хранящихся в Институте и продолжают знакомить русских читателей с переводами памятников корейской культуры.

Асмолов К. В. (ИКСА РАН, Москва)

«Черные мифы» о Южной Корее в РФ: феномен психологической проекции?

Обычно применительно к государствам Корейского полуострова основным субъектом мифов, как красных, так и «черных», является Северная Корея, однако мифы в отношении Республики Корея, которые по уровню оторванности от реальности не уступают аналогичным мифам про Север, вполне распространены в массовом сознании стараниями непрофильных экспертов.

¹ Повесть о вернейшей из верных жен, о не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь, о Чхунхян // Корейские повести / Сост. А. А. Холодович. М.: Худож. лит., 1954. С. 75–188.

² Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVI–XIX вв.). Пер. с кор. / Сост. и коммент. Л. Концевича. — М.: Худож. лит., 1974. С. 211–361.

³ Никитина М. И., Троцевич А. Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969.

⁴ Жданова Л. В. Поэтическое творчество Чхве Чхивона. СПб. «Петербургское востоковедение», 1998. 304 с.

⁵ Троцевич А. Ф., Гурьева А. А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Выпуск II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб.: издательство СПбГУ, 2009. 424 с.

⁶ Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Перевод с ханмуна, вступительная статья, комментарий и указатели Ю. В. Болтач. СПб: ИД «Гиперион», 2018. 894 с.

Хороший пример — ролик Григория Явлинского, посвященный Южной Корее и президенту Ким Дэ Чжуну¹, который, если верить главе «Яблока», победил корпорацию, ликвидировал чеболи («самые мафиозные корпорации в мире») и стал «отцом» южнокорейского экономического чуда.

Еще больше альтернативной истории в передаче финансиста и постоянного эксперта «Эха Москвы» Андрея Мовчана², одного из известных либеральных экономистов. Об уроне понимания Мовчаном корейского контекста достаточно судить по высказываниям о том, что северная часть полуострова менее гористая и более удобная для жизни, войска ООН вошли в Корею только в сентябре 1950-го года, а настоящее имя Ким Ир Сена, оказывается, Ким Ил Сунг. И хотя в обоих заявлениях Южная Корея позиционируется как успешная демократия, автор относит эти мифы к черным, так как РК все равно получается существенно хуже реальной.

Чёрные мифы про РК можно разделить на несколько групп. Первая уходит корнями в холодную войну и озвучивается представителями патриотического крыла, причём речь идёт не о современном северокорейском влиянии. Важный признак этого блока мифов — лишение Южной Кореи субъектности в пользу США. Особенно с точки зрения представления Сеула марионеткой Вашингтона или заявлений о том, что РК до сих пор оккупирована американцами. Между тем, ни Ли Сын Ман, ни Пак Чон Хи, не были марионетками, а, скорее, наоборот — пытались «хвостом вертеть собакой». В результате против Ли Сын Мана в Вашингтоне несколько раз планировали военный переворот (т.н. план «Everready»³), Пак Чон Хи пытались прослушивать, а в его убийстве иногда видят американский след.

Вторую группу мифов можно назвать либеральными и формально они апологетичны. Часть из них представляет историю Севера и Юга как пример социального эксперимента: «была одна страна, на одной половинке которой строили социализм, а на другой — демократию, и результат очевиден». О том, что Юг догнал и перегнал Север по ключевым показателям только в середине 1970-х годов, их авторы обычно не знают. Другая часть — отмеченные выше истории Явлинского и др. про то, как «экономическое чудо» Южной Кореи случилось одновременно с приходом демократии.

Третья группа мифов достаточно поздняя и касается современной РК, которая описывается как дистиллированный пример капиталистического ада, как то:

- Беспрецедентное социальное расслоение и полное отсутствие среднего класса.
- Тотальная закредитованность европейского типа.
- Невозможность поступить в престижный вуз из-за тотального блата.
- Чеболи, которые управляют правительством на манер российских олигархов 1990-х.
- Вездесущая организованная преступность.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=Debhp8gwN5M>.

² <https://www.youtube.com/watch?v=NkZWAjIlkOA>.

³ <https://cyberleninka.ru/article/n/na-krayniy-sluchay-ssha-li-syn-man-i-operatsiya-everready-v-gody-koreyskoy-voyny-1952-1953-gg>.

Так как доклад посвящен не столько разоблачению мифов, сколько их анализу, кратко отметим, что организованная преступность, которая широко присутствует в кино, имеет очень ограниченную нишу и влияние в реальной жизни, а проблемы с поступлением в ВУЗы и трудности с рынком недвижимости и покупкой/арендой квартиры, имеют совершенно иную природу.

Распространенное описание чеболей как «мафиозных корпораций» тоже далеко от реальности, так как, во-первых, нет никакой связи между корпорациями и организованной преступностью, а во-вторых, несмотря на сращенность с государством, не олигархи диктовали правительству, что делать. Наоборот — как при Пак Чон Хи, так и при Ким Дэ Чжуне, правительство давало указания, а корпорация, которая пыталась возражать, быстро доводилась до банкротства («Самхо» при Пак Чон Хи, Daewoo при Ким Дэ Чжуне).

Перечислять и разоблачать мифы можно долго, но куда интереснее понять, что стоит за их формированием. Если «патриотическая» часть мифов ещё как-то связывается с наследием Холодной войны и пропагандистскими штампами того времени, то «либеральные» мифы, как представляется автору, строятся на двух основах.

Первая основа — это то, что в психологии называют «проекцией», когда собственные проблемы переносят на другого человека или иную ситуацию. В сочетании с ограниченностью знаний и нежеланием всерьёз заниматься поиском информации, это приводит к тому, что процессы, привычные для нашей страны, воспринимаются как существующие по умолчанию везде.

Кроме того, связанное с кризисом компетентности некритическое восприятие источников формирует т.н. «синдром Чапаева», в котором воплощённый в книге образ персонажа полностью заменяет его реальный прототип. В результате получившие огромную популярность такие фильмы и сериалы, как «Паразиты» Пон Чжун Хо или «Игра в кальмара» были восприняты как документальные и дали толчок к распространению мифов о современной социально-экономической ситуации в РК.

Вторая основа — это типичный для российской оппозиционной риторики приём «говорим одно — имеем в виду другое». Понятно, что условный Явлинский на самом деле не особенно желает знать о реальном Ким Дэ Чжуне. Ему нужен условный Ким, которым он ассоциирует себя, бичуя современную ему Россию. Обычно этот риторический приём используется при обличении Севера, однако, ввиду отсутствия на Севере некоторых объектов для критики, приходится довольствоваться Югом.

Таким образом, формирование чёрных мифов про РК отражает общие законы мифотворчества. Даже имея возможность проверить реальные факты, мифотворцы этого не делают, потому что реальная ситуация им не важна. Миф иллюстрирует некий тезис, имеющий лишь отдалённое отношение к изучаемой стране (в данном случае — к Южной Корее). Что мешало Мовчану просто посмотреть на карту и выяснить, где больше гор?

К сожалению, поскольку подобные конструкты удобно «уцепляются» за штампы массового сознания, выводятся они из него с достаточным трудом, и нам, специалистам, надо принимать этот фактор во внимание и, возможно, уделять больше времени условному ликбезу, рассказывая о реальных, а не выдуманных проблемах Республики Корея и её общества. Особенно с учетом того, что в России до сих пор нет выходящих широким тиражом работ, которые бы анализировали опыт восточноазиатских правых режимов как Южной Кореи времён Пак Чон Хи, так и иных «диктатур развития» (Тайвань, Сингапур, с некоторыми оговорками Япония и КНР).

Волощак В. И. (ДВФУ, Владивосток)

Дискуссия о сокращении военного контингента США в Республике Корея в 1969–1971 гг.

Конец 1960-х — начало 1970-х гг. — переломное время в истории военного альянса между США и Республикой Корея. На фоне затянувшейся военной кампании США во Вьетнаме в 1969 г. была провозглашена т.н. доктрина Никсона, предполагавшая сокращение вклада США в обеспечение безопасности их союзников, что отразилось на отношениях между Сеулом и Вашингтоном. Данное исследование посвящено воссозданию хода дискуссии о сокращении войск США в Южной Корее в 1969–1971 гг. как внутри политических кругов в США, так и между официальными лицами США и РК. Исследование основано на материалах Государственного департамента, ЦРУ и других государственных органов США, представленных в документальном собрании «Foreign Relations of the United States» и периодическом издании «The Department of State Bulletin» Государственного департамента США.

Впервые задача по сокращению военного присутствия США в РК в два раза была поставлена президентом США Никсоном в записке советнику по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджеру 24 ноября 1969 г., которому было поручено разработать соответствующий план до конца года¹. Основные обсуждения по его деталям проходили в первой половине 1970 г. на собраниях Совета национальной безопасности. Американским стратегам необходимо было выработать такое решение, которое бы позволило добиться оптимального сокращения количества военнослужащих США на Корейском полуострове без снижения обороноспособности РК и ослабления позиций США в регионе.

¹ Memorandum From President Nixon to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 117.

К началу 1970 г. в РК было дислоцировано всего 18 дивизий ВС РК. Еще 3 дивизии, одна из которых была укомплектована на треть, были размещены во Вьетнаме. Общая численность ВС РК составляла более 500 тыс. чел. (против 350 тыс. чел. ВС КНДР), а численность ВС США в РК — около 64 тыс. чел. (2 дивизии). Позиция группы советников из Министерства обороны и Государственного департамента сводилась к тому, что вывод одной из двух американских дивизий при условии сохранения 18 или 19 южнокорейских не повлечет за собой никаких рисков. При этом достаточно модернизировать лишь 16 дивизий РК — такая конфигурация позволит РК без труда отразить возможную атаку со стороны КНДР¹.

Рекомендации военных были более строгими. Представители ОКНШ ВС США настаивали на том, что оптимальным уровнем является присутствие 21 дивизии в ВС РК — 19 южнокорейских и 2 американских. С некоторым риском допустима конфигурация из 17 сухопутных дивизий ВС РК, 1 дивизии морской пехоты ВС РК и 2 дивизий ВС США. Учитывая сложный ландшафт Корейского полуострова, близость Сеула к возможной линии фронта, нестабильную политическую обстановку, ОКНШ объявило неприемлемым сокращение ВС РК ниже уровня 18 дивизий. Итоговым вердиктом ОКНШ, изложенным в меморандуме представителя ОКНШ при Совете национальной безопасности США генерал-лейтенанта Ф. Унгера, значилось сокращение военного контингента США в РК до уровня 1 и 1/3 дивизий при условии модернизации 18 южнокорейских дивизий².

Другим важным вопросом стало согласование сокращений с южнокорейской стороной. Президент РК Пак Чонхи воспринял идею сокращений американского контингента негативно, считая, что действия США являются несоблюдением союзнических обязательств. После обмена письмами между Пак Чонхи и Р. Никсоном и ряда встреч между дипломатическими представителями двух государств, РК предъявила ряд встречных условий, при которых южнокорейская сторона была готова считать приемлемыми планируемые сокращения.

Во-первых, правительство РК предъявило требование о номинальном сохранении двух американских дивизий — с количественными сокращениями личного состава, но с сохранением организационно-командной структуры двух присутствующих в РК дивизий США³. Такое требование в целом устраивало США, и в дальнейшем обсуждение вопроса сокращений велось не о количестве дивизи-

¹ Memorandum From Laurence E. Lynn, Jr., of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. Pp. 134–138.

² Memorandum From the Joint Chiefs of Staff Representative to the National Security Council Review Group (Unger) to the Chairman of the Review Group (Kissinger) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 132–133.

³ Memorandum of Conversation // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. Pp. 168–170.

зий, а о количестве военнослужащих США, подлежащих выводу из РК. Сеул не возражал против вывода 20 тыс. чел.¹

Во-вторых, сокращения должны быть компенсированы финансовой поддержкой США по модернизации южнокорейских ВС. Обсуждение этого вопроса затянулось на достаточное долгое время и продолжалось весь 1970 г. США были готовы предоставить помощь РК в объеме \$1,5 млрд по программе МАР (англ. Military Assistance Program), рассчитанную на пятилетний период 1971–1975 гг.²

На переговорах с министром обороны США в Гонолулу в июле 1970 г. министр обороны РК Чон Рэхёк дал отрицательную оценку возобновления выплат по программе МАР. С 1966 г. по двустороннему соглашению финансирование РК через программу МАР заменялось офшорными закупками США у РК той техники и оборудования, которая должна изначально поставляться по МАР³. Эти поставки шли в Южный Вьетнам, и такая схема была выгодна для РК: вкупе с оказанием строительных и прочих услуг для Южного Вьетнама южнокорейскими компаниями, замена МАР помогала экономить военный бюджет РК. На переговорах американская сторона настаивала на возобновлении программы МАР а также обязалась оставить в распоряжении РК технику и оборудование подлежащих выводу подразделений ВС США, содействовать развитию предприятий военной промышленности⁴. Характер этого обсуждения свидетельствовал о том, что вьетнамский фактор укрепления военно-политического сотрудничества между Сеулом и Вашингтоном в значительной степени потерял свою силу — США больше не были заинтересованы в активном участии РК в войне во Вьетнаме.

РК пришлось согласиться на предложения США также и по внутривнутриполитическим причинам. На президентских выборах 1971 г. противником Пак Чонхи был Ким Дэчжун — оппозиционный политик, критиковавший в том числе недоговороспособность Пак Чонхи с США и преувеличение северокорейской угрозы⁵. Популярность Ким Дэчжуна побудила Пак Чонхи продемонстрировать дипломатические успехи и искать компромисса с США по вопросу сокращений.

¹ Telegram From the Commander, United States Forces in Korea (Michaelis) to the Commander in Chief, Pacific (McCain) // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 180.

² Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 181–182.

³ Sarantakes, N. E. In the Service of Pharaoh? The United States and the Deployment of Korean Troops in Vietnam, 1965–1968 // Pacific Historical Review. 1999. Vol. 68. No. 3. P. 425–449.

⁴ Telegram From the Commander in Chief, Pacific (McCain) to the Department of State // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 170–173.

⁵ Memorandum From Secretary of State Rogers to President Nixon // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XIX: Part 1, Korea, 1969–1972 / Ed. by D. J. Lawler, E. R. Mahan, E. C. Keefer. Washington, D. C.: United States Government Printing Office, 2010. P. 197–198.

Остаток 1970 г. был посвящен согласованию совместного заявления США и РК, финальная версия которого была принята 6 февраля 1971 г. В тексте заявления были четко прописаны договоренности о выводе 20 тыс. американских военнослужащих и выделении \$1,5 млрд на модернизацию ВС РК, а также подчеркнуто, что достигнутые соглашения ни в коей мере не влияют на приверженность США защите РК в соответствии с союзническими обязательствами, закрепленными в Договоре о взаимной обороне 1953 г.¹

Курбанов С. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу понимания и перевода на русский язык реалий древней и средневековой истории Кореи

Всякая востоковедная работа, в том числе, и работа по истории изучаемой страны, так или иначе связана с вопросами перевода, перевода на родной (русский) язык как содержания восточных источников и литературы в целом, так и перевода отдельных терминов, в частности.

Ряд терминов могут уже иметь устоявшиеся, принятые востоковедным сообществом матрицы переводов. Ряд терминов еще предстоит ввести в научный оборот, а ряд терминов может быть уже переведен не совсем корректно и требовать уточнений и исправлений.

Особенно сложную задачу в вопросе определения русских терминов (или терминов на ином родном языке) представляют реалии так называемой «древней» и «средневековой» истории, поскольку различия между отдельными культурами в эпоху, предшествовавшую процессу глобализации, были особенно велики.

В представляемом исследовании обсуждаются вопросы, связанные с проблемой передачи на русском языке ряда терминов, описывающих реалии древней и средневековой истории Кореи.

При переводе корейского термина, представляющего реалии «классической» Кореи на русский язык очень важно, чтобы сам переводчик хорошо представлял реалии того времени и того древнекорейского, с которым связан термин.

Если представление об описываемой корейской реалии затруднено, или если реалия слишком сложна для передачи по-русски одним словом, то в этом случае нередко исследователь идет по пути простого транскрибирования.

Так, российский кореевед С. В. Волков в своей монографии «Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи» (М., 1987) вообще не дает переводов названий многочисленных должностей чиновников, о которых он пишет, приводя

¹ U. S. and Korea Agree on U. S. Troop Reduction and Korean Modernization // The Department of State Bulletin. 1971. March, 1. P. 263.

их названия исключительно в корейской транскрипции, что приводит к значительной ограниченности полноты описания предмета.

С другой стороны, автор настоящего исследования, еще в 1980-е гг. занимаясь изучением средневековой корейской образцовой истории «Корёса» («История Корё», 1451 г.), составил пока еще не опубликованный корейско-русский словарь придворных и провинциальных должностей, включающих 325 наименований. Несмотря на то, что перевод наименований чиновничьих должностей может быть не всегда точным, тем не менее, он позволяет понять русскоговорящему читателю сферу деятельности, степень ответственности и т.п. того или иного должностного лица.

Особым вопросом представляется путаница, возникающая в корееведческой литературе при обозначении названий государств и наименований правивших династий.

Так, например, в Корее с 1392 по 1910 год правила династия Ли, во время нахождения у власти которой на Корейском полуострове существовало два государства: королевство Чосон и Империя Великая Хан. Однако, следуя за ошибочной традицией перевода на русский язык слова *чо* (조, 朝, — «правлящий двор [государства]») как «династия», отечественные корееведы нередко допускают ошибку, называя государство Чосон, в котором проживали *чосонцы*, использовавшие *чосонский* (корейский) язык как «династия». Подобную ошибку, например, можно встретить в фундаментальном труде Т. М. Симбирцевой «Владыки старой Кореи» (М., 2012).

Помимо таких принципиальных вопросов, как ошибочное обозначение названий династий и государств древней и средневековой Кореи, существуют более специальные вопросы перевода на русский язык отдельных терминов. В исследовании более подробно рассмотрены такие термины как «рыцарь» (문객, 門客), «раб» (노비, 奴婢), «кисэн» (기생, 妓生) и ряд других, дается их объяснение и предложения по переводу.

Для принципиального решения вопроса унификации (создания) русскоязычных терминов, отражающих реалии древней и средневековой Кореи, автор предлагает следующие пути:

1. Повышение профессиональной квалификации исследователя через поездки в Южную и Северную Корею, посещение музеев, столичных и провинциальных исторических мест, работа в фольклорных экспедициях и т.п.;
2. Совместная работа со специалистами государств Корейского полуострова;
3. Создание корейско-русского толкового (энциклопедического) словаря исторических терминов (для начинающих).

Источники:

高麗史 (История Корё). Т. 1–3. Пхеньян, 1957–1958. (На древнекитайском языке).

Литература:

- Волков С. В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987.
- Курбанов С. О. История Кореи: с древности до начала XXI века. 4-е изд., испр. СПб., 2022.
- Курбанов С. О. Размышления об исторической науке и роли личности в истории (С примерами из истории Кореи). СПб., 2016.
- Музыканты и мстители: собрание традиционной корейской литературы XII–XIX веков. М., 2020.
- Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М., 2012.

Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)

Выставка «Электроника-88» в Ленинграде и процесс установления прямых советско-южнокорейских экономических связей

Выставка «Электроника-88» стала одним из первых деловых мероприятий в Советском Союзе, в котором приняла участие большая группа представителей бизнеса из Республики Корея. Проведение этой выставки внесло свою лепту в процесс оформления советско-южнокорейских экономических связей. С другой стороны, это был и пробный шаг к формированию в советском обществе имиджа РК как развитой современной страны с высокотехнологичной экономикой.

Данное исследование опирается на результаты анализа публикаций в советской (преимущественно ленинградской) и южнокорейской печати, посвященных проведению выставки «Электроника-88» и участию в нем представителей фирм из РК — Самсунг, Дэу, Голдстар и Тонвон.

Интерес представляют сообщения, которые были опубликованы в мае 1988 г. в ведущих городских и партийных изданиях, включая «Ленинградскую правду» и «Вечерний Ленинград». Необходимо отметить, что на формат подачи информационных заметок о выставке могли повлиять некоторые нюансы взаимоотношений Советского Союза с КНДР и Республикой Корея, а также позиция Пхеньяна по поводу установления советско-южнокорейских контактов. Возможно именно поэтому на страницах ленинградских газет был сделан акцент на проведении мероприятия западногерманским оператором (то есть, третьей страной с точки зрения межкорейского соперничества за дипломатическое признание), и практически не сообщалось о том, из какой именно страны происходят такие фирмы-участницы, как Самсунг, Голдстар и Дэу.

Вместе с тем, вышеуказанные обстоятельства не повлияли на информативность сообщений ленинградских газет о выставке. Из сообщений «Ленинградской правды», например, мы можем узнать, что мероприятие проводилось в течение

десяти дней (с 12 по 22 мая 1988 г.) во втором павильоне выставочного комплекса «Ленэкспо». Мероприятие проводилось гамбургской (ФРГ) фирмой Messe- und Ausstellungsgesellschaft Ost-Handel Consulting mbH при содействии ВО «Экспоцентр» Торгово-промышленной палаты СССР. Также «Ленправда» сообщала о посещении церемонии открытия выставки заместителем председателя Исполкома Ленсовета Г. А. Букиным¹.

Не исключено, что к маю 1988 г. могут относиться и первые интервью граждан Республики Корея ленинградским изданиям. В частности, статью под названием «Электроника-88», изданную в «Ленинградской правде» 13 мая 1988 г., украсил комментарий, как его представили горожанам, «руководителя международной службы фирмы «Голдстар» К. Ким», где говорится о «серьезных намерениях» южнокорейской чэболь относительно развития деловых связей с СССР².

Представляет интерес и статья «Сто тысяч посетителей», вышедшая 24 мая 1988 г. в «Ленинградской правде», где были кратко подведены итоги состоявшейся выставки. По информации газеты мероприятие привлекло большое внимание как зарубежной, так и советской общественности. «В дни работы экспозиции представители иностранных фирм обсудили с руководителями советских предприятий возможности научно-технического сотрудничества, кооперации, обмена технологиями, создания совместных предприятий» — сообщает корреспондент «Ленправды»³. Это говорит о том, что «Электроника-88» стала одной из первых площадок для общения между специалистами и представителями предприятий Советского Союза и Республики Корея.

Корреспонденты газеты «Вечерний Ленинград» также сообщали (17 мая 1988 г.) об «огромном успехе», которым выставка «Электроника-88» «пользовалась у ленинградцев и гостей города». Журналист издания А. Володин пишет: «Крупнейший стенд на выставке — фирмы «Самсунг». Она является одним из спонсоров летней Олимпиады нынешнего года, для которой, победив в большой конкурентной борьбе, поставит все электронное оборудование. Пока у фирмы нет торговых связей с нашей страной, но она надеется на их установление»⁴.

Статьи в периодических изданиях Республики Корея повторяют ряд фактов, перечисленных в ленинградских газетах, но при этом они способны дополнить картину, сообщая некоторые детали, не озвученные советской прессой. Так, корреспондент газеты «Чунъан ильбо» пишет о том, что экспозиция трех южнокорейских фирм заняла 80% площади павильона № 2 «Ленэкспо». В дополнение к этому, журналист издания отмечает высокий интерес не только чиновников (из министерств радиопромышленности, электронной промышленности и связи), специалистов (например, представителей ЛНПО «Позитрон»), но и горожан к выставке «Электроника-88». По мнению журналиста «Чунъан ильбо», позитив-

¹ Ленинградская правда. 13 мая 1988 г.

² Ленинградская правда. 13 мая 1988 г.

³ Ленинградская правда. 24 мая 1988 г.

⁴ Вечерний Ленинград. 17 мая 1988 г.

ным итогом своего участия в этом мероприятии представители деловых кругов РК сочли возможность освоить для себя рынок электроники в СССР¹.

Примечательно, что общим местом для статей о выставке «Электроника-88» в СМИ Республики Корея (а их было несравнимо больше, нежели в советских изданиях) стала констатация «высокого интереса» широкой советской общественности к технике, выставленной под брендами южнокорейских корпораций. Кроме того, внимание журналистов привлекло и то обстоятельство, что впервые корпорации РК смогли выставить свою продукцию под собственным брендом, хотя и при посреднических усилиях выставочного оператора из ФРГ². В целом, в духе тех лет, в материалах южнокорейских изданий красной нитью проходит стремление к установлению контактов с Советским Союзом, реалии которого воспринимаются с благожелательным интересом.

Соловьев А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Путь героя»: биографии Ким Юсина и Кунъе в «Самгук саги (Исторические записи Трех государств)» в контексте мономифа Дж. Кэмпбелла

Анализ биографий двух ярких исторических деятелей периода Трех государств и Объединенного Силла (I в. до н. э. — X в. н. э.) Ким Юсина (595–673) и Кунъе (869–918) в рамках структуры мономифа Дж. Кэмпбелла представляется интересной академической задачей по трем причинам.

При том, что оба аспекта нашего предмета (сами биографии Ким Юсина и Кунъе и сюжетная структура героического нарратива в мифах и легендах) по отдельности изучены достаточно детально, до сих пор не предпринималось попыток сопоставить корейский летописный нарратив и «Путь героя» — выведенную американским литературоведом и культурологом Джозефом Кэмпбеллом универсальную мифологию.

При том, что отдельные «микросюжеты» биографий Ким Юсина и Кунъе (например, историю об обретении Ким Юсином волшебного меча или эпизод с предсказанием на старом зеркале, включенный в биографию Кунъе) достаточно

¹ (7) 『백야』의 네바강변은 드라이브코스 (Поездка по набережным Невы [под воспоминания о романе Достоевского] «Белая ночь») // 중앙일보 (Чунъан ильбо). 07.07.1988. URL: <https://www.joongang.co.kr/article/2256725>

² См. напр.: "여기는 레닌그라드... 韓國상품에 큰 흥미" 本社, 電子쇼참가 李永瑞 大宇부사장 과 국제電話. (Штаб-квартира «Дэу» о международном телефонном разговоре с Ли Ён Со — заместителем директора «Дэу» — фирмы-участницы выставки электроники: «Я звоню из Ленинграда. Наблюдаю здесь высокий интерес к корейским товарам») // 조선일보 (Чосон ильбо). 14.05.1988.

легко интерпретировать как мифологические по своей природе вставки, обращение к категории мономифа позволяет, во-первых, верифицировать мифологическое/легендарное происхождение этих вставок, а во-вторых — попытаться выстроить взаимосвязь между ними и «макросюжетом» биографии.

Выявление типологически равнозначных элементов сюжета в биографиях двух антагонистических исторических персонажей (если Ким Юсин выведен как идеальный подданный, мудрый, добродетельный и преданный, тогда как Кунье — как такой же идеальный злодей-узурпатор, жестокий и безнравственный) позволит уточнить особенности канона корейского историописания.

Кроме того, мы сможем проследить влияния различных культурных традиций (не только конфуцианской, которая представляется вполне очевидной, но и буддийской, даосской, а также автохтонно корейской) на структуру и композицию биографий.

Биографии Ким Юсина и Кунье позволяют выполнить подобное сопоставление, поскольку одни из немногих в разделе жизнеописаний (кор. — Ёльчон) «Самгук саги» они представляют собой достаточно пространное изложение судьбы героя от его рождения до смерти. Таких «монобиографий» (термин В. М. Алексеева) в корейской летописи совсем немного (фактически, всего три), что, возможно, делает нашу выборку недостаточно репрезентативной, однако в этом случае мы можем опираться на идею В. Я. Проппа о том, что «если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен».

На более высоком уровне обобщения интересным представляется также сопоставление мироустроительной функции текста биографий как интегральной части всего исторического сочинения с мироустроительной ролью героя в мономифе. О мироустроительной задаче своей текста автор-составитель «Самгук саги» Ким Бусик (летопись преподнесена государю Инджону в 1145 г.) совершенно определенно говорил в письме вану: «Исторические записи» составлялись с тем, чтобы исправить ситуацию, когда «нынешние мудрые мужи..., когда речь заходит о делах нашего государства, оказываются в полном невежестве, не знают ни начала их, ни конца», а древние записи «из-за грубого и несовершенного слога, из-за больших пропусков в фактических сведениях ... непригодны для выявления добродетели и зла государей и государынь, преданности и предательства вассалов, умиротворения или смуты в государстве, благополучия или мятежности в народе, что могло бы служить назиданием для потомков».

Совпадения же «макросюжетных» элементов мономифа и биографий реальных исторических персонажей позволит нам сделать предположение о том, что в структуре исторического мироустроительного текста (в процессе — по Хобсбауму — «изобретения традиции») для автора мифологические/легендарные по своему генезису и фактологические элементы были равнозначными постольку, поскольку они отвечали его главной цели: созданию сакрализованного социально-корректирующего текста в рамках мироустроительного ритуала.

Финько Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные направления и проблемы изучения развития городского пространства Сеула в современной южнокорейской историографии

Вопросы связанные с процессом развития города и городского пространства Кореи в доколониальный период стали предметом оживленных дискуссий в южнокорейской историографии начиная с 1990-х гг. прошлого столетия. В свою очередь, в отечественной историографии вопрос развития города на Корейском полуострове до 1945 г. либо не рассматривается вовсе, либо кратко затрагивается в контексте социально-экономических процессов на Корейском полуострове.

В работе осуществляется попытка выделить основные тенденции и направления исследований, проводимых в Республике Корея по истории развития городского пространства Сеула в период с «открытия» страны в 1876 г. до периода аннексии в 1910 г. Основное внимание уделяется южнокорейским исследованиям 2000–2010-х гг. Проанализированы основные направления в освещении процесса трансформации корейского города во второй половине XIX — начало XX вв., представлены основные выводы наиболее влиятельных исследователей на современном этапе.

Делается вывод, что до начала 1990-х гг. исследования ограничивались либо общими статьями в журналах краеведческой направленности, либо глобальными, многотомными исследованиями истории Сеула как административного центра Кореи. Полноценные и главное разнообразные научные исследования начались только после 1994 г., когда в рамках проекта «Сеул, новое рождение», приуроченного 600-летию со дня провозглашения Сеула столицей корейского государства, была проведена первая крупная конференция, где были представлены доклады, охватывавшие широкий круг вопросов по исследованию истории Сеула. Далее за первые полтора десятилетия 2000-х гг. направления исторических исследований Сеула резко расширились и продвинулись вперед как в качественном, так и в количественном отношении. Такая активизация исследований привела к формированию полноценного исследовательского направления «*соуль-хак*» (서울학), т. е. науки [по изучению Сеула]. В рамках этого направления южнокорейскими исследователями, с помощью интердисциплинарного подхода, всесторонне изучается создание, рост, развитие и трансформация городского пространства Сеула в таких областях, как политика, общество, экономика, география, культура, урбанистика, архитектура и пр. Изменение методологии исследования, в свою очередь, привело к появлению полноценных исследований по общей городской истории, урбанистике и региональных исследованиях, социально-экономическая жизни городов и пр. Также благодаря проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что южнокорейские исследователи все еще не едины в вопросе периодизации начала городских преобразований на Корейском полуострове. Несмотря на популярное

среди исследователей мнение, что преобразование городского пространства Сеула началось лишь в колониальный период, все чаще появляются работы, в которых исследователи приходят к выводу, что уже на рубеже XIX–XX в. Хансон постепенно начинает приобретать облик того Сеула, который мы знаем сейчас.

В связи с этим подобный историографический анализ и полученные результаты исследования могут быть важны как для углубить представления о процессах и характере изменений, происходивших в Корее начиная с открытия страны в 1876 г. А также поможет расширить предметное поле современной историографии по периоду для отечественных исследователей.

Чеснокова Н. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Мозаика Ли Сонге (1335–1408): конструирование мифа об основателе династии

Исторический факт: 17 числа 7 лунного месяца 1392 г. на престол корейского государства взошел генерал Ли Сонге 李成桂 (1335–1408, правил 1392–1398).

Его потомки останутся у власти до 1910 г., и династия Ли станет самой долгой правящей корейской династией. В 1392–1897 гг. она будет руководить королевством Чосон, в период 1897–1910 гг. — корейской империей Тэхан чегук. Сам генерал Ли Сонге в 1398 г. отойдет от дел, и начнется первая «война принцев». В 1408 г. он умрет и получит посмертное храмовое имя Тхэджо 太祖, «великий предок». Позднее его потомки будут вспоминать своего пра[...]деда как великолепного талантливого генерала, мудрейшего человека и избранника Неба. О нем придворные чиновники напишут исторические сочинения, а народ сложит легенды и расскажет волшебные сказки.

Но что действительно мы знаем о Ли Сонге? Где кончается Ли Сонге — человек, но начинается Ли Сонге — миф? Можем ли мы выявить структуру «мифа», расколов панцирь художественных образов?

Первыми источниками, которые давали представление о жизни и характере лидера государства, стали хроники «Истинные записи [правления] династии Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*, составлялись с 1413 по 1865 гг., рассматривали историю Чосона с 1392 г.)¹ и поэтический памятник «Ода о драконах, летящих к небу» 龍飛御天歌 (*Ёнби о чхонга*, составлялись в 1445–1447 гг.). Первый памятник непосредственно фиксирует основные события каждого дня правителя, а второй укрепляет легитимность правящей династии через сравнение эпизодов из жизни правителей корейских и китайских государств.

¹ Истинные записи [правления] династии Чосон (*Чосон ванджо силлок*). URL: sillok.history.go.kr/main/main.do

Однако задумываясь о том, на что еще могли опираться чиновники раннего Чосона, создавая нерушимый легитимный облик Тхэджо Ли Сонге, мы приходим к выводу, что важную роль сыграл также известный чосонцам опыт создания легенды (или легенд) о Ван Гоне 王建 (877–943, правил 918–943), основателе государства Корё (918–1392), которому Чосон наследовал. Ван Гон также был посмертно назван Тхэджо — «великим предком», и основная легенда, легитимирующая его право на трон, была зафиксирована довольно поздно — в источнике «Всеобщие анналы» 編年通錄 (*Пхённён тхоннок*, XII в.). Важно, что летопись «История Корё» 高麗史 (*Корёса*)¹ в 139 книгах, куда вошли и сведения о Ван Гоне из «Всеобщих анналов», была закончена в 1451 г. Т.е. в один и тот же период перед придворными чиновниками — элитой, которая имела доступ к текстам, связанным с деятельностью правителей, — стояла одна и та же задача: укрепить легитимность действующего правителя, опираясь на существующие модели. Поэтому мы считаем возможным не только анализировать образ Ли Сонге в чосонских источниках, но и сравнивать его с тем, как был описан Ван Гон — тем более что у них есть общая черта: оба мужчины были военными, которые бросили вызов существующей династии.

В процессе исследования мы обнаружили, что существует мало исследований, которые посвящены непосредственно Ли Сонге и его мифологическому образу. В качестве исключения можно назвать, например, статью Дона Бейкера², а также достаточно обширные комментарии к «Оде о драконах, летящих к небу»³ и глубокий разбор правления Ли Сонге в англоязычном переводе его хроник из «Истинных записей [правления] династии Чосон»⁴. На корейском языке, к сожалению, на данный момент мы смогли найти только отдельные комментарии о правлении Ли Сонге, но не исследование его образа как такового.

Опираясь на изученный нами материал, мы пришли к выводу, что Ли Сонге не только, как широко известно: а) избран Небом, ведь Небо, «подтверждая», положительно отреагировало на восхождение Ли Сонге на престол, одарив народ проливными дождями после долгой засухи; и б) имел не только выразительную (особенную!) внешность — «большие уши»; но и особые спортивные таланты — в частности, в игре в поло. Но также исключительно единообразно Ван Гоню приходит к власти: в описываемом «ритуале» смены правителя функционируют одни и те же «архетипы» или собирательные образы — «плохой правитель» (Кунъе для Ван Гона; Конъян-ван для Ли Сонге), избранник народа

¹ История Корё (*Корёса*). URL: kyudb.snu.ac.kr/pf01/rendererImg.do.

² Baker D. Rhetoric, Ritual, and Political Legitimacy: Justifying Yi Seong-gye's Ascension to the Throne // *Korea Journal*, vol. 53, no. 4, 2013. P. 141–167.

³ Ода о драконах, летящих к небу / пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е. Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна прим. Е. Н. Кондратьевой, О. М. Мазо. М.: Вост. лит., 2011. 239 с.

⁴ *The Annals of King T'aejo, Founder of Korea's Choson Dynasty* / transl. and annotated by Choi Byonghyon. Harvard University Press, 2014. 1,028 pp.

(Ван Гон; Ли Сонге) и сам народ — представленный двумя группами: мужской и женской. В случае Ван Гона «женщина» — его собственная жена, которая подает ему оружие. В случае Ли Сонге — это группа женщин, гарем Конъян-вана, который отворачивается от своего законного «старшего». Мы не случайно выбираем здесь именно термин «старший» — опираясь на систему облика, разработанную М. И. Никитиной (1930–1999), мы предлагаем воспринимать описанных выше женщин как «младших», которые своими действиями усиливают функции «старшего» или, как в случае с Конъян-ваном, просто покидают «старшего», который перестал соответствовать облику идеального правителя.

Хотелось бы отметить, что мы рассматриваем именно «первое приближение» — т. е. начало формирования образа Ли Сонге как идеального правителя, выбранного Небом. Процесс продолжался фактически на протяжении всего правления династии Ли. К Ли Сонге обращались его потомки, утверждая через сакрализацию его облика свою с ним связь и свою легитимность. К Ли Сонге обращалось безымянное население Корейского полуострова, представляя его как «хорошего» правителя и противопоставляя иным — в частности, генералу Чхве Ёну 崔瑩 (1316–1388), основному конкуренту Ли Сонге в конце XIV в. Мы надеемся продолжить изучение данной темы в динамике.

СЕКЦИЯ XII • SECTION XII
МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA,
TIBET AND BUDDHISM

Алексеев К. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Организация дублей в структуре монгольского
рукописного Ганджура**

Рукописное издание монгольского Ганджура (многотомного собрания буддийских канонических сочинений) было осуществлено в 1628–1629 гг., в правление Лигдэн-хана Чахарского. На сегодняшний день не установлено, какой из тибетских сборников аналогичного толка послужил моделью для составления монголоязычной версии буддийского канона, поскольку состав и структура Ганджура Лигдэн-хана напрямую не соотносятся ни с одним из них.

Как и тибетские Ганджуры, монгольский рукописный сборник содержит ряд дублей. Причины включения одного и того же текста два, или даже три раза, в тибетские и монгольские канонические сборники, а также фактическое соотношение дублей (их идентичность) до сих пор не исследованы. Между тем их изучение может пролить свет на организацию работы по составлению буддийского канона в целом.

В монгольском рукописном Ганджуре было выявлено около 120 дублей. Их состав и распределение по томам не совпадают ни с одним из известных тибетских сборников. При этом, если в тибетских Ганджурах «тиражируется» один и тот же перевод канонического текста, в монгольском рукописном сборнике дубли — это, как правило, разные переводы одного и того же тибетоязычного текста. Это означает, что при осуществлении рукописного издания монгольского Ганджура 1628–1629 гг. отсутствовала идея унификации канонических текстов, стремление к которой просматривается в более поздних редакциях буддийских сочинений.

Асалханова Е. В. (Усть-Ордынская детская школа искусств, Иркутск)

Монгольские народные картинки (рисованные игральные карты, календари, гадательные образки), шахматы, домино как самобытное выражение традиционной культуры

Издавна среди монгольских народов были распространены рисованные календари, гадательные образки, игральные карты *хозор*, *уйчуур* и др. Они представляли собой чаще всего прямоугольники из бумаги, иллюстрации на которых порой сопровождалось небольшим текстом. Каждый такой лист является оригинальным произведением искусства. Игральные карты по понятным причинам очень быстро изнашивались. На немногих сохранившихся образцах имеются потертости, загрязнения, рваные края, комплекты карт зачастую неполные.

История игровых карт прослеживается с IX в., которым датируются первые упоминания об этой игре в Китае. Незадолго до этого китайцы стали использовать в книгопроизводстве отдельные листы бумаги вместо длинных свитков. Китайская колода состояла из карт четырех мастей: монеты, связки монет (в Древнем Китае монеты имели отверстия для ношения на веревочке), мириады (то есть десять тысяч монет) и десятки мириад.

На монгольских гадательных картах мы видим антропоморфные изображения планет (покровители дней недели: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн), звезд и созвездий, хранителей сторон света, донаторов, богинь с подношениями, духов земли, вод, шаманских тенгриев.

В традиционном быту были необходимы календари. Так, в Национальном музее Усть-Ордынского Бурятского округа находится рисунок с изображением календаря (Бурятия, начало XX в. Бумага, карандаш, гуашь. 17,5 × 14,5 см. Поступление: 1947 г. Инв. № УО-175-оф). В центре композиции — круг с магической диаграммой: тибетские цифры от одного до девяти, известные как девять «мэнгэ» (тиб. *me-ba*), число «пять» находится в середине, а остальные восемь цифр располагаются вокруг так, что их сумма составляет пятнадцать по горизонтали, вертикали и диагонали. Считается, что «волшебный круг» был изобретен знаменитым проповедником Падмасамбхавой (VIII в.). По ободу круга расположены двенадцать слов на монгольском языке, названия двенадцати зодиакальных животных: хулугана (мышь), ухэр (бык), барс (тигр), туулай (заяц), луу (дракон), могой (змея), морь (лошадь), хони (овца), бичин (обезьяна), тахиа (курица), нохой (собака), гахай (свинья, кабан). Вокруг круга размещены изображения этих животных. Бумага желтого цвета, типа оберточной, ломкая, с рваными углами. Изображение вставлено в потертую деревянную рамку коричневого цвета. Тибетские буквы, а также изображения некоторых животных (зайца, тигра, быка, лошади) подкрашены белой краской. Произведение, по-видимому, было выполнено дацанским художником и представляет собой интересный образец народного творчества.

Рисунки на игральных картах *хозор* представляют собой небольшие жанровые сцены. Композиция из фигур и знаков масти гармонично организует пространство листа, органично вплетая имеющие вроде бы только функциональное значение масти в сюжет каждой карты. Монгольские игральные карты отличались национальным своеобразием: на фигурных картах тузы, короли, дамы, валеты различных мастей (полумесяца, наконечника и др.) изображались в виде важных персон, нойонов и их жен в национальных костюмах, головных уборах, обуви. В XIX в. иллюстрации к народным традиционным играм таким, как игральные карты *хозор*, трансформировались из простых картинок в особый тип графического искусства, который иллюстрировал повседневную жизнь монгольского народа (кузнецы за работой, всадники и т. п.).

Игральные рисованные карты *уйчуур* представляют собой самобытный образец анималистического жанра в изобразительном искусстве Монголии. Изображения животных и птиц не повторяются, они показаны в разных ракурсах. Например, на одной карте олень бежит в стаде, перед ним видны задние ноги другого бегущего оленя, на другой карточке олень стоит и почесывает задней ногой морду. На карточках с изображением зайцев на одной заяц нарисован только одной линией, он смотрит вверх, на другой заяц нарисован в другом движении и показана фактура его шерстки в технике сухой кисти. Изображения животных свидетельствуют о наблюдательности народных художников, знании ими повадок диких зверей.

Настольная игра *хорол* — монгольское домино, состоит из 64 штук размером 4х3х0.8 см. Костяшки домино выполнены в виде невысокого рельефа в технике резьбы и росписи по дереву. На рельефах изображены двенадцать зодиакальных животных, мифическая птица *гаруда* и символические орнаменты (свастика, колесо Учения, драгоценность *чинтамани*). Изображения животных и птиц отличаются разнообразием и выразительностью.

Национальные шахматы *шатар* представляют собой оригинальное произведение декоративно-прикладного искусства, шахматные фигуры отражают образ жизни монгольских народов. Шахматы — настольная игра 32 фигурами (по 16) на 64-клеточной доске для двух партнеров. Родина шахмат, как известно — Индия, где не позднее V века сложилась предшественница шахмат — игра *чатуранга*. Шахматная игра имитирует военные действия. В монгольских шахматах король изображается в виде хана, иногда со слугами, ферзь — ханша или лев-*арслан*. Шахматные фигуры искусно вырезаны из дерева, это миниатюрная круглая скульптура. Вместо слонов у монголов изображаются верблюды, вместо ладьи — конные повозки. Все изображения реалистичны: пешек (пехоту) представляют кони, тигры, могут быть скачущие всадники или борцы.

Таким образом, рисованные игральные карты, календари, гадательные образки, домино, шахматы — это самобытное выражение народной культуры, подлинные произведения искусства. Они дают представление о быте монгольских народов, национальном костюме, орнаменте и типичных занятиях (музицирование, беседа,

курение табака, стрельба из лука и др.). Это прекрасные народные образцы графического и декоративно-прикладного искусства, представляющие большую историческую и художественную ценность.

Бадмаева Л. Б. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

«Воспоминания 1873 года...» как один из жанров вербальной традиции бурят

В Институте восточных рукописей РАН под номером Е 219 хранится рукопись бурятского происхождения на монгольском языке. Она называется: *Tede ayui yeke degedü / ejen imperatur edüge/ amuyulang-iyar ayiladuyči / qoyaduyar aliysandari niqulayivisi-yin / yurbaduyar tayiji yeke kinaza / aliysi aliysandaraviisi-yin bayiyal-un / emüneki oblusti-yin nituy-ud-iyar / jalaran gegergülegsen bayasqulang-tu / çay-un učira dursqal-un / temdeg. nige mingy-a nayman / jaγun dalan yurabaduyar on-a* («Воспоминания о радостном времени пребывания в 1873 г. в Забайкалье Его Высочества великого князя Алексея Александровича, третьего сына Его Величества великого императора Александра II Николаевича, ныне благополучно соболаговольяющего»). Великий князь посетил бурятские степи после двухгодичного кругосветного путешествия в 1871–1872 гг. На фрегате «Светлана» он совершил плавание в Северную Америку и, обогнув мыс Доброй Надежды, посетил Китай и Японию.

Автором этого сочинения является известный бурятский летописец Вандан Юмсунов (1823–1883), создавший в 1875 г. крупную летопись об истории хоринских бурят: *Qori-yin arban nigen eçige-yin jon-u uy iγayur-un tuγuji* («История происхождения народа одиннадцати хоринских отцов»). Вандан Юмсунов был незаурядным представителем своего времени. Он окончил английскую миссионерскую школу, открытую в 1828 г. в Кудуне англичанами Эдвардом и Сарой Сталлибрасс.

Автор в колофоне пишет: «Я написал эти заметки о доселе невиданном событии, происшедшем у нас, проживающих в отдаленных краях, столь радостном и счастливым дне, чтобы они были интересными и памятными для наших будущих потомков. Глава хоринского рода *цаган* Вандан Юмсунов, 8 июня 1873 г.» (Здесь и далее перевод наш. — Л. Б.).

Для более полной характеристики сочинения Вандана Юмсунова (1873) приведем один характерный отрывок, отличающийся сложной конструкцией: *masi yeke bayasulçin, tede-i bayasqulang-tai wγtuqu-yin küseleng-iyer, qoyurumda-ban yeke bayar-tai ningtaldan jöbsilelçejü / öberün qoyurunda-yin sayiqan sedkil-ün duran-u ergüçe-ber / süriüg mönggü quriyaγu, tegüber-iyen kiyaytu-yin orus / uran darqasid-nar-tur doluyan pün-te çayan mönggün tabay, tegün-ü dotur-a qayas pün-te tedüi altan / qayilyulan doturlaju eldeb-iyer kebegelen, tere tabay-un / köbege deger-e nayman jüg-tü sokimal sula altan-bar / çeyilbüri γaruyan kiγsen-ü yangza-yi temdeglebesü, eyimü tabay ba, biden-ü noyan*

qori-yin kalavanui tayiša gūbernsqui / sikritur badma vačir-un ber öberün / sang-ača nige pūd čayan mönggüber / öberün buriyad uran darqan-du / dabusun-u ayay-a yadaγurban / tede yeke kinaz aliysi / aliysandaravisi-yin gegen-e qori-yin jon-u ergül kemen / čeyilbüri-tei-yi bütügelgeged, küliyejü bayišan bui: («Чрезвычайно обрадовавшись, дружно договорившись между собой, мы от чистого сердца собрали пожертвования для организации радостной встречи [Его Высочества]. На собранные деньги заказали кяхтинским русским искусным мастерам серебряное блюдо весом в 7 фунтов, с позолотой изнутри весом в полфунта. Наш хоринский главный тайша, губернский секретарь Бадма Очирон выделил из личной казны 1 фунт белого серебра и заказал бурятскому искусному *дархану* солонку, на которой было высечено: «Его Высочеству великому князю Алексею Александровичу от хоринских бурят». Приготовив такие подношения, мы были в ожидании [прибытия великого князя]»).

Анализируемое произведение от начала до конца пронизано искренней радостью от встречи с молодым великим князем. Автор, являясь очевидцем этого выдающегося события, сам испытал немало душевных волнений и переживаний от увиденного. В. Юмсунов постарался передать то воодушевление, которое царило в обществе в этот момент. Он документально, буквально пошагово, описал события того памятного дня: описал *дуган*, который был специально построен в честь приезда великого князя, обстановку в нем, вплоть до обивки сидений для высоких гостей; обрисовал подарки, которые были преподнесены великому князю, описал церемонию вручения и принятия подарков и т. д. К тому же мужественный образ Алексея Александровича, простота его манер пробудили живой интерес народа и усилили симпатии к нему. В целом, этот визит имел большое дипломатическое значение, он способствовал укреплению контактов России с зарубежными странами. А приезд великого князя Алексея Александровича в Забайкалье стал важнейшим событием в жизни хоринских бурят.

Таким образом, данное сочинение имеет все признаки мемуарного жанра: достоверность, документальность, которые основываются на личных впечатлениях и свидетельствах очевидцев описываемого события. Поэтому мы полагаем, что данное произведение по жанровым признакам следует отнести к мемуарному жанру бурят.

Бикмаева К. И. (ИСАА МГУ, Москва)

Восстановление национальной монгольской письменности в 1980-е годы

Отличительной чертой языковой политики в Монголии является ориентированность на вопросы национальной письменности. Процессы унификации и реформирования письма происходили и в средние века, а особое развитие

получили в XX в. Несмотря на то, что неоднократно вводились новые системы письменности, национальное монгольское письмо практически всегда оставалось в статусе официального.

В 1941 г. после проведения реформы письменности и перевода монгольского языка на кириллицу статус вертикального письма изменился. Несмотря на то, что «старое письмо» запрещено не было, сфера его применения заметно сузилась¹. Реформа письменности стала важной вехой в истории монголов, ознаменовав начало строительства новой культуры и складывания новой идентичности. Тем не менее, этот процесс был достаточно длительным и тяжелым: по-прежнему большая часть населения, особенно старшее поколение, использовали две системы письменности. Уже в 1970-е гг. изучение национальной монгольской письменности возобновилось. Окончательно же «реабилитация письменности» началась после отставки Ю. Цеденбала в 1984 г.²

Сменившееся руководство МНР, среди которого стало все больше молодежи, уделяло внимание традициям, монгольской культуре и истории³. Это сделало монгольское вертикальное письмо своеобразным символом национальной идентичности. Восстановление письменности началось с изучения литературных памятников и введения в школьную программу соответствующих предметов. В 1986 г. были изданы учебники для 7 и 8-го классов, и официально началось преподавание монгольской письменности в общеобразовательных учреждениях. В 1989–1990 учебном году в общеобразовательной школе №1 был открыт экспериментальный первый класс, для которого учебные материалы по всем предметам были на национальной монгольской письменности. Позднее при крупных организациях создавались кружки письменности.

XX в., несомненно, стал периодом расцвета Монголии. Однако проведение реформы письменности, в частности кириллизации, сильно отразилось на национальной культуре. В 1980-е гг. все чаще поднимался вопрос об утере национальной культуры из-за слабого изучения национальной монгольской письменности, что вело к разрыву с традициями, тысячелетней культурой и историей. Осложнялось все тем, что оставалось меньше людей, способных читать литературу, особенно художественную на национальной монгольской письменности⁴.

Письменность является важнейшей формой языка, через которую происходит его распространение и усвоение. Говоря об истории Монголии, необходимо обратить внимание, что письменность была, своего рода, отражением различных

¹ Ардын боловсрол, соёл-урлаг, шинжлэх ухааны талаарх их ууль тогтоомжийн системчилсэн эмхэтгэл (1964–1967 он). III боть. (= Систематический сборник постановлений и законов в области народного образования, культуры, искусства и науки (1964–1967). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэгэрхлэх хороо, 1968. 193 х.

² Grivelet S. Reintroducing the Uighur-Mongolian Script in Mongolia Today // *Mongolian Studies*. Vol. 18, 1995. P. 49–60.

³ Яскина Г. С. История Монголии. XX век. М., 2007.

⁴ П. Хорлоо. Үндэсний бичгээ өргөн дээдэлье (= Будем почитать национальную письменность) // *Үнэн* (=газета «Правда»). 18.03.1990 №66 (17596).

политических изменений. Например, в период правления Хубилай-хана — 1271–1294 — в империи Юань, квадратное письмо играло объединяющую роль, а кириллица в 1940-е годы должна была способствовать ликвидации неграмотности и созданию новой культуры¹. Начиная с Хубилай-хана, письменность отражала, как политические, так и культурные изменения.

В данном докладе мы рассматриваем процесс восстановления национальной идентичности путем постепенного возрождения традиционного монгольского письма. Для осуществления данной цели были использованы законодательные акты, сборники и материалы прессы указанного периода на монгольском языке.

В ходе исследования удалось прийти к выводам, что с середины 1980-х годов языковая политика стала постепенно разворачиваться в сторону восстановления изучения и употребления монгольской национальной письменности. Во многом этому способствовали изменения, происходившие в МНР. Именно в тот период была заложена основа тем процессам по возрождению национальной монгольской письменности, которые продолжаются и сегодня.

Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)

Гравировки фигур в длиннополых одеждах на скалах Хакасии: картина «Кочевники» и монголо-кыргызские матримониальные контакты

Один из самых интересных памятников наскального искусства северной Хакасии — Ошкольская писаница. Памятник открыт и обследован в конце XIX в. экспедицией Й.-Р. Аспелина². На плоскости 1 первого яруса присутствуют гравировки фигурок-«сапожков» — схематичные изображения людей в длиннополых одеждах. Всего известно более 30 фигур в длиннополых одеяниях, размещенных на тринадцати скальных плоскостях, все на северо-западе Хакасии, в ограниченном районе радиусом не более 20 км³.

Й.-Р. Аспелин высказал предположение, что персонажи в длиннополых одеждах изображали жрецов. Эта версия была подхвачена многими более поздними исследователями. Расходились они только во мнениях, жрецы какой именно религии

¹ Mayagmar S. Official Script Changes in Socialist Mongolia // *Socialist and Post-Socialist Mongolia: Nation, Identity, and Culture*. Edited by Simon Wickhamsmith, Phillip P. Marzluf. Routledge, 2021. 282 p.

² Панкова С. В. Ошкольская писаница в Хакасии // *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии*. Труды САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 76.

³ Панкова С. В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на севере Хакасии // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2013. № 1 (5). Серия: Археология. Вып. 1. С. 143.

представлены на скалах — манихейства или несторианства. И. Л. Кызласов считал фигуры в длиннополых одеяниях женщинами — так называемыми «дипломатическими невестами», привозимыми на Енисей посольствами из Китая¹. Открытие Чульской писаницы, среди изображений которой явно присутствуют женские фигуры, послужило веским аргументом в пользу подобного мнения².

Практически все исследователи единодушно относили фигуры в длиннополых одеждах к таштыкской археологической культуре (т. е., к раннему средневековью). Правда, такие изображения отсутствуют на резных деревянных миниатюрах, найденных в таштыкских склепах, а в наскальных гравировках не взаимодействуют явным образом с бесспорно таштыкскими персонажами. В этой связи, безусловного внимания, как аналогия хакасским «сапожкам», заслуживает средневековая китайская картина «Кочевники» (番骑图 *Фаньци ту*).

До недавнего времени картина «Кочевники» (26,2×143,5 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Пекин) приписывалась Ху Хуаню 胡环 (Ху Хуаю 胡鑣) — киданю, жившему в государстве Ляо 遼 (916–1125) в первые десятилетия его существования, то есть, согласно традиционной китайской хронологии, в эпоху Пяти династий (907–960)³. На картине нет подписи или печати автора. Одной из причин ее отнесения к творчеству Ху Хуаня, возможно, послужило введение в живописную композицию рисунков верблюдов и лошадей в технике, отвечающей ее характеристике, данной Го Жосюем⁴.

Около 15 лет тому назад известный китайский историк искусства профессор Сюй Банда (徐邦达, 1911–2012) обратил внимание, что на картине изображены женщины в *богтаг* (бокках) и, следовательно, она не могла быть создана ранее частичного (первая половина XIII в.) или полного (эпоха Юань, 1279–1368) завоевания Китая монголами. Проведенное нами независимое исследование, не учитывающее датировку головных уборов, также показало, что картина «Кочевники» не может принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX — начале X в. Она должна датироваться серединой — второй половиной XIII в.⁵

¹ Кызласов И. Л. О свадебном наряде средневековых хакасок // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Материалы III междунар. археол. конф. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2001. Т. 1. С. 156.

² Рыбаков Н. И. Отдельная манихейская миссия на Июсы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат-лы Межд. науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Т. 2. С. 100–101.

³ Чжунго жэньу хуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏。张弘主编] Собрание шедевров китайской фигуративной живописи. Под ред. Чжан Хуна. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. С. 56. (на кит. яз.); Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏。蒋文光主编]. Собрание известных китайских картин прошлого. Под ред. Цзян Вэньгуана. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. С. 520. (на кит. яз.)

⁴ Го Жо-сюй. Записки о живописи: Что видел и слышал. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 43.

⁵ Варенов А. В., Пан Т. А. Средневековая китайская картина «Кочевники» и проблема ее атрибуции // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 4: Востоковедение. С. 21–41. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-4-21-41.

По мнению китайских исследователей, самое раннее упоминание богтаг (кит. гу-гу или гугугуань) встречается в «Тайной истории Монголов» («Сокровенном сказании») в рассказе о том, как овдовевшая в 1170 г. мать будущего Чингис-хана пыталась выжить и добыть еду себе и детям. Одно из самых поздних упоминаний есть в книге «Обычаи северных варваров» (北虜风俗, Бэйлу фэнсу), составленной при империи Мин в год цзя-у (甲午) правления под девизом Ваньли (万历, 1594 г.) где отмечается, что жены знатных монголов носят длинное красное платье и высокую шляпу. Далее там же сообщается, что бокку надевает девушка, выходящая замуж.

Таким образом, фигуры на картине «Кочевники» можно расценивать как изображение свадебной процессии. Выходящая замуж девушка идет рядом со своей матерью и ведет в поводу верблюдицу, скорее всего, нагруженную приданым. Невеста еще не облачилась в полный женский наряд. Красного цвета у нее лишь наплечная накидка (часть *богтаг*), а не все платье. Отец молодой замыкает процессию. На нем шапка с красным верхом, а с узды его коня свисает красная кисть (также являющаяся символом знатности).

Исходя из вышеизложенного, концентрация наскальных изображений персонажей в длиннополых одеждах в междуречье Белого и Черного Июсов могла отражать матримониальные контакты монгольской знати XIII–XVI вв. (в том числе, и западно-монгольской, т. е. джунгаров и их прямых предков) с представителями политического центра енисейских кыргызов, который располагался в указанном районе вплоть до XVII в.¹

Кузьмин Ю. В. (БГУ, Иркутск)

Военные монголоеды и разведчики России о треугольнике отношений Россия — Монголия — Цинская империя в начале XX века: историография проблемы²

В советской историографии военное востоковедение изучалось длительное время избирательно и излишне обзорно. Геополитические интересы Российской империи в Центральной Азии, Монголии, Цинской империи, Тибете, а также геополитические национальные интересы военных экспедиций в Монголию не формулировались и находились в «тени» историографии. Целый пласт военных

¹ Панкова С. В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. 2. С. 139.

² Грант РФФИ 20–59–44008 Монг_а Мировое на российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии.

экспедиций начала XX в. в Монголию вообще не был введен в научный оборот, ряд из книг находились спецхранах и были недоступны исследователям. В 1990-е годы началось изучение этих подробных материалов военных экспедиций, которые направлялись для изучения возможных театров военных действий, экономического и военного потенциала стран Восточной Азии, составления подробных географических, топографических карт Монголии, Северной Маньчжурии.

В 2000-е гг. продолжилось переосмысление военной истории России, изучение проблем становления и развития внешней разведки страны, появились более объективные исследования об офицерском корпусе страны. Стали издаваться биографии известных военных деятелей, связанных с восточным направлением: И. М. Венюкова, А. Н. Куропаткина, Л. Г. Корнилова, К. Маннергейма, П. К. Краснова, Г. Семенова, Р. Унгерна, а также менее известных военных монголоведов В. Л. Попова, А. М. Баранова, А. Хитрово, И. Тонких, Ю. Куселева, М. А. Полумордвинова.

В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России, в том числе и по монгольской тематике. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область изучения востоковедения. Ряд военных экспедиций носил секретный или полужакрытый характер, поэтому некоторые аналитические материалы военных экспедиций были не доступны исследователям. Публикации о российском военном востоковедении в Северо-Восточной Азии были представлены в работах М. К. Басханова, А. А. Олесникова, Н. А. Амоилова, В. В. Глушкова, А. А. Шаравина, А. В. Постникова, В. Г. , Ю. В. Кузьмина, Е. В. Бойковой, Г. В. Мелихова, А. Л. Котенко. Особо можно выделить исследования М. К. Басханова «Русские военные востоковеды. Библиографический словарь» (2005), «История изучения восточных языков в русской императорской армии» (2018), в которой восстановлена история 24 военных учебных заведений России. Отметим также вклад в тему Ю. В. Кузьмина «Монголия и Китай начала XX в. в оценках российской военной разведки» (2007г.), Е. В. Бойковой «Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX в.)» (2014).

Военные монголоведы предлагали собственную трактовку международной ситуации в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений. Данные оценки имеют оригинальный характер в общественно-политической мысли России, существенно отличались от оценок российских дипломатов, торговых деятелей центральной России и Сибири, ученых-монголоведов, журналистов, представителей различных партий России. Подавляющее большинство военных монголоведов видели серьезную опасность в китайской экспансии в Монголии и предлагали сохранить Монголию как буферную территорию. «Желтая опасность» для России рассматривается как угроза национальным интересам страны на Дальнем Востоке и Восточной Сибири.

Выделяются следующие исследования военных специалистов: полковника Генерального штаба А. А. Баторского, полковника В. Ф. Новицкого, подполковника Барабаша, капитана В. Л. Попова, А. Н. Куропаткина, поручика Ю. Кушелева, капитана С. Д. Харламова, капитана И. Тонких, ротмистра А. Баранова, подполковника Полтавцева, сотника Дорофеева. Необходимо особо отметить научный вклад крупных военных монголоведов: полковника А. М. Баранова, составителя словарей и научных исследований Монголии, полковника В. Л. Попова, крупного исследователя «урянхайского вопроса», полковника А. Д. Хитрово — пограничного комиссара в Кяхте, оставившего ряд ценных исторических свидетельств по истории русско-монгольских отношений начала XX в. Комплексное изучение взглядов и оценок военных специалистов России начала XX в. по «монгольском вопросу» позволяет углубить современные представления о национальных интересах России, экономической безопасности нашей страны. Геополитические оценки российских военных деятелей международной ситуации в регионе Северо-Восточной Азии позволяют внести существенный вклад в мировую геополитику и скорректировать преобладание в этой сфере только западных исследователей. Исследовательская деятельность военных аналитиков России позволяет говорить о самостоятельном и оригинальном развитии национальной военной теории и геополитики.

Леман Я. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)

Устные предания о Равдже: образ святого безумца

Дандзин Равджа (1803–1856), лама-поэт, является одной из самых ярких фигур в истории монгольской литературы до начала XX в. Анализируя его творчество, исследователи опираются на дошедшие до наших дней его произведения (около 200 стихотворений на монгольском языке и столько же на тибетском), на несколько его биографий и автобиографий¹, выделяют его достижения в любовной, пейзажной, дидактической лирике, отмечают значительную просветительскую роль.

Однако вопрос о том, почему его личность и творчество оставили такой значительный след в монгольской культуре (песни авторства Равджи поются до сих пор и многие считаются народными) остается открытым. Возможно, источником, способным помочь в этом разобраться, могут оказаться устные предания. Легенды, байки, анекдоты и «рассказы очевидцев» циркулируют в народе по настоящее время и соперничают по количеству с преданиями о Чингисхане². В них Равджа

¹ Леман Я. Д. Рукопись «История семи перерождений халхаских ноён-хутухт» из коллекции квартиры-музея Ц. Дамдинсүрэна. *Oriental Studies*. 2019; (5): 883–890.

² Цэрэнпил Ш. Хутагтын тухай хууч. Улаанбаатар, 1995.

предстает как чудотворец, обладающий всеведением и мистическими силами, но в то же время и как наставник, близкий простым людям, разделяющий их тревоги и чаяния, человечный и во многом похожий на них.

Эти устные рассказы, записанные собирателями, отражают, с одной стороны, восприятие личности Равджи его современниками и потомками, а с другой, свидетельствуют в пользу того, что в своей религиозно-просветительской деятельности, личной духовной практике и творчестве Равджа придерживался стратегии поведения «святого безумца», достаточно широко представленной в истории буддизма в Тибете¹, и довольно редкой в Монголии. Вероятно, этот фактор в сочетании с личностными особенностями поэта послужил причиной долгой памяти о нём у монголов и глубины следа, оставленного в культуре. В то же время предания о нём интересны как самостоятельный пласт народного творчества монголов.

Москалева Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

История формирования и особенности пронационалистической модели репрезентации истории Тибета на примере нарративов представителей тибетоязычной диаспоры

Как научным, так и публицистическим работам по истории Тибета свойственна достаточно высокая степень поляризации. Как правило, авторы придерживаются либо протибетской² версии истории Тибета, либо поддерживают прокитайскую³ модель репрезентации тибетской истории. Данный доклад представляет попытку осмысления истоков зарождения протибетской националистической парадигмы на примере исследования публикаций за 1950–1960-е гг. из «Зеркала Тибета», раннего периодического издания на тибетском языке, которое выпускалось гражданином Индии этнически тибетского происхождения в г. Калимпонг (ныне

¹ Franz-Karl Ehrhard. Literary images of divine madness: The holy fool in Tibet and the Himalayas // Holy Fools and Divine Madman: Sacred insanity through ages and cultures. Eds.: Albrecht Berger and Sergey Ivanov. Muenchen, 2018. P. 191–210.

² Под протибетской или пронационалистической моделью репрезентации истории в данном докладе подразумевается официальная версия истории Тибета, которую пропагандирует Центральная тибетская администрация (ЦТА) и которая пользуется широкой поддержкой представителей тибетоязычной диаспоры.

³ Под прокитайской моделью репрезентации истории Тибета понимается официальная версия истории Тибета, которой придерживается руководство Китайской Народной Республики. Термин «прокитайский» не является равнозначным термину «анти tibetский» и используется в данном докладе лишь в контексте противопоставления двух конкурирующих моделей репрезентации: версия правительства КНР vs. версия ЦТА.

штат Западная Бенгалия, Индия) в 1925–1963 гг. и фактически являлось первым рупором тибетского национализма. Помимо этого, доклад содержит анализ примеров официальных публикаций по истории Тибета, подготовленных к изданию Центральной тибетской администрацией, публицистических статей, официальных речей и мемуаров известных представителей тибетоязычной диаспоры (в частности, Далай-ламы XIV Тэндзин Гьяцо, его двух старших братьев Тубтэн Джигме Норбу и Гьело Дондуба, а также таких фигур как Ципон Шакабпа, Дава Норбу и Джамьянг Норбу). На основании результатов анализа сделаны выводы о наиболее распространенных элементах национального нарратива тибетской диаспоры и видах аргументации в поддержку идеи независимого развития Тибета на протяжении его истории. В частности, в докладе рассматриваются конкретные исторические сюжеты, персонажи, концепции и идеологемы, к которым обращаются авторы пронационалистической версии истории Тибета. Например, военные успехи Тибета в конфликтах с Китаем во времена Тибетской империи (VII–IX вв.), специфическое трактование концепции «*чойон*» («наставник – милостынедатель»; тиб. *mchod yon*) для объяснения тибетско-китайских отношений во времена династии Цин (1644–1912), воспроизведение идеологемы геноцида тибетской нации и мифа об исключительно мирном характере представителей тибетской нации. Начиная с 1960-х гг. определенный набор тезисов в поддержку идеи исторически независимого развития Тибета регулярно воспроизводился и до сих пор воспроизводится в работах пронационалистически настроенных авторов публикаций по истории Тибета, тем самым поддерживая власть непризнанной Центральной тибетской администрации над общиной тибетоязычных иммигрантов в Индии. Наиболее популярные в тибетской диаспоре аргументы в пользу независимости Тибета проанализированы в докладе с точки зрения их обоснованности в контексте доступных на сегодняшний день сведений по истории Тибета.

Носов Д. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Культ духов-хозяев местности и его влияние на первое административно-территориальное деление Монгольской Народной Республики (по материалам В. А. Казакевича)

26 ноября 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика. Этому предшествовал ряд исторических событий — Синьхайская революция в Китае, приведшая к провозглашению Внешней Монголией независимости в 1911 г., пониженной до уровня автономии в 1915 г. Затем последовали ликвидация этой автономии китайскими войсками в 1919 г. и изгнание китайских войск

в 1920–1921 гг. Азиатской конной дивизией под командованием барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга. В том же 1921 г. уже барон Унгерн и его армия были разгромлены советскими войсками, и в Урге было провозглашено новое правительство.

На протяжении всех этих событий общепризнанным лидером Внешней Монголии считался глава буддистов страны — Богдо-гэгэн VIII. С 1911 по 1919 гг. он являлся фактическим теократическим монархом, а с 1921 по 1924 гг. — монархом с ограниченными правами. 17 апреля 1924 г. Богдо-гэгэн VIII «отошел в нирвану» и в стране начались коренные преобразования. Форма правления сменилась на республиканскую, появилась первая конституция страны, а также прошла реформа административно-территориального деления.

На первый взгляд, эта реформа носила декоративный характер, и региональное деление новой республики мало отличалось от того, что существовало во времена империи Цин. Страна делилась на аймаки (армейские корпуса), которые, в свою очередь, состояли из хошунов («знамён») — княжеств, а те — из сомонов. Аймаки и хошуны сменили свои названия с установленных маньчжурской администрацией на новые, присвоенные народным правительством Монголии.

Свидетелем этих преобразований стал студент Петроградского/Ленинградского института живых восточных языков, будущий монголовед Владимир Александрович Казакевич (1896–1937). С 1923 по 1925 гг. он находился в командировке в Монголии и работал в Ученом Комитете МНР (будущей АН Монголии). Среди прочего, в круг его задач входило определение линии государственной границы и топографическое описание различных районов страны.

Вероятно, он был одним из первых исследователей, отметивших, что большинство хошунов МНР в 1924 г. получили названия «по именам наиболее почитаемых гор» в каждом из них. Этот факт заставил его обратить внимание на явление, известное в отечественном монголоведении как «культ священных гор». Составленные ученым по итогам экспедиционных выездов 1924 и 1925 гг. отчетные документы содержат обширное описание бытования этого явления.

Из подготовленных В. А. Казакевичем документов мы узнаем, что в первой трети XX в. вера в духов-хозяев местности носила общемонгольский характер. Все члены общества, от простых аратов и шабинаров до министров Народного правительства знали, что у каждой местности есть свой мифологический хозяин, который чаще всего принимает облик горы. Существовали четкие правила взаимодействия с таким хозяином, строгое соблюдение которых обеспечивало его покровительство жителям данной местности во всех сферах деятельности.

Важно отметить, что в отчете об экспедиции 1923 г. В. А. Казакевич, описывая табу на произнесение настоящего названия священной горы указал, что «специального культа их не существует». Но уже по итогам поездки, завершившейся 6 декабря 1924 г. он пересматривает оценку этого явления и отмечает, что «вся территория, занимаемая монгольскими племенами в Центральной Азии, покрыта тысячами священных гор». О глубоком почтении к ним свидетельствует факт «переименования в 1924 году почти всех хошунов Монгольской Республики по

именам наиболее почитаемых гор в каждом хошуне». Столь серьезное изменение исследователем своей оценки важности культа духов хозяев местности указывает, что события 1924 г. позволили этому явлению проявиться в полной мере.

В ходе экспедиции, совершенной летом 1925 г. В. А. Казакевич стал свидетелем взаимодействия коренного населения — халха-монголов и эмигрантов из России — бурят при совместном использовании территорий на северо-востоке МНР. Данный опыт убедил исследователя в важности культа духов-хозяев местности для коренного населения Халхи.

Сведения, собранные В. А. Казакевичем, позволяют утверждать, что с 1924 по 1931 гг. административно-территориальное деление Монгольской Народной Республики было «военно-имперским» (маньчжурским) по форме и «традиционно-культурным» (монгольским) по содержанию. В 1931 г. оно будет организовано по совершенно новому принципу, а понятие «хошун» уйдет в историю.

Петрова М. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Концепт пути в романе Г. Аюурзаны «Формула души»

В настоящее время существует несколько точек зрения как на само понятие «концепт», так и на типологию и методы его исследования. Например, лингвист и семиотик Ю. С. Степанов понимал под концептом идею, которая должна включать абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия¹. А Д. С. Лихачёв воспринимал концепт как личностное осмысление, интерпретацию объективного значения и понятия как содержательного минимума значения².

Концепт *пути*, отражая сущность бытия — движение, является универсальным концептом человеческой культуры. Одновременно с этим, концепт *пути/дороги/жизненного пути/судьбы* получает своеобразное преломление в сознании каждого индивида, обретая новые смыслы. Индивидуальное содержание концепта формируется под воздействием общечеловеческих, национальных, этнических и исторических факторов культуры.

В монгольском устном народном и литературном творчестве концепт *пути* является одним из основных. Содержание и структуру концепта *пути* в мировоззрении современного монгольского писателя Г. Аюурзаны (род. 1970) можно установить, анализируя текст его романа «Формула души»³. Концепт *пути/дороги/*

¹ См. подробно: Степанов Ю. С., Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 41–42.

² См. подробно: Лихачев Д. С., Концептосфера русского языка. //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., Academia, 1997. С. 280–287.

³ Аюурзана Г., Сүнсий томъёо. УБ., 2019. 250 х.

жизненного пути/судьбы оказывается для автора наиболее значимым, определяющим всю структуру художественных образов данного произведения. Именно вокруг него в романе «Формула души» разворачиваются самые разные образные построения. Помимо этого представляется целесообразным определить значение концепта *пути* как универсалии мировой культуры в монгольской картине мира.

Полянская О. Н. (БГУ, Улан-Удэ)

Монголоведение в университетах России XIX в. Александр Васильевич Попов (1808–1865): из Казани в Петербург¹

В 2023 г. исполняется 215 лет со дня рождения Александра Васильевича Попова (1808–1865) — одного из ярких представителей российской научной школы монголоведения, который стоял у ее истоков, наряду с такими учеными как Исаак Якоб Шмидт (1779–1847) и Осип (Юзеф) Михайлович Ковалевский (1801–1878). Его научная деятельность тесным образом связана с востоковедными центрами России: Казанским и Санкт-Петербургским университетами. В Казанском университете он прошел путь становления ученого-исследователя, получил опыт преподавательской и экспедиционной работы. Результатом его научных командировок в Восточную Сибирь, Иркутск, в бурятские кочевья, а потом и к калмыкам в астраханские степи стали труды по филологии монгольских народов: «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку» (Ч. I и Ч. II. Казань, 1836); «Арифметика на монгольском языке» (Казань, 1837) и «Грамматика калмыцкого языка» (Казань, 1848). В 1855 г. А. В. Попов возглавил кафедру монгольского и калмыцкого языков в Санкт-Петербургском университете, куда был переведен весь восточный разряд Казанского университета вместе с преподавателями, богатейшей восточной библиотекой, кабинетом редкостей.

Становление Александра Васильевича состоялось в стенах Казанского университета, большую роль в этом сыграла научная командировка Аджюнкта О. М. Ковалевский и действительный студент А. В. Попов, как уже отмечалось, в 1828 году были отправлены, по инициативе ректора Казанского университета Н. И. Лобачевского, в Восточную Сибирь, в Иркутск, с целью изучения монгольского языка, чтобы по возвращению открыть кафедру монгольского языка в университете.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ в рамках проекта № 20–59–44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии» и гранта Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова 2022 г. № 22–07–0502 «Отечественное монголоведение на переломе эпох (начало XX в. — 1920-е гг.): традиции, преемственность, направления»

Главной задачей командировки в Забайкалье стало изучение монгольского языка, но, помимо этого, казанские востоковеды должны были собирать сведения различного характера о народах, населяющих этот край, ориентируясь на инструкции, составленные для них профессорами Казанского университета, одна из которых представляла собой программу комплексного изучения сибирского края, указывала на глубокое, даже специальное, изучения географии, экономики, истории Сибири, Монголии, Китая. Выбор администрации Казанского университета пал на кандидата О. Ковалевского и студента А. Попова, думается, что не случайно, оба юноши показали блестящие знание иностранных языков, как европейских, так и восточных и должны были за короткий срок хорошо освоить неизвестный им монгольский язык¹. Старшим в экспедиции назначался О. М. Ковалевский². На наш взгляд, это разграничение полномочий путешественников во многом определило их взаимоотношения, как во время командировки, так и после ее завершения. Хотя, изначально эти отношения начальник-подчиненный укладывались в заданные рамки³, однако уже в скором времени обнаружилось различие их взглядов и подходов к изучению монгольского языка, появилось, как пишет А. Попов, осознание «важности взаимного соревнования».

В Иркутске казанские востоковеды изучали монгольский язык, и чем глубже они постигали эти знания, тем больше трудностей у них возникало⁴. А. В. Попов первым начал работу над составлением монгольско-русского словаря и завершил работу над первой частью словаря, пока О. Ковалевский ездил на некоторое время в Ургу в январе 1829 г. Таким образом, один из первых монгольско-русских словарей, в котором лексический материал был расположен в монгольском алфавитном порядке, составлен А. В. Поповым. «... Приведение начатого мною к концу, я по возвращении г. Ковалевского сообщил ему труды свои, дабы он мог оными пользоваться при своих занятиях... В сем я ссылаюсь на г. Игумнова и бывшего директора Иркутского училища Антропова, которые, как очевидные свидетели знали о моих занятиях»⁵. Инициатива, проявленная А. В. Поповым по составлению монгольско-русского словаря и понимание важности этого мероприятия, стали основополагающими факторами успешного изучения О. Ковалевским и А. Поповым монгольского языка. Потом и О. Ковалевским будут составлены словари монгольско-русский и русско-монгольский, ставшие основой его фундаментального Монгольско-русско-французского словаря в трех томах (Казань, 1844, 1846, 1849).

В целом, следует сказать, что с лета 1830 г. фактически каждый из них совершал свою индивидуальную исследовательскую работу. О. Ковалевский по разрешению Совета университета выехал в Китай вместе с Российской духовной миссией, где

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 1, 1 об., 2.

² Там же.

³ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2237. Л. 88.

⁴ Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в. О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. 324 с. С. 45–53, 127–131.

⁵ ГАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 90, 91 об.

провел семь месяцев¹. Передвижение отдельно друг от друга внесло коррективы и в отчетную деятельность востоковедов, и в решение вопросов переезда среди бурятских кочевий, от города к городу, в приобретении монгольских книг, так как все это требовало денежных затрат. Особенно затруднительно решать эти вопросы было для А. В. Попова, оставшегося практически без средств, так как все деньги, выделенные университетом, находились у О. Ковалевского, как начальника экспедиции. А. В. Попова, попавшего в трудное положение, выручил приехавший в Иркутск Пауль (Павел Львович) Шиллинг-Канштадт (1785–1837) — действительный статский советник, барон, член-корреспондент Российской академии наук, китаист, создатель восточной литографии, известный собиратель восточных рукописей.

По итогам научной командировки 1828–1833 гг. А. В. Попов, на основе собранного материала, подготовил ряд работ по монгольской филологии, в основном учебного характера, необходимых для подготовки монголоведов в учебных учреждениях, сначала «Монгольско-русский словарь», составлением которого Александр Васильевич занимался непрерывно «в продолжение двух лет» во время командировки в Сибирь. О трудностях, встречающихся при работе над словарем, он сообщал в университет: «Недостаток материалов и далекая разность языка монгольского от русского делали большие препятствия моему труду. Язык скотовода весьма далек от языка европейца. Первый имеет множество таких слов, которые в последствие должны заменяться перифразами. Названия, касающиеся стрельбы из лука, облавы или ловли зверей и вообще домашнего быта кочевого народа нельзя определительно выразить на европейских языках. Посему, хотя словарь мой кончен, но требует еще больших поправок в точности русских выражений»². Другой работой стала «Грамматика монгольского языка». «До сих пор мы не имеем монгольской грамматики, без которой, как главного руководителя, невозможно приступить к изучению истории языка», — высказывал обеспокоенность А. В. Попов в отчете от 16 июня 1830 г., где сообщал, что первая часть Грамматики у него уже была готова, начал работу над второй, которая, по его мнению, займет много времени так, как «синтаксис требует долговременного наблюдения и многих изысканий»³. Кроме того, им была подготовлена «Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку» в двух частях. Из всех работ была опубликована только Хрестоматия в 1836 г. Однако, прежде, чем работа вышла в свет А. В. Попову пришлось отстаивать ее содержание и структуру.

Таким образом, Александр Васильевич Попов возглавил кафедру монгольской словесности Санкт-Петербургского университета состоявшимся ученым, человеком с огромным преподавательским опытом. Его служение университету, к сожалению, стало непродолжительным, в 1860 г. он был назначен на должность инспектора училищ Западной Сибири.

¹ Полянская О. Н. Монголоведение в России первой половины XIX в. О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2019. 324 с. С. 45–53, 127–131.

² ГАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1266. Л. 124–125.

³ Там же.

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Ger-ün nouad в политической культуре средневековых монголов

В летописях XVII в. появился нарратив, повествующий о том, что Мандухай-хатун, выйдя замуж за Даян-хагана инициировала проведение «нойонами юрты» (ger-ün nouad) обряда возлияния Алан-гоа. Нойонами юрты, т. е. ger-ün nouad, исследователи называют группу тех, кто являлся хранителями (Н. П. Шастина) или надсмотрщиками (Ц. П. Ванчикова) восьми белых юрт в Эджэн-Хоро. И на самом деле ger-ün nouad являлись владельцами, которые отвечали за своих подданных (албату), которые обеспечивали проведение празднеств: поставка арзы и араки, войлока, лошадей и овец на ежегодные многодневные ритуальные службы. Безусловно, это все выделяли тумэны, которые отвечали и за их качество, за несоблюдение которого строго наказывали. Соответственно, и ответственность за поставленные объекты жертвоприношения несли главы тумэнов — нойоны (правлящих) домов (ger-ün nouad).

В «Белой истории» (*Šayan teüke*), предписывавшей правила проведения обрядов, посвященных Чингис-хану, называются нойоны, которые обеспечивают ритуалы необходимым — это Döčin ger-ün nouad (нойоны сорока домов). На мой взгляд, числительное 40 в данном случае означает не юрта, а [правлящий] дом, маркировавший правящую фамилию. Можно предположить, что нойоны 40 юрт — это главы тумэнов — сообществ, на которые делилась Монголия — 40 монголов (40 [правлящих] домов — *ger* — Т. С.). Эти нойоны, как главы своих тумэнов, должны были представлять свои владения на ежегодном обряде, посвященном Чингис-хану у восьми белых юрт.

Смирнова М. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тибетские идиоматические глагольные группы в современном художественном тексте

Идиоматические глагольные группы часто встречаются в литературном и особенно разговорном тибетском языке, преобладая над односложными глаголами. Однако поскольку они не являлись предметом специального изучения, в тибетологической литературе используются разные термины для их обозначения («фразовые глаголы» [Denwood, 1999, p. 109], «многосложные глаголы» [Wilson, 1992, p. 380], «глаголы-композицы» [Beyer, 1992, p. 106], «сложные глаголы» [Tournadre, 2003, p. 204]), объединяющие зачастую явления разной природы.

Объектом данного исследования стал современный художественный текст «Солнечный свет на дороге» (тиб. *lam gyi nyi 'od*) тибетского автора и ученого Лхамчамгьела (тиб. *lham byams rgyal*, род. 1977 г.), из которого были отобраны 210 глагольных групп, состоящих из двух или более глагольных корней или из глагола и существительного. В результате предварительного анализа из них были исключены сочетания основного и модального глагола (16 %), а также основного глагола и глагола-движения, выражающего пространственный дейксис (14 %).

Анализ оставшихся словосочетаний позволил выделить следующие типы идиоматических глагольных групп: фразовые или составные глаголы (60 %), глаголы-композицы (6 %) и идиоматические словосочетания с глаголом (2 %).

Фразовые глаголы представляют собой комбинации глагольного корня с общим значением (т. н. вербализатора) и существительного, которое, как правило, является прямыми дополнением переходного вербализатора или субъектом непереходного вербализатора, образующие цельную семантическую единицу (например, *'jeb-'gtong* ‘вести джип’, букв. ‘посылать джип’). Набор вербализаторов предположительно ограничен. Наиболее часто употребляемыми вербализаторами в исследуемом тексте являются глаголы *byed* ‘делать’ (53 употребления), *rgyag* ‘бросать’ (12), *gtong* ‘посылать’ (8).

Глаголы-композицы (например, *kha-bkag* ‘затормозить’, букв. ‘заблокировать отверстие’) обладают типичной синтаксической структурой, как правило характеризуются пропуском служебных показателей.

Идиоматическое словосочетание — глагольная группа с идиоматическим значением, состоящая из глагола и дополнения с сохранением грамматических показателей (например, *khas len* ‘обещать’, букв. ‘брать ртом’).

Для всех типов идиоматических глагольных групп характерна синтаксическая подвижность — глагольный корень может отделяться от остальных слов служебным или знаменательным словом, а в некоторых случаях даже другим словосочетанием, выражающим, например, обстоятельство образа действия.

*Тишин В. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ),
Намзатов Б. З. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)*

Некоторые наблюдения над бурятской исторической фонетикой по русскоязычным документам XVII в.

Бурятский язык неоднороден и состоит из ряда говоров, которые, согласно наиболее традиционной классификации, подразделяются на восточные (в том числе хоринский, в 1936 г. утвержденный в качестве литературного языка), западные (очень разнородная группа) и южные, более тесно исторически связанные с халха-монгольскими диалектами.

Восточные и западные говоры, иногда именующиеся «традиционными бурятскими говорами» с точки зрения лингвистической идентификации, содержат ряд фонетических характеристик, отличающих бурятский среди остальных монгольских языков:

- письм.-монг. *si* > бур. *šV*
- письм.-монг. *-s* > бур. *-d* (в конце слов или основ)
- письм.-монг. *s* > бур. *h* (в инициальной или интервокальной позиции)
- письм.-монг. *č* > *s* (в позиции не перед *i*)
- письм.-монг. *či* > бур. *šV*
- письм.-монг. *ǰ* > бур. вост. *z*, бур. зап. *j* (в позиции не перед *i*)
- письм.-монг. *ǰi* > бур. *zV*
- письм.-монг. *q, k* > бур. *χ*
- письм.-монг. *gi* > бур. *ji*

Наиболее яркими отличительными чертами бурятского языка являются наличие фарингального *h* (< **s*) и отсутствие (кроме южных говоров) аффрикат *ts*, *dz* и *č*, *dẓ* в позиции перед *i*.

В более завершенном виде эти характеристики предстают уже, по меньшей мере, во второй половине XVIII в. Начальный период их формирования вызывает некоторые дискуссии.

Г. Д. Санжеев, с одной стороны, писал, что в бурятском языке к началу XVII в. еще не произошло изменений *s* > *h*, *ts* > *s*, *č* > *š*, с другой, предлагал схему, следуя которой исчезновение аффрикат должно быть отнесено к XIV–XV вв.; противоречия снимала оговорка, что эти процессы были растянуты во времени. Л. Кларк, привлекая широкий спектр разнообразных источников, определил время развития п.-монг. *s* > **θ* > бур. *h* периодом 1660–1720 гг.; к последней дате относится и завершение дезаффрикатизации. В целом исследователи сходятся в том, что главные фонетические изменения, придавшие специфику бурятскому языку, произошли в течение XVII в.

Самыми ранними источниками, достоверно упоминающими бурят – и в смысле идентификации названия населения занимаемых территорий, и в лингвистическом смысле – выступают русскоязычные документы XVII в. – так называемые «отписки» сибирских служилых людей и казаков вышестоящему начальству. Привлечение исследователями записанных в них форм племенных названий, личных имен, топонимов, некоторых терминов носит случайный характер (напр., работы Ц. Б. Будаева).

Более подробное рассмотрение материала позволяет сделать некоторые наблюдения относительно хронологии развития фонетики бурятского языка и ее локальной специфики.

В чисто географическом плане, без увязки с какими-либо племенными объединениями и безотносительно к состояниям говоров, изученных и классифицированных в XX в., можно условно по разным берегам р. Ангары разграничить два территориальных ареала бурятского населения, уже к первой половине XVII в. демонстрирующих фонетические признаки, различающиеся с точки зрения стадийных закономерностей развития языка.

Первыми землепроходцы столкнулись с бурятским населением к западу от р. Ангары: заочное знакомство произошло в 1609 г., когда в русскоязычные документы попало закрепившееся название *браты*, *бра(м)цкий*, отражающее редуцированное произношение *br'ād ~ bar'ād < bur'ād (< *buriyad)*, характерное для некоторых современных говоров (аларский, нижеудинский).

Отмечаются другие характеристики, демонстрирующие уже довольно продвинутое с точки зрения законов бурятской фонетики состояние.

si > ši: племенное название *ашахабат*, *ашехабат* (1652–1653 гг.): уже вторичное метатезированное произношение от исходного **asibuyad*.

-s- > -h-: имя «князца» **Кохоня*, **Кохонь* (1628–1629 гг.): п.-монг. *qoyusun*, халх. *хоосон*, бур. *хоохон*, калм. *хоосн*, дагур. *хōсон* ‘пустой, порожний’. Эта интерпретация приводит к таким выводам: (1) изменение **q- > χ-* не произошло (затянутый характер этого процесса подтвержден тем, что латинская *k* или кириллическая *к* отмечаются в записях заднерядных слов вплоть до конца XVIII в.); (2) осуществление развития *s > h*, где звук **[h]* отражен кириллической литерой *х*; (3) исторический комплекс *-VgV-* представлен долгим гласным, который не отражен русскоязычной записью; (4) смягчение концовки в русскоязычной записи может отражать форму родительного падежа: **qoohon > *qoohoi*.

**j > dzV > dzV*: имя «князца» *Изень* (1647 г.): п.-монг. *ejen*, халх., бур. *ээн*, бур. *эжэн*, калм. *ээн*, дагур. *эджин*, дунс. *эджэн* ‘хозяин, владелец; (ист.) господин, владыка, повелитель’.

В контрасте с этими данными записи, относящиеся к бурятскому населению восточнее р. Ангары, в частности в долинах р. Куды и верховий р. Лены, показывают более консервативные фонетические характеристики и их развитие именно в течение второй половины XVII в.

Не произошло таких изменений:

si > ši: племенное название **осибугатский*, **супугайский*, **супогайский*, **сипугайский*, **сипугай* и др.: **asibuyad*.

či- > šV-: имя *Чевдоком*, **Чевдок* (1641 г.): п.-монг. *čibday*, халх. *чавдаг* ‘скупой; медлительный; текущий тонкой струей; текущий еле-еле (*о моче при болезни*)’, бур. *шабдаг* ‘редкий; немного, мало’.

*č- > *ts- > s-*: имя *Чокор*, **Чекор*, *Чакур*, *Чокур* (1645–1647 гг.): п.-монг. *čoyuqir* ‘пестрый’, халх. *цоохор*, бур. *соохор* ‘пестрый, чубарый (*о масти*)’; ср. эвенк. баргуз. *чōкур* ‘пестрый’ (< монг.).

Не произошло, значит, и фарингализации *-s- > -h-*.

Незавершенное состояние процессов:

-s > -d: **икереженский*, *икереженский*, *икиреженцы* (1641 г.), *икиреж*, *икирежей* (1642 г., Асс.), *икирежан* (1645 г., Ген.), *икирежский* (1642 г.), и др.: **ikereθ (< *ikerēs)*. Ср. в материалах Я. И. Линденау, собранных в окрестностях Качуга (1745 г.), наряду с формой *Ikirit* именованная *Atschebagas (*Ačibagas)*, *Abanagas (*Abaganas)*, *Charanus (*Xaranus)*.

*j̄> dzV > dzV: имя *Жаяка, Заякай* (1641 г.): п.-монг. *ᠵᠠᠶᠠᠭᠠᠨ*, халх. *жаяа, заяа(н)*, бур. *заяа*. Интерпретация кириллических *ж* и *з* как отражающих аффрикаты подтверждается их использованием в записях имен и титулов халха-монголов.

Озвученные наблюдения предварительны.

Цендина А. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)

Историографические особенности монгольской летописи XVII в. «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна

Среди пяти монгольских летописей XVII в. сочинение Саган-Сэцэна (1604–?) «Драгоценное сказание» («*Erdeni-yin tobᠴiy-a*») занимает особое место. Во-первых, мы довольно много знаем об авторе летописи. Саган-Сэцэн — ордосский владетельный князь, правнук Хутугтай-Сэцэн-хунтайджи (1540–1586), вместе с Алтан-ханом тумэдским (1507–1583) пригласившего тибетского ламу, будущего Далай-ламу III Содномджамцо (1543–1588) в Монголию (1578), что положило начало широкого распространению там буддизма. Во-вторых, мы точно знаем время написания летописи, которую указал сам автор, это — 1662 г. В-третьих, эта летопись известна во множестве списков; кроме того, она была признана властями династии Цин «официальной» историей монголов после падения империи Юань и ксилографирована в Пекине, затем переведена на маньчжурский и китайский языки. И наконец, в-четвертых, Саган-Сэцэн точно написал, какими источниками он пользовался при написании своего труда.

Из названных в качестве источников семи сочинений уверенно определяются те, что дошли до нас. Это: «Важно используемые смыслы» («*Udqa-tu ᠴiqula keregkeᠭᠰi*»), сочинение Ширэту-Гуши-цорджи об основах буддизма (XVII в.); «Красная тетрадь» («*Ulaᠭan debter*»), знаменитая история тибетского автора Цалпа-Гунгадордже (XIV в.); «Белая история учения» («*Nom-un ᠴaᠭan tegüke*»), анонимное сочинение (XIV в., дошедшее до нас в списке XVII в.) о положении буддийской церкви и буддийских монахов в Монгольской империи во время династии Юань; «Желтая история о происхождении древних монгольских ханов» («*Erten-ü Mongᠣl-un qad-un ündüsün-ü yeke sir-a tuᠯᠦᠵᠢ*»), основа которого была создана в 1640–1660 гг., но дописанное на рубеже XVII–XVIII вв. Три сочинения, как указывают исследователи, не дошли до нас или не установлены нами. Это: «Шастра под названием Роцца, освещающая сердца мудрецов» («*Erdemten-ü sedkil-i geyigülküi se᠙eglig*»); «Удивительный букет цветов» («*ᠭᠠᠶᠢᠭᠠᠮᠤᠰᠢᠭᠠ ᠶᠡᠭᠡᠳᠡᠬᠡᠰᠡᠭᠡ ᠠᠨ ᠴᠣᠮᠣᠷᠢᠯᠢᠨ ᠨᠡᠷᠡᠲᠦ ᠰᠠᠰᠢᠷ*»); «История происхождения ханов» («*Qad-un ündüsün-ü tuᠯᠦᠵᠢ*»), написанная Шарба-хутухтой.

Фигура Шарба-хутухты и история его труда стали предметом оживленной дискуссии среди ученых, предлагающих различные гипотезы. Одна из них, отстаиваемая монголистом из Внутренней Монголии КНР Цэцэнбилиг, идентифицирует «Историю происхождения ханов» Шарба-хутухты с другим историческим сочинением монголов XVII в. анонимным «Кратким Золотым сказанием» («*Qiriyanguyi Altan tobči*»). Рассмотрению этой и других гипотез посвящен доклад.

Успенский В. Л. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Рукописный монгольско-русский словарь в собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ

В собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ хранится весьма старый по виду рукописный монгольско-русский словарь в трех томах. Его дореволюционный библиотечный шифр Хул. F 72. Этот словарь была зафиксирован в старых инвентарных книгах, причем в одной из них имеется приписка: «Шмидта?» Собственно говоря, данный словарь является рукописной копией монгольской части Монгольско-маньчжурского словаря XVIII в. Русские эквиваленты однословные и вписаны старомодным почерком.

В каталоге В. Л. Успенского [№ 852] высказано предположение, что данный словарь является словарем А. В. Игумнова (1761–1834) — чиновника и знатока монгольского языка, который предоставил свои материалы О. М. Ковалевскому, когда тот находился в Восточной Сибири. Однако это не подтвердилось. На одной из страниц словаря написана фамилия «Татауров», которая позволила установить происхождение данного словаря.

В 1813 г. начало действовать Российское библейское общество, секретарем и казначеем которого стал И. Я. Шмидт (1779–1847). Он начал свою деятельность с перевода Нового Завета на калмыцкий язык. В 1813 г. был изготовлен монгольский шрифт на «ясном письме» и в 1815 г. было напечатано Евангелие от Матфея. Одновременно с изданием книг Нового Завета на калмыцком языке Я. И. Шмидт предпринял работу по переводу Нового Завета на монгольский язык. Для помощи ему в этой работе в 1817 г. из Восточной Сибири прибыли два бурятских зайсанга (владельца): Номту Унгаев и Бадма Моршунов. Вместе с ними прибыл губернский секретарь Татауров. «Сей Татауров был при них переводчиком русского языка, коего они не знали, и для помощи в возложенном на них деле». Под впечатлением прочитанного оба бурятских зайсанга приняли христианство. Номту вернулся на родину, а Бадма в 1822 г. скончался в Петербурге. Поэтому Татауров занимался окончанием перевода, получая при этом значительное «вознаграждение»: 2400 рублей в год. Стандартный монгольский шрифт был изготовлен

в 1823–1826 гг., и Новый Завет был напечатан на монгольском языке полностью в 1827 г. Общую редакцию перевода осуществлял И. Я.Шмидт.

Таким образом, рассматриваемый анонимный монгольско-русский словарь использовался рабочей группой во главе с И. Я.Шмидтом в качестве пособия при переводе «Нового Завета» на монгольский язык в 1820-е гг.

Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

О принципах работы над редакцией монгольского Ганджура 1717–1720 гг. (на примере повторяющихся сочинений)

В начале XVII в. многотомное собрание буддийских канонических текстов Кагьюр (в монголоведной традиции — Ганджур) было впервые полностью переведено на монгольский язык. На протяжении ста лет Ганджур распространялся в рукописях (сегодня известно десять списков, лишь один из которых сохранился полностью). В 1717–1720 гг. по указу императора Канси (гг. правл. 1662–1722) в Пекине была подготовлена новая редакция Ганджура на монгольском языке, отпечатанная красной краской ксилографическим способом. Над созданием 108-томного ксилографа трудились более двухсот человек, во главе редакторской комиссии стояли верховные ламы Пекина. Печатная редакция имеет множество отличий от рукописных Ганджуров, и исследование принципов работы подготовивших её лам-книжников — одно из актуальных направлений в исследовании монгольского буддийского канона.

В докладе представлены результаты впервые предпринятого комплексного сравнительного исследования дублей во всех сохранившихся экземплярах Ганджура на монгольском языке (исследование выполнено совместно с К. В. Алексеевым, СПбГУ). Дублями мы называем сочинения, включённые в состав канонического сборника дважды или трижды — таких текстов насчитывается более сотни. Повторяющиеся сочинения есть и в тибетских Ганджурах, однако в разных редакциях (на обоих языках) принципы дублирования сочинений не совпадают. Так, если в тибетских Ганджурах дублируется всегда один и тот же перевод текста, то в монгольских рукописных — разные.

Известно, что составители пекинского Ганджура опирались и на списки канона на монгольском языке, и на тибетские ксилографические издания. До сих пор не установлено, какой именно монгольский источник был в их распоряжении. Что касается тибетских, они использовали один из Кагьюров, отпечатанных в Пекине во время правления Канси (издание 1700 или 1717–1720 гг.). Исследование показало, что в случаях включения дублей создатели ксилографической редакции на монгольском языке придерживались иного принципа, нежели их

предшественники: они выбрали один перевод (вероятно, более точно соответствовавший тибетскому образцу, с которым они сверялись) и включали его в сборник несколько раз. Это может говорить, с одной стороны, о более централизованной организации работы пекинской редакционной комиссии, с другой — о ведущей роли тибетского Кагьюра как канонической модели.

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«Взаимовосхваления Чингис-хана и девяти урлюков-сподвижников» (ойратские и монгольские тексты)

Этот текст является одним из фрагментов, которые обычно называют фольклорными вставками, летописи «Алтан тобчи» Лубсан Данзана. Большинство таких фрагментов (например, «Беседа мальчика-сироты с девятью сподвижниками Чингис-хана») хорошо известны как самостоятельные рукописные тексты и описаны в исследованиях.

Отдельных монгольских рукописей с текстом «Взаимовосхвалений Чингис-хана и девяти урлюков» не обнаружено, но этот текст как отдельное сочинение было опубликовано дважды в старомонгольской графике. Первый раз в 1938 г. в составе сборника «Образцы монгольской феодальной художественной литературы» (под редакцией Н. Н. Поппе), в котором этот текст имеет название: *Činggis qaγan-u taγalal-un čimeg kemegeđekü gūn maγtaγal* «Глубокое восхваление под названием ‘Украшение соизволения Чингис-хана’». Позже — академиком Ц. Дамдинсурэном в своей антологии «Сто лучших образцов монгольской литературы» под названием *Boγda Činggis-un maγtan surγaysan šastir-a* «Шастра Чингис-хана о восхвалении». В обоих случаях рукописные источники, на которых основывалась публикация текстов, не указаны. Публикация 1938 г. производит впечатление небрежной (отдельные пропуски строк и слов, нарушения аллитерации), поэтому он мало подходит для сопоставления, но очевидно, что оба текста основывались на фрагменте из «Алтан Тобчи».

На ойратском «ясном письме» известны две полных рукописи этого текста, хранящиеся в рукописном собрании ИВР РАН. Одна из них предположительно из Калмыкии, вторая — из Кобдо. В обе рукописи входит еще и текст «Беседы мальчика-сироты с девятью сподвижниками Чингис-хана», что соответствует расположению этих фрагментов в «Алтан Тобчи», но в обратном порядке. В обеих рукописях есть только общее название на обложке. У первой — *Yesen örlögiyin üge* «Слова девяти урлюков», у второй — *Boqdo ezen Čingges xāni tuuji* «История владыки Богдо Чингис-хана».

Такое разнообразие названий свидетельствует, что их дали те, кто готовил тексты к переписке или изданию.

Все тексты «Взаимовосхваления Чингис-хана и девяти урлюков-сподвижников» имеют одинаковую структуру: первое четверостишие — восхваление Чингис-ханом одного из урлюков, затем его предложение урлюку сказать ответные слова, что последний и делает в двух четверостишиях. Так повторяется для каждого из сподвижников. Как отмечает Н. П. Шастина, опубликовавшая перевод «Алтан Тобчи», первые четыре строки из слов урлюков — более позднее добавление. Они имеют очевидное буддийское влияние и лексику. Слова Чингис-хана — не абстрактное восхваление урлюков. Он упоминает события из своей жизни, которые связывают его и конкретного сподвижника, содержат указание на его происхождение и героические дела.

Два ойратских текста по своему содержанию отличаются от монгольских текстов только количеством урлюков. Если в монгольских текстах их традиционно девять, то в ойратских их десять. «Лишний» сподвижник образовался из повтора одного из девяти в двух вариантах его имени.

Между собой два ойратских текста также демонстрируют некоторые различия. Калмыцкая рукопись отличается от рукописи из Кобдо тем, что в ней наблюдается большое количество перестановок строк, абзацев и более крупных частей, при сохранении общей структуры и содержания. Небольшие нерегулярные различия на уровне орфографии и грамматики между двумя ойратскими текстами можно отнести за счет монгольского влияния в рукописи из Кобдо.

СЕКЦИЯ XIII • SECTION XIII

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ. «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ»
AFRICAN STUDIES. "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

Балезин А. С. (ИВИ РАН, Москва)

**Визит президента Танзании Дж. К. Ньерере в СССР
в 1969 г. и его освещение в газете «Правда»**

Хотя дипломатические отношения СССР с Танганьикой были установлены практически сразу после провозглашения ею независимости, они были изначально осложнены китайским влиянием в этой стране. Показательно, что первый зарубежный визит Ньерере совершил именно в Китай.

Принятие Арушской декларации 27 января 1967 г. пленумом Национального исполкома партии ТАНУ и утверждение ее 4 марта 1967 г. на специальной конференции ТАНУ в Дар-эс-Саламе уже в объединённой Танзании, знаменовало переход страны к построению нового общества. В Москве этот документ был расценен первоначально как курс на построение социализма.

Однако при ближайшем рассмотрении идеи Ньерере оказались более близкими к китайскому варианту социализма — в частности, главным субъектом и объектом преобразований он считал крестьянство. Поэтому в официальных документах ЦК КПСС утвердилась формулировка о том, что Танзания встала на путь глубоких прогрессивных преобразований.

Отношения СССР с Танзанией осложнились еще и тем, что в 1967 г. Ньерере, поддержав Республику Биафра, а в 1968 г. осудив вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию.

Поэтому значение визита Ньерере в СССР, состоявшегося в октябре 1969 г., в контексте развития советско-танзанийских отношений трудно переоценить. Газета «Правда» подробно освещала ход визита. В частности, большое место занимал пересказ выступлений Ньерере на различных мероприятиях, особенно тех пассажей, где он говорил о том новом обществе, которое хочет построить в своей стране. Подчеркивалась социалистическая риторика Ньерере, его слова о значении опыта СССР в построении социализма. В совместном коммюнике говорилось, что СССР приветствует решение Танзании о развитии по социалистическому пути и желает танзанийскому народу успехов в проведении прогрессивных социально-экономических преобразований, намеченных Арушской декларацией.

Таким образом, визит Ньерере в СССР способствовал укреплению пошатнувшихся было отношений между нашими странами и смягчению позиции официальной Москвы по отношению к особенностям танзанийского социализма.

Блинова Е. В. (ЯрГУ, Ярославль)

Свидетельства появления африканцев в Лондоне (до начала XVI в.)

Основным источником информации об африканцах в Лондоне на протяжении столетий являлись записи церковных приходов города. В них велся учет рождаемости, крещений, браков, смертей, но графы, регистрирующие профессию, место жительства и прочие уточнения, редко учитывали африканцев. Следует отметить, что упоминания в приходских записях об африканцах известны с середины XVI в. Установить их появление в Лондоне в более раннее время позволяют письменные источники личного происхождения, реже акты отраслевых государственных служб, визуальные изображения, а также современные технологии археологических исследований.

Первые сведения об африканцах на Британских островах относятся к периоду Римской империи. Африканцы, согласно «Жизнеописанию Августов», в качестве солдат пришли на Туманный Альбион в составе войска С. Севера (145–146(?) — 211 гг.). Африканские солдаты, как правило, происходили из северных и восточных районов Африки: Нумидии, Мавритании, Эфиопии. Информация о социальном положении черных не многочисленна. Британский исследователь В. Суон

предполагает, что африканцы могли быть как солдатами, так и командующими отдельными, небольшими легионами.

Лондон, благодаря неприступности и защищенности, воспринимался как «Земля Обетованная», что способствовало росту как внутренней, так и внешней миграции. С конца XI в. (после завоевания Лондона Вильгельмом II Нормандским (1027–1028(?)–1087 гг.); 1066 г.) вход в город был открыт для иноземцев — фламандских клерков, еврейских финансистов, ростовщиков и ганзейских купцов из Северной Германии, ломбардцев из Северной Италии, занятых в сфере торговли.

Археологические исследования Р. Редферн и Дж. Хефнера (по материалам раскопок 1980-х гг. в Лондоне) позволили сделать вывод о том, что африканцы в Средние века жили в британской столице. Занимаясь изучением эпидемии чумы в Лондоне (1348–1351 гг.), антропологи исследовали останки, захороненные на кладбище в Ист-Смитфилде (Фаррингдон). Исследователи использовали метод судебной антропологии (макроморфоскопию) совместно с программным обеспечением для записи данных о скелетном материале человека, что помогло им установить происхождение человека по форме лицевых костей и других особенностей черепа. В итоге антропологи пришли к выводу, что на кладбище было захоронено три женщины африканского происхождения, а четыре с большей вероятностью имели смешанное происхождение. Ученые отметили, что отсутствие письменных свидетельств, современных технологий, не позволяло более ранним исследованиям сделать подобные выводы.

Кем были эти африканки? Каким образом они попали в Лондон? Каким было их социальное положение? По мнению Дж. Хефнера — предстоит выяснить исследователям. Антрополог отмечает, что захоронения женщин, были сделаны с заботой и уважением, а полученные данные анализа скелетов, позволили утверждать, что у одной женщины африканского происхождения в возрасте от 36 до 45 лет был обнаружен остеоартрит позвоночника и заболевание вращательной манжеты плеча левого плечевого сустава. Оба состояния могли быть вызваны повторяющимся ручным трудом. Данные свидетельствуют, что африканки были заняты в сфере обслуживающего персонала, с большей вероятностью исполняли роль домашней прислуги. Вероятно, они не вызывали неприязни в обществе и были «приняты» белыми лондонцами.

Первое письменное свидетельство о появлении африканцев в Лондоне относится к ноябрю 1507 г., когда в роле лондонского казначейства был зафиксирован первый платеж в размере 20 шиллингов Джону Блэнку — черному трубачу. Музыкант прибыл в Лондон в составе свиты Екатерины Арагонской в 1501 г. предположительно из Испании. Дж. Блэнк состоял на королевской службе в качестве трубача в придворном оркестре, будучи одним из участников Вестминстерского турнира 1511 г., что нашло отражение в списке Большого свитка турнира Вестминстера (1511 г.), где он упомянут дважды как африканский трубач в составе духового оркестра и зарисован.

Бондаренко Д. М. (ИАФр РАН, Москва)

Постколониальная Африка: историческая память — нациестроительство — неотрадиционализм

В ситуации постколониальности апелляция к историческому прошлому для конструирования национальной идентичности приобретает большое значение. Постколониальное государство имеет обширные возможности для манипулирования исторической памятью граждан во имя достижения национального единства. Однако в процессе конструирования и последующих трансформаций нации официальный — освященный государством и инкорпорированный в утверждаемую им идеологию — дискурс исторической памяти приходит во взаимодействие с ее народными дискурсами. «Использование памяти для [конструирования] идентичности сообщества... высвечивает саму политическую природу истории и памяти»¹. Таким образом, историческая память не может не играть роль в нациестроительстве.

Д. ЛаКапра пишет об «... основывающей, или основополагающей, травме; травме, которая несет мощный аффективный заряд и может быть идеологически трансформирована или переоценена», которая создает тот или иной народ, порождая его «миф о происхождении» и духовно скрепляя его воедино, и остается с ним навсегда, давая о себе знать периодическими обострениями.² Основывающий миф фиксирует во времени и привязывает к знаменательным событиям момент рождения нации, эксплицирует приписываемые ею себе как целому и как совокупности индивидов черты и ценности, придающие нации единство. Для постколониальных народов «основывающая травма», порождающая национальный миф, — безусловно, травма колониализма и его преодоления — борьбы за независимость и деколонизации. В постколониальных странах социальная память и до независимости была не только инструментом внедрения в сознание людей «официального национализма» — колониального, но и полем идеологической битвы — как между колонизаторами и активистами национально-освободительных движений, так и между африканскими организациями, общественными и политическими деятелями, по-разному видевшими будущее своих народов и стран после свержения колониальных режимов. В ходе этой битвы и возникли идеи о существовании в пределах каждой колонии особой нации с якобы еще доколониальной единой историей — конголезцев, нигерийцев и т.д., вопреки факту искусственного объединения в рамках большинства колоний множества автохтонных политий и народов, ранее не образывавших исторических и культурных целостностей.

В постколониальный период, особенно с 1980–1990-х гг., использование исторической памяти приобрело особенно большое значение в связи со ставшим к этому времени очевидным провалом попыток скопировать основан-

¹ Tallentire J. Strategies of Memory: History, Social Memory, and the Community // *Histoire sociale / Social History*. 2001. Vol. 34. № 67. P. 199.

² LaCapra D. *Understanding Others: Peoples, Animals, Pasts*. Ithaca — London, 2018. P. 106.

ные на европейских теориях и опыте модели политического устройства и потому с обращением к «неотрадиционализму» как идеологической основе, на которой можно пытаться сплачивать граждан вокруг власти в условиях порожденной колониализмом и многократно усиленной трансформациями постколониальной эпохи культурной эклектичности общественного сознания, коллективной картины мира. Колониализм изменил идентичности колонизированных, и сами апелляции к доколониальным идентичностям порождены колониализмом. В то же время неотрадиционализм коренится в неуничтоженности при колониализме, несмотря на все произошедшие в тот период колоссальные изменения, но трансформированности — отчасти просто искаженности, отчасти «осовремененности» — донациональных, досовременных социокультурных первооснов африканской цивилизации. Неотрадиционализация культуры говорит о важных долговременных чертах общества. Неотрадиционализация — это случай явления, получившего название «социокультурной инверсии». По определению И. В. Следзевского, «это столкновение и смешение различных ценностных систем, несовместимых, разнокачественных, отражающих разные типы культур...»;¹ в случае постколониальных обществ — автохтонных и западных. И даже не просто смешение, а совмещение, казалось бы, несовместимого, сочетание вроде бы несочетаемого.

В то же время неотрадиционализм проявляет себя в разных сферах жизнедеятельности постколониальных обществ и помимо осознанной политики государств, т.к. носители государственной власти просто эксплуатируют, направляя и усиливая, неотрадиционалистские тенденции в них, но не порождая сам феномен неотрадиционализма, поскольку во многих незападных вариантах модерна он является атрибутом самих современных культур народов этих стран, в особенности африканских. Более того: в политическом смысле «низовой» неотрадиционализм, отстаивая локальные социокультурные ценности, может противостоять неотрадиционализму государственных властей, подрывая их усилия по сплочению народа в нацию вокруг себя. Одно из следствий того, что неотрадиционализм — явление в постколониальных странах общекультурное, а не узкополитическое, заключается в том, что политическая демократизация в них, приводя к исчезновению одиозных проявлений неотрадиционализма в сфере властвования, не пресекает неотрадиционализм как таковой. Более того, как любое радикальное общественное изменение, демократизация выбивает людей из привычной им жизненной колеи, лишает однозначности и определенности сознание индивидов и масс. И на этом фоне неотрадиционализм не только не исчезает, но, напротив, охватывает все более широкие слои населения. Неотрадиционные отношения, конечно, не вбирают в себя все многообразие типов отношений в социально и культурно очень многослойных постколониальных обществах. Однако нельзя не отметить, что сегодня они находят сферы воплощения в общественном сознании и практике, и даже просматривается тенденция к расширению этих сфер.

¹ Следзевский И. В. Социо-культурные основания формирования политических мифов // «Мифология и политика». Материалы семинара 21 октября 1997 г. / ред. А. Н. Савельев. М., 1997. С. 20.

Боркунов Н. В. (ИВИ РАН, Москва)

Историческая школа Дар-эс-Салама и политические дебаты в Танзании (1960–1970-е гг.)

Историческая школа Дар-эс-Салама, прежде всего известная благодаря таким историкам как Исариа Н. Кимамбо, Терренс Ренджер и Уолтер Родни¹, была одним из первых исследовательских центров, предложивших свою собственную программу изучения национальной истории африканской страны в период деколонизации. Исторические и историко-антропологические труды, посвященные истории этнических групп в эпоху колониализма, традиции, роли Африки в мировой экономике и др., данной школы были новаторскими и остаются актуальными до сих пор. Вопросам исследовательского наследия и роли сотрудников Дар-эс-Саламского университета в продвижении африканской истории посвящено множество статей и монографий, более того, в последние годы устраиваются конференции и выходят тематические номера журналов², посвященных их наследию, что говорит о возрождении интереса к данной группе ученых.

Актуальность исследований, а также общественно-политической деятельности африканских историков подтверждается и возникшей недавно дискуссией между двумя историками С. Файерманом и О. Масебо на страницах журнала «Journal of Contemporary African Studies» о «циркуляции знания» между Глобальным Севером и Югом и той роли, которую именно африканские исследователи играют в производстве и определении этого знания³. Часто вопрос ставится следующим образом: «Чему нас может научить деятельность, методология и программа Дар-эс-Саламской исторической школы?». Однако прежде, чем дать ответ на этот вопрос, кажется необходимым контекстуализировать их идеи и деятельность в свете последних исследований политической мысли и практики в Восточной Африке, а также тех дискуссий, которые возникали в период их творчества, то есть в период деколонизации (1960–1970-е гг.).

Так, с одной стороны, работы, посвященные истории политической мысли и публичной сферы в Танзании, как правило, фокусируются на сочинениях и речах первого президента ОРТ (Объединенная Республика Танзания, далее — ОРТ)

¹ Kimambo I. N. The political history of the Pare people to 1900. Northwestern University, 1967; Hobsbawm E., Ranger T. (ed.). The invention of tradition. Cambridge University Press, 2012; Rodney W. How Europe underdeveloped Africa. Verso Books, 2018;

² Campbell, H. (1991). The Impact of Walter Rodney and Progressive Scholars on the Dar-es-Salaam School // Social and Economic Studies, 40: 2, 99–135. См. например, конференцию в Кейптауне [интернет-ресурс: <https://roape.net/2022/07/14/reading-walter-rodney-in-occupied-azania/>]

³ Masebo O. A response to Steven Feierman's 'writing history: flow and blockage in the circulation of knowledge' // Journal of Contemporary African Studies. 2019. Vol. 37. №. 1. Pp. 20–35. ; Feierman S. Writing history: flow and blockage in the circulation of knowledge: Keynote for the Regional Assembly of the African Humanities Program, Dar es Salaam, 30 January 2019 // Journal of Contemporary African Studies. 2019. Vol. 37. №. 1. Pp. 3–13.

Дж. К. Ньерере. При этом демонстрируется их роль в дискуссиях, разворачивавшихся в газетах районного уровня, а также в переписке районных властей и местных жителей. Но те споры и конфликты, которые разворачиваются между местными историками и властями, например, на страницах журнала *Cheche* (суах. — искра) оказываются вне поля зрения авторов данных работ. Это не делает их менее ценными, скорее, расширение эмпирического материала позволяет усилить некоторые тезисы, а также поместить их в контекст параллельной дискуссии о том, что такое «африканское знание», какова роль постколониального африканского университета, а также вопросов о развитии и будущем не только государства ОРТ, но и Африки в целом.

В докладе на материалах статей, монографий, журнальных дискуссий и свидетельств современников будет проанализирован политический дискурс, разворачивающийся между представителями Дар-эс-Саламской исторической школы, историками других стран, как например, кенийским историком А. Мазруи, а также представителями государственной власти Танзании. Таким образом, автор доклада ставит перед собой цель контекстуализировать труды школы, а также осветить, остающийся до сих пор не охваченным вопрос их роль в истории политической мысли Танзании и Африки.

Основные выводы доклада:

Дар-Эс-Саламский Университет может быть рассмотрен как одна из центральных площадок политической дискуссии, посвященной вопросам постколониального будущего ОРТ в период с 1960-х по 1970-е гг.

Несмотря на большое количество западных исследователей, занимавшихся исследованиями в Дар-эс-Саламском Университете, неверным будет говорить о «вестернизации» или неокOLONIALИЗМЕ университета и исторической школы.

Основные темы дискуссии (национализм, классовое и гендерное неравенство, неокOLONIALИЗМ, африканский социализм) оказываются важными для сравнения и оценки на окружном и академическом уровнях обсуждения.

Использованная литература:

Campbell, H. (1991). *The Impact of Walter Rodney And Progressive Scholars on the Dar Es Salaam School // Social and Economic Studies*. Vol. 40. № 2. Pp. 99–135.

Feierman, S. *Writing history: flow and blockage in the circulation of knowledge: Keynote for the Regional Assembly of the African Humanities Program, Dar es Salaam, 30 January 2019 // Journal of Contemporary African Studies*. 2019. Vol. 37. №. 1. Pp. 3–13.

Hobsbawm E., Ranger T. (ed.). *The invention of tradition*. Cambridge University Press, 2012.

Kimambo I. N. *The political history of the Pare people to 1900*. Northwestern University, 1967.

Masebo O. *A response to Steven Feierman's 'writing history: flow and blockage in the circulation of knowledge' // Journal of Contemporary African Studies*. 2019. Vol. 37. № 1. Pp. 20–35.

Rodney W. *How Europe Underdeveloped Africa*. Verso Books, 2018.

Брындина В. Н. (ИАФР РАН, Москва)

Европейцы и Типпу-Тип: взаимные описания встреч в Центральной и Восточной Африке по материалам европейских мемуаров и суахилийской автобиографии¹

В центре проблематики доклада — столкновение двух цивилизаций как «столкновения двух колонизаций» в Восточной Африке: многовековой торговой арабской колонизации, породившей синтез культур и пласт населения смешанного происхождения, и европейской, пришедшей в регион с целью его изучения и дальнейшего раздела. Изучение взаимоотношений и взаимовлияний внутри треугольника «африканцы — арабы — европейцы» на восточноафриканском материале представляет собой очень масштабную и интересную задачу; данный доклад сфокусирован на рассмотрении одной из ее сторон — описании встреч европейских путешественников и колониальных деятелей с представителем местной арабизированной элиты суахили — Хамедом бин Мохаммедом аль Мурджеби, более известным как Типпу-Тип (1837–1905). Удивительно, но эти встречи нашли отражение и в автобиографии Типпу-Типа, написанной на суахили², и в мемуарах и путевых заметках европейцев, посетивших регион. Образ Типпу-Типа оказался запечатлен в целом ряде источников мемуарного жанра, которые позволяют проследить отношение европейцев к этому «арабу»-мусульманину, представителю чужой исламской цивилизации на еще более чужой и неизведанной африканской земле. Суахилийская же автобиография Типпу-Типа позволяет взглянуть на пришельцев из Европы глазами представителя местной африканской арабизированной культуры. Помимо автобиографии, в докладе будут рассмотрены труды таких путешественников, как Д. Ливингстон³, Верни Л. Камерон⁴, Генри М. Стэнли⁵, Герман фон Виссман⁶ и Василий Юнкер⁷. Образ Типпу-Типа был также запечатлен на страницах мемуаров Джерома Беккера, бельгийского исследователя, состоявшего на службе Африканской международной ассоциации и Свободного государства

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00734, (<https://rscf.ru/project/22-28-00734>).

² Whitely W. H. Maisha ya Hamed bin Muhamed el Murjebi yaani Tippu Tip. East African Literature Bureau, Kampala. 1974.

³ Livingstone D. The Last Journals of David Livingstone in Central Africa from 1865 to His Death. V. 1. L.: John Murray, 1874.

⁴ Cameron V. L. Across Africa. L.: Daldy, Isbister & Co, 1877.

⁵ Stanley H. M. Through the Dark continent: or, The sources of the Nile around the great lakes of equatorial Africa, and down the Livingstone river to the Atlantic ocean. New York, N. Y.: Harper & Brothers, Publishers, 1878.

⁶ Wissmann Von H. My second journey through Equatorial Africa from the Congo to the Zambezi. London: Chatto & Windus, Piccadilly, 1891.

⁷ W. Junker. Travels in Africa during the years 1875–1886. London, Chapman and Hall, limited, 1892.

Конго¹. Довольно подробное описание встреч с Типпу-Типом оставили участники так называемой экспедиции по спасению Эмина-паши — Джеймс Джеймесон², Эдмунд Барттелот³, Уильям Стейерс⁴, Томас Парк⁵, Артур Джемсон⁶, Джон ТROUP⁷ и Херберт Вард⁸. Взгляд европейцев на местную арабизированную элиту интересен тем, что затрагивает проблему формирования и функционирования групповых репрезентаций и восприятия другого, отличного, как отсталого: очень часто это взгляд «цивилизующих просветителей» на «отсталых работорговцев». Колонизация ради борьбы с работорговлей и рабством (в европейском его понимании, очень сильно расходящемся с восточноафриканской реальностью) — лейтмотив многих нарративов. Взгляд же представителя местной культуры на европейцев интересен сам по себе, он довольно плохо изучен в научной литературе. Изучение антагонизмов взаимоотношений арабизированных суахили и европейцев, а также их восприятия друг друга, значимо для целого ряда тематик: это история и структура колониализма в Восточной Африке; межэтнические отношения в регионе; история и восприятие арабо-суахилийской работорговли; исламо-христианские отношения и в целом более широкий круг проблем «Восток — Запад» на африканской почве.

Ванюкова Д. В. (ГМБ, Москва), Улитин А. В. (ГМБ, Москва)

Марионетки бозо и бамбара: бытование и традиционная реставрация предметов на примере театра марионеток Соголон (Бамако, Республика Мали)

В январе-феврале 2022 г., в ходе полевой работы научно-исследовательской экспедиции Института востоковедения РАН под руководством П. А. Куценкова, в которой сотрудники Государственного музея Востока принимают участие с 2017 г., удалось

¹ Becker J. La vie en Afrique ou trois ans dans l'Afrique centrale. Paris: J. Lebègue, 1887.

² Jameson J. S. The story of the rear column of the Emin Pasha relief expedition. New York: National Pub. Co..

³ Barttelot E. M. The Life of Edmund Musgrave Barttelot; being an Account of his Services for the Relief of Kandahar, of Gordon and of Emin; from his Letters and Diary. London: Richard Bentley and Son, 1890.

⁴ Stairs W. G. African exploits: the diaries of William Stairs, 1887–1892. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1998.

⁵ Parke T. H. My personal experiences in equatorial Africa, as medical officer of the Emin Pasha relief expedition. New York: C. Scribner, 1891.

⁶ Mounteney-Jephson A. J. Emin Pasha And The Rebellion At The Equator Third Edition. Sampson Low Marston Searle & Rivington Ltd. London, 1890.

⁷ Troup J. R. With Stanley's rear column. Chapman and Hall, Ltd., 1890.

⁸ Ward H. Five years with the Congo cannibals. London: Chatto & Windus, 1891; Ward H. A voice from the Congo, comprising stories, anecdotes, and descriptive notes. London: W. Heinemann, 1910.

собрать материал по традиции марионеток бозо и бамбара в г. Сегу и Бамако. Так, одним из важных результатов стало прояснение места театра марионеток среди традиционных институтов бозо и бамбара: похоже, что степень секуляризованности и модернизованности этого вида малийского искусства сильно преувеличена, и общество марионеток связано с влиятельным обществом Коре, а церемонии с участием марионеток варьируются от полностью сакральных до общедоступных.

Для пополнения коллекции Государственного музея Востока были отобраны маски и марионетки, являющиеся ключевыми персонажами марионеточного действия: нильский окунь (Salen), Фаро (Faro), невинная девушка (Нпоготиги, Npogotigi), лев Вараба (Waraba), Старая Гиена (Surukukэго). В ходе работы с информантами удалось собрать сведения о производстве марионеток в Маркала, откуда они поступают в Сегу и в Бамако.

Участники экспедиции, связанные с музейным сообществом, в ходе интервью с Йайа Кулибали (Yaаа Kulibali), главой театра марионеток Соголон, официально работающего с 1980 г., смогли удовлетворить и специфически «музейный» интерес к вопросам традиционной реставрации марионеток. Сейчас Соголон регулярно проводит гастроли не только в городах Мали, но и вне страны, а также за пределами Африки, с успехом выступая во Франции, США, Юго-Восточной Азии. Но семья Йайа Кулибали (1959 г.р.), получившего в том числе европейское образование и преподававшего в Национальной школе искусств, занимается театром марионеток уже не одно поколение, ведя свой род от Мамари Битона Кулибали (1689–1755). Поэтому серия интервью с ним как хранителем традиции позволила составить картину бытования марионеток в том числе как материальных объектов: вопросы изготовления, поновления, сохранения и реставрации этих предметов представляют, на наш взгляд, большой научный интерес, с одной стороны, будучи сравнительно мало представленными в научной литературе, а с другой — позволяя расширить наши знания о традиционных видах искусства, в том числе, на современном этапе существования.

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ; ИВИ РАН; РАНХиГС; Москва)

Образование Организации африканского единства (1963 г.) и ее влияние на интересы Запада: взгляд из Лондона (по документам Национального архива Соединенного Королевства)

Конференция в Аддис-Абебе 1963 г., на которой был принят Устав ОАЕ, стала важным международным событием, привлечшим внимание дипломатов и экспертов по обе стороны «железного занавеса». К этому времени еще не остыл энтузиазм, вызванный Годом Африки — оба враждующих в Холодной войне лагеря

прилагали немало усилий, чтобы привлечь вновь образованные государства на свою сторону. Для Великобритании сохранение своего влияния на Африканском континенте имело еще и другую составляющую — для нее важно было оставить бывшие свои колонии в сфере влияния Содружества, что в какой-то мере должно было компенсировать потерю ею статуса великой державы с утратой колониальных владений. Поэтому самостоятельные попытки выработать платформу для объединения африканскими странами вызвали как пристальное внимание, так и определенную настороженность. В британском правительстве задавались вопросом — как это может повлиять на интересы Запада, в целом, и Великобритании, в частности?

О принципах и подходах британской политики в отношении африканских стран может свидетельствовать меморандум, подготовленный в 1965 г. группой планирования Форин Офиса «Будущее Организации Африканского Единства и ее влияние на интересы Запада»¹.

Как отмечали авторы документа, британские интересы в Африке были значительными. Доходы от инвестиции в страны Африки составляли 20% всех доходов частных инвесторов от зарубежных вложений, торговля с африканскими странами составляла 12% всего торгового оборота Соединенного Королевства с зарубежными странами. Африка также являлась важнейшим поставщиком ряда стратегических ресурсов, особенно золота и меди. Также сохранялось значительное число выходцев с Британских островов, живших в странах Центральной и Южной Африки. В большинстве случаев они приносят Великобритании значительные политические затруднения, но правительство Ее Величества не могло отказаться от своих моральных обязательств по отношению к ним.

Авторы меморандума отмечали, что происходящее в Африке и отношение африканских государств оказывали значительное воздействие на британские интересы. Особо выделялась роль государств Африки в Содружестве и ООН. Значимы были реакции африканских стран на события в Конго (ДРК), Родезии и Южной Африке. «Отсюда проистекал неприятный факт, — отмечали авторы меморандума, — что страны, которые сами по себе имели мало подлинного значения, как Гана, Гвинея, Уганда, Малави или даже Мали, могли оказывать непропорционально большое влияние на проведение нашей политики».

Авторы меморандума отмечали, что не существовало объективных причин, почему бы цели ОАЕ в долгосрочной перспективе не могли проявить себя в интересах Запада. Правда, они оговаривались, что это произойдет только в том случае, если страны-участники ОАЕ откажутся от крайностей в своей политике, которые могут привести к прямому конфликту с Западом. Тот, в свою очередь, должен прилагать все усилия, чтобы оказывать поддержку умеренным элементам в ОАЕ.

Не менее любопытны оценки британской политики Мартина Ле Квесна, которые он дал в 1968 г., после ухода с поста помощника заместителя министра иностранных

¹ The Future of the Organization for African Unity (O. A.U.) and Its Effect on Western Interest // UKNA. DO 216/45. Organization of African Unity 1963–1965. pp. 1–8.

дел¹. Среди ошибок, которые были допущены британцами на первых порах в отношениях с африканскими странами, он указывает переоценку коммунистической угрозы. Как показала практика, африканцы обладали «естественной сопротивляемостью» коммунистическим доктринам. Однако, как оказалось по прошествии восьми лет, институты парламентской демократии также не смогли пустить глубокие корни на африканской земле. Таким образом, и Западный и Восточный блоки одинаково питали иллюзии в отношении только что обретших независимость государств.

Другой ошибкой, которую допустили британцы в отношениях с африканцами, это та готовность, с которой была принята точка зрения, что ответ на проблемы африканцев лежит в их явной приверженности идеализму их «самозванных прогрессистов или африканских социалистов». Однако, на практике, даже в тех случаях, когда африканский социализм не являлся лишь прикрытием «убогим личным или национальным амбициям», он до сих пор не мог принести результаты. Ле Квесн считал, что в долгосрочной перспективе Джулиус Ньерере был ближе всех к правильному образу действий, чем кто-либо, «если только история позволит ему править достаточно долго».

Таким образом, в оценках британских дипломатов можно наблюдать некоторые изменения в отношении Лондона к проблемам деколонизации и будущего стран Африки. Британцы признавали, что прямое вмешательство Запада в конфликты на Африканском континенте носило скорее контрпродуктивный характер. Угроза со стороны СССР оказалась в значительной степени переоцененной, а страхи потерять континент слишком преувеличенными. Одновременно у Британии не хватало ни ресурсов, ни сил, чтобы поддерживать свое присутствие на континенте, а США — ее главный союзник, не были расположены принимать на себя полноту ответственности за происходящее на континенте. Этим можно объяснить и усталость британских дипломатов от не прекращавшихся проблем, связанных с Африкой, и желание переложить больше ответственности на сами африканские государства.

Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль)

Ачилл Мбембе: постколониальная мысль — реальность или мечта?

Принято считать, что постколониальный дискурс ведет свое начало с рубежа 1970–1980 гг., когда вышла в свет блестящая книга американского интеллектуала палестинского происхождения Э. Саида «Ориентализм» (1978 г.), написанная им на основе многолетнего курса лекций, прочитанного студентам. Книга стала мировым бестселлером, а для ученых, востоковедов и африканистов, еще и своего рода триггером, заставившим задуматься о том, можно ли, а если можно, то каким

¹ Le Quesne, Martin. Sub-Saharan Africa: Retrospect and Prospects // UKNA. FCO 29/235 South Africa and UK Future Policy on Africa 1968. pp. 1–8.

образом, найти альтернативу тем концептуальным построениям, которые были подвергнуты жесткой критике со стороны Э. Саида.

Размышления на заданную тему инициировали творческую активность в среде индийских, а чуть позднее и африканских, интеллектуалов. Они осознали необходимость изучения афро-азиатского региона не так, как веками делали европейцы, апеллируя к вековой отсталости и цивилизаторской миссии европейцев, а иначе — с акцентом на то, что Восток и Африка, безусловно, являются субъектами мировой истории.

Попытка В. Й. Мудимбе (его называют «африканским Эдвардом Саидом», противником дискурсов, искажающих образ Африки) подвергнуть критике все то, что до недавнего времени было написано европейцами, и характеризовать созданный ими книжный корпус как «колониальную библиотеку», с одной стороны, рассматривались как кощунство и святотатство, с другой — как провокация и игра. В. Й. Мудимбе, католика, человека «книжной культуры», воспитанного в лоне европейских университетов на произведениях европейских философов, историки и философы, африканцы и не африканцы, обвиняли не столько в афро-, сколько в евроцентризме, хотя именно он сформулировал идею возможности и необходимости ретрансляции африканских знаний. Его монографии: «Изобретение Африки» (1988 г.) и «Идея Африки» (1994 г.) — вместили в себя подробнейший анализ трудов предшественников и для развития африканских исследований оказались не менее значимыми, чем «Ориентализм» Э. Саида — для изучения Востока.

Дж.-А. Мбембе, автор востребованной в интеллектуальных кругах книги «О постколонии» (2001 г.), — типичный представитель современной гуманитарной науки с ее обновленной терминологией, постмодернистским недоверием к метанарративам и попыткой взглянуть на мир иначе, чем предшественники. Он встал на путь переосмысления «идеи Африки» прежде всего в границах дискуссии о постколониальности и афрополитизма.

В противовес В. Й. Мудимбе А. Мбембе акцентировал внимание на ограниченности суверенитета как такового. Ему импонировала «Идея мира без границ» (2019 г.) — именно так называется его популярная лекция, прочитанная во многих университетах мира. Состояние транзита и изменение картины мира в результате активизации миграций занимали его, как и идеология мирового гражданства (космо- и афрополитизма). Абстрагироваться от своих корней А. Мбембе вряд ли когда предполагал.

Между тем некоторые его утверждения представляются спорными. В книге «О постколонии», например, он утверждает, что «колониализм должен был дисциплинарно излечить африканцев от приписываемой им лени», но одновременно считает недопустимым изучать его на уровне противопоставления доколониализму и постколониализму. Будучи одним из теоретиков постколониального дискурса, он выдвигает дискуссионный тезис о том, что «постколониальная мысль — это просто мечта: мечта о новой форме гуманизма, критического гуманизма», основанного прежде всего на существующих в мире различиях, чем ставит под сомнение сам факт существования постколониальных исследований, способных разрушить стереотипы.

А. Мбембе шел к своим идеям через анализ не только европейского, но и «периферийного творчества», которое, вслед за Э. Саидом, рассматривал как безусловную часть универсальной (по сути, западной) культуры. Он признавал, что после второй мировой войны и тем более по итогам освободительной борьбы неевропейских народов появились новые, ставшие реальностью, академические поля исследования, открывшие миру иную, неевропейскую, топографию и иной набор императивов, без которых современное гуманитарное знание уже не может существовать. Вопрос состоит в том, насколько они вписываются в формат постколониальных теорий и насколько это формат реален. И этот вопрос остается открытым.

Гаврюшева А. Е. (ЯрГУ, Ярославль)

О поисках идентичности афронемцев во второй половине XX века (на примере Мэй Айим)

Мэй Айим, урожденная Сильвия Андлер (1960–1996), афронемецкая поэтесса, педагог, активистка, ученый, одной из первых предприняла попытку объединения афронемцев для совместного преодоления сложностей и поиска своих корней. Она родилась в 1960 г. в Гамбурге. Ее родители, немецкая студентка Урсула Андлер и студент-медик из Ганы Эммануэль Айим, в браке не состояли. Мать отказалась от ребенка сразу после ее рождения. Отец хотел забрать девочку и либо отвезти ее в Гану, либо отдать на воспитание своей бездетной сестре, но по законам Германии внебрачные дети переходили под опеку государства.

Первые полтора года Мэй Айим жила в приюте. Затем ее удочерила немецкая семья Опиц и перевезла в Мюнстер. Свое детство у семьи Опиц Мэй Айим описывала как полное страха и насилия. Семья растила ее вместе с биологическими детьми. Приемные родители с помощью строгости пытались воспитать из нее образцового ребенка. Ее били, запирали, наказывали. Как утверждает сама Мэй Айим, они поступали так «из любви, по незнанию или пытаясь быть ответственными родителями¹». Она полагает, что ее растили, поддавшись предрассудкам, существовавшим в современном ей немецком обществе², но в расчете на то, что воспитание позволит ей во взрослом возрасте защититься от любых предрассудков и проблем.

В 1979 году Мэй Айим закончила католическую школу и поступила в университет Регенсбурга, чтобы изучать педагогику и психологию, там она училась до 1986 г. Будучи студенткой, она побывала в Израиле, Кении и Гане. В Кении в этот момент

¹ Opitz M. *Departure* // M., Busby (Ed.), *Daughters of Africa*. P. 935.

² MacCarrol M. *May Ayim: A Woman in the Margin of German Societ*. Thesis, Florida State University Libraries, 2005.

проживал ее биологический отец, профессор медицины Эммануэль Айим. У Мэй Айим получилось наладить хорошие отношения с ним и его семьей. В поисках родины Мэй Айим отправляется в Гану, но приехав туда, она почувствовала себя чужой. К ней относились там «как к белой», и она решила вернуться в Германию.

Не сумев найти родину во время путешествия в Африку, она решает посвятить себя помощи людям, оказавшимся в похожей ситуации. Свою дипломную работу «Афронемцы: их культурная и социальная история на основе изменений в обществе» она публикует еще под своим прежним именем, Мэй Опиц. Это было первое научное исследование афрогерманской истории, начиная от средневековья до конца XX в.

В 1986 году ее исследование ложится в основу книги «Farbe Bekennen: Afro-deutsche Frauen auf den Spuren ihrer Geschichte». Книга была опубликована совместно с Катариной Огунтойе и Дагмар Шульц¹. В книгу были добавлены интервью с афронемецкими женщинами, где они рассказывают о трудностях жизни в Германии, о том, как они знакомились со своей родиной, исследовали свою полиэтническую идентичность, искали своих африканских родителей. Благодаря тому, что авторы книг собирали респондентов, чтобы взять у них интервью, те находили связь и между собой. Афронемцы начали делиться друг с другом опытом и объединяться, чтобы вместе исследовать свою историю, помогать друг другу и поддерживать самих себя и своих товарищей.

После визита в Гану Айим проходит обучение по специальности «Логопедия» и совмещает его со своими исследованиями идентичности афронемцев. Она пишет диссертацию на тему «Этноцентризм и сексизм в логопедии». С 1984 г., еще до завершения ею университетского образования, ее начинают приглашать в качестве лектора в университеты Берлина.

В 1995 году в США выходит ее сборник стихов «Blues in Black and White». Для ее стихов характерны юмор, политическая и социальная включенность и горькая ирония. Необходимо, однако, отметить, что Мэй Айим писала стихи не только социально-политического характера, но и любовную лирику.

Мэй Айим обретает популярность: ее начинают приглашать на различные международные конференции, мероприятия, открытие фондов и кинопоказы, начинают активно публиковать. Напряженная работа по подготовке к месяцу афроамериканской истории в 1996 году, куда ее пригласили в качестве участника и организатора, не прошла бесследно: она отражается на психическом и физическом состоянии Мэй Айим, в январе ее помещают в психиатрическое отделение больницы в Берлине и диагностируют у нее рассеянный склероз и депрессию. В апреле 1996 ее выписывают, но в июне снова госпитализируют после попытки самоубийства. После очередной выписки 9 августа Мэй Айим покончила жизнь самоубийством, спрыгнув с 13 этажа одного из зданий в Берлине.

¹ Oguntoye K., Opitz/Ayim M., Schultz D. Farbe Bekennen. Afro-deutsche Frauen auf den Spuren ihrer Geschichte. Orlanda Frauenverlag, Berlin 1986.

С 1997 начинаются исследования ее жизни и наследия¹. В 2004 году в ее честь учреждается премия, первая международная литературная награда для афронемцев. В 2011 в ее честь была названа набережная в Берлине, в районе Кройцберг.

История жизни и творчества Мэй Айим — это история поиска себя и своего дома. С самого детства сталкиваясь с проявлениями дискриминации, Мэй Айим пытается поддержать других афронемцев и помочь им в поисках родины и корней. Она не называет Берлин своей родиной, однако большую часть своей деятельности она осуществляет именно здесь, и именно здесь ее наследие и память о ней продолжают вдохновлять новые поколения афронемцев на исследовательские и творческие проекты.

Головизнин М. В. (МГМСУ, Москва)

Староэфиопские названия проказы в контексте медицинских и общекультурных реалий Ближнего Востока

Проказа (лепра) традиционно расценивается как самая древняя болезнь человека, упоминаемая еще в Ветхом Завете. Вместе с тем, немало исследователей оговаривается, что описанная в книге Левит болезнь непохожа на проказу в современном понимании этой патологии и гораздо больше напоминает контактные грибковые инфекции кожи. Указание на то, что она оставляет следы и на одежде больного также вызывает ассоциации с плесневелым грибом. С учетом того, что Библия переводилась на греческий язык, а потом на некоторые другие языки Христианского Востока (коптский, геэз и др), нам было интересно проанализировать переводы этого термина, встречающиеся в Библии и их истолкование. В Септуагинте ветхозаветный термин לַרְצָא переводится на греческий как λέπρα. Это название связано со словом чешуя (ср чешуя рыбы — λέπια ψαριού). В арабском тексте Библии данному слову соответствует лексема بَرَص. Коптские названия лепры согласно этимологическому словарю коптского языка (V. Černý) не являются прямыми переводами с греческого или древнееврейского, а восходят к древнеегипетской терминологии. В языке геэз, как это представляют словари W. Leslau и A. Dilmann есть несколько синонимов слова лепра, которые находят параллели в родственных семитских языках Ближнего Востока: ḫṣṣḏḏḥ (евр. לַרְצָא, (также лат. *rogrigo impetigo prugiens*), נֶאֱרַן (ар. سُلْح، рана, язва) и Ḏṣṣḥ. Представлялось логичным, что «λέπρα» в эфиопской Библии выражалась бы лексемой ḫṣṣḏḏḥ, близкой по смыслу и греческому и древнееврейскому терминам (в геэзе также существует

¹ Hügel-Marshall I., Prasad N., Schultz D. (Hg.). May Ayim. Radikale Dichterin, sanfte Rebellin. Unrast Verlag, Münster 2021; Konuk K., Jancovich N. With love, in memory and in honour of May Ayim // Journal of Gender Studies. 1997. Vol. 6. No. 1. S. 71–72.

глагол ḥḥh шелушиться и производные от него существительные). Однако, в эфиопском тексте книги Левит используется не эти переводы, которые можно было назвать буквальными, а слово ḥḥḥ. Анализ данного слова, проведенный В. Леслау и А. Дильманном показывает, что главной характеристикой лепры в геэзском переводе книг Ветхого Завета являлась не чешуйчатость и себорея а депигментация, «пятнистость» (лат «maculae cutis diverso colore conspicuae») А. Дильманн приводит в своем словаре имеющуюся в арабском языке параллель данного слова (لَمَّظ), а также, со ссылкой на Хиоба Лудольфа, высказанную последним ассоциацию лепры со словом леопард ḥḥḥ. На наш взгляд слово ḥḥḥ не являясь буквальным переводом с греческого или древнееврейского языков, более адекватно отражает проявления реальной лепры: генерализованная депигментация во-первых, является патогномичным симптомом проказы, во-вторых, в африканском обществе Эфиопии она, по-видимому, более бросалась в глаза чем шелушение (بَرَص / ስፍራ). Интересно, что Абу Али Ибн Сина (Авиценна) в «Каноне врачебной науки», четко дифференцирует بَرَص, относящийся по мнению автора к болезням кожи и проказу как патологию костей и мягких тканей тела. Для определения последней Ибн Сина использует слово جُدَام. В академическом русскоязычном издании «Канона врачебной науки» не приведена этимология термина جُدَام. R. Hasnāi и др. в работе, посвященной лепре в контексте медицины ислама упоминают глагол «jadhama» (to “cut off or amputate”). В современных словарях арабского языка встречается слово جَذَع — «ствол», «стержень», «остов» — тело человека без головы и конечностей¹ и глагол جَذَّمَ — «калечить». Сопоставляя вышесказанное, можно предположить, что Авиценна под термином جُدَام имел в виду мутиляцию конечностей, что, (как и русское слово «проказа»), восходящее к гл. «искажать», «обезображивать») безусловно, более близко к пониманию патогенеза этой болезни, чем греческий термин λέπρα в узком смысле этого слова. Таким образом, сопоставление древнееврейского, геэзских, арабских эквивалентов слова λέπρα подтверждает неоднократно высказываемые догадки что в древних текстах представлены разные инфекционные и другие болезни с внешними проявлениями, которые в Ветхом Завете служили основанием для социальной стигматизации больных (грешников) и их изоляции от общества. Вероятно, понятие лепра на протяжении Древности и Средневековья расширялось, вбирая в себя все новые, неизвестные ранее заболевания, требовавшие изоляции заболевших в лепрозориях. В то же время в медицинской науке Средневекового Востока вызревала и противоположная тенденция — учение о точной диагностике и дифференциальном лечении этих болезней, что нашло отражение в терминологии Авиценны. Интересно что в Европе ветхозаветный термин «лепра» сохранился до наших дней, распространяясь на все указанные нами выше болезни Востока. Связано это на наш взгляд с разницей средневековых медицинских парадигм Востока и Запада, запаздыванием развития медицины Запада где до Нового Вре-

¹ جسم الإنسان ما عدا الرأس والأطراف¹

мени доминировала социальная стигматизация и изоляция прокаженных, тогда как на Ближнем Востоке врачи уже в X в. находили подходы к дифференциальной диагностике и предпринимали попытки индивидуального лечения больных.

Грибанова В. В. (ИАФР РАН, Москва)

Капский полуостров глазами русских моряков XIX века

До начала XIX в. россияне могли достичь южной части Африки только на иностранных судах, так как собственные суда не доходили южнее Гибралтара. Тем не менее, задача исследования морских путей на восток огромной России должна была быть решена. Конечно, самый короткий путь был бы через Северный Ледовитый океан, но этот маршрут был непроходимым из-за льдов. Оставалось только два пути: пересечь Атлантический океан, обогнуть Южную Америку (Панамского канала еще не существовало) и пересечь Тихий океан; или же обогнуть Африканский континент (Суэцкий канал был открыт только в 1869 году), и, пройдя Индийский океан, попасть в западную часть Тихого океана.

Впервые русские моряки увидели южноафриканский берег с борта британских кораблей еще в XVIII в. В начале XIX века больше года прожил на Капе и оставил много ценных свидетельств о нем, впервые ставших достаточно широко известными в России, Василий Михайлович Головнин (1776–1831)¹. К 40-м годам XIX в. жители Саймонс-бей уже привыкли видеть флаг военно-морского флота Российской империи. В первой половине XIX в. российские суда совершили 36 кругосветных и полукругосветных плаваний. Недолгий перерыв был связан только с Отечественной войной 1812 г. С 1822 по 1829 гг. в южноафриканских водах, а иногда и с заходом в порт Капштадта, побывало много русских кораблей. Интересны очерки о Капе офицеров военного транспорта «Або». Очерки о плавании написали два молодых офицера — Густав Карлович Блок² и Алексей Иванович Бутаков³.

Сразу после Крымской войны (1853–1856 гг.) началось активное строительство судов, где использовались паровые двигатели. Количество дальних морских плаваний также увеличилось. Корабли «Джигит» и «Стрелок» прибыли в Саймонс-бей в составе первой русской эскадры из 6 новейших паровых винтовых судов, совершавших кругосветное плавание. Наиболее интересный рассказ об этом путешествии написал Алексей Владимирович Вышеславцев, бывший на клипере «Пластун» и корвете «Новичок», также входившими в эту эскадру, корабельным врачом. Алексей Владимирович Вышеславцев — русский врач, литератор,

¹ Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана». М., 1961;

² Блок Г. К. Два года из жизни русского моряка: описание кругосветного плавания, совершенного в 1940–42 годах на российском транспорте «Або» / Соч. Г. К. Блока. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1854;

³ Бутаков А. Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1942 гг. // Отечественные записки. Спб., 1844. Т. XXXIII. Ч. 2. С. 10–37;

искусствовед и путешественник (1831–1888). Записки и зарисовки Вышеславцева документальны. Его книга, написанная во время кругосветного плавания «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах»¹, привлекала читателей не меньше, чем «Путешествие на фрегате «Паллада» Ивана Андреевича Гончарова, которое появилось 4 годами ранее. Пробыл Вышеславцев на Кейпе три месяца, и кроме В. М. Головнина никто из русских путешественников не мог так подробно осмотреть Капскую колонию. Свидетельства Вышеславцева о жителях Капа особенно интересны потому, что он подробнее, чем кто-либо из русских путешественников описал африканское население. Он описывает представителей и койсанских, и бантуязычных народов, особенно подробно рассказывая о народе коса и о его отношениях с колонистами. Другим участником плавания указанной эскадры был гражданский пассажир, барон Александр Егорович Врангель (1833–1915), который также оставил отчет о своем пребывании на Капе².

В конце 1850-х и в 1860-х гг. рассказы русских моряков — офицеров, прапорщиков и простых матросов — стали множиться. Все большее их число описывало то, что они видели в дальних рейсах и во время кругосветных плаваний. Многие журналы охотно брали в печать эти описания, платили за них гонорары. Основным местом, где публиковались морские очерки о дальних плаваниях, был «Морской сборник» — ежемесячный журнал, основанный в 1848 г. как официальное издание военно-морского флота. Единственное российское периодическое издание, которое ни разу не прерывалось хотя бы на месяц на протяжении 165 лет.

С 1850 по 1869 гг. по меньшей мере 36 российских судов заходили в гавани Южной Африки. Некоторые из них побывали и более одного раза. А с 1869 г. большинство русских кораблей, направляясь на Тихоокеанское побережье России, уже проходило по вновь открытому Суэцкому каналу, а не вокруг мыса Доброй Надежды. Лейтенант Вильгельм Михайлович Линден (1843–1937) посетил Кап в этот переходный период и оставил очень интересные свидетельства, опубликованные в «Морском сборнике»³.

В 1904 г. мимо Кейптауна прошла самая большая на тот момент военная эскадра, когда-либо огибавшая Африканский континент. Тысячи русских моряков во главе с адмиралом И. С. Рожественским шли на Дальний Восток, к Цусиме, сражение при которой стало одной из самых трагичных страниц в истории российского флота. Это событие оставило значительный отклик среди жителей колонии. О пребывании русских моряков в Саймонстауне свидетельствуют и захоронения на старом военном кладбище Seaforth Old Burying Ground. Русские матросы неоднократно становились жителями Капской колонии. 5 мая 2005 г. на военном кладбище в Саймонстауне состоялось открытие и освящение памятника русским морякам, похороненным на земле Южной Африки в период с 1809 по 1912 годы.

¹ Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., издание М. О. Вольфа, 1867;

² Врангель А. С мыса Доброй Надежды // Морской сборник. СПб., 1859. № 1;

³ Линден В. Капская колония // Морской сборник. СПб., 1870. № 10.

Григорьева С. В. (ННГУ, Нижний Новгород)

Эволюция осмысления новой истории стран Африки в советских вузовских учебниках

В докладе осуществляется историографический анализ советских вузовских учебников по новой истории стран Азии и Африки на предмет осмысления в них истории стран и народов Черного континента.

За 74 года советской власти вышло три учебника по новой истории стран Азии и Африки для студентов высших учебных заведений. Первый (1940 г.) назывался «Новая история колониальных и зависимых стран»¹. Африке в нем посвящено шесть глав, материал их носит в основном справочный характер. В соответствии с господствующими в советском востоковедении методологическими подходами подача материала отличалась революционной страстностью; стремлением показать различное отношение к африканским народам, существующее в советской и буржуазной исторической литературе; простотой и доступностью языка; особым вниманием к национально-освободительной борьбе народов Африки против колонизаторов и социально-экономическим проблемам.

Однако, несмотря на идеологическую окраску, рассматриваемый учебник содержит достаточно много исторических фактов, материал логически обоснован, авторы аргументировано объясняют причины исторических процессов и явлений, дают их существенные характеристики, раскрывают итоги и последствия. Заслугой советских африканистов тех лет можно считать то, что они впервые в мировой науке рассматривали африканцев как субъект исторического процесса, исходили из того, что народы Африки должны сыграть активную роль в мировом революционном движении, поднимали новые темы, не находившие места в дореволюционной африканистике.

Вторая мировая война кардинальным образом изменила расстановку сил в мире, приведя к становлению биполярного мира, к крушению колониальной системы, что актуализировало интерес к странам Африки. Началось преподавание курса истории стран Азии и Африки в вузах, он стал прочно внедряться в учебные программы по гуманитарным специальностям.

Новый учебник «История стран Азии и Африки в новое время» вышел в 1971 г.²

С точки зрения авторов, изучение новой истории стран Востока имело целью «углубление познания закономерностей развития мировой истории и овладение марксистско-ленинской теорией национально-освободительного движения на основе конкретного материала социально-экономического, политического и идеологического развития восточных обществ»³. Существенным отличием этого

¹ Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. / под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера и др. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 784 с.

² История стран Азии и Африки в новое время. Ч. 1. М.: изд-во Московского университета, 1971. 621 с.

³ Там же. С. 3.

учебника стала специальная глава, в которой было дано марксистско-ленинское понимание данного периода. Изменились хронологические рамки периодизации новой истории, увеличился объем материалов, посвященных Африке. Однако направленность учебника сохранилась: особое внимание к колониальной политике европейских стран и формам протеста против «колонизаторов и эксплуататоров». Вопросы этнографии, демографии, духовной жизни, культуры и искусства, традиционного ремесла и образа жизни африканских народов остались вне поля зрения исследователей.

Между тем, в учебнике 1971 г. история африканских стран раскрыта более подробно и детально; анализируется реформаторская деятельность политических лидеров; добавлены разделы о странах Африки в годы Первой мировой войны.

Третий по счету советский учебник «Истории стран Азии и Африки в новое время для студентов исторических факультетов университетов» вышел в 1989 г.¹, практически полностью повторял учебник 1971 г. и был актуален до 2004 г., когда появилось новое постсоветское издание.

Таким образом, благодаря этим учебным изданиям история африканских народов прочно вошла в учебные программы вузов, стала доступна для изучения студентами гуманитарных специальностей, что позволяло не только популяризовать, особенно на периферии, интерес к африканским исследованиям, но и готовить более компетентных специалистов.

Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Релятивный локатив в языке кереве

Кереве/кереве северо-восточный язык банту, по классификации языков банту М. Гасри входит в группу J20 хайя-джита, распространен в основном на острове Уке-реве. Язык кереве слабо изучен в силу отсутствия письменных источников на нем. Уникальный материал по языку кереве представлен в двухтомном романе-хронике известного танзанийского писателя родом с Укереве Анисети Китерезы «Господин Мьомбекере, его жена Бугонока, Нтуланалво и Булихвали», написанный в 1945 г. на кереве и в 1969 году переведенный автором на язык суахили. Это произведение представляет собой особую ценность для изучения языка кереве не только в отношении лексики, но и грамматики, так как автор в переводе на суахили использует отдельные грамматические формы, не свойственные языку суахили, в частности, демонстрирует иные стратегии локативной маркировки глагола.

¹ История стран Азии и Африки в новое время. Учебник. В 2-ух частях. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1989. 384 с. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1991. 368 с.

Как и в суахили, так и в языке кереве обнаруживаются три локативных класса с традиционной семантикой близкого местонахождения, далекого/неизвестного и внутреннего расположения. При этом два релятивных локатива -po (16 класс) -*mo* (18 класс) активно используются в постфинальной позиции глагола. Это может быть инфинитив, императив и все другие возможные конструкции с субъектно-объектными маркерами, аспектно-темпоральными аффиксами, показателями модальности и отрицания, а также деривативными глагольными суффиксами и др. Например:

Upero hauchafuipo tena maji (jz. II, p. 315) [ha-u-chafu-i-po = Neg-11cl-загрязнять-Pres+Neg-16cl Loc+Rel]

‘Ветер больше не мутит здесь воду’.

Akaleta kifurushi kile walichofungiamo tumbako (jz. I, p. 175) [wa-li-cho-fung-ia-mo = 3Pl-Perf-7cl+Rel-закрывать-Trans- 18cl Loc+Rel]

‘Он принес пакет, в котором/внутри которого они прятали табак’.

Релятивный локатив 17 класса -ko в подобных конструкциях не используется, хотя он присутствует в языке кереве, как и в суахили, в сочетании с дефектными глаголами -*wa* (*mimi niko mjini* ‘я нахожусь в городе’) и -*li-* (*mahali aliko* ‘место, где он там находится’) и в виде указательных местоимений (*kule* ‘там’).

При этом, как уже отмечалось ранее, локативы, в том числе и релятивные локативы, отличаются размытостью семантической дифференциации и в межэтническом языке суахили, и в малом узкоэтническом языке кереве:

Pale mjini mwake alishindamo siku tatu (jz. II, p. 544) [a-li-shind-amo = 3Sg-Perf-проводить-16cl Loc+Rel]

Там в своем городище он провел (внутри) три дня’

При этом язык кереве демонстрирует значительно большую вариативность морфосинтаксических средств выражения релятивной локативности по сравнению с суахили и другими языками банту.

Гусарова Е. В. (СПбГУ, ИВР РАН, РНБ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Исторический контекст создания перевода Хроники Иоанна Никиуского¹

Хроника Иоанна Никиуского — пространное историческое сочинение, памятник ранневизантийской историографии. Она представляет собой Всеобщую историю, составленную в конце VII в. в Египте епископом г. Никиу Иоанном по всей

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

видимости на греческом, а затем переведенную на арабский язык. Ее повествование традиционно начинается с библейской истории и заканчивается временем арабского завоевания Египта, свидетелем которого явился ее автор, Иоанн Никиуский.

Волею судьбы Хроника дошла до нас исключительно в эфиопской редакции, в переводе на язык геэз и, впоследствии, амхарский. Геэзский перевод был выполнен двумя книжниками в самом начале XVII в. по заказу вдовствующей царицы Марйам Сэна и влиятельного при дворе военачальника *раса* Афанасия. Подробности создания перевода мы узнаем из пространного колофона, который завершает текст сочинения.

В этой связи заслуживает внимания исторический контекст, в котором влиятельным особам в Эфиопии пришла в голову идея подготовки перевода столь объемного исторического сочинения. Начало XVII в. по праву считается смутным периодом в истории Эфиопии. К тому времени еще не улеглись страсти предшествующих печальных для большей части населения страны и ее Церкви событий.

В конце XVI в., неожиданно для жителей Африканского Рога, началась массовая миграция доселе мало известных кушитоязычных племен оромо с юга и юго-запада. Эти многочисленные воинственные племена, исповедовавшие на тот момент собственные народные верования, вторглись на территорию Эфиопии, «сметая все на своем пути». Они разоряли деревни и города, убивали местных жителей, волнами продвигались вглубь Эфиопии. Остановить такую массовую миграцию не столь многочисленными силами эфиопской армии не представлялось возможным. По большей части это переселение завершилось только в первой половине XVII в., когда часть племен оромо осели или заняли постоянные кочевья.

В то же время первая половина XVI в. ознаменовалась для эфиопских христиан широкомасштабным вторжением мусульман из султанатов на юго-востоке Эфиопского нагорья. Попытки противостоять хорошо подготовленным войскам под предводительством имама султаната Ададь Ахмада Ибрагима ал-Гази, имевшим целью завоевание исконно христианских территорий Эфиопии, были тщетными. Ахмад Грань, как его именовали в эфиопских источниках, объявил настоящую священную войну христианам Эфиопии. Мусульмане уничтожали все на своем пути, разрушали храмы, церковные библиотеки, жгли алтари и книги, убивали священнослужителей. Попытки противостоять нашествию своими силами не увенчались успехом. Тогда царь Лебна Денгель (1508–1540) принял решение обратиться за помощью к европейцам, которые, не без личной выгоды, охотно согласились протянуть Эфиопии руку дружбы. Вскоре хорошо вооруженные и обученные португальцы дали отпор мусульманам. Одновременно в страну проникла католическая пропаганда. Деятельность иезуитов на территории Африканского Рога проходила в несколько этапов. Один из наиболее удачных и широкомасштабных выпал на начало XVII в., когда в 1603 г. в Эфиопию прибыл проповедник П. Паес. Активная деятельность католических миссионеров и политические игры европейских держав привели к тому, что царь Сисиний (1606–1632) принял католическую веру. Все это не могло не вызвать бурную реакцию при дворе и среди

традиционного духовенства, приверженцев монофизитства. В стране началась великая смута, а сторонники Эфиопской Церкви организовали активную борьбу с засильем католиков. Именно в этом беспокойном историческом контексте и был заказан высокопоставленными особами перевод Хроники Иоанна Никиуского, несомненно, содержащей монофизитские реалии материнской Коптской Церкви.

Замечательно, что и создание Хроники происходило в далеко не спокойный исторический период завоевания Египта мусульманами. Как известно, это положило начало сокращению паствы и уменьшению влияния Коптской Церкви, в результате чего копты постепенно превратились в религиозное меньшинство в собственной стране. Вероятно, по этой причине до нас не дошел оригинал Хроники Иоанна Никиуского, к счастью сохранившейся в эфиопской редакции.

Денисова Т. С. (ИАФР РАН, Москва)

К вопросу о формировании «Западноафриканской провинции “Исламского государства”»

Появившаяся в начале 2000-х годов в северо-восточных районах Нигерии исламистская группировка «Боко Харам» менее чем за два десятилетия превратилась из «нигерийского» движения в региональное, распространив свое присутствие на несколько стран Западной и Центральной Африки, прежде всего на государства бассейна озера Чад. В 2016 г. «Боко Харам» разделилась на «Западноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (ЗАПИГ) и «Общество приверженцев распространению учения пророка и джихада» — группировку, которую для удобства продолжают называть «Боко Харам».

ЗАПИГ и разрозненные остатки «Боко Харам», распавшейся после гибели в мае 2021 г. ее лидера Абубакара Шекау, действуют в Нигерии, в северном Камеруне, в Чаде, Нигере, Мали и в ряде других государств. В некоторых районах их пути пересекаются, и это зачастую приводит к стычкам между боевиками.

Причинами раскола между джихадистами послужили недовольство некоторых лидеров «Боко Харам» излишней жестокостью Шекау в отношении местного населения, в том числе мусульман; его отказ подчиняться требованиям ИГ (запрещенного в РФ), касавшимся методов создания транснационального халифата; неизбирательные убийства полевых командиров группировки, инициировавшиеся Шекау; использование детей-смертников, что не поощрялось ИГ, и т. д.

Первый *вали* (губернатор) ЗАПИГ Абу Мусаб аль-Барнави, как и более поздние, постоянно сменявшие друг друга лидеры группировки, в целом полагали, что движение должно любыми способами привлекать местных жителей на свою сторону, не отталкивать их излишней жестокостью и сосредоточиться на ударах по правительственным объектам, прежде всего военным.

Преимущество Западноафриканской провинции перед «Боко Харам» состоит в том, что ее возглавляют исламисты, которые не персонализируют джихад, как это делал Шекау, зато обладают лучшими управленческими, пропагандистскими и военными навыками и умеют находить общий язык с местными общинами.

Надо сказать, что район оз. Чад является благодатной почвой для распространения любых радикальных идей, в том числе исламистских, и для привлечения местного населения к антиправительственной деятельности. Более 80% жителей региона — земледельцев, рыбаков и животноводов — неграмотно; экологическая деградация в результате уменьшения объема осадков, опустынивания и засух привела к сокращению производства продуктов питания и к росту безработицы. Ирригационные объекты заброшены, парки и заповедники прекратили работу. Хотя жители региона разделены границами, они объединены языками, религией и одинаково считают себя жертвами политической и социально-экономической маргинализации и конфликта.

В сельских районах ЗАПИГ зачастую выступает в качестве защитника населения от злоупотреблений властей, жандармерии, таможенников и т.д. и нередко предлагает молодым людям, готовым присоединиться к группировке, деньги «на женитьбу», таким образом вбивая клин между гражданами и правительством. Как правило, бойцы ЗАПИГ покупают, а не отнимают продукты у местных жителей, что заметно отличает их от боевиков «Боко Харам», которые предпочитали действовать исключительно силой. В то же время в районах, подконтрольных ЗАПИГ, сохраняется система суровых наказаний за участие в азартных играх, курение и употребление алкоголя.

Одна из проблем, с которой сталкиваются местные жители в бассейне озера Чад, состоит в том, что они постоянно оказываются между двух огней: исламисты считают их «агентами правительства», а власти стран региона обвиняют их в сотрудничестве с исламистами. Поскольку военные далеко не всегда могут защитить население, оно предпочитает обходиться без присутствия армии. В результате сотрудничество с джихадистами становится прагматичным и является тактикой выживания, которая приносит пользу исламистам.

ЗАПИГ поддерживает тесные контакты с «Исламским государством» и перенимает многие его технологии и тактику. Сохранение ЗАПИГ (в отличие от «Боко Харам») внешней поддержки в виде финансового обеспечения и подготовки бойцов делает группировку большей, нежели «Боко Харам», угрозой безопасности.

В свою очередь, правительства стран региона не смогли в эпоху террористической опасности и международного негодования в адрес экстремистских групп, действующих по всему миру, воспользоваться ситуацией, чтобы получить поддержку в борьбе с африканскими фундаменталистами. Меры, принимаемые властями стран бассейна оз. Чад, по своим параметрам не соответствуют степени влияния в них исламизма. Поспешные, поверхностные и нескоординированные действия правительственных структур не препятствуют наращиванию ЗАПИГ своего влияния в регионе.

Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

За 28 лет до конца колониализма: революционный катехизис и программа независимости для Бельгийского Конго (Брюссель-Москва, 1932 г.)

В 1960 г. бывшее Бельгийское Конго достигло политической независимости. В историю Африки вошло выступление Патриса Лумумбы, премьер-министра нового государства, на церемонии провозглашения независимости. Противники П. Лумумбы утверждали, что его речь была якобы составлена бельгийскими друзьями-коммунистами. В дальнейшем Конго со столицей в Леопольдвиле (Киншасе) стало ареной кровопролитного конфликта с участием иностранных войск и сил ООН. П. Лумумбу убили, черновик его речи и золотой зуб премьер-министра оказались в Бельгии. Лишь недавно зуб Лумумбы официально вернули Демократической Республике Конго.

Скорее всего, сам премьер-министр не был коммунистом. Однако у бельгийских властей были основания опасаться коммунистической угрозы. Еще за тридцать лет до провозглашения независимости противники колониального режима установили связи с Коммунистической партией Бельгии и через нее с Коммунистическим Интернационалом в Москве. В России в ходе исследований под руководством А. Б. Давидсона были опубликованы некоторые документы о ситуации в Бельгийском Конго и деятельности коммунистов в этой колонии.

Изучение документов из архива Коминтерна (в Российском государственном архиве социально политической истории, РГАСПИ), связанных с работой среди «негритянских трудящихся», позволяет уточнить специфику коммунистической «подрывной деятельности» в бельгийских владениях. Вероятно, пик связей между Леопольдвилем и Москвой через Брюссель пришелся на годы мирового кризиса на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Тогда и в Бельгийском Конго было неспокойно. В колонии нелегально действовали не только коммунисты, но и панафриканисты, ориентировавшиеся на М. Гарви, и кимбангисты, следовавшие за пророком Симоном Кимбангу. Директивы из Москвы предписывали бороться с гарвеизмом и одновременно налаживать отношения со сторонниками С. Кимбангу.

Стремясь углубить проникновение в Африку, коммунисты в Брюсселе подготовили манифест будущей организации, которую предполагалось назвать «Лигой защиты конголезских черных» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 155, д. 99, лл. 17–26, копии на английском и французском языках, обе копии датированы 15 сентября 1932 г.). Этот манифест был написан в традиционной для христианского мира форме катехизиса (краткие вопросы и ответы на них). Текст начинался с вопроса «Что такое негр?» и ответа: «Негр — это человек, как любой другой, у кого кожа черная, так же, как у европейцев кожа белая, а у арабов — коричневая». Весьма интересно объяснялось, что такое цивилизация. На вопрос «Принесли ли белые цивилизацию черным?» был дан развернутый ответ: «Нет, они разрушили цивилизацию черных и не принесли лучшей цивилизации. Цивилизация — это значит больше

и лучше есть, красивая одежда, машины, которые работают сами по себе. Белые принесли все это, но только для себя. Черным они не принесли ничего, кроме голода и принудительного труда».

Собственно программная часть манифеста-катехизиса начинается с утверждения (не вопроса) «Негры Конго кажутся несчастливymi» и ответа «Да, они несчастливы». Вероятно, ключевые вопросы — о том, чего хотят рабочие, солдаты, «те, кто остался в деревне», и, наконец, все черные: «Все черные хотят быть хозяевами в своей стране. Они хотят, чтобы у них была возможность ходить повсюду, куда ходят белые. Они хотят, чтобы у них была возможность научиться всему, чему учатся белые [...]».

В Москве манифест-катехизис не понравился, и программу борьбы за свободу для Бельгийского Конго написали заново, вероятно, сначала по-русски (сохранились также немецкий, английский и французский тексты). В программе и в других документах, составленных в Москве и Брюсселе, предлагалось бороться за самоопределение вплоть до отделения Конго от бельгийского государства и добиваться независимости путем демократической революции, использовать революционный потенциал местной аристократии и мелкой буржуазии, под лозунгом «За независимое Конго, управляемое свободными народами Конго!». (РГАСПИ, ф. 495, оп. 4, д. 186, л. 161). Еще не созданная Народная лига освобождения Конго, как будущая организация именовалась в окончательном русском варианте программы, заявляла: «Путь освобождения народа Конго, это тот путь, по которому пошел народ Советского союза» (так в тексте, РГАСПИ, ф. 495, оп. 4, д. 186, л. 170). Манифест-катехизис, несомненно, был бы понятнее читателям и слушателям, чем программа. Программу предполагалось перевести на «главный конголезский язык», что было бы затруднительно по разным причинам. В частности, перевод на лингала, киконго, чилуба или на суахили термина «самоопределение вплоть до отделения», не мог быть легкой задачей. Нет свидетельств того, что такой перевод был выполнен.

Некоторые утверждения в уже упоминавшейся речи П. Лумумбы 1960 г. близки к положениям манифеста и программы 1932 г., например, о том, что конголезцам было запрещено посещать кинотеатры и другие места, в которые могли ходить только белые. Однако протест против подобной дискриминации мог возникнуть у борца за свободу Конго независимо от коммунистической пропаганды.

Емельянов А. Л. (ИСАА МГУ, Москва)

Человек, который на век опередил свое время. Раумбана

Раумбана — принадлежал к традиционной знати мерина. О раннем детстве Раумбаны известно очень мало. Его брат-близнец Раханирака — известный поли-

тический деятель Малагасийского Государства середины XIX века — в своих воспоминаниях описывает фамильный «дворец» в Ануси: «Скромный бамбуковый дом, в котором прошло наше простое и счастливое детство».

В 1820 году Раумбана вошел в первую группу малагасийских детей, посланных обучаться в Англию и зачисленных в начальную школу. Не зная вначале ни слова по-английски, Раумбана очень скоро овладел этим языком и по окончании школы был направлен в «Ланкаширское независимое учебное заведение» — колледж в предместье Манчестера. Природные способности позволяли юноше не только не отставать от своих европейских сверстников, но и получать поощрительные медали за успехи в изучении истории, философии, геометрии. Перед ним открывалась блестящая перспектива продолжить образование, но состояние здоровья (в 1828 году врачи дали заключение, что он не перенесет следующую зиму) вынудило Раумбана покинуть Англию.

Вскоре после возвращения Раумбана стал личным секретарем королевы. В его обширные обязанности входили, помимо надзора за текущими государственными делами, поддержание контактов с европейцами и американцами, подготовка политических и коммерческих соглашений. Раумбана был крупным землевладельцем. Основываясь на завещании, где перечислено все его имущество, мы можем считать его одним из самых богатых людей на Мадагаскаре того времени.

Но, ни бесконечная череда государственных дел, ни соблазны праздности, которой он легко мог бы предаться, не отвлекали Раумбана от исторического труда, над которым он работал до конца своей жизни. Последним ее месяцем — июнем 1855 года — датирована последняя страница — восемь тысяч сто двадцать восемь. К настоящему времени обнаружено шесть тысяч из них. Раумбана выбрал форму «Книги» (по аналогии с Библией) как наиболее приемлемую оболочку для выражения малагасийской культуры в самом широком смысле слова. История Мадагаскара, по замыслу автора, была предназначена, прежде всего, для европейского читателя, которому в первой половине девятнадцатого века не была известна насыщенная многими событиями история малагасийского народа, поэтому свое исследование автор написал на английском языке.

После конфликта 1845 года Раумбана стал первым африканским «диссидентом». В своем дневнике от 30 ноября 1853 года Раумбана записал, не скрывая разочарования: «Английское правительство себя обесчестило... Я должен признаться, что я и мой брат настойчиво советовали Ее Величеству не восстанавливать торговые отношения с европейцами, пока не будет получена компенсация. Мы естественно предполагали, что подобное никогда не произойдет и что последует война, которая была бы большим благом для обездоленных жителей Мадагаскара, поскольку после поражения Королева была бы вынуждена отказаться от некоторых ненавистных законов или лишиться бы трона. Увы, мы ошибались... Они заплатили». Раумбана даже не отказывается от своей доли, но с иронической горестью пишет об этом: «Королева нам вручила двадцать пиастров, так как по ее словам, именно благодаря нашим советам ей удалось получить компенсацию у европейцев».

Желтов А. Ю. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Тема, субъект и порядок слов в контексте типологии вершинного/зависимостного маркирования (русский, банту, английский)

1. В докладе рассматривается возможность для темы (топика) конкурировать с доминирующим ограничением порядка слов «Subject first» в языках SVO с различными доминирующими типами маркировки синтаксических ролей¹: зависимый тип (падежи, русский), вершинный (глагольная индексация, банту — суахили (G 42) и киньяруанда (J 61)), и нейтральный (порядок слов, английский). Важно учитывать, что ни один из типов не является «чистым»: английский и языки банту имеют разные формы (субъект/объект) для некоторых местоимений, а в русском есть субъектная глагольная индексация. Суахили и киньяруанда были выбраны среди языков банту как имеющие различные типы индексации объектов: симметричный с множественной индексацией объектов (киньяруанда) и асимметричный с индексацией только одного объекта (суахили)².

2. Мы рассмотрим только основные категории информационных структур (тема/рема) без анализа таких специфических понятий, как фокус контраста, эмфатические конструкции т. д. Можно было бы ожидать строгий порядок SVO для всех языков, если тема = субъект (вопрос тест как «Что учитель прочитал?»), и это действительно подтверждается материалом. Более интересным представляется проверить случаи, когда тема = объект, в то время как субъект предоставляет новую информацию (фокус) (тест-вопрос «Кто прочитал книгу?»).

3. В таких случаях английский язык, как имеющий строгие правила порядка слов для маркировки ролей, будет по-прежнему сохранять ограничение «Subject first» (*The/a teacher read the book*). В свою очередь, можно ожидать, что у русского языка будет ограничение «Theme first» (например, *Книгу прочитал учитель* в качестве ответа на тест-вопрос «Что читал учитель»). Однако статистический анализ подтверждает это предположение лишь отчасти: этот ответ оказался предпочтительным лишь для примерно 25 % из 60 опрошенных³, другие предпочитают порядок «Subject first». Что касается суахили и киньяруанда, то оба языка предпочитают порядок слов «Subject first», но предложения организованы по-разному:

Суахили

Mwalimu aliona nini? Mwalimu aliona kitabu. «Что увидел учитель? Учитель увидел книгу.»

¹ Nichols, Johanna. 1986. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar. *Language*. Vol. 62. No. 1 (Mar., 1986). Pp. 56–119

² Jerro, Kyle. 2015. Revisiting Object Symmetry in Bantu. In *Selected Proceedings of the 44th Annual Conference on African Linguistics*, ed. Ruth Kramer et al., 130–145. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. www.lingref.com, document #3132.

³ Статистический анализ проведен студентами кафедры африканистики А. Куликовым и К. Пуреськиной.

Nani aliona kitabu? Mwalimu alikiona (kitabu). «Кто увидел книгу? Учитель увидел ее (книгу).» Субъект употребляется первым в обоих случаях, но глагольная индексация во втором примере показывает, что объект топикиализуется.

Mwarimu ari kubona iki? Mwarimu ari kubona igitabo. «Что увидел учитель? Учитель увидел книгу.»

Ni nde uri kubona igitabo? Ni mwarimu uri kubona igitabo. «Кто увидел книгу? Учитель увидел ее (книгу).»

В то время как в суахили топикиализованный объект отмечен глагольной индексацией, на киньяруанда маркируется рематизированный (не топикальный) субъект (специальной частицей *ni* и заменой субъектного маркера *a-* на *u-*).

Подводя итог, можно сказать, что все рассматриваемые языки предпочитают порядок слов «Subject first», но только зависимый тип маркировки ролей позволяет теме-объекту все же иногда употребляться в начале конструкции, в то время как вершинный и нейтральный (т.е. выраженный порядком слов) типы не позволяют выдвигание в начальную позицию топикиализованного объекта.

Ситуация меняется, если проанализировать комбинации субъект=рема, используемые в самом начале некоторого повествования (так называемые «тетические» предложения). Все четыре языка не допускают появления ремы в начале фразы: например, суахили *Pa-li-kuwa na Sultani...* или английский *There lived a king...* В подобных случаях используются различные стратегии, чтобы избежать этого.

Завьялова О. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Роль духов воды в традиции манден

Духи фаро у манден — водные духи. Ж. Дитерлен утверждала, что Фаро — один из верховных божеств (эти данные не подтверждены). Но легенды про водных духов можно услышать повсеместно и сейчас. Клан Кулибали, будучи потомками Битона Кулибали, обязаны своим положением фаро. Но самое интересное — это актуальные жертвоприношения и фестивали марионеток для фаро, которые проходят в начале сезона дождей и обеспечивают удачную рыбную ловлю бозо (народ рыбаков в Мали). Сами такие ритуалы уже являются жертвоприношением, так как обеспечивают удовольствие и развлечение для духов.

Фаро — андрогинные существа. Обычно их представляют в виде русалок, иногда наполовину белокожих. Женщины фаро часто встречаются в качестве героинь легенд, однако есть и мужчины фаро. Именно они утаскивают людей на дно водоемов, оставаясь невидимыми.

Фаро считаются предкам народа бозо, которые заключили с ними договор, по которому фаро разрешают им селиться у водоемов и добывать себе пропитание там, где укажут духи. Духи будут помогать людям, а бозо обязуются приносить им жерт-

вопринижение. Помощниками фаро выступают крокодил и питон. Именно они могут наказывать людей, не соблюдающих договор. Сами фаро могут выступать в трех ипостасях: русалка, человек, рыба-капитан. Бозо считают, что сами произошли от фаро и после смерти могут превращаться в рыбу-капитана, а потом становиться фаро.

Представления марионеток могут организовывать деревни бозо, которым требуется помощь фаро. Но сами марионеточники могут быть и бамана, поскольку существует взаимопомощь народов в Мали. Именно посредством марионеток люди могут общаться с фаро. Данное представление называется Согобо, проходит в начале или середине апреля. Состоит такое представление из закрытой и открытой частей. В последней могут принимать участие только посвященные, так как именно тогда происходит сам контакт с духами.

Интересно, что в современном Мали знание о духах и подобные представления весьма актуальны и поддерживаются даже на уровне государства, по крайней мере выступления марионеток. И даже высшие чиновники до сих пор обращаются к духам. Недавно у Куликоро был открыт памятник фаро. Духи у манден не нечто эфирное, это вполне осязаемые существа, которых можно и убить, но именно им принадлежит земля и вода, поэтому люди должны с ними договариваться, в свою очередь духи помогают людям. Очень немногие люди умеют контактировать с духами, но считается, что этим знаниям можно научиться.

Зданевич А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Кризис самодержавия в России и роль русского добровольческого движения в ходе англо-бурской войны (середина XIX — начало XX вв.)

Кризис самодержавия в России, растянувшийся без малого на целый век, стал своеобразным пусковым механизмом деструктивных процессов в российском обществе и, одновременно, весьма парадоксально, платформой созидательной, породив собой феномен русского добровольческого движения.

Упомянутый парадокс касался главным образом сопряжения, казалось бы, столь разных общественно-политических процессов и вызывает неподдельный интерес особенно в контексте участия русских добровольцев в противостоянии Британской империи и бурских республик в конце XIX — начале XX века.

Замысел, положенный в основу доклада, предлагает продемонстрировать взгляд в прошлое. В настоящий момент мы переживаем некую переключку эпох, сопровождающуюся неизбежным повторением так и не усвоенных уроков истории. Именно сейчас настал подходящий момент к тому, чтобы дать срез эпохи, отгалкиваясь от событий середины XIX века, с учетом глобального противостояния Великобритании и России.

Итак, без преувеличения можно сказать, что роль России на международной арене всегда определялась географией, стратегическими и экономическими интересами, а также военным потенциалом и богатейшими ресурсами.

В частности, во второй половине XIX в. произошло значительное изменение международной обстановки, вызванное борьбой великих держав за передел мира. Отчасти тенденция к прямой аннексии Великими державами заморских территорий с последующим превращением их в колонии определяла нерв эпохи. Влияние Великобритании на международной арене нарастало. Значительно усилилось влияние Германской империи, сложившейся к 70-м годам XIX в. В связи со стремлением Германии расширить сферы своего экономического влияния и участвовать в переделе мира резко обострились ее противоречия с Великобританией и Францией.

Устойчивая политико-экономическая ситуация в Российской империи обусловлена достаточно гибкой внешней политикой, проводившейся в эпоху царствования Александра III (1881–1894). Император всеми силами избегал попыток втянуть страну в прямой военный конфликт с европейскими державами.

В качестве примера уместно вспомнить сложнейший гамбит, разыгранный Великобританией в Азии, с целью не допустить усиления влияния России в Туркестане и Афганистане, получивший в отечественной историографии собирательное определение «восточный вопрос».

В области внешней политики Государь придерживался взвешенной, независимой позиции, принимая во внимание мнение представителей органов государственной власти.

Не менее сложным был характер противостояния России на европейском театре. Не в последнюю очередь несколько слов необходимо будет сказать о совокупности проблем, собирательно именуемых «балканским узлом».

Важной вехой международной политики конца 19 века стало русско-французское сближение, подкрепленное визитом французской эскадры в Кронштадт (1891), в результате которого в Европе на относительно длительный период воцарился прочный мир.

За неполный век с момента окончания Отечественной войны 1812 г. общественное сознание в России пережило подъем патриотических чувств. Накал страстей в обществе нисколько не снизился и в конце XIX в. Борьба за свободу поработанных, сохранявшаяся в умах людей, накладывалась на обостренное чувство справедливости, которое характерно для русского человека и в наши дни.

Почву для подобного рода внутренней эволюции сознания российского общества давали практически не прекращавшиеся на протяжении всего 19 века конфликты. Не в последнюю очередь необходимо упомянуть также несбалансированность внутренней социальной и экономической политики, приведшей в итоге к свержению монархии в период царствования Николая II (1894–1917).

Разнообразное по накалу противостояние за пределами границ империи объединялось широчайшей географией геополитических и экономических интересов Великих держав. В различной степени и в разные периоды Россия была вынуждена вовлекаться в конфликты с Османской империей, Великобританией, Францией.

Там, где противостояние не носило прямого характера, но имело огромное стратегическое значение, достаточно часто «честь и свободу» угнетенных народов отстаивали русские добровольцы. Так было на Балканах, так было и в годы становления единого государства на территории современной Италии.

Русское добровольческое движение в англо-бурской войне (1899–1902) заслуживает особого разговора.

Вторжение Великобритании на территорию Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля вызвало широкий общественный резонанс во всем мире. Россия не стала исключением из правила и на этот раз. Солидарность российского общества с борьбой за независимость африканеров обусловлена целым рядом факторов, о которых мы скажем особо. В немалой степени подобный характер был вызван «слабой» позицией европейских государств, не пытавшихся противостоять Великобритании на международной арене.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, ни российские самодержцы, ни представители органов государственной власти Российской империи не препятствовали эволюции национального добровольческого движения ни в один из периодов его становления. В качестве исключения можно рассматривать лишь не слишком протяженный с исторической точки зрения период изоляции наиболее активной части российского общества в годы правления Николая I (1825–1855), вызванный главным образом нестабильной ситуацией в границах империи.

Русские добровольцы, движимые чувством солидарности и жадой освобождения угнетенных от национального и религиозного гнета, принимали активное участие во многих вооруженных конфликтах, временами даже вопреки официальной внешнеполитической доктрине государства. Одним из важнейших факторов, обуславливающих феномен добровольчества, стало осознание необходимости оказания помощи тем, кто в ней нуждался, тем более, если это было связано с сохранением и завоеванием свободы и независимости.

Пожалуй, можно согласиться с тем, что русское добровольческое движение стало для всего мира примером бескорыстного служения самой идее Свободы и Независимости. На наш взгляд, это само по себе в достаточной степени характеризует суть эволюции общественного сознания соотечественников в сторону формирования «нового» человека, того, кто ценой собственной жизни готов отстаивать будущее мира свободного от предрассудков и насилия.

Ильина Р. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Архив Д. А. Ольдерогге в МАЭ РАН

Личность Дмитрия Алексеевича Ольдерогге и её роль в истории отечественной африканистики переоценить трудно — его вклад поистине огромен. В контексте истории науки его биография, деятельность и идеи вызывают интерес у сегодня-

нящих студентов-африканистов. Он развивал самые разнообразные темы в своих работах, сформулировал ряд проблем и поставил вопросы, которые в дальнейшем стали краеугольным камнем в исследованиях его учеников и коллег, был одним из основателей самой кафедры африканистики на Восточном факультете в Ленинградском университете и во многом определил состав научных и региональных направлений, которые до сих пор представлены на кафедре и именно на них по-прежнему осуществляются наборы студентов. Однако до сих пор значительное количество материалов из его архивов, — заметки, черновики, корреспонденция — остаются неопубликованными, неизученными или даже вообще непрочитанными. Часть их осталась на руках у его младших коллег и сослуживцев, многое находится в архивах, в частности, в архиве МАЭ РАН и, к сожалению, к настоящему моменту не вполне разобрано и систематизировано. Между тем, эти материалы могли бы пролить новый свет на личность Д. А. Ольдерогге и его коллег, их работу, показать подробности истории африканистики вообще и ленинградской кафедры в частности.

В рамках студенческого исследования мною была обработана часть домашнего архива Д. А. Ольдерогге, переданная его сыном М. Д. Ольдерогге в Отдел этнографии Африки МАЭ РАН. Среди поставленных передо мною задач были первичная систематизация и описание этой части архива. По содержанию этих документов можно проследить организационную специфику и механику работы Дмитрия Алексеевича над своими исследованиями, его методику составления конспектов для лекций, некоторые моменты его биографии, а также особенности его каждодневной рутинной работы на кафедре и в отделе Африки МАЭ; они также дают представление о круге его академического общения в нашей стране и за ее пределами. Отдельно была рассмотрено собрание его зарисовок и прорисовок из поездки на стажировку в этнографические музеи Европы в конце 1920-х гг.; эти рисунки, несомненно, представляют особую исследовательскую и художественную ценность и заслуживают особого изучения.

Кайгородов Г. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Французские заимствования в языке бамана. Анализ их употребления в устной речи на базе аудиокорпуса бамана

В Мали французский язык имеет официальный статус, соответствующий ему престиж и оказывает большое влияние на язык бамана, в частности, обогащает его лексику новыми терминами. Достаточно услышать речь городской молодежи Бамако, чтобы понять, какой степени достигает влияние этого языка на бамана не только на лексическом уровне, но и на других языковых уровнях, от морфологии до синтаксиса. Тем не менее в данном докладе рассматривается преимущественно лексика.

1. Правила адаптации заимствований.

При заимствовании слово подвергается изменениям. Это происходит из-за различий в структуре языков — в фонологическом инвентаре, фонотактике, в наличии тонов в бамана. Различия в фонологических инвентарях бамана и французского делают необходимой адаптацию с помощью аппроксимации. Например, когда заимствуется слово с французской фонемой /v/, то эта фонема обычно заменяется на /w/ или /b/ в бамана (*livre* → *liburu* ‘книга’).

Различия в фонотактике приводят к адаптации с помощью эпентезы и эпитезы, например: французский слог C1C2V становится C1v.C2V при переходе (*crème* → *keremu* ‘крем’).

2. Использование заимствований в устной речи.

В большинстве случаев заимствования из французского языка обозначают определенные культурные атрибуты, которые вошли в обиход с появлением этого объекта или понятия, ранее не существующего в культуре народов манден. Например, традиционные дома у бамана представляют собой круглые или прямоугольные сооружения из глины с соломенными крышами. Стеклоанное окно в западном стиле не существовало в местной культуре, и поэтому французское слово *fenêtre* ‘окно’ было заимствовано как *finetiri*. Аналогичным образом, концепция времени бамана тесно связана с временами года. Она менее чётко определённая, чем западная концепция, и поэтому слово *lere* ‘час’ (от фр. *heure*) было заимствовано для обозначения единицы изменения времени при обращении к западной 24-часовой системе, как и названия месяцев: *Nɔwanburu* ‘ноябрь’; *Desanburu* ‘декабрь’ и т. д. . .

Чтобы рассмотреть конкретные примеры употребления заимствований в устной речи, я провел анализ двух текстов из аудиокорпуса бамана. Тексты были записаны по инициативе Жерара Дюместра 30–31 октября 1978 г. В записи принимали участие жители деревни Дугукуна, которая находится в 15 км к западу от Сегу, в Мали.

В первом тексте было 79 случая употребления заимствований, что составляет 0,77% от общего количества. Всего в тексте 853 предложения, из которых 57 имеют в своем составе хотя бы одно заимствование (6,7%). Из общего количества слов, уникальных из них — 898 единиц. Уникальных заимствований — 9 (1% от всех уникальных слов). Во втором тексте обнаружено 34 случая употребления заимствований (0,6%). Всего в тексте 935 предложений, 31 из них имеют в своем составе заимствование (3,3%). Из общего количества слов, уникальных из них — 584 единиц. Уникальных заимствований, как и в первом тексте, — 9 (1,5% от всех уникальных слов). Конечно, эта статистика относится только к данным текстам; для определения характеристик устной речи бамана в целом необходимо привлечение значительно большей выборки текстов.

Таким образом, правила адаптации заимствованных слов в бамана не только отражают основные механизмы изменения слова при заимствовании, но и наглядно показывают природу фонологии языка бамана (и в некоторой степени французского языка в том числе). Анализ устных текстов подтверждает тезис об относительной частоте употребления заимствований в устной речи; об их разнообразии по семантическим, морфологическим, синтаксическим признакам.

Несмотря на пуристские идеи о том, что заимствования наносят вред языку, этот процесс имеет большое значение; заимствования увеличивают объем языка, сопровождают усвоение технологических, культурных, социальных и других новшеств в обществе. Отсюда большое значение заимствованных слов не только в лингвистике, но и культуре.

Константинова Т. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ царицы Савской в эфиопской культуре: визуальный нарратив

Сюжет легенды о царице Савской является одним из самых популярных среди работ эфиопских художников XX века. Фигура царицы укоренилась в сознании эфиопов настолько, что, несмотря на ее мифологичность, Македа (эфиопская версия имени царицы Савской) воспринимается эфиопами как реальный исторический персонаж. Идея о том, что родоначальником династии Соломонов является сын Македы и Соломона, служит основой национальной самоидентификации эфиопов. Именно поэтому и в настоящее время многие убеждены в историчности фигуры царицы Савской.

Большинство живописных работ, изображающих историю царицы Савской относятся к так называемому «аэропортному» искусству. С технической точки зрения иллюстрации просты: фигуры героев схематичны, прорисовке деталей также не уделяется внимание. Тем не менее, работы обладают большой культурной ценностью, что обуславливает научный интерес к данной теме. Высокий спрос на подобные изображения объясняется тем, что они ярко демонстрируют самобытность эфиопской культуры, а также передают этнографические детали, которые могут быть полезны для исследователей. Многосерийные изображения легенды о царице Савской хранятся не только в Эфиопии, но и в крупных музеях мира: в США (The Metropolitan Museum of Art, Нью Йорк), Германии (Archäologisches Landesmuseum Schloss Gottorf, Шлезвиг) и России (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург). В картинах, посвященных царице Савской, присутствуют традиционные мотивы, при этом большинство работ можно соотнести с комиксами, что делает их прочтение удобным и понятным для западного зрителя.

Художественные изображения базируются на нескольких легендах: официальной версии, представленной в Кыбрэ Нэгэст и тиграйской вариации истории. Помимо того, что изображения иллюстрируют литературные произведения, они также являются самостоятельным продуктом. Художники развивают историю легенд, придумывая альтернативные сюжеты. Вариации на тему легенды о царице Савской представлены не только в рамках аэропортного стиля. Многие признанные эфиопские живописцы, такие как Афэвэрк Тэкле, также обращались к этой истории.

Легендарная фигура царицы Савской нашла воплощение в живописной форме относительно недавно, в XX в.. Тем не менее, работы, посвященные царице, обрели популярность в кратчайшие сроки. Возобновление интереса к ее личности связано с желанием эфиопских монархов укрепить свое положение, напомнив о связи с древней династией Соломона. Высокий спрос на подобные изображения обусловлен тем, что они ярко демонстрируют самобытность эфиопской христианской культуры.

Список литературы:

1. Balicka-Witakowska E. Makødda in art // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 679–681.
2. Budge Wallis E. The Kebra Nagast: the Queen of Sheba and her only son Menyelek. Cambridge, Ontario, 2000.
3. Chernetsov S. Ethiopian traditional painting // St. Petersburg Journal of African Studies. No. 6, 1997.
4. Fiaccadori G. Makødda // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 672–674.
5. Fiaccadori G. The Queen of Sheba in Ethiopian tradition // Encyclopaedia Aethiopia. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol.3. P. 675–676.
6. Girma Fisseha and Rauning W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin. Frankfurt/Main: Umschau, 1985.
7. Pankhurst R. Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer. Addis Abeba: 1966. 10 (1). P. 5–80.
8. Staude W. Iconographie de la legende ethiopienne de la reine d'Azieb ou de Saba // Journal de la Societe des Africanistes 27 (1), 1957. P. 137–181.

Куликов А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

1А класс в языках банту зоны G

Одним из именных классов, который не представлен в некоторых языках банту, является 1А класс. К данному классу относятся существительные, по своей семантике относящиеся к 1 классу, однако отличающиеся от имен 1 класса планом выражения и имеющие согласовательную парадигму 1 класса¹ в большинстве случаев.

Для анализа 1А класса в языках зоны G была подготовлена выборка из девяти языков, представляющих каждую из групп данной зоны, за исключением группы G50: подоло-ндамба, так как не было найдено релевантной информации ни по одному ее языку. Группа G10: гого-кагулу представлена языком кагулу (G-12); группа G20: шамбала — языками паре (G-22) и шамбала (G-23); группа G30:

¹ Аксенова И. С. Введение в бантуистику (Имя. Глагол) / И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Наука, 1990. С. 29.

зигула-зарамо — языками квере (G-32), ками (G-36) и сагала (G-39); группа G40: суахили — языком суахили (G-42); группа G60: бена-кинга — языками хехе (G-62) и бена (G-63).

В языках зоны G к 1А классу могут относиться имена собственные, термины родства, должностные лица, имена, обозначающие физически неполноценных лиц, заимствования и названия животных.

Таблица 1. Отношение категорий существительных к 1А классу языков зоны G

	1А класс	Другой именной класс	Отношение неизвестно
Имена собственные	6	0	3
Термины родства	9	0	0
Должностные лица	2	0	7
Имена, обозначающие физически неполноценных лиц	1	3 ¹	5
Заимствования	4 ²	0	5
Названия животных	5 ³	2	2

В таблице 1 отображена представленность в 1А классе языков выборки каждой из семантических групп существительных, встречающихся в 1А классе языков зоны G. Числа указывают на количество языков, в 1А классе которых представлена та или иная категория существительных, например, термины родства входят в 1А класс в девяти языках (из девяти языков выборки).

Опираясь на результаты таблицы, можно сделать вывод о том, что основными категориями существительных, которые входят в 1А класс языков зоны G, являются термины родства и имена собственные. На данный момент полноценный вывод о (не-)принадлежности к 1А классу других семантических групп существительных

¹ В языках банту имена, обозначающие физически неполноценных лиц, чаще всего находятся в одном классе с диминутивами. Так как не были найдены примеры употребления на языках квере, ками и сагала имен, обозначающих физически неполноценных лиц, то вывод о непринадлежности данной категории существительных к 1А классу был сделан на основании того, что одушевленные диминутивы согласуются со всеми зависимыми частями речи по своему изначальному классу.

² Все заимствования, входящие в 1А класс, обозначают людей.

³ В повседневной речи носителей языков кагулу и шамбала существительные, обозначающие животных, согласуются по тем классам, к которым они относятся изначально. При употреблении в сказочных сюжетах они могут согласовываться по 1 классу.

сделать проблематично из-за отсутствия релевантных примеров их употребления. Представляется перспективным не только проверить данные существительные в аспекте их отношения к 1А классу, но и проанализировать указанный именной класс в языках банту других зон.

Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва)

Маски общества Коре из Бугуни (регион Сикассо, Мали)

1. Деревня бамбара Кола (*Kola*) находится на юге г. Бугуни (регион Сикассо Республик Мали), практически в городской черте. Деревня Сиратого (*Siratogo*), также населённая бамбара, расположена примерно в 20 км к северу от Бугуни по дороге на Бамако.

Ещё в 2020 г. при посещении этих деревень участникам Малийской экспедиции ИВ РАН удалось обнаружить несколько действующих масок общества Коре, в том числе Сиги (*Sigi*, *Sigifin*, «Дикий буйвол»), *Warabilen* («Обезьяна»), чей стиль заметно отличается от «хрестоматийных» образцов масок общества Коре из региона Беледугу, описанных Домиником Заханом в его классической монографии¹: для масок из д. Кола характерны мягкие и округлые формы, которые, как считается, для искусства бамбара в целом не характерны². Среди этих масок был и доселе неизвестный тип масок Чивара. Все маски типа Согоникун/Чивара представляют собой наголовники; маски-личины до сих пор были известны только в регионе Кай (для полноты картины следует отметить, что маски-личины антилоп есть также у догонов). Маска-личина из деревни Кола стилистически имела мало общего с масками из Кая.

В деревне Сиратого нас также ждала неожиданность в виде масок Сиги, которые в стилистическом отношении вообще не имеют ничего общего с известными памятниками традиционного искусства бамбара (особенно это относится к яркой полихромии). Нисколько непохожи они и на маски Сиги из деревни Кола.

2. Стиль масок из Кола имеет некоторые черты сходства с масками бобо (*bobo*) или *bobo fing* (правильнее — бово, *bowo*). Впрочем, сходство это ограничивается только обтекаемыми формами, характерными для некоторой части масок бобо, правда, изображающих не дикого буйвола, но антилоп. Можно сказать, что деревня Кола обладает собственным оригинальным стилем масок Коре, который

¹ Zahan D. Sociétés d'initiation Bambara. Le N'domo — Le Koré. Paris, 1960.

² «В целом для скульптуры бамбара характерно сочетание округлых и ограниченных форм, комбинация прямых и изогнутых линий, плоских и выпуклых поверхностей» Мириманов В. Б. Искусство Тропической Африки. Типология, систематика, эволюция. М., 1986. С. 82.

обнаруживает некоторое сходство с частью искусства бобо, очень разнообразного в стилистическом плане.

Но с масками из Сиратого дело обстоит иначе: с одной стороны, они напоминают плоские полихромные маски Беду, в своё время описанные Рене А. Бравманном¹. Такие маски характерны для трех этносов, нафан (или нафаанра), куланго и дего (район Бондуку, приграничные районы Кот д'Ивуар и Ганы). Самая старая из подобных масок хранится в Британском музее (инв. № Af1934,-.2)² и была приобретена в Африке в конце XIX в. Сесилом Армитажем. С другой, они очень близки маскам бобо (*bowo*, бово). И маски Беду, и маски бобо объединяет то, что они представляют собой полихромные плоские маски-личины, имеющие характерную деталь: рога, представляющие собой правильную окружность с прорезью наверху. Подобные маски, по сообщению Рене А. Бравманна, также распространялись у небольших этносов акан и гур, у которых ранее вообще не были зафиксированы какие-либо связанные с масками традиции, причём, распространялись они мусульманами-диула³.

Тут необходимо сделать одно замечание: скорее всего, тот же стиль существует и в искусстве бва (или бобо-уле). Но поскольку и маски бобо, и маски бва в подавляющем большинстве случаев атрибутированы крайне неудовлетворительно, а также учитывая постоянную путаницу между искусством бва и бобо, полной уверенности в распространении этого стиля у бва нет. Маски Сиги из Сиратого обладают объёмной личиной и в этом отношении несколько отличаются от всех перечисленных выше типов. Но в любом случае, можно утверждать, что на территории региона Сикассо (Мали), в районе Бобо-Диуласо в Буркина-Фасо, в Кот д'Ивуар и в северной и центральной Гане существует стиль масок, который не ассоциируется с каким-либо определённым этносом.

4. Что касается масок Коре из района Бугуни, то в глаза бросается полное отсутствие стилистического сходства между масками из Кола и из Сиратого, при том, что между этими деревнями не больше 30 км, а их жители принадлежат к одному и тому же джаму Кулибали и говорят на одном и том же диалекте бамананкан; эти маски связаны с одним и тем же тайным обществом и относятся к одному и тому же типу — Сиги.

По мнению В. Б. Мириманова, в подобных случаях необходимо «вычленить основное стилистическое ядро данной традиции («ядерный стиль») и определить, не является ли та или иная форма результатом синхронной эволюции»⁴. В контексте масок Коре из Кола, которые испытали лишь незначительное воздействие стиля бобо, и масок Беду, представляется наиболее вероятным, что «ядерный

¹ Bravmann R. A. Islam and Tribal Art in West Africa. Cambridge, 1974. Pp. 101–118.

² Masque Nafana. Bedu a Nafana mask, Bedu <https://www.christies.com/en/lot/lot-5686648> (дата обращения 29.11.2022)

³ Bravmann R. A. Gur and Manding Masquerades in Ghana // African Arts. 1979. V. 13. 1. P. 44–51.

⁴ Мириманов В. Б. Искусство Тропической Африки. Типология, систематика, эволюция. М., 1986. С. 188.

стиль» в данном случае представлен масками из Кола, а маски из Сиратого являются именно результатом синхронной эволюции стиля, который можно условно назвать «стилем Беду».

Лазарев А. В. (ГАУГН, Москва)

Рабочие контракты советских учителей в материковой Танзании и на Занзибаре в 1960-е годы: сравнительный анализ. По архивным материалам ГАРФ

В период 1968–1969 годов СССР и Танзания после длительных переговоров оформили контракт о командировании советских преподавателей для работы в танзанийских средних учебных заведениях. Окончательно контракт был утвержден и подписан двумя сторонами 27 января 1969 года.

В контракте были расписаны все необходимые положения, включая информацию о заработной плате, условия проживания, перечисление предоставляемых советским специалистам услуг, порядок отпусков, выплаты расходов принимающей стороной и др. Контракт с некоторыми дополнениями продолжал действовать на протяжении 1970-х и стал основой для работы всех последующих групп советских учителей в Танзании.

Интересно то, что Занзибар, обладающий в тот период широкой внутренней автономией, уже в начале 1967 года оформил свой собственный контракт о командировании советских преподавателей. Срок действия контракта от 27 января 1967 года истек в апреле 1969 года. Несколько советских учителей работало на Занзибаре по этому договору, начиная с 1967 года.

За некоторое время до окончательного истечения контракта 10 января 1969 года министр образования и национальной культуры Занзибара Хасан Мойо в ходе беседы с консулом СССР на Занзибаре С. И. Роговым высказал желание Занзибарской стороны оформить новый контракт в апреле того же года, то есть сразу же по окончании действия старого договора. Уже 8 февраля 1969 года Консульство СССР на Занзибаре получило от Министерства образования Занзибара проект договора в отношении дальнейшей работы советских преподавателей в средних учебных заведениях. Договор предлагалось заключить на условиях, схожих с контрактом о командировке учителей в материковую Танзанию. Соглашение должно было вступить в силу 13 апреля 1969 года, а действие контракта от 27 января 1967 года аннулируется в соответствии с новым контрактом.

Проект договора о работе советских учителей, предложенный Занзибаром, отличался в некоторых положениях от аналогичного договора с материковой Танзанией.

Среди особенностей были уникальные условия заработной платы, иной порядок отпусков, несколько иной набор услуг для специалистов, некоторые особые требования занзибарской стороны. Все эти условия будут подвергнуты тщательному анализу и сопоставлены с условиями аналогичного контракта с материковой Танзанией.

Оба договора через сравнительный анализ могут предоставить информацию об общих и частных условиях и требованиях, предлагаемых для работы советских учителей в обеих частях Танзании, а также дают возможность показать какие условия были выгоднее для советской стороны.

Также нужно отметить, что в отличие от контракта с материковой Танзанией договор с Занзибаром так и не был заключен. Несмотря на то, что все уже было готово для отправки советских преподавателей на Занзибар, к апрелю 1969 года отправка учителей так и не состоялась. Сначала Занзибар оттягивал заключение контракта, а 30 мая 1969 года вице-консул СССР на Занзибаре получил письмо Министерства образования Занзибара, в котором говорилось, что занзибарская сторона не нуждается в отправке советских преподавателей на архипелаг.

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Изменения в корпусе источников по истории и культуре Африки южнее Сахары сегодня

Типология корпуса, как известно, уже давно разработана. Безусловно, важнейшее место занимают хроники, документы, отчеты, записки путешественников, замести очевидцев и свидетелей событий. Однако доложенные или опубликованные вскоре после событий несут на себе следы своеобразной «внутренней цензуры», так как авторы уже имеют в виду круг читателей — чаще всего их работодателей или коллег, политические запросы и т.п. и не всегда бывают достаточно искренни.

Сейчас все чаще привлекаются источники иного рода, ранее остававшиеся редко или совсем не привлекавшие особого внимания и интереса исследователей. Особенно это касается новейшей истории. Прежде всего, это ЧАСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (эпистолярное наследие, переписка, личные дневники и т.п.). Они нередко дополняют официальные отчеты и публикации путешествий. Эти материалы частного характера меньше зависят от предполагаемых читателей и авторы их более раскрепощены и свободны в выражении собственного мнения. Примерами могут служить результаты поездок петербургских ученых Догеля В. В. и Соколова И. И., которые были опубликованы сразу по возвращении, нашедшие отражение в официальных отчетах, а затем в письмах Догеля и в дневнике Соколова, увидевших свет совсем недавно. В последних есть подробности и личные впечатления, не вошедшие в официальные публикации.

Отдельную важную часть сравнительно недавних источников составляют так называемые ТРАВЕЛОГИ, в последние годы все чаще привлекаемые нашими коллегами. Интересным материалом для изучения взаимоотношений колонизаторов и местного населения могут быть и ПУТЕВОДИТЕЛИ — так, характерно в путеводителе для туристов, посещающих Германскую Восточную Африку в начале XX века, появился суахили-немецкий словарик, содержащий лишь цифры (необходимые для покупок сувениров или экзотических товаров) и глаголы в повелительном наклонении — этого словарного запаса, считалось, достаточно для общения с местным населением. Не стоит забывать и о ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Сейчас после большого перерыва вновь появляются переводы на русский язык и сочинений новых африканских авторов, и переиздания уже ставших классиками. При работе с ними, однако, надо учитывать, что не всегда переводчики знакомы с африканскими реалиями, и тексты иногда неадекватны («красные бусы»). То же касается и фольклорных материалов, пословиц, сказок, мифов и т. п. В большинстве же своем такие публикации позволяют увидеть некоторые элементы местной культуры, о которых не упоминают «серьезные» исследования. В XX–XXI вв. появилось множество описаний отечественными ЖУРНАЛИСТАМИ, работавшими в странах Африки, как в советское время, так и ныне. Они, как правило, любознательны, их впечатления искренне и непосредственны.

Долгое время лишь немногочисленные отечественные историки-африканисты знали африканские языки. И сейчас знатоков не так уж много, но, все же, есть. Это дает возможность использовать в качестве источников и такие направления вспомогательных исторических дисциплин (впрочем, некоторые считают их самостоятельными направлениями истории) как ОНОМАСТИКУ в целом, либо в частности топонимику, антропонимику, этнонимику и т. п. Как известно, несколько лет назад африканские страны охватил процесс переименования городов и улиц, провинций и штатов. Этот процесс дает возможность проанализировать состояние исторической памяти, выявить политические пристрастия и их изменения и т. п.

Весьма значительны по объему и интересны ВИЗУАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Эти, прежде всего, иллюстрации в уже известных записках путешественников — сначала гравюры, затем дагерротипы и фото. Они имеют и самостоятельное значение, объясняя, уточняя, а то и дополняя тексты. Для воссоздания истории XX–XXI вв. значимы и плакаты, буклеты, открытки и т. п., уточняющие и разнообразящие события колониального и постколониального периодов с их острой политической борьбой. Для этих периодов очень значимы и киноматериалы разных жанров, к сожалению, к ним редко обращаются наши коллеги. А ведь киногруппы из СССР работали, например, во время итало-абиссинской войны, снимая документальное кино. Появилось много этнографических фильмов (в частности французских и японских). Но и местные народы (химба), не удовлетворенные образами, созданными европейцами, снимают свои фильмы. Практически не используются и художественные фильмы, хотя нигерийский Нолливуд давно соперничает с Голливудом.

Много дают современным африканистам и методы иных гуманитарных дисциплин, таких как социология и антропология. Из них пришли активно используемые историками современности, исторической памяти и т. д. таких методов как **ОПРОСЫ, ИНТЕРВЬЮ, АНКЕТИРОВАНИЕ**. Это и личные встречи исследователей и опрашиваемых, и заочные. Особенно важно обратить внимание на опросы людей старшего поколения, работавших либо в научных африканистических учреждениях, либо в практических, много живших или часто посещавших Африку. Если когда-то Хампате Б. говорил, что когда в Африке умирает старик, погибает целая библиотека, то когда от нас уходят наши старшие коллеги, исчезают целые пласты архивных материалов.

Наконец, группа средств массовой информации пополнилась **ИНТЕРНЕТОМ**. Но это отдельная группа источников, особенно актуальна для исследователей современной истории и требующая особого анализа.

Как видим, общепринятый, стандартный корпус исторических источников отнюдь не является окончательным и застывшим. Налицо и обращение на новом уровне к «старым» группам материалов и вечное расширение, и обновление всего корпуса. Положения доклада будут проиллюстрированы примерами, в том числе книгой автора «Традиции в постколониальной Африке», вышедшей в 2022 г.

Макеева Н. В. (ИЯз РАН, Москва)

Непериферийные гласные в языках макросуданского пояса с полными системами [ATR]

В докладе будут представлены результаты типологического исследования непериферийных гласных в языках макросуданского пояса с полными системами [ATR]. Под непериферийными гласными понимаются такие гласные, которые занимают внутреннюю область формантной картины, а именно: передние огубленные, ненижние центральные и задние ненижние неогубленные гласные. Под полными системами [ATR] понимаются такие системы гласных, где противопоставление по признаку продвинутости корня языка, или [ATR] (advanced tongue root), отмечено для периферийных гласных как верхнего, так и среднего подъема, а гармония гласных по этому признаку реализуется через ограничения на сочетаемость гласных как внутри морфемы, так и в пределах фонологического домена, включающего несколько морфем.

Как показало исследование (Rolle et al. 2020)¹, контраст по признаку [ATR] и наличие непериферийных гласных являются взаимоисключающими шаблонами в вокалических системах языков макросуданского пояса. Среди языков, демон-

¹ Rolle, N., Lionnet, F., & Faytak, M. 2020. Areal patterns in the vowel systems of the Macro-Sudan Belt. *Linguistic Typology*, 24(1), 113–179.

стрирующих наличие обоих паттернов, языки с полными системами [ATR] занимают особое место. Они составляют всего около 6% (39 из 681 языка) в выборке, исследованной в (Rolle et al. 2020).

Подобное типологическое исследование было проведено впервые. Оно имело своей целью выявить типы непериферийных гласных в языках с полными системами [ATR] и закономерности их географического и генетического распределения.

Исследование основано на выборке из 35 языков 11 семей макросуданского пояса (гур, адамауа, атлантические, кру, ква, бенуэ-конго, кордофанские, центрально-суданские, восточносуданские, сахарские, кушитские), включавших любые непериферийные гласные. Языки, где единственным непериферийным гласным является гласный среднего подъема, функционирующий в качестве коррелята серии [+ATR] для гласного /a/, не рассматривались в связи с довольно широким распространением и тривиальностью данного случая непериферийности.

Подавляющее большинство непериферийных гласных в языках выборки квалифицируются как центральные, изредка встречаются передний огубленный гласный /y/, а также задние неогубленные гласные.

В результате исследования удалось выявить три типа непериферийных гласных, способных сосуществовать с полными системами [ATR]: аллофонический, фонематический и эпентетический. Аллофонические непериферийные гласные обычно функционируют в качестве позиционных вариантов передних и — реже — задних гласных. Среди языков выборки эпентетическая функция может выполняться гласными, как имеющими, так и не имеющими фонологический статус, при этом гласные обеих серий [ATR] в равной мере могут выступать в данной функции.

Наиболее широко в выборке представлен фонематический тип непериферийных гласных. Среди них можно выделить два подтипа: гласные, специфицированные по признаку [ATR], и нейтральные гласные. Основное различие между этими двумя подтипами касается статуса гласного по отношению к признаку [ATR]. Нейтральные гласные не затрагиваются правилами, ограничивающими сочетаемость гласных разных серий, тогда как гласные, специфицированные по признаку [ATR], полностью вовлечены в правила гармонии. Кроме того, нейтральные гласные, как правило, имеют ограниченную дистрибуцию, подвергаются количественной редукции и ассимиляции с соседними гласными.

Отдельный подтип представлен языками с одним непериферийным гласным, имеющим фонологический статус и специфицированным по признаку [ATR]. Как правило, таким гласным является центральный верхний гласный /ɪ/ серии [-ATR], который не имеет пары, либо функционирует в качестве [-ATR] коррелята гласного /i/. Такое положение дел может быть связано с более выраженной тенденцией для верхних гласных подвергаться центростремительной редукции. Такая же тенденция свойственна в большей мере гласным серии [-ATR] в сравнении с гласными серии [+ATR].

Наконец, в языках с более чем одним фонематическим непериферийным гласным по крайней мере два из них образуют пару, противопоставленную по признаку

[ATR]. Представлены также и раритетные паттерны. Один из них был обнаружен в языке акебу семьи ква: здесь имеются два непериферийных гласных, которые не являются нейтральными, но при этом относятся к одному набору — набору [-ATR].

Оказалось, что типы непериферийных гласных не распределены между языками выборки произвольным образом. Удалось выявить как минимум три кластера языков: (1) восточные языки кру Кот-д'Ивуара с несколькими центральными гласными, противопоставленными по признаку [ATR], (2) языки группы талоди кордофанской семьи, распространенные на территории Судана и включающие один нейтральный непериферийный гласный, и (3) северные языки гуанг семьи ква, где передние гласные имеют центральные аллофоны в позиции между двумя согласными. Территория Ганы и Того, занимаемая северными языками гуанг, включает также ряд других языков выборки, относящихся к разным семьям и имеющих различные типы непериферийных гласных. Этот регион кажется наиболее богатым как по числу языков, демонстрирующих наличие непериферийных гласных наравне с полными системами [ATR], так и по числу типов непериферийности.

Малинина Е. Я. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Атрибутивные конструкции в языках банту (суахили, киньяруанда)

Несмотря на большое количество работ, постулирующих существование определенных универсальных характеристик прилагательного как части речи во всех языках, категории грамматики не могут выступать в качестве универсалий для всех языков.

Прилагательные выступают в качестве определений существительных в атрибутивных конструкциях, однако не во всех языках существует открытый большой класс прилагательных. Так, например, суахили, как язык банту (нигер-конго, G42) обладает большим набором глаголов и существительных, но малым количеством прилагательных.

Таким образом, целью данной работы является исследование способов образования атрибутивных конструкций в языках банту (в суахили и в киньяруанда).

«Все языки банту обладают малым классом прилагательных, количество которых варьируется от менее чем десяти элементов до сорока или пятидесяти (и примерно с тринадцатью описательными корнями прилагательных, которые можно восстановить для прото-банту)». [Dixon 1982: 4]¹

¹ Dixon, Robert M. W. Where have all the adjectives gone? and other essays in semantics and syntax / Robert M. W. Dixon. NY: Mouton, 1982.

В суахили ограниченное количество аутентичных прилагательных, многие прилагательные заимствованы из арабского языка. Часто, атрибутивные конструкции состояются производными способами — с помощью глаголов и существительных.

Р. Диксон выделяет критерии, по которым язык может быть отнесен к группе языков с открытым / закрытым классом прилагательных, с преобладанием прилагательных / глаголов или отглагольных конструкций / нейтральным.

На основе проведенной работы, можно сделать следующие выводы:

Язык суахили (нигер-конго, G42) — это язык с закрытым классом прилагательных и нейтральной доминацией, имеющий много способов образования атрибутивных конструкций и грамматические особенности в некоторых из них. Сложные атрибутивные конструкции образуются в таких семантических классах (по Диксону), как: цвет (за исключением 3 основных цветов); определения, связанные с человеческими качествами; атрибуты, обозначающие скорость и ценность.

В суахили множество способов образования сложных атрибутивных конструкций, заполняющих в языке малое количество прилагательных:

1) Атрибутивная конструкция может образовываться с помощью форманта *-enye* «имеющий», который согласуется по классу имени существительного, определяемым которого является и существительного, иногда глагола в начальной форме: *m-tu mw-enye nguvu* — сильный человек (досл. «человек, имеющий силу»).

2) Иногда используется посессивная конструкция *-a* с существительным, иногда инфинитивом, при этом префикс согласуется с вершиной: *maji y-a moto* (досл. «вода огня») — горячая вода.

3) В суахили существуют атрибутивные конструкции, характерные для большинства агглютинативных языков (например статус конструктус, или изафет в тюркских, семитских, западноиранских языках) — они состоят из двух существительных без посессива, *-enye* и без согласования (однако изафет все-таки подразумевает некоторое согласование слов — второе слово стоит в родительном падеже и определяет первое, т.е. наделяет артиклем; в суахили два слова в такой конструкции никак не согласуются друг с другом):

fasihi simulizi — устная литература (досл. литература рассказ)

Язык киньяруанда (нигер-конго; код Гасри — JD61) — язык с закрытым классом прилагательных и глагольной доминацией (большинство определений — производные от глаголов). В киньяруанда мало прилагательных, язык компенсирует это отглагольными конструкциями и атрибутивными конструкциями с посессивом и существительным:

1) *ubu-taka bu-komeye* — твердая почва.

2) *-komeye* (твердый) / *-gukomera (ye)* — быть твердым, прилагательные — производные от глаголов (**-gukomera (ye)* — *быть твердым* — в круглых скобках — формант совершенного вида глагола).

3) *utu-hungu w'umunyabwenge* — умный мальчик.

Атрибут образован с помощью посессивного форманта *-a* + существительное *-bwenge* — «ум», согласованное с вершиной.

Иногда используются атрибутивные конструкции вида *-fite* («иметь») *NOUN*: *igi-tabo gi-fite ibara ry`icyatsi kibisi* — зеленая книга (досл. книга, имеющая цвет травы зеленой).

В киньяруанда так же, как и в суахили аутентичные прилагательные обладают такими семантическими характеристиками, как: размер и возраст, некоторые из корней этих прилагательных были реконструированы Меюссеном для прото-банту (*-dài / dàipú* — длинный; *-píà* — новый, молодой). Отглагольные конструкции и атрибутивные конструкции с посессивом и существительным относятся к остальным семантическим классам.

Манирагена В. (СПбГЭУ; СПбГУ; Санкт-Петербург)

Франсуа Ксавье Наигизики и его книга: «Mes trances a 30 ans» — «Мои страхи, когда мне было 30 лет»

Франсуа Ксавье Наигизики известный руандийский автор — писатель и мыслитель. Славен он был также своим юмором. Известен он и как переводчик — он перевёл множество учебного материала с французского языка на киньяруанда. Он также служил переводчиком на официальных встречах короля Руанды с зарубежными делегациями. В 1955 г. он получил премию на колониальной выставке за книгу, которую написал в 1945 г. Книга его выходила сначала под названием «Escapades Ruandaises» — «Руандийские побегии» без четвертой главы. Потом она вышла под названием «Mes trances a 30 ans» — «Мои страхи, когда мне было 30 лет» уже с четвертой главой.

В книге автор рассказывает о том, как бежал из своей страны, где ему грозило тюремное заключение в связи с тем, что, управляя магазином, был уличён в недо-стаче. Во время своей попытки уехать за пределы страны он пишет своим женам, рассказывая о том, что он видит на своем пути. Его описание красоты Руанды 1945 г. поражает. Можно подумать, что это рекламный туристический текст. В книге автор описывает социально-политическую обстановку в стране и размышляет о будущем.

*Мильто А. В. (Ярославский филиал Финуниверситета при
Правительстве Российской Федерации, Ярославль)*

Особенности картографии в постколониальной литературе

Постколониальные исследования всегда в какой-то степени носили пространственный характер и были связаны с географией. На волне возрождения интереса

к пространственной теории, который распространился почти на все гуманитарные дисциплины, такая связь стала еще более тесной. В постколониальных исследованиях вопросы власти и пространства приобрели ключевое значение, а география стала мощным инструментом культурного анализа.

Пространственный поворот, т.е. поворот к более теоретическому и критическому пересмотру пространства, поднял новые проблемы в постколониальной науке. Взаимосвязь между пространством и литературой, картографией и описанием является интересным и комплексным аспектом изучения. Постколониальные исследования пространства базируются на трудах К. Шлегеля, М. Фуко, Д. Мэсси, Р. Талли и др. Важнейшим источником пространственных версий постколониальной критики являются работы Э. Саида. «Никто из нас, — подчеркивал исследователь, — задавая пространственную сцену, не свободен от борьбы за географию, борьбы, которая касается не только солдат и пушек, но и идей, образов и воображений, борьбы за землю и территорию и поиска за фундаментальные и эгалитарные права на обитание в космосе»¹. Борьба за реальную и воображаемую географию — это не просто лейтмотив исследований Э. Саида, она занимает центральное место во многих постколониальных работах. Особенно значительным в этом контексте является американский исследователь Э. Соуджа с его основополагающим научным трудом «Третье пространство»².

Карта стала важной составляющей визуальной культуры в произведениях постколониальных авторов. Она иллюстрирует место и время действия; совмещает визуальное и текстуальное; становится первой повествовательной инстанцией; задает определенный тон и настроение. Иногда само повествование — процесс создания карты.

Постколониальная картография отвечает многим задачам, среди которых, в первую очередь, необходимость продемонстрировать более подходящую, по мнению авторов, географию современного мира. В романе сомалийского писателя Н. Фары под названием «Карты»³ проблема границ поставлена во главу угла. Автор настаивал, что необходимо перекроить колониальные карты Африки в соответствии с экономическими, психологическими и социальными нуждами, не принимая во внимание бессмысленные границы. Создание карт позволяло европейским державам оценивать регионы, которые они контролировали, и потенциальные ресурсы, содержащиеся в них. Точное знание географии и физических границ влекло за собой способность проводить политические границы. Географические знания создают силу, потому что они представляют собой дискурс о мире, которым можно манипулировать в политических целях.

Неслучайно главный герой романа — Аскар — составил новую политико-лингвистическую карту Великого Сомали, которая оказалась таким же вымыслом,

¹ Said E. Geography, Narrative, Interpretation. New Left Review. March-April, 1990. P. 81–97

² Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996. 334 p.

³ Farah N. Maps. L.: Pantheon Books, 1986. 246 p.

каким были колониальные карты в политическом плане. Его карта отвергала социально-политическое деление подобно тому, как карты времен колониального господства отрицали этнические и культурные барьеры, представляя неточную, неадекватную модель реальности.

Подобная ситуация актуальна не только для Сомали. Майкл Ондатже — канадец, родившийся на Шри-Ланке, автор романа «Английский пациент», человек вне идентичности — говорил о пребывании в годы второй мировой войны в Африке: «...Я верю в такую картографию, выполненную самой природой, а не в гроздь имен на карте, словно названия универмагов, данные в честь их богатых владельцев — женщин и мужчин. У нас общая история, общие книги. . . Нами не владеют, и мы не моногамны в наших вкусах и опыте. Все, что я хотел, — это пройти по такой земле, где нет карт»¹.

Литературная картография обращает внимание на изменчивые географические границы, которые влияют на восприятие пространства. Карта была и остается не только иллюстрацией, но и ключевым компонентом и двигателем сюжета, загадкой, своеобразным героем истории. Карта дает власть, но власть также присуща самой карте совершенно отдельно от ее использования политическими институтами.

Морозенская Е. В. (ИАФР РАН, Москва)

Модернизация технологий и профессионального образования как основа социально-экономических преобразований в Африке

Структурные сдвиги в современной экономике происходят в результате взаимодействия технологических, производственных и инвестиционных факторов, подготавливающих глубокие изменения в воспроизводственном процессе в результате научно-исследовательской деятельности, практического внедрения инноваций и соответствующей перестройки системы профессиональной подготовки работников. В Африке этот процесс осложняется недостаточной развитостью научно-технологического потенциала, что мешает полноценному подключению к быстро распространяющимся в международном производстве глобальным цепочкам создания стоимости (прежде всего высокотехнологичных товаров и услуг). В соответствии с действующей общеконтинентальной стратегией *Agenda-2063* многие африканские государства приняли национальные Стратегии развития цифровой экономики с целью обеспечить скачок в догоняющем развитии и способствовать росту занятости, прежде всего среди молодежи, получившей профессиональное образование.

¹ Ondaatje M. *The English Patient*. L.: Picador, 1993. P. 138–139, 261.

При этом для разрешения принципиальных проблем в области развития, прежде всего — сокращения масштабной нищеты и достижения продовольственной безопасности — требуется решение совершенно новых для Африки задач, таких как использование современных технологий и инноваций, прежде всего, в сельском хозяйстве; активное развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ); расширение возможностей цифровой модернизации за счет развития сектора ИКТ. Вместе с тем курс на рост сфер науки и образования вовлекает африканские страны в возрастающую в мире инновационную конкуренцию. Это требует создания благоприятных условий для совершенствования человеческого капитала путем расширения направлений и модернизации форм обучения работников в соответствии с новыми требованиями меняющейся структуры производства, технического и технологического обеспечения. Приоритетными теоретическими и прикладными направлениями исследований становятся, прежде всего, агротехнологии, в т. ч. развитие «синей» экономики, ВИЭ, ИКТ для нужд производства и потребления.

В условиях технологического перехода заметнее становятся различия между самими африканскими странами в их возможностях создавать и внедрять инновации. При этом в более развитых экономиках (Египет, Нигерия, ЮАР) ускоряется поиск возможностей для встраивания в глобальные процессы массовой цифровойизации, внедрения инноваций, перестраивания методов управления производством, наукой и профессиональным образованием. Наименее развитые страны (НРС), составляющие на континенте большинство (33), вынуждены приспособляться к последствиям данных процессов.

Различия между ними проявляются в вопросах финансирования научных исследований; развития сферы общего и особенно профессионального образования; использования налоговых и других преференций для местных предприятий, внедряющих технологические достижения в производство; поддержки местных потребителей инновационных товаров и услуг и т.д. От объема государственного финансирования науки и профессионального образования (включая переобучение работников) зависит увеличение добавленной стоимости на основе применения новейших технологий и инноваций в производстве.

Последнее в значительной степени зависит от иностранных инвестиций и грантов международных институтов развития.

Вместе с тем усиливающаяся неопределенность в мировой экономике, поддерживающая быстрое снижение в последние годы доли ПИИ в глобальном ВВП (1,7 % в 2019 г. по сравнению с 4 % в 2000 г.), приносит наибольший урон НРС вследствие ускорения оттока капитала. Помимо значительного снижения в 2020–2022 гг. экономической активности (на 5, %)¹ вследствие пандемии COVID-19 Африка столкнулась с кризисом на рынке труда, обусловленным преобладанием экстенсивного типа развития занятости в промышленных отраслях и особенно в сельском хозяйстве, а также изменениями в масштабах и направлениях тру-

¹ The World Bank Annual Report 2021 <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report> ;

довой миграции. Поэтому наиболее доступным для них источником инноваций остается импорт готовых иностранных разработок, а также передача технологий путем внедрения новых методов производства или видов товаров в принимающей стране, либо приглашение иностранных специалистов или обучение местного персонала за рубежом.

В соответствии с одобренным всеми африканскими государствами «Механизмом содействия развитию технологий» ООН (UN Technology Facilitation Mechanism) была принята программа «Стратегия науки, технологий и инноваций для Африки — 2024» (Science, Technology and Innovation Strategy for Africa, STISA 2024)¹, предусматривающая переход Африки к новым технологиям, основанным на знаниях, посредством инвестиций в образование, овладения техническими компетенциями и расширения международного сотрудничества. Для реализации этой стратегии африканским государствам необходимы значительные институциональные изменения, такие как защита прав инвесторов и предоставление им государственных гарантий (использование налоговых каникул, снижение таможенных пошлин, утверждение надежной нормативно-правовой базы).

Несмотря на ряд позитивных сдвигов, вклад самих африканских стран в формирование технологического потенциала остается недостаточным для преодоления существующего отставания в научно-образовательной и производственной сферах. Решению этих проблем может способствовать расширение их экономического сотрудничества с рядом обладающих производственными мощностями, высокими компетенциями и опытом российскими государственными и частными компаниями, крупными банками и ведущими вузами, прежде всего инженерного и сельскохозяйственного профиля².

Москвитина (Сиим) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Старосуахилийская арабографическая письменная традиция *киарабу* в истории отечественной африканистики и на Восточном факультете ЛГУ-СПбГУ

Многовековая старосуахилийская арабографическая традиция *киарабу* – неотъемлемый элемент мусульманской цивилизации суахили и арабизированной культуры Восточной Африки. Специфика традиции *киарабу* и произведений на нем неоднократно становилась объектом изучения в отечественном востоковедении.

¹ AU (2015) Science, Technology and Innovation Strategy for Africa 2024 https://au.int/sites/default/files/newsevents/workingdocuments/33178-wd-stisa-english_-_final.pdf ;

² Научно-технологический потенциал современной Африки. Коллективная монография. (Отв. ред. Е. В. Морозенская). М.: ИАФР РАН 2022.

нии и африканистике. В некотором смысле можно говорить о преемственности в исследовании *киарабу* в 1960–1990х гг. на Кафедре африканистики Восточного факультета ЛГУ-СПбГУ (А. А. Жуков, В. М. Мисюгин, М. А. Толмачева и др.). В ряде работ упомянутых авторов был сформулирован и продемонстрирован нетривиальный, пусть и дискуссионный, взгляд на возможности отражения фонетического строя языка разными типами письменности.

Учитывая то, что помимо интенсивного курса собственно стандартного суахили, в образовательную программу суахилистов-филологов (как и африканистов всех представленных на кафедре региональных направлений) входит обязательный курс арабского языка, а также общий обзор в том числе суахилийской словесности в рамках общих курсов «Литературы стран Африки» и «Введение в африканистику», видится логичным и целесообразным синтезировать эти имеющиеся компетенции в преподавании основ *киарабу* и навыков чтения и текстологического анализа соответствующих произведений студентам-суахилистам. Кроме того, на направлениях кафедры, изучающих языки и культуры Западной Африки, предусмотрено ознакомление в некотором объеме с арабографическими памятниками на основных преподаваемых языках (хауса и языки манден). Непосредственное обращение к памятникам старосуахилийской словесности в их аджамском оригинале расширяет представления о культурно-исторических реалиях, развитии литературного языка, соотношении фонетического/грамматического строя языка и видов письменности, переключении культурных кодов. Оно также дает важную для востоковедов возможность работы с рукописными материалами, несмотря на то, что в отечественных хранилищах рукописей, библиотеках и музейных фондах оригиналы старосуахилийские манускрипты практически не представлены. Такой экспериментальный краткий спецкурс и проводится в настоящее время на Кафедре африканистики Восточного факультета СПбГУ.

Панцеров К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Риски злонамеренного использования передовых технологий в странах Африки, расположенных южнее Сахары: некоторые практические аспекты

В современном мире неременным условием обеспечения лидирующих позиций на мировой арене для любого государства является развитие прорывных технологий. Однако и так очевидно, что любые технологические новации создают риск их злонамеренного использования в будущем. Страны Африки южнее Сахары в этом отношении не являются исключением.

На первый взгляд, может показаться, что угрозы, связанные с возможным злонамеренным использованием искусственного интеллекта, играют в Африке

второстепенное значение в силу общего относительно невысокого уровня (по сравнению с развитыми странами западной цивилизации) развития ИТ-сферы. Однако это не совсем так. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что за последние два десятилетия странам Африки все-таки удалось добиться существенных успехов в развитии рынка ИКТ. Но, в то же самое время, взяв твердый курс на внедрение на своей территории прорывных технологий, указанные государства практически не уделяли внимания необходимости обеспечения своей информационной безопасности. В результате, страны Африки регулярно становятся жертвами кибератак, которые с каждым годом, по мере развития информационных технологий, становятся все более высокотехнологизированными.

Согласно официальным данным, общий объем ущерба от деятельности киберпреступников в Африке на сегодняшний день превысил \$3,5 млрд. При этом наибольший ущерб приходится на Нигерию (\$649 млн). На втором месте находится Кения (\$210 млн), а на третьем — ЮАР (\$157 млн). Что касается конкретных сфер деятельности, которые в наибольшей степени подвергаются кибератакам, наиболее уязвимым является банковский сектор африканских стран. Его доля в общем количестве кибератак составляет 23%, затем следуют правительственные структуры различного уровня (19%), электронная торговля (16%), система мобильных переводов (13%) и телекоммуникация (11%).

А применение работающих на основе искусственного интеллекта технологий открывает практически неограниченные возможности для злоумышленников и позволяет им обходить любую киберзащиту. В частности, благодаря передовым технологиям киберпреступники могут:

- скрывать вредоносный код в официальных, безопасных приложениях;
- влиять на голосовую или визуальную аутентификацию;
- получать закрытые ключи для контроля устройств;
- проводить интеллектуальные атаки на системы и сети;
- имитировать надежные компоненты системы;
- манипулировать массовым сознанием с целью создания необходимого злоумышленникам общественного мнения, направленного на рост социальной напряженности в отдельных странах и регионах, что представляет весьма серьезную угрозу международной информационно-психологической безопасности.

В конечном итоге автор делает вывод о том, что странам Африки следует разработать эффективные наднациональные инструменты, направленные на повышение уровня своей информационной защищенности и недопущения дальнейшего злонамеренного использования работающих на основе искусственного интеллекта технологий. До тех пор, пока этого не произойдет, представляется маловероятным, что африканские страны хотя бы приблизятся к решению проблемы обеспечения их информационной безопасности, а значит, их информационное пространство будет и впредь подвергаться масштабным кибератакам, представляющим серьезную угрозу не только безопасности отдельных людей, но и всей системе национальной безопасности государства.

Попова К. И. (ИВИ РАН, Москва)

Гельмут Штёккер и историческая африканистика в ГДР

Во второй половине XX в., при становлении африканистики, как отдельной науки, в ГДР сформировался ряд специалистов, создавших достаточно широкий круг работ по различным проблемам африканской истории. Несмотря на то, что объединение ФРГ и ГДР в одно государство разрушило преемственность научных школ из Восточной Германии, нельзя вычёркивать их вклад в науку в целом.

Гельмут Штёккер (1920–1994) был одним из самых авторитетных африканистов не только в ГДР, но и в странах социалистической ориентации. За его авторством вышло несколько книг и десятки статей, посвящённых расизму, колониализму и другим проблемам африканской истории. Несмотря на оставленные им мемуары и многочисленные неоднозначные оценки его личности при жизни, сейчас его вклад в африканистику остаётся недооценённым.

Биография Штёккера была одновременно типичной и нетипичной для своего времени. Будучи сыном коммунистического политика Вальтера Штёккера, который умер в концлагере, он провёл свою юность в Великобритании, получив там образование. Вернувшись в Германию в 1947 г., он оказался в новой формирующейся тогда стране. Гельмут и сам был убеждённым коммунистом, состоял в молодёжной организации «Союз свободной немецкой молодёжи», подмечали это и его коллеги¹. Его политическая позиция была спорной для многих в его окружении — некоторые считали его сторонником жесткой линии и горячим сторонником режима; для других он был слишком нонконформистом². Его академическая карьера началась в университете Гумбольдта в Берлине в 1950-х гг., однако вопросами африканской истории он занялся в 1970-х гг., и затем возглавил созданный сектор африканистики.

При изучении биографии Штёккера возникает логичный вопрос — мог ли убеждённый коммунист, живший в социалистическом государстве и работавший в государственном учреждении, быть объективным в своих исследованиях?

Ответ на этот вопрос мы во многом находим в его мемуарах, где Штёккер критикует «Социализм Хоннекера», сформировавшийся в ГДР, а также показывает, что для многих учёных, в том числе африканистов, было важнее соответствовать линии партии, чем придерживаться научной ценности исследований.

Самой известной работой Штёккера стал коллективный труд «История германского колониализма в Африке», написанный рядом восточногерманских африка-

¹ Stoecker, Helmuth. *Socialism with Deficits: An Academic Life in the German Democratic Republic*. Германия, Lit, 2000;

² *Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010: Praxis ihrer Disziplinen. Band 6: Selbstbehauptung einer Vision*. Германия, De Gruyter, 2014. С. 544–545;

нистов и изданным под редакцией Штёккера. Эта монография была переведена на английский и русский языки, и вызвала широкое обсуждение среди экспертов по Африке того времени. В ней Штёккеру принадлежит авторство или соавторство большого количества разделов — предыстория германских завоеваний, общие вопросы германского колониализма в Африке, до 1914 года, а также разделы про Камерун, Марокко, Центральную Африку.

Так что можно говорить о его определяющем влиянии на концептуальное освещение германского колониализма в ГДР в 1970-х гг. Исследование построено на марксистском подходе к истории, что отмечает и сам Штёккер в предисловии к книге.¹ Более того, последняя глава за авторством Штёккера посвящена критике послевоенной «буржуазной» историографии. В ней он подчёркивает, что современные ему работы западных историков продолжают скрыто оправдывать колониализм, несмотря на преодоление расистских стереотипов.

Несмотря на идеологический посыл книги, она суммировала большое количество сведений из колониальных архивов, хранившихся в Потсдаме, и повлияла на интерес к изучению вопроса о немецком колониализме не только в ГДР, но и в научных кругах других стран. Колониальная история стала востребована на фоне взаимодействия ГДР со странами Африки, получившими или ещё боровшимися за независимость. Но и в целом наследники колониальных держав наряду с африканцами переосмысливали колониальное прошлое. В этой связи труд Штёккера и его коллег был важен не только с научной точки зрения, но и с точки зрения рефлексии в области исторической памяти.

Африканские исследования во второй половине двадцатого века были особенно ангажированы политически, поскольку именно тогда шла борьба за будущее новых африканских государств. В контексте Холодной войны историкам разных стран неизменно приходилось вплетать в свои работы ту или иную идеологическую доктрину. Тем не менее, внимательно изучив работы Штёккера, нельзя назвать их конъюнктурными или созданными исключительно для политических целей. Он даёт достаточно широкое объяснение причин германского капитализма, подчёркивая его экономический и внутривнутриполитический характер. Непредвзятость Штёккера подчёркивали и его коллеги, например, А. С. Балезин в своей рецензии на мемуары Штёккера, опубликованной в 2002 г., упоминает, что при общении с Гельмутом «поражала его огромная эрудиция и незашоренность, отличавшая его от большинства восточногерманских африканистов и не только африканистов»². Пример Штёккера показывает, что исследования Африки в ГДР при всех ограничениях имели ценность для мировой африканистики.

¹ История германского колониализма в Африке. Россия, Наука, 1983;

² Балезин А. С. Х. Штёккер. Социализм с недостатками. Жизнь ученых в Германской Демократической Республике. Гамбург, 2000. Новая и новейшая история, №1, 2002.

Прохоров К. Н. (ИЯз РАН, Москва)

(Де-)фокализированный имперфектив в ампар-кора

В ранее не описанном языке ампар-кора, принадлежащем к семье догон, в парадигме имперфектива используются две различные аналитические конструкции¹.

В обеих конструкциях представлен вспомогательный глагол *bòò* ‘быть’ (отрицательная форма — *òrù*).

В конструкции первого типа, характерной для нейтральных декларативных предложений, главный (смысловой) глагол выражается отглагольным именем в форме датива-локатива.

Таблица 1. Имперфектив глагола *kàndì* ‘делать, ремонтировать’

	форма	перевод
1SG	<i>kàndò-gá m̀-boo</i>	‘Я ремонтирую’.
2SG	<i>kàndò-gá ò-boo</i>	‘Ты ремонтируешь’.
3SG	<i>kàndò-gá boo</i>	‘Он / она ремонтирует’.
1PL	<i>kàndò-gá m̀-boo</i>	‘Мы ремонтируем’.
2PL	<i>kàndò-gá è-boo</i>	‘Вы ремонтируете’.
3PL	<i>kàndò-gá bi-yá</i>	‘Они ремонтируют’.

В табл. 1 глагол *kàndì* ‘делать, ремонтировать’ представлен в форме отглагольного имени с финальным гласным основы *o* и показателем датива-локатива *-ga*. За ним следует вспомогательный глагол в лично-числовой форме.

Разные глаголы используют разные схемы образования отглагольного имени. Так, глагол *ègè* ‘приходить’ в имперфективной конструкции преобразуется в отглагольное имя *ègè-ri-gá*, букв. ‘в приходе, в прибытии’, образованное добавлением словообразовательного суффикса *-ri* и показателя датива-локатива *-ga*. За глагольным именем следует вспомогательный глагол *bòò/òrù* ‘быть’:

(1)	<i>ègè-ri-gá</i>	<i>m̀-boo!</i>
	приходить-NMLZ-DAT	1SG-быть
	‘Я иду!’	

Конструкции второго типа используются в имперфективных предложениях с субъектным или несубъектным фокусом. В них, так же как и в нейтральных предложениях, в качестве вспомогательного глагола выступает *bòò / òrù* ‘быть’, а в качестве главного — особый имперфективный конверб (‘CV. IPFV’ в глоссах). Он образуется изменением конечного гласного основы глагола на долгий *aa* или *oo* в зависимости от гармонического класса глагола. В случае глагола *kàndì* ‘делать, ремонтировать’ имперфективный конверб образуется изменением конечного глас-

ного основы на долгий *aa*, в случае глагола *ègè* ‘приходить’ — на *oo*. Ср. *kàndàà* ‘делать.CV. IPFV’, *ègòò* ‘приходить.CV. IPFV’.

В предложениях с субъектным и несубъектным фокусом по-разному выражаются лицо и число подлежащего. Подлежащее в фокусе должно быть выражено именной группой или местоимением. Вспомогательный глагол при этом не несет лично-числовых показателей:

(2)	<i>mòtó</i>	<i>wàá</i>	<i>kàndàà</i>	<i>bóó?</i>
	мотоцикл	кто?	делать.CV. IPFV	быть
	‘Кто ремонтирует мотоцикл?’			
(3)	<i>mòtó</i>	<i>míí</i>	<i>kàndàà</i>	<i>bóó</i>
	мотоцикл	1SG	делать.CV. IPFV	Быть
	‘Это я ремонтирую мотоцикл’.			

Если же в фокусе оказывается составляющая, отличная от подлежащего, лицо и число подлежащего выражаются при помощи префиксов на вспомогательном глаголе, а само подлежащее может быть опущено:

(4)	<i>ínjè</i>	<i>kàndàà</i>	<i>kè-bóó?</i>
	что?	делать.CV. IPFV	3PL-быть
	‘Что они ремонтирует?’		
(5)	<i>mòtó</i>	<i>kàndàà</i>	<i>kè-bóò.</i>
	мотоцикл	делать.CV. IPFV	быть
	‘Они ремонтируют МОТОЦИКЛ’		

Несмотря на различные способы выражения лица и числа глагола в фокусных конструкциях различных типов, такие конструкции в целом отличает от нейтральных декларативных предложений единообразное использование имперфективного конверба в качестве формы смыслового глагола вместо отглагольного имени в дативе-локативе. Такое устройство, парадигмы в ампари-кора характерно только для имперфектива, что возможно указывает на ингерентно-фокусный (*in-focus*) характер данной категории в смысле [Human & Watters 1984; Güldemann 2003].

Иными словами, в имперфективных нейтральных декларативных предложениях предикативный фокус является необъемлемым компонентом семантики глагола. Наличие в предложении фокализованной составляющей, автоматически означает дефокализацию предиката, что выражается в выборе формы смыслового глагола в имперфективной конструкции аналитической конструкции.

Савельева Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Египетская топонимика в «Хронике» Иоанна Никиуского¹

Значительную часть «Хроники» Иоанна Никиуского, охватывающей историю от сотворения мира вплоть до середины VII века, занимает описание арабского завоевания Египта и отдельных исторических событий, происходящих на египетской земле, в результате чего текст сочинения содержит немало количество местных топонимов, представляющих ценность как историко-географический, так и лингвистический материал. Примеры таких топонимов из «Хроники» будут рассмотрены в данном докладе.

Ряд египетских топонимов, встречающихся в «Хронике» Иоанна Никиуского, не упоминается более ни в одном из известных источников, что позволяет сделать вывод об использовании автором сочинения оригинальных египетских преданий, не дошедших до нас. Подобные используемые Иоанном географические названия часто связаны с уникальными сюжетами, которые дают подробную картину о происходящих в Египте событиях. Например, представляет интерес название и локализация города Айкелах, упоминаемого лишь в «Хронике», поскольку восстание его жителей повлекло за собой волнения по всему Египту. Автор «Хроники» уточняет, что город находится на севере Египта, и его другое название — Завия, однако это лишь сужает список мест, где мог быть расположен сожженный как центр бунта Айкелах.

Точное местоположение целого ряда топонимов из «Хроники» Иоанна Никиуского, в том числе египетского города Никиу, где автор занимал епископскую кафедру и захват мусульманами которого описан в сочинении, остается предметом спора в научной литературе.

Названия некоторых египетских топонимов зафиксированы в «Хронике» со значительными искажениями, возникшими после двойного перевода (с языка оригинала «Хроники», по всей вероятности, греческого, на арабский, а с него — на классический эфиопский язык (геэз) и затрудняющими определение расположения того или иного географического объекта и связанных с ним исторических событий. В сочинении встречаются топонимы, вероятно, не совсем верно использованные Иоанном Никиуским. Так, например, Иоанн упоминает остров Лукйун в контексте арабского завоевания Египта, однако до сих пор существует деревня с таким названием в мухафазе Бухейра, которую отождествляют² с этим островом.

Отдельного внимания заслуживают упоминания в сочинении переставших существовать географических объектов. Например, дважды упоминаемый в «Хро-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

² Mohammed Ramzi Bey. *À rectifications géographiques... D'É. Amélineau // Jouguet P. (ed.). Mélanges Maspero. III Orient Islamique. Institut Français d'Archéologie Orientale. 1940. P. 290–291.*

нике» Иоанна Никиуского канал Дракона, который располагался к западу от города Александрия, по всей видимости, перестал существовать. Однако именно «Хроника» позволяет определить, что канал Дракона начинался от Александрии и заканчивался озером Марьют.

«Хроника» Иоанна Никиуского также зафиксировала пример существования в Египте арабо-христианской топонимической традиции, отличной от сложившейся у арабов-мусульман¹: под топонимом ар-Риф копты подразумевали Верхний Египет, мусульмане — либо Нижний Египет либо только его западную часть.

Семенова В. Н. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Хроники эфиопских царей Такла Хайманоте II и Такла Гиоргисе I как возможные источники по локальной истории Тиграя (Эфиопия)

Хроники царей Такла Хайманоте II (1769–1777) и Такла Гиоргисе I (1779–1784, 1788–1789, 1794–1795, 1795–1796, 1798–1799, 1801 гг.), перевод и издание которых к публикации выполнила к. и. н. Е. В. Гусарова, научный сотрудник ИВР РАН в рамках плановой темы НИР 2018–2020 гг., являются важным источником по истории Эфиопии.

В хрониках традиционно много географических наименований, точное или даже приблизительное местоположение которых определить не всегда возможно. В эфиопской историографии этим подробно занимался Дж. Хантингфорд, британский историк-эфиопист (Huntingford G. W.B. *The Historical Geography of Ethiopia from the First Century AD to 1704*. Oxford: Oxford University Press, 1989). Он изучил географию Эфиопии на основе текстов царских хроник, в которых перечисляются топонимы, через которые пролегал путь того или иного эфиопского царя, тем самым пытаясь восстановить географию страны в историческом срезе. Такой подход является важным с точки зрения изучения археологических и исторических памятников в настоящее время. Часто их сложно обнаружить на местности ввиду смены названий, переименований и отсутствия точных координат. Между тем, некоторые монастырские и деревенские общины оказываются хранителями еще не открытых исторических свидетельств в виде рукописей и различных артефактов. В докладе предполагается проанализировать работу Е. В. Гусаровой с точки зрения исторической географии Дж. Хантингфорда и попытаться сопоставить эти данные с полученными в ходе экспедиции 2019 и 2020 гг. в Тиграй по гранту

¹ Французов С. А. Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 77–86.

РФФИ №19–012–00299. Отдельно стоит заметить, что рас Михаил, которому уделено особое внимание в хронике Такла Хайманота II (1769–1777), происходил из Тиграя, поэтому решено было проанализировать хроники и с точки зрения локальной истории одного региона. Для этого сначала будет представлен краткий обзор Тиграя как историко-культурного региона Эфиопии со своим характерным административным устройством, своим управлением и взаимоотношениями внутри феодального и церковного класса. Деревенским общинам и их месту в административно-хозяйственном устройстве региона также будет уделено особое внимание, так как в настоящий момент они довольно независимы.

Вторым пунктом предполагается рассмотреть конкретные упоминаемые в хрониках географические названия. Некоторые — такие, как Зарема и Вальдебба, — хорошо известны, другие — остаются темными пятнами на карте Эфиопии и ее истории.

Сидорова Г. М. (ДА МИД России, МГЛУ, ИАФР РАН, Москва)

Миграционные процессы и их влияние на международную безопасность

Актуальность темы связана с дестабилизацией обстановки в мире и, в частности, в странах африканского континента. Западная Африка, зона Сахеля, Восточная и Центральная часть континента охвачены вооруженными локальными и региональными конфликтами. Растет число беженцев и временно перемещенных лиц. Политическая нестабильность африканских государств негативным образом влияет на национальную безопасность стран-реципиентов, которые должны обеспечивать проживание беженцев и обеспечивать их пособиями. Нередки случаи, когда мигранты насаждают свои традиционные устои в новых местах жительства и притесняют коренных жителей, претендуя на их территорию.

В результате возникают трудно разрешимые гуманитарные катастрофы. Часто это происходит в приграничных зонах, где организуются пункты эвакуации мигрантов или постоянные лагеря беженцев. В статье анализируются причины конфликтов, а также их последствия для гражданского населения. Акцентируется внимание на наиболее сложных военно-политических ситуациях в странах континента. Автор приходит к выводу о том, что дестабилизация политических режимов в Африке связана с низким социальным уровнем большинства государств континента, слабостью силовых структур, неспособных защищать мирное население.

Глобальная перестройка, или формирование нового мирового порядка, идет по всем направлениям, включая такой мировой тренд как миграция. Эксперты в области миграций называют XXI столетие «веком миграций». Процесс этот сложный,

противоречивый, переменчивый и не всегда поддающийся логике. Это — стихийные миграции в результате вооруженных конфликтов: трудовая, учебная, инвестиционная, брачная, а также миграция, связанная с рождением ребенка (например, в Аргентину), получившая распространение в минувшем году. Она напрямую связана с угрозами национальной и международной безопасности. По словам Верховного комиссара ООН по делам беженцев Филиппо Гранди, «каждый год последнего десятилетия число беженцев растет. Либо мировое сообщество объединится, чтобы принять меры по преодолению этой человеческой трагедии, разрешению конфликтов и поиску долгосрочных решений, либо эта ужасная тенденция сохранится» [1].

Причин миграций много. По комментарию официального представителя Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев Карлотты Сами (Carlotte Sami), «одни бегут от войн и конфликтов, где становятся жертвами слепых атак, провоцирующих смерть и насильственное перемещение. Другие, ставшие жертвами надругательств и издевательств, а порой и живым товаром, спасаются бегством от бандитов и криминальных элементов» [2].

Особенно интенсивна миграция в африканских государствах, где возникают непредсказуемые события военно-политического характера, вызывающие миграции большого потока беженцев. Мигрируют как внутри страны, так и в другие страны. Одна из причин миграций — вооруженные конфликты. По сведениям Лондонской экономической школы, (London School of Economics (LSE), только в 2021 г. в мире было зафиксировано 32 вооруженных конфликта, 15 из которых приходится на Африку. Это означает, что 47 % территорий африканского континента были конфликтными. По данным международной НПО Global Peace Index от 23 июня 2021 г., по крайней мере 10 государств Африки были охвачены локальными войнами. Среди них Мали — находится на 148 месте по индексу человеческого развития (среди 178 стран), Нигерия занимает 146 место низовое место, Камерун — 145, Эфиопия — 139, Нигер — 137 [3].

Сложная военно-политическая ситуация остается в зоне Сахеля, которая представляет собой обширную территорию, расположенную южнее пустыни Сахара, от берегов Атлантики до Красного моря, с центром стран: Буркина-Фасо, Мали и Нигер. Специальный представитель Генерального секретаря ООН в Западной Африке и Сахеле Мохамед ибн Чамбас нарисовал мрачную картину «неизбирательных нападений на мирных жителей, похищения молодых девушек и принудительной вербовки детей в ряды боевиков. К июню 2020 г. 921 тыс. несчастных граждан Буркина-Фасо были вынуждены спасаться бегством от свирепствовавших джихадистов. В Мали таких беженцев насчитывалось 489 тыс. В тот же период в срочной помощи нуждались 7,7 млн нигерийцев, вынужденных оставить свои дома, работу и спасаться от мародерствующих ополченцев» [4].

Продолжает оставаться напряженной военно-политическая обстановка в ДР Конго. Глава Миссии ООН по стабилизации в ДР Конго (MONUSCO) г-жа Бинту Кейта (Bintou Keita) заявила в отчетном докладе СБ ООН в декабре 2022 года, что «в результате противоправных действий одной из самых злостных и жестоких

неправительственных вооруженных группировок в ДР Конго «M23», действующих в восточных провинциях Республики, 370 тыс. человек были оторваны и изгнаны со своих земель. Только в декабре 2022 года от рук бандитов погибло 102 мужчины, 17 женщин и 12 детей» [5].

На границе Эфиопии и Эритреи в 2021 г. также наблюдался конфликт, в результате которого погиб 291 человек [9]. За 2020 и 2021 гг. среди опрошенных подвергались насилию 63% населения Намибии, 58% ЮАР, 56% Лесото, 55% Либерии, 54% Замбии [6]. Бывший глава генштаба Сенегала, генерал Бирм Диоп, считает, что «Африка страдает в значительной степени от внутригосударственных конфликтов нежеле от межгосударственных. Конфликты, по его словам, чаще имеют политическую окраску» [7].

Помимо вооруженных конфликтов, другая причина миграций — пандемия коронавирусной инфекции, распространившаяся и на африканском континенте. «В связи с пандемией увеличилось число жертв насилия и самоубийств», — утверждает директор бельгийского Института экономики и мира (Institut pour l'économie et la paix) Серж Струбант [8]. Кроме того, 40 стран (из 54) были охвачены социально-политическим кризисом. И это на фоне государственных переворотов в Мали, Гвинее, Судане, Чаде и Буркина Фасо.

Литература

1. УВКБ ООН: глобальное перемещение бьет очередной рекорд, завершая десятилетнюю тенденцию к росту. 16 июня 2022. URL: <https://www.unhcr.org/ru/29241-global-trends-2021.html> (дата обращения: 16.07.2022).
2. Migrants et réfugiés. 4 mai 2021 — URL: <https://news.un.org/fr/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 11.12.2022).
3. Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (дата обращения: 15.12.2022).
4. Хуссейн Соломон. Анализ причин конфликта в Сахеле // Болевые точки Африканского континента (обзор ситуации и перспективы). Доклад РСМД № 77/2022. С. 8.
5. La sécurité est l'un des défis les plus importants en RDC, affirme l'envoyée de l'ONU au Conseil de sécurité 09.12.2022. URL: <https://news.un.org/fr/story/2022/12/1130507> (дата обращения: 14.12.2022).
6. L'Afrique en tête dans l'expérience vécue de la violence. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (дата обращения: 07.12.2022).
7. En Afrique, des « conflits intra-étatiques de nature politique » URL: <https://blog.mondediplo.net/en-afrique-des-conflits-intra-etatiques-de-nature> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (дата обращения: 15.12.2022).

Татаровская И. Г. (ИАФр РАН, Москва)

Вклад Д. А. Ольдерогге в изучение эпического предания о Сундьяте народов Западной Африки

Д. А. Ольдерогге — выдающийся отечественный историк, лингвист, литературовед. Он является одним из основоположников современной африканистики. Ему принадлежит свыше 160 научных трудов по антропологии, истории, литературе, языкам и культуре. Одним из научных интересов Дмитрия Алексеевича был фольклор народов Африки. Устное народное творчество является одним из главных источников культуры любого народа. К таким источникам относятся мифы, легенды, эпические предания, сказки, басни, пословицы и поговорки. Д. А. Ольдерогге работал с разными источниками по Африке. Он хорошо владел английским, немецким, французским языками, а также суахили, зулу и хауса. Дмитрий Алексеевич переводил фольклорные тексты не только с европейских, но и с африканских языков. Под его руководством силами ленинградских африканистов были переведены на русский язык арабские хроники, китайские, суахилийские, суданские, хаусанские, абиссинские сочинения, а также переводы записей устных повествований с языка бамбара и «Африки» Льва Африканского. Большая его заслуга перед отечественной африканистикой состоит в том, что он один из первых стал издавать сборники сказок и мифов разных народов Африки.

Д. А. Ольдерогге был одним из первых африканистов в нашей стране, кто стал изучать эпос африканских народов. В 1963 г. в издательстве «Художественная литература» выходит эпическое произведение мандингов «Сундьята». Оно по праву является вершиной эпического жанра в фольклоре не только народов Африки, но и в рамках мирового фольклора. В этом произведении рассказывается о жизни и подвигах мандингского правителя средневекового государства Мали Сундиаты Кейта. В нем изображены реальные события, которые происходили в середине XIII века на территории этого государства. Мали до Сундьяты представляло собой небольшое княжество, бывшее вассалом сначала средневековой Ганы, а затем царства Сосо. Расширение границ и возвышение Мали началось с царствования Сундиаты Кейта (1230–1255 гг.).

Народная память хранит много рассказов о Сундьяте. Рождение героя было предсказано колдуном-охотником, который пришел к его отцу и объявил мансе Маган Кон Фатта, что он должен взять в жены чудесную девушку-буйволицу, которую приведут к нему два охотника. Это предсказание вскоре исполнилось. Сундьята был рожден женщиной-буйволицей Соголон. Появление на свет легендарного героя сопровождалось рядом знамений: черные тучи закрыли небо, раздался удары грома и молнии, полил дождь. Ранее детство будущего «повелителя мира» было печальным. Сундьята был немощным калекой, не мог ходить и только волочил ноги по земле. Когда ему исполнилось семь лет, он чудесным образом исцеляется и превращается в богатыря и великого охотника. Он стал вызывать зависть других

наследников, и был вынужден бежать с матерью и сестрой из страны. В изгнании Сундьята в совершенстве овладел военным искусством и магией. Он возглавил борьбу с завоевавшим его страну царем-кузнецом Сумаоро. С помощью магии ему удалось победить колдуна. Сундьята восстанавливает государство, расширяет его границы. Он проявляет себя как справедливый и мудрый правитель.

Предание о Сундьяте остается популярным произведением в Западной Африке. По мотивам эпоса снимают фильмы, ставят спектакли. Главными исполнителями эпоса, как и в старину являются гриоты. Существует много вариантов этого произведения. История не сохранила имя первого автора героического эпоса «Сундьята», потому что устные традиции не имеют авторство. Гриоты знают имена лишь выдающихся мастеров своего дела. Кроме того, каждое «прочтение» гриотом эпоса имеет свою вариацию, который зависит от места исполнения, публики и т. д. В настоящее время официально насчитывают более 60 версий «Сундьяты». Впервые малийский эпос был издан гвинейским историком Дж. Т. Ниане, записанный им со слов гриота Мамаду Куяте. К многочисленным собирателям и исследователям предания о Сундьяте можно отнести Л. Фробениуса, М. Делафосса, Ш. Монтея, Ж. Видаля, Г. Иннеса, М. Сидибе, Камара Лея и др. Все эти авторы писали на европейских языках, поэтому исчезла стихотворная форма сказания. Оригинальный текст состоит из стихов, определяемых не рифмами, акцентами или определенным количеством слогов, а музыкальным ритмом, который должен сопровождаться игрой на струнных музыкальных инструментах.

Д. А. Ольдерогге имел возможность слышать песни гриотов о Сундьяте и записать сказания о Сумаоро, грозном противнике Сундьяты, со слов некоторых лиц рода Канте Сумаоро. Дмитрий Алексеевич в своем переводе постарался передать красоту стиля изложения гриота. Вместе с В. Капраловой он переводит полный текст сказания о Сундьяте с французского языка. В настоящем переводе он дает много сносок, которые помогают читателю открыть неизвестную культуру, быт, обычаи мандингов. К самой книге он написал предисловие, в котором дает описание истории создания «Сундьяты», приводит исторические, географические, этнографические сведения о стране Древнего Мандинго и его населении.

Работу над эпосом манде «Сундьята» Дмитрий Алексеевич продолжил, написав статью «Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки». Одним из главных героев этого предания является Сумаоро — царь кузнецов сосо. Сумаоро выступает как отрицательный персонаж, он совершает казни, оскорбляет стариков, похищает женщин и девушек. В эпосе описывается борьба Сундьяты с Сумаоро — борьба добра и зла.

Д. А. Ольдерогге придавал большое значение эпическим произведениям африканских народов. Он написал большую, обзорную статью «Об изучении эпоса народов Африки. Современное состояние». В ней он критикует книгу Л. Фробениуса «Типы культуры Западного Судана», в которой приведены образцы героического эпоса сонинке. Дмитрий Алексеевич выступал против исправления оригинальных фольклорных текстов африканцев и их европеизации в угоду вкусам и теориям переводчиков.

Фаттахова А. Р. (КФУ, Казань)

Африканская коллекция Этнографического музея Казанского университета

Открытие Кабинета редкостей Казанского Императорского университета в 1815 г. заложило основы современного Этнографического музея. Первыми экспонатами считаются предметы, собранные профессором И. М. Симоновым во время его кругосветного путешествия на шлюпе «Восток» (под начальством Беллинсгаузена) в качестве астронома-наблюдателя¹. Созданная в Казанском университете в 1884 г. кафедра географии и этнографии сыграла большую роль в организации Этнографического музея и его комплектовании страноведческими предметами. Пополнение этнографическими коллекциями было продиктовано учебными целями: оснащение наглядными пособиями ряда этнографических дисциплин. Экспонаты закупали в специализированных зарубежных учреждениях и приобретали в ходе этнографических экспедиций университета.

Коллекции музея содержат материалы, выявляющие традиционную жизнь как народов Российской империи и Советского Союза, так и народов разных регионов мира (Африка, Северная и Южная Америка, Австралия и Океания, Дальний и Средний Восток).

В 1842–1843 гг. для Кабинета редкостей была приобретена коллекция Египетских древностей, включавшая мумию младенца из Фивских катакомб, барельеф Рамзеса V из его гробницы, 12 идолов, ожерелье и несколько других вещей².

Благодаря активной переписке первого заведующего кафедрой географии и этнографии П. И. Кротова с музеем-лабораторией Умляуффом в Гамбурге 2 ноября 1902 г. была доставлена большая коллекция, раскрывающая культуру и быт народов Африки (всего 127 предметов). Коллекцию сопровождали 2 манекена — женщина гереро и молодой воин масаи³. Собрание экспонатов включало в себя: боевое и охотничье оружие племен из Уганды, Дагомеи, Камеруна, Судана, Сомали и ряда других стран Африки (лук, стрелы, ножи в ножнах, мечи, копья, щиты); ударные и щипковые музыкальные инструменты (трещотки, барабан, маримба); бытовая утварь (сосуды, горшки, чашечки); украшения (браслеты, ожерелья, украшения из перьев); предметы одежды (пояса набедренные, платки, сандалии, повязки из кожи) и др. Экспонаты африканской коллекции, сгруппированы по функциональному признаку и подразделяются на историко-типоло-

¹ *Пинегин М. Н.* Казань в ее прошлом и настоящем: очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. Казань, 2005. С. 492.

² *Гущина Е. Г.* Этнографические коллекции кафедры географии и этнографии Казанского Императорского университета // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskie-kollektsii-kafedry-geografii-i-etnografii-kazanskogo-imperatorskogo-universiteta> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Там же.

гические ряды предметов. На данный момент музей располагает коллекционной описью в печатном виде.

Прежде африканская коллекция была размещена в кабинете кафедры географии и этнографии и использовалась в качестве иллюстративного материала при чтении страноведческих курсов. В настоящее время часть африканской коллекции установлена в выставочном зале музея, остальная часть содержится в его фонде.

Пополнение африканской коллекции продолжается и на современном этапе. В 2011 г. музею из Санкт-Петербурга была преподнесена в дар уникальная частная коллекция масок и скульптур, охватывающая маски-предков, маски-шлемы, маски-личины, фигурки Шетани из черного дерева, колониальные игрушки, маски тайных обществ народов йоруба, теке и др., а также три бюста представителей народов Экваториальной Африки. Коллекция формировалась на протяжении XIX–XX вв., она включает в себя 95 ритуальных масок и скульптур, выполненных из дерева, металла, глины, кожи и растительных материалов¹.

В докладе особое внимание уделяется научному описанию отдельных музейных экспонатов, сопровождаемых их иллюстрациями; подчеркивается необходимость создания каталога африканской коллекции Этнографического музея Казанского университета в печатном и электронном виде.

*Французов С. А. (ИВР РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург),
Хижнякова С. О. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)*

Античные истоки арабских топонимов в Хронике Иоанна Никиуского²

Хроника Иоанна Никиуского — уникальный памятник ранневизантийской историографии, вопрос о первоначальном языке которой (греческом или коптском) по сей день остается дискуссионным. Помочь разрешить его может анализ географических названий, в изобилии представленных в этом произведении, которое дошло до нас исключительно в переводе на классический эфиопский язык (геэз), выполненном с арабского в 1601 г. По этой причине ряд топонимов в тексте Хронике представляет собой арабские транслитерации.

В то же время некоторые географические названия были переведены (точнее переложены) с греческого на арабский. Как удалось выяснить, к их числу принадлежит топоним Рйф, который сохранился в Египте и в других североафриканских

¹ Африканские маски можно увидеть в Кремле. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/afrikanskie-maski-mozhno-uidet-v-kremle.html> (дата обращения: 10.01.2023).

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00493, выполняемый на базе Санкт-Петербургского государственного университета.

регионах (в частности, в Марокко) до нашего времени, а в Египте превратился в имя нарицательное со значением «сельская местность» (преимущественно во мн. ч. *арйāф*).

В Хронике Иоанна Никиуского, в тех случаях, где возможна точная локализация топонима Рйф, он соответствует Верхнему Египту, однако при обращении к классической арабо-мусульманской географии обнаруживается странное противоречие: Рйф в ней применяли для обозначения как некоторых районов Дельты, так и для территорий, лежавших к югу от Фустата. Разрешить эту загадку позволяет предположение, согласно которому, арабское слово *рйф* «Благодатные, плодородные земли», происходящее от корня *ра'афа*, представляет собой перевод на арабский хорошо известного греческого термина *χώρα*, который, разумеется, мог использоваться при описании совершенно различных частей как Нижнего, так и Верхнего Египта. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит перевод топонима Рйф засвидетельствованного в коптской версии яковитского синаксаря под 14 тута, на геэз (в эфиопском синаксаре под 14 маскарама) как *qərub 'alām* «ближний мир», т.е. «окрестности», что также хорошо коррелирует с греческим *хора*.

Фролова Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва)

Типология элементов устного народного творчества в контексте их использования в современной поэзии Восточной Африки

Элементы предлитературных жанров африканской словесности, такие как песни, сказки, пословицы, поговорки и проч. — неотъемлемая часть восточно-африканской поэзии, как на языке суахили, так и на английском, в той или иной мере встречаются они в произведениях трех крупнейших литературных образований — угандийской и кенийской англоязычной англоязычной и танзанийской и кенийской суахилиязычной ветвях. Вспыхнувший интерес к собственной культуре и традициям восточноафриканских авторов прямо пропорционален росту национального самосознания в конце первой — начале второй половины XX в., что связано с активной национально-освободительной борьбой с последующим завоеванием независимости восточноафриканскими странами. В этом смысле примечательно, что интерес к африканской традиции впервые почувствовали англоязычные авторы. Одним из первых самых заметных произведений восточноафриканских поэтов стала поэма угандийского писателя и фольклориста Окота п'Битека «Песнь Лавино» (1969), написанная изначально на языке ачоли и переведенная на английский самим автором — в этом виде она и снискала

широкую популярность среди рядового читателя, критиков и литературоведов. Поэма изобилует песенными вставками народной культуры ачولي, экзотизмами, и само произведение строится по принципу народно-песенной строфики данного этноса. В подражание Битеку написана поэма угандийца Джозефа Буруги «Заброшенная хижина» (1969). Традицию п'Битека и Буруги продолжил другой известный угандийский поэт Тимоти Вангуса, не просто вплетающий элементы фольклора в ткань поэтического текста, но использующий формально-стилевые приемы фольклорного нарратива, одним из которых является жанр притчи. Тяготение угандийцев к притчево-сказовой манере изображения современной действительности представляется во многом связанным со сложной политической обстановкой в стране (сменяющие друг друга диктаторские режимы Милтона Оботе и Иди Амина на долгие годы заставили угандийских литераторов замолчать, отправиться в изгнание или же говорить иносказательно). Но даже спустя время эта тенденция не ослабевает, подтверждением чему стали второй сборник Вангусы «Гимн Африки» (1995), книга стихов Сьюзан Кигули «Африканская сага» (1998).

Кенийская англоязычная поэзия, представленная сильнейшим социально-политическим направлением с его характерными декларативностью и «лозунговостью» (М. Муго, М. Мвагиру, Дж. Хигиро, Э. Мванги), тем не менее содержит в большом количестве примеры подражания фольклору, в том числе популярно использование жанра притчи (Дж. Ангира, К. Джейсон) и народно-песенной манеры (М. О. Макгой), во многом служащих для «экзотизации» контента.

В современной суахилиязычной поэзии, преимущественно т.н. новой волны, использование фольклорной стилистики и элементов африканского фольклора представлено схожими приёмами — поэты берут на вооружение жанр притчи для изображения современной действительности (Т. Мвунги), используют фольклорные вставки и аллюзии на сказочные и мифологические сюжеты (Э. Кезилахаби), соответствующие имена и топонимику. Примечательны и формально-стилевые особенности суахилиязычной модернистской поэзии, построенной по принципам народно-песенной просодии (М. Мулокози, К. Кахиги, Э. Кезилахаби, С. А. Мохамед). Тяготение к фольклорной составляющей новой суахилийской поэзии можно объяснить интересом авторов к африканской традиции, желанием «вернуться к корням», чем, по нашему мнению, во многом обуславливается их отказ от средневековой канонической формы суахилийского стиха, имеющей арабо-мусульманские и персидские корни. В произведениях суахилиязычных поэтов-традиционалистов, в свою очередь, можно отметить незначительное присутствие каких бы то ни было элементов африканских фольклора или мифологии. В докладе речь пойдет о типах элементов устного народного творчества, используемых современными поэтами Восточной Африки, их роли в произведениях восточноафриканских поэтов, а также их типологической общности и различиях в зависимости от региональной и языковой специфики.

Холматова П. С. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Коранические амулеты как часть современной культуры хауса: результаты экспедиции в Нигерию (2018 г.)

До укоренения ислама в регионе традиционная религиозная система хауса представляла собой анимистические верования, свидетельства о которых сохранились в работах более ранних исследователей, в особенности конца XIX и начала XX вв. К моменту написания своей работы «Традиции и суеверия хауса» (1913) Триммерн отмечает, что несмотря на то, что большинство хауса исповедует ислам, все еще существуют языческие общины хауса-магузава¹.

Распространение ислама на территории хаусаленда оказало существенное влияние на регион: ислам стал предопределяющим фактором дальнейшего развития политической, социальной, культурной и, в частности, религиозной сфер хауса. Несмотря на то, что время распространения ислама на территории современной Северной Нигерии варьируется от XI до XV вв., очевидно, что длительная исламизация региона воздействовала на самобытную и автохтонную культуру хауса. Об этом свидетельствуют различные исследования культуры и, в особенности, религиозной жизни хауса. Существует два пути культурных изменений в обществе: они могут происходить сами собой внутри общества под влиянием некоторых факторов, а могут происходить под влиянием других культур. Последнее антропологами определяется как диффузия [Малиновский, 2004: 17]. Анализируя культуру хауса, можно утверждать, что длительное время происходила «диффузия» традиционной культуры хауса и исламской культуры, пришедшей извне.

Проникновение ислама создало новый культурный контекст, сопровождающийся формированием новых социальных отношений. В обществе возник новый образованный слой людей, обладающих тайными знаниями. В этом же контексте были созданы новые социальные институты. В первую очередь, изменения произошли в политическом управлении городами-государствами хауса. Кроме того, укоренение мусульманской общины в хаусаленде поспособствовало возникновению традиции образования, обучения грамотности, которой не было до распространения ислама. В рамках общества сформировался новый слой населения, грамотность которого обуславливала их авторитет в обществе, возможность влияния на общество. Высокое положение также способствовало улучшению финансового состояния, поскольку маламы, занимались обучением, консульти-

¹ Термин «магузава» (maguzawa — мн. ч., bamaguje — ед. ч.) вплоть до сих пор используется для обозначения хауса-язычников. Существует 2 версии возникновения термина: по одной из версий, «магузава» является заимствованием из арабского слово «маджус» (مَجُوس), означающего «маг, огнепоклонник»; согласно другой версии, понятие является локальным и происходит от слова «магуджи» (maguji), означающего на языке хауса «беженца; того, кто сбегает от чего-либо». Термин связан с преследованием язычников во время джихада в начале XIX в.

ями и магическими практиками, за что получали материальное вознаграждение. Возникновение новой традиции ввело новые социальные нормы и правила, а также культурные ценности. Несмотря на тот факт, что традиционные верования сохранялись долго время и некоторые ее отголоски все еще присутствуют в культуре хауса Северной Нигерии, ислам стал регулировать жизнь общества. В особенности, это отразилось в борьбе с язычеством в регионе, ставшей одной из причин к установлению халифата Сокото в начале XIX в. Культура хауса как система значительно усложнилась и стала включать в себя все больше новых элементов, которые продолжают являться актуальными.

Появление на территории современной Северной Нигерии североафриканских мусульманских ученых и распространение коранических школ стали предопределяющими для возникновения коранической магии. Центральную роль не только в религиозном обучении, но и в целом в мусульманской общине хауса, занимают маламы. Они занимаются обучением детей и взрослых, к ним обращаются с просьбами разрешить семейные, личные и материальные трудности. Знание догматов ислама среди маламов-хауса также подразумевает умение использовать Священный текст и другие почитаемые мусульманами источники для лечения болезней и исполнения просьб тех, кто обращается к ним. Дж. Макинтайр, исследовавший традицию коранического обучения в г. Кано, отмечал, что продажа магических заклинаний составляет одну из основных статей их доходов. Сакральные знания, недоступные простым обывателям, наделяют еще большим авторитетом маламов. Так, им приписаны ряд эпитетов, например, май гирма (*mai girma*) — «обладающий уважением», май царки (*mai tsarki*) — «обладающий праведностью», убан илими (*uban ilmi*) — «отец знаний» [McIntyre, 1982: 29].

С целью изучения магических практик хауса автором была предпринята этнографическая экспедиция в Нигерию в марте-апреле 2018 г., в результате которой была приобретена небольшая коллекция шести каллиграфических коранических амулетов. Амулеты в перспективе послужат расширению африканской коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера), на данный момент эти находки составляют личную коллекцию автора.

Актуальность традиции обращения к коранической магии остается до сих пор. Об этом свидетельствуют приобретенные автором коранические каллиграфические амулеты (прил. 5, 6) на рынке Вусе (Wuse market) в г. Абуджа, Нигерия, во время этнографической экспедиции в марте-апреле 2018 г. Как правило, амулеты легче всего приобрести в преимущественно мусульманских регионах страны, например, на севере Нигерии. Однако, ввиду отсутствия возможности отправиться в Северную Нигерию, автор предпринял успешную попытку собрать материал в контексте коранической магии у хауса в столице страны. Обычно амулеты возможно приобрести в лавках исламской литературы. Так, в одной из таких лавок возле небольшой мечети на рынке Вусе в г. Абуджа автору удалось договориться с хаусаязычным продавцом о покупке амулетов. Однако, среди его товаров были только книги об исламе, карманные версии Корана и проч. Продавец, выслушав

просьбу автора, согласился принести необходимый материал через неделю. Спустя указанный промежуток времени, автор встретился с продавцом и приобрел 6 амулетов. К сожалению, продавец отказался дать более подробную информацию о происхождении амулетов. Вероятнее всего, неудача в коммуникации была связана с гендерными и этническими стереотипами в отношении женщин в контексте ислама и европейцев в целом.

Хохолькова Н. Е. (ИАФР РАН, Москва)

«Вернувший Африке прошлое»: к столетию со дня рождения Шейха Анта Диопа

29 декабря 2023 г. исполнится сто лет со дня рождения выдающегося сенегальского ученого, родоначальника академического афроцентризма Шейха Анта Диопа (1923–1986). «Ученый-активист», «ученый-оппозиционер», «ученый-провидец» — за дефисом, часто используемым биографами и журналистами, скрывается не неопределенность профессионального статуса, а пассионарность личности и колоссальность обретенного ею опыта. Вклад и значение написанных им трудов и предложенных инициатив сложно оценить однозначно, но вместе с тем, сложно и преувеличить. Его считали кумиром, называя «фараоном знания», «олицетворением Сенегала», «колоссом черного мира», «великим Африканцем». Заслуги исследователя признавали и его оппоненты. Так, первый президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор, находящийся с Ш. А. Диопом в конфронтации, несколько раз предлагал ему пост министра. Эме Сезэр (1913–2008), которого ученый в юности почитал, а позднее, как и Л. С. Сенгора, стал открыто критиковать, относя к касте «африканских писателей на иностранных языках», признавал, что Ш. А. Диоп помог вернуть Африке прошлое.

Ш. А. Диоп родился в поселке Тиайту в районе Диурбеля в знатной мусульманской семье, члены которой принадлежали к этносу волоф; в возрасте четырех-пяти лет начал обучаться в мусульманской школе, затем поступил во французскую школу в Диурбеле, в 1945 г. получил степень бакалавра высшей школы Дакара. Еще во время обучения в Сенегале Ш. А. Диоп приступил к реализации амбициозного плана, волновавшего его большую часть жизни — разработке особого алфавита, способного транскрибировать любой африканский язык. Любознательность и желание разобраться в лингвистических тонкостях побудили юношу изучать историю своего народа. Однако в качестве будущей сферы деятельности он выбрал физику.

В 1946 г. Ш. А. Диоп отправился в Париж, где начал осваивать физику и химию, работая в знаменитой лаборатории лауреата Нобелевской премии (1935) Фредерика

Жолио-Кюри. Энергичность, широкий кругозор и высокая степень социальной ответственности не позволили молодому человеку сосредоточиться на карьере физика: он продолжил изучение философии, истории и лингвистики, посещая лекции в Сорбонне, активно участвовал в студенческих демонстрациях. В 1951 г. исследователь представил диссертацию «Негрские нации и культура», написанную под руководством известного африканиста, этнографа профессора Марселя Гриоля (1898 — 1956). Ученый совет Парижского университета первоначальный вариант не принял, однако спустя три года исследование было опубликовано и вызвало широкий резонанс. Бурную реакцию спровоцировала магистральная тема работы — негроидное происхождение цивилизации Древнего Египта.

9 января 1960 г. после семичасовой процедуры защиты было решено присвоить Ш. А. Диопу степень доктора философии Сорбонны. После официального признания научной состоятельности, ученый вернулся на родину, где продолжил заниматься как научной, так и общественно-политической деятельностью.

В предисловии к английскому изданию одной своих самых известных работ «Африканское происхождение цивилизации: миф или реальность», Ш. А. Диоп признавал, что в его исследованиях им руководило желание избавиться от клише и «попытаться наконец сделать что-то современное». Вопреки массивной критике, сопровождавшей его имя и при жизни, и после смерти, ученому, чье наследие существует, воспроизводится и трансформируется благодаря немногочисленным, но упорным последователям, по «лоскуткам» собирающим «полотно» истории Африки, удастся оставаться современным. В условиях запущенных в середине прошлого века и не прекращающихся до сих пор процессов деколонизации идеи Ш. А. Диопа остаются актуальными.

Чикризова О. С. (РУДН, Москва)

Религиозная дипломатия Ирана в Африке

Под религиозной дипломатией будет пониматься «деятельность государства по продвижению своих национальных интересов посредством распространения собственных религиозных ценностей. В данную деятельность вовлекаются различные религиозные институты либо организации, созданные с целью осуществления прозелитской или экуменической деятельности, либо поддержки единоверцев, проживающих в странах с иномонахотным большинством населения»¹.

¹ Чикризова О. С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. №4. С. 553; Чикризова О. С. Феномен религиозной дипломатии: опыт мусульманских стран для России // Экономические, социально-политические и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран / отв. ред. О. П. Бибилова, Н. Н. Цветкова. М.: ИВРАН, 2020. С. 115;

Религиозная дипломатия Ирана является одним из инструментов политики «мягкой силы» Исламской Республики наряду с «медицинской дипломатией», продвижением языка и культуры, а также реализацией образовательных программ.

В настоящее время одной из главных арен борьбы за «умы и сердца» мусульман, которую развернули сразу несколько стран (Иран, Саудовская Аравия, Марокко), является Африка, и каждый из претендентов на идеологическое лидерство использует инструментарий религиозной дипломатии. Пример Ирана представляется наиболее любопытным для изучения, поскольку, во-первых, ему приходится действовать в условиях доминирования суннитского ислама, который исторически преобладает на Африканском континенте, а во-вторых, Иран реализует свои внешнеполитические инициативы в условиях жестких международных санкций, которые серьезно тормозят экономическое развитие Исламской Республики и ограничивают ее возможности на мировой арене. При этом Иран последовательно реализует концепцию защиты угнетенных (мостазефин) и борьбы против угнетателей (мостакберин)¹, проецируя данные понятия на африканские реалии и проводя параллели с преодолением последствий колониализма и неоколониализма.

Одной из главных целей иранской религиозной дипломатии является препятствование проникновению чуждых Африке фундаменталистских течений ислама, особенно саудовской версии ваххабизма, хотя и шиитский ислам не является традиционным для Африки. В этих условиях Иран нередко стремится сблизиться с широко распространенными на континенте суфийскими тарикатами, которые также страдают от деятельности фундаменталистов².

В рамках религиозной дипломатии Иран содействует строительству мечетей, открывает религиозные фонды и ассоциации, а также культурные и образовательные учреждения в странах Западной Африки (Нигерии, Сенегале, Нигере, Камеруне и др.), а также выделяет африканским студентам стипендии на обучение в исламских университетах Ирана.

Деятельность Ирана в Африке неоднозначно воспринимается как самими африканцами, многие из которых обеспокоены ростом числа последователей шиизма на континенте, так и странами Запада, которые демонизируют любые инициативы, исходящие из Тегерана, стремясь настроить международное сообщество против Исламской Республики. В западном академическом и экспертном сообществе принято видеть во внешней политике Ирана на африканском направлении угрозу стабильности континента, а также одну из основных причин радикализации африканских мусульманских сообществ, что не соответствует действительности. В этой связи представляется очень актуальным выявление особенностей религи-

¹ Чикризова О. С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. №2. С. 279–289;

² Ивкина Н. В., Чикризова О. С. «Шиитский фактор» в общественно-политической жизни Нигерии (1994–2020): внутреннее и международное измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. № 3. С. 524–540.

озной дипломатии Ирана в Африке как одного из самых новых и недостаточно изученных, но при этом эффективных инструментов в рамках политики «мягкой силы» Исламской Республики Иран.

*Шатохина В. С. (ИСАА МГУ, Финансовый университет
при Правительстве РФ, Москва)*

Лексико-семантическое поле «еда» в пословицах суахили

Пословицы и поговорки являются отдельными познавательными актами, выраженными в каждой языковой структуре по-особому. Поэтому их интерпретация может быть адекватной лишь при учете особенностей языкового общественного сознания, которые накладывают свой отпечаток на суахилийские пословицы и поговорки и составляют национальный языковой характер народа суахили.

В контексте человеческой жизни особое значение придается отражению человеческих потребностей и ценностей. Ценности являются базовой категорией при построении языковой картины мира, причём набор ценностей, их иерархия во многом определяют культурный тип того или иного социума.

Всякая аксиологическая система является антропоцентричной, так как вне человеческого отношения любые ценности не имеют смысла.

Можно выделить моральные ценности (дружба, любовь, материнство, справедливость, милосердие и т. д.) и утилитарные ценности (абстрактные и материальные). К базовым абстрактным потребностям человека можно отнести и прием пищи, что не могло не найти отражения и в пословицах.

Для выявления пословиц, соответствующих тематике «пища-голод» нами была произведена выборка из 4800 пословиц и поговорок на языке суахили, которые были проанализированы с помощью программы Antconc. При обработке пословичных текстов было обнаружено 58 единиц, содержащих глагол *kula* 'есть', например, **Kula ni riziki** 'Поесть — это потребность'. Интересно, что такой простой глагол позволяет взглянуть на базовую потребность в пище под разным углом: с одной стороны, пословицы дают понять, что без еды невозможно прожить (**Kula ni faradhi kufa ni wajibu** 'Есть — это обязанность, умереть — это долг'), с другой стороны — напоминают, что пища является благом (**Kula ni mshahara wa kazi** 'Поесть — это плата за труд') и нужно знать меру во всем (**Kula uishi, usiishi kula** 'Ешь чтобы жить, не живи чтобы есть'). Также среди обрабатываемых пословичных текстов была выявлена 31 единица, где употреблена лексема *chakula* 'еда', например, **Chakula chema hakihitaji kawa** 'Хорошая еда не нуждается в промедлении' или **Jamaa kubwa haina chakula kibaya** 'В большой семье нет плохой еды'.

Среди пословиц суахили, в которых упоминается пища, особенно колоритно выглядят те, которые ссылаются на национальные блюда, например, **ugali** ‘угали’ (очень густая каша, гарнир к мясу, рыбе, овощам) (**Pole pole ugali hupikwa** ‘Потихоньку угали и готовится’), **mchuzi** ‘соус’ (подлива, которая часто подается к гарниру) (**Mchuzi sio chakula** ‘Соус — не еда’), **chai na maziwa** ‘чай с молоком’ (**Maziwa ya mbuzi hayadhuru chai** ‘Козьим молоком чай не испортишь’), **kitoweo** ‘приправа’ (под этой лексемой могут подразумеваться как специи, значение которых для африканской кухни очень велико, или мясной гуляш) (**Asiye chakula ana kitoweo** ‘У кого нет еды, есть приправы’), **wali** ‘рис’ (**Wali moja wapishi wengi** ‘Рис один, а поваров много’).

Вызывают интерес и такие пословицы: **Samli ya pemba haimpati mtu macho** ‘От масла с Пембы человек не зреет’, **Vya wahindi haviliwi, vinaliwa kwa harufu** ‘Индийскую еду не едят, ее едят с ароматом’. В последних двух пословичных текстах пища индийцев и населения острова Пембы позиционируется как нечто особенное, особо качественное и вкусное.

Анализ микрополя «пища-голод» в суахилийских паремиях показал, что пословицы не просто констатируют факт важности удовлетворения базовой потребности человека в еде, но учат в первую очередь бережному отношению к пище (**Usidharau ukilacho** ‘Не относись с презрением к тому, что ешь’) и настаивают на том, что еда не должна превращаться в самоценность (**Siku ya kushiba, kumbuka siku ya njaa** ‘В день сытый помни день голодный’).

Шипилов А. Ю. (ИВИ РАН; РУДН; Москва)

Ближневосточное направление во внешней политике Сьерра-Леоне в 1960-е гг.

Деколонизация значительной части африканских государств пришлась на период холодной войны, что предопределило интерес к развитию этих стран со стороны основных внешнеполитических блоков. Западные и социалистические страны (а также бывшие метрополии) в течение нескольких десятилетий были ключевыми внешнеполитическими партнерами для государств континента. Однако в это же время развивалось и движение неприсоединения, дававшее африканским государствам альтернативу однозначной ориентации на один из центров силы. Малые африканские государства, решавшие проблемы бедности и преодоления нехватки самых базовых ресурсов, в рамках продвижения политики неприсоединения предпочитали развивать отношения с более богатыми государствами, находящимися вне блоковой системы, и на 1960-е гг. наиболее привлекательными из их числа стали богатые нефтью арабские монархии Персидского залива. В рамках

настоящего доклада автор разбирает отношения малых неприсоединившихся стран Африки с Ближним Востоком на примере Сьерра-Леоне, опираясь на материалы Национального архива Сьерра-Леоне по отношениям этой страны с государствами Ближнего Востока в 1960-е гг.

Сьерра-Леоне, будучи британской колонией в Западной Африке, приобрело независимости 27 апреля 1961 г. по итогам длительного процесса передачи контроля над административными структурами местным политическим силам во главе с лидером Народной партии Сьерра-Леоне Милтоном Маргаи. Характер получения независимости привел к сохранению Сьерра-Леоне в первое десятилетие самостоятельного существования тесных связей с Великобританией, опиравшихся на опыт сотрудничества Маргаи и колониальной администрации в 1950-е гг. Политическая система страны опиралась на Вестминстерскую модель с элементами двухпартийности, и небольшой размер экономики страны и низкий уровень доходов ее населения обусловил приоритетность поиска помощи в развитии в рамках выстраивания внешней политики. При тесных связях с бывшей метрополией и иными странами Запада, предоставлявшими основную часть экономической помощи, Сьерра-Леоне также поддерживало конструктивные связи со странами социалистического блока, в первую очередь, с СССР, также рассчитывая на его поддержку в хозяйственной сфере. Это позволяет говорить о политике неприсоединения, реализованной в первое десятилетие независимости руководством страны. Правление Национальной партии Сьерра-Леоне (НПСЛ) продолжалось до 1968 г., пока ее режим не сменился на власть Всенародного конгресса и его лидера Сиаки Стивенса, в большей степени дистанцировавшегося от Великобритании и расширившего контакты с СССР и прочими странами социалистического блока¹. В период же 1961–1968 гг. режим НПСЛ активно искал альтернативу странам Западного и социалистического блока, и наибольшие надежды, согласно материалам министерства иностранных дел Сьерра-Леоне, связывались с государствами Ближнего Востока, в основном с нефтедобывающими монархиями Персидского залива.

Значительную роль в развитии отношений Сьерра-Леоне с ближневосточными государствами сыграла ливанская диаспора, присутствующая на этой территории с начала XX в. И ставшая основным инициатором и посредником в развитии связей с этим регионом. С момента получения независимости в 1961 г. Сьерра-Леоне признало в качестве почетного консула в Ливане г-на Юсуфа Язбека, этнического ливанца, долгое время проживавшего в Западной Африке и способствовавшего налаживанию деловых контактов Сьерра-Леоне не только с Ливаном, но и со странами Персидского залива. В это же время независимость получал Кувейт, и именно на это государство, равно как и на Королевство Саудовскую Аравию,

¹ Sesay, A. Conflict and Collaboration: Sierra Leone and Her West African Neighbours, 1961–1980 // Africa Spectrum, 1980, Vol. 15, No. 2. P.172. 222 Goins, S., Mason, C. et al. Trauma, Survival and Resilience in War Zones: The psychological impact of war in Sierra Leone and beyond. N. Y.: Routledge, 2016. P. 37;

руководством страны возлагались значительные надежды на инвестиции в Сьерра-Леоне. Ю. Язбек организовал в 1962–1963 гг. визиты правительственных экономических делегаций в Ливан, Саудовскую Аравию и Кувейт, стремившихся договориться об ответных визитах с целью привлечения инвестиций и льготных поставок топлива. При этом приоритетность данных контактов имела не только прагматический смысл, но и была обусловлена относительно независимой внешней политикой данных стран Ближнего Востока и их дистанцированностью от двух блоков в контексте холодной войны. В дальнейшем надежды, связанные на сотрудничество с Кувейтом, в полной мере не оправдались, и традиционные западные контрагенты и частично страны социалистического блока сохранили свой статус основных внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров Сьерра-Леоне вплоть до потери НПСЛ власти в 1968 г., однако стремление наладить отношения с крупными странами вне двух основных блоков сохранилось и при дальнейших администрациях¹.

Таким образом, отношения неприсоединившихся малых стран Западной Африки с государствами Ближнего Востока следовали как прагматическим соображениям (поиску наиболее богатых партнеров, способных дать необходимые финансовые и прочие ресурсы и снизить зависимость от традиционных внешних партнеров), так и стремились придерживаться принципов неприсоединения и развития отношений с новыми незападными центрами силы. Данные подходы сохраняли для страны свою актуальность на протяжении всей холодной войны и частично действуют до сих пор.

Юзмухаметов Р. Т. (КФУ, Казань)

О преподавании африканских языков в Казанском университете

Идея преподавания африканских языков в Казанском федеральном университете родилась благодаря экономическим связям Республики Татарстан с Африканским континентом. Казанский университет был одним из крупнейших центров востоковедения в России с начала XIX в., где изучались и преподавались арабский, персидский, турецкий, татарский, монгольский, тибетский и другие языки. Африканские языки, правда, в то время не преподавались, но тем не менее определенный интерес к Африке здесь существовал всегда. В 1815 году в Казанском университете был основан Этнографический музей с богатой африканской коллекцией, в которой представлены самые разные экспонаты: маски, музыкальные инструменты,

¹ Keen, D. Conflict & Collusion in Sierra Leone... P. 49. 228 World Bank. World Development Report 1990: Poverty. New York: Oxford University Press. P. 14.

боевое и охотничье оружие племен Камеруна, Судана, Уганды, Сомали и других африканских регионов, а также традиционная одежда африканских племен.

В 2011 г. в Казанском университете была создана новая кафедра индоиранских и африканских языков для подготовки высококвалифицированных специалистов со знанием индийских, иранских и африканских языков, сейчас она переименована в кафедру востоковедения, африканистики и исламоведения. Первым значимым событием в деятельности кафедры стало проведение выездной «IX Школы молодых африканистов» в 2011 г. в г. Казани при содействии Института Африки РАН с участием тогдашнего заместителя директора ИАФр РАН проф. В. Г. Шубина. Тогда в Казани встретились ученые и аспиранты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля и др. регионов страны для обсуждения вопросов, касающихся африканистики в России и за рубежом.

В 2012 г. впервые началось преподавание суахили факультативно в Казанском университете. Для этого в Казань приезжала лично профессор Нелли Владимировна Громова, заведующая кафедрой африканистики ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, которая вела курсы по суахили и по введению в африканистику, тем самым была заложена основа преподавания африканских языков в Казани в последующем.

Поскольку языки суахили и африкаанс стали преподаваться в Казани впервые, пришлось разработать методику преподавания и организовать такой образовательный процесс, при котором были решены актуальные вопросы подготовки современных африканистов не только с хорошими языковыми навыками, знанием культуры и истории изучаемого народа, но и с осведомленностью о внутренней и внешней политике африканских государств в контексте международной ситуации, глобальных процессов в экономике и т. д.

В 2014 году впервые были открыты академические группа, специализирующаяся на изучении языка и литературы суахили, а также группа с вторым языком африкаанс.

При выборе методов обучения преподаватели руководствовались опытом ученых Института стран Азии и Африки МГУ (проф. Н. В. Громова, доц. М. Р. Урб), заложивших основу преподавания африканских языков в Казанском федеральном университете. Учебно-методическая литература, переданная в дар кафедрой африканистики ИСАА МГУ, а также учебные пособия и словари, составленные проф. Н. В. Громовой, Н. Т. Петренко и М. Р. Урб, которые используются в университетах Москвы и Санкт-Петербурга, позволили начать изучение языков Африки по общей схеме и быть на одной волне с центрами африканистики России. Язык суахили на кафедре ведёт доцент Аида Ринасовна Фаттахова. В качестве преподавателя языка суахили в Казанском университете также работал Александр Игоревич Лазарев, выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского госуниверситета. Язык африкаанс на кафедре ведёт доцент Рамиль Тагирович Юзмухаметов.

Отдавая дань традициям Казанского университета, где с первых дней его существования в начале XIX века заложены истоки компаративизма, была выработана и собственная компаративная методика изучения африканских языков в связке

с неафриканскими, например, язык суахили изучался в связке со вторым арабским, а язык африкаанс в связке с немецким.

Состоялся целый ряд учебно-исследовательских командировок преподавателей и студентов КФУ в Танзанию и ЮАР, в ходе которых наряду с языковой практикой проводились также исследования в интересующих научных областях, а также приобреталась необходимая литература.

С 2020 г. в Казанском федеральном университете регулярно проводится международный научный форум «Россия — Африка: политика, экономика, история, культура», куда съезжаются известные исследователи-африканисты России и из-за рубежа.

Abimbola Waliyullahi Damilola (Olabisi Onabanjo University, Nigeria)

An examination of the invisibility properties of an African breathing costume (masquerade)

In addition to their tribal markings, names, and accents, the Yoruba people are known for their belief in the invisible powers of deities such as Ogun (gods of iron), Sango (gods of thunder), Yemoja (the river goddess), Obatala, and Egungun (masquerade). Masquerade is to the Yoruba what orthodoxy is to Slavic society because, in Yoruba mythology, emphasis is placed on the fact that the Yoruba view the masquerade's supernatural powers as being equivalent to those of the reincarnated souls of their long-dead ancestors, who they say have come to protect the loved ones left behind from the troubles of this world. Alate-Orun (Hawker from Heaven), a specific Yoruba masquerade whose dead costume breathes as though it were alive, is the subject of this study. Records show that Alateorun, one of the most respected masqueraders of the Yoruba people, has not been the subject of any scholarly study. Furthermore, we reasoned that by excluding teenage hawkers from interacting with him, the Alateorun festival inhibits the maltreatment of girl children and promotes gender development. To put this together, we rely on primary data.

Beletskiy S. (Higher School of Economics, Moscow)

Morphology and Functions of Songs in Ihanzu Folktales

Ihanzu is a Bantu language spoken in Central Tanzania (F31). According to Ethnologue data-base, there are 34000 Ihanzu speakers and that is why it is considered

to be endangered (classified as 6a — threatened). This language is under-described and under-documented. The few existing materials include Masele (2001), Beletskiy/Diyammi (2019), SIL (1996), Harvey, (www). The present research constitutes an attempt to both document and describe the language while paying attention to folktales and songs accompanying them. The research is guided by two questions: 1) What kind of narrative elements (morphemes) are songs in Ihanzu folktales? 2) Which functions do the songs perform? The data comes from the corpus of Ihanzu folktales collected during short field stays in 2018 and 2019. A total of 6 folktales, containing 9 songs are analyzed within the conceptual framework that combines linguistic approach to Bantu folklore (Toporova, 2012; Ntuli, 2010; Yazyk afrikanskogo foklora [Language of African folklore], 1997; Afrikanskaya skazka III [African Folk Tale III], 2005), formal theory of folklore (Propp, 2021; Kretov, 2010), and narrative approach to spoken data (Labov, 1997; Berman, 1997).

Hypothesis: the functions of songs in Ihanzu folktales correlate with the elements of narrative structure.

The research shows that Ihanzu songs perform three key functions within narratives: 1) developing plot; 2) portraying character; 3) conveying the theme.

The morphemes (sequences of actions within narrative) where the songs are found are: absention, villainy, first function of the donor, receipt of a magical agent, struggle, solution, wedding.

The correlation between the functions and the morphemes is the following: absention (1, 3), villainy (1, 2, 3), first function of the donor (1), receipt of a magical agent (2, 3), struggle (1, 3), solution (1, 3), wedding (1, 2, 3). In other words, absention songs are used to develop the plot and to convey the theme. Villainy songs are used to develop the plot, to convey the theme and to portray a character (villain), etc.

References

Afrikanska askazka III [African Folk Tale III] (2005). Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Vostochnaya literatura.

Beletskiy, S., Diyammi, M. P. (2019). A phonological and morphological sketch of Isanzu lect (Bantu, Tanzania). *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 12(1). DOI: 10.17516/1997-1370-0376.

Harvey, Andrew. Ihanzu: an archive of language and cultural material from Ihanzu people of Mkalama (Singida Region, Tanzania). London, SOAS Endangered languages Archive [<https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1315685>].

Kretov A. A. (2010). Folklore I postfolklore: structura, tipologia, semiotica [Folklore and post-folklore: structure, typology ad semiotics]. Voronezh State University.

Labov, W. (1997). Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1-4), 395-415.

Maho, J. F. (1999). A comparative study of Bantu noun classes. *Orientalia et Africana Gothoburgensia*. 388 p.

Masele Balla F. Y.P. (2001). The linguistic history of SiSuumbwa, KISukuma and KI Nyamweezi in Bantu Zone F: A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy, Memorial University of Newfoundland, Department of Linguistics, 794.

Propp, Vladimir (2021). Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical roots of magical fairy tales]. Moscow: Azbuka.

Ruth A. Berman (1997). Narrative Theory and Narrative Development: The Labovian Impact. In: Journal of Narrative and Life History, Vol. 7, pp. 235–244.

Summary Report Of The Sociolinguistic Survey Of The Isanzu People (1996). SIL — International.

Toporova. I. N. (2012). Ocherki po tipologii folklora Bantu [Typology of Bantu folklore]. Moscow: Thesaurus.

Tzvetan Todorov, Arnold Weinstein. Structural Analysis of Narrative. In: NOVEL: A Forum on Fiction, Vol. 3, No. 1 (Autumn, 1969). Duke University Press, pp. 70–76.

Yazyk afrikanskogo folkloea [Language of African Folklore] (1997). Moscow: Vostochnaya literatura.

Gromov M. (United States International University — Africa, Kenya)

The problems of Kenyan female youth in the novels of John Habwe

John Habwe is one of the most established and prolific writers in modern Kenyan literature in Swahili language, whose writing career now spans for more than two decades. Born in 1962 in Vihiga, Western Kenya, he studied for his degrees at the University of Nairobi where he currently teaches at the Department of Linguistics and Languages. Habwe has authored several novels, a number of short stories and children's stories. In his novels, among other themes topical for East African society — such as tribalism, corruption, poverty and others — he focuses on the problems that bedevil Kenyan youth, especially the young women; most of these problems, however, are related to the above mentioned social ills gnawing the entire society.

Habwe's critical investigation into the problems of Kenyan female youth started in his second novel *Maisha kitendawili* (Life is a riddle, 2003), which narrates the struggles of a young village girl Farida who manages to make it to the university, but even the higher education does not save her from the tribulations of modern life. *Fumbo la maisha* (Puzzle of life, 2009) again tells a story of a young girl Mwanaisha, whose life start is much less lucky — expelled from school because of pregnancy, she is disowned by her relatives; her family life with the child's father is ruined by the tribal war; she flees to Nairobi where, having no other options, engages in prostitution.

The theme of a modern young girl's plight is furthered in *Pendo la karaha* (Love of abhorrence, 2014), where the author also addresses one of the — slavery disguised

as employment. The novel's main character, a young school graduate Kudra, comes from a humble family of Mombasa residents. Kudra, like many other girls, is seduced by the advertisements about easy and profitable employment abroad, posed by a local agent. She pays her last money for the arrangements, and soon finds herself employed by a well-off family in Dubai. Soon her masters, the rich businessman Amini and his wife Nayrat, soon inform her that her salary will not be paid until she repays them her air ticket expenses; her passport is withdrawn, and poor Kudra finds herself in the state that in her self-dialogue she describes as “*mtumwa wa kisasa*” — a modern slave. After being harassed by Amini, Kudra flees his house with some stolen money — only to find herself as a mistress of another wealthy local dweller named Salim, who later pushes her out of his house in favour of a new flame. Having her last employment at a “massage parlour”, whose owner tries to push her into prostitution, Kudra only by chance — or, rather, lucky concurrence of circumstances — manages to return to Kenya. In this novel, Habwe also addresses another topical issue — the juvenile drug addiction, which is given in the story of Kudra's neighbor Lindo.

In these novels Habwe not only investigates a wide spectrum of social ailments facing the young Kenyans, but offers his own vision of the possible solutions. Farida overcomes her trials with the help of her friends and her strong character; Mwanaisha, leaving the life of harlotry, starts a small shop in the province, soon becomes a successful business lady and even makes a career in politics. Kudra and her mother set up in their native Mombasa a private poultry farm and a hairdressing salon, employing local destitute youth in order to fight poverty together.

It can be said, that Habwe's novels not only reflect the mentioned problems with a considerable level of artistry, but also serve as guidelines for the younger audience, especially the young female reader, which is enhanced by the fact that they are written in Swahili, the language of absolute majority.

Lyakhovich A. (SPbU, Saint-Petersburg)

Hausa print media of Northern Nigeria as a form of mass culture and communication

Contemporary communicative culture of Northern Nigeria is a result of modernization originated from the European expansion of the late XIXth — XXth century. Radio, television, press and internet initiated from outside were incorporated artificially into traditional culture of African society. This necessarily led to transformation of the borrowed forms and to their correlation with the traditional ones inherited from pre-colonial times. This process was linked to the rethinking of traditional communicative mechanisms regarding their form, substance and functions.

Print media in Northern Nigeria were launched in 1939 when a full-pledge Hausa newspaper *Gaskiya ta fi kwabo* was established. *Suda* and *'Yar Gaskiya* followed in 1941. First newspapers and magazines served as a field of experiment for the forming print media. In the period of 1954–1959 another 13 newspapers were launched. After 1959 the crisis of print production shut down all the papers except of *Gaskiya ta fi kwabo*. Still next years a number of private publishing houses were set up, giving birth to new magazines and newspapers.

Nishadi (published since 2000), *Marubuciya* (since 2001) and *Bidiyo* (since 2001) can be regarded as examples of the Golden Age in the history of Hausa print media. These magazines accumulate all the experience gained within 60 years since the first newspaper was founded. On the other hand as well as their many (numerous) counterparts *Nishadi*, *Marubuciya* and *Bidiyo* didn't last long as they were unable to meet the demands of time.

Modern Hausa print media have a great social impact due to the following factors: they aim at issues of vital social importance while the style of presenting information is very accessible and simple. Hausa cultural tradition holds its place of authority respected and admired still the audience is not positioned as someone who just passively obeys. Hausa journals and magazines are about the social dialogue, they express active process of interaction between the norm, tradition, society on one side and modern generation on another. The attempts to employ such techniques as analysis, debates allow to release the stress related to sharp issues involved and also reveal a new compromising attitude which inevitably brings about social change.

Popov V. A. (SPbU, Saint-Petersburg)

African colonial society: Theory and governance practices

The concept of colonial society, proposed by French anthropologists, is very productively used by Russian Africanists in the study of the colonial and postcolonial periods in the history of Africa, not only in socio-economic and political, but also in ethnic and civilizational aspects.

During the colonial period African societies were strongly influenced by the metropolises and impulses towards modernization (or, more precisely, westernization). In the colonies on the African continent there were two levels of government — “white” and “native” administration. The main element of the “native” administration were the chiefs. It was they who were the main product of colonialism in the field of management and political organization of society. The chief personified the features and functions of both the traditional bearer of power and the employee of the colonial administration.

The concept of a colonial society based on the idea of the inevitability of a synthesis of traditional (pre-colonial) and modern (industrial) structures proved untenable. Synthesis did not take place, although some new structures, processes, phenomena emerged,

different both from the original local ones and from the original ones brought in. Africans have managed to preserve their cultural image and traditional adaptive functioning.

At the same time, the colonial policy of the European Powers and their practice of governing the colonies contributed to the formation of political nations, and the emergence and strengthening of idea of a unified Sub-Saharan African civilization among Africans.

Rinkanya Alina (University of Nairobi, Kenya)

Image of the city in Kenyan women's literature after 2000

As stated by Roger Kurtz (1996), Kenyan novels written in the last century, especially those by women writers, “suggest that the city... can be a place where women are able to create some measure of personal emancipation...it is a complex enough place to allow some maneuvering room for women”. It seems that since that time the visions of the city in the works of Kenyan women writers (in case of this paper, of English expression) have undergone considerable developments.

On the one hand, women's writing in Kenya has to a high extent really become an urban literature. Moraa Gitaa's heroine Lavina, sighing about “polluted air of Nairobi”, nevertheless confesses that she is never “going to change from being a Yuppie, you know, Young Urban professional Person”. In fact, many women writers portray urban environment as not only preferable, but simply natural and almost the only possible for their modern, empowered, self-conscious and highly urbanized heroines.

On the other hand, many works of women writers in Kenya after 2000 depict slum life as the most common urban experience for Kenyans en mass and Kenyan women in particular. Slum life runs as one of the main motifs, contrasted to the middle class life and shown from different angles, through the novels by Margaret Ogola, Florence Mbayi and some other women writers.

Finally, some works depict the city on a highly generalized symbolic level. In *Sacred seed* (2003) by a veteran Kenyan writer Rebecca Njau the city (Raiboni), the city is a cursed place that twists people's bodies and minds and whose curse cannot be escaped by neither rich nor poor; it symbolizes the destructive power and is opposed to the utopian forest sanctuary, whose inhabitants lead a perfect life.

The paper also outlines some theoretical perspectives related to the evolution of the depiction of the city in Kenyan women's novel after 2000 — namely, it treats the dichotomy between the vision of city as a symbol of emancipation and a symbol of destruction as an embodiment of one of the most general trends in modern Kenyan writing and, on a wider scale, in modern Kenyan thought and reality, the contradiction between official government-supported course of industrialization and its real and current consequences, such as the growth of poverty (especially urban), depletion of natural riches and demolition of social infrastructures.

СЕКЦИЯ XIV • SECTION XIV

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА. ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
Д-РА ИСТ. НАУК О. Д. БЕРЛЕВА (1933–2000)
И ПРОФ. Н.С. ПЕТРОВСКОГО (1923–1981)

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
OF THE ANCIENT NEAR EAST. READINGS IN MEMORY
OF DR. HIST. SCIENCES O. D. BERLEV (1933–2000)
AND PROF. N. S. PETROVSKIY (1923–1981)

Анохина Е. А. (ГМИИ, Москва), Васильева О. А. (ГМИИ, Москва)

**«Создание на века»: письма Берлева к Ходжаш
(по материалам архива ГМИИ им. А. С. Пушкина)**

В Отделе рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина (ОР ГМИИ) хранится около 200 писем выдающегося египтолога XX в. Олега Дмитриевича Берлева (1933–2000), старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения к заведующей сектором Востока ГМИИ Светлане Измайловне Ходжаш (1923–2008)¹. К сожалению, ознакомиться со второй частью переписки (письма Ходжаш к Берлеву) не удалось, поскольку она в настоящее время находится в частном собрании и недоступна для исследователей. Доклад приурочен к двум юбилейным датам со дня рождения двух выдающихся египтологов: 90-летия Берлева и 100-летия Ходжаш.

В докладе рассматривается весь комплекс переписки (письма и поздравительные открытки), которая охватывает период 1969–1990 годов. Берлев и Ходжаш впервые познакомились в 1958 г. на Всесоюзной конференции востоковедов

¹ ОР ГМИИ. Ф.51. Оп. III. Раздел III. Ед. хр. 2–198, 316–326. Об этих документах см. также: Ладынин И. А., Тимофеева Н. С. Письма О. Д. Берлева к С. И. Ходжаш в архиве Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 2. М., 2014. С. 34–47.

Наибольшее количество писем приходится на 1970-е гг., когда велась работа над изданием каталога стел и рельефов ГМИИ.

в Ленинграде¹. Инициатором переписки был Олег Дмитриевич: 27 августа 1969 г. он пишет Ходжаш относительно стелы ГМИИ 1.1а 5608 (стела Реди-уй-сен-и), очень важной для изучения различных вариантов воинских титулов². На тот момент, как следует из письма, Ходжаш уже планировала издание стел ГМИИ; сотрудничество началось с изучения эфептинских стел 1.1а 5628 и 5629, принадлежавших двум лицам по имени Тети (нач. 18 династии). Первый опыт оказался очень удачным, и уже письмо 1971 года свидетельствует о том, что было решено издавать весь комплекс стел и рельефов (в процессе работы после раздумья в каталог были включены также скульптурные модели и надписи на некоторых статуях). Берлев, разрабатывая структуру каталога (он называется везде «альбомом» — по номенклатуре издательства), делал упор на то, что необходимо сосредоточиться на принципе перевода и комментирования памятников, отбрасывая все, что непосредственно не касается предмета. Система работы была такой: Берлев сверял все ракурсы фотографий памятника, просил уточнить Ходжаш на месте неясные иероглифические знаки, а также прислать данные о материале, цвете, и прочем. Работал он также с прорисовками Н. Е. Семпер. Несколько раз сам приезжал осматривать памятники (что было сопряжено с некоторыми трудностями в условиях тогдашнего хранения).

Издание стел затянулось; первоначально Берлев планировал завершить перевод надписей и даже весь каталог к концу 1972 г., но сроки все время отодвигались, и в итоге книга была опубликована только в 1982 г.³ В начале работы над каталогом в 1971 г. Ходжаш написал Е. С. Богословский⁴, предлагая свое участие в публикации; он настаивал, что кроме него, никто не справится с материалом греко-римских рельефов с их сложными текстами. Возникшую ситуацию конкуренции разрешила, видимо, сама Ходжаш; Берлев писал ей, что она, как хозяйка коллекции, сама вправе выбирать себе соавтора⁵.

Другие сюжеты переписки — это подготовка капитального труда С. И. Ходжаш по изданию полного каталога скарабеев из музеев Советского Союза, совместная работа над каталогом древнеегипетской скульптуры ГМИИ и над архивом В. С. Голенищева и историей поступления его коллекции в Музей изящных искусств в Москве (ныне ГМИИ), изучение Берлевым коллекции папирусов ГМИИ, а также написание совместных публикаций памятников (не только в русских, но и в иностранных изданиях). Зачастую публикацию предваряла атрибуция памятников или уточнение их исторической значимости. Благодаря огромной эрудиции

¹ Ходжаш. С. И. Олег Берлев // Памятники и люди / Под ред. С. И. Ходжаш и др. М., 2003. С. 265.

² Материал вошел в монографию: Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой «царских hmww». М., 1978.

³ Berlev O., Hodjash S. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad, 1982.

⁴ Письмо от 19 ноября 1971 г. (находится в папке писем от Берлева): Ф. 51. Оп. III. Раздел III. Ед. хр. 11.

⁵ Письмо от 9 декабря 1971 г. (ф.51, Оп. III. Раздел III. Ед. хр. 12).

Берлева, знакомого с комплексом старой литературы, были заново «открыты» некоторые хранящиеся в запасниках ГМИИ предметы (например, посох с картушем царя Уах-эн-Ра, наконечник царя Яхмоса, лук царевича Амени, пелена Монтуэмхата). Именно Берлев начал активно работать с материалом картотеки Голенищева (через Ходжаш) для определения провенанса памятников. Олег Дмитриевич искренне радовался уникальной находке Ходжаш — небольшой скульптурной головке царя, хранящейся в музее-квартире знаменитого дирижера Н. С. Голованова¹. Она оказалась шедевром портретной пластики Среднего царства и приписывается Аменемхету III.

По письмам хорошо видно, как строилось сотрудничество Берлева и Ходжаш, и что этот научный «союз» был действительно эффективным и плодотворным. Благодаря этому многие памятники превосходной египетской коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина были впервые открыты для научного сообщества и широкой публики.

Бутягин А. М. (ГЭ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Мирмекийский клад статеров александровского типа в свете связей Боспорского царства и эллинистического Востока

Впечатление, которое произвел на весь мир Средиземноморья крах Ахеменидской Персии, проявилось в том, что элиты Боспорского царства стали ориентироваться на империю Александра и страны его преемников.

Одним из символов, зримо демонстрировавшим мощь державы Александра, стали новые монеты. Золотая монета представляла собой статер весом около 8,5 г. и диаметром чуть больше 18 мм. На её лицевой стороне располагается профиль Афины в коринфском шлеме, на оборотной стороне помещено имя царя и фигура крылатой богини победы — Ники с венком в вытянутой правой руке. Первоначально имя царя обозначалось просто как ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ т. е. «(монета) Александра»), но на некоторых монетах появляется надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ «царя Александра»). Считается, что появление титула происходит в 325–323 гг. до н. э., когда Александр решил обозначить свой статус в новом государстве в понятном для греческих подданных виде. Другое мнение предполагает появление обозначения статуса только после смерти полководца.

Находки статеров александровского типа на Боспоре были единичны. До настоящего времени найдено 10 монет такого типа, причём 8 из них принадлежали Алексан-

¹ Ходжаш С. И. Новый памятник древнеегипетского искусства // Искусство. 1973. № 12. С. 65–67.

дру Великому (в том числе и посмертные выпуски), а 2 — Филиппу III Арридею. Такая странная ситуация, по сравнению с Северо-Западными Причерноморьем, где находки этих монет намного более многочисленны, позволяла выдвинуть предположение о непопулярности их на Боспоре. Археологическая находка, сделанная экспедицией Государственного Эрмитажа при раскопках городища Мирмекий (начальник зав. сектором античной археологии Северного Причерноморья А. М.Бутягин), позволяет существенным образом пересмотреть эти представления.

Открытие было сделано 20 августа 2022 г. на участке «И», расположенном в центральной части древнего города. В ходе зачистки борта ямы I–III вв. н. э. на небольшой глубине от устья был обнаружен небольшой глиняный кувшинчик, украшенный разводами белой краски. В сосуде оказалось 30 золотых статеров александровского типа. Монет Александра Македонского в кладе найдено 26, ещё четыре принадлежат Филиппу Арридею. Предварительный анализ позволяет предположить, что 9 монет происходят из Македонии, 6 являются продукцией монетного двора Вавилона, 4 статера, вероятно, происходят из Сард, столько же из Лампсака (2 из них Филиппа), 3, вероятно, из Абидоса, 2 монеты были отчеканены в Арадусе, одна монета с частью арамейской надписи происходит из Аке, и одна монета отчеканена в Милете. Как видно, набор центров, в которых были произведены монеты, делится на три зоны — Вавилон, столица империи Александра, Финикия, а также Эгеида, в которой можно выделить запад Малой Азии с Милетом и Сардами и север Эгейского моря, включающий Македонию и города на Геллеспонтe.

Исходя из уточнённой хронологии М. Д.Прайса интервал, который покрывается монетами клада, соответствует 334–300 гг. до н. э. Однако его можно несколько сузить. Монет, интервал производства которых начинается с 334 и 332 гг. до н. э., в кладе всего две, так что, если мы имеем дело с кладом длительного накопления, скорее всего, он начал формироваться несколько позже. Основная масса найденных статеров относится ко времени между 330–311 гг. до н. э. К более позднему времени (311–300 гг. до н. э.) относится только одна монета вавилонского чекана, в связи с чем можно предположить, что формирование (и, вероятно, сокрытие) клада относится к началу чекана, что позволяет датировать его 311–309 гг. до н. э.

Для того, чтобы понять значение мирмекийского клада, необходимо более подробно остановиться на предыдущих находках монет такого типа на Боспоре. Два статера были найдены в Зеленском кургане, по одному в кургане Большая Близница, одном из курганов на мысу Ак-Бурун, в разрушенном кургане близ Гермонассы, а также в кургане «Золотая горка» у ст. Тульская к югу от г. Майкопа. Характер захоронения в последнем кургане не ясен, так как он был сильно разрушен грабителями и раскопщиками, но в остальных статеры найдены в кремациях, по всей видимости, женских. Расположение и богатство курганов позволяет видеть чётко выраженную традицию, связанную с боспорской аристократией, причём с той её частью, которая была связана с так наз. «азиатской» частью Боспора, т. е. с землями к востоку от Керченского пролива.

Как видно, монеты такого типа использовались в качестве заgrabного дара. Положение статера александровского типа в гробницу явно свидетельствовало о престижности захоронения. Таким образом, можно предположить, что большинство золотых монет этого времени, как и следовало ожидать, оседало в среде аристократии и близких к ним кругов.

Находка в Мирмекии дала в руки учёных в три раза больше статеров александровского типа, по сравнению с тем, что до сих пор было известно на этой территории. Теперь ясно, что они свободно функционировали здесь, как и в остальном Причерноморье. Обстоятельства, при которых был заложен клад, могли быть самыми разнообразными, однако датировка комплекса позволяет связать его с одним из драматических моментов Боспорской истории. В 310/9 г. до н. э. случилась «усобица сыновей Перисада», в ходе которой за власть над царством сразились сыновья царя Перисада I: с одной стороны старший сын Сатир II и младший — Притан, а с другой средний — Евмел (Diod. Sic. XX, 22–25). После гибели Сатира II в бою и убийства Притана, Евмел, желая упрочить свою власть, убил их друзей, а также жён и детей. Вероятно, кто-то из пострадавших в ходе репрессий проживал на территории Мирмекии и в момент опасности спрятал наличное золото.

Боспорская аристократия, как и другие элиты Средиземноморья, живо реагировала на изменения, случившиеся после похода Александра Великого против персов. Интерес проявился как в моде на определённые предметы и символы, которые указывали на связь с новой державой, так и в использовании новыми монетами, которые демонстрировали богатство и престиж местных аристократов.

Демидчик А. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ценность человеческой жизни в египетской религии Первого переходного периода и начала Среднего царства¹

До конца Среднего царства египетские письменные источники почти не говорят об отношении богов к живым египтянам²; вместо этого описывается любовь богов к фараону, возглавлявшему и олицетворявшему свой народ. Но тем важнее рассмотреть все сохранившиеся высказывания на тему «боги — египтяне», в т. ч.

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта РФФ 23–28–00155 «Культура взаимопомощи в цивилизации Древнего Египта (III-первая половина II тысячелетия до н. э.)».

² «Тексты саркофагов» посвящены почти всецело взаимоотношениям богов с умершими.

и о том, сколь ценилась богами человеческая жизнь. Поскольку источники Старого царства на сей счет молчат, в докладе рассмотрены тексты Первого переходного периода и начала Среднего царства (конец XXIII–XX вв. до н. э.).

Желая жертвоприношений, боги нуждались в совершающих их людях, и потому Бог-творец Солнце обустроил среду обитания египтян наилучшим для человеческой жизни образом, о чем сказано в 1130-м заклинании «Текстов саркофагов» и строках 130–137 «Поучения царю Мерикара»¹. Люди же ради непрерывного исполнения культов богов должны были дружно трудиться под руководством божественного царя, «сына Солнца». Организационной формой для этого служила древнеегипетская государственность, а принципы и правила, обеспечивавшие совместный труд египтян понимались как неперемнная часть миропорядка-*маат*.

Оберегая *маат*, боги желали избавиться от «бунтовщиков», «строптивцев», и т. д.², для чего царю и государственным служащим надлежало воевать с окрестными народами, истреблять в Египте святотатцев и смутьянов, порой даже вместе с их родственниками³.

Но вместе с тем, кормясь жертвоприношениями от египтян, боги не могли желать своему народу убыли, и потому смертная казнь считалась мерой крайней, чрезвычайной — в общем, нежелательной. «Не убивай, нет тебе в этом пользы: ты наказывай побоями и заключением, и благодаря этому обустроится эта страна. Исключение — лишь для бунтовщика, чей умысел раскрыт. Бог знает строптивцев, но бог отвергает проливающих кровь», — сказано в строках 48–50 «Поучения царю Мерикара». На это же указывает фараону Хуфу кудесник Джеди в одной из сказок на папирусе Весткар (VIII, 15–17). Даже в пору смут и междоусобиц правители областей подчеркивали, что убийство им «отвратительно», а казни по ложному обвинению — богомерзки⁴. Не только убийство, но и доведение до самоубийства⁵, вызывали гнев бога мертвых Анубиса⁶.

Обеспечение же сохранности и благополучия подвластного населения, напротив, считалось в высшей степени богоугодным. Номарх Анхтифи утверждал, что сам бог Хор вручил ему власть над второй верхнеегипетской областью, чтобы прекратить там междоусобное смертоубийство и вновь сделать её заселенной⁷.

¹ Здесь и далее нумерация строк «Поучения царю Мерикара» дается по Эрмитажному списку; иероглифическую транскрипцию и комментированный перевод соответственно в Quack J. F. Studien zur Lehre für Merikare. Wiesbaden, 1992. S. 161–200 и Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 192–228.

² «Поучение царю Мерикара», строки 134, 137–138; Buck A. de. The Egyptian Coffin Texts. Vol. VI. Chicago, 1956. P. 268.

³ Blumenthal E. Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches. I. Die Phraseologie. Berlin, 1970. S. 224–263.

⁴ Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 93–96.

⁵ P. Berlin 3025, 115–122.

⁶ Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 95.

⁷ Vandier J. Moaalla. La tombe d'Ankhtify et la tombe de Sébekhotep. Le Caire, 1950. P. 163, pl. XV.1–2.

Асьютский номарх Хети II, преуспевший в храмостроительстве и сбережении народонаселения объявил, что к этому его «направлял» его городской бог¹. Домоправитель Рехуираусен подчеркивал, что спасал голодающих и поддерживал нуждающихся не по долгу службы, а из преданности местному богу Мину².

Объясняя происхождение своего богатства милостью богов, верховный жрец Ермонта Ментухотеп заверяет, что использовал его для помощи бедствующим в неурожайный год (Стела London University College 14333). Считалось при этом, что за сбережение многих жизней боги могут вознаградить царя или его подданного особым долголетием³.

Появившаяся в Первый переходный период метафора «египтяне — божье стадо (дословно: (мелкий) скот-*Aw* бога)» вполне отражает суть рассмотренных представлений⁴. Стадо существует в конечном счете для пропитания его владельцев, но последние при этом заботятся о сохранности и приумножении своего «скота». Повествование про бога, спасшего человеку жизнь единственно ради общения с ним («Рассказ потерпевшего кораблекрушение»), очень необычно для письменности Первого переходного периода и Среднего царства.

Емельянов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербурга)

Упомянут ли обряд отверзания уст в текстах Гудеа?

Мое общение с О. Д. Берлевым продолжалось 8 лет (1992–2000). В 1992–1993 гг. мы разобрали египетские надписи на жертвенниках, имевшие отношение к освящению воды, и источники, связанные с обрядом отверзания уст. Я познакомил его со всеми новыми текстами обряда на аккадском языке. После этого Олег Дмитриевич, понимая, что статья Блэкмана⁵ устарела, высказал пожелание, чтобы я написал сравнительное исследование египетского и месопотамского обрядов отверзания уст на новых материалах. Однако я отказался от этого предложения,

¹ Brunner H. Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut mit Übersetzung und Erläuterungen. Glückstadt, 1937. S. 54–57, Kol. 19–34.

² Kanawati N. The Rock Tombs of El-Hawawish. The Cemetery of Akhmim. Vol. VII. Sydney, 1987. P. 25, pl. 3, fig. 16.

³ «Поучение царю Мерикара», строки 49–50; Демидчик А. Е. Древнеегипетская стела Музея Метрополитен № 12.183.8: историко-культурный комментарий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История. С. 10–13; Anthes R. Die Felseninschriften von Hatnub nach den Aufnahmen G. Möllers. Leipzig, 1928. S. 57, Tf. 26, Gr. 25, Kol. 9–10.

⁴ Müller D. Der gute Hirte // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1961. Bd. 86. S. 126–144.

⁵ Blackman A. M. The Rite of Opening the Mouth in Ancient Egypt and Babylonia // The Journal of Egyptian Archaeology. 1924. Vol. 10, No. 1 (Apr., 1924). P. 47–59.

предпочтя углубленное исследование клинописных источников, и через некоторое время опубликовал полный перевод нескольких частей вавилоно-ассирийского обряда¹. А затем заинтересовался проблемой существования обряда в шумерских источниках.

Если в эпоху III династии Ура обряд назывался только ka-du₈-ha ‘отверзание уст’, то в текстах I тыс. до н. э. его полное название писалось как KA.LUH KA.DU₈ = *mīs pi pīt pi (ilī)* ‘омовение уст, отверзание уст (богов)’². Известно, что самым первым действием данного обряда было омовение уст статуи, и с целью такого омовения готовили освященную воду. Омытая статуя с отверстыми устами получала возможность приобщаться к еде и питью, приносимым в ki-a-na₈ ‘место напоения водой’, т. е. в место поминовения. Впервые о расположении статуи в месте поминовения мы узнаем из хозяйственного текста 3-го года Лугаланды³. Однако проводимые обряды там не упомянуты. Мы знаем о них только из надписей на статуях и цилиндрах Гудеа. На статуе В правителя сказано, что она будет стоять в «месте напоения водой», а в цилиндре А есть эпизод, когда правитель поворачивает статуи существ, убитых Нингирсу в сражении с Асагом, ртами к «месту напоения водой», и тем самым обеспечивает их поминовение⁴. Однако встает вопрос о том, есть ли в самих надписях Гудеа обозначение обряда отверзания уст?

Среди статуй Гудеа, надписи которых говорят о построении культовых сооружений в честь богов Лагаша, есть очень странная статуя R, хранящаяся в Harvard Semitic Museum (HSM 8826). Эта статуя содержит терминологию конусов Урук-агины (конец XXIV в. до н. э.), чего больше не встретишь во всем корпусе текстов Гудеа. Голова и часть ее правой руки не сохранились. Надпись на спине, левом боку и задней части сиденья сохранилась лишь частично. Статуя посвящена дарованию привилегий главному певчему Намхани. Она гласит, что Гудеа, *sira-zi inim-gi-na-* / ⁴*Nin-gir₂-su-ka-ke₄* / *lu₂ be₆-lu₅-da dingir-re-ne-ke₄* / *si bi₂-sa₂-sa₂-a* ‘пастырь, подтвержденный (богом) Нингирсу, человек, исполнивший ритуалы богов’ (I 4–7), дал (дословно *inim tu-na-gi* ‘подтвердил (ему)’) певчему храма Мунусгильса *ama-ar-gi₄* ‘возвращение к матери’, т. е. освобождение от обязательств по выплате золота и серебра из храмового хозяйства, а также даровал ему 6 бур новой земли на поле Эгаба. В последней части надписи читаем: *e₂ Munus-gil-sa-a-ka* / *DU₁₁. GABA tu-[na]-ni-gub* / *alan-ba* / [*Gu₃]-de₂-a ma-x* / *tu-bi* ‘в доме Мунусгильса ?? ему поставил, «Гудеа мне...» — имя статуи этой’ (IV 3–7). Непонятное сочетание знаков в строке 4 Э. Солльберже (1956) и Х. Штайбль (1991) прочли как ka-du₈

¹ Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 154–161, 286–291.

² Walker Ch., Dick M. The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia. The Mesopotamian Mis Pi Ritual. Helsinki, 2001 (State Archives of Assyria Literary Texts, vol. I).

³ Allotte de la Fuÿe, F. M. Documents présargoniques. Paris, 1912. Tabl. 53 II 10, IX 11–14.

⁴ Ст. В VII 55, Цил. А XXVI 15–16; Edzard D. O. Gudea and His Dynasty. Toronto, Buffalo, London, 1997 (The Royal Inscriptions of Mesopotamia. Early Periods 3/1). P. 36, 85.

‘отверзание уст’¹. На основе этого чтения Г. Зельц развил идею о переносе обряда отверзания уст, возникшего при Гудеа, на отверзание уст статуям Гудеа при III династии Ура². Чтение Штайбля-Зельца было закреплено в CDLI как общепринятое, с переводом: «a (statue’s) Mouth Opening (ritual) he set up for him»³. Однако Д. О. Эдзард понял строку иначе, прочитав буквально du_{11} -gaba, и перевел: «on the appropriate (day)»⁴. Свой перевод Эдзард не пояснил.

Если буквально прочесть du_{11} -gaba, то получим ‘слово-грудь’, что нелепо. Для того, чтобы понять логику Эдзарда, нужно просмотреть в системе электронного поиска все места в его книге, где дан перевод ‘the appropriate day’. Таких мест три, и второе — колонка IX статуи E, где написано: $u_4 du_{11}^1(SAG)$ -gaba i_3 -du₃ (IX 3) ‘on the appropriate day I set to work’⁵. Здесь опять непонятно, что означает gaba ‘грудь’, хотя уже ясно само словосочетание «день слова». Но третий пример раскрывает нам картину полностью. И это не статуя самого Гудеа, а короткая надпись его супруги Ниналлы (Gudea 99), посвятившей женскую статуэтку неизвестной богине ради своей жизни и жизни Гудеа: alan-ba / nin-ġu₁₀ gu₃ ma-de₂ / $u_4 du_{11}$ -ga-ba (< u_4 -dug-a-bi-a) i_3 -du₃ / mu-bi. Дословно она переводится так: ‘у статуи этой «Госпожа моя! Ты меня призвала — (и) в назначенный день я (ее) воздвигла» имя ее’⁶.

Таким образом, мы узнаем, что резчики делали надписи на статуях Гудеа со слуха. И вполне вероятно, что резчики статуй не были носителями шумерского языка, потому что иначе не объяснить, как можно спутать показатели –ga-ba и слово gaba ‘грудь’. Возвращаясь теперь к статуе R, можно по аналогии с приведенными примерами предположить, что в строке IV 4 остался не выписанным знак U_4 для словосочетания u_4 - du_{11} -ga-ba, а показатели –ga-ba превратились в gaba. Таким образом, всю строку следует понимать аналогично двум предыдущим примерам: «в доме Мунусгильса в назначенный (день) он ему ее поставил». То есть, установление статуи произошло в благоприятное для этого время. В таком случае следовало бы признать, что термин для обряда отверзания уст в корпусе текстов Гудеа отсутствует⁷.

¹ Steible H. Die neusumerischen Bau-und Weihinschriften, 2 vols. (Freiburger Altorientalische Studien 9:1–2). Stuttgart, 1991. S. 240–243 (I), 79–84 (II).

² Selz G. J. “The Holy Drum, the Spear and the Harp: Toward an Understanding of the Problems of Deification in Third Millennium Mesopotamia” // I. L. Finkel and M. J. Geller (eds). Sumerian Gods and their Representations. Groningen, 1997. P. 177.

³ https://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P431899

⁴ Edzard, Gudea... P. 60.

⁵ Edzard, Gudea... P. 46.

⁶ II 7–10; Edzard, Gudea... P. 180.

⁷ Дополнительными аргументами в пользу такого вывода могут быть два факта: в шумерских текстах название обряда ka-duh пишется с окончанием второго слова ka-du₈-ha, а не ka-du₈; глагол gub ‘стоять’ не употребляется в отношении обрядов. Для второго случая можно предположить, что, поскольку орфография надписей Гудеа нерегулярна, то знак DU, который читается как gub, мог обозначать du₃ ‘возводить’. И тогда получаем чтение (u_4)- du_{11} -ga-ba mu-na-ni-du₃.

Еранин С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Имена собственные в клинописных текстах из государства Ларса времени правления Варад-Сина и Рим-Сина I (1834–1763 гг. до н. э.): опыт просопографического анализа

В докладе представлены результаты просопографического анализа на материале административных документов и писем из старовавилонского царства Ларса (из городов Ларсы, Ура, Куталлы, Ниппура и др.), датируемых временем правления двух царей династии Кудур-Мабука: Варад-Сина (1834–1823 гг. до н. э.) и Рим-Сина I (1822–1763 гг. до н. э.).

Для анализа были выбраны 50 имен людей, упомянутых в текстах на трех глиняных табличках, хранящихся в настоящее время в Йельском университете в составе «Йельской вавилонской коллекции» (YBC): YBC 5686, 5732 и 5687. Все три таблички представляют собой документы, фиксирующие акты купли-продажи недвижимости, совершенные высокопоставленным чиновником по имени Бальмунамхе (в 1826, 1821 и 1820 гг. до н. э.). В них речь идет об одной и той же недвижимости, после приобретения которой (YBC 5686) Бальмунамхе через 4 года обменял одну ее половину на другое здание, расположенное в ином месте (YBC 5732), а годом позже обменял и вторую половину недвижимости (YBC 5687)¹.

В результате проведенного анализа была выстроена своего рода социологическая панорама, позволяющая составить общую картину социальных связей между людьми, носившими эти 50 имен и упомянутыми в других документах и письмах из государства Ларса, опубликованных в целом ряде научных изданий клинописных документов старовавилонского периода².

В частности, в государстве Ларса жили по меньшей мере 9 человек по имени Шамаш-гамиль («Шамаш милостив»), которых можно различать благодаря уточняющим указаниям на родственные связи и/или род деятельности. Из них некий Шамаш-гамиль, являющийся пивоваром (*lunga*) по профессии, выступает свидетелем при 17 сделках Бальмунамхе, совершенных за 24 года (1821–1797 гг. до н. э.). Тот факт, что он упоминается в качестве свидетеля в таком большом количестве документов из архива Бальмунамхе вне зависимости от участника сделки, с которым последний имел дело, позволяет сделать предположение, что Шамаш-гамиль имел определенные отношения с самим Бальмунамхе. К таким «вечным» свидетеле-

¹ Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии эпохи ранней древности (VII тыс. до н. э. — середина II тыс. до н. э.) / СПб.: Контраст, 2016 (см. с. 405).

² Lutz H. F. *Early Babylonian Letters from Larsa*. (YOS II) / New Haven: Yale Univ. Press, 1917; Grice E. M. *Records from Ur and Larsa dated in the Larsa dynasty*. (YOS V) / *ibid.*, 1919; Faust D. E. *Contracts from Larsa dated in the reign of Rim-Sin*. (YOS VIII) / *ibid.*, 1941; Рифтин А. П. Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР / М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1937; Charpin D. *Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de «Tell Sifr»*. (HEO 12) / Geneva: Librairie Droz, 1980 и др.

лям можно также отнести птицелова (*mušen.dù*) Син-гамиля, кабатчика (*lú.kurun.pa*) Варайа и архитектора (*šitim*) Апиль-Сина, фигурирующих вместе с Бальмунамхе в не менее чем 15 документах.

Для более наглядного представления результатов анализа была использована компьютерная программа «Гефи» (*GePhi*), позволяющая представить составленную базу данных в виде графической схемы: жители царства Ларса обозначены точками; линии между ними демонстрируют различные виды отношений (родственные, профессиональные, партнерско-деловые, иерархические), сведения о которых мы черпаем из дошедших до нас клинописных текстов.

Иванова С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Мобилизация населения в условиях эскалации военно-политического конфликта между Эламом и Вавилоном (1765–1764 гг. до н. э.) по письмам посланника из г. Мари по имени Ярим-Адду

События, которым посвящен доклад, происходят в правление царя Вавилона Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). В 1765 г. до н. э. при дворе Хаммурапи появляется посланник Зимри-Лима, правителя города-государства Мари (1774–1759 гг. до н. э.), по имени Ярим-Адду. Находясь в эпицентре накаляющейся обстановки, Ярим-Адду регулярно направляет в Мари (к северо-западу от Вавилона) донесения о действиях Вавилона. Обмен письмами между Ярим-Адду и Зимри-Лимом длится около двух лет, с первой половины 9-го по первую половину 11-го года правления Зимри-Лима. До наших дней дошло в общей сложности шестнадцать писем, где в качестве адресанта выступает Ярим-Адду. Все они опубликованы в томе 26/2 серии *Archives royales de Mari* (ARMT).

Текст ARMT 26/2 362 является одним из самых ранних писем от Ярим-Адду. Оно составлено сразу после завоевания города-государства Эшнунны (к северо-востоку от Вавилона) коалицией Элама с Мари и Вавилоном под руководством правителя (шум. *sukkal-mah*, «великий визирь») Элама (юго-запад соврем. Ирана) Сиве-палар-хупака. Это завоевание привело к ухудшению отношений между Эламом и Вавилонией: во-первых, Хаммурапи опасался, что станет следующей жертвой эламских завоевательных походов, а во-вторых, царь Вавилона оккупировал часть территории Эшнунны и разместил там свои отряды, что рассматривалось эламской стороной как посягательство на область ее интересов.

По письмам Ярим-Адду очевидно, что Сиве-палар-хупак рассматривал Хаммурапи и Зимри-Лима не как равноправных партнеров, а как подчиненных ему.

Правитель Элама требовал от Хаммурапи мобилизовать и направить лучшие войска для запланированного вторжения в Ларсу (к югу от Вавилона), о чем свидетельствует письмо ARMT 26/2 362. Аналогичные послания он направил и правителю Ларсы Рим-Сину (1823–1863 гг. до н. э.), прося поддержать его в борьбе против Вавилона. Однако между Рим-Сином и Хаммурапи беспрестанно велась переписка, так что двойная игра Элама вскоре открылась.

Остальные письма Ярим-Адду сообщают об осаде и оставлении г. Упи, об отправке послов Хаммурапи к Рим-Сину, о восстании в Мутиабале в районе г. Казаллу (к юго-востоку от Вавилона), о подавлении этого восстания, о подкреплении войска Хаммурапи отрядами из Мари, об ухудшении отношений между Вавилоном и Ларсой, об отказе Цилли-Сина (нового правителя Эшнунны) заключать договор, а также об отправке младшего сына Хаммурапи Муту-Нумаху в Мари. Письма Ярим-Адду представляют собой ценный источник сведений не только о ходе боевых действий, но и об организации и комплектовании вавилонской армии.

Основная часть войск Хаммурапи состояла из солдат, получавших вознаграждение по системе *ilkum*, согласно которой в обмен на службу царю призывникам предоставлялся надел земли. О мобилизации, проводимой на подконтрольных Вавилону территориях, Ярим-Адду тоже докладывал Зимри-Лиму (ARMT 26/2 362, 363, 367 и 370). В этих письмах встречаются выражения, характерные для аккадского языка (диалекта) Мари, но нетипичные для аккадского языка более южных регионов Месопотамии.

Что касается состава мобилизованной армии, то согласно сообщениям Ярим-Адду основной военной силой являлись отряды *šābum beḫrum/piḫrum* («отборный» отряд) и *šāb tuṣšikkānim* («стройотряд»). Кроме того, Вавилон и соседние государства активно пользовались услугами наемников: правители стремятся опередить своих конкурентов и заручиться поддержкой горцев Загроса. Армии также включали иностранные контингенты, предоставленные союзниками, как правило, такими государствами, как Мари, Эшнунна, Залмакум (север Сирии) и Ямхад (Центральная Сирия). Нанятых воинов определяли в особый «вспомогательный отряд» (*šābum tillatum*, ARMT 26/2 362; 367).

В крайнем случае царь мог прибегнуть к всеобщей мобилизации. В кампании против Элама мобилизация распространилась на торговцев и на освобожденных, скорее всего, по этой причине рабов (ARMT 26/2 363). Это уточнение весьма примечательно, поскольку указывает на отличительную черту всеобщей мобилизации от обычного призыва на государственную службу: освобождение рабов и отмена особого положения для торговцев. Судя по многим письмам из Вавилона (см. AbB [Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung] 8 15), торговцы обладали особым иммунитетом, так что вне случаев всеобщей мобилизации они освобождались от призыва и выполняли функции гонцов. Такая практика была типичной не только для Вавилона, но и для Мари, где запрещалось регистрировать торговцев в списках призывников на воинскую службу (ARMT 26/2 145).

Воинская иерархия вавилонской армии при Хаммурапи была четырехступенчатой. Во главе стояли «начальники амореев» (ед.ч. *wakil/šāpir Amurrim* / UGULA MAR.TU), каждый из которых имел в непосредственном подчинении трех старших офицеров (*ša haṭṭim* «тот, кто (имеет) скипетр» / PA. PA/UGULA GIDRU). Старшим офицерам подчинялись младшие (*laputtūm* / NU. BANDA₃), которые, в свою очередь, контролировали исполнение обязанностей десятников (шум. PA.NAM.10) и писцов (*mār bīt tuppim* / DUMU É. DUB. BA). Словом *rēdūm* «сопровождающий» (AGA. UŠ) именовался самый низший чин¹.

Таким образом, шестнадцать дошедших писем Ярим-Адду в сопоставлении с синхронными письмами из Вавилонии и Мари (корпусы AbB и ARM(T)) позволяют составить определенное представление о подробностях, связанных с напряженными отношениями Элама и Вавилона в 1765–1764 гг. до н. э. Они содержат немало сведений о хитросплетениях дипломатических отношений между участниками данных событий, а также о мобилизации населения Вавилона, особенно в отношении таких аспектов, как: терминология, связанная с формированием, боевой готовностью и передислокацией отрядов; состав и условия содержания армии; воинская иерархия; виды вооружения и оснащения; обеспечение сбора и передачи информации.

Исакова А. С. (КФУ, Казань)

Понимание *dāta*- как закона в древнеперсидских надписях²

Следует поставить вопрос об уместности интерпретации древнеперсидского термина *dāta*- как «закона» в его современном понимании (нормативный акт, постановление высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и имеющий юридическую силу³). Исследователи дают различные трактовки термину *dāta*-, не принимая во внимание контексты употребления этого слова. Они часто единодушны в его определении как «закон», но, думается, последнее не раскрывает все возможные значения этого термина.

Р. Шмитт разъясняет *dāta*- как древнеиранский термин, первоначально представляющий собой *dāta-m* от корня *dā-* — «устанавливать, размещать»⁴. В соот-

¹ Stol M., Charpin D., Edzard D. O. Mesopotamien, die altbabylonischen Zeit: Annäherung 4. Göttingen, 2004. (см. с.779).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23–28–01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

³ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Первое издание: Т. 1. СПб., 1998. С. 327.

⁴ Schmitt R. *Dāta* // Encyclopaedia Iranica. 1994. Vol. VII. Fasc. 1. P. 114–115.

ветствии с «Этимологическим словарём иранских языков» В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельман, *dāta*- можно определить как нечто «установленное, положенное»¹. Согласно словарям древнеперсидского языка Р. Кента и Р. Шмитта, *dāta*- переводится как «закон»². По данным словаря Р. Меликова, слово *dāta*- представляет собой причастие ср. р., ед. ч. с основой *dāta*-, происходящее от корня *dā*-, которое означает «закон», «постановление», «указ», «приказ»³.

В историографии также предлагаются различные интерпретации этого древнеперсидского термина, которые расширяют его значение. А. Олмстед видит в *dāta*- свод законов, который должен был действовать на территории всей империи⁴; это, в свою очередь, оспаривают М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин, полагающие, что *dāta*- — это «общий правовой порядок, установленный Ахеменидами», высказывая сомнения по поводу существования общегосударственного кодекса законов⁵. Согласно П. Бриану, термин *dāta*-, упоминаемый в царских надписях (DNa. § 3, DSe. § 4, XPh. § 4d), отражает политико-религиозную идеологию, а не судебную организацию общества, подчеркивает господство царя над странами и народами⁶. С этим мнением также солидаризируется Й. Визехёфер⁷.

Анализируя приведенный комплекс царских надписей, можно заметить, что слово *dāta*- используется всегда только в единственном числе четыре раза в отношении царской *dāta*- (DB. § 8; DNa. §3; DNb. § 9b; DSe. § 3–4) и дважды в отношении божественной *dāta*- Ахурамазды (XPh. § 4d).

Но что понималось под царской *dāta*-? Определенно можно сказать, что под словом *dāta*- понимается в тексте надписей тот общий правовой порядок, который включал несение дани и, в особенности, выполнение повелений царя. Таким образом, термин *dāta*- относится не только к судебнo-административному положению дел в Ахеменидской империи, но отражает религиозные и политико-идеологические представления Ахеменидов, в том числе, и связанные с восприятием ими идей справедливости.

Итак, в основе царской *dāta*- лежал принцип справедливости, так, как его понимал сам Дарий. П. Бриан пишет о «монархической концепции справедливости»: «каждый человек оценивается пропорционально тому, какую помощь

¹ Расторгуева В. С., Эдельман Дж.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М., 2000. С. 423.

² Kent R. G. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950. P. 189: law; Schmitt R. Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften. Wiesbaden, 2014. S. 166: Gesetz.

³ Меликов Р. Древнеперсидские надписи. Транслитерация, перевод, глоссарий. Баку, 2013. С. 245.

⁴ Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948. P. 119–120.

⁵ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 128.

⁶ Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, Indiana, 2002. P. 511.

⁷ Wieshöfer J. Gerechtigkeit und Recht im achaimenidischen Iran // Recht und Religion. Menschliche und göttliche Gerechtigkeitsvorstellungen in den antiken Welten / Hrsg. von H. Barta, R. Rollinger, M. Lang. Wiesbaden, 2008. S. 52.

и содействие он оказывает царским интересам», поскольку сам Дарий воздает по заслугам тому, кто «поступает неправильно», наказывает «приверженца лжи» и «того, кто причиняет вред» (DNb. § 2c)¹.

Все идеи, представляющие царя защитником справедливости, сформулированы в Накше-Рустамской надписи (DNb), и повторяются в надписи Ксеркса из Персеполя (XPI). Думается, что эти идеи, очевидно составлявшие основу царской *dāta*-, первоначально принимали вид Завета как некоего наставления, или завещания, оставленного Ахурамаздой царю Дарию, одухотворённая фигура которого ретранслировала на подданных божественную волю. Повторение Ксерксом в своей надписи из Персеполя слов своего отца (DNb § 2a–e = XPI § 2a–e) говорит о том, что данный Завет был вневременным и программным, как и его понимание персами². Таким образом, в случае с интерпретацией термина *dāta*- мы встречаемся с чем-то более обширным и глубоким, чем то, что входит в поле привычного понимания «закона» в его сугубо правовом смысле.

Крол А. А. (МГУ, Москва), Толмачева Е. Г. (РПУ, Москва)

Предварительные результаты проекта по изучению и реставрации древнеегипетских саркофагов и мумий из коллекции Пермской государственной художественной галереи

Настоящий доклад посвящен итогам проекта по реставрации и изучению мумий и саркофагов из Пермской художественной галереи, в частности, авторы предлагают предварительную атрибуцию некоторых древнеегипетских памятников, которые были исследованы в ходе этого проекта.

Сам проект возник в результате объединения усилий трех организаций: Пермской художественной галереи, которая является хранителем памятников; ООО «Феномен», которое привлекло к работе над памятниками опытнейших реставраторов, и Центра палеоэтнологических исследований, сотрудники которого занимаются антропологическим изучением мумифицированных останков, египтологической составляющей проекта и историей музейного бытования пермских мумий и саркофагов.

Первое упоминание египетских мумий относится к 1922 году. 7 ноября 1922 года художественный отдел Пермского Художественно-промышленного

¹ Briant P. From Cyrus to Alexander. P. 127.

² Wiesehöfer J. Law and Religion in Achaemenid Iran // Law and Religion in the Eastern Mediterranean: From Antiquity to Early Islam / Ed. by A. C. Hagedorn, R. G. Kratz. Oxford, 2013. P. 49.

музея, созданного еще в 1890 г., был выделен в отдельный Художественный музей. В архиве Пермской галереи хранится Книга музейного фонда Пермской губернии. В ней имеется запись, из которой следует, что в 1920 году египетские мумии, коробка с бабочками и восковые фигуры поступили в отдел народного образования из пермского Паноптикума и были распределены в Пермский научно-промышленный музей.

В ходе проекта специалистами были отреставрированы и изучены два саркофага (далее саркофаг 1 и саркофаг 2), картонажная маска и два картонажа, крышка саркофага и две мумии. Изначально предполагалось, что все три картонажа относятся к мумии из саркофага 1. В результате проведенных исследований стало очевидно, что памятники из Пермской художественной галереи не являются частью единого комплекса, более того, мумии, саркофаги и картонажи относятся к разным историческим периодам.

Особого внимания заслуживают памятники, согласно музейной документации, относящиеся к т. н. саркофагу 1. В каталоге О. Д. Берлева и С. И. Ходжаш¹ и саркофаг, и мумия с картонажами датируются II–I вв. до н. э., т. е. птолемеевским периодом. Изучение иконографии и технологических особенностей конструкции саркофага, работа с текстами показали, что деревянный антропидный саркофаг, от которого сохранилась только нижняя часть, может быть датирован значительно более ранним временем — III переходным периодом, эпохой XXI династии.

Дальнейшие исследования позволили выдвинуть предположение, что крышка саркофага, которая, согласно музейной документации, принадлежала саркофагу 2, является отдельным объектом и также датируется III переходным периодом.

Мумия из саркофага 1 и три картонажа принадлежат к совершенно иному историческому периоду. Так, маска и один из нагрудных картонажей изготовлены в достаточно типичной для эпохи поздних Птолемеев манере и стилистике и имеют множество аналогий в музейных и частных собраниях. Мумия из саркофага 2 также датируется птолемеевским временем.

Поскольку проект изначально задумывался как комплексный, в ходе его реализации авторским коллективом было проведено целый комплекс междисциплинарных исследований. Таких как компьютерная томография мумий, совместные со специалистами Сколковского института науки и технологий исследования молекулярного состава органического вещества мумийных смол методом масс-спектрометрии высокого разрешения, радиоуглеродное датирование памятников в лаборатории радиоуглеродного датирования ИГ РАН, также были взяты образцы красочного слоя и грунта саркофагов для проведения анализа пигментов. Кроме того, были созданы 3-D модели мумий и саркофагов.

¹ Каталог египетских памятников из музеев Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Кавказа, Средней Азии и Прибалтики. Freiburg–Göttingen, 1998 (Orbis Biblicus et Orientalis. Series Archaeologica. 17).

Лаврентьева Н. В. (ГМИИ; ГИИ; Москва)

Описание древнеегипетских памятников в путевых заметках Е. Э. Картавцова и А. В. Живаго: взгляды авторов и судьбы рукописей

Паломнические и познавательные поездки в Египет, обретшие особую популярность с середины XIX в., оказались востребованы и в России.

Вне зависимости от того, какую практическую цель преследовали туристы — поправить здоровье, развлечься, скоротать холодную зиму в теплом климате, — их также вело любопытство и интерес к египетским древностям. Такой познавательный туризм стал характерен не только для аристократии, но и для более скромных, но образованных членов общества. Их желание увидеть собственными глазами страну фараонов было сформировано предварительным чтением научной и популярной литературы, знакомством с атласами по египетскому искусству и архитектуре, возможностью ознакомиться с музейными коллекциями и опубликованными памятниками и, конечно же, знакомством со становящимися все более популярными путеводителями и различными техниками фотографирования.

Е. Э. Картавцов (1850–1932) побывал в Египте и Палестине в 1889 г., и об этом путешествии он оставил путевые заметки «По Египту и Палестине», часть из которых — о пребывании в Каире и поездке в Фивы — были первоначально помещены в выпусках «Вестника Европы» (1891), но уже в 1892 году в типографии М. М. Стасюлевича вышел полный текст «Заметок». Будучи человеком образованным и состоятельным, он не претендовал на лавры писателя (литератором была его супруга М. В. Картавцева), а его текст носит, скорее, дневниковый характер. В середине марта 1889 г. он оказывается в Гизе. Он пишет о первом чувстве разочарования, которое вызывает у него пирамида Хеопса («гора как гора»), но преодолевая «первоначальный обман чувств», он признает ее величие. При описании пирамид он использует типичные сравнения и цитаты, почерпнутые из бедкеревского путеводителя. Описание модели поведения арабского населения и типичное ироничное повествование о восхождении на пирамиду (ср. с описанием В. Д. Поленова) обрамляет рассказ о Гизе. После пересказа Геродота в тексте присутствует лишь краткое замечание о внутренних помещениях пирамиды, в которые он, по-видимому, не заходил после восхождения. Любопытно, что его проводником по древнеегипетским памятникам был тот же драгоман Дмитри, который сопровождал в путешествии профессора А. В. Прахова и графа Г. А. Толстого в 1887 году (год ошибочно указан, путешествие состоялось в 1881 году). Уже через 5 дней в Луксоре он достаточно подробно описывает устройство Карнакского храма, отмечая каждый двор и пилон. Он также приводит историческую справку об этапах строительства этого храма. В Долине царей особое внимание он уделяет гробнице Сети I, но отмечает в ней обилие «сюжетов мрачного характера», тогда

как у Рамсеса III «исполнение рисунков куда хуже, но зато предмет их много веселее» — он даже сравнивает последнюю с гробницей Ти. Есть в его «Записках» и пространный пассаж о египетской иероглифике, даже с прорисовкой некоторых знаков, а также раздел о древнеегипетском искусстве, который он компоует, опираясь на *Grammaire des beaux-arts* III. Блана. К сожалению, жара повлияла на его здоровье и не позволила ему добраться до Ассуана, он спешно вернулся в Каир, чтобы скорее попасть в Иерусалим. По возвращении Е. Э.Картавцов публикует свои «Записки» и увлекается постройкой дома в Финляндии (сгорел в 1991 г.), где его супруга устроила все по своему вкусу и где после ее кончины он создает ее мемориал и строит церковь в 1914 году. После Революции он уезжает во Францию, где и проводит остаток своих дней.

А. В. Живаго (1860–1940) был путешественником совсем иного толка, он был готов к жаре и даже к риску, чтобы осуществить свою давнюю мечту. Он много путешествовал по Европе, вел различные путевые дневники, сам фотографировал и аннотировал снятые им и его спутниками стереопары. И наконец, в первых числах 1910 года он ступает на землю Египта. Египтология была его давним увлечением, он много читал (и даже в конце своего дневника приводит использованную библиографию), хотя он также не гнушался заглянуть в путеводитель К. Бедекера. Он подробно описывает все памятники, которые ему удалось посетить, добравшись до «22° северной широты», то есть он проехал весь Египет и побывал даже в Нубии. Посещая Карнак, он интересуется проводимыми там раскопками, лично встречается с Ж. Легреном и Г. Масперо. Хотя стоит признать, что некоторые замечания о местных жителях, их нравах, особенностях климата и кухни очень сходны с наблюдениями Е. Э. Картавцова. Из поездки он привез более 400 отснятых стереопар, которые он использовал при чтении лекций в Политехническом музее по возвращении, а позднее в Музее Изящных искусств. Эта поездка во многом определила его дальнейшую судьбу — его интерес к египтологии перерос в преклонение перед наукой и учеными, египтолог Б. А. Тураев был не просто его консультантом и советчиком, Живаго надеялся иметь честь называть его своим Учителем. Из поездки было привезено небольшое количество памятников, купленных у торговцев и при Музее, по возвращении он продолжил пополнять свое собрание, передавая через знакомых заказы в Египет и списываясь с европейскими фирмами по продаже древностей. После его ухода из Голицынской больницы в 1918 г., Б. А. Тураев приводит его в Музей, где А. В. Живаго и работает почти до самой смерти, читая лекции и занимаясь просветительской работой, и по завещанию передает свою небольшую, но нежно любимую и описанную им самим (имеется ее рукописный каталог) коллекцию в ГМИИ. Его рукопись, над которой он работал почти двадцать лет, постоянно добавляя комментарии и редактируя написанное, так и не была опубликована при его жизни, хотя он очень к этому стремился. Только в 2020 году после нескольких лет работы по сведению различных редакций рукописи, его «Дневник» был, наконец издан с использованием его же фотоснимков в качестве иллюстраций.

*Ладынин И. А. (НИУ ВШЭ; МГУ; Москва),
Немировский А. А. (НИУ ВШЭ; ИВИ РАН; Москва)*

Исторические сюжеты «Сказок папируса Весткар» в историко-легендарной традиции Египта¹

С нашей точки зрения, можно выявить и проследить бытование и трансформации двух сюжетов о царях Египта, присутствующих в «Сказках папируса Весткар», в позднейшей египетской легендарной традиции.

1.1. Первый из них связан с Хуфу и пророчеством о том, что его династия прекратится и престол перейдет к сыновьям некоей Реджедет, которых она родит от бога Ра, причем эти сыновья — хорошо известные начальные три правителя следующей, V династии в реальной истории. Как мы помним, изложение в дошедшем тексте вскоре обрывается, и мы не знаем точно, какие именно меры собирался предпринять в связи с получением этого пророчества Хуфу. Можно не сомневаться лишь, что в сказке сюжет кончался в соответствии с реальной историей — то есть тем самым прекращением IV династии и сменой ее династией V-й, о котором по сюжету Хуфу получает пророчество. Разумеется, Хуфу не рад тому, что бог Ра предпочел зачать новых будущих царей не в его царском доме, а от посторонней этому дому женщины и положить этим начало новой династии. Дальнейшее движение сюжета могло идти в диапазоне от того, что Хуфу попытался бы сорвать исполнение пророчества — и потерпел бы при этом неудачу — до того, что он смирился с возвещенным ему ходом событий и попытался приспособиться к нему. С нашей точки зрения то, как рисует Хуфу сказка, и то, как выглядит в ней его реакция на пророчество (он не ставит под сомнение неизбежность его исполнения, не оспаривает истинности того, что сообщено ему, по сути, о воле бога Ра относительно начала новой династии, не обсуждает возможности предотвратить исполнение этой воли или побудить Ра изменить ее, не собирается предпринимать в связи с этой ситуацией какие бы то ни было шаги; не описаны никакие его меры или замыслы против Реджедет и ее сыновей) позволяет считать, что Хуфу по сюжету не пытался оспорить и сорвать предсказанный ему ход событий. Тогда его дальнейшие действия могли быть подчинены разве что стремлению обеспечить как можно более благоприятный для его царского дома характер смены его следующим — ведь об этом пророчество ничего не говорило и здесь оставалась свобода для маневра. Некоторые соображения позволяют допустить, что далее по сюжету Реджедет предстояло самой войти в царский дом Хуфу в качестве жены одного из его представителей, и тем самым новая династия оказалась бы мирной и генеалогически подсоединенной преемницей старой — лучший из возможных для

¹ Тезисы доклада подготовлены при поддержке гранта РФФИ 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н. э. — начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

старой династии вариант смены ее новой (и в реальности V династия сменяла IV, видимо, именно подобным образом).

1.2. В египетской традиции предисламского и исламского времени есть сюжет о первом царе-строителе великих пирамид царе *Сурисе/Суриде (это имя воспроизводит имя Снофру в его передаче Манефоном, но деятельность и историческое место этого царя взяты от Хуфу), получившем от мудреца пророчество, что вскоре разразится великая природная катастрофа (отождествлена как библейский Потоп), которая положит конец его династии, но не уничтожит до конца Египет и его население (те возрождаются после этой катастрофы). Мы объясняем этот сюжет как результат смешения воедино образов двух царей и связанных с ними двух известных сюжетов среднеегипетской литературы: сюжета о получении царем Снофру пророчества жреца Неферти о будущей катастрофе I Переходного периода («Пророчество Неферти») и сюжета о получении царем Хуфу пророчества о конце его династии (собственно «Сказки папируса Весткар»). В сюжете о Суриде контаминировались и образы этих царей, и сообщения о связанных с ними пророчествах, образовав сюжет о предсказанной катастрофе, одновременно обрывающей династию Сурида и сменяющей ее новой династией. Таким образом, оба ранних египетских сюжета — о пророчестве Неферти для Снофру и о пророчестве Джеди для Хуфу — передавались на протяжении многих веков, и в I-II тыс. н.э. мы знаем контаминацию этих сюжетов в виде предания о Суриде.

2.1. По античным передачам известна египетская легенда середины I тыс. до н. э. и далее о том, что сын и преемник миропокорителя и законодателя Сесостриса царь «Ферон» (= Фараон) сжег заживо чужих неверных жен, как и свою неверную жену (уникальный мотив в известном материале позднеегипетской традиции). По другим античным передачам, этого сына и преемника звали Ненкорей, т. е. Небкаура = Аменемхет II, сын Сенусерта I (resp. Сесостриса).

2.2. Приписывание царю Небкаура сожжения чужих (и своей) неверных жен находит очевидную переключку с сообщением другой новеллы «Сказок папируса Весткар» о том, как царь с похожим именем Небка по своей воле выносит приговор о сожжении заживо неверной жены жреца Убаонера (это решение именно Небка, а не Убаонера, сам мотив — уникален для дошедшей египетской литературы). По нашему мнению, этот сюжет, связанный с Небка, оказался впоследствии перенесен на более позднего царя со схожим именем Небкаура — Аменемхета II (на что могла дополнительно повлиять известная по Манефону гибель этого царя от рук евнухов гарема, ставящая его в контекст топики об изменах и интригах жен), что и дало легенду о Фероне.

2.3. Та же легенда о Фероне сообщает, что он бросил в реку копьё, что было воспринято сверхъестественными силами как осквернение реки, и они покарали его слепотой (исцеление от нее связано по сюжету с поисками Фероном верных жен и сожжением им неверных). В новелле «Сказок папируса Весткар» о Небка этот царь велит швырнуть в реку пепел сожженной им неверной жены

Убаонера. Никаких негативных последствий этого для него не описано, но сам мотив швыряния пепла нечистой жены в реку мог дать в ходе развития легенды представление о том, что ее протагонист швырнул в реку нечто скверное и этим осквернил ее.

Лопатин М. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Насекомые группы *nim* («мухи») в списках животных серии *Ura = ħubullu*: стратегии классификации

Серия тематических лексических списков, условно называемая исследователями *Ura = ħubullu*, начинает формироваться в старовавилонский период (1-я пол. II тыс. до н. э.). Наименования животных в первой редакции (OB *Ura*) распределены по двум из шести таблиц: виды домашних и диких животных перечислены в таб. III, а обозначения птиц и рыб — в таб. IV. Данные списки были значительно расширены и дополнены аккадскими эквивалентами в редакции I тыс. до н. э. (SB *Ura*), состоящей из 24 таблиц. В таб. XIII приведен список домашних животных, в таб. XVIII — рыб и птиц, а в таб. XIV представлены, главным образом, наименования сухопутных диких животных, а также, в частности, обозначения насекомых¹. В обеих редакциях большинство наименований животных отнесено к той или иной группе с помощью различных обобщающих терминов. Так, шумерская лексема *miš* (= акк. *ṣēri*) «змея» присваивается в качестве «родового префикса» следующим за ней шумерским терминам, объединяя в одну группу наименования животных, имеющих общие признаки со змеей.

Животные, которых, согласно современной зоологической систематике, относят к беспозвоночным, представлены как в OB *Ura*, так и в SB *Ura*. Многие из них сгруппированы, например: *bir*₅ «саранча», *eḫ* и *uman*_x «паразиты», *za-na* и *ušu* «личинки», *maḡ* «черви», *kiši*₉ «муравьи» и *ḡir*₂ «скорпионы». Группа терминов, объединенных леммой *nim* «мухи», к которой в OB *Ura* относится 11 шумерских наименований (OB *Nippur Ura* 03 344–354), а в SB *Ura* — 29 пар шумерских и аккадских наименований² (SB *Ura* 14 309–337), включает в основном обозначения небольших летающих насекомых, среди которых, по всей видимости, виды мух, мошек, комаров, ос, пчел и, вероятно, шмелей и водомеров. В стВ редакции термины группы *nim* перечислены после группы *uman*_x «паразиты» и перед *bir*₅ «саранча», в редакции 1-го тыс. до н. э. — после видов бабочек и, по всей види-

¹ Veldhuis N. *History of the Cuneiform Lexical Tradition*. Münster, 2014. P. 149–157.

² В списках SB *Ura* шумерским терминам, как правило, приводятся аккадские эквиваленты; каждая строка составляет, таким образом, одно парное соответствие, например шум. *nim la₃* (досл. «муха меда») = акк. *nu-ub-tum* (SB *Ura* 14 331).

мости, перед видами многоножек и пауков. Группа из 11 шумерских терминов в OB Ura представлена в следующем порядке: после самого наименования *nim* следует обозначение *nim saḥar-ra* «пыльная/песчаная муха», затем — шесть разновидностей *nim*, носящих названия хищных зверей («муха-лев», «львица», «волк», «барсук», «щенок/львенок»), после чего идут *nim mul* «звездная муха», *nim i₃-nun* «муха топленого масла» и *nim bi₂-bi₂-a IGI^s-EN-IGI^s-EN* «муха утробы». В SB Ura представлено большинство терминов из OB Ura. Из 29 парных соответствий два аккадских термина (*baqqu*, *kuzāzu*) имеют по три шумерских эквивалента, три (*ašturru*, *ḥāmītu*, *tambukku/tebukku*) — по два. Одно шумерское наименование *nim la₃* «муха меда» имеет три аккадских эквивалента. В SB Ura после самого термина *nim* «муха» следуют *nim saḥar-ra* «пыльная/песчаная муха» (= *lamṣatu*), *nim tur saḥar-ra* «малая пыльная/песчаная муха» и два других термина с одним и тем же аккадским соответствием (= *baqqu*). Далее подряд идут пять терминов, включающие наименования других животных («муха-лев», «львица», «волк», «собака», «бык»). Названия других пяти насекомых сопровождают глаголы, указывающие на характерные действия, которые производят насекомые («кусающая муха»¹, «жующая», «щиплющая», «жужжащая», «бегущая по воде»). Три вида насекомых ассоциированы с продуктами, которыми они питаются («муха топленого масла», «огурцов», «овощей/зелени»). Четыре раза используется шумерский термин *nim la₃(-la)* «муха меда», который имеет три различных аккадских эквивалента (*lallartu(m)*, *nubtum* и прямая калька с шумерского *zumbi dišpi*). Помимо этого, два термина связываются с «утробой»: шумерский термин *nim SIG₇-SIG₇* «муха утробы» (иначе: *nim si₁₂-si₁₂* «желто-зеленая муха») в одном случае приравнен аккадской лексеме *šassūru* «утроба», в другом — аккадскому *kuzāzu*, вероятно, обозначению осы. В списке представлены также шумерские наименования *nim tur* «малая муха», *nim mud* «муха крови», *nim a* «муха воды» и *nim na₄* «муха камня»².

Из 27 шумерских терминов, приведенных в списке SB Ura, лишь два (*nim* и *nim saḥar-ra*) засвидетельствованы в качестве самостоятельных наименований животных в шумерских литературных текстах. По всей видимости, наименование *nim* могло использоваться шире, чем его аккадский эквивалент *zumbu* «муха», поскольку *nim* может «уничтожать» (*be₄-be₄* и *zah₃/saḥ₆*) предметы одежды³ и «ранить» (*ze₂*) губы человека⁴. Из 21 аккадского термина десять являются прямыми кальками с шумерского; как минимум девять из 21 обозначения известны вне лексических списков, главным образом, в текстах предсказаний (омина), в медицинских, литературных текстах и царских надписях. Существенная разница в употреблении обозначений насекомых рассматриваемой группы может указывать на искусственный характер по крайней мере большинства шумерских

¹ Шум. *nim* (^{zu}*zu₂*, иначе: «муха-зуб».

² Digital Corpus of Cuneiform Lexical Texts. URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/dcclt/>. Q000001, Q000089; Weiershäuser F., Hrůša I. Lexikalische Texte I. Teil 1 (KAL 8/1). Wiesbaden, 2018. S. 154–155.

³ The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. URL: <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/>. 5.3.3, стк. 243.

⁴ *ibid.* 2.4.2.14, стк. 47.

наименований в лексических списках. В связи с этим шумерские термины (возможно, намеренно сконструированные) любопытно сопоставить с принципами современной латинской терминологии, включающей имя рода и видовой эпитет. По всей видимости, слово *nim* «муха» указывало на общую группу и функционировало подобно родовому имени, а дальнейшие составляющие наименования служили видовыми эпитетами, указывая на отличительные черты: например, «муха меда» (шум. *nim la₃*), вероятно, для «пчелы», а «муха крови» (шум. *nim mud*), по всей видимости, для «комара».

Макеева Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Надписи на гробе Аменхотепа I

Аменхотеп I, второй царь XVIII, был известен как один из самых значительных правителей Египта, в Фивах почитался как божество. Где находилась гробница царя, не известно до сих пор, несмотря на довольно детальное описание её локации в папирусе Абботт (BM 10221). Мумия, отождествлённая как Аменхотеп I по надписям на саркофаге, была найдена среди других царских останков в гробнице-тайнике в Дейр эль-Бахри TT 320.

Тела некоторых царей XVII-XIX династий были перенесены в гробницу TT 320 в смутное время на рубеже второго и первого тысячелетий до н. э., дабы сохранить древних правителей от ограбления и осквернения. Ряд записей, сделанных на перемещенных предметах, упоминают «храм вечности, в котором Аменхотеп». По-видимому, это свидетельствует о том, что Аменхотеп I считался хозяином гробницы-тайника TT 320. А. Д. Берлев полагал, что эта гробница действительно принадлежала Аменхотепу I, поскольку построена была для его супруги Инхапи¹. Таким образом, саркофаг Аменхотепа I должен был быть центральным объектом в гробнице TT 320.

В 1881 деревянный антропоморфный саркофаг Аменхотепа I был спешно вынесен из гробницы с прочими предметами и перевезён в Каир, где хранился в Египетском Музее, а с 2021 в Музее Египетской цивилизации. Недавно он был отсканирован, и трёхмерная копия выложена на странице Американского Исследовательского Центра в Египте (ARCE)². *Цифровое изображение позволяет сделать некоторые новые наблюдения и уточнить детали истории с перезахоронением царей.*

¹ Berlev O., Hodjash S. Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt: From the Museums of the Russian Federation, Ukraine, Bielorusia, Caucasus, Middle Asia and the Baltic States. Fribourg, Göttingen, 1998. P. 45–46.

² <https://www.arce.org/coffin-amenhotep-I> по состоянию на 14.01.2023.

На груди саркофага, на пустой плоскости между выпуклым париком и изображением грифа, было сделано две надписи. Обе надписи начинаются с даты, а далее называют имя верховного жреца Амона (правителя Фив в эпоху XXI династии), который приказал перезахоронить (буквально «повторить погребение») Аменхотепа I. Что именно подразумевалось под «перезахоронением», не известно. Возможно, имелась в виду реставрация мумии после ограбления гробницы или при переносе тела¹. Впрочем, судя по датам, ритуал мог быть приурочен к фиванскому календарному празднику: оба «перезахоронения» Аменхотепа происходили в дни, примыкающие к третьему месяцу перет, когда поминали царя².

Верхняя надпись датирована 6 годом правления верховного жреца Амона Пинуджема, сына Пинуджема, сына Анху. Вторая — 16 годом верховного жреца Амона Масахарты, сына «царя Пинуджема». Гастон Масперо, опубликовавший факсимильную копию и транскрипцию двух надписей³ (с тех пор они сильно выцвели и плохо читаются), посчитал, что Пинуджемы обоих надписях — одно и то же лицо, т. е. Пинуджем I, сын Анху и отец Масахарты. По-видимому, к такому выводу его подтолкнул как порядок следования надписей, так и последовательность дат: 6 и 16 год. Такой же порядок чтения сохранил и Николас Ривз в своей важнейшей работе, посвященной фиванскому некрополю⁴, второго Пинуджема он пометил знаком sic!⁵, подразумевая ошибку в надписи.

Исходя из того, что египтяне не часто подписывали царские мумии, и вероятно, должны были относиться к этому делу внимательно, версия об ошибочном написании нуждается в пересмотре. Возможны два объяснения формулировке «Пинуджем сын Пинуджема сын Анху». Первое предполагает, что в верхней надписи используется архаичный способ записи имени и отчества, при котором имя отца ставится перед именем сына. Таким образом, полное имя фиванского жреца должно читаться как «Пинуджем, сын пинуджемого сына Анху». Аргумент в пользу этой гипотезы — использование разных знаков для слова «сын» в одном предложении. В таком случае мы узнаём имя отца Пинуджема I, углубляя таким образом наши знания о династии фиванских верховных жрецов.

Вторая гипотеза предполагает пересмотр порядка нанесения надписей: первой была нанесена нижняя. Она выполнена чуть более размашисто. Более того, благодаря цифровой копии мы можем увидеть признаки того, что второму писцу пришлось встраивать свою надпись в небольшое пространство, которое оставалось между выпуклой частью саркофага сверху и уже существующем текстом снизу. Начальная стока заходит далеко на бок саркофага — как если бы писец понимал, что у него недостаточно места. Тогда верхняя надпись нанесена другим человеком

¹ Reeves C. N. Valley of the Kings. The decline of a royal necropolis. London, New York, 1990. P.229.

² Schott S. Altägyptische Festdaten. Wiesbaden, 1950. S. 98.

³ Maspero G. Les momies royales de Deir El-Bahri. Le Caire, 1889. P.537.

⁴ Reeves C. N. Valley of the Kings. The decline of a royal necropolis. London, NY, 1990. P. 235–236.

⁵ Так же, как двойное написание, это место было обозначено в труде Kitchen K. Third Intermediate Period. Warminster, 1973. P. 418 (N.10).

и в другое правление. Им мог быть внука Пинудежма I — верховный жрец Амона Пинуджем II (Младший), управлявший Фивами при царе Сиамене. Слово «сын» по-египетски означает потомка мужского рода, в том числе внука. Ассоциация с выдающимся дедом Пинуджем Миладший была желательна, известен памятник, на котором его имя связано с дедом-царём¹ по другой линии. В таком случае ритуал «перезахоронения» и нанесение надписи можно рассматривать в контексте Пинуджемом Младшим освоением древней гробницы. За несколько месяцев до того он похоронил в гробнице TT 320 свою рано почившую супругу. Посредством ритуала «перезахоронения» создавалась связь между семьёй фиванских жрецов и почитаемым царём-предком, который правил Египтом пять лет ранее.

Немировская А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Откуда происходят памятники «ассирийского монументального искусства»?

По-своему уникальным письменным свидетельством по данному вопросу служит аккадский текст, дошедший на нескольких закладных шестигранных призмах времени царя Ассирии Асархаддона, которые датируются 673 и 672 гг. до н. э. и происходят из Ниневии, Ашшура и Суз. Текст посвящен возведению нового здания арсенала в столичном городе Ниневии². Он содержит отчет о военно-политических успехах Ассирии на западном направлении в 677–676 гг. В результате этой кампании «на нужды моего дворца» (*a-na ħi-ših-ti É. GAL-ia*) из «горных регионов, места их происхождения / изготовления (?)» (*ultu qereb ħuršāni ašar nabnūtēšunu*) в Ниневию были доставлены уже готовые каменные скульптуры (горельефы) быков-хранителей (77) ^dALAD.^dLAMMA. MEŠ ša NA₄.^dŠE. TIR (78) MUNUS.^dLAMMA. MEŠ MUNUS. ÁB.ZA. ZA-a-ti “bull colossi (made of) *pendû-stone, lamassu-statues, zebus*” наряду с плитами (заготовками ?) из ценных пород дерева и камня (78) NA₄.KUN₄.MEŠ *a-gúr-ri* (79) ša NA₄.GIŠ. NU₁₁.GAL NA₄.^dŠE. TIR NA₄.DÚR. MI.NA (80) NA₄.DÚR. MI.NA. BÀN. DA NA₄.*a-lal-lum* NA₄. GI. RIM. ĤI.LI. BA (“paving stones, slabs of marble, *pendû-stones, breccia, colored marble, brownish limestone, (and) girimĥilibû-stone*”).

Любопытно, что типичное для ассирийских исторических источников I тыс. до н. э. наименование Сиро-Палестинского региона (*māt Ḫatti*), откуда в Ниневию «с трудом и усилием (цари) дали (велели/позволили) притащить» колоссов и все перечисленное (*GIG-iš/maršiš pa-aš-qi-iš a-na NINA. KI URU be-lu-ti-ia ú-šal-di-du-u-ni*), сочетается

¹ Maspero G. Les momies royales de Deir El-Bahri. Le Caire, 1889. P.579.

² Leichty E. The Royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Winona Lake, 2011 (RINAP 4/1 v.73-vi.1).

здесь с таким географическим названием, как: *e-ber ÍD(nāri)* «Заречье/Заевфратье» (ранее — в тексте договора 676 г. с Баалу, царем Тира)¹. Последнее в качестве обозначения Сирии и других областей к западу от Евфрата характернее для эпохи Ахеменидов. Так, в ряде клинописных документов 559–486 гг. упоминается перс Гобрий, «сатрап провинции Вавилон-и-Заречье» (^m*gu-bar-ru* ^{lu}NAM TIN. TIR^{ki} *u* (^{kur})*e-bir ÍD*)². Персидская провинция «Заречье» многократно упоминается в арамейской форме *br nhrh* в библейской книге Ездры (гл. 4–7).

Примечательно, что в числе 22 правителей городов Восточного Средиземноморья включая острова (KUR.*ḥat-ti a-ḥi tam-tim* ù MURUB₄ *tam-tim*) выделены «12 царей Приморского побережья» (12 *šarrāni ša kišādi tām-tim*), к которым отнесены: Баалу, царь Тира; Манассия, царь Иудеи; Кауш-габри, царь Едома; Муцур, царь Моава; Цил-Бел, царь Газы; Митинти, царь Ашкелона; Икаусу, царь Екрона; Милки-ашапа, царь Библа; Матан-Баал, царь Арвада; Аби-Баал, царь Самсимурруна; Буду-Ил, царь Бит-Аммана (библ. Аммон); Ахи-Милки, царь Ашдода (RINAP 4/1 v.73-vi.1, p. 23–24).

Логично предположить, что исходная традиция вырезания из скальных пород значительных по площади рельефов (барельефов, горельефов) должна была представлять собой вытесывание на месте, в горах. Одну из древнейших и практически непрерывных традиций этого высококвалифицированного ремесла (искусства) демонстрирует Иранский регион: начиная с Элама³ и вплоть до Бехистунской надписи Дария I, сопровождаемой рельефами. Самый известный архитектурный комплекс на переднеазиатском западе, включающий рельефные изображения и надписи, — это Язылыкая, хуррито-хеттское скальное святилище XV–XIII вв. до н. э. (Турция, Богазкёй). В свою очередь самый ранний ассирийский архитектурный комплекс с рельефами и горельефами, покрытыми текстами, — это дворец Ашшурнацирпала II (883–859 гг.) в г.Кальху (Нимруд)⁴.

Важно, что археологических следов работы каменотесов непосредственно в Месопотамии крайне мало⁵. Можно предположить, что плиты с рельефами (с высеченными текстами), как и статуи (горельефы) человеко-быков (^dALAD.^dLAMMA/*aladlammû*) или разнообразных (львинотелых) сфинксов (UR. MAḤ. MEŠ/*urmahḥû*; MUNUS. ÁV.

¹ Parpola S., Watanabe K. Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oaths. Helsinki, 1988 (SAA 2), p. XXIX (Text 5); 27 (строка 9'); в письме Саргону: KUR.*e-bir ÍD* (SAA I 204 r.10); Bagg A. M. Répertoire Géographique des Textes Cuneiforms VII/1. Wiesbaden 2007, p.64.

² Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н. э.: социальные институты и идеология. СПб., 2009; Magdalene F. R., et al. Fault, Responsibility, and Administrative Law in late Babylonian Legal Texts. Univ. Park, Pennsylvania, 2019. P.409, 432–433, 437.

³ Alvarez-Mon J. The monumental reliefs of the Elamite highlands: a complete inventory and analysis (from the 17th to 6th century BC). Univ. Park Pennsylvania, 2019.

⁴ Russel J. M. The Writing on the Wall: Studies in the Architectural Context of Late Assyrian Palace Reliefs. Winona Lake, 1999.

⁵ Moorey P. R. S. Ancient Mesopotamian Materials and Industries: the archaeological evidence. N. Y., 1994, p.31–32.

ZA. ZA/*apsasû*; ^dLAMMA MAḤ)¹, также с высеченными вокруг текстами, изготавливались по ассирийскому заказу (по крайней мере, вчерне) в месте происхождения как самого материала, так и многовекового ремесла мастеров-каменотесов. Показательно, что на «фрагменте Балаватских ворот Салманасара III можно увидеть, как двое каменщиков стоят с молотками и резцами в руках и вырезают изображение на стеле, но это скорее высеченный в скале, а не свободно стоящий памятник»². При этом не исключено, что письмо Саргону свидетельствует как раз о доводке колоссов на месте в Кальху: (12) *i-bat-tu-qu* ^dALAD.^dLAMMA (13) *bat-qu-te*³ («будут обтесывать; вытесанных человеко-быков»).

Николаев А. Н. (ГЭ, Санкт-Петербург)

К вопросу о датировке древнеегипетского картонажа ДВ-788 из Эрмитажа

Среди погребальных предметов Птолемеевской и Римской эпохи в коллекции Эрмитажа хранится неопубликованный картонаж мумии (инв. № ДВ-788) в четырех фрагментах, смонтированный на манекене. Высота в собранном виде 175 см.; поступление 1826 г., из коллекции Кастильоне. Картонаж имеет отличительные черты, позволяющие отнести его к концу правления династии Лагидов — самому началу владычества в Египте Рима (прим. 100 г. до н. э. — 100 г. н. э.). Это сам факт наличия четырех отдельных элементов картонажа (а не, например, двух — маски и передника); использование бордового цвета для фона (бордовый характерен для римских погребений в Египте); сплошное заполнение орнаментом и изображениями всей поверхности картонажа; наличие сквозных прорезей, подчеркивающих контуры основных фигур, на трех нижних фрагментах; широкий, из трех горизонтальных регистров пояс над ожерельем-усех; задранные вверх концы крыльев богини Нут; наличие двух соколиных голов с солнечными дисками на головах на нижнем прямоугольном фрагменте и др.

Очевидно, что в древности мумия с рассматриваемым картонажем помещалась в широкогрудый антропоидный (деревянный или каменный) или прямоугольный

¹ В строительной надписи Саргона упоминаются 8 колоссов-баранов: UDU. MEŠ *šad-di* ^dLAMMA MAḤ *šá NA* KUR-*i eš-qi* “mountain sheep colossi of massive mountain stone” (RINAP 2/9, стр. 75 // RINAP-online (<http://oracc.museum.upenn.edu/rinap/corpus>)).

² Симпсон С.-Дж. Новоассирийское искусство и архитектура / «Я воздвиг там мой царский дворец...». Памятники ассирийского искусства из коллекции Британского музея. Каталог выставки. СПб., 2019. С.48, сн.18.

³ Parpola S. The Correspondence of Sargon II. P. I. Letters from Assyria and the West. Helsinki, 1987 (SAA I 110).

(деревянный) саркофаг, однако никаких сведений о нем не сохранилось; предмет вырван из археологического контекста.

Ближайшими аналогиями являются картонаж неизвестного из Художественного музея Северной Каролины, картонаж Несмина из Музея Метрополитен (инв. № 86.1.51), картонаж неизвестного из Британского музея (инв. № ЕА 51146), картонаж неизвестного из Эрмитажа (инв. № ДВ-18421-б) и др.

Столбец для вписывания текста жертвенной формулы и имени усопшего, расположенный в центре нижнего фрагмента, остался незаполненным. Это укладывается в весьма распространенную традицию для поздних саркофагов и картонажей не называть покойного (иногда столбец заполнен фрагментом из какой-либо главы Книги мертвых, опять же, без конкретного имени).

В первые века н. э. картонажи в целом и маски с них в частности начинают утрачивать формализованный, или универсальный, подход в оформлении и все больше и чаще передают подлинный облик умершего, акцентируя внимание на его индивидуальных чертах (этот процесс приведет к появлению в I–III вв. н. э. Фаюмских портретов). Представляется, что эрмитажный картонаж ДВ-788 был создан накануне слома художественной традиции: он еще выполнен в стандартизированной манере, однако скоро в Египте получит распространение другой — более реалистичный — способ оформления мумий.

Орехов Р. А. (Центр египтологических исследований РАН, Москва)

К дискуссии о первоначальном расположении Мемфиса

История, пересказанная Геродотом со слов жрецов храма Птаха около 450 г. до н. э. свидетельствовала о том, что столичный Мемфис был основан Мином, первым царем I династии (Herod. II, 99). Однако вплоть до сегодняшнего дня не известно, в каком месте изначально этот город располагался? Различные исследователи по-разному отвечают на вопрос о становлении раннего Мемфиса. Существует множество противоречивых и спорных теорий, которые базируются преимущественно на данных, полученных в ходе раскопок саккарского некрополя и некрополя Хелуана. Однако реальные результаты относительно происхождения города были получены только Обществом изучения Египта (Egypt Exploration Society) — The Survey of Memphis (SoM). Возглавлявший этот проект Д. Джеффрис убедительно доказал на основании изучения письменных источников, данных топографии, результатов геофизических исследований и археологических раскопок, что постепенное смещение Нила в восточном направлении, прослеживаемое в римское время, имело место и в предшествующие периоды. Именно этот фактор оказал

принципиальное влияние на развитие древнего Мемфиса. Другой важный вывод Д. Джеффриса состоял в том, что строительство ранних поселений на западном берегу Нила, претендующих на статус столичного центра, началось только в правление Джосера. До этого ведущая роль в урбанизации региона принадлежала восточному берегу. В итоге все полученные данные проекта SoM свелись к тому, что город возник в пойменной территории западного берега, в непосредственной близости от остатков городища, так называемого «поля руин Мемфиса», только в начале III династии. Тем не менее, уже в ходе реализации проекта коллега Д. Джеффриса Я. Малек выдвинул альтернативную точку зрения. Ученый полагал, что первоначальный Мемфис располагался гораздо севернее, в районе Абусира. Между членами британской миссии вспыхнула дискуссия, которая в итоге ни к чему не привела, а сам проект в начале 2000-х был свернут по причине отсутствия финансирования. Чуть позже в ходе реализации уже других проектов — Saqqara Geophysical Survey Project (Ян Матисон, К. Ридер), а также работы археологической миссии Университета Васэда (С. Есимура, Н. Каваи) были получены новые данные, которые сделали гипотезу о расположении древнего города в районе Абусира более вероятной.

Орлов В. П. (КФУ, Казань)

Правовая система Державы Ахеменидов: историография проблемы¹

По каким законам жила Персидская держава Ахеменидов и было ли пространство империи единым с юридической точки зрения? Подобные вопросы периодически ставились как отечественными, так и зарубежными исследователями, однако сейчас мы не имеем как консенсуса по данной проблеме, так и её специального всестороннего разбора.

Ещё А. Олмстед высказал однозначную позицию, согласно которой при Дарии I в империи создан свод законов, базирующийся на кодексе Хаммурапи². Такая точка зрения нашла определенный отклик в исследовательской среде. У. Куликан утверждал, что Дарий установил принцип господства права, основанного на кодификации Вавилонского прецедентного законодательства³. Р. Фрай не давал однозначного ответа на вопрос о существовании единого свода закона в Персидской державе, но резонно предполагал, что ахеменидское законодательства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23–28–01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

² Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago: The University Chicago Press, 1948. P. 120–128.

³ Culican W. The Medes and the Persians London. 1965. P. 169–170.

могло восходить к родовым или племенным установкам времен ариев¹. По его мнению, после становления мощной ахеменидской государственности возникла потребность отделить правовые нормы, регулирующие частное семейное право, от государственных дел².

Схожую точку зрения высказывали и некоторые отечественные ученые. М. М., ссылаясь на В. В. Струве, не исключал, что для контроля над обширными территориями Ахемениды могли ввести своё законодательство³. Сам В. В. Струве же вовсе не высказывался по данной проблеме, а лишь указывал на законодательную деятельность Дария⁴. Особняком в советской историографии стоит мнение А. В. Эдакова, который анализировал надпись Ксеркса (XDNb)⁵ и пришел к выводу о том, что этот текст является программным и содержащим «государственный закон всей державы Ахеменидов⁶».

Однако позицию А. Олмстеда разделяли далеко не все видные иранисты. На умозрительные выводы американского исследователя указал Дж. М. Кук. Он замечал, что утверждение Дария о почитании странами его закона (*tyanā manā dātā apariyāya* — DB I.23) не указывает на некий единый законодательный кодекс, т. к. только взошедший на престол царь не мог столь быстро создать и внедрить по всей империи новое законодательство⁷. К тому же он отмечал, что законы Хаммурапи, с которыми А. Олмстед сравнивает т.н. кодекс Дария не имеют свидетельств реального использования в правоприменительной практике⁸.

Схожее мнение высказывается в монографии Дандамаева М. А. и Луконина В. Г. Авторы полагали, что под фразой «закон царя» (аккадское — *dātu ša šarri*)⁹ подразумевается «общий правовой порядок, установленный Ахеменидами, а не единый общегосударственный кодекс законов»¹⁰. При этом исследователи соглашались с тем, что при Дарии шла интенсивная работа по кодификации законов, покоренных народов¹¹. П. Бриан также отрицательно относится к идее о существовании некоего общего для всей империи царского свода законов, указывая, что термин *dāta* в Бехистунской надписи отражает политико-религиозную идеологию, а не аспекты юридической организации империи¹².

¹ Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. В. А. Лившица и Е. В. Зеймалю. М., 2002. С. 147–149.

² Ibid.

³ Дьяконов М. М. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961. С. 111.

⁴ Струве В. В. Датировка Бехистунской надписи // ВДИ. 1952. № 1. С. 44.

⁵ Речь идет о надписи, которая в современной номенклатуре обозначается XPI.

⁶ Эдаков А. В. Новые находки надписей Ахеменидов // ВДИ. 1979. № 3. С. 113–114.

⁷ Cook J. M. The Persian Empire. London; New York: Schocken Books, 1983. P. 72–73.

⁸ Ibid.

⁹ Подробнее о выражении *dātu ša šarri* см.: Kleber K. *dātu ša šarri: Gesetzgebung in Babylonien unter den Achämeniden* // Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte. 2010. 16. P. 49–75.

¹⁰ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 127–140.

¹¹ Там же.

¹² Briant P. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire. / Tr. by P. T. Daniels. — Winona Lake (Indiana): Eisenbrauns, 2002. P.510–511.

К термину *dāta* обращается Ллевеллин-Джонс Л. Он солидаризируется с П. Брианом относительно того, что соблюдение *dāta* выражает в первую очередь лояльность Великому царю, а сам термин используется для обозначения как божественного, так и царского закона¹. Но относительно наличия единого законодательного кодекса исследователь не высказывается однозначно. В компендиуме 2021 года по истории Ахеменидской империи проблеме интерпретации термина *dāta* в частности и анализу правовой системы Ахеменидской державы посвящен краткий очерк Р. Пирнгрубера. Он отмечает, что современные исследователи в большинстве своем отвергли идею А. Олмстеда о наличии в Ахеменидской державе единого царского свода законов, однако значение термина *dāta* неоднозначно. Исследователь приводит две основные интерпретации: *dāta* как некий основной всеобщий принцип, поддерживающий земной и космический порядок и *dāta* как конкретные предписания и указы Великого царя². В целом опус Р. Пирнгрубера отражает современные мнения о значении термина *dāta*, но отнюдь не исчерпывает рассматриваемую нами проблематику. Подводя итог, отметим, что пока комплексного и междисциплинарного исследования правовой системы Ахеменидской империи так и не было предпринято. Исследователи зачастую ограничивались анализом различных частных случаев, пытаясь на их основе прийти к универсальным выводам об устройстве правового поля в Персидской державе VI–IV вв. до н. э.

Палагута И. В. (СПГХПА, Санкт-Петербург)

Антропоморфные статуэтки ранних земледельцев Европы и их возможные библейские аналогии

Раннеземледельческие культуры неолита и медного века, распространившиеся в VII–IV тыс. до н. э. на широких пространствах от Центральной Азии до Западной Европы, отличает наличие широкого ассортимента мелкой антропоморфной пластики. Эти статуэтки часто интерпретируются в ключе культов плодородия. Однако при интерпретации материалов дописьменных культур важную роль играют те параллели, где значение можно проследить по письменным источникам.

Анализ иконографии фигурок из наборов, обнаруженных в культурах Балкано-Карпатского региона, позволил обозначить как мужские, так и женские персонажи.³ Есть параллели между ними и римскими Ларами и Пенатами, выступающими

¹ Llewellyn-Jones L. *Persians: The Age of the Great Kings*. — New York: Basic Books, 2022. P. 139.

² Mitchell C. *The Testament of Darius (DNa/DNb) and Constructions of Kings and Kingship in 1–2 Chronicles. Political Memory in and after the Persian Empire*. Ed. J. M. Silverman, C. Waerzeggers. SBL Ancient Near East Monographs 13. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 363–380.

³ Палагута И. В. Первобытное общество в зеркале искусства: новый взгляд на интерпретацию антропоморфной пластики эпохи неолита // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2013. №2. С. 130–148.

в схожем «домашнем» контексте. Поэтому возможно, что значительная часть доисторических статуэток изображала предков или так или иначе была связана с их культурами и, возможно, мантической практикой¹.

Можно ли найти соответствующие аналогии на Ближнем Востоке?

В библейских текстах обращает на себя внимание сюжет о бегстве Иакова и Рахили от ее отца — арамея Лавана (Бытие: 31, 17–35). Уезжая с Иаковом от отца в Ханаан, Рахиль «захватила с собою также изображение божеств, почитать которые, как домашних богов, было в обычае» (Иосиф Флавий. Иудейские древности: I, 19, 9). Когда разгневанный Лаван догнал караван зятя, Рахиль спрятала идолов под верблюжье седло и села на них, притворившись, что у нее месячные. Поэтому Лаван, обыскивавший шатер, так и не смог их найти.

«Идолы» из этого сюжета в древнееврейском тексте Библии названы «Терафим», и упоминаются только в форме множественного числа². Они были детально проанализированы П. А. Флоренским³.

Несмотря на утверждения Иосифа Флавия (Иудейские древности: I, 21, 2), из дальнейшего повествования непонятно, тех ли именно «богов чужих» («элогим») закопал Иаков по дубом близ Сихема (Бытие: 35, 1–4). Позже Терафим появляются в Книге Судей, в истории об изготовлении Михой «истукана и литого кумира» из серебра, ефода и Терафим (Судей: 17). Вместе эти предметы именуется «элогим» (Судей: 18, 24). В Первой Книге Царств Терафим связаны с ворожкой, осуждаемой Самуилом (1 Царств: 15, 23). Использование Терафим обычно в религиозной практике Израильского царства: живший в VIII в. до н. э. Осия пророчествует: «... долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафим» (Осия: 3, 4).

Согласно библейскому тексту, в 610-е гг. царь Иосия в ходе религиозных реформ «истребил» «и вызывателей мертвых, и волшебников, и терафимов, и идолов» (4 Царств: 23, 24). В книгах пророков VI в. до н. э. Терафим связаны с мантикой (Иезекиль: 21, 21). К концу VI в. до н. э. относится пророчество Захарии, где Терафим, вопрошаемые как оракул, фигурируют с негативным оттенком: «терафимы говорят пустое, и вещуны видят ложное» (Захария: 10, 1–2). После этого Терафим исчезают со страниц Библии.

Приведенные отрывки из Библии получили множество толкований в последующей талмудической литературе, где Терафим предстают в виде забальзамированных голов, использовавшихся в ритуалах некромантии.⁴ Очевидно, что

¹ Палагута И. В. Античные изобразительные и письменные источники в решении проблемы интерпретации памятников искусства доисторической Европы // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 5. СПб., 2015. С. 77–85.

² Каменецкий А. С. Терафим // Еврейская энциклопедия (под ред. Л. Каценельсона). Т. 14. СПб., 1913. Стлб. 809—810.

³ Флоренский П. А. О терафимах. Что такое идолы Лавана, и с какой целью Рахиль похитила их у отца? (предисл. и примеч. А. В. Пономарева) // Богословские труды. Сб. 42. М., 2009. С. 251–317.

⁴ Флоренский П. А. О терафимах... С. 293–294.

правоверные иудеи сгущали краски вокруг всех проявлений идолопоклонства. В караимских переводах Пятикнижия X–XI вв. этот термин вообще был трактован как навигационные приборы типа астроялий¹.

Идея о соотношении Терафим с Ларами и Пенатами высказана еще Пьером Журье (1637–1713), который предположил, что они — изображения предков Лавана (Ноя и Сима), не исключив и возможное использование их в мантических практиках². Эта трактовка загадочных «идолов» Рахили как изображений предков представляется наиболее приемлемой, исходя из аналогичной функции мелкой пластики в древних культурах (из контекста следует, что они помещались в седельную сумку).

Наиболее логичным путем похищение Рахилью Терафим своего отца объясняется ее желанием вывести линию предков Лавана в род своего супруга Иакова³. Таким образом, обладание их изображениями обеспечивало их поддержку ее собственным детям.

Очевидно, что значения и функции Терафим трансформировались и отличались в разные эпохи. Однозначно сопоставить Терафим с какой-либо из форм мелкой пластики из археологических находок на территории Древней Иудеи пока не представляется возможным. Многочисленные «столбообразные» (pillar-based) статуэтки из слоев РЖВ I–II в основном женские, их обычно связывают с Ашерой и куклами плодородия (их количество в слоях археологических памятников уменьшается с VI в. до н. э., что, возможно, связано с утверждением монотеизма)⁴. Но некоторые абстрактные фигурки могли изображать и иных персонажей, выполняющие специфические функции изделия могли быть также изготовлены из несохранившихся органических материалов. Анализ ближневосточных материалов бронзового и раннего железного веков, тем не менее, представляет обширное поле для дальнейших исследований и сопоставлений.

Рунг Э. В. (КФУ, Казань)

Понятие справедливости и законности в царских надписях Ахеменидов⁵

Необходимо задаться вопросом, следовал ли Дарий I месопотамской традиции понимания справедливости (по-аккадски *mīšarum*, по-шумерски – *níg.si.sá*), которая нашла отражение в обозначении рядом правителей своих указов как «законов

¹ Грищенко А. И. Какие стурлабы украли Рахиль у Лавана? (Об источниках глосс славяно-русского Пятикнижия XV века) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. №1 (71). С. 105–115.

² Флоренский П. А. О терафимах... 307–308.

³ Палагута И. В. Античные... С. 81.

⁴ Kletter R. The Judean Pillar-Figurines and the Archaeology of Asherah. BAR IS 636. Oxford, 1996.

⁵ * Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23–28–01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

о справедливости» (*dīnāt mīšarim*) и принятии титула «царь справедливости» (*šar mīšarim*)¹. Некоторые исследователи утвердительно отвечают на этот вопрос, даже проводя параллели между законодательной деятельностью Дария I и вавилонского царя Хаммурапи².

По сравнению с концептом справедливости, принятым в Месопотамии³, в Персии эта справедливость также была дарована богом царю, и далее исходила непосредственно от царя по отношению к своим подданным. В древнеперсидских царских надписях наиболее распространенное иранское слово *arša* для обозначения «справедливости»⁴ встречается только единожды – в антидэвовской надписи Ксеркса, в виде наставления по поклонению Арте, наряду с Ахурамаздой: «почитай Ахурамазду и Арту в бразмане» (XPh §4d: *Auramazdām yadaišā rtācā brazmaniya*). В большинстве же других надписей в значении справедливости, правды, права выступают слова *arštā*- и *rāstā*-⁵.

Очевидно «справедливость», исходящая от царя, мыслилась древними иранцами как «законность», одобренная Ахурамаздой. Особо примечательно, что древнеперсидское выражение в §63 Бехистунской надписи «по справедливости я поступал» (*upari rštām upariyāyam*), не причинял зла ни слабому, ни сильному, в параллельном тексте эламской и вавилонской версий надписи в § 51 переводится: «по законам я действовал» (DB. El. § 51; DB. Akk. § 51: *ina di-na-a-tu a-se-eg-gu*). Все идеи, представляющие царя защитником справедливости, выражены в концентрированном виде во второй обширной Накше-Рустамской надписи (DNb), которая иногда в историографии называется «завещанием» Дария I⁶, и ретранслируются в надписи Ксеркса из Персеполя (XPI): «Я таков, что правому я друг, причиняющему зло – недруг; нет у меня желания, чтобы слабому сильный причинял зло, нет у меня желания, чтобы сильному слабый причинял зло» (DNb § 2a; XPI § 2a); «то, что правильно / справедливо – то моё желание. Я не друг лжецу» (DNb § 2b;

¹ Eph'al-Jaruzelska I. "Lightening the Yoke": The Exercise of Power and Royal Legitimacy in the Ancient Near East // *Orientalia*. 2020. Vol. 89. No 2. P. 198–199.

² Olmstead A. T. *History of the Persian Empire*. Chicago: The University Chicago Press, 1948. P. 120–128; Démare-Lafont S. *dātu ša šarri. La «loi du roi» dans la Babylonie achéménide et séleucide* // *Droit et Cultures*. 2006. Vol. 52. No 2. P. 15–17.

³ Westbrook R. *The Character of Ancient Near Eastern Law* // *A history of ancient Near Eastern law* / Ed. by R. Westbrook. Boston; Leiden: Brill, 2003. Vol. 1. P. 26.

⁴ Schlerath B., Skjærvø P. O. ii. *Old Persian Arša* // *Encyclopaedia Iranica*. 1987. Vol. II. Fasc. 7. P. 694–696.

⁵ Kent R. G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven, 1950. P. 171 (*arštā*- 'rectitude'); P. 206 (*rāsta*- 'straight; right; true'); Schmitt R. *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden, 2014. S. 239 (*rštā* — 'Recht; Gerechtigkeit'); S. 237 (*rāsta*- 'recht; das Rechte').

⁶ Mitchell C. *The Testament of Darius (DNa/DNb) and Constructions of Kings and Kingship in 1–2 Chronicles. Political Memory in and after the Persian Empire*. Ed. J. M. Silverman, C. Waerzeggers. SBL Ancient Near East Monographs 13. Atlanta: SBL Press, 2015. P. 363–380; Jonker L. C. *Achaemenid Understanding of Law and Justice in Darius I's Tomb Inscriptions: Are There Any Connections with Hebrew Bible Pentateuchal Conceptions?* // *Scandinavian Journal of the Old Testament*. 2019. Vol. 33. No 1. P. 27–31.

XPI §2b); «человека, которой сотрудничает, согласно сделанному вознаграждаю, того, который вредит, согласно вреду наказываю. Не у меня желания, чтобы человек вредил, а также нет желания, если навредил, не наказывать» (DNb § 2c; XPI § 2c); «человек, который против другого человека говорит, тот меня не убедит до тех пор, пока я не выслушаю свидетельства обоих (сторон)» (DNb § 2d; XPI § 2d); «человек, который делает или приносит согласно своим возможностям, им я буду удовлетворен, таково во многом мое желание, и я доволен и воздаю многое преданным людям» (DNb § 2e; XPI § 2e). Таким образом, в этих двух надписях справедливость / правда объявляется желанием царя (DNb § 2b; XPI § 2b: *taya raštam, avā mān kāmā*). Один из принципов взаимоотношения с подданными, непосредственно имеющей отношение к функционированию судебной системы в империи Ахеменидов, это объективность в рассмотрении спорных дел, предполагающая следование аксиоме *audiatur et altera pars* перед принятием царем соответствующего решения (DNb § 2d; XPI § 2d). Однако, справедливость царя распространяется на взаимоотношения между людьми в обществе (DNb § 2a; XPI § 2a). Причем, в последнем случае, царь не выступает исключительно в качестве защитника «слабых», как это мы чаще всего наблюдаем в законодательных актах правителей Месопотамии¹, а стремится не занимать в социальном конфликте чью-либо сторону, но стоять на позиции арбитра. Согласно заявленному принципу, царь говорит о своем неприятии причинения вреда не только со стороны сильного слабому, но и со стороны слабого сильному. Исключение составляет только Сузская надпись Дария I, в которой этот царь в условиях социального конфликта («страны бурлили; один с другим сражался») открыто встает на защиту «слабых»: «моего закона боялись, так что сильный со слабым не сражался, и не уничтожал его» (DSe. § 5). Итак, Дарий рассматривает справедливость прежде всего с позиций своих взаимоотношений с подданными, и только единожды царь обозначает «путь справедливости / правды» (*pašim tyām rāštām*), со стороны подданных, как бы наставляя их: «О человек, пусть повеление Ахурамазды тебе не покажется противным, путь правды / справедливости ты не оставь, не восставай!» (DNa. § 6).

Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва)

Маргиналии к тексту стелы JdE 60539²

Стела JdE 60539, более известная как «Стела 400-летия», была обнаружена О. Мариетом в 1863 г. в храме Амона в Танисе³ и впоследствии заново открыта П. Монте в 1932 г., после чего транспортирована в Каирский музей, где хранится

¹ Westbrook R. The Character of Ancient Near Eastern Law. P. 26.

² JdE — Journal d'entrée du Musée du Caire.

³ Первоначально стела находилась в столице Рамсеса II Пер-Рамсесе.

поньне. Ее 12 строк основного текста породили дискуссию относительно упоминания там предков Рамсеса II.

В верхней части стелы изображены Рамсес II и визирь Сети, поклоняющиеся богу Сетху. Последний представлен с иконографическими чертами Баала и носит необычный эпитет «Сетх Рамсеса», что свидетельствует об особом отношении Рамессидов к этому божеству. В первых четырех строках содержится титулатура Рамсеса II. Строки 5–6 упоминают о приказе Рамсеса II воздвигнуть памятную стелу в честь «своих отцов», «отца его отцов», вероятно, бога Сетха, и своего физического отца, царя Сети I. В строке 7 зафиксировано необычное летоисчисление по правлению бога Сетха — «⁽⁷⁾ Год 400, 4-й месяц (сезона) шему, день 4-й царя Верхнего и Нижнего Египта Сетха». В строках 8–10 говорится о прибытии визиря Сети, вероятно, в культовое место Сетха в Пер-Рамсесе, и перечисляются как его титулатура, так и имена и титулы его отца Парамессу и матери Тиу. В строках 11–12 сохранилась часть молитвы этого сановника богу Сетху. Нижняя часть текста, содержавшая еще как минимум две строки, разрушена.

В 1930 году К. Зете выдвинул предположение¹, согласно которому визирь Сети текста стелы, есть не кто иной, как фараон Сети I до своего воцарения. Упомянутого в тексте отца Сети, визиря Парамессу он предложил считать отцом Сети I Рамсесом I до того момента, как он стал царем. В качестве ключевого аргумента своей гипотезы К. Зете указал на сходство титулов Парамессу «Стелы 400-летия» и Парамессу, будущего Рамсеса I, на двух статуях, обнаруженных в 1913 г. Ж. Лёграном в Карнаке².

Эта гипотеза стала широко распространенной в историографии³, хотя и претерпела впоследствии различные модификации⁴. Однако неизменным в рамках подобных гипотез осталось представление об упоминании в тексте стелы предков Рамсеса II, когда они еще не были царями.

Тем не менее, ряд специалистов выступил против этой точки зрения, справедливо указывая, что мать Сети I, видимо, звали не Тиу, но Сатра. Кроме того, непонятно, зачем создателям памятника представлять Сети I на одном и том же памятнике и фараоном, и сановником. Поэтому в визире Сети «Стелы 400-летия» они видели некоего чиновника правления Рамсеса II⁵.

¹ Sethe K. Der Denkstein mit dem Datum des Jahres 400 der Ära von Tanis // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1930. Bd. 65. S. 85–89.

² Legrain P. Les statues de Paramessu, fils de Sêti // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. 1914. T. 14. P. 29–38. Сходство титулов не является полным. У Парамессу «Стелы 400-летия» отсутствуют многие важные титулы, присутствующие на статуях Парамессу из Карнака, например, jm.j-r r-xA.wt, qDn n @m=f, jm.j-r mSA n nb tA.wj, wpw.tj nswt r xAs.t nb.t и другие (Ibid. P. 30), которые следовало бы ожидать и в тексте из Таниса, будь эти сановники одним и тем же лицом.

³ Gnirs A.-M. Militär und Gesellschaft. Heidelberg, 1996. S. 70; Dodson A., Hilton D. Complete Royal Families of Ancient Egypt. London, 2004. P. 162.

⁴ См. обзор гипотез: Стучевский И. А. Рамсес II и Херихор. М., 1984. С. 5–11.

⁵ Это предполагалось еще Э. Мейером. См.: Gaballa G. A., Kitchen K. A. Ramesside Varia I // Chronique d'Égypte (далее — CdE). 1968. T. 43. P. 260.

Нам хотелось бы добавить еще некоторые замечания против идентификации визиря Сети с Сети I. Во-первых, несмотря на присутствие в тексте «Стелы 400-летия» имен Рамсеса II и его титулатуры, как и упоминания о его распоряжении создать стелу, рассматриваемый памятник, по-видимому, не является царским. Титулатура царя, как и указание точного года его правления могут встречаться и на частных монументах¹. Во-вторых, создается впечатление, что главным героем «Стелы 400-летия» выступает не Рамсес II, а визирь Сети, чья личная молитва к богу Сетху, несмотря на ее неполную сохранность, едва ли содержала отсылки к царю².

Кроме того, во фразе ⁽⁵⁾ wD @m=f.jr.t aNa.w aA m jnr n mAT Hr rn wr n jt.w=f n-mrw.t saNa rn n jt jt.w=f ⁽⁶⁾ nswt Mn-mAa.t-Ra sA Ra %tX.j Mr.n PtH «⁽⁵⁾ Его Величество приказал сделать большую стелу из гранита с великим именем своих отцов, чтобы восстановить имена отца его отцов ⁽⁶⁾ (и) царя Менмаатра, сына Ра, Сети Мернептаха», словосочетание jt.w=f «своих отцов» не следует понимать как указание на отца и деда Рамсеса II³ или еще более отдаленных предков⁴. На наш взгляд, оно должно быть связано с «отцом его отцов» Сетхом как богом-покровителем XIX династии и фараоном Сети I. Но если это так, то «Стела 400-летия» едва ли может быть упоминаемым в тексте монументом для Сетха и Сети I, потому что кроме данных о приказе создать в их честь стелу, о них там более ничего не говорится. Тогда получается, что стела JdE 60539 была частным монументом визиря Сети, в то время как памятник, заказанный Рамсесом II, либо не сохранился, либо еще не найден.

Соответственно, не стоит прибегать к предположениям о тождестве в «Стеле 400-летия» визиря Сети с отцом Рамсеса II, а его отца Парамессу — с Рамсесом I, поскольку ситуация, описанная в ее тексте, достаточно ясна: Рамсес II отдал приказ визирю Сети воздвигнуть памятник в честь Сетха и Сети I. Выполнив поручение, сановник воздвиг собственную стелу с молитвой Сетху, а также изображениями бога, фараона и самого себя. Поэтому за исключением имен фараона Сети I стела JdE 60539 не содержит данных о предках Рамсеса II.

Сизиков А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Литературные параллели книги Сираха и их значение⁵

Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, или книга Сираха (греч. *Σοφία Ἰησοῦ υἱοῦ Σιραχ*) относится к так называемой литературе Премудрости и входит

¹ Сафронов А. В. Стела первого жреца Амона Бакенхонсу и новые данные о истории начала правления XX династии // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 92.

² Ср. Kitchen K. A. Ramesside Inscriptions. Vol. 4. P. 286:4–8.

³ Sethe K. Op. cit. S. 88.

⁴ Stadelmann R. Die 400-Jahr-Stele // CdE. 1965. Т. 40. P. 55–56.

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21–011–44142.

в состав неканонических книг Библии. Книга была составлена приблизительно в 180 г. до н. э. в Иудее на древнееврейском языке, и, согласно сохранившемуся предисловию переводчика, была переведена на древнегреческий в Египте после 117 г. до н. э.

Книга Сираха долгое время была известна только в различных переводах, многие из которых были выполнены с греческих источников. В 1896 г. С. Шехтер идентифицировал фрагмент древнееврейского текста, привезенный ему сестрами А. Смит Льюис и М. Данлоп Гибсон, который они приобрели в Египте. Позже выяснилось, что этот фрагмент (39:15b–40:8) был найден в генизе караимской синагоги в Каире. Древнегреческий перевод Сираха существует в двух вариантах. Первый, краткий вариант (GI) представлен маюскульными кодексами: Ватиканским, Синайским, Александрийским. Рукописи, содержащие GI, очень часто включают так наз. Пролог внука. Вариант GII, представленный в минускульных рукописях, примерно на 135 строк длиннее и не имеет Пролога внука. Чтения из второго греческого перевода представлены в редакции греческого текста Лукиана и Оригена.

Определение времени написания книги основывается на двух моментах: воспоминание автора о первосвященнике Симоне II (219–196 до н. э.) в гл. 50 и на возрасте внука¹. Во время жизни автора Иудея перешла под контроль Селевкидов, не без участия Симона II сирийцы изгнали оставшиеся войска Птолемея, за что евреи были вознаграждены Антиохом III. Бен Сира упоминает восстановление Симоном II Храма (50:1–4). Благоволение Антиоха III привело регион к экономическому процветанию: евреям не только облегчили бремя налогов, но и позволили жить по собственным законам. Вооруженное противостояние Риму стоило Антиоху III жизни. Через 12 лет после его гибели в 175 г. к власти приходит Антиох IV Епифан, с правлением которого связаны трагические события, описанные в Маккавейских книгах, однако Бен Сира нигде не упоминает бедствия, обрушившиеся при нем на Палестину. Таким образом, можно предположить, что книга составлена между 196 и 175 гг., и Бен Сира, по всей видимости, умер до начала Маккавейской войны. Любопытно, что Иасон, сын Симона, восхваляемый Сирахом, в 2 Кн. Маккавеев представлен предателем, получившим за взятку сан первосвященника (2 Мак 4:7–10). Возможно, Сирах не дожил до этих событий, а возможно они казались ему недостойными упоминания.

В книге автор раскрывает род своих занятий — он профессиональный ученый писец, а также и свое имя — Шим'он, сына Йешуа', сына Эль'азара, сын Сиры. Первое имя Шим'он считается текстологической ошибкой, а в научной литературе автора принято называть «Бен Сира» (евр. אַרְיָסֶן בֶּן). Древнееврейский оригинал сохранился частично, в совокупности все фрагменты покрывают 66 %, а установить связь между списками не представляется возможным. В переводах

¹ Williams D. S. The Date of Ecclesiasticus // *Vetus Testamentum* 44/4 (1994). P. 563–566.

книга сохранилась полностью в нескольких редакциях, отличающихся по объему и порядку следования материала.

Книга очень неоднородная по своему составу. Ее можно разделить на три части: первая «дидактическая» часть (главы 1–43); вторая часть «Гимн отцов» (главы 44:1–50:21); третья, заключительная, часть (главы 50:22–51:30).

Темы премудрости, закона и страха Господнего проходят через всю книгу. Премудрость (евр. חכמה, греч. σοφία) может реализовываться как в духовной жизни (смирение, милость, воздержание от греха, гордости, гнева и дурных желаний), так и в практической жизни (отношение к родителям и домочадцам, друзьям и близким, управление имуществом и пр.). Поэтому «дидактическая» часть книги содержит, с одной стороны, богословское осмысление Премудрости как части божественного порядка, так и практические наставления. Все эти сведения являются важным источником для понимания социальной и религиозной ситуации в Иудее в период кульминации конфликта, по меткому определению М. Хенгеля¹, эллинистического либерализма и патриархального иудейского теократического общества.

Наиболее однородной частью и по форме, и по содержанию является вторая часть, в которой восхваляются «славные мужи Израиля», начиная с Еноха и заканчивая Симоном сыном Онии. Третья часть — своего рода заключение, она содержит эпилог и два гимна, но и эпилог тоже нельзя назвать целостным текстом, поскольку он содержит несколько стихов, которые, судя по их форме, должны были бы быть в первой части книги. Такая несогласованность текста, повторы, резкие переходы от одной темы к другой заставляют предположить, что перед нами компиляция из нескольких источников. Вполне возможно, что некоторые чтения возникли не как результат работы редактора или компилятора, а оказались глоссами, включенными в текст при копировании. В таком случае выявление литературных связей с другими книгами Священного Писания и околотиблэйской литературой представляется важным этапом для интерпретации книги Сираха и исторического материала, в ней представленного. Наибольшее количество параллелей мы находим с книгой Притч, сходной по жанру, но имеющей существенные отличия в композиции. Очевидны связи и с Первой книгой Еноха. Бен Сира пытается противопоставить «премудрости откровения» «премудрость страха Господнего», обретенного через исполнение Закона². Помимо этих параллелей, в докладе также рассматриваются литературные формы в качестве возможного критерия выявления этапов редактирования книги.

¹ Hengel M. *Judaism and Hellenism. Studies in their Encounter in Palestine during the Early Hellenistic Period.* Philadelphia, 1981. V.1–2.

² Argall R. A. *1 Enoch and Sirach: a comparative literary and conceptual analysis of the themes of revelation, creation, and judgment: Early Judaism and its literature.* 1 Enoch and Sirach / R. A. Argall. Atlanta, Ga: Scholars Press, 1995.

Сологубова М. В. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Межкультурные взаимодействия на древнем Ближнем Востоке в I тыс. до н. э. на примере группы «львиных чаш»

Предмет, о котором пойдет речь в данном докладе, находится в собрании Эрмитажа с 1886 года. Попал он туда из коллекции Вырубова. Провенанс предмета неизвестен. В инвентарной книге он значится как «финикийская чаша с ручкой в виде головы льва». Чаша ранее не публиковалась, как и не проводилось изысканий, направленных на его атрибуцию.

Интересующий нас предмет сделан из камня и инкрустирован пастой. Состоит он из плоской чаши и фигурной ручки в виде головы льва, а максимальная длина его составляет 14,5 см. Фигурная ручка внутри полая, она просверлена насквозь и имеет выход в пасти у льва.

Внешний вид львиной головы, украшающей чашу, соответствует сиро-анаатолийской изобразительной традиции. Аналогии львам такого типа существуют и в новохеттском искусстве с прекрасными монументальными образчиками из Кархемиша. Вероятно, нам скорее следует говорить об определенных изобразительных тенденциях всего сиро-анаатолийского региона в I тыс. до н. э.

Функционально и типологически эрмитажная чаша относится к группе предметов, известных как «чаши-затычки» или «чаши для возлияний». Такие чаши использовались для розлива ценных жидкостей и применялись преимущественно в ритуальных целях.

В I тыс. до н. э. чаши для возлияний имели весьма характерную форму: на ее доньшке была смоделирована или выгравирована ладонь, которая как бы охватывала сам сосуд. В ходе археологических раскопок такие чаши были найдены на территории Ближнего и Среднего Востока в слоях, датированных чаще всего первыми веками I тыс. до н. э.¹ Всего таких чаш известно несколько сотен. К счастью многие из них были найдены в археологическом контексте — большинство в ходе раскопок в сиро-анаатолийском регионе. Центры изготовления этих предметов, по всей видимости, находились в Северной Сирии и центральной Анатолии. В Чатал-Гуюке (Центральная Анатолия), где было найдено больше всего чаш с львиными головами, обнаружили также десятки заготовок и неоконченных изделий. Вероятно, там и находилась одна из мануфактур, откуда «львиные чаши» распространялись по всему Ближнему Востоку².

В данном докладе предполагается затронуть вопросы датировки, происхождения, функциональности и сферы бытования чаши из эрмитажной коллекции, а также рассмотреть феномен «львиной чаши» в контексте межкультурных взаимодействий на древнем Ближнем Востоке в I тыс. до н. э.

¹ Finkel I., Reade J., Searight, A. *Assyrian Stone Vessels and Related Material in the British Museum*. Oxford, 2008. P. 70

² Muscarella O. A Third Lion Bowl from Hasanlu// Expedition 16, 1974. P. 26

Томашевич О. В. (МГУ, Москва)

Начало египтологии в Санкт-Петербургском университете: 21 письмо О. фон Лемма к А. Эрману

Доклад посвящен письмам Оскара фон Лемма (1856–1918), основоположника отечественной коптологии, к главе берлинской школы египтологии Адольфу Эрману (1854–1937), хранящимся в Городской и университетской библиотеке г. Бремена. В 17 письмах и 4 открытках, относящихся к периоду с 1880 по 1909 г., содержится научная переписка крупных ученых, информация об их коллегах и сведения личного характера. Особенно интересны два письма другого немецкого египтолога, Георга Эберса (1837–1998), к А. Эрману, описывающие учебу фон Лемма в Лейпцигском университете. Тема важна для истории отечественной египтологии, т.к. вернувшись из Германии в Санкт-Петербург, О. фон Лемм впервые в России открыл курсы древнеегипетского и коптского языков на Восточном факультете университета. Именно у него учился основоположник отечественной школы истории древнего Востока Б. А. Тураев (1868–1920).

Ханрова А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Примеры взаимопомощи в древнеегипетских письмах XXIII–XX вв. до н. э.¹

Взаимопомощь — один из важнейших принципов организации общества на «низовом» уровне, обеспечивающих сплочение, стабилизацию и выживание социума, в особенности во времена политической нестабильности. Древний Египет сохранил древнейший обширный массив письменных свидетельств существования культуры взаимопомощи, в числе которых личные письма. К сожалению, некоторые из них очень фрагментарны, что не позволяет с уверенностью определить, в каких отношениях находились отправитель и адресат, о чём именно идёт речь, каков контекст переписки.

Ярким примером существования и своеобразия культуры взаимопомощи в древнеегипетском обществе можно считать практически все известные письма к мёртвым, ведь в них адресат почти всегда обращается к умершему родственнику с просьбой о заступничестве и помощи в решении той или иной проблемы, причём пишущий особенно подчёркивает, что дух почившего обязан поступить так взамен за обеспеченное погребение, приносимые жертвы, поддерживаемый

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ 23–28–00155 «Культура взаимопомощи в цивилизации Древнего Египта (III-первая половина II тысячелетия до н. э.)».

культ. Очевиден реципрокный характер отношений между живыми и умершими, четко прослеживается принцип *do ut des*.

В письмах, которыми обменивались живые, реципрокность не всегда так очевидна. Так, в некоторых из них присутствуют просьбы о помощи, но адресат никак не упоминает оказанную в прошлом услугу. В письме на Р ВМ 10549¹ начальник войска Нехси обращается к некоему Каи, убеждая того, что он должен доставить причитающееся его домохозяйству зерно. Здесь на адресата, видимо, призваны воздействовать пространные благопожелания в начале письма, а также ряд доводов и увещаний.

Схожий характер носит одно из писем на писцовой доске MMA 28.9.4.², в котором присутствует просьба доставить снаряжение для корабля. Однако, судя по материалу, выбранному для написания письма, а также наличию исправлений, это модельное (тренировочное) письмо. Есть вероятность, что оно являлось черновиком или копией «реального» письма³, но поскольку описываемые ситуации также могут являться плодом фантазии писца, анализ социально-исторического контекста оказывается затруднен.

Один из древнейших и наиболее исчерпывающих примеров взаимопомощи в Древнем Египте — это жалоба на Сабни (письмо на P. Berlin 8869⁴). В нём *хати-а* (князь), носитель царской печати, «друг единственный» Иру обращается к «другу единственному», жрецу-херихебу (жрецу-чтецу) Мериранахту за помощью. Поводом для написания письма послужило некое преступление (кража?), совершённое (или совершаемое) чиновником Сабни. Иру, обращаясь к Мериранахту, возмущается, что оно сошло Сабни с рук, и просит заступничества.

В начале письма адресат подчеркивает, что «принял во внимание» суть предыдущего письма Мериранахта и оказал ему некую услугу, а также ещё раз возвращается к этому в конце послания. Иру приводит ряд доводов в пользу того, что Мериранахту должно за него заступиться, а также убеждает его, по-видимому, поговоркой: «А ведь следует предпочитать справедливость великой нечестивости!». Наконец, Иру напоминает Мериранахту о данном им обещании (тот поручился за Иру в Широком Зале Хора, и они «были заодно»).

Жалоба на Сабни многое говорит о древнеегипетской культуре взаимопомощи, позволяя четко проследить реципрокный характер отношений, связывавших

¹ James T. G. H. The Heḳanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents // PMMA Egyptian Expedition. New York: 1962. Vol. XIX. P. 89–92, pls. 24–25. Wente E. F. Letters from Ancient Egypt // Writings from the Ancient World 1. Atlanta: Scholars Press, 1990. P. 65, No. 75.

² James T. G. H. Ibid. P. 98–101, Pls. 30, 30A. Wente E. F. Ibid. No. 77, p. 66. Хапрова А. В. Об исправлениях в тексте одного из писем на писцовой доске М. М. А. 28.9.4 // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2021.

³ Hagen F. Ostraca, Literature and Teaching at Deir el-Medina // Current Research in Egyptology 2005. Oxbow: 2007. P. 42.

⁴ Smither P. C. An Old Kingdom letter concerning the crimes of Count Sabni // JEA. 1942. № 28. P. 16–19.

отправителя и получателя письма, а также выявить то, какими именно способами Иру убеждает Мериранахта заступиться за него. В этом жалоба на Сабни во многом напоминает письма к мёртвым, для которых характерна сходная структура, упоминания уже оказанных отправителем услуг, использование крылатых фраз и поговорок.

Mescherskaya E. N. (SPbU, Saint-Petersburg)

Conceptions of God in the Wisdom of Ben Sira¹

Ben Sira's theological ideas are based on the Torah, which is, firstly, a set of laws that was given to the people of Israel by God, and, secondly, tells the story of the relationship of the chosen people with God. This implies that God and the chosen people are bound by the Covenant. Ben Sira says that it is the Torah that is the book of the Covenant of the Most High God, therefore the laws of the Torah are based on the Covenant. Good things await those who follow these laws, and bad things await those who violate them. The Torah forms the mutual obligations of the chosen people and God. For the history of religion, the originality of these relations was that the chosen people was connected by the Covenant with one, the only God. However, the Wisdom of Ben Sira as well as other literature of the Hellenistic period, complements many conceptions of the God of Israel recorded in the Torah. So, in the manuscripts that have come down to us, the author of the work does not use the proper name of God YHWH in the form of a tetragrammaton, calling Him the Most High (Hypsistos / El Elyon), my Lord (Adonai), God (Elohim), i.e. those names that were previously typical of the poetic sections of the Bible. In the Prayer (Sir 36:1–22) the author proclaims the belief in the only God, but in the spirit of his time he supplements this idea with the fact that this only God in his understanding is the God of all. He asks God to reveal his power not only to the people of Israel, but also to other nations. Sir 42:21–22 refers to the transcendence of the Jewish God, who “he is the same forever and ever. Nothing can be added to him, and nothing taken away. “God is the Creator of everything, everything that happens in the world is done by words of the Lord” (Sir 42:15). He knows everything — past, present and future, including the most secret things in the world, and sees everything, not only the deeds of men, but also their inmost thoughts (Sir 15:18, 23:19–20; 39:19–20) before they even arise. The author gives a list of some splendid manifestations of the divine creativity in Sir 43. He states that God is the Creator of the whole Universe (Sir 18: 1–14; 42: 15–43) and human life (Sir 2: 10), He “the Lord, in his wisdom” assigned every object and being his own path (Sir 33:7–14). All the works of God in the world are good and evil appears sporadically as a temporary nuisance of the creation (Sir 39:33).

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project number 21–011–44142.

Ben Sira speaks of the binary of everything created by God (all things are in pairs, each the opposite of the other — Sir 42:24) and of the balance of all objects, phenomena and concepts that exist in the world.

These are the main directions of ideas within which the theological system of Ben Sira, a Jewish author of the Hellenistic era, is built.

Mescherskaya E. N. (SPbU, Saint-Petersburg)

The high priest and temple worship according to the Wisdom of Ben Sira¹

Jewish piety has been most evident in relation to the Temple, rituals of the Temple and its attendants. Ben Sira holds the priesthood and temple worship high (Sir 7:29–31). In the early Hellenistic period in Jerusalem and Palestine, the role of a high priest increased. First, it was because Hellenistic rulers did not trust secular officials and preferred ruling the country relying on the local priesthood. Second, in the times of Ben Sira Jews themselves thought highly of the high priest and his role in ruling the country and the people. The reason for it was the fact that by that period of history the Jerusalem high priesthood had been succeeded from generation to generation for eight centuries within the same family of the Sadokites and therefore it was enhanced by the tradition. The high priest had command of secular and spiritual authority. Therefore, Ben Sira puts the status of the high priest above the king's one. A contemporary of Ben Sira, Simon II whose merits described in the book of Sirach, played an important political and creative role in reconstruction of Jerusalem after the struggle/confrontation of Ptolemais and Seleucidae. However, Ben Sira tells about his liturgical activity as well. In Sir 50:5–21 the author described a sacrament in Jerusalem Temple executed by the priests led by Simon II. The scholars have not come to the consensus on this narration and what sort of liturgical act is performed here. Most of the researchers assume that this is about a ritual at the Yom Kippur fast when the Jewish people show the total repentance and wash away the sins accumulated over the year. Celebration of this day was particularly important for the Jews of the diaspora as they were in a pagan environment that created many situations led to ritual impurity and other sins. It also became relevant for Hellenistic Jerusalem. Indeed, it was on the day of the Lent, as the Jews called Yom Kippur, that the high priest could enter the holy of holies and perform sacrificial rituals only once a year. However, there is another point of view, which is based on a comparison of the rite of worship described in Wisdom and the daily rite of morning and evening sacrifice. The order of these services is known from the Talmudic

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project number 21–011–44142.

treatise *Tamid* (VI.3–VII.3). Comparison with this source leads to the conclusion that the *Wisdom of Ben Sira* refers to the daily sacrifice of the Jerusalem Temple. In this rank, musical and singing components can be noted — the sound of trumpets at certain moments of the service and singing to the accompaniment of musical instruments. Ben Sira often speaks about the importance of David in the improvement of the liturgical ritual (*Sirach* 47:9–10). Nevertheless, most likely, the service that Ben Sira witnessed and participated in had been reformed by the high priest Simon II. Thus, in the service of sacrifice in the *Wisdom of Ben Sira*, a public prayer of all assembled is described, which was performed when the sacrifice was burning on the altar. Prior to this, during the sacrifice, neither the priests nor the people prayed, only trumpets were blown and the choir of Levites sang. In addition, at the end of the service, the blessing of the high priest is given to all the people (*Sirach* 50:21–23).

These are the features of the liturgical ritual of the Jerusalem temple, described in the *Wisdom of Ben Sira*. They testify to the fact that this service in the early Hellenistic period evolved towards its greater social significance.

СЕКЦИЯ XV • SECTION XV
ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

Алексеева М. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Вариативность ассиметричного объектного
маркирования в иврите: сравнительный аспект**

В докладе рассматривается вариативность ассиметричного (т. е. характеризующегося наличием/отсутствием маркера *'et*) объектного маркирования при сопоставлении данных древнееврейского языка и современного иврита. Согласно нормативным грамматикам, в высказываниях с переходными глаголами маркируется только прямое дополнение, выраженное определенной именной группой. Определенный статус, как правило, приписывается по наличию формальных маркеров и структуре именной группы (ИГ).

На первый взгляд, корпусные данные как древнееврейского, так и современного иврита подтверждают данные тезисы. В частности, в специально сформированном для исследования объектных конструкций корпусе современного иврита (HOG corpus, подкорпус Hebrew Web 2021) имена собственные маркируются в 98 % случаев, именные группы, традиционно интерпретируемые грамматиками как определенные маркируются в 96 % случаев, а неопределенные именные группы — только в 2 %. Статистика древнееврейского языка явно коррелирует с данными, полученными на материале современного корпуса: имена собствен-

ные — 97–99 %, определенные ИГ — 70–73 % и неопределенные — 1 %¹. Отметим, что две категории (имена собственные и неопределенные ИГ) практически идентичны по соотношению маркированных/немаркированных ИГ, тогда как определенные ИГ существенно отличаются: 96 и 70–73 % в современном и древнееврейском, соответственно. Однако даже небольшое статистическое отклонение от заданного нормативной грамматикой принципа дает повод для возникновения вопросов, поскольку на корпусе большего объема (НОГ корпус включал в себя 1571 контекст объектного маркирования, а корпус древнееврейского иврита в исследовании П. Бекинса — 1114) потенциально преобразуется в сотни и тысячи примеров, противоречащих установленной норме.

В результате сравнительного анализа данных можно сделать «двойкий» вывод. С одной стороны, как в древнееврейском, так и в современном иврите формально фиксируемый грамматиками параметр определенности ИГ не может полностью объяснить все случаи вариативности ассиметричного объектного маркирования. Референциальный статус ИГ, который во многом коррелирует со статусом определенности ИГ, но не является бинарной характеристикой, отражает ситуацию лучше. Однако рассматривать его требуется наряду с не менее важными прагматическими факторами, вместе составляющими информационный статус референта ИГ, что отметил П. Бекинс в своем исследовании древнееврейского языка 2012 г. В качестве примера приведем фактор одушевленности, который в современных типологических исследованиях часто соотносят с дискурсивно-прагматической мотивацией для маркирования прямого дополнения в речи. Как в древнееврейском, так и в современном иврите, прямое дополнение, выраженное вопросительными местоимениями *'mi* «кто» и *'ma* «что», оказывается чрезвычайно чувствительным к фактору одушевленности: прямое дополнение, выраженное одушевленным *'mi* маркируется обязательно, а неодушевленным *'ma* — не маркируется.

С другой стороны, судя по большому проценту опционального маркирования определенных ИГ в древнееврейском языке (27–30 % не были маркированы, несмотря на определенный статус) и в целом более унифицированной картине в современном, современный иврит требует более подробного рассмотрения факторов-лицензоров для отдельных категорий референциальных выражений и, возможно, введения новых факторов, которые не были релевантны на более ранних этапах существования языка.

В частности, значительную вариативность маркирования демонтируют указательные местоимения *'ze* (m.s.) и *'zot* (f.s.). Обладая одинаковым статусом определенности, и, более того, типично располагаясь очень высоко на шкале определенности, они показывают резко отличающиеся стратегии маркирования говорящими: *'ze* маркируется в 99% случаев, представленных в корпусе, тогда как *'zot* не маркируется. Исследование показало, что наличие или отсутствие

¹ Bekins, P. Information Structure and Object Marking: A Study of the Object Preposition *'et* in Biblical Hebrew. PhD thesis, Hebrew Union College–Jewish Institute of Religion. 2012; Malessa, M. Untersuchungen zur verbalen Valenz im biblischen Hebräisch. Assen: Van Gorcum. 2006.

маркирования для указательных местоимений (в т. ч. 'ele' (pl.)) напрямую зависит от типа референта, который они кодируют. В том случае, когда местоимение 'zot' кодирует пропозициональный антецедент, оно не может быть маркировано в позиции прямого дополнения.

Важными представляются также факторы «представление говорящего о реальности объекта» и «намерения говорящего относительно роли объекта в дискурсе». Например, для относительных местоимений были выявлены две группы референтов, демонстрирующих разные стратегии маркирования: 1) референт реален для говорящего (в т. ч. представляется таковым в рамках гипотетической ситуации) — 87 % маркирования, 2) референт нереален для говорящего или говорящий сомневается в реальности референта — 0% маркирования. А фактор «намерения говорящего» может использоваться для объяснения опциональности маркирования именных групп с несогласованным определением в виде имени собственного.

В целом, сравнивая особенности вариативности ассиметричного объектного маркирования в древнееврейском и современном иврите, отметим, что на обоих этапах определенный статус ИГ, безусловно, не может считаться единственным фактором-лицензором. В то же время, если вариативность в древнееврейском языке была более прагматически обусловлена и ситуативна, то для современного языка характерно, с одной стороны, более упорядоченное употребление объектного маркера, в том числе, в связи со структурными характеристиками конкретного референциального выражения, а с другой, система варьирования в современном иврите стала более дробной и учитывает большее количество факторов варьирования в некоторых отдельных категориях референциальных выражений.

Алиева К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Средства выражения лимитативности в древнеуйгурском языке

При изучении средств выражения аспектуальных значений в тюркских языках и понимании их семантической природы важно проследить процесс развития грамматических средств в диахронии. Для этого необходимо обратиться к материалу древних языков, генетических предков современных тюркских языков. Так, доступные для анализа рукописные памятники древнеуйгурского языка буддийского содержания создают поле для исследования ситуаций употребления грамматических средств выражения аспектуальности.

Отношение действия к пределу, временной границы протекания действия, может быть выражено разными способами в языках мира. В частности, в древнетюркских языках и в современных соответственно наблюдается употребление

морфологических средств выражения аспектуальных значений. Аспектуальные значения объединяются под понятием Функционально-Семантического Поля аспектуальности, которое включает в себя значения начинательности, динамичности, длительности, многократности, внезапности, результативности и другие акциональные значения. Поскольку в спектр аспектуальных значений входят все те значения, которые разделяются в зависимости от отношения к пределу — ограниченность и неограниченность пределом, особый интерес вызывает вопрос, маркирована ли грамматически ФСП лимитативности в древнеуйгурском языке. В настоящем исследовании ставится задача выяснить, существуют ли в древнеуйгурском языке грамматические показатели, способные передать разные типы отношения действия к пределу.

Анализ языковых фактов древнеуйгурских памятников показывает, что в период IX–XII вв лимитативность не была грамматикализована.

Арыджан Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Дуономинальные конструкции в романе Орхана Памука «Чумные ночи» и его перевода на русский язык

Данное исследование посвящено рассмотрению двух типов дуономинальных конструкций из романа Орхана Памука «Чумные ночи: классификационной и эквативной, с целью раскрыть их сходства и различия в турецком и русском языках».

1. Дуономинальные конструкции: классификационная и эквативная

Дуономинальная конструкция — это конструкция, включающая два имени. В более ранней литературе не существует подходящего термина для обозначения этого типа, поэтому М. Хаспельмат в своей статье впервые употребляет этот термин и пишет, что дуономинальные конструкции в большинстве языков имеют одинаковые свойства кодирования, используя одну и ту же связку и одну и ту же маркировку аргументов, как в лезгинском, так и в европейских языках. Эти конструкции семантически распадаются на два типа: классификационная конструкция выражает принадлежность определенного предметного референта к классу, обозначаемому неопределенным и нереферентным предикативным именем, в то время как эквативная конструкция в некотором смысле «приравнивает» две определенные номинации (Haspelmath 2022: 3)¹.

¹ 1. Haspelmath M. Nonverbal clause constructions // 2022.

1.1. Классификационная конструкция

1.1.1. Объект характеристики — конкретный определенный предмет или лицо

1) Ben	Mingerli + y + im.
Nom.1sg	мингерец
Я —	мингерец.

Заметно, что в основе этого предложения лежит не неравенство, а отнесение конкретного субъекта к широкому классу через связки. В русском отношении субъекта и предиката устанавливаются в настоящем вр. с нулевой связкой и выражаются им. п., а в турецком с нулевым компонентом. Следует отметить, что смысл предложения таков ‘Я родился на острове Мингер и горжусь тем, что родился и вырос здесь, и говорю на языке мингеров’, то есть оно имеет имплицитное оценочное значение.

1.1.2. Объект характеристики — включение класса в класс

1) Mingerli + ler sizce gerçekten bir millet mi + dir ?
Nom.3pl мнен.dat истинно один народ Q-сop
А обитатели Мингера и в самом деле, по вашему мнению, отдельный народ?

В этом случае выражаемое семантическое отношение является отношением включения одного класса в другой классов. В турецком к вопросительному суффиксу *-mi* добавлен глагол-связка *-dir*.

1.1. Эквативная конструкция

1.2.1. Характеризующие предложения

Сказуемое характеризующего предложения есть сообщение о достоверности признаков и свойств подлежащего. Говорящий, характеризуя какое-либо лицо (или предмет), высказывает свое мнение, а значит, попутно выражает оценку.

2) Üstelik İzmir'in ahalisi çok münevver ve medeni+ dir .
измирцы весьма просвещ. и цивил.-сop
К тому же измирцы — люди весьма просвещенные и цивилизованные.

Предикативные отношения предложений, подобных 3. оформляются предикатами и субъектами, выраженными именем существительным в им. п., связанными нулевой связкой в настоящем времени и изъявительном наклонении. Но в турецком основная предикация — это «*Измирцы — просвещенный, цивилизованный*» — и глагол-связка *-dir* добавлен к оценочному слову «*цивилизованный*».

1.2.2. Специфицирующие предложения

У этих предложений предикатом является уникальное имя. Субъект представляет собой широкое понятие, а предикат узкое.

- 3) Perşembe gününün en kararlı ve en öfkeli kahramanı Ramiz'di.
четверг самый решит. и целеустр. герой Рамиз-сор.pst
Самым решительным и целеустремлённым героем четверга был Рамиз.

В предложении (4) именное сказуемое в русской версии выражено существительным в твор. п., предикативность сказуемому придаёт глагол *был*, а субъект стоит в им. п.. Сказуемое предшествует подлежащему. В турецком, наоборот, связка стоит в составе сказуемого *Рамиз*.

1.2.3. Тавтологические предложения

Эта разновидность дуоминальной конструкции, в которой позиции подлежащего и сказуемого заняты одним и тем же именем (например, *работа есть работа*). В тексте романа мы не встретили таких предложений, что может быть связано с особенностями языка-источника или с авторским стилем Орхана Памука.

1.2.4. Дейктически-идентификационные предложения

Дейктическое местоимение «это», входящее в состав предложения тождества, связывает между собой идентифицирующую дескрипцию первого компонента с идентифицирующей номинацией второго, указывая, что обозначают они одно и то же. Причем, как отмечает Е. В. Падучева, это является единственно возможным местоимением в роли начального компонента в биноминативном предложении, выражающем идентификацию (Падучева 2004: 168)¹.

- 4) Bu+n+lar tamamen aynı cinsten sadakat + **tir**.
Это.pl совсем друг. род предан.-сор
Это преданность совсем другого рода.

В (5) *это* указывает на абстрактные признаки. Когда речь идет об абстрактных понятиях, указательные местоимения не выражают расстояние от объекта, они только указывают на то, что только что было упомянуто. В указательное местоимение *это* изменяется по падежам и числам в турецком, а в русском остается в форме ед.ч., хотя оно указывает на целый набор признаков, и сказуемое принимает глагол-связку *-tir*.

Заключение

Мы рассмотрели сплошную выборку дуоминальных конструкций из романа Орхана Памука «Чумные ночи» и его перевода на русский язык. Сходство состоит в оформлении настоящего времени: оно маркируется нулевыми связками. Различия намечаются в местоположении связки (в турецком языке она следует за именной частью), а также в падежном оформлении именной части сказуемого (в русском языке возможен как им., так и твор. падежах, в то время как в турецком предпоч-

¹ Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. 4-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.

тителен им. пад. Кроме того, отсутствие тавтологических предложений заставляет предположить, что они мало характерны или для турецкого языка в целом, или для авторского стиля Орхана Памука.

Воронина Л. А. (МГПУ, Москва)

Дрожащий /r/ и боковой /l/: две разные корейские фонемы или аллофоны?

При обучении фонетическим средствам общения корейского языка русскоязычных студентов невозможно игнорировать обращения ни к характеристикам конкретных фонем, ни к соответствующей терминологии. Задача преподавателя — сформировать фонетическую компетенцию¹, опираясь на научные достижения учёных-лингвистов, но не во всех случаях это представляется возможным: приходится принимать самостоятельное, часто компромиссное, решение. Одним из таких примеров является спорная ситуация с /r/ и /l/.

Ряд учёных-фонетистов (Lee Ho Young (2003); Капарушкина Д. И. (2014) и др.) признают существование /r/ и /l/ как аллофонов, считая их похожими². Другие исследователи (Be Ju Che (2003); Карпека Д. А. (2018) и др.) предлагают воспринимать /r/ и /l/ как две совершенно разные фонемы, переднеязычный дрожащий и боковой соответственно³. Какую точку зрения стоит принять на вооружение преподавателю?

Учёным-методистам при разработке технологии обучения удобнее воспринимать /r/ и /l/ как две разные фонемы: при формировании и акустического, и артикуляционного навыка /r/ и /l/ имеют разные дифференциальные признаки. Несмотря на свою «одноударность», /r/, в отличие от /l/, только лишь сближается с передней частью твёрдого нёба в области дёсен, а не соприкасается с ней на протяжении всего фонационного акта, пропуская воздух по бокам языка, что можно рассматривать как иные дифференциальные характеристики. Кроме того, как показывает опыт, русскоязычные студенты, имеющие в родном языке похожие на рассматриваемые фонемы /r/ и /l/ соответственно, испытывают влияние пейоративной интерференции в каждом отдельно взятом случае. Следовательно, при формировании артикуляционного навыка преподаватель ориентирует их на похожую фонему. И в этом контексте им трудно осознать и принять тот факт, что

¹ Шукин А. Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М., 2011.

² Капарушкина Д. И. Особенности консонантной системы корейского языка (обзор корейской научной литературы) // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 2. С. 35–42.

³ Карпека Д. А. Грамматика корейского языка: в 3 т. Т. 1. СПб., 2018. С. 33.

/г/ и /л/ являются аллофонами: для них это две разные фонемы. Но есть ещё одна трудность в обучении, связанная с /г/ и /л/.

Как правило, носители корейского языка для обозначения обозначенных выше фонем используют либо один и тот же транскрипционный знак, соответствующий графическому знаку согласной буквы *риль*, либо для /л/ соответствующий латинский знак. Именно последний выбивается из ряда национальной символики транскрипционных знаков и требует соответствия корейскому экстралингвистическому контексту. Логичным в этом смысле представляется введение нового знака транскрипции, двойной графемы согласной буквы *риль*, ещё и потому, что две подряд корейские буквы *риль* произносятся /л/.

Газиева И. А. (РГГУ, Москва)

Анализ перевода средств художественной выразительности на хинди

В языке хинди широко используются средств выразительности различные стилистические фигуры речи, обогащающие художественную выразительность прозы или поэзии. Их классификацию мы наблюдаем еще с древнеиндийской поэтической традиции, представляющей изобразительно-выразительные средства индийской поэтики называемых «аланкарами» или украшениями смысла слов. Объектом исследования становится роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в переводе с русского на язык хинди, выполненным индийским переводчиком Нареш Надимом. Предметом исследования является вариативность перевода. Мы рассматриваем и анализируем виды изобразительно-выразительные средства языка и речи, используемых в романе и их варианты перевода на язык хинди и поэтому задаемся вопросом — смог ли переводчик на хинди сохранить все стилистические фигуры речи и культурные реалии, приведенные в языке оригинала при переводе на язык хинди через английский язык как язык-посредник?

Классификация тропов как средств художественной выразительности включает в себя следующие приемы: аллегория или иносказание; анафора или повторение слов в начале предложения; антитеза или противопоставление; бессоюзие; гиперболы или преувеличение предмета; градация; инверсия; литота или преуменьшение предмета; ирония; метафора; оксюморон; многосоюзие; сравнение, олицетворение; параллелизм; перифраз; парцелляция; риторический вопрос; риторическое обращение; умолчание или прерванное высказывание; эллипсис или логическое домысливание слова; эпитет; эпифора или повторение слов в конце предложения. Исследуя анализ романа «Преступление и наказание» мы выявили следующие фигуры речи:

а) антитеза или противопоставление наблюдается в заголовке романа: «преступление и наказание». В хинди дается эквивалентный перевод — «*aparaadh aur dand*»;

б) эпитеты: «жара страшная» — «*bhayaanak garmi*», «ощущение болезненное и трусливое» — «*dardanaak aur kaayar mahasuus*», «отвратительный и грустный колорит картины» — «*chitra ka ghrnit aur udaas rang*»;

в) метафора: «задавлен бедностью» — «*gariibi se kuchla hua*»; «страх встречи поразил» — «*milne ka Dar sataata hai*»; «чувство омерзения мелькнуло на миг» — «*ek pal ko ghrina ki bhaavana jhilmila uthi*»;

г) сравнение: в описании интерьера мы встречаем следующее повествование: «каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру».¹ Мы наблюдаем эквивалентный перевод на хинди — «*uski duchhatti ek paanch-manzila, uunche makaan ki ekdam uuparavaali chhat ke niche thi. kamra kya tha, goya ek alamaari thi*». Слово «каморка» передается словом «*duchhatti*», что в хинди означает «комната, построенная под той же крышей». Вероятно, перевод на хинди осуществлялся через английский как язык посредник, поскольку в английском переводе этого предложения используется слово «*garret*» — «чердак, мансарда». Этимология этого слова дается в этимологическом онлайн словаре Шанского Н. М.: «камóрка. исконное уменьшительно-ласкательное производное с суффиксом *-к(а)* от *камора* «комната, палата» <греч. *katara* «сводчатое помещение»². В предложении слово «каморка» сравнивается со «шкафом». Здесь используется «сравнение» как стилистический прием: рассматриваются однотипные субъекты сравнения — каморка в виде чердака и шкаф. В принципе, сравнение как прием или фигура речи, украшающие смысл слова, в хинди известно, как один из видов «аланкар». Сравнение, сходство или подобие называется «*urta*». Как правило «в данном случае обычный субъект или объект сравнивается с более известным: «*Taj Mahal sa ghar*» — «дом, подобный Тадж Махалу», где слово «*ghar*» — «дом» сравнивается со зданием, которое славится своей красотой»³;

д) градация: «изворачиваться-извиняться» — «*chakma-maaphi karna*»; «лгать» — «*jhuuth bolna*»; «проскользнуть-улизнуть» — «*chupke se chhor dena*».

Дальнейшее исследование показывает, что также в переводе присутствует намеренное использование омонимии, полисемии и звукового сходства слов для создания игры смыслов. Так, к примеру, из лексических средств выразительности мы наблюдаем — фразеологизмы, разговорную лексику и синонимию. Стилистический синтаксис представлен градацией, инверсией и рядом однородных предложений. На наш взгляд переводчик хинди приводит эквивалентный перевод романа и смог сохранить все стилистические фигуры речи и культурные реалии, приведенные в языке оригинала.

¹ глава 1 часть 1

² <https://lexicography.online/etymology/к/каморка>.

³ Газиева И. А. Аланкары в вариантах перевода прозы и поэзии на хинди // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 09. С. 126–131

Грачева Ю. А. (ИКСА РАН, Москва)

Письмо гэба народа наси

Народ наси провинции Юньнань юго-западного Китая имеет три основных вида письменности: пиктографическое письмо дунба, а также два слоговых письма — письмо гэба и малимаса (существуют вариации последнего). В 1950–1980-е гг. в КНР было разработано письмо на основе латиницы для языка наси. Сегодня наси повсеместно пользуются китайской иероглифической письменностью.

Письмо дунба древнейшее из вышеперечисленных видов, не употребляется для повседневной жизни. Гэба появилось позднее, но также имеет сугубо узкое назначение — запись мантр. В наши дни письмо дунба довольно глубоко изучено китайскими исследователями, среди отечественных работ на эту тему несколько статей написано автором данного доклада¹. Исследований по остальным видам письма, в частности гэба, в китайской, отечественной и зарубежной литературе крайне мало. Цель доклада — дать общее представление об этом виде письма.

Гэба (哥巴) — слоговое письмо наси, состоящее из простых знаков. В переводе с языка наси гэба *gə31 ba31 the33 ʏh33* имеет два значения — «младший брат» и «ученик, подмастерье». Это письмо возникло позднее дунба, о чём и говорит его название, и используется только среди наси, говорящих на западном диалекте.

Самые ранние знаки гэба, обнаруженные на сегодняшний день, представлены на каменном барельефе 1619 г. у висячего моста в деревне Цяотоу (桥头村) в Лицзяне. Текст надписи представлен в книге Фан Гоюя (1903–1983) «Список пиктографических знаков наси»², переизданной в 2005 г.

Знаки гэба имеют смешанное происхождение: часть *возникла из трансформированных китайских иероглифов, часть из тибетской письменности, а другая половина образовалась от пиктограмм дунба*. Большая часть знаков гэба — сокращённые варианты пиктограмм дунба, меньшая часть — трансформированные китайские и тибетские знаки.

Знаки гэба просты в написании, один знак — один слог. Однако, чтение слогов не всегда закреплёно за определёнными знаками. Иногда несколько знаков могут передавать одно и то же чтение, а иногда один знак имеет несколько вариантов чтения. В отличие от письма дунба, которое является *логографическим*, письмо гэба считается несформировавшимся или «незрелым» *фонетическим письмом*. Возможно, что письмо гэба было создано для компенсации недостатков письма дунба, вследствие чего, естественно, гэба испытало глубокое влияние предше-

¹ Например: Грачева, Ю. А. Письмо дунба и его судьба в современном Китае / Ю. А. Грачева // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 4. С. 6–18. DOI 10.24412/2686–7702–2021–4–6–18. EDN JUDKVVQ.

² 方国瑜《纳西象形文字谱》. 北京, 2005.

ствующего письма — 42, 66 % знаков гэба заимствованы из дунба¹. После возникновения гэба человек имел дело уже с обоими видами письма, поэтому новые знаки гэба также обогащали письменность дунба².

Каждый знак гэба имеет одно определённое чтение и очень прост в написании, их количество достигает 686. Это письмо имеет ещё более узкое значение, чем дунба — с помощью него *записывались только мантры*. Также символы гэба иногда используются в текстах дунба для обозначения чтения пиктограммы. Письмо гэба не получило распространение на всех территориях, населёемых наси, его образцы мы встречаем в лицзянском районе Ба (坝区), уездах Наньшань (南山), Цзюдянь (巨甸), Лудянь (鲁甸) и Вэйси (维西) Юйлун-Насиского автономного уезда провинции Юньнань.

На сегодняшний день письмо гэба практически забыто, так как количества знаков не достаточно, чтобы отобразить все особенности языка наси, проживающих в разных регионах. Текстов, написанных с использованием гэба, также очень мало — сохранилось только несколько сотен книг, в отличие от текстов дунба, которые исчисляются тысячами.

В наши дни исследование письменности гэба в Китае продолжается. Китайские лингвисты больше всего уделяют внимание вопросам происхождения знаков гэба из китайских иероглифов и пиктограмм дунба, в том числе исследованию конкретных знаков гэба. В качестве материалов исследования выступают ранние словари или тексты, собранные Дж.Роком (1884–1962), а также китайскими этнографами 1950-х гг. Одной из наиболее значимых работ в этой области является «Исследование создания письма гэба наси» (2004) Цао Сюань³.

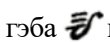
Примеры письма гэба:

Знак «пена на воде» / «гребешки волн» гэба и тот же знак письма дунба

. Чтение знаков, конечно, одинаковое — $\text{ɕur}31$, ведь письмо гэба было создано для облегчения чтения текстов дунба. Сравните два знака «вода» (dzi):

гэба и дунба. Как мы видим, изображение знаков гэба более схематично по сравнению с дунба. Однако знаки видоизменяются по тем же принципам, что и дунба: к знаку «вода» добавились кружочки, изображающие пену, так же, как и у предшествующих знаков. Однако, знаки гэба более удобны для чтения. Так, знак «вода» дунба может читаться по-разному 1–3 слогами, в зависимости от контекста меняет своё значение. В то же время знаки гэба — односложные и не оставляют простора для множества интерпретаций. Однако, как уже говорилось выше, существует небольшое число знаков гэба, читающиеся 1–2 слогами, поэтому

¹ 李晓兰. 哥巴文字源考释[D]. 上海: 华东师范大学硕士学位论文, 2014. С. 189

² 邓章应. 西南少数民族原始文字的产生与发展 [M]. 北京: 人民出版社, 2012. С. 248

³ 曹萱. 纳西哥巴文造字研究[D]. 上海: 华东师范大学硕士学位论文, 2004.

письмо считается «незрелым». Кроме того, в письме дунба существуют разнописи (альтернативные варианты написания одного знака), что также затрудняет его изучение и использование. Например, тот же знак «вода» может быть запи-

сан письмом дунба как . В письме гэба разнописи отсутствуют.

Другой пример знаков гэба — nu, который, как считают лингвисты, происходит от китайского иероглифа «маленький» *xiao* 小. Как и китайский иероглиф, знак гэба означает «маленький» и читается nu¹. Однако любопытно, что «маленький» это лишь одно из значений знака. Анализ ряда текстов показал, что первое значение этого знака гэба — «ты» (с таким же чтением nu). Он был заимствован из китайского языка от иероглифа 你 *nǐ* «ты»² (современное написание 你). Трансформация заимствованного знака шла по принципу сокращения элементов: 你 → → . В значении «маленький» знак стал использоваться позднее, а также его применение расширилось до других слов с похожим звучанием — «рог», «рот», «штука», «рядом».

Другие примеры заимствований из китайской письменности: от китайского *xian* 先, используется в гэба в значении «господин» *xiansheng* 先生, *wen* от китайского 文, используется примерно в таком же значении «культура», «письменный знак»³.

Дубровина М. Э. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Об особенностях функционирования форм страдательного залога в турецком и русском языках

В современном языкознании все более привлекающими интерес становятся исследования, направленные на сравнения способов кодирования одного и того же мыслительного содержания, обнаруживаемых в разных языковых системах. При этом крайне важным для науки предстает анализ систем, относящихся к языкам различного типологического устройства, например, языков флективных и агглютинативных. На наш взгляд, эффективными можно назвать методики, ориентированные на высвечивание в иностранном языке чуждых языковых явлений, тех языковых форм и способов языкового выражения, которые отличаются от имеющихся

¹ Похожие слова со значением «маленький» есть и в соседних языках: язык и -, хани — , ачан — , цзино — а пі и др.

² В таком виде иероглиф «ты» встречается в словаре рифм «Цзи юнь» («Собрание рифмы») 1037 г.

³ Примеры из: 关于哥巴文字符 [nu] 的字源考辨, 李晓兰, 中国文字研究, 2018–11–30

в родном языке. В этом отношении конкретным прикладным целям могут и должны служить достижения теоретического языкознания. Так, результаты исследований в области системной лингвистики могут иметь применение и в области методических разработок по преподаванию разных языков, с целью преподнесения сложного, экзотического материала одного языка изучающим этот язык людям, которые, в свою очередь, являются носителями другого языка и другой культуры.

Предметом настоящего анализа становятся речевые реализации формы страдательного залога и выделение тех сходных и отличительных черт, которые наблюдаются в этом вопросе, как в турецкой, так и в русской речи. В русском языке функционирование формы страдательного залога имеет сильное отличие от того, что наблюдается в турецком языке. в русском языке нет одного, единого способа образования страдательного залога. Образование этой формы напрямую связано с грамматическими характеристиками самого глагола: его переходностью/непереходностью, видовым значением. Страдательный залог может быть образован только от переходных глаголов, непереходные же глаголы не могут быть употреблены в этой форме. При этом в предложении глагол в страдательном залоге не всегда употребляется в форме времени. Так, глаголы совершенного вида получают значение пассива посредством аналитического способа сочетания бытийного глагола и страдательного причастия: быть сделанным. Для глаголов же несовершенного вида страдательной формой становится глагол с показателем -ся.

Книга напечатана. (сов. вид)

Книга была напечатана.

Стихи печатаются в этом журнале. (несов. вид.)

Стихи печатались в этом журнале.

В турецком же языке, как языке агглютинативного типа, проявляется несколько основоположных принципов. В этом языке конкретное грамматическое значение в большинстве случаев закреплено за одним морфологическим показателем и образуется по единой схеме. Показатель страдательного залога следует сразу же после основы глагола и, в отличие от русского языка, может быть присоединен практически к любому глаголу, независимо от того, является ли тот переходным или непереходным. Кроме того, отличным от русского языка будет то, что глаголы в страдательном залоге могут быть употреблены практически во всех словоизменительных формах: в отрицательном статусе, в формах глагольных имен, во всех формах времен. Сопоставительный анализ русских и турецких пассивных высказываний позволил обратить внимание на одну интересную особенность. При переводе турецких высказываний, в которых независимо от времени и технических свойств глагола страдательный залог мог быть употреблен безо всяких ограничений, в русских высказываниях не всегда удавалось употребить соответствующий русский глагол в страдательном залоге. Была обнаружена некая речевая избирательность, заключающаяся в том, что в определённых случаях вместо формы страдательного залога в пассивном предложении, употребляется глагол в действительном

залоге, но предложение в этом случае передает неопределённо-личное значение. Даже те глаголы, которые способны выступать в форме собственно страдательного залога в прошедшем и будущем времени, практически не употребляются в форме настоящего времени, а предпочтительным способом в этом случае выступает, как было сказано выше, неопределенно-личный тип предложения.

Письмо было написано вчера.

Письмо уже написано.

Письмо будет написано вечером.

НО: *Письмо сейчас пишут.* (вместо: *письмо сейчас пишется*).

Таким образом, несмотря на то, что по существующим правилам русской грамматики, переходные глаголы несовершенного вида образуют форму пассива путем присоединения форманта -ся, в речи носитель языка предпочитает заменить эту форму, как и всю собственно пассивную конструкцию, на активную, но неопределенно-личную. Увидеть эту речевую особенность русского языка удалось благодаря сравнительному анализу с турецким речевым материалом.

При переводе турецких предложений на русский язык выяснилось, что в формах настоящего времени русский глагол в страдательном залоге звучит не очень красиво.

Şu anda toplantı yapılıyor. ‘Сейчас проводится собрание’. Лучше ‘Сейчас проводят собрание’.

Bu parkta ağaçlar kesiliyor. ‘В этом парке вырубаются деревья’ => ‘В этом парке рубят деревья’.

Заключение

Таким образом, фактический материал иного по своему устройству языка, турецкого, помогает по-новому взглянуть на грамматический механизм русского языка и увидеть семантическую связь между русскими пассивными конструкциями и неопределенно-личными предложениями, а также обосновать тенденцию их замены в русской речи.

Дудченко Г. Б. (НИЯК, Санкт-Петербург)

Методы комплектования базового набора китайских иероглифов

Базовый набор знаков китайской письменности, известный также как иероглифический минимум, может формироваться с разной целью. Например, дидактической — он показывает, какие иероглифы, изучая китайский язык, следует усвоить

в первую очередь. Другая возможная цель — использовать систематизированный базовый набор как удобный справочник для поиска той или иной информации об иероглифе. Если данные знаки распределены по графическим признакам, то можно узнать, как искомый иероглиф читается. Кроме того, выделение вариантов иероглифического минимума применяется в составлении словарей. Возможно формирование и специализированных базовых наборов, то есть тех, которые включают иероглифы, используемые в той или иной терминологии — технической, медицинской и т. д.

Одним из критериев отбора иероглифов для включения их в минимум является частотность. В изданных справочниках данный показатель приводится с высокой точностью. В частности, есть смысл отобрать в иероглифический минимум те иероглифы, установленная частотность которых превышает 0,02 %.

Частота встречаемости может определяться и другим способом — через те поисковые системы в Интернете, которые выдают количественную информацию. Поместив иероглиф в строку поиска, пользователь сразу получает число результатов. В этом случае отбираются иероглифы, для которых это число выше установленной отметки. Чтобы её определить, приходится ориентироваться на тот или иной критерий. Например, на число результатов для иероглифа, частотность которого заведомо высока. Или, наоборот, выбрать иероглиф с явно низкой частотностью, и далее исключать те иероглифы, для которых число результатов в поисковой системе ещё ниже.

Для данного способа отбора — учёта частотности — очевидны и слабые стороны. В данном случае составители иероглифического минимума имеют дело с корпусной лингвистикой, а её данные на выходе зависят от того, какая информация закладывается в корпус. Поэтому сведения по частотности, полученные из разных источников (например, поисковых систем в Интернете), могут сильно различаться. Кроме того, многие слова, которые весьма распространены в бытовом общении и задействованы в изучении китайского языка, не выделяются показателями частотности. Таковы, например, слова 妈妈 и 爸爸.

Другой метод комплектования базового набора иероглифов — это учёт их использования в учебных пособиях, малых по объёму словарях, разговорниках и уже составленных иероглифических минимумах. Можно взять за основу один из таких источников, чтобы его пересмотреть или расширить. Иной путь — вести отбор иероглифов, которые встречаются не в одном, а сразу в нескольких источниках. С одной стороны такой метод логичен, легко применим, позволяет включать в минимум не разрозненные иероглифы, а те, которые в сочетаниях друг с другом слагают весьма востребованные слова и фразы. С другой стороны, в опубликованных материалах присутствует субъективный подход их авторов и составителей, зачастую бывает заметна дистанция между имеющимися учебными материалами и языком, который его носители используют в общении друг с другом.

Ещё один метод — вести отбор иероглифов, исходя из языковых явлений, которые представляются исключительно значимыми. Свою роль здесь играет важность

грамматики и ономастики. Вполне обоснованным представляется включение в минимум иероглифов, используемых для передачи грамматических категорий (着, 该, 把 и т. д.), присутствующих в предлогах, союзах, классификаторах существительных и прочих служебных словах. Также привлекают внимание часто используемые словообразовательные элементы (机, 店, 者 и т. д.). Сюда же относятся слова вежливости, идиоматические выражения, избранные фразеологизмы.

Отдельный вопрос возникает с именами собственными. Их значимость как одного из источников формирования иероглифического минимума трудно переоценить. Но также приходится выделять свои критерии отбора географических названий, заглавий произведений художественной литературы и т.д. Ярко выраженной представляется потребность включения наиболее распространённых китайских фамилий. Кроме того, имена собственные часто содержат транскрибирующие иероглифы, это касается иностранных имён и географических названий. Они же используются и в фонетических заимствованиях имён нарицательных либо ставших ими. Таковы, например, слова 阿司匹林, 麦克风 и многие другие. С другой стороны, у некоторых иероглифов, применяемых для транскрипций, общая частотность может быть крайне низкой, или они практически не встречаются в незаимствованных словах и в грамматических конструкциях.

Следует привести ещё один метод — это выделение иероглифического состава из текущей ситуации пребывания в языковой среде. Например, когда составитель появляется в одном из городов в Китае и фиксирует, какие фразы ему приходится слышать и использовать самому, какие вывески и надписи встретить. Иероглифы 鑫, 凤, 凰 (в слове Феникс) можно часто заметить в названиях гостиниц, ресторанов и т. п. Следовательно, иногда знание этих иероглифов требуется для того, чтобы ориентироваться на местности. Сильной стороной данного метода является непосредственный контакт с языковой средой, связь с практической потребностью. Из слабых сторон можно выделить высокую вероятность действия фактора случайности.

Для комплектования базового набора китайских иероглифов представляется рациональным сочетание всех вышеперечисленных методов.

Емельченкова Е. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Односоставное простое предложение в китайском языке

В языковедческой литературе Китая за не столь длительную историю существования теории синтаксиса, насчитывающую чуть более столетия, единой точки зрения на типологию простых предложений в китайском языке так до сих пор

и не сложилось. Китайские лингвисты расходились во взглядах как на количество типов элементарных синтаксических построений в языке, так и на их качественные характеристики и даже принципы их размежевания между собой. Ранние грамматисты первой половины XX в. различали три основных типа простых предложений в зависимости от того, чем было выражено сказуемое — существительным, прилагательным или глаголом. В «Лекциях по грамматике», вышедших под редакцией Дин Шэншу и др.¹, был добавлен четвертый тип — предложение, сказуемое которого выражено «подлежащно-сказуемостной конструкцией» (主谓结构 *zhǔ wèi jiégòu*), и этот подход стал в целом преобладающим в системе школьного преподавания языка в Китае, однако типология простых предложений продолжала расширяться за счет вклада отдельных китайских лингвистов. Так, Люй Шусян тоже описывал четыре типа простых предложений в родном языке, но в его классификации в особый тип из предложений с глагольным сказуемым были выделены предложения с семантикой наличия и обладания, в частности с глаголами 有 *yǒu* ‘иметь(ся)’, 无 *wú* ‘не иметь(ся)’. Этот тип лингвист назвал 有无句 *yǒu wú jù* ‘предложения наличия или отсутствия’. Дальнейшее развитие взглядов китайских ученых на типологию простых предложений в языке пошло по пути дробления основных типов путем детализации грамматических свойств отдельных компонентов в структуре предложения.

В докладе рассматриваются ключевые моменты в истории появления и формирования концепции односоставного предложения в китайской науке, описываются базовые подтипы предложений с одним главным членом, выделяемые на современном этапе, обсуждается проблема их системного представления и определения критериев размежевания между собой.

В целом подход китайских исследователей объединяет взгляд на грамматическую основу, включающую подлежащее (主语 *zhǔyǔ*) и сказуемое (谓语 *wèiyǔ*), как выполняющую две функции — представления смыслового и грамматического центра предложения, однако уже на ранних стадиях формирования грамматического учения лингвисты обратили внимание на предложения, которые содержали только один компонент. Применительно к данному явлению в китайской науке того периода стал использоваться термин 零句 *líng jù* ‘нулевое предложение’ в противопоставлении с 整句 *zhěng jù* ‘полное предложение’ (китаеязычный аналог *full sentence*)². Эту терминологию ввел в синтаксическую теорию китайского языка Чжао Юаньжэнь, предложивший его как перевод англоязычного термина *minor sentence*, заимствованного им из «Языка» Л. Блумфилда³. Термином «нулевое предложение» охватывались и предложения без подлежащего, и предложения без сказуемого. Подобные синтаксические единицы в отечественной традиции рассматриваются как односоставные.

¹ Лекции по грамматике китайского языка / под ред. Дин Шэншу и др. Пекин, Шаньгу иньшугуань, 1961. [现代汉语语法讲话. 丁声树等. 北京, 商务印书馆, 1961年].

² Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Пекин, Шаньгу иньшугуань, 1979. [赵元任《汉语口语语法》北京, 商务印书馆, 1979年].

³ Bloomfield, L. *Language*. New York, 1933.

Согласно современному подходу предложения, состоящие из одного слова или словосочетания непредикативной природы, трактуются как 非主谓句 *fēi zhǔwèi jù* 'предложения не подлежащно-сказуемой структуры', в рамках которого выделяют такие подтипы односоставных предложений, как:

- 'предложения без сказуемого' (无谓语句 *wú wèiyǔ jù*) или односоставные предложения именного типа (名词性非主谓句 *míngcíxìng fēi zhǔwèi jù*)
- бесподлежащие односоставные предложения (无主句 *wú zhǔ jù*).

Односоставные предложения с подлежащим в роли единственного главного члена соответствуют номинативным или назывным предложениям в отечественной традиции, они призваны указать на факт существования предмета, наличия событий или явлений, которые названы словом предметной природы или именной группой. Главный член в номинативном предложении — подлежащее — может быть выражен различными единицами именной природы, что дает разные подтипы назывных предложений, а именно:

- (1) существительное: 证件! *Zhèngjiàn!* 'Документы!'
- (2) атрибутивная группа (定中短语 *dìng zhōng duǎnyǔ*): 多好的孩子! *Duō hǎo de háizi!* 'До чего же хороший ребенок!'
- (3) сочинительная группа (联合短语 *liánhé duǎnyǔ*): 老张和老李 *Lǎo Zhāng hé Lǎo Lǐ* 'Старик Чжан и старик Ли'
- (4) конструкция со структурной частицей 的 *de* (的字结构 *de zì jiégòu*): 卖菜的 *mài cài de* 'зеленщик'

Типология односоставных предложений с главным членом — глагольным сказуемым (动词性非主谓句 *dòngcíxìng fēizhǔwèijù*) опирается на грамматическую природу предиката. Выделяют следующие подтипы, в зависимости от того, чем выражено сказуемое:

- (1) глагол: 听! *Tīng!* 'Послушай!'
- (2) предикативно-объектная группа (述宾短语 *shù bīn duǎnyǔ*): 到点了。 *Dào diǎn le* 'Пора.'
- (3) результативная группа (述补短语 *shù bǔ duǎnyǔ*): 吃完! *Chī wán* 'Доедай!'
- (4) последовательно связанная группа (兼语短语 *jiānyǔ duǎnyǔ*): 祝你健康! *Zhù nǐ jiànkāng* 'Желаю тебе быть здоровым!'
- (5) сериальная группа сказуемого (连谓短语 *lián wèi duǎnyǔ*): 开窗户通风。 *Kāi chuānghù tōngfēng* 'Откройте окна проветрить.'

Среди односоставных предложений с главным членом — качественным сказуемым (形容词性非主谓句 *xíngróngcíxìng fēizhǔwèijù*) выделяют следующие подтипы в зависимости от того, чем выражено сказуемое:

- (1) прилагательное: 好! *Hǎo* 'Ладно.'
- (2) прилагательное с дополнительным элементом (адъективная группа) в сказуемом (形补短语 *xíng bǔ duǎnyǔ*): 好极了! *Hǎo jí le* 'Отлично!'

Отдельно в докладе рассматриваются особые типы односоставных предложений, сказуемое которых выражено единицами других классов слов.

Анализ имеющихся подходов показал, что при классификаций односоставных предложений в китайском языке современные китайские исследователи используют и частеречный, и функциональный принцип, не всегда последовательно и системно применяя их к языковому материалу, что приводит к спорности ряда выдвигаемых в этих классификациях положений, обсуждению которых в докладе отводится особое место.

Ивченко Т. В. (РГГУ, ВШЭ, Москва)

Еще раз к вопросу о простом и сложном предложении в китайском языке: критерии различения

Вопрос критериев различения простых и сложных предложений традиционно рассматривается как весьма непростая и до сих пор окончательно не решенная проблема в грамматическом описании китайского языка. Не надеясь окончательно решить этот вопрос в рамках данной статьи, я хотел бы высказать некоторые соображения о возможных способах конкретизации постановки самой проблемы и сделать некоторые дополнения к уже имеющимся теоретическим обобщениям.

1. Вопрос разграничения основных единиц описания актуален в китайском языке практически на всех языковых уровнях. Не являются исключением словосочетание, простое предложение и сложное предложение. В частности, так как в китайском языке словосочетание вида ‘主 + 谓’ (подлежащее+сказуемое) может быть частью простого предложения, в котором, в свою очередь, есть также сказуемое или подлежащее, то границу между простым и сложным предложением далеко не всегда можно провести однозначно.

Нередко на основании формальных критериев не удается также четко различить сложное предложение и последовательность нескольких простых/сложных предложений, то есть отличить сложное предложение от текста. Это объясняется как определенной вариативностью в использовании знаков препинания в письменном тексте, так и неоднозначностью проведения интонационной и смысловой границы между частями предложения/отдельными предложениями в устной речи.

2. В общем случае о сложном предложении можно говорить как о единице, с двумя или более независимыми предикационными центрами/предикатами¹. Другими словами, если в предложении выделяются два или более словосочетания типа ‘主 + 谓’ (подлежащее+сказуемое), каждое из которых является синтаксически независимым, то мы имеем дело со сложным предложением:

¹ Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989. С. 193.

- (1) 山川 (подлежащ.) 明丽 (сказ.), 景色 (подлежащ.) 迷人 (сказ.). ‘Горы и реки красивые, пейзажи очаровательны’. (о красивом месте)

Проблема состоит в том, чтобы точно определить, какой предикат следует считать независимым. Предварительно можно утверждать, что независимым является предикат, который не управляется другим предикатом или не вступает в структурно-зависимые синтаксические отношения с другими элементами синтаксической структуры, то есть не имеет управляющей им синтаксической вершины. В частности, если какой-либо глагол/предикат может без помощи союза управлять глагольным дополнением или предложением в роли дополнения, то такое предложение будет считаться простым, а не сложным:

- (1) 我知道他是谁。‘Я знаю, кто он’.

Аналогичным образом, простыми считаются предложения с сериальной конструкцией (连动句/连谓句) и предложения со сцепленной конструкцией (兼语句).

3. С другой стороны, предложение с однородными сказуемыми следует считать сложным, так как однородные сказуемые являются независимыми предикатами:

- (2) 我们每天学习生词, 写汉字, 做练习。

‘Мы каждый день учим новые слова, пишем иероглифы, делаем упражнения’.

Исходя из этого критерия к сложным предложениям следует отнести также следующие:

3.1 предложения со значением одновременного наличия двух ситуаций или одновременного протекания двух действий, выражаемых при помощи таких конструкций как: 一边动1一边动2 (одновременно выполняются действия V1 и V2), 又形1又形2 (одновременное обладание качествами A1 и A2), 既动1/形1又动2/形2 (одновременное обладание двумя качествами или одновременное наличие двух ситуаций), 一面动1一面动2 (с одной стороны V1, с другой стороны V2) и некоторые другие.

3.2 предложения со значением смены друг другом действий или состояний (то А, то В): 有时动1/形1有时动2/形2 (иногда действие V1 или качество A1, а иногда иногда действие V2 или качество A2), 一会儿动1一会儿动2 (то действие V1, то действие V2) и некоторые другие.

3.3 предложения со значением последовательно происходящих/имеющих место действий или состояний (сначала А, затем В): 先动1/形1再/后动2/形2 (сначала действие V1 или качество A1, а затем действие V2 или качество A2), 一动1就动2 (как только происходит/совершается действие V1, после него сразу совершается действие V2) и некоторые другие.

Все эти конструкции независимо от того, ставится ли между их частями запятая или нет, следует считать характерными для сложных предложений, так как предикаты, входящие в их состав, обладают независимым синтаксическим статусом.

4. Особый интерес представляют так называемые стяженные сложные предложения (紧缩复句). Под стяженными сложными предложениями понимаются

предложения, в которых благодаря особенностям семантической структуры предложения или семантики глаголов могут быть опущены практически все элементы структуры, которыми данные глаголы могут управлять:

- (3) 不去不行。‘Нельзя не идти’.
 (4) 不想说就不说。‘Если не хочешь говорить, то не говори’.

Стяженные сложные предложения, фактически, занимают промежуточное положение между простыми и сложными предложениями, так как обладают как свойствами простых (структурная связь между частями, сочетаемостные ограничения для первого и второго глаголов, единый интонационный контур, отсутствие маркируемых пауз и т.д.), так и сложных (наличие двух или более предикативных центров и т.д.) предложений.

5. Типы сложных предложений и их структурные особенности нельзя отделять от типа дискурса, в котором они появляются. При весьма очевидной разнице в китайской традиции между письменной и устной речью, между научным, художественным и деловым типами текстов вряд ли возможно говорить об универсальных критериях различения простого и сложного предложений в любом типе текстов.

Дальнейшая задача описания сложных предложений состоит, как кажется, в конкретизации и более детальном описании для каждого из типов дискурса принципов соотношения между уровнями следующими уровнями языка: словосочетание — простое предложение — сложное предложение — текст.

Камалова Ш. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О дополнительных конструкциях в языке древнетюркских рунических памятников

Одной из трех типов моделей синтаксических конструкций, пребывающих в синтаксической подсистеме языка, является конструкция с атрибутивной связью между ее компонентами.

Один из разновидностей атрибутивной модели является дополнительный модель. Дополнительные модели- состоит из двух компонентов-дополняемого и дополнения, которые служат средством выражения связи какого-либо действия, признака или предмета с каким-либо предметом¹. В зависимости от характера участия предмета в действии обозначающие этот предмет дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное.

¹ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 282.

Прямое дополнение обозначает прямой объект, т. е. объект, на который направлено действие. Косвенный объект имеет лишь косвенное отношение к действию.

Прямой объект показывает реальный или грамматический объект, над которым совершается действие в реальном и грамматическом смысле. Он обычно употребляется с переходным глаголом. Прямой объект может быть оформленным винительном падеже или без падежного указателя. По употреблению аффиксов винительного падежа прямое дополнение можно разделить на две части: определенную и неопределённую. Определенный прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться существительным в винительном падеже, а неопределенный прямой объект существительным в неопределенном винительном падеже, т. е. без аффиксов.

Определенный прямой объект в текстах рунических памятников может выражаться любым словом или словоформой, несущей предметную семантику: существительным в винительном падеже, местоимением, локативным прилагательным, субстантивированной частью речи, изафетным словосочетанием.

Имя существительное в винительном падеже может стоять непосредственно перед глаголом, а может дистанцироваться от него.

Ebin barq̄in buzđim (X 34)

Eb-in	barq̄-in	buz-đi-m
дом-ACCDEF	имущество-ACCDEF	разрушать-PST-1SG.POSS

‘Их дома и имущество я разорил’.

Q̄izim̄in qaliṅs̄iz bertim (E 47)

Q̄iz-ṅm̄-in	qaliṅ-s̄iz	ber-ti-m	
дочь-1SG.POSS-ACCDEF	выкуп-NEG	выдать-PST-1SG.POSS	

‘Своих дочерей я выдал замуж без выкупа’.

Анализа фактического материала ДТРП также показал, что имя существительное в роли прилегающего дополнения без аффикса винительного падежа часто представляет неопределенный объект:

Bitiq bitiqdim (K-Ç 28)

Bitiq	bitiq-di-m
Надпись-ACC IND	написать-PST -1SG. POSS

‘Написал надпись’

В текстах памятников зачастую прилегающее прямое дополнение употребляется в неопределенном винительном падеже. Это происходит когда объект, на который распространяется действие переходного глагола, не выделен из однородных ему предметов, представляет собой совокупное множество предметов, т.е. имя существительное берется в его собирательном значении:

Käjik jiyü, tabıſyan jjiü, olurur ärtimiz (T8)
 Käjik ji-jü tabıſyan ji-jü
 Олень-ACC İND питаться -CV заяц-ACC İND питаться-CV
 Olur-ur är-ti-miz
 Оседать быть- PST-3PL.POSS
 ‘Мы жили (там), питаюсь оленями, питаюсь зайцами’.

Косвенное дополнение нередко определяется как «дополнение, в котором предметно-процессное отношение имеет более отдаленный, менее непосредственный характер»¹. Предмет в этом случае связан с главным действием лишь частично, действие не охватывает его полностью, а затрагивает только какую-то его часть. В тюркских языках косвенный объект выражается с помощью различных средств:

1) падежными формами субстантивных частей речи и глагольно-именных форм (дательно-местным, местно-исходным, направительным, дательно-направительным, исходным, инструментальным);

2) посредством послелогов в составе словосочетаний;

3) местоимением с субстантивным значением.

Предмет является объектом, к которому направлено действия:

Er abqa barmıs (İB 17)
 Er ab-qa bar-mıs
 Муж охота-DATLOC идти-PST-3SG.POSS
 ‘Муж пошел на охоту’

Как было указано выше, дополнительные модели также могут быть выражены конструкциями с послеложными словами *birlä, tapa, saju, ötrü*. Например:

Äſim kayan birlä ilqärü Jaſil ügüz Ŗantuſ jazıka täqi sülädimiz. (Ktb 17).

Äſ-im kayan birlä ilqärü
 Дядя-1SG.POSS каган с-POST вперед

Jaſil üzüq Ŗantuſ jazıka täqi sülä-di-miz.
 Яшил угюз Шантун равнина до ходить-PST-1PL.POSS

‘С моим дядей-каганом мы ходили войною вперед, вплоть до реки Яшиль до Шантунгской равнины’.

По ходу исследования языка ДТРП мы выяснили, что в древнетюркском языке дополнения делятся на два основных типа: прямые и косвенные. В прямом объекте, который оформлен в винительном падеже есть двенадцать конструкций, оформленных не в винительном падеже - пять. Косвенный объект выражается падежными формами и посредством послелогов в составе словосочетаний. В древнетюркском языке мы определили двадцать косвенных дополнительных конструкций.

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.:Сов. Энциклопедия, 1966. С. 141.

Кириллова А. А. (ЗАО «А-Лифт», Москва)

Животное или злой дух: о семантике термина šāṣīr в древнееврейском языке

В книге Левит (из Пятикнижия Моисеева) есть весьма примечательный пассаж, процитируем его ниже:

Лев. 16:8: wənātan ʔahāron ʕal-«ənē haššəṣīrīm gōrālōt gōrāl ʔāhād layhwh wəgōrāl ʔāhād laʕāzā(?)ze!

Для этого отрывка мы предложим следующий перевод: «Бросит Ахарон о двух козлах жребий: один жребий для Г-да, один жребий для отпущения».

Данный стих интересен вдвойне: помимо того что в нем употребляется лексема gōrāl, обозначающая жребий, который достоин отдельного внимания и дискуссии, здесь также названа цель, для чего жребий будет брошен, а именно — для избрания козла отпущения (caper emissario в Вульгате). В данном случае мы сталкиваемся с термином šāṣīr, который присутствует в еще одной знаменитой цитате из Библии — стихе из Книги пророка Исаяи, который традиционно связывается с демоном Лилит:

Ис. 34:14: ʔag«ʔ siyuīm ʔ,t-ʔiyuīm | wəšāṣīr ʕal-reʕehʔ yikrāʔ
ʔak «ām hirgīʔā līlīt | māṣʔā lāh mānōaḥ

Рассмотрим сначала стих из Книги пророка Исаяи. Слово šāṣīr засвидетельствовано в 1й части стиха. Вульгата передает этот термин как pilosus — «волосатый», что напрямую связано с этимологией древнееврейского слова: можно предположить, что данный термин образован от слова šēṣār — «волосы» (с надежными семитскими и — шире — афразийскими параллелями¹). Однако в древнееврейском языке засвидетельствованы лексемы с омонимичным корнем <š-ṣ-r>, семантика которого связана с сильным ветром, бурей, штормом — см. Иов 27:21:

yīššāʔehū qādīm wə-yālak wīšāṣārehū mimməqomō

Синодальный перевод трактует этот стих так: «Поднимет его восточный ветер и понесет, и он быстро побежит от него», при этом термин šāṣar означает ‘sweep or whirl away (of storm wind)’² (унести сильным ветром). Однако проблема этого корня связана с тем, что в то же время в древнееврейском языке представлен синонимичный корень, консонантный состав которого отличается лишь первым звуком: /s/ вместо /š/; в частности, именно в варианте с обычным сибилантом данный термин засвидетельствован в книге Пророка Ионы (Иона 1:4). Латеральный сибилант сливается с обычным /s/ уже в библейские времена, что прослеживается в поздних текстах³, таким образом, в пророческих книгах присутствуют корневые варианты с /s/-/š/. Стоит учесть мнение Л. Кёлера и В. Баумгартнера, который предлагают

¹ Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 282.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1966. С.141.

³ Militarev A. Yu. A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated. P. 73–74.

в качестве параллели аккадский термин *šāru* — ‘wind, storm’¹. Действительно, в ‘The Assyrian Dictionary’ такой термин присутствует: *šāru* — «ветер»². Слово *šāru* можно рассматривать исключительно в качестве параллели, но не слова-донора, поскольку в противном случае /š/ в древнееврейском слове оказывается неэтимологичным. В то же время древнееврейский <š-š-r> и аккадский *šāru* могут происходить из одного источника. Согласно установленные регулярным фонетическим соответствиям, при такой аккадской параллели протосемитский корень должен реконструироваться как <š-š-r> со значением, связанным с бурей и штормом.

Стоит обратить внимание также на данные переводов.

LXX: $\beta\acute{o}\rho\sigma\upsilon\sigma\tau\nu$ ³ < $\beta\omicron\alpha\omega$ — «реветь, выть, как ветер и волны⁴; перекикиваться»⁵.

Таргум Йонатан: *šēdīn*⁶ — «демоны»⁷

Пешитта: *š?d?* (*šādā*) — «демон, дьявол, злой дух»⁸

Совокупность полученных данных (хотя и имеющих косвенный характер) позволяет сделать предположение, что в случае с термином *šāšīr* речь идет о некоем «демоне бури». Поскольку *šāšīr* и *lī līl* занимают очень близкие позиции в двух частях стиха, это можно считать параллелизмом, и, в таком случае, это дополнительный довод в пользу того, что семантика слова *līlīl* также связана с бурей.

Выше мы говорили про *šāšīr* как термин, который в случае с Ис. 34:14 имеет не вполне ясную семантику, которую, согласно предложенной нами версии, можно связывать с терминами для обозначения бури. Однако вернемся к Левит 16:8. В Вулгате данный термин передается при помощи лексемы *hircus* (во мн.ч. *hircos*) со значением «козел»⁹. Возникает любопытная ситуация, при которой, казалось бы, один и тот же термин по-разному передается в латинском переводе. Если принять во внимание тот вариант, который предлагается относительно Ис. 34:14, а именно *pilosus* «волосатый», то можно предположить, что в случае с Лев. 16:8 термин *šāšīr* стоит возводить к древнееврейскому термину *šešār* со значением «волосы» и, соответственно, протосемитской лексеме **šašar(-at)*- с той же

¹ Brown F., Driver S. R., Briggs C. A. Hebrew and English Lexicon of the Old Testament. Oxford: Clarendon Press, 1939. P. 973.

² Blau, J. Phonology and Morphology of Biblical Hebrew. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2010. P. 69.

³ Koehler L., Baumgartner W. The Hebrew & Aramaic Lexicon of the Old Testament — CD-ROM Edition. Leiden, The Netherlands: Koninklijke Brill, 1994–2000.

⁴ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago. / J. A. Brinkman, M. Civil, I. J. Gelb, A. Leo Oppenheim, E. Reiner (eds). Oriental Institute, Chicago, Illinois, U. S. A. & J. J. Augustin Verlagbuchhandlung, Glückstadt, Germany, 1956 — по настоящее время. Vol. Sh2, p.133.

⁵ <https://azbyka.ru/biblio/?Is.34&c~g~r>.

⁶ ‘of things; to roar, howl, as the wind and waves’.

⁷ Liddell, H. G., Scott, R. Greek-English Lexicon. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1883. P. 286.

⁸ По данным модуля для работы с таргумами Comprehensive Aramaic Lexicon: <http://cal.huc.edu/showtargum.php>.

⁹ Jastrow M. Dictionary of the Targumim, Talmud Babli, Yerushalmi, and Midrashic Literature. NY: The Judaica Press, Inc, 1996. P. 1523.

семантикой¹. В частности, в аккадском языке засвидетельствован термин «*ārtu* со любопытным значением ‘hair; goat hair’ («волосы, козья шерсть»)², в котором также имеется соотношение между волосами и козами.

Если же заглянуть в следующую главу той же книги Левит, то можно найти еще один стих, в котором употреблено слово *šāḥīr*, а именно Лев.17:7:

wəlo(?)-yizbəhū ṣōd ḥāt-zibḥeyhām laššḥīrīm ḥāār hem zonīm ḥāḥreyhām ḥuqqat ṣōlām
tiḥyā(h)-zo(?)t lāhām lədorotām

В Синодальном переводе данный стих передается следующим образом:

«Чтоб они впредь не приносили жертв своим идолам, за которыми блудно ходят они.
Сие да будет для них постановлением вечным в роды их».

Слово, которое в Синодальном переводе передается как «идолы», в Вулгате переводится как *daemonibus* (sing Nom *daemon*) — «демон, злой дух, бес»³. В Таргуме Онкелоса рассматриваемая лексема отражается с помощью термина *šēdīn* — «демон, дьявол, злой дух» (аналогично Ис. 34:14).

Если суммировать вышесказанное, необходимо заметить, что лексема *šāḥīr* получает полярные интерпретации: в Лев. 16:8 данный термин однозначно переводится как «козел», в то время как в следующей главе той же книги Торы это же слово используется для обозначения демонов или злых духов. Случай с Ис. 34:14 стоит особняком: в данном случае можно предположить формирование семантики под влиянием омонимичного корня, связанного со значением бури. Интересен сам факт существования двух омонимичных корней («волосы» vs «буря»), включающих, между прочим, латеральный сибилант, который сохраняется только в древнееврейском и южноаравийских языках, и в отношении термина, употребленного в Ис. 34:14, можно предполагать семантическую контаминацию, которая отражается в переводах текста Библии.

Кiryухина Л. В. (ИГУ, Иркутск)

О толковании лексических единиц в словаре Юань Жэньлиня

Словари китайской национальной филологической традиции иллюстрируют зачатки лингвистических представлений, поскольку они различаются в зависимо-

¹ Payne Smith, J. A Compendious Syriac Dictionary (founded upon the Thesaurus Syriacus of R. Payne Smith). Oxford: Clarendon Press, 1903. P. 553.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М: Русский язык, 1976. С. 476.

³ Militarev A. Yu. A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated. P. 73–74.

сти от целей и задач составления¹. Особый интерес вызывают словари служебных слов, описывающие правила употребления лексических единиц, не передающих знаменательных значений. Такие словари сочетают классический комментаторский характер филологических изысканий китайских авторов с необычной для традиционного языкознания грамматической направленностью. Толкование значений лексики в подобного рода трудах, в свою очередь, также имеет некоторые особенности. В рамках настоящего исследования рассмотрим эти особенности на примере словаря 《虚字说》 «Сюйцзы шо»² Юань Жэньлина 袁仁林 (1710).

В традиционной китайской филологии было принято изучать вэньянь, устный язык в филологических работах не использовался. Однако в словарях служебных слов встречаются случаи пояснения значений при помощи 俗语 *су юй* ‘обиходных выражений’ (что наблюдалось и в предшествующем выходу «Сюйцзы шо» словаре Лу Ивэя 卢以纬³ 1324 г.). Так, Юань Жэньлин поясняет знак 蓋⁴ *гай* ‘вероятно’ посредством 大槩 *дагай* с тем же значением: 猶云大槩也 *ю юнь дагай е* ‘так же, как сказать 大槩 *вероятно*’; 無寧 *у нин* ‘не лучше ли...’ толкует следующим образом: 猶云得無寧可, 即俗語不要是寧可如此 *ю юнь дэ у нин кэ, цзи су юй бу яо ши нин кэ жу цы* ‘так же, как сказать 得無寧可 *возможно, лучше...*, как обиходная [фраза] 不要是寧可如此 *не нужно так, лучше так*’ и т. д. Как видим, при толковании использовались как отдельные обиходные слова с синонимичным значением, так и целые фразы/предложения.

При объяснении значений служебных слов Юань Жэньлин старается показать связь со знаменательным значением знака. Так, в уже упоминавшейся словарной статье, посвящённой знаку 蓋 *гай*, автор пишет: 凡器有底有蓋, 蓋嘗籠罩于上, 勢足包括其餘, 今以實字虛用, 亦含斯意 *фань ци ю ди ю гай, гай чан лун чжао юй шан, ши цзу бао ко ци юй, цзинь и ши цзы сюй юн, и хань сы и* ‘у всякого сосуда есть дно, есть крышка, крышкой накрывают сверху, прослеживается дополнительное значение, здесь полное слово употребляется в качестве пустого, также связано с этим значением’. В статье про знак 顧 *гу* ‘наоборот; однако’ отмечается: 凡轉頭別看曰顧, 今作虛用, 亦含斯意 *фань чжуань тоу бе кань юе гу, цзинь цзо сюй юн, и хань сы и* ‘[про] всякого, [кто] поворачивает голову и не видит [то, что впереди], говорят 顧 *оглядывается*, здесь [наблюдается] употребление [в качестве] пустого [слова], также связано с этим значением’. Автор показывает, что пустые (служебные) слова произошли от полных (знаменательных), т. е. можно сказать, что Юань Жэньлин демонстрирует процесс грамматикизации.

¹ The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago. / J. A. Brinkman, M. Civil, I. J. Gelb, A. Leo Oppenheim, E. Reiner (eds). Oriental Institute, Chicago, Illinois, U. S. A. & J. J. Augustin Verlagsbuchhandlung, Glückstadt, Germany, 1956 — по настоящее время. Vol. Shin 2 125.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. С. 285.

³ Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О смене научных парадигм в китайском языкознании // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы VII всероссийской конференции по китайскому языкознанию. М., 1995. С. 115–123.

⁴ 袁仁林. 虚字说. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=305050&remap=gb> (Дата обращения: 15.01.2023).

Важной составляющей словаря «Сюйцзы шо» является указание на некоторые особенности произношения рассматриваемых лексических единиц. Например, присутствуют пояснения следующего плана: 蓋字之氣，從上腭穹窿而出 *гай цзы чжи ци, цун шан э цюн лун эр чу* ‘при произнесении слова 蓋 *гай* воздух проходит под сводом неба’; 哉字之聲，舌點上腭 *цай цзы чжи шэн, шэ дянь шан э* ‘при произнесении слова 哉 *цай* кончик языка поднимается к небу’; 於于二字之聲但觀其出聲時聚唇而前出 *юй юй эр цзы чжи шэн дань гуань ци чу шэн ши цзюй чунь эр цянъ чу* ‘при произнесении слов 於 *юй* и 于 *юй* можно наблюдать, что губы округляют и выдвигают вперёд’ и т. п.

Также Юань Жэньлинь отмечает факт «объединения» двух слов в одно, т. е. когда иероглифический знак обозначает слог, являющийся стяжением двух других. В посвящённой описанию 諸 *чжу* статье это явление представлено таким образом: 腰句者可代之於二字，乃是平趨過遞 *яо цзюй чжэ кэ дай чжи юй эр цзы, най ши пин цюй го ди* ‘в середине предложения [знак 諸 *чжу*] может заменять слова 之 *чжи* и 於 *юй*, в таком случае [интонация] ровная’; 尾句者可代之歟二字，乃是帶疑未定 *вэй цзюй чжэ кэ дай чжи юй эр цзы, най ши дай и вэй дин* ‘в конце предложения [знак 諸 *чжу*] может заменять слова 之 *чжи* и 歟 *юй*, в таком случае [интонация передаёт] вопрос и неопределённость’; 以其各收二字之音，縮爲一音 *и ци гэ шоу эр цзы чжи инь, со вэй и инь* ‘когда [знак 諸 *чжу*] передаёт звучание двух слогов, они объединяются в один слог’. Положение в предложении должно указывать на то, стяжением каких элементов является 諸 *чжу* в конкретном случае. 之 *чжи* указывает на объект, 於 *юй* — видимо, предлог, указывающий направление (соответственно, после 於 *юй* должно быть продолжение, а сочетание 之於 *чжи юй* должно бы находиться в середине предложения, изменения интонации не требует), 歟 *юй* — вопросительная частица (соответственно, располагается в конце предложения, произносится с вопросительной интонацией).

Особое внимание Юань Жэньлинь уделял интонационной составляющей описываемых им пустых слов. Он отмечал, что пустые слова разного плана (начальные, вспомогательные и др.) связаны с модальной характеристикой. Отличия некоторых синонимичных лексических единиц представлялись именно посредством такой характеристики. Например, разница между модальными частицами 乎 *ху*, 歟 *юй* и 耶 *е* объясняется при помощи 声气 *шэнци* ‘интонации’ (или ‘модальности’): 乎字氣足，歟字氣嫩，耶字氣更柔嫩 *ху цзы ци цзу, юй цзы ци нэнь, е цзы ци гэн жоу нэнь* ‘интонация знака 乎 *ху* резкая, интонация знака 歟 *юй* помягче, интонация знака 耶 *е* ещё мягче’.

Таким образом, материалом для описания в словаре «Сюйцзы шо» выступают служебные (точнее, 虛字 *сюйцзы* ‘пустые’) слова, что, безусловно, даёт некоторые основания для того, чтобы отнести данную монографию к своего рода «предграмматическим» работам китайской национальной филологической традиции, однако характер толкования лексических единиц в большей степени показывает связь с классическим комментаторским направлением языковедческих исследований, в широком смысле включающим и фонологию.

Костина Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Лекарева В. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Формы вежливости и обращения в романе Ш. Чоттопаддхая «Дайте дорогу!» (*Pather dābi*, 1926)

Категория субординации (вежливости) в бенгальском языке является одной из важнейших как для системы местоимений, так и для глагольного формообразования. Для обозначения говорящего применяются нейтральное *āmi* и уничижительное *tui* (сфера употребления последнего ограничена диалектами и поэтическими текстами); в отношении собеседника может использоваться фамильярное *tui*, нейтральное *tumi* или онорифическое *āpni*; указательно-личные местоимения третьего лица, а также вопросительное и относительное местоимения-существительные представлены нейтральным и онорифическим вариантами. Бенгальский глагол не имеет категории числа, но образует особые формы для каждой степени субординации.

Стандартные правила выбора местоимения или глагольной формы той или иной степени субординации обычно приводятся в грамматиках бенгальского языка, но в настоящее время они демонстрируют существенную неустойчивость и гибкость, вызванную как социальными преобразованиями, так и языковыми и культурными контактами бенгальцев.

Еще в конце XIX — начале XX века в связи с активной урбанизацией и появлением новых профессий, миграцией бенгальцев за пределы Индийского субконтинента, формированием диаспоры и частичным перениманием европейской культуры общения, развитием реформаторских направлений индуизма, началом национально-освободительной борьбы и зарождением движений за права женщин и против кастовой дискриминации возникла необходимость заново выстраивать принципы коммуникации, и в частности, адаптировать под новые условия языковую систему субординации и апеллятивов.

Происходившие в разговорном языке изменения находили отражение и в активно развивавшейся в те годы бенгальской литературе. Наибольший интерес в данном отношении представляют произведения Шоротчондро Чоттопаддхая (1876–1938), а в особенности, роман «Дайте дорогу!», действие которого разворачивается в Рангуне (совр. Янгон, Мьянма). Здесь, в условиях нарушения привычных социальных связей, в рамках революционной ячейки сталкиваются молодой, но довольно консервативный брахман Опурбо, доктор Шоббошачи, воспитанная в христианской семье христианка Бхароти, бывшая торговка наркотиками Шумитра и др. В традиционном бенгальском обществе они практически не имели бы точек соприкосновения, и потому все формы обращения, которые они используют, представляют особый интерес: они показывают, как происходит структурирование нового общества, как к новым условиям адаптируются этикетные нормы и насколько выбор коммуникативной стратегии в каждом из рассматриваемых случаев может быть ситуативно обусловлен.

В рамках данного исследования был проведен анализ реплик главных действующих лиц романа и выявлены используемые ими по отношению друг к другу и иным героям формы субординации и апеллятивы. Основные результаты исследования:

Женские персонажи в языковом отношении более консервативны и придерживаются выбранной стратегии обращения. Так по отношению к Опурбо Бхароти на протяжении всего повествования использует формы повышенной субординации (как в разговоре, так и в референции). Переход от повышенной к нейтральной ступени субординации в паре Бхароти-доктор серьезно обоснован событиями романа и также носит постоянный характер.

Опурбо, наиболее эмоционально нестабильный и колеблющийся член ячейки, проявляет свое непостоянство и на языковом уровне. Изначально он обращается к Бхароти с использованием онорифических форм и не называет ее по имени, однако в ситуациях эмоционального напряжения переходит на нейтральные формы и личное имя. Следует отметить, что сама героиня фиксирует эти ситуативные скачки и указывает на них в разговоре с Опурбо, который, кажется, не замечает их. В целом подчеркнуто-вежливое обращение Опурбо к Бхароти находится в некотором противоречии с местом героев в традиционной социальной иерархии. Это несоответствие проявляется еще ярче на фоне последовательного использования по отношению к героине нейтрального местоимения *tumi* со стороны слуги Опурбо, Тивари.

В большинстве случаев ступень субординации местоимения третьего лица совпадает с субординацией форм, используемых в обращении. Интересный случай представляет, опять-таки, Опурбо, использующий в отношении Бхароти нейтральные формы в разговоре со своим коллегой Тальваркармом и онорифические — во время бесед со слугой.

В отличие от Опурбо, доктор Шоббошачи избирает по отношению к Бхароти нейтральную ступень субординации, и эта пара поначалу оказывается несимметричной (*āpnī-tumi*), что соответствует их положению в организации. Наибольший интерес в системе используемых Шоббошачи обращений представляют выбираемые им апеллятивы, которые весьма разнообразны и отражают специфику коммуникативной ситуации. При обращении к Опурбо Доктор поначалу соблюдает дистанцию и использует онорифические формы, а когда их общение становится более тесным, он переходит на нейтральную ступень, как в диалоге, так и в референции.

Любопытной представляется сцена знакомства Опурбо и Доктора в полицейском участке, когда Доктор выдает себя за другого. В ней социальные роли героев инвертированы, что находит отражение и в формах вежливости: нейтральной со стороны Опурбо и онорифической со стороны Доктора.

В целом можно отметить, что Ш. Чоттопадххай активно использует категорию вежливости и как средство лингвистической характеристики персонажа, и как дополнительный способ показать структуру описываемого общества. Его герои могут избирать разные стратегии в отношении этикета (следовать традиционным нормам или отталкиваться от собственных эмоций и восприятия ситуации), и это не приводит к серьезным конфликтам и недопониманию. Представляется

интересным проследить, насколько выявленные особенности коммуникации сохранились в пьесе «Дайте догогу!» (1939) и фильме «Шоббошачи» (Sabyasachi, 1977), а также сравнить их с особенностями речи героев романа Р. Тагора «Четыре части», ставшего своеобразным ответом на «Дайте догогу!».

Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск)

Многозначность лексемы «один», семантика и способы ее выражения в японском языке

В японском языке отсутствует грамматическая категория числа, однако это не значит, что для японцев неважно противопоставление единичности и множественности в контексте. На значение, использование и коннотации числительного в японском языке повлияли китайская натурфилософия и заимствования из английского языка.

Лексема «один» может рассматриваться как числительное и как морфема в составе слова. Как числительное «один» может использоваться самостоятельно с чтением — *хитоцу* и в сочетании с различными классификаторами с чтением — *ити*, выражая при этом точное количество.

После анализа 500 лексем, в которых «один» используется в качестве морфемы мы выделили следующие значения: точное количество; быть в единственном числе; элемент, далее не разделяющийся на составляющие части; часть, доля чего-то; отчасти, частично; незначительность, всего лишь, нечто незначительное; один род, один вариант; один и тот же, такой же самый; лучший, первый сорт, первый класс; объединение; область чего-то, набор, комплект; целиком, бесконечность; нечто маленькое; нечто маленькое, которое может стать огромным; значения, не связанные с количеством: солидный, сначала, когда-то

В японском языке есть слова, в состав которых входит морфема «один», при этом чтения не совпадают с указанными выше, например, 一昨日 *ототой* «позавчера, один день назад», 一寸 *тётто* «немного».

Коннотация в значении числительного «один», записанного иероглифом — *ити*, связана с заимствованным из китайской натурфилософии принципом противопоставления 陰陽 *ин-ё*: «инь-ян» (два противоположных начала взаимно дополняют друг друга, отрицательное и положительное, пассивное и активное, женское и мужское, темное и светлое). Таким образом, нечетное число — «один» имеет коннотацию «положительное, активное, светлое и счастливое».

Для выражения значений «один, первый» используются также различные иероглифы и заимствованные слова. Например, иероглиф 一 *ити* со значением «один» используется для предотвращения ошибок в документах, а также на кредитных билетах и облигациях. Иероглиф 片 *ката* указывает на единичность при выборе из

двух, 片側 *катагава* «одна сторона из двух», 片方 *катахо*: «одна из пары, одна из присутствующих сторон». Иероглифы 単 *тан* «одно-, моно-, уни-», 同 *до*: «одно-», 独 *доку* «одно-» используются для образования общеупотребительной и терминологической лексики 単分子 *танбунсимаку* «мономолекулярный слой», 同調 *до:тё*: «унисон», 独語 *докуго* «монолог». Морфема *モノ* *моно-* входит в состав заимствованных слов *モノレール* *монорэ:ру* «монорельс», *モノグラム* *моногураму* «монограмма».

Кроме того, используются слова как отдельно, так и в словосочетаниях. заимствованные из английского языка, При этом может происходить расширение значения слова. Так, при заимствовании в японский язык лексема *シングル* *сингуру* сохраняет значения, существующие в английском языке «один, предназначенный для одного, холостой», и приобретает значения «одиночная игра, например, в теннис; однобортный пиджак; одинарный (виски); одноместный номер в гостинице; диск, на которой с каждой стороны записано по одной мелодии [Катакана синго дзитэн, 1995. С. 586]¹.

В японском языке лексема *ワン* *ван* используется в словосочетаниях, созданных японцами, например. в словах *ワン・マン* *ван ман* «один человек», *ワン・マン・カー* *ван ман ка*: «автобус, в котором водитель одновременно выполняет функцию кондуктора», может также использоваться в названии товаров и магазинов. Кроме того, *ワン* *ван* используется в качестве морфемы в словах, созданных в японском языке на основе английских заимствований, *ワン・タッチ* *ван татти* (one + touch) «в одно прикосновение» (слегка прикоснуться к прибору и он начинает работать)», *ワン・クッション* *ван куссён* (one + cushion) «замалчивать, обходить молчанием» (не говорить о чем-то напрямую собеседнику) [Мори Муцухико, 1999. С. 72]².

Кухарева Е. В. (МГИМО, Москва)

Отражение понятий «дом», «родина» в арабском менталитете

«С чего начинается Родина?» Эти слова перестали быть строкой из песни. Они приобрели более философский характер: «Кто мы? Где наши корни? Где наш дом? Каковы наши ценности, которые нужно защищать и за которые нужно бороться, ради которых можно сложить голову?» Понятия «отчий дом, родная земля» известны, более того, присущи всем народам. Однако каждый народ, каждая нация, даже каждый человек воспринимают их неодинаково. Формы выражения,

¹ Катакана синго дзитэн [カタカナ新語辞典]. Словарь новых слов, записанных азбукой катакана. Токуо: Gakken. 1995.

² Мори Муцухико. Кадзу-но цуку нихонго дзитэн [森睦彦. 数のつく日本語辞典]. Словарь слов японского языка, содержащих числительные. Токио: То:кё:до: сюпан. 1999.

глубина и распространённость этих понятий могут отличаться от этноса к этносу. Даже эпохи могут находить в них своё отражение.

Первые представления человека о доме, месте его поселения, были связаны с теплом, получаемым с помощью огня, который поддерживался искусственно и не только согревал жилище и его обитателей, но и служил для приготовления пищи. Очаг долгое время был и до сих пор остаётся у многих народов (например, юрты, чумы и другие постройки кочевых народов, особенно севера) центральной точкой традиционных человеческих жилищ. Теперь, когда его значение уступило место современным благам цивилизации (центральному отоплению, современной кухне), во многих домах и квартирах очаг сохраняется в виде сооружения, который называется камином, вызывая в воображении образ уютной, деревенской жизни, которая, по мнению многих современных людей, принадлежит к более простым, невинным ушедшим эпохам. Важность домашнего очага в прошлом сделала его синонимом «дома» и «семьи». Арабы не являются исключением. У них есть слово *kānūn*, которое означает «очаг, печь». Оно пришло из сирийского языка, где *kānōn* тоже означал «камины, печи». Происходит от глагола «канна» — скрывать, таить; успокаиваться. Отглагольное существительное «кинн» означает укрытие; жилище. Другими словами, этот образ связан с понятием «тепла, спокойствия, надёжного убежища».

В арабском языке концепты «дом» и «родина» имеют достаточно широкое ассоциативно-семантическое поле. Здесь можно выделить территориальный, или пространственный, признак данного концепта. Это — ‘бейт’, что означает ‘кров, жилище’; убежище, пристанище (*ma’awan*); место возвращения; прибежище (*ma’abun*); ‘маскан’ — ‘жильё, жилище; квартира’; ‘манзиль’ — ‘жилище; квартира; дом’; ‘дār’ — ‘жилище; дом, здание’. С этими понятиями тесно связаны определения слова «родина». Это — ‘ўатан’, что означает ‘родина; отечество, отчизна’; ‘маўтын’ — ‘родина; место рождения’; ‘ард’ — ‘земля, суша; территория; страна’; ‘баляд’ или ‘билād’ — ‘страна’. Кроме того, это могут быть социально окрашенные признаки концептов ‘дом, родина’, тесно связанные с понятием ‘асабийя’ (племенной дух, приверженность и верность роду (племени). Сюда можно отнести такие слова, как ‘асл’ — ‘корень; основа, начало; происхождение’; ‘кауm’ — ‘народ, нация; племя’; ‘ашира’ — ‘род; племя’; ‘ша’аб’ — ‘народ’. С ними тесно связаны нравственные ценности, присущие арабскому менталитету не только в традициях, но и в современной реальной жизни. Это — ‘фахр’ — ‘гордость, слава, честь’, ‘карам’ — ‘щедрость, великодушие, благородство’, ‘сабр’ — ‘терпение’, ‘шажа’а’ — ‘храбрость, отвага, смелость’ и другие. Существуют также эмотивно-метафорические обозначения понятия ‘дом, родина’. Назовём среди них ‘маскат р-ра’ас’ — ‘место рождения, родина’ (дословно это означает ‘место падения головы’. А также ‘дам’ — ‘кровь’, ‘қалб’ — ‘сердце’ и другие.

Тема родины занимает умы как представителей современного арабского общества, так и ранее она была широко отражена в арабском фольклоре: пословицах, поговорках и афоризмах.

В пословицах зафиксированы выработанные не одним поколением нравственные идеалы и ценности, в которых понятие патриотизма закреплено как объединяющий и цементирующий общество элемент. Более того, патриотизм возведён в ранг духовной ценности, освящённой Аллахом.

Когда мы говорим об идейно-политическом аспекте концепта ‘родина’, то следует обратиться к вопросу о становлении этого понятия в процессе формирования арабской национальной идеи, более чётко привязанной к территориально-географической среде, к идее «арабской родины» как реального места обитания «арабской уммы».

Тема Родины у арабов на протяжении сотен лет была и остаётся актуальной. Однако это не означает, что представления о ней всегда были схожи.

Из глубокой древности до нас дошли произведения великих арабских поэтов Джахилии. В них нет привычных для нас строк о Родине, хотя и встречаются весьма проникновенные слова о родном крае. Домом, родиной для них было племя, его члены, его герои, его славные и запоминающиеся дела.

Отражением отношения арабов к своей земле, дому могут также служить гимны арабских стран. В них воспевают родную землю, людей, которые есть соль этой земли.

В гимне Египта эта древняя и великая страна называется «матерью всех земель; драгоценным камнем».

Сирийский гимн воспекает страну, называя её «родиной арабского духа».

В гимнах арабских стран с тысячелетней историей главный упор делается на историческое прошлое, которое является опорой для надежд в будущем.

В гимнах же Алжира и Туниса, помнящих жестокую борьбу за свободу, жертвенность — главное содержание темы Родины.

В некоторых арабских странах, например, Бахрейне, который издревле считался мистическим местом связи с вечностью, гимн отражает данное восприятие этой страны.

Выводы:

1. Понятие ‘дом, родная земля, родина’ имело и имеет для арабов непреходящее значение, хотя смысл этого слова изменялся с течением времени.

2. Понятие ‘родина’ в менталитете большинства арабских народов связано не только с родными краями, но в большей степени со славной и великой историей арабских народов, их кровавыми войнами с иноземцами за свободу и независимость.

3. С другой стороны, Родина — это также предмет гордости за славные свершения прошлого, за героев, павших в борьбе за свои идеалы, за красоту и неповторимость родного края.

Список литературы

1. Андалусская (испано-арабская) поэзия. Абд ар-Рахман / подб. матер., разраб. ПО, офор. 2001–2014 Алексея Сергеевича Злыгостева URL: <http://litena>.

ru/books/item/f00/s00/z0000059/st044.shtml; <http://litena.ru/> Litena.ru: Библиотека классики художественной литературы «Литературное наследие» (дата обращения: 05.01.2017).

2. Бестужева-Лала С. Андалузская поэзия. 28 июня 2012 URL:<http://www.stihi.ru/2010/07/01/57> (Дата обращения: 06.01.2017).

3. Гимн Алжира. URL: <http://www.cultin.ru/singles-gimn-alzhira>; (дата обращения 17.01.2017)

4. Гимн Бахрейна. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Гимн_Бахрейна](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Бахрейна) (Дата обращения 17.01.2017)

5. Гимн Египта. URL: <https://www.smileplanet.ru/egypt/gimn/> (Дата обращения 17.01.2017).

6. Гимн Сирии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Сирии (Дата обращения 17.01.2017).

7. Гимн Туниса. URL: <http://discoveric.ru/anthem/tunis> (дата обращения 17.01.2017)

8. Дервиш, Махмуд. Птица изгнания. Избранные произведения: Сборник. Пер. с араб. М.: Радуга, 1987. 328 с.

9. Жемчужное ожерелье: Антология арабской средневековой поэзии и прозы. Пер. с арабского. Сост., вступ. статья и коммент. И. М. Фильштинского. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1966. 420 с. (Классическая литература Востока).

10. Из классической арабской поэзии. Пер. с араб. / Примеч. Б. Шидфар; Предисл. К. Яшена. М.: Худож. Лит., 1983. 303 с.

11. Кечина Э. А. Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков) Автореферат диссертации кан. филол. наук.. М.: Институт языкознания РАН, 2012. 22 с.

12. Кухарева Е. В. Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий). М.: Военный университет, 2005. 165 с.

13. Сборник народной мудрости URL:<http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicey-i-rogovorki-o-rodine/> (дата обращения: 10.11.2015).

14. Труевцева К. М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи / в Полития. 2003. № 3. С. 104–117. (Опубликовано на портале: 26–09–2012. URL: <http://ecsocman.hse.ru/articles/16000257/j36598696/e16004295/y2003> (Дата обращения 15.05.17).

15. Аль-Гунейм, Якуб Юсеф. Анашид ватанийа. Аш-шира ль-кувейти. Аля джанах аль-вадд (Песни о Родине. Паруса Кувейта. На крыльях любви). Эль-Ку-вейт: Ал-ляджна ль-мухтасса би-ард ид «Аш-шира ль-кувейти», 2007. 75 с. (араб.)

16. Альхадж, Махмуд. Мавдуу таабир ани ль-ватан. (Тема: высказывания о Родине). 03.01.2016 URL: http://mawdoo3.com/تعبير+عن+الوطن?بجث_موضوع:خاص (араб.) (Дата обращения: 12.01.2017)

17. Арваа р-равайя фи ль-амсаль. (Самые лучшие пословицы и поговорки) // Сост. Асы, Насер. Бейрут: Дар эль-муалляф, 2004. 160 с. (араб.)

18. Любани, Хусейн Али. Мажмаа ль-амсаль аль-филастынийя (Сборник палестинских пословиц). Бейрут: Мактаба любнан наширун, 1999. 938 с. (араб.)
19. Таха, Джамана. Мавсуа р-раваиа фи ль-хикам ва ль-амсаль. (Сборник лучших пословиц и поговорок). Бейрут: Дар аль-хайаль, 2002. 720 с. (араб.)
20. Хикам ани ль-ватан. (Афоризмы о Родине). URL: <http://حكم-عن-الوطن.нет/حكم/> (араб.) (дата обращения: 09.11.2015).
21. Пиотровский М. Б. Живая вода Бахрейна // Тилос. Путешествие в загробный мир. С.-Пб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 24 с.
22. Фильштинский И. М. Арабская поэзия средних веков. Послесловие // Арабская поэзия средних веков. Т. 20. М., 1975. С.1193–1193.
23. URL: litread.me/web/467911/490000-491000. (дата обращения 16.01.2017).

Лебедева А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О санскритских больших числах в китайском языке

В рукописи «Китайской грамматики» о. Феофилакта (Киселевского)¹ в Главе VI «Об именах числительных (数目名)» в описании числительных упоминаются большие числа (大数), что довольно редко встречается в миссионерских грамматиках. Помимо указанных в «Грамматике» традиционных для китайского счета (算数) числительных (正 *zhèng* ‘десять миллиардов’, 兆 *zhào* ‘миллион’, 亿 *yì* ‘сто тысяч’, 京 *jīng* ‘десять миллионов’, 涧 *jiàn* ‘сто миллиардов’, 载 *zǎi* ‘сто миллиардов’, 秭 *zǐ* ‘сто миллионов’, 垓 *gāi* ‘тысяча миллионов’, 壤 (穰) *rǎng* ‘десять тысяч миллионов’, 沟 *gōu* ‘сто тысяч миллионов’, 极 *jí* ‘тысяча миллиардов’)² привлекают внимание те числительные, которые были заимствованы из санскрита для перевода буддийских текстов. Для передачи терминов использовались фонетический принцип (阿僧祇 *āsēngqí* ‘сто тысяч миллиардов’ (санскр. *asāṃkhyā* ‘неисчислимое’), 那由他 *nàyóutā* ‘триллион’ (санскр. *naṃyuta*) и буквальный перевод (恒河沙 *héngshā* ‘десять тысяч миллиардов’ (досл. ‘подобно песчинкам Ганга’), 不可思议 *bùkěsīyì* ‘десять триллионов’ (досл. ‘невообразимое’, санскр. *āścarya*), 无量数 *wúliàngshù* ‘сто триллионов’ (досл. ‘неисчислимое’)). Подобные большие числа использовались для исчисления количества кальп 劫 *jié*. Данные Корпуса китайского языка Пекинского университета CCL дают возможность предположить, что в современном китайском языке, кроме выражения 不可思议 *bùkěsīyì* в значении ‘невообразимый, непостижимый’, эти числительные сохраняют буддийскую коннотацию и редко встречаются в повседневной речи.

¹ Феофилакт (Киселевский). Китайская грамматика и разные материалы по изучению китайского языка и Китая (1831–1840). РГБ, Ф. 273, карт. 18, ед. хр.7, л. 80

² Перевод указан как в «Грамматике», в современном китайском языке указанные иероглифы могут переводиться иначе. Этимология китайских терминов, возможные причины и приблизительное время изменения их переводов будут озвучены в докладе.

Равшанов М. (НГГУТУ, Узбекистан)

Вопросы изучения квантативности наречий в разносистемных языках

Изучение категорий квантативности интересует исследователей с древних времен. Однако до сих пор в научной литературе не сложилось единого мнения в трактовке этого вопроса. В частности, наречия в теоретических источниках изучаются как категории качественные и обстоятельственные, хотя категория квантативности в наречиях исследуется как синтаксические функции наречий (Виноградов).

Судя по классификации количественных наречий, видно, по значениям словесного знака они имеют семантико-грамматическое звучание. Между тем эти явления в лингвистике разносистемных языков не изучаются ни как количественные наречия, ни как квантативность наречий. Категория квантативности — очень сложный семиотический феномен. Категории количественности не только в наречиях, но даже и в других лексико-грамматических группах (или категориях) выражаются имплицитно. Их проявления эксплицитно не выражаются. В силу этого их обозначения должны рассматриваться с позиций содержательных лингвистических категорий.

Профессор Дж. Буранов исследуя квантативность наречий как категорию множественности указывают следующее: «Наречия выражают множественность либо независимо от других разрядов слов (такие наречия называются первичными), либо значение множественного числа наречия зависит от тех разрядов слов, от которых они образованы (такие наречия называются вторичными). Вторичные наречия имеют широкое распространение. Они образуются от прилагательных, числительных, существительных и т. д. (Буранов, 1981)

В тюркских языках отдельные наречия также выражают множественность, причем посредством использования корневых, производных или сложных основ.

А. Н. Кононов на материале узбекского языка выделил следующие количественные наречия кўп — много, обильно; тўла — заполнена; анча — много, в большом количестве; талай — немало, много; кўплашиб — совместно, все вместе; кўплаб — понемногу; бисёр — многочисленно; аксарият — большей частью; ялпичасига — сплошь; улгурчасига — оптом; бараварига — совместно; қаторасига — подряд; челақлаб — ведрами; тонналаб — тоннами; ҳар вақт(да), ҳар замонда — всегда; ҳар томонда — (по)всюду; ҳар тарафлама, ҳар томонлама — всесторонне; ҳамма ерда — всюду; ҳамма ёқдан, ҳамма ердан отовсюду и др. (Кононов, 1960)

В казахском языке множественность выражается с помощью наречий количества и меры, а также собирательных наречий: онша — столько; сонша, осынша — столько, сколько; соншолык-столько, настолько; осыншалык — столько; соншама — столько; оншама — столь; айтарлықтай — столь; бірталай — значительно, изрядно; бәйрекындырыу, екеулеп — вдвоем; ушелеп — втроем; он-ондап — по десять; коп-копден — помногу; турліше — различно; мол — обильно; бірге — вместе, совместно; бірлесіп, қосылып — совместно; коп- много и др. (Алма-Ата, 1966)

В киргизском языке множественность также передается посредством наречий. Например: коп-много; турдууча — разнообразно; кошумча, кошумчалап — дополнительно; коша — вместе, совместно; бирге — вместе; ашыкча — излишне, сверх нормы; ошончалук — столько, настолько, в таком количестве; анчалык — столько, настолько; мынча, мынчалык — столько; айлап — месяцами; биротолоо — совсем и др. . (Дыйканов)

В туркменском языке к наречиям, выражающим множественность можно отнести следующие: коп- много; коплеч — в большинстве случаев; артык, хас — больше; биле, и многие др. (Ашхабад, 1964)

Примеры: (из азербайджанского языка): йахшы-йахшы мевалар — хорошие-хорошие фрукты; йахшы-йахша данышмађ — говорит хорошенько; узун — узун йоллар — длинные дороги; узун-узукн донышмађ — говорит без конца (долго).

Выводы:

1) в основном выражают способ, количество, а иногда и время совершения действия;

2) с удвоением утрачивают именные значения и не изменяются по падежам и числам;

3) не могут иметь при себе определения, т. е. выступать в роли определяемого, так как, удваиваясь, приобретают качество определителя действия (иногда предмета).

Савватеева Т. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Полипредикативные конструкции в паремиях на египетском диалекте и их функционально-семантические характеристики

Разнообразие содержания паремий на египетском диалекте, т.е. разговорном арабском языке Египта, требует широкого диапазона синтаксических структур для оптимального выражения их семантики и коммуникативной задачи — от словосочетаний до сложных предложений и диалогов.

При классификации паремий с точки зрения их синтаксической структуры нами учитывается тип предикативной конструкции (ПК) — именное предложение или глагольное¹, а также количество ПК в составе паремии. На этом основании выделяются монопредикативные, полипредикативные высказывания и сверхфразовые диалоговые единства.

В результате лингвистического анализа корпуса египетских народных паремий, включающего около 1000 единиц, установлено, что всякое усложнение

¹ В традиционной арабской грамматической теории (ТАГТ) принято выделять два основных типа предикативных конструкций — именные и глагольные — в зависимости от членораздельности начального элемента — имени или глагола, соответственно.

синтаксической структуры паремии обусловлено ее семантическими характеристиками, коммуникативной задачей и функционированием паремии как тропа.

Есть основания полагать, что существуют регулярные соответствия между внешней семантикой паремий, их структурой и коммуникативной, или «модальной», рамкой [Арутюнова: 34]. Индикатором успешного употребления паремии в речи является достижение говорящим намеченной коммуникативной цели. Большое значение при этом имеет отсылка собеседника к некоему общему для обоих «фонду знаний», т. н. пресуппозиции высказывания.

Безусловно, поговорки возникают в культуре народа естественным образом. Однако паремии теряют присущую им как речевым клише экспрессивность, если разрушить их синтаксическую структуру. Такие же последствия влечет за собой изменение модальной составляющей или замена отдельных лексем на синонимичные. Очевидно, «потребность в неоднократном использовании поговорок во многом обусловлена их рациональной, стилистически совершенной формой, представляющей собой синтез синтаксической структуры и лексического наполнения» [Пак, Сухарева: 240], а также — коммуникативной рамки.

Имеются паремии, построенные на основе базисных структурных схем, т. е. нераспространенных именных или глагольных ПК¹. Типизированное значение паремий-именных предложений — сентенции, они лаконичные и емкие. В них говорится об абстрактных явлениях, связанных с важными сторонами жизни человека: нравственными принципами, моралью, религиозными установками и предписаниями, добродетелями и пороками, непреложными истинами, чувствами человека и его повседневными занятиями. В качестве подлежащего-темы в подобных паремиях выступают имена с абстрактным значением, такие как *мир, жизнь, благодарность, терпение, страх, нужда* и т. п.

iş-şabr(i) tayyib (Mahgoub — 153) Терпение — добро.

iş-şabāḥ rabāḥ (Badawī — 322) Утро для дел выгоднее.

(ср. русс. Утро вечера мудренее).

Противоположная сторона континуума синтаксических структур, представленная полипредикативными конструкциями, решает совсем другие коммуникативные задачи, такие как противопоставление, пояснение, причинно-следственная связь. Объединение нескольких ПК в составе сложного предложения осуществляется как с помощью эксплицитно выраженных союзов, относительных местоимений и других служебных слов (гипотаксис), так и на основе бессоюзного типа связи (паратаксис). Такие паремии часто основаны на повторе: *il-'een bi-l-'een wi-sinn bi-s-sinn (Badawī — 436) Око за око, зуб за зуб.*

Возможно сочетание:

- двух именных ПК (обобщающие суждения, акцент на свойствах объекта, противопоставление)

¹ Именная ПК состоит из подлежащего-темы и сказуемого-ремы, глагольная ПК включает в себя сказуемое, выраженное глагольной основой, и следующее за ними подлежащее, представленное единицей именного класса слов, в т.ч. местоимением.

yoom 'asal wi-yoom baṣal (Maḥgoub — 897) День — мед, день — лук.

il-'een baṣīra wi-l-yadd(i) qaṣīra (Badawī — 614) Глаз видит, а рука коротка.

- двух глагольных ПК (последовательность действий, противопоставление, следствие)

harab-nā min ad-dibb, waqa '-nā fi-l-gibb

Мы убежали от медведя — попали в ловушку.

(ср. русс. Из огня да в полымя).

- именной и глагольной ПК (пояснение, противопоставление)

bi-n 'idd(i) l-'ayūm wi-l-'ayūm bi-'idd(i)-nā (Baqli — 410)

Мы считаем дни, а дни считают нас.

На основе принципа «функциональной транспозиции» [Лебедев: 20] в составе паремий могут соплагаться два сложных предложения. Поскольку ПК внутри каждого из сложных предложений могут соединяться бессоюзной связью, очень важным для понимания оказывается тема-рематическое членение высказывания:

il-ḡani šakkat-u šooka baqit kull(i)balad fi dooka wi-l-faqīr qaraṣ-u ti 'bān qālu skut balāš kalām (Taʿmour — 2067)

Богач — уколет его шип — станет весь город шуметь, а бедняк — укусит его змея, скажут молчать, прекратит разговоры.

Исследователи отмечают, что для паремий на египетском диалекте характерна «высоко симметричная структура, состоящая из двух уравновешенных фраз» [Maḥgoub: 41]. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение паремий-условных предложений, в частности, тех, которые не содержат специальных лексических или морфологических средств выражения условия:

ḡāb il-quṭṭ, il'ab ya-fār (Maḥgoub — 580) Ушел кот — радуйся, мышка.

Таким образом, полипредикативные конструкции (как с гипотаксисной, так и с паратаксисной) связью реализуют следующие коммуникативные функции высказывания: последовательность действий, противопоставление, пояснение, импликация и др. Паремии, построенные на основе именных ПК, как правило, служат выражению типизированного значения противопоставления, тогда как для передачи других значений необходимо участие глагольных ПК.

Список литературы.

1. Badawī, El-Said. Hinds, Martin. A Dictionary of Egyptian Arabic. Arabic-English. Beirut, 1986.
2. Baqli. Al-Baqli, Muhammad Qandol. Al-'amṭāl aš-ša'biyya. Al-Qāhira, 1987.
3. Maḥgoub, Fatma. M. A Linguistic Study of Cairene Proverbs. Bloomington, 1968.
4. Taʿmour, A. Al-'amṭāl al-'āmmiyya. Al-Qāhira, 1986.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Лебедев В. В. Отрицательные предложения и вопросы арабского синтаксиса. М., 1989.
7. Пак В. М., Сухарева Э. М. Синтаксические модели египетских народных пословиц и их типовые значения//Арабская филология. Вып. 3. М., 2008. С. 240–270.

Ситдикова В. В. (МГПУ, Москва)

Влияние гендерного аспекта на использование форм вежливости в японском и корейском языках

В течение последних десятилетий в мужской и женской речи происходят значительные изменения. Они непосредственно связаны с изменениями в обществе. В Японии и Корее увеличивается число работающих женщин, что способствует изменению ролей участников общения. Следовательно, претерпевают изменения нормы речевого поведения в современном обществе, его правила и речевой этикет.

Японский и корейский языки содержат сложную систему мужской и женской речи участников общения. Различие мужской и женской вежливой речи у корейцев и японцев обусловлено исторически выработанными стереотипами поведения.

В корейском языке гендерные различия вежливой речи проявляются в употреблении форм конечной сказуемости. Корейские женщины в своей речи чаще используют неофициально-вежливую форму (окончания типа *-аё, чиё* и т. п.), в то время как мужчины — официально-вежливую (окончания типа *-сымнида, сипсио* и т. п.) или авторитарную форму (окончания типа *-да, чи* и т. п.)

В японском языке различия между мужской и женской речью выражены при помощи суффикса *-о/го*. Мужчины используют такие префиксы только в формальной обстановке, если хотят быть особенно вежливыми. В повседневной жизни употребляют без префиксов. Женщины же, наоборот, используют префиксы независимо от обстановки. Если говорить о вежливых формах сказуемого, то различия в женской и мужской вежливой речи исчезают по мере возрастания формальной ситуации.

Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва)

Агентивные характеристики актантов в японских биноминативных конструкциях

В биноминативных конструкциях японского языка агентивные характеристики как актантов, так и предиката во многом регулируют синтаксическую структуру высказывания. Так, данные предложения со стивными предикатами допускают вариативность оформления аргументной структуры, а именно: как аккузативное, так и номинативное оформление объекта. Рассмотрим причины и особенности такой вариативности. Известно, что семантика стивных предикатов характеризуется неучастием, невозможностью контроля со стороны участников, отсутствие возможности волеизъявления — т.е., демонстрирует низкоагентивные характе-

ристики. В предложениях с такими предикатами и субъект, соответственно, имеет низкую степень агентивности, т.к. обозначение состояния практически исключает проявление воли субъекта. На грамматическом уровне участники таких ситуаций имеют биноминативное аргументное оформление: второй субъект, являющийся по своим смысловым характеристикам дополнением (*понял, что ..., хочу ... чего, владею ... чем*), в норме оформляется также номинативно при основном субъекте, выраженном номинативно или топикально. Иными словами, при сохранении логического ударения на главном субъекте, оформленном выделительным падежом, происходит смещение грамматического ударения с субъекта как деятеля на ту его часть, которая является его свойством или характеристикой. Номинативное оформление объекта в биноминативных конструкциях является предметом давнего и активного обсуждения как японских, так и отечественных лингвистов; зачастую его рассматривают как падеж дополнения и подчеркивают необходимость явной и неразрывной связи между субъектом и его характеристикой в таких конструкциях, что и выражено с помощью биноминативности.

С недавнего времени в японском языке стал возможным выбор, нарушающий данную исходную норму японского языка: эта характеристика субъекта может быть оформлена как номинативно, так и аккузативно. С точки зрения агентивности здесь показательна сама возможность этого выбора между каноническим оформлением объекта (аккузативным) и неканоническим (номинативным) и интересны когнитивные основания такой вариативности. Этот выбор зависит от всех участников процесса:

а) от агентивных характеристик субъекта (его способность контролировать ситуацию) и объекта (его конкретность и определенность): *kuruma ga kaitai* (номинативное *ga*) означает неопределенное желание купить некую машину, а *kuruma o kaitai* (аккузативное *o*) указывает как на конкретность объекта (купить именно эту машину), так и четко сформулированную позицию субъекта; что значительно повышает агентивность высказывания в целом;

б) от агентивных характеристик предиката (формальных: адъективное или глагольное оформление; и семантических: выраженность степени воздействия). При выборе из адъективной и глагольной форм предиката следует учитывать значимость частеречной принадлежности и соответствующую выраженность агентивных свойств предиката: чем ярче выражена сема воздействия, тем более допустим и даже желателен аккузативный маркер вместо номинативного. Анализ обширного корпусного материала и опросы информантов показывают, что при выборе между двумя вариантами передачи смысла 'хочу разрушить' номинативное *ga kowashitai* менее предпочтительно, чем аккузативное *o kowashitai*, за счет семы большой разрушительной силы, выраженной в предикате.

Таким образом, актантное оформление биноминативных конструкций тесно связано со агентивными характеристиками предиката и определенностью ситуации: выражено ли в дезидеративных, посессивных, эмотивных и др. конструкциях со стативными предикатами неопределенное неконтролируемое состояние или

определенное четко сформулированное намерение. Соответственно, конкретность повышает вероятность переходности предиката за счет способности субъекта к волеизъявлению и контролю за происходящим, и, как следствие, возрастает общая агентивность высказывания. Такая схема во многом совпадает с прототипической моделью переходности и в контексте исследования агентивности показывает нам, какие именно акценты хочет расставить говорящий в описываемом им фрагменте окружающей действительности — подчеркнуть выраженность семы воздействия ситуации или скрыть ее.

В отдельную категорию в группе стативных предикатов выделяются предикаты с потенциальным значением, которые заслуживают особого рассмотрения с точки зрения их агентивных функций. Потенциалис в японском языке может быть выражен как синтетически, суффиксальным способом: *yomu* → *yomeru* ‘могу читать’, так и аналитически, с помощью модусного вспомогательного глагола *dekiru*: *oyogu koto ga dekiru* ‘могу плавать’. Обычно эти два варианта оформления разделяют, соответственно, для обозначения внутренней способности субъекта и внешних обстоятельств, обеспечивающих возможность осуществления действия. Исходя из этого разграничения, употребление синтетической формы ограничено требованиями как к субъекту, который должен обладать прототипическими агентивными характеристиками (одушевленность, способность к осуществлению действия, контролю и т. д.), так и к предикату, исходная форма которого не должна быть стативной, т. е. в таком случае отсутствует контроль над ситуацией, необходимый для обозначения возможности совершения действия. Аналитические формы обладают большей свободой в заполнении аргументных позиций: за счет вхождения в конструкцию номинативно оформленного слова *koto* ‘процесс, явление’ грамматический фокус потенциальности перемещается с субъекта на данный элемент явление, результируясь в ‘возможен тот факт, что...’. В результате такого выведения субъекта за пределы контроля становится возможным использование в таких случаях конструкций с описанием действий, которые контролирует не субъект.

Хана Я. Ю. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Обувь в арабской культуре: этнография и лексика

Традиции арабских стран, связанные с обувью, вызывают интерес у этнографов. Так, намеренная демонстрация подошв обуви считается в арабском обществе неприличной, а удар обувью расценивается как унижительное оскорбление.

Исследователи полагают, что эти традиции можно соотнести с различными факторами: как религиозными, так и культурологическими, а, возможно, еще

и историческими. Негативные коннотации, связанные с обувью, в исламе соотносимы с понятием *наджаса* (نجاسة), то есть со всем «нечистым», с чем может соприкоснуться подошва обуви. Считается также, что влияние могли оказать традиция попирать ногами побежденных врагов и целовать обувь правителей, демонстрируя покорность.

В литературном арабском языке активно используются следующие лексемы, обозначающие обувь: *خف*, *نعل*, *حذاء*. При этом слово *نعل*, как правило, имеет резко отрицательную окраску и используется в бранных выражениях. Лексема *خف*, напротив, положительно окрашена, связана с понятием чистоты и, вероятно, соотносится с религиозной традицией поглаживания обуви рукой перед совершением ритуального омовения. Слово также употребляется в пословицах: *رجع بخفي حنين* (Вернулся ни с чем. *досл.* Вернулся с тапочками Хунейна).

Помимо названных лексем, в различных диалектах используются заимствованные слова, обозначающие обувь. Так, в диалектах сиро-палестинской группы употребительно заимствованное из персидского языка слово *صرماية*, а в египетском диалекте — лексема *جزمة*, турецкого происхождения. В Ираке, а также в Иордании и Палестине используется заимствованное из турецкого языка слово *قندرة* или *كندرة*. Все перечисленные лексемы также имеют отрицательную окраску.

Рассмотрим подробнее слова соответствующего значения употребительные в иракском диалекте: *كلاش*, *قندرة*, *يمني*. Следует подчеркнуть, что все эти лексемы чрезвычайно распространены в речи. Про недостойного человека уместно сказать: *قندرة عتيكة* (*досл.* старый башмак) или *ابن القندرة* (*досл.* сын башмака).

Обувь часто символизирует низость, духовное падение и неподобающее поведение человека, а потому нередко упоминается в описании политических деятелей. Например, во время демонстрации против политики премьер-министра Нури ас-Саида (1888–1958 гг.) и государственного деятеля Салиха Джабра (1896–1957 гг.) в Ираке звучал лозунг: *نوري السعيد قندرة وصالح جبر قيطانها* (*досл.* Нури ас-Саид — ботинок, а Салих Джабр его шнурок).

Лексемы *كلاش*, *يمني*, *قندرة* входят в состав пословиц, поговорок и устойчивых выражений и активно используются в разговорном языке.

Цыбенова Э. Б. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Лексические процессы в современном бурятском языке

Языковые процессы, происходящие в современном бурятском языке за последние три десятилетия отражают глобальные социальные трансформации в обществе и стране в целом. Язык бурятских средств информации, текстов по

национальной культуре бурят имеют значительные изменения, отражающие процессы лексической деархаизации в языке в постсоветский период. На современном этапе процессы лексической деархаизации наблюдаются и в других языках: русском (В. В. Шмелькова, Л. Н. Федосеева, Ю. Ю. Магерамова, Г. Н. Скляревская, А. Ф. Махиборода и др.), татарском (Р. С. Нурмухаметова, Р. Б. Камаева и др.), карачаево-балкарском (С. М. Хапаева) и т.д.

В 30-е годы XX в. в результате государственной языковой политики старомонгольская письменность, которой буряты пользовались в течение 300 и более лет, была объявлена антинародной, письменностью феодально-теократического режима, а вся литература, созданная на ней, попадала в разряд запрещенной. В результате чего письменное наследие на монгольском письме и его авторы были преданы забвению. В этот же период была физически уничтожена и интеллектуальная элита бурятского народа во главе с руководителями правительства Бурят-Монгольской республики. Вне закона была объявлена и лексика письменного литературного языка, основанная на нормах старомонгольской письменности (буддийская, административная, общественно-политическая и т. д.). В 1931 г. был осуществлен переход на латинский алфавит, а в 1939 г. — на кириллицу. Смена графики письма имела негативные последствия для развития бурятской культуры, ибо богатейший духовный фонд на монгольском письме стал недоступным для бурят.

В результате полученной «культурной травмы» произошли сильные изменения в языковом сознании бурятского народа, что отразилось в лексике — лексические лакуны заполнялись заимствованными словами в основном из русского языка. Политическое течение воинствующего атеизма, направленное против религии, способствовало устранению из употребления целого пласта лексики, связанной с буддизмом, шаманизмом, национальными традициями, обычаями и праздниками.

Как известно, словарь каждого исторического периода отражает не только реалии эпохи, но и ее идеологию. Перемены во всех областях жизни, перестройка структур культурной, социально-экономической, политической жизни стали ключевыми в постсоветском пространстве. В этот период в современном бурятском языке происходят различные изменения, среди которых — процессы лексической деархаизации и возвращения в активный речевой оборот некоторых устаревших слов из фонда старописьменного монгольского языка. Так, в наше время нейтральными и вполне современными стали отдельные единицы административно-политической лексики, бывшие актуальными до революции 1917 г.: *губернатор*, *губерни*, *дума*, *хурал*, *сенад*, *сенатор*, *амбан захирагша* ‘губернатор’, и др.

С возрождением буддийской религии в бурятском языке стали широко употребляться архаичные слова из лексики старописьменного монгольского языка: *сансара* ‘материальный мир’, *оршолон* ‘бренный мир’, *галаб* ‘эра, эпоха, период’, *жсандагууд* ‘прихожане’, и др.

С 90-х гг. XX в. в бурятских газетах стали частым явлением публикации буддийских сутр, биографий известных бурятских лам, бурятских исторических хроник, переводов научно-популярных статей с монгольского языка на бурятский, различных сценариев к ранее запрещенному празднику «Сагаалган» и т. д.

Современный мир характеризуется возрождением забытых национальных традиций, обычаев, костюмов, праздников, игр. В наше время стало традицией, когда молодые семьи устраивают своим детям «милаан(э)» — день рождения, при достижении ребенка 1 года, причем раньше справляли только один раз в жизни. В дни празднования Белого месяца стали проводиться забытые национальные забавы, как «*һээр шаалгын мурьсөөн*» — состязания по переламыванию хребтовой кости крупного рогатого скота, «*шагай наадан*» — игра в лодыжки или альчики, «*ёрхо // жорхо харбалган*» — стрельба по лодыжкам («*ёрхо // жорхо*» — небольшая костяная стрела при игре в лодыжки длиной в 20 см, шириной в 1 см').

Итак, лексика, возвратившаяся в активное употребление в результате лексической деархаизации, некогда сознательно отодвинутая в пассивный запас в результате агрессивной языковой политики государства, вновь обретает актуальность и свое место в современном бурятском языке.

Таким образом, обозначенные процессы, происходящие в бурятском языке, в сознании, образе мышления бурят, обуславливают ряд проблем и задач, решение которых определяет дальнейшее развитие исследований по бурятскому языку. Решение этих задач и проблем должно быть определено одной целью — это сохранение бурятского языка, как главного, основообразующего элемента, составляющего фундамент бурятской культуры, бурятской идентичности, что особенно важно в условиях глобализации; воспитание языковой личности, принимающей ценность собственной этничности и родного языка и, в то же время, толерантной к восприятию иноэтничности, готовой к межкультурному диалогу.

Ученые отмечают, что новая социально-политическая ситуация — рост национального самосознания, обращение к национальному духовному наследию и историческому прошлому способствуют позитивному языковому и культурному развитию языков народов Российской Федерации.

Литература

Бадмаева Л. Б. Язык средств массовой информации: процессы лексической деархаизации в современном бурятском языке // Республика Бурятия — 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 344 с.

Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика бурятского языка в 20–30-е гг. XX в. (на материале газеты «Buriyad-Mongyol-un Unen»): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Улан-Удэ, 2019. 204 с.

Шмелькова В. В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: дис. ... докт. филол. наук. 10.02.01 / Шмелькова Вера Викторовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2010. 33 с.

Чугунекова А. Н. (ХГУ, Абакан)

Заместительно-предпочтительные полипредикативные конструкции в хакасском языке (на материале пословиц и поговорок)¹

В основе заместительно-предпочтительных полипредикативных конструкций лежит идея выбора и предпочтения. В пословично-поговорочных конструкциях «всегда присутствуют два понятия, противоположные по значению. Два потенциальных события сопоставляются по степени предпочтительности.»²

По нашим данным, в пословицах и поговорках, предпочтительный факт передается главной предикативной единицей (ГПЕ). Показателем связи зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) служит аффикс деепричастия на =ганча³. Насколько позволяет судить наш материал, выделяются три варианта заместительно-предпочтительных моделей.

1. (Tv=ганча), [N_{NOM} ↔ V_{fin}] ‘чем А, лучше Б’

В зависимой части данного варианта описывается ситуация, которую не нужно выполнять, а заменить другим действием — более предпочтительным для говорящего. Сказуемое главной части принимает форму индикатива в форме будущего времени на =ар (=ер).

(1) Чазаң атнаң парганча, / Хара чазаг чөрербін

чазаң	ат=наң	пар=ганча	хара	чазаг
ленивый	лошадь=INSTR	идти=CV	черный	пешком
чөр=ер=бін				
ходить=FUT=1SG				

‘Чем на ленивой лошади ехать, Лучше ходить пешком.’⁴

(2) Чорга атнаң тайгаа чөргенче, / Арыг чазаг чөрөм

чорга	ат=наң	тайга=а	чөр=генче	арыг
иноходец	лошадь=INSTR	тайга=DAT	ходить=CV	чистый
чазаг	чөрөм			
пешком	ходить.FUT.1SG			

‘Чем на иноходце в тайгу ездить, / Лучше пешком ходить’⁵.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 23–28–10064 «Хакасские пословицы и поговорки: язык и поэтика».

² Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / Отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012. С. 187.

³ В грамматике хакасского языка аффикс =ганча (фонетические варианты — =генче; ханча=/кенче; =анча/=енче) представлен как показатель деепричастия предела в будущем [Грамматика хакасского языка. Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. С. 242].

⁴ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптыргастар=Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост. Ред.: У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 45.

⁵ Там же. С. 120.

2. (T_v=ғанча), [N_{НОМ} ↔ V^{IMP}] — ‘чем А, лучше Б’

У данной модели сказуемое ГПЕ оформляется показателями 2 л. ед. ч. и мн. ч. императива. В таких примерах наблюдаются рекомендации говорящего лица другому:

- (3) *Огырлап алганча, / Тіленіп ал, / Күчүрлеп алганча, / Сурып ал*
 огырла=п ал=ғанча тілен=іп ал=Ø
 воровать=CV брать=CV просить=CV AUX: брать=IMP.2SG
 күчүрле=п ал=ғанча сур=ып ал=Ø
 обманывать=CV брать=CV просить=CV AUX: брать=IMP.2SG
 ‘Лучше попросить, Чем воровать, / Лучше спросить, / Нежели обманывать’¹.
- (4) *Айран² арагазы іскенче, / Абыртхы³ іс чөр*
 айран=Ø арага=зы іс=кенче абыртхы=Ø іс
 айран=NOM вино=POSS.3SG пить=CV абыртхы=NOM пить
 чөр=Ø
 AUX: ходить=IMP.2SG
 ‘Чем крепкий айран пить, / Лучше абыртхы пей’⁴

3. Модель (T_v=ғанча), [T_v=за артых полар] ‘чем А, лучше Б’

В данной модели сказуемое главной части выражено аналитической конструкцией T_v=за + артых полар. В зависимой части описывается отвергаемая ситуация, а в главной — приемлемая.

- (5) *Сын ниместі чоохтаанча, / Тапсабаза артых полар*
 сын=Ø нимес=ті чоохта=анча тапса=ба=за
 правда=NOM PTCL: не=ACC говорить=CV говорить=NEG=COND
артых пол=ар
 лучше AUX: быть=FUT
 ‘Чем неправду говорить, / Лучше промолчать’⁵.

Таким образом, в пословично-поговорочных конструкциях сказуемое зависимой части выражается деепричастной формой на =ғанча, а сказуемое главной части — формами изъявительного и повелительного наклонений. Для говорящего в таких моделях нужной, важной является ситуация, представленная в главной части.

¹ Хыйга сѳс: сиспектер, сѳспектер паза таптырғастар=Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки. С. 83

² Айран — кислый молочный напиток особой закваски [Хакасского-русский словарь=Хакас-орыс сѳстік. Новосибирск: Наука, 2006. С. 44].

³ Абыртхы — напиток, который готовится из пророщенного зерна пшеницы, ячменя или овса [Хакасского-русский словарь=Хакас-орыс сѳстік. — Новосибирск: Наука, 2006. С. 23].

⁴ Хыйга сѳс: сиспектер, сѳспектер паза таптырғастар=Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост. Ред.: У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 2021. С. 79.

⁵ Там же. С. 70

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

= — граница между морфемами; ∅ — нулевая морфема; [] — границы ГПЕ; () — границы ЗПЕ; 1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — винительный падеж; AUX — вспомогательный глагол; NOM — неопределенный падеж; NEG — отрицание; IMP — императив; INSTR — орудный падеж; CV — деепричастная форма; COND — условное наклонение; SG — единственное число; FUT — аффикс будущего времени на =ap; POSS — аффикс принадлежности; PTCL — частица; Tv — основа глагола.

Шуйская Н. М. (МГИМО, Москва)

Лингвистический анализ онимов современной иракской прозы (на примере романов «О Мария» Синана 'Антуна, 2012, и «Франкенштейн в Багдаде» 'Ахмада Са'адава, 2014)

В ономастике, разделе языкознания, изучающем любые собственные имена, на первом месте стоит лингвистический компонент, поскольку каждый оним, имя собственное, — это слово.

В докладе предпринимается попытка проанализировать содержащиеся в указанных романах антропонимы, топонимы и зооним.

Среди антропонимов имеются как вымышленные имена, данные авторами своим героям, так и имена реальных исторических лиц (президенты С. Хусейн, Дж. Буш, короли Фарук, Гази, певицы 'Умм Кульсум, Фейруз и др.).

Топонимы в романах как прецедентные, хорошо известные (хоронимы Сирия, Иордания и др., астионимы Амман, Дамаск и др., столичные годонимы— улицы 'Абу Нувас, ас-Са'адун и др., агоронимы— площади ат-Тахрир, аль-'Андалус, рынки Гарадж аль-'Амана, Сук аш-Шорджа и др., гефюроним — мост аль-'Аимма, гидронимы — реки Тигр и аль-Гарраф), так и не известные широкому читателю микропонимы (галерея Хивар, прачечная аль-'Ахавейн и др.).

В заглавиях обоих произведений вынесены антропонимы и топоним, что свидетельствует о значении, придаваемом авторами этим поэтонимам.

Контекстуальный и лингвистический анализ онимов позволяет констатировать, что помимо главной, номинативной, имена героев у иракских авторов имеют характеризующую, стилистическую и идеологическую функции.

Топонимы Халабаджа и 'Абу Грейб введены автором для усиления обличительного пафоса. Этой же цели служит антропоним в заглавии романа С. Антуна: «О Мария» — это предсмертное обращение к Богородице (а через Неё и к Сыну)

отчаявшегося найти защиту у земных сил протагониста Юсефа, представителя гонимого со своей исторической родины христианского меньшинства Востока.

Имена персонажей романов — как личные ('*альям/’исм*), например, Илишо (Алиса), Фарадж ад-Далляль, Махмуд ас-Савади, Маха, так и отражающие национальную специфику принятые у арабов *куньи* ('Умм Даниэль, 'Умм Салим, 'Абу Зейдун и др.). Один из героев по имени Абу Анмар живёт одиноко, в финале романа возвращается в родной город, где родился и где давно не бывал. Иначе говоря, сведений о семье, детях не приводится. Однако его имя — кунья. Как известно, у арабов к мужчине, у которого нет сыновей, часто обращается вымышленная кунья, порой это может быть имя его отца. Видимо, вымышленная кунья имеет место и в данном случае.

Напротив, его соперник-конкурент по гостиничному бизнесу Фарадж ад-Далляль имеет сына (Хаммуди, уменьшительное от Мухаммад), однако везде фигурирует под личным именем. Одна из протагонистов, Илишо, в равной степени выступает под личным именем и с куньей — Умм Даниэль.

Религиозно-этническую принадлежность персонажей подчёркивает и упоминание в романах, помимо Девы Марии, имён пророков, святых угодников, религиозных деятелей: Авраам, Даниил, Георгий-Победоносец, патриарх Мар Дынха IV и др., играющих ту или иную роль в жизни героев.

Ряд персонажей носят имена, свидетельствующие о влиянии западной культуры, о давних культурных связях (билингвальное 'Абу Джони, заимствованные Хильда, Матильда), а также такие, которые характерны для представителей определённого этноса и религии (ассирийцы Нинос, Тидарос, Луэй, шиит Джа'фар Хасиб Мухаммад). Добавим, что религиозное вероисповедание Джа'фара подчёркивается и двумя топонимами: до своей гибели в результате теракта он проживал с семьёй в Мадинат ас-Садр, районе Багдада с компактным проживанием двух миллионов шиитов, а когда погиб, был погребён на кладбище Вади с-Салям в г. ан-Неджеф, где мечтает упокоиться каждый шиит.

Са'адави выносит в заглавие романа антропоним «Франкенштейн». В первоисточнике, романе М. Шелли, содержится пояснение: «Франкенштейн, или Современный Прометей». В романе Са'адави так, в качестве маркетингового хода, нарекают существо, поименованное своим создателем как «аш-Шисму» — «Тот, У Кого Нет Имени». Но миссия, к которой чувствует себя призванным аш-Шисму, соотносится с жертвенным подвигом Прометея.

Целый ряд исследований филологов-русистов даёт пример продуктивного анализа семантики онимов в произведениях таких мастеров «говорящих» фамилий, как А. П. Чехов, А. Н. Островский и др.: наделяя ими своих героев, писатели обыгрывают их лексические значения с тем, чтобы дать читателю возможность сразу определять характеры этих персонажей.

Следует признать, что семантика онимов рассматриваемых нами сочинений не соотносится с характерами и образом поведения персонажей. Зато их лексикографическая ценность несомненна. Например, имя персонажа 'Абу 'Анмар,

несмотря на лексическую очевидность, не имеет прямого отношения к тиграм (*анмар* — форма множ. числа от *нимр* «тигр»). Из ресурсов арабоязычного Интернета узнаём, что Анмар — это нечасто встречающееся на арабской родине имя, чаще мужское, но может быть и женским. Одно из его значений — «чистая вода».

У Са‘адави есть персонаж, поименованный как «Курбан». В конце романа автор даёт лексическое пояснение, из которого следует, что этим словом в южноиракском диалекте называют насекомое богомол и присваивают иногда такое прозвище долговязому, нескладному человеку.

В романе Са‘адави присутствует зооним — кот. Его фелеоним — Набу. Известно, какой смысл вкладывала в эту кличку его хозяйка Илишо, но так звали сына верховного вавилонского бога Мардука (а христианка Илишо — ассирийка, и что-то о месопотамском пантеоне могла знать).

Мы приходим к выводу о том, что ономастические единицы — неотъемлемая часть художественного произведения, они связывают содержание, смысл и структуру сочинения, констатируем продуктивность выявления и уточнения роли имён собственных в создании художественного образа, а также указываем на значение имятворчества автора в выражении основной идеи его сочинения. Изучение ономастического пространства произведений приобщает к новым лингвистическим знаниям.

Юсупова Х. С. (ТГУВ, Узбекистан)

Особенности образования существительных при помощи аффиксов в современном китайском языке

Доклад посвящен исследованию особенностям образования существительных при помощи аффиксов в современном китайском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что данное явление широко распространено в словообразовании современного китайского языка и занимает второе место по продуктивности образования как новых лексических единиц, так и различных форм слова. Данный способ широко используется при образовании различных слов, относящиеся к разным частям речи современного китайского языка.

В современном китайском языке полуаффиксы, образующие слова, относящиеся к части речи существительное, составляют значительную часть аффиксов. Они образуют слова-существительные со значением профессий человека, наименования предметов, их качественные оттенки и др. К таким полуаффиксам, в качестве примеров относятся следующие морфемы: 员 “yuan”, 师 “shi”, 生 “sheng”, 汉 “han”, 士 “shi”, 夫 “fu”, 客 “ke”, 手 “shou”, 派 “pai”, 物 “wu”, 品 “pin”, 素 “su”, 体 “ti”, 力

“li”, 处 “chu”, 心 “xin”, 意 “yi”, 性 “xing”, 切 “que”, 当 “dang”, 学 “xue”, 论 “lun”, 主义 “zhuyi”, 化 “hua” и др.

При исследовании данной темы были использованы такие методы как анализ, синтез, компонентный анализ, моделирование конструкций, при помощи которых образуются соответствующие слова-существительные. Нами были рассмотрены аффиксы и суффиксы, полуаффиксы, которые образуют новые существительные, входящие в различные группы слов.

Рассмотрим основной комплекс аффиксов, посредством которых образуются существительные. Аффикс 员 “yuan” в словообразовательной системе китайского языка используется широко. Морфема 员 “yuan” имеет лексическое значение “члена организации”. Данный аффикс образует большое количество лексических единиц. Все слова, образующиеся морфемой 员 “yuan” относятся к части речи существительное. Такие слова образуют ряды существительных, обозначающие отношение кого-либо к какой-либо организации, группе, партии, обществу. Аффикс 员 “yuan” этимологически связан с морфемой 员 “yuan” (имеющая значение “работающего или учащегося человека”). Например: 学员 “студент”, “курсант”, “ученик”, 教员 “преподаватель”, “учитель”, 运动员 “yundongyuan” “спортсмен”, 演员 “yanyuan” “артист”, 职员 “zhiyuan” “рабочий”, 官员 “guanyuan” “чиновник”, 服务员 “fuwu yuan” “официант”, “рабочий”, 售票员 “shouhouyuan” “кассир”.

Слова, в составе которых имеется морфема 佬 “lao” “человек”, выражают значение о происхождении человека, например, 美国佬 “американец”, 北京佬 “пекинец”, 英国佬 “англичанин”. Образованные слова формируются согласно конструкции [существительное +佬 “lao” = существительное].

В современном китайском языке также есть группа слов, находящаяся на периферии трансформации в словообразовательные морфемы. К данной группе относятся вторые элементы четырёхсложных конструкций, образованных по модели “существительное+существительное”. Например: 主义 “zhuyi” “теория”, “основная идея”, 行为 “xingwei” “поступок”, “действие”, 运动 “yundong” “спорт”, “вид спорта”, 阶级 “jieji” “класс” (в качестве группы людей), 制度 “zhidu” “система” и другие.

В современном китайском языке также есть группа слов, находящаяся на периферии трансформации в словообразовательные морфемы. К данной группе относятся вторые элементы четырёхсложных конструкций, образованных по модели “существительное+существительное”. Например: 主义 “zhuyi” “теория”, “основная идея”, 行为 “xingwei” “поступок”, “действие”, 运动 “yundong” “спорт”, “вид спорта”, 阶级 “jieji” “класс” (в качестве группы людей), 制度 “zhidu” “система” и другие.

В докладе представлены конструкции с аффиксальными морфемами, на базе которых образуются слова-существительные, раскрыты лексические особенности каждого из суффиксов, выявлены новые конструкции, на базе которых формируются новые слова-существительные, проанализированы лексические значения суффиксов.

Ягафарова А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О формах именной сказуемости в древнеуйгурском языке

Категория именной сказуемости в древнеуйгурском языке представлена совокупностью финитных форм, которые объединены одним общим значением сказуемости [О категории именной сказуемости в тюркских языках см., например, Гузев 1978: 235–248; 2015: 121–124]. Как представляется, в данную категорию в древнеуйгурском языке входят следующие формы: форма индикатива именной сказуемости (форма настоящего и форма прошедшего времени), форма условности, форма индирективности, форма утвердительности.

Форма настоящего времени индикатива именной сказуемости в древнеуйгурском языке образуется по модели: лексема именного класса + личное местоимение, где личное местоимение теряет свое лексическое значение и практически превращается в служебный элемент.

Форма прошедшего времени индикатива именной сказуемости образуется по модели: лексема именного класса + *erŋi* (форма прошедшего времени *-du* вспомогательного глагола «*er-*»).

Форма условности именной сказуемости образуется по модели: лексема именного класса + *ersär* (форма условного деепричастия *-säŋ* вспомогательного глагола «*er-*» [См., например, Кононов 1980: 128; Мелиоранский 1899: 84–85 Телицин 2015: 234–238]).

Форма индирективности именной сказуемости образуется по модели: лексема именного класса + *erŋiŋ* (форма причастия *-ŋiŋ* вспомогательного глагола «*er-*» [См., например, Кононов 1980: 128; Мелиоранский 1899: 84–85 Телицин 2015: 234–238.])

Форма утвердительности именной сказуемости образуется по двум моделям: лексема именного класса + *turur* (вспомогательный глагол *tur-* + *-r* (настоящее-будущее время)) и лексема именного класса + *erür* (вспомогательный глагол *er-* + *-r* (настоящее-будущее время)).

СЕКЦИЯ XVI • SECTION XVI
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ.
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. А. ДОЛИНИНОЙ (1923–2017)
LITERATURES OF ASIA AND AFRICA.
IN MEMORIAM OF PROF. A. A. DOLININA (1923–2017)

Аврутина А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Языковые особенности анекдотов «Бу Адам»
Мехмета Тевфика и анекдотов о Ходже Насреддине
на турецком языке**

Историю литератур стран исламского Ближнего Востока невозможно представить без упоминания о таком легендарном персонаже, как Ходжа Насреддин. Насреддин — национальный герой разных стран, герой анекдотов. Его образ зародился в Средневековье, но его идеи и поступки вечны и обращены на все времена.

На Востоке с древних времен было много героев анекдотов. У народов, среди которых ходили анекдоты о Насреддине, заодно будут названы и другие шутники. У арабов это Джуха, у таджиков — Мушфики, у уйгуров — Салаи Чаккан и Молла Зайдин, у туркмен — Кемине, у азербайджанцев — Мулла Насреддин, у болгар и народов Югославии — Хитрый Петр и так далее.

Турецкие исследователи считают, что этот человек является исторической личностью. Ходжа Насреддин или Насреддин Ходжа или Мулла Насреддин Ходжа или Мулла Насреддин (1208–1285) был сельджукским сатириком, родившимся в деревне Хорту в Сиврихисаре, провинции Эскишехир современной Турции, и умер в XIII в. в Акшехире.

Недалеко от Коньи, столицы сельджукского султаната Рум, в сегодняшней Турции были найдены документы, в которых упоминается некий Насреддин.

Его отец, Абдулла, был имамом. Насреддин получил образование в Конье, жил в Кастамону и умер в 683 г. х., то есть в 1284/85 г. Правда, на надгробии могилы, в которой он, как считается, покоится, высечена другая дата — 386 г. хиджры. Было высказано предположение, что у такого шутника дата смерти должна быть перевернута, и тогда получается 683 год.

Известный писатель и исследователь суфийской традиции Идрис Шах, собравший и опубликовавший в 1966–1973 гг. несколько томов анекдотов Насреддина Ходжи, считал, что анекдоты являются иллюстрацией суфийского мистического опыта, а главный герой этих анекдотов Насреддин Ходжа регулярно попадает в такие ситуации и такие состояния, которые должен испытать начинающий или практикующий суфий.

Иными словами, Идрис-шах считал, что Ходжа Насреддин проповедовал учение суфиев; однако профессиональные востоковеды с ним не согласились.

В Турции собиранием анекдотов о Насреддине Ходже занимался известный писатель-фольклорист Мехмед Тевфик Чайлак (1844–1870). Этот писатель является одной из главных фигур в турецкой литературе эпохи Танзимата, которая характеризуется активным интересом ко всему «западному» и стремлением реформировать устоявшиеся традиции в разных областях жизни и культуры.

Увлечение Мехмеда Тевфика идеями и образами народной анекдотической литературы было настолько велико, что он сочинял анекдоты о вымышленном персонаже по имени «Бу Адам» (дословно «Этот человек»), подражая народным литературным образцам. Эти анекдоты были опубликованы в Стамбуле в 1882 г. и быстро привлекли внимание европейских ученых.

Большинство рассказов о Бу Адаме существенно отличаются от сюжетов анекдотов о Ходже Насреддине. По сравнению с Ходжи Бу Адам выглядит гораздо демократичнее. Он не носит титулов ходжи или муллы, которые указывают на принадлежность их владельцев к списку образованных людей. Кроме того, в анекдотах о Бу Адаме, в отличие от анекдотов о Насреддине Ходже, полностью отсутствуют какие-либо элементы историзма.

В анекдотах про Бу Адама определенное место принадлежит так называемым глупым шуткам. Нетрудно, однако, заметить, что эта «глупость» часто служит лишь неким условным фоном для осуждения и осмеяния различных человеческих слабостей или пороков.

Брылёва Н. А. (КрасГАУ, Красноярск)

Сюй Вэй и его трактат «Наньцы сюйлу» 南词叙录 как источник сведений о южной драме наньси 南戏

Китайское театральное искусство представляет собой огромный культурный пласт, помогающий нам глубже постичь эту древнюю культуру. Хотя на сегодня

и существует большое разнообразие работ по различным направлениям театрального искусства от древнейших песенно-танцевальных форм до современных постановок, тем не менее, немало значимых произведений всё ещё остаются вне поля зрения отечественной синологии.

Одним из таких произведений является трактат литератора, художника и драматурга эпохи Мин (1368–1644) Сюй Вэя 徐渭 (1521–1593) под названием «Наньцы сюйлу» 南词叙录 («Описание южных напевов»). Это — единственная теоретическая работа, посвященная южной вэньжоуской драме (*наньси* 南戏)¹. Согласно источникам, работа над трактатом была закончена Сюй Вэем в 1559 г. (38 год правления Цзяцзин 嘉靖 (1521–1567)). Это чрезвычайно ценный и интересный материал для изучения истории китайской драмы, истории традиционной музыки и литературы.

Об истории создания памятника можно сказать не так много: оригинал рукописи был утрачен, в настоящее время существуют два сохранившихся экземпляра. Самая ранняя копия «Наньцы сюйлу» была сделана в начале эпохи Цин (сейчас она принадлежит Нанкинской библиотеке). Также известна другая копия, отпечатанная в период Республики (1917 г.) и принадлежащая Шанхайской библиотеке. Наиболее известен нанкинский вариант рукописи: он переиздавался в разных книжных сериях, в том числе в 10-томном издании «Полного собрания трактатов по традиционной китайской музыкальной драме» (中国古典戏曲论著集成).

Хотя сам трактат давно известен исследователям, до сих пор существует проблема авторства этого памятника. Есть мнение, что Сюй Вэй не является автором «Описания южных напевов». Ряд китайских исследователей, основываясь на анализе текстов и обстоятельств жизни Сюй Вэя, пришли к выводу, что авторство его сомнительно. На это косвенно указывает и тот факт, что в записях его современников нет никаких упоминаний об этом произведении. Бытует точка зрения, что «Наньцы сюйлу» не был написан Сюй Вэем, а создан уроженцем Сучжоу, неким господином Лу Цаем 陆采². Сведения об этом человеке скудны, достоверно известны лишь примерные годы его жизни (1495–1540); он был образован, увлекался театром и музыкой, но карьера его не сложилась.

Единственная пьеса Сюй Вэя известна у нас под названием «Четыре крика гиббона» («Сы шэн юань» 四声猿). Она является важным примером нового видения драмы цзацзюй 杂剧, в котором отразились новаторские взгляды Сюй Вэя на оперу в целом. Пьеса была подробно описана его учеником Ван Цзи-дэ 王骥德 (1542–1623). Однако в его записях нет никаких упоминаний о трактате учителя. Сам Сюй Вэй тоже никак не упоминал ни о пьесе, ни о трактате. Таким образом, вопрос авторства Сюй Вэя на данный момент открыт.

¹ Также называлась вэньжоу цзацзюй 温州杂剧, наньцзюй сивэнь 南曲戏文, сивэнь 戏文.

² 骆玉明, 董如龙. «南词叙录» 非徐渭作 // «复旦学报» 1987. № 6. 75–82页.

Обращение к истории возникновения и развития южной драмы подтверждает её значимость в процессе формирования традиционной китайской музыкальной драмы в целом. Хотя *наньси* была повсеместно распространена в южных регионах страны, она долгое время находилась в состоянии забвения. Статус южной драмы в эпоху поздней Юань и ранней Мин претерпел некоторые изменения, однако главенство северной драмы, как единственно «подлинной», не изменилось. Южная драма осталась презираема образованной частью аристократии. Сюй Вэй решил исправить это положение, описав южную драму в своём трактате. В предисловии к нему он так и объяснил своё решение обратиться к *наньси*. Он писал: «У северной цзацзюй (бэй цзацзюй 北杂剧) есть «Дянь гуй бу» 点鬼簿 («Записи о покойных драматургах»), у юаньской драмы (юаньбэнь 院本) есть «Юэфу цзалу» 乐府杂录 («Смешанные записи о музыкальной палате Юэфу»), у песен-цюй 曲选 есть «Тайпин юэфу» 太平乐府 («Юэфу Великого спокойствия»). Но лишь у южной драмы (*наньси* 南戏) нет того, кто бы описал её, позволю себе сделать это»¹.

В своём трактате Сюй Вэй рассматривает целый ряд вопросов, связанный с системой ладов (*гун дяо* 宫调) и оперным языком, диалектами. Это конечно далеко не все вопросы, которые затронуты в трактате, но даёт представление о том, насколько эта тема волновала Сюй Вэя. А с точки зрения развития истории традиционного театра — раскрывает внутренние процессы формирования основных оперных течений в минский период. *Наньси* является родоначальницей таких направлений как *иян-цянь* 弋阳腔 и *куньцюй* 昆曲. Ведь именно они, пройдя сложный эволюционный путь, сформировали тот образ традиционной китайской музыкальной драмы, которую мы знаем сейчас.

Григорюк А. А. (ТГУ, Томск)

Инверсия эстетики Юкио Мисимы в аниме по манге «Уважаемый старший брат» Икэды Риёко

Манга Риёко Икэда оказала очень большое влияние на становление эстетики и идеологии такого жанра как *седзе*, то есть манги для девушек. В свете этого было бы логично проследить и особенности эстетики ее произведений в жанре аниме, хотя они известны и меньше. А поскольку руководящим мотивом этого аниме является влечение к смерти, то через это можно достигнуть и понимания тех ценностных оснований сознания молодежи, на которые опирается эстетизация смерти.

¹ «南词叙录» 疏证. 李俊勇 (疏证). 江西教育出版社. 2015.

Анализ этого произведения базируется на книге А. Чанцева «Бунт красоты: эстетика Мисимы и Лимонова». Новизна заключается в концептуальном переводе эстетики одного автора на язык другого и их сопоставление.

Объектом исследования является аниме «Уважаемый старший брат», предметом — антиномии указанного фильма. Цель настоящей работы — доказать преемственность, но и инверсию эстетики Юкио Мисимы в этом аниме. Кроме мотива влечения к смерти, который мы упоминали, совпадения есть и в ряде иных, что позволяет сделать вывод, что это выходит за рамки простой случайности. Можно выделить такие мотивы как, например, наркотическая и аддиктивная природа красоты, которой в рамках этого мира суждена только гибель. Далее, демонизация и эстетизация однополюсных отношений, которая, однако, здесь проходит своеобразную инверсию. В-третьих, большое влияние европейской эстетики. Мотивы революции, молодости, аналогии красивого человеческого тела с животным так же присутствуют. Из более частных мотивов следует отметить также тематику зеркальных отражений и моря. Исходя же из этой цели, перед нами стоящие задачи можно сформулировать следующим образом:

1. Выявить ключевые оппозиции данного произведения искусства
2. Обобщить и сопоставить эстетику этого аниме с эстетикой Мисимы.
3. Сделать краткий ценностный вывод о большей логичности или нелогичности той или иной.

В плане методологии мы отталкивались от метода Л. Ю. Фуксона, который он развернуто сформулировал в своей книге «Чтение». Она предполагает обращение непосредственно к поэтике произведения и выявление не готовых семантических оппозиций, а окказиональных смыслов и оценок, открывающих в каждом художественном мире индивидуальное соотношение ценностей. В более общем плане метод нашего исследования характеризуется как компаративный.

Основные выводы:

1. Если у Мисимы сэплуку есть метод подняться до уровня красоты, то в рамках эстетики «Старшего брата» самоубийство подразумевает все же ее гибель, а не слияние. Красота хрупка, потому что опирается не на внеположный этому миру мир запредельный, но на бытие в мире. Это не растворение в трансцендентном мире прекрасного, ее роль как раз обратна — красота опирается на сугубо земную хрупкость и самоубийство есть символ, предельное выражение этой хрупкости, а следовательно — красоты. Таким образом, смерть здесь так же предельное выражение красоты — но это эстетизация принципиально иного рода.

2. Если в рамках эстетики Мисимы приближение к красоте активно, то в рамках этого аниме любые ценностные стратегии есть уход от красоты и переведение, редукция ее до логоса. Оно не активно — оно сугубо созерцательно.

3. Красота упадка в рамках эстетики этого аниме — красота *par excellence*. Притом упадка именно как такового, без конструктивного оправдания. У Мисимы

же из эстетики вытекает некая квази-этика, то есть остатки греческого идеала красоты сохраняются.

4. К тому пониманию природы красоты, к которому Мисима приходит в конце своего пути — с него Икэда начинает. Красота есть фантом, некое в себе ускользающее. Причем не просто есть. Только этот фантом красотой и является. И в чем-то это логичнее, ибо мисимовский мир красоты — был бы красотой себе имманентной. А это оксюморон. У Икэды же прекрасное никуда не влечет. Оно есть само влечение. Не обещание прекрасного — но обещание прекрасно. Ибо как только появляется прекрасное как субстанция — на горизонте появляется призрак имманентности, которому красота противоречит. Хотя в космогонии Мисимы наблюдается определенная диалектичность мира красоты и мира мелких вещей — однако решающее ударение ставится именно на первый. Он есть то, к чему вещи в конце концов возвращаются. Начало — в космосе.

Содержание предполагаемого доклада:

1. Обзор персонажей аниме «Уважаемый старший брат».
2. Описание ценностных оппозиций и символических деталей этого произведения.
3. На основании них соотнесение эстетической системы этого аниме с эстетикой Юкио Мисимы.

Дана К. А. (ТГУВ, Узбекистан)

Образ Софьи Перовской в повести Ло Пу «Выдающаяся женщина»

Доклад посвящен периоду правления маньчжуров в Китае в конце XIX в., самому худшему и унижительному времени для страны. Учитывая сильное давление со стороны западных стран и Японии, Россия со своей историей пути от монархии к социалистическому строю была неким примером и вдохновителем для реформаторских идей оппозиционно настроенных деятелей культуры и политики.

Целью доклада является комплексное исследование образа Софьи, послужившим толчком для смены устаревших конфуцианских правил в художественно-биографическом произведении Ло Пу — «Выдающаяся женщина». Ведь главной целью писателя было добиться равноправия между людьми

К концу XIX в. Китай был полу колониальной страной, где только формально сохранялась власть национального правительства маньчжурской династии Цин, правившей в Китае с XVII в. На деле же страна была опутана кабальными договорами, навязанными западными державами и Японией.

В двадцать два года Ло Пу отправляется в Японию на стажировку, это время является ключевым в период позднего Цин, ведь в то время именно там было сконцентрировано большинство людей, совместно стремясь в спасении Родины, среди них были не только реформаторы, но и члены революционной партии¹.

В это время Россия также была монархическим государством. Но ситуация была немного другая. Император Александр II, вступивший на престол 19.2(3.3).1855, вошёл в историю России как «царь освободитель», осуществивший в 1860–1870-х гг. комплекс реформ, призванных модернизировать весь уклад жизни империи. «Великие реформы» 1860–1870-х гг. способствовали утверждению начал гражданского общества (бессословность, равенство всех перед законом и др.), создавали условия для развития рыночной экономики, образования, культуры, вели к росту общественной активности, которая в условиях сохранения самодержавия часто принимала оппозиционный характер.

Ло Пу, вступивший на путь реформаторства, был вдохновлен русской революционно настроенной молодежью того времени. Изучая оппозиционный путь в царской Руси, писатель-реформатор открывает для себя интересную фигуру, как Софья Перовская.

Таким образом, в 1902 г. в ежемесячном журнале «Новый рассказ», где Лян Цичао был главным редактором, начали публиковать по частям классическую многоглавую повесть Ло Пу «Выдающаяся женщина» о русской революционерке Софьи, которая вела борьбу против деспотизма. В то время роман произвел фурор. Произведение имело отчетливую особенность революционной литературы: богатое содержание, яркий сюжет, был наполнен мощным духом времени, насыщен героизмом.

Произведение Ло Пу «Выдающаяся женщина» состоит из пяти глав. Незаконченная повесть публиковалась с 1902 по 1903 г. в пяти номерах журнала «Новый рассказ».

Западное реформаторское веяние способствовало революционному духу повести. Писатель использовал социальное положение России того времени, чтобы донести революционные идеи до своего общества.

Главная героиня повести Софья живет мыслью о свержении монархии и обретении демократии, ее увлекает идейное веяние, которое пришло из западных доктрин об обществе и управлении. Это яркое описание разложения общества и невероятные подвиги против диктаторского режима.

Таким образом, Ло Пу исследует посредством своих героев жизненно важные, социальные проблемы, давно и всецело занимающие его ум и уже нашедшие выражение во многих его произведениях, устанавливает соотношения между личностью, персонажем, (Россией, который является прообразом Китая в рамках данного произведения), человечеством. Путь познания человечества когерентен личному пути Ло Пу осмысления себя и мира. Это страх человека, осознавшего, что он не вечен и что над ним нет высшего судьбы. Писатель практически вжи-

¹ Ло Пу. «Выдающаяся женщина». Перевод Дана К. А. Ташкент: Чулпан, 2017. С. 3.

вается в роль своих героев; эта спаянность автора с героем позволяет говорить о психологическом самовыражении, относительной автобиографичности образа, автобиографическом подтексте психологического типа. Персонажи становятся своеобразными двойниками автора, приобретают психологические черты.

*Дзевановский-Петрашевский В. М.
(независимый исследователь, Санкт-Петербург)*

Несколько слов об архиве семьи Долининых

Профессор Анна Аркадьевна Искоз-Долинина несомненно входит в плеяду выдающихся ленинградских арабистов второй половины XX в. Её архив представляет большой интерес для исследователей, так как она была очевидцем и даже участницей многих исторических, культурных и научных событий. Как ученица акад. И. Ю. Крачковского она сумела собрать уникальный корпус документов и написать о нём книгу (она сохранила все 24 тетради с выписками о нём из разных архивов). Как преподаватель кафедры арабской филологии ЛГУ/СПбГУ на протяжении 50 лет она сохранила массив документов – фотографий, писем коллег и учеников, высоких государственных наград, которые свидетельствуют о её профессиональных заслугах, большой любви и глубоком уважении со стороны соратников. Как человек высокоодаренный и обладающий прекрасным слогом она смогла перевести целиком макамы аль-Харири и аль-Хамадани, средневековые плутовские новеллы; она и сама писала стихи, обмениваясь поэтическими посланиями с коллегами-друзьями по всему Советскому Союзу.

Архив проф. А. А. Искоз-Долининой можно разделить на пять групп. Первая группа — это материалы ближайших родственников Анны Аркадьевны по женской и мужской линиям второго и третьего поколения; вторая — это материалы ее родителей; третья — это материалы Анны Аркадьевны и её семьи; четвертая — это материалы других лиц, не являющихся родственниками Анны Аркадьевны; пятая, особая группа, — это награды Анны Аркадьевны, ее медали, памятные подарки и т. п.

Комплекс документов первой группы включает в себя как документы, так и фотографии последней трети XIX и самого начала XX в. Благодаря тому, что большая часть фотографий была разобрана и подписана самой Анной Аркадьевной, особой сложности комплектование этой группы не составило. Следует добавить, что к 90-летию Анны Аркадьевны ее близкими родственниками на основании этих фотографий был сделан фотоальбом в одном экземпляре.

Вторая группа документов включает в себя материалы отца Анны Аркадьевны, известного достоевиста Аркадия Семеновича Искоз-Долинина, те, что не были переданы в личный фонд исследователя, находящийся в РО РНБ, а также ее матери,

Веры Ивановны Щепкиной (Веры Мартемиановны Кекишевой). Кроме фотографий обоих родителей, в группу включены фотографии и письма родственников: братьев и сестер, племянников. Ценными, надо полагать, являются: групповая фотография примерно 1916 г., на которой изображены А. С. Искоз-Долинин, А. Л. Бём, С. Н. Валк, В. В. Маяковский; письма Б. М. Эйхенбаума к Аркадию Семеновичу (подлинники); фотография, письмо и отрывки работ репрессированного историка Я. В. Старосельского; фотографии с автографом репрессированного полярника Р. Л. Самойловича; фотографии С. Н. Валка с женой Беллой Аркадьевной (урожд. Искоз); выпускной альбом студентки Женского медицинского института (ЖМИ) в Петербурге В. И. Щепкиной за 1913 год; подборка работ с автографом педиатра Д. А. Соколова, ученицей которого была Вера Ивановна; вырезки из газет об акад. И. П. Павлове.

Третья группа, разделена на две подгруппы: первая в основном содержит фотографии Анны Аркадьевны и её сына Андрея. Так как сама Анна Аркадьевна разобрала и подписала все фотографии, разделив их на небольшие стопки по десятилетиям и сложив в конверты, дополнительного вмешательства они не требуют. Вторая подгруппа содержит подборку стихотворений, которые Анна Аркадьевна сочиняла в разные годы, начиная с школьной скамьи. Особо ценный материал в данной группе — это домашний литературно-художественный журнал «Огненное кольцо», который выходил два года (1926–1928) под руководством Веры Ивановны и Аркадия Семеновича. В нем собраны первые стихотворные произведения Анны Аркадьевны (начиная с 3 лет) и ее старших братьев. В журнал писали и гости дома: в одном из журналов хранится неопубликованное стихотворение известного поэта проф. Ю. Н. Верховского. Также интерес тут представляет переписка А. А. Долининой в стихах с иранистом А. Н. Болдыревым, тюркологом И. В. Боролиной, арабисткой Л. А. Петровой, иранисткой Н. А. Петровой.

В четвертую группу попали документы и фотографии учителей, коллег и друзей Анны Аркадьевны. Среди них стоит отметить таких известных ученых как О. Г. Большаков, П. А. Грязневич, В. А. Лившиц, А. Б. Халидов, О. Б. Фролова. Особое место в данной группе занимают фотографии и документы, полученные от В. А. Крачковской и племянницы В. И. Беляева.

И, наконец, последняя, пятая группа, включает в себя ордена и награды, которые были получены А. А. Долининой. Больше всего она дорожила медалью «За оборону Ленинграда», поскольку прожила в блокадном городе до середины марта 1942 г.

Донченко С. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Наименования «внутреннего человека» в песнях баулов

Одним из символов бенгальской культуры являются песни баулов — т. н. «баулган» (бенг. «baül-gāñ»). Эти песни исполняют певцы-баулы — экспрессивные,

создающие впечатление людей «не от мира сего» артисты, некоторые из которых получили признание за пределами Индии и Бангладеш. Помимо манеры исполнения, слушателей привлекает и смысл песен: обычный народ, как правило, понимает лишь внешний содержательный пласт, в то время как мистическая составляющая остается за рамками восприятия обывателя. Дело в том, что песни баулов имеют два уровня: глубинный, в котором формулируются их взгляды, связанные со строем человеческого тела, его соотношением со вселенной и др., и поверхностный, который можно понять как обычную лирическую песню. Соотношение объема этих пластов в различных песнях различается.

Ключевым образом баул-ган является образ «внутреннего человека» (обозначение, устоявшееся в индологической литературе): некоей «божественной» энергии, осознание которой является смыслом жизни каждого баула. Существует масса трактовок этой «сущности» с эзотерической точки зрения, методик, открывающих путь к ее познанию и т.п. Нас же интересует «внутренний человек» с литературной точки зрения: то, как он описывается в песнях. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся наименования «внутреннего человека».

Пожалуй, чаще всего эта сущность обозначается просто словом «человек» (бенг. *māñṣ*): «В человеке есть человек, / Человек заставляет плясать, и человек танцует»¹. Подобное наименование в купе с контекстом песен подразумевает тождество человека и «божественной искры», которой он наделен и к познанию которой стремится. Осознание «человека» в себе представляется высшей религиозной целью. Однако это занятие не из легких: «Как луна, что на воде видна, — рукой не схватить — / Так и он вечно в сиянии света пребывает»². В этой же песне авторства Лалона утверждается, что: «В этом человеке есть тот человек»³. Добавление указательных местоимений к слову «человек» служит для указания на обычного человека (этот человек) и «внутреннего» (тот человек). Иногда одно из указательных местоимений может опускаться: «Прежде пойми, / Узри, не искав, / Человек есть в этом человеке»⁴.

К слову «человек» часто добавляются определения. Самым распространенным из таких словосочетаний является «*maner māñṣ*» — букв. «человек разума». Если в санскрите слово «*manas*» обозначала рассудок, то в бенгальском языке произошедшее от него «*man*» обозначает скорее душу или сердце, «орган прозрения», «непосредственного», алогичного познания (ср. русское «сердцем чую»). В современном языке «*maner māñṣ*» — это близкий человек, человек «по душе». Так, Кхэпа Модон поет «Есть в этом человеке человек сердечный, не упустит / Его; увидь его, о сердце, глазами знания!»⁵.

¹ Бенг. текст цит. по: Bhaṭṭācārya, U., 1957. *Bāmlār bāul o bāul gān*. Kalikātā. 1160 p. С. 962

² Бенг. текст цит. по: Islām, H. (somp.), 1989. *Bāmlār priya lālan gīti*. Ḍhākā. 170 p. С. 47

³ Бенг. текст цит. по: Islām, H. (somp.), 1989. *Bāmlār priya lālan gīti*. Ḍhākā. 170 p. С. 47

⁴ Бенг. текст цит. по: Bhaṭṭācārya, U., 1957. *Bāmlār bāul o bāul gān*. Kalikātā. 1160 p. С. 990

⁵ Бенг. текст цит. по Bhaṭṭācārya, U., 1957. *Bāmlār bāul o bāul gān*. Kalikātā. 1160 p. С. 914

Другим расхожим определением является слово «gaser»: относящийся к «gas» — жидкости, соку, сути. С одной стороны «gaser māṇṣ» — это «человек сути», «истинный», «настоящий». С другой, это наименование отсылает нас к практикуемым баулами сексуальным техникам, в которых ключевое значение играют жидкости человеческого тела.

Исключительную значимость «внутреннего человека» для баулов подчеркивает определение «sonār» — «золотой». Возможно, что «золотой человек» — это частный случай «внутреннего человека», реализующийся лишь в определенных практических обстоятельствах: нередко он описывается как находящийся в районе аджня-чакры («третий глаз», лотос с двумя лепестками): «Золотой человек сверкает в двулепестковом [лотосе]»¹, «На стебле двулепесткового сияет золотой человек»².

Ключевым аспектом большинства песен баулов является стремление к познанию «внутреннего человека» вкупе с неспособностью сделать это. Этим обусловлены его наименования «adhar» — неуловимый («неуловимый человек») («adhar māṇṣ»: «Если поймаешь непостижимого человека, о разум, плененного не отпускай»³ [бенг. текст цит. по Mansuruddīn 1972:111]), «неуловимая луна» («adhar cāḍ»), «неуловимая птица» («adhar pākḥī»). Также «adhar» может переводиться как «непознаваемый». К этой же категории можно отнести «ālek māṇṣ» («неописуемый человек»), «acin pākḥī» («непознаваемая птица»), «man-pākḥī» («птица разума/сердца») и др. Образ птицы пользуется особой популярностью: она обитает в «клетке сердца», но может с легкостью упорхнуть оттуда, так что в руки ее не взять: «Непознаваемую птицу приручал я в клетке. / За всю жизнь так и не понял я, что она такое»⁴.

Еще одно наименование «sahaj māṇṣ» можно перевести как «естественный человек». Слово «sahaj» буквально значит «присущий», «неотъемлемый», «естественный», «легкий» (раз естественный, значит, не причиняющий затруднений). С одной стороны, перевод «присущий» говорит сам за себя. С другой, слово «sahaj» может отсылать нас к средневековым буддистам секты сахаджаяна, авторам т. н. стихов или, скорее, песен «чарья» (бенг. «caṛjā»). Чарьи и баул-ган довольно схожи. «Золотого человека» неразрывно связывают с чакрой муладхара, перевернутым четырехлепестковым лотосом.

Помимо приведенных обозначений для «внутреннего человека» в песнях баулов встречается довольно много других. Все их перечислить не представляется возможным, так как песен традиция сочинять баул-ган не стоит на месте и с ходом времени появляются новые образы, символизирующие «внутреннего человека», а с ними совсем не исключено и появление новых его наименований.

¹ Бенг. текст цит. по: Bhattachārya, U., 1957. Bāmlār bāul o bāul gān. Kalikātā. 1160 p. C. 647.

² Бенг. текст цит. по: Islām, H. (somp.), 1989. Bāmlār priya lālan gīti. Ḍhākā. 170 p. C. 71.

³ Бенг. текст цит. по: Mansuruddīn, M., 1972. Hārāmaṇi. 2 kh. Ḍhākā. 244 p. C. 111

⁴ Бенг. текст цит. по: Islām, H. (somp.), 1989. Bāmlār priya lālan gīti. Ḍhākā. 170 p. C. 25

Зельницкий А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Предварительные замечания о содержании раздела «Небожители и даосы» (Сянь дао 仙道) собрания «Свод литературы, сгруппированный по родам» (И вэнь лэй цзюй 藝文類聚)

«Свод литературы, сгруппированный по родам» является первым памятником такого рода, из созданных в эпоху Тан 唐 (618–907) и, судя по названию, его составители претендовали на то, чтобы сделать максимально строго выверенный синопсис извлечений из литературных произведений, сведенных в специальные рубрики, охватывающие все важнейшие тематические области.

Само собрание было составлено по поручению императора в 624 году и процессом его создания руководили стали два выдающихся придворных и культурных деятеля эпохи — Оуян Сюнь 歐陽詢 (557–641) и Чэнь Шуда 陳叔達 (572–635). Результатом их работы стало внушительное собрание извлечений, разделенное на сто глав-цзюаней, многие из которых также делятся еще на несколько подглав, позволяющих развернуть тему раздела более детально. Тематических рубрик в собрании 47, некоторые из них охватывают несколько глав, а некоторые, наоборот, составляют одну из подглав. Раздел «Небожители и даосы» является частью более крупной тематической рубрики «Одухотворенное и чудесное» (*Лин и бу* 靈異部), конкретно, ее первой частью.

Обращение к этому разделу продиктовано историческим контекстом, в рамках которого был создан весь свод, точнее несколькими обстоятельствами. Во-первых, тем, что империя Тан была основана родом, возводящим себя к легендарному мудрецу древности Лао-цзы 老子. Во-вторых, тем, что Лао-цзы к тому времени уже начинал рассматриваться не только как мудрец, стоящий наравне с Конфуцием, но и как основоположник даосизма, если под таковым подразумевать религиозную традицию, возникшую в середине II века и получившую широкую популярность среди представителей элиты в период Шести династий (Лю чао 六朝 III–VI вв.). Собственно, и сама идея рассматривать Лао-цзы в такой роли принадлежит не столько даосам того времени, хотя часть из них тоже принимала участие в формировании такого образа древнего мудреца, сколько представителям двора, искавшим новые идейные основания для управления. Наконец, третье обстоятельство связано с другим сочинением, также созданным Оуян Сюнем и включающем небольшой фрагмент, написанный Чэнь Шуда. Это «Запись об обители Северенномудрого предка Великой Тан» (*Да тан цзуншэнь гуань цзи* 大唐宗聖觀記), созданная через два года после составления «Свода литературы, сгруппированного по родам» и посвященная памяти визита императора в даосскую обитель Лоугуань тай 樓觀臺 в 620 г. Оно содержит достаточно большое количество цитат и отсылок к литературным произведениям, явно

ассоциировавшихся с даосизмом и, одновременно, рассматривавшихся как такие, извлечения из которых могут быть использованы в официальном документе, прославляющем императора.

Кроме вышеуказанных исторических обстоятельств, диктующих обращение к этому разделу, следует указать, что определенный интерес вызывает и вопрос о том, какие авторы, которых можно рассматривать как даосских в строгом смысле этого слова, удостоились того, чтобы извлечения из их сочинений попали в него.

Всего раздел состоит из 62 извлечений из весьма разного рода источников. Внутренняя рубрикация раздела дает представление о том, какого рода это источники. Первая рубрика содержит извлечения из глав или сочинений, темой которых были жизнеописания небожителей. Здесь обращает на себя внимание то, что составители рубрики опирались далеко не только на классическую литературу, но и довольно активно использовали сочинения, относящиеся к классу сяо шо 小說, такие как, например, два жизнеописания Ханьского У-ди 漢武帝 (156–87 до н. э.), «Отдельные жизнеописания небожителей» (*Ле сянь чжуань* 列仙傳) Лю Сяня 劉向 (77–6 до н. э.), «Записки о поисках духов» (*Соу шэнь цзи* 搜神記) Гань Бао 干寶 (ум. 336), «Жизнеописания духов-небожителей» (*Шэнь сянь чжуань* 神仙傳) Гэ Хуна 葛洪 (283–343), «Канон чудес духов» (*Шэнь и цзин* 神異經), «Записки о десяти сушах» (*Ши чжоу цзи* 十洲記), а также «Сад удивительного» (*И юань* 異苑) Лю Цзиншу 劉敬叔 (409?–468?). Связано это, по всей видимости, с тем, что большая часть жизнеописаний небожителей содержалась в литературе именно этого класса.

Остальные рубрики содержат извлечения из сочинений исключительно классических жанров, чему способствует способ рубрикации, выделяющий фрагменты из поэтических произведений нескольких жанров, панегириков, эпиграфических сочинений, писем, а также рассуждений. Наибольший объем занимают именно поэтические фрагменты, взятые из сборников, начиная с эпохи Хань и заканчивая периодом Лян 梁 (502–556), что само по себе неудивительно, поскольку поэзия эпохи Шести династий содержит достаточно богатый материал, касающийся тем даосизма и небожителей.

Определенный интерес представляет то, сочинения каких собственно даосских авторов были использованы в этом разделе. Собственно, их только два. Это уже упомянутый Гэ Хун, а также патриарх школы Шанцин (Маошань) 上清 (茅山) Тао Хунцин 陶弘景 (456–536). При этом последний выступает как автор поэтических и прочих сочинений, выполненных в классических жанрах.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что, в целом, составители «Свода литературы, сгруппированной по родам», затрагивая тему даосизма и небожителей, постарались максимально опираться на образцы высокой словесности, что, должно быть, вполне отвечало задачам, которые они перед собой ставили. Единственным исключением стали фрагменты, содержащие материалы жизнеописаний небожителей, поскольку здесь избежать использования литературы низкого жанра, по всей видимости, было невозможно.

Каримова Е. В. («ФинСофт ритейл», Новосибирск),
 Останин В. В. (АГАУ, АлтГУ, Барнаул),
 Суботялов М. А. (НГУ, НГПУ, Новосибирск)

«Упадешамрита»: феномен неявного цитирования

Скрытое или неявное цитирование — распространенный литературный прием в дальневосточной литературе. Рассматривая данный феномен в контексте исследования средневекового трактата «Упадешамрита» Рупы Госвами¹, мы ставим целью проанализировать возможные причины данного вида цитирования.

Умберто Эко в своем знаменитом труде «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» рассматривает неявное скрытое цитирование как особую стратегию автора: «Это точная стратегия, благодаря которой автор прибегает к неявным отсылкам к другим произведениям... когда один текст цитирует некий другой, не давая возможности это увидеть, мы имеем дело с тем, что можно было бы назвать подмигиванием возможному сведущему читателю, с разговором *tongue-in-cheek*»².

Данное явление интересно как с точки зрения средневековой индийской текстологии, так и изучения бхакти — комплекса мистических течений в средневековом индуизме. Бхакти как форма религиозного опыта является ядром и сутью вишнуизма, одного из основных направлений индуизма. Наиболее целостный взгляд на эту область знаний изложен в монографии С. В. Ватмана «Бенгальский вайшнавизм»³.

И. В. Бритов характеризует «неявные» или «скрытые» цитаты следующим образом: «Скрытое цитирование представляет собой чужое высказывание, запрятанное в авторском тексте. В отличие от обычного цитирования оно никак не выделено: ни пунктуационно, ни графически, ни синтаксически. Не путать с плагиатом! Плагиатчик, воруя чужой текст, не заинтересован в том, чтобы его уличили в этом нечистом деле. А автор, использующий прием скрытого цитирования, жаждет “разоблачения”»⁴.

Исследуя феномен неявного цитирования в тексте «Упадешамриты» становится возможным раскрыть намерение автора: хочет ли он опереться на чужое мнение, опровергнуть его или сделать отправной точкой для утверждения собственного

¹ Śrī Śrī Upadeśāmṛtam, Śrī Śrīla Rūpa Gosvāmī Prabhu kṛtam, with Upadeśa-prakāśika Radharamana Gosvami; commentary Pṛyūṣa-varṣiṇī, bengali poetic arrangement and series of articles by Bhaktivinoda Thakura, Anuvṛtti Bhaktisiddhanta Sarasvatī Goswami Prabhupada, Amṛtāvaśeṣaleśa Bhakti Prasada Puri Gosvami, ed. by Śrīmad Bhakti Pradīpa Tīrtha Gosvāmī Mahārāja. Published by Sundarānanda Vidyāvinoda, Gauḍīya Mission, 1942. (in Bengali).

² Эко Умберто. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Перев. с итал. А. Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 255–256.

³ Ватман С. В. Бенгальский вайшнавизм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 403 с.

⁴ Бритов И. В. Скрытое цитирование: модный прием европейского постмодернистского искусства и давняя традиция вьетнамской литературы // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 8–13.

мнения в полемической форме. Интертекстуальные связи, отраженные в параллельно существующих текстах, интересны как объект для изучения и с точки зрения текстообразования, и с точки зрения текстовосприятия.

Рупа Госвами выстраивает текст своего трактата, заимствуя первые четыре стиха из иных источников. Первая неявная цитата взята из «Махабхараты»¹ — одного из самых древних и знаменитых авторитетных текстов индуизма; вторая и третья, представляющие собой законченную смысловую пару, из «Хатха-йога-прадипики» Свами Сватмарамы (XV–XVI вв.)²; наконец, четвертая из «Панча-тантры» (III–IV вв.)³.

Изучение оригинальных цитат и проведенный анализ смысловой нагрузки изначальных стихов в сравнении с аналогичными стихами из «Упадешамриты» позволяют интерпретировать выбор изменений, внесенных Рупой, в связи с современными ему историческими реалиями, приверженностью определенному духовному направлению и социальными предпосылками. Рупа Госвами, несколько модифицировав исходные стихи, включает их в текст своей «Упадешамриты», аккуратно «приглаживая» цитату из «Махабхараты», вступая в полемику с создателем «Хатха-йога-прадипики» и изменяя основную интенцию пассажа из «Панча-тантры». Результаты анализа приводят к выводу о том, что распознавание скрытых цитат становится необходимым условием понимания не только текста в целом, но и того, что именно хочет сказать его автор.

Кнорозова Е. Ю. (БАН, Санкт-Петербург)

К вопросу исследования вьетнамской традиционной поэзии в России

В докладе речь идет о работах, опубликованных в России и на русском языке.

О вьетнамском стихосложении писали Н. И. Никулин, Т. Н. Филимонова, К. Ян. Тема кандидатской диссертации Т. Н. Филимоновой, защищенной в 1980 г. В МГУ — «Взаимосвязи стихотворного размера и стихотворной речи во вьетнамской народной и литературной поэзии».

Н. И. Никулин исследовал традиционную поэзию в своих монографиях, кроме того, посвятил этой тематике ряд статей, например, «Поэт и поэзия в осмыслении

¹ The Mahabharata of Krishna-Dwaipayana Vyasa translated into English Prose from the Original Sanskrit Text by Kisari Mohan Ganguli, published between 1883 and 1896. Scanned at sacred-texts.com, 2003. Accessed at: <https://www.sacred-texts.com/hin/maha/> (accessed: 15.01.2023).

² Swami Swatmarama. Hatha Yoga Pradipika translated by Pancham Sinh, 1914. Accessed at: <https://www.sacred-texts.com/hin/hyp/index.htm> (accessed: 15.01.2023).

³ Панчатантра / Перевод с санскрита А. Я. Сыркина. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. — 471 с.

вьетнамской литературы и критики XVIII — начала XIX вв.»¹. Ученый уделил внимание классической поэзии, повествовательным поэмам, таким известным поэтам, как император Ле Тхань-тонг, Нгуен Зу, Хо Суан Хыонг.

Значительный вклад в изучение классической вьетнамской поэзии внесла Т. Н. Филимонова².

В ряде сборников восточной поэзии есть раздел «Вьетнам»³. М. Н. Ткачев — автор обширной вступительной статьи «Поэзия Дай-вьета» в сборнике «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии»⁴.

В 1996 г. в Москве вышла «Антология традиционной вьетнамской мысли»⁵. В нее вошли переводы из ранних памятников вьетнамской словесности, в том числе из «Собрания лучших цветов из сада *тхиен*» (XIII в.), в которое включено много стихов, написанных буддийскими монахами.

Особое место в истории вьетнамской литературы занимают «Сны Южного старца», написанные Хо Нгуен Чынгом в XV в., треть объема сборника занимают рассказы о стихах (их шестнадцать), цитируются отрывки из произведений вьетнамских поэтов, в наши дни оказавшихся утерянными. В 2009 г. «Сны Южного старца» были переведены на русский язык⁶.

О поэзии раннего периода (эпохи Ли-Чан, X–XIV вв.) писали Н. И. Никулин, Т. Н. Филимонова, М. Ткачев, К. Ю. Леонов, Нгуен Тай Кан, Е. Ю. Кнорозова.

Начиная с XVI в. и до середины XIX в. во Вьетнаме широко распространяются поэмы. Поэма «Стихи об ароматной туфле», включавшаяся в прозаические собрания, например, в анонимное сочинение начала XIX в. «Записки отшельника» (рассказ № 12)⁷, переведена на русский язык в 1977 г.⁸ Роман в стихах «Вновь обретенные гребень и зеркало» Фам Тхая (1777–1813) представлен в кратком пересказе, приводятся переводы отрывков из поэмы⁹. Самое известное

¹ Никулин Н. И. Поэт и поэзия в осмыслении вьетнамской литературы и критики XVIII — начала XIX вв. // Поэтика средневековых литератур Востока. М.: Наследие, 1994. С. 269–300.

² Полная академическая история Вьетнама. М.: Президиум Российской Академии Наук, 2014. Т. 2. С. 394–456; Т. 3. С. 459–493.ю

³ Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: «Правда», 1989. 479 с.; Поэты Китая и Вьетнама. Пер., предисл, послесл. Л. Эйдлина. М.: Наука, 1986. 174 с.; Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977. 926 с. Подстрочные переводы М. Ткачева, И. Зисман, А. Карапетянца, Тань Ао-шуан.

⁴ Ткачев М. Н. Поэзия Дай-вьета // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977. С. 485–500.

⁵ Антология традиционной вьетнамской мысли». Составители В. В. Зайцев. А. В. Никитин. М.: ИФ РАН, 1996. 241 с.

⁶ Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб.: БАН; Альфарет, 2009. 344 с. С.137–162.

⁷ Sơn cư tập thuật // Tổng tập tiểu thuyết chữ Hán Việt Nam. H, NXB thế giới, 1997. Tr. 354–362.

⁸ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ.лит., 1977. 926 с. С. 541–546.

⁹ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ.лит., 1977. 926 с. С. 558–563.

произведение этого жанра — поэма «Киеу» Нгуен Зу (1765–1820) полностью переведена на русский язык в двух вариантах¹.

В 1962 г. поэт П. Антокольский в содружестве с вьетнамоведом И. П. Зимониной опубликовал перевод лирической поэмы «Жалобы солдатки» поэтессы Доан Тхи Диен (1705–1748)². На русский язык переведены отрывки из лирической поэмы Нгуен Зя Тхиеу (1741–1798) «Плач государевой наложницы»³.

Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Легенда об Урашиме Таро и «Манели» (1947) Нима Юшиджа: к проблеме литературных связей

Мировой литературный процесс богат множеством фактов заимствования различных сюжетов из одной традиции в другую. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример трансформации санскритской «Панчатантры» в пехлевийскую «Калилу и Димну», переведённую впоследствии Ибн ал-Мукаффой (VIII в.) на арабский язык и ставшую одной из основ литературы *адаба*⁴. Можно также вспомнить воплощение известной *узритской* истории о «Лейли и Маджнуне» в творчестве самых разных авторов, и в этой связи особо примечательна поэма «Медлум и Лейли» русского футуриста В. Хлебникова (1885–1922).⁵ Многочисленные примеры «миграции» сюжетов свидетельствуют, что временных и пространственных границ для подобных перемещений практически нет.

Изучение такого рода «движений» стало одним из основополагающих векторов становления литературоведческой науки во второй половине XIX в. (вспомним «школы» братьев Гримм, И. Тэна, Т. Бенфея, А. Н. Веселовского и др.). В наше время теоретическая значимость компаративных исследований находит выражение в описании совокупности типологических сходств и различий в литературах

¹ Нгуен Зу. Киеу. Стенания истерзанной души. Пер. с вьет. Ву Тхе Кхой, поэтический перевод В. Попов. Ханой: изд-во «Общественные науки», 2015. 341 с.; Нгуен Зу. Повесть о Киеу. Перевод свободным стихом: Ву Тхе Кхой. Ханой: изд-во Тхе зой, 2016.

² Доан Тхи Диен. Жалобы солдатки // Восточный альманах. Вып. 5. М.: Худ. лит., 1962. С. 7–24.

³ Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ.лит., 1977. 926 с. С. 554–556.

⁴ См. подробнее: Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна / пер. с араб. Б. Шидфар. М.: Художественная литература, 1986. С. 3–20.

⁵ См. подробнее: Рейснер М. Л. Страница из жизни вечного сюжета: маленькая поэма Велимира Хлебникова Медлум и Лейли (1910) // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. Материалы конгресса. Т. 2. СПб.: Студия НП-Принт, 2021. С. 209–210.

народов мира, а также в определении механизмов коммуникации между ними. Сравнительный взгляд на факты отдельных литератур выявляет сложный характер связей между ними. Каждый факт литературного контакта способен стать дополнительным аргументом в пользу дальнейшего развития концепции единства мирового литературного процесса.

Обмен мотивами и сюжетами способствовал обогащению тематического фонда вовлечённых в него литературных традиций. Творческий поиск авторов закономерно направлен не только внутрь собственной художественной системы, но и вовне. Иначе говоря, чужая традиция представляется как *terra incognita*, в которой можно отыскать «клад» необычных образов и историй. Такие находки всегда служили для писателей и поэтов источником вдохновения. Естественно, что в стороне от такого поиска не остались и иранские литераторы пост-классического периода, стремившиеся найти оригинальный материал для воплощения своих художественных замыслов. Так, благодаря известному прозаику Садеку Хедаяту (1903–1951) и его современнику, отцу «новой поэзии» Ирана, Нима Юшиджу (1897–1960) на страницах иранских изданий оказалась японская легенда о рыбаке Урашима Таро.

Особый интерес к фольклору других народов, как известно, был характерен для европейских романтиков. В русле тех же исканий активно действовал и Садек Хедаят. Писатель пересказал на персидском языке историю рыбака Таро в одном из номеров известного журнала «Сохан» (1944). Сюжет сказки построен на мифологеме сирены. Рыбак, отправившись на промысел, терпит крушение в море. На глубине мужчину встречает морская дева и убеждает остаться у неё на ночь. Когда наступает час разлуки, русалка дарит рыбаку на память шкатулку, заповедуя не открывать её. Вернувшись на берег, Урашима обнаруживает, что на земле успело смениться не одно поколение людей: его дом рыбака разрушен, членов его семьи уже нет в живых, а его самого сочли пропавшим без вести. В отчаянии одинокий Урашима открывает шкатулку и умирает.

История, пересказанная Садеком Хедаятом, вдохновила поэта-новатора Нима Юшиджа на создание поэмы «Манели» (1947). В одном из своих писем автор признаётся: «Я не первый, кто рассказал историю о морской красавице-русалке (*pari-ye daryāyi*)... Я лишь хотел воплотить свои мысли в этом образе»¹. Японский сюжет о русалке и рыбаке напомнил иранским литераторам «родной» классический топос обольстительницы-*перу*. Такое совпадение можно считать явным типологическим сходством, благодаря которому японский сюжет отозвался в сердцах носителей персидской традиции.

Как следует из письма, в своей поэме Нима скрыл под именем Манели фигуру Садека Хедаята. Поэт стремился изложить сюжет в «особой манере», отказавшись, по его же словам, от «внешней искусственности языка». Такое стремление автора нашло воплощение в живом обмене репликами между главными героями, и эти

¹ См. Нима Юшидж. Полное собрание сочинений / Составитель: Сирус Тахбаз. — Мо'ассесе-э-энтешарат-е Негах Тегеран, 1371 (1992) (на персидском языке). С. 520–521.

диалоги вложены в новаторскую поэтическую форму «свободного *аруза*». Как и во всех поздних сочинениях Нима Юшиджа, формальная организация текста характеризуется нерегламентированной схемой рифмовки и нерегулярными «разломами» строф. Новая форма стиха призвана вместить всю полноту психологических переживаний героев.

Перенос сюжета о рыбаке, повстречавшем морскую красавицу, стал яркой иллюстрацией такого явления, как литературный контакт между двумя традициями. Столь необычное взаимодействие двух географически отдалённых друг от друга литератур — персидской и японской — можно считать характерной чертой эпохи Нового времени и современности. Налицо преодоление «герметизма» вековых сложившихся традиций. Объяснение данному явлению можно свести не только лишь к внелитературным факторам (как, например, научно-технический прогресс, способствовавший интенсификации связей в мире), но и к переживанию литературой умонастроений наступившей эпохи мирового развития. Знакомство с другими культурами открывало пути обновления собственной традиции. Такие открытия насыщали новым опытом художественное чувство представителей пост-классического типа художественного сознания.

Лахути Л. Г. (ИВ РАН, Москва)

Земля в поэтическом мире Хафиза

В газелях¹ Шамс ад-Дина Мухаммада Хафиза Ширази, великого персидского поэта XIV века, можно встретить более 200 лексем, обозначающих природные вещества и явления (и более 300, если учитывать образованные с их участием композиты и производные). Эти названия охватывают всю сотворенную Вселенную до появления человека, как она была представлена в средневековой картине мироздания — от сферы земли до сферы высшего — восьмого — неба, на котором находятся созвездия Зодиака. Надо отметить, что под землей здесь подразумевается само вещество земли — *xāk*. Понятия земной шар и страна передаются словом *zamīn*. Слово *xāk* встречается в газелях Хафиза 138 раз, по частотности среди «природной» лексики ему предшествуют только *gul* (роза), и *jahān* (мир).

Можно предположить, что такая высокая частотность обусловлена теми значениями и коннотациями, которыми обладает это понятие в классической персидской культуре. К тому же семантическому полю принадлежат еще четыре слова. Это в первую очередь *gil* — глина, т. е., по словам Низами ‘Арузи, «первое вещество

¹ Примеры приводятся по изданию: Dīvān-i Ḥāfiz. Ba kūšiš-i dukturXalīl Xatīb Rahbar. Īrān-i 52. Tīhrān: Bahār, 1392/2013.

в мире неорганическом, которое, развиваясь и совершенствуясь», достигало все более высоких степеней.¹

Здесь в фокусе внимание будет именно слово *xāk*. При этом будут указываться и остальные четыре слова, встречающиеся в том же или в сходном контексте, что и *xāk*.

В поэзии Хафиза отображаются четыре группы значений слова *xāk*, основывающихся на тех признаках, которые приданы этому слову. В этих признаках актуализируются мусульманские средневековые натурфилософские представления, и каждая из этих групп значений служит отправной точкой для создания специфических поэтических образов, и для каждой из этих групп требует своего перевода слова *xāk*.

1) Прежде всего, земля (*xāk*) — один из четырех первоэлементов, или стихий, из взаимодействия которых образовался материальный весь мир. Эти первоэлементы — земля, вода, воздух, огонь. Отсюда материальный мир — это «клетка [из] земли», или «клетка-земля» (*qafas-i xāk*), в которой томится птица-душа (335:6²). Материальный мир назван миром «воды и глины» (*āb-u gil*, 428:8) и даже вместилищем праха или мусорной кучей (*xākdān*) (90:2; 442:5).

2) Из земли (*xāk*), или глины (*gil*), т.е. земли и воды было создано тело первого человека — Адама, «отца» всех людей,³ и вслед за ним состоит тело любого человека как потомка Адама. В этом контексте слово *xāk* переводится как «персть», напр.: *gil-i ādam* — глина Адама, т.е. вода и земля как тело Адама; *xāk-i vijūd-i mā* — земля/персть нашего существа (171:2; 374:5).

С этим же связано понимание слова «*xāk*» как «прах» или «могила», т.е. тело или место погребения умершего, напр.: *xāk-i kuštagān-i ġam-at* — прах убитых тоской по тебе (93:6); *Xāk-i mā* — наш прах, т.е. прах людей вообще; *xāk-i ḥāfiẓ* — прах Хафиза (330:7).

3) Место земли в структуре мироздания обуславливает такие значения слова *xākī* или *xākīyān*, как «ничтожный», «презренный» (букв. «земляной», «земляные».

4) *Xāk* как земля в распыленном состоянии, пыль. Важное свойство земли или пыли в поэтическом мире Хафиза состоит в ее способности подниматься до высшей ступени от соприкосновения с высшей сущностью — покровителем-меченатом, возлюбленным другом, шейхом-наставником или чего-то с ним связанного (порога, двери, ветром, принесшим аромат локона, следа копыт коня, на котором умчался восхваляемый и т. п.) или мест, занимающих высокое место в суфийской иерархии, например, кабака.

Так, нищенство у дверей кабака может превратить земную пыль в золото (144:4; 410:6), пыль из-под ног восхваляемого становится сурьмой, т.е. лекарством для глаз (2:5), дает свет глазам влюбленного (207:1) и сияние солнцу

¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. Пер. с персидского С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной. М.: ИВЛ, 1963. С. 30.

² Здесь и далее первое число означает номер газели, второе — номер бейта.

³ Коран. Перевод с арабского и комментарии И. Ю. Крачковского. Изд. второе. М.: «Наука», Гл. ред. восточной литературы, 1986. 15:26.

(410:6); пыль на пороге обители дервишей — источник воды вечной жизни (48:12). В общей сложности словосочетания со значением «пыль порога...» (*xāk-i dar-i*) ... встречаются в газелях Хафиза. О драгоценности и преображающей силе пыли перед порогом восхваляемого говорит большинство словосочетаний со словом *xāk*.

Значения слов *gil* и *xāk* пересекаются лишь частично. частично пересекаются со значениями слова *xāk*. Слово *gil* встречается в Диване 12 раз. Так же, как и *xāk*, может означать прах умерших, напр.: *gil-i Ādam* — прах Адама (184:1), *gil-i kūzagarān* — глина горшечников, т.е. лежащий в земле прах усопших, который станет материалом для гончаров (450:7; 481:2) и *gil-i mā* — наш [будущий] прах (396:4). Уже упоминали вода и глина, как иносказание материального мира (428:8). В двух случаях звучит отсылка к представлению о том, что под воздействием солнца, дождя и ветра камни могут превращаться в рубины, а глина в сердолики (48:6¹; 227:3) Также *gil* символизирует низкую и грубую натуру человека.

Следующим этапом работы может стать сравнение концепта «земля» в газелях Хафиза и его предшественников, в первую очередь Фарид ад-Дина 'Аттара.

Налич Т. С. (ИСАА МГУ, Москва)

Аллюзии на священную историю Ближнего Востока в романе Нагиба Махфуза «Аулад харатина»

Роман Нагиба Махфуза (1911–2006), классика египетской литературы и нобелевского лауреата, *Awlād hāratinā* (досл. «Дети нашего квартала») опубликовался в 1959 г. частями в египетской газете «алАхрам». Роман вызвал столь негативную реакцию улемов исламского университета ал-Азхар, что отдельной книгой был издан в Бейруте только в 1967 г., а в Египте — только в начале XXI века, после специального разрешения.

Почему так произошло? Очевидно, улемы ал-Азхара увидели в романе оскорбление религии. Ведь в нем в аллегорической форме описывается мусульманская священная история, и противопоставляются религия и наука.

При внимательном прочтении оказывается, что роман Нагиба Махфуза насыщен аллюзиями на священную историю не только ислама, хотя в большей степени ислама, но и христианства.

Параллели заметны и на уровне композиции (в романе пять частей, названных по именам главных героев, и 114 глав, имеющих сплошную нумерацию),

¹ . Подробнее см.: Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. / Хафиз. Газели в филологическом переводе. Часть 1 / пер. с перс., 2012. С. 342.

и на уровне выбора имен для героев (например, первая часть названа по имени Адхама, сына владельца имения Габалави и чернокожей рабыни; его имя намекает на цвет его кожи — *adham* букв. значит «черный, темный», чем подчеркивается его отличие от остальных братьев), и на уровне событий, которые происходят с героями (например, Идрис, старший сын Габалави, изгнанный из дома, подначивает младшего сына, Адхама, нарушить отцовский запрет, что приводит к изгнанию из дома и младшего сына — здесь параллель с изгнанием из рая Иблиса, и потом соращения и изгнания Адама), и даже на уровне лексикологии, которую использует автор (например, во введении к роману рассказчик говорит о Габалави «*lam yastakbir fi-l-ard*», досл. «не возгордился на земле», что отсылает читателя к соответствующим кораническим аятам и создает целый ряд ассоциаций).

На русском языке роман издавался дважды: в 1990 г. в серии «Мастера современной прозы» под названием «Предание нашей улицы» в переводе В. Н. Кирпиченко (М.: Радуга, 1990) и в 2012 г. под названием «Дети нашей улицы» в переводе В. Н. Зарытовской (М.: Центр гуманитарного сотрудничества, 2012). Отдельный интерес вызывают стратегии, выбранные переводчицами для передачи различных реалий и аллюзий.

Николаева М. В. (ИВ РАН, МГЛУ, Москва)

Летопись арабов или зеркало души? К проблеме эволюции арабской поэтической традиции

Известное изречение «Поэзия — летопись арабов» (*аш-ши 'р диван аль-араб*) предельно лаконично и ёмко определяет традиционное понимание значения и места поэзии в жизни арабского общества. Строки знаменитых касыд джахилийских классиков вобрала в себя весь комплекс практических знаний, законов, духовных и нравственных ориентиров кочевников Аравийского полуострова, а также на долгие столетия определили их языковые нормы и основные положения поэтической просодии. Свидетельством подобного понимания стало знаменитое изречение праведного халифа Омара (прав. 634–644): «Поэзия — знание людей, не имевших знания достовернее этого». Нравственные ориентиры арабской классики остаются актуальными и для XX столетия, хотя они и подвергаются существенной идейной и формальной трансформации. В тревожные эпохи социально-политических катаклизмов многие авторы вновь и вновь обращаются к духовно-этическому потенциалу предшествующих эпох, черпая в нем силы для противостояния разрушениям и хаосу.

В творчестве арабских поэтов-неоклассиков XX в. аз-Захави (1863–1936), аш-Шабби (1909–1934) Халиля Мутрана (1872–1949) и других отразилось стремление к видоизменению духовных основ, этических и эстетических норм меняющего общества в стремительно меняющемся мире. Они призывали к освобождению новой арабской поэзии от жёсткого формализма и регламентированной словесной игры, пытались открыть простор творческой фантазии, свободе чувств и эмоций человеческой души. «Поэзия — это не квинтэссенция мысли, застывшая и живущая в речи, а скорее фантазия, мостом переброшенная через трещины разума над потоками мысли», — писал аль-Мухсин аль-Кязыми (1865–1935)¹. Известный поэт-обновитель ар-Русафи (1875–1945) подарил нам определение, не утратившее своей актуальности и в современном мире: «Поэзия — это зеркало чувств, в котором отражаются образы природы, воздействующие на душу словами печали и радости»². Творческие поиски лидера новоарабской поэзии Халиля Мутрана, смело освободившего арабский стих от равностояния *аруда*, продолжили поэты-обновители творческой группы «Аполло» в Египте.

Широкий простор свободному стиху как иной системе мышления свободными образами открыли представители Сиро-американской литературной школы в США в 1920–1930-е гг. Вслед за своими предшественниками поэтами-романтиками, они противопоставляли изначальной любви, красоте и гармонии природы несовершенство законов современной цивилизации, а их практика владения одновременно несколькими языками существенно обогатила арабскую, и в особенности, сиро-ливанскую культуру. Среди франко-арабских билингвов — поэт Адонис (Али Ахмед Саид, р. 1930), один из главных новаторов в области арабской поэтики, который утверждал, что поэт призван создавать самого себя и свой собственный мир, изменяя тем самым историю человечества³.

Осипова К. Т. (ИСАА МГУ, Москва)

Принцип многоголосья в современной арабской художественной прозе

В последние годы в длинном списке престижной литературной премии за романы на арабском языке, известной как «Арабский Букер», можно встретить много произведений, фокусирующихся на видении мира такого персонажа, какому ранее отводилась незначительная роль, вплоть до того, что он оставался безымян-

¹ Чуков Б. В. Статья с веком наравне. М., ИВ РАН, 1997–2006. С. 197.

² Чуков Б. В. Статья с веком наравне. С. 197.

³ Адонис. Интервью газете «Ас-Саури», в журнале «Аль-Мавакиф», № 15–16, 1971.

ным. Теперь же, рассказывая свою историю, поясняя мотивы своих действий и откровенно излагая свои чувства, такой герой обретает звучный, уверенный голос.

«Новых реалистов» 1950-х годов интересовал внутренний мир простых людей. Произведения 1960–90-х — так называемые интроспективные романы — строились на принципе зависимости «картины мира» от своеобразия воспринимающего сознания. В романах последних лет мы видим акцент именно на выражении героем собственной точки зрения: это становится важным стилистическим приемом для передачи проблематики произведений. Не случайно в презентациях лонг-листов «Арабского Букера» члены жюри особо отмечают в произведениях наличие «голов-сов социальных маргиналов и аутсайдеров», а удостоенные внимания критиков авторы в интервью с удовольствием рассказывают, как им удалось этого достичь.

Одной из излюбленных повествовательных форм современных писателей является роман-полифония, в котором канва произведения складывается из субъективных рассказов разных персонажей. В числе таких романов — победители «Арабского Букера»: «Оазис, где заходит солнце» Баха Тахира (в 2008 г.), «Ночные письма» Ходы Баракат (в 2019 г.), «Спартанский двор» Абд ал-Ваххаба Исауи (в 2020 г.), а также вошедший в шорт-лист 2021 года роман «Горе аристократов» Амиры Гнейм.

Отдельно среди часто используемых арабскими писателями приемов стоит отметить повествование от «ненадежного рассказчика», когда герой намеренно или по незнанию интерпретирует действительность неверно, что показывает читателю, насколько сильно объективная действительность может отличаться от ее восприятия сознанием человека. Это можно видеть в романах «Глаз Хаммурапи» Абд ал-Латыфа Улда Абдаллаха, «Записки книготорговца» Джалала Барджаса и «Хлеб на столе дядюшки Милада» Мухаммада ан-На'аса, самого молодого лауреата «Арабского Букера».

Интересным явлением стали произведения, в которых писатели-мужчины ведут повествования-исповеди от лица женских персонажей. Так, центральной фигурой романа «Эфиопский Рембо» эритрейского писателя Хаджи Джабира является служанка Артура Рембо, которую поэт в действительности упоминал, не называя ее имени, в своих письмах родным. Попеременно сменяя режимы авторского повествования — между третьим лицом всезнающего автора и первым лицом главной героини — романист объемно показывает мир человеческих чувств, силу мечты и ее разрушительную иллюзорность, а также бегство человека от себя. В ответ на вопрос, как ему писалось от лица женщины, Хаджи Джабир отмечал, что в ходе написания романа постоянно давал черновики коллегам, чтобы Алмаз (так зовут девушку) получилась «не просто персонажем, транслирующим мысли писателя, а личностью, отличной от личности самого писателя». В этом смысле показателен и роман «История Фарах» египетско-американского писателя, дипломата и политолога Изз ад-Дина Шукри Фишера. Это динамичный захватывающий роман о двух судьбоносных днях главной героини, рассказанный от ее лица и насыщенный всевозможными флешбеками в ее детство, молодость, рассказами о жизни ее матери,

и обрамленный историей ее дочери. Перед читателем — жизненная история трех поколений женщин, по-разному распоряжающихся своей судьбой, история о материнстве, о выборе и праве на свободу в отношении своего тела и мысли.

Нельзя обойти вниманием и женскую прозу. Это, например, роман «Где моё имя?» молодой сирийской писательницы Димы Шукр, в котором, как и в «Эфиопском Рэмбо», эпизоды биографий известных исторических личностей Запада становятся лишь фоном для драматичных внутренних переживаний их местных помощников. Роман состоит из двух частей: первая рассказывается от лица помощницы известного британского дипломата и ориенталиста Р. Бёртона, на глазах которой случилась резня 1860 года в Дамаске, а вторая — от лица сирийки, эмигрировавшей в Лондон после событий арабской весны. Это очень искренний и личный роман о повторяющейся через века трагедии сирийцев-эмигрантов. Похожий трагичный нарратив встречается и в романе «Дневники Роз» эмиратской писательницы Рим ал-Камали. В романе почти нет сюжета; реальные события перетекают в иллюзорные. При небольшом объеме романа, повествование воспринимается тягучим и сложным — за счет глубокой саморефлексии главной героини, которую после смерти матери передают в дом консервативных родственников отца, из-за чего ее мечта получить образование в Дамаске и стать писательницей остается неосуществленной.

В разных произведениях авторы применяют разные техники повествования для того, чтобы вывести в центр внимания таких персонажей, каких не было слышно ранее в полной мере. Меняя фокусировку, писатели делают более острыми привычные для читателя темы: вопросы о праве человека решать и выбирать, о праве на собственное мнение, о праве распоряжаться своим телом, интеллектом и судьбой.

Осокин А. В. (ИВ РАН, Москва)

О специфике «Комментария Мяофу-сюаня к “Записям о камне”» Чжан Синь-чжи и его месте в традиции комментирования «Сна в красном тереме»

Комментаторская традиция, возникшая вокруг знаменитого романа «Сон в красном тереме» Цао Сюэ-циня практически сразу после того, как в обществе стали циркулировать его списки, насчитывает не одно столетие. Одним из таких текстов, исследование которого не только желательно, но и необходимо, является «Комментарий Мяофу-сюаня к “Записям о камне”» («Мяофу-сюань пин Шитоу-цзи» 妙復軒評石頭記) за авторством Чжан Синь-чжи 張新之 (Мяофу-сюань 妙復軒, другое прозвище Тайпин сяньжэнь 太平仙人 («Праздник человека Великого спокойствия»)). Одна из особенностей этого сочинения — интерпретация

содержания романа, его коллизий в метафорическом ключе с привлечением таких канонических книг, как «И-цзин» 易經, «Да-сюэ» 大學, «Чжун-юн» 中庸. Чжан Синь-чжи — не первый, кто предложил подобный вариант интерпретации крупного художественного произведения. В каком-то смысле он принял эстафету у цинского литератора Чжан Шу-шэня 張書紳 (?–?), который в своём «Новом разъяснении “Путешествия на Запад”» («Синь шо Си ю цзи» 新說西遊記) особо подчёркивал близость романа идеям «Великого учения» («Да-сюэ» 大學).

О жизни Чжан Синь-чжи практически ничего не известно. Некоторые факты его биографии возможно восстановить на основании «Жизнеописания» («Цзы цзи» 自記), предисловия некоего автора, укрывшегося под псевдонимом Угуй шаньжэнь 五桂山人, а также намёков в самом тексте комментария. Чжан Синь-чжи рано пристрастился к чтению романа, но приступил к написанию комментария на него лишь в 1828 году. Будучи на государственной службе, он продолжал работать над ним на протяжении 22 лет, завершив осенью 1850 года. В течение долгого времени авторство комментария с подачи его первого издателя Сунь Тун-шэна 孫桐生 (1824–1904) ошибочно приписывалось цинскому чиновнику Тун Бу-няню 仝卜年 (1780–1847).

Наиболее раннее упоминание «Мяофу-сюань пин Шитоу-цзи» содержится у Лю Цюань-фу 劉銓福 (1818?–1880?), известного библиофила который, помимо прочего, являлся обладателем знаменитого списка «Хун лоу мэнь» года *цзя-сюй* (1754) с комментариями Чжиянь-чжая 脂硯齋. В приписке к этой рукописи он сообщает, что 1863 году заполучил список труда Чжан Синь-чжи, а в 1867 году одолжил его Сунь Тун-шэну, который издал его печатным способом лишь в 1881 г. По словам же издателя вариант, бывший в распоряжении Лю Цюань-фу, не содержал текста самого романа. Таким образом, у Сунь Тун-шэна ушло десятилетие на то, чтобы объединить комментарий с текстом романа и провести соответствующую редактуру. Вариант, подготовленный г-ном Сунем — единственное печатное издание, содержащее лишь сочинение Чжан Синь-чжи и сам текст романа. Как правило, «Мяофу-сюань пин Шитоу-цзи» издаётся вместе с текстами ещё двух авторов: Ван Си-ляня 王希廉 (Сюэ-сян 雪香, Хухуа чжужэнь 護花主人) (его комментарий издан впервые в 1832 г.) и Яо Се 姚燮 (1805–1864, Мэй-бо 梅伯 Дамэй шаньминь 大某山民). Первое сводное издание такого типа появилось в 1884 г. в печатне Тунвэнь шуцзюй 同文書局. Подобные издания пользуются значительным спросом и в настоящее время, называясь *саньцзя пинбэнь* 三家評本 («Комментарии трёх учёных мужей»). Одно из самых популярных — «Полностью иллюстрированное издание “Судьбы золота и яшмы”, с добавочными комментариями и иллюстрациями» («Цзэнпин бусян цюаньту цзиньюй юань» 增評補像全圖金玉緣).

По мысли Чжан Синь-чжи, «Хун лоу мэнь» — это мир «И-цина», явленный в форме литературного произведения: персонажи и числа в нём интерпретируются в свете идей, заложенных в «И-цине», а события, описанные в романе, представляются проекцией игры космических сил. Как же автор пришёл к самой идее приложить «Канон перемен» к толкованию романа? Сам он пишет об этом

в своём комментарии: ключевую роль сыграл персонаж по имени Бабушка Лю (Лю лаолао 劉姥姥) — это бедная дальняя родственница дома Жун-го 榮國, фигура далеко не первостепенной важности. В юности читая роман, он воспринимал сцены с её участием как комическую интерлюдия в театральной пьесе, исполняемую актёром амплуа чоу 丑. Анализируя во всех тонкостях эти сцены, Чжан Синь-чжи постепенно пришёл к выводу, что её образ не соответствует подобной роли. Далее, при чтении романа учёный литератор задействовал следующие методы: сперва все главы были прочитаны им в отдельности (*фэнькань* 分看), а затем совместно с каждой из 120 глав (*хэкань* 合看). На это ушло три года, после чего он пришёл к следующему выводу: «[“Шитоу-цзи”] описывает Путь Перемен, и во всей книге нет ничего, что не являлось бы “Канонном перемен”!»¹ В своём комментарии Чжан Синь-чжи задействовал 12 т. н. «гексаграмм убывания и роста» (*сяо си гуа* 消息卦), с древности считавшихся основой всего «Канона перемен».

Несмотря на то, что оценка интерпретации «Сна в красном тереме» Мяофу-сюанем всегда была неоднозначной в литературной среде он, тем не менее, был признан одним из трёх крупных комментаторов наряду с Ван Си-лянем и Яо Се. Ценителям романа Чжан Синь-чжи известен, прежде всего, как автор «Метода чтения “Сна в красном тереме”» («Хун лоу мэн дуфа» 紅樓夢讀法), представляющего собой часть значительно более обширного «Комментария Мяофу-сюаня к “Записям о камне”». *Дуфа* 讀法 («метод чтения») является, пожалуй, самым знаменитым жанром, призванным отразить интерпретацию произведения литератором. *Дуфа* не имеет чёткой структуры и правил написания, скорее представляя собой собрание разрозненных замечаний и соображений автора по поводу комментируемого произведения.

В целом, о значимости классического комментария как специфического жанра говорит и тот факт, что при чтении литературных произведений, подобных «Сну в красном тереме», он зачастую воспринимался современниками как органичная часть текста романа. В этом смысле перед нами — ещё один источник, открывающий возможности для понимания способов и форм рецепции художественного текста, бытовавших в старом Китае.

Охват Д. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Драматические жанры в кхмерской литературе середины XX века

Первые кхмерские драматические произведения начали появляться лишь во второй половине двадцатого века. Несомненно, это связано со специфическими

¹ 朱一玄. 紅樓夢資料匯編 (Чжу И-сюань. Собрание материалов по «Хун лоу мэн»). 天津: 南開大學出版社, 1985. 頁. 687.

особенностями развития кхмерского театрального искусства. По мнению Ю. М. Осипова, не все тексты, которые относятся к театрально-литературной сфере можно соотносить с привычным для нас определением драмы¹. Литературное и театральное творчество Камбоджи имеет многовековые традиции, но драма как совокупность жанров и форм складывается лишь к середине двадцатого века. В период колониальной зависимости кхмерские писатели начали осваивать формы литературных произведений. Стоит также отметить, что первые прозаические произведения появились только в середине XX в. Существенный вклад в развитие кхмерской драматургии как нового жанра, и кхмерской литературы в целом, внесло книгопечатание. До двадцатого века книги переписывались в специальных мастерских при храмах. Первая типография появилась в Камбодже в 1911 г. и первыми изданиями, напечатанными на кхмерском языке, были бюллетени французского правительства². Первое художественное произведение, напечатанное на кхмерском языке в 1938 г. и получившее распространение — роман «Сопхат». Кроме того, в свет начали выходить периодические издания на кхмерском языке. Чуть позже, в 1939 г., на страницах журнала, издаваемого Институтом буддизма, было опубликовано первое в истории литературы Камбоджи драматургическое произведение — пьеса Кым Хака «Воды Тонлесапа». Степень популярности пьесы определить достаточно сложно, но важно отметить, что уже в 1941 году произведение было издано в виде романа, который получил признание. В некоторых источниках встречаются упоминания и о других прозаических произведениях, написанных в 40-х — начале 50-х гг XX в. Так, Кхинг Хок Ди в своей работе, посвященной истории кхмерской литературы XX в., упоминает о нескольких пьесах, автором которых был Кенг Вансак³.

Более активное развитие драматических жанров в кхмерской литературе начинается во второй половине двадцатого века. Это связано с появлением в Камбодже Национального драматического театра, созданного при поддержке кхмерского правительства. Директором этого театра долгое время являлся известный писатель и политический деятель Ханг Тхун Хак, которые внес огромный вклад в развитие кхмерской драматической литературы.

При анализе пьес кхмерских авторов середины прошлого века можно выделить некоторые особенности, касающиеся как формы, так и содержания произведений. Под формой в данном случае подразумеваются композиционные и структурные особенности драматического произведения.

Кхмерские драматурги следуют европейской традиции в части оформления и композиции драматического произведения. Однако практически в каждом из доступных на данный момент произведений можно обнаружить нарушения традиционной для драмы структуры. Например, может отсутствовать деление актов на явления. Иногда деление действий на явления не соответствует общепринятым

¹ Осипов Ю. М. Литературы Индокитая. Жанры, сюжеты, памятники. ЛГУ., 1980.

² Khing Hoc Dy Antologie de la literature khmere du XXeme siecle. Phnom Penh., 2002.

³ Там же

правилам, то есть не всегда появлению нового героя на сцене соответствует смена явлений. В целом, можно отметить достаточно вольное отношение авторов к смене явлений, которая иногда бывает обусловлена просто сменой темы разговора.

Характерной особенностью оформления постановочных ремарок является фраза «Занавес поднимается». Кхмерские писатели часто добавляли в текст произведения пространные комментарии автора. В отличие от ремарок, эти комментарии поясняют действия, происходящие на сцене и отношение автора к героям. Такого рода комментарии часто называли «голосом рассказчика» или «голосом автора». Такие авторские комментарии свойственны и для кхмерского романа этого периода.

Что касается востребованности драматургии в кхмерском обществе в середине 20-го века, то здесь сложно сказать что-то определенное. При изучении источников, становится понятно, что в Камбодже не было авторов, которые бы специализировались на драматических произведениях (писатели-драматурги). Пьесы скорее являлись побочным продуктом их творческой деятельности. Единственное исключение — Ханг Тхун Хак, который занимался театральным искусством профессионально. Драматургия была новым жанром для кхмерских литераторов. Об отношении к такому новаторству можно судить и по тому, что известные кхмерские литературоведы того времени, например, Ли Тхием Тэнг и Аум Накри, в своих работах даже не упоминают о театре и драматургии. Ли Тхием Тэнг пишет, что в своей книге «Кхмерская литература», опубликованной в 1960 г., рассмотрел все существующие в кхмерской литературе жанры и направления.¹ Однако же к этому моменту в Пномпене уже четыре года существовал Национальный драматический театр, и за это время было опубликовано уже достаточно большое количество пьес. Возможно, такое отношение Ли Тхием Тэнга к этому жанру объясняется его неприязнью ко всему, что пришло извне. Этот исследователь и общественный деятель категорически отрицал любое постороннее воздействие на кхмерскую литературу. Он не упоминает о влиянии французской литературы на появление новых жанров и форм в литературе Камбоджи, считая, что мировоззрение кхмерских писателей стало изменяться самопроизвольно. В случае с драматургией, отрицать заимствование композиционной структуры драматического произведения невозможно. Вероятно, по этой причине Ли Тхием Тэнг обходит молчанием этот аспект литературной жизни Камбоджи.

В предисловии к пьесе «Наши матери» Чанг Сипхонг пишет: «Я написал эту пьесу с одной целью — бороться с теми, кто все еще отрицает значимость современного драматического театра. Я хочу, чтобы эти люди наконец поняли его огромную ценность».² Эта цитата может также является косвенным подтверждением того, что в среде кхмерских авторов бытовало неоднозначное отношение к драматургии.

¹ Ly Thiem Teng Aksarsah khmaer, Phnom Penh., 1960.

² Chang Syphong Meada ying, Phnom Penh., 1967.

Рейснер М. Л. (ИСАА МГУ, Москва)

Автор и традиция в персидской и провансальской поэзии XI–XII вв.

Первые исследователи средневековой литературы Востока и Запада предъявляли к стихам провансальских трубадуров и персидских придворных поэтов одни и те же претензии, характеризуя их как однообразные, скучные, стереотипные. Лишь со второй половины XX в., когда отношение к исторической эпохе Средневековья в целом изменилось, начался процесс углубленного изучения категорий средневековой культуры. За последние десятилетия XX и первые десятилетия XXI в. в отечественной науке была проделана титаническая работа по изучению литературных текстов, созданных в период господства традиционалистского типа художественного сознания, в результате которой были выработаны теоретические подходы к литературе ранних эпох¹.

В далеком 1975 г. увидела свет книга М. Б. Мейлаха «Язык трубадуров»², в которой исследователь показал не только картину становления языка провансальской поэзии, но и ряд особенностей ее поэтики (эксперименты в области звуковой и смысловой организации стиха, словотворчество, игра формами слова). Строгий отбор лексики, варьирование устойчивых поэтических формул, острая литературная полемика и соперничество в среде трубадуров указывают на то, что провансальская лирика сложилась как полноценный комплекс индивидуально-авторского творчества нормативного типа. Все составляющие этого комплекса имеют близкие параллели в поэзии на арабском и персидском языке IX–XII вв. Арабская и персидская классическая поэзия и поэтика хорошо изучены, и наука в настоящее время располагает внушительным количеством трудов, увидевших свет в период с 70–80-х годов прошлого века и до настоящего времени, включающих перевод и анализ множества текстов³. К этой категории исследований принадлежат и ряд публикаций автора настоящей работы⁴. Можно сказать, что сложились благоприятные условия для нового этапа развития компаративных исследований.

Типологическую близость персидских придворных поэтов и провансальских трубадуров демонстрируют мотивы «поэта и поэзии», широко представленные

¹ Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994.

² Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975.

³ Куделин А. Б. Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII–X век). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983; Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р). Пер. с перс., исслед. и коммент. Н. Ю. Чалисовой. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985; Шамс ад-Дин Мухаммад Ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (Ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Перевод с перс., исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой. М.: «Восточная литература» РАН, 1997.

⁴ Рейснер М. Л. Эволюция классической газели на фарси (X — XIV века). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989; Рейснер М. Л. Персидская лироэпическая поэзия X — начала XIII в. Генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006.

в обеих поэтических традициях. Наше внимание сосредоточено на двух вопросах, которые обсуждали в своих произведениях их представители: характер описания собственного литературного труда и оценка новизны и оригинальности сочинения. Конкретные примеры реализации этих мотивов в персидской и провансальской традициях дают представление об уровне профессионализации литературного труда, осознанности применения приемов, «интертекстуальности» диалога с предшественниками и современниками. При всём различии двух традиций в них проявляются сходные способы подключения к традиции и принципы ориентации на эталонные тексты. Литературные объединения, своего рода школы, функционируют на основе складывания единой нормы поэтического языка, для которого важен ценностный критерий книжности. В этих условиях развивается культ поэта-эрудита с высокой социальной значимостью его функций в придворном универсуме. Обсуждение вопросов стиля в самой поэзии является характерной чертой обеих традиций. Сравнение мотивов авторского самосознания в поэзии провансальских трубадуров и персидских стихотворцев XI–XII вв. выявляют сходство принципов творчества, что проявляется в типе общения поэтов внутри сообществ, в специфике слагаемых эстетического впечатления и восприятия категорий новизны и традиционности в их нерасторжимой взаимосвязи.

В литературе, созданной по законам нормативной поэтики, зона проявления авторской индивидуальности сопряжена с принципами обработки унаследованных от предшественников устойчивых компонентов содержания и формы. Трансформация, которой подвергались эти уже неоднократно реализованные в поэтическом творчестве модели, составляла важный компонент эстетического впечатления и ассоциировалась с трудом ремесленника (плотника, ткача, ювелира, красильщика). Эти представления были закреплены и в самой поэзии, и в литературной теории и критике.

Каждый поэт, будь то трубадур (Пейре Видаль, Пейре Овернский и др.) или персидский придворный поэт (Фаррухи Систани, Хакани Ширвани, Низами Ганджави и др.), был призван превзойти того, с кем он состоял в интертекстуальном диалоге. Соревнуясь с предшественником, он сам стремился создать эталонное произведение, которое вытеснит признанный образец и займет его место. В сфере проявления авторской оригинальности творческие усилия в области поэтического содержания (работа с формулой-клише, образом, мотивом) и формы (работа с рифмой, омонимией, поэтическим синтаксисом) оказываются полностью уравненными в правах. Обе эти сферы вместе и образуют то поле художественной инициативы и свободы, представляющее неотъемлемую черту поэтических систем западного и восточного Средневековья, в которых сформировался статус индивидуального автора. Широкий спектр возможностей варьирования традиционных элементов смысла и формы стиха, практически бесконечное разнообразие их реализаций и являлись теми условиями, которые обеспечивали одновременную устойчивость и эволюцию литературного канона, сохраняя его продуктивность в длительной исторической перспективе.

Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва)

У истоков современной турецкой фэнтези

Если турецкая фэнтези «меча и волшебства» берет начало в западной литературе, то истоки турецкой городской фэнтези — в национальной словесности. С конца XVIII в. в османской/турецкой литературе стали изредка появляться произведения с волшебными, фантастическими элементами (Гиритли Али Азиз Эфенди «Фантазии божественного откровения/Знаки божьей милости/Видения от Бога» (*Muhayyelât-i ledünn-ilâhi-Giridi Ali Aziz efendi*, 1796/97), Ахмет Митхат Эфенди «Танцовщица» (*Çengi*, 1822), Шехбендерзаде Филибели Ахмет Хильми «Глубины мечты» (*A'mak-ı Hayâl*, 1910), Хюсейн Рахми Гюрпынар «Демон» (*Gulyabani*, 1913), Пеями Сафа «Кресло мадемуазель Норальи» (*Matmazel Noraliya'nın Koltuğu*, 1949)). В этих произведениях рассказывалось о джиннах, демонах-ифритах, дьяволах-шайтанах, феях-пери, чудовищах-дэвах, горе Каф, волшебной птице Анке, талисманах-мусках, гаданиях и т.п., которые до этого фигурировали исключительно в устных фольклорных повествованиях типа волшебных сказок, народных рассказов, легенд, дестанов.

Произведения Гиритли Али Азиза Эфенди, Филибели Ахмеда Хильми, Хюсейна Рахми, Пеями Сафа были интересными, читаемыми, но не они определяли направление творческой мысли страны. Начиная с Танзимата, а затем и с возникновения республики в турецкой литературе доминировали позитивизм и материализм, реализм и социальность.

По справедливому замечанию ведущего турецкого литературоведа Берны Морана, турецкие писатели танзиматского и республиканского периодов считали фантастические произведения низкими и глупыми, смотрели на роман с прагматических, просвещенческих позиций — он должен поучать и вести страну к лучшему, модернизированному/европеизированному обществу. Вторит Берне Морану и другой известный турецкий литературовед — Йылдыз Эджевит, которая утверждает, что в турецком романе всегда господствующей линией были реализм и социальность.

Реалистическое художественное видение мира с непререкаемым мимесисом начало рушиться в турецкой литературе со второй половины XX в., когда появились последовательно модернизм 1950–1970-х годов (Лейла Эрбиль, Неджати Тосунер, Селим Илери), магический реализм 1980-х гг. (Латифе Текин), постмодернизм середины 1980–2000-х годов (Назлы Эрай, Ихсан Октай Анар). Если модернизм впервые открывает для турецкого читателя глубины человеческой личности, его внутреннего мира, полного противоречий, при четком разграничении внешнего и внутреннего, то магический реализм и постмодернизм стирают границу внешнего и внутреннего (магический реализм — волшебством и магией, постмодернизм — текстовыми трансформациями). В последних двух случаях четкие пространственно-временные параметры расплываются, входят один в другой, позволяя сверхъестественному, фантазийному прочно обосноваться на страницах произведений. Не случайно, что именно в 2000-е годы вновь возникает интерес к фантазийным произведениям

Гиритли Али Азиза Эфенди, Филибели Ахмеда Хильми, Хюсейна Рахми, Пеями Сафа. Они неоднократно переиздаются, пользуясь большим читательским спросом. Именно в это время и появляется турецкая фэнтези.

«Мухаййелят» Али Азиза Эфенди являет собой первое авторское произведение, представляющее в османской Турции XVIII в. художественную прозу. Именно оно стоит у истоков современной турецкой городской фэнтези. В композиционном плане «Мухаййелят» состоит из трех частей — трех фантазий. Каждая является замкнутым в себе циклом рассказов, объединяемых общим героем. В «Первой фантазии» сюжетную основу составляют истории шехзаде Камерджана, его сыновей Асыля и Несиля, а также персонажей, связанных с ними, — Абд уль-Самеда, падишаха Цейлона и Фирюз-шаха, правителя Кашмира. Волшебные силы постоянно влияют на ход событий. Повествование развивается то как волшебная сказка, то как бытовая новелла».

«Вторая фантазия» представляет собой цепь историй, которые вначале связаны с именем легендарного Ибн Сины — мудреца-суфия и чудотворца, постоянно спасающего героев и наставляющего их на путь истинный, а затем с именем его ученика и последователя Джевада. «Вторая фантазия» состоит из девяти рассказов с фантастическими приключениями героев. Основным рассказом является первый — «Рассказ об Эбу Али» — это история-пролог о юноше Джеваде, который появился на свет у своих ранее бездетных родителей после того, как Ибн Сина одарил их чудодейственным зельем. Но мудрец и лекарь потребовал от родителей послать к нему сына, когда тот достигнет совершеннолетия, поскольку Ибн Сина желал передать ему свои знания. Рядом с Ибн Синой Джевад овладел тайнами волшебства и магии. Затем наставник начал его испытывать. После ряда испытаний мудрец раскрывает юноше весь сокровенный смысл тайн, что и составляет содержание идущего следом «Рассказа Ибн Сины». Примерно по такому же принципу соединяются друг с другом и остальные истории. Но сюжетная связь в них выражена не столь четко, как в «Первой фантазии».

«Третья фантазия» характеризуется еще меньшей внутренней связью между тремя входящими в нее историями. Начинается она с рассказа о сквозном действующем лице — о некоем алжирском купце-шейхе Изз эд-Дине ибн Хамасе, очень популярном у себя на родине, так как он знал все премудрости Творца. Он устал от своей славы и переехал в Каир вместе со своими близкими приверженцами и преданными слугами. Но и тут не было ему покоя от посетителей. Затем рассказ о шейхе прерывается и переходит к другим персонажам. Например, к рассказу о бедняке носильщике Реджеб-беше, который отказался выдать за падишаха свою дочь, потому что уже обещал отдать ее бедному дервишу, который первым постучался в его дом, после того как расстроилась помолвка девушки с богатым юношей. Бродячим дервишем оказался сам переодетый падишах.

Волшебство в «Фантазиях» сопряжено со сказочностью художественного времени и действием традиционных магических предметов: оградительный камень-талисман и всемогущее кольцо Сулеймана, кисет с неисчерпаемым запасом

монет, зеркальце, говорящее правду, шкатулка с секретом, заводной золотой конек и т. д., без которых нет сказки. Чудеса всегда неожиданны, появление их непредсказуемо. Разнообразны превращения: лачуги превращаются в роскошные дворцы, потом опять в лачуги; безобразная старуха оборачивается юной красавицей, но волшебная палочка возвращает ее в прежний облик, и т. п. Близки к волшебству и так называемые видения, посещающие героев.

Волшебно-фантастическая составляющая «Фантазий» стала объектом резкой критики у писателей-танзиматцев. Так, в 1822 г. ведущий турецкий просветитель-танзиматец Ахмет Митхат Эфенди, публикует пародию на «Мухайялята» — роман «Танцовщица» (Çengi), в котором главный герой — молодой человек по имени Даниш Челеби восхищен «Мухайялятом». Начитавшись этого произведения, он верит, что кольцо в его руке — волшебное, в связи с чем он постоянно попадает в комичные ситуации.

Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва)

С любовью о дурачинах, предателях и животных: ироничные рассказы о монастырской жизни в «Книге для сожжения» Ли Чжи

В докладе будет освещено содержание ряда ироничных рассказов из «Книги для сожжения» философа Ли Чжи 李贄 (1527–1602), связанных с периодом его жизни в буддийском монастыре Чжи-фо-юань 芝佛院. В «Записках о трех дурачинах» («Сань чунь цзи» 三蠢記) мыслитель бранит и обосновывает благонамеренность брани в адрес своих учеников — монахов Ян Дин-цзяня 楊定見 и Сюн Шэнь-ю 熊深有, нарекая и их, и себя дурачинами. «Записки о трех предателях» («Сань пань цзи» 三叛記), в свою очередь, повествуют о вероломном уходе из монастыря Сюн Шэнь-ю, его ученика Хуай-си 懷喜, а также ученика Ян Дин-цзяня по имени Ян-дао 楊道: спор гостей обители о том, чья вина из отступников тяжелее, получает в финале неожиданную развязку. Наконец, в одном из эпизодов цикла «Рассказцы у стылого светильника» («Хань-дэн сяо-хуа» 寒燈小話) Ли Чжи и монах Хуай-линь 懷林, заметив благодарную привязанность приبلудной кошки, рассуждают о правомерности использования для брани таких слов, как «кошка» и «собака», оказываясь в итоге в интеллектуальном тупике из-за невозможности подобрать подходящее для оскорбления людей слово.

Центральное внимание планируется уделить проблеме интерпретации (в том числе в современной синологической литературе) этих сюжетов в попытке ответить на вопрос — являются ли они чисто развлекательной беллетристикой либо же за ними, скорее, следует видеть художественное выражение определённых философских идей Ли Чжи.

About Blockheads, Betrayers and Animals with Love: Ironical Tales of Monastic Life in Li Zhi's «Book to Burn»

The presentation will highlight the content of several ironic tales from the «Book to Burn» by the philosopher Li Zhi 李贄 (1527–1602), related to the period of his life in the Buddhist monastery Zhi-fo-yuan 芝佛院. In the «Notes on Three Blockheads» («San chun ji» 三蠢記), the thinker scolds and justifies the good intention of scolding his disciples — monks Yang Ding-jian 楊定見 and Xiong Shen-you 熊深有, and also calling both them and himself blockheads. The next essay, «Notes on Three Traitors» («San pan ji» 三叛記) tells us about the perfidious departure from the monastery of Xiong Shen-you, his student Huai-xi 懷喜, as well as Yang Ding-jian's disciple Yangdao 楊道: the argument of the guests of the monastery on the subject of whose fault of these traitors is heavier, gets an unexpected denouement. Finally, in one of the episodes of the cycle «Short Stories at the Cold Lamp («Han-deng xiao-hua» 寒燈小話)», Li Zhi and monk Huai-lin 懷林 notice the grateful attitude of a stray cat and discuss the legality of using words like “cat” and “dog” for scolding. The conversation ends up with an intellectual dead end due to the inability to find the right word for insulting people.

The main attention will be paid to the problem of interpretation of these plots (including existing in the modern Sinology) in an attempt to answer the question: whether these tales are purely entertaining fiction or they should rather be seen as an artistic expression of certain philosophical ideas of Li Zhi.

Саидова Н. М. (ТГУВ, Ташкент)

Особенности развития саудовского реалистического рассказа во второй половине XX века

Начало развитию реалистического направления в художественной прозе нового типа в саудовской литературе было положено на этапе просветительства. Просветители осуждали архаичные традиции, мешавшие развитию общества, и поэтому в их произведениях, несмотря на присущие им черты сентиментализма, уже прослеживаются зачатки реалистических тенденций.

Большинство исследователей связывают формирование начального этапа реализма в саудовской литературе с творчеством одного из лидеров просветительского движения Ахмада Сибаи. Его рассказ «Моя тётушка Кадарджан» считается одним из лучших образцов саудовской прозы нового типа, опубликованных в 1905–1953 гг.¹

¹ Энциклопедия современной саудовской литературы. Избранные тексты и исследования. Т. 4. Рассказ. Эр-Рияд: Дар аль-муфрадат, 2001. С. 87. (на арабском)

Одним из препятствий для развития мусульманского общества было бесправное положение в нем женщины. Именно по этой причине на этапах становления и развития просветительской литературы в каждой из арабских стран наиболее типичной темой в творчестве писателей-реалистов становилось бедственное положение женщины, особенно принадлежащей к малоимущим слоям общества. Не стала исключением в этом отношении и реалистическая литература Саудовской Аравии. При этом саудовские авторы были менее склонны связывать «женский вопрос» с проблемой материального благосостояния и апеллировали больше к несправедливости ущемления прав человека. В большинстве рассказов саудовских писателей-реалистов осуждается мусульманская традиция, обрекающая женщину на второсортность, бессловесность, приниженное существование в рамках семьи.

В начале 1950-х гг. в Саудовскую Аравию вернулась после учебы в Египте большая группа молодых литераторов, охваченных жаждой творчества в рамках нового для саудовской литературы жанра — рассказа.

1950-е годы были расцветом реализма в общеарабской литературе в целом. Развитие общеарабской литературы способствовало значительной эволюции новых форм художественной прозы в государствах Аравийского полуострова. В саудовской литературе начало формироваться поколение писателей, которые осознавали, что короткий рассказ является самостоятельным видом художественной словесности с присущими ему особенностями, способными наиболее адекватно отразить быстро меняющуюся окружающую действительность. Значительно расширилась читательская аудитория, художественная литература вышла за рамки публикаций в прессе, и писатели стали помещать свои произведения в отдельно издаваемых сборниках. Вдохновлённые произведениями известных писателей-реалистов общеарабского масштаба, молодые саудовские писатели создавали свои рассказы в реалистическом русле. Возможность публикации сборников рассказов давала им веру в свои силы, способствовала накоплению творческого опыта и проявлению индивидуальной самобытности. Основными темами их произведений были: социальные контрасты между бедными и богатыми слоями общества, столкновение детского сознания с суровой действительностью, вопросы образования, проблема противостояния «отцов и детей» в условиях современной действительности, меняющейся под влиянием колоссальных нефтяных доходов, трагедия неравных браков, кризис нравственных ценностей¹.

К известным писателям — реалистам данного периода относятся Ибрахим ан-Насер, Абд ар-Рахман аш-Ша'ир, Са'д аль-Баварди, Халид Халифа, Хасан Абдаллах аль-Курайши. Ибрахим ан-Насер известен не только как писатель-новеллист, творчество которого следует в русле реализма, но и как один из основоположников жанра романа в современной саудовской литературе.

В рассказах 1960–90-х годов находит своё отражение быстрое изменение общественных реалий, связанное с эволюцией социально-экономической структуры страны и интенсивным государственным строительством.

¹ Yazici H. The short story in modern Arabic literature. Cairo, 2004. P. 166

Одной из основных проблем, с которыми столкнулось саудовское государство в этот период, была организация перехода бедуинских племён от традиционного кочевого хозяйства к оседлому земледелию. Так, например герой рассказа Ибрахима ан-Насера «Тень города», молодой бедуин, пригоняющий к городским стенам скот для продажи, стоит перед мучительным выбором между суровой, наполненной ежедневной борьбой за выживание, но привычной жизнью в пустыне, и переездом в город, который манит его соблазном спокойного безбедного существования.

Общественно-политические и экономические сдвиги, происходящие в саудовском государстве во второй половине XX века, значительно опережали изменения, которые должны были произойти в сознании людей, чтобы они могли адекватно воспринимать эти сдвиги. Ускоренное развитие промышленной инфраструктуры, сопровождавшееся ломкой традиционных отношений между людьми, порождало в саудовцах смятение, растерянность, страх перед будущим, что, в конечном итоге, вело к неприятию и ненависти к новым порядкам. Поэтому в саудовских рассказах этого периода можно наблюдать и ностальгию по уходящим временам, и стремление поскорее преодолеть архаику и идти путем прогресса.

Суворов М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ранняя критика южнoйеменского марксистского режима в национальной художественной прозе

Вскоре после получения Южным Йеменом независимости от Великобритании, в 1969 году, руководство страны взяло курс на построение социализма, рассчитывая на экономическую поддержку со стороны государств социалистического лагеря. Принятая марксистским режимом программа развития страны предусматривала национализацию значительной части коммерческих предприятий, проведение радикальной аграрной реформы, изменение социальных отношений на селе, подавление традиционных племенных и религиозных институтов. Над гражданами был установлен строгий административно-идеологический контроль, а понятие «завоевания революции» превратилось в главный элемент политической риторики на всех уровнях общественной жизни. Все это продолжалось до 1990 года, когда марксистский режим потерпел крах, и Южный Йемен объединился с Северным Йеменом в одно государство.

Хотя далеко не всех в марксистском Южном Йемене устраивали упомянутые «завоевания революции», в национальной художественной литературе того времени почти не содержалось критики в адрес правящего режима. Писатели, скованные теорией «классового характера» литературы, сочиняли по большей части неубедительные истории о классовой борьбе на селе и об успехах властей

в построении нового общества. Лишь с конца 1990-х гг. стали появляться произведения, детально изображающие реальную жизнь южнойеменского общества в период построения социализма, — такие как романы «Погубленная королева» (1998) и «Откровение» (2018) Хабиба Сарури, «Последний кармат» (2003) Ахмада ас-Сайада, «Фрукты для ворон» (2020) Ахмада Зейна.

Тем не менее, еще в годы построения социализма были писатели, которые проявляли достаточную смелость, чтобы высказать — порой в завуалированной форме — сомнения в правильности выбранного страной социалистического пути. Особенно выразительно критика внутренней политики марксистского режима прозвучала в произведениях Саида Аулаки (сборник рассказов «Двойная эмиграция», 1980; рассказы «Завещание учителя» и «Кошмарный сон»; повесть «Трое полуночников», 1989) и Абдаллаха Салима Бавазира (сборник рассказов «Падение деревянной птицы», 1991; повесть «Взрывающий в небеса», 1995). В произведениях этих двух писателей затрагивались многие негативные явления, присущие государству с тоталитарным строем: бесправие личности, низкое качество жизни, подавление инакомыслия, административный произвол, коллективная безответственность, товарный дефицит и т.п. Отражая различные стороны жизни южных йеменцев, в своей совокупности эти произведения передают общую угнетающую атмосферу Южного Йемена того времени.

Фомичева С. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Идеальная» астрономия Ефрема Сирина (IV в. н. э.)

Ефрем Сирин (ум. в 373 г.) — великий сирийский поэт-богослов, написавший сотни дидактических гимнов-мадрашей, в которых он раскрывает суть христианского учения в поэтической форме. В своих сочинениях он не приводит систематического изложения астрономических представлений, однако рассеянные по разным произведениям сведения астрономического и календарного характера заслуживают отдельного изучения.

Блейк Хартунг в своей недавней статье привлек внимание к тому, что в шестом гимне из цикла гимнов «О Распятии» Ефрем Сирин обращается к некоторым астрономическим и календарным вычислениям для решения т.н. «проблемы трех дней» в хронологии Воскресения Иисуса Христа.¹ Суть проблемы сводится к тому, что в ряде новозаветных пассажей сообщается, что Иисус Христос воскрес «на третий день», «через три дня», а согласно Мф 12. 40 «Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи». Между тем, в соответствии с евангельскими повествова-

¹ Hartung B. The Significance of Astronomical and Calendrical Theories for Ephrem's Interpretation of the Three Days of Jesus' Death // Syriac Christian Culture: Beginnings to Renaissance / A. M. Butts, R. D. Young, eds. (Washington, DC, 2021. P. 37–49.

ниями, Иисуса Христа распяли в пятницу, а воскрес Он рано утром в воскресенье. Между пятницей и воскресеньем две ночи, то есть, для счета «трех дней и трех ночей» не достаёт третьей ночи. Подобное «несоответствие» давно занимало умы христианских богословов, которые по-разному пытались ее разрешить. В сирийской версии «Дидакалии апостолов» (IV в.?), у сирийского писателя из Персидской империи Афраата (ум. после 345 г.), и у греческого богослова Григория Нисского (ум. 394), встречается интересная интерпретация: три часа тьмы с 6-го по 9-й час, случившиеся в пятницу, когда был распят Иисус, и последовавшие за ними три часа света предлагается рассматривать за целый дополнительный день, состоящий из ночи и дня. Ефрем Сирийский, также отталкиваясь от сходного представления, дополняет его своей оригинальной интерпретацией, устанавливающей символическую прообразовательную связь между тремя часами тьмы в пятницу распятия Иисуса и тремя часами, составляющими нецелочисленный «довесок» продолжительности солнечного года (365 дней и 3 часа) (как мы показываем в своих исследованиях, трехчасовое измерение «довеска» у Ефрема Сирина вместо правильных 6 часов восходит к вавилонским представлениям о «двойном часе»).

В своей статье я рассмотрела возможные источники некоторых представлений Ефрема Сирина, отразившихся в шестом гимне «О Распятии», в контексте иудейской литературы периода Второго Храма¹. В частности, я показала, как сирийский поэт-богослов конструирует свой авторитет боговдохновенного писца-мудреца, интерпретирующего астрономические «тайны», опираясь на арамейскую и еврейскую литературу Премудрости. Цель настоящего доклада — в контексте различных произведений Ефрема Сирина показать, как астрономические и календарные вычисления встраиваются в схему представлений сирийского поэта-богослова о гармоничном, упорядоченном божественном устройстве мира. Я намерена продемонстрировать, что в основе астрономических расчетов Ефрема Сирина и их использования в качестве божественных символов лежат древние месопотамские представления, трансформированные им с помощью христианского инструмента прообразовательной экзегезы.

Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Охота на ведьм: индонезийские криминальные хроники 1967 г.

Доклад посвящен периоду конца 1960-х гг. в развитии массовой литературы Индонезии. Основным источником стала книга небольшого формата в мягкой обложке «Реальная история уничтожения Мбаха Суро». Под названием «Реальная история

¹ Фомичева С. В. Иудейская литература периода Второго Храма как возможный источник для концепции Ефрема Сирина о боговдохновенном учителе-писце (на примере шестого гимна «О Распятии») // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. Вып. 73. 2022. С. 103–118.

уничтожения Мбаха Суро» (*Kisah nyata Hantjurnja Mbah Suro*) даны ключевые понятия, «теги» для удобства будущего читателя, а также для жанрового ранжирования текста. Это три броские подписи к заглавию — «Гнездо политического движения Компартии Индонезии» (*Sarang Gerpol P. K.I.*), «Грабители и воры» (*perampok dan maling*), «Проститутки и грязные страсти» (*Pelatjur dan Nafsu Kotor*). Редактор-составитель (*disusun oleh*) — Андалуси. Это имя, а точнее, псевдоним или прозвище можно перевести как «Суматранский». Беллетризованная криминальная хроника снабжена многочисленными фотографиями и подробными подписями к ним. Повествование разбито на нумерованные главы объемом в страницу небольшого карманного издания — подзаголовки реферативного содержания: 36 подзаголовков с подробностями дела. По сюжету, по всей Центральной и Восточной Яве (провинции Индонезии с преобладающим яванским населением) стали распространяться слухи о том, что с начала 1966 г., спустя два года после политических Событий 30 сентября, растет слава некоего колдуна *мбаха* Суро. На самом же деле его «МАГИЯ» (KLENIK) — не что иное, как замаскированное под магические практики движение Компартии.

Материалы дела излагают предысторию возникновения секты Суро и его биографию. Кульминация повествования — «ликвидация» банды Суро и его самого дивизиями Бравиджая и Дипонегоро Вооруженных сил Индонезии. Членам секты было обещано, что они станут неуязвимыми (*kebal*) и обретут волшебную силу (*sakti mandra guna*). Суро не помогла вера в собственную неуязвимость от пуль: он был застрелен на месте. Его дом сожгли дотла, был уничтожен склад с оружием, принадлежавший секте. Однако военные успели конфисковать марксистские брошюры прокоммунистического издания «Мимбар Ракьят» (*Mimbar Rakyat*, «Народная трибуна»), документы, доказывающие существование милитаризованной организации Суро, собственного «государства», даже собственного флага. Вступающие в секту должны были исполнять марш, который не отличался от неофициального гимна Компартии, песни молодежной и женской организации под названием «Генджер», только текст был изменен по надобности¹. Выяснилось, что у колдуна было пять жен, и его жене Рукмини в качестве свадебного подарка преподнесли золотую подвеску в виде серпа и молота. Была установлена связь с Мадиунскими событиями 1948 г. Повествование заканчивается напоминанием, что все члены секты записаны со своими адресами в гостевой книге Суро, и их обязательно найдут и уничтожат. Примечательно, что цензором этого издания был адъютант-комиссар полиции Р. Суйоно (отпечатано на последней странице).

«Реальная история уничтожения» относится к популярным в шестидесятые беллетризованным криминальным хроникам, поданным как материалы дела из полиции. Подобные тексты наделены двойной функцией: развлекать читателя, живущего на заре периода правления Сухарто (Нового порядка, 1966–1998), и одновременно предостерегать его от ужасов народных магических практик, которые, как выясняется, тесно связаны с запрещенными коммунистическими

¹ *Andalusi. Kisah Njata Hanthurnja Mbah Suro. Surabaya: Penerbit T. B. Aneka Karya/Muawijah, 1967. С. 28.*

организациями. Кровавые репрессии коммунистов Индонезии (пик пришелся на 1965–1967 гг.) порождают новый фольклор о черных колдунах и их «слугах». «Реальная история уничтожения Мбах Суро» дают читателю понять, насколько опасно было иметь отношение к Коммунистической партии Индонезии.

Антигерой этих хроник — колдун Суро — придает тексту также определенный (и весьма традиционный для фольклора, особенно для быличек и городских легенд) мистический тон, однако полицейские рассматривают дела о них как о маньяках и шарлатанах в реалистическом ключе. «Мбах Суро» открыто направлен против коммунистов Индонезии в их якобы связи с черными колдунами-маньяками, которые верят или навязывают веру в дары темных сил в обмен на человеческие жертвоприношения. Основное отличие текстов 1955 и 1967 гг. — демонизация коммунистов Индонезии, членов Компартии и участниц Женского движения ГERVани через устойчивые сравнения злодеев с персонажами низшей мифологии (вампирами и колдунами) в одном ряду с коммунистами. Мбах Суро разоблачается не только как шарлатан, тянущий деньги из местных жителей, но и как опасный преступник, «мозг» коммунистического подполья, в котором почитание Маркса и Ленина переплетается с оккультными кровавыми ритуалами.

Также сам факт наличия такого текста подтверждает, что характерное для современной индонезийской литературы переплетение сверхъестественных событий и преступлений образует собственный «нуарный» стиль, где зашифрована рефлексия над историей Индонезии XX в. литературовед Эрик Вилсон утверждает, что «якобы подавление в Индонезии рационального западного стиля детектива/криминальной повести «фольклористическим» хоррором в литературе и кино не сильно представляет собой существенную контра-рациональную традицию внутри индонезийской культуры, а скорее умышленное политическое сопротивление и социальную критику. Историческое слияние жанров хоррора и детектива было обусловлено спецификой колониальных форм установленной цензуры на заре индонезийской “модернизации”»¹.

Хронопуло Л. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Влияние микропрозы Роберта А. Блоха на сверхкороткие истории современных японских писателей

Среди сверхкоротких рассказов американских авторов, переведённых на японский язык в конце 1950-х — начале 1960-х гг. писателем Цудзуки Митио, впервые была представлена и микропроза Роберта Альберта Блоха (1917–1994): детективы, сказочные истории, психологические ужасы, фэнтези. Японские писатели,

¹ Wilson E. Crime, Magic and Politics DO Mix: In Defence of Eka Kurniawan and Southeast Asian Noir. *International Journal of Indonesian Studies. Special Issue: Southeast Asian Noir*. 2018:1–17.

известные своими экспериментами в жанре сверхкоротких мистических и детективных историй, а также в жанре психологического хоррора, отмечают влияние Роберта А. Блоха на их творчество: это Атода Такаси (р. 1935), Акагава Дзиро (р. 1948) и Тамару Масатомо (р. 1987). Некоторые аллюзии можно обнаружить и в творчестве менее известных авторов современного сверхкороткого рассказа — например, Аояма Сёдзи (р. 1975). Анализируются темы, идеи, приёмы, психологизм японской микропрозы, относящейся к таким жанрам, как сказки и ужасы; рассматривается метафоричность и образность произведений. Предлагается взгляд на сверхкороткие рассказы *сё:то сё:то* современных японских писателей, принимая во внимание отсылки в их творчестве к произведениям указываемого ими предшественника — Роберта А. Блоха. Литературные параллели с сюжетами сверхкоротких историй Роберта А. Блоха обнаруживаются в рассказах сборника *сё:то сё:то* Тамару Масатомо «Тысяча и одна ночь» (*Сэнья ития*), опубликованного в 2016 году; в сборниках микропрозы Акагава Дзиро «Прогулка» (*Сампомити*, 2002), «Танцующий мужчина» (*Одору отоко*, 1986) и «Болтливая женщина» (*Каттэ-ни сябэру онна*, 1986); а также в сборниках микропрозы Атода Такаси «Странный день» (*Кимё:на хирусагари*, 1996), «Съеденный мужчина» (*Табэрарэта отоко*, 2008) и «Случай с кошкой» (*Нэко-но дзикэн*, 2010). В одном из рассказов Аояма Сёдзи из сборника «Площадь *сё:то сё:то-1*» (*Сё:то сё:то-но хироба-1*, 2007) также очевидно влияние Роберта А. Блоха. Вслед за американским писателем для японских авторов на первый план выходит иносказательность произведений, символизм, чёрный юмор, обращение к проблемам современного мира и свойствам человеческой природы. Представленные результаты сравнительного анализа показывают, в каких аспектах Роберт А. Блох повлиял на зарождение и формирование фэнтези и психологического хоррора авторов сверхкороткого рассказа в японской литературе. Это влияние включает как взаимодействие текстов в их социальном, литературном и культурном контекстах, так и художественные приемы, используемые в сверхкоротких рассказах. Взаимосвязь американской и японской микропрозы рассматривается с компаративной точки зрения; при этом выявляются социальные и психологические проблемы, лежащие в основе сюжетов таких историй.

Цой И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ кита в прозе современного южнокорейского писателя Чхве Инхо (1945–2013) (на примере романов «Марш дураков» и «Охота на кита»)

Южнокорейский писатель Чхве Инхо считается одним из самых известных авторов 1970–1980-х годов в истории корейской литературы периода индустриализации и демократизации. Литературные критики называют его «кумиром корейской

молодежи», поскольку во многих его произведениях главными героями становятся студенты. Чхве Инхо писал не только романы и рассказы, но также и сценарии к фильмам. Пожалуй, это один из тех авторов, большинство произведений которого экранизированы известными режиссерами. В 1972 г. в газете «Ежедневный спорт» (Ильган сыпхочхы) он публикует по частям роман «Марш дураков» (Пабодыре хэньчжин), а в 1983 г. появляется роман под названием «Охота на кита» (Корэ санянь). Об этих двух произведениях и пойдет речь в представленных тезисах. Вследствие большой популярности вышеупомянутых двух газетных романов, в 1975 г. режиссер Ха Гильчон экранизирует «Марш дураков», а в 1984 и в 1985 годах режиссер Пэ Чханхо дважды экранизирует «Охоту на кита» (в одной из главных ролей снимался известный актер Ан Сонги). И в первом, и во втором произведениях героями выступают молодые люди. Однако если в первом случае это студенты, которые вынуждены проживать свою университетскую жизнь в условиях тоталитарного режима и политической несвободы, во втором романе главный герой-студент страдает от того, что он физически слаб и не обладает мужеством. В каком-то смысле о таких героях можно сказать, что это представители «потерянного поколения», не имеющие сил и возможностей изменить окружающую действительность и вынужденные смириться с существующим порядком. Однако в рамках этого доклада акцент будет сделан на одном из символов, который встречается и в первом, и во втором текстах, а именно — на образе кита¹. Многослойная символика кита встречается в таком известном американском романе, как «Моби Дик» (1851) Германа Мелвилла², множество отсылок, библейскую образность кита (Левиафана) можно увидеть и в других текстах, например, религиозного содержания. Однако Чхве Инхо — автор, представляющий восточную прозу, корейскую литературу, поэтому будет интересно сравнить, есть ли в его произведениях пересечения с европейской традицией, либо под этим образом подразумевается совершенно иная идея, присущая дальневосточному взгляду на мир. А возможно, что кит в этих романах частично олицетворяет и европейскую, и восточную традиции. Например, южнокорейская исследовательница Кан Сугён пишет о том, что образы кита у Чхве Инхо схожи с образом кита из «Моби Дика», а два корейских героя — это образы идеалиста и реалиста, как и герои у Мелвилла³. Также стоит обратить внимание и на то, что на корейских писателей значительное влияние оказывает историческая обстановка, поэтому при чтении корейской литературы необходимо учитывать исторический контекст и то, на фоне каких политических событий разворачивается сюжетная линия. Неслучайно текст «Марша дураков»,

¹ В 2004 г. современный южнокорейский писатель Чхон Мёнган (р. 1964) написал роман «Кит». В переводе на русский язык роман вышел в 2018 г. (пер. Ким Хван, Ли Сан Юн). У Ли Сан Юн есть публикации по этому роману.

² Кстати, надо отметить, что у романа существует множество экранизаций. Первая появилась в 1926 г., а последняя экранизация вышла в 2015 г.

³ Kang, Sook-young. The Whale and the Censorship in the Films based on Choi In-ho's Novels — Focus on March of the fools and The Whale hunting // Literary Criticism (70), 2018.12, 7–30(24 pages). The Society of Korean Literary Criticism. <http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE07604841>

после того как подвергся строгой цензуре, был сокращен, и все «сомнительные» фрагменты были вырезаны как из сценария к фильму, так и изъяты кадры из самой экранизации¹. Понимание этого факта помогает при анализе символики кита у Чхве Инхо и наводит на мысль о том, что автор, который не имеет возможности открыто высказать свою позицию, использует образ кита как символ скрытых желаний, символ свободы. Один из главных героев «Марша дураков» — студент Ёньчхоль. Его имя созвучно слову *монъчхонъи* — *болван, дурень*. У него вечно нет денег, хотя он из обеспеченной семьи, девушка, которая ему понравилась, не принимает его ухаживания и отказывает ему в дружбе, его не берут в армию по состоянию здоровья, он говорит, запинаясь, поэтому окружающие считают его ущербным. Единственное, что всегда с ним, — это его мечта поймать кита. Герой из другого романа — студент Пёнътхэ — тоже с говорящим именем. Имя студента созвучно слову *пёнътхэ* — *извращенец*, хотя на самом деле герой как раз-таки и страдает от своей стеснительности и робости. Как и в случае с Ёньчхольем, и этого молодого человека постигает любовная неудача — девушка, в которую он был влюблен, отвергает его, и тогда Пёнътхэ, убедившись в своей никчемности, в отчаянии покидает свой дом и становится бродягой. И у него, как и у героя из первого романа, есть мечта — дойти до моря и поймать кита. На пути к своей мечте героя ожидают разные испытания. Можно отметить, что в обоих случаях герои с точки зрения социума слабы и ущербны, и единственное, что удерживает их в жизни, — это мысли о ките, мечта увидеть его и поймать. Однако в отличие от образа кита-Левиафана в европейской прозе, у Чхве Инхо кит представлен с одной стороны, как символ освобождения от человеческих слабостей и трусости, с другой — как символ свободы от социального и политического давления. Герой из первого романа, отчаявшись изменить свою жизнь, садится на велосипед и доезжает до обрыва, откуда бросается в море за пресловутым китом, как бы вслед за своей мечтой. Герой из второго романа, пройдя через разные испытания и приключения, приходит к мысли о том, что кит не где-то там, в море, а кит — это и есть его душа, которая стремится помочь ближнему. Возможно, что кит здесь — это сублимация героев, которые, представляя себя в образе храбрых охотников на кита, на время забывают о безрадостной действительности и своей ущербности.

Чжан Бин (Пекинский университет, Китай)

Междисциплинарная коммуникация китайской и русской литературы в ракурсе мировой литературы

Коммуникация между китайской и русской литературой имеет долгую историю. В 1860-х годах китайские литературные произведения стали распространяться в России, а первые китайские переводы русских литературных произведений

¹ Поэтому монтажная склейка экранизации в некоторых случаях выглядит непоследовательной.

появились в Китае во 2-й половине 19 века. В докладе в основном используются исторические факты о реальном развитии связей между китайской и русской литературой. Уточняются особенности и сущность коммуникации китайской и русской литератур в контексте «мирового литературного сообщества и единого литературно-эстетического сознания человечества, мирового литературного сообщества и региональной литературы как реального зеркала общественного развития человека».

北京大学 张冰

题目：世界文学视域中的中俄文学跨域传播

摘要：中俄文学间跨域传播的历史源远流长。18世纪60年代中国文学作品开始传入俄国，19世纪下半叶首篇俄国文学作品的中译本也在中国面世。本文主要通过中俄文学间跨域传播的历史事实及其现实发展，从“世界文学共同体及其人类共同的文学性、审美意识，世界文学共同体及作为人类社会发实现实载体的区域文学”两方面阐明世界文学视域中的中俄文学跨域传播特点及其实质。

Donchenko S. S. (SPbU, Saint-Petersburg)

Vertical structure of Japanese fairy tales

In Japanese fairy tales which we can hear these days the structure of the world can be divided in three more or less distinct levels. They are:

The Lower level: it consists of the underwater kingdom with Dragon's palace and the underground worlds;

The Middle level: it comprises spheres of habitat of various supernatural beings like tengu, cats, foxes, sparrows, snakes and others;

The Upper level: it is the level of clouds and the heavenly world.

We can add here that this division is very conditional and not always strictly observed.

It is quite logical that the world of clouds and heavens are located above, and the underwater and underground kingdoms are below the earth level. As for the middle level, the hero sometimes falls into the “sphere of habitat” of supernatural, from the point of view of the Japanese, creatures that live on the same level as his native village. For example, such animals as cats, foxes (kitsune), raccoon dogs (tanuki), which are traditionally considered werewolves by the Japanese, ants and sparrows, which do not have the ability to change their appearance but can communicate with people, give them various artifacts. Small waterbodies inhabited by supernatural beings (for example, terrible snakes or water-kappa) relate rather to the middle level, since the interaction of the hero with its inhabitants, as a rule, takes place on the shore.

In some stories, the change of level is clearly not indicated. The hero may come to another world in some strange way, «he turns out» to be there. At the same time, for traditional consciousness or for a child (as the main target audience of the narrator) the very fact of transition to another world does not appear to be something unusual. In fact, various strange creatures, whether devils or beautiful celestial maidens, do not represent something impossible in real life.

Transitions from one level to another have characteristic features. Rarely does a hero manage to penetrate another world on his own. More often he is assisted in this by some kind of guide or a wonderful vehicle.

For the underwater kingdom, this could be a boy in a boat or a turtle taking the daring man to the Dragon's palace¹, a shark speaking in a human voice², water sprites kappa, accompanied by which the protagonist acquires the miraculous ability to breathe under the water³. On the journey to the mouse underground world, the mice themselves tell the hero how to get into the hole under the pine tree⁴; ants tell the grandfather, who saved one of them in the rain, how to crawl into the ant passage under the ground⁵. Note that there are cases when the hero of a fairy tale enters the underworld by himself through a large hole in the ground⁶.

Of course, a man needs help in order to get up onto the clouds or to the heavenly world (which is located above the clouds). The heavenly maidens themselves can fly using clothes or wings made of crane feathers⁷, some of the maids use special vehicles (Uguisu-hime soars into the sky on a white cloud descended from the Moon⁸). For a man, the situation is somewhat more complicated: he is pulled into a cloud on a thread of golden yarn⁹, he has to get up into the clouds climbing the stem of a bean tree¹⁰ or, for example, waving a magic fan¹¹. Further on, one can get to the palaces of the Heavenly Lord from the clouds riding a magic horse¹².

Somewhat apart are the worlds of the middle level. Cats, raccoon dogs and foxes in fairy tales live on the same level with ordinary people: with the ability to change their appearance, they can even live with people as one of the family members. In addition, fairy tales often mention the places where animals and birds live as a community: “the

¹ Легенды и сказки древней Японии. Сост., предисл., пер. В. Н. Марковой. СПб: «Кристалл», 2000. PP. 13, 76

² Ibid, p. 193

³ Ibid, p. 195

⁴ Ibid, p. 66

⁵ Ibid, p. 441

⁶ Ibid, p. 178

⁷ Ibid, p. 27

⁸ Ibid, p. 25

⁹ Ibid, p. 27

¹⁰ Ibid, p. 183

¹¹ Ibid, p. 132

¹² Ibid, p. 132

house of sparrows”, “the house of nightingales”, “the ant palace”, “the mouse paradise”. Such places of habitat of animals and birds with a high degree of confidence can be considered a separate fairy-tale «world» with its own society and culture (coinciding, for the most part, with traditional Japanese ideas about the norms of decent behavior). Other creatures such as tengu, devils, terrible snakes from the ponds, water sprites kappa, lake maidens, sometimes prefer more secluded habitats: calm waters, deep forests, an island, etc. Therefore, the heroes of fairy tales may encounter them purely by accident. Devils, for example, often live in an ordinary hut in the depths of a forest in the mountains, and not alone, but with some old woman (or even an elderly couple), who is trying to dissuade the heroes from staying in their house for the night¹. In the fairy tale “Grandfather Kobutori”, a tengu temple is mentioned, where the hero came by accident — he somehow crawled into a mouse hole after a pea rolled into it².

In fairy tales many creatures that are fantastic for a modern audience live in close proximity to ordinary people, who at times themselves can gain the ability to travel down under the water and rise to heaven. This only once again confirms the assumption that man, in his traditional ideas about the universe, did not separate his familiar world from the world of miracles. Rather, on the contrary — magic was an ordinary part of his daily life.

Lyakhovich A. (SPbU, Saint-Petersburg)

Modern society of Northern Nigeria in Abubakar Adam Ibrahim’s novel “Season of Crimson Blossoms”

Recent studies address *The Season of Crimson Flowers* aiming to discuss a number of urgent issues. Okpala focuses on general richness of the novel which lies in its feminist engagement, its insight into the socio-cultural context of Northern Nigeria, Islamic and patriarchal society, strong characters who live with “grimness of an immense sense of loss, unresolved grief, filial abandonment, repressed emotions and sexual desires, unspeakable trauma, and societal disillusionment”.³

Ile and Dauda reveal the deep-seated roots of that trauma, grief and societal disillusionment which lie in their opinion in “discriminatory and harmful traditions”.⁴

¹ Легенды и сказки древней Японии. Рр. 141, 155

² Ibid, p. 32

³ Okpala Susan Adaora. *Season of Crimson Blossoms*. Abubakar Adam Ibrahim. Abuja: Cassava Republic, 2016. 313pp. ISBN 978–1-911115–00–7 // *Tydskrif Vir Letterkunde*. 2020. Vol. 57(2). P. 132–133.

⁴ Ile Onyebuchi James, Dauda Susan. *The Cultural Realms and Their Implications for Development: A study of Abubakar Adam Ibrahim’s Season of Crimson Blossoms* // *Nile Journal of English Studies*. 2016. Vol. 3. P. 11–15.

Analysis of female characters provides this study with a foundation for understanding how forced marriage, early marriage, tradition of “Kunya”, issue of sexual repression among women traumatize Muslim girls and women in Northern Nigeria.

Olaoye and Zink [3] also focus on Abubakar Adam Ibrahim’s female characters, reading Muslim woman’s body as a speakerly text. The main idea is that these characters “carry marks of religion, trauma, with the attendant shame of transgression, on their bodies. These factors make these women ‘speakerly text,’ who speak against the will of those who embody these conflicting ideologies. The idea of the body as ‘speakerly text’ is germane here since silenced women’s bodies encode and transmit messages that their voices would not”.¹

The present study is aimed at analysis of how contemporary socio-cultural and political situation in Northern Nigeria influences ordinary people’s everyday life and reality in general. Many social and cultural social phenomena such as *soyayya* literature, extremely popular among female readers, are seen as a way to survive mentally, to withstand the trauma. The study maintains connection between contemporary socio-cultural events and realms and everyday life of Northern Nigerians revealing how they try to find comfort and relief. Some remarks are made on aspects of characters development. Comparative analysis of different aged characters allows questioning the transformation of perception and experiences regarding traditional norms and taboos.

Murodova D. B. (Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan)

The Image of Flowers in Pak Vanso’s Novels

Today, along with male writers, female writers are making a great contribution to the development of modern Korean literature. According to historical sources, female writers entered the world of Korean literature in the late 19th and early 20th centuries. By the 1960s, the number of writers expanded somewhat, and interest in their work also increased. The 1990s were criticized by critics as the entry of female writers into the world of literature took a violent turn. In fact, this is evidence of the increased activity of women in the field of literature, as well as in other fields, and the end of the long-lasting monopoly of male creators.

Korean literature is closely related to nature, from the legends to the present day, the harmony of man and nature can be felt in all the works created. Clouds, rain and wind given in early legends are important elements for human existence, while majestic mountains in medieval stories reflect people’s consciousness, spirit, and soul.

¹ Olaoye Elizabeth, Zink Amanda. The Muslim Woman’s Body as a speakerly text: the gendered embodiment of religion, trauma and shame in Abubakar Adam Ibrahim’s *Season of Crimson Blossoms* // *Body Studies Journal*. 2020. Vol. 2(5). P. 40–52. URL: <https://bodystudiesjournal.org/season-of-crimson-blossoms/> (accessed 14.01.2023).

Writer Park Wan-so, one of the creators who has his own place in modern Korean literature, directly refers to many elements of nature while describing the fate of women through his works.

The works of Adiba's pen are written in an autobiographical spirit, and the fact that each school has its own symbol in this period, the fact that the badge worn by the students of Sukmyong School, where the main character attended, is taken from the May pearl flower, serves as a factor that shows the culture of the Korean people. At the same time, the Ifori and Ibo of the May pearl were sung in the school anthem. However, the main character did not meet this flower in nature.

The main character, who went to the village on vacation, one day went for a walk through a mountain gorge, hanging a small bamboo basket on his side. By chance, on the mountain road, the writer found a dark and unpleasant gorge that he had not seen before, and for the first time he found May's pearl flower. In the sersoya and flat gorge, the pearl of May, seen only in a picture or in a school uniform, was spread all over the gorge. At first glance, the delicate scene seemed like an «illusion», despite the fact that it was scary, but diltortar, sharp, attracted an unbelievable level of expression:

«우표딱지를대 각선으로 접은 것만 한 세모난 표시는 뻥뻥뻥하 고 선명해서 꼭 진한 꽃잎을 문 것 같았다»¹.

«A small paper, like a grain of steamed rice, bowed its head shyly among the petals of a white flower that looked like it was hanging in a bunch, but it was beautiful enough to be envied.»

Various thoughts crossed the main character's mind when he saw the May pearl flower, which has become a symbol of the school, in the bosom of nature. All day he was surrounded by strange feelings, he was depressed:

«장차 이 세상은 어찌 될 것이며 나는 어찌 될 것인가, 내가 지금 의 이 상태에 완벽 한 기쁨을 느끼는 것은 이 상태가 영속되지 않을 것을 알고 있기 때문이 아닐까? 나는 막연하게지만 자연과 행복하게 일치된 것 같은 자신을 믿을 수 없는 마음이 생겼고»².

«I couldn't believe that I was in harmony with nature because I knew what the world would be like in the future, what my destiny would be, and that the joy I felt now would not last forever.»

The harmony of nature and man is, first of all, a person's concern for his life and future. It was these feelings that prompted the poet to return to Seoul and continue his studies. He hurried back as if he had left something important in the capital city.

Adiba describes the nature of her native land as green, the air is clean and fragrant. He compares rural and urban nature in imagination. Passes leading to the village, wild flowers, stream water is a zone free from all worries. When giving the image of the village, poliz crops are also mentioned. The taste of steamed corn can not be compared with other dishes.

¹ 박완서. 그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까.(주)도서출판 세계사, 2012. 44 쪽.

² 박완서. 그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까.(주)도서출판 세계사, 2012. 249 쪽.

Unexpectedly, the adiba polyz product focuses on pumpkin, which is used equally with garlic in Korean cuisine:

«더위가 퍼지기 전 이른 아침 이슬이 고인 풍성한 이파리 밑에 수줍게 누워 있는 애호박의 날씬하고도 요염한 자태를 발견했을 때의 희열은 또 어땠고. 못생긴 걸 호박에 비기는 건 아무것도 모르는 도시 사람들이 지어낸 말이다. 늙은 호박에 비한 거라고 해도 그건 불공평하다. 사람도 의당 늙은이하고 비교해야 할진대 사람의 노후가 늙은 호박 만큼만 넉넉하고 쓸모 있다면 누가 늙음을 두려워하라»¹.

«How wonderful is the joy when you find a thin and beautiful pumpkin lying under a dewy leaf early in the morning before the heat of the day! An ugly person was invented by townspeople who didn't know anything about comparing a pumpkin to a pumpkin. Even comparing it to the old pumpkin is unfair. In that case, it is natural to compare a person with an old person. If one's old age was as plump and fit as an old pumpkin, who would be afraid of growing old?»

Based on the medieval Confucian teachings on the relationship between brothers, «The Tale of Hinbu» the hero of Hinbu's suffering is not without reward: the swallow he saves drops a wonderful pumpkin seed, and because of this, Hinbu becomes rich.

«Look at me, isn't this a seed?»

The same thought occurred to Xinbu. Staring intently, he read the three hieroglyphic inscriptions in the center of the seed: «Pumpkin is a reward for goodness».

It seems that the townspeople have forgotten about this story, about the seed of goodness — the pumpkin.

The novel describes the New Year's rituals of the Korean people. The old calendar was still preserved in the remote villages of Korea, which had passed from the feudal backwardness to the capitalist system. In ancient Korea, a year according to the solar calendar was divided into 24 periods. The beginning of the first month of the solar calendar was considered to be the Japanese New Year, and the beginning of the first month of the lunar calendar was considered to be the Korean New Year. The Japanese administration recommended welcoming the new year based on the calendar introduced by the Japanese government. Despite the prohibitions, some families in the city celebrated the New Year twice in one year.

In rural areas, the celebration of the New Year is extended for a long time. It took almost a month to sew a New Year's dress, cook obaki, cook rice, prepare tofu, butcher a pig together in several households, knead dough, and prepare various dishes. At the same time, during this period, rituals such as commemorating the past, bowing to the elders to congratulate them with the New Year, telling fortunes to the shaman, playing various folk games suitable for age and gender, gathering together around the table were held. It really reminded me of a peasant festival.

At this time, the calendar issued by the meteorological station was distributed. The calendar showed not only the moon and the sun, but also the 24 seasons of the old solar calendar, the fate of the day, and the lunar signs. Since the calendar was unique, many

¹ 박완서. 그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까.(주)도서출판 세계사, 2012. 156 쪽.

people did not know how to read, so many villagers turned to the girl's grandmother to prepare sauce, pray to the spirits to protect them from calamities, and ask about the day when they can go on a long journey. Villagers work according to a calendar divided into 24 periods, which angered his grandmother:

«아니, 입춘이 설달에 들었나, 정월에 들었나 물으러 올게 뭐 있나? 양력으로 치면 해마다 같은 날인데. 생각해보게나. 절기가 딱 정해져 있어서 밤낮의 길이가 같거나, 밤이 제일 길거나, 낮이 제일 긴 날이 해마다 같은 날로 정해진 달력이 옳겠나, 그게 해마다 들쭉날쭉하다가 특하면 윤달이 한 달씩이나 드는 달력이 옳겠나? 아무리 왜놈의 것이라도 옳은 건 옳다고 해야지, 왜놈이 흰 것을 희다고 했다고 해서 우리는 검다고 우겨야 옳겠나?»¹.

«...what is the need to ask whether the spring season came in the twelfth month or the first month according to the lunar calendar? According to the solar calendar, it is the same every year. Since the seasons are clearly defined, the length of night and day is the same, is the longest day and night the same calendar every year, or is it different every year, adding one more leap month?».

But the common farmer, who believed in predictable days each year, did not change his season of 24 seasons. According to the solar calendar, the «new year» was seen as a breach of a strong wall by the Japanese government. No one understood the grandmother who realized the new development of the solar calendar, so only one family began to celebrate the new year according to the new calendar every year.

Chapter 3 of Adiba's novel *Was the Mountain Really There* is called *Mad Magnolia*. This chapter describes the main character, who is sent into forced exile by the North Korean government, and his niece and little nephew, who return after crossing the Imjin River. When they returned to Seoul, it was spring and it was a different day than usual. No matter what happens in the world, the bitter truth that the seasons change and the nature lives on is confirmed.

Even though they had arrived in Seoul, the question of whether they would be able to meet their family members again was ringing in their hearts. The main character began to see a fortune in himself: if he finds a five-petalled flower while passing by a forsythia flower bush blooming on the side of the road over the wall, then trouble awaits him at home, if he does not find it, he will be safe. In fact, five-petalled forsythia were more common than four-petalled. The main character, having forgotten what he knew in his youth, was embarrassed as if he was caught in the web of his own deceptions.

In the novel, Puck Wanso alludes to larger issues by including details such as natural phenomena, a hill, ash, and a magnolia flower. In his desire to see his nation flawless, the artist fearlessly portrays the events candidly and vividly.

Together with his niece and nephew, they pass through villages one after the other when the main character is forced to flee. The appearance of one such village was tragic. It doesn't matter if it was caused by the North Korean army or the American army, the

¹ 박완서. 그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까.(주)도서출판 세계사, 2012. 163–164 쪽.

main thing is that the village was destroyed. Except for one sauce pot, everything was reduced to a pile of ashes. Jugs left in the middle of Adiba's ash heap, and the surrounding silence makes this place look like a cemetery. A person who has forgotten or forgiven this situation wonders if he deserves this name.

They stop at a ramshackle house on the outskirts of the village. Then, out of boredom, the main character starts wandering around the piles of ashes:

«장독대 옆에서 있는 바짝 마른 나뭇가지에서 꽃망울이 부푸는 것을 보았다. 목련나무였다. 아직은 단단한 껍질질이 부드 러워 보일 정도의 변화였지만 이 나무가 봄기운만 느 껴다 하면 얼마나 견잡을 수 없이 부풀어 오르리라는 걸 알고 있었다. 그 미친 듯한 개화를 보지 않아도 본 듯하면서 나도 모르게 어머, 애가 미쳤나 봐, 하는 비 명이 새어나왔다. 그러나 실은 나무를 의인화한 게 아 니라 내가 나무가 된 거였다. 내가 나무가 되어 긴긴 겨울잠에서 눈뜨면서 바라본, 너무나 참혹한 인간이 저지른 미친 짓에 대한 경악의 소리였다»¹.

«I saw that the dry branches of the tree near the place where the sauce jugs stood were beginning to sprout. It was a magnolia tree. The still hard bark had softened to the point where it looked soft, but I knew that if this tree felt the spring mood, it would produce countless buds... «wow this looks crazy» I exclaimed. Frankly, I didn't think of the tree as a person, on the contrary, I had become a tree. It was a fearful voice when I turned into a tree and awoke from my long winter's sleep and saw the foolish act of a cruel human being».

Here, the poet recalls the road incidents during his escape. When they were fleeing, they traveled only at night, during the day they could not travel due to various explosions and bombings. Even when they were walking in the dark, guards were always standing on the road and checking their ID cards. In this situation, every fugitive thought that no one would notice that the front line had passed before dawn in the house where he had stopped for the night. They dreamed that the dawn would come and welcome a peaceful, changed world.

On their way home, they see a blooming magnolia tree filling a yard. He thought that the white magnolia tree rarely blooms. The magnolia, which had been blooming white for a long time in the abandoned house, seemed to be emitting a white mist from itself:

«잡기라고는 하나도 안 섞인 순수한 백색이면서 그렇게 처절한 백색은 처음이었다. 백색의 맨 밑바닥 같기도 하고 극에 달한 절정 같기도 했다. 북으로 피난 가면서 폐허 가 다 된 마을에서 막 부풀기 시작한 목련 꽃 봉오리를 보고 외친 미쳤어! 소리가 또 나오 려고 했다. 이번엔 광기에 대한 겁먹음이었다»².

«It was white, it was the first time I saw such a scary white color. White seemed to have peaked. I wanted to scream «she's crazy!» as I did when I saw a sprouting magnolia sprout in a completely ruined village when I was fleeing to the north. This time it was more scary than crazy».

¹ 박완서. 그산이정말거기있었을까. (주)도서출판 세계사, 2012. 144–145 쪽.

² 박완서. 그산이정말거기있었을까. (주)도서출판 세계사, 2012. 177 쪽.

It was like an ominous thing, inexplicable thoughts scratched his heart, the white color settled deep in the depths of the main character's mind and froze like a curse. The puzzle was solved, it was the color of the mourning clothes of widowed Korean women.

Even without humans, the seasons change and flowers bloom. In the courtyard of the deserted house, which was visited by an unusually dry spring, the magnolia tree looked eerily as if it had taken over the big house by itself, and on top of it, the master was spreading a trembling and panic-like fog. It was actually an expression of the main character's fear of not being able to meet his mother, brother and older nephew again.

The sixth chapter of this novel is called «The Winter Tree». In this chapter, the writer mentions the willows growing by the water in front of his house. When the conflict between his mother and his daughter-in-law first deepened and began to quarrel, he ran away from home and sought solace under these willows:

«늦은 시간이었다. 천변가의 차가운 바람이 품으로 파고들었고, 거목으로 자란 수양버들의 채찍처럼 메마른 가지들이 허공을 비질하고 있는 모습이 울고 싶도록 처량해 보였다. 어쩌다 우리가 이 지경까지 이르고 말았을까?»¹.

«The time has come. The icy wind from the river was blowing into my ears. The withered branches of the willows looked pitiful. How did we get to this tune?».

The main character, who rose from the grave in a whirlwind of questions, leaned helplessly on a willow branch. Thinking that the «soul of people» is embodied in a long-lived tree, he sought consolation from the willow tree. Suddenly he thought that willow is not a «spirit tree» but a «savings tree». The bark tugged glumly, as if hidden emotions were exploding from within the hardwood.

Writer Pak Wanso attracts the reader with the uniqueness of female characters and descriptive tools in the works. Examining the images of women in stories and novels in the socio-historical background gives an opportunity to understand the «new image» of women in the period of cultural changes. Due to the nature elements, mountains, and plants used by the artist, the works have a special expression.

References:

1. Choung Han-Sook. Understanding Modern Korea Literature. Seoul: The Korean Culture and Arts Foundation, 1991.
2. Chung Chong-wha. Modern Korean Literature. An anthology. 1908-1965. London, 1995.
3. Im Hon-yong, Hwang Sun-won. Who's who in Korean literature. Seoul: Hollym, 1996.
4. История и теория религии. Учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019.
5. Лим Чже. История цветов. // История цветов. Корейская классическая проза. Л., 1991.

¹ 박완서. 그산이 정말 거기 있었을까. (주)도서출판 세계사, 2012. 358 쪽.

6. Ровенская, Татьяна Александровна. Женская проза конца 1980-х — начала 1990-х годов: Проблематика, ментальность, идентификация тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 10.01.01, кандидат филологических наук 2001. Москва.
7. Солдатова М. В. Становление национальной прозы в Корее первой четверти XX века // Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДГУ, 2004.
8. Солдатова М. В., Пак К. А. Современная литература Кореи//Учебное пособие. Владивосток: ДВГУ, 2003.
9. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М., 2004.
10. 박완서. 그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까.(주)도서출판 세계사, 2012.
11. 박완서. 그산이정 말거리기있었을까. (주)도서출판 세계사, 2012.

Tsvetkova S. O. (SPbU, Saint-Petersburg)

Campaign of the army in the poem “Padmāvat” by Malik Muhammad Jāyasī

The tradition of Sufi spiritual poetry was brought to North India from the first centuries of the formation of Muslim states on its territory, that is, approximately from the 13th century. The first of the works of Sufi poets that have come down to our time were created here mainly in Persian in the canons of Tajik-Persian Sufi literature. Later, from the XIV century, Indian Sufi poets turned to the creation of allegorical lyrical poems in the local Awadhi language, which embodied wonderful examples of the Hindu-Muslim cultural synthesis. The plots of such poems were traditionally stories about lovers with elements of a fairy tale. The Persian, and after it, the Indian canon implied the allegorization of the images of lovers: the image of a young man was a symbol of the human soul, striving for reunion with his beloved, a symbol of the Almighty. On his heroic path, symbolizing the path of spiritual struggle and purification, he overcame numerous obstacles — “station” (for example, several seas and a military confrontation with a fabulous enemy). Sufis naturalized in India began to build the plots of such works on the basis of Indian folklore legends, saturating them with rich Indian imagery and local realities.

The poem “Padmāvat” by Malik Muhammad Jāyasī (1500–1558) is the most significant work of this kind, combining the features of Persian masnavi and compositional elements, motifs and plots, artistic means and imagery of the classical Sanskrit tradition of lyric-epic narratives and Indian folklore. The composition of the poem is divided into two parts. The first of them is the plot of an Indian folk tale about the Sinhala princess Padmāvat and her heroic conquest by a king from a distant Rajput kingdom. A plot similar in its main outline is found in literary processing also in other

significant works of Indian medieval literature. The second part of the poem is an epic narrative based on the historical event of the siege by the troops of the Delhi Sultan Allauddin Khilji (1296–1316) of the Rajput independent fortress of Chittor in 1303. This part of the poem reproduces in many ways the canons of the Sanskrit classics (mahākāvya) and, in part, the medieval tradition of the Rajput heroic poems (vīra-rāso) in the early modern Indian languages.

However, in this poem there are descriptions that are not at all typical for the canons of the two interacting literatures, Indian and Persian. One of such places in the poem is the description of the campaign of the troops of Sultan Allauddin Khilji to besiege the fortress of Chittor, a historical episode important for the development of the plot of “Padmāvat”. In particular, the episode includes an artistic depiction of cannons, which the army carries with them, expanded into a series of stanzas: the guns are presented here in the images of seductive intoxicating beauties. Images of intoxicated beauties are found sometimes in ancient Indian literature. Modern Indian researchers even tend to compare this description with one of the episodes of the classical Sanskrit poem by Māgha (7th or 8th c.) «The Killing of Shishupala» (Śiśupālavadha). However, these episodes of the two poems have little in common: Jāyasī’s poem contains a number of features that are new to the Indian tradition. Such figurativeness is also uncharacteristic of the Persian medieval literary tradition. The report discusses the possible sources of origin of the description of the campaign of the army in the poem «Padmāvat» by Malik Muhammad Jāyasī.

СЕКЦИЯ XVII • SECTION XVII
ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА
WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS
IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES

Барабанова Н. М. (МГИМО, Москва)

**Арабские надписи на оружии и вооружении
как знаковые системы, отражающие коммуникативные
и духовные потребности владельцев**

Мир вещей, в которых опредмечена деятельность предшествующих поколений, представляет последовательно сформированные типы знаковых систем: естественные, функциональные, конвенциональные, вербальные, знаковые системы записи. Именно очеловеченный мир, в котором каждый предмет и процесс как бы наделён человеческим смыслом, социальной функцией, целью, окружает Человека¹.

Вещь, предмет, являясь частью целого, становятся источником информации о прошлом и настоящем. Любой объект исследования в гуманитарных науках (например, оружие и другое вооружение) понимается как «текст». Предметы по причине своей значимости изъяты из среды бытования и экспонирующиеся в музеях, представляют интерес для изучения. Тема доклада определила границы вещевого ряда: оружие и вооружение Средних веков и Нового времени, имеющие надписи на арабском языке. В коллекции, собранной Г. А. Ладъженским, хранится

¹ Статья «Человек». URL: <https://gufo.me/dict/bse/Человек> (Дата обращения: 10.01.2023).

кольчуга восточной работы XIX в. С момента её создания кольчуга становится функциональным знаком, потому что доспех, сплетенный из железных колец, возникает в процессе человеческой деятельности и основывается на способе его употребления человеком. Она — функциональный знак воина, готовящегося к началу битвы. Следовательно, знак-признак, определяемой личностью как субъектом социальной деятельности, несет в себе информацию о взаимодействии людей, позиционируя отношение человек-человек вне зависимости от каких-либо изображений на нём. При этом, с достаточной долей уверенности можно сказать, что на кольцах кольчуги выгравировано слово на арабском языке **الله**¹. Надписи на каждом кольце (более 200) делались штампом. Знаковая система записи естественным языком становится дополнительным текстом, источником информации Бог — Человек. Мастер-оружейник не указывал своего имени, прежде утверждая связь между человеком и Богом. Так два типа знаков составляют семиотическое поле одного предмета, определяя разные уровни отношений.

Вместе с тем, на выставке, представляющей коллекцию из собрания Национального музея Республики Дагестан, было «знатное» оружие с надписями на арабском языке: например, шашка имама Шамиля первой половины XIX в.

На обухе клинка надпись информировала об обладателе оружия и его изготовителе, маркируя отношение Человек — Человек. Однако выполненная на ножнах арабская гравировка: «Если ты в битве не бездействуешь, то страха у тебя быть не может. Смерть есть чаша — каждый её изопьёт, могила есть дверь — каждый в неё войдёт»² — позиционируя отношение Человек — Бог, в образной форме воображаемыми знаками-символами (чаша, дверь) передаёт идеи, связанные с этим объектом. В данном случае образы являются метафорой и становятся частью «геральдической» формы узора, указывая на воинские занятия его обладателя. Клейма мастеров, как правило, выбивались крупным штампом с арабской надписью: «Работал такой-то» или только с указанием имени мастера. Иногда клеймо состояло из арабских букв или знаков, то есть условных значков мастера, которые можно определить как индексы и отнести к конвенциональным условным знакам. Такие клейма мы находим во множестве на крымских и харбукских стволах, на черкесских замках пистолетов: «شمل», «عمل محمد», «ما شاء الله»³, что определяется представлениями владельца о статусности и богатстве.

Любая изобразительная композиция для средневекового мусульманского художника была не целью, а средством ассоциативно-образной передачи религиозной идеи. Мыслимый образ как конвенциональный (условный) знак проявляется в орнаментике оружия.

¹ Бог.

² Вероятно, «запись сделана после того, как оказалась в руках Шамиля», известный мастер Тифлиса Элиаров Геурк «арабским языком не владел» (Э. Г. Аствацатурян. Оружие народов Кавказа: история оружия. СПб.: Изд. «Атлант», 2016. 520 с. С. 163.)

³ Аствацатурян Э. Г. Аствацатурян. Оружие народов Кавказа. Рис. 63, рис. 200.

Таким образом, хранящиеся в музейных собраниях оружие и вооружение, имеющие надписи на арабском языке, отражают разные типы знаков единого семантического поля предмета, определяя разные уровни отношений, где более ранние надписи имеют обобщенный характер, с течением времени конкретизируясь, и представляют надпись среди орнамента как индекс, обладающий «геральдической» характеристикой.

Безруков Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности законодательного регулирования современной государственной службы КНР

Становление современной системы госслужбы КНР напрямую связано с политикой реформ и открытости, начавшейся в декабре 1978 года. Прямым следствием проводимой политики стало появление законодательной базы, обеспечившей регулирование гражданской госслужбы.

Начатые в период реформ преобразования были преимущественно нацелены на уход от старой системы назначения кадров, характеризовавшейся отбором не на основе профессиональных качеств, а с учётом необходимого высокого уровня личной лояльности по отношению к вышестоящему руководству и определённым политическим установкам. Внедрение иного принципа назначения потребовало разработки соответствующего законодательства, которое бы официально закрепило новые установки. Этот процесс продолжался на протяжении почти всех 1980-х гг. и завершился созданием «Временного положения о государственных служащих» (国家公务员暂行条例), официальное принятие которого произошло лишь 14 августа 1993 г. Введение этого документа стало важнейшей вехой в формировании современной госслужбы КНР. «Временное положение» охватило большинство основных аспектов госслужбы и стало регулятором таких ключевых вопросов, как классификация должностей, отбор кандидатов по результатам экзаменов, порядок аттестации, увольнение с госслужбы и другие. Большое внимание к системе экзаменационного отбора стало показателем определённого компромисса между старыми и новыми практиками: с одной стороны, были провозглашены принципы открытости и равенства при отборе посредством экзаменов, с другой стороны, среди важных требований к кандидатам оставалась идеологическая подготовка. Иными словами, как и на раннем этапе существования КНР, в 1980–1990-е гг. госслужащие по-прежнему должны были оставаться главными проводниками курса правящей партии. Принятие этого документа не только закрепило основные реформаторские

положения, но и во многом определило дальнейшие тенденции развития законодательства в данной области¹.

Следующим важным шагом стало принятие 27 апреля 2005 г. «Закона КНР о государственной службе» (中华人民共和国公务员法). Содержание данного документа фактически полностью базируется на принципах и идеях «Временного положения». Несмотря на общие принципы и схожесть затрагиваемых аспектов, новый закон стал гораздо более проработанным и детализированным продолжением своего предшественника. Одним из важнейших новшеств стало введение более формализованного и точного определения понятия «государственный служащий», в результате чего госслужащие оказались окончательно выделены из используемого ранее общего определения «кадры», которое дополнительно включало в себя обслуживающий персонал и технических работников госучреждений. Существенным также стало включение в документ идеологических принципов, которыми руководствуется система госслужбы в Китае, а именно: марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, концепция «Тройного представительства» и другие. Это даёт нам основания говорить о более формализованном характере и более яркой политической направленности данного документа. «Закон КНР о государственной службе» на данный момент является основным правовым регулятором сферы госслужбы в Китае².

Регламентация процессов в данной сфере осуществляется и с помощью других нормативно-правовых актов, конкретизирующих более узкие аспекты. Показательным примером может служить «Положение о поступлении на государственную службу» (公务员录用规定), принятое 6 ноября 2007 г. Главной целью этого документа стала формализация более стандартизированных правил приёма на госслужбу. Существенно отметить, что, помимо проверки профессиональных навыков, в данном положении постулируется необходимость проверки физического состояния кандидатов, их дисциплины и моральных качеств, что также отражает определённые современные тенденции в данной области. Эти принципы дают нам довольно ясное представление о том, как само государство видит идеальный вариант проведения рекрутирования кандидатов для обслуживания госаппарата³.

Также следует отметить, что уже сложившееся регулирование госслужбы в Китае постоянно подвергается изменениям и модернизации. Весомым доказательством

¹ Гоцзя гуньююань чжаньсин тяоли, 1993.08.14. 国家公务员暂行条例, 1993.08.14 (Временное положение о государственных служащих, 14.08.1993). URL: http://www.xixia.gov.cn/sitesources/xxxtmzf/page_pc/bmxxgk/xxgkml/zcfg/articled971695de83445f3acc527129a20c033.html (дата обращения: 25.12.2022).

² Чжунхуа жэньмин гунхэго гуньююань фа, 2005.04.27. 中华人民共和国公务员法, 2005.04.27 (Закон КНР о государственных служащих, 27.04.2005). URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/21/content_8249.htm (дата обращения: 25.12.2022).

³ Гуньююань луон гуйдин, 2007.11.06. 公务员录用规定, 2007.11.06 (Положение о поступлении на государственную службу, 06.11.2007). URL: http://www.scs.gov.cn/zcfg/202001/t20200108_16198.html (дата обращения: 25.12.2022).

этого служит, например, редакция «Закона КНР о государственной службе» от 2018 г. Знаменательным здесь стало добавление к уже упомянутым идеологическим ориентирам концепции «научного развития» и идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. Кроме того, показательным является и введение в основной документ положения о руководящей роли КПК, что очевидным образом отражает ключевые политические реалии современного Китая¹.

Таким образом, можно резюмировать, что рассмотренные нормативно-правовые акты в полной мере отражают основные характерные черты и особенности современной системы государственной службы КНР.

Вишнякова И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Воспоминания иранских революционеров как источник по истории начального периода гражданской войны в Ливане (1975–1976)

В рамках данного исследования производится анализ воспоминаний членов иранского революционного движения, действовавших на территории Ливана в 1970-х гг. К настоящему моменту эта группа источников, как и сама проблема участия иранцев в событиях первого этапа гражданской войны практически не получили внимания ни со стороны специалистов по истории Ливана и арабо-израильского конфликта, ни со стороны исследователей, занимающихся новейшей историей Ирана.

Целью анализа выступает реконструкция ранее неизвестных аспектов начального этапа ливанской гражданской войны (1975–1976 гг.). Представляется, что свидетельства иранских революционеров могут послужить ценным источником по истории начального этапа вооруженного конфликта в Ливане, поскольку в них раскрываются новые подробности общественной и политической жизни страны в описываемый период, а также представлен качественно иной взгляд на события гражданской войны.

В ходе исследования выделяются и анализируются основные блоки сведений о внутривнутриполитической ситуации, сложившейся в Ливане к началу гражданского конфликта, и о событиях первого этапа мусульмано-христианского противостояния. В частности, осуществляется характеристика отношения представителей иранского оппозиционного движения к палестинской проблеме, а также производится реконструкция восприятия иранцами положения шиитской общины Ливана. В исследовании описывается участие иранских революционеров в жизни сообщества ливанских шиитов в предшествующий гражданской войне период,

¹ Чжунхуа жэньмин гунхэго гунъюань фа, 2005.04.27, сючжэн 2018.12.29. 中华人民共和国公务员法, 2005.04.27, 修正 2018.12.29 (Закон КНР о государственных служащих, 27.04.2005, ред. от 29.12.2018). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-12/30/content_5353490.htm (дата обращения: 25.12.2022).

дается характеристика основных событий первого этапа вооруженного конфликта, в том числе приводятся описания отдельных эпизодов боевых действий, отраженных в воспоминаниях иранцев, а также характеризуется процесс формирования и утверждения в революционном сообществе идеи о том, что Ливан является еще одним полем боя с официальными властями Ирана.

Горбаченко А. С. (УрФУ, Екатеринбург)

Лондон начала XX в. глазами японского писателя Ногуты Ёнэдзиро

Произведение «13 лет Британии и США» (яп. 英米之十三年) японского писателя Ногуты Ёнэдзиро (яп. 野口米次郎; годы жизни: 1875–1947) было впервые опубликовано 17 мая 1905 г. Оно охватывает период с 1891 по 1904 гг. и представляет собой компиляцию различного рода воспоминаний — дневниковых записей, бесед, личных переписок, в которых автор повествует о начале увлечения миром английской литературы (яп. 英文界), впечатлениях о поездках по Америке и Британии и первом опыте создания собственных произведений на английском языке. В настоящем докладе основное внимание уделяется главе «Первая неделя в Лондоне» (яп. 倫敦に於ける初週間)¹.

В 1902 г. Ногута Ёнэдзиро впервые приезжает в Лондон с целью публикации сборника стихов «С Восточного моря» (яп. 「東海より」; англ. “From the Eastern Sea”). Воспоминания о первой неделе пребывания в этом городе оформлены в виде дневниковых записей с 20 по 26 ноября, представленных в упомянутой ранее главе «Первая неделя в Лондоне». Автор описывал собственные наблюдения на самые разнообразные темы: остановка в «рёкане» (яп. 旅館)², вкусовые привычки и стиль одежды англичан, осмотр достопримечательностей, погода. Ногута называл Лондон городом «идущих в ряд сюртуков»³ и «одной сплошной головоломкой»⁴, пытался научиться считать британские деньги. Больше всего писатель проникся распитием чая, признаваясь в «чаемании». При этом улицы Лондона показались автору переполненными и грязными, а жители города — угрюмыми: «Кэб! 10 000 кэбов! <...> Как же грязно в городе! <...> Здесь бы сочи за преступление жизнерадостный взгляд»⁵. Критикуя облик городских улиц, Ногута

¹ 野口米次郎. 英米之十三年 / 倫敦に於ける初週間. 東京., 明治38年. 86–99ページ.

² В Японии т. н. «рёкан» (яп. 旅館) принято считать местом остановки, оформленном в традиционном японском стиле, поэтому Ногута Ёнэдзиро, вероятно всего, останавливался в Лондоне в европейской гостинице, хотя и называл ее «рёканом».

³ 野口米次郎. 英米之十三年 / 倫敦に於ける初週間. 90ページ.

⁴ Там же. 91ページ.

⁵ Там же. 86ページ.

проводил аналогии со своими впечатлениями от поездок в Сан-Франциско (1893) и Нью-Йорк (1900), хотя и признавался в восхищении Лондоном и его красотой. Писатель посетил Британский музей, Тауэр, Собор Св. Павла, но особенное впечатление на него произвело Вестминстерское аббатство и Уголок поэтов. «Я смотрю на памятник Лонгфелло в Уголке поэтов. Почему англичане не поставили памятник Ирвингу? Среди американских писателей словно он не был предан Британии»¹, — вспоминал Ногуты.

Описание Лондона Ногуты Ёнэдзиро во многом раскрывает сюжеты, которые привлекли и других японских писателей того же времени. Например, обучавшийся в этом городе в 1900–1902 гг. Нацумэ Сосэки (яп. 夏目漱石) в «Лондонских письмах» (англ. London Essays) и эссе «Тауэр» (яп. 倫敦塔) также посещал основные достопримечательности Лондона, отмечал оживленность города и неприветливых жителей, но при этом на протяжении всей поездки ощущал себя чужим и уезжал расстроенным. Ногуты Ёнэдзиро, напротив, покидал Лондон восхищенным, о чем свидетельствуют заключительные слова в его дневнике: «Лондон! Я тебя люблю. Дорогая Темза! Я сохраню навеки чувство любви к тебе вместе с Лондоном»².

В целом, на основе источника можно составить образ Лондона глазами Ногуты Ёнэдзиро через призму не только впечатлений и эмоций, описанных в ходе первой недели поездки, но и более раннего опыта его пребывания в Америке, а также рассмотреть процесс адаптации японца в центре Британской империи. Тем не менее, назвать Ногуты «англоманом» проблематично, т. к. в источнике автор иногда критиковал англичан, их стиль жизни и вкусовые предпочтения. При этом писателя не интересовали политические вопросы, устройство английской системы власти. Он никак не упоминал англо-японское соглашение января 1902 г. и приехал в Лондон только, чтобы опубликовать свой сборник стихов на английском языке.

Долгова И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

«Китаб аль-Хайаван» — адаптация греческого наследия или самобытный трактат? Специфика зоологического труда аль-Джахиза на примере глав о ящерицах

Среди исследователей арабского средневекового наследия существует дискуссия о степени оригинальности научных работ этого периода. Так, например, Эрнест Ренан утверждает, что арабская наука, на самом деле, скорее греко-сасанидская,

¹ Там же. 98ページ.

² Там же. 99ページ.

потому как основное ее ядро было заимствовано из античного наследия. Сомнения касательно уникальности научных трудов возникали не только среди представителей западной академической традиции, но и среди деятелей арабо-мусульманского мира. В XI веке Ибн Тахир аль-Багдади заявляет, что «Китаб аль-Хайаван» является переработанной версией «Книги животных» Аристотеля. Кроме того, Аль-Джахизу приписывают частичное заимствование другого труда поздней античности — «Физиолога». Фрагментарный характер трактата «Китаб аль-Хайаван», его разнообразное наполнение, совмещающее в себе научные данные, художественное повествование и культурологический материал, продолжение прений относительно его уникальности формируют его актуальность как источника.

В предлагаемом докладе была предпринята попытка внести новые аргументы в дискуссию об оригинальности работы аль-Джахиза. Однако, учитывая большой объем трактата, мы сосредоточимся только на главах, посвященных ящерицам, так как упоминание этих животных содержится и в «Книге животных» Аристотеля, и в трактате «Физиолог». Мы придерживаемся гипотезы о том, что «Китаб аль-Хайаван» является самостоятельным источником, который использует античные трактаты как опорную базу фактологического материала, а также предполагаем, что ознакомление с «Физиологом» и «Книгой животных» Аристотеля могло вдохновить аль-Джахиза на написание собственной работы на ту же тематику. Главной целью работы является определение черт сходства и различия в описании ящериц в «Китаб аль-Хайаван» и в аналогичных разделах «Физиолога» и «Книги животных» Аристотеля, чтобы затем на их основе выделить специфику описания этих животных у аль-Джахиза. Основным методом исследования является сравнительный анализ. Также были задействованы исторический и герменевтический анализ, индуктивное обобщение, классификация, аналогия.

Прежде чем переходить к сравнению трактатов, мы проанализировали тенденции развития средневековой арабо-мусульманской литературы и ее жанров; по итогу мной были выделены следующие характерные черты: совмещение научного и развлекательного компонентов, смешение различных жанров, использование сатиры как инструмента критического анализа, дробность сюжета, композиционное деление повествования на тематические разделы, конечность произведений.

После проведения сравнительного анализа стал очевидным тот факт, что называть «Китаб аль-Хайаван» копией «Книги животных» или же «Физиолога» не представляется возможным, так как все три источника значительно разнятся с точки зрения объема, замысла, содержания, структуры и использованных источников. «Физиолог» и «Книга животных», возможно, послужили источником вдохновения аль-Джахиза, но оригинальный материал трактата изменил свои прообразы до неузнаваемости. Что же касается «Физиолога», то отрывки из данного бестиария не были задействованы в «Китаб аль-Хайаван» вовсе, а те фрагменты, которые потенциально могли быть сходными с работой Аристотеля, оказались отличными от «Книги животных».

На основе проведенного анализа можно вывести такие специфические черты описания ящериц в трактате аль-Джахиза как: объединение информации обо всех пресмыкающихся при описании ящериц; самобытная логика повествования, которая заключается в переходе от одной мысли к другой; использование в первую очередь арабоязычных источников информации — поэзии, фольклора, анекдотов, песен, пословиц, рассказов бедуинов, сообщений других ученых; включение в трактат собственных наблюдений: фокус не на биологических данных, а на моральных качествах животных, в соответствии с жанром «адаб»

Жуков Д. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Роль женщин-шейхов в развитии суфийского движения на примере Фатимы из Кордовы (XII в.)

Важность исследований, касающихся различных аспектов суфизма, в последнее время становится всё более неоспоримой в академическом сообществе. Затрагиваются разнообразные особенности тарикатов, трудов видных шейхов. В числе прочего во многих сочинениях по суфизму речь заходит и о женщинах-шейхах, которые основывали собственные *завии* (араб. обитель, келья), были аскетами, занимались просвещением. Некоторых из них сегодня принято считать *аулия* (условно, с оглядкой на специфику ислама, святые).

Одной из таких женщин была Фатима из Кордовы (известна также, как Фатима бинт Ибн ал-Мусанна). Точными датами её жизни мы не располагаем, известно только, что большая её часть пришлась на XII в. Основным источником данных о ней является автобиографическое сочинение Ибн Араби «Святой дух в воздаянии души» («*Рух ал-кудс фи мухасабат ан-Насир*»). По мнению самого шейха, Фатима из Кордовы стала одним из первых и наиболее влиятельных наставников-учителей на его пути.

В настоящем докладе на основе сочинений Ибн Араби («Святой дух в воздаянии души», «Мекканские откровения» / «*ал-Футухат ал-маккийя*», «Славная жемчужина» / «*ад-Дурра ал-фахира*») будет поднят следующий вопрос: почему Фатима бинт Мусанна оказала такое сильное влияние на мировоззрение великого суфийского учителя? Будет дана оценка роли личности шейха-женщины на примере конкретного исторического деятеля.

Можно смело утверждать, что благодаря двум годам жизни, проведённым при Фатиме, Ибн Араби сформировал весьма «современный» взгляд на женщину. Он отмечал в своих трактатах, что та может достичь высших рангов святости, даже стать *кутбом* (духовным лидером) тариката. То есть, в суфизме, постулировал Ибн Араби, нет *макам* (духовных состояний), которых не могла бы достичь женщина, или качеств, которые она не могла бы воспитать в себе. Единственное ограничение — она не может обладать даром настоящего пророчества.

Важную роль в воззрениях Ибн Араби играли термины родства и семейных отношений: «отец», «мать», «дитя» характеризовали не только взаимодействия между людьми, напрямую или метафорично, но и взаимодействие между людьми и Аллахом, между небом и землёй и т. д. На формирование такой картины мира также оказала влияние Фатима бинт Ибн ал-Мусанна, которая определяла своё отношение к ученикам как родительское, подчёркивая свою функцию «матери» и ставя её особняком по сравнению с функциями биологических матерей.

Также в своих работах Ибн Араби подчеркивал концепцию «совершенного человека» («*ал-инсан ал-камил*»): гармоничное единение между именами и атрибутами Аллаха в личности конкретного человека. Во многом на данное мировоззрение повлияли взгляды Фатимы из Кордовы, которая делала упор на целостность души, описывая качества своих учеников.

На основании уже этих трёх положений можно констатировать, что влияние Фатимы из Кордовы на идеи Ибн Араби было неоспоримо.

Икизли Т. В. (ГАУГН, Москва)

Брачно-семейное право стран арабского мира

Замечено, что психофизическое состояние членов общества зависит главным образом от семьи. Образ жизни семьи в известной степени предопределяет семейный образ жизни ребенка в будущем. В связи с этим актуальным остается рассмотрение семейно-брачного права в арабском мире в XX–XXI вв. Данная тема была рассмотрена на основе трудов таких авторов, как Л. Р. Сюкияйнен, М. С. Рождественский и др., а также непосредственно на базе законов и кодексов арабских стран.

В настоящее время вопросы регулирования семейных правоотношений приобрели особую значимость. Интерес представляет и та специфика, которую наложила на них арабская культура, восходящая корнями к глубокой древности, и безусловно, исламский компонент, чье влияние невозможно переоценить. Брак в арабском мире — это не просто союз мужчины и женщины, но и стабильный и жизнеспособный институт, нацеленный в первую очередь на материальную сторону жизни, то есть обеспечение мужем жены и детей. В то же время нельзя не отметить и тенденцию к «европеизации» института арабской семьи.

В первую очередь последнее связано с тем, что идет непрерывное развитие самих арабских государств и их правовых систем. Так, если в начале XX века семейные отношения регулировались нормами шариата, то во второй половине столетия в сфере регулирования семейных отношений произошли значительные

изменения: они стали регулироваться специальными государственными кодексами и законами.

В зависимости от сферы регулирования, брачно-семейное законодательство арабских стран можно разделить на три группы. К первой относятся страны, семейно-брачное право которых регулирует лишь отдельные стороны семейных отношений (Египет, Судан). Во вторую группу входят страны, нормативно-правовые акты которых регламентируют основные вопросы брачно-семейных отношений (Иордания, Йемен). В самостоятельную группу выделяется брачно-семейное законодательство Алжира, Марокко, Туниса, Сирии, ОАЭ.

В данном докладе будут рассмотрены основные особенности брачно-семейного права арабских стран, которое развивается в соответствии с мировыми стандартами, несмотря на высокую значимость «консервирующих» религиозных компонентов.

Каленова В. А. (РНБ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

История христианской церкви Евтихия и ее продолжение Йахьи Антиохийского: две рукописи XV в. из собрания еп. Порфирия (Успенского) в Российской национальной библиотеке

Антиохийская Православная церковь ведет свою историю с I в. вплоть до нашего времени. В V в. она получила статус патриархата (третьего по старшинству после римского и константинопольского). За весь период существования этой церкви насчитывается около 90 антиохийских патриархов. С XIV в. престол церкви располагается в Дамаске, в настоящий момент значительная часть ее епархий расположена в Сирии и Ливане, так как именно в этих странах проживает большая часть православных христиан Ближнего Востока.

О прошлом Антиохийской Православной церкви известно благодаря истории христианской церкви Евтихия (876–940), а также ее продолжению — летописи Йахьи Антиохийского (ок. 980 — ок. 1066). Первый трактат включает в себя последовательное изложение событий с момента Сотворения мира до первой половины X в. — эпохи, современной автору. Второе сочинение затрагивает период с 976 г. (последний поход Цимисхия в Сирию) по 1032 г. (взятие Эдессы Маниаком).

Впервые полный текст «Истории» с латинским переводом был выпущен Эдвардом Пококом¹ в 1658–1659 гг. В дальнейшем осуществлялись и другие издания трактата

¹ Contextia Gemmarum sive Eutychiei Patriarchae Alexandrini Annales / ed. E. Pococke. Oxford, 1658–59.

и его переводы на греческий, итальянский и немецкий языки, например, Л. Шейхо, М. Байди и др. Некоторые части «Истории» были также переведены на русский язык и опубликованы в 1897 г. Н. А. Медниковым¹ и в 1902 г. А. А. Васильевым².

Петербургский востоковед В. В. Розен исследовал летопись Йахьи по ее парижскому списку. Более полный вариант «Летописи» имелся в библиотеке еп. Порфирия, который предоставил его для исследования Розену. Его публикация 1883 г. содержит часть арабского текста, перевод на русский язык и комментарии³.

В том же году еп. Порфирий продал свое собрание в Императорскую Публичную (ныне Российскую национальную) библиотеку, включая и два кодекса XV в., некогда представлявших собой единое целое, но впоследствии разъединенных. Так, в первом томе (шифр: АНС 181) содержится «История» Евтихия, а во втором представлено ее продолжение — «Летопись» Йахьи Антиохийского (АНС 182). В дальнейшем изучением «Летописи» по рукописи РНБ также занимались А. А. Васильев и И. Ю. Крачковский. Ими была опубликована часть арабского текста и ее французский перевод⁴.

В результате исследования было отмечено, что данные исторические сочинения справедливо стали объектом изучения многих выдающихся ученых — богословов, историков. Тем не менее, они лишь наметили пути для дальнейшей работы, так как полного анализа памятника как такового до сих пор не представлено. «История» и ее продолжение могут быть исследованы, в частности, с исторической и лингвистической точек зрения. Важно отметить, что в упомянутых манускриптах в хронологическом порядке приводятся сведения, касающиеся не только христианской общины, но также римской, персидской и арабской истории.

Кустов Д. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Произведение Али Дашти «Bist-o se sāl»

Али Дашти (1897–1982) — иранский, писатель, публицист, переводчик, религиозный деятель, дипломат и член парламента в период правления династии Пехлеви. Родился в Кербеле в семье иранского священнослужителя. В 23 года переехал

¹ Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897. Т. 2. Ч. 1.

² Васильев А. А. Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.

³ Розен В. В. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883.

⁴ Histoire de Yahya-Ibn-Sa'id d'Antioche: Continueur de Sa'id-Ibn-Bitriq / Éd. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev // *Patrologia Orientalis*. Paris, 1924. Т. 18. Р. 699–833; 1932. Т. 23. Р. 141–312, 349–520.

в Иране. Занимался публицистикой. Множество раз становился представителем различных провинций Ирана в Парламенте.

После победы Исламской революции дважды был заключен под стражу, где провел в общей сложности три года. Причиной ареста и заключения стало обвинение в написании книги: «Bist-o se sāl» (Двадцать три года). После освобождения вскоре умер от болезней в возрасте 84 лет.

Название книги связано с двадцати тремя годами пророческой миссии Мухаммада. Данный труд представляет собой попытку рационалистической трактовки Корана, учения пророка Мухаммада и критический обзор его жизни, а также содержит острую критику в адрес традиционных представлений и распространенных в народе мнений по указанным вопросам.

На данный труд было написано множество критических отзывов со стороны мусульманских богословов, а на самого Дашти сыпались обвинения в безбожии. Он ожидал подобную реакцию, потому книга была издана неофициально и в обезличенной форме. В ней нашла выражение позиция автора, отличная от позиции большинства и устоявшихся традиций.

Например, крайне необычно для выходца из среды шиитского духовенства то, что Дашти часто обращается к комментарию Корана из труда «Тафсир ал-Джалалайн», ссылается на хадисы Бухари и Муслима (т.е. авторитетные для суннитов сборники хадисов), порой пытаясь дать им рациональную трактовку, в крайне уважительных формах упоминает Абу Бакра ас-Сиддика, Омара ибн ал-Хаттаба, Аишу, Бухари и Муслима. Кроме того, Дашти часто приводит аят или несколько аятов близких по смыслу, обращаясь непосредственно к ним, а не к комментариям на эти аяты.

Труд содержит пять разделов: Мухаммад, религия ислам, политика, метафизика, после Мухаммада. Каждый раздел делится на главы.

В первом разделе Али Дашти кратко характеризует личность и жизнь пророка Мухаммад. По оказанному на человечество влиянию он ставит Пророка выше остальных мыслителей и политиков, и сравнивает с ним разве что В. И. Ленина, однако замечает, что Ленин с куда большими возможностями добился меньшего результата, чем пророк Мухаммад. Далее Дашти пишет о том, что любая выдающаяся личность из-за невежества народа обрастает мифами и ей начинают приписывать различные чудеса. Он утверждает, что Коран не упоминает ни об одном чуде Пророка, кроме самого Корана. Отрицая иные интерпретации, он объясняет чудо Корана тем, что человек, который не умел читать и писать и вел скромный образ жизни, стал выступать с речами в новом жанре рифмованной прозы, который не встречался прежде.

Мыслитель настаивает на человеческой личности пророка Мухаммада, указывая на аяты Корана и хадисы, и трактует многие места Корана как отражение субъективного восприятия Пророка и его бессознательного. Он анализирует то, в каких условиях жил Мухаммад, в частности то, что он был сиротой, рос в трудных условиях, в отличие от детей других курайшитов, живших в достатке, он был

вынужден работать пастухом и долгое время находиться в одиночестве и пребывать в размышлениях; кроме того, он был склонен к аскетизму. В результате, Али Дашти приходит к выводу, что многие аяты Корана — просто размышления пророка Мухаммада и его внутренний диалог.

Он утверждает, ссылаясь в том числе на доисламскую поэзию и историю, что идея монотеизма и неприязнь к идолопоклонству была не нова на Аравийском полуострове, и там жили представители монотеистических верований, а Мухаммад, совершая торговые сделки, контактировал с ними и слышал их речи.

Дашти утверждает, что обычно религия рассматривается как нечто иррациональное, но если посмотреть на пророка Мухаммада как на обычного человека, то в ней нет ничего необъяснимого с точки зрения психологии и социологии.

Труд Али Дашти представляет свежий взгляд на ислам, повлиявший на взгляды Абдолкарима Соруша, который в свою очередь предложил собственную интерпретацию ислама и смог заинтересовать некоторых мусульман, иммигрировавших в западные страны и получивших там образование. По этой причине личность Али Дашти представляет интерес для изучения как пример мусульманского реформатора-модерниста.

Манцерева С. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Ароматические вещества и благовония в диванах доисламских поэтов, Коране и хадисах

Настоящий доклад посвящён роли, которую ароматические вещества играли в образной системе арабского литературного наследия VI–VIII вв., и изменениям этой роли с приходом ислама.

Благовония, бытовавшие на Аравийском полуострове, на протяжении всего исторического периода, исследуемого в данной работе, играли важную роль в жизни арабского общества. Ароматические вещества в эпоху *джахилийи* считались предметом роскоши, использовались в качестве ароматиков для тела, подносились в качестве жертвенных атрибутов к идолам и в храмы¹. С приходом ислама и распространением его учения на Аравийском полуострове благовония потеряли свой первоначальный элитарный статус и стали использоваться в повседневных ритуальных целях.

Обращение к доисламской литературе и письменным памятникам начала ислама даёт исследователям возможность реконструкции эстетической системы арабского общества на стыке двух эпох (эпоха *джахилийи* и первый век ислама), а также

¹ Кайс Казем ал-Джанаби. *Ал-‘утр ‘инда-л-‘араб*. Бейрут: *Муа‘сасату-л-иншару-л-‘арабийй*, 2015.

особенностей восприятия арабами ароматических веществ и благовоний. Кроме того, это может быть полезно для дальнейших изысканий в области парфюмерного дела на Ближнем Востоке, в частности, для исследований более поздней арабской парфюмерии (эпохи Средневековья и Нового времени).

При подготовке настоящего доклада были проанализированы стихи Имру'ул-Кайса (501–544) (араб. امرؤ القيس), 'Антары б. Шаддада (525–615) (араб. عنتر بن شداد), 'Алкамы б. 'Абада (ум. 680 г.) (араб. علقمة بن عبد), ал-Хариса б. Хиллиза ал-Йашкури (ум. 580 г.) (араб. الحارث بن حلزة اليشكري), ал-А'ша' Маймуна (570–625 г.) (араб. الأعرشى), в которых упоминаются благовония; хадисы из Сахих Ал-Бухари (араб. صحيح البخاري), Сахих Муслим (араб. صحيح مسلم), Сунан Абу Давуда (араб. سنن داود), Суна-н-Наса'и (араб. سنن النسائي), а также отдельные суры Корана, в которых упомянуты ароматические вещества, бытовавшие в арабском обществе во времена пророческой миссии Мухаммада.

На основе изучения источников, автор пришёл к нескольким заключениям. Благовония на протяжении VI–VIII вв. прошли эволюцию от элемента мироощущения доисламских поэтов, связанного с любовно-чувственным, плотским опытом, до символа райского метафизического благоденствия (согласно мусульманскому вероучению, Райская земля, подобно воздуху Рая¹ и его рекам², пахнет мускусом). Сравнения муз и возлюбленных с дорогостоящими благовониями у поэтов говорят о том, что любимые женщины ассоциировались у них с редкими, труднодоступными предметами роскоши. Как высокий статус любимых женщин подчёркивался сравнениями с редкими благовониями, так и наоборот, ценность ароматических веществ только росла при их упоминании в отношении знати. Именно по такому принципу построено большинство рассмотренных автором джахилийских стихов (произведения Имру' ал-Кайса, 'Алкамы б. 'Абада, Ал-Аа'ши' Маймуна). На основе образцов доисламской поэзии мы можем утверждать, что важность ароматических веществ усиливалась при их ассоциации со знатными женщинами. Так, красивые и богатые женщины Аравии ассоциировались у мужчин с ценными мускусом и удом³.

Однако с принятием арабами ислама использование женщинами духов претерпело изменения. По новым правилам женщинам запрещалось наносить на своё тело насыщенные, стойкие, привлекающие лишнее внимание ароматы; для мужчин в целом всё осталось, как прежде. Гендерное разделение в умасливании тела благовониями подтверждает хадис, переданный в сунне Абу Давуда: «Хасан ал-Басри сказал: “Благовония, которыми пользуются мужчины, должны иметь запах, но не иметь цвета, а благовония, которыми пользуются женщины, должны

¹ Сура ал-Мутаффифин 83:22–26.

² Сура ал-Каусар 108:1.

³ King A. The Importance of Imported Aromatics in Arabic Culture: Illustrations from Pre-Islamic and Early Islamic Poetry. *Journal of Near Eastern Studies*, Volume: 67. Chicago: The University of Chicago Press, 2015. P. 175–189.

иметь цвет, но не иметь запаха»¹. Мужчинам надлежало использовать духи с длинным шлейфом, а женщинам — менее диффузные, чтобы их запах могли услышать только их мужья².

С приходом ислама ароматики начали применяться в ритуалах. К примеру, духи стали употреблять в гигиенических и лечебных целях, всем мусульманам отныне надлежало наносить духи перед совершением молитвы или любого другого религиозного ритуала, за исключением совершения ритуала вступления на священную территорию во время хаджа и состояния ихрама³. В хадисе, переданном со слов Абу Са‘ида в Сахихе ал-Бухари, содержатся наставления для правильного омовения: «Пятничное омовение является обязательным для каждого мусульманина мужского пола, достигшего возраста зрелости, а также чистка зубов сиваком (араб. *سواك*) и использование духов, если они есть»⁴.

Таким образом, с приходом религии Мухаммада духи широко распространились среди простых людей и потеряли свой первоначальный статус мирской элитарности, однако приобрели сакральный статус; идея этой трансформации была заложена в Коране и закрепились в хадисах. Кроме того, не стоит забывать, что помимо приобретения некоего статуса сакральности, благовония стали гендерно окрашенными.

Мехоношина С. И. (РГГУ, Москва)

Сведения из семейной истории индо-гаянцев как источник по социальной жизни членов индийской диаспоры в Гайане

На протяжении всей своей истории в Вест-Индии жители Индо-Карибского бассейна перешли от привязанности к своим индийским корням к принятию Индии как части своего наследия, хотя и не своей родины. Когда они начали воспринимать Карибский бассейн как свой постоянный дом, а не как временное поселение, индо-карибцы развили идентичность, отличную от идентичности восточных индийцев. Примерно полмиллиона восточных индийцев были привезены в Карибский бас-

¹ Book 34, Hadith 29 // Sunan Abi Dawud [электронный ресурс] // Sunnah [сайт]. URL: <https://sunnah.com/abudawud:4048> (дата обращения: 19.05.2022).

² Thalal M. *Fragrances from Heaven: The Relevance of Smelling in Understanding the Early History of Islam*. // *Jurnal Ilmiah Islam Futura*. Vol. 20. 2020. P. 35–48.

³ Mubarkpuri S. *The Sealed Nectar (Biography of the Prophet)*. Riyadh: Darussalam Publications, 2002. P. 324.

⁴ Book 11, Hadith 5 // Sahih al-Bukhari [электронный ресурс] // Sunnah [сайт]. URL: <https://sunnah.com/bukhari:880>.

сейн с помощью системы наемного труда в период с 1838 по 1920 годы. Поскольку в колониях не существовало кастовой системы, полная, но отсроченная свобода предоставляла больше возможностей для социальной мобильности, чем у многих эмигрантов в Индии. Фактически, почти 80 % первоначальных иммигрантов не вернулись в Индию после истечения срока их контракта, что свидетельствует как о проблемах с получением обратного прохода, так и о прочной связи со своим новым домом¹. Изначально прибывшие восточные индийцы были разрозненной группой, однако вскоре они объединили свою общину, сформировав свою идентичность.

В зарубежной историографии представлены некоторые рассказы о путешествиях из Южной Азии в Карибский бассейн, а также исследования последующего развития отдельных культурных форм на новой «Родине». Подробная информация о путешествии содержится в ряде колониальных журналов, дневников и судовых журналов. Истории же работников по контракту, а в реальности подневольных людей, пересказаны в таких работах, как «Иммигрант № 99840 и Кейнкаттер № 7074»², где приводится история семьи за 100 лет, которая простирается от Индии до Гайаны, а затем до Канады. Вместе эти сведения дают возможность увидеть различные перспективы и контексты Карибского бассейна. Автор рассматриваемой работы, Лал Балкаран родился в Пудеройене, Гайана, вырос на Западном берегу реки Демерары, посещая начальную и среднюю школы в этом районе. Он имеет многочисленные публикации в области финансов и написал ряд важных книг о Гайане, к примеру, «Временные рамки гайанской истории», «Библиография Гайаны и гайанских писателей» и «Энциклопедия гайанских индейцев». «Иммигрант № 99840 и Кейнкаттер № 7074» заполняет значительный пробел в литературе, касающейся восточно-индийского населения Гайаны³. Она проливает свет на более личные переживания индо-гаянцев, о которых до сих пор лишь упоминали в литературе.

Лал Балкаран пишет личное и уникальное повествование о путешествии одной семьи из Индии в 1905 г. в качестве подневольных иммигрантов. Исследование, проведенное Балкараном этого «микроуровневого» аспекта истории, помогает нам понять общее развитие истории гайанской нации и истории карибских народов, в первую очередь, индийского происхождения. Почти 230-страничная книга содержит обширную информацию, разделенную на девять глав с шестьюдесятью подзаголовками тем и событий. Глоссарий из 141 слова, библиография из 50 книг, профиль Гайаны с уникальными статистическими данными и 41 фотография дополняют повествование.

Опыт индо-гаянских семей похож на опыт, описанный в данной книге. Фрагментарный характер индо-гаянской группы, который отчетливо прослеживается, мог привести к тому, что индийцы постепенно включились в более широкое общество. Вместо этого произошло обратное — восточные индийцы сформиро-

¹ Заволокина, Л. И. Мировая экономика: учебное пособие для вузов / Л. И. Заволокина, Н. А. Диесперова. М.: Юрайт, 2021. 182 с.

² Кейнкаттер- рабочий, нанятый для сбора урожая сахарного тростника

³ Balkaran, Lal. Immigrant #99840 and Canecutter #7074: the Story of an East Indian Family In Guyana 1905–2005. Bloomington, Ind.: AuthorHouse, 2006.

вали сплоченное сообщество, которое начало переосмысливать более широкое общество, чтобы создать для себя ярко выраженное пространство. Даже когда индийское население начало составлять большинство в Тринидаде, индо-карибцы продолжали дистанцироваться и поддерживать особую общину внутри страны.

Кроме того, работа представляет некоторые уроки взросления и преодоления трудностей, проблем, неудач и стремлений, а также социальную историю 1960–1980-х годов. В условиях сахарной плантации анализируются различные аспекты деревенской жизни, образования, религии, культуры и расы, а также ожесточенная политика Гайаны, чтобы показать, как они влияют на семейную ячейку в многорасовом обществе, несмотря на последствия колониализма, и в независимой Гайане. Реальные примеры бедности, человеческих страданий, эксплуатации, дискриминации, социального и морального вырождения тщательно документированы.

И, наконец, процесс эмиграции и обустройства в стране первого мира рассматривается в более широком контексте для решения таких вопросов, как адаптация к новой жизни в многокультурной среде. Меняющаяся демографическая ситуация, глобализация, степень благоприятности нового общества для успехов и неудач иммигрантов — все это рассматривается для того, чтобы получить представление о силах, которые постоянно меняют образ мышления и жизни иммигрантов.

Мишина З. К. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Социально-экономические реформы в Ираке на рубеже IX–X вв.

В эпоху Средневековья Ирак представлял собой территорию, ограниченную на севере линией от ал-Анбара на Евфрате до Тикрита на Тигре, на западе — Сирийской пустыней, на юге — пустынными областями Аравии и болотистой местностью в низовьях Тигра и Евфрата¹. Будучи плодороднейшей областью Аббасидского халифата и благодаря своему удачному расположению на пересечении торговых путей из Сирии, Аравии, Армении и Персии, данный регион за сравнительно небольшой промежуток времени достиг расцвета, а крупнейший иракский город Багдад стал одним из наиболее влиятельных политических, экономических и научных центров ближневосточного региона и мира в целом. Возникновение в центральной части Ирака столицы государства Аббасидов способствовало стремительному подъему благосостояния прилегающих к городу областей и стало мощнейшим толчком к развитию местной торговли и производства. Так, например, Басра из рядового участника морской торговли с Индией, Дальним

¹ Waines D. The Third Century Internal Crisis of the Abbasids // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 20 (3). 1977. P. 287.

Востоком и Аравией превратилась в стратегически важный порт средневекового мусульманского мира¹.

Однако уже в начале X века в Халифате на смену экономической стабильности и процветанию пришел затяжной экономический и политический кризис. Содержать огромный государственный административный аппарат правящей династии Аббасидов становилось все сложнее. Государство стремительно клонилось к упадку, который на некоторое время удалось отсрочить халифу ал-Му'тадида.

Эпоха правления ал-Му'тадида (892–902) признается историками одним из наиболее стабильных моментов в период кризиса IX–X вв., временем укрепления центральной власти. При ал-Му'тадиде в Ираке был реализован целый ряд социально значимых проектов. Заслуги данного халифа не умаляет даже тот факт, что в период его правления возросла роль института вазирата, под контролем которого за достаточно непродолжительный срок оказались все финансы Халифата.

Ал-Му'тадид, несомненно, был правителем-реформатором, который стремился ко всестороннему развитию государства. Необходимо отметить, что социально-экономическая политика Аббасидов в Ираке на рубеже IX–X вв. была достаточно прогрессивной, а нововведения, внедренные в период правления ал-Му'тадида, имели колоссальное значение для всего государства. Так, в Халифате была проведена масштабная финансово-экономическая реформа, которая, в частности, внесла изменения в систему налогообложения средневекового Ирака. Важно подчеркнуть, что правление династии Аббасидов в Ираке — это ярчайший пример зависимости правящей династии и бюрократического аппарата от доходов, собранных посредством механизмов налогообложения.

В рамках финансово-экономических реформ ал-Му'тадида в Ираке на рубеже IX–X вв. был принят ряд экономических мер, направленных на увеличение доходов государства, получаемых за счет взимания поземельного налога — *харādжа*. Изменения в налоговой системе Халифата вывели процесс сбора и уплаты налогов на качественно новый уровень, обогатили государственную казну и позволили на время приостановить процесс распада централизованного государства.

Николаева О. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Влияние зороастризма на формирование иранской идентичности

Всплеск интереса к зороастризму случился в XX в. в период правления шаха Резы Пехлеви, вызванное необходимостью сформировать новую иранскую идентичность. В университете Тегерана изучали Авесту, печатались статьи о зоро-

¹ Адамов А. Ирак арабский. Бассорский Вилайэт в его прошлом и настоящем. СПб.: Тип. Главного Упр. Уделов, 1912. С. 283.

астризме. Зороастрийские символы появились в государственной символике Ирана: на гербе изображались, вместе с исламской символикой, крылатый диск Фаравахар и Симург — символ Сасанидов и древних парфянских царей. Масовым явлением стало празднование гаханбаров — сезонных зороастрийских праздников — и Навруза. Анализируя данный период иранской истории, можно сделать вывод, что зороастрийские традиции тогда активно возрождались отчасти в противовес, отчасти как дополнение к исламу. Эта древняя религия заняла в тогдашней системе ценностей место одной из культурных черт, элементов, из которых складывается общая иранская идентичность.

Цель нашего доклада — определить, какое влияние оказала древняя иранская религия — зороастризм — на современную иранскую идентичность.

Для понимания того, на чём основывается иранская идентичность, необходимо принять во внимание исследования, посвящённые тому, какое влияние оказал зороастризм на становление ислама (главным образом, шиизма). Подобное влияние можно проследить как на доктринальном, так и на обрядно-бытовом уровне.

В книге шиитского теоретика времён Исламской революции Муртазы Мутаххари приводится суждение о том, что традиция передачи власти по наследству у шиитов связана с представлениями о сакральности царской власти в древнем Иране. Мутаххари приводит цитату британского востоковеда Эдварда Брауна о том, что согласно одному из мифов Хусайн ибн Али, сын дочери Пророка Фатимы, взял в жёны дочь последнего Сасанидского царя Йездигирда III¹. В данном случае не столько важна достоверность этого предания, ведь оно скорее отражает общие представления о влиянии доисламских верований на ислам.

Интересным видится также сравнение представлений мусульман и древних зороастрийцев об аде. В исламе считается, что в Судный день души людей должны будут пройти по узкому мосту Сират над огненной преисподней. Праведники легко пройдут по мосту, а грешники упадут с него напрямиком в ад. В зороастрийской традиции души умерших в загробном мире также должны пройти по мосту Чинват, и также, как в исламе, пересечь его смогут только праведники².

Ещё одним элементом сходства можно считать предание о спасителях, чьё пришествие ожидается перед Страшным судом. В исламе предания о Махди не зафиксированы в Коране, нет их и в наиболее авторитетных сборниках хадисов ал-Бухари и ал-Хаджаджа, тем не менее в некоторых канонических сборниках присутствуют упоминания о Махди. Что характерно, суннитская доктрина подвергают сомнению подобные верования, однако фигура Махди очень важна в шиизме. В зороастризме, в свою очередь, учение о некоем спасителе вполне официально закреплено. Имя его Саошьянт, согласно учению, он явится перед концом света, воскресит мёртвых, уничтожит злой дух Анхра-Майню и очистит

¹ Муртаза Мутаххари. Иран и ислам: история взаимоотношений / Пер. с перс., примеч. М. Махшулова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

² Дорошенко А. Р. Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. С. 6–34.

мир. Безусловно, учение о спасителях есть и в иудаизме, и в христианстве, так что бесспорное влияние зороастризма в этом вопросе установить трудно. Однако интересен тот факт, что учение о Махди характерно именно для шиизма.

Помимо доктринальных сходств существуют и сходства более бытового характера. Например, в обеих религиях положено произносить молитву пять раз в день. Ислам во многом практически полностью копирует зороастрийский обряд омовения¹.

Первые годы после Исламской революции были отмечены сильной исламизацией культурной и социальной сферы. Однако в последствии элементы зороастризма и традиционной иранской культуры вновь появились в официальном поле. Так в 2011 г. в стране широко отмечалось празднование тысячелетия поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Сейчас в Иране широко распространены зороастрийские праздники, например, Навруз, внесённый в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО; или ночь Ялда — ночь накануне зимнего солнцестояния, — признанная национальным сокровищем страны².

Идентичность современных иранцев представляет собой сложное и многогранное явление. Попытки построить её исключительно на какой-либо одной доктрине — традиционной иранской культуре, как при Пехлеви, или на исламе, после 1979 года — оказываются неудачными, на наш взгляд, потому, что в основах современного иранского общества заложен синкретизм и взаимовлияние культур. Уместно было бы вновь привести суждения Мутаххари о том, что все культурные концепции и символы вносят свой вклад в развитие человека и становятся уникальными элементами идентичности³.

Родецкий И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Специфика концепции истишхада в идеологии террористической группировки «ал-Каида на Аравийском полуострове»: на основе арабо- и англоязычных публикаций

Исламизм обращается к исламу не только как к религии, но и как к политической идеологии, что расширяет возможность применения религиозных категорий

¹ Хисматуллин А. А., Крюкова В. Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 170–188

² Древний иранский праздник Шаб-е Ялда — время победы сил добра и света (2012). Российское информационное агентство IRAN. RU URL: https://iran.ru/news/culture/84856/Drevniy_iranskiy_grazdnik_Shah_e_YaLDA_vremya_pobedy_sil_Dobra_i_Sveta (дата обращения 25.11.2022)

³ Гибадуллин И. Р. Мортаза Мотаххари и идеология иранского национализма. Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. Ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко; Институт Востоковедения РАН. М.; ИВ РАН, 2015. Стр. 271

или религиозных механизмов в политических целях. В риторике одних исламистских движений мученичество фигурирует преимущественно в пассивном смысле, под которым подразумевается провозглашение тех или иных жертв шахидами (шухада). Другие, более радикальные организации, апеллируют к мученичеству в ином ключе. Мученичество становится одним из инструментов ведения политической деятельности и вооруженной борьбы, а объявление жертв шахидами сменяется открытой пропагандой истишхада.

Истишхад — термин, трактуемый по-разному отдельными движениями и группировками. Стоит оговориться, что сам «истишхад» (масдар X породы) не является кораническим термином и ни разу не употребляется в Коране или Сунне. Глагол «исташхада», от которого образован масдар, встречается в Коране два раза, причем оба случая связаны исключительно со свидетельскими показаниями. Первые употребления этого глагола в значении «стать мучеником» встречаются лишь в хадисах. Все это обуславливает гибкость определения и применения истишхада.

В некоторых случаях, истишхад обозначает лишь факт мученической смерти. Более употребительным смыслом истишхада является самопожертвование — в особенности, если речь идет о террористах-смертниках. Посредством истишхада мученик демонстрирует высшую степень веры и самоотдачи, своей смертью он свидетельствует наличие высшей истины. Операции мученичества (ал-‘амалийат ал-истишхадийа) стали распространенным и, с точки зрения радикальных исламистских организаций, довольно эффективным способом ведения борьбы еще в конце XX в.

Можно выделить две целевые группы, воздействие на которых оказывает истишхад. Первая репрезентует «чужих» — это люди, проживающие в иной социальной или культурной группе, для которой не свойственен этот тип поведения. Вторая группа, наоборот, включает «своих». Это могут быть как потенциальные боевики или смертники, так и иные люди, одобряющие подобные действия и методы борьбы. С религиозной точки зрения, цель истишхада — убедить восприимчивую аудиторию в существовании трансцендентного дискурса¹. В таком случае, первая группа испытывает панику, страх или тревогу, а вторая — воодушевление, которое будет способствовать популяризации истишхада. Обычные мусульмане, не вовлеченные в радикальную исламистскую деятельность, могут находиться как в первой, так и во второй группе.

Ал-Каида на Аравийском полуострове (запрещенная в РФ террористическая группировка, далее — АКАП) — одна из наиболее активных ветвей ал-Каиды, образованная в 2009 г. и базирующаяся в Йемене. Примечательно, что АКАП занимает довольно весомую и стабильную позицию в регионе, которую не удалось ослабить даже Исламскому государству (запрещенная в РФ террористическая группировка, далее — ИГ). Причина кроется в специфичном социально-культурном взаимодействии АКАП с местным населением. Большая степень вовлеченности в культурный код региона, которая достигается посредством использования локальных традиций, йеменской поэзии, племенных категорий чести, гордости и мести,

¹ Calhoun L. Islamic martyrdom in the postcolonial condition // *Text and Performance Quarterly*. 2007. Vol. 24. № 3–4. P. 322. URL: <https://doi.org/10.1080/1046293042000312797> (Accessed: 07.01.2023)ю

позволяет АКАП позиционировать себя как защитника местного населения на фоне крайнего и неизбежного насилия ИГ¹.

Помимо большого количества видеоматериалов и непериодических публикаций в каналах АКАП или на иных ресурсах, аффилированных с ал-Каидой, АКАП выпускает периодическую литературу в pdf-формате. Она представлена арабоязычным журналом «Сада ал-Малахим» («Эхо героических битв», 2008–2011) и англоязычными журналами «Inspire» (от англ. глагола «вдохновлять», 2009–2017) и «The Wolves of Manhattan» («Волки Манхэттена», 2017 — н. в.). Англоязычные журналы ориентированы на мусульман, проживающих в США и Великобритании, они содержат призывы к насилию и дают практические советы по организации убийств и терактов. Журнал «Сада ал-Малахим», в свою очередь, фокусируется на социально-культурных аспектах «домашнего» для АКАП региона. На его страницах можно обнаружить воспоминания шахидов, интервью, письма, большое количество поэзии и даже поздравительные сообщения от АКАП йеменским племенам по поводу, например, свадьбы или истишхада одного из членов племени². Все три ресурса представляют интерес для изучения специфики концепции истишхада в дискурсе ал-Каиды на Аравийском полуострове и ал-Каиды в целом.

Сатучина С. Ш. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Тафсир суры Йусуф» Сайида Али Мухаммада Ширази (БАБ) как акт интерпретации собственной реальности с помощью матрицы Корана

«Тафсир суры Йусуф» (Tafsír súrát Yúsuuf) Бахаулла назвал первой, величайшей и могущественнейшей из всех книг. Несколько ее рукописей были описаны В. Розеном в сборниках «Collections Scientifiques...»³. После анализа этого тафсира британским ориенталистом Э. Г. Брауном в ряде статей, ученых привлек тот факт, что текст составлен по образцу Корана. «Кайюм аль-асма», как его еще называют, считается первой длинной книгой (датируемой 1260–1262 годами хиджры), написанной Бабом после начала его миссии. В стандартной английской транслитерации название звучит как «Qayūm al-asmā» (Arabic: قيوم الأسماء), что в переводе с арабского языка означает «Хранитель имен» (99 имен Бога в исламе). Еще одно его название — «Лучшая из всех историй» (Aḥsan al-qīṣaṣ).

¹ Kendall E. Al-Qaeda and Islamic State in Yemen. A Battle for Local Audiences // Jihadism Transformed. Al-Qaeda and Islamic State's Global Battle of Ideas. Ed. S. Staffell, A. Awan. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109.

² Ibid. P. 93

³ Rosen, Baron Victor. Manuscripts Arabes, «Manuscripts Babys» / Collections Scientifiques de l'Institut des Langues Orientales, Vol. I // St. Petersburg: Academie Imperiale de Sciences, 1877. P. 179–212.

В рамках этого тафсира изложена имамологическая метафизика его учения, легшая в основание религиозного течения бабизма. Использование Бабом профессионального слова тафсир (толкование) для описания своей миссии само по себе является отдельным вопросом, которым он открыл для ученых–востоковедов неокораническую историю в теологии.

Сам же Розен отнес данный тафсир к учению очередного персидского сектанта, а «мистическую путаницу» в некоторых главах и вовсе назвал французским словом «galimathias» (от фр. или испан. — «бессмысленность», «нелепость», «чепуха»). В своей суровой оценке он говорил об «этой странной работе» как непостижимой. Более понятными для него являлись примеры, которые иллюстрировали способ, с помощью которого Баб пытался присвоить харизму Иосифа (Йусуфа), чтобы призвать свой собственный духовный авторитет, переосмысливая существующее откровение в новой форме.

Профессор исламской мысли американского Университета Торонто Б. Т. Лоусон начал изучать труды исламских мистиков в общине бахаи, а позже защитил докторскую диссертацию¹ по комментарию к Корану нового мессии. В ней Б. Т. Лоусон объяснил, что загадочные комментарии Баба являются главной причиной, по которой эта работа была охарактеризована как «невразумительная рапсодия». Однако изучение таких источников показывает, что, хотя они, местами неясны, они вполне соответствуют «внутренней логике» суры «Йусуф». Своими корнями «Тафсир суры Йусуф» восходит к самой ранней тафсирской литературе, которая из-за кодировки символов и могла быть не понятна для первых ориенталистов — интерпретаторов исламской экзегетики. В случае с Бабом, по его мнению, «Тафсир суры Йусуф» можно рассматривать как расширение традиции выражения религиозного образа в исламе.

Коран самый интенсивно читаемый текст в истории мусульман, и подобное толкование свидетельствует о том, какое значение история Йусуфа имела для религиозной традиции шиитской экзегезы, требовавшей от Қайма (восставшего во имя истины) раскрытия суры «Йусуф», выделявшейся знаковыми качествами «скрытой» тайны.

Сахаров П. А. (КФУ, Казань)

Перспективы трудовой иммиграции рабочей силы из Турецкой Республики в ФРГ

В настоящее время существуют перспективы для трудовой иммиграции рабочей силы из Турецкой Республики в ФРГ. Развитая экономика Германии нуждается

¹ Lawson, B. T. Qur'an Commentary of Sayyid 'All Muhammad, the Bab, The Doctoral dissertation Institute of Islamic Studies, McGill University, 1987.

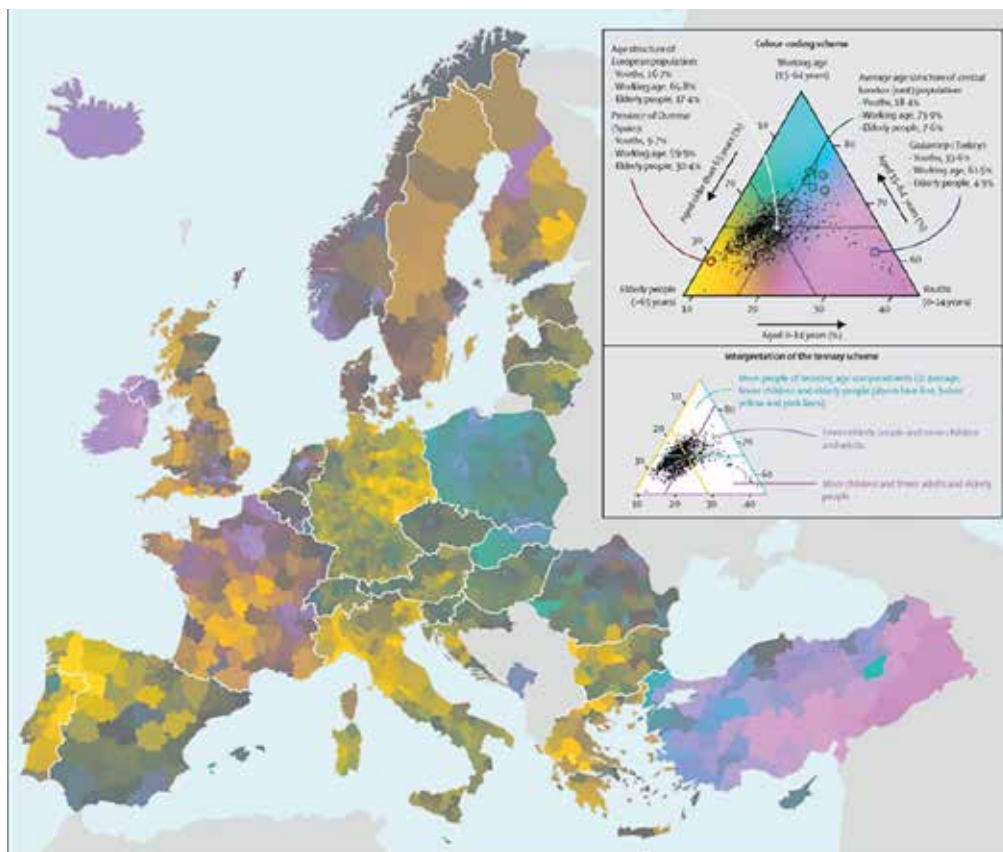

Рис. 1. Статистика старения населения Европы и Турции

в поддержании своего статуса на мировой арене. Для этого Германия стремится привлекать на работу тысячи новых иммигрантов, желающих заработать больше, чем у себя на родине, и дать новый толчок развитию немецкой экономики.

Благодаря такой политике ФРГ получила новую волну иммигрантов из Республики Турция. Немецкие новостные агентства в особой степени озабочены этим явлением, фактически наложившимся на многолетнюю иммиграцию арабов, курдов и других народов Ближнего Востока¹. Теперь к ним присоединяются и турки. Впрочем, турецкая иммиграция в Германию уже больше полувека является постоянным трендом, получившим «второе дыхание» уже сегодня, на наших глазах. Тысячи турок бегут в ФРГ в поисках лучшей жизни, обусловленной устойчивостью немецкой финансовой системы ко многим мировым кризисам и их последствиям, что положительно влияет на размеры зарплат и социального обеспечения в Германии, опережающей Турцию в этом отношении.

¹ URL: <https://www.dw.com/de/nur-raus-immer-mehr-t%C3%BCrken-fliehen-nach-deutschland/a-63687945> (дата обращения 14.01.2023)

В той или иной степени, неутешающее положение экономики Турецкой Республики обусловлено государственной финансовой политикой, опирающейся на альтернативный подход президента страны, Реджепа Тайипа Эрдогана, который стремится побороть инфляцию и сдержать скачок цен внутри государства¹. Так, лидер Турции выступает против повышения ставки ЦБ для удержания цен на импортные товары и, соответственно, проводит политику по снижению ключевой ставки. Как бы то ни было, экономика Турецкой Республики не испытывает значительных изменений в сторону улучшения, и поэтому сейчас такой экономический подход вызывает много вопросов и дискуссий, а порой и критики, популярной в прессе.

В свою очередь, Германия нуждается в постоянном притоке иммигрантов. Население Европы стареет, и трудоспособных молодых людей становится меньше. Тенденцию такого старения можно проследить по прилагаемой таблице (рис. 1), опубликованной в открытых источниках². Население Турции, наоборот — более молодое и активное, к тому же не имеющее тенденции к старению, присущему на сегодняшний день многим европейским странам, в том числе и Германии. Вместе с тем, иммиграция регулируется и строго ограничивается. ФРГ нуждается в молодых специалистах в области программирования. На эту и другие востребованные специальности в ФРГ ежегодно приезжают тысячи турецких студентов и специалистов. Без иммиграции Германия угрожает развал социальной и пенсионной системы, падение экономики, увеличение безработицы и конфликт поколений.

Исследуемая тема является актуальной и требует дальнейших исследований в этом направлении.

Травкин П. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Тиморско-индонезийский пограничный конфликт как фактор региональной дестабилизации

Восточный Тимор получил свою независимость в 2002 году. К тому времени в стране произошло множество кровавых и жестоких событий: захват власти в бывшей колонии коммунистами-маоистами, оккупация Индонезией, которая длилась около тридцати лет, этнические чистки и партизанская война. В момент обретения независимости бывшая португальская колония была крайне ослабленной. Государство пришлось создавать практически заново. Очевидно, что Тимор быстро попал под влияние крупных региональных игроков — Китая и Австралии.

¹ URL: <https://tass.ru/ekonomika/11002013> (Дата обращения 14.01.2023)

² URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(18\)31194-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(18)31194-2/fulltext) (Дата обращения 14.01.2023)

По сей день Восточный Тимор во многом является проводником воли этих держав, преследующих свои геополитические интересы в Юго-Восточной Азии. Стоит также отметить, что, несмотря на предыдущий негативный опыт, Тимор-Лешти пытается выстраивать отношения с Индонезией. Однако до сих пор между странами есть ряд споров и конфликтов, мешающих развитию полноценных и, что самое главное, взаимовыгодных отношений. Одним из таких конфликтов является спор о границе двух государств.

Проблема границ в Юго-Восточной Азии всегда стояла довольно остро. Еще в прошлом веке Индонезия была одной из стран с наибольшим числом взаимных претензий о границах с другими странами. Тем не менее, к началу 2010-х гг. Джакарта сумела найти компромисс и уладить большую часть актуальных на тот момент конфликтов, кроме споров о границе с Тимором. В настоящий момент речь идет в основном о линии разграничения между странами в районе тиморского анклава Окуси. Хотя территория всех спорных земель по меркам крупных стран небольшая (чуть более 140 га), для Восточного Тимора они представляют собой не просто новые земельные приобретения, а вопрос о престиже и имидже страны, а также возможность продемонстрировать заботу о защите национальных интересов. Не стоит также забывать, что для Тимора, где площадь плодородных земель, пригодных для выращивания риса крайне невелика, даже такие незначительные приобретения играют значимую сельскохозяйственную роль¹.

Индонезия с начала 2000-х гг. несколько раз пыталась решить конфликт на дипломатическом уровне и добилась значительных успехов на этом направлении. В 2019 г. правительства обеих стран договорились о прекращении конфликта, совместном патрулировании государственных границ, а также об их постепенной демаркации².

Однако при решении конфликта на государственном уровне не был учтен целый ряд факторов, который может в будущем привести новому росту напряжения в этом регионе. Правительства обеих стран не решились начать работу с местными неформальными лидерами в приграничных деревнях для того, чтобы те приказали местным жителям не пересекать границу в неположенных местах³. Также тиморское правительство не сильно озаботилось проблемой бедности населения в приграничных районах анклава Окуси, жители которых захватывали плодородные земли по индонезийскую сторону границы, что, естественно, приводило к столкновениям уже с местными жителями с индонезийской стороны, полицией и пограничными войсками Индонезии. В 2012 и 2013 годах такие столкновения обошлись без жертв,

¹ Analisa Akar Konflik Perbatasan Wilayah Indonesia-Timor Leste di Distrik Oecusse. URL: <https://kumparan.com/muhammad-fauzan-dhani-pratama/analisa-akar-konflik-perbatasan-wilayah-indonesia-timor-leste-di-distrik-oecusse-1yx96nWAcmD/4> (Дата обращения: 12.01.2023)

² Indonesia dan Timor Leste Sepakati Penyelesaian Sengketa Perbatasan Darat. URL: <https://nasional.kompas.com/read/2019/07/22/19233951/indonesia-dan-timor-leste-sepakati-penyelesaian-sengketa-perbatasan-darat> (дата обращения: 12.01.2023)

³ Why Indonesia and Timor Leste should involve indigenous people in border dispute talks. URL: <https://theconversation.com/why-indonesia-and-timor-leste-should-involve-indigenous-people-in-border-dispute-talks-101307> (дата обращения: 12.01.2023)

но нанесли серьезный экономический урон по обе стороны границы, а несколько человек с обеих сторон получили ранения разной степени тяжести¹.

Таким образом, несмотря на формальную завершенность территориального спора о границе, ситуация остается нестабильной. Тиморское население анклава продолжает жить в тотальной нищете, а зависть к более удачливым индонезийским соседям растет и подогревается официальной государственной антииндонезийской повесткой. В то же время Индонезия должна быть напрямую заинтересована в разрешении конфликта. Джакарте необходимо налаживать диалог между официальными органами власти и неформальными лидерами на местах, чтобы не допустить дальнейшего развития конфликта. Если же этого сделать не удастся, то данный территориальный спор станет новым рычагом давления на Индонезию, что в условиях меняющейся геополитической обстановки в регионе, а также активной политике Китая и Австралии на тиморском направлении, может значительно ослабить влияние Индонезии в этой части архипелага.

Хамидова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

«История» Шанбала как старейший памятник в историографии Хадрамаута

Собственная историографическая традиция Хадрамаута, историко-культурного региона Южной Аравии, начала складываться лишь в XV в. Старейшим историческим сочинением, дошедшим до нас в полном объеме, является «История Хадрамаута» Ахмада бин Абдуллы Шанбала.

Ахмад б. Абдаллах Шанбал родился в 872/1467 г. в городе Тарим, богословском и академическом центре Хадрамаута. О его жизни сохранилось мало сведений. Шанбал был известным знатоком мусульманского права, хадисов, суфизма, филологии. Он учился у крупных шейхов своего времени, много путешествовал и был одним из распространителей мусульманской учености в Южной Аравии. Шанбал умер в 920/1514 г. в Тариме и был похоронен на кладбище Занбал.

«История» Шанбала фактически стала отправной точкой для появившихся позже историографических работ по Хадрамауту. Эта «История» относится к биографическому жанру, для которого характерна краткая форма сообщений. Шанбал через призму биографий улемов, факихов и политических деятелей дает нам базу для воссоздания истории средневекового Хадрамаута. С композиционной точки зрения, сочинение Шанбала представляет собой погодную хроника и охватывает

¹ Sandi Nur Ikfal Raharjo. Managing Conflict Through Cross-Border Cooperation: A study at the Indonesia-Timor border. Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities (JISSH); Vol. 6, Issue 1, (2016), 75 p.

период с начала VI в. по начало X в. по хиджре (XII–XVI вв.). До 576/1180 г. «История» Шанбала содержит лишь скудные сведения, относящиеся к Хадрамауту; события упоминаются в контексте общей истории Йемена, когда правители соседних государств начали движение в сторону Хадрамаута¹.

При составлении своей хроники Шанбал, по всей видимости, обращался к сочинениям йеменских историков Ба Хассана, Ба Шарабилы, генеалогиям и семейным агиологиям *сейидов* и *машайихов*². «История Хадрамаута» Шанбала легла в основу других значимых историографических трудов, в частности, большая ее часть была приведена в «Истории Хадрамаута» хадрабийского писателя и историка Салиха б. Али аль-Хамида (ум. в 1387 / 1967 г.).

Рукописи «Истории Хадрамаута» Шанбала хранятся в Библиотеке им. Ахмада б. Хасана Аль-Атгаса в Хурайде, Султанской библиотеке в Мукалле, Библиотеке рукописей Аль-Ахкаф в Тариме, Йемен³.

Чориев Ш. Х. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Художественные миниатюры в каджарской рукописи поэмы Джами «Йусуф и Зулайха» из собрания Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ

В коллекции отдела по направлению востоковедение Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ свыше 600 персидских рукописей, среди которых — два иллюстрированных списка поэмы ‘Абд ар-Рахмана Джами «Йусуф и Зулайха». Одна рукопись украшена миниатюрами кашмирского стиля XVII–XVIII вв. (Ms. O. 933), другая содержит большое количество миниатюр в стиле, характерном для эпохи правления в Иране династии Каджаров и относится к первой половине XIX в. (Ms. O. 638)⁴. Наше сообщение посвящено второму из упомянутых манускриптов. Это одна из самых ценных книг на персидском языке в коллекции рукописей Научной библиотеки СПбГУ, оформленная в наилучших традициях каджарского стиля, богато иллюминированная и украшенная 26 миниатюрами.

К живописи Каджарского периода относят всю художественную произведения, созданные в Иране с конца XVIII по XIX вв. Эkleктичный по своему характеру,

¹ احمد بن عبدالله شنبيل، تاريخ حضرموت/ بتحقيق عبد الله محمد الحبشي، مكتبة صنعاء الأثرية، 3002 — 692 ص.

² R. V. Serjeant. Historians and historiography of Hadramawt / *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London. Vol XXV, Part 2 (1962). P. 242–245.

³ عبدالله محمد الحبشي، مصادر الفكر الإسلامي في اليمن — المجلد 1 — ص 500.

⁴ Хранилище тайн: Избранные персидские рукописи из собрания Санкт-Петербургского государственного университета / Под редакцией О. М. Ястребовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 345–352, 361–372.

данный стиль, как и предшествовавший ему стиль периода правления Зендов, развился под сильнейшим европейским влиянием, корни же его восходят к знаменитой казвинской школе XVI в.¹. Будучи придворным по своей сути, каджарский стиль имел тенденцию к архаизации из-за непомерных претензий Фатх 'Али-шаха возродить величие иранского государства ахеменидской и сасанидской эпох. Собственно, именно при Фатх 'Али-шахе стиль окончательно сформировался. В этот период становятся весьма распространёнными картины, написанные маслом на холсте. Для придворной каджарской живописи характерны помпезность и вычурность; она стала отражением своей эпохи и считается одним из знаковых явлений в истории персидской художественной культуры.

Рукопись находилась в личной коллекции первого декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета Александра Касимовича Казем-бека, которую он собирал в течение своей жизни, и которая насчитывает 179 единиц хранения. После его смерти в 1871 г. это собрание было приобретено университетом.

Ранее многие персидские рукописи, хранящиеся в библиотеке восточного факультета, в том числе рассматриваемая нами каджарская рукопись, не подвергались научному исследованию. Нашей задачей является составление полного кодикологического описания манускрипта, определение полноты текста, правильного порядка расположения листов в рукописи, проверка на наличие лагун и определение сюжетов всех миниатюр.

Щербакова Т. Г. (ГАУГН, Москва)

Правовые аспекты этноконфессиональных отношений в Палестине от арабского завоевания до конца османского периода

В быстро меняющемся мире государство Израиль остается эпицентром арабо-израильского конфликта. Формирование позитивных отношений между представителями двух в некотором смысле схожих по религиозным традициям религий — исламом и иудаизмом — важная задача сама по себе, и нынешний этап не исключение. В связи с этим актуальным остается рассмотрение правовых аспектов этноконфессиональных отношений в Палестине от арабского завоевания до конца османского периода.

Если говорить о начальном этапе, правовые аспекты положения *зиммиев* (христиан и иудеев) в Палестине в период Халифата касались практически всех сфер

¹ Ибрагимов Т. Живопись каджарского периода / Под редакцией Ф. Наджи. Баку, Издательский Дом "Şərq-Qərb" ("East-West"), 2013. С. 8.

жизнедеятельности. Однако многие законы были формальными или же касались только людей, занимающихся управлением христианскими общинами. Также стоит отметить, что правовые аспекты, заложенные в период Халифата, послужили примером для будущих правителей Палестины, а некоторые законы сохранялись на протяжении веков без изменений, за исключением периода Крестовых походов.

Новой крупной трансформацией правовых аспектов в Палестине становятся коррективы, внесенные монгольскими завоевательными походами в XIII в., которые удалось отразить мамлюкам. Период господства мамлюков, их законотворчества и реформ был одним из самых сложных для населения региона, что предопределило поддержку турок-осман со стороны *зиммиев* во время установления контроля Стамбула над Палестиной.

К началу XIX столетия правовое положение немусульманских религиозных общин вновь осложнилось. Кроме того, налоговый гнет пагубно сказывался на общественных настроениях, ставя под угрозу османскую власть. В XIX в. межнациональный вопрос в империи обострился, он не был решен даже в эпоху реформ Танзимата. Если одни реформы — в бытовой сфере — решали часть проблем, то другие — в вопросах мобилизации и военной подготовки — лишь усугубляли их.

По итогам, можно выделить следующие тенденции рассматриваемого периода. В рамках Халифата были заложены основные положения, регламентирующие жизнь немусульманского населения, которые на протяжении столетий, за исключением периода существования государств крестоносцев, останутся базой юридической системы. Положение иудеев и христиан в это время оставалось относительно стабильным, чего нельзя сказать об эпохе правления мамлюков.

С переходом Палестины под османское управление произошло возвращение к некоторым положениям, сформулированным еще при халифе Умаре. Несмотря на это, составить унифицированный свод устойчивых законов, который бы грамотно регламентировал все аспекты этноконфессиональных отношений, не удалось никому. Период глобального реформирования османского общества (Танзимат) сказался на населении Палестины довольно противоречиво, и в дальнейшем нерешенный этноконфессиональный вопрос станет одним из факторов развала Османской империи.

Юшко Т. М. (НИУ ВШЭ, Москва)

Перспективы развития имазигенистики и берберских исследований в России

В современной русскоязычной академической среде уделяется крайне мало внимания имазигенам как этно-социальной общности в странах Магриба и как

этно-языковой общности, игравшей значительную роль в генезисе культур и цивилизаций Северной Африки. В мире проживает около 30 миллионов бербероговорящих людей, они составляют заметный процент населения в странах Северной Африки: к примеру, в Марокко, по разным оценкам, они составляют от 40 до 50 %. При этом, отечественная имазигенистика и берберология менее развита, нежели другие дисциплины, изучающие «малые народы» арабских стран, такие как, например, арамеистика или курдоведение. В недалеком прошлом деятельность советских африканистов — Ю. Н. Заводовского, А. Ю. Айхенвальд, — во многом заложила базис, с опорой на который мы имеем возможность развивать отечественную науку в этом направлении. В наши дни на факультетах востоковедения и африканистики также защищаются дипломные работы и диссертации, посвященные разным областям берберских исследований. Независимо от этого осуществляется изучение берберских языков в рамках сравнительного языкознания и макрокомпаративистики, однако эти процессы не носят характер системных исследований в рамках самостоятельной академической дисциплины.

Ориентируясь на практики изучения других народов Ближнего Востока и Северной Африки, можно предложить попытку объединить разбросанные по разным областям гуманитарного дискурса берберские исследования в единую и самостоятельную дисциплину.

Для этого необходимо сначала оценить имеющийся на данный момент интеллектуальный потенциал, которым будет комплектоваться российская имазигенистика. Подобно тому, как это реализовано в арабистике, гебраистике или тюркологии, имазигенистика как комплекс дисциплин, включающий сравнительное изучение берберских языков, культуру, историю, традиционную религию берберских народов, социальное положение имазигенов в странах Магриба и их диалог с другими народами и т. д., будет способствовать развитию российского востоковедения и африканистики путем создания пространства для междисциплинарных исследований имазигенов, формирования платформы для общения и взаимодействия заинтересованных в этой области специалистов, а также подготовки и обучения необходимых кадров.

Таким образом, если подобный проект будет реализован, отечественная африканистика сможет приобрести новую школу, которая будет функционировать как самостоятельный институт, продвигая берберские исследования и изучение имазигенов как отдельного феномена окружающего мира.

СЕКЦИЯ XVIII • SECTION XVIII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

Асадуллин Ф. А. (ИБ РАН, Москва)

Восток в историческом наследии Москвы

Москва является одним из известных исторических городов в мире. Ее культурная идентичность видимыми и невидимыми нитями связана с Востоком и его цивилизационными кодами. Сохранившиеся памятники архитектуры (собор Василия Блаженного, особняк купца Арсения Морозова на Воздвиженке, Константинопольское подворье, палаты Юсуповского дворца), топонимика старых московских улиц и площадей (Арбат, Балчуг, Таганка, Ордынка, Китай город), известные образцы отечественной литературы и культуры — все это формирует исторический ландшафт города, позволяющий сделать вывод, что Москва — это город восточный и по стилю, и по духу.

Историческое знание о российской столице приобрело в последние годы принципиально иные, чем раньше масштабы и измерение, что высветило еще больше ее древние этнокультурные черты, связанные с миром азиатского Востока. Ее «полуазиатская физиономия» (выражение Н. М. Карамзина) сегодня исследуется в многих работах ученых-историков и краеведов, а также независимых российских и иностранных исследователей. Альбом, который предполагается презентовать в ходе работы Конгресса, через архивные фотографии, археологические артефакты, художественные гравюры и картины мастеров кисти расширит границы исторического знания о Москве.

Бобровников В. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Шихалиев Ш. Ш. (ИВ РАН, Москва)

Открыли ли улемы России «врата иджтихада» в историографии ислама? (малоизученный аспект мусульманского реформаторства в Дагестане XX в.)

Долгое время джадидизм (от араб. *джаддада* — «обновлять»); который сегодня предпочитают называть мусульманским реформаторством) служил одной из главных тем в изучении ислама в Российской империи и ранней советской России (Е. Lazzzerini). В XXI в. в историографии произошел резкий поворот в другую сторону, приведший к полной деконструкции прежних оценок и едва ли не к отрицанию существования мусульманского реформаторства как отчетливого движения за реформу, точнее исправление (араб. *ислах*) современного мусульманского общества (А. Бустанов). На эту тему в России и за рубежом написаны горы литературы. Предметом исследования в мусульманском реформаторстве служили в первую очередь так называемые новометодные медресе и реформа преподавания в них, вклад реформаторов в создание мусульманской прессы в России конца XIX — начала XX в., первые религиозные движения и национальные партии мусульман, начиная с появившейся в годы Первой русской революции Иттифак ал-мусульмин, в целом политическая деятельность реформаторов. За последнее десятилетие появились также серьезные исследования правовых сочинений джадидов, выходящих на проблематику возобновления иджтихада в фикхе.

При этом все еще игнорируется важный аспект мусульманского реформаторства: попытки некоторых улемов поздней имперской и ранней советской России произвести переворот в историописании, перейдя от хроник, полных, по их мнению, недостоверных и нелепых легенд, к современной научной и, при этом, подлинной исламской историографии, основы которой они видели в трудах классиков жанров *та'рих* и биографических словарей-*табакаат*. В первой половине XX в. в разных регионах России и послеосманского Ближнего Востока появился целый ряд нетрадиционных мусульманских исторических сочинений. Хуже всего они изучены на достаточно богатых материалах российско-советского Дагестана.

Пытаясь восполнить этот досадный пробел, мы решили обратиться к историческим трудам и материалам известного реформатора 'Али ал-Гумуки (Каяева, 1878–1943) и его современника Джамал ад-дина ал-Гарабудаги (из с. Карабудахент, 1858–1947) о прошлом и настоящем народов Дагестана как части единой «нации (араб.-тюрк. *миллет*) ислама» на внутреннем фронтире Российской и Османской империй. Оба они живо интересовались историей (араб. *та'рих*) исламизации Кавказа, к изучению которой пришли еще в школьные годы, читая и переписывая арабские и тюркоязычные хроники. Собственные исторические они начали писать в духе критического источниковедения, будучи уже зрелыми учеными. Каяев был сторонником абсолютного иджтихада в области современной шариатской юстиции. Столь же серьезно от начал преобразовывать историографию Дагестана. Ученик

Каяева Магомед-Сеид Саидов (1902–1985) стал одним из зачинателей советского академического востоковедения и арабистики. Джамал ад-дин ал-Гарабудаги в истории и фикхе придерживался более умеренной позиции, защищая иджтихад в рамках мазхаба и фетвы. Этим принципам он следовал как кади созданного в 1944 г. ДУМ Северного Кавказа, а также в источниковедении. Его история кумыков и родного селения Карабудахкент ближе по жанру к хронике, но написана с учетом критики источников и современно не только мусульманской литературы.

Сравнивая сочинения наших авторов об исламизации Дагестана и его модернизации в Российской империи и СССР, мы пытались выяснить, что реформаторы-джидаиды понимали под «историей», ее исламской составляющей как науки категории *наклият*? Какое место они отводили в ней религии, народам и известным историческим личностям? Установить, чем концептуальный язык их работ отличался от сочинений мусульманских хронистов? Что можно сказать об историческом дискурсе джаидов? Определить, повлияли ли на него классики европейской позитивистской историографии Ф. Гизо от и Т. Карлейля до Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева? Если да, то какую роль здесь сыграл культурный перевод? Кому были адресованы написанные ими истории? Как они были приняты современными им мусульманами, европейскими, российскими и турецкими востоковедами, а также потомками? Наконец, что можно сказать про исторический контекст превращения мусульманских хроник об исламизации в раннюю национализирующуюся историографию, рассчитанную во многом на читающую мусульманскую элиту, прежде всего улемов, которых объединяло знание арабского и тюркских (прежде всего староосманского) языков? Насколько это превращение завершилось? Какую роль они сыграли для деколонизации науки на российском Кавказе?

Следует отметить целый ряд параллелей между историческими сочинениями Джамал ад-дина Карабудахкентского и Али Каяева, написанными в традиционных для мусульманской историографии жанрах *та'рих* и *табакат*, серьезно трансформированном ими. Можно предположить также, что их сочинения сыграли похожую роль в рождении востоковедения на постколониальных окраинах России. Исторические сочинения Али Каяева и Джамал ад-дина ал-Гарабудаги написаны на национальных, преимущественно тюркских (реже — кавказских) языках, при том, что некоторые из них также известны в одновременных арабских и староосманских версиях. Проведенное исследование показывает необходимость введения в научный оборот всех этих работ.

Данилова В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Дигитальный ислам в России: образование и просвещение

При написании данной работы я использовала термин «дигитальный ислам» в качестве описания явления, при котором люди, считающие себя мусульманами,

активно продвигают свои идеи, комментируют различные политические и неполитические вопросы в Интернет-пространстве. В своей работе я подробно рассмотрела теоретические основы данного вопроса, сравнив мнения таких исламоведов как Б. Тернер¹, Г. Бант², О. Руа³, П. Мандавилль⁴ на явление дигитального ислама.

В силу того, что одной из наиболее актуальных проблем для современных российских мусульман является мусульманское образование, этот вопрос является достаточно обсуждаемым в виртуальном пространстве. Более того, мусульманское образование важно для тех, кто находится на начальных этапах приобщения к исламу. Я провела анализ основных платформ, которые используют российские мусульмане для осуществления просветительской и образовательной деятельности и пришла к выводу, что наибольшей популярностью среди «рядовых» мусульман пользуются социальные сети, платформа YouTube и официальные сайты Духовных Управлений мусульман России.

Рассмотрев онлайн-публикации по теме виртуального мусульманского образования в России, я пришла к выводу, что далеко не все материалы содержат достоверную информацию, именно поэтому далее я классифицировала виды Интернет-активности российских мусульман в сфере образования и просвещения, основываясь на уровне легитимности информации, содержащейся в контенте рассматриваемых Интернет-платформ.

Выведенная мною классификация видов Интернет-деятельности российских мусульман в сфере образования и просвещения включает:

1. Образовательную деятельность, осуществляемую официальными представителями духовных управлений мусульман;

Существуют отдельные сайты, например, духовное управление мусульман республики Башкортостан⁵, духовное управление мусульман Чеченской республики⁶ и др. Основным контентом данных сайтов являются анонсы различных мероприятий⁷, но на ютуб-канале ДУМ РБ можно найти цикл онлайн-лекций по обучению арабскому языку⁸. Важно понимать, что онлайн-деятельность духовного управления не сводится только к публикациям на их официальном сайте. Дело в том,

¹ Turner B. S. *The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner*. Ashgate Publishing Company, 2013. P. 205

² Bunt G. R. *Islam in the Digital Age: E-Jihad, Online Fatwas, and Cyber Islamic Environments: Islam in the Digital Age: E-Jihad, Online Fatwas, and Cyber Islamic Environments*. Pluto Press, 2003. P. 248

³ Roy O. *Globalized Islam — Interview with Olivier Roy — Religioscope — 8 November*. URL: <https://cup.columbia.edu/author-interviews/roy-globalized-islam> (Дата обращения: 18.04.2022)

⁴ Mandaville P. *Globalization and the Politics of Religious Knowledge. Pluralizing Authority in the Muslim World. Theory, Culture and Society*. 2007. № 24(2). P. 101–115

⁵ Духовное управление мусульман республики Башкортостан URL: <https://dumrb.ru>.

⁶ Духовное управление мусульман Чеченской республики URL: <https://dumchr.ru>.

⁷ Пост в группе «Духовное управление мусульман РБ. ДУМ РБ» от 22.04.2022. URL: https://vk.com/dumrb?w=wall-178900207_2327.

⁸ ДУМ РБ Уроки арабского языка. (На русском языке). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AsT4yyGHoRc&list=PLNLbwMpWSYJRPKsXqCqHzvLYrn0QHvWabH>.

что у большинства официальных онлайн-представительств духовных управлений есть отдельные ютуб и телеграм-каналы, а также группы в социальных сетях.

2. Онлайн-деятельность, осуществляемую частными исламскими организациями;

Например, при введении запроса «мусульманская онлайн-школа» в поисковой строке можно найти десятки различных платформ, которые оказывают образовательные услуги в виртуальном пространстве. Самыми популярными являются: Онлайн-школа для мусульман IQRA¹, Онлайн-школа UMACLASS², Первая исламская онлайн-академия МЕДИНА³ и др. Данные Интернет-сервисы заявляют, что способны «дать ребенку баланс интеллектуального и духовного образования, который поможет ему стать успешным в современном обществе». Упомянутые выше онлайн-курсы направлены как на детскую аудиторию, так и на взрослых людей, которые только приняли ислам и хотят получить базовые знания о религии.

Также к частным исламским организациям можно отнести локальные форумы и паблики в социальных сетях, работа которых базируется на продвижении идей ислама.

3. Личные посты пользователей, позиционирующих себя как представители ислама.

Например, существует очень много материалов на платформе YouTube под рубрикой «ответы на вопросы» от лиц, представляющихся авторитетными Интернет-богословами.⁴

То есть образовательную деятельность, осуществляемую официальными представительствами духовных управлений мусульман, я считаю наиболее авторитетной и достойной доверия, так как религиозные деятели, курирующие Интернет-проекты духовных управлений, имеют более официальное и легитимное положение. Тем не менее, не стоит исключать, что некоторые представительства могут насаждать «свое видение Ислама».

На втором месте по уровню авторитетности информации я расположила частные мусульманские онлайн-платформы, осуществляющие образовательную деятельность. В большей степени я оцениваю положительно данный вид виртуальной активности, так как они представляют большой выбор различных форматов обучения. Однако, в случае обращения к данным организациям следует проверять наличие сертификатов, подтверждающих компетенции лиц, ведущих образовательную деятельность.

Наименее авторитетными, на мой взгляд, являются личные публикации пользователей, позиционирующих себя как представители ислама. Данный вид онлайн-активности носит исключительно субъективный характер и может быть наполнен эмоциональной окраской, которая никак не будет сопоставляться с исламом.

¹ Онлайн-школа для мусульман IQRA. URL: <https://iqra.com.ua>.

² Онлайн-школа UMACLASS. URL: <https://umaclass.ru/?ysclid=lblaf4fe4w818518432#rec475975384>.

³ Первая исламская онлайн-академия МЕДИНА. URL: <https://medinaschool.org>.

⁴ Он все-таки нашел ИСТИННЫЙ МИР в Исламе! Закир Найк. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VUpAinEvpxYю>.

Таким образом, Интернет-активность российских мусульман в сфере образования и просвещения в большей степени имеет положительный характер. Виртуальное пространство предоставляет доступ мусульманам к различным источникам знаний, дает возможность взаимодействовать с представителями ислама из других стран, увеличивает чувство общности между различными течениями ислама в России. Однако, важно с осторожностью относиться к информации, полученной в онлайн-пространстве и соотносить ее с базовыми знаниями об исламе.

Заблоцкая О. А. (Издательский дом «Медина», Нижний Новгород)

К вопросу о деятельности Центра исламских исследований СПбГУ: обзор издательских и архивно-библиотечных проектов

В 2015 г. в соответствии с президентской стратегией Минобрнауки России окончательно утвердило Концепцию подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Этот масштабный проект сотрудничества академического востоковедения и традиционной исламской богословской школы был реализован при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета и Духовного управления мусульман РФ. По мере выполнения ключевых задач проекта — запуска исламоведческой программы на Восточном факультете, присвоения исламской теологии статуса научного направления — на базе Университета в 2020 г. был также учрежден Центр исламских исследований. Деятельность нового института подразумевает анализ мусульманской историко-философской проблематики с опорой на многовековой опыт российских народов.

Плотно взаимодействуя с Духовным управлением и его структурами, Центр располагает инструментарием, финансированием и квалифицированным научным штатом (включая выпускников университетских программ) для решения исследовательских задач широкого спектра. Важную роль в этом процессе играет Издательский дом «Медина», выпускающий не только духовную литературу, но и академические материалы по культуре, языкам и искусству Востока. Эта более чем 15-летняя работа сосредоточена вокруг главной миссии Центра исламских исследований — комплексного изучения и донесения до широкой аудитории богатейшего достояния российского мусульманства, его вклада в евразийскую цивилизацию и места его обновленческо-гуманистической доктрины в ретроспективе мировой философской мысли.

Ввиду этого примечательна деятельность Центра по выявлению, систематизации и оцифровке трудов мусульманских реформаторов эпохи Российской империи — Хусаина Фаизханова (1823–1866), Ильяса Бораганского (1852–1924), Мусы

Джаруллаха Бигиева (1875–1949). До настоящего времени данные сочинения не попадали в поле научного зрения, либо затрагивались неглубоко. Их авторы, жизни которых неразрывно были связаны с историей Университета, наравне со знаменитыми русскими арабистами, иранистами и тюркологами вносили свой вклад в становление отечественного востоковедения. В рамках введения их наследия в научный оборот в 2022 году в Издательском доме «Медина» вышла книжная серия «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление», приуроченная к общероссийскому празднованию 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией.

В процессе поиска, перевода и публикации этих и других источников Центр исламских исследований выстраивает кооперацию с ведущими архивно-библиотечными фондами Санкт-Петербурга, среди которых Российская национальная библиотека, Институт восточных рукописей РАН, Центральный государственный исторический архив. Следует упомянуть и недавно инициированную Центром работу с Восточным отделом Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ, включающим сравнительно компактное, но разнообразное собрание рукописей и дореволюционных изданий по истории, филологии и религиоведению. На этом фоне выделяются памятники печати мусульманских типографий Поволжья, Сибири, Кавказа, Крыма, тщательная проработка и систематизация которых была отдельно вынесена на повестку историографических изысканий.

Обсуждение активности Центра исламских исследований СПбГУ в рамках 32-го Международного научного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки призвано привлечь внимание ученых не только на новые перспективы и открытия, но и частые проблемы, возникающие по мере разрешения научных вопросов. Бюрократические трудности в доступе к историческим документам, материальное обеспечение исследовательских проектов и дефицит специалистов для их осуществления — все эти аспекты требуют поднятия со стороны академического сообщества с целью формирования более прозрачного алгоритма работы, привлекательного для молодых кадров и продуктивного для популяризации общенационального культурного достояния.

Имамутдинова З. А. (ГИИ, Москва)

Задачи и проблемы изучения религиозных музыкальных традиций мусульман России

Религиозная музыкальная культура российских мусульман с позиций сегодняшнего дня может сводиться исключительно к исторически сложившейся культуре автохтонных мусульман России, либо же подразумевать и традиции мусульманских диаспор, прибывших в РФ из регионов СНГ и других стран.

С позиций уникальности стиля, звучащих жанров и видов ритуалов в религиозной музыкальной культуре мусульман России, необходимо, прежде всего, выделить Урало-Поволжье (Волго-Уралье), Северный Кавказ, Крым, Астраханскую область и западную часть Сибири.

Специфика локальных религиозных музыкальных традиций в регионах России является результатом исторических сдвигов и потрясений в процессе долгой эволюции, этнического своеобразия, используемых издавна языков и диалектов, религиозных представлений в связи с приверженностью разным направлениям ислама и позициям богословских авторитетов, а также, — имеющих (в большей или меньшей степени) место религиозного синкретизма и взаимовлияния культур.

Изучение религиозных музыкальных традиций российских мусульман в силу масштабности стоящих задач может и должно превратиться в направление музыкального востоковедения, соприкасающегося в отдельных аспектах с исламской теологической проблематикой.

Прежде всего, необходимо обеспечить данное многовекторное исследование религиозными музыкальными источниками, за редким исключением, не зафиксированными ни в виде аудио- и видеозаписей, как и в виде нотаций или при помощи других способов графического отображения (например, компьютерных мелограмм — именно этот путь эффективен при изучении мелодизированного чтения Корана и используется автором).

Необходимо подчеркнуть, что устная форма передачи своеобразных этнических традиций религиозного музыкального интонирования мусульман не может обеспечить ее сохранность в данную эпоху, когда российская умма все в большей степени вовлекается в глобализационные процессы, связанные с тотальным стремлением следовать каноническим (арабским/ближневосточным) установкам ислама в сфере религиозных ритуалов (прежде всего, в чтении Корана, звучании азана, исполнении религиозных напевов). Сверхзадачей в данном направлении представляется картографирование уникальных религиозных музыкальных феноменов, звучащих в разных частях России, и создание на этой основе электронного ресурса.

Одновременно необходимо культивировать интерес к изучению религиозной музыкальной культуры российских мусульман. С точки зрения наличия источников и методов исследования религиозных музыкальных традиций мусульман России можно условно выделить следующие исторические этапы: первый, охватывающий огромный путь развития от периода формирования до последней трети XVIII в.; второй, берущий начало в правление императрицы Екатерины II вплоть по начало 1920-х гг.; третий, советский до 1990-х гг. и, наконец, четвертый — современный.

В самом общем плане в задачи исследования, очевидно, должны входить:

- 1) поиск сохранившихся в частных коллекциях записей и анализ имеющихся исследований по регионам России,
- 2) характеристика специфики религиозных музыкальных традиций, сформировавшихся у мусульман в разных регионах страны,

3) выявление важнейших этапов в развитии религиозных музыкальных этно-региональных традиций мусульман России.

4) выстраивание представлений об этнических, сохраняющихся у мусульман в разных регионах России, и, в сопоставлении с ними, канонических ближневосточных мелодических образцах религиозных музыкальных жанров и форм, активно адаптируемых в настоящее время российской уммой.

При этом собственно религиозные музыкальные традиции, формы и жанры мусульман необходимо дифференцировать по следующим признакам:

- 1) времени и факторам, способствовавшим их формированию,
- 2) соотносённости с религиозными направлениями (суннизмом, шиизмом, суфизмом), видами мазхабов — богословско-правовых школ,
- 3) допустимости или не допустимости с точки зрения канонического ислама (то есть, рассматривая их с позиций богословской категории *бид'а* — дозволенных и недозволенных новшеств),
- 4) особенностям литературных источников (при их наличии),
- 5) функциональному назначению и использованию в религиозных ритуалах в мечети,
- 6) типу мелодической оформленности и использованию музыкальных инструментов,
- 7) формам передачи традиции (исключительно устной либо же опирающейся на письменные тексты и поддерживаемой нотными записями, как это может происходить с религиозными песнопениями мусульман-татар и башкир — мунаджатами).

На сегодня степень изученности этно-региональных традиций мусульман России весьма различна. Религиозная музыкальная культура мусульман-татар и башкир Урало-Поволжья привлекла внимание этнографов впервые еще в конце XIX столетия (С. Г. Рыбаков), но в последующем, в силу исторических факторов (в частности, атеистической политики в период советской власти), обходилась молчанием или же изучалась неравномерно и с разной степенью глубины в отношении бытовавших религиозных музыкальных форм, жанров и традиций (Р. А. Исхакова-Вамба, М. И. Шамсутдинова, Г. Р. Сайфуллина, А. Б. Софийская, З. А. Имамутдинова и др.). По другим регионам имеются единичные работы, появившиеся лишь в последнее десятилетие, например, по Северному Кавказу (М. Ш. Абдулаева, М. С.-Г. Албогачиева, А. А. Черкесова), Крыму (Г. Р. Туймова), при этом по западной части Сибири на сегодня в данном направлении были фактически сделаны лишь первые шаги (Л. Р. Сурметова). По Астраханской области практически нет публикаций.

В рамках сообщения будет представлена презентация, призванная предоставить необходимые сведения о предмете исследования, усилить интерес к этой проблематике, осознать уникальность религиозных музыкальных традиций мусульман России в контексте всего исламского мира и подчеркнуть актуальность их изучения.

Рагозина С. А. (ИВ РАН, Москва)

Мусульманские соцсети: как анализировать «новые тексты» в исламском поле?

Новые медиа стали органичной частью повседневности, в том числе это касается и мусульманского сообщества в современной России. Функции соцсетей теперь не сводятся к информационной или коммуникативной, они играют перформативную роль в формировании мусульманской идентичности. Большая часть контента в исламских социальных сетях посвящена призыву и проблемам религиозного благочестия. Полиархичное по своей природе пространство социальных сетей позволяет пользователям индивидуализировать стратегии своего религиозного поиска, выбирая те или иные источники религиозного знания. В то же время спрос на вариативность стимулирует появление множества новых акторов, новых религиозных авторитетов, транслирующих это самое религиозное знание. Пандемия значительно стимулировала мусульманский активизм в соцсетях: например, в противовес «официальным улемам» стали заметны многочисленные «неофициальные» интернет-улемы (особенно в соцсетях), часто обращающиеся к салафитскому дискурсу.

Какие подходы наиболее оптимальны при анализе этих «новых» текстов? В данном докладе будет представлен анализ ключевых работ, посвященных изучению исламского киберпространства и шире — роли цифровых технологий в трансформации отдельных религиозных практик (например, будут освещены теории медиатизации религии М. Лёвхайм, социологии ислама Б. Тёрнера и Д. Эйкельмана). Также предполагается обсудить конкретные методики анализа такого рода текстов, например, сетевой анализ и отдельные инструменты корпусной лингвистики.

Соболев В. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Идейное разнообразие миссионерского исламоведения в России на рубеже XIX–XX вв.: Е. А. Малов, Н. П. Остроумов, П. К. Жузе

В середине XIX в. в Казанской духовной академии сформировалось направление православного образования и богословия, которое часто называют миссионерским. Идейные основы миссионерской деятельности среди российских инородцев были заложены Н. И. Ильминским (1822–1891), при этом особое значение придавалось распространению христианства среди мусульман. Важным аспектом

считалось противодействие влиянию ислама на российских подданных. Первоначально миссионерскую работу планировалось проводить, главным образом, среди населения Поволжья, но по мере роста Российской империи принципы миссионерства попытались перенести также на территорию Казахстана и Туркестана. Были попытки применить миссионерскую практику и на Кавказе.

Как правило, миссионерское исламоведение рассматривается как вполне цельное направление, хотя и прошедшее в своем развитии определенную идейную эволюцию. Более того, этот вариант исламоведения часто рассматривают как один из аспектов имперской и колониальной политики России, которой были присущи ориенталистские клише и стереотипы¹. Тем не менее, идеологическое пространство, обрисованное Н. И. Ильминским, было весьма широким и даже противоречивым. Это позволило его последователям весьма вольно и разнообразно трактовать идеи создателя школы миссионерского исламоведения.

На наш взгляд, внутри миссионерского исламоведения можно выделить, как минимум, три подхода к решению «мусульманского вопроса» в России. Первое из направлений может быть представлено работами Е. А. Малова, М. А. Машанова, М. Г. Иванова и некоторых других преподавателей академии в Казани. Эта группа миссионеров-исламоведов делала акцент на полемике с исламом как с «ложной» религией, пыталась обличать священные тексты мусульман, вскрывать «нравственные пороки» ислама. Именно этот аспект казанского исламоведения более всего смущал петербургских востоковедов и, в частности, барона В. Р. Розена². В то же время, не следует воспринимать петербургское академическое исламоведение и казанское миссионерское как абсолютных антиподов. Тот же Розен указывал, что деятельность казанских богословов «заслуживает гораздо больше внимания и сочувствия со стороны всей нашей образованной публики, чем ей обыкновенно уделяется»³. Е. А. Малов состоял с Розеном в переписке и с благодарностью реагировал на замечания Розена в рецензиях на публикации Малова.

Второе направление, характерное для казанской миссионерской школы, это «просвещение инородцев». Здесь внимание было сосредоточено не на полемике с исламом и не на обличении недостатков исламского права и этики, а на образовательной политике в инородческой среде, создании школ русско-туземного типа, создании алфавитов на основе кириллицы, особенно для тех языков, у которых еще не было своей письменности. В этом же контексте создавались азбуки на национальных языках, учебная литература и первые периодические издания. К числу таких общественных деятелей следует, на наш взгляд, отнести Н. П. Остроумова, Н. Ф. Катанова, Н. А. Бобровникова и его супругу С. В. Чичерину. Не все перечисленные лица были непосредственно связаны именно с миссионерской деятельно-

¹ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013. 548 с.

² Бартольд В. В. Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм // Бартольд В. В. Собр. Соч. Т.9. М., 1977. С. 589–595

³ Рецензия на книгу Е. Малова «Об Адаме по учению Библии и по учению Корана» // Барон Виктор Романович Розен. Избранные труды по исламоведению. СПб., 2020. С. 176.

стью, однако все они, так или иначе, связывали себя с наследием Ильминского, с его идеями. Здесь речь шла о так называемой «обрусительной политике», но вместо нее начинало доминировать историко-этнографическое и лингвистическое изучение мусульманских народов России.

Наконец, третье направление в казанском миссионерском исламоведении представлено теми исследователями, которые, во-первых, выступали против соединения теоретического изучения ислама с практически ориентированной полемикой. Во-вторых, им казалось, что прежде следует изучить ислам, понять его сущностные характеристики, и лишь затем пытаться заниматься практической миссионерской работой. Кроме того, эта группа исследователей не видела в исламе некоего «врага» христианства или Империи, но пыталась осмыслить духовное наследие мусульман, проживающих в России. К числу таких авторов, становление которых как исследователей прошло в стенах Казанской академии, следует отнести Г. С. Саблукова и П. К. Жузе. Постепенно отказываясь от полемики с исламом, они, фактически, приходили к «светскому» варианту, академическому исламоведению. Тем не менее, особенно в случае с П. К. Жузе, именно Казанская миссионерская школа наложила свой отпечаток на дальнейшее идейное содержание публикаций и выбор тем. Крайне интересно, на наш взгляд, проследить влияние миссионерского исламоведения на развитие исламоведения в советский период в 1920–1930-е гг., так как зачастую православная «обрусительная» позиция в отношении мусульман легко встраивалась в антирелигиозную кампанию первых лет советской власти. В этой связи обращают на себя внимание публикации П. К. Жузе в дореволюционный период о доктрине му‘тазилитов¹ и о коммунистическом движении в исламе, а также изданная по-арабски в 1928 г. и, позднее, по-английски работа об идейном разнообразии ислама и социально-экономический условиях его возникновения².

Доклад построен на материалах дореволюционных периодических изданий «Православный собеседник» (Казань) и «Миссионерский противомусульманский сборник» (1873–1914, Казань), а также архивных материалах из фонда № 112 (Жузе П. К.) Архива востоковедов ИВР РАН.

¹ Жузе П. К. Мутазилиты: Догматико-историческое исследование в области ислама. Казань, 1899. 272 с.; Жузе П. К. Из истории коммунистического движения в Исламе. СПб., 1899.

² Jawzi, Bandali. The History of Intellectual Movements in Islam // Sonn, Tamara. Interpreting Islam. Bandali Jawzi's Islamic Intellectual History. Oxford, 1996. Pp. 71–176.

СЕКЦИЯ XIX • SECTION XIX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ»
ROUND TABLE DISCUSSION: "RUSSIA AND THE EAST:
THE CURRENT STATE OF ARCS OF INSTABILITY SYSTEM"

Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

**Протестные движения в Иране в 2017–2022 гг.
и их воздействие на региональную безопасность**

Протестные движения в Исламской Республике Иран в последние несколько лет стали довольно обыденным явлением, проявляющемся с большей или меньшей степенью интенсивности. Начиная с весьма сложных президентских выборов 1388/2009 г., ознаменовавшихся массированными столкновениями сторонников М. Каруби и М.-Х. Мосави (кандидатов, не признавших официальные итоги плебисцита) с силами правопорядка и последующим усилением репрессивных мер со стороны правительства, в различных регионах страны происходили выступления местного населения.

В последние десятилетия социально-экономическое положение в ИРИ характеризуется системным кризисом, особенно усилившимся после введения санкций, вызванных выходом в 2017 г. США из т. н. *Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, JCPOA)* по иранской ядерной программе и последующем

давлении на основные отрасли иранской экономики. Снижение уровня жизни, усилившееся социальное расслоение общества, рост безработицы, снижение покупательной способности подавляющей части населения, отмена значительной части социальных программ (*йаранаха*), наложившиеся на весьма неблагоприятную экологическую обстановку в стране, привели к серии протестных волн, проходивших под различными лозунгами. В ряде случаев, как например, в ходе протестов 2017–2018 гг., последовавших за повышением цен на ГСМ, выступления носили откровенно анти-правительственный характер, в то же время, имели место и протесты, напрямую не направленные против действующего режима, но призванные обратить его внимание на насущные проблемы населения (банкротство инвестиционных фондов, длительные очереди на получение ранее оплаченных товаров и услуг, неудачная приватизация государственных предприятий, провалы в осуществление инфраструктурных проектов, в первую очередь ирригационных и энергетических и т. д.).

Последняя волна протестов, поводом к которым послужила гибель Махса Амини, началась практически сразу после зашедших в тупик переговоров по возобновлению СВПД с одной стороны, и решительной позиции, занятой ИРИ по ряду вопросов региональной политики — с другой. В частности, речь идет о разрешении правительственного кризиса в соседнем Ираке, который более года после парламентских выборов октября 2021 г. оставался ареной борьбы различных шиитских и суннитских группировок, системных вопросов безопасности в Афганистане, Пакистане, Сирии и Ливане. Примечательно, что наиболее ожесточенные формы противостояния помимо столицы и крупных городов, имели место в преимущественно суннитских районах северо-запада страны (*Керманшах, Мариван, Бонне, Бокан, Саккыз, Санандадж и др.*) и юго-востока (*Захедан*), которые традиционно представляли собой довольно серьезные проблемы с точки зрения безопасности для Ирана. В провинции Систан и Белуджистан действуют представители белуджских сепаратистов (Джундуллах), а ирано-иракское пограничье периодически становится ареной столкновения иранских сил безопасности (КСИР, Интизамы и др.) с представителями курдских группировок (Комала, ПСЖК, ДПК-И и др.).

Исламский режим пока демонстрирует свою устойчивость к подобного рода социальным движениям, но очевидно, что частотность протестных выступлений и их интенсивность, особенно при поддержке иностранных акторов, требуют от военно-политического руководства ИРИ реальных мер по улучшению социально-экономического климата в стране и повышению уровня благосостояния населения. В противном случае следует неизбежное снижение поддержки государственных институтов внутри страны и ограничения их возможностей по обеспечению не только региональных интересов ИРИ и системы региональной безопасности, но и роли этой страны как важного элемента глобальных транспортных коридоров «Запад — Восток» и «Север — Юг», ставших особенно актуальными в последнее время.

Галбацова Ш. С. (ДГУ, Махачкала)

Россия и Иран: взгляд из Тегерана

Иран является ключевым партнером Российской Федерации на мировой арене. Диалог России и Ирана поддерживается на разных уровнях двустороннего и многостороннего сотрудничества. Существует определенная схожесть взглядов Ирана и России по политическим и экономическим проблемам региона и мира в целом. Существуют различные мнения относительно выстраивания внешней политики Ирана по отношению к России. Как известно, в первые десятилетие XXI в., в связи с потеплением двусторонних отношений России и США, отношение к России в Иране было весьма негативным. Об этом свидетельствуют и заявление экс-президента ИРИ Ахмади Нежада «Россия совершает большую ошибку, поддерживая резолюцию МАГАТЭ», призывающую Иран к большей прозрачности в отношениях с агентством¹. У большинства населения Ирана сложилось недоверие к России в силу определенных исторических фактов: Гюлистанский мирный договор (1813), Туркманчайский мирный договор (1828), Договор о разделе сфер влияния в Иране между Россией и Великобританией (1907), Оккупация Ирана в 1941 г. советскими и английскими войсками, поддержка СССР в ирано-иракской войне Саддама Хуссейна, Сделка Гор-Черномырдин (1995), не выполнение в срок поставок ЗРК С-300².

Сегодня мы наблюдаем совершенно иную риторику у иранской политической элиты, нацеленную на активизацию развития двустороннего сотрудничества между нашими странами. Согласно заявлению президента ИРИ Эбрахими Раиси: «У нас в Исламской Республике Иран нет никаких ограничений для развития и расширения отношений с дружественной нам страной – Россией, и эти отношения будут стратегическими. Поэтому эти отношения не будут кратковременными или позиционными – они будут постоянными и стратегическими»³. Министр нефти Ирана Джавад Овджи ранее заявил, что две страны сейчас переживают «золотой период» в развитии двусторонних отношений, подчеркнув, что власти двух стран полны решимости укреплять сотрудничество во всех секторах⁴.

Вызывает интерес также сценарий «осторожного взаимодействия с Россией», предложенный Аналитическим центром в сфере геополитики Тегеранской торгово-промышленной палаты (ТТПП).

¹ Дунаева Е. В. Российско-иранские взаимоотношения: взгляд из Тегерана. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10554> (дата обращения 18.12.2022).

² Сайт РИА Иран.ру. URL: https://www.iran.ru/news/analytics/94167/16_prichin_iranskogo_nedoveriya_k_Rossii (дата обращения: 20.12.2022).

³ Встреча с президентом Ирана Эбрахими Раиси. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67608> (дата обращения 05.01.2023).

⁴ Сайт Тегеранской торгово-промышленной палаты. URL: <https://en.tccim.ir/story?nid=232> (дата обращения: 09.01.2023).

В нынешней геополитической ситуации мы наблюдаем активизацию российско-иранских отношений в различных отраслях, переход на новый уровень сотрудничества. Об этом также свидетельствует увеличение товарооборота между нашими странами в 2022 г. По данным ФТС в январе–октябре 2022 г. объемы торговли превысили показатели 2021 г. (товарооборот между нашими странами составил \$4,4 млрд). Экспорт увеличился на 27 %, а импорт — на 10 %¹. Россия является также основным торговым партнером Ирана среди прикаспийских государств, поставив за рассматриваемый период 2,3 млн т товаров на сумму \$1,32 млрд.

Санкции, которые были введены со стороны США, Европейского союза и Группы семи (G7) в отношении России, открыли новые возможности для налаживания двустороннего сотрудничества между нашими странами. Партнерство между Москвой и Тегераном, основанное на обоюдной решимости противостоять западному влиянию, может представлять серьезную угрозу интересам безопасности США и Запада, особенно на Ближнем Востоке.

Несмотря на беспрецедентный пик двустороннего сотрудничества между нашими странами, необходимо развивать и межкультурное сотрудничество между нашими странами. Согласно социальным опросам иранцы обладают недостаточной информацией о России, о тесном более пятивековом сотрудничестве между нашими странами. Конечно, подобную ситуацию мы можем наблюдать и у нас в стране, несмотря на то, что иранистика в России является одной из ведущих иранистических школ в мире. Культурная элита как в России, так и в Иране имеет хорошее представление об истории, литературе, экономике двух стран, однако эти знания не распространились в достаточной степени в рамках всего общества.

Забелла А. А. (РУДН, Москва)

Политика КНР в отношении стран Африки в период Covid-19

После начала эпидемии Covid-19 китайская сторона была одной из первых, которая предложила помощь и отправила несколько траншей медикаментов и масок в Африку. Совсем иная ситуация происходила в демократических странах Запада, которые соревновались в умении перехватить груз с принадлежавшими другому государству медицинскими масками. Гуманитарная политика КНР в отношении Африки не привела к когнитивному диссонансу у стран коллективного Запада, которые продолжили «ярмарку лицемерия» настаивая на угрозе государствам

¹ Сайт газеты Известия. URL: <https://iz.ru/1434697/iuliia-eliseeva/dvov-e-lodke-tovarooborot-rossii-i-irana-dostig-rekordnykh-znachenii> (дата обращения 19.12.2022).

Африки со стороны Китая. Несмотря на собственные трудности, Китай продолжил наращивать взаимодействие со странами континента, в том числе в 2020 г. был анонсирован старт строительства штаб-квартиры Африканского центра контроля заболеваний в столице Эфиопии Аддис-Абебе. Центр будет открыт на территории штаб-квартиры Африканского союза. Целью его создания является улучшение эпидемиологического надзора и своевременное реагирование на чрезвычайные ситуации, профилактика инфекционных заболеваний, оказание помощи государствам Африки. Для оказания помощи африканским странам, страдающим от Covid-19, Китай, в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества, обязался списать долги, подлежащие выплатам к концу 2020 г. Помимо прочего, Китай выполнил свои обязательства в рамках Инициативы G20 по приостановке обслуживания долга с 12 африканскими странами, а также отказался от беспроцентных кредитов, выданных 15 странам Африки, срок погашения которых истекал к концу 2020 г.

В ходе 8-ой Министерской встречи Форума китайско-африканского сотрудничества, прошедшей в конце ноября 2021 г. в Дакаре (Сенегал), КНР особое внимание уделил совместному реагированию на вызовы и угрозы: эпидемия Covid-19, изменение климата и борьба с бедностью.

Африканский континент является вторым реципиентом китайских вакцин от Covid-19 после Азиатско-Тихоокеанского региона. На июль 2021 г. Китай предоставил вакцины почти 40 государствам континента, что составило около 27 млн доз. На октябрь 2021 г. число африканских государств, получивших китайскую вакцину, увеличилось до 45.

Во время Всемирного саммита здравоохранения 2021 председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул важность отказа от вакцинного национализма и необходимость совместных усилий по превращению вакцины в доступное людям общественное благо путем передачи развивающимся странам технологий. Три африканских государства — Алжир, Египет и Марокко — уже начали производство китайских вакцин от Covid-19, что послужит драйвером для развития местного потенциала производства вакцин, создаст новые рабочие места для населения, повысит индекс человеческого развития.

Стоит отметить, что Китай и до Covid-19 активно содействовал странам Африки в развитии медицины путем обучения кадров, отправки китайских специалистов на места, строительства противомалерийных центров, больниц и т.д. После запуска Форума китайско-африканского сотрудничества в 2000 г. Китай неоднократно обращал внимание на важности продвижения диалога в области медицины. Так, в 2013 и 2015 гг. прошли Министерские форумы по развитию здравоохранения в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества. КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» запустил Шелковый путь здоровья с целью укрепления координации и сотрудничества в области медицины.

Таким образом, после начала эпидемии китайская сторона, невзирая на достаточно тревожную ситуацию внутри Китая, активно продвигала гуманитарную повестку по совместной борьбе против Covid-19, оказывала содействие в пре-

доставлении средств индивидуальной защиты. Китайская модель борьбы с эпидемией, невзирая на некоторые подчас драконовские методы, оказалась более эффективной, нежели модели других государств, чем вызвала интерес и оказалась более привлекательной для стран Африки. Не умаляя помощь со стороны КНР странам Африки, стоит отметить, что китайская сторона также является бенефициаром продвижения данной гуманитарной политики посредством расширения позиций страны на фармацевтическом рынке, улучшения международного имиджа страны в качестве донора и борца за устойчивое развитие.

Каткова Е. Ю. (РУДН, Москва)

Новые контуры развития диалога между Австралией и Китаем

Австралийско-китайские отношения представляют большую важность, так как являются индикатором изменений, происходящих в китайско-американских отношениях. Австралия долгое время сохраняла баланс в отношении своего ближайшего союзника США и крупнейшего торгового партнера — Китая. Однако после начала торговой войны и началом открытой фазы соперничества между Пекином и Вашингтоном, Австралия сделала выбор в пользу последнего, в связи с чем ее экономические отношения с Китаем сильно пострадали, а политические практически сошли на нет.

С приходом лейбористской администрации Энтони Альбанезе в Канберре в мае 2022 г. в отношениях Австралии и Китая появились новые надежды. Во-первых, это ожидания, связанные с лейбористами, внешняя политика которых традиционно ориентирована на отношения с азиатскими странами. К тому же Э. Альбанезе прекрасно говорит на китайском языке. Во-вторых, это приход новой администрации в условиях ослабления американского давления на Китай, что также может способствовать налаживанию австралийско-китайских связей. Несмотря на то, что новый премьер-министр в период избирательной гонки никак не давал понять, что отношения Австралии и Китая будут меняться, тем не менее, после избрания новой администрации появилось окно возможностей. Тогдашний премьер-министр КНР Ли Кэцян направил Э. Альбанезе поздравительное послание, которое демонстрирует добрую волю Китая к улучшению отношений.

Несмотря на то, что Э. Альбанезе во время предвыборной кампании и после победы на выборах выражал поддержку позиции предыдущего либерального правительства по поводу региональной безопасности и отношений с Китаем, тем не менее, похоже, что Австралия готова воспользоваться шансом нормализовать отношения с Китаем. После нескольких лет заморозки контактов во второй

половине 2022 г. состоялись сразу несколько двусторонних встреч на высоком уровне: между министрами обороны Австралии и Китая (в июне 2022 г.), министрами иностранных дел (в декабре 2022 г.) и, что наиболее важно, лидерами обеих стран (в ноябре 2022 г.). В середине января 2023 г. посол КНР в Австралии заявил о том, что официальные лица Китая и Австралии ведут переговоры в Женеве об урегулировании своих торговых споров, которые начались в 2020 г., когда Австралия обратилась к ВОЗ с инициативой организовать расследование причин возникновения пандемии Covid-19. Ранее в январе были заключены новые сделки по импорту угля после того, как власти Китая сообщили об ослаблении неофициального запрета на австралийские товары. Однако другие меры продолжают препятствовать торговле, в том числе австралийскими омарами, вином, древесиной и т. д.

Однако Австралия довольно осторожно идет на сближение с Китаем, в основном стороны говорят о «стабилизации» отношений. Кроме того, параллельно с данной риторикой Австралия продолжает деятельность по сдерживанию китайской военной, политической и экономической мощи в регионе. Во-первых, укрепляется оборонное и стратегическое сотрудничество с США и их союзниками в регионе, в частности, с Японией. В октябре 2022 г. Австралия и Япония подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности, а в декабре во время министерской встречи обязались ускорить рассмотрение предложения о развертывании японских истребителей в Австралии. В это же время Австралия и США договорились об увеличении ротации воздушных, сухопутных и морских сил США в Австралии, а также о дальнейшей интеграции оборонно-промышленных баз двух стран. Пекин отрицательно относится к оборонным инициативам США и Австралии в регионе, постоянно критикуя Quad и AUKUS, как антикитайские проекты, наносящие вред региону и конструктивным отношениям между Австралией и Китаем.

Еще одним камнем преткновения в отношениях между двумя странами является растущее влияние Китая в Океании — регионе, который Австралия считает своей традиционной зоной влияния. Во время своей избирательной кампании Э. Альбанезе назвал соглашение о безопасности между КНР и Соломоновыми островами крупнейшим внешнеполитическим провалом Австралии. Канберра опасается, что данное соглашение может заложить основу для создания военно-морских объектов Китая вблизи берегов Квинсленда. Кроме того, в связи с нестабильной ситуацией на Соломоновых островах, Китай может быть призван для оказания помощи в области безопасности в случае возникновения конфликта власти и оппозиции.

Еще одной потенциально взрывоопасной точкой может стать Папуа-Новая Гвинея — ближайший партнер Австралии по безопасности в регионе, находящаяся всего в 150 км к северу от Австралии и занимающий центральную часть «внутренней дуги» безопасности Австралии. В 2019 г. здесь состоялся референдум о независимости стратегически важного и богатого природными ресурсами острова Бугенвиль. Несмотря на то, что Австралия старается оставаться нейтральной по поводу независимости острова, тем не менее, существуют реальные опасения, что

независимый Бугенвиль пытается заключить с Китаем соглашение о безопасности. Тем более, что накануне референдума китайские официальные лица представили правительству Бугенвиля предложение по финансированию перехода к независимости, включая подробный план развития инфраструктуры на сумму в \$1,5 млрд.

Помимо вопросов безопасности, в отношениях Австралии и Китая остаются и другие проблемы, в частности экономические (эмбарго на австралийские товары; сохраняющиеся ограничения со стороны Австралии на китайские инвестиции; возможный отказ от экспорта лития в Китай (по примеру США, ЕС и Канады) и т.д.). Кроме того, остается вопрос недоверия австралийцев к Китаю. Последний опрос Сиднейского технологического университета показал, что 78% австралийцев не доверяют Китаю.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за последние годы в отношениях Австралии и Китая сформировались определенные вопросы, которые осложняют и без того непростые отношения между двумя странами. Однако в настоящее время благодаря внутренним (приход новой лейбористской администрации в Канберре) и внешним (стабилизации китайско-американских отношений) факторам перед Австралией и Китаем открылась окно возможностей для нормализации политических и экономических контактов.

Колдунова Е. В. (МГИМО, Москва)

Конкуренция региональных проектов в Азии и проблемы стратегического партнерства России и АСЕАН

За прошедшие тридцать с лишним лет отношения Россия и АСЕАН прошли длительный путь. Они изменялись под влиянием внутренних факторов, внешнего геополитического и геоэкономического контекста. Из организации, создававшейся в годы «холодной войны» на антикоммунистических основаниях АСЕАН трансформировалась в региональный институт, организующий институциональное взаимодействие в широких макрорегиональных рамках и приветствующий вовлечение России в эту деятельность. В 2018 г. стороны декларировали переход двусторонних отношений в состояние стратегического партнерства, которому в этом году исполняется пять лет.

Внешнеполитический и внутривосточный контекст азиатской политики России за это время также претерпел существенные изменения. Из пассивного и достаточно конъюнктурного в 1990-е гг. эта политика перешла в более системное качество, чему способствовали как внутренние императивы необходимости развития Сибири и Дальнего Востока, так и внешние условия, в том числе нараста-

ющее санкционное давление США и ЕС после политического кризиса на Украине в 2014 г. и в особенности перехода его в горячую фазу в феврале 2022 г., расхождение России и «коллективного» Запада по поводу принципов мироустройства и все более очевидно наблюдаемое стратегическое разъединение, а также более тесное сближение с такими лидерами незападного мира, как Китай, Турция, Индия.

При этом активная фаза российского поворота на Восток, связанная с попытками диверсификации партнерств в Азии помимо отношений с Китаем, стала реализовываться в гораздо более структурно сложной ситуации по сравнению с рубежом 2000-х и 2010-х гг. Ее значимыми элементами стало усиление китайско-американских противоречий в регионе, попытки наращивания комплексного давления на страны Юго-Восточной Азии с целью формирования выгодных для США и Китая внешнеполитических ориентаций этих стран и ползучая маргинализация АСЕАН в условиях продвижения китайских и американских проектов макрорегиональной и трансрегиональной реорганизации зоны Тихого и Индийского океанов.

Несмотря на последний упомянутый аспект отношения с АСЕАН в области политики и безопасности на современном этапе сохраняют свою значимость для России по целому ряду причин. Россия по-прежнему воспринимает АСЕАН в качестве одного из центров полицентричной региональной системы в АТР и, следовательно, как одного из важных партнеров, наряду с Китаем, для взаимодействия по наиболее актуальным политическим вопросам регионального уровня и в рамках институтов глобального управления (прежде всего ООН и G20). С появлением Индо-Тихоокеанских концепций США, Японии, Австралии, ЕС, Великобритании, Франции, Германии функциональное значение АСЕАН для российской политики в Азии также возросло, поскольку Ассоциация смогла, хотя и декларативно, но сформулировать свое собственное, не конфронтационное видение Индо-Пацифики. Учитывая отмеченные факторы, в представленном докладе анализируется рост конкурентной среды АТР/ИТР и влияние этого процесса на состояние стратегического партнерства России и АСЕАН.

Колотов В. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Основные параметры изменения ситуации в области безопасности вдоль евразийской системы дуг нестабильности

При анализе геополитических процессов в области безопасности вокруг РФ логично использовать такой аналитический инструмент как концепция евразийской системы дуг нестабильности. Постоянно изменяющаяся конфигурация восьми основных региональных сегментов показывают сложившийся баланс сил между

основными игроками и фигурами: союзниками, противниками и колеблющимися. Презентуемая в СПбГУ ежегодно интерактивная карта евразийской системы дуг нестабильности также весьма полезна как метод визуализации с целью выяснения актуального баланса сил на основных направлениях геополитического противостояния. Таким образом делается шаг в сторону более системного и целостного анализа ситуации на всех направлениях. Это важно, поскольку нестабильность может переноситься с одного сегмента на другой, а изменения на различных сегментах могут происходить синхронно. На наших конференциях с 2012 года мы ежегодно отслеживали динамику изменений и говорили о нарастании напряженности и дестабилизационных процессах на основных сегментах ЕСДН. Очертания основных сегментов дуг нестабильности показывают, кто на чьей стороне находится в текущем конфликте.

Подводя геополитические итоги 2022 г. прежде всего следует отметить центральную роль СВО, которая началась 24 февраля в качестве военно-технического ответа на отказ США от предоставления РФ юридически обязывающих гарантий безопасности от расширения НАТО в восточном направлении. Переход конфликта из латентного состояния в открытое на южном фланге восточноевропейского сегмента (украинское направление) привел к изменению конфигурации на северном фланге, что проявилось в начале процедуры вступления Финляндии и Швеции в НАТО.

Геополитическая борьба прошлых лет за контроль над важными участками восточноевропейского (РБ, Украина), смежного кавказского (Грузия, Армения, Азербайджан) и центральноазиатского сегментов (Казахстан, Кыргызстан) велась с переменным успехом и в настоящее время их крайне важная роль в ходе все более нарастающего противостояния стала очевидной. Начало СВО сопровождалось беспрецедентным усилением санкций с арестом ЗВР и блокированием системы банковских расчетов в долларах и евро, а также попытки выстроить санитарные кордоны против РФ вдоль основных сегментов ЕСДН. Наиболее активно данные процессы видны на восточноевропейском и кавказском сегментах. Активные попытки спровоцировать конфликты в Грузии в 2008 г. и на Украине с 2014 г. в сопровождении весьма тенденциозной пропаганды имели, по-видимому, традиционную цель в стиле «стратегии анаконды» в виде создания санитарного кордона, который блокировал бы РФ выход в Черное и Балтийское моря. Очевидно, что подобный сценарий не устраивает Москву, которая, защищая свои интересы, предприняла попытку выбить из уже сформированного сегмента на западном направлении его центральный элемент — Украину. Так южная часть восточноевропейского сегмента превратилась в линию фронта, отражающую постоянно меняющийся баланс сил, а на северном фланге продолжается военное освоение НАТО территорий Швеции и Финляндии, что свидетельствует о важном изменении ситуации в области безопасности на СЗ РФ. Таким образом с учетом угроз прибалтийских членов НАТО закрыть для РФ Балтийское море происходит существенное усиление нестабильности вдоль всего восточноевропейского сегмента.

Главным дипломатическим итогом года стало открытое признание западными партнерами и понимание российскими официальными лицами того факта, что Минские соглашения в течение многих лет были всего лишь ширмой для превращения Украины в плацдарм давления на РФ. Все это превращает и так довольно конфликтную ситуацию в логически тупиковую, поскольку недоговороспособность партнеров блокирует ее дипломатическое урегулирование в силу того, что, даже подписав, тот или иной документ они не будут выполнять взятые обязательства. В этой ситуации единственный путь — победа на поле боя, что усиливает конфронтацию с трудно прогнозируемыми последствиями. Старые правила и нормы уже не работают, а новые правила будет писать победитель, поэтому конфликтующие стороны направляют все больше ресурсов в зону открытого конфликта, стремясь таким образом добиться своих целей.

Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ближний Восток в рамках Евразийской дуги нестабильности: региональный и глобальный аспекты на современном этапе

Длительное время важнейшим элементом Евразийской дуги нестабильности был ближневосточный сегмент, где США действовали особенно активно, учитывая ключевую роль нефти в мировой экономике и (нефте)долларовой системе. Война в Заливе решила вопросы прямого военного контроля над нефтегазовыми ресурсами Персидского залива, обеспечив постоянное американское военное присутствие для «защиты» региона от возможной агрессии Саддама Хусейна. Апогеем прямого американского военного вмешательства стали оккупация Ирака и Афганистана в 2000-е гг.

Однако уже Арабская Весна ознаменовала переход к новой политике с преобладанием «мягкой силы», целью которой стало создание управляемого хаоса¹, который делает контроль над регионом на порядок менее затратным, чем прямое военное вмешательство². Решение Обамы сохранить режим Асада для поддержания перманентного конфликта, тем самым надолго сосредоточив на Сирии

¹ См. программную статью основоположника этой теории Стивена Манна: Steven R. Mann. *Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly)*. Vol. XXII, Autumn 1992. P. 54–68.

² Матвеев А. С. Обзор текущей ситуации в ближневосточном секторе «Евразийской дуги нестабильности» и безопасность России // *Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки*. Отв. ред. В. Н. Колотов. СПб., 2013. С. 483–495.

внимание всех основных региональных игроков, стало новым этапом воплощения такого подхода¹. Это решение позволило, предварительно запустив самоподдерживающийся конфликт за счет резкой экспансии ИГИЛ, переключить в 2014 г. основное внимание на главного противника — РФ: после завершения операции по дестабилизации Ближнего Востока в 2011–2013 гг., основные ресурсы были брошены на Украину.

После прихода к власти Трампа, поставившего задачу сосредоточения на внутриамериканских проблемах, политика США на Большом Ближнем Востоке (ББВ) претерпела дальнейшие изменения. После взятия Мосула и Ракки и окончательного разгрома ИГИЛ в Ираке и Сирии, основным трендом стал постепенный уход из региона, сворачивание активных военных операций, при этом действия США (или бездействие — с аналогичным результатом) ограничиваются поддержанием запущенных ранее конфликтов, с тем чтобы обеспечить должный уровень нестабильности, позволяющий осуществлять общий контроль над ситуацией в регионе без непосредственного присутствия «на земле». Даже смена администрации в Вашингтоне не изменила общую тенденцию на выход США с ББВ; наиболее ярким проявлением этого процесса стала впечатляющая, даже карикатурная, эвакуация из Афганистана. США фактически ушли с Ближнего Востока, переключив свое главное внимание на нового главного противника — Китай, и на другие важные в текущей ситуации регионы: Индия и ЮВА, Европа, РФ. В этой связи ключевое значение сейчас приобретает ЮВА-сегмент Дуги нестабильности — с целью выстраивания «санитарного кордона» вокруг КНР. На Западе аналогичный процесс направлен на создание «кордона» между Европой и РФ².

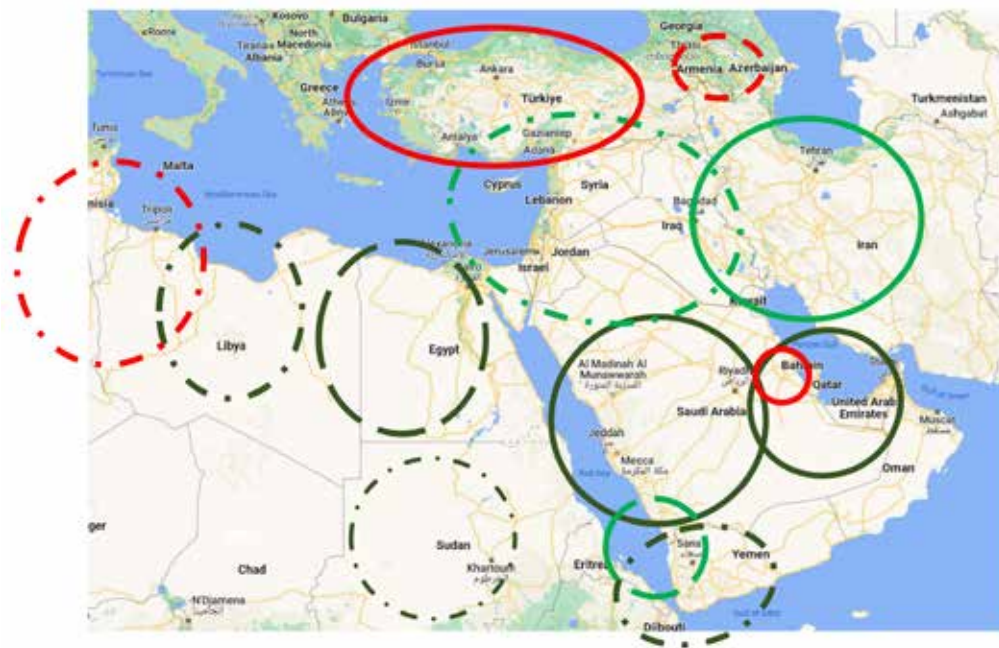
В условиях частичного ухода США с ББВ особую значимость приобрели региональные блоки, которые хотя и возникли задолго до Трампа, но после 2017 г. стали играть ключевую роль. Не случайно этот качественный переход маркируется первой открытой конфронтацией между двумя главными региональными блоками: КСА — ОАЭ — Египет и Катар — Турция. Попытка КСА одномоментно раздавить главного конкурента в лице Катара, введя в июне 2017 г. (совместно с ОАЭ, Египтом и Бахрейном) сухопутную, морскую, воздушную, а также политическую блокаду и даже угрожая военным вторжением, в конечном итоге закончилась неудачей:

¹ Матвеев А. С. Сирийский капкан // XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Азия и Африка: Наследие и современность. Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2017. Т. 1. С. 419–420.

² Отделение российских ресурсов от промышленного и финансового потенциала Германии как главная цель американской внешней политики была, в частности, открыто изложена в выступлении главы аналитического агентства Стратфор Джорджа Фридмана 4 февраля 2015 г. в Чикагском совете по глобальным делам (The Chicago Council on Global Affairs) (фрагмент выступления с русским переводом: URL: https://www.youtube.com/watch?v=xewzbMYmC_I (Дата обращения: 09.03.2017); полное выступление на английском: https://www.youtube.com/watch?v=QeLu_yyz3tc (дата обращения: 09.03.2017)); сочетание двух крупнейших американских внешнеполитических 'think tanks' едва ли случайно.

Турция жестко встала на защиту своего союзника и вынудила саудовцев отступить, сделав одновременно серьезную заявку на роль *главного* регионального лидера.

На приведенной схеме показаны основные региональные блоки и их союзники¹:

1. Катар — Турция, или, условно, «братья-мусульмане». Этот блок имеет четко выраженную идеологическую окраску, объединяющую весьма различных участников. Так, боевики Мисураты, главные союзники блока в Ливии в 2010-е гг. и основная военная сила, использованная для свержения Каддафи и сегодня определяющая ситуацию на Западе Ливии, позиционируют себя как «братья-мусульмане». 2 Приход к власти братьев-мусульман во главе с Мурси в Египте стал второй победой блока, однако там, в отличие от далекой Ливии, саудовско-эмиратский блок сумел через год взять реванш и ликвидировать режим Мурси.

¹ Это лишь общая схема, реальные отношения внутри блоков более сложные. Например, у ОАЭ есть свой официально не афишируемый проект возрождения «морской» Оманской империи XVIII–XIX вв., причем взятие под контроль побережья Южного Йемена и красноморского побережье до Ходейды (как и многих портов Африканского рога) уже вызвало серьезные трения с КСА. С другой стороны, позиция Судана не столь однозначна: после свержения президента Башира Судан качнулся в сторону «саудовского» блока, в частности, активно включился в борьбу Египта против эфиопской плотины «Возрождение»; однако в дальнейшем отношения с Турцией и Катаром также стабилизировались. Есть ряд других государств ББВ, в той или иной мере поддерживающих один из блоков, но это не меняет общей картины в целом.

² Хотя там существуют и другие, в т. ч. ваххабитские формирования, но они играют подчиненную роль. Впрочем, и в самой Турции «братья-мусульмане» — далеко не единственная сила.

2. КСА — ОАЭ и их главный союзник — Египет. После военного переворота, в результате которого «братья-мусульмане» были отстранены от власти, он прочно вошел в судовско-эмиратский блок на правах младшего партнера: после свержения Мубарака Египет потерял субъектность, в первую очередь, по объективным экономическим причинам — без поставок нефти/ГСМ из КСА и зерна, закупаемого на деньги блока, Египет сегодня существовать не может¹. В целом блок можно охарактеризовать как «ваххабитский» (или, более политкорректно, «салафитский»), но в рамках этого блока идеологическая составляющая не так важна: во всяком случае, союзники в него встраиваются не только и не столько по принципу идеологической близости.

3. Шиитский блок, представленный Ираном и его непосредственными союзниками-сателлитами: шиитские группировки в Ираке — Асадовская часть Сирии — Хизбалла в Ливане. За последнее десятилетие Ирану, ценой больших усилий и потерь, удалось создать «шиитский пояс» от Тегерана до Средиземного моря, став серьезным политическим игроком в регионе. Правда, цена этого успеха оказалась достаточна велика, что наряду с возобновлением санкций со стороны США, привело к серьезным внутренним проблемам, с которыми Иран, однако, пока справляется. Важным внешним союзником Ирана выступает Йемен в лице хуситов (фактически — Северный Йемен: Южный Йемен уже прочно контролируется эмиратскими прокси). Однако следует понимать, что хуситы — это не марионетки, а самостоятельный игрок, для которого «шиитский блок» является естественным союзником, но вовсе не «сюзереном».

Таким образом, текущая политика на ББВ в большой мере определяется взаимодействием и противостоянием вышеуказанных блоков, включая прокси-войны: в Йемене (Иран против КСА-ОАЭ), Ливии (Турция-Катар против КСА-ОАЭ), Сирии (в сирийском конфликте активные на начальном этапе просаудовские силы были в основном вытеснены, но их место заняли протурецкие группировки; поэтому сейчас конфликт идет по линии Иран — Турция, правда, с участием РФ, занимающей загадочную позицию между двух региональных стульев).

На сегодняшний день можно констатировать патовую ситуацию в столкновении шиитского и саудовского блоков, в первую очередь в Йемене, что привело к попытке официального урегулирования отношений КСА и Ирана (не прекращение конфликта, но переход его из почти открытой военной конфронтации к более мирному противостоянию) — 10 марта 2023 г. при посредничестве Пекина был заключен договор о возобновлении дипотношений, прерванных в 2016 г. Турецко-иранское противостояние в Сирии также не завершилось решительной победой одной из сторон. Однако в целом можно говорить о том, что текущие позиции Турции в этом конфликте заметно сильнее: создание надежной буферной зоны безопасности в курдской зоне и, главное, в Идлибе — при полном купировании всех попыток Ирана продвинуться на эти территории.

¹ Разумеется, подобные проблемы существовали и раньше, но при Мубараке экономическая самостоятельность была на порядок выше. Подробнее см.: Матвеев А. С. Обзор текущей ситуации в ближневосточном секторе «Евразийской дуги нестабильности» и безопасность России. С. 492–493.

Борьба двух других, суннитских, блоков завершилась разгромной победой «братьев-мусульман»: турецкие прокси (не столько бандиты из проправительственных (ПНС) группировок в Триполи, сколько завезенные сирийские боевики из Идлиба и, главное, турецкая военная техника и военные специалисты, включая операторов «Байрактаров») разгромили саудовских наемников и войска Хафтара под Триполи. Затем по этой же схеме, но со значительно большим «местным» участием, в конце того же 2020 г. была проведена азербайджанская операция по разгрому Карабаха, сделавшая Турцию несомненным региональным лидером на БВВ и в Закавказье. Впрочем, жесткая позиция Ирана, как и посредничество РФ, не позволили союзникам окончательно ликвидировать армянский анклав, завершив эту фазу противостояния без фиксации окончательного результата.

В целом, анализ ситуации на БВВ должен проводиться с учетом позиции основных региональных блоков, в противном случае выводы будут либо неполными, либо ошибочными. Так, например, конфликт в Ливии обычно рассматривается в рамках противостояния условной Западной Ливии («Триполитания») и Восточной («Киренаика»), которой помогает Египет. Даже помощь Западной Ливии со стороны Катара и Турции упоминалась редко — вплоть до разгрома войск Хафтара под Триполи, когда ее уже нельзя было не заметить. В результате, на базе ошибочного анализа, не учитывающего вышеупомянутые факторы, возникают такие гениальные решения, как отправка официально не существующих воинских контингентов для штурма Триполи. И это при том, что изначально было понятно, что в контексте противостояния двух крупных ближневосточных блоков никаких шансов взять Триполи у Хафтара нет, а все планы провести парад на Зеленой площади через неделю или даже месяц после начала этой спецоперации — не более, чем пропаганда; вся операция, если не считать надежды на чудо, задумывалась, чтобы «надавить» на конкурентов, нанести им чувствительный удар — не более. К сожалению, в отличие от неточностей в чисто академических штудиях, практические решения, принимаемые без учета реальной ситуации в регионе, приводят к большим и совершенно бессмысленным жертвам: за чужую некомпетентность кому-то приходится платить жизнью.

Федоров Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности взаимодействия России с Сингапуром в новых геополитических условиях

Сингапур как экономический партнер России занимает особое положение среди государств Юго-Восточной Азии. Сингапур является логистическим и финансовым «хабом» для стран АСЕАН, в Сингапуре были открыты представительства

многих российских компаний, между Россией и Сингапуром разворачивалось интенсивное инвестиционное сотрудничество. Подписание в 2019 г. договора о свободной торговле товарами между ЕАЭС и Сингапуром рассматривалось как важный шаг к последующему расширению взаимодействия в инвестиционной сфере между ЕАЭС и АСЕАН в целом.

В то же время Сингапур после февраля 2022 г. стал единственной страной АСЕАН, которая ввела санкции против России. В частности, был установлен запрет на взаимодействие с четырьмя российскими банками («Банк ВТБ», «Внешэкономбанк», «Промсвязьбанк», «Банк России»), предоставление любых финансовых услуг российскому правительству, поставку в Россию ряда товаров (включая продукцию в категориях «Компьютеры» и «Электроника», которая составляла весомую часть сингапурского экспорта в Россию). В свою очередь, Сингапур был включен Россией в список «недружественных стран». Создавшееся положение создало серьезные препятствия для взаимодействия между двумя государствами. Перемены коснулись российского экспорта в Сингапур, значительную долю которого составляли нефть и нефтепродукты. Суда с российской нефтью перестали обслуживаться в Сингапуре. Нефть и нефтепродукты, ранее направлявшиеся в Сингапур, теперь перегружаются в плавучие нефтехранилища у берегов Малайзии и Сингапура или на другие суда с целью маскировки происхождения груза. Можно предположить, что, по крайней мере, часть российской нефти продолжает поступать в Сингапур, но с использованием обходных логистических схем. Однако в любом случае подобная ситуация объективно наносит убытки Сингапуру, который традиционно был перевалочным пунктом для российской нефти и нефтепродуктов, отправляемых в другие страны АТР. В Сингапуре на фоне объявленной Западом «войны» экспорту российских энергоресурсов все чаще раздаются голоса о декарбонизации сингапурской энергетики.

С другой стороны, сокращение экономического сотрудничества с западными странами создает предпосылки для стремления российских компаний расширить свое присутствие на азиатских рынках, включая Сингапур. По мнению торгового представителя России в Сингапуре, несмотря на объективные препятствия, существуют условия для укрепления позиций российского бизнеса в городе-государстве, особенно в сфере IT и электронной торговли. Сингапурские предприниматели также сохраняют интерес к взаимодействию с Россией. Большую роль в продвижении интересов России в Сингапуре играет Российско-Сингапурский Деловой Совет (РСДС). В частности, РСДС организовал VII Российско-Сингапурский бизнес-диалог, который прошел 3 ноября 2022 г. в смешанном формате: в Куала-Лумпуре (Малайзия) очно и посредством телемоста между Куала-Лумпуром и Москвой. В этой встрече участвовали представители деловых кругов как России и Сингапура, так и Китая и Малайзии. Также РСДС принял участие в проходивших в Сингапуре выставках и организовал проведение ряда культурных мероприятий. В частности, РСДС подготовил показ спектаклей в рамках онлайн-фестиваля «Петербургские театральные сезоны» в сентябре 2022 г. 1

ноября 2022 г. при содействии РСДС открылась «Неделя российского кино», которая в этом году проходила не только в Сингапуре, но и в Малайзии. Главной площадкой стал Куала-Лумпур, но и в Сингапуре состоялись показы российских фильмов в посольстве России и в Центре зарубежного продвижения. В существующих условиях проведение российской стороной мероприятий на территории Сингапура явно встречает препятствия и выходом из этого является онлайн-режим и использование территории соседней Малайзии. Другим каналом для поддержания взаимодействия России и Сингапура может также рассматриваться Дубай (как финансовый, так и транспортный «хаб» между двумя странами).

Несмотря на политические препятствия, установленные властями Сингапура, Россия стремится сохранить основы конструктивного взаимодействия с городом-государством. Российские и сингапурские деловые круги также проявляют заинтересованность в сотрудничестве. Однако в настоящее время для поддержания связей с Сингапуром, который традиционно рассматривался как «мост» в Юго-Восточную Азию, необходимо создавать альтернативные варианты коммуникации, строить собственные «мосты».

Фурсов К. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Железнодорожные проекты в Евразии сквозь призму геополитических теорий

Одна из сфер, в которой геополитика проявляется наиболее содержательно и зримо, — транспорт. Несмотря на некоторое смещение центра тяжести транспортной геополитики к автодорогам и трубопроводам, видную роль в ней в XXI в. продолжают играть железные дороги.

Сеть рельсовых магистралей активно развивается во многих странах Евразии. Осуществляются железнодорожные проекты во многом по соображениям геополитики, борьбы за контроль над пространством — как военно-политический, так и экономический. Небывалое обострение напряжённости в Евразии и мире в связи со специальной военной операцией России на Украине многократно повысило актуальность рассмотрения железных дорог в контексте геополитических теорий. Это рассмотрение, в свою очередь, показывает, что теории не теряют актуальности и сегодня.

Если исходить из закона геополитического дуализма, строительство железных дорог содействует укреплению позиций теллурократий и вообще «номоса земли» по отношению к «номосу воды» (К. Шмитт). Развитие железнодорожной сети России, Китая, Ирана в самом деле способствует повышению обороноспособности этих государств и укреплению их хозяйственной безопасности. Поэтому такие

проекты, как Восточный полигон в России или Цинхай-Тибетская магистраль в Китае, правомерно трактовать как проекты внутренней геополитики (И. Лакост).

Ещё нагляднее геополитика просматривается в развитии регионального железнодорожного сообщения. В строительстве международных транспортных коридоров (МТК) выражается проектирование геополитических лучей. Если такие проекты инициированы сухопутными державами, они способствуют упрочению связей между ними. Сопряжение транспортных систем континентальных стран — геополитически грамотный процесс, т.к. ограничивает возможности морских держав душировать их экономику и создавать им военные угрозы. Примерами такого сопряжения служат ввод в строй железнодорожного моста Нижнеленинское — Тунцзян через Амур и строительство МТК «Север — Юг» по маршруту Хельсинки — Мумбаи. Такие проекты создают условия для долгосрочного диалога Хартленда с Римлендом (Х. Маккиндер), т.е. России с Китаем, Индией, Ираном и другими странами евразийской «каймы». При благоприятном стечении обстоятельств эти условия могут стать шагами в направлении строительства «большого пространства» (К. Шмитт) ради общего выживания перед натиском морской цивилизации.

Вместе с тем существуют проекты МТК, которые внешне выглядят как интеграционные, а на деле инициированы талассократиями в попытке выхолостить повестку теллуократического сотрудничества, поставить интересы сухопутных стран на службу странам морским. Среди таких проектов — TRASECA (призван оторвать от России Южный Кавказ и Центральную Азию) и Новый Шёлковый путь Ф. Старра — Х. Клинтон (призван интегрировать Центральную Азию с Южной в ущерб интересам России, Китая и Ирана), не говоря о Rail Baltica как военной железной дороге вдоль российских границ. В число проектов евразийской псевдоинтеграции входят и планы Британии содействовать развитию инфраструктуры Организации тюркских государств, чтобы плотнее захлопнуть «ловушку пантюркизма» (А. Г. Дугин). Всё это — геополитические лучи атлантизма, бьющие с океанов в хинтерланд, попытки Внешнего полумесяца развернуть на себя сегменты не только Римленда, но даже Хартленда, превратить их в осколочные пояса (С. Козн).

Однако представлять геополитику как исключительно противостояние теллуократий и талассократий было бы упрощением. На него накладываются межтеллуократические противоречия. Так, китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭППП) отчасти идёт вразрез с интересами России, так как мешает полноценно использовать Транссиб в виде моста между Восточной Азией и Западной Европой. К тому же проект магистрали Кашгар — Ош — Андижан как звена ЭППП является вторжением «пространства 1435» (стандартная колея) в «пространство 1520» (русская колея). На «Евразийские Балканы» (Зб. Бжезинский) проектируют силу несколько континентальных геополитических акторов.

И всё же благодаря неантагонистичному характеру железнодорожного транспорта (развитие транзита) расширение его сетей диалектически ведёт не только к обострению противоречий, но и, напротив, к их сглаживанию. Главное

дестабилизирующее воздействие на Евразию оказывает не конкуренция её держав, а внешний фактор атлантизма. Он искусственно подогревает эту конкуренцию и, хуже того, провоцирует новые конфликты. СВО России на Украине — лишь наиболее очевидный пример такого конфликта. При взгляде на него под углом железнодорожной геополитики это, помимо прочего, успешный срыв проекта по выводу «пространства 1520» в сердце Европы (несостоявшаяся магистраль Кошице — Братислава — Вена) и попытка затормозить развитие ЭПШП как ключевого «инфраструктурного коридора» (Л. Ларуш) континента.

Анализ транспортной геополитики Евразии с учётом теории дуг нестабильности В. Н. Колотова показывает: каждая дуга формируется вдоль потенциальной траектории крупного железнодорожного проекта или мультимодального маршрута, выступает в том числе попыткой упредить его, помешать континентальной интеграции — и наоборот, каждой дуге нестабильности можно противопоставить такой проект или маршрут. Многие из них осуществляются именно вдоль дуг нестабильности или даже с их пересечением — в попытке нейтрализовать их разрушительный эффект. Например, железнодорожная магистраль Куньмин — Сингапур формируется параллельно и как бы в противовес одному из сегментов восточноазиатской дуги нестабильности (В. Н. Колотов), или Восточного геостратегического разлома (М. Р. Хафезния). По сути, масштабные железнодорожные проекты — потенциальные дуги стабильности.

Одна из насущных задач евразийских теллурократий в XXI в. — воплотить в жизнь геополитический кошмар Х. Маккиндера. «Отец геополитики» не зря опасался развития железнодорожной инфраструктуры как залога совместного отпора континентальных держав англо-американской «стратегии анаконды».

СЕКЦИЯ XX • SECTION XX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ АЗИИ И АФРИКИ»
ROUND TABLE DISCUSSION: "TRADITIONALISM
IN THE MODERN STATES OF ASIA AND AFRICA"

Беркович Н. А. (РГПУ, Санкт-Петербург)

**Историография курдского вопроса:
этногеополитический и экзистенциальный дискурсы**

Историография курдского народа многопланова в зависимости от выбора классификационных оснований и принципов систематизации, что предполагает привлечение междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Междисциплинарной по значимости своих оснований является этногеополитическая систематизация, доминантой которой начиная с работы основоположника курдской историографии Шараф-Хан Бидлиси (1543–1604) «Шараф-Наме» и по настоящее время первой трети двадцать первого века включительно был и остается курдский вопрос. Два слова: -курдский вопрос — стали не столько расхожим политическим нарративом, сколько идеологемой и метафорой многих многовековых неразрешаемых противоречий между оптимистическими надеждами и безысходными разочарованиями в его разрешении. Реальная историография курдов предстаёт как совокупность взглядов, суждений и размышлений в истолковании коллизий возникновения и метаморфоз курдского вопроса, воспринимаемого и истолковываемого как этнополитический конфликт.

В курдский вопрос включаются три взаимосвязанные конфликтогенные константы:

- этногеополитическая, государственная целостность;
- внутрикурдское единство;
- национальная идея и курдская судьба. В перспективе, ограниченной временными рамками первой половины двадцать первого века, представляется возможным осуществление двух альтернативных вариантов сценария разрешения курдского вопроса.

Во-первых, это вероятность превращения Иракского Курдистана в независимое от Ирака самодостаточное курдское образование, что послужит предпосылкой последующей курдской интеграции. Разрешить курдский вопрос в этом ненасильственном варианте окажется успешным, при условии соблюдения корректной, цивилизационной процедуры «бархатного развода».

Реализация второго варианта предполагает учитывать сложное переплетение геополитических интересов между Ираком, Сирией, Турцией и Ираном, вызывающими перманентную политическую дестабилизацию и, вместе с тем, продолжительные гражданские войны в Йемене и в Сирии. Ущербными для становления курдского этнополитического единства продолжают оставаться напряженные отношения между Багдадом и Эрбилем. Остается неразрешимой и проблема Киркука, курдского Иерусалима, сакрального в глобальной исторической памяти каждого курда, однако, так официально и не ставшего неотъемлемой частью Иракского Курдистана. Растущую опасность для сохранения этнокультурного единства представляет декуртизация идентичности, её размывание в традиционной, повседневной среде под влиянием усиливающейся «ползучей» тюркизации и насильственной арабизации.

В-третьих экзистенциальный дискурс объясняет возникновение комплекса представлений о судьбе как неотвратимого жребия изначально предназначенного курдскому этносу: фатальную обречённость на раздельное «четвертование» и декуртизацию. Действительно, ведь фактически в многотысячелетней истории курдов самодостаточное государственное образование Курдистан могло появиться только в 1920 г. в соответствии с известным Севрским договором. Однако, этой возможности более чем столетней давности не было суждено осуществиться. Только в 1994 г. (!) после трагических событий геноцида курдов в Ираке Совбез ООН принял резолюцию 688, в которой впервые упоминаются курды, что позволило заложить основы создания Курдского автономного региона Ирака, каковым он известен сегодня.

Этногеополитические и экзистенциальные реалии таковы, что курдский вопрос в ближайшие десятилетия будет обостряться, затягиваясь на неопределенный срок столь желаемого разрешения, погружаясь в бесконечную череду малоэффективных внутрикурдских и межгосударственных договоренностей, соглашений, обязательств и т. п. Востребованы превентивные этнополитические стратегии, способные предотвратить реализацию деструктивного варианта разрешения курдского вопроса.

Бочаров В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Традиция/Традиционализм» и власть¹

Понятие *Традиция/Традиционализм* используется многими гуманитарными дисциплинами. Ключевыми же они являются для народоведения, наук, изучающих народы/этноты: этнографии, социально-культурной антропологии и востоковедения². Сегодня на фоне резкого обострения конфликта между Востоком и Западом среди политиков и политологов активно дискутируется проблема употребления данных понятий. При этом Россия выступает под лозунгом *Традиция/Традиционализм*, Запад же — *Инновация/Прогресс*. Подтверждается пророчество Хантингтона, утверждавшего, что войны будут вестись по ценностно-идейным основаниям. Несомненно, что *Традиция* (или *Традиционные ценности*) в данном контексте выступает в качестве идеологемы/ценности, противопоставленной *Прогрессу*, олицетворяемым Западом.

Представляется актуальным проанализировать корреляцию между понятием *Традиция/Традиционализм* и *Властью*, так как конфликт протекает в форме борьбы за власть. Власть, правда, не сводится к институтам, специализирующимся на исполнении известных функций, т.е. к политической власти. Она «присутствует везде и исходит отовсюду, располагаясь в самой сети социального» (Фуко).³ Стремление к доминированию одного из субъектов отношений составляет пружину власти. К ней стремятся не только для получения разных выгод: материальных, престижных и пр., она является, по факту, высшей ценностью «приносит удовлетворение сама по себе» (Мальдер М.).

О «власти традиции». *Традиция* — это социальная информация (материальная, духовная) существующая в настоящем, будучи унаследованной из прошлого, в результате передачи кем-то извне. Большую часть человеческой истории *Традиция* по умолчанию являлась базовой социокультурной ценностью, определявшей функционирование и эволюцию народов/этноты. Это мотивировалось тем, что все докапиталистические формации (по Марксу) были ориентированы на простое воспроизводство форм деятельности или, иными словами, на выживание. Поэтому власть принадлежала старшим возрастным когортам, передававшим жизненный опыт последующим поколениям. Ее легитимность покоилась на идейных представлениях культа предков. Поведенческие нормы складывались спонтанно (бессоз-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20–59–05006) в рамках совместной научной программы.

² Бочаров В. В. Традиционализм Востока: этнография, социально-культурная антропология, востоковедение // Доклады XXXI Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. СПб.: НП-Принт, 2022. С. 326–342.

³ Справедливо и мнение, что *власть* для общественных наук имеет столь же фундаментальное значение, что и *энергия* для естествознания, утверждающее ее всеобъемлющий и всепроникающий характер.

нательно), вследствие вероятностного отбора поведения, которое соответствовало принципу выживания. При этом время их становления и трансформаций, которые, безусловно, имели место, носителями традиционных культур не фиксировалось. Поэтому когда европейцы пытались узнать у аборигенов что-либо об их институтах, получали неизменный ответ: «они завещаны нам предками».

И сегодня представления культа предков широко представлены на Востоке, прежде всего среди носителей конфуцианской культуры, определяя властные отношения между возрастными когортами в повседневности в виде морально-нравственных норм. Отмечу, что и в нашем политическом дискурсе «предки» часто фигурируют как эталон поведения для современников.

О «традиционной власти». С возникновением институциональной власти в вождестве, заканчивая монархиями позднего феодализма, власть продолжала ориентироваться на сохранение прежнего порядка, апеллируя теперь уже к «предкам» правящего рода. Г. Спенсер, писал **о правительственном чувстве**, возникшем на заре человеческой истории вследствие **организации чувства прошлого**. Под «правительственным чувством» понималась власть в широком смысле слова, которая обеспечивала воспроизводство прежнего порядка вещей.

Ценность *традиции* девальвировалась в эпоху Просвещения, в рамках которой высшую ценность в умах просвещенного Запада заняла *инновация*, определяющая *общественный прогресс*, с которым стала ассоциироваться *цивилизация*. Идеи Просвещения легли в основу эволюционистской теории (дикость-варварство-цивилизация), в рамках которой *Традиция* окончательно была отнесена к *дикости* — *варварству*. Словом, *цивилизация* (Запад) стала жестко ассоциироваться с прогрессом/новацией, *дикость и варварство* с Востоком, который стал расцениваться «как изгнанный из культуры источник, как пережиток, как... исторический тупик, который необходимо изучать с той единственной целью, чтобы его избежать» (Гегель).

В рамках эволюционизма важной ценностью стал революционизм, увязавший Французскую революцию 1789 г. с *Прогрессом*. Еще более жестко эта связь проявилась в марксизме, в котором *революция* считается необходимым условием общественного прогресса, а *Традиция* («пережитки») главным препятствием на пути к нему.

Прогресс в государствах Востока в постколониальный период рассматривался в рамках теории модернизации опять же, как борьба *Традиции* (*архаики*) с *Новацией* (*модерном*), в которой победа последнего считалась неизбежной. Однако, *конец истории* не наступил, практика XXI в. развенчала концепцию Фукуямы.

Власть на Востоке имеет особые отношения с *прошлым*, из которого черпает легитимность. Она всегда конструирует собственную *Традицию* (*исторический миф*), оформленную по архаическим законам жанра (священное захоронение первопредка, ритуалы, праздники). Зачастую, вводится новое исчисление времени (календарь), что поддерживает исторический миф, связанный с сакрализованным прошлым. Неудивительно, что конфликт между Востоком и Западом протекает в форме ожесточенных «войн за историю», в которых стороны стремятся навязать собственную версию для оправдания политической современности.

Анализ использования *Традиции* в народоведении показывает, что термин лишен научного содержания¹. Он используется как метафора *прошлого*, наделенного в человеческой культуре сакральностью². Сегодня обращение к *Традиции* продиктовано потребностью формирования *картины мира*, основанной на ценностях Востока, одухотворяющих и утверждающих его экономический и культурный суверенитет. Это, в свою очередь, должно способствовать рационализации нашего собственного миропонимания, которое сегодня представлено, скорее, на уровне интуиции.

Давыдов А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Институционализация диалога: власть и исламские религиозные организации в Республике Мали³

История государственности на территориях, занимаемых, полностью или частично, современной Республикой Мали, уже начиная с VIII в. преимущественно, хотя и не исключительно, связана с исламом. Установление французского колониального управления в конце XIX в. и связанная с ним работа миссионеров-христиан не привели к вытеснению ислама или уменьшению его роли. Более того, на протяжении XX в. доля мусульманского населения непрерывно увеличивалась за счёт обращения последователей традиционных религий. На сегодняшний день, не менее 90–95% населения Республики Мали исповедует ислам, религиозные меньшинства представлены преимущественно католиками и протестантами. Описанные события и сложившаяся в их результате ситуация не уникальны. Похожие процессы одновременно происходили в других африканских странах и привели к похожим результатам.

Ислам в Мали представлен разнообразными течениями. Абсолютно преобладают сунниты и последователи маликитского мазхаба. Суфизм начинает проникать не позднее XV в. и представлен, в первую очередь, тарикатами ат-тиджанья и ал-қадйрия. С 1930-х гг., а особенно после обретения независимости от Франции в 1960 г., интенсифицировались контакты малийцев с зарубежными мусульманами, в том числе в Саудовской Аравии и Египте. Результатом этих контактов стало распространение в Мали салафитских и ваххабитских течений. Религиозное разнообразие в Мали возросло, а религиозные, этнические и политические противоречия

¹ Гиренко Н. Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе Африканский этнографический сборник. XV. Л.: Наука, 1991. С. 4–61.

² Бочаров В. Власть и время в культуре общества//Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 1. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С.225–238.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА (20RF-189) и РФФИ (РФ) (проект 20–59–05006) в рамках совместной научной программы.

получили дополнительное измерение. Малийское законодательство при этом основано на французской модели, оно было и продолжает быть светским. Отклонения от модели допущены только в области семейного права — чтобы учесть местную традиционную и религиозную специфику, в частности — многожёнство.

Выпускники религиозных учебных заведений арабских стран сформировали в Мали новую контрэлиту, которая противопоставляла себя как традиционной суфийской элите, так и относительно светской, получившей французское образование, элите. Предсказуемым образом, малийская власть долгое время пресекала попытки новой контрэлиты институционализировать себя в рамках молодого государства. Культурный мусульманский союз (фр. Union culturelle musulmane, UCM), созданный ещё до независимости, был запрещён правительством Модибо Кейта в 1960-е. В 1970 г. его функционирование было вновь на непродолжительное время разрешено Военным комитетом национального освобождения (фр. Comité militaire de libération nationale, CMLN), пришедшим к власти в ходе военного переворота. В 1971 г., однако, Союз был окончательно запрещён.

Собственную попытку институционализировать диалог с новой контрэлитой и включить в него представителей традиционных элит малийская власть предприняла в 1981 г., создав Ассоциацию за единство и прогресс ислама (фр. Association pour l'unité et le progrès de l'islam, AMUPI). Её функционирование послужило расцвету низовых мусульманских ассоциаций и привело к созданию в 2002 г. Верховного исламского Совета Мали (фр. Haut Conseil islamique malien, HCIM), во главе которого в разные годы стояли такие видные в общественной жизни Мали фигуры, как Тьерно Ади Бубакар Тьям, Махмуд Дико и «красный имам» Шериф Усман Мадани Хайдара.

Ишутина Ю. А. (ДВФУ, Владивосток)

Феномен «диортотических» проектов современной китайской мифологии

Современная китайская мифология представляет собой корпус продуктов неомифологии, основное назначение которых состоит в том, чтобы актуализировать ценности и смыслы нации посредством наполнения информационного поля «воображаемого сообщества» мифологемами, имеющими широкое применение в дискурсе национализма. Опираясь на терминологию, предложенную Чэнь Цзя-вэй¹, мы выделяем три базовых китайских национальных мифа, распространенных в континентальном и островном Китае, а также подсистему социокультурных мифов, обладающих способностью трансформироваться в зависимости от потребностей

¹ Чэнь Цзя-вэй. Демократическая прогрессивная партия Тайваня и поставторитарная модернизация / Цзя-вэй Чэнь. М.: Алетейя, 2017.

социума. Большинство социокультурных мифов представляют собой «проекты спасения» поврежденного китайского мира, называемые в научной литературе «диортотическими проектами»¹. Изучение «диортотических» нарративов видится нам актуальным, так как они представляют собой элементы системы онтологических ценностей, предназначенные актуализировать эти ценности в заданных политических и экономических обстоятельствах. Новизна работы состоит в опыте культурологического анализа «диортотических проектов» как производных китайской неомифологии. Объектом исследования является подсистема социокультурных современной китайской мифологии, предметом — «диортотические проекты» указанной системы. Цель — описать феномен «диортотических проектов» китайской неомифологии. Задачи исследования: дать характеристику подсистеме китайских социокультурных мифов, определить основные «диортотические проекты» современной китайской мифологии, выявить особенности указанных нарративов.

Морфология и функционирование мифологических систем подробно описаны в науке. Фундаментальные исследования Р. Барта², Э. Кассирера³, Л. Леви-Брюля⁴, К. Леви-Стросса⁵, А. Ф. Лосева⁶ и др. посвящены изучению мифологической системы сообществ. Знаковые работы в области исследования нации и национализма принадлежат Б. Андерсону⁷, Э. Геллнеру⁸, Э. Гидденсу⁹, К. Калхуну¹⁰. Для выявления специфики интерпретации ценностей и смыслов национального дискурса китайскими исследователями мы обратились к актуальным работам Ли Цзюньжу¹¹, Ли Дэнхуэя¹², Чэнь Цзя-вэй¹³, Чэнь Шуйбяня¹⁴.

¹ Пойзнер Б. Н. Соблазн исправления мира / Б. Н. Пойзнер, Э. А. Соснин // Аналитика культурологии. 2012. № 3 (24). С. 28–26.

² Барт Р. Мифологии / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2000.

³ Кассирер Э. Избранное. Логика наук о культуре / Э. Кассирер. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

⁴ Леви-Брюль Л. Первобытная миология: мифический мир австралийцев и папуасов / Л. Леви-Брюль; пер. с фр. Б. И. Шаревской. М.: URSS : КРАСАНД, 2010.

⁵ Леви-Стросс К. Мифологии / К. Леви-Стросс. М.: Флюид, 2007.

⁶ Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. М.: Директ-медиа, 2007.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2016.

⁸ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. М.: Прогресс, 1991.

⁹ Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. М.: Академический проект, 2005.

¹⁰ Калхун К. Национализм / К. Калхун. М.: Территория будущего, 2006.

¹¹ Ли Цзюньжу. Китайская мечта: о чем мечтают китайцы? / Цзюньжу Ли. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014.

¹² Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня / Ли Дэнхуэй. М., 2000.

¹³ Чэнь Цзя-вэй. Демократическая прогрессивная партия Тайваня и поставторитарная модернизация / Цзя-вэй Чэнь. М.: Алтейя, 2017.

¹⁴ Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня / Чэнь Шуйбянь; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. Москва: Муравей, 2001.

В ходе работы применялись конструктивистский, мифо-символический, социокультурный и функциональный подходы. Для сбора эмпирической информации и первичного анализа «диортотических проектов» КНР и КР (Тайвань) использован дескриптивный метод.

Социокультурные мифы китайского национального сообщества, например, *«Идеальное общество Великого единения»*, *«Будущее Китая — социалистический путь развития»*, *«Культурная революция необходима для ревизии традиционных ценностей»* и т.п. имеют онтологическую концепцию, которая позволяет им свободно существовать в парадигме национальных мифов. Функция социокультурных мифов заключается в том, чтобы регулировать социальные противоречия, интерпретировать возникающие явления в ситуациях политической нестабильности, вербализуя ценностные подходы и стереотипы восприятия социальной реальности на ментальном уровне формирования национальной идентичности. Функции социокультурного мифа тождественны тем функциям, которые выполняет политический дискурс, как-то:

- Интеграция и дифференциация групповых агентов.
- Развитие конфликта и установление консенсуса.
- Расширение поля действия национального мифа и его интересов.
- Манипуляция массовым сознанием¹.

С этим успешно справляются «диортотические» мифопроизводные, использующие символы и культурные архетипы данного сообщества. Мифы спасения или коррекции «поврежденного» китайского мира обращаются к норме исправления, существующей вне социальной системы, они апеллируют к двум базовым состояниям общества — «идеальное» 大同 (Dà tóng) и «общество малого процветания» 小康 (Xiǎo kāng), якобы имевшим место в китайской истории и обеспечивающим действенность конфуцианского идеала.

Мокрушина А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабская социальная карикатура: острые проблемы общества в визуальной форме

За последние десятилетия наблюдается серьезный перенос внимания в интернет-сферу. Каждое крупное издание или телеканал, общественная организация или политическая партия имеет собственный сайт, количество пользователей социальных сетей постоянно растет, а читатель получил возможность узнавать новости максимально быстро, пользуясь разнообразными приложениями.

¹ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. И. Шейгал. Волгоград, 2000.

Различные исследования отмечают, что увеличение количества проведенного в цифровом пространстве времени оказывает существенное влияние не только на отдельного человека, но и на общество в целом. В частности, на сегодняшний день можно говорить об избирательности внимания пользователей, которые скорее предпочтут получить информацию не читая текст, а воспринимая ее через картинку, мем или карикатуру. Именно этим стараются воспользоваться как СМИ, так и отдельные авторы карикатур, привлекая внимание читателя ярким изображением острых для общества тем.

Одним из способов такого рода подачи материала является социально-бытовая карикатура — распространенный вид сатирического рисунка. Диапазон тем, которые он охватывает, чрезвычайно широк и, как правило, отличается особенной злободневностью. Это могут быть проблемы бедности, уровня жизни, социальной жизни человека.

Для арабской действительности одной из наиболее актуальных, а потому часто поднимаемых карикатуристами тем является вопрос о правах и положении женщины в обществе, а также отношение к ней в семье. Так, например, после того как правительство Саудовской Аравии официально разрешило женщинам водить машину, на страницах многих интернет-изданий появились изображения, отражавшие реакцию общества на эту новость.

Традиционное разделение бытовых дел на «мужские» и «женские» также в последнее время все чаще подвергаются критике со стороны арабских карикатуристов. В частности, наибольшее количество работ этой серии посвящено отсутствию какой-либо включенности мужчины в решение бытовых вопросов или завышенным требованиям с его стороны в адрес супруги.

Период поста в священный для мусульман месяц Рамадан традиционно связан с идеей объединения семьи, единоверцев, народа в целом. Время Рамадана считается для рекламодателей максимально успешным: в это время телеканалы транслируют новинки, а стоимость рекламы, выходящей на экран, достигает максимума. На сайте <https://islamzaydi.com> была опубликована карикатура, подчеркивающая чрезмерное пристрастие людей всех возрастов к просмотру телевизионных программ во время Рамадана.

Социально-бытовая карикатура, как правило, заостряется в свете особенно актуальных событий и акцентирует внимание читателя на проблемах, характерных для определенных социальных групп (чиновников, интеллигенции, военных, спортсменов и пр.) в конкретном временном интервале.

Иногда социально-бытовая карикатура вскрывает на рисунках проблемы, связанные не с социальными типами, а с явлениями в обществе, как например, неравные и ранние браки. Интересно, что арабские карикатуристы обращают внимание не только на практику ранних браков взрослых мужчин с юными девушками (изображений, посвященных именно этой теме большинство), но также говорят о проблеме договорных ранних браков между несовершеннолетними детьми.

Особое внимание арабские авторы уделяют проблемам общения и социальной жизни, которые стали гораздо острее в последние десятилетия. Не оставляют они без внимания проблемы в других сферах общественной жизни: например, образование или спорт.

Важным залогом успеха для карикатуры является актуальность и злободневность. Для этого автор должен внимательно следить за изменениями, происходящими в обществе.

Для арабской карикатуры важен также выбор языка: его литературной или диалектной формы.

Струкова М. И. (ННГУ, Нижний Новгород)

Традиционализм в странах Азии и Африки в контексте деколонизации

Вторая половина XX в. была для стран афро-азиатского региона эпохой коренных перемен, явившихся следствием освобождения от колониальной и полуколониальной зависимости и включавших становление национальной государственности, определение путей и форм экономического и политического развития.

Процесс деколонизации в послевоенный период происходил в несколько этапов. Первый, на который пришёлся пик деколонизационных процессов в регионах Дальнего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии и на Ближнем Востоке, охватывает вторую половину 1940-х — первую половину 1950-х гг.; второй — конец 1950-х — 1960-е гг. — был озаглавлен активной деколонизацией стран африканского континента; третий этап — с середины 1970-х гг. до конца 1990-х гг. характеризовался крушением старейшей португальской колониальной империи.¹

Самые активные фазы процесса деколонизации пришлись на второй этап, хронологически совпавший с разгаром «холодной войны» в 1950–1960-е гг. С одной стороны, это неизбежно вовлекло молодые освободившиеся страны в противостояние двух мировых общественно-политических систем. С другой стороны, — предоставило им возможность выбора модели социально-экономического развития и определения политической ориентации. Вариантов было два — опыт советской индустриализации (или как вариант — китайской), либо вариант капиталистической рыночной экономики.

На первом этапе деколонизации естественным было обращение лидеров молодых государств к западной модели, более знакомой и приемлемой, учитывая тесную экономическую привязку к бывшим метрополиям. При этом, в первую

¹ Подробнее см.: Фурсов К. А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели. // Восток (Oriens), 2015, № 2. С. 5–19.

очередь, был расчёт на помощь и поддержку США, которые позиционировали себя поборниками свободы и демократии, противниками колониализма и угнетения. Однако, условия предоставления западной помощи и её характер, существенно затрудняли выход освободившихся государства Азии и Африки на уровень равноправных участников международного сотрудничества, так как результатом такой «поддержки» стало формирование косвенной зависимости этих стран от своих западных партнёров, которая определяется понятием «неоколониализм».

В этой ситуации советская военная и финансовая помощь, значительно менее обременительная с точки зрения политических и финансовых обязательств, оказалась более привлекательной для ряда молодых освободившихся государств. Их попытки реализовать социалистическую модель, идеологически обосновав свои цели и задачи в многочисленных концепциях «туземного социализма», свидетельствовали о стремлении объединить модернизм и традиции, при этом традиционные ценности часто интерпретировались как органичная часть социализма — «социализм, освящённый традицией», что конечно не имело ничего общего с марксизмом¹. Для включения этих стран в орбиту своего влияния и преодоления сложностей в применении базовых понятий классического научного социализма к традиционному восточному обществу в СССР была сформулирована теория «социалистической ориентации», призванная поддержать дружественные радикальные режимы².

К концу 1970-х гг. ситуация для освободившихся государств Азии и Африки стала складываться неблагоприятно. Модель советского коммунизма вошла в противоречие с традиционной восточной социально-экономической структурой и системой ценностей и оказалась неприемлема из-за её классового характера и атеистической направленности. А капитализм западного образца утвердил власть той части элиты афро-азиатских стран, которая ставила на первое место собственное обогащение, следствием чего стала чудовищная коррупция, злоупотребление властью и формирование диктаторских режимов для её удержания.

Невозможность преодолеть неравноправие и зависимость от развитых государств в рамках «западной» модели, разочарование в перспективах применения «советской» модели в своих странах способствовали поискам собственного алгоритма развития с учётом этнокультурных традиций и цивилизационных особенностей. Концепция «третьего пути» с её опорой на национальную идентичность стала примером современного осмысления традиционной политической культуры, основой которой на Востоке всегда была религиозно ориентированная картина мира, божественная гармония, мир и порядок, гарантом которых являлось государство во главе с верховным правителем, воплощающим сакральные силы.

¹ Левин З. И. Общественная мысль на Востоке (Постколониальный период). М.: Вост. лит., 1999, 196 с. С.128–156.

² Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012. 414 с. С.70–71.

Воздействие политической культуры метрополий в бывших колониях привело к заимствованию последними западных форм государственной власти и политических организаций. Однако их «содержание» и механизм функционирования коренным образом отличается от классических европейских аналогов¹. Формирование и деятельность подобных институтов основаны на личных связях, определяющихся клановой принадлежностью, «патрон-клиентскими» отношениями, этно-племенной или конфессиональной общностью и т. д.²

Элементы традиционализма в политической культуре современных государств Азии и Африки представляют собой закономерный результат поисков оптимальной модели социально-экономического и политического развития, которая не только обеспечивает суверенитет и равноправие на международной арене, но и соответствует внутренним запросам общества.

Урнер М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Оценка нового динамического тренда внешнеэкономической концептуальной структуры Турции на международной арене

В рамках данного сообщения нами предпринята попытка продемонстрировать сложную картину эволюции развития тенденции внешнеэкономической динамики, основанной на исторических, этно-конфессиональных и культурных ценностях в качестве наследства Османской эпохи, благодаря которым в турецкой внешнеполитической деятельности зародилась концепция «Империализм 2.0» в качестве новой по своей природе имперской мировоззренческой доктрины, способной стать основополагающей идеологией в рамках парадигмы Нео-республиканской приверженности внешнеполитической модели.

В условиях нарастания уровня конкурентных условий на рынках в масштабах глобального экономического пространства, возникновения таких факторов, как наличие тенденций в виде мирового протекционизма, повышение вероятности рискованных сделок и отсутствие экономического равновесия при осуществлении торгово-экономической программы международного сотрудничества, проводимые в сфере современной международной торговой политики государствами, в действительности, оказываются недостаточно конкурентоспособными и эффективными, чтобы соответствовать ожиданиям, возлагаемым на традици-

¹ Подробнее см.: Пахомова Л. М. Особенности политической культуры современного Востока. / В кн.: Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А. Д. Воскресенского. М., 2007. С.118–136.

² Социальный облик Востока. М., 1999. С. 15–76.

онный внешнеэкономический подход в нынешних экономических и конкурентных реалиях. Однако в то же время отмечается, насколько успех современной практико-ориентированной дипломатии внешнеэкономической направленности, которая может определяться как установленные путем переговоров отношения между суверенными государствами, не оправдал ожиданий акторов по улучшению их торгово-экономических отношений на международной сцене.

Резюмируя, можно констатировать, что происходящие на фоне мирового экономического прогресса тенденции на фоне трансформации сегодняшнего экономического уклада в глобальных процессах кардинально заставляют нас существенно менять свое мировоззренческое восприятие внешнеэкономической политики в сфере внешнеторговых взаимоотношений, а также осуществлять последовательную и комплексную экономическую и торговую программу, охватывающую плюсы не только микроэкономических перспектив, но и макроэкономической составляющей, с целью расширения внешнеторговых проектов товарооборота в отличие от XX столетия.

В качестве основного ориентира в стремлении турецкого государства улучшить свой рейтинговый уровень в глобальной торгово-экономической структуре, одновременно, способствуя популяризации имиджа Турции на международной политической арене, можно назвать реализацию и освоение в процессе своего развития новой модели международной дипломатической или торговой направленности внешнеэкономического сотрудничества, которая в настоящее время активно начала воплощаться и развиваться во внешнеэкономических программах многих государств развитой зоны, что является наглядным подтверждением комплексной концепции внешнеэкономической стратегии, которой Турция в обязательном порядке следует в своей программе экономического развития в первой четверти XXI столетия.

Таким образом, можно утверждать, что во многом благодаря формированию рационального механизма новой экономической конъюнктуры, геоэкономическая экспансия Турции — от Ливии до Сирии, Греции, Ирака и Южного Кавказа — в последние годы усилилась и расширилась, следуя именно той экономической модели, которая дает Турции основания заявлять о своей позиции регионального лидера.

В целом, наблюдается значительная положительная тенденция в экономической структуре и тенденциях развития основной экономической направленности и динамики Турецкой Республики, характеризующаяся существенным повышением уровня экономического потенциала привлекательности для международных рынков, в том числе в плане осуществления инвестиционной деятельности различными заинтересованными субъектами иностранного капитала, и активно проводящая политику развития международных и региональных экономических контактов как непосредственно с Россией и КНР, так и с США и заинтересованными западными странами, в частности с в частности с государствами в сопредельном пространстве.

СЕКЦИЯ XXI • SECTION XXI

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ:
ЛЮДИ, СУДЬБЫ, ИДЕИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "INTELLECTUAL HISTORY OF ASIA:
PEOPLE, DESTINIES, IDEAS"

Емельянов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

О типах мышления в древней Месопотамии

В докладе проводится полемика с монографией¹ и статьей М. ван де Мироп², который настаивает на том, что в древней Месопотамии с начала ее истории существовала самостоятельная философия. Определено, что философское высказывание может быть только авторским и обязательно подвергается критике со стороны других авторов. В философском рассуждении о мироздании обязательным является принцип непосессивности всеобщего. Мироздание понимается философами как единство всего сущего. В то же время мироздание мыслится состоящим из первоэлементов. В философском мышлении есть иерархия категорий, представление о первоначале, о пределе и о беспредельном. В отличие от философов, авторы текстов на шумерском и аккадском языках были безымянными, не цитировали и не критиковали друг друга. В их рассуждениях всеобщее всегда связано с принадлежностью множества вещей одному субъекту, а мировой порядок понимается исключительно как власть. Мироздание предстает в шумеро-аккадских текстах как множество обладаемых вещей. Клинописные тексты до V в. до н. э.

¹ Mieroop van de M. *Philosophy before the Greeks: the Pursuit of Truth in Ancient Babylonia*. Princeton, 2015.

² Mieroop van de M. *Theses on Babylonian Philosophy // Journal of Ancient Near Eastern History*. 2018. Vol. 5 (1–2). P. 15–39.

не знают представлений о первоэлементах. В них отсутствуют логические определения и цепочки логических рассуждений, иерархия категорий, представление о первоначале, о пределе и о беспредельном. Таким образом, построения жрецов и ученых древней Месопотамии, с нашей точки зрения, нельзя назвать философскими текстами¹.

Следует рассмотреть терминологию процедур смыслопорождения в шумерском и аккадском языках. Шумерский глагол *šag₄ dab* ‘мыслить’ буквально означает «схватить сердце/внутреннее». Шумеро-вавилонское представление о знании предполагало существование как открытого, так и закрытого (тайного) познания мира. У каждого слова, как и у печени жертвенного животного, был свой знак (*ittu* ‘знамение’), за которым читался смысл (*libbu* ‘сердце’) сказанного. Для того чтобы понять знак и смысл написанного, рекомендовалось применять особые герменевтические практики, основанные на интерпретации. Буквальное понимание, основанное на внимании и сопровождавшееся размышлением, обозначалось глаголом *hasāsu*. Когда же требовалось интерпретировать текст, употреблялось аккадское слово *šutābultu* ‘интерпретация’, которое происходит от глагола ‘смешивать вещества, подсчитывать, оценивать’ > ‘понимать’. Интерес представляют и сами аккадские конструкции смыслопорождения, состоящие из предлогов и сочетания предлогов/частиц с существительными. Предлог *ana*, имеющий, как правило, направлятельное значение, здесь употребляется в значении ‘соотносится с’. Имеется в виду соотношение термина с более частотным или авторитетным примером, но не этимология в современном научном смысле. Предлог *aššu* употребляется в пояснительных текстах в своих основных значениях ‘потому что, вследствие того, что’ и обозначает каузальные (либо квази-каузальные) связи. Существительное *libbu* ‘сердце’ принимает значение предлога и означает ‘подобно тому, как’, выполняя функцию введения в цитируемый текст².

Автор доклада предполагает, что в письменной культуре древней Месопотамии существовали только три типа мышления. Мифопоэтическое мышление, свойственное царским надписям и литературным текстам, характеризуется использованием фантастических сюжетов и тропов. Спекулятивное (отвлеченное) мышление, ярко проявившееся в гадательной, законодательной и комментаторской литературе, основано на ассоциациях знаков письма и слов из двух разных языков, а также на установлении каузальных и квази-каузальных связей между событиями. Научно-практическое мышление (характерное для списков, хозяйственных текстов, а также для текстов из области грамматики, математики, астрономии и медицины) представляет собой фиксацию мыслительных операций без выведения доказательства и построения теории.

¹ Емельянов В. В. Существовала ли вавилонская философия? // Вопросы философии. 2023. № 2 (в печати).

² Frahm E. *Babylonian and Assyrian Text Commentaries: Origins of Interpretation* (Guides to the Mesopotamian Textual Record 5). Münster, 2011; Gabbay U. *The Exegetical Terminology of Akkadian Commentaries*. Leiden, 2016.

Между этими типами мышления существовали своеобразные семантические отношения. Так, мифопоэтический литературный текст получал квази-объяснение в комментарии¹, а спекулятивный астрологический текст служил основанием для рецепта в научно-практической медицинской литературе². В докладе будут представлены примеры таких отношений.

Интересно, что зачатки научно-теоретического мышления возникают в древней Месопотамии в V–IV вв. до н. э., вместе с проникновением элементов греческой культуры. Тогда появляется табличка с описанием первоэлементов мироздания³, появляются полные сценарные записи ритуалов⁴, возникает вавилонский театр⁵ и начинается математическая астрономия⁶.

Ермаченко И. О. (РГПУ, Санкт-Петербург)

Образы Востока в секретных донесениях и литературных текстах Л. В. фон Гойера

Доклад продолжает цикл исследований автора, посвященных малоизученной прежде⁷ фигуре Льва Викторовича фон Гойера (1875, Минск — 1939, Париж) — сотрудника, а затем и резидента русской секретной службы в Китае⁸.

¹ Frahm, E; Jiménez E. Myth, Ritual, and Interpretation. The Commentary on Enūma eliš I–VII and a Commentary on Elamite Month Names // Hebrew Bible and Ancient Israel, Vol. 3. Interpreting the Interpreters: Hermeneutics in Ancient Israel and Mesopotamia, Tübingen, 2015. P. 293–343.

² von Weiher E. Spätbabylonische Texte aus Uruk. Vol. III. Berlin, 1988 (SpTU III). No. 105.

³ Biggs R. D. An Esoteric Babylonian Commentary // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. 1968. № 62. P. 51–58.

⁴ Debourse C. Debita reverentia: Understanding Royal Humiliation in the New Year's Festival Texts // KASKAL. Rivista di storia, ambienti e culture del Vicino Oriente Antico. 2019. № 16. P. 183–200.

⁵ van der Spek R. J. The theatre of Babylon in cuneiform // W. H. van Soldt (ed.), Veenhof Anniversary Volume. Studies presented to Klaas R. Veenhof on the occasion of his sixty-fifth birthday. Leiden 2001. P. 445–456.

⁶ Ossendrijver M. Science in Action: Networks in Babylonian Astronomy // E. Cancik-Kirschbaum, M. V. Ess, and J. Marzahn, eds. Babylon: Wissenskultur in Orient und Okzident (Topoi/ Berlin Studies of the Ancient World). Berlin, P. 213–221.

⁷ См. Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004; Авилов Р. С. Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л. В. фон Гойера в 1909 г.) // Японские исследования. 2021. № 1. С. 25–48.

⁸ См. прежде всего: Ермаченко И. О. «Военные тревоги» на Дальнем Востоке: профессиональный дискурс в общественном контексте России конца XIX — начала XX в. (этико-правовые аспекты) // Право и справедливость в исторической традиции миротворчества: от античности до современности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 175–246 (Гл. V; см. § 2. Разведка и политическая аналитика: Л. В. фон Гойер после Русско-японской войны. С. 203–221); Choi Deokkyoo, Ermachenko I. O. Lev Viktorovich von Goyer: Organizer of Secret Activities in the Far East between 1904 and 1910 // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92, Suppl. 12. P. S1185–S1194.

Владея китайским и японским языками, он в 1904 г. был приглашен в состав так называемой «шанхайской агентуры» А. И. Павлова — первоначально для работы по организации и редактированию прорусской прессы в Китае под прикрытием службы в Русско-Китайском банке. После окончания Русско-японской войны Гойер занял должность агента (торгового атташе) российского Министерства финансов в Шанхае (1906–1910), где имел широкий круг личного общения и почтовой коммуникации с русскими и зарубежными представителями дипломатических и деловых кругов. Его секретную переписку и особенно обширные отчеты непосредственному шефу, министру В. Н. Коковцову, отличает высокая информированность и прагматический взгляд на реальную политическую и экономическую обстановку в Китае, Японии, Корее, и в то же время, определенное стремление к образной генерализации выводов, нередко апеллирующей к констатациям и объяснениям историко-культурного или этнопсихологического свойства. Ряд сюжетов, к которым Гойер обращается в своих донесениях, выявляет конспирологически окрашенный, отчасти дилетантский интерес автора: тема «секретных пружин» восточной политики, традиционные и новосозданные тайные общества Китая и Японии, расцвет массового японского шпионажа в Китае в различных ипостасях — от мелких уличных торговцев-пирожников (сеть наблюдателей, по Гойеру) до преподавателей и миссионеров, и т. д.

Анализ этой своеобразной «политико-прикладной» имагологии имеет смысл для уяснения культурных контекстов общей системы принятия ведомственных решений того времени, касающихся дальневосточной политики, как и аспектов их мотивации. Характерны стилистические и риторические параллели некоторых пассажей Гойера в депешах для сугубо конфиденциального прочтения с общими местами из трактовок газетно-журнальной публицистикой происков конкурирующих великих держав ради «удаления России от ее действительных задач» на Дальнем Востоке. Подобные же оценки вступления Востока на путь западной цивилизации как фактора, породившего Русско-японскую войну, определили для Гойера образ послевоенной Японии, чуждой, по его мнению, «цивилизованных понятий», особенно в ее китайской политике: «Роль же Японии совершенно ясна. Возбуждать недоверие народа к правительству, ненависть китайца к маньчжур, объединять, вооружать, организовывать тайные общества, иметь своих агентов по всей стране, и в известный момент, когда грянет гром, оказаться хозяевами положения»¹. В результате образы Японии, Китая и Кореи воспринимались в устойчивой связке, детерминированной геополитически окрашенными оценками. Так, политику японцев в Корее автор донесений характеризовал исходя из их взгляда на корейцев как на «эссенциально враждебную им расу»². И Корея, и Китай во многом оцениваются Гойером в контексте их потенциала антияпонского противостояния, что не спасает его собственные образные конструкции от известного европоцен-

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 390. Л. 14 об.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 391. Л. 174.

тризма. Примечательна, например, характеристика Гойером «внутреннего строя государственной жизни Китая», три тесно взаимосвязанных центра сосредоточения власти в котором он определяет как «Китай «мандаринов» (чиновный, правящий Китай), Китай свободной интеллигенции (по кит. «шеньшы» [шэньши], по англ. gentry или literati, по франц. notables), то есть людей свободных профессий, но облеченных авторитетом вследствие их познаний и опыта, и наконец, Китай общинной, семейной единицы. Первый правит страной сверху, последний снизу, а средний нормирует их взаимоотношение, соединяя «правительство» с «народом». Эти три начала, всегда существовавшие в Китае и существующие по всей стране без исключения, составляют государственный стяг страны»¹. В докладе представлены наиболее имагологически значимые сюжеты, которые содержатся в обширном комплексе секретных донесений Л. В. фон Гойера, составивших несколько архивных дел РГИА.

Активная фаза разведывательной деятельности Гойера была прервана в начале 1911 г. на фоне быстрого политического сближения Петербурга и Токио, противоречившего его антияпонским настроениям. Редкую возможность поставить вопрос как о долгосрочной эволюции представлений Льва Викторовича о Востоке, так и об определенных связанных с этими представлениями константах дает опубликованный им спустя четверть века в парижской эмиграции, где он активно участвовал в масонском движении, сборник «Семилепестковый лотос: Тибет — Корея — Монголия — Япония — Китай — Индо-Китай — Индия» (Париж, 1936), который представляет собой попытку художественно-литературной стилизации в духе «восточных притч» и до сих пор оставался за пределами интереса исследователей.

Кикнадзе Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Меценатская деятельность японского императора Го-Сиракава (1158–1192)

Несмотря на устоявшийся в японской историографии образ монашествующего императора Го-Сиракава как неудачного политика, неблагоразумного правителя, изначально не годившегося на эту роль, у императора есть и иной образ: через популяризацию свитковой живописи *эмакимоно* жанра *рокудо-э* и песенной поэзии *имаё-ута* правитель предстает нам глубоко верующим буддистом, тонким ценителем прекрасного и истинным представителем хэйанской придворной культуры.

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 395. Л. 13–14.

В противовес политическим неудачам Го-Сиракава, правящего по системе *инсэй* с 1158 г. вплоть до своей смерти в 1192 г., его культурная гегемония наблюдалась на всем протяжении его правления.

Со второй половины XII в. по заказу императора создавалось изрядное количество образцов литературы, живописи, предметов искусства.

Особую популярность получают иллюстрированные свитки-*эмаки*. Их появление как и пик их популярности приходится на вторую половину XII в. и XIII в., в последующие века интерес к *эмаки* не угасал. Очевидно, что начало популярности было положено благодаря личному интересу Го-Сиракава. Так, по заказу императора один за другим появляются свитки-*эмаки* «*Гаки-дзо:си*» 餓鬼草紙 («Свиток о голодных существах-претах», XII в.), «*Дзигоку-дзо:си*» 地獄草紙 («Свиток о преисподней», XII в.), впоследствии будет создан «*Ямаи-но со:си*» 病草紙 («Свиток о хворях» XII в.) и «*Кусо:си-эмаки*» 九相詩絵巻 («Свиток о девяти этапах разложения [человеческого тела]», XIII в.), «*Хогэн сумо-дзу эмаки*» 保元相撲図絵巻 («Свиток о состязаниях сумо годов Хогэн», XII в.) и многие другие. По своему содержанию они имели довольно широкий диапазон — от сугубо буддийских картин до детального изображения повседневной жизни жителей столицы Хэйан-кё. Император являлся самым значимым и частым заказчиком свитков-*эмаки* в стиле *ямато-э*. В картинах свитков явно просматривается неподдельный интерес к жизни за пределами дворцовых покоев.

Свитковая живопись *эмаки* не была единственным увлечением императора Го-Сиракава: он также прослыл большим любителем и знатоком народной поэзии *имаё-ута*.

Имаё-ута 今様歌 это род популярных песен *вака* о жизни простых людей, часто с фривольным содержанием, распевались столичными «женщинами для удовольствия» *асоби-онна* на лодках в устьях столичных рек, где они принимали своих гостей. Этот жанр *вака* был на пике популярности с середины эпохи Хэйан вплоть до конца эпохи Камакура. Для своего времени считался новомодным стилем стихосложения, в противовес придворным стихам *сайбара*. Форма *имаё ута* — восьмистишия с чередованием слогов 7-5-7-5-7-5-7-5 и цезурой после 4-й строфы. Ярким примером *имаё-ута* является «*Ироха-ута*» — знаменитое стихотворение для запоминания азбуки *ироха*.

Это увлечение точно так же, как и *эмаки*, носило у Го-Сиракава характер маниакальной одержимости, чем обыкновенного интереса. Из 10 свитка его сочинения «Рё:дзин хисё:», которое будет подробнее рассмотрено далее, известно, что сам Го-Сиракава с самой ранней юности увлекался *имаё*, потратив в общей сложности на постижение этого искусства десять лет. Император мог распевать *имаё* целыми днями, а прослышав об особо талантливой певице, зазывал ее к себе в покои и просил петь без остановки. Сам он трижды срывал голос из-за чрезмерного пения.

Асоби-онна были основными исполнительницами и носителями традиции популярных песен *имаё*. *Асоби-онна* упоминаются примерно в пятидесяти

стихотворениях знаменитой поэтической антологии «Манъёсю». Женщины такого рода занятий могли иметь долгосрочные близкие связи с высокородными людьми, сановниками, взамен получая богатые дары. Образ *асоби-онна* был романтизирован и оброс устойчивыми метафорами благодаря их верным посетителям — аристократам средних рангов, равнодушных к поэзии и литературству. Посещение *асоби-онна* не считалось чем-то низким, недостойным аристократа, так как в то время еще не было четкого понимания роли женщины как жены и матери, и институт брака всё еще находился в процессе формирования. К тому же *асоби-онна* славились искусством любви, как и утонченным исполнением танца *саругаку* и песен *имаё-ута*. «Современные песенки» *имаё-ута*, распеваемые *асоби-онна*, упоминаются придворным аристократом, поэтом в жанре китайских стихотворений *канси* Фудзивара-но Акихира (989–1066) в своем труде «Синсаругаку-ки».

Император Го-Сиракава, будучи страстным почитателем песен *имаё* стал составителем сборника «*Рё:дзин хисё:*» 梁塵秘抄 (в пер.: «Тайное собрание пылинок, пляшущих в лучах солнца»¹), по сути сочетавшим в себе два сборника «*Касисю:*» 歌詞集 (сборник песен, всего 10 свитков-маки) и «*Кудэнсю:*» 口伝集 (в пер.: «Устное собрание»). «*Кудэнсю:*» исторически включал в себя 10 свитков об истории происхождения и традициях *имаё*, технике исполнения, о представлениях *кагура* и *саругаку*, старинных песнях *сайбара* 催馬楽.

Это был запланированный труд императора, понимавшего, что после его смерти этот жанр может быть предан забвению. И, действительно, жанр *имаё* к концу XIII в. практически исчезает, не получая былой поддержки от столичной аристократии.

Впервые в эп. Хэйан сам император становится собирателем и исследователем обширного песенного наследия исполнительниц *имаё асоби-онна*, имея основной целью своего сочинения сохранение всесторонних знаний об этом исполнительском жанре для последующих поколений.

Вака и *эмакимоно* не были единственной страстью императора, он также был большим ценителем японского искусства.

Желание Го-Сиракава обладать большим числом свитков и других предметов роскоши в своем дворце вполне могло быть связано с его стремлением конкурировать с сокровищницей Сёсоин в Нара, сокровищницей Сёкомёин во дворце Тоба и Бёдоин в Удзи, резиденции сановника Фудзивара Ёримити.

С помощью коллекции дорогостоящих предметов искусства Го-Сиракава, можно полагать, надеялся продемонстрировать своё влияние и утвердить престиж и авторитет императорского дома, желание противопоставить высокую культуру аристократов новому военному сословию.

¹ Перевод на русский язык названия сборника еще не устоялся в виду его малоизученности и отсутствия перевода. Автор статьи полагает, что возможны и иные версии перевода названия.

Леленкова А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Рабиндранат Тагор и его видение Японии и японского народа после революции Мэйдзи

Один из величайших мыслителей Востока конца XIX — первой половины XX вв. Рабиндранат Тагор (1861–1941) был известен не только своей многогранной творческой деятельностью, но и умением концептуально мыслить и объективно оценивать исторические процессы и их влияние на дальнейшее развитие общества. Что касается понятия самого общества, то Тагор придерживался мнения о том, что его следует разделять на два обширных ареала — Запад и Восток, что было обусловлено наличием отличных культурно-исторических факторов и идейно-философских основ.

Рабиндранату Тагору за свою жизнь довелось много путешествовать и познакомиться с культурами не только стран Азии, но и Европы и Америки. В числе многочисленных стран, в которых он побывал и вел свою деятельность, оказалась и Япония. Тагор впервые посетил Японию в сентябре 1916 г. и провел там месяц с целью изучения особенностей культуры и более близкого знакомства с народом этой страны. Можно сказать, что событием, предшествовавшим его визиту в страну восходящего солнца, стало знакомство Тагора с японским философом и мыслителем Оакура Какудзо в 1902 г. в Индии. После общения с Оакура Тагор пришел к мысли о важности самого существования феномена японской культуры в мире Востока и необходимости её более глубокого изучения и понимания представителями других народов Азии. Более того, оказалось, что оба общественных деятеля придерживаются концепции «единой Азии», некоторые идеи которой Оакура позднее выразил в своих работах «Пробуждение Японии» (1905 г.) и «Идеалы Востока, выраженные в искусстве Японии» (1920 г.). Таким образом, приехав в Японию, Рабиндранат Тагор достаточно ясно осознавал, какие аспекты общественной и культурной жизни страны представляют для него наибольший интерес. Но даже несмотря на это осознание, особенности менталитета и жизненного восприятия, свойственные только японской нации и не присущие остальным народам Азии, стали для него откровением.

С другой стороны, Тагор заметил и некоторые негативные изменения в мироощущении японцев под влиянием проникновения западной «цивилизации». Это связано с тем, что с открытием Японии в середине XIX века после её длительной изоляции правительство начало проводить политику активной модернизации всей общественной жизни страны. Основной целью проведения революционных преобразований, затрагивающих государственную и социально-экономическую системы, а также военное устройство, стало недопущение превращения Японии в очередную колонию стран Запада, что на тот момент уже произошло с другими азиатскими странами. Новое японское правительство осуществляло программу реформ путем заимствования западных технологий и идей, однако при этом ста-

ралось сохранять дух японской нации. В результате проведения коренных реформ в период Мэйдзи (1868–1912) Япония сумела совершить колоссальный рывок в своем развитии, превратившись из полуфеодального государства в сильную экономическую и военную державу, способную составить конкуренцию западным державам в их борьбе за сферы влияния в Азии. Более того, на момент визита Рабиндраната Тагора в 1916 г. Япония уже успела провести две победоносные войны, а также совершить аннексию Кореи в 1910 г. Данные факторы значительно повлияли на настрой японского общества в целом, и это не могло ускользнуть от внимания Тагора, который сумел предвидеть в этом опасные тенденции для будущности японского народа.

Суммируя все свои наблюдения и мысли, Тагор написал речь-обращение к японскому народу, которую он представил под названием «The message of India to Japan» на лекции в Токийском Императорском Университете. Впоследствии данная речь стала частью написанного им цикла лекций и эссе под общим названием «Национализм» (1917), в котором он делает попытку анализа данного феномена с социально-философских позиций Запада и Востока. В отношении Японии Тагор справедливо отмечает, что это единственная азиатская страна, которая одновременно сумела «проломить стены своих древних привычек... и обнаружила одновременно и самоуверенную силу зрелого возраста, и многообещающую свежесть юности»¹, тогда как остальные страны смирились со стереотипом, что Азия живет прошлым и никогда не сможет вступить на путь прогресса, и приняли как должное, что определенные нации и расы должны жить в пределах своих культурных и географических рамок. Пример Японии обнадежил остальной Восток и заставил осознать, что в нем есть «жизнь и сила, и необходимо лишь сбросить с себя омертвевшую кору»². Примечателен пример Японии, по мнению Тагора, и в том, что её обновление не было достигнуто путем лишь подражания Западу. Наоборот, Тагор настаивает, что японцы «должны вложить в дело их восточное умонастроение, их дух, силу, любовь к простоте и чуткость к социальным обязанностям»³. Ещё одним немаловажным фактором является то, что Япония не стеснена извне, и это позволяет ей играть роль своего рода «голоса» всей Азии, чтобы отвечать на «вопросы, которые Европа поставила человечеству»⁴. Именно японская нация с её уникальным чувством единения с природой, способностью постичь её сущность и красоту лишь интуицией способна «вливать сок более совершенной человечности в сердце современной

¹ Рабиндранат Тагор. Национализм / пер. с английского И. Я. Колубовского и М. И. Тубянского. Петербург: ACADEMIA, 1922. С. 41.

² Rabindranath Tagore. The Message of India to Japan: A Lecture. New York: the Macmillian Company, 1916 // URL: <https://archive.org/details/messageindiatoj00tagoog/page/n28/mode/2up> (дата обращения 15.01.2023). P.12.

³ Рабиндранат Тагор. Указ. соч. С. 44.

⁴ Rabindranath Tagore. Ibid. P. 17.

цивилизации»¹. Отдавая должное таким достоинствам исконного миропонимания японского народа, Тагор в то же время усматривает и негативные процессы нациестроительства по западному образцу, таящие в себе опасность вступления Японии на путь милитаризма. Он выражает тревогу по поводу грубого вытеснения собственных национальных идеалов Японии политическими идеалами Запада, а также предостерегает японскую нацию от вооружения и принятия внутренних тенденций западной культуры.

Как показал дальнейший ход исторических событий, опасения Рабиндраната Тагора в отношении участи обновленной Японии оказались пророческими. Однако примечателен тот факт, с какой точностью Тагор осмыслил тончайшие нюансы мироощущения японцев и распознал все угрозы, созданные революцией Мэйдзи, для дальнейшего развития истории Японии.

Малашевская М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неомарксизм и мир-системный анализ в Японии: «Структура мировой истории: от способов производства к способам обмена» Каратани Кодзин

В представленном докладе будет рассматриваться концепция известного японского философа-неомарксиста Каратани Кодзин, раскрывающая структуру мировой истории как изменение четырех способов обмена. Основные аргументы и положения концепции мыслителя изложены в работах «К мир-республике: преодолевая капитал, государство, нацию» (2006)², «Структура мировой истории»³ (2010), «Читая «Структуру мировой истории»»⁴ и «The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange»⁵. Центральная идея автора состоит в критике классического марксистского подхода, гласившего, что развитие мировой истории обусловлено производственными факторами — переходы от одного способа производства к следующему по уровню социально-экономического развития. Каратани Кодзин выдвигает на передний край вопрос обращения, т. е. способы

¹ Рабиндранат Тагор. Указ. соч. С. 52.

² Каратани Кодзин. Сэкай кё:вакоку э: сихон, нэ:сён, кокка о коэтэ [К мир-республике: преодолевая капитал, государство, нацию]. Токио: Иванами сётэн, 2006.

³ Каратани Кодзин. Сэкайси но ко:дзо: [Структура мировой истории]. Токио: Иванами сётэн, 2010.

⁴ Каратани Кодзин. Сэкайси но ко:дзо: о ёму [Читая «Структуру мировой истории»]. Токио: Инсукуруипуто, 2011.

⁵ Karatani Kojin. The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange / Translated by Michael K. Bourdaghs. Durham: Duke University Press, 2014.

обмена (ко:кан ё:сики). Его аргументация исходит того, что если, экономический базис — это способ производства, то невозможно объяснить экономическую систему докапиталистических обществ. Философ утверждает: «Хуже того, мы по-прежнему не в состоянии понять даже капиталистическую экономику. Сама капиталистическая экономика зависит от своей «идеологической надстройки», а именно, от широкой системы, основанной на деньгах и кредите»¹. Организация общественных отношений в рамках его концепции строится на системе корреляции между деньгами и товаром или способ обмена. Каратани Кодзин соединяет марксистскую теорию с концепцией Марселя Мосса о даре и таким образом получает четыре способа обмена, движущих мировую историю:

Способ А. Реципрокный обмен (дар и ответный дар) — стадия общественных отношений «нация».

Способ В. Захват и перераспределение (патрон-клиентские отношения) — стадия общественных отношений «государство».

Способ С: Товарообмен (деньги и товар) — стадия общественных отношений «капитал».

Способ D: X (комбинация всех трех способов) — модель будущего, вероятное общественное устройство «мировая республика».

Каратани Кодзин соединяет теории общественного развития, обмена, капитала, структур общества и истории XX столетия и кантонианскую и марксистскую философию с буддийским (восточноазиатским) представлением о циркулярном движении времени. Общественные отношения начинаются с реципрокности и к ним должны прийти в будущем. Японский мыслитель широко использует терминологию мир-системного подхода И. Валлерстайна и А. Самира, и представляет будущий мир как мир глобального согласия. Хотя И. Валлерстайна в 2010-х гг. отошел от идеи «мирового правительства»: он предрек миру несколько десятилетий турбулентности и переход к новому устройству, который соединит элементы мир-империи и мир-экономики. Мыслители разделяют общее представление о сложносоставном характере общественных отношений середины XXI в., однако тональности характеристики Валлерстайна проникнута пессимизмов, в то время как Каратани смотрит в будущее оптимистически.

Каратани Кодзин широко известен на Западе и в Китае, главные из его работ опубликованы на английском и на других европейских языках, некоторые статьи были переведены на китайский язык. Тем самым Каратани наметил путь от национального критика литературы к признанию в глобальном научном мире. Его рефлексия над кантонианской философией и наиболее важными трудами западной исторической, социологической и экономической мысли позволили раздвинуть рамки национальной науки. Япония в его концепции фигурирует в качестве частного, а не уникального случая. Тем не менее, в саму структуру аргументации

¹ Karatani Kojin. The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange. С. 4.

введены представления о цикличном развитии истории и сохранении исторических форм общественного устройства. Эти идеи создают мост между западным и восточным пониманием всемирного исторического процесса, соединяя два интеллектуальных полюса.

Михалев А. В. (БГУ, Улан-Удэ)

«Монголын товч түүх» как источник по исторической политике в революционной Монголии

«Путём перелицовки неоднозначных страниц истории под необходимые тому или иному государству параметры она (историческая политика — прим. А. М.) решает актуальные политические задачи как внутри страны, так и на международном уровне» [Дюков 2010: 133]. В этом контексте «Монголын товч түүх» (Краткая история Монголии), написанная почти сразу после революции 1921 г. крупным политическим деятелем А. Амаром, представляет собой интересный образец национальной истории. Она была создана политиком (автор — премьер-министр страны в 1928–1930-х и 1936–1939-х гг.), что наложило на неё свой отпечаток, характеристики, свойственные политическому тексту. Текст А. Амара далёк от критериев научного исторического текста, заложенных Л. фон Ранке, и абсолютно не снабжён ссылками и справочным аппаратом. Его работа была приурочена к десятилетнему юбилею республики и являлась первым томом пятитомника по истории Монголии. Период до 1911 г. должен был подготовить А. Амар, но из планировавшихся первых трёх томов был написан всего один. Четвёртый том, посвящённый периоду автономии, писал Л. Дэндэв, а пятый, описывающий историю революции, — Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид.

Книга А. Амара — это один из первых светских исторических трудов в новейшей истории Монголии, в котором была предложена модель истории страны, ставшая после демократических реформ 1990-х гг. базовой. Противоречивые оценки, высказанные Амаром в 1930-е гг., на длительное время определили судьбу этой работы, её фактически исключили из научного оборота. Другой монгольский политик и революционер Э.-Д. Ринчино крайне критично отозвался о данном труде: «Амор принялся писать историю Монголии, что не плохо, но он напустил такого густо-красного национализма, что можно просто задохнуться». Следующее переиздание история Амора выдержала лишь в 1989 г. (Улаанбатаар, Улсын Хэвлэлийн Газар), когда в Монголии начался новый виток нацистроительства.

В первой главе книги подробно излагаются истоки монгольской истории, а также даётся обзор политогенеза в Центральной Азии, который сравнивается аналогичными процессами в Китае. Также затронута проблема происхождения этнонима «монгол», который он связывает с упомянутой в танской хронике категорией «Мэнгу» [Амар 1989: 26].

Вторая глава рассматривает государственность хунну. Народ хунну автор называет предками монголов. В разделе подробно рассматривается легенда о шаньюе Модэ (в оригинале Модун хаан) [Амар 1989: 36]. Большое значение автор придает и тому, что народ хунну был широко известен в Европе. Описывая владычество хуннов над Туркестаном и Джунганией (в оригинале Жунгар — Зүүн гар), Амар ссылается на труды Грумм-Гржимайло [Амар 1989: 36].

Третья глава рассматривает государственность Сяньби, основанную Тан Шихуаем. Далее показан процесс формирования государства Тоба.

Четвертая глава более основательно описывает период расцвета государства Тоба. Это было время междоусобных войн, приведших к созданию империи Вэй, а затем и к противостоянию государства Вэй (которое Амар именует Юанвэй) с жужанями [Амар 1989: 45–57].

Пятая глава повествует о Великом тюркском каганате (Их Түрэг Улс), о выдающихся политических деятелях эпохи: Эльтересе, Бильгэ хане, Тонькуке, Кюльтегине.

Шестая глава книги рассказывает о государстве уйгуров, начиная с Пэйло и Моюнчура. Подробно рассмотрен процесс распространения среди уйгуров буддизма (Шахиямунийн шашин) и манихейства (Мани шашин) [Амар 1989: 75].

Седьмая глава рассматривает государство Киданей (империю Ляо) с момента его возникновения до падения и ухода Елюй Даши в долину Амударьи и до создания государства кара-киданей. Империя Великое Ляо (Дай Ляо), как отмечает автор, была предшественницей государства Чингисхана [Амар 1989: 83].

Восьмая глава описывает империю Цзинь (Алтан Улс), борьбу с которой вели монголы (начиная с киданей и заканчивая Чингисханом) [Амар 1989: 85–89].

Девятая глава посвящена потомкам Бортэ-Чино, войне с татарами и чжурженями (Алтан Улс) [Амар 1989: 89–101].

И, наконец, последняя, наиболее проблемная десятая глава книги, посвящена Чингисхану (Чингис хааны үе) [Амар 1989: 101–192]. Подробно описано детство Тэмуджина, его завоевания и первые годы после его смерти — противостояние между Хубилаем и Аригбукой [Амар 1989: 184–192].

Для монголоязычной историографии начала XX века образ Чингисхана был знаковым, так же как и тесно связанная с ним идея политического единства монгольских народов. Историография для многих национальных деятелей была возможностью выдвижения определённых политических программ. Обращение к Чингисхану как к некоему основополагающему образу монгольской государственности было важно, поскольку становилось некой формой легитимации монгольской государственности.

Литература

Амар А. Монголын товч түүх. Улаанбаатар, 1989.

Дюков А. Историческая политика или политическая память // Международная жизнь. 2010. № 1. С. 133–148.

Розов В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Книга гороскопов мужчин и женщин» как пример рецепции астрологических идей в арабо-мусульманской культуре

Целостное представление об интеллектуальной истории немыслимо без обращения к тем сторонам знания, которые сегодня принято называть оккультными или эзотерическими. Тем не менее, эта сторона арабо-мусульманской культуры оставалась до недавнего времени практически вне поля зрения востоковедов, поскольку, по справедливому замечанию А. Бустанова, подвергалась двойной маргинализации: как со стороны нормативного исламского богословия, осуждающего стремление к «запретным» знаниям, так и в силу установок научной (в том числе востоковедной) мысли эпохи Модерна, утверждавшей ненужность и отсталый характер оккультных практик¹. Действительно, последние, как правило, рассматривались в лучшем случае в качестве протонауки, а в худшем — как пережитки прошлого и суеверия. В полной мере это касается и астрологии, бывшей и в значительной степени остающейся важным элементом картины мира в мусульманских культурах. При этом рассмотрение истории астрологии позволяет проследить пути передачи, адаптации и трансформации «другого» знания в средневековой арабо-мусульманской мысли.

Ярким примером этих процессов является судьба наследия и имени Абу Машара Джафара ал-Балхи (787–886), одного из самых ярких астрологов Аббасидской эпохи, автора ряда классических сочинений по астрологии, включая всеобъемлющее «Большое введение в науку о приговорах звезд» (*Китаб ал-мадхал ал-кабир фи улм ахкам ан-нуджум*). В нем не только излагаются основы астрологии, восходящей к эллинистической традиции, но и подводится под нее натурфилософский базис, опирающийся на аристотелевскую физику. Помимо уже упомянутого труда, Абу Машару принадлежит большое число других сочинений, посвященных мунданной (объясняющей и предсказывающей мировые события) и гороскопной астрологии. Из этого ряда выделяется «Книга гороскопов мужчин и женщин»

¹ Бустанов А. О. О перспективах оккультного поворота в российском исламоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (2). С. 220–221.

(*Китаб мавалид ар-риджал ва ан-ниса*), также приписываемая Абу Машару. Сочинение под этим заглавием дошло до нас в большом количестве рукописных текстов, созданных в разных частях арабо-мусульманского мира, что позволяет судить о его большой популярности¹.

Анализ нескольких манускриптов, атрибутируемых как «Книга гороскопов мужчин и женщин», показал серьезные расхождения между различными вариантами текста: часто это практически совершенно разные сочинения под одним названием, имеющие, впрочем, единую структуру (описание физических и психических свойств рожденного, а также краткая характеристика различных аспектов его жизни, расположенные по порядку знаков зодиака). Техника вынесения астрологического суждения в них отличается простотой, если не сказать примитивностью, совершенно несвойственной другим дошедшим до нас сочинениям Абу Машара. При этом в этих рукописях также содержатся рецепты по буквенной магии и тексты молитв, призванные ослабить негативное воздействие планет. Подобная информация выходит за рамки аристотелевской парадигмы влияния небесных тел на земные дела и отсутствует в сочинениях, которые бесспорно атрибутируются как принадлежащие Абу Машару. Все это позволяет поставить под вопрос аутентичность приписываемых знаменитому астрологу разнородных текстов, ходящих под названием «Книга гороскопов мужчин и женщин». Тем не менее, магические и религиозные фрагменты сочинений вписывают их в рамки мусульманской картины мира и придают «чуждым», «языческим» знаниям новое ценностное измерение. Именно это обстоятельство, вкуче с доступностью изложения материала и его практической направленностью, а также авторитетом имени Абу Машара, обеспечило популярность и преемственность передачи этих текстов вплоть до того, что один из них был многократно издан в печатном виде с тем же названием и пользуется широкой популярностью у современных арабских читателей.

Соколов О. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Идея угрозы мусульманскому сакральному пространству в арабской культуре Нового времени

Арабоязычный антиколониальный дискурс XIX–XXI вв. изобилует упоминаниями об угрозе, которую современные европейцы, изображаемые как наследники крестоносцев, представляют мусульманскому сакральному пространству. Исходя из широкого распространения антикрестоносного дискурса в общественной

¹ Yamamoto K. Abu Mashar Jafar ibn Muhammad ibn Umar al-Balkhi // The Biographical Encyclopedia of Astronomers, Springer Reference. New York: Springer, 2007. P. 11.

мысли Ближнего Востока и Северной Африки в последние два столетия, представляется актуальным изучение сохранения памяти о Крестовых походах в этих регионах до эпохи Арабского возрождения. Данная исследовательская проблема может быть решена путем анализа памяти о Крестовых походах в различных видах историко-географической литературы, а также в фольклорных источниках, таких как арабские народные романы, которые являются одним из самых важных и наиболее объемных жанров средневековой арабской литературы. Анализ образа франков в источниках этого типа показывает, что в эпоху самих Крестовых походов и в последующие века большое количество племенных доисламских нарративов трансформировалось в посвященные джихаду против франков. Таким образом, когда Крестовые походы создали запрос на персонажа-*муджахид* в арабской народной культуре в XII–XIII вв., образы доисламских героев были переосмыслены для новых реалий, при этом основной задачей героев стала защита мусульманского сакрального пространства. Сюжеты о всегда успешном оборонительном джихаде с переносом болезненных для мусульман событий и реалий Крестовых походов на представителей других религиозных общин (в первую очередь иудеев и зороастрийцев), а также пассажи о франкской угрозе Мекке, Медине и Иерусалиму, позволяют предположить, что данные нарративы возможно рассматривать как способ обработки коллективной травмы.

Шиплюк В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Токийское географическое общество: особенности становления и развития

Становление современной японской науки во многом приходится на вторую половину XIX — начало XX в. вместе с интеграцией научной мысли западного образца. Именно на период Мэйдзи выпало основное знакомство Японии с достижениями Запада, а также «усвоение» чужеродной духовной культуры, первые попытки освоения и применения ее достижений на собственных реалиях. Вместе с этим начинается процесс формирования японской дипломатии, профессиональной подготовки кадров, иностранные миссии. Первые посланники в Европу по возвращению во многом стали проводниками различных европейских практик и моделей. Одна из них — создание географического общества.

Отправной точкой для западных географических обществ стал Париж, где в 1821 г. была основана некоммерческая научная организация, не имевшая на тот момент аналогов. Французское общество стало прообразом для других и, как следствие, получило особый статус, ввиду которого международные собрания географических обществ сейчас открывает его президент. В пятерку старейших

обществ также входят Берлинское географическое общество (1828), Королевское географическое общество в Лондоне (1830), Русское географическое общество (1845) и Американское географическое общество в Нью-Йорке (1852). Их учреждение непрерывно связано с экспедиционной и просветительской деятельностью, продвижением географической науки, и колониальной политикой.

В эпоху Мэйдзи Япония активно пыталась влиться в мировое сообщество и стать равноправным игроком мировой политической арены. Для чего было проведены кардинальные политико-социальные изменения внутри страны, начат путь культурной европеизации. Особое внимание правительство обратило на политику в отношении иностранных держав. Так, уже в 70-х гг. был сформирован дипломатический корпус из людей просвещенных, в том числе получивших образование за рубежом. Многим из них уже довелось исполнять свои обязанности за границей и поучаствовать в различных миссиях.

У истоков Токийского географического общества стоят прежде всего именно посланники. Ватанабэ Хиромото (яп. 渡辺洪基) сопровождал миссию Ивакура в США (1871), а в 1874 г. был временным послом в Австрии. Набэсима Наохиро (яп. 鍋島直大) также входил в миссию Ивакура, после чего уехал в Англию на учёбу и по возвращению на родину его назначили дипломатом. Нагаока Мориеёси (яп. 長岡護美) в период с 1872 по 1878 гг. учился в США и Англии, получил квалификацию барристера, в 1879 г. император лично назначил его на должность посланник. Эномото Такэаки (яп. 榎本武揚) вел территориальные переговоры с российской стороной, заключил Петербургский договор (1875 г.). Ханабуса Ёсимото (яп. 花房義質) будучи секретарем министра иностранных дел Соэдзима Танэоми был отправлен в Санкт-Петербург для помощи Эномото в японо-перуанской судебной тяжбе, известной под названием «Инцидент с Марией Луз».

Познакомившись с европейским опытом, они захотели применить наиболее успешные, по их мнению, проекты у себя на родине. Ватанабэ Хиромото (член Венского географического общества) и Набэсима Наохиро (Королевского в Лондоне) открыли для себя насколько ценный вклад подобные организации вносят в развитие страны. Представленные выше дипломаты выступили с идеей создания аналогичной ассоциации в Японии. И 18 апреля 1879 г. они вместе учредили Токийское географическое общество (яп. 東京地学協会 *То:кё: тигаку кё:кай*). Это одно из старейших академических обществ образца западной научной мысли. В год создания в его ряды вошло 96 членов, позже к нему также присоединились: Кацура Таро, Акамацу Нориеёси, Ямада Акиёси, Цукамото Акитакэ, Фукудзава Юкити, Сано Цунэтами, Фукути Гэньитиро, принц Китасиракава-но-мия Ёсихиса. Таким образом, первоначально общество состояло из государственных деятелей, политиков и аристократов, а не ученых-геологов. На первых порах обязанности председателя исполнял Эномото Такэаки, так и Китасиракава-но-мия Ёсихиса, Канъин-но-мия Котохито, Токугава Ёримити и другие. И лишь в 1970 г. общество возглавили ученые-исследователи.

На раннем этапе вступительный взнос в ассоциацию составлял 10 йен, а членский — 12 йен. Публиковался ежегодный отчет в виде журнала «Токийское географическое общество», где содержались заметки о геологоразведочных работах и о делах иностранных коллег. Однако в 1893 г. оно слилось с Географическим обществом, и унаследовало «Журнал о географии» (яп. 地学雑誌 *Тигаку засси*). Кроме того, был создан каталог общества, ежемесячно проводились собрания с отчетностями, составлен свод правил.

Взяв пример с Королевского географического общества, Токийское заинтересовалось зарубежными трудами и проспонсировало некоторые изыскания. С 1910 по 1916 г. оно уже проводило собственные исследования в центральной и южной частях Китая, что было позже отражено в третьем томе «Отчета о географических исследованиях Китая», первом томе «Полевого справочника находок», двух геологических и четырех географических картах, и стало выдающимся достижением для Японии того времени.

В 1900 г. Министерство образования одобрило Токийское географическое общество в качестве академической организации (до этого оно скорее было научно-профсоюзной институцией).

В настоящее время Токийское географическое общество продолжает широко обсуждать важность и увлекательность изучения земли на публичных лекциях и выставках, что напрямую связано с его главной целью — развития и распространения наук о Земле. Большинство социально значимых проблем Японии (энергетические ресурсы, природные катаклизмы и прочее) так или иначе связаны с геофизическими явлениями и геологией в целом, что обуславливает ценность деятельности общества.

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Цубои Сёгоро и идеи об общем происхождении японцев и айнов

Период Мэйдзи (1868–1912) стал для Японии временем формирования современного национального государства и, как его условия, единой японской нации. Для этой цели на протяжении всего периода задействовались самые разные идеологии и инструменты. При этом всё это время не утихала дискуссия о том, какая она, японская нация — чистая или смешанная? Этот вопрос порождал и целый ряд других: что означает «быть японцем» и можно ли «стать японцем»? являются ли японцы коренным народом Японского архипелага или «захватчиками»? а если они «смесь» различных коренных этнических групп, то каких именно? Эти вопросы не были пустым теоретизированием, ведь они определяли ход дальнейшего развития

японской государственности: быть ли Японии моноэтническим национальным государством или становиться многонациональной империей.

Интересно, что и сегодня жители Японии не пришли к единому ответу на вопрос о том, кто они и откуда. В 2019 году Парламент Японии принял «Закон о продвижении мер по созданию общества, в котором будет уважаться достоинство айнов», в котором айны называются коренным народом Японского архипелага. Фактически, это стало первым шагом в сторону отказа от представлений о Японии как о моноэтническом государстве, господствовавших в обществе несколько десятилетий назад. В данном докладе будет предпринята не претендующая на полноту попытка рассмотреть в исторической перспективе место айнов в дискуссии о японской нации, а именно различные формулировки идеи об общем происхождении японцев и айнов.

В период Мэйдзи дискуссия о японской нации оказалась тесно связанной с вопросами этногенеза японцев, этнической истории Японского архипелага, западным дискурсом нации, империализма, колониализма и т. д. В действительности интерес к этим вопросам наметился в Японии ещё в предшествующий период Токугава (1603–1867), и уже тогда некоторые японские мыслители испытали влияние западных идей и представлений.

Сходства японской и айнской культур отмечались многими авторами, посещавшими Хоккайдо и другие земли айнов в конце XVIII — первой половине XIX в. Для большинства из них опыт общения с айнами был чем-то совершенно новым, и они вольно или невольно игнорировали факт непрерывного взаимодействия японской и айнской культур в течение предшествовавших столетий, отчего возможность культурных и языковых заимствований не рассматривалась ими для объяснения сходств. Не стоит недооценивать и политические причины теорий об общем происхождении: многие представители властной и интеллектуальной элиты Японии того времени считали важность освоения айнских земель ввиду угрозы со стороны России чересчур переоцененной и говорили о необходимости оставить всё как есть. Особенно эту позицию разделяли власти княжества Мацумаэ, которое с начала XVII в. обладало монопольными правами на торговлю и другие отношения с айнами. Для них именно отличия айнов от японцев были значимым политическим капиталом, источником легитимности многих политических и торговых практик. Поэтому такие люди, как Могамы Токунаи и Хата Авагимару, подводили определенную идеологическую основу под весьма спорные на взгляд многих перспективы перевода айнских земель под прямое управление бакуфу.

В период Мэйдзи дискуссия о японской нации также была связана с вопросом о родстве японцев и айнов и в основном представляла собой противостояние двух точек зрения. Согласно первой, на которую в основном и опирались идеологи мэйдзийского правительства, японский народ во главе с императором был неразрывно связан с Японским архипелагом и все вместе они являлись продуктом деятельности божеств, что нашло отражение в древнейших мифах. Эта точка зрения выделяла японский народ среди других и позволяла задействовать множество инструментов

для создания по-настоящему единой нации: язык, природу, историю, божественную и непрерывную императорскую династию и т. д. В основном она опиралась на наработки японских ученых-нативистов (*кокугакуся*) XVIII — первой половины XIX вв. В контексте этой точки зрения айны выступали в роли одного из «Других», на противопоставлении которым утверждалась уникальность японцев, помещаясь на временной шкале прогресса в прошлое и тем самым позволяя японцам видеть себя в настоящем рядом с западными державами.

Вторая точка зрения опиралась на западный научный дискурс того времени и была сформулирована работавшими в Японии западными учёными, хотя корни её можно найти ещё у иезуитов XVI–XVII вв. Согласно ей, японцы представляют собой продукт смешения нескольких «рас»: монгольской, малайской, айнской и др. — набор «компонентов» мог отличаться от автора к автору. При этом большинство сходилось в том, что айны представляют собой древнейшее население архипелага, затем имела место волна заселения с юга (малайцы), а самым поздним стало переселение монголоидов с континента. Эта теория была впоследствии воспринята и активно развита первым поколением японских антропологов, наиболее известным из которых можно назвать Цубои Сёгоро (1863–1913).

В своих работах, написанных накануне и после Русско-японской войны, Цубои отстаивал идею о том, что именно в смешанном происхождении японского народа и разнообразии жителей современной Японии кроется потенциал прогресса и военного могущества, поскольку прогресс — это результат отбора и конкуренции, которые отсутствуют в полностью однородном обществе. Он полагал, что сами японцы представляют собой «смесь малайцев, корейцев и айнов», а в Японской империи проживают также «коренные жители Тисима, некоторые из которых смешались с жителями Карафуто, айны, уроженцы Тайваня», а на островах Огасавара, населенных малайскими народами, есть также жители европейского происхождения. Признавая, с одной стороны, смешанность происхождения самих японцев, а, с другой, многонациональный состав современной Японской империи, Цубои, как будто бы отвечал на опасения многих интеллектуалов, видевших в расширении границ империи угрозу чистоте японского народа.

Yu Danhong (Xiamen University, China)

A comparison between Chinese “Harmony Culture” and Russia’s “Sobornost”

In terms of connotation, “Harmony Culture” has the following meanings: firstly, “Harmony is most precious”. We should give consideration to moral norms and harmony, shouldn’t pursue an unprincipled harmony. Secondly, “Harmonious but

different”. We should strike a balance between unity and diversity, should acknowledge differences, contradictions, conflicts, etc. “Harmony” doesn’t follow the same pattern, and “differences” can exist side by side and promote each other. Thirdly, “All under heaven are of one family”. The world belongs to all the people. Only when the world is common can people live a happy life. Fourthly, “Golden mean”. We should have a good grasp of “scale” and “restraint” and always maintain a calm and peaceful state.

“Sobornost” is originated in Russia’s “community” or Eastern Orthodox Church. In the 1840s, Russian Slavophiles believed that the community and the Orthodox Church were the special factors that made Russia superior to the West, and “Sobornost” is the identity of Russian people with a common belief in the Orthodox life.¹ It also reflects the idea of diversity and unity.

There is a high coherence and correspondence between “Harmony Culture” and “Sobornost”.

“Harmony Culture” is embodied in the goal of building a “Harmonious Socialist Society”. At the Fourth Plenary Session of the 16th Central Committee of the Communist Party of China in 2004, it was clearly stated for the first time that we should “continue to mobilize all positive factors as widely and fully as possible to constantly enhance our ability to build a harmonious socialist society” and “lead the people of all ethnic groups in China to achieve national prosperity, national rejuvenation, social harmony and people’s happiness.”² It is the first time that “construction of harmonious society” is juxtaposed with economic, political and cultural construction and highlighted in a document of the Communist Party of China.

“Harmony culture” is also reflected in the diplomatic concept of building “a Human Community with a shared future”. The 18th National Congress of the Communist Party of China in 2012 clearly stated that “we should promote the consciousness of a Human Community with a shared future”, that “we should accommodate the legitimate concerns of other countries while pursuing our own interests.” In 2013, President Xi Jinping visited Russia and delivered a speech at Moscow State Institute of International Relations, telling the world about the peaceful trend of human civilization. The diplomatic concept of “Human Community with a shared future” was put forward at many important occasions, such as Boao Forum for Asia, the Belt and Road Forum for International Cooperation, report of the 19th National Congress of the CPC, the BRICS Summit, the CPC in Dialogue with World Political Parties High-Level Meeting, and the Conference on Dialogue of Asian Civilizations. In March 2018, the amendment to the Constitution was adopted, which included “developing diplomatic relations and economic and cultural exchanges with other countries, promoting the building of a Human Community with a shared future” in the preamble to the constitution. Later,

¹ 白晓红：“俄国与西方：俄罗斯观念的历史考察” [Бай Сяохун. Россия и Запад: историческое исследование о российской мысли] // 东欧中亚研究, 1999. 第4期.

² 中共中央关于加强党的执政能力建设的决定 [Постановление ЦК КПК об усилении руководящего потенциала КПК]. URL: http://www.gov.cn/test/2008-08/20/content_1075279.htm (дата обращения: 25.03.2021).

“Human Community with a shared future” has been selected as the annual international word and ten popular words.

Different from China’s peaceful rise, in the same period, Russia experienced Yeltsin’s “total Westernization” reform after the collapse of the Soviet Union in 1991, resulting in inflation, social differentiation, decline of national power, decline of living standards, lack of faith, ideological confusion and many other problems. In 2000, Putin took charge of Russia. How to unite all Russian citizens, realize Russia’s rejuvenation and strength, and make Russia brilliant again?

On December 30, 1999, Putin published “Russia at the turn of the Millennium”, putting forward the concept of “New Russian thought” for the first time. Its core elements are summarized as patriotism, the concept of a powerful country, national consciousness and social unity. Russia used to be a powerful country. The Russian people need to recover their national self-esteem, self-confidence and pride from the country’s history and cultural tradition. The “Sobornost” in the orthodox culture coincides with Putin’s new Russia thought.

“Sobornost” is also reflected in Putin’s policies to revive “traditional Russian culture”. The patriarch of the Russian Orthodox Church has begun appearing at presidential inaugurations and at important diplomatic events. At the end of 2004, Russia adopted the “Russian Military Honor Day” amendment, November 4 was determined as the «National Unity Day». Multi-ethnic Russia also attaches great importance to the preservation of different ethnic cultures.

To sum up, it’s similar that both China’s “harmony culture” and Russia’s “Sobornost” value harmony, unity and harmony in diversity. On the other hand, “harmony culture” focuses more on harmony and eliminating disharmonious factors, while “Sobornost” focuses more on unity, solidarity, tolerance, cooperation. In today’s world, both China and Russia attach great importance to absorbing nutrients from traditional culture, drawing on the “source of vitality”, and carrying forward and innovating traditional culture.

СЕКЦИЯ XXII • SECTION XXII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЙСКИЕ КИТАЕВЕДЫ
И КИТАЙСКИЕ КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕК РОССИИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "RUSSIAN SINOLOGISTS
AND CHINESE BOOK COLLECTIONS OF RUSSIAN LIBRARIES"

Епихина Р. А. (ИСАА МГУ, Москва)

**Личная коллекция В. Г. Гельбраса
в Институте стран Азии и Африки МГУ**

Личная (владельческая) книжная коллекция представляет собой целую библиотеку или её часть, которая ранее принадлежала какой-либо организации или частному лицу (лицам). Составляющие их издания должны обладать соответствующими владельческими признаками (книжными знаками, надписями и т. п.) и храниться как единое целое, а не разрозненно¹. Их ценность может определяться наличием в них редких изданий, интересных своим содержанием учащимся и исследователям. Кроме того, различные отметки на книгах коллекции, в т.ч. дарственные надписи, комментарии на полях, вложения и т. п.² могут рассматриваться в качестве источников, которые, позволяют установить географию авторов-дарителей, а также проследить эволюцию взглядов владельца книг

¹ Радишаускайте Н. В. Книговедческое изучение владельческих книжных коллекций и владельческих экземпляров документов // Вестник ДВГНБ. 2020. № 1(86). С. 110.

² Сырцева Т. И. Опыт Научной библиотеки Дальневосточного федерального университета по созданию рекомендательных тематических библиографических указателей по владельческим книжным коллекциям как сохранение культурного наследия ученых // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. №13–2. С. 429–435; Ильина О. Н. Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник СПбГУКИ. 2003. № 1. С. 63–69.

по личным заметкам и изменению тематики книг. Подобные коллекции обычно передаются в библиотеки владельцами либо их наследниками¹.

В 2018 г. Тамара Ивановна Гельбрас — вдова известного китаеведа-экономиста Вили Гдаливича Гельбраса — передала в дар кафедре экономики и экономической географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ его личную коллекцию. В 2022 г. была закончена работа по ее каталогизации. Коллекция насчитывает свыше 1500 изданий, опубликованных в период с 1927 по 2018 гг. В их числе книги (в т. ч. национальные, региональные и отраслевые статистические ежегодники), брошюры, журналы, авторефераты и оттиски статей на русском, китайском, английском, японском, французском, немецком, венгерском, польском и словенском языках. Кроме того, в нее вошли несколько папок с подобранными им лично материалами по ряду аспектов развития экономики Китая (в т. ч. ситуации на Тайване) в XX–XXI вв. В июле 2022 г. к каталогу основной коллекции в качестве дополнения были добавлены еще 108 изданий, собранных В. Г. Гельбрасом и постоянно хранившихся в стенах ИСАА МГУ.

В. Г. Гельбрас (1930–2018 гг.) окончил китайское отделение Московского института востоковедения, защитил кандидатскую диссертацию по экономическим наукам (1962 г.) и докторскую — по историческим (1980). Работал в НИИ труда, Отделе истории при Институте экономики стран мировой социалистической системы АН СССР, Институте международного рабочего движения АН СССР, Институте мировой экономики и международных отношений РАН. Неоднократно находился в рабочих (в т. ч. длительных) командировках в Китае и США². В 1992–2018 гг. преподавал на кафедре экономики и экономической географии стран Азии и Африки ИСАА МГУ³.

Основные сферы его научных интересов включали в себя изучение рабочего класса в Китае, проблемы китайской деревни, вопросы внутренней миграции в годы реформ и открытости, китайскую миграцию в РФ и российско-китайские отношения, экономические реформы в КНР. Именно по этим темам в его коллекции представлены наиболее крупные подборки литературы. Помимо этого его интересовали общетеоретические и методологические вопросы экономики и социологии, различные аспекты развития экономики и общества в России и Центральной Азии, а также Китай в самом широком смысле (от истории до социально-политических реалий XX–XXI вв.). В своем интервью в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история» он говорил о том, что «нельзя быть китаеведом, будучи специалистом только в одной области. Это страна, которую нужно знать всесторонне: и её историю, и её культуру, и её экономику»⁴. Собранная коллекция подтверждает его приверженность этому подходу.

¹ Личные (владельческие) коллекции // URL: <http://library.tversu.ru/o-nauchnoj-biblioteke/39-kncol.html>.

² Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В. Ц. Головачёва. Т. 2. М., 2015. С. 125–162.

³ Гельбрас Вили Гдаливич // URL: <https://istina.msu.ru/profile/Gelbras/>

⁴ Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / под ред. В. Ц. Головачёва. Т. 2. М., 2015. С. 161.

Что касается китайской части коллекции, то она насчитывает более 600 публикаций китайских издательств 1936–2018 гг. на китайском, русском и английском языках. Преимущественно в ней представлена научная и публицистическая литература, а также собрания сочинений и отдельные публикации первых лиц КПК (Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци и др.). В коллекции сравнительно мало публикаций времен «культурной революции» (1966–1976), что вполне закономерно. Интересно, однако, что в ней собраны некоторые опубликованные в Китае на русском языке накануне и в годы «культурной революции» материалы агитационного характера. Часть из них, по-видимому, была привезена из поездки В. Г. Гельбраса в КНР в 1965–1966 гг. Большое количество публикаций посвящено вопросам экономического развития КНР и проблематике социализма с китайской спецификой, осмыслению китайскими авторами (Линь Ифу, Цай Фан, Ху Аньган, Чжоу Шулянь, Линь Цзыли и др.) процессов трансформации национальной экономики в годы реформ и открытости.

Многие книги в коллекции имеют отметки на полях, дарственные надписи или памятные открытки от авторов, хранящиеся между страниц. Они дают представление о существовавших личных связях между владельцем коллекции и его коллегами Восточной Европе, Китае, США и ряде других стран.

Коллекция В. Г. Гельбраса может представлять интерес для учащихся и исследователей, специализирующихся на изучении отечественного китаеведения, а также китайской истории, экономики и общества второй половины XX — начала XXI вв.

Завидовская Е. А. (ИКСА РАН, Москва; БГУ, Брянск)

Иллюстрированные рукописные альбомы из собрания СПбГУ о провинциях Гуйчжоу и Юньнань как источники сведений о народонаселении и административном устройстве юго-западных провинций Китая эпохи Цин¹

Данное исследование анализирует источниковедческую ценность цинских рукописных альбомов о юго-западных провинциях китайской империи Гуйчжоу и Юньнань. В Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ хранятся четыре таких уникальных рукописных альбома первой половины XIX в., среди них три альбома относятся к типу «альбомов об инородцах» или «альбомов о мяо» (*баймяоту*): 1) «Иллюстрированное описание варваров-и юга и запада провинции Юньнань» (*Дяньшэн иси инань ижэнь тушо* 滇省迤西迤南夷人圖說 Хул. F-26, предисл. 1839, 43 рисунка, переизд.: «Нравы

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00119 <https://rscf.ru/project/22-28-00119>.

народов Китая. Иллюстрированное описание народов юга и запада провинции Юньнань». Отв. ред. и сост. Д. И. Маяцкий. Изд-во СПбГУ, 2020, 124 с.); 2) альбом без оригинальной обложки с иллюстрациями и описаниями 72 этнических групп провинции Гуйчжоу (Хул. F-25а); 3) не полностью сохранившийся альбом с оригинальной обложкой «Картины мяо всей Цянь [Гуйчжоу]» (*Цюаньцянь мяоту* 全黔苗圖, Хул. F-27, сохр. 28 описаний из 40). Эти альбомы представляют несомненную ценность своей иллюстративной составляющей, т.к. сопровождаются цветными изображениями представителей каждой из описанных этнических групп двух провинций, отражают особенности облика и костюма каждого народа, наиболее характерные обычаи, позволяющие их идентифицировать. Будучи документом, составленным цинскими чиновниками, они содержат ряд неточностей в определении принадлежности тех или иных малых групп к более крупным языковым семьям. Текстовые описания альбома Хул. F-25а, оформленные в поэтической форме, кратки и содержат меньше фактических сведений, нежели альбом Хул. F-27, где данные о каждой народности более подробные. Источником сведений альбомов о Гуйчжоу служили этнографические и географические сочинения эпохи Мин, а также официальные «Полные описания провинции Гуйчжоу» (*Гуйчжоу тунчжи* 貴州通志) 1673, 1741 годов.

Особое место занимает альбом, содержащий рукописные карты 77 административных единиц (областей *чжоу* 州 и округов *фу* 府) провинции Юньнань (Хул. F-25, название, написанное пером на русском языке: «Карты городов провинции Юньнань»). От приведенных выше «альбомов об инородцах» его отличает иной принцип подачи информации о провинции Юньнань. В правой части каждого разворота представлена выполненная в традициях китайской картографии карта с обозначенными на ней важнейшими объектами (городские стены, укрепления, административные здания, храмы), а также географическими объектами (горы, реки, озера и проч.), в верхней части левого разворота представлено прозаическое описание данной административной единицы, ниже приведена иллюстрация, отражающая наиболее важный промысел данной области. Установление источника этих описаний и карт является одной из задач данного исследования. Безусловно, этот альбом содержит ценные сведения как об административном управлении провинцией Юньнань, так о населявших ее народах, их основных видах деятельности.

Можно проследить историю создания карт провинции Юньнань. В 1645 г. составители У Сюэянь 吳學儼, Ли Фуюань 李釜源, Чжу Шаобэнь 朱紹本 выпустили компилятивный сборник карт «Собрание важных карт» (Диту цзуньяо 地圖綜要)¹, во «внутренний (третий) цзюнь» вошли карты Юньнань с названием «Карта Юньнань с делением на ли» (Юньнань фэньли ту 雲南分里圖), «Карта Юньнань с обозначением границ» (Юньнань фэньцзе ту 雲南分界圖). Речь идет об отпечатанных ксилографическим методом двух картах всей провинции. В годы правления Канси (1661–1722) видный сановник Цзян Тинси 蔣廷錫 (1669–1732) подготовил собрание карт, в настоящее время называемое «Карты по провин-

¹ Просмотр по ссылке: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:23428071\\$224i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:23428071$224i).

циям и округам из государственной сокровищницы годов Канси» (Канси нэйфу фэньшэн фэньфу ту 康熙內府分省分府圖¹), куда вошла карта всей провинции, а также 23 карты областей-чжоу и округов-фу провинции Юньнань. Это собрание было утеряно и впервые издано в годы Гуансюй (1875–1908) с предисловием Ся Суньдуна 夏孙桐. Наличие связи с исследуемым альбомом Хул. F-25 необходимо выяснить. В 1708–1721 гг. по приказу императора Канси был изготовлен «Императорский атлас Китая» (Хуан юй цюань лань ту 皇輿全覽圖), ставший первым собранием карт с использованием географической сетки. Иезуиты Ксавье Эрехберт Фриделли (Xavier Ehrenbert Fridelli, 1673–1743), Гийом Бонжур Фабр (Guillaume Bonjour Fabre ?–1741/42) были направлены в Сычуань, Юньнань и Гуйчжоу для составления карт. В 1715 г. Лэй Сяосы 雷孝思 прибыл в Юньнань помочь иезуитам завершить работу. В 1818 г. для генерал-губернатора Гуйчжоу и Юньнань Бо Линя 伯麟 по высочайшему повелению были изготовлены две книги: «Картины варваров-и провинции Дянь [Юньнань] с пояснениями» (Дяньшэн ижэнь тушо 滇省夷人圖說, 108 илл.), а также «Карты провинции Дянь [Юньнань] с картинами и пояснениями» (Дяньшэн юйди ту шо 滇省輿地圖說, 55 описаний с картами). Данный труд наверняка может быть связан с исследуемым альбомом карт Хул. F-25.

Официальные историко-географические описания (*тунчжи* 通志) также являлись важным источником сведений о провинции. В 1683 году под редакцией Фань Чэнсюня 范承勳 было завершено «Общее описание Юньнань» (*Юньнань тунчжи* 雲南通志, 30 цз.), которое было дополнено и отпечатано в 1691 г., Фань Чэнсюнь служил в Юньнань генерал-губернатором. В 1736 г. было отпечатано «Общее описание Юньнань» (30 цз.), подготовленное под руководством маньчжурского чиновника Ортая 鄂爾泰 (1677–1745), представляющее собой дополненное описание годов Канси (1691). Данное старопечатное издание имеется в НБ СПбГУ (Хул. 617). В годы правления Цзяцин (1796–1820) было осуществлено издание отредактированной версии «Сводного историко-географического описания Великой империи Цин» (*Дацин тунчжи* 大清一統志, сост. Цзян Тинси), где есть раздел о Юньнань (шифр издания из НБ СПбГУ Хул. 356).

Лобанова Т. Н. (МГОПУ, Москва)

Китайские книжные коллекции Регионального центра китайского языка и китаеведения

В докладе предлагается книговедческий анализ фонда российско-китайского учебного и культурного центра (далее — Центр), владеющего книжными собраниями китайских издательств, позволяющий воссоздавать детали общей

¹ Просмотр по ссылке (из переиздания 1939 г.): [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:28530517\\$226i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:28530517$226i).

картины истории социальной, политической, экономической и культурной жизни китайской цивилизации.

Китайские издания на китайском языке, посвященные культурно-историческим традициям Китая, представленные в России, вне всякого сомнения, представляют собой важное явление в истории культуры. В ходе доклада предлагается проанализировать особенности этого феномена посредством представляемых книжных коллекций. Многие книги, выпущенные в Китае и подаренные Центру в ходе его деятельности, являются библиографическими редкостями и возможно отсутствуют в других библиотеках. Большая часть коллекций издана на юге Китая, поскольку вузом-партнером Центра выступает Цзянсууский второй педагогический университет (провинция Цзянсу, г. Нанкин); часть презентуемых изданий приобретена автором в ходе посещения Китая.

Следует отметить, что проблематику книжной культуры в Китае привлекает внимание не только узких специалистов — библиографов, книгovedов, китаеведов, но и «чистых» историков.

Источниковая база. В первую очередь источниками служат сами китайские издания, отпечатанные в Китае и ввезенные на территорию России. Их изучение и перевод на русский язык позволяют раскрыть не только содержание, определить место выхода их в свет, год издания, типографию, но и получить эстетические впечатления и подвергнуть глубокому анализу лингвострановедческие представления о китайской цивилизации в целом, имеющиеся в российском гуманитарном научном дискурсе.

В ходе круглого стола предполагается презентация следующих коллекций:

1. 中国国宝建筑—南京: 江苏科学技术出版社, 2014.3. Национальные архитектурные сокровища в 6 т., Нанкин: Цзянсу, 2014.
2. 鸦片战争—北京: 现代出版社, 2018.1. Опиумные войны. Пекин: Modern Press, 2018.
3. 台湾不能说的秘密—北京: 红旗出版社, 2014.1. Тайвань: неразгаданные тайны. Пекин: Красное знамя, 2014.
4. 台湾史稿—南京: 凤凰出版社, 2012. Заметки по истории Тайваня. В 2 ч. Нанкин: Феникс, 2012.
5. 中国门窗—南京: 江苏美术出版社, 2009. Китайские двери и окна. Серия «Двери». Нанкин: Изобразительное искусство Цзянсу, 2009.
6. 中国门窗—南京: 江苏美术出版社, 2009. Китайские двери и окна. Серия «Окна». Нанкин: Изобразительное искусство Цзянсу, 2009.
7. 中国石窟艺术. Grotto Art of China. 南京: 江苏凤凰美术出版社, 2013. Китайское искусство гроттов. Нанкин: Изобразительное искусство «Феникс» Цзянсу. В 2 ч. 2013.

Практическая значимость презентации, перевода и анализа книжных изданий такого рода заключается в возможности использования фактического материала, представленного автором, при создании трудов по истории и развитию книжного дела в Китае, а также в работах, посвященных изучению китайского культурного наследия через призму книжных коллекций.

Лобачева В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Описание вопросительных предложений в российских миссионерских грамматиках XIX–XX вв.¹

Авторами грамматик китайского разговорного языка и учебных пособий XIX–XX вв. были изложены основные принципы построения вопросительных предложений: при помощи вопросительных местоимений, конечных частиц, утвердительно-отрицательной формы сказуемого, некоторых союзов. В учебных пособиях примеры вопросительного предложения приводятся в самом начале, однако их структура, как правило, не оговаривается специально и в дальнейшем не систематизируется. Авторы грамматик стремятся перечислить все известные им способы построения такого предложения.

Так, архим. Амфилохий (Лутовинов, ум. в 1905) относит вопросительные предложения в КЯ к дополнительным (изъяснительным) придаточным². Проводя соответствие с грамматикой русского языка, архим. Амфилохий делит их на два класса: 1) те, которым в РЯ соответствует частица «ли», — со сказуемым в утвердительно-отрицательной форме (不知道他來不來? — ‘Не знаю, придёт он или нет?’ 你看他來了沒有? — ‘Взгляни, пришёл ли он?’), 2) предложения с вопросительными местоимениями и наречиями 誰、什麼、為什麼、怎麼樣 (你告訴我他幾時回來。 — ‘Ты скажи мне, когда он воротится?’). Также, помимо предложений с вопросительными частицами 麼、呢、啊 (我的呢? — ‘Моё ли?’), архим. Амфилохий выделяет группу фраз, вопросительный характер которым придаёт интонация (你好。 — ‘Здоровы ли вы?’ 貴姓。 — ‘Ваша фамилия?’). Вопросительную окраску, по его мнению, содержат и повествовательные предложения с союзом 或 или 或是 (他今天來或是明天來。 — ‘Он сегодня придёт или завтра?’). Отдельно подчёркивает важность соблюдения правильного порядка слов при переводе на КЯ: 你買了什麼果子? — ‘Какие плоды вы купили?’ В книге архим. Амфилохия подход к рассмотрению грамматического строя КЯ продиктован стремлением соотнести его с грамматикой РЯ и учебной, практической целью этого сочинения. Отчасти поэтому для него важно в рамках «конструкций» (遣句法) КЯ, выделенных по аналогии с описанием русского предложения, изложить основные способы задать вопрос, не вдаваясь в их классификацию.

Иером. Исаяя (Поликин, 1833–1871) в своей грамматике не приводит отдельно принципы построения вопросительного предложения³. Впервые такое предложение появляется в связи с наречием 不 (частицей — у иером. Исаяя) как вариант вопроса с утвердительно-отрицательной формой сказуемого (賣不賣? — ‘Продаёшь ли?’ 要不

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21–59–93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация»

² Архим. Амфилохий (Лутовинов). Начатки грамматики китайского разговорного языка приспособительно к формам языка русского. СПб., 1898.

³ Иером. Исаяя (Поликин). Краткая китайская грамматика с приложением о мерах, весах и деньгах (по Матусовскому). Пекин, 1906.

要? — *‘Хочешь ли?’*). В дальнейшем разрозненно даны примеры на вопросительные местоимения и наречия в соответствующих разделах (到天津有多少立地? — *‘До Тяньцзиня сколько верст?’* 為什麼來咯? — *‘Зачем пришёл?’*). Приводится, хотя и не оговаривается специально, вопросительная форма с конструкцией “是…的” 结构 (你哭是為什麼的? — *‘О чём ты плачешь?’*). Как и архим. Амфилохий, иером. Исайя обращает внимание изучающего КЯ на порядок слов: так, вопрос *‘Каково живёшь?’* неправильно сформулировать как «怎麼活著?», но верно спросить «過日子怎麼樣?». Отдельно он отмечает, что нельзя буквально переводить вопросы *‘Сколько вам лет?’*, *‘Сегодня которое число?’*, для которых возможны варианты в зависимости от неязыковых условий: 你今年多大了 (幾歲咯)? и 今年高壽? — к детям и старикам соответственно; 今日初幾? и 今日十幾? — для 1-й и 2-й трети месяца. Так, в отличие от архим. Амфилохия, иером. Исайя в своей грамматике старается отойти от описания строя КЯ относительно строя РЯ и, насколько возможно, приблизиться к разговорной норме того периода, но не обобщает свои знания о построении различных видов предложений, в том числе вопросительного.

П. П. Шмидт (1869–1938) посвятил вопросительным предложениям отдельный раздел своей грамматики¹. В примерах наряду с вопросительными частицами 麼, 嗎 и словами 誰, 什麼, 怎麼, 那一個, 那兒 приводятся также варианты с местоимениями в разговорном языке 多啫, 多會兒 *когда?* (誰知道誰多啫死啊? — *‘Кто знает, когда кто умрёт?’* 他多會兒來的? — *‘Когда он приехал?’*). Отдельно оговаривается, что вопросительные местоимения в сочетании с частицей 麼 не выражают вопроса, т. е. могут быть только относительными (誰來了麼? — *‘Пришёл кто-нибудь?’*), в отличие от аналогичного вопроса с частицей 呢 (誰來了呢? — *‘Кто пришёл?’*). Второй способ образовать вопрос у П. П. Шмидта — путём сопоставления двух противоположных слов: 大小 как велик? 遠近 как далеко? 多少 сколько? (你這個房子大小? — *‘Как велик этот твой дом?’* 我不知道道路的遠近 — *‘Я не знаю длины дороги’*). П. П. Шмидт допускает, что в разговорной речи могут использоваться и частицы литературного языка: 豈 возможно ли? 焉 каким образом? 何苦的, 何苦來 как это можно? 莫非 разве? (這個事兒, 豈可那麼辦呢? — *‘Неужели это можно сделать таким образом?’* 你焉能懂得這個道理呢? — *‘Как ты можешь понимать это учение?’*). Варианты альтернативного вопроса с (是)…還是: 是犁好還是李子好? — *‘Что лучше, груши или сливы?’* 你走路愛坐車愛坐船? — *‘Когда ты путешествуешь, то на чем ты предпочитаешь ехать: в повозке или на лодке?’* Не упоминаются П. П. Шмидтом, но приводятся им в текстах примеры риторических вопросов: 我看見是你把他推到了, 你怎麼說是他自己跌倒了呢? — *‘Я видел, что ты толкнул его; почему же ты говоришь, что он сам упал?’* 不是說你病了嗎, 怎麼跑到這裡來呢? — *‘Разве не говорили, что ты заболел? Как же ты мог прибежать сюда?’* Так, в своей грамматике П. П. Шмидт достаточно полно освещает вопросительные предложения, приводит некоторые диалектные и литературные формы, которые, по его мнению, могли встречаться в разговорном языке того времени.

¹ Шмидт П. П. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Владивосток, 1915.

В учебных грамматиках российских миссионеров и преподавателей XIX–XX вв. складывается система описания китайского предложения, в частности вопросительного, с опорой на строй европейских языков, в привязке к категориям частей речи и членов предложения, представленных в этих языках. Вопросительные предложения ещё не были классифицированы, но были зафиксированы их основные формы (так, общий вопрос (是非句), как и в современном языке, образуется при помощи частицы 嗎 в конце предложения).

*Лю Жомэй (Пекинский университет иностранных языков, Китай),
Маяцкий Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)*

Китайские книги З. Ф. Леонтьевского в библиотечных собраниях СПбГУ¹

Захар Федорович Леонтьевский (1799–1874)² — российский синолог, переводчик азиатского департамента МИД Российской империи, член 10-й духовной миссии в Пекине (1821–1830).

Коллекционерская и научная деятельность З. Ф. Леонтьевского прежде уже изучались в отечественной науке. Например, о собиравшихся им предметах китайской этнографии и его изобразительных материалах, хранящихся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) РАН и в Российской национальной библиотеке писали Васильева О. В. и Свиридова А. А.³, о китайском переводе «Истории Государства Российского» Н. Карамзина выходила статья авторов данного доклада⁴. Тем не менее, некоторые сферы деятельности миссионера еще не изучались. В данном докладе рассматривается одна из них.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация».

² О жизни и деятельности З. Ф. Леонтьевского подробнее см.: Шубина С. А. Захар Федорович Леонтьевский // Православие на Дальнем Востоке. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. Вып. 3. С. 99–112.

³ Васильева О. В. Собрание китайских рисунков З. Ф. Леонтьевского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ: Сборник научных трудов. Л., 1988. С. 83–90; Свиридов А. А. Коллекция Захара Федоровича Леонтьевского в собрании МАЭ РАН // Кюнеровские чтения (1995–1997 гг.): Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 33–35.

⁴ Пан Т. А., Маяцкий Д. И., Лю Жомэй. Посвящение Н. М. Карамзина, адресованное императору Александру I, в китайском переводе «Истории государства Российского». Введение, перевод с китайского и маньчжурского, примечания // Письменные памятники Востока. 2019. Т. 16. № 1 (36). С. 5–34.

В результате специально осуществленного поиска авторами доклада в научных центрах Санкт-Петербурга были найдены книги, привозившиеся З. Ф. Леонтьевским из Китая. Основной массив его книжной коллекции поступил в 1860-х годах в библиотеку Восточного факультета Санкт-Петербургского университета (Донесение Библиотеки Университета № 151 от 19 ноября 1868 г.). Эта коллекция прежде была неизвестна. Кроме того, экземпляры китайского перевода первых трех томов «Истории Государства Российского» хранятся в Институте восточных рукописей РАН, Российской национальной библиотеке и Государственном Эрмитаже.

Основная книжная коллекция З. Ф. Леонтьевского хранится в восточном отделе библиотеки СПбГУ. На данный момент установлена принадлежность его частому собранию 67 книг. Эти книги изначально имели библиотечный шифр серии «Л.», но потом были перешифрованы, получив единые для старопечатных книг на китайском языке шифры серий «Ху!» и «Ху!-F». Поиски еще продолжаются.

Изучение содержания книжных материалов З. Ф. Леонтьевского позволило увидеть, что они по своей тематике весьма разнообразны. Здесь можно увидеть труды по географии (тунчжи и записки-лу) и истории Китая разных эпох (Саньго, Ляо, Цзинь, Юань, Мин, а также не династийные истории либо своды исторических трудов), географические атласы, сборники законов и указов китайских императоров, антологии литературных произведений, конфуцианские памятники, китайские традиционные учебные пособия, материалы по российско-китайским контактам, биографии китайских и маньчжурских сановников, традиционные китайские календари, словари-лексиконы, работы западных миссионеров и т. д.

Изучение этих книг может иметь значительную научную ценность — не только потому, что они способны представлять собой важный дополнительный источник информации об интересах и деятельности их собирателя, но также предлагать редкий книжный материал о различных сферах жизни Китая. Кроме того, сопоставительное исследование этих материалов с русскоязычными публикациями З. Ф. Леонтьевского может показать, на какие источники он опирался в своих трудах.

Маленкова А. А. (ИСАА МГУ, Москва)

Дальневосточные дневники А. Г. Шпринцина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки

Личный архив исследователя является ценнейшим историческим источником, который требует бережного и уважительного отношения к себе. Особенно интересен жанр дневниковых записей, когда ученый порой сам не осознает, что находится на пороге открытия нового. Много лет спустя, попадая в руки другого исследователя, там обнаруживается уникальная информация, которая становится недостающим элементом для решения исторической загадки.

Александр Григорьевич Шпринцин (1907–1974) был студентом китайского разряда восточного отделения ФОН ЛГУ в 1924–1929 гг. (в 1925 г ФОН был реорганизован, и Шпринцин в 1929 г. закончил китайский разряд восточного отделения факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ)¹. Тема дипломной работы Шпринцина — «Основные грамматические замечания к китайско-русскому диалекту на Дальнем Востоке» — определила географию его научных интересов. Для того чтобы получить материал для исследования он совершил несколько поездок на Дальний Восток СССР в студенческие годы (1927, 1928), а после окончания ЛГУ по просьбе Алексева был отправлен Академией наук в ДВК для диалектологических исследований по китайскому языку (осень 1929 — осень 1930). В 1930-е гг. находился в длительных командировках на Дальнем Востоке, занимался латинизацией китайской письменности, работал в Дальневосточном филиале АН СССР, преподавал русский и китайский языки, стал автором множества брошюр на китайском латинизированном алфавите².

В сентябре 1938 года Шпринцин был репрессирован и до 1952 года проживал в Магадане, затем вернулся в Ленинград и работал переводчиком во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте, а также был сотрудником Восточной комиссии РГО. В статье в память о А. Г. Шпринцине 1974 г. С. Е. Яхонтов пишет, что «после него остался значительный архив рукописей и неопубликованных работ»³.

Личный архив Шпринцина после его кончины попал в Сектор архивных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд Шпринцина А. Г.⁴ отражает его исследовательские интересы: брошюры для китайских мигрантов, огромный архив переписанных вывесок на китайском языке из Владивостока, библиография о китайцах в ДВК, личные письма, черновики статей. Особую ценность для изучения мира китайских мигрантов представляют его студенческие дневники, которые он вел во время поездок и стажировок на Дальний Восток СССР.

Данные дневники содержат не только изыскания по теме дипломной работы, но и множество заметок о личных беседах с китайцами разных социальных слоев (в том числе о религии, политике, системе образования), зарисовку «китайского моленного дома», рассказы о посещении различных мест, связанных с присутствием китайцев на Дальнем Востоке СССР. Кроме этого Шпринцин пишет, как он проводил исследования: находил китайских помощников-информаторов, посещал китайские книжные лавки, переписывал вывески и надписи внутри домов и лавок, пытался проникнуть в молельни и опекурильни, работал в библиотеке, обраба-

¹ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

² Яхонтов С. Е. Памяти Александра Григорьевича Шпринцина (1907–1974). Список основных научных работ А. Г. Шпринцина // НАА. 1976. № 1. С. 247–248.

³ Там же. С. 248.

⁴ РНБ. Отдел рукописей. Ф.1200. Шпринцин Александр Григорьевич (1907–1974).

тывал материал дома¹. Данный источник впервые позволил увидеть, как выглядел «китайский молельный дом» (*гунсо*) общины китайской синкретической религии Цзайлицзю. Шпринцин схематично зарисовал внутреннее убранство одного из них — надписи, утварь, статуи и книги. И хотя он в том момент не понял, к какой религии относится данное учреждение, ему удалось многое узнать о людях, туда приходящих, описать интерьер, списать иероглифы и запечатлеть множество деталей, на которые мог обратить внимание только человек с соответствующим образованием. Результаты его поездок были положительно оценены В. М. Алексеевым, который в личной переписке отметил: «Хвалю, очень хвалю, молодчина»².

Имеющиеся в архиве материалы свидетельствуют о реализации Шпринциным более широкой программы исследования жизни китайских мигрантов на Дальнем Востоке, чем ему было необходимо по его лингвистической работе, и фактически являются первой попыткой научного изучения китайской диаспоры в СССР.

Муравьева В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Чжу Си и его комментарии к памятнику «Лунь Юй» из собрания библиотеки СПбГУ³

Известный китайский философ, учёный, литератор Чжу Си 朱熹 (18.10.1130–23.4.1200) является видным деятелем сунского неоконфуцианства⁴, автором около восьмидесяти произведений, комментатором и систематизатором многих конфуцианских классических текстов.

Основополагающие идеи Чжу Си отражены в комментариях к классическим конфуцианским текстам, таким, как «У цзин» и «Сы шу», неоконфуцианским текстам таких авторов, как Чжоу Дуньи (1017–1073), Чжан Цзай (1020–1077), Чэн Хао (1032–1085) и Чэн И (1033–1107), а также в беседах, записанных учениками. Среди наиболее известных и полных сочинений Чжу Си можно выделить «Чжуцзы юйлэй» 朱子语类 («Классифицированные речи Учителя Чжу», 1270), «Чжуцзы вэньцзи» 朱子文集 («Собрание писем Учителя Чжу», 1532), «Чжуцзы цюаньшу» 朱子全书 («Полное [собрание] произведений Учителя Чжу», 1714) и другие⁵.

¹ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1200. Ед. хр. 52. Л. 2-11; Ед. хр. 54.

² Там же.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21-59-93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация».

⁴ О неоконфуцианстве см.: Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. Восточная литература РАН. М., 2002.

⁵ Кобзев А. И. Чжу Си // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал URL: <https://bigenc.ru/c/chzhu-si-3b7d54/?v=3838237>. Дата публикации: 26.05.2022.

Ценным источником, позволяющим во всей полноте представить не только содержательные, но и стилистические особенности классического философского дискурса являются комментарии Чжу Си к целому ряду философских текстов. Отечественные исследователи активно занимаются изучением произведений Чжу Си, однако многие классические тексты до сих пор остаются не переведенными на русский язык или переведенными лишь частично. К примеру, комментарии Чжу Си к «Четверокнижию» переведены на русский язык лишь фрагментарно, в рамках отдельных научных исследований.

Одним из ценных экземпляров, входящим в собрание библиотеки СПбГУ, является издание *四书集注 sishu jizhu* ‘Четверокнижие с комментариями’ — ксилографическое издание пофразового комментария Чжу Си к классическим текстам «Четверокнижия» («Лунь Юй», «Да Сюэ», «Чжун Юн», «Мэн Цзы»). Данное издание представляет собой уникальный экземпляр не только потому, что комментарий Чжу Си дан пофразово, но и потому, что текст снабжен подстрочными комментариями иеромонаха Даниила (Сивиллова, 1798–1871 гг.), синолога, профессора Казанского университета. В 1821 г. в составе 10-й русской духовной миссии он прибыл в Пекин, где впоследствии занимался подробным изучением конфуцианской мысли, в том числе в период около 1827–1829 гг. составлял комментарии к вышеупомянутому ксилографу, экземпляр которого с рукописными заметками сейчас хранится в библиотеке СПбГУ¹.

На данный момент не существует подробного научного описания и перевода данного пофразового комментария Чжу Си на русский язык, поэтому исследование подобного содержания обладает определенной научной новизной. Кроме того, заметки иеромонаха Даниила (Димитрия Сивиллова) представляют собой ценный материал для грамматического, лексического и семантического анализа.

*Самойлов Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург),
Маяцкий Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)*

Серия календарей с дневниковыми записями члена 10-й Пекинской миссии в собрании библиотеки СПбГУ²

В фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ хранятся шесть уникальных китайских календарей первой трети XIX в., которые наряду с летоисчислительной функцией, имели также и иное предназначение

¹ Половцев А.А. Русский биографический словарь // т. 6 (1905): Дабелов — Дядьковский. С. 96-97.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН № 21–59–93001 «Собрания китайских рукописей и старопечатных книг в научных учреждениях Санкт-Петербурга: выявление, исследование и систематизация».

ние — в частности, использовались их владельцем в качестве личных дневников, фиксировавших события, происходивших, судя по отраженным на них датировкам, в 10-й Русской духовной миссии в Пекине (1821–1830). Приведем список этих книг с шифрами хранения:

1. Хул 2046. 大清道光五年時憲書. Календарь 5-го года Даогуан (1825) Великой Цин. 1 тетрадь.

2. Хул 2047 大清道光七年時憲書. Календарь 7-го года Даогуан (1827) Великой Цин. 1 тетрадь.

3. Хул 2048. 大清道光八年時憲書. Календарь 8-го года Даогуан (1828) Великой Цин. 1 тетрадь.

4. ВУ 224-а. 大清道光十年時憲書. Календарь 10-го года Даогуан (1830) Великой Цин. 1 тетрадь. На обложке владельческая подпись: «Николая Вознесенского. 1829-го года Декабря 31-го числа».

5. ВУ 224-б. 大清道光十年時憲書. Календарь 10-го года Даогуан (1830) Великой Цин. 1 тетрадь. Является дуплетом календаря выше.

6. Хул. 2005. 歷代紀年便覽. Краткая хронология прежних эпох. 1826 г. 1 том в твердой картонной обложке. На обложке владельческая подпись: «Из книг Н. Вознесенского. 1826-го года Октября 2-го числа».

Пять книг имеют вид китайских тетрадок-бэней с отпечатанными ксилографическим способом традиционными китайскими лунно-солнечными календарями по типу тех, которые издавались в императорском Китае ежегодно в канун Праздника весны. Каждая книга на вкладных листах содержит рукописные пометы дневникового содержания на русском языке, оставленные одной и той же рукой в разные дни месяцев 1825, 1826, 1827, 1828 и 1830 годов.

Шестая книга — в европейском переплете — самодельный рукописный справочник годов правлений китайских императоров. На страницах этого справочника тоже встречаются записи на русском языке, отмечающие основные вехи работы 10-й миссии с 26 декабря 1819 г. (согласно записи, это — дата отбытия миссии из С.-Петербурга) до 19 февраля 1832 г. (дата возвращения миссии архимандрита Петра Каменского в С.-Петербург).

Содержание книг свидетельствует о том, что авторство записей не могло принадлежать упоминаемым в них начальнику 10-й миссии архимандриту Петру (Каменскому, 1765–1845) или членам той же миссии иеромонахам Венямину (Морачевичу, ?–1853) и Даниилу (Сивиллову, 1798–1871), причетнику А. И. Сосницкому (ум. в 1843 г.), студентам З. Ф. Леонтьевскому (1799–1874) и К. Г. Крымскому (1796–1861), врачу О. П. Войцеховскому (1793–1850).

Вероятный автор — причетник той же миссии Николай Иванович Вознесенский (1801–?), что подтверждается не только подписями на обложках двух книг, но и косвенными сообщениями о праздновании автором 9 мая дня его ангела (в этот день по православному календарю именины отмечают мужчины с именами Николай, Василий, Иван, Петр, Степан) и об отправке в Петербург писем «брату Ивану Ивановичу».

Ознакомление с содержанием записей показало, что в них зафиксированы основные события, происходившие в 1825–1830 гг. в Пекине в жизни цинского государства или миссии. Автор пишет о совершении императором жертвоприношений (например, с целью испросить снега у Неба в 1825 г.), отмечании китайцами праздников (например, китайского нового года в 1825 г.), приездах в Пекин официальных делегаций из монгольских степей, Кореи, Индии, общении россиян с китайскими чиновниками, учителями, кяхтинскими купцами и западными миссионерами, о внутренних служебных (гражданских и церковных) и хозяйственных делах российских миссионеров, об их досуге, жизни албазинцев, лечении О. П. Войцеховским китайских сановников, бытовых происшествиях (например, пропаже вещей в декабре 1825 г.) и проч.

Представленный в книгах материал может иметь высокую научную ценность, как новый источник данных о деятельности русских православных миссионеров в Китае в XIX в.

Сторожук А.Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ксилограф «Ляо Чжай чжи и ту юн» 1886 года: перепечатки и подражания

В 1886 году в печатне Тунвэньшущюй (同文书局) в Шанхае был напечатан восьмитомный проиллюстрированный свод новелл Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640–1715) «Ляо Чжай чжи и» (Странные истории из кабинета неудачника). Назывался сборник «Сяньчжу “Ляо Чжай чжи и” ту юн», то есть «Проиллюстрированные и откомментированные “Странные истории из кабинета неудачника”». Издание основывалось на первом печатном своде «Ляо чжая», вышедшем в 1766 г. в 16 цзюанях и 8 томах в печатне Цинкэтин (青柯亭) в городке Цзяньдэ (建德) близ Ханчжоу. К концу XIX в. популярность новелл Пу Сун-лина становится настолько огромной, что хозяин издательского дома Гуанбайсунчжай (廣百宋齋), которому и принадлежала печатня Тунвэньшущюй, Сюй Жунь (徐潤, 1838–1911 г.), один из богатейших китайских магнатов, решил сделать издание воистину необычным, и вложил в него немалые средства. В издание вошли, как это было заявлено, 431 новелла и 444 иллюстрации к ним. В действительности же в издании 1886 г. представлено 445 новелл и собственное предисловие Пу Сун-лина, то есть 446 произведений. Количество иллюстраций точно ему соответствует — 446, расположенных блоками в начале каждого цзюаня (букв. «свитка», то есть раздела сборника) и первая предваряющая — непосредственно перед предисловием. Вдобавок к иллюстрациям, специально приглашённые литераторы написали также симисловные четверостишия к каждой новелле, в которых сформулировали

в сжатой форме основную идею произведения. Разночтения в объявленном и фактическом количестве произведений кроются, нужно полагать, в том, что многосоставные произведения в Цинкэтинском собрании помещались под одним названием, лишь со специальной пометой, например, 二则 (в двух частях); в более поздних перепечатках эти дополнительные части печатались уже самостоятельными разделами, озаглавленными «Вдобавок [к сказанному]» (又), и таких разделов в издании 1886 года насчитывается как раз 445 (новелл и их продолжений), и предваряются они 445 иллюстрациями (плюс, как было сказано, в начале книги помещена и так называемая «Открывающая иллюстрация Ляо Чжая» (или буквально «Иллюстрация к сочинениям Ляо Чжая», 聊齋著書圖)).

На титуле издания помещена каллиграфическая надпись Чжу Жун-ди (朱榮棣) в стиле чжуань, гласившая «Иллюстрированное издание Станных историй из Кабинета Неудачника с подробными комментариями» (詳註聊齋志異圖詠) и вертикальной подписью «В четвертом месяце года Бин-Сюй Чжу Жун-ди надписал» (丙戌孟夏朱榮棣題), а на обороте титула — печать с надписью «Из собрания [владельца] Течэнского Гуанбайсунчжая, ксилографировано в Шанхайской [печатне] Тунвэньшуцзюй» (鐵城廣百宋齋藏本上海同文書局石印).

Текст был размечен точками, то есть, максимально удобен для чтения. Имелись в тексте и комментарии Люй Чжань-эня (呂湛恩, ?—1840), известного комментатора Пу Сун-лина, в 1825 году закончившего работу над сводом «“Ляо Чжай чжи и” со сведёнными воедино комментариями» (聊齋志異輯注). Сам свод 1886 года был напечатан на белой бумаге высокого качества, форматом ~20×~13,4 см ксилографическим способом и содержал 1414 страниц. Точных сведений об изначальной папке, предназначавшейся для издания, получить не удалось, поскольку вариантов этих папок в разных собраниях встречается множество, и вполне возможно, что каждый новый тираж мог предполагать новую папку, а количество этих тиражей подсчитать никакой возможности не существует. Бывали также и дорогие варианты в досках из красного дерева на особых завязках. Этикетки на папках и тетрадях также, судя по всему, отличались в разных тиражах, поэтому крайне сложно определить, какой же из имеющихся на сегодняшний день вариантов является первоначальным.

Популярность издания оказалась невероятной. В 1886 году выходит ещё одно литографическое издание, также в Шанхае, в печатне Цзянцзошулинь (江左書林), полностью повторяющее структуру, иллюстрации и комментарии «Проиллюстрированных и откомментированных “Станных историй из кабинета неудачника”», но совершенно очевидно, что иллюстрации, при предельной схожести, делались отдельно, и издание печаталось с других камней. В нём чуть меньше формат и полоса набора; издание печатни «Тунвэньшуцзюй» из коллекции Восточного факультета имеет формат — 19,7×13 см., печатни Цзянцзошулинь — 19,5×12,7. Вполне возможно, что это результат погрешности сборки, разной степени усушки бумаги или каких-то других технических особенностей производства и хранения этих книг на протяжении последних 150-ти лет, но разница в иллюстрациях видна

невооружённым глазом, хотя при первом взгляде и незаметна. Впрочем, между оттисками, означенными как сделанные в Тунвэньшущэюйсой печатне и в Цзяньцзошулиньской также не наблюдается стабильности в различиях, потому что в ряде изданий иллюстрации, прежде выходившие в Тунвэньшущэюйское, публикуются в Цзяньцзошулиньской и наоборот, поэтому данный принцип для идентификации оказывается неприменимым. К тому же издание, отпечатанное в Цзяньцзошулинь, также отличает высокого качества белая бумага и идентичное расположение текста и иллюстраций (вплоть до декоративной рамки, которая была в этих двух литографах сделана в виде цепи). Есть оттиски с красным титулом и оборотом (титул у изданий из этих двух печатен совпадает, оборот у Цзяньцзошулиньского содержит лишь название печатни). Но дальнейшие варианты перепечатки «Иллюстрированного “Ляо Чжая”» делались, исходя из совершенно других принципов.

За последующие 40 лет количество перепечаток в разных типографиях (главным образом, в Шанхае) не поддаётся исчислению. Более 40 издательств публикуют собственные версии иллюстрированного свода Пу Сун-лина, подражая классическому изданию 1886 г. Оттиски делаются и на лучшей белой бумаге (так называемой, ватной), и на жёлтой бамбуковой, и на совершенно бросовой технической. Разнятся формат изданий, разнятся заново выполненные иллюстрации, разнятся и количество папок и страниц. После 1911 года перепечатки и переиздания самого разного качества продолжают появляться. Есть и отпечатанные в наши дни.

Харитонова А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» как источник по костюму народов провинции Гуйчжоу¹

На сегодняшний день сохранилось несколько сотен «альбомов об инородцах», которые находятся в разных архивных и библиотечных коллекциях мира, и которые продолжают интересовать ученых, так как содержат описания народов, проживающих на окраинах Китайской империи. Традиционно такие альбомы называют «бай мяо ту» (百苗圖 букв. «изображения ста/разных мяо») или «мяомань ту» (苗蠻圖 букв. «картины с мяо и мань»). По количеству описываемых народов ученые выделяют два типа альбомов: 1) состоящий примерно из 40 описаний; 2) расширенный вариант, состоящий примерно из 80 описаний.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00119 «Цинские “альбомы об инородцах” как важный источник сведений о культуре и этнографии народов юго-запада Китая XVIII–XIX веков: исследование, перевод, комментарий», <https://rscf.ru/project/22-28-00119>.

Часто датировка таких альбомов вызывает затруднение, в основном они относятся к периоду со второй половине XVIII по вторую половину XIX в. К первому типу таких альбомов относится — «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» (*Цюаньцзянь мяоту* 全黔苗圖, шифр Хул. F-27), который представляет собой рукописный альбом с иллюстрациями, хранящийся в Восточном отделе Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ. В альбоме содержится 28 описаний и иллюстраций народов, проживавших в провинции Гуйчжоу. Нумерация начинается с описания № 13, указывая, что альбом неполный. На белом фоне изображены сцены из бытовой жизни того или иного народа; люди (от 2 до 7 человек: мужчина, женщина, ребенок); животные (буйвол, овца, собака, тигр или птица); растения; боевое или охотничье оружие; предметы быта и сельского хозяйства (прялка, корзина, посуда, коромысло, мотыга). В общем виде структура письменного комментария включает в себя наименование народа, место его расселения, информацию об одежде, основных видах занятия, обрядах перехода, нраве; редко встречаются историческая справка, сведения о контактах с цинскими чиновниками.

По частотности упоминания отдельный интерес представляют собой сведения об одежде, а также технологиях изготовления и окрашивания одежды. Описание одежды может быть представлено несколькими характерными моделями. Самый краткий вариант упоминания представляет собой указание на схожесть с другим народом: «Их одежда и украшения, похоронные и свадебные обряды такие же, как у ханьцев» (*янгуан*, св. 34)¹. Второй вариант представляет собой лаконичные сведения о мужском и женском костюме: «Мужчины носят травяные плащи, женщины — короткие разноцветные юбки» (*маньжэнь*, св. 19). Третий вариант описания является самым полным, включая одежду, обувь, украшения и прически. «Женщины собирают волосы длинными шпильками, вешают на уши большие серебряные кольца, [на шею] — серебряные ожерелья. Их одежда короткая, с цветной узорной каемкой на рукавах. Мужчины и женщины ходят босиком. В горы карабкаются в варварских сандалиях, [продираясь] по густым зарослям» (*хэй-мяо* (*черные мяо*), св. 20).

Кроме повседневной одежды в альбоме встречается упоминание обрядовой одежды и подробное описание военного костюма с амуницией. «Носят железные шлемы: сзади без защиты для [затылка и] плеч, спереди — с двумя полосками, прикрывающими лицо. Этот литой шлем очень тяжел. На теле носят железные доспехи. Сверху напоминают [перекидной] наплечный кошель до сосков. Ниже — сделаны из железных колец и по форме выглядят как окружающая тело круглая клетка. Когда садятся, [доспехи] сгибаются, встают — [доспехи] выпрямляются. Примерный вес — 30 цзиней². Ноги защищены обхватывающими железными пластинами. Сильные [мужчины] в левой руке держат деревянный

¹ Здесь и далее имеется ввиду название народа, выделенное курсивом, и порядковый номер свитка, указанный в альбоме «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу».

² Примерно 15 кг.

щит, в правой — дротик, в зубах — острый клинок» (*цзюгу-мяо (мяо из Цзюгу)*, св. 33).

Из телесных практик упоминается традиция вырывания зубов перед свадьбой у женщин (*дая-гэлао (беззубые гэлао)*, св. 37), сбривание или отращивание волос у мужчин (*цин-мяо (синие мяо)*, св. 35). Татуирование тела, чернение зубов или другие практики, распространенные среди народов Юго-Восточной Азии, не упоминаются.

Встречаются сведения о ткачестве, об окраске одежды, сшивании листьев для изготовления одежды, об используемых материалах (шелк, козья шерсть, тростник, бамбук), о наличии или отсутствии зимней одежды. Следует отметить, что окрашивание ткани с использованием натуральных красителей и воска было одним из распространенных промыслов мяо (хмонгов).

Таким образом, помимо другой ценной этнографической информации альбом «Полное собрание изображений *мяо* провинции Гуйчжоу» содержит сведения об одежде народов, проживавших в провинции Гуйчжоу на рубеже XVIII–XIX вв. Описание мужской и женской одежды может быть лаконичным или развернутым с упоминанием обуви, причесок, головных уборов и украшений. Встречаются сведения об обрядовой одежде, военном костюме. Кроме того, анализируя текст, можно заметить внимание автора к технологии, окраске и материалам, используемым для изготовления одежды.

Kharitonova A. M. (SPbU, St. Petersburg)

Educational books from the book collection of the diplomat P. K. Rudanovsky in the library of St. Petersburg State University¹

The Russian diplomat Pyotr Konstantinovich Rudanovsky (1871–1904) was a graduate of the Faculty of Oriental Languages at the Saint Petersburg University. In 1892 he became an official of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, a few years later he continued his diplomatic service in China. According to his contemporaries, P.K. Rudanovsky was a brilliant translator.

Despite a short life, P.K. Rudanovsky left behind a collection of books, which is currently stored in the Oriental Department of the Academic Library at St. Petersburg State University. It is not yet possible to name the exact number of books belonging to the collection, since they are stored in different collections of the library fund, and the identification of books is still ongoing. At the moment, the book collection includes more

¹ The reported study was funded by RFBR and CASS, project number 21-59-93001

than fifty titles. The belonging of books to the collection of P.K. Rudanovsky is restored according to the *ex-libris* “*Изъ книгъ Петра Конст-новича РУДАНОВСКОГО. 5 IV 1913 г.*” (From the books of Pyotr Konstatinovich Rudanosky, April 5, 1913), as well as by mentioning in the inventory books, in particular in the inventory book No. 61 of the Oriental Department of the Academic Library at St. Petersburg State University dated by 1925. In general, the collection contains textbooks of Asian languages; dictionaries; Christian literature; classical works of Chinese literature; books of geographical or historical content in Russian, English, German, French and Chinese.

This report deals with educational books from the collection of P.K. Rudanovsky. For the most part, this part of the collection is a reflection of the results of academic efforts of the Russian Sinology (textbooks by teachers from the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg University, translations by employees of the Russian Orthodox Mission in Beijing). It is worth mentioning some key authors, teachers of the Faculty of Oriental Languages, as well as their works presented in the collection: V. P. Vasiliev (1818–1900)¹, S. M. Georgievsky (1851–1893)², A. O. Ivanovsky (1863–1903)³, D. A. Peshchurov (1833–1913)⁴. The collection also contains the classic *The Three Character Classic* (*Sanzijing* 三字經), a Confucian canon used for educational purposes in both China and Russia. It is known that *The Three Character Classic* was actively used in the process of studying the Chinese language by I. K. Rossokhin (1707–1761)⁵.

The collection includes five translations of archimandrite Iakinf (N.Ya. Bichurin, 1777–1853), one of the founders of Russian Sinology. His classical translations include a description of Beijing; the history of the first four khans; a collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. If we turn to the dissertations of graduates of the Faculty of Oriental Languages, we can see the active use and citation of these classical translations⁶. Three works by Alexei Leontiev (1716–1786), a former student of the third Mission in Beijing (1736–1743), later a -translator of the College of Foreign Affairs, also belong to the collection of P. K. Rudanovsky: 1) Translation of the laws and regulations of the Manchu government⁷, which was carried out on the personal order of Catherine II; 2) a partial translation of the classic Confucian “Four Books”⁸.

¹ Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1898; Васильев В. П. Анализ китайских иероглифов. Ч. 2. СПб., 1884.

² Георгиевский С. М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.

³ Ивановский А. О. Маньчжурская хрестоматия. В. 1. СПб., 1893; Ивановский А. О. Китайская хрестоматия. В. 3. СПб., 1898.

⁴ Пешуров Д. А. Словарь и дополнение к русско-китайскому словарю. СПб., 1888.

⁵ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 44–45.

⁶ Например, см. диссертацию Г. А. Плансона. ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 1.

⁷ Тай-Цин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства / Перевел с маньчжурского на российский язык Коллегии иностранных дел надворной советник Алексей Леонтьев. Т. 1. СПб., 1781.

⁸ Сы Шу Геи, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса / перевел с китайского и маньчжурского на российский язык надворной советник Алексей Леонтьев. СПб., 1780.

Translation by A. L. Leontiev made from the edition of the XVII century with a preface by Emperor Kangxi. He translated: “The Great Learning” (*Da xue* 大學) and “Zhong yong” (中庸), extracted from The Book of Rites (*Li ji* 禮記); 3) historical translation about the war with the Oirats¹. It is worth adding that, according to the chronology, Leontiev translations are the earliest works in the collection.

Thus, educational books from the collection of the Russian diplomat P.K. Rudanovsky are the works of teachers of the Faculty of Oriental Languages, as well as translations of members of the Russian Orthodox Mission in Beijing. The mentioned books were used in the study of the Chinese language, the history of China, as evidenced by the preserved dissertations of graduates of the faculty or information about the teaching methods of the Russian sinologist I. K. Rossokhin.

¹ Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами / Леонтьев Алексей Леонтьевич; Косицкий, Ефим Васильевич. СПб., 1777.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ I • SECTION I

КНИГА В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА

THE BOOK IN ORIENTAL HISTORY AND CULTURE

- Аникеева Т. А. (ИВ РАН, Москва)*
Коллекция С. Бауатдинова в составе рукописного фонда
Каракалпакского Института гуманитарных наук ОАН РУз в Нукусе (Узбекистан) 5
- Белкина Е. М. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург)*
Еврейские рукописи и их владельцы в России в конце XIX в.: обсуждения и издания 6
- Васильева О. В. (РНБ, Санкт-Петербург)*
Искусство книги в собрании Д. И. Долгорукова 7
- Врадий С. Ю. (ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)*
К истории формирования фонда китайских книг
Центральной научной библиотеки ДВО РАН 9
- Жабрева С. А. (БАН, Санкт-Петербург)*
Личная картотека Николая Сергеевича Горелова (1973–2008):
диалог Востока и Запада в старопечатной книге из фондов БАН 10
- Зайцев И. В. (ИВ РАН, ГМВ, Москва)*
Рукопись арабского сочинения шейха Ахмада ал-Маккари в собрании Астраханского
государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника 12
- Зайцева Д. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)*
Коллекция рукописей по военному делу из собрания ИВР РАН 13
- Ибрагимова З. Б. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)*
Водяные знаки на бумаге дагестанских арабографических рукописей
конца XVI–XVII вв. как источник по истории международной
транзитной торговли Запада и Востока 15
- Малагагомедов Д. М. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)*
Старопечатная книга на аварском языке из коллекции ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН 16
- Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург),*
Ястребова О. М. (РНБ; СПбГУ, Санкт-Петербург; ИКВиА НИУ ВШЭ, Москва)
Проблемы электронной публикации арабографических рукописей: проект изучения
рукописного собрания проф. СПбУ Шейха Мухаммада ат-Тантави (1810–1861)
из фонда Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ 18

<i>Притула А. Д. (ГЭ, Санкт-Петербург, ИКВиА НИУ ВШЭ, Москва)</i> Поэмы о Мар Куриакоме, написанные 'Авдишо' Газартским	21
<i>Редькин О. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Особенности интерпретации консонантного текста на примере рукописей Корана	21
<i>Тураев Л. А. (ТГУВ, Узбекистан)</i> Историческое произведение «Раби ⁴ ал-абрар» как важный научный источник.	23
<i>Туранская А. А. (ИКСА РАН, Москва)</i> Рукописные фрагменты из ойратского монастыря Аблай-хит в собрании Российской Национальной Библиотеки	25
<i>Фирсова В. С. (БАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Текстовые страницы свитков <i>Гэндзи-моногатари-эмаки</i>	27
<i>Ширинова Р. Б. (Институт Рукописей, НАНА, Азербайджан)</i> Комментарии азербайджанских ученых к работе «ал-Канун фи-т-тибб».	29
<i>Yılmaz F. (Marmara University, Turkey)</i> An Important Collection in the St. Petersburg National Library: The Crimean Khanate Court Registers.	31

СЕКЦИЯ II • SECTION II

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ АРАБСКИХ СТРАН. ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО (1883–1951) SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ARAB COUNTRIES. READINGS IN MEMORIAM OF ACADEMICIAN I. YU. KRACHKOVSKY (1883–1951)

<i>Боков Т. А. (Посольство России в Сирии, Дамаск)</i> Сирийские христиане в зеркале анекдота	32
<i>Болдина Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург; Sorbonne Paris IV, Paris)</i> Социальная интеграция и конструирование идентичности морисков и сефардов и их потомков в странах Магриба.	35
<i>Валеев Р. М. (КФУ, Казань), Валеева Р. З. (КИУ, Казань), Кириллина С. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Академик-востоковед Х. Д. Френ и его научное наследие в истории российского востоковедения	36
<i>Герасимов И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Фундж и соседи: отношения между суданскими племенами и султанатом в Сеннаре (XVI–XIX вв.)	37
<i>Гулынская Е. В. (РГГУ, Москва)</i> Бедуинский фактор в процессе укрепления хашимитского правления в Трансиордании (1920-е гг.)	38
<i>Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Историческая мифология и колониальное картографирование в Дарфуре	40

<i>Дьяков Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Арабская Испания в творчестве академика И. Ю. Крачковского (1883–1951): к 140-летию со дня рождения ученого	41
<i>Жерлицына Н. А. (ИАФР РАН, Москва)</i> Письма мисс Талли из Триполи (1783–1795) как ценнейший источник по истории Триполитании	44
<i>Илюшина М. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Трактат Джалал ад-Дина ас-Суйути о соблюдении условий вакфа	45
<i>Крол А. А. (МГУ, Москва),</i> <i>Толмачева Е. Г. (РПУ св. Иоанна Богослова, Москва)</i> Опыт реконструкции жизни обитателей «Северной Крепости» археологического памятника Дерахейб на основании письменных и археологических источников IX–XII вв.	47
<i>Лукьянов Г. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Материалы устной истории как источник для изучения истории Ливии XX века и методологическая основа национальной школы исторической науки.	48
<i>Матросов В. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> «Невозможные существа» в средневековой мусульманской книжной культуре	50
<i>Моисеева А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Йемен в объективе русского переводчика (1961–1967 гг.): фотоархив В. В. и С. Н. Посувалюков	51
<i>Петрунов Г. О. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Организация работы британской разведки в колониальных странах на примере Судана	53
<i>Прудников В. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Завоевание арабской Сицилии норманнами в интерпретации Анонима из Ватикана.	55
<i>Пумпян Г. З. (БАН, Санкт-Петербург)</i> Арабское языкознание в творческом наследии И. Ю. Крачковского.	57
<i>Рыженкова Т. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Египет в описании Абд аль-Кадира аль-Джазири (1505–1570)	59
<i>Семенова В. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> «Исламский» и «Коптский Каир»: взаимовлияния в архитектуре и орнаментике.	61
<i>Слепухина О. П. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Будущее в прошлом: ностальгия и конструирование южноаравийских идентичностей в социальных медиа	63
<i>Соколов О. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Этнические группы христиан в воспоминаниях средневековых арабских путешественников: терминологический аспект	64
<i>Трепналова Е. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Арабские папирусы из Афродито	65
<i>Туманян Т. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Армянский квартал Иерусалима в современных зарубежных научных исследованиях	66
<i>Федотов П. В. (ГМИР, Санкт-Петербург)</i> Русские учительницы на Ближнем Востоке (1887–1917): опыт самореализации	67
<i>Филиппов А. А. (БГУКИ, Беларусь)</i> Политика султаната Оман по позиционированию историко-культурного наследия страны	70
<i>Царегородцева И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Хороший, плохой, злой. Арабская историография правления последних трех президентов Египта.	71

<i>Шевелёв Д. Л. (БГУ, Беларусь)</i> Архив как инструмент историописания: палестинский Архив «Хазаин» («Кабинет»)	72
<i>Abalyan A. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Israeli — Palestinian conflict as an Identity Conflict	74
<i>Abu Jaber S. (Kaye Academic College of Education, Israel)</i> Introducing a rare Sufi exegesis of <i>Sūrat al-Faṭḥ</i> from 16th century Egypt.	76
<i>Matveyev A. S. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> International Long-distance Trade in Europe and Beyond in the Ninth Century: Ibn Khurdadbeh's account on the Trade Routes of the Jewish merchants <i>al-Radhaniyya</i> and the East European traders <i>al-Rus</i>	77

СЕКЦИЯ III • SECTION III

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF TURKEY

<i>Болдырев А. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Проблемы советско-турецких отношений периода Второй мировой войны в современной турецкой историографии	79
<i>Гейгер Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Сусурлукский скандал в турецкой историографии	81
<i>Индюхова А. В. (ЮФУ, ЦМГИ, Ростов-на-Дону)</i> Мемуары как источник для изучения «мягкой силы» Турецкой Республики в Хатайском вопросе	82
<i>Козинцев М. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> «Сколько в русской армии солдат...» по данным османской рукописи XVIII века	85
<i>Курова О. Н. (БАН, Санкт-Петербург)</i> Из истории обнаружения, перевода и публикации «Книги путешествий» Эвлии Челеби Йозефом фон Хаммером-Пургшталем	85
<i>Ляльчак А. С. (ИВИ РАН, Москва)</i> Дуализм германо-турецких отношений в середине 1930-х гг. в зеркале кемалистской прессы и сатиры (по материалам газет «Cumhuriyet» и «Akşam» и журнала «Akbaba»)	88
<i>Разаков Ф. А. (ИВ АН РУз, Узбекистан)</i> Новейшая турецкая историография взаимоотношений Османской империи и Кокандского ханства	89
<i>Суриков К. А. (ИВИ РАН; ИСАА МГУ, Москва)</i> Оружие победы и поражения: проблемы технического обеспечения османской армии в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (на материалах османских источников)	91
<i>Цибенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)</i> Когда процедура превьше сути: к вопросу о термине «джемаат» в российской туркологии	93
<i>Шалак М. Е. (ЮФУ, Ростов-на-Дону)</i> К вопросу об османском вассалитете Малой Ногайской Орды: состояние источниковой базы и историография	94

<i>Шлыков П. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Историческая политика в кемалистской и эрдогановской Турции: войны памяти вокруг (не)участия во Второй мировой войне	97
<i>Zhukov K. A. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Vasily Ivanovich Kelsiev (1835–1872) and his works about the Ottoman Turkey	99

СЕКЦИЯ IV • SECTION IV ИРАНИСТИКА И АФГАНИСТИКА IRANIAN AND AFGHAN STUDIES

<i>Аверьянов Ю. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Суфийская (авто)биография Шамса Табризи: что лежит в основе текста «Макалат-и Шамс-и Табризи»?	101
<i>Алибекова П. М. (ИЯЛИ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Персия и персидская поэзия в творчестве современных дагестанских литераторов	103
<i>Амбарцумян А. А. (НИУ ВШЭ, СПбГУ)</i> Дарий I о самом себе в древнеперсидской надписи (DNb) и его антитезы	106
<i>Андреев А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Красуцкий С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Бьет челом последней холоп ваш Мурат хан бек»: челобитные и другие документы, связанные с приездом в Россию гонца от шаха Аббаса II в 1646–1647 гг.	109
<i>Ардашникова А. Н. (ИСАА МГУ, Москва), Коняшкина Т. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Литература как источник для изучения истории гендерных отношений в Исламской республике Иран.	111
<i>Багиров А. (Институт рукописей НАНА, Азербайджан)</i> Произведение «Тазкира-йи Насрабади» о поэтах Азербайджана	113
<i>Базиленко И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Персидский поход 1722–1723 гг. и А. П. Волынский (1689–1740) как один из его инициаторов	115
<i>Башарин П. В. (РГГУ, Москва)</i> Реликты демонического образа слона в средневековой персидской культуре	117
<i>Васильева Н. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> К 100-летию со дня рождения С. Н. Соколова (1923–1985).	119
<i>Васькин И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Члены Совета экспертов Исламской Республики Иран: факторы рекрутирования (1983–2025)	121
<i>Гезалова Н. (Институт истории НАНА, Азербайджан)</i> Российские дипломатические миссии в Афшарском государстве	122
<i>Громова А. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> СМИ как инструмент языкового регулирования в Иране: материалы о миноритарных языках и диалектах в публикациях информационного агентства IRNA	123
<i>Каверин С. И. (ЦПИ, Москва)</i> Источники по молитвам, гимнам и песням кафиров Гиндукуша	125
<i>Моисеенко Н. С. (АрТТуда, Санкт-Петербург)</i> Афганские монеты и награды, изготовленные в СССР	127

<i>Павлова И. К. (СПбГУПТД, Санкт-Петербург)</i> Как астраханский купец Степан Лионозов рыбопромышленником в Персии стал (из истории русско-персидских связей в XIX в.)	129
<i>Пелевин М. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Духовные кланы в племенном исламе паштунов: пути возникновения	131
<i>Раванди-Фадаи Л. М. (РГГУ, Москва),</i> <i>Ходунов А. С. (РГГУ, Москва)</i> Сравнение языковой политики в Иране в эпоху правления династии Пехлеви и после Исламской революции	133
<i>Рафикова Ш. Е. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Образ движения «Талибан» в СМИ стран Средней Азии и Ближнего Востока (2016–2022 гг.)	135
<i>Смирнова А. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> «События Кашмира» — рукопись на персидском языке из собрания ИВР РАН	136
<i>Тимохин Д. М. (ИВ РАН, Москва)</i> Кара-китайская династия Кермана: к проблеме формирования историографического мифа	138
<i>Чунакова О. М. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Двусторонние согдийские фрагменты в собрании ИВР РАН	139
<i>Штых Ю. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Антизападничество» иранского писателя Дж. Але Ахмада: историко-философские предпосылки	142
<i>Янушкевич Е. Ю. (ИВР РАН, ИИМК РАН, Санкт-Петербург)</i> Рукописные материалы И. П. Корнилова как источник по торговым отношениям России и Персии в правление Николая I	143

СЕКЦИЯ V • SECTION V

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КУРДОВ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF THE KURDS

<i>Арутюнян А. А. (Национальный архив Армении, Армения)</i> Публицистика Араба Шамилова в 1920-х гг. (Армянские материалы)	146
<i>Казурова Н. В. (МЭЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Гендерный вопрос в искусстве художников в эмиграции (на примере курдских сюжетов в работах Ш. Нешат и З. Доган)	148
<i>Лебедева И. О. (ИВ РАН, Москва)</i> Религиозные, философские и общественно-политические взгляды Ахмада Муфтизаде	149
<i>Лученков И. Р. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Проект создания Ассирийской автономии в контексте ассирийско-курдского конфликта (1840–1920-е гг.)	151
<i>Победоносцева-Кая А. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург),</i> <i>Кирпиченко А. И. (Библиотека им. В. В. Маяковского, Санкт-Петербург)</i> Барзани и курдистанские евреи	153
<i>Celebi D. (University of Manchester, Great Britain)</i> Jina Amini or Mahsa Amini? Building an Iranian Identity among the Kurdish People in the Islamic Republic of Iran	156

СЕКЦИЯ VI • SECTION VI
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КAVKAZA
SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY
OF CENTRAL ASIA AND CAUCASUS

<i>Абланова Э. А. (Мангистауский областной государственный архив, Казахстан)</i> Мангистау (Мангышлак) как важный коммуникационный пункт на торговом пути из России в Среднюю Азию	157
<i>Адалар У. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Закавказское Мусульманское Духовное Управление в XIX веке (по опубликованным архивным материалам)	162
<i>Акрамова Ф. А. (НУУз, Узбекистан)</i> Историографический обзор изучения подготовки промышленных кадров — женщин в Узбекистане (1956–1965 гг.).	164
<i>Алибеков Х. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Арабо-мусульманская культура и образование на Кавказе XI–XII вв. на основе новых источников: «Шарх аш-шихаб» Абу ал-Касима ал-Баби и «Тухфат ал-асхаб» Абу Бакра ад-Дарбанди	166
<i>Алимджанов Б. А. (ИВ АН РУз, Узбекистан)</i> История Торгового дома «Братья Вадьяевы».	168
<i>Алиазарова Д. В. (НУУз, Узбекистан)</i> Актуальные проблемы историографии истории военной печати Туркестана (по материалам периодики на иврите и староузбекской графике).	169
<i>Аманжолова Д. А. (ИРИ РАН, Москва)</i> О визуальных источниках по истории Казахской АССР: некоторые вопросы изучения	172
<i>Анарбаева Г. (ЖАГУ, Кыргызстан)</i> Расселение южно-киргизских племен в XVIII–XIX вв. в исторических источниках	174
<i>Асланлы Г. (НАНА, Азербайджан)</i> Об истории спорта в древнем и средневековом Азербайджане.	176
<i>Болашенкова Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Древняя история в школьных учебниках постсоветского Таджикистана.	177
<i>Брежнева С. Н. (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)</i> Бухарские первичные источники о военных действиях Российской империи на территории Бухарского эмирата в 60-х гг. XIX в.	179
<i>Васильцов К. С. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Морфология религиозного пространства Бадахшана: исмаилизм, шиизм (<i>исна'аширийа</i>), суфизм.	181
<i>Вершинина М. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> «Нам тоже надо приобщаться к наукам, чтобы не проиграть в борьбе за существование»: просветительская миссия азербайджанско-тюркских интеллектуалов по материалам газеты «Экинчи» (1875–1877 гг.)	182
<i>Викторин В. М. (АГУ, Астрахань)</i> Ногайцы — оседавшие полукочевники Нижнего Поволжья в сер. XVIII–XIX вв.: источники различного порядка и ход текущих дискуссий	184
<i>Гасимов А. (Институт истории НАНА, Азербайджан)</i> Из истории водоснабжения города Баку.	186

<i>Гуцян Л. С. (РЭМ, Санкт-Петербург)</i> Езидские коллекции А. А. Лорис-Калантара из собрания ЭО РМ (РЭМ)	187
<i>Джандосова З. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Индийский цикл» Мирзо Турсунзаде: пропаганда, традиция, конъюнктура, вдохновение?	188
<i>Дьяков Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург),</i> <i>Харатишвили Г. С. (независимый исследователь, Тбилиси)</i> Историография народов Ближнего и Среднего Востока в трудах профессора Ильи Павловича Петрушевского (1898–1977). К 125-летию со дня рождения ученого	190
<i>Зельницкая Р. Ш. (РЭМ, Санкт-Петербург)</i> Перипетии назначения офицера абхаза в царской армии в начале XX в. по материалам переписки о назначении штабс-ротмистра М. К. Маргания	193
<i>Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Азербайджанский кинематограф 1920–1930-х гг. как источник для изучения политики советской власти в регионе	195
<i>Каримова Н. И. (Джизакский государственный педагогический университет, Узбекистан)</i> Торговля специями и пряностями в Центральной Азии (вторая половина XIX — начало XX вв.)	197
<i>Кобзева О. П. (НУУз, Узбекистан)</i> Зарубежная историография Шелкового пути начала XXI в.	199
<i>Красовицкая Т. Ю. (ИРИ РАН, Москва)</i> Языки описания этнокультурного дискурса Российской империи академическими, миссионерскими и советскими востоковедами. Конец XIX — ранний сталинизм 1920-х годов	201
<i>Кулмаматов Д. С. (Узбекский государственный университет мировых языков, Узбекистан)</i> Структура и содержание отписок воевод русских городов, написанных российским царям, в связи с приездом хивинских и бухарских послов в XVII веке	203
<i>Магомедова З. А. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Эпистолярные документальные источники Фонда восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН: история изучения и тематическая характеристика	206
<i>Мамадалиев И. А. (Худжандский ГУ, Таджикистан)</i> Русские источники XIX — начала XX вв. по истории Ходжента/Худжанда	208
<i>Маматова М. Б. (Каршинский ГУ, Узбекистан)</i> Вопросы источниковедения Чайного пути в Центральной Азии.	209
<i>Махмудова В. А. (НАНА, Азербайджан)</i> Богиня покровительница очага (о статуэтке, найденной в поселении Пашатепе Джалилабадского района Республики Азербайджан)	211
<i>Мурзакуматов А. К. (ОшГУ, Кыргызстан)</i> «Адаб ус-салихин» («Учтивость праведных») как источник для изучения этикета мусульман Центральной Азии	212
<i>Османова М. Н. (ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала)</i> Дагестанские многоязычные арабографические издания начала XX века	220
<i>Почкаев Р. Ю. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Суд Тамерлана в исторических источниках Востока и Запада: историко-правовой анализ	222
<i>Раджабова Д. Н. (СаМГУ, Москва, Узбекистан)</i> Рассуждения Н. И. Веселовского о роли местных источников в изучении истории Средней Азии XIV в. (на примере сочинения Л. Лянглэ «Жизнь Тимура»)	224

<i>Рашиев Т. Т. (НУУз, Узбекистан)</i> Из истории военной медицины: Туркестанские хроники.	226
<i>Резаишва А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Способность места»: разъяснение Махмуда ибн Вали Балхи о причинах важности Балха.	228
<i>Сафонова Н. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Современные тенденции в искусствоведческой историографии народов Кавказа (на примере Дагестана)	228
<i>Серкина Г. (ГЭ, Санкт-Петербург)</i> Влияние культуры кочевников на сложение иконографии Святого Всадника	229
<i>Смесова Е. А. (АНГУ, Узбекистан)</i> Источники о русских духовно-культурных учреждениях Туркестанского края (конец XIX — начало XX вв.)	231
<i>Сулайманова С. Б. (Каршинский ГУ, Узбекистан)</i> История Согдийского оазиса в письменных источниках раннего средневековья	233
<i>Токоева Г. С. (ЖАГУ, Кыргызстан),</i> <i>Авазов Э. А. (ЖАГУ, Кыргызстан)</i> Вклад кыргызского ученого Ташманбета Кененсариева в изучение истории Кокандского ханства.	236
<i>Уддиджеков С. А. (Саяно-Шушенский филиал СФУ, Хакасия)</i> Историография Кыргызского каганата.	238
<i>Lazarenko E. (Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan)</i> Sociocultural and ethnopolitical preconditions for the penetration and spread of Buddhism in Central Asia	240
<i>Mamedova R. (University of Pardubice, Czech Republic)</i> The Source studies and Historiography on the transformation of Turkish-Muslim women in the South Caucasus in the 19th–20th century.	241

СЕКЦИЯ VII • SECTION VII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF SOUTHEAST ASIA

<i>Бурова Е. С. (ИКСА РАН, Москва)</i> Особенности источниковедческого изучения камбоджийской статистики	243
<i>Вершинина В. В. (МГИМО, Москва)</i> Проблематика отношений Вьетнама и АСЕАН во вьетнамской историографии.	245
<i>Дмитренко С. Ю. (ИЛИ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург),</i> <i>Станюкович М. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Экспедиции в Юго-Восточную Азию: Филиппины (1994–2020) и Камбоджа (2014–2022). Полевые материалы, этнографические коллекции, публикации	246
<i>Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)</i> Новейшие исследования островной Юго-Восточной Азии и проблема Шривиджайи	248
<i>Игнатьев М. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Указы о сангхе от 1902 и 1941 гг. как основные исторические документы об устройстве буддийской монашеской общины Сиама (Таиланда) в первой половине XX в.	249

<i>Иллюк П. А. (ИЗиСП, Москва)</i> Малаккский Кодекс как источник права Малайзии и Индонезии в период португальских завоеваний XVI в.	251
<i>Колотов В. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Труд генерал-лейтенанта Хоанг Минь Тхао как важный источник по стратегии и тактике Вьетнамской народной армии	253
<i>Мазырин В. М. (ИКСА РАН, МГУ, Москва)</i> Изучение экономики Вьетнама в России: периодизация и школы	254
<i>Соколов А. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Вьетнамский интернат в Москве, 1954–1960.	256
<i>Сюннерберг М. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> «Домашний генерал» или «покорная жена»: этапы, тематика и концепции гендерных исследований о Вьетнаме.	257
<i>Федорин А. Л. (ИКСА РАН, Москва)</i> Некоторые итоги недавно завершившейся 30-летней работы по первому в мире переводу на западноевропейский язык основного источника по истории древнего и средневекового Вьетнама — «Полного собрания исторических записок Дайвьета».	260

СЕКЦИЯ VIII • SECTION VIII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF INDIA

<i>Бочковская А. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Дасам-грантх: вопросы авторства и компоновки	261
<i>Возчиков Д. В. (УрФУ, Екатеринбург)</i> Религиозные практики Южной Азии в двух венецианских травелогах второй половины XVI века	263
<i>Демичев К. А. (Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС, Нижний Новгород)</i> Практика движения/передвижения правителя в рамках концепции идеального сикхского государства в Прем Сумараг	265
<i>Денисенко В. Л. (НГПУ, ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)</i> Древнеиндийские письменные источники по истории саков/индо-скифов и юэджи/кушан	267
<i>Зарипова Л. Р. (ИВ РАН, Москва)</i> Историография истории Трипуры: основные направления и проблемы	269
<i>Котин И. Ю. (МАЭ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург), Лемешкина К. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> «Барахмах» Нанака и дискуссия о реформе сикхского календаря.	271
<i>Мухаметханова А. И. (РГГУ, Москва)</i> Экофеминизм в Индии как способ решения экологических проблем.	272
<i>Ремизова Е. С. (Россотрудничество, Москва)</i> Борьба с колониальной историографией в современной Индии	273
<i>Сидорова С. Е. (ИВ РАН, Москва)</i> Приключения мятежного раджи: побег, погоня, детронизация (политический кризис в Нагпурском княжестве, 1817–1818)	275

<i>Смирнова Е. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Краснодембская Н. Г. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)</i>	Формирование в Ленинграде переводческих традиций с языка маратхи (1960–1970-х гг.)	276
<i>Соболева Е. С. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)</i>	Мервин Херат — деятель просвещения в Шри Ланке (XXI век)	278

СЕКЦИЯ IX • SECTION IX

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF CHINA

<i>Адамс О. Ю. (МГУ, Москва)</i>	«Контроль посредством общественного мнения» в антикоррупционной работе в КНР.	282
<i>Бабарико К. Б. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	Советские специалисты в Народном университете КНР	284
<i>Благодер Ю. Г. (КубГТУ, Краснодар)</i>	Образ Китая в российской периодической печати начала XX века: либералы против монархистов	286
<i>Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i>	Помогут ли духи, или как конфуцианство и официальная историография относились к сверхъестественному	288
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск), Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i>	К атрибуции картины «Кочевники» из музея Гугун в Пекине.	289
<i>Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)</i>	В. М. Алексеев и его наука об иероглифике.	291
<i>Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск)</i>	Ароматические печати и штампы как источники реконструкции буддийских ритуалов в культуре Восточной Азии	293
<i>Гирченко Е. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)</i>	Лошади в торговой и административной документации северо-западных округов Ханьской империи	295
<i>Го Лаймэй (Нанькайский университет, КНР)</i>	Историография династии Тан в издании «История Китая с древнейших времён до начала XXI века»	297
<i>Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва)</i>	Образ Чжэн Чэнгуна в историографии КНР и Тайваня	298
<i>Гулева М. А. (Карлов университет, Чешская Республика)</i>	Дети, родители и параллельная эволюция: сравнительный анализ журналов «Крокодил», «Маньхуа» и «Дикобраз» (1950-е гг.)	300
<i>Дмитриев С. В. (ИВ РАН, Москва)</i>	<i>Olegra tangutica</i> . Pars III (ultima). Овощи и съедобные травы в тангутско-китайском глоссарии «Перл в ладони» (1190). Завершение	302
<i>Донская А. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	Хоу Жэньчи и модернизация китайской исторической географии в 1950–1960-х гг.	304

<i>Дубровская Д. В. (ИВ РАН, Москва)</i> Буддийская надпись 494 г. на стеле из храма Тоуго — история создания, сюжет и особенности стилистики	306
<i>Дудин П. Н. (БГУ, Улан-Удэ)</i> «Сборник законов и распоряжений «Маньчжоу-Го»» Г. К. Гинса и М. Огуси как памятник политической мысли по возрождению «Великой Маньчжурской империи» . . .	308
<i>Кейдун И. Б. (ДВФУ, Владивосток; АмГУ, Благовещенск)</i> Ритуал и его значимость (к вопросу о функциональном предназначении текстов «И ли» и «Ли цзи»).	310
<i>Кириченко А. Д. (Гимназия № 108 им. В. Н.Татищева, Екатеринбург)</i> Жизнеописание Бао Сы, супруги чжоуского Ю-вана, в контексте цзюаня <i>Не би чжуань</i> биографического свода <i>Ле нюй чжуань</i> Лю Сяна.	312
<i>Клементьева Т. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Роль трактата «Фэн су тун и» в становлении жанра географических сочинений в Китае . . .	314
<i>Кудинова М. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск), Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск), Соловьев А. И. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)</i> Источниковедческий синтез в изучении элитных погребальных комплексов эпохи Северных династий	316
<i>Наземцева Е. Н. (ИВ РАН, Москва)</i> Русская диаспора провинции Синьцзян в период Первой мировой войны: гуманитарные и политические проблемы (по документам Архива внешней политики Российской империи)	318
<i>Павлова А. Д. (АРС, ВУ МО РФ, Москва)</i> Китаеведение в России: анализ направлений научных исследований за 2019–2022 гг.	320
<i>Перминова В. А. (ИВ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)</i> «Дорожные заметки» журналиста И. С. Левитова о колониальном Тайване (на основе публикаций 1903 гг.)	322
<i>Портяков В. Я. (ИКСА РАН, Москва)</i> Дэвид Шамбо о внешней политике КНР	323
<i>Рудь П. В. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Материалы, собранные в Пекине приставом 11-й Русской духовной миссии М. В.Ладыженским.	325
<i>Самойлов Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Вклад российских дипломатов конца XIX — начала XX вв. в изучение Китая.	325
<i>Сафин Т. А. (ИВ РАН; РАНХиГС, Москва)</i> Концепция древнекитайского линиджа: штрихи к портрету	328
<i>Сёмочкина А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Система коллективного обучения членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в оценках российских и зарубежных китаеведов	330
<i>Скрыпник Е. С. (ИВ РАН, Москва)</i> Знаменья, зафиксированные в период правления У Цзэ-тянь (624–705), в главах «Пять первозлементов» «Старой книги [об эпохе] Тан» и «Новой книги [об эпохе] Тан»	332
<i>Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)</i> Оно Кадзуко об образовании для китайских женщин в программе реформ Лян Цичао конца XIX века	334
<i>Старовойтова Е. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Российские дипломаты-выпускники Факультета восточных языков в Китае на рубеже XIX–XX вв.	335

<i>Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Старое и новое в представлениях Ло Ми (1131–1189/1203) о десяти эрах.	337
<i>Хаймурзина М. А. (АмГУ, Благовещенск)</i> К вопросу о китаизации религиозно-политической жизни чжурчжэней государства Цзинь (1115–1234).	339
<i>Харитонова А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Востоковедная подготовка как фактор профессионального становления российских дипломатов для работы в Восточной Азии	341
<i>Хэ Юйдань (Нанькайский университет, КНР)</i> Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение истории Китая (по оценкам китайских ученых)	343
<i>Чекулаева А. С. (БГУ, Беларусь)</i> Индустриальный парк «Великий камень» в контексте белорусоведческих исследований Китая	345
<i>Шаронова В. Г. (ИРИ РАН, Москва, СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Роль Восточного факультета Петербургского университета в подготовке дипломатов-китайстов в конце XIX в. (по воспоминаниям А. Т. Бельченко).	347
<i>Colangelo Lara (“G. D’Annunzio” University of Chieti-Pescara, Italy)</i> The History of the Introduction of Roman Law in China: Sources and Features of the First Reception	349

СЕКЦИЯ X • SECTION X

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF JAPAN

<i>Бертова А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Диспут епископа Николая (Касаткина) и Сано Цунэхико 21 сентября 1884 года по материалам источников с японской и русской стороны	350
<i>Борисова А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Интеграция традиционной японской культуры в современные культурные реалии	352
<i>Ваисова Н. А. (НУУЗ, Узбекистан)</i> Актуальные вопросы японской и китайской историографии согдийской колонизации Великого Шелкового пути	354
<i>Кубасов Ф. В. (РГПУ, Санкт-Петербург)</i> Исследование истории японских средневековых лазутчиков-синоби: историография и текущее состояние	356
<i>Османов Е. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Использование китайского населения японской разведкой в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.	358
<i>Серебрякова С. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «На японской войне» В. В. Вересаева как источник по русско-японской войне (1904–1905 гг.)	359
<i>Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА МГУ, Москва)</i> О некоторых топонимах на картах Японии Дайкокуя Кодаю (1751–1828).	362

<i>Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), Габитова А. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
О живописно-каллиграфическом свитке <i>эмэки</i> периода позднего Эдо из коллекции цесаревича Н. А. Романова в собрании МАЭ РАН	363
<i>Торопыгина М. В. (ИВ РАН, НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
Японская печатная книга: «Хякунин иссю хитоёгатари» («Вечерние истории о “Ста стихотворениях ста поэтов”») в изданиях 1833 и 1891–1893 годов	364
<i>Уфимцева А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Филиппов А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Рецепция из Китая системы девизов годов правления и практика применения концепции в Японии	366
<i>Федянина В. А. (МГПУ, Москва)</i>	
Правления государынь в древней Японии (по материалам «Гукансё»)	367
<i>Шарова А. Б. (РУДН, Москва), Куланов А. Е. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Исии Ханакэ: «Зорге как человек». Источниковедческие открытия	370

СЕКЦИЯ XI • SECTION XI

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF KOREA

<i>Акуленко В. С. (Университет Чунан, Республика Корея)</i>	
Трудовые договоры как источник информации о первой волне трудовой миграции северокорейских рабочих на Дальний Восток СССР (1946–1962)	372
<i>Анофриева Д. С. (ИВР РАН, Москва)</i>	
Очерк истории корееведения в ИВР РАН.	374
<i>Асмолов К. В. (ИКСА РАН, Москва)</i>	
«Черные мифы» о Южной Корее в РФ: феномен психологической проекции?	375
<i>Волощак В. И. (ДВФУ, Владивосток)</i>	
Дискуссия о сокращении военного контингента США в Республике Корея в 1969–1971 гг.	378
<i>Курбанов С. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
К вопросу понимания и перевода на русский язык реалий древней и средневековой истории Кореи	381
<i>Лобов Р. Н. (РИСИ, Москва)</i>	
Выставка «Электроника-88» в Ленинграде и процесс установления прямых советско-южнокорейских экономических связей	383
<i>Соловьев А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
«Путь героя»: биографии Ким Юсина и Кунъе в «Самгук саги (Исторические записи Трех государств)» в контексте мономифа Дж. Кэмпбелла.	385
<i>Финько Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Основные направления и проблемы изучения развития городского пространства Сеула в современной южнокорейской историографии	387
<i>Чеснокова Н. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
Мозаика Ли Сонге (1335–1408): конструирование мифа об основателе династии	388

СЕКЦИЯ XII • SECTION XII
 МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ
 SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA,
 TIBET AND BUDDHISM

<i>Алексеев К. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Организация дублей в структуре монгольского рукописного Ганджура	391
<i>Асалханова Е. В. (Усть-Ордынская детская школа искусств, Иркутск)</i> Монгольские народные картинки (рисованные игральные карты, календари, гадательные образки), шахматы, домино как самобытное выражение традиционной культуры	392
<i>Бадмаева Л. Б. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)</i> «Воспоминания 1873 года...» как один из жанров вербальной традиции бурят	394
<i>Бикмаева К. И. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Восстановление национальной монгольской письменности в 1980-е годы	395
<i>Варенов А. В. (НГУ, Новосибирск)</i> Гравировки фигур в длиннополых одеждах на скалах Хакасии: картина «Кочевники» и монголо-кыргызские матримониальные контакты.	397
<i>Кузьмин Ю. В. (БГУ, Иркутск)</i> Военные монголоеды и разведчики России о треугольнике отношений Россия — Монголия — Цинская империя в начале XX века: историография проблемы	399
<i>Леман Я. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Устные предания о Равдже: образ святого безумца.	401
<i>Москалева Н. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> История формирования и особенности пронационалистической модели репрезентации истории Тибета на примере нарративов представителей тибетоязычной диаспоры.	402
<i>Носов Д. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Культ духов-хозяев местности и его влияние на первое административно-территориальное деление Монгольской Народной Республики (по материалам В. А. Казакевича)	403
<i>Петрова М. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Концепт пути в романе Г. Аюурзаны «Формула души»	405
<i>Полянская О. Н. (БГУ, Улан-Удэ)</i> Монголоведение в университетах России XIX в. Александр Васильевич Попов (1808–1865): из Казани в Петербург	406
<i>Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Ger-ün nouad в политической культуре средневековых монголов	409
<i>Смирнова М. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Тибетские идиоматические глагольные группы в современном художественном тексте. . .	409
<i>Тишин В. В. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ), Нанзатов Б. З. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)</i> Некоторые наблюдения над бурятской исторической фонетикой по русскоязычным документам XVII в.	410
<i>Цендина А. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Историографические особенности монгольской летописи XVII в. «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна	413

<i>Успенский В. Л. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Рукописный монголо-русский словарь в собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ	414
<i>Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> О принципах работы над редакцией монгольского Ганджура 1717–1720 гг. (на примере повторяющихся сочинений)	415
<i>Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> «Взаимовосхваления Чингис-хана и девяти урлюков-сподвижников» (ойратские и монгольские тексты)	416

СЕКЦИЯ XIII • SECTION XIII

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ. «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ» AFRICAN STUDIES. "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

<i>Балезин А. С. (ИВИ РАН, Москва)</i> Визит президента Танзании Дж. К. Ньерере в СССР в 1969 г. и его освещение в газете «Правда»	418
<i>Блинова Е. В. (ЯрГУ, Ярославль)</i> Свидетельства появления африканцев в Лондоне (до начала XVI в.)	419
<i>Бондаренко Д. М. (ИАФР РАН, Москва)</i> Постколониальная Африка: историческая память — нациестроительство — неотрадиционализм	421
<i>Боркунов Н. В. (ИВИ РАН, Москва)</i> Историческая школа Дар-эс-Салама и политические дебаты в Танзании (1960–1970-е гг.)	423
<i>Брындина В. Н. (ИАФР РАН, Москва)</i> Европейцы и Типу-Тип: взаимные описания встреч в Центральной и Восточной Африке по материалам европейских мемуаров и суахилийской автобиографии.	425
<i>Ванюкова Д. В. (ГМВ, Москва), Улитин А. В. (ГМВ, Москва)</i> Марионетки бозо и бамбара: бытование и традиционная реставрация предметов на примере театра марионеток Соголон (Бамако, Республика Мали)	426
<i>Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ; ИВИ РАН; РАНХиГС; Москва)</i> Образование Организации африканского единства (1963 г.) и ее влияние на интересы Запада: взгляд из Лондона (по документам Национального архива Соединенного Королевства)	427
<i>Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль)</i> Ачилл Мбембе: постколониальная мысль — реальность или мечта?	429
<i>Гаврюшева А. Е. (ЯрГУ, Ярославль)</i> О поисках идентичности афронемцев во второй половине XX века (на примере Мэй Айим)	431
<i>Головизнин М. В. (МГМСУ, Москва)</i> Староофиопские названия проказы в контексте медицинских и общекультурных реалий Ближнего Востока.	433
<i>Грибанова В. В. (ИАФР РАН, Москва)</i> Капский полуостров глазами русских моряков XIX века	435

<i>Григорьева С. В. (ННГУ, Нижний Новгород)</i> Эволюция осмысления новой истории стран Африки в советских вузовских учебниках . . .	437
<i>Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Релятивный локатив в языке кереве	438
<i>Гусарова Е. В. (СПбГУ, ИВР РАН, РНБ, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Исторический контекст создания перевода Хроники Иоанна Никиуского	439
<i>Денисова Т. С. (ИАФР РАН, Москва)</i> К вопросу о формировании «Западноафриканской провинции “Исламского государства”»	441
<i>Добронравин Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> За 28 лет до конца колониализма: революционный катехизис и программа независимости для Бельгийского Конго (Брюссель-Москва, 1932 г.)	443
<i>Емельянов А. Л. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Человек, который на век опередил свое время. Раумбана	444
<i>Желтов А. Ю. (СПбГУ, МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Тема, субъект и порядок слов в контексте типологии вершинного/зависимостного маркирования (русский, банту, английский)	446
<i>Завьялова О. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Роль духов воды в традиции манден.	447
<i>Зданевич А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Кризис самодержавия в России и роль русского добровольческого движения в ходе англо-бурской войны (середина XIX — начало XX вв.)	448
<i>Ильина Р. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Архив Д. А. Ольдерогге в МАЭ РАН	450
<i>Кайгородов Г. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Французские заимствования в языке бамана. Анализ их употребления в устной речи на базе аудиокорпуса бамана	451
<i>Константинова Т. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Образ царицы Савской в эфиопской культуре: визуальный нарратив.	453
<i>Куликов А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> 1А класс в языках банту зоны G	454
<i>Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Маски общества Коре из Бугуни (регион Сикассо, Мали)	456
<i>Лазарев А. В. (ГАУГН, Москва)</i> Рабочие контракты советских учителей в материковой Танзании и на Занзибаре в 1960-е годы: сравнительный анализ. По архивным материалам ГАРФ	458
<i>Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Изменения в корпусе источников по истории и культуре Африки южнее Сахары сегодня.	459
<i>Макеева Н. В. (ИЯЗ РАН, Москва)</i> Непериферийные гласные в языках макросуданского пояса с полными системами [ATR].	461
<i>Малинина Е. Я. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Атрибутивные конструкции в языках банту (суахили, киньяруанда)	463
<i>Манирагена В. (СПбГЭУ; СПбГУ; Санкт-Петербург)</i> Франсуа Ксавье Наигизики и его книга: «Mes trances a 30 ans» — «Мои страхи, когда мне было 30 лет»	465

<i>Мильто А. В. (Ярославский филиал Финуниверситета при Правительстве Российской Федерации, Ярославль)</i> Особенности картографии в постколониальной литературе	465
<i>Морозенская Е. В. (ИАФР РАН, Москва)</i> Модернизация технологий и профессионального образования как основа социально-экономических преобразований в Африке	467
<i>Москвитина (Сиим) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Старосуахилийская арабографическая письменная традиция <i>киарабу</i> в истории отечественной африканистики и на Восточном факультете ЛГУ-СПбГУ	469
<i>Панцеров К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Риски злонамеренного использования передовых технологий в странах Африки, расположенных южнее Сахары: некоторые практические аспекты	470
<i>Попова К. И. (ИВИ РАН, Москва)</i> Гельмут Штёккер и историческая африканистика в ГДР	472
<i>Прохоров К. Н. (ИЯЗ РАН, Москва)</i> (Де-)фокализированный имперфектив в ампар-кора	474
<i>Савельева Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Египетская топонимика в «Хронике» Иоанна Никиуского	476
<i>Семенова В. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Хроники эфиопских царей Такла Хайманоте II и Такла Гиоргисе I как возможные источники по локальной истории Тиграя (Эфиопия)	477
<i>Сидорова Г. М. (ДА МИД России, МГЛУ, ИАФР РАН, Москва)</i> Миграционные процессы и их влияние на международную безопасность	478
<i>Татаровская И. Г. (ИАФР РАН, Москва)</i> Вклад Д. А. Ольдерогге в изучение эпического предания о Сундьяте народов Западной Африки	481
<i>Фаттахова А. Р. (КФУ, Казань)</i> Африканская коллекция Этнографического музея Казанского университета	483
<i>Французов С. А. (ИВР РАН; СПбГУ, Санкт-Петербург),</i> <i>Хижнякова С. О. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Античные истоки арабских топонимов в Хронике Иоанна Никиуского	484
<i>Фролова Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва)</i> Типология элементов устного народного творчества в контексте их использования в современной поэзии Восточной Африки	485
<i>Холматова П. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)</i> Коранические амулеты как часть современной культуры хауса: результаты экспедиции в Нигерию (2018 г.)	487
<i>Хохолькова Н. Е. (ИАФР РАН, Москва)</i> «Вернувший Африке прошлое»: к столетию со дня рождения Шейха Анта Диопа	489
<i>Чикризова О. С. (РУДН, Москва)</i> Религиозная дипломатия Ирана в Африке	490
<i>Шатохина В. С. (ИСАА МГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва)</i> Лексико-семантическое поле «еда» в пословицах суахили	492
<i>Шитлов А. Ю. (ИВИ РАН; РУДН; Москва)</i> Ближневосточное направление во внешней политике Сьерра-Леоне в 1960-е гг.	493
<i>Юзмухаметов Р. Т. (КФУ, Казань)</i> О преподавании африканских языков в Казанском университете	495

<i>Abimbola Waliyullahi Damilola (Olabisi Onabanjo University, Nigeria)</i> An examination of the invisibility properties of an African breathing costume (masquerade)	497
<i>Beletskiy S. (Higher School of Economics, Moscow)</i> Morphology and Functions of Songs in Ihanzu Folktales	497
<i>Gromov M. (United States International University — Africa, Kenya)</i> The problems of Kenyan female youth in the novels of John Habwe	499
<i>Lyakhovich A. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Hausa print media of Northern Nigeria as a form of mass culture and communication	500
<i>Popov V. A. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> African colonial society: Theory and governance practices	501
<i>Rinkanya Alina (University of Nairobi, Kenya)</i> Image of the city in Kenyan women's literature after 2000	502

СЕКЦИЯ XIV • SECTION XIV

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА. ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д-РА ИСТ. НАУК О. Д. БЕРЛЕВА (1933–2000) И ПРОФ. Н.С. ПЕТРОВСКОГО (1923–1981) SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF THE ANCIENT NEAR EAST. READINGS IN MEMORY OF DR. HIST. SCIENCES O. D. BERLEV (1933–2000) AND PROF. N. S. PETROVSKIY (1923–1981)

<i>Анохина Е. А. (ГМИИ, Москва), Васильева О. А. (ГМИИ, Москва)</i> «Создание на века»: письма Берлева к Ходжаш (по материалам архива ГМИИ им. А. С. Пушкина)	503
<i>Бутягин А. М. (ГЭ, СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Мирмекийский клад статеров александровского типа в свете связей Боспорского царства и эллинистического Востока	505
<i>Демидчик А. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Ценность человеческой жизни в египетской религии Первого переходного периода и начала Среднего царства	507
<i>Емельянов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Упомянут ли обряд отверзания уст в текстах Гудеа?	509
<i>Еранин С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Имена собственные в клинописных текстах из государства Ларса времени правления Варад-Сина и Рим-Сина I (1834–1763 гг. до н. э.): опыт просопографического анализа	512
<i>Иванова С. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Мобилизация населения в условиях эскалации военно-политического конфликта между Эламом и Вавилоном (1765–1764 гг. до н. э.) по письмам посланника из г. Мари по имени Ярим-Адду	513

<i>Исакова А. С. (КФУ, Казань)</i>	
Понимание <i>dāta</i> - как закона в древнеперсидских надписях.	515
<i>Крол А. А. (МГУ, Москва), Толмачева Е. Г. (РПУ, Москва)</i>	
Предварительные результаты проекта по изучению и реставрации древнеегипетских саркофагов и мумий из коллекции Пермской государственной художественной галереи . . .	517
<i>Лаврентьева Н. В. (ГМИИ; ГИИ; Москва)</i>	
Описание древнеегипетских памятников в путевых заметках Е. Э. Картавцова и А. В. Живаго: взгляды авторов и судьбы рукописей	519
<i>Ладынин И. А. (НИУ ВШЭ; МГУ; Москва), Немировский А. А. (НИУ ВШЭ; ИВИ РАН; Москва)</i>	
Исторические сюжеты «Сказок папируса Весткар» в историко-легендарной традиции Египта	521
<i>Лопатин М. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Насекомые группы <i>nim</i> («мухи») в списках животных серии <i>Ura = ḥubullu</i> : стратегии классификации	523
<i>Макеева Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Надписи на гробе Аменхотепа I	525
<i>Немировская А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Откуда происходят памятники «ассирийского монументального искусства»?	527
<i>Николаев А. Н. (ГЭ, Санкт-Петербург)</i>	
К вопросу о датировке древнеегипетского картонажа ДВ-788 из Эрмитажа	529
<i>Орехов Р. А. (Центр египтологических исследований РАН, Москва)</i>	
К дискуссии о первоначальном расположении Мемфиса.	530
<i>Орлов В. П. (КФУ, Казань)</i>	
Правовая система Державы Ахеменидов: историография проблемы.	531
<i>Палагута И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Антропоморфные статуэтки ранних земледельцев Европы и их возможные библейские аналогии	533
<i>Рунг Э. В. (КФУ, Казань)</i>	
Понятие справедливости и законности в царских надписях Ахеменидов	535
<i>Сафронов А. В. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Маргиналии к тексту стелы JdE 60539	537
<i>Сизиков А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Литературные параллели книги Сираха и их значение.	539
<i>Сологубова М. В. (ГЭ, Санкт-Петербург)</i>	
Межкультурные взаимодействия на древнем Ближнем Востоке в I тыс. до н. э. на примере группы «львиных чаш»	542
<i>Томашевич О. В. (МГУ, Москва)</i>	
Начало египтологии в Санкт-Петербургском университете: 21 письмо О. фон Лемма к А. Эрману.	543
<i>Хапрова А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Примеры взаимопомощи в древнеегипетских письмах XXIII–XX вв. до н. э.	543
<i>Mescherskaya E. N. (SPbU, Saint-Petersburg)</i>	
Conceptions of God in the Wisdom of Ben Sira	545
<i>Mescherskaya E. N. (SPbU, Saint-Petersburg)</i>	
The high priest and temple worship according to the Wisdom of Ben Sira	546

СЕКЦИЯ XV • SECTION XV
 ЯЗЫКИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
 LANGUAGES OF ASIA AND AFRICA

<i>Алексеева М. Е. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Вариативность ассиметричного объектного маркирования в иврите: сравнительный аспект . . .	548
<i>Алиева К. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Средства выражения лимитативности в древнеуйгурском языке	550
<i>Арыджан Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Дуоминальные конструкции в романе Орхана Памука «Чумные ночи» и его перевода на русский язык.	551
<i>Воронина Л. А. (МГПУ, Москва)</i> Дрожащий /г/ и боковой /л/: две разные корейские фонемы или аллофоны?	554
<i>Газиева И. А. (РГГУ, Москва)</i> Анализ перевода средств художественной выразительности на хинди	555
<i>Грачева Ю. А. (ИКСА РАН, Москва)</i> Письмо гэба народа наси	557
<i>Дубровина М. Э. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Об особенностях функционирования форм страдательного залога в турецком и русском языках.	559
<i>Дудченко Г. Б. (НИЯК, Санкт-Петербург)</i> Методы комплектования базового набора китайских иероглифов	561
<i>Емельченкова Е. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Односоставное простое предложение в китайском языке	563
<i>Ивченко Т. В. (РГГУ, ВШЭ, Москва)</i> Еще раз к вопросу о простом и сложном предложении в китайском языке: критерии различения	566
<i>Камалова Ш. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О дополнительных конструкциях в языке древнетюркских рунических памятников.	568
<i>Кириллова А. А. (ЗАО «А-Лифт», Москва)</i> Животное или злой дух: о семантике термина šāḇīḡ в древнееврейском языке	571
<i>Кирюхина Л. В. (ИГУ, Иркутск)</i> О толковании лексических единиц в словаре Юань Жэньлиня.	573
<i>Костина Е. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Лекарева В. П. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Формы вежливости и обращения в романе Ш. Чоттопадхья «Дайте дорогу!» (<i>Pather dābi</i> , 1926).	576
<i>Кутафьева Н. В. (НГУ, Новосибирск)</i> Многозначность лексемы «один», семантика и способы ее выражения в японском языке.	578
<i>Кухарева Е. В. (МГИМО, Москва)</i> Отражение понятий «дом», «родина» в арабском менталитете	579
<i>Лебедева А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О санскритских больших числах в китайском языке	583
<i>Равшанов М. (НГГуТУ, Узбекистан)</i> Вопросы изучения квантитивности наречий в разносистемных языках.	584

<i>Савватеева Т. С. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Полипредикативные конструкции в паремиях на египетском диалекте и их функционально-семантические характеристики	585
<i>Ситдикова В. В. (МГПУ, Москва)</i> Влияние гендерного аспекта на использование форм вежливости в японском и корейском языках.	588
<i>Стрижак У. П. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Агентивные характеристики актантов в японских биноминативных конструкциях	588
<i>Хана Я. Ю.Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Обувь в арабской культуре: этнография и лексика	590
<i>Цыбенова Э. Б. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)</i> Лексические процессы в современном бурятском языке	591
<i>Чугунекова А. Н. (ХГУ, Абакан)</i> Заместительно-предпочтительные полипредикативные конструкции в хакасском языке (на материале пословиц и поговорок)	594
<i>Шуйская Н. М. (МГИМО, Москва)</i> Лингвистический анализ онимов современной иракской прозы (на примере романов «О Мария» Синана 'Антуна, 2012, и «Франкенштейн в Багдаде» 'Ахмада Са'ада, 2014).	596
<i>Юсупова Х. С. (ТГУВ, Узбекистан)</i> Особенности образования существительных при помощи аффиксов в современном китайском языке	598
<i>Ягафарова А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О формах именной сказуемости в древнеуйгурском языке	600

СЕКЦИЯ XVI • SECTION XVI

ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. А. ДОЛИНИНОЙ (1923–2017)

LITERATURES OF ASIA AND AFRICA.

IN MEMORIAM OF PROF. A. A. DOLININA (1923–2017)

<i>Аврутина А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Языковые особенности анекдотов «Бу Адам» Мехмета Тевфика и анекдотов о Ходже Насреддине на турецком языке.	601
<i>Брылёва Н. А. (КрасГАУ, Красноярск)</i> Сюй Вэй и его трактат «Наньцы сойлу» 南词叙录 как источник сведений о южной драме наньси 南戏	602
<i>Григорюк А. А. (ТГУ, Томск)</i> Инверсия эстетики Юкио Мисимы в аниме по манге «Уважаемый старший брат» Икэды Риёко	604
<i>Дана К. А. (ТГУВ, Узбекистан)</i> Образ Софьи Перовской в повести Ло Пу «Выдающаяся женщина»	606
<i>Дзевановский-Петрашевский В. М. (независимый исследователь, Санкт-Петербург)</i> Несколько слов об архиве семьи Долининых	608
<i>Донченко С. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Наименования «внутреннего человека» в песнях баулов	609

<i>Зельницкий А. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Предварительные замечания о содержании раздела «Небожители и даосы» (Сянь дао 仙道) собрания «Свод литературы, сгруппированный по родам» (И вэнь лэй цзюй 藝文類聚)	612
<i>Каримова Е. В. («ФинСофт ритейл», Новосибирск),</i>	
<i>Останин В. В. (АГАУ, АлтГУ, Барнаул),</i>	
<i>Суботялов М. А. (НГУ, НГПУ, Новосибирск)</i>	
«Упадешамрита»: феномен неявного цитирования.	614
<i>Кнорозова Е. Ю. (БАН, Санкт-Петербург)</i>	
К вопросу исследования вьетнамской традиционной поэзии в России	615
<i>Кузнецов А. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
Легенда об Урашиме Таро и «Манели» (1947) Нима Юшиджа: к проблеме литературных связей	617
<i>Лахути Л. Г. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Земля в поэтическом мире Хафиза	619
<i>Налич Т. С. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
Аллюзии на священную историю Ближнего Востока в романе Нагиба Махфуза «Аулад харатина»	621
<i>Николаева М. В. (ИВ РАН, МГЛУ, Москва)</i>	
Летопись арабов или зеркало души? К проблеме эволюции арабской поэтической традиции	622
<i>Осипова К. Т. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
Принцип многоголосья в современной арабской художественной прозе.	623
<i>Осокин А. В. (ИВ РАН, Москва)</i>	
О специфике «Комментария Мяофу-сюаня к “Записям о камне”» Чжан Синь-чжи и его месте в традиции комментирования «Сна в красном тереме»	625
<i>Охват Д. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Драматические жанры в кхмерской литературе середины XX века	627
<i>Рейснер М. Л. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
Автор и традиция в персидской и провансальской поэзии XI–XII вв.	630
<i>Репенкова М. М. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
У истоков современной турецкой фэнтези	632
<i>Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва)</i>	
С любовью о дурачинах, предателях и животных: ироничные рассказы о монастырской жизни в «Книге для сожжения» Ли Чжи	634
<i>Саидова Н. М. (ТГУВ, Ташкент)</i>	
Особенности развития саудовского реалистического рассказа во второй половине XX века	635
<i>Суворов М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Ранняя критика южнойеменского марксистского режима в национальной художественной прозе	637
<i>Фомичева С. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
«Идеальная» астрономия Ефрема Сирина (IV в. н. э.)	638
<i>Фролова М. В. (ИСАА МГУ, Москва)</i>	
Охота на ведьм: индонезийские криминальные хроники 1967 г.	639
<i>Хронопуло Л. Ю. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Влияние микропрозы Роберта А. Блоха на сверхкороткие истории современных японских писателей	641

<i>Цой И. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Образ кита в прозе современного южнокорейского писателя Чхве Инхо (1945–2013) (на примере романов «Марш дураков» и «Охота на кита»)	642
<i>Чжан Бин (Пекинский университет, Китай)</i> Междисциплинарная коммуникация китайской и русской литературы в ракурсе мировой литературы	644
<i>Donchenko S. S. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Vertical structure of Japanese fairy tales	645
<i>Lyakhovich A. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Modern society of Northern Nigeria in Abubakar Adam Ibrahim’s novel “Season of Crimson Blossoms”	647
<i>Murodova D. B. (Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan)</i> The Image of Flowers in Pak Vanso’s Novels	648
<i>Tsvetkova S. O. (SPbU, Saint-Petersburg)</i> Campaign of the army in the poem “Padmāvat” by Malik Muhammad Jāyāsī	654

СЕКЦИЯ XVII • SECTION XVII
ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА
WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS
IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES

<i>Барабанова Н. М. (МГИМО, Москва)</i> Арабские надписи на оружии и вооружении как знаковые системы, отражающие коммуникативные и духовные потребности владельцев	656
<i>Безруков Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Особенности законодательного регулирования современной государственной службы КНР	658
<i>Вишнякова И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Воспоминания иранских революционеров как источник по истории начального периода гражданской войны в Ливане (1975–1976)	660
<i>Горбаченко А. С. (УрФУ, Екатеринбург)</i> Лондон начала XX в. глазами японского писателя Ногуты Ёнэдзиро	661
<i>Долгова И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> «Китаб аль-Хайаван» — адаптация греческого наследия или самобытный трактат? Специфика зоологического труда аль-Джахиза на примере глав о ящерицах	662
<i>Жуков Д. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i> Роль женщин-шейхов в развитии суфийского движения на примере Фатимы из Кордовы (XII в.)	664
<i>Икизли Т. В. (ГАУГН, Москва)</i> Брачно-семейное право стран арабского мира	665
<i>Каленова В. А. (РНБ, СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> История христианской церкви Евтихия и ее продолжение Йахьи Антиохийского: две рукописи XV в. из собрания еп. Порфирия (Успенского) в Российской национальной библиотеке	666
<i>Кустов Д. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Произведение Али Дашти «Bist-o se sāl»	667

<i>Манцерева С. А. (НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
Ароматические вещества и благовония в диванах доисламских поэтов, Коране и хадисах	669
<i>Мехоношина С. И. (РГГУ, Москва)</i>	
Сведения из семейной истории индо-гаянцев как источник по социальной жизни членов индийской диаспоры в Гайане	671
<i>Мишина З. К. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i>	
Социально-экономические реформы в Ираке на рубеже IX–X вв.	673
<i>Николаева О. Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Влияние зороастризма на формирование иранской идентичности	674
<i>Родецкий И. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Специфика концепции истишхада в идеологии террористической группировки «ал-Каида на Аравийском полуострове»: на основе арабо- и англоязычных публикаций	676
<i>Сатучина С. Ш. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
«Тафсир сурь Йусуф» Сайида Али Мухаммада Ширази (БАБ) как акт интерпретации собственной реальности с помощью матрицы Корана	678
<i>Сахаров П. А. (КФУ, Казань)</i>	
Перспективы трудовой иммиграции рабочей силы из Турецкой Республики в ФРГ	679
<i>Травкин П. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Тиморско-индонезийский пограничный конфликт как фактор региональной дестабилизации	681
<i>Хамидова Н. С. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i>	
«История» Шанбала как старейший памятник в историографии Хадрамаута	683
<i>Чориев Ш. Х. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Художественные миниатюры в каджарской рукописи поэмы Джамии «Йусуф и Зулайха» из собрания Восточного отдела Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ	684
<i>Щербакова Т. Г. (ГАУН, Москва)</i>	
Правовые аспекты этноконфессиональных отношений в Палестине от арабского завоевания до конца османского периода	685
<i>Юшко Т. М. (НИУ ВШЭ, Москва)</i>	
Перспективы развития имажинистики и берберских исследований в России	686

СЕКЦИЯ XVIII • SECTION XVIII

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСЛАМА В РОССИИ SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY OF ISLAM IN RUSSIA

<i>Асадуллин Ф. А. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Восток в историческом наследии Москвы	688
<i>Бобровников В. О. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Шихалиев Ш. Ш. (ИВ РАН, Москва)</i>	
Открыли ли улемы России «врата иджтихада» в историографии ислама? (малоизученный аспект мусульманского реформаторства в Дагестане XX в.)	689

<i>Данилова В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Дигитальный ислам в России: образование и просвещение	690
<i>Заблוצкая О. А. (Издательский дом «Медина», Нижний Новгород)</i> К вопросу о деятельности Центра исламских исследований СПбГУ: обзор издательских и архивно–библиотечных проектов	693
<i>Имамутдинова З. А. (ГИИ, Москва)</i> Задачи и проблемы изучения религиозных музыкальных традиций мусульман России	694
<i>Рагозина С. А. (ИВ РАН, Москва)</i> Мусульманские соцсети: как анализировать «новые тексты» в исламском поле?	697
<i>Соболев В. Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Идейное разнообразие миссионерского исламоведения в России на рубеже XIX–XX вв.: Е. А. Малов, Н. П. Остроумов, П. К. Жузе	697

СЕКЦИЯ XIX • SECTION XIX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЯ И ВОСТОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ» ROUND TABLE DISCUSSION: “RUSSIA AND THE EAST: THE CURRENT STATE OF ARCS OF INSTABILITY SYSTEM”

<i>Алексеев А. К. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)</i> Протестные движения в Иране в 2017–2022 гг. и их воздействие на региональную безопасность	700
<i>Галбацова Ш. С. (ДГУ, Махачкала)</i> Россия и Иран: взгляд из Тегерана	702
<i>Забелла А. А. (РУДН, Москва)</i> Политика КНР в отношении стран Африки в период Covid-19	703
<i>Каткова Е. Ю. (РУДН, Москва)</i> Новые контуры развития диалога между Австралией и Китаем	705
<i>Колдунова Е. В. (МГИМО, Москва)</i> Конкуренция региональных проектов в Азии и проблемы стратегического партнерства России и АСЕАН	707
<i>Колотов В. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Основные параметры изменения ситуации в области безопасности вдоль евразийской системы дуг нестабильности	708
<i>Матвеев А. С. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Ближний Восток в рамках Евразийской дуги нестабильности: региональный и глобальный аспекты на современном этапе	710
<i>Федоров Н. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Особенности взаимодействия России с Сингапуром в новых геополитических условиях	714
<i>Фурсов К. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Железнодорожные проекты в Евразии сквозь призму геополитических теорий	716

СЕКЦИЯ XX • SECTION XX

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ
В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ АЗИИ И АФРИКИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "TRADITIONALISM
IN THE MODERN STATES OF ASIA AND AFRICA"

<i>Беркович Н. А. (РГПУ, Санкт-Петербург)</i> Историография курдского вопроса: этногеополитический и экзистенциальный дискурсы . . .	719
<i>Бочаров В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Традиция/Традиционализм» и власть	721
<i>Давыдов А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Институционализация диалога: власть и исламские религиозные организации в Республике Мали	723
<i>Ишутина Ю. А. (ДВФУ, Владивосток)</i> Феномен «диортоических» проектов современной китайской мифологии	724
<i>Мокрушина А. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Арабская социальная карикатура: острые проблемы общества в визуальной форме	726
<i>Струкова М. И. (ННГУ, Нижний Новгород)</i> Традиционализм в странах Азии и Африки в контексте деколонизации	728
<i>Урнер М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Оценка нового динамического тренда внешнеэкономической концептуальной структуры Турции на международной арене	730

СЕКЦИЯ XXI • SECTION XXI

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ:
ЛЮДИ, СУДЬБЫ, ИДЕИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: "INTELLECTUAL HISTORY OF ASIA:
PEOPLE, DESTINIES, IDEAS"

<i>Емельянов В. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> О типах мышления в древней Месопотамии	732
<i>Ермаченко И. О. (РГПУ, Санкт-Петербург)</i> Образы Востока в секретных донесениях и литературных текстах Л. В. фон Гойера	734
<i>Кикнадзе Д. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Мecenатская деятельность японского императора Го-Сиракава (1158–1192)	736
<i>Леленкова А. В. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Рабиндранат Тагор и его видение Японии и японского народа после революции Мэйдзи . . .	739
<i>Малашевская М. Н. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Неомарксизм и мир-системный анализ в Японии: «Структура мировой истории: от способов производства к способам обмена» Каратани Кодзин	741

<i>Михалев А. В. (БГУ, Улан-Удэ)</i> «Монголын товч түүх» как источник по исторической политике в революционной Монголии	743
<i>Розов В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> «Книга гороскопов мужчин и женщин» как пример рецепции астрологических идей в арабо-мусульманской культуре.	745
<i>Соколов О. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Идея угрозы мусульманскому сакральному пространству в арабской культуре Нового времени	746
<i>Шиплюк В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Токийское географическое общество: особенности становления и развития	747
<i>Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Цубои Сёгоро и идеи об общем происхождении японцев и айнов	749
<i>Yu Danhong (Xiamen University, China)</i> A comparison between Chinese “Harmony Culture” and Russia’s “Sobornost”.	751

СЕКЦИЯ XXII • SECTION XXII

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «РОССИЙСКИЕ КИТАЕВЕДЫ И КИТАЙСКИЕ КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕК РОССИИ»

ROUND TABLE DISCUSSION: “RUSSIAN SINOLOGISTS AND CHINESE BOOK COLLECTIONS OF RUSSIAN LIBRARIES”

<i>Елихина Р. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Личная коллекция В. Г. Гельбраса в Институте стран Азии и Африки МГУ	754
<i>Завидовская Е. А. (ИКСА РАН, Москва; БГУ, Брянск)</i> Иллюстрированные рукописные альбомы из собрания СПбГУ о провинциях Гуйчжоу и Юньнань как источники сведений о народонаселении и административном устройстве юго-западных провинций Китая эпохи Цин	756
<i>Лобанова Т. Н. (МГОПУ, Москва)</i> Китайские книжные коллекции Регионального центра китайского языка и китаеведения	758
<i>Лобачева В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Описание вопросительных предложений в российских миссионерских грамматиках XIX–XX вв.	760
<i>Лю Жомэй (Пекинский университет иностранных языков, Китай), Маяцкий Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)</i> Китайские книги З. Ф. Леонтьевского в библиотечных собраниях СПбГУ	762
<i>Маленкова А. А. (ИСАА МГУ, Москва)</i> Дальневосточные дневники А. Г. Шпринцина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки	763
<i>Муравьева В. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i> Чжу Си и его комментарии к памятнику «Лунь Юй» из собрания библиотеки СПбГУ	765

<i>Самойлов Н. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург), Маяцкий Д. И. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Серия календарей с дневниковыми записями члена 10-й Пекинской миссии в собрании библиотеки СПбГУ	.766
<i>Сторожук А.Г. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
Ксилограф «Ляо Чжай чжи и ту юн» 1886 года: перепечатки и подражания	.768
<i>Харитонова А. М. (СПбГУ, Санкт-Петербург)</i>	
«Полное собрание изображений мяо провинции Гуйчжоу» как источник по костюму народов провинции Гуйчжоу	.770
<i>Kharitonova A. M. (SPbU, St. Petersburg)</i>	
Educational books from the book collection of the diplomat P. K. Rudanovsky in the library of St. Petersburg State University	.772

Научное издание

**XXXII Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки:
Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ**

Материалы конгресса

**XXXII International Congress
on Source Studies and Historiography of Asia and Africa:
Russia and the East. Commemorating 300th anniversary
of Saint-Petersburg State University**

Proceedings

Отв. редакторы:

Н. Н. Дьяков, А. О. Победоносцева Кая, П. И. Рысакова

Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать 24.04.2023. Формат 70×100^{1/16}

Бум. офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 64.8. Тираж 300 экз.

Зак. № 453

Издательство Русской христианской гуманитарной академии

им. Ф. М. Достоевского

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15

Тел.: (812) 310-7929, +7 (981) 699-6595

E-mail: hgapublisher@gmail.com.

<http://rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)

190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

ISBN 978-5-907613-48-5

9 785907 613485 >